ЗАКОНЫ ИСТОРИИ И КОНКРЕТНЫЕ ФОРМЫ ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Проблемы истории докапиталистических обществ

КНИГА

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1968

В коллективном труде «Проблемы истории докапиталистических обществ» исследуются актуальные проблемы теории общественных формаций и всемирно-исторического процесса, подводятся предварительные итоги происходящей сейчас дискуссии по кардинальным вопросам истории первобытных, раннеклассовых и рабовладельческих обществ. Статьи сборника не претендуют на окончательное решение спорных проблем, но предлагаемые в них рабочие гипотезы представляют безусловно немалый научный интерес. Основываясь на новейших изысканиях, авторы используют и современные методы исторического исследования (моделирование, системно-структурный анализ и др.)

Книга рассчитана на историков, философов, экономистов, этнографов, востоковедов. Она привлечет внимание всех, кто интересуется проблемами общественного развития.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В. М. БАХТА, Л. С. ВАСИЛЬЕВ, М. Я. ГЕФТЕР, Л. В. ДАНИЛОВА (ответственный редактор), Н. Б. ТЕР-АКОПЯН

1-6-3
28-68(2)

ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВА И МНОГООБРАЗИЯ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

(введение к изданию «Законы истории и конкретные формы всемирно-исторического процесса»)

Настоящий сборник — первый в ряду готовящихся и намеченных к изданию книг, объединенных общим замыслом и названием: «Законы истории и конкретные формы всемирно-исторического процесса». Название достаточно широко, чтобы включить вопросы и темы, относящиеся к различным сторонам исторического развития человечества на всем протяжении от первобытности до ближних подступов к современности. Замысел более определенен. Он состоит в том, чтобы раскрыть содержание формулы, входящей в самое ядро материалистического понимания истории: *единство и многообразие,* точнее — *единство в многообразии всемирно-исторического процесса.* Отсюда и непосредственная, ближайшая задача: суммировать (в той мере, в какой это возможно) данные и результаты новейших исследований, рассматривающих основные типы общественных структур, которые сменяют друг друга в историческом процессе и вместе с тем сосуществуют и взаимодействуют в пределах разных эпох всемирной истории, а внутри них — в рамках отдельных стран и групп стран, образуя «ткань» *всей* эволюции в ее многообразных и неповторимых проявлениях.

Важность задачи, казалось бы, не требует объяснения. Решение ее составляет исходное условие всякой современной попытки научного познания как прошлого, так и нынешнего бытия человечества. Для марксистского обществознания эта проблематика традиционна. Однако есть обстоятельства, придающие ей в наши дни особенную актуальность и поворачивающие ее к нам новыми сторонами. Среди причин назовем прежде всего рост знаний. На изобилие и даже избыток информации жалуются обычно естествоиспытатели. У историка положение по видимости легче, но только в том случае (и даже здесь условно), если он ограничивает себя сугубо частной темой. Для историка же с большой буквы, т. е. для науки в целом, существует все возрастающая трудность освоения исследовательского материала. Причем объем этого материала увеличивается не только по мере приближения к современности. За последние десятилетия обновилась картина самого далекого прошлого. Успехи археологии, этнографии,

лингвистики и собственно исторического исследования позволили неизмеримо более конкретно представить истоки человеческой истории, воскресить цивилизации, которые фактически не существовали для науки XIX и даже начала XX в., прочесть заново многие страницы истории «классических» обществ древности и средневековья. Расширение источниковой базы сопровождалось — и это особенно важно — более глубоким проникновением науки в процесс общественной жизни, в природу социальных явлений, форм экономического, политического, духовного развития народов во все эпохи и на всех населенных континентах Земли.

Правда, и сегодня на карте истории остается немало «белых пятен». Степень изученности отдельных обществ и периодов весьма неравномерна. В ряде случаев исследование находится в стадии первичного накопления фактов или должно быть поставлено на принципиально иную основу (так, место африканистики времен колониального господства занимает история народов Черной Африки). Да и в любой области исторического знания существует множество конкретных проблем, ждущих разработки. Но мы можем с достаточным основанием сказать, что *главная* трудность состоит сейчас в сведении воедино уже добытых наукой данных и фактов, и от преодоления этой трудности зависит в конечном счете успех любого исследования. Количество и характер исследовательского материала — резко возросшая дифференциация представлений о стадиях и типах исторического развития отдельных народов и регионов мира — уже сейчас создают потребность в новом синтезе, новом качестве знания. В такие переломные моменты любой науке свойственно обращаться заново к своим фундаментальным понятиям и проблемам метода. Это и делает ныне марксистская историческая мысль, притом не только с целью приведения самое себя в соответствие с результатами исследования, но и с целью почерпнуть в собственном классическом наследстве новые ресурсы для дальнейшего развития.

И раньше, для того чтобы понять характер и специфику общественного строя того или иного народа в определенный момент его истории, исследователь должен был сравнивать, сопоставлять — не только с предшествующими и последующими стадиями развития этого же народа, но и с тождественными или близкими формами эволюции других народов. Однако опыт и прошлой, и современной историографии убеждает, что сопоставление само по себе — при всей ценности материала и сделанных исследователем наблюдений — остается ограниченным и, как правило, не идет дальше удачных или неудачных аналогий, сближений и противопоставлений по отдельным, хотя бы и важным, признакам, если в основе сравнения не лежит общий принцип и *строгий научный метод соотнесения различных социальных форм с этапами всемирно-исторического развития.* Соотнесение

это продуктивно тогда, когда в самом движении всемирной истории и смене его этапов прослеживается закономерный процесс, основу которого составляет деятельность людей в ее главной, определяющей сфере — производстве средств жизни и условий существования человечества, равно как развитие противоречий, которые, возникая в этой главной сфере, ищут разрешения во всех других и каждый раз как бы возвращают общество, но уже преобразованным, к своему исходному пункту, для того чтобы продолжить движение вновь и по-новому.

Создание такого метода составляет, как известно, великую заслугу Маркса. Материалистическое понимание истории — это продукт XIX века, нередко говорят наши оппоненты, желая представить мировоззрение марксизма столь же преходящим, как и условия, вызвавшие его к жизни. Нелепо было бы отрицать элемент преходящего в любом из самых крупных открытий человеческой мысли. Их бессмертие не в неизменности представлений и выводов, которые они первоначально содержат, но в том, что ими создаются новые направления исследования, революционизирующие науку и мышление в целом. До Маркса существовали и научное знание прошлого, и представление о всеобщности истории, ее прогрессе и «разуме», об историчности самого человека и человечества — без Вико и Гегеля (если называть самые крупные имена среди многих) нельзя представить себе генезис историзма Маркса. Но именно ему удалось соединить несоединимое в рамках прежнего мышления — историческое знание с «философской историей», создать *науку всемирной истории*. Материалистический историзм выдержал проверку временем в частности потому, что, раскрыв диалектику самодвижения общества, он открыл и секрет целостности, единства человеческой истории. Это уже не монизм наперед данного, выведенного из «чистой» мысли универсального взгляда, ищущего в исторических фактах только подтверждения. Это и не растворение исторической реальности, ее самостоятельности и своеобразия в абсолютных и неизменных законах социологии. Марксизм утвердил себя как философия истории и теория исторического познания, размежевавшись не только с гегелевским априоризмом, но и с позитивистским антиисторизмом и натурализмом. Абстракции Маркса — средство воссоздания, *реконструкции конкретного и развивающегося исторического целого*, а «метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его как духовно конкретное» [1].

Это значит в свою очередь, что марксистская методология менее всего напоминает рецептуру получения новых знаний. «Усвоение конкретного» именно потому, что усложняется и видоизме-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, стр. 727.

няется конкретное — историческая жизнь и историческое творчество людей, народов, классов,— с необходимостью требует и обновления содержания и формы «духовно конкретного», т. е. концепций, понятий и тем самым метода исторического познания. Было бы в высшей степени интересной и поучительной задачей специально рассмотреть эволюцию марксистской мысли, разрабатывающей теорию всемирно-исторического процесса, как развитие понятия «общественно-экономическая формация». Оно помогло Марксу открыть законы движения капиталистического общества и через генезис этого общества рассмотреть отличительные черты, связь и преемственность «форм, предшествующих капитализму». Формы же эти, как и формы самого капитализма, рассматривались одновременно логически и исторически. Опорными пунктами в строительстве концепции служили реальные, «земные» общества — типические как в результате наиболее зрелого воплощения в них «особой ступени в историческом развитии человечества», так и в силу наибольшей изученности их наукой того времени. Мысль шла от первоначального, во многом абстрактного представления об историческом процессе к развитой конкретности, теоретически осваивая и, таким образом, включая в себя богатство фактов — уже не единичных и изолированных, а элементов целого, движущихся внутри целого по его законам. Недостающие звенья, промежуточные ступени восполнялись до поры до времени с помощью гипотез, включение нового материала подтверждало, уточняло гипотезы или приводило к замене их, картина в целом внутренне усложнялась и менялась в существенных пунктах (достаточно указать на то громадное значение, которое имело для всей системы исторических взглядов Маркса и Энгельса открытие наукой в 1860-х — 1880-х годах первобытной формации, общинного строя у разных народов Азии, Европы и Америки).

При этом и Маркс, и Энгельс отнюдь не склонны были нивелировать различия в развитии и судьбе отдельных народов. Напротив, они подчеркивали, что один и тот же экономический базис, в зависимости от естественно-географических, исторических и т. п. условий, допускает различные вариации и типы развития. Для них было бесспорным, что самый закон прогрессивного движения всемирной истории — закон смены общественно-экономических формаций, как всякий закон, выражает только *ведущую тенденцию,* не вмещающую и не способную никогда вместить *весь* исторический процесс. «Разве феодализм когда-либо соответствовал своему понятию?»[2] — спрашивал в одном из последних писем Энгельс, разъясняя, что это обстоятельство — несовпадение эмпирической действительности с понятием — отнюдь не делает последнее фикцией, предупреждая лишь против

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 39, стр. 356.

замены самостоятельного исследования догматическим иллюстрированием. Спустя пять лет молодой Ленин, отвечая своему критику из числа ортодоксальных буквоедов, показал, что под видом защиты теории Маркса «грозный критик пятится назад, от анализа *конкретной исторически особой действительности* к простому списыванию Маркса»[3]. Сосредоточение на анализе исторически особенного, столь свойственное Ленину, выражало собой не одно индивидуальное качество. В этом состояла, как мы теперь хорошо понимаем, *линия* развития марксистского историзма, условие его сохранения и продолжения в обстановке глубоких перемен, назревавших в самой действительности и создаваемых прежде всего раздвижением границ исторического действия, географических и социальных, превращением относительно однотипной европейской революционности XIX в.— через великий октябрьский перелом — в мировой революционный процесс XX в. с громадным многообразием типов и форм последнего.

Неудивительно, что в наше время, когда эти перемены созрели, когда в *поступательное* движение истории включаются многие десятки народов, буквально все человечество, океан людей, бытие которых связано почти со всеми известными историческими укладами и общественными формами, и в проблеме «единства многообразия» акцент оказался передвинутым на вторую часть формулы — на *многообразие*. Жизнь стимулировала работу мысли, выявив вместе с тем с особенной отчетливостью трудности исторического познания.

Трудности эти разного свойства и масштаба. Одни из них можно условно назвать трудностями синхронизации. Опыт глобальных исторических построений, в том числе нашей десятитомной «Всемирной истории», показывает, насколько велико сопротивление необъятного и разнохарактерного материала при сведении его в нечто единое. Разумеется, это не только и не просто внешне-конструктивные затруднения. Наиболее глубокая причина — несовпадение в формах и ритме развития стран, народов, цивилизаций, несовпадение, которое в свете современного исследования оказывается куда значительней, чем предполагалось и признавалось раньше. Каждая формация выглядит все более многовариантной; ее полюса раздвигаются; ее изменчивые облики, переходные типы, сплошь и рядом размытые контуры и «неудобные» исключения, относящиеся притом к существенным моментам развития, создают нередко иллюзию невозможности объяснить их при помощи какой бы то ни было схемы. Противоречие между конкретным и общим «взрывается», возникает потребность найти их новое равновесие. Для марксистов проблема состоит прежде всего в усовершенствовании стадиального метода. Самое понятие «формации» на каждом крупном этапе развития науки

---

[3] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 615 (курсив наш.— *Ред.*).

должно, естественно, подвергаться исторической критике, вбирая в себя свежие пласты конкретного материала, обновляя свою логическую структуру, уточняя свои границы.

Другая сторона вопроса связана с общеизвестным фактом сосуществования качественно различных способов производства и форм жизнедеятельности (хозяйственной, политической, духовной) в рамках любой эпохи всемирной истории. Это понятие применяется в современной марксистской литературе как более широкое и многозначное, чем понятие формации. Ибо «эпоха» включает в себя не только доминирующие формации, но и формации архаичные и нарождающиеся, а также смешанные или ограниченно-локальные образования, она вмещает отклонения и нетипические пути развития, наконец, его тупиковые разновидности. Важно, однако, не ограничиться признанием одновременности существования на земном шаре различных исторических уровней, формаций и их вариантов. Следующий шаг и более высокая ступень познания: анализ взаимодействия разнотипных элементов эпохи, выяснение законов и «механизмов» этого взаимодействия для каждой ступени всемирной истории, рассматриваемой в целом как процесс *становления единства человечества.* С этой точки зрения, разделявшейся Гегелем и Марксом, всемирная история является особым организмом, не сводимым к простой сумме составляющих его частей. Это проблема содержания и критериев прогресса, его нарождения и развития внутри естественно-исторического процесса. Это вместе с тем проблема превращения отдельных обществ в звенья общечеловеческого движения, в том числе — возникновения классических форм и роли «исключений» в истории. Вряд ли можно оспорить, что именно эта проблема выдвинулась сейчас на первый план, а решение ее, требующее значительных теоретических усилий, обогатит историческое мировоззрение современного человечества и тем будет способствовать действительному, а не декларативному изживанию европоцентристских, восточноцентристских и аналогичных им старых и новых предрассудков.

Существуют и другие, связанные с названными, проблемы и трудности. Современная историческая, и шире — общественная мысль далеко не случайно возвращается к «тайне» возникновения человечества, всегда волновавшей умы. Есть в этом возвращении потребность, рожденная временем. Есть в нем и внутренняя логика развития науки, близко подошедшей к тому, чтобы реконструировать самое начало человеческой истории уже не в виде гипотетической исходной точки и отдельных разрозненных фрагментов, а как процесс постепенного и отнюдь не прямолинейного выделения человека из естественной среды путем формирования принципиально новых взаимоотношений его с этой средой. Для нынешнего подхода характерно стремление синтезировать данные разных отраслей знания, позволяющие постро-

ить более дифференцированную картину антропо- и социогенеза, показав и различие, и связь биологического и социального аспектов становления человеческого общества. Иными словами, речь идет о рассмотрении общества в качестве «открытой системы», функционирование которой нельзя представить вне экологических закономерностей (человек — элемент биосферы и через нее — более обширного космического целого), как нельзя себе представить эту систему без воздействия человека на свою среду: от первичных полуживотных, предчеловеческих форм приспособления к ней до активной, творческой деятельности, в XX веке соизмеримой — по своим масштабам и реальным, а в еще большей мере возможным результатам — с крупнейшими геологическими процессами и переменами планетарных режимов (В. И. Вернадский).

Если, таким образом, проблема единства человечества предстает в современном историческом познании в виде проблемы становления данной «открытой системы», то истоки многообразия следует, видимо, искать в разнохарактерности материала, добываемого у природы и определяющего собой формы человеческого существования через акт труда. Здесь — звено, которое исторически связывает естественное с социальным. Эта связь не утрачивается, а лишь видоизменяется во всем дальнейшем ходе истории, качественно различным образом преломляясь в отдельных составляющих общественной производительной силы.

Последний момент особенно важен для освобождения исторического мышления от вульгарно-технологических толкований этой категории, которая неизмеримо шире «орудий производства», ибо включает в себя совокупность условий и средств совместной деятельности и сотрудничества многих индивидов. А в эти условия входят также трудовые навыки и весь накопленный опыт предшествовавших поколений, эмпирический и научный, способы передачи этого опыта (от разговорного языка до наиболее усовершенствованных коммуникативных систем), меняющиеся потребности и обусловленные ими цели и стимулы труда и т. д. и т. п. Притом все эти условия составляют на каждой исторической ступени конкретное социальное целое, воплощенное в организации общественного производства, в формах разделения и кооперации труда. Поэтому и для науки, имеющей своим предметом «гражданскую историю», история производства не есть что-то внешнее только в том случае, если самое производство рассматривается со своей специфически человеческой стороны, как материализация социального. Прежде всего в этом смысле история становится разумной. И если даже попятные движения ее имеют социальные корни, то тем более социально обусловленными являются восходящие витки всемирно-исторического развития — «прогрессивные эпохи экономического формирования общества» (Маркс).

В этой сфере, сфере социального, совершается и переход к *собственно историческому многообразию* — многообразию «общественных организмов», развивающихся по своим внутренним законам. Очевидно, что при исследовании их уже нельзя ограничиваться суммарной характеристикой того или иного общественного строя. Особое значение приобретает сейчас анализ последнего как взаимодействия всех укладов и их отдельных сторон, с учетом роли промежуточных звеньев, микроструктур и их воздействия на господствующий уклад, т. е. всего того, что определяет не только *направление* развития, но и его *конкретный исторический тип.*

Недостаточно также признать определяющую роль «базиса» и обратное воздействие «надстроечных» явлений и процессов. Могут ли эти категории, ставшие неотъемлемым достоянием науки, оставаться безразличными к ее результатам и поискам? Трудность для исследователя состоит не только в асинхронности изменений, которые происходят в экономическом строе общества, с одной стороны, в его политической и духовной организации, с другой, и обычно совпадают лишь в конечном счете и в пределах больших эпох. Трудность и в разнохарактерности типов взаимодействия, в разительном — во множестве случаев — несовпадении его картины с западноевропейской «моделью», послужившей в свое время основой для выработки теоретических представлений. О размерах этой трудности дает представление современная дискуссия вокруг проблемы «азиатского способа производства». Но не она одна. Материал, которым располагает современная наука, позволяет ей более детально, чем в прошлом, рассмотреть разные варианты складывания социального, первичноклассового целого, разные и по своему генезису, и по «неожиданной» (в сравнении с вторичными классовыми формациями, и в особенности с капитализмом) последовательности возникновения элементов целого, таких, как отношения эксплуатации и классы, классы и частная собственность, функция управления и государство в собственном смысле, государство и классы. Дальнейшее движение всемирной истории, если применять к ней самый крупный масштаб (вплоть до современности), выравнивает многие из этих различий, создавая взамен другие и не устраняя неравномерности общественного развития в целом, которая отнюдь не ограничивается только экономической сферой. Сейчас особенно ощущается потребность в новых исследовательских и теоретических усилиях для того, чтобы выделить и объяснить специфические формы, в которых — на каждой последующей ступени развития человечества и отдельных его регионов — способ производства опосредуется в политические и идеологические институты, нормы сознания и поведения, через их своеобразие определяя облик данного общества, а тем самым и место его во всемирно-историческом движении.

В свою очередь тезис об активности надстройки может остаться простой констатацией, если оперировать со сплошной надстройкой (как и сплошным базисом), не проникая во внутренние, автономные закономерности развития отдельных общественных институтов и видов духовной деятельности. Без этого невозможен и следующий шаг: выяснение особых исторических условий и форм, в которых производное, идеальное начинает превращаться в первичное, материальное, видоизменяя и «очеловечивая» шаг за шагом, из поколения в поколение естественно-материальный процесс производства и воспроизводства непосредственной жизни. Это превращение проходит сквозь всю историю, но уже в рамках сложившегося общества, на почве свойственных ему противоречий и антагонизмов. Где, например, расположен класс — в базисе или надстройке? Вопрос кажется схоластическим, пока к самому понятию «класс» исследователь не подойдет конкретно, отделяя его предысторию — только объективное существование — от собственно истории, когда социальное размежевание общества достигает степени субъективного — более или менее зрелого, выявившего себя в идеях и действиях самоопределения классов и общественных групп. Это значит вместе с тем, что, лишь представляя себе процесс мировой истории развитием через взаимопереход и конфликт идеального и материального, мы можем до конца понять необходимость критических, революционных точек — эпох прогресса. И только с помощью такого анализа, охватывающего *все* «этажи» общественного здания, учитывающего как движение разума, передовых идей, так и сопротивление рутины, массовое сознание эпохи и высшие достижения культуры, переход мысли в действие и действия в мысль, историческая наука сумеет воссоздать картину развития единой и противоречивой духовно-практической деятельности человечества. Тем самым может быть выявлена в полном объеме степень влияния, которое освободительная мысль и борьба, умственные движения и социальные революции (в меру роста их масштабов, глубины, сознательности) оказывают, прямо или косвенно, на *всю* совокупность общественных связей и отношений: не только на характер смены формаций, но и на механизм внутриформационной эволюции, превращение одного типа ее в другой. Таким образом, многообразие истории не уменьшается, как *можно* было бы умозрительно предположить, при приближении ее к современности. Меняется *природа многообразия* и, соответственно, мысленного, теоретического отображения и освоения его, на что обращал еще внимание Маркс, говоря, что «наиболее всеобщие абстракции возникают вообще только в условиях богатого конкретного развития, где одно и то же является общим для многих или для всех элементов. Тогда оно перестает быть мыслимым *только в особенной форме*»[4].

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, стр. 730 (курсив наш.— *Ред.*).

Вероятно, и об особенном в истории следует говорить по крайней мере в двух смыслах: в одном — имея в виду изначально локальные отличия, обусловленные преобладанием стихийных, географических и естественно-исторических условий, взаимным отчуждением этнических групп и культур. Такой тип развития характерен для ранних эпох человеческой истории, но в ряде случаев и в силу определенных причин (господство традиционно-консервативных укладов и политических форм, воздействие извне со стороны завоевателей и колонизаторов и др.) он способен сохраняться длительное время и даже возрождаться в модифицированном виде в гораздо более зрелой обстановке. Ему противостоит полярно иной *тип* многообразия, порожденный в сугубо противоречивой форме капиталистической эпохой. Но объективная основа его шире. Это тенденция к интернационализации производительных сил, которая лишь с революционным превращением эксплуататорского общества в социализм может получить простор для своего естественного (хотя и не лишенного громадных трудностей и изломов) развития, когда каждая отдельная страна и группа стран выступает в качестве *национально особой и вместе с тем интегральной части всемирно-исторического процесса*. Изучение генезиса этого типа, как и переходных ступеней к нему,— одна из наиболее назревших задач современного марксистского исторического исследования, требующая в свою очередь решения ряда конкретных методологических проблем.

Среди них проблема *исторической среды*. Обычно выделяемая в отдельные области — международных отношений, экономических взаимосвязей, обмена духовными ценностями и синтеза культур, историческая среда должна пониматься шире: в совокупности своих составных частей и как в высшей степени активная сила, воздействующая не только на ход событий, включая иногда судьбу народов, но и на характер и форму их общественного развития. Можно ли совершенно однозначно определять «первичные» и «вторичные», «третичные» и т. д. образования, имеющие ряд общих им всем формационных признаков? Видимо, нет. Ибо каждое из «вторичных» и «третичных» образований — это живое общество, многими путями вбирающее и перерабатывающее достижения, опыт стран и народов, ушедших вперед. Причем переработка эта совершается не просто в соответствии с потребностями и внутренними условиями, социальными и этнонациональными особенностями тех, кто усваивает опыт,— она происходит в социальной и политической борьбе, сама становится (по крайней мере начиная с эпохи зарождения капитализма и, с особенной рельефностью, в новейшее время) моментом и фактором «*выбора пути*».

Но воздействие среды не исчерпывается этим, главным. Оно объясняет не только разные вариации и типы поступательного

движения в его «чистом» виде. Возникновение и утверждение нового строя в странах, составляющих авангард на данной ступени всемирного развития, видоизменяет так или иначе, раньше или позже, развитие и тех стран, общественный строй которых принадлежит к уже изжившим себя эпохам мировой истории. В одних случаях воздействие извне катализирует разложение старой организации, причем процесс распада нередко обгоняет, иногда на весьма длительный срок, зарождение и победу новых форм, создавая исследователю немалые трудности в определении социально-экономической доминанты данного общества. В других случаях старые режимы и классы приобретают возможность продлить на время и даже частично укрепить свое господство путем заимствования и ассимиляции нового, в результате чего появляются смешанные конкретно-исторические типы с самым различным соотношением прогресса и регресса.

В рамках классово-антагонистических формаций изменения, форсируемые средой, соединяются с ее же действиями, направленными на консервацию и даже реставрацию всякого рода социальных и политических реликтов: в интересах приостановки, ограничения начатого передовыми странами революционного процесса или с тем, чтобы облегчить победившему в этих государствах классу эксплуатацию стран и народов — «доноров» (последнее не только в целях собственного экономического развития и специфически колониалистского обогащения, но и для развращения «своего» народа, упрочения одновременно власти вовне и внутри). Без исследования этих аспектов воздействия среды современный историк лишен возможности воспроизвести картину движения капитализма как мировой системы во всех ее звеньях. Но в существенной мере это необходимо и при изучении более ранних цивилизаций и региональных «мировых» систем.

Очевидно, что в каждую эпоху всемирной истории существуют свои наиболее характерные типы взаимодействия внутренних и внешних условий эволюции, свои закономерности перехода внутренних условий во внешние, как и закономерности обратного перехода, роль которого все возрастает. Для нашей современности это одни из наиболее злободневных ее вопросов, вводящие в центральную проблему эпохи — превращения социализма, гегемонии пролетариата в интернациональную силу, рождающую не только новый тип связей и отношений между народами и государствами, но и новые формы и *порядок* мирового развития. Возможно ли и в какой мере «выпрямление» исторического пути пропуском целых стадий, которые были пройдены в свое время передовыми странами? Какую роль в восполнении развивающимися странами недостающих внутренних условий для быстрого прогресса играет сейчас историческая среда? Каковы предпосылки и пути интернационально-революционного, социалистиче-

ского и демократического решения общечеловеческой задачи устранения «ножниц» в уровнях развития? И с той же проблемой, проблемой среды, связаны в конечном счете также поиски возможностей революционного превращения высокоразвитого буржуазного общества в социалистическое через ряд промежуточных стадий и фаз, для которых в прошлом, в том числе и в недавнем прошлом, не было еще необходимых внутренних и всемирных условий. Наконец, с этой проблемой связан и вопрос о резервах, остающихся у капитализма, в том числе — о возможностях, создаваемых утилизацией некоторых частичек социального прогресса, которые завоеваны на принципиально иной основе и в борьбе с капитализмом.

Проблемы эти новы. Жизнь подтвердила многие из замечательных, но отодвинутых временем предвидений классической марксистской мысли и вместе с тем привнесла в них много неожиданного, оригинального, крайне противоречивого и сложного. Может показаться, что менее всего оправдано участие в обсуждении этих проблем историка. Но нет. Именно новизна и быстрота совершающегося требует проникновения в наиболее глубокий, подспудный процесс вызревания нового, в его тенденции и альтернативные возможности. Не путем простых аналогий, а прежде всего обогащением методологии исследования, освобождением исторического мышления от шор однозначности, от чужеродного марксизму фаталистического взгляда и абсолютизирования особенностей какой-либо одной полосы и формы общественного прогресса историческая мысль может внести свой вклад в идеологический арсенал современного коммунистического, революционного, освободительного движения. И она сама при этом останется в выигрыше: обогащение мышления раздвинет кругозор, обострит взгляд, пополнит инструментарий исследования более тонкими средствами анализа, особенно нужными там, где наука вступает в свою высшую сферу, сферу исторического синтеза.

Можно сказать, что на каждом большом этапе развития материалистического понимания истории оно как бы заново утверждает и свой монизм. Если с этой точки зрения подойти к современному состоянию исторической науки, то окажется, что свойственное ей тяготение к «систематике» общественных форм, выявленных у всех народов в их историческом развитии, к воспроизведению многоплановости движения истории в разные эпохи (с параллельным, но взаимосвязанным существованием ряда «моделей» этого движения) представляет собой явление нормальное, естественное. Это не отход от исторического материализма, от его концепции единства всемирной истории, а накопление необходимых предпосылок для «возвращения» к первой части формулы — *единства* многообразия, но на новом уровне знания и самого исторического процесса.

Возможности отхода, очевидно, не исключены. Они рождаются, в частности, противопоставлением «процесс» *или* «структура», которое столь характерно сегодня для ряда направлений западной немарксистской социологии и историографии и от которого не свободны подчас и исследователи-марксисты. Противопоставление же это нельзя просто устранить. Его надо «снять» движением науки, рассматривающей генезис и структуру не в качестве антиномий, а как необходимые аспекты исследования, отражающие свойства, черты самого исторического развития. Ибо на каждой ступени истории человечества сталкиваются тенденция к устойчивости, «затвердению» и увековечению данного состояния с тенденцией к обновлению, к сохранению и умножению плодов цивилизации изменением унаследованных общественных форм [5]. Таким образом, «структура» может быть раскрыта и объяснена лишь исторически, как момент движения, который в свою очередь представляет не осуществление предуготованного, а *равнодействующую* общественной борьбы, столкновения человеческих интересов и воль, превративших в историческую реальность один из объективно возможных вариантов данного пути. Нужно развивать, усовершенствовать методы раскрытия этого — по-разному для разных исторических эпох.

Естественно, что осуществление задач, о которых идет речь, не может явиться само собой. Оно добывается творческим поиском, рождается в спорах, в столкновении мнений, гипотез, подходов. Надо ли говорить, что единство мировоззрения, общей платформы у историков-марксистов предполагает атмосферу исканий и дискуссию; противоположный взгляд означал бы, что приверженцы материалистической диалектики исключают из сферы ее действия свои собственные представления и научные идеи, т. е. изменяют сами себе.

Не лишне, однако, напомнить, что органичная марксистской мысли способность к самокритике и обновлению, являясь условием ее движения вперед на собственной основе, служит единственно надежным средством как против догматического омертвления, так и против релятивистского «самоедства», против поверхностного отвержения всех прежних идейных и научных завоеваний (либо в результате неумения ассимилировать новое, либо в погоне за «модным» словом). Гносеологический корень в том и другом случае один: неподготовленность к самостоятельному решению проблемы соотношения абсолютной и относительной истины. А для решения ее недостаточно просто философской грамотности. Никто также не изобрел и вряд ли когда изобретет прибор, способный вовремя просигнализировать момент устарения верной (в известных рамках и на определенной ступени

[5] См. Письмо К. Маркса П. В. Анненкову 28 декабря 1846 г.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 27, стр. 403.

познания) идеи и точно обозначить границы относительности истины. Эта относительность выясняется внутри науки, преодолением движущих ее противоречий, но в еще большей мере выясняется практикой, историческим опытом, в свою очередь учтенными мыслью и включенными в *состав науки* — ее проблем, понятий, логических форм и средств.

Именно здесь пролегает и наиболее глубокая грань, отделяющая марксистскую мысль от немарксистской. Конфликт идей в современную нам эпоху все в большей мере сосредоточивается вокруг центрального пункта — возможностей познания законов всемирно-исторического развития и возможностей овладения этими законами в интересах настоящего и будущего. Поскольку трудности, испытываемые историческим знанием, имеют объективную почву, на них так или иначе реагируют все его направления — в соответствии со своей социальной природой, исходными теоретическими позициями, местом в общественной жизни и борьбе.

Немарксистская мысль остро — вероятно, острее, чем когда-либо,— ощущает недостаточность средств и возможностей для синтезирования громадного исследовательского материала, позволяющего реконструировать прошлое в его многообразном единстве. Отсюда и напряженность поисков и принципиальная ограниченность их выбором между двумя внешне отличными, но внутренне связанными решениями, воссоздающими прежний порочный круг. *Либо* отрицание универсальных закономерностей всемирно-исторического процесса (будь то отрицание в духе откровенного иррационализма и релятивизма или в виде плюралистских и неоциклических концепций, теорий замкнутых, вневременных и внесоциальных культур и т. д.), *либо* возвращение к идее прямолинейного прогресса, ныне трактуемого по преимуществу в технологическом плане.

Этот дуализм выявляет себя далеко не в чистом виде, разные полюсы его совмещаются, иной раз весьма причудливо, в «гибридных» концепциях и опытах всемирно-исторического построения. Не менее сложна, чересполосна общественно-политическая ориентация авторов разных концепций. Так, во взглядах некоторых приверженцев циклизма ясно слышится гуманистическая нота, стремление объяснить себе и другим такие «изломы» и злобные парадоксы истории, как фашизм и расизм с их злодеяниями и реальной опасностью возвращения человечества вспять. И напротив, в иных концепциях «экономического роста» нетрудно проследить новую (и достаточно серьезную) попытку сознательных противников социализма повернуть против него его же материалистическое мировоззрение, но вульгаризованное, начисто лишенное революционности и действительного историзма, в конечном счете призванное придать научную видимость идее прекращения развития человечества на «совре-

менном индустриальном обществе». Это, кстати, лишний раз доказывает, насколько методология «экономического материализма» чужда и противоположна марксистской, ленинской.

Опыт идеалистического, немарксистского историзма небесполезен для марксистов, притом не только в том смысле, что в пределах этого направления идет, в весьма противоречивой форме, накопление знаний. В этом опыте отражается также и размежевание сил, назревание предпосылок идейной группировки, которая выходит за пределы профессиональной науки и связана с решением задачи, в которой сходятся все нити, все проблемы современности: создания подлинного единства человечества, которое несовместимо с сохранением любой формы гнета, господства человека над человеком. Историки-марксисты и свое исследование, и свой диалог с добросовестными, заинтересованными в истине представителями немарксистской мысли рассматривают под этим решающим углом зрения. Потому и проблему всемирно-исторического синтеза они ставят в центр своих занятий, памятуя слова, сказанные творцами материалистического понимания истории в их первом совместном труде: «Пролетариат может существовать... только *во всемирно-историческом смысле,* подобно тому как коммунизм — его деяние вообще возможно лишь как всемирно-историческое существование. А всемирно-историческое существование индивидов означает такое их существование, которое непосредственно связано со всемирной историей» [6].

Таковы некоторые соображения, которыми руководствовались, предпринимая настоящее издание, его инициаторы — сектор методологии истории Института истории Академии наук СССР и актив исследователей, тяготеющих к теоретическим проблемам всемирной истории. Естественно, что эти соображения представляют собой наиболее общую канву работы. Заранее можно сказать, что даже в ряде книг удастся охватить только небольшую часть проблем. Освещение их по необходимости будет носить избирательный характер, определяясь состоянием изученности отдельных вопросов и авторскими интересами.

В последующих книгах имеется в виду продолжить освещение дискуссионных проблем ранних эпох человеческой истории, особенно генезиса классовых обществ, а также рассмотреть круг вопросов, связанных с типологией феодализма и капитализма, многообразием общественных форм, представляющих исходную историческую базу для движения современного человечества к коммунистической формации. Опыт этого движения — опыт Советского Союза и молодых социалистических стран — представит самостоятельную тему, ждущую комплекс-

---

[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 35.

ной разработки, прежде всего в плане соотношения общего и особенного, и вместе с тем анализа реального поиска принципиально иных, по существу и по форме, путей развития цивилизации, пересоздания основ социальных отношений и взаимосвязей людей.

Статьи и работы, объединенные этим общим замыслом, будут, разумеется, различны по жанру: некоторые примут более общий, отчетливо выраженный теоретический характер, в других проблема будет как бы растворена в конкретном анализе. Хотелось бы, чтобы в целом издание отразило состояние и некоторые итоги работы марксистской исторической мысли, итоги на *данный* момент, и посильно способствовало ее дальнейшему развитию. Известным залогом этого является участие в настоящем и подготавливаемых сборниках широкого круга исследователей, представляющих разные течения и школы советской исторической науки, а также зарубежных историков-марксистов. Этим может быть, на наш взгляд, достигнута еще одна цель: нарастающему процессу специализации историков, который, будучи закономерным и неизбежным, имеет и свои очевидные теневые стороны, противопоставить объединяющее, интегрирующее начало, естественная база которого — коллективная разработка актуальных проблем теории всемирно-исторического процесса.

Сектор по разработке
методологических проблем истории
Института истории АН СССР

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга посвящена актуальным теоретическим проблемам докапиталистических стадий общественного развития. Это прежде всего проблемы возникновения человеческого общества, природы социальных связей и движущих сил развития в первобытную эпоху, путей становления цивилизации, классов и государства. Та или иная интерпретация названных проблем самым тесным и непосредственным образом связана с общим пониманием исторического процесса, с философией истории. Недаром со времени возникновения марксизма вокруг этих проблем ведется непрекращающаяся идейная борьба. И в среде марксистов они не раз оказывались предметом научной полемики. Оживленная дискуссия по ним, захватившая советских историков, а также широкие круги зарубежных историков-марксистов, развернулась в последние годы.

Главная причина дискуссии — необходимость теоретического осмысления массы вновь открытых фактов. В результате новейших исследований стало очевидным, что традиционная схема классификации и периодизации докапиталистических обществ перестала удовлетворять специалистов. Это ставит перед учеными задачу поиска новой, более совершенной рабочей схемы, опираясь на которую исследователи могли бы более глубоко анализировать, систематизировать и обобщать фактический материал.

То обстоятельство, что дискуссия выросла из внутренних потребностей исторической науки, предопределило ее широкие масштабы и творческий характер. Отличительной чертой происходящей сейчас дискуссии является опора выдвигаемых точек зрения на большой и разносторонний материал. Дискуссию ведут специалисты.

Начавшись с обсуждения отдельных крупных проблем (антропо- и социогенез, соотношение рода и первобытной общины, характер раннеклассовых государств, генезис феодализма, роль рабовладения в античном мире и т. д.), дискуссия переросла в обсуждение краеугольных положений общей теории докапиталистических обществ. На первый план вышли такие вопросы, как вопрос о принципах периодизации всемирно-исторического процесса, о критериях формационного деления и качественном отличии разных стадий общественного развития.

Включаясь в дискуссию, коллектив, подготовивший настоящее издание, ставил своей целью, во-первых, дать читателю возможно полную и всестороннюю информацию об основных концепциях и гипотезах, выдвинутых в последнее время в области теории докапиталистических обществ, а во-вторых, выделить из многих дискутируемых проблем наиболее крупные и существенные, от разработки которых зависит направление дальнейших исследований. По отдельным спорным вопросам авторы настоящего издания предлагают собственные варианты решения, отличные от тех, что выдвигались в ходе дискуссии. Некоторые из уже высказанных в печати или устно гипотез и точек зрения получают здесь дополнительное теоретическое и конкретно-историческое обоснование.

Считая разнообразие точек зрения нормальным и желательным явлением в развитии дискуссии — ибо только свободный обмен мнениями является залогом успешного решения спорных вопросов,— редколлегия привлекла ученых, выступающих по одним и тем же проблемам с разных позиций. В книге участвуют, например, Н. А. Бутинов, В. М. Бахта, В. Р. Кабо, Ю. В. Маретин, считающие род и общину разными институтами первобытного общества, отрицающие производственный характер родовых отношений. Здесь же предоставлено слово их активному оппоненту Ю. И. Семенову, выдвигающему ряд новых и оригинальных аргументов в пользу концепции, отождествляющей первобытный род с производственным коллективом. Таким образом, полемика идет внутри издания. Это научный спор в рамках единого диалектико-материалистического мировоззрения. Всех его участников объединяет подход к развитию общества как к естественно-историческому процессу восхождения от низших форм к высшим, как к процессу прогрессивной смены стадий общественного развития.

Все авторы руководствуются основополагающим принципом марксизма о примате способа присвоения материальных благ в жизни общества. Полемика ведется вокруг оценки конкретных форм, в каких совершается поступательное движение человечества на докапиталистических стадиях (число этих стадий, их последовательность, обусловленность конкретной естественно-исторической и географической средой и т. п.).

Первая книга издания содержит статьи, которые можно было бы разделить на два тематических цикла. В одном из них дебатируются спорные проблемы первобытных, в другом — раннеклассовых и античных обществ.

В центре первого цикла статей — соотношение естественного и социальных факторов на ранних ступенях истории человечества, существующий там способ присвоения жизненных средств, а также обусловленные им специфика экономических отношений и формы социального общения, периодизация первобытных стадий общественного развития.

На фактическом материале, относящемся к отсталым народам Австралии, Океании, Индонезии, Юго-Восточной Азии, Африки, обсуждается остро вставшая в последнее время проблема генезиса семьи, рода, общины и других институтов первобытного общества и соответствующих им социальных связей. Участники издания считали важным выявить последовательные стадии и различные конкретно-исторические типы первобытной общины, ее взаимосвязь с родовой организацией. Специальная статья посвящена классификации кровнородственных связей, составляющих один из важнейших типов социальных отношений в доклассовом обществе.

Анализ этих проблем предваряется обстоятельной характеристикой воззрений К. Маркса и Ф. Энгельса на доклассовое общество. Особое внимание в статьях по первобытности уделено выдвинутому в свое время классиками марксизма положению о наличии двух типов материального производства (производства человека как такового и производства средств к жизни).

В фокусе статей о послепервобытных докапиталистических обществах — становление классов и государства. При разработке комплекса проблем, связанных с этой темой, главное внимание авторов сосредоточено на обусловленности процесса разложения первобытного и возникновения классового общества раз-

витием производительных сил и общественного разделения труда. В книге выявляется многообразие конкретных форм этого процесса, вызванное различием естественно-географической и исторической среды и, наконец, эпохи, в какую он протекал. В качестве иллюстрации приводятся разные этапы и модификации раннеклассовых обществ. Здесь охарактеризованы одна из начальных ступеней перехода от доклассового общества к классовому, представленная древнегерманскими племенами, племенными объединениями Тропической Африки, а также более развитые политические образования раннесредневековой Европы, древнего Востока, Юго-Восточной Азии, проявляющие отчетливые тенденции перерастания в рабовладельческие или феодальные общества. Интересный материал для раздумий над общими закономерностями раннеклассовых обществ и спецификой, зависящей от конкретных условий, дает статья об общественном строе древнемонгольских кочевых племен.

Большое внимание в книге уделено проблеме перехода от потребляющей экономики, т. е. от простого присвоения даров природы, к производству продуктов, не находимых в природе в готовом виде. Этот переход повлек за собой коренные изменения в общественной организации. В книге объясняется, почему этот величайший прогресс в истории человечества, заложивший основы цивилизации, породил социальную структуру, основанную на отношениях господства-подчинения, эксплуатации человека человеком, фактическом и юридическом неравенстве.

В книге широко обсуждается поставленная Марксом проблема деления истории человечества на две крупные стадии, или формации (первичную и вторичную), в основе которых лежат принципиально различные типы общественных связей и каждая из которых в свою очередь подразделяется на ряд сменяющих друг друга ступеней.

В некоторых статьях поднимается активно обсуждаемая в современной социологической литературе проблема сосуществования и последовательной смены различных типов социальных связей, их взаимодействия между собой и общественной структурой в целом, формы включения индивида в общественную связь.

Книга содержит обзор основных направлений и точек зрения, представленных в нынешней дискуссии по теоретическим проблемам докапиталистических формаций.

Участники издания рассматривают высказанные ими мысли и идеи как предварительные рабочие гипотезы, которые требуют дальнейшей проверки на более широком и разностороннем фактическом материале, но которые тем не менее смогут оказаться полезными для разработки дискутируемых проблем.

Главная задача настоящего издания — выявление общих закономерностей исторического процесса на докапиталистических стадиях общественного развития. Но коль скоро эти общие закономерности проявляются в специфических конкретных формах, варьируются и модифицируются в зависимости от естественно-географической и исторической среды, было необходимо привлечь материалы по большому числу докапиталистических структур, имевших место в различных регионах мира, в разные исторические эпохи. В связи с этим редколлегия подготовила вторую книгу, где продолжено обсуждение важнейших теоретических проблем докапиталистических обществ, а также описаны новые варианты раннеклассовых государств, в том числе раннеклассовые государства американского континента и древней Руси. Наряду с советскими специалистами в ней принимают участие наши коллеги из зарубежных стран.

* *

Авторский коллектив настоящего издания составлен из историков, философов, этнографов и востоковедов. Большинство авторов уже выступало в дискуссии. В частности, они приняли активное участие в диспутах об азиатском способе производства, имевших место в ряде гуманитарных институтов АН СССР, а также в работе сессий Научного совета по изучению закономерностей исторического развития общества и перехода от одной формации к другой, посвященных этой проблеме и важнейшим теоретическим проблемам истории человечества на первобытной стадии развития [1].

Рукопись книги обсуждалась на расширенном заседании сектора методологии истории Института истории АН СССР 25—26

---

[1] Имеются в виду дискуссии по проблеме азиатского способа производства, проведенные в институтах Академии наук СССР: Институте философии (24 декабря 1964 г.), Институте истории (14—16 марта 1965 г.) и Институте народов Азии (27—28 мая 1965 г.), а также обсуждения в секции по изучению закономерностей истории развития первобытнообщинного и рабовладельческого обществ (декабрь 1967 г. и 29 февраля — 1 марта 1968 г.) и в секции «Генезис и развитие феодализма» (май 1966 г.).

июня 1966 г. Редколлегия и авторы считают своим приятным долгом выразить признательность Е. М. Жукову, Б. А. Рыбакову, Ю. В. Бромлею, С. А. Токареву, В. А. Карпушину, Ю. М. Гарушянцу, Я. А. Левицкому, С. Л. Утченко, К. К. Зельину, В. М. Далину, В. А. Никифорову, Л. В. Черепнину, В. Т. Пашуто, К. Н. Тарновскому, А. Я. Авреху, А. А. Сванидзе, Б. Ф. Поршневу, В. Ф. Зыбковцу-Атрощенко, С. А. Арутюнову, Ю. П. Аверкиевой, Н. А. Жуковской, А. И. Першицу, Д. Д. Тумаркину, С. Б. Рождественской, И. Я. Златкину, Н. П. Шастиной, К. Н. Яцковской, Л. Б. Алаеву и другим рецензентам, которые своими критическими замечаниями способствовали работе над книгой.

Редколлегия благодарит сотрудника Института этнографии АН СССР С. Б. Рождественскую, а также сотрудников Института истории АН СССР О. А. Афанасьева, Е. И. Данциг, В. В. Кабанова и других товарищей, выполнивших, в том числе на общественных началах, научно-техническую подготовку рукописи к обсуждению и печати.

Редколлегия

Л. В. ДАНИЛОВА

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ

В последние годы в общественных науках прошли оживленные дискуссии, посвященные важнейшим теоретическим проблемам истории докапиталистических обществ. Среди них в первую очередь следует назвать дискуссии о движущих силах антропо- и социогенеза, соотношении первобытной общины и рода, а также соответствующих им социальных связях, о природе так называемых варварских государств, генезисе феодализма, роли рабовладельческого способа производства в античном мире и, наконец, получившую особенно сильный резонанс в науке дискуссию об азиатском способе производства [1]. В центре полемики оказались периодизация докапиталистической стадии развития, классификация существующих здесь социальных структур, факторы, вызывающие поступательное движение на разных ступенях общественной эволюции, механизм перехода от низшей ступени к высшей, пути становления классового общества. В итоге отдельные дискуссии вылились в обсуждение общих закономерностей развития докапиталистических обществ и специфики их проявления у разных народов и в разные исторические эпохи.

Подход к истории человечества как к естественно-историческому процессу прогрессивной смены общественных форм вытекает из самого существа марксистского учения о развитии общества. Однако конкретная схема ступеней общественной эволюции (число этих ступеней, их последовательность) и основанная на ней концепция всемирной истории определяются не только теорией. В какой мере они адекватны действительности — это зависит и от достигнутого наукой уровня исторических знаний. Процесс познания протекает как восхождение от конкретной истины к истине абстрактной, от неполного знания к более полному. Каждый заметный сдвиг в накоплении фактического материала неиз-

[1] Следует заметить, что эти дискуссии охватили не только советскую, но и зарубежную марксистскую историческую науку. Дискуссия об азиатском способе производства на нынешнем ее этапе была начата по инициативе французских ученых, членов Центра марксистских исследований в Париже.

бежно влечет за собой пересмотр старых представлений, рождает новые концепции и гипотезы.

Учение К. Маркса и Ф. Энгельса о развитии общества было создано на базе передовой науки прошлого столетия. Оно явилось обобщением революционной практики того времени. Ход истории подтвердил действенность марксистского теоретического метода, правильность общей концепции развития человечества. Но в трактовку отдельных конкретных вопросов жизнь неизбежно вносит уточнения и изменения. Время создания марксистского учения об обществе и современность разделены целой исторической эпохой, в течение которой произошли колоссальные перемены в судьбах мира. Перед человечеством возникло много новых проблем, какие не стояли перед создателями марксистской теории и на какие, естественно, нельзя найти ответа в их трудах. С тех пор во много раз расширила свои горизонты наука. В частности, умножились сведения о ранних ступенях человеческой истории. При жизни Маркса и Энгельса обстоятельно изучалась история Европы, причем античность была крайней хронологической гранью исторических исследований. Наука о первобытности делала еще первые шаги. Знакомство с неевропейским миром едва начиналось. Массовые данные о государствах древнего и средневекового Востока появляются только с развитием археологии и других вспомогательных исторических дисциплин в конце XIX в. Следует отметить, что сами Маркс и Энгельс не считали все свои построения неизменными. Они постоянно возвращались к ранее рассмотренным вопросам и вносили изменения в выводы, если обнаруживалось их несоответствие вновь открытым фактам.

Размах и острота происходящих ныне дискуссий по теоретическим проблемам докапиталистических обществ во многом объясняются тем обстоятельством, что в течение длительного времени в этой области знания конкретные исследования ограничивались пятистадийной схемой общественно-экономических формаций (первобытность, рабовладение, феодализм, капитализм, коммунизм) в том виде, в каком она была выдвинута в ходе методологических дискуссий конца 20-х — начала 30-х годов. Предложенная в качестве рабочей гипотезы схема представляла собой определенную интерпретацию марксистского учения о стадиях исторического развития. Со временем более углубленное изучение наследия классиков марксизма и расширение научных исследований потребовали уточнения схемы, особенно применительно к послепервобытным докапиталистическим структурам. Согласно схеме, эти структуры рассматривались в качестве либо рабовладельческих, либо феодальных. Однако конкретный материал и его теоретическое истолкование чем дальше, тем больше вступали в противоречие.

Для своего времени создание названной схемы означало немалое достижение теоретической мысли. Схема содействовала

утверждению представлений о развитии общества как закономерном и познаваемом процессе. Она подчеркивала единство всемирно-исторического процесса (и в смысле наличия общих закономерностей, и в смысле взаимодействия между отдельными частями человечества). Основанная на изучении западноевропейского исторического опыта схема, тем не менее, давала ключ к объяснению всемирной истории в целом. Со времен античности Европа стала тем историческим центром, развитие которого определило прогрессивные эпохи в истории всего человечества. Возникшие впервые именно в Европе капитализм и социализм коренным образом воздействовали на ход всемирной истории, изменили направление общественной эволюции во всех частях земного шара.

Но при том уровне знаний, какой существовал при разработке схемы, называемые ею число и последовательность формаций были распространены на все страны и народы. Именно эта сторона схемы стала впоследствии источником трудностей. Не следует забывать, что в годы, когда проходила первая дискуссия и разрабатывалась концепция всемирно-исторического процесса, советская историческая наука еще только осваивала марксистско-ленинское наследство. Публикация трудов Маркса и Энгельса не была завершена. Многие их произведения, чрезвычайно важные для понимания их воззрений на развитие общества, оставались в рукописи и не были доступны широкому кругу специалистов. Не существовало тогда и такой мощной источниковедческой базы, какая имеется в настоящее время.

Общепризнанная схема, как говорилось выше, исходит из исторического опыта Европы. Вовлечение в научный оборот материалов по истории народов других континентов выявило ограниченность подхода к всемирной истории как к однолинейному процессу. Стало очевидным, что при общей закономерности движения человечества от доклассового общества через антагонистические формации к коммунизму конкретные пути этого движения различны. Характерная для Средиземноморья и связанных с ним общностью исторической судьбы территорий последовательная смена первобытного и рабовладельческого обществ феодальным, а затем капиталистическим в остальных регионах мира (да даже и в Европе!) обнаруживалась далеко не повсюду. В подавляющем большинстве неевропейских обществ развертывание классовых антагонизмов протекало иначе.

Прежде всего отпало положение об универсальности рабовладельческой формации. Уже один только этот факт — а он является ныне общепризнанным достоянием науки — существенно меняет представление о ходе общественной эволюции. Вспомним, что, согласно общепринятой схеме, феодализм (следующая за рабовладельческой формация) и с теоретической, и с конкретно-исторической точки зрения трактуется как продукт разло-

жения рабовладельческого общества. Но если это последнее не имело всеобщего распространения, то и последующая эволюция должна была совершаться иначе. В этой связи небезынтересно отметить, что докапиталистические структуры у европейских народов заметно разнятся от соответствующих структур у народов, спонтанное развитие которых не привело к капитализму. Феодализм в той форме, в какой он был известен в Европе, редко встречается за ее пределами. А это в свою очередь явилось, по-видимому, одной из главных причин последующих модификаций, в том числе и различия путей перехода на более высокую ступень общественного развития.

Сложившаяся в 30-х годах концепция допускает, конечно, пропуск отдельных этапов развития и даже целых формаций, но допускает в качестве отклонения от магистральной линии всемирной истории либо исключения, вызванного особыми условиями (прежде всего ускоряющим воздействием более передовых систем). Но отклонений и исключений, во-первых, оказалось больше, чем случаев, подходящих под правило, а во-вторых — и это самое главное,— действующие здесь закономерности оказались настолько специфичными, что не могли быть объяснены одним лишь влиянием исторической среды. Перед наукой встала проблема многообразия форм общественной эволюции.

С расширением конкретных исследований выявились и другие недостатки схемы. Обнаружилось, что на ее основе не может быть объяснена целая историческая эпоха, лежащая непосредственно за первобытностью и отличающаяся, с одной стороны, наличием социального неравенства и государства (существовавшего, разумеется, в его первоначальных, примитивных формах), а с другой — отсутствием общественных классов, характеризующихся различным отношением к средствам производства. Эта эпоха осталась за рамками схемы вследствие того, что в трактовке возникновения каст, сословий, классов и государств схема исходила из модели развития буржуазных классов и государства. Специфика, присущая докапиталистической стадии развития, в ней слабо учитывалась.

Механическое использование понятий и категорий, сложившихся на базе политэкономии капитализма, стало препятствием для понимания и ряда других важнейших процессов и явлений, свойственных ранним ступеням общественной эволюции. С особой остротой перед исследователями встал вопрос о специфике проявления экономического фактора в докапиталистическую эпоху.

Осуществленные за последние десятилетия исследования, а также более углубленное изучение наследия классиков марксизма потребовали творческого осмысления многих важнейших теоретических проблем истории докапиталистических обществ. Результатом этого явились широкие творческие дискуссии.

В настоящее время еще рано говорить о создании новой концепции общественного развития на докапиталистической стадии. Дискуссия находится в самом разгаре: в нее вовлекается все большее число специалистов в разных отраслях исторической науки, высказываются самые разнообразные точки зрения. Однако подвести некоторые предварительные итоги, охарактеризовать главные направления полемики, очертить круг основных вопросов, по которым она ведется, по-видимому, и сейчас уже небесполезно. Выполнить все это в рамках одной статьи можно, разумеется, лишь при условии выделения наиболее важных и значимых вопросов, вопросов, имеющих непосредственное отношение к общей теории общественных формаций, к принципу формационного деления и периодизации всемирно-исторического процесса [2]

*

Существо многолетней дискуссии по проблемам первобытности сводится к полемике о соотношении естественного и социального факторов. В начале дискуссии главное место занимало обсуждение вопроса о движущих силах антропо- и социогенеза [3].

---

[2] Задача автора настоящей статьи во многом облегчается тем обстоятельством, что в печати уже появились обзоры отдельных дискуссий либо некоторых из поднятых в них проблем. Ссылки на эти обзоры см. в соответствующих разделах статьи.

[3] В. П. Якимов. Ранние стадии антропогенеза.— «Происхождение человека и древнее расселение человечества» («Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», т. XVI), 1951; Я. Я. Рогинский. Основные антропологические вопросы в проблеме происхождения современного человека.— Там же; он же. К вопросу о переходе от неандертальца к человеку современного типа.— «Советская этнография», 1954, № 1; он же. Некоторые проблемы происхождения человека.— «Советская этнография», 1956, № 4; А. Я. Брюсов. Рецензия на сборник «Происхождение человека и древнее расселение человечества».— «Вестник древней истории», 1953, № 2; Б. Ф. Поршнев. Материализм и идеализм в вопросах становления человека.— «Вопросы философии», 1955, № 5; он же. Еще к вопросу о становлении человека.— «Советская антропология», 1957, № 2; он же. К спорам о проблеме возникновения человеческого общества.— «Вопросы истории», 1958, № 2; он же. Проблема возникновения человеческого общества и человеческой культуры.— «Вестник истории мировой культуры», 1958, № 2; Ю. И. Семенов. Возникновение и основные этапы развития труда (В связи с проблемой становления человеческого общества).— «Ученые записки Красноярского пед. ин-та», т. 6, 1956; он же. К дискуссии по проблемам возникновения труда и становления человеческого общества.— «Советская антропология», 1958, № 4; он же. Возникновение человеческого общества. Красноярск, 1962; он же. Возникновение общественных отношений.— «У истоков человечества». М., 1964; он же. О некоторых вопросах становления человеческого общества.— «Вопросы философии», 1965, № 6; он же. Как возникло человечество. М., 1966; В. М. Бахта, Д. В. Гурьев, И. Ф. Кузнецов. Попытка философского исследования проблем антропогенеза.— «Вопросы философии», 1964, № 8; они же. Еще раз о книге Ю. И. Семенова.— «Вопросы философии», 1965, № 6; Д. В. Гурьев. К вопросу о возникновении труда.— «Вопросы антропологии», вып. 17, 1964; Г. Хрустов. Категория сначка и проблема становления человеческого общества.— «Советская этнография», 1958, № 1; он же. О возникновении материального производства.— «Вопросы философии», 1960; № 3; А. П. Окладников. Становление человека и общества.— «Проблемы развития в природе и обществе». М.—Л., 1958; А. П. Окладников, П. И. Борисковский. О времени и условиях становления человеческого общества.— «Вопросы истории», 1956, № 11; П. И. Борисковский. Новые данные о происхождении чело-

Возникает ли человеческое общество с появлением первых орудий или между стадом обезьян и человеческим обществом лежит длительная эпоха переходного состояния, эпоха первобытного стада? Был труд в первобытном стаде явлением индивидуальным и инстинктивным, как у животных, либо он выступал здесь в качестве явления общественного, связанного с сознанием? Другими словами, являлись ли людьми в подлинном смысле этого слова питекантропы, синантропы и неандертальцы? Каким образом сочетаются процессы формирования физического типа современного человека (Homo sapiens) и становления человеческого общества? Каковы факторы, обусловившие последовательную смену физических типов человека; относятся они к социально-экономической области или к области биологической (действие естественного отбора), либо одновременно к той и другой? — Ответы на эти важнейшие вопросы предыстории человеческого общества участники дискуссии дают самые различные, подчас взаимоисключающие.

Выдвижение в ходе дискуссии концепции, согласно которой сформировавшемуся человеческому обществу предшествовало первобытное стадо, где одновременно действовали и биологические, и социальные закономерности, ставит вопрос о кардинальном пересмотре общепринятых воззрений на хронологические рамки, сущность и периодизацию первобытной эпохи[4]. И отнюдь не случайно споры о взаимодействии биологического и социального факторов с первоначальных ступеней первобытности переместились на более поздние ступени, на ступени развития уже сформировавшегося человеческого общества[5]. Эти споры ка-

века. Л., 1955; он же. Современная наука о происхождении человека. Л., 1956; он же. Древнейшее прошлое человечества. М.—Л., 1957; и др.

[4] Нелишне заметить, что современная дискуссия по проблемам социогенеза и начальных этапов первобытнообщинной формации во многом воспроизводит аналогичную дискуссию 20-х — начала 30-х годов. Характеристику обеих дискуссий см. в помещенных в настоящей книге статьях Н. А. Бутинова и Ю. И. Семенова (стр. 103—108, 157—175).

[5] Ю. И. Семенов. Возникновение человеческого общества; он же. Как возникло человечество; он же. К вопросу о причине матрилинейности первоначального рода.— «Ученые записки Красноярского пед. ин-та», т. 13, вып. 2, 1958; он же. Групповой брак, его природа и место в эволюции семейно-брачных отношений (на правах рукописи). М., 1964; он же. Учение Моргана, марксизм и современная этнография.— «Советская этнография», 1964, № 4; он же. О периодизации первобытной истории.— «Советская этнография», 1965, № 5; В. Платковский. Выдающееся произведение научного коммунизма.— «Коммунист», 1959, № 14; Г. Ф. Хрустов. К вопросу об отношениях собственности в первобытном обществе.— «Советская этнография», 1959, № 6; он же. О возникновении материального производства.— «Вопросы философии», 1960, № 3; П. И. Борисковский. В. И. Ленин и проблемы закономерностей развития первобытного общества.— «Вестник ЛГУ», 1960, № 8; В. М. Бахта. К вопросу о структуре первобытного производства.— «Вопросы истории, 1960, № 7; Н. А. Бутинов. Разделение труда в первобытном обществе.— «Проблемы истории первобытного общества» («Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», т. LIV), 1960; он же. Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи.— «Проблемы истории и этнографии народов Австралии, Новой Гвинеи и Гавайских островов» («Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», т. LXXX), 1962; он же. Письмо в редакцию.—«Советская

саются прежде всего вопроса о сущности рода и общины и соответствующих им связей и отношений. Можно ли считать названные общности полностью социальными? В какой мере их возникновение и развитие определялось производственной деятельностью? Какое место эта последняя занимала в эволюции первобытных человеческих коллективов? И если, как полагают некоторые участники дискуссии, она не была ведущим фактором социального развития, то каковы стимулы и движущие силы общественного прогресса в первобытную эпоху? Что вело к слиянию родов и общин в более крупные общности — фратрии, племена, союзы племен? Какими причинами был вызван переход от этих естественных общностей к общностям историческим, представленным территориально-административными, политическими объединениями? Где грань, разделяющая первобытность и цивилизацию, систему естественно сложившихся первобытных общностей и общности политические, государственные? Вокруг перечисленных вопросов (а надо заметить, что приведенный здесь перечень весьма краток) разгорелась острая полемика, приведшая к возникновению разных направлений в марксистской этнографической науке.

До недавнего времени в советской историографии считалось аксиомой положение о том, что основной структурной единицей первобытного общества в период его расцвета является род — экзогамная группа кровных родственников, ведущих свое происхождение от общего предка. Поскольку род рассматривается в общепринятой концепции прежде всего как производственный коллектив, постольку родовые отношения отождествляются с производственными. Но подобный взгляд на характер социальных отношений в первобытном обществе оказался в противоречии с этнографическими данными о современных народах, не прошедших рубежа классового общества. Эти данные свидетельствуют о том, что род обычно не выступает в качестве производственного коллектива. Многие специалисты высказали мнение, что род и не может выступать в такой роли в силу присущей ему экзогамии. Современные этнографы не констатируют случаев, когда бы коллектив совместно живущих людей включал в себя только кровных родственников. Повсюду подобные коллективы имеют более сложный состав. В связи с этим в этнографии возникло направ-

---

этнография», 1965, № 3; В. Р. Кабо. Письмо в редакцию.— Там же; А. И. Першиц, Л. Я. Файнберг, Н. Н. Чебоксаров. По поводу писем Н. А. Бутинова и В. Р. Кабо.— Там же; К. И. Власов. О значении родовых отношений в первобытном обществе.— «Вопросы философии», 1962, № 11; С. Э. Крапивенский. По поводу так называемой ошибки Энгельса.— «Философские науки», 1963, № 2; А. И. Першиц. Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории.— «Проблемы истории первобытного общества»; Ю. Аверкиева, А. Першиц, Л. Файнберг, Н. Чебоксаров. Еще раз о месте материнского рода в истории общества (По поводу статьи Н. А. Бутинова «Происхождение и этнический состав папуасского населения Новой Гвинеи»).— «Советская этнография», 1963, № 3.

ление, различающее общину как производственно-бытовую кооперацию и родовую организацию как институт, регулирующий кровнородственные и семейно-брачные отношения, а впоследствии, с усложнением первобытной структуры, и некоторые другие сферы общественных отношений.

Новое направление, представленное в первую очередь работами Н. А. Бутинова, В. М. Бахты, В. Р. Кабо[6], исходит из общего для всех марксистов взгляда на первобытное общество как на такую стадию развития человечества, главной чертой которой является коллективизм. Но конкретные формы этого коллективизма характеризуются здесь иначе, нежели в общепринятой концепции. Если согласно последней род считался главным и всеобъемлющим социальным организмом первобытного общества, то названные выше исследователи таким организмом считают общину. В общине осуществляется повседневная жизнь людей во всех ее проявлениях. Это и производственная кооперация, и бытовой, и культовый коллектив. Существование первобытного человека вне общины немыслимо. С развитием общины, изменением ее форм связано поступательное движение первобытного общества, его переход на следующую, более высокую историческую ступень. Что же касается родовой организации, то это лишь одна из форм регулирования кровнородственных и семейно-брачных отношений, возникшая на определенном этапе развития первобытного общества. Как универсальное явление род фиксируется лишь в период варварства. Причем есть основание думать, что матрилинейный род не обязательно первичен по отношению к роду патрилинейному. Обе формы существуют параллельно и независимо.

С этих позиций иначе рисуется эволюция, роль и место в общественной структуре семьи — ячейки, осуществляющей воспроизводство самого человека. Важной составной частью новой концепции является признание того факта, что парная семья возникает гораздо раньше, нежели принято думать[7]. Но такой подход требует пересмотра гипотез о длительной эпохе «группового брака» и роли естественного отбора в эволюции семейно-брачных отношений. Парная семья, хотя и имела некоторые хозяйственные функции, не была самостоятельной и жизнеспособной вне общины. Лишь по мере прогресса в развитии производительных сил, создавшего возможность индивидуализации производства, семья начинает вытеснять общину в ее роли основной производственной ячейки. Но это случилось уже накануне перехода к классовому обществу. Первой формой семьи, вызванной к жизни чисто эко-

---

[6] Перечень публикаций Н. А. Бутинова, В. М. Бахты, В. Р. Кабо дан в прим. 3, 5 на стр. 31—33. См. также статьи этих авторов, помещенные в настоящем издании.

[7] Подобная трактовка роли семьи в эпоху первобытности не имеет, разумеется, ничего общего с господствовавшей в середине XIX в. патриархальной теорией, объявляющей семью исходным социальным институтом, из которого развились сначала род и племя, а затем государство.

номическими условиями, была моногамная семья (а в известной степени и ее предшественница — большая патриархальная семья).

Выдвижение первобытной общины в качестве основной социальной ячейки первобытного общества, отличной от рода (а равно и от других форм организации кровнородственных и семейно-брачных отношений),— это не просто установление конкретно-исторического факта, выявленного путем углубленного исследования этнографических материалов. Это одновременно и новая интерпретация истории первобытного общества. Ее суть — в констатации двух важных, но разных типов социальных отношений, двух основ, на которых зиждился первобытнообщинный строй. Одна из них (экономические отношения) создавалась производством средств к жизни, другая (кровнородственные, семейно-брачные отношения) — производством самого человека. Последнее было подчинено производству средств существования в несоизмеримо меньшей степени, нежели на последующих этапах общественной эволюции. Род и община и соответствующие им социальные связи находились в диалектическом взаимодействии между собой. Хотя община представляла собой коллектив, основанный на кровном родстве и брачных узах, внутри нее безусловный примат имели производственные отношения, а вне ее, в межобщинных контактах, кровнородственные отношения, со временем принявшие форму родовых. Родовые связи, таким образом, превращали изолированные первобытные общины в целостный социальный организм, в общество в широком смысле этого слова [8].

Охарактеризованная концепция базируется на известном положении Энгельса о двух типах материального производства: производстве средств существования и производстве человека [9].

Первой реакцией на возникновение нового направления в науке о первобытности явилось стремление подвергнуть сомнению источниковедческую базу, на которой оно построено. Но факты оказались слишком очевидными, чтобы с ними не считаться. В настоящее время полемика ведется вокруг осмысления материалов, введенных в научный оборот представителями нового направления [10].

С серьезным пересмотром распространенных воззрений на историю первобытности выступает Ю. И. Семенов. Существенно важным моментом в концепции этого ученого является разграничение формирующегося человеческого общества (первобытного

[8] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 25—26.

[9] Имеется в виду не простое воспроизводство биологического вида, а воспроизводство человека как существа социального.

[10] Признание достоверности фактических материалов, на которые ссылаются представители нового направления, см., например, в статье: А. И. Першиц. Ранние формы семьи и брака в освещении советской этнографической науки.— «Вопросы истории», 1967, № 2, стр. 162. Ср. более раннюю публикацию: А. И. Першиц, Л. А. Файнберг, Н. Н. Чебоксаров. Указ. соч.

стада), где действуют биосоциальные закономерности, и общества, уже сформировавшегося (первобытнообщинной формации). Семенов подчеркивает, что грань здесь была более существенна, нежели между последующими общественными формациями. Он обоснованно критикует те проекты периодизации первобытной эпохи, в которых стадия формирования человеческого общества включается в первобытнообщинную формацию. «Период первобытного стада,— пишет Семенов,— несомненно представлял собой период становления родового общества. Но процесс становления родового общества качественно, принципиально отличается от процессов становления рабовладельческого, феодального и других обществ. Процесс становления феодального, например, общества есть процесс изменения сложившегося, готового человеческого общества, есть процесс смены одной конкретно-исторической формы существования человеческого общества другой его конкретно-исторической формой. Становление общественного бытия и сознания феодального общества есть процесс изменения уже существующего общественного бытия и общественного сознания. Становление феодального базиса и надстройки есть процесс смены одних базиса и надстройки другими базисом и надстройкой. То же самое можно сказать и о процессах становления рабовладельческого, капиталистического и коммунистического обществ» [11].

Как явствует из процитированного отрывка, начало первобытнообщинной формации совпадает у Семенова с установлением родового строя. Представляя процесс создания человеческого общества, процесс превращения стада животных в социальный организм результатом производственной деятельности, Семенов вполне последовательно оценивает родовые отношения как производственные. Но вместе с тем он признает, что ни у одного из известных науке народов они не сохранились в такой роли. Поэтому классическая стадия родового строя им связывается с господством дислокального брака. Расхождение общины и рода, по его мнению,— симптом и результат разложения родового строя [12].

Стройная в логическом отношении концепция Семенова уязвима в смысле фактических доказательств. Теоретически существование рода как производственного коллектива действительно мыслимо лишь при условии дислокального брака. Но тезис о дислокальном браке, выдвинутый еще в 30-х годах,— пока всего лишь гипотеза, основывающаяся на использовании некоторых косвенных данных. Сам Семенов отмечает, что эпоха господства дислокального брака теряется в такой седой древности, что от нее не дошло прямых свидетельств, ни этнографических, ни исторических.

---

[11] Ю. И. Семенов. Как возникло человечество, стр. 27.

[12] Ю. И. Семенов. О периодизации первобытной истории.

Семенов видит сущность рода в том, что он был первым человеческим объединением, всех членов которого связывали социальные узы. Его возникновение — результат и свидетельство того, что производственные отношения одержали окончательную победу над биологическими и полностью вытеснили последние из человеческого коллектива. Поскольку человек принадлежал к тому хозяйственному коллективу, в котором родился, постольку первоначальной формой рода, по мнению Семенова, мог быть только материнский род.

Предлагаемая Семеновым реконструкция первобытного коммунизма на стадии его расцвета очень мало похожа на классический родовой строй, каким он обычно изображается. В то же время в конкретной своей части она имеет много сходного с той характеристикой, какая давалась в ранней советской историографии первой фазе первобытнообщинной формации, предшествующей авторитарной родовой коммуне [13].

Вопрос о первичной форме сложившегося человеческого общества, как и в целом вопрос о периодизации первобытной эпохи, по-видимому, еще долго останется дискуссионным. При нынешнем состоянии знаний несомненно лишь, что на разных этапах первобытнообщинной формации организация кровнородственных отношений была существенно различной и что род — это только одна из форм таких отношений.

В ходе дискуссии появилась концепция, солидарная с общепринятым мнением в признании безраздельного господства кровнородственных отношений, но совершенно иначе оценивающая их содержание. Родовые связи рассматриваются ее сторонниками как отношения, возникающие в результате производства человека. И именно это последнее (а не производство средств существования!) определяло, как, например, считает Н. Б. Тер-Акопян, эволюцию первобытного общественного строя на всем его протяжении, вплоть до возникновения классов и государства. Отсюда следует логический вывод о том, что периодизация первобытного общества должна основываться на изучении диалектики родовых и семейно-брачных отношений. Из положения о примате производства человека делается вывод о первобытном обществе как о неэкономической формации, т. е. такой формации, в функционировании которой способ производства мате-

---

[13] А. Богданов и И. Степанов. Курс политической экономии, т. I, М.—Л., 1919 (и последующие издания); В. К. Никольский. Первобытнокоммунистическая формация.— В кн.: В. Д. Преображенский. Краткий очерк экономики докапиталистических формаций. М., 1933; П. П. Ефименко. Дородовое общество. М.—Л., 1934; С. П. Толстов. Проблемы дородового общества.— «Советская этнография», 1931, № 3-4; В. И. Равдоникас. К вопросу о социологической периодизации палеолита в связи с взглядами Маркса и Энгельса на первобытное общество.— «Известия ГАИМК», т. IX, вып. 2. М.—Л., 1931; С. Н. Быковский. Доклассовое общество как социально-экономическая формация.— «Советская этнография», 1934, № 1-2 и др.

риальных благ не имеет решающего значения. Неизбежным следствием подобного методологического подхода является рассмотрение первобытного, с одной стороны, и последующих классовых обществ, с другой — как принципиально отличных в смысле движущих сил. В первом случае в качестве таковых называется последовательная смена кровнородственных и семейно-брачных отношений, во втором — экономика [14]. В известном смысле охарактеризованная концепция является прямым продолжением той теории, которая отрицает связь процесса социогенеза с зарождающейся производственной деятельностью. С позиций этой концепции трудно уловить разницу между закономерностями, действовавшими в орде (где преобладание производства человека над производством материальных благ должно было проявляться гораздо резче), и закономерностями социального развития на последующих этапах. В ней фактически исчезает грань между первобытным стадом и сформировавшимся человеческим обществом. И не ясно, чем кровнородственные связи в их социальной функции отличались от связей естественных, биологических, которые существовали у животных предков человека. Будучи закономерной реакцией на абсолютизирование экономического фактора, столь длительное время присущее нашему обществоведению, изложенная концепция по существу сводит на нет роль этого фактора в развитии доклассового общества.

Хорошо известно, что природно-общественная материальная субстанция в марксистской концепции не тождественна понятию «экономика общества». Она гораздо шире последней как в отношении естественных, так и общественных факторов. В то же время из всей совокупности материальных факторов марксизм выделяет в качестве решающего, определяющего все прочие сферы общественных отношений, производство непосредственных средств существования. Это краеугольное положение марксистского учения об обществе. Но в применении этого положения к тому периоду первобытной эпохи, когда производственная деятельность человека (т. е. производство продуктов, не находимых в готовом виде) еще не возобладала над простым присвоением даров природы, нельзя просто копировать модель, разработанную классиками марксизма для капиталистического общества. Производство и соответственно этому производственные отношения безусловно играли тогда гораздо меньшую роль в общественной структуре, нежели на последующих ступенях истории человечества. Существенно иной была и самая структура производственных отношений.

---

[14] Н. Б. Тер-Акопян. 2-ое издание как источник для изучения развития взглядов Энгельса на историю первобытного общества — «ИМЛ. Научно-информационный бюллетень сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса», № 14. М., 1966. См. также публикуемую в настоящем издании статью: Н. Б. Тер-Акопян. К. Маркс и Ф. Энгельс о характере первичной общественной формации, стр. 67—88.

Происходящая сейчас дискуссия с очевидностью показывает, что за всеми спорами о месте и функциях рода, семьи, общины и других институтов первобытного общества в конечном счете стоит вопрос о роли экономического фактора на этой стадии истории человечества. Дискуссия привела к необходимости внесения существенных коррективов в утвердившиеся представления о соотношении экономики и всей совокупности социальных отношений на первобытной стадии развития.

Большую помощь в разрешении трудностей, вставших перед специалистами по первобытности, оказывает исследование советского экономиста М. В. Колганова о формах присвоения людьми средств существования в докапиталистическую эпоху [15]. Колганов обстоятельно проанализировал различия в экономической природе основных способов получения материальных благ, каковыми являются простое присвоение даров природы для личного потребления, присвоение земли как средства производства сельскохозяйственной продукции и производство продуктов, не находимых в природе в готовом виде. Господствовавшее вплоть до эпохи варварства присвоение потребительных стоимостей, создателем которых выступает природа, предполагает безвозмездные отношения людей, т. е. отношения пользования. Пользование исключает наличие определенного субъекта; о нем нельзя сказать, общее оно или частное. В этом состоит его специфическое отличие от отношений собственности, порожденных отчуждением вещей, созданных трудом человека. Не общественная организация производства, а совместная борьба с окружающей природой — вот что характеризовало присвоение в эпоху собирательства. Присвоение готовых продуктов природы имело своей предпосылкой определенную общность людей, первоначально представленную ордой. Формирующиеся здесь социальные отношения неизбежно совпадали с отношениями родства. Орда была одновременно и зачатком общественной организации и формой семьи.

Постепенное развитие орудий труда и повышение роли самого труда в жизни первобытного коллектива приближало простое присвоение даров природы к производству продуктов. В отношения пользования вносились элементы монополии на продукт, произведенный коллективом или личностью. С перерастанием собирательства и охоты в земледелие и скотоводство, совершившимся на стадии варварства, отношения пользования развивались в отношении владения, а затем собственности.

Осуществленный Колгановым теоретический анализ форм присвоения и соответствующих им общественных отношений на стадии первобытности дает возможность более правильно понять столь часто цитируемое в последнее время высказывание Энгельса о двух видах материального производства из предисловия к

[15] М. В. Колганов. Собственность. Докапиталистические формации. М., 1962.

первому изданию книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства»[16]. Вопреки мнению некоторых участников дискуссии, мысль об обратно пропорциональном отношении в ходе исторического развития производства жизненных средств и производства человека не означает еще отрицания определяющей роли экономического фактора в поступательном развитии первобытного общества. Напомним, кстати, что переход от доклассового общества к классовому связывается Энгельсом с ростом производительности труда, обмена, частной собственности. Развивая выдвинутый Л. Морганом тезис о существовании в истории человечества двух всеобщих типов, или (как выражается Морган) двух систем общественной организации: системы, основанной на кровных узах, и системы государственной, или политической[17], Энгельс, тем не менее, берет в качестве критерия периодизации первобытной эпохи прогресс в производстве непосредственных средств к жизни[18]. В выступлениях, одновременных тру-

[16] «Согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно, опять-таки, бывает двоякого рода. С одной стороны — производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой — производство самого человека, продолжение рода. Общественные порядки, при которых живут люди определенной исторической эпохи и определенной страны, обусловливаются обоими видами производства: ступенью развития, с одной стороны — труда, с другой — семьи. Чем меньше развит труд, чем более ограничено количество его продуктов, а следовательно, и богатство общества, тем сильнее проявляется зависимость общественного строя от родовых связей» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 25—26).

В качестве непосредственного продолжения приведенной выше цитаты Энгельс пишет: «Между тем в рамках этой, основанной на родовых связях структуры общества все больше и больше развивается производительность труда, а вместе с ней — частная собственность и обмен, имущественные различия, возможность пользоваться чужой рабочей силой и тем самым основа классовых противоречий: новые социальные элементы, которые в течение поколений стараются приспособить старый общественный строй к новым условиям, пока, наконец, несовместимость того и другого не приводит к полному перевороту. Старое общество, покоящееся на родовых объединениях, взрывается в результате столкновения новообразовавшихся общественных классов; его место заступает новое общество, организованное в государство, низшими звеньями которого являются уже не родовые, а территориальные объединения,— общество, в котором семейный строй полностью подчинен отношениям собственности и в котором отныне свободно развертываются классовые противоречия и классовая борьба, составляющие содержание всей *писаной* истории вплоть до нашего времени» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 26).

[17] «Эти две системы,— писал Л. Морган,— коренным образом различаются по своей основе. Первая и более древняя покоится на личностях и чисто личных отношениях и может быть определена как общество (society). Элементарная ячейка этой организации — род. Будучи последовательными стадиями интеграции в архаичную эпоху, род, племя, конфедерация племен конституировали народ. В позднее время соединение племен занимало самостоятельную территорию. Так, на протяжении веков по своем возникновении род по существу оставался универсальной организацией древнего общества; он сохранился у греков и римлян после наступления цивилизации. Вторая система основывается на территории и собственности и может быть определена как государство (civitas)» (Lewis H. Morgan. Ancient Society. London, 1877. Перевод наш.— *Л. Д.*).

[18] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 28—33.

ду «Происхождение семьи, частной собственности и государства», Энгельс оценивал сформулированное Марксом положение о решающей роли способа производства материальных благ в развитии общества как величайшее достижение теоретической мысли [19].

Дискуссия по теоретическим проблемам первобытности самым тесным и непосредственным образом смыкается с дискуссией по поводу азиатского способа производства. Поскольку и в советской, и в зарубежной печати имеются обстоятельные обзоры этой дискуссии и на прошлом и на современном ее этапах [20], в настоящей статье представляется возможным обойтись самым лапидарным изложением ее существа. Для целей данного очерка важно выделить лишь те вопросы, какие непосредственно касаются теории докапиталистических формаций.

Побудительным стимулом возобновления дискуссии и явилась практическая потребность в изучении общественных структур слаборазвитых стран (в первую очередь института общины и государства), ставших на путь индустриализации и социального прогресса. Но основная причина вновь развернувшегося обсуждения проблемы азиатского способа производства лежит во внутренней логике развития самой исторической науки. В результате расширения круга источников и наблюдений выяснилось, что об-

[19] Книга «Происхождение семьи, частной собственности и государства» была написана весной 1884 г. А вот что говорил Энгельс за год до этого на похоронах Маркса: «Подобно тому как Дарвин открыл закон развития органического мира, Маркс открыл закон развития человеческой истории: тот, до последнего времени скрытый под идеологическими наслоениями, простой факт, что люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д.; что, следовательно, производство непосредственных материальных средств в жизни и тем самым каждая данная ступень экономического развития народа или эпохи образуют основу, из которой развиваются государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления данных людей и из которой они поэтому должны быть объяснены,— а не наоборот, как это делалось до сих пор» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 350—351).

[20] Е. Варга. Очерки по проблемам политэкономии капитализма (глава «Об азиатском способе производства»). М., 1964; М. А. Виткин, Н. Б. Тер-Акопян. По страницам журнала «La Pensée».— «Вопросы философии», 1965, № 3; О. А. Афанасьев. Обсуждение в Институте истории АН СССР проблем азиатского способа производства.— «Советская этнография», 1965, № 6; Л. В. Данилова. Дискуссия по важной проблеме.— «Вопросы философии», 1965, № 12; Л. С. Васильев. Общее и особенное в историческом развитии стран Востока.— «Народы Азии и Африки», 1965, № 6; М. А. Виткин. Новая фаза дискуссии.— «Вопросы философии», 1966, № 8; А. И. Павловская. По поводу дискуссии об азиатском способе производства на страницах журналов «La Pensée» и «Eirene».— «Вестник древней истории», 1965, № 3; J. Chesneaux. Le mode de production asiatique: une nouvelle étape de discussion.— «Eirene», III. Praha, 1964; idem. Où en est la discussion sur le «mode de production asiatique»? — «La Pensée», № 122, 1965; Ch. Parain. Le mode de production asiatique: une étape nouvelle dans une discussion fondamentale.— «La Pensée», № 114; J. Pečírka. Die sowjetischen Diskussionen über die asiatische Produktionweise und über die Sklavenhalterformation.— «Eirene», III, 1964; idem. Von der asiatischen Produktionweise zur marxistischen Analyse der frühen Klassengesellschaften.— «Eirene», VI, 1967; P. Skalník, T. Pokora. Beginning of the discussion about the asiatic mode of production in the USSR and the People's republic of China.— «Eirene», V, 1966.

щепринятые в советской историографии понятия рабовладельческой и феодальной формации оказались недостаточно емкими, чтобы охватить все многообразие форм, присущих докапиталистическим классовым обществам. Их недостаточность явственно ощущалась уже во время разработки пятистадийной схемы формаций в 30-е годы. Именно это обстоятельство привело к дискуссии 1929—1931 гг. И в дальнейшем теоретическое осмысление раннеклассовых структур, функционировавших в разные эпохи, установление их формационной принадлежности вызывало полемику. Очень многие из неевропейских (и даже европейских) обществ не подходили под установленный стандарт. Все больше и больше выяснялось, что феодализм и рабовладельческое общество не вырастали непосредственно из разложения первобытнообщинного строя. В разных регионах мира обнаруживались общества, в которых наряду с чертами коллективизма, с сохранением общины существовали социальное неравенство, эксплуатация, государство и которые не могли вследствие этого рассматриваться как первобытнокоммунистические. Вместе с тем они не укладывались в рамки ни феодальной, ни рабовладельческой формаций, ибо там либо вовсе отсутствовали, либо содержались в зачаточном состоянии присущие последним формы собственности на средства производства и классовых отношений. Так, в конкретных исследованиях по истории древневосточных обществ (с начала 30-х годов обычно квалифицируемых как рабовладельческие) не только признавался, но и подчеркивался тот факт, что преобладающую часть населения составляли не рабы, а свободные мелкие производители, находящиеся в той или иной степени зависимости от государства и подвергавшиеся жестокой эксплуатации. Именно свободные доставляли основную массу прибавочного продукта. По мере уяснения структуры древневосточных государств у исследователей вполне закономерно возникало сомнение в правомерности отнесения этих обществ с преобладанием нерабских форм эксплуатации к рабовладельческим [21].

Сходные трудности и сомнения возникали и при изучении раннеклассовых обществ Европы и Азии, не прошедших рабовладельческой стадии. Оказалось, что монопольная собственность

[21] Подводя итоги изучения общины на древием Востоке, И. М. Дьяконов пришел, например, к выводу, о том, что «рабский труд в сельскохозяйственном производстве не может обязательно считаться характерным для первой классовой формации, которую мы называем рабовладельческим способом производства,— за исключением иекоторых особых случаев, он становится возможным только уже прн развитом рабовладельчеоком строе» (И. М. Дьяконов. Община на древнем Востоке в работах советских исследователей.— «Вестник древней истории», 1963, № 1, стр. 16). Из-за низкой производительности труда и необходимости преодолеть сопротивление эксплуатируемых рабский труд, по мнеиию Дьякова, не мог вытесиить труда свободных. Это мнеиие по сутн дела представляет собой отрицание рабовладельческого характера общественной структуры на древнем Востоке.

господствующего класса на землю (независимо от того, идет ли речь о светском или церковно-монастырском, частном или государственном, условном или безусловном землевладении) складывается на довольно позднем этапе, когда уже существует государство с достаточно сложными и разветвленными функциями, а также социальное неравенство[22]. Чтобы отличить такие общества от раннефеодальных, их именовали варварскими, дофеодальными, государствами военной демократии и т. п. Но подобные определения не вскрывали формационной принадлежности этих обществ.

Уже в 30-х годах, после неудачного исхода дискуссии об азиатском способе производства, как некоторый выход из затруднительного положения были предложены концепции раннерабовладельческих (или общинно-рабовладельческих) и полупатриархальных-полуфеодальных обществ, в известной мере корректировавшие схему, но отнюдь не устранявшие ее главного недостатка[23]. Раннерабовладельческие государства предлагалось рассматривать как начальный этап рабовладельческой формации, этап ее становления. Но этот этап характеризовался необычайной устойчивостью форм, он растягивался на тысячелетия и не обнаруживал признаков перехода на более высокую ступень общественной эволюции. Отношения господства-подчинения в таких обществах весьма существенно отличались от античных и к тому же оказывались достаточно зрелыми. В них трудно усмотреть эмбриональные формы рабовладельческой формации. Концепция раннерабовладельческих государств с самого начала имела оппонентов в лице наиболее крупных специалистов по древнему Востоку (Н. М. Никольского, А. И. Тюменева, И. М. Лурье). Решительным шагом на пути к отказу от этой концепции как несостоятельной и с теоретической, и с конкретно-исторической точек зрения явились исследования Тюменева, опубликованные в 50-х годах[24].

---

[22] В России, например, зачатки крупного землевладения вряд ли возможно отнести ко времени ранее второй половины XI в., а классовое общество и государство, эксплуатирующее массу населения через дань, различные налоги и повинности, возникли за несколько столетий до этого. Точно так же и в странах Западной Европы процесс возникновения государств опережает по времени формирование крупной земельной собственности (см. А. Р. Корсунский. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963). Интересная дискуссия по этому вопросу состоялась в 1963 г. в Московском областном педагогическом институте им. Н. К. Крупской по докладу Н. Ф. Колесницкого (см. «Вопросы истории», 1964, № 6).

[23] Впоследствии появилась концепция так называемых комплексов, выделявшая в каждую историческую эпоху ряд передовых центров, последовательно проходивших установленные формации и вовлекавших в орбиту своего влияния соседние отсталые территории, для которых прохождение всех стадий считалось необязательным. Поскольку данная концепция не объясняла характера общественного строя отставших в своем развитии народов, она не имела такого резонанса в науке, как концепция раннерабовладельческих и полупатриархальных-полуфеодальных обществ.

[24] А. И. Тюменев. Государственное хозяйство древнего Шумера. М.—Л., 1956; он же. Передний Восток и античность.— «Вопросы истории», 1957, № 6, 9. В указанных работах Тюменев доказывал наличие на древнем Востоке, с одной стороны, и в антич-

Она подверглась обстоятельной критике и в ходе дискуссии об азиатском способе производства [25].

Идея полупатриархальных-полуфеодальных обществ преследовала ту же цель сделать схему более гибкой, и в частности ввести в нее те общества, которые, миновав рабовладельческую формацию, перед вступлением в феодализм пережили особую переходную стадию. Одни историки (особенно историки СССР) [26] усматривали переходный характер данной стадии в сочетании различных укладов (первобытнообщинного, рабовладельческого и феодального), другие — в наличии институтов и отношений, отличных от тех, которые известны в первобытном обществе, при феодализме и рабовладении. Если первый подход к дофеодальным обществам не создает затруднений с точки зрения теоретического анализа, то второй ставит исследователей перед многими препятствиями. Конкретная характеристика подобных обществ противоречила тезису об их переходном состоянии. В них не оказывалось такого переплетения структурных элементов предшествующей и последующей формаций, какое, например, встречается в период перехода от феодализма к капитализму. Поэтому простое введение понятия «переходная стадия» еще не решало проблемы [27]. Вновь и вновь вставал вопрос о необходимости вывести эту стадию за пределы феодализма.

Таким образом, уже в период разработки теоретической схемы под самыми различными названиями (раннерабовладельческое, полупатриархальное-полуфеодальное, переходное, дофеодальное, азиатское, прафеодальное и др.) специалисты фактически пытались ввести в нее недостающую стадию всемирно-исторического процесса. Но их попытки не увенчались успехом. Полемика по поводу формационной принадлежности этой стадии в конечном счете и составляет существо широко развернувшейся в последние годы дискуссии об азиатском способе производства. Термин «азиатский» имеет в данном случае чисто условное значение, поскольку речь идет об обнаруживаемой на разных конти-

---

ном мире, с другой — двух совершенно разных типов рабовладельческого строя, не сводящихся к стадиальному различию, как до сих пор считалось. Данная же им конкретная характеристика общественного строя древнего Востока фактически опровергала мнение о его рабовладельческом характере, ибо последний, с точки зрения Тюменева, проявлялся лишь в сервильности отношений между государством и подданными.

[25] См., например, Ю. И. Семенов. Проблема социально-экономического строя древнего Востока.— «Народы Азии и Африки», 1965, № 4; Г. А. Меликишвили. К вопросу о характере древнейших классовых обществ.— «Вопросы истории», 1966, № 11.

[26] Наиболее активным поборником этой идеи являлся С. В. Юшков. См., например, его статью «К вопросу о дофеодальном («варварском») государстве».— «Вопросы истории», 1946, № 7.

[27] Достаточно вспомнить бесконечные споры о хронологическом рубеже между рабовладельческой и феодальной формациями в Китае, Индии, Византии. Согласно двум наиболее резко расходящимся точкам зрения, разница в датировке начала феодальной эпохи в Китае составляет более, чем полтора тысячелетия (см. об этом: М. В. Крюков. Род и патронимия в древнем Китае. Автореф. канд. дисс. М., 1965).

нентах универсальной общественной структуре. Отличительной чертой этой структуры является, с одной стороны, сохранение массой непосредственных производителей личной свободы, экономической самостоятельности, а с другой — социальное неравенство и эксплуатация. Причем последние связаны здесь не с различным отношением к средствам производства и условиям труда, а с неодинаковостью социального статуса и выполняемых общественных функций [28].

Большинство участников дискуссии основывается главным образом на материале деспотических государств древнего и средневекового Востока. Но эти государства (в большинстве своем) прошли уже достаточно длительную эволюцию по пути классообразования. Процесс общественного развития в них был осложненным, там имел место синтез разных укладов и тенденций. Ограниченность источников затрудняет решение вопроса о том, уходят ли истоки этих укладов и тенденций непосредственно в первобытность. Анализ стадиально более глубоких пластов общественной эволюции, представленных, например, варварскими государствами германцев, микенским обществом, некоторыми предколониальными структурами Африки и архаичными государственными образованиями Азии, скорее убеждает в обратном. Так, исследователь древних и раннесредневековых германских племен А. И. Неусыхин убедительно доказал, что их общественный строй нельзя считать ни первобытнокоммунистическим, ни раннефеодальным либо раннерабовладельческим. Первобытное равенство здесь уже утрачено. Но монополия господствующего класса на условия и средства производства еще отсутствует. И природа, и происхождение социальной стратификации здесь совсем иные, нежели в феодальном и рабовладельческом обществах. Неравенство выражается в таких признаках, как знатность, свобода, полусвобода, несвобода и т. д. Перед нами стадия общественного развития с только ей присущими закономерностями. Неусыхин оценивает ее как промежуточную, переходную от первобытнообщинной к феодальной [29]. Но та характе-

[28] Следует заметить, что и на современном этапе дискуссии некоторые ее участники (например Л. С. Васильев и И. А. Стучевский) возвращаются к трактовке азиатских обществ как смешанных, многоукладных. Но такой подход, как говорилось выше, оставляет в стороне обсуждаемую проблему, так как полемика ведется по поводу обществ, принципиально, по типу общественных отношений отличающихся от феодальных и рабовладельческих.

[29] Отсюда его предложение обозначить данный период терминами «протофеодальный» или «дофеодальный». Отказываясь считать стадию варварских государств самостоятельной общественной формацией, Неусыхин исходит из того общепринятого в науке положения, что основным признаком всякой классовой формации является монопольная собственность господствующего класса на средства производства (см. А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956; он же. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раниефеодальному.— «Вопросы истории», 1967, № 1).

ристика, какую он ей дает, практически ведет к постановке вопроса о выделении новой общественной формации, требует не только внесения существенного корректива в общепринятую конкретную схему периодизации всемирной истории (в смысле числа и последовательности стадий), но и переосмысления принципа членения исторического процесса.

И не удивительно, что по мере развертывания дискуссии об азиатском способе производства на первый план вышли общие вопросы марксистской теории общественных формаций, подверглись критике и общепринятая схема периодизации докапиталистической эпохи, и сами критерии выделения разных формаций и их отдельных вариантов, поставлен вопрос о соотношении понятий «способ производства» и «формация». Многими уже обращено внимание на то, что широко употребляемые в нашей науке типы общественных формаций являются разнопорядковыми логическими категориями. В самом деле, рабовладельческая, феодальная и капиталистическая формации — это стадии внутри классового общества, характеризующиеся определенными типами господства-подчинения, эксплуатации, а также собственности. Ни одна из этих стадий в отдельности не сопоставима как логическая категория с первобытностью или коммунизмом. Первобытнообщинная и коммунистическая формации — категории гораздо более крупного масштаба, нежели рабовладельческая или феодальная. Вместе с тем для историка нет сомнения в том, что грань между капитализмом, с одной стороны, и всеми прочими докапиталистическими структурами, с другой — более значима, чем внутренние рубежи между ними. Понимание факта разнопорядковости стадий общественного развития, называемых схемой, привело к постановке вопроса о существовании единой классовой докапиталистической формации, внутри которой следует различать отдельные варианты: феодальный, рабовладельческий, азиатский. Одни участники дискуссии оценивают азиатский способ производства (если таковой признается), рабовладение и феодализм как последовательные ступени, другие — как равноправные варианты (модели) одной и той же формации [30].

В ходе дискуссии были предложены самые различные схемы периодизации всемирно-исторического процесса. Одна из наиболее интересных принадлежит французскому историку и социологу М. Годелье. Этот ученый насчитывает в послепервобытную докапиталистическую эпоху пять способов производства: азиатский, античный, рабовладельческий, германский, феодальный [31].

---

[30] См. Г. А. Мелкишвили. Указ. соч.; Л. С. Васильев, И. А. Стучевский. Три модели возникновения и эволюции докапиталистических обществ.— «Вопросы истории», 1966, № 5.

[31] M. Godelier. La notion de «mode de production asiatique» et les schémas marxistes d'évolution des sociètès.— «Les Cahiers du Centre d'etudes et de recherches marxistes». Paris [1964].

В основе деления, предлагаемого Годелье,— типология земледельческой общины и общинной собственности.

Не только схема Годелье, но и другие проекты периодизации докапиталистической эпохи и классификации существующих здесь общественных структур, подобно до недавнего времени господствовавшей в советской историографии схеме, исходят из форм собственности и эксплуатации. Но именно этот исходный пункт, как становится ясным из материалов дискуссии, в первую очередь и нуждается в переосмыслении.

Для всех ли общественных систем собственность на средства производства и условия труда являются структурообразующим элементом?

Существо марксистского учения об обществе заключается во взгляде на приобретение непосредственных средств к жизни и на складывающиеся на этой основе экономические отношения как на фактор, определяющий все прочие области общественной жизни. В наиболее яркой и концентрированной форме это выражено в знаменитом предисловии к работе Маркса «К критике политической экономии»[32]. Материальное производство — сфера, движением которой определяется исторический прогресс, последовательная смена стадий общественного развития. Но однозначно ли действие экономики в докапиталистических структурах и при капитализме? Правомерно ли распространение положения о примате производственных отношений в социальной структуре на все стадии истории человечества? Совместимо ли с марксистским учением об обществе выдвижение тезиса о возможности существования в сложившемся человеческом обществе таких общественных формаций, в возникновении и развитии которых отношения собственности на условия и средства производства не играли ведущей роли?

Перечисленные вопросы отнюдь не новы для марксистской историографии. В свое время они обсуждались многими известными теоретиками[33]. Активные дебаты по ним начались с первых шагов советской экономической науки. В начале 20-х годов про-

[32] «В общественном производстве своей жизни,— пишет Маркс,— люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания» (К Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 13, стр. 6—7). В. И. Ленин видел главную заслугу К. Маркса в том, что им был обнаружен механизм общественного движения, открыт закон смены формаций. «Он сделал это,— пишет Ленин,— посредством выделения из разных областей общественной жизни области экономической, посредством выделения из всех общественных отношений — *отношений производственных*, как основных, первоначальных, определяющих все остальные отношения» (В. И. Ленин Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 134).

[33] См., например, Р. Люксембург. Введение в политическую экономию. Изд. 4-е. М.—Л., 1960.

исходила дискуссия о предмете и методе политэкономии, а также о границах ее применения [34]. Эта дискуссия стояла в прямой связи с социально-экономическими преобразованиями и экономической политикой того времени. В результате дискуссии возобладала точка зрения не только об определяющей, но и однозначной роли производственных отношений во всех досоциалистических формациях. Подобный исход дискуссии был совершенно естествен. В обстановке борьбы, какую вела молодая марксистская историография с буржуазными концепциями, в большинстве своем основывающимися на идеалистической философии истории, главной задачей марксистов было утверждение материалистического понимания истории, подчеркивание определяющего значения экономики. В силу недостаточной теоретической подготовки научных кадров, обусловленной молодостью советской науки, это приводило подчас к абсолютизированию экономического фактора, что со временем превратилось в препятствие для разработки важнейших теоретических проблем, особенно проблем социалистического и докапиталистического обществ, по которым специалисты не имеют такой цельной и всесторонне развитой теории, как Марксов анализ капитализма.

Будучи наукой о производственных отношениях, политэкономия является исторической наукой, ибо на каждой стадии общественного развития существуют свои особые законы [35]. Характеризуя предмет и метод политической экономии, Энгельс писал: «Она исследует прежде всего особые законы каждой отдельной ступени развития производства и обмена, и лишь в конце этого исследования она может установить немногие, совершенно общие законы, применимые к производству и обмену вообще» [36]. Поэто-

---

[34] См. А. Богданов и И. Степанов. Курс политической экономии, т. I. М.—Л., 1925, стр. XIX—XX; И. Степанов-Скворцов. Что такое политэкономия? — «Вестник Коммунистической Академии», 1925, № 11. Там же опубликованы прения по этой статье И. И. Степанова, зачитанной в Комакадемии в качестве доклада.

[35] «Политическая экономия, в самом широком смысле,— писал Ф. Энгельс,— есть наука о законах, управляющих производством и обменом материальных жизненных благ в человеческом обществе» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 150). «Условия, при которых люди производят продукты и обмениваются ими,— продолжает далее Энгельс,— изменяются от страны к стране, а в каждой стране, в свою очередь,— от поколения к поколению. Политическая экономия не может быть поэтому одной и той же для всех стран и всех исторических эпох. Огромное расстояние отделяет лук и стрелы, каменный нож и встречающиеся только в виде исключения меновые отношения дикарей от паровой машины в тысячу лошадиных сил, механического ткацкого станка, железных дорог и Английского банка. Жители Огненной Земли не дошли до массового производства и мировой торговли, как к до спекуляции векселями или до биржевых крахов. Кто пожелал бы подвести под один и те же законы политическую экономию Огненной Земли и политическую экономию современной Англии,— тот, очевидно, не дал бы ничего, кроме самых банальных общих мест. Таким образом, политическая экономия по своему существу — *историческая* наука» (там же, стр. 150—151).

[36] Там же, стр. 151. Маркс совершенно определенно заявлял, что конечная цель «Капитала» — главного труда его жизни — показать экономический закон развития современного общества. Это же обстоятельство специально отмечал Ленин. Характеризуя центральную идею «Капитала», он писал: «Маркс говорит только об одной „обществен-

му было бы методологически неправильным механически проецировать положения политэкономии капитализма на предшествующие формации. А ведь именно подобное проецирование, и прежде всего скопированное с капиталистической модели отождествление социальных связей в докапиталистических структурах с производственными отношениями, является основным источником трудностей, выхода из которых ищут участники дискуссий.

В распространившейся с 30-х годов схеме формаций критерием периодизации служит не способ производства в целом, а лишь одна из его сторон — отношения собственности на условия и средства производства. Применительно к классовым обществам критерий формационного деления еще более сужается: последнее строится практически на учете лишь тех типов собственности, которые составляют монополию господствующего класса. Мелкая частная собственность непосредственного производителя (крестьянина и ремесленника) присутствует в ней лишь как дополнительный, несамостоятельный фактор [37] А между тем на ранних ступенях процесса классообразования этот вид собственности являлся преобладающим. Его преобладание определялось господством мелкого производства непосредственного производителя. Переход от первобытного коллективизма к монопольной собственности господствующего класса на средства производства совершался не непосредственно, а через выделение частной собственности трудящегося субъекта. Мелкое производство и мелкая частная собственность непосредственного производителя, как считает Маркс, составляют необходимое условие для развития общественного производства и свободной индивидуальности [38]. Анализируя происхождение капитализма в Западной Европе, Маркс подчеркивал, что в основе этого процесса лежит экспроприация непосредственного производителя, «превращение карликовой собственности многих в гигантскую собственность немногих», вытеснение частной собственности, основанной на личном труде, капиталистической частной собственностью [39].

но-экономической формации", о капиталистической, т. е. говорит, что исследовал закон развития только этой формации и никакой другой» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 133).

[37] Наша политэкономическая, философская и историческая литература последних десятилетий практически отождествляла производственные отношения с отношениями собственности на средства производства и производила деление послепервобытных досоциалистических обществ на формации соответственно типам крупной частной собственности.

[38] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 771.

[39] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 400; ср. стр. 411, 416 и др. Частная собственность, основанная на личном труде, служила источником процесса социальной дифференциации. И в отдельных обществах (например в античном мире) этот процесс принимал значительные масштабы. Но почти всегда он был обратимым (вспомним реформы Солона). Частная собственность и развивающаяся на ее основе имущественная дифференциация явились почвой, подготовившей возникновение крупной капиталистической собственности. Но для того, чтобы последняя стала господствующей, потребовалась массовая насильственная экспроприация непосредственных производителей,

В подавляющем большинстве учебных пособий, обобщающих трудов и конкретных исследований отношения собственности на условия и средства производства превращены в первоначальные, определяющие собой всю систему производственных и общественных отношений в целом. Но такую роль, согласно марксистскому учению, выполняет способ производства материальных благ[40]. На стадии присваивающей экономики отношений собственности как таковых не существовало. Они зарождаются лишь при переходе к производству в подлинном смысле этого слова. Собственность имеет предметом присвоения труд, затраченный на производство продукта. Отсюда ясно, что отношения собственности — это отношения между людьми в процессе общественного производства. Они приобретают господство лишь в тех обществах, где господствует товарообмен. Во всех же докапиталистических обществах производство характеризовалось единством производительного труда и условий его осуществления, натурально-потребительской направленностью. Поэтому непосредственный производитель (независимо от того, идет речь об общине или семейно-индивидуальном хозяйстве) выступал как владелец средств производства и условий труда.

При описании любого способа производства необходимо в первую очередь дать представление о характере соединения рабочей силы со средствами производства и условиями труда. Отношения же собственности — это результативные отношения, оформляющие данный способ производства. Общественный строй, квалифицируемый в нашей историографии как феодальный, зиждился на господстве мелкого натурально-замкнутого хозяйства непосредственных производителей крестьян и ремесленников, эксплуатируемого внеэкономическими методами. Даже в тех случаях, когда крестьянин юридически был совершенно лишен прав собственности на свое хозяйство (как это имеет место при крепостничестве), он оставался фактическим его владель-

---

[40] Критику сложившихся представлений о роли отношений собственности см. в упомянутой выше книге известного советского экономиста М. В. Колганова «Собственность. Докапиталистические формации». Следует заметить, что точка зрения, близкая к высказанной М. В. Колгановым, была господствующей в ранней советской историографии. Эта точка зрения выражена, например, в неоднократно упоминавшемся выше «Курсе политической экономии», написанном А. А. Богдановым и И. И. Степановым и служившим в то время основным учебным пособием по политэкономии. Взгляд на отношения собственности как на первоначальную основу классообразования, по мнению Богданова и Степанова, означает возвращение к наивным воззрениям XVIII в., согласно которым собственность возникла потому, что некоторые плуты и ловкачи сумели ее захватить. «А если серьезно поставить этот вопрос,— говорится в предисловии к курсу,— то у Маркса и Энгельса мы найдем такой ответ на него. Развитием производительных сил определяется способ производства (производственные отношения — феодальные, рабовладельческие, капиталистические); каждый способ производства *закрепляется* в отношениях собственности, а не *создается* ими...» (А. Богданов и И. Степанов. Указ. соч., т. I, стр. XXII).

щем [41]. Именно это являлось фактором, ограничивавшим земельную собственность феодала и коренным образом отличавшим ее от собственности буржуазной. Феодальная собственность характеризовалась условностью и расчлененностью прав [42].

Недостаточность используемого в пятистадийной схеме формаций критерия периодизации повела к ее непоследовательности. Объявляя тип собственности на средства производства основным и решающим моментом в определении общественного строя любой формации, схема вводит в характеристики рабовладельческой и феодальной формаций внеэкономический момент — зависимое положение работника производства (полную несвободу при рабовладении, частичную — при феодализме). Совершенно ясно, что исключение этого момента лишило бы характеристики какого-либо реального содержания, ибо внеэкономическое принуждение, отношения господства-подчинения оставались неотъемлемой чертой всех послепервобытных докапиталистических структур. Во многих обществах, которые оцениваются в нашей историографии как феодальные, крупное землевладение (ни в форме частного, ни даже в форме государственного) не обнаруживается либо вовсе, либо в течение длительных периодов [43]. Тем не менее крестьянство и там подвергалось такого же рода эксплуатации, как и при манориальном режиме. Это обстоятельство всегда служило источником нескончаемых споров среди специалистов.

Общепринятый критерий формационного деления создает неразрешимые трудности при исследовании механизма возникновения классов и государства. Поскольку классы связывались с тем или иным типом монополии на средства производства, от исследователя требовалось выявление таких экономических предпосылок процесса классообразования, как имущественное неравенство. Другими словами, модель зарождения докапиталистических классов копировалась с модели генезиса классов буржуазного общества. Конкретные же исследования свидетельствовали, что связь социального расслоения с отношениями собственности на средства производства — явление зрелого классового общества, что возникновение социального расслоения опережает имущест-

[41] Следует заметить, что ранняя советская историография делала акцент именно на этой черте феодального строя. Но после теоретических дискуссий конца 20-х — начала 30-х годов от него отказались и стали выдвигать на первый план монопольное владение землей. В конкретных же исследованиях историки неизбежно обращались к внеэкономическому принуждению. Со времени выхода в свет брошюры И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» (1953), где подчеркивалось, что крупная земельная собственность являлась основой феодализма, внеэкономическое принуждение стало рассматриваться лишь как производная, дополнительная характеристика.

[42] По отношению к ней являлось бы более точным употребление термина «феодальное землевладение». Обоснование этого см. в названной выше книге М. В. Колганова.

[43] Заметим, кстати, что с начала 30-х годов в нашей литературе (особенно востоковедной) распространилась неверная точка зрения, идентифицирующая любые права государства на владения подданных с государственной собственностью на землю.

венную дифференциацию. С особой отчетливостью это обнаруживалось при изучении так называемых варварских, дофеодальных государств. Но и в древневосточных деспотиях, где отношения господства-подчинения, отношения эксплуатации достигали высокой степени развития, источником привилегий господствующих слоев и присвоения ими прибавочного продукта служило не только и не столько монопольное владение средствами производства, сколько восходящее к первобытности отделение от производительного труда организаторских функций (хозяйственных, военных, культовых и пр.). И в феодальном обществе сословное деление и связанное с ним распределение материальных благ отнюдь не определялось одним лишь землевладением. Большую, а на ранних этапах первостепенную роль играли происхождение, род занятий, положение на иерархической лестнице сюзеренитета-вассалитета и связанный с ними юридический статус. Со временем постепенно усиливалось значение такого фактора, как обладание движимым имуществом.

* * *

Марксистское учение об обществе исходит из признания примата производства. Естественно, что типология способов производства должна лечь в основу классификации общественных структур и периодизации исторического процесса.

Люди начинают отличать себя от животных, как только обретают способность производить необходимые им средства к жизни. Производя эти средства, они воспроизводят и сложившиеся общественные отношения [44]. Способы добывания средств существования определяют этапы в эволюции общественной структуры. Любое, даже самое примитивное, производство предполагает соответствующую организацию труда, его кооперацию и дифференциацию. Но характер производственной организации и, следовательно, всех экономических и в целом общественных отношений существенно различен.

На самых ранних ступенях человеческой истории экономика была присваивающей. Люди потребляли те продукты, которые им в готовом виде доставляла природа. Их присвоение, как справедливо замечает Энгельс, не было трудом в собственном смысле этого слова, ибо труд начинается с изготовления орудий [45]. В эпоху, когда господствовало простое присвоение, существование первобытного коллектива всецело зависело от биологического равновесия с природой [46]. Но уже на этих ранних ступенях появ-

---

[44] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 19.

[45] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 491.

[46] А. Богданов и И. Степанов. Указ. соч., т. I, гл. I.

ляются зачатки производства и разделения труда [47] Постепенное совершенствование орудий труда, с помощью которых первобытный человек присваивал дары природы, привело к возникновению производства как такового, к появлению земледелия и скотоводства. Это был революционный сдвиг в развитии производительных сил, повлекший за собой переворот в общественном устройстве [48]. С переходом коллективов собирателей, охотников и рыболовов к земледелию и скотоводству связаны оседлость и резкие перемены во всем комплексе духовной и материальной культуры. Они стали основой формирования в дальнейшем мировой цивилизации [49].

В отличие от промышленного переворота и современной научно-технической революции переход от присваивающего хозяйства к производящему занял огромную историческую эпоху. Это обстоятельство, вполне естественно, сказалось и на эволюции социальных отношений. Длительное сосуществование переходных форм в экономике служило источником характерной для докапиталистических стадий развития многоукладности и полиморфности конкретных социальных организмов.

С разложением первобытных общин на отдельные хозяйства (большесемейные или семейно-индивидуальные) резко усиливается общественное разделение труда и возникает потребность в обмене, хотя последний, как подчеркивает Маркс, зарождается еще в более раннюю эпоху [50]. На границах отдельных общин, при

[47] Элементы организации труда присутствуют уже у собирателей (распределение территории, сезонные колебания в размерах локальных групп и т. д.). У охотников и рыболовов они проявляются совершенно явственно. Здесь имеется зародыш перехода от естественно выросшего, основанного на поло-возрастных различиях разделения труда к профессиональному.

[48] Как свидетельствуют данные археологии и этнографии, этот скачок произошел на стадии неолита. Отсюда распространившийся в современной литературе термин — «неолитическая революция».

[49] Идея о переходе к земледелию и скотоводству как величайшей революции в способе добычи людьми средств к жизни впервые была выдвинута в трудах Моргана и Энгельса. Из советских исследователей развитием этой идеи много занимались А. А. Богданов и М. В. Колганов (см. А. Богданов и И. Степанов. Указ. соч., т. 1; М. В. Колганов. Указ. соч.). В последнее время над названной проблемой активно работают зарубежные археологи и социологи. Ссылки на их работы см. в статье Л. С. Васильева «Некоторые проблемы генезиса мировой цивилизации в современных зарубежных исследованиях».— «Народы Азии и Африки», 1966, № 2.

[50] «В пределах семьи — а с дальнейшим развитием в пределах рода,— пишет Маркс,— естественное разделение труда возникает вследствие половых и возрастных различий, т. е. на чисто физиологической почве, и оно расширяет свою сферу с расширением общественной жизни, с ростом населения, особенно же с появлением конфликтов между различными родами и подчинением одного рода другим» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 364). В примечании к 3-му изданию 1-го тома «Капитала» Энгельс поясняет: «Более поздние весьма основательные исследования первобытного состояния человечества привели автора к выводу, что первоначально не семья развилась в род, а, наоборот, род был первоначальной естественно сложившейся формой человеческого общества, покоящегося на кровном родстве, так что различные формы семьи развиваются лишь впоследствии из начавшегося разложения родовых союзов» (там же, прим. 50а). «Особые органы непосредственно связного целого,— по словам

их соприкосновении возникает обмен, зиждившийся на естественно сложившихся различиях в способе производства отдельных общин. Это начало общественного разделения труда. Обмен здесь, как подчеркивает Маркс, опосредствует связь между первоначально различными, но не зависимыми друг от друга сферами производства. Но именно вследствие самостоятельности и независимости производственных ячеек отношения обмена не могут выступать в роли господствующих социальных связей. Они не приобретут эту роль и на следующей ступени общественного разделения труда, когда первоначально единое общинное производство разлагается на отдельные парцеллы. Совершенно ясно поэтому, что, какого бы высокого уровня ни достиг обмен на докапиталистической стадии (а в зрелых античных и феодальных обществах этот уровень действительно был высоким), он не может произвести переворота в способе производства и тем самым определить характер общественной структуры.

Маркс показал коренную противоположность капиталистического способа производства, основанного на отделении свободного труда от объективных условий его осуществления, и всех вместе взятых докапиталистических способов производства, представляющих естественное единство труда с его вещными предпосылками [51]. Это единство присуще и коллективной (общинной), и индивидуальной (парцеллярной) форме производства. «В обеих формах,— пишет Маркс,— индивиды ведут себя не как рабочие, а как собственники и члены коллектива (Gemeinwesens), которые в то же время трудятся. Целью этого труда является не *создание стоимости*,— хотя они и могут затрачивать прибавочный труд, чтобы выменять для себя *чужой* {труд}, т. е. прибавочные продукты,— но целью его является обеспечение существования отдельного собственника и его семьи, а также и всей общины» [52]. Отмеченная противоположность капиталистического, с одной стороны, и ему предшествующих способов производства, с другой,— имеет своим источником, как считает Маркс, различие экономических базисов. Капиталистическое производство — производство машинное. В нем не только орудия труда, но также средства и предметы труда в подавляющей своей части создаются в самом производстве. Базисом же всех докапиталистических форм производства является земля, доставляющая и средства

Маркса,— разъединяются, разлагаются,— причем главный толчок этому разложению дает обмен товарами с чужими общинами,— и становятся самостоятельными, сохраняя между собой лишь ту связь, которая устанавливается между отдельными работами посредством обмена их продуктов в качестве товаров. В одном случае утрачивает самостоятельность то, что раньше было самостоятельным, в другом случае приобретает самостоятельность раньше несамостоятельное» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 364—365).

[51] К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству.— М., 1940, стр. 4—5.

[52] Там же, стр. 5.

труда, и материал труда, и место для поселения. При этих формах «действительное *присвоение* посредством процесса труда происходит при таких *предпосылках*, которые сами не являются *продуктом* труда, но представляются его естественными или *божественными* предпосылками» [53]. Главное объективное условие труда здесь — не продукт труда, а сама природа.

Капитализм — не просто более высокая ступень в прогрессивном развитии разделения труда и обмена. Это качественно новая ступень. Общественное разделение труда и опосредствующий его товарный обмен в добуржуазных структурах являются лишь общей предпосылкой капиталистического способа производства. Чтобы возник этот последний, потребовался качественный сдвиг в развитии производительных сил и организации производства. Таким сдвигом явился промышленный переворот, выступивший как пограничная веха между обществами, базисом которых являлась земля, и обществом индустриальным [54]. Усиливая и доводя до абсолютной формы товарный обмен, капиталистический способ производства уже на мануфактурной стадии создает новый тип разделения труда, отличающийся, как считал Маркс, не только по степени, но и по существу [55]. Разделение труда внутри капиталистического производства превращает индивидов, по выражению Маркса, в простые звенья совокупного механизма, а общественное разделение труда противопоставляет друг другу независимых товаропроизводителей. Это обстоятельство обусловливает принципиальное различие элементарных ячеек и связей, существующих между ними, в докапиталистических и капиталистической общественных структурах. Капиталистическое общество — это система взаимосвязаных производственных коопераций во главе с капиталом, концентрирующим средства производства, отделенные от непосредственных производителей. Докапиталистические общества — совокупность экономически не зависимых друг от друга ячеек, покоящихся на органическом единстве индивида и объективных условий труда, на непосредственном соединении земледелия и домашней промышленности.

Рост обмена как материализованного выражения разделения труда между разными сферами производства (а затем внутри этих сфер) уже на докапиталистических стадиях мало-помалу

---

[53] Там же, стр. 6.

[54] В зарубежной литературе все земледельческие, скотоводческие, а также предшествующие им коллективы собирателей, охотников и рыболовов обычно объединяются под названием традиционных.

[55] «Разделение труда внутри общества опосредствуется куплей и продажей продуктов различных отраслей труда; связь же между частичными работами внутри мануфактуры опосредствуется продажей различных рабочих сил одному и тому же капиталисту, который употребляет их как комбинированную рабочую силу. Мануфактурное разделение труда предполагает концентрацию средств производства в руках одного капиталиста, общественное разделение труда — раздробление средств производства между многими не зависимыми друг от друга товаропроизводителями» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 367—368).

начинает придавать производству общественный характер. С торжеством капитализма товарный обмен становится всеобъемлющим. В товар превращаются не только продукты труда, но и сам труд, производительная сила человека, что создает качественно отличную ступень общественного развития.

Общественный характер производства при капитализме проявляется прежде всего в концентрации капитала на одном полюсе и экспроприации непосредственных производителей — на другом. Основное отношение капиталистического общества — отношение свободного наемного труда и капитала. Это производственное отношение. Оно не только предопределяет характер всех других отношений, но и выступает в качестве непосредственной социальной связи. Докапиталистические способы производства, как уже говорилось, исключают подобную роль производственных отношений. Последние не выходят там за пределы элементарных ячеек производства и их простейших комбинаций. Соответственно ограничено и место производственных отношений в общей совокупности общественных связей. В силу натурально-замкнутого, потребительского характера экономики производственные связи представлены в добуржуазную эпоху лишь в той мере, в какой существует общественное разделение труда и опосредствующий его обмен.

Как показал Маркс, доминантным типом социальных связей в первобытную эпоху являются связи естественные, родо-племенные, в классовых докапиталистических обществах — политические, отношения господства-подчинения. Маркс вскрыл и те факторы, которые, с одной стороны, обусловили общий для всех докапиталистических структур непроизводственный характер ведущих общественных связей, а с другой — их различие. Поскольку во всех докапиталистических формах производства присвоение природного условия труда (земли как самого первоначального средства труда, лаборатории и хранилища сырья) происходит не при посредстве труда, а предшествует труду в качестве его предпосылки, постольку «индивид относится к объективным условиям труда просто, как к своим, относится к ним, как к неорганической природе своей субъективности, в которой эта субъективность сама себя реализует»[56]. Отношение индивида к объективным условиям труда опосредствовано здесь его существованием как члена коллектива.

Этот коллектив принимает разные формы. На стадии первобытности он выступает в виде естественно сложившегося объеди-

---

[56] К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 16—17. «Производитель,— пишет Маркс,— существует как член семьи, племени, рода и т. д., которые затем, смешиваясь с другими семьями и т. д., и противопоставляя себя им, принимают исторически различную форму, и в качестве такового он относится к определенным природным условиям... как к своему собственному неорганическому бытию, как к условию своего производства и воспроизводства» (там же, стр. 22).

нения родичей [57] С прогрессом в разделении труда, с отделением функций организаторских (экономических, военных, культовых и пр.) возникает социальная дифференциация (сначала в виде кастового строя и сословной неравноправности, а затем строя, основанного на рабстве и крепостничестве). В результате этого естественно сложившаяся (природная) общность заменяется общностью, проявляющейся как отношения господства-подчинения и закрепляемой политической, государственной организацией. Возможность перехода к этой второй (уже не естественной, а исторической) форме общности заложена, по мнению Маркса, в первоначальных условиях производства, выступающих как природные условия существования производителя, которые не могут быть произведены, не могут явиться результатами производства. Но отмеченная Марксом потенциальная возможность превращается в действительность только при определенном уровне развития производительных сил, при переходе от присваивающей экономики к производству в собственном смысле слова.

Вопреки распространившейся в советской науке точке зрения, отношения господства-подчинения, будучи обусловлены прогрессом в разделении труда, т. е. экономическим процессом, сами по себе отнюдь не являются производственными [58]. «Всякое производство,— это основополагающее положение марксизма,— есть присвоение индивидуумом предметов природы в пределах определенной общественной формы и посредством нее» [59]. Но, как справедливо замечает М. В. Колганов, нельзя утверждать обратное: будто бы всякое присвоение есть производство. Можно присваивать, и не производя. Начиная с ранних стадий исторического развития продукты труда присваиваются в результате общественного распределения, обмена, различных налогов, ренты, пожалований и т. п. [60]

---

[57] «Естественно сложившаяся племенная общность или, если угодно, стадность, есть первая предпосылка (сродство по крови, языку, нравам и т. д.) *присвоения* людьми *объективных условий* как их жизни, так и той деятельности, которой эта жизнь воспроизводится и облекается в предметные формы (деятельность как пастухов, охотников, земледельцев и т. д.)» (там же, стр. 5). И в объяснении, по Марксу, нуждается «не *единство* живых и деятельных людей с естественными, неорганическими условиями их обмена веществ с природой, и в силу этого их присвоение природы, а *разрыв* между этими неорганическими условиями человеческого бытия и этим деятельным бытием, разрыв, впервые становящийся полным лишь в форме отношения наемного труда и капитала. В отношениях рабства и крепостной зависимости этого разрыва нет; напротив, одна часть общества обращается с другой его частью просто как с *неорганическим* и *естественным* условием своего собственного воспроизводства. Раб не находится в каком-либо отношении к объективным условиям своего труда; напротив, сам *рабочий*, и в форме раба и в форме крепостного, ставится в качестве *неорганического условия* производства в один ряд с прочими существами природы, рядом со скотом, или привесок к земле» (там же, стр. 22).

[58] Следует заметить, что в литературе последних лет имелись отдельные попытки пересмотреть общепринятую концепцию (см., например, Ф. Морозов. Об одном опыте изложения политической экономии феодализма.— «Вопросы экономики», 1958, № 11).

[59] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, стр. 713.

[60] М. В. Колганов. Указ. соч., стр. 4, 5.

Отношения господства-подчинения в феодальном обществе касаются присвоения прибавочного продукта. Маркс подчеркивал личностный характер этих отношений. Противопоставляя капиталистическое общество с его товарным фетишизмом, маскирующим реальные общественные отношения и создающим иллюзию всемогущества вещей, обществу средневековому, Маркс писал: «Но именно потому, что отношения личной зависимости составляют основу данного общества, труду и продуктам не приходится принимать отличную от их реального бытия фантастическую форму. Они входят в общественный круговорот в качестве натуральных служб и натуральных повинностей» (разрядка наша.— *Л. Д.*) [61]. Личностный характер социальных связей выступает здесь в обнаженной форме [62]. «Таким образом,— заключает свою мысль Маркс,— как бы ни оценивались те характерные маски, в которых выступают средневековые люди по отношению друг к другу, общественные отношения лиц в их труде проявляются во всяком случае здесь именно как их собственные личные отношения, а не облекаются в костюм общественных отношений вещей, продуктов труда» [63].

Несовпадение производственных отношений и господствующих социальных связей при феодализме явилось причиной того, что генезис капитализма имел две стороны. Одна из них — освобождение непосредственного производителя от личной зависимости, прикрепления к земле, феодальных повинностей, цехового принуждения, сословной неполноправности и привилегий, другая — экспроприация у работника средств производства и всех тех гарантий существования, которые ему были обеспечены старинными феодальными учреждениями [64].

Маркс выявил принципиальное различие отношений между непосредственными производителями и господствующим классом (а также и соответствующих форм эксплуатации) при капитализме и в предшествующих ему структурах, в частности феодальных. Говоря об этих последних, Маркс констатирует: «Рента, не прибыль, — вот та форма, в которой здесь выражается неоплаченный прибавочный труд» [65]. При характеристике ренты как специфической формы извлечения прибавочного продукта Маркс подчеркнул, что рентные отношения, вытекая из определенного состояния производства, сами по себе отнюдь не

---

[61] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 87.

[62] В свете процитированного высказывания Маркса нам представляется необоснованным распространенное в советской историографии мнение о том, будто при феодализме экономические отношения людей, как и в капиталистическом обществе, выступают не в обнаженном виде, а выглядят отношениями политическими, государственными. В наиболее категоричной форме это мнение высказано Б. Ф. Поршневым (см. Б. Ф. Поршнев. Феодализм и народные массы. М., 1964, стр. 38—39 и др.).

[63] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 87—88.

[64] Там же, т. 23, стр. 727.

[65] Там же, т. 25, ч. II, стр. 352.

являются производственными отношениями. Совсем напротив. В силу того, что во всех докапиталистических обществах непосредственные производители остаются владельцами средств и условий труда, «прибавочный труд для номинального земельного собственника можно выжать из них только внеэкономическим принуждением, какую бы форму ни принимало последнее», а «отношение собственности должно в то же время выступать как непосредственное отношение господства и порабощения, следовательно, непосредственный производитель — как несвободный ...» [66]. Таким образом, Маркс отмечает, что отношения между эксплуататорами и эксплуатируемыми, т. е. основные социальные связи на данной ступени исторического развития, будучи обусловлены господствующим способом производства, по своему характеру не являлись непосредственно экономическими, производственными.

Господствовавшие во всех докапиталистических структурах связи были неэкономическими. Но такой их характер, как говорилось выше, был порожден соответствующим состоянием экономики: достигнутым уровнем и формой разделения труда, организацией производственных ячеек, потребительской направленностью, раздробленностью и замкнутостью производства. В этом смысле любая докапиталистическая формация является социально-экономической. Развитие экономики со всеми вытекающими из этого последствиями в социальной структуре обусловливало эволюцию докапиталистических общественных связей. Но роль и место экономики были существенно иными по сравнению с формацией капиталистической.

В современном обществе семейные, экономические, социальные, политические и идеологические отношения при всей своей связи и взаимообусловленности отчетливо разграничиваются. Более того, они представлены различными институтами. Подобная расчлененность отношений и институтов — результат прогрессирующего общественного разделения труда, прямое следствие дифференциации функций в процессе материального производства и воспроизводства жизни. Чем примитивнее ступень исторического развития, тем слабее выражается обособленность институтов и отношений. На той же архаической ступени, на которой община являлась основным социальным организмом, они были слиты как бы воедино. Первобытная община, как говорилось выше,— одновременно и хозяйственный, и семейно-бытовой, и идеологический коллектив. Прогресс в общественном разделении труда, связанный с ростом производительных сил, увеличение плотности населения (что также являлось выраже-

---

[66] Там же, стр. 353. Это заключение Маркс считает справедливым независимо от того, идет ли речь об обособленной крестьянской парцелле или о крестьянских хозяйствах, объединенных в производственную общину, как, например, в Индии.

нием растущей производительности труда) вели к интенсификации межобщинных сношений, к объединению разрозненных первобытных коллективов в единую систему[67]. Брачные классы, роды, фратрии, племена и были носителями первоначальных, наиболее архаичных общественных связей[68]. Эти связи приняли форму естественных в силу самого характера первобытного коллективизма. При слабой технической вооруженности труда на заре человеческой истории коллектив выступал не только как дополнительная производительная сила, но и как предпосылка производства. Именно этим объясняется то обстоятельство, что и внутри общины как производственно-бытовой ячейки и вне ее, в более сложных социальных организмах первобытности, в основе общности лежали кровнородственные связи.

В отличие от социальных связей первобытности, выражающих отношения ограниченного круга однородных коллективов, территориально-административные, государственные связи носили политический характер. Объединяя элементарные ячейки общества, они оформляли также и складывающуюся социальную стратификацию. В этом смысле правильнее говорить о раннеклассовом государстве как социально-политическом, а не просто политическом институте. Уже на последних этапах первобытности начинает утрачиваться однородность и равноправие коллективов, выделяются общины, роды и племена, возвышающиеся над массой остальных общин, родов и племен. Это был шаг по пути к возникновению классового общества. Чаще всего господство одних коллективов над другими устанавливалось в результате войны, но война — лишь механизм, посредством которого утверждалось неравенство. Причина же последнего лежит глубже, в развитии общественного разделения труда, в дифференциации функций отдельных элементарных ячеек. Наглядным подтверждением этого является кастовое устройство[69]. Неравноправие каст имело своей основой разделение организаторских и производительных функций, а внутри последних — профессиональные различия. Принадлежность к той или иной касте или сословию определялась не отношением к средствам производ-

---

[67] Описание механизма интеграции первобытных общин, а также причин, порождающих эту интеграцию, дано в «Курсе политической экономии» А. Богдановым. См. А. Богданов и И. Степанов. Указ. соч., т. I, гл. I, II.

[68] Разумеется, это не исключало того, что у родов и даже фратрий и племен имелись отдельные экономические функции.

[69] Маркс считал кастовое устройство высшим пределом социального неравенства, какое только было возможно при родо-племенном строе: «*Племена*, организованные по родовому признаку, древнее племен, созданных по территориальному признаку, и первые почти повсеместно были вытеснены последними. Их самая крайняя, самая строгая форма — это кастовое устройство, когда одна каста отделена от другой; между ними не допускается смешения путем браков; касты совершенно различны по своему значению; у каждой касты своя исключительная, неизменная профессия» (К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 12—13).

ства, а происхождением, т. е. родовым принципом, который в данном случае закреплял сложившееся разделение труда.

Общественное разделение труда составляет в конечном счете основу любой социальной стратификации [70]. Но коль скоро степень зрелости и характер общественного разделения труда не остаются постоянной величиной, то конкретные формы и проявления ее меняются. Кастовое устройство самым непосредственным образом подводило к сословному, политическому делению общества. Но вместе с тем оно сохраняло родовой принцип. Кастовый строй являлся как бы промежуточным, переходным между родовым строем и строем политическим. Выделение различных по своему общественному положению сословий (по степени свободы, знатности, привилегиям и т. д.) означало решительный разрыв естественных, природных связей, на которых покоилось первобытное общество. Консолидировавшиеся в виде разнообразных политических организаций (деспотий, жреческих корпораций, вассальной иерархии) представители высших слоев общества не сразу, конечно, утрачивали связь со своими общинами, родами, племенами [71]. Однако не она была определяющей в их отношениях с массой рядовых членов общества и между собой. Власть, привилегии, прибавочный продукт распределялись в зависимости от места на иерархической лестнице чинов и должностей. На определенном этапе исторического развития социальное неравенство закрепляется монопольным владением средствами производства. Последнее возникает еще в докапиталистическую эпоху, но полное и конечное развитие получает лишь при капиталистическом способе производства. Только в капиталистическом обществе с присущим ему отделением производительного труда от условий его осуществления монополия на средства производства становится решающим признаком классообразования. В докапиталистических структурах, при системе рабства и крепостничества земельная собственность — а земля в этих структурах составляет основной экономический базис—предстает лишь «составной частью собственности определенных лиц на

---

[70] Это положение получило развернутое обоснование в работе Энгельса «Анти-Дюринг». Энгельс выводит происхождение отношений господства-подчинения и государства из общественного разделения труда, из дифференциации общественно полезных функций. Энгельс пишет, что «в основе *политического господства повсюду* лежало отправление какой-либо общественной должностной функции и что политическое господство оказывалось длительным лишь в том случае, когда оно эту свою общественную должностную функцию выполняло» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 184). Характеризуя второй путь становления классовых государственных отношений (путь через рабство) Энгельс вновь и вновь подчеркивал, что он стал возможным лишь на определенной ступени хозяйственного развития, при определенном уровне разделения труда (там же, стр. 185 и сл.).

[71] В некоторых обществах (особенно тех, которые отличались застойным характером) родовой принцип в течение длительного времени сохранял большое значение в организации политической власти (наследовании верховной власти, назначении на военные и административные должности и т. п.).

личность непосредственных производителей»[72]. Могущество феодальных владык, как говорит Маркс, определялось не размерами их владений, а числом подданных[73]. Маркс показал, что та форма, в которой находит земельную собственность зарождающийся капитализм, непригодна для него: «Соответствующая ему (т. е. капитализму.— *Л. Д.*) форма впервые создается им самим посредством подчинения земледелия капиталу; таким образом и феодальная земельная собственность, и клановая собственность, и мелкая крестьянская собственность с земельной общиной (Markgemeinschaft) превращаются в экономическую форму, соответствующую этому способу производства, как бы ни были различны их юридические формы»[74].

Возникновение и развитие социального неравенства — результат общественного разделения труда, т. е. экономического процесса. Но господствующие в докапиталистических обществах сословия не являются господствующими экономически, т. е. монопольно владеющими средствами производства. (Таковыми они становятся только при капитализме, отделяющем работника от средств и условий производства.) Непосредственным следствием этого является характерная для послепервобытных докапиталистических структур тесная связь и даже полное совпадение господствующих сословий с военно-государственной и церковной организацией. Правящие слои докапиталистических обществ представлены сословиями, обладающими политической властью и монополией на отправление культовых потребностей[75]. Исторические источники неопровержимо свидетельствуют, что не крупный земельный собственник, выделившийся из общинной верхушки, превращался в феодального сеньора, а совсем напротив, политически господствующие слои со временем узурпировали земельные владения подданных, на которых распространялась их власть[76]. Лишь в результате длительного исторического процесса представители высших общественных слоев из управителей отдельных территорий, военных вождей, сборщиков дани, налогов

[72] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 184. Само собой разумеется, что наряду с этим имеет место и чисто экономический процесс складывания монопольной земельной собственности, процесс, который особенно интенсивно протекал в послепервобытную эпоху, а затем накануне и в начале капиталистической эры.

[73] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 729.

[74] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 166.

[75] Отмеченное совпадение военно-государственной организации и церковной надстройки с правящими сословиями в докапиталистических обществах не исключает того, что наряду с ними возникают и постепенно усиливаются сословия, господствующие экономически, прежде всего торгово-ростовщический капитал. Но весьма характерно, что и этот последний часто сливается с правящей верхушкой. Яркими примерами подобного симбиоза могут послужить республики Италии XIV—XV вв., Новгородская и Псковская республики того же времени.

[76] В этой связи хотелось бы обратить внимание на необходимость пересмотра укрепившейся в советской историографии концепции происхождения феодального иммунитета, считающей источником судебно-административных торговых и прочих льгот не королевское (или княжеское) пожалование, а земельную собственность.

и пошлин, вершителей суда превратились в земельных собственников. Характерной чертой феодального строя, чертой, которую отмечают буквально все исследователи феодализма [77], было слияние личности государя (императора, царя, короля, князя, герцога, графа и т д.) и земельного собственника, публичноправовых и частноправовых функций. Землевладельческие права феодала были тесно связаны с политическим господством. Каждый крупный сеньор выступал в своей вотчине или поместье как правитель, судья и военный страж. Сюзерен осуществлял связь между вассальными владениями, совокупность которых и составляла феодальное государство. В отдельных обществах (особенно на Востоке) в силу специфических естественно-географических и исторических условий процесс превращения государя в земельного собственника развивался крайне медленно [78]. Лишь к исходу феодальной формации земельный собственник начинает обособляться от государя. Но завершенности этот процесс не приобретает. До самого конца крупный землевладелец сохраняет по отношению к зависимым крестьянам функции правителя, а феодальное владение — черты государственной организации [79]. В послепервобытных же обществах господствующие слои, собственно, и представлены исключительно политической организацией (в виде государства или его предпосылочных форм) [80]. Процесс отделения военно-государственного (а в некоторых обществах теократического) аппарата от господствующих сословий начинается с момента превращения их в экономически господствующий

---

[77] Эта черта отмечается даже теми исследователями, которые моделируют систему общественных отношений при феодализме по типу капиталистических и видят в собственности феодалов на землю основу основ феодального строя (см., например, Б. Ф. Поршнев. Феодализм и народные массы, стр. 33—43 и др.).

[78] Так, в Китае, где классовое общество начало формироваться во втором тысячелетии до нашей эры, еще в XIX — начале XX в. социальная природа управителей провинций (милитаристов) была неясной. (Это обстоятельство не исключает, разумеется, того, что в предшествующие периоды на отдельных территориях Китая феодальные отношения и феодальное землевладение могли получить законченное выражение.). Опираясь на мощный репрессивный аппарат и присваивая большую часть собираемых с населения налогов, милитаристы фактически выступали как распорядители и собственники подвластных территорий. Но их отношения с крестьянством тем не менее существенно отличались от феодальных. Главной формой крестьянского землепользования в Китае в это время была аренда, связанная с кабальными формами зависимости, ростовщическими процентами, обработками и т. п.

[79] Применительно к феодально-крепостнической России первой половины XIX в. эти черты великолепно раскрыты Н. М. Дружининым в его исследовании «Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева» (т. I. М.—Л., 1946; т. II. М., 1958).

[80] В так называемых варварских государствах господствующие слои были представлены родо-племенной знатью, роль которой постепенно падала, и дружиной, значение которой все более и более возрастало. Подобная картина характерна не только для обществ, переходных к феодализму, но и для кануна античных рабовладельческих государств. Яркий пример тому — господство военной общины спартиатов над зависимыми земледельцами-илотами. В кочевых послепервобытных обществах господствующий род (или племя) всегда организован как военная дружина, возвышающаяся над массой прочих родов и племен.

класс. Действительно полное отделение класса, обладающего монополией на средства производства, от государства, т. е. полное расчленение социально-экономических и политических отношений, имеет место только при господстве капиталистического способа производства [81].

При капитализме отношения собственности — это отношения между непосредственными производителями и владельцами средств и условий производства по поводу этих средств и условий. Раб же, как подчеркивалось в приведенном выше положении Маркса из рукописи «Формы, предшествующие капиталистическому производству», не находится в каком-либо отношении к объективным условиям своего труда; он сам выступает в качестве придатка к этим объективным условиям [82]. Поэтому свойственные рабовладельческому обществу формы личной зависимости и монопольной собственности на средства производства следует рассматривать как крайнее выражение, предельное развитие тех форм, какие были присущи крепостничеству.

Таким образом, монопольное владение средствами и условиями труда — это историческая категория, содержание которой, а также место в системе общественных отношений определяются господствующим на данной стадии развития способом производства. Монополия на средства производства даже и при капитализме — не единственная характеристика господствующего класса [83]. В докапиталистических формациях — это и не самая главная характеристика. При господстве докапиталистических способов производства, основывающихся на соединении работника со средствами производства, в качестве ведущей формы собственности выступает собственность непосредственного производителя (в виде корпоративной, парцеллярной либо сочетающей в себе оба начала). Поскольку эволюция форм собственности непосредственного производителя отражала соответствующую экономическую эволюцию (постепенную индивидуализацию производства, переход к парцелле, развитие обмена и т. д.), постольку она находилась, конечно, в определенном отношении к эволюции социальных отношений. В конечном счете и одна и другая вытекали из общественного разделе-

---

[81] Сказанное здесь не исключает того, что и при капитализме государство выполняет известные экономические функции, а собственники средств производства обладают политической властью. На стадии монополистического капитализма это сращивание политических и экономических функций даже усиливается.

[82] К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 22.

[83] Давая характеристику общественных классов, Ленин писал: «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 15).

ния труда[84], но прямой зависимости между ними нет. Безусловно, что экономической базой деспотии чаще всего была система общин, сохраняющих сильные черты коллективизма, а вассальная иерархия наблюдалась там, где разложение общины зашло уже достаточно далеко. Однако преобладание того или иного типа политической организации, т. е. тех или иных форм отношений господства-подчинения, всегда являлось результатом взаимодействия целой совокупности факторов[85]. Отсутствие условий для экспроприации средств производства у непосредственных производителей в докапиталистических обществах лимитировало рост крупной частной собственности. Сколько-нибудь зрелые формы такой собственности известны только в рабовладельческих обществах. Однако распространение этих обществ было ограничено и территориально, и хронологически. При феодализме крупная земельная собственность существует как условная и разделенная. Поэтому основу социальной дифференциации в докапиталистических обществах составляет не монопольное владение основными средствами производства (прежде всего землей), а непосредственные отношения господства-подчинения, выражающие собой определенную ступень в развитии общественного разделения труда.

Характеризуя основные способы присвоения людьми материальных благ в докапиталистическую эпоху — простое присвоение готовых продуктов природы и присвоение земли как средства производства — необходимо подчеркнуть, что второй из названных способов имел две формы: коллективную (общинную) и частную (семейно-индивидуальную). Им соответствовали две стадии общественного развития, две принципиально отличных системы социальной организации: доклассовая, первобытнообщинная и классовая государственная. В качестве господствующего типа социального общения в первой выступают связи естественные, во второй — отношения господства-подчинения. В наиболее законченном виде эти последние представлены в крепостничестве и рабстве. Для структур с переходными формами[86] более характерны кастовый строй, сословное неравенство

---

[84] Начиная с самых ранних своих работ, Маркс и Энгельс подчеркивали, что «различные ступени в развитии разделения труда являются вместе с тем и различными формами собственности, т. е. каждая ступень разделения труда определяет также и отношения индивидов друг к другу соответственно их отношению к материалу, орудиям и продуктам труда» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 20).

[85] В этой связи популярная в последних теоретических дискуссиях по докапиталистическим обществам точка зрения, согласно которой в основе типологии докапиталистических структур лежит типология общинной собственности, не представляется убедительной. Совокупность отдельных общин еще не есть общество. Процесс социальной стратификации, имея своей базой разложение корпоративных (общинных) начал, выходит за рамки общины.

[86] В рукописи «Формы, предшествующие капиталистическому производству» Маркс показал восточную, античную и германскую общины как последовательные стадии разложения коллективных и рождения частных форм присвоения. В первом случае кол-

и те отношения господства-подчинения, которые наблюдаются в обществах, условно именуемых обществами азиатского способа производства.

* * *

Предпринятый выше краткий обзор дискуссий о докапиталистических обществах показывает, что они касаются концепции общественных формаций в целом. В них остро встала проблема периодизации исторического процесса и классификации общественных структур, проблема критериев, с помощью которых, с одной стороны, выделяются самостоятельные формации, а с другой — различные конкретно-исторические варианты этих формаций.

В дискуссиях с особой наглядностью проявилась недостаточность логического аппарата, которым пользуются историки для теоретического анализа докапиталистических обществ. Этот аппарат сложился на базе политэкономии капитализма. Но способы производства и порожденные ими структуры при капитализме и в докапиталистическую эпоху принципиально отличны. Содержание таких важнейших понятий, как производственные отношения, собственность, социальный организм и т. д., в докапиталистическую эпоху оказывается существенно иным, чем при капитализме. Именно недостаточность, неадекватность логического аппарата привели к тому, что общественные структуры переходной от доклассового общества к классовому эпохи оказались вне рамок схемы. В этом же кроется причина споров о роли экономики в эволюции первобытной формации. Камнем преткновения для разрешения многих вопросов теории докапиталистических формаций явилось прямое проецирование на эти формации механизма соответствующих процессов буржуазного общества.

В этом отношении дискуссии относительно первобытных и раннеклассовых обществ смыкаются с современными дискуссиями экономистов, возникновение которых связано с потребностью в разработке политической экономии, удовлетворяющей практическим нуждам социалистического общества. В процессе углубленного исследования специфических закономерностей разных стадий общественного развития происходит и осмысление исходных положений, углубляющее марксистскую теорию.

лектив — первая предпосылка присвоения, «субстанция, индивиды же всего-навсего лишь акциденции ее, или ее составные части, сложившиеся чисто естественным путем» (стр. 8). Во втором случае община по-прежнему остается предпосылкой присвоения земли. Но характер ее существенно меняется. Каждый член ее — уже не владелец (как в восточной форме), а частный собственник. И община (государство) здесь — это союз свободных и равных собственников, объединившихся против внешнего мира (стр. 9—10). Германская форма собственности по существу является отрицанием корпоративности (стр. 16).

Н. Б. ТЕР-АКОПЯН

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС О ХАРАКТЕРЕ ПЕРВИЧНОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ФОРМАЦИИ

Первичной общественной формацией К. Маркс называл обширный период в жизни человечества, предшествовавший возникновению классовых обществ [1]. Вопрос о ее сущности, об этапах ее развития — один из наиболее сложных в исторической науке. За 75 лет, прошедших со времени выхода последнего прижизненного издания классической работы Ф. Энгельса о доклассовом обществе, наука сделала огромный шаг вперед. Интенсивное накопление разнообразного материала по антропологии, этнографии, археологии и лингвистике требовало постоянного пересмотра старых представлений. С каждым новым сколько-нибудь существенным открытием возникали острые споры вокруг концепции Моргана — Энгельса, выдвигались новые гипотезы относительно ранних ступеней развития человеческого общества. Эти дискуссии продолжаются и в наши дни. Подвергается, например, сомнению существование матриархата как особой стадии в развитии первобытного общества, обсуждается вопрос о соотношении рода и общины, на этой основе предпринимаются попытки дать новую периодизацию истории доклассового общества.

Обильный фактический материал, которым располагает наука, позволяет воссоздать с большей точностью картину первобытного общества, глубже понять закономерности его развития. Энгельс и сам указывал, что «значительное расширение материала» может впоследствии явиться основанием для изменения периодизации, предложенной Морганом [2]. Однако на пути исследователей возникают серьезные трудности. Фактический материал, подчас слишком разнородный, содержит обычно лишь косвенные свидетельства о первобытном обществе и допускает различные толкования. Кроме того, науке остаются, вероятно все еще неизвестными некоторые важные звенья пер-

---

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 419.

[2] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 28.

вобытной истории. Все это порой ведет к ошибкам, к односторонним обобщениям, приписыванию универсального значения тем или иным частным явлениям, присущим одному или нескольким обществам. Напротив, многообразие путей развития различных народов нередко заслоняет от ученых общие закономерности.

Правильный методологический подход к проблемам первобытности — необходимое условие их решения. Между тем значение идейного наследия Маркса и Энгельса для изучения первобытной истории все еще раскрыто недостаточно. Иначе трудно объяснить противоречивые оценки некоторых положений книги Энгельса, которые высказывались в советской литературе в разные периоды. Если в 30-х годах отдельные авторы принимали некритически даже тезисы Энгельса, основанные на устаревших данных [3], то в 40-х и 50-х необоснованно подвергалось критике одно из краеугольных положений концепции Энгельса об определяющей роли уз родства в первобытной истории [4]. Ряд изданий «Происхождения семьи, частной собственности и государства» появился с соответствующими комментариями и «уточнениями» [5]. Энгельса упрекали в том, что он в предисловии к первому изданию своей работы «допускает неточность, ставя рядом продолжение рода и производство средств к жизни в качестве причин, определяющих развитие общества и общественных порядков» [6]. При этом полностью игнорировались особенности первобытной эпохи, к которой относилось высказывание Энгельса. Критика в сущности велась с позиций вульгарного экономического материализма. Лишь с конца 50-х годов наметился более правильный подход к этому положению Энгельса. Прежние упреки были охарактеризованы как «ошибочные, лишенные основания»; появились статьи, в которых убедительно доказывалась правота Энгельса [7].

---

[3] Например, признание пуналуальной формы семьи предшественницей рода (см. В. И. Равдоникас. Маркс — Энгельс и основные проблемы истории доклассового общества.— В кн.: «Карл Маркс и проблемы истории докапиталистических формаций». М.— Л., 1934, стр. 177; «Вопросы истории доклассового общества. Сборник статей к пятидесятилетию книги Фр. Энгельса „Происхождение семьи, частной собственности и государства"».— «Труды Ин-та антропологии, археологии и этнографии», т. IV, М.—Л., 1936; В. Рудаш. Вопросы государства и социал-фашисты. М., 1933.

[4] См., например, В. Светлов. О книге Энгельса «Происхождение...».— «Большевик», 1940, № 24; «Краткий философский словарь». Под ред. М. Розенталя и П. Юдина. М., 1954, стр. 485.

[5] В предисловиях к отдельным изданиям книги в 1945 и 1947 гг., в специальных примечаниях к изданиям 1949, 1950, 1951, 1952 гг., а также в примечании ко II тому «Избранных произведений К. Маркса и Ф. Энгельса» (М., 1955, стр. 161).

[6] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1949, стр. 4.

[7] См. В. Платковский. Выдающееся произведение научного коммунизма.— «Коммунист», 1959, № 14, стр. 73; К. И. Власов. О значении родовых отношений в первобытном обществе.— «Вопросы философии», 1962, № 11; Г. Д. Обичкин. Письмо в

Тезис Энгельса, о котором говорилось выше, содержит ключ к пониманию марксистской концепции первобытной истории. Изложив его в 1884 г. в предисловии к первому изданию своей работы, он счел нужным сохранить его без изменения и в последующих изданиях. «Согласно материалистическому пониманию, — писал он, — определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно, опять-таки, бывает двоякого рода. С одной стороны — производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой — производство самого человека, продолжение рода. Общественные порядки, при которых живут люди определенной исторической эпохи и определенной страны, обусловливаются обоими видами производства: ступенью развития, с одной стороны — труда, с другой — семьи. Чем меньше развит труд, чем более ограничено количество его продуктов, а следовательно, и богатство общества, тем сильнее проявляется зависимость общественного строя от родовых связей»[8]. Как видим, Энгельс прямо констатирует, что семья является одним из определяющих факторов в развитии общества, что ее значение было тем бо́льшим, чем меньше был развит труд, т. е в конечном счете также и основанная на нем экономика. Можно, очевидно, предположить, что в отдаленные эпохи, когда труд был развит ничтожно мало, семейные, родственные связи играли преимущественную роль в развитии человечества.

Пришел ли Энгельс к этому взгляду впервые только в начале 80-х годов XIX в. уже после смерти Маркса? Ведь эту концепцию мы не находим в таких произведениях, как «Капитал» или «Анти-Дюринг». На самом деле она восходит еще к работе «Немецкая идеология», которую Энгельс в 1845—1846 гг. писал совместно с Марксом.

В этом произведении, характеризуя первичные исторические отношения, или основные стороны социальной деятельности, Маркс и Энгельс называют наряду с производством жизненных средств и порождением новых потребностей также и производство людей. «Третье отношение, с самого начала включающееся в ход исторического развития, состоит в том, что люди, ежедневно заново производящие свою собственную жизнь, начинают производить других людей, размножаться: это — отношение между мужем и женой, родителями и детьми, *семья*. Эта семья, которая вначале была единственным социальным отно-

---

редакцию.— «Вопросы философии», 1963, № 3; С. Э. Крапивенский. По поводу так называемой ошибки Энгельса.— «Философские науки», 1963, № 2.

[8] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 25, 26. В оригинале окончание последней фразы звучит более определенно: «desto überwiegender erscheint die Gesellschaftsordnung beherrscht durch Geschlechtsbande».

шением, впоследствии, когда умножившиеся потребности порождают новые общественные отношения, а размножившееся население — новые потребности, становится... подчиненным отношением»[9]. Итак, семья рассматривалась как одно из определяющих отношений, более того, в какой-то период она могла считаться «единственным социальным отношением», с той, впрочем, оговоркой, что все три упомянутых выше отношения «следует рассматривать не как три различные ступени, а именно лишь как три стороны»[10].

Следует обратить внимание на одну особенность подхода Маркса и Энгельса при анализе основных сторон социальной деятельности. Вслед за производством жизненных средств, т. е. производством в собственном смысле, они и все другие стороны рассматривали как особые виды производства: производство (порождение) потребностей, производство людей, производство формы общения или самих производственных отношений и, наконец, производство идей (возникновение сознания)[11].

В основе развития человеческого общества лежит, разумеется, производство жизненных средств. Но оно неразрывно связано с производством новых потребностей и с производством новых поколений людей. Последнее могло являться и определяющей стороной развития. В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс в разной связи возвращаются к этому положению. Так, они указывают, что сознание, зародившись, «получает свое дальнейшее развитие благодаря росту производительности, росту потребностей и лежащему в основе того и другого росту населения»[12]. В развитии первичной формации рост народонаселения, основанный на производстве людей в семье, играл решающую роль. Само разделение труда, с развитием которого неразрывно связан рост производительных сил, имеет своим исходным пунктом именно семью: оно «вначале было лишь разделением труда в половом акте, а потом — разделением труда, совершавшимся само собой или «естественно возникшим» благодаря природным задаткам (например физической силе), потребностям, случайностям и т. д. и т. д.»[13]

Так оценивают Маркс и Энгельс роль семьи в первобытном обществе. Разумеется, поскольку наука о первобытном общест-

---

[9] К. Маркс и Ф. Энгельс. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. М., 1966, стр. 38. Ссылки на «Немецкую идеологию» даются по новой публикации первой главы этой работы, осуществленной в максимальном соответствии со структурой рукописи.

[10] Там же.

[11] Это превосходно показал подготовивший новую публикацию Г. А. Багатурия в статье «Структура и содержание рукописи первой главы „Немецкой идеологии" К. Маркса и Ф. Энгельса» («Вопросы философии», 1965, № 10).

[12] К. Маркс и Ф. Энгельс. Фейербах..., стр. 40.

[13] Там же.

ве находилась в то время в зачаточном состоянии[14], Маркс и Энгельс не имели возможности говорить более конкретно о формах семьи, о путях и стадиях ее развития, но для общей постановки вопроса в «Немецкой идеологии» это обстоятельство не имело существенного значения.

Какими же представлялись Марксу и Энгельсу черты первобытного общества, в котором, как они тогда считали, исходной социальной организацией была семья? В «Немецкой идеологии» еще нет термина «общественная формация», но в этом произведении Маркс и Энгельс впервые выдвигают понятие определенных исторических состояний человеческого общества, которые они характеризуют как формы собственности. Различные формы собственности соответствуют и, более того, являются другим выражением различных ступеней развития разделения труда. Каждая ступень разделения труда, поясняют Маркс и Энгельс, «определяет также и отношение индивидов друг к другу соответственно их отношению к материалу, орудиям и продуктам труда»[15]. Племенная собственность представляет собой первую форму собственности. Она охватывает обширную эпоху, «когда люди живут охотой и рыболовством, скотоводством или... земледелием»[16]. Перечисленные способы производства жизненных средств, видимо, представляются Марксу и Энгельсу последовательными стадиями развития, во всяком случае они указывают на земледелие как на высшую ступень, которая достигается при племенной форме собственности. В целом эта форма соответствует неразвитой стадии производства, которая ограничивается «дальнейшим расширением существующего в семье естественно возникшего разделения труда»[17] Именно эта причина и обусловливает тот факт, что общественная структура (она же здесь и форма общения) ограничивается лишь расширением семьи. Простая семья превращается в сложную семью, «так называемый племенной строй»[18]. Основные звенья этого строя — «патриархальные главы племени, подчиненные им члены племени, наконец, рабы»[19].

---

[14] В 1891 г., в предисловии к 4-му изданию «Происхождения...» Энгельс писал: «До начала шестидесятых годов об истории семьи не могло быть и речи. Историческая наука в этой области целиком еще находилась под влиянием Пятикнижия Моисея. Патриархальную форму семьи, изображенную там подробнее, чем где бы то ни было, не только безоговорочно считали самой древней формой, но и отождествляли — за исключением многоженства — с современной буржуазной семьей, так что семья, собственно говоря, вообще не переживала, якобы, никакого исторического развития; самое большее допускалось, что в первобытные времена мог существовать период неупорядоченных половых отношений» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 22, стр. 215).

[15] К. Маркс и Ф. Энгельс. Фейербах..., стр. 25.

[16] Там же.

[17] Там же.

[18] Там же, стр. 47.

[19] Там же, стр. 25.

Из приведенной характеристики племенного строя следует, что он отнюдь не мыслился как первобытный коммунизм. Это был строй, основанный на неравенстве членов племени, строй, в котором постепенно развивалось рабство. Исходная его ячейка уже содержит в себе зародыш частной собственности и эксплуатации. «Вместе с разделением труда... дана и собственность,— говорится в „Немецкой идеологии",— зародыш и первоначальная форма которой имеется уже в семье, где жена и дети — рабы мужчины»[20]. Тенденция к превращению племенной собственности в частную особенно усиливается на высших стадиях развития племенного строя. «Само собой разумеется,— пишут Маркс и Энгельс,— что у дикарей каждая семья имеет свою собственную пещеру или хижину, как у кочевников — отдельный шатер. Это обособленное домашнее хозяйство становится еще более необходимым вследствие дальнейшего развития частной собственности. У земледельческих народов общее домашнее хозяйство так же невозможно, как и общее земледелие»[21]. Племенная форма собственности имеет тенденцию и к дальнейшему развитию рабства, существовавшего в семье лишь в скрытом виде[22].

Очевидно, в ранних взглядах Маркса и Энгельса на первобытное состояние общества следует различать две стороны. С одной стороны, их методологические посылки позволили им правильно судить об определяющих первичных исторических отношениях. Они выдвинули положение о производстве людей как одном из основных отношений в истории и отметили решающую роль этого вида производства на первичных стадиях исторического процесса. С другой стороны, почти полное отсутствие научных данных о развитии семейных и родовых отношений не давало им возможности раскрыть коммунистический характер первобытной формации. Маркс и Энгельс были вынуждены опираться на материалы Библии, на случайные свидетельства путешественников и т. п. Они поэтому считали исходной точкой развития человеческого общества моногамную семью или ее производные формы. Что касается экономической основы первобытного общества — племенной собственности, то в ее характере многое оставалось неясным. Маркс и Энгельс считали ее первоначальной формой, они подчеркивали ее отличие от частной собственности, но не противопоставляли племенную собственность частной. По их мнению, это была более ранняя и грубая форма собственности, возникшая из первобытной общности[23]. Сделать более конкретные выводы Марксу и Энгельсу мешала все та же неполнота знания о социальной структуре родового общества.

Спустя сорок лет Энгельс вернулся к этим вопросам и, осно-

[20] К. Маркс и Ф. Энгельс. Фейербах..., стр. 42.

[21] Там же, стр. 80.

[22] Там же, стр. 25. 42.

[23] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 361.

вываясь на научных открытиях Моргана и его последователей, заново исследовал проблемы первобытной формации. Как мы уже видели, он не только полностью сохранил, но более определенно сформулировал тезис о решающей роли производства людей, поскольку открытие родовой организации позволяло наряду с показом коммунистического характера первобытного общества также обосновать определяющую роль семейных, родственных и родовых отношений, а значит, и производства людей в этом обществе.

Выше мы сопоставили некоторые стороны исходной концепции первобытной истории Маркса и Энгельса с последними высказываниями и выводами Энгельса и попытались показать их органическую связь. Важно было бы установить, какие существенные изменения претерпела эта концепция еще до знакомства Маркса, а позже и Энгельса с трудами Моргана. Проводя обширные исследования в области политической экономии, Маркс, разумеется, не мог не касаться также и проблем первобытности. В середине 1853 г. Маркс и Энгельс впервые дают характеристику древневосточного способа производства, основой которого является система сельских земледельческих общин[24]. Эти взгляды получают дальнейшее развитие в экономических исследованиях Маркса 1857—1858 гг., а в 1859 г. в знаменитом предисловии к работе «К критике политической экономии» азиатский способ производства назван первой прогрессивной эпохой экономической общественной формации. В дальнейшем Маркс, в особенности после знакомства с работами Маурера (1868 г.), реконструировавшего архаическую германскую общину-марку, все больше выделяет роль сельских земледельческих общин, считая этот институт универсальным институтом древности и характеризуя его как первобытнокоммунистический. Существенное отличие этой точки зрения от изложенной в «Немецкой идеологии» заключалось в том, что если в «Немецкой идеологии» первая форма общества — племенной строй — рассматривалась как основанная на обособленном хозяйстве отдельных семей, с тенденцией усиления частной собственности, неравенства и эксплуатации соплеменников, то теперь было установлено, что исходной формой человеческого общества являлся первобытный коммунизм. До открытий Моргана (1877 г.) Маркс не мог, естественно, связывать первобытный коммунизм с родовым строем, поэтому основой коммунизма он и считал сельскую общину, которая, как это стало ясно впоследствии, была одним из позднейших звеньев и в то же время результатом разложения родового коммунизма.

С экономической точки зрения для Маркса первая общественная формация начинается с переходом к скотоводству и,

[24] Подробнее см.: Н. Б. Тер Акопян. Развитие взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на азиатский способ производства и земледельческую общину.— «Народы Азии и Африки», 1965, № 2, 3.

главным образом, к земледелию, а это как нельзя более гармонировало с его характеристикой сельских земледельческих общин как ячеек первой общественной формации. Яснее всего свой подход к ранним этапам истории общества Маркс сформулировал во введении к экономическим рукописям 1857—1858 гг.: «Народы, занимающиеся исключительно охотой и рыболовством, находятся вне того пункта, откуда начинается действительное развитие»[25].

Именно так он трактовал эти вопросы в «Капитале». Немногочисленные высказывания о первобытности в «Капитале» имеют важное методологическое значение для понимания становления человеческого общества и самого человека[26]. Это обстоятельство косвенным образом подтверждает, что Маркс действительно выносил ранние стадии первобытного общества за пределы исторического развития в собственном смысле слова; он и применяет к тем временам термин «доисторические»[27]. Сравнивая действие отдельных экономических категорий в условиях капиталистического общества с их проявлением в первобытном обществе, Маркс в сущности показывает их недействительность в условиях первобытного общества. Например, при изготовлении орудий «дикарь впадает в тяжкое экономическое прегрешение вследствие полного равнодушия к тому, сколько времени он на это затрачивает»[28]. Люди, занимавшиеся лишь охотой, рыболовством и собирательством, воспроизводили самих себя, но не средства к жизни. Производство периода дикости стоит еще вне экономических, а тем самым и исторических критериев.

Итак, в 60-е годы, т. е. в период наиболее интенсивной работы над «Капиталом», Маркс полагал, что экономическая общественная формация (Маркс применяет этот термин и в широком смысле, охватывая им основные стадии экономического развития общества)[29] начинается со стадии сельской общины. Остается выяснить, появились ли со времени написания «Немецкой идеологии» новые моменты в трактовке Марксом понятий семьи и рода.

Еще в январе 1853 г., т. е. за полгода до того, как впервые были изложены взгляды Маркса и Энгельса на роль восточной общины и азиатского способа производства, Маркс обратил внимание на такую остаточную форму родового строя, как шотландский клан. Он относил его «к тем формам обществен-

---

[25] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, стр. 733.

[26] Например, различие, проводимое Марксом между человеческим трудом и его животнообразными инстинктивными формами (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 188—191).

[27] Там же, стр. 191, прим. 5а.

[28] Там же, т. 24, стр. 497; см. также т. 25, ч. II, стр. 417.

[29] См. там же, т. 13, стр. 7; Н. Б. Тер-Акопян. Об одном случае перевода термина «Gesellschaftsformation».— «ИМЛ. Научно-информационный бюллетень сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса», № 12. М., 1965.

ной жизни, которые в общем процессе исторического развития стоят на целую ступень ниже феодального строя», иными словами, принадлежат «к *патриархальному* общественному строю»[30]. Маркс определял клан как «организованный на военный лад род»[31], в котором традиции играли роль законов и внутри которого, несмотря на кровное родство и общую собственность клана на землю, уже возникли большие различия в положении членов клана. Вождь клана, который вначале был ограничен в своих правах кровным родством, постепенно отчуждает в свою пользу собственность клана на землю.

Маркс, таким образом, здесь впервые описывает институт рода, но он не может сказать ничего определенного о характере родовых связей. Это вполне закономерно, ибо гэльский клан на той ступени разложения, которую характеризует Маркс по имевшимся в его распоряжении источникам, состоял из отдельных семей, из поколения в поколение обрабатывавших один и тот же участок земли, собственность на которую принадлежала роду. Маркс поэтому с полным основанием считает клан соответствующим таким институтам, как русская или древняя азиатская община. Впрочем, вопрос о том, к какой ступени разложения рода следует отнести клан, оставался нерешенным в науке еще спустя десятилетия[32].

В ходе экономических исследований 1857—1858 гг. Маркс делает новый шаг вперед в понимании эволюции рода. Развивая высказанные еще в «Немецкой идеологии» положения, он отмечает, что «племенной строй сам по себе ведет к делению на высшие и низшие роды»[33]. Опираясь главным образом на античный материал, Маркс приходит также к выводу, что «*племена*, организованные по родовому признаку, древнее племен, созданных по территориальному признаку»[34]. Но эти две ступени развития он преимущественно рассматривает, как два типа племен, не касаясь еще вопроса о путях перехода племен, организованных по родам, в территориальные племена. Впрочем, следующая стадия общности — община — возникла, по его мнению, из столкновения и слияния родов[35].

Но для раскрытия внутренней закономерности этого перехода наука не располагала еще достаточным материалом. По той же причине не могло произойти существенных изменений в воз-

---

[30] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 8, стр. 523.

[31] Там же, стр. 524. Маркс пользуется здесь термином «family» для обозначения как рода, так и отдельной семьи.

[32] Энгельс еще в «Происхождении...» пишет: «Остается еще исследовать, какое именно звено этого строя представляет шотландский клан, но что он является таким звеном, не подлежит сомнению» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 133).

[33] К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940, стр. 8. Здесь род обозначен термином «Geschlecht» в отличие от двойственного «Stamm» (племя, род), употребление которого преобладает у Маркса.

[34] Там же, стр. 12.

[35] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, стр. 710.

зрениях Маркса на развитие семьи. Он по-прежнему считал, что исходной формой первобытного коллектива была «семья и разросшаяся в племя семья или ряд семей, связанных между собою взаимными браками, или сочетание (Kombination) племен»[36]. Однако в трактовке этой «естественно сложившейся племенной общности» имеется важный оттенок: подчеркивается зависимость индивидуума от племенного коллектива. «Чем больше мы углубляемся в историю, тем в большей степени индивидуум, а следовательно, и производящий индивидуум, выступает несамостоятельным, принадлежащим к более обширному целому: сначала еще совершенно естественным образом он связан с семьей и с семьей, развившейся в род; позднее — с общиной в различных ее формах...»[37] Такая постановка вопроса содержит в зародыше предположение, что первобытный коммунизм начался раньше, чем возникла территориальная община.

Новые моменты во взглядах на происхождение семьи появляются у Маркса несколько позже. В 1859 г. в работе «К критике политической экономии» отмечается, что «первоначальная форма семьи есть сама родовая семья, из исторического разложения которой только и появляется частная семья»[38]. Речь здесь идет, конечно, не о роде[39], но разъяснение Маркса исключает всякую возможность смешения древней племенной семьи, даже если она и состояла из обособленной пары, с семьей моногамной. В «Капитале», впрочем, эти моменты во взглядах Маркса не получили дальнейшего развития. Семья все еще провозглашается исходной точкой общественного развития[40] и лишь к концу 70-х годов Маркс изменил свои взгляды. «Более поздние весьма основательные исследования первобытного состояния человечества,— писал Энгельс в примечании к 3-му изданию „Капитала“,— привели автора к выводу, что первоначально не семья развилась в род, а, наоборот, род был первоначальной естественно сложившейся формой человеческого общества, покоящегося на кровном родстве, так что различные формы семьи развиваются лишь впоследствии из начавшегося разложения родовых союзов»[41].

Среди названных Энгельсом исследований важнейшее значение имели составленные Марксом аналитические конспекты книг М. Ковалевского и в особенности Моргана. Последний конспект, как известно, был использован Энгельсом при написании его труда. Но ему оставались, видимо, неизвестными относящиеся к началу марта 1881 г. наброски письма Маркса к

---

[36] К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 5.
[37] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, стр. 710.
[38] Там же, т. 13, стр. 37, прим.
[39] В немецком оригинале термин «Stammfamille».
[40] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 364.
[41] Там же, прим. 50а; написано Энгельсом летом 1883 г.

В. Засулич. В этих набросках Маркс выдвинул идею двух формаций в истории человечества. Архаическая, или первичная, формация, охватывающая общества, основанные на общей собственности, сменяется вторичной формацией, охватывающей «ряд обществ, основывающихся на рабстве и крепостничестве»[42], т. е. обществ, основанных на частной собственности. Линия водораздела между вторичной и первичной формациями проходит как раз по той самой земледельческой сельской общине, которую Маркс ранее считал исходной точкой исторического развития человечества. Она действительно оказалась исходной точкой, но лишь вторичной формации, будучи в то же время продуктом и вершиной первичной или архаической формации.

Какие же стадии предшествуют этой общине в первичной формации? Хотя замечания Маркса крайне отрывочны, они все же позволяют сделать ряд выводов. Прежде всего сама идея «архаической» формации как-то навеяна, видимо, знакомством с работами Моргана. В самом начале первого наброска Маркс, говоря о неизбежном возвращении современных обществ к «архаическому» типу общей собственности, тут же добавляет: «Или, как говорит один американский писатель,... „новый строй", к которому идет современное общество, „будет возрождением (a revival) в более совершенной форме (in a superior form) общества архаического типа"»[43]. Наброски содержат, таким образом, прямую ссылку на Моргана.

Развитие первичной общественной формации Маркс сравнивает с геологическими процессами. «Архаическая, или первичная, формация земного шара,— пишет он во втором наброске,— состоит из целого ряда напластований различных периодов, из которых одни ложились на другие. Точно так же архаическая общественная формация открывает нам ряд различных этапов, отмечающих собой последовательно сменяющие друг друга эпохи»[44]. Из всех этих напластований общин, представляющих собой «ряд социальных образований, отличающихся друг от друга и по типу, и по давности своего существования и обозначающих фазы последовательной эволюции»[45], Маркс называет только род, предшествовавший германской архаической общине. Упоминая о том, что во времена Юлия Цезаря земля уже переделялась «между *родами и кровнородственными объединениями*» (в оригинале — tribus des confédérations), «но еще не между индивидуальными семьями общины», Маркс приходит к выводу о спонтанном развитии земледельческой общины у германцев из более древнего типа[46]. Иначе говоря, сельской

---

[42] Там же, т. 19, стр. 419.

[43] Там же, стр. 402.

[44] Там же, стр. 413; см. также стр. 402 и 417.

[45] Там же, стр. 417.

[46] Там же, ср. стр. 403.

территориальной общине предшествовали общины с родовыми связями. Такова была высшая точка, достигнутая Марксом в исследовании первобытного общества. Завершить разработку историко-материалистической концепции первичной формации предстояло Энгельсу.

Энгельс вновь обратился к вопросам первобытной истории в середине 70-х годов. В апреле 1875 г. в статье «О социальном вопросе в России» он осветил историческую роль общинного строя и дал прогноз дальнейших судеб русской общины [47]. Полутора годами позже Энгельс рассмотрел в «Анти-Дюринге» проблемы древневосточной земледельческой общины и внес важные дополнения, поставив вопрос о возникновении государства и путях образования классов на этой стадии развития общества [48]. К проблеме сельской земледельческой общины Энгельс не раз обращается и впоследствии.

Новым в занятиях Энгельса в этот период была разработка проблемы становления человека. Первое свидетельство, позволяющее судить об этом направлении интересов Энгельса, содержится в его письме к Лаврову в ноябре 1875 г. Подвергая критике концепцию социального дарвинизма, Энгельс указывает на «существенное отличие человеческого общества от общества животных», состоящее в том, что «животные в лучшем случае *собирают*, тогда как люди *производят*» [49]. Однако не только производительный труд был движущей силой процесса становления человека — «общественный инстинкт был одним из важнейших рычагов развития человека из обезьяны». И Энгельс делает предположение о первобытном стаде, предшественнике человеческого коллектива. «Первые люди, вероятно, жили стадами,— пишет он,— и, насколько наш взгляд может проникнуть в глубь веков, мы находим, что так это и было» [50].

Вопрос о роли первобытного стада как начала, формирующего человека, впервые ставится Энгельсом в такой плоскости [51]. Спустя несколько месяцев после того, как были высказаны эти замечания, оформляется марксистская концепция становления человека. В июле 1876 г. Энгельс пишет статью «О роли труда в процессе превращения обезьяны в человека». Если Маркс в «Капитале» характеризует две полярные формы труда: инстинктивную (животную) и целесообразную (человеческую), то Энгельс сделал попытку развернуть историю перехода одной формы в другую в процессе становления человека, показать этот переход как движущую силу самого процесса становления человека. Энгельс констатирует: «Мы в известном смысле

---

[47] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 18, стр. 541—546.

[48] Там же, т. 20, стр. 151, 152, 183, 184.

[49] Там же, т. 34, стр. 137.

[50] Там же, стр. 138.

[51] В «Немецкой идеологии» первобытное стадо рассматривается только с точки зрения развития сознания (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Фейербах..., стр. 40).

должны сказать: труд создал самого человека»[52] (разрядка наша.— *Н. Т.-А*). Мы специально подчеркнули слова «в известном смысле», ибо нередки случаи, когда абсолютизируют это положение, изображая труд как единственную и исключительную причину возникновения человека.

Энгельс вновь отмечает, что предки человека были стадными животными. «Вполне очевидно,— пишет он,— что нельзя выводить происхождение человека, этого наиболее общественного из всех животных, от необщественных ближайших предков»[53] Он и здесь снова проводит границу между обществом животных и человеческим коллективом. Последний возник, по его мнению, «с появлением готового человека»[54]. Вопрос о том, какими были конкретные формы первого человеческого коллектива, пока не входит в его поле исследования. По крайней мере, в написанном тогда же «Анти-Дюринге» Энгельс по-прежнему считает, что семья — это простейшая и первая форма общественной связи в целях производства[55].

К изучению общественного строя первобытных народов Энгельс приступает в начале 80-х годов в связи с историей древних германцев. Непосредственным результатом этих исследований явилась его работа «Марка»; сохранились, кроме того, незавершенные рукописи, в которых Энгельс также касается проблем маркового строя и расселения германских племен[56]. В «Марке» он отмечает, что расселение германцев происходило в соответствии с родовой близостью соплеменников, различает роды, родовые группы и племена и полагает, что это деление принесено еще из Азии вместе с земледелием[57] В письме к Марксу, написанном 22 ноября 1882 г., т. е. в период интенсивной работы над «Маркой», Энгельс сообщает ему свои выводы: «Во времена бродячего образа жизни была возможна лишь общественная обработка полей на основе родовой организации»[58]. В «Марке» он еще более рельефно формулирует свою мысль: «Два стихийно возникших факта господствуют в первобытной истории всех или почти всех народов: разделение народа по признаку родства и общая собственность на землю»[59].

Таким образом, Энгельс приходит к мысли, что родовое деление опосредует общую собственность. Но дальше этого пункта ему пока не удается продвинуться. Он рассматривает последовательные стадии развития маркового строя, но вопрос о

---

[52] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 486.

[53] Там же, стр. 488-489.

[54] Там же, стр. 490.

[55] См. там же, стр. 98.

[56] Речь идет о работах: «К истории древних германцев» «Франкский диалект» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19).

[57] Там же, стр. 329, 330.

[58] Там же, т. 35, стр. 96.

[59] Там же, т. 19, стр. 329.

внутренней эволюции рода остается за пределами его исследования.

Маркс уже за полтора года до этого пришел к выводу, что архаическая марка представляла собой следующую стадию развития после разложения рода и определил время ее возникновения и гибели. Энгельс не был, как отмечалось выше, знаком с набросками письма Маркса к В. Засулич, где было сформулировано это положение. Но Энгельс, продолжая свои исследования, очень скоро приходит к важному открытию. 8 декабря 1882 г. он сообщает Марксу: «Чтобы наконец полностью уяснить себе параллель между германцами Тацита и американскими краснокожими, я сделал небольшие выдержки из первого тома твоего Банкрофта [60]. Сходство, действительно, тем более поразительно, что способ производства так различен — здесь рыболовство и охота без скотоводства и земледелия, там кочевое скотоводство, переходящее в земледелие. Это как раз доказывает, что на данной ступени способ производства играет не столь решающую роль, как степень распада старых кровных связей и старой взаимной общности полов (sexus) у племени. Иначе тлинкиты в бывшей русской Америке не могли бы быть чистой копией германцев, и, пожалуй, в еще большей мере, чем твои ирокезы» [61] (разрядка наша.— *Н. Т.-А.*). С помощью сравнительного метода Энгельс конкретно устанавливает решающую роль кровных связей на ранних этапах развития общества.

Энгельс, видимо, продолжает интенсивно заниматься этим вопросом, во всяком случае мы находим дальнейшее развитие концепции в его полемике с К. Каутским, также заинтересовавшимся проблемами первобытности. Критикуя взгляды Каутского, Энгельс указывает на связь общности женщин в первобытном обществе с общим владением землей. «С такой же достоверностью,— пишет он Каутскому в феврале 1883 г.,— как там, где земля при принудительном переделе периодически вновь возвращается в общее владение, можно сделать заключение о прежней полной общности земли,— с такой же достоверностью можно, по моему мнению, заключать о первобытной общности женщин повсюду, где женщины периодически возвращаются — реально или символически — в состояние общности» [62]. Он оговаривает при этом, что общность женщин предполагает также и общность мужчин. Это его высказывание свидетельствует о полном отказе от прежней концепции частной семьи как первой формы общения полов и социальной организации вообще. Видимо, к такой точке

---

[60] Ф. Энгельс имеет в виду работу: H. H. Bancroft. The native races of the Pacific states of North America, vol. I. London, 1875.

[61] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 35, стр. 103.

[62] Там же, стр. 363.

зрения он пришел уже раньше. Определенную роль в этом должно было сыграть знакомство с трудами Бахофена[63].

В письме Энгельс вновь повторяет свою мысль о том, что «показателем первобытного состояния» является «степень сохранения старых кровных связей племени», «эти связи ...необходимо устанавливать в каждом отдельном случае, прежде чем делать какие-либо выводы...»[64] Вопрос о значении кровнородственных связей он рассматривает вне зависимости от производственных отношений, устанавливая возможность регресса в том случае, когда «старые связи в значительной мере ослабели, причем их не заменила какая-либо иная организация»[65]. Здесь, собственно, впервые ставится вопрос о смене кровнородственных связей иной организацией. Речь идет об органическом развитии одной формы связей из другой; когда же какие-либо внешние факторы (как, например, у американских индейцев) разрушают старые связи, наблюдается регресс.

Продолжая в письмах критический разбор взглядов Каутского, Энгельс все больше углубляет и уточняет свою концепцию первобытности. Общность, будь то общность жен или земли, «является первобытной, перенесенной из животного мира»,— пишет он в следующем письме Каутскому. «Все дальнейшее развитие заключалось в постепенном *отмирании* этой первобытной общности»[66]. Задача науки в том, чтобы раскрыть процесс отмирания этой общности. Но этот процесс распада был лишь оборотной стороной процесса развития новых социальных форм. Энгельс считал необходимым конкретное исследование каждой формы: например, кельтского клана, римского генса и немецкого рода (Geschlecht), между которыми он усматривал «существенные различия»[67]. С уверенностью можно было утверждать, однако, что «все позднейшие формы находят свое объяснение» в первобытной общности полов[68]. Энгельс отлично отдавал себе отчет в безмерной трудности этой задачи и неоднократно предостерегал от слишком поспешных и поверхностных выводов: «Вообще во всех этих научных исследованиях, охватывающих такую обширную область и массу материала, какие-либо подлинные достижения возможны лишь в результате долголетней работы»[69].

Обзор работ Энгельса в области первобытной истории свидетельствует, что он не только предугадал некоторые из выводов Моргана еще до ознакомления с его трудами, но и осветил такие стороны истории первобытного общества, которые Морган вовсе

[63] Там же, стр. 378.
[64] Там же, стр. 362, 363.
[65] Там же, стр. 363.
[66] Там же, стр. 376.
[67] Там же, стр. 377.
[68] Там же, т. 36, стр. 53.
[69] Там же.

не затрагивал. Энгельс исследовал не только процесс развития общества, но и процесс становления самого человека, придя к выводу о решающей роли труда в последнем процессе. Он также высказал мнение, что общественный инстинкт людей явился одной из движущих сил процесса превращения первобытного стада в первобытный человеческий коллектив. Энгельс сделал вывод, что позднейшие социальные формы (семья, род) последовательно развились из первобытной половой общности, господствовавшей в этом стаде. Он, таким образом, полностью отказался от прежнего представления об индивидуальной семье как исходной форме. Вместе с тем сравнительный анализ развития различных первобытных народов позволил ему выдвинуть положение о решающей роли кровнородственных связей в первобытном обществе. Тем самым Энгельс во всеоружии конкретных фактов подтвердил верность выдвинутого в «Немецкой идеологии» положения относительно определяющей роли отношений родства в историческом процессе.

И вот в январе 1884 г., разбирая книги и рукописи, оставшиеся после Маркса, Энгельс знакомится с Марксовым конспектом «Древнего общества». «Найдена прочная база для первобытной истории», — пишет Энгельс Каутскому 16 февраля 1884 г.[70] «Морган в границах своего предмета самостоятельно вновь открыл Марксово материалистическое понимание истории и приходит к непосредственно коммунистическим выводам в отношении современного общества», — так оценивает Энгельс исследования Моргана еще до прочтения самой книги[71]. Он снова полностью подтверждает свою оценку после ознакомления с ней[72]. Возникает намерение написать книгу. Для Энгельса критическая переработка Моргана была продолжением и завершением собственных исследований. Она была для него, кроме того, выполнением завещания Маркса и актуальной политической задачей[73].

Книга «Происхождение семьи, частной собственности и государства» создавалась исключительно быстро. Энгельс начал писать ее в конце марта 1884 г., а 26 мая были отосланы в издательство последние листы. Предисловие к ней, вероятнее всего, было написано где-то между 17 и 22 мая, т. е. уже после того, как работа над самой книгой была завершена.

Прежние выводы Энгельса о решающей роли труда в процессе становления человека и общества и о производстве как решающем признаке общества, с одной стороны, о решающей роли степени разложения кровнородственных связей, а не способа производства, в первобытном обществе, с другой,— выводы, сделанные в разное время, как бы вступали в противоречие

---

[70] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 36, стр. 97.

[71] Там же.

[72] Там же, стр. 109.

[73] Там же, стр. 97, 123.

друг с другом. В предисловии Энгельс показал историческое соотношение обоих факторов. «Чем меньше развит труд, чем более ограничено количество его продуктов, а следовательно и богатство общества, тем сильнее проявляется зависимость общественного строя от родовых связей»[74]. Труд и узы родства, говорит он, развиваются как бы обратно пропорционально друг другу. Поэтому степень разложения кровнородственных связей является для первобытной эпохи более адекватным показателем ступени развития, нежели способ производства, который нередко определялся прежде всего природными условиями данной местности. Но этим не исчерпывался смысл сказанного. Узы родства были показателем развития первобытного общества, ибо они возникали в ходе другого, более важного для этого общества производства, чем производство жизненных средств,— производства самого человека. Энгельс, таким образом, вновь возвращается к рассмотрению процесса порождения людей как вида производства. Он формулирует свою идею более определенно и четко, чем это было сделано в «Немецкой идеологии». «Согласно материалистическому пониманию,— пишет он,— определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно, опять-таки, бывает двоякого рода. С одной стороны — производство средств к жизни..., с другой — производство самого человека (разрядка наша.— *Н. Т.-А.*), продолжение рода. Общественные порядки, при которых живут люди определенной исторической эпохи и определенной страны, обусловливаются обоими видами производства: ступенью развития, с одной стороны — труда, с другой — семьи»[75].

Из двух видов производства, охарактеризованных Энгельсом, только первый относится к экономике в собственном смысле слова, он и порождает производственные, иначе говоря, экономические отношения в обществе. Вторая сторона, второй вид производства — воспроизводство самого человека — порождает отношения родства, на основе которых на определенной ступени слагается институт рода. Поскольку соотношения двух сторон, двух видов производства являются обратно пропорциональными, можно, очевидно, сделать вывод, что был и такой период в становлении человеческого общества, когда эта вторая, неэкономическая сторона производства господствовала над первой, экономической его стороной.

Можно сделать также и другой вывод. Если родовые отношения порождаются не производством первого вида, не экономическим производством, следовательно, их нельзя считать производственными отношениями в обычном смысле этого термина. Про-

[74] Там же, т. 21, стр. 26.

[75] Там же, стр. 25, 26.

изводственными отношениями были отношения в первобытной общине. На более или менее развитой стадии родового строя в составе одной общины находились представители, по крайней мере, двух, а часто и значительно большего числа родов. При этом все развитие производства, в том числе и экономического производства, происходило в рамках господствующих родовых отношений, в рамках родового общественного строя.

В самой работе Энгельса мы находим дальнейшую конкретизацию тезиса, выдвинутого им в предисловии. Вслед за Морганом и Марксом он рассматривает семью как активное начало, изменение которой от низшей формы к высшей, непрерывное развитие которой влечет за собой в определенные моменты изменение установившихся систем родства, т. е. определенных установившихся форм родовых отношений. Энгельс приводит замечание Маркса, сравнивающего систему родства с политической системой, а также с системами религиозными, юридическими, философскими, т. е. с явлениями надстроечного, производного порядка [76]. Взаимосвязь семьи и системы родства подобна взаимосвязи производительных сил и производственных отношений.

Существо эволюции семьи от первобытного стада через кровнородственную семью, различные формы группового брака к парной семье Энгельс видит прежде всего в естественном отборе. На стадии группового брака возникает и самый род, «который образует основу общественного порядка большинства, если не всех, варварских народов Земли» [77]. Каково же соотношение этого общественного порядка с производством материальных благ, с экономикой, постепенно развивающейся в ее недрах? «Первобытное коммунистическое общее домашнее хозяйство, которое без всяких исключений господствует вплоть до самого расцвета средней ступени варварства, определяло максимальные размеры семейной общины, изменявшиеся в зависимости от условий, но для каждой данной местности более или менее определенные. Но как только возникло представление о непозволительности половой связи между детьми одной матери, это должно было сказаться при дроблении старых и при основании новых домашних общин» [78]. Итак, в конечном итоге состав домашних общин определяется именно закономерностями родства, в то время как их размеры могут меняться от местности к местности в зависимости от экологических условий.

Внутренней закономерностью, определяющим фактором в общине являются, таким образом, родовые отношения. С возникновением парной семьи еще не упраздняется коммунистическое домашнее хозяйство [79], но с ее возникновением на рубеже дикос-

---

[76] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 36.

[77] Там же, стр. 43.

[78] Там же.

[79] Там же, стр. 52.

ти и варварства «естественный отбор завершил свое дело». С этого момента эволюция самой семьи к моногамии определялась новыми общественными движущими силами[80]. Именно здесь и наблюдаются такие переходные формы семьи, как патриархальная большая семейная община, римская familia и т. д., в которых происходит постепенный переход от общей собственности к частной; в рамках таких общин возникают и получают развитие рабство и другие формы зависимости и эксплуатации. Процесс завершается возникиовением моногамной семьи. Энгельс характеризовал ее как первую форму семьи, «в основе которой лежали не естественные, а экономические условия — именно победа частной собственности над первоначальной стихийно сложившейся общей собственностью»[81] (разрядка наша. — *Н. Т.-А.*). Отметим, что в издании 1884 г. вместо «экономические» стояло «общественные» и Энгельс счел необходимым внести соответствующее уточнение в 1891 г.[82] Это свидетельствует о том, в каком направлении развивалась его концепция.

Мы не касались взглядов Ф. Энгельса на различные социально-экономические формы, которые возникли уже позднее, такие, например, как сельская община, ставшая базой деспотических государств на Востоке, не показывали дальнейшие судьбы рода, который в Греции и Риме сохранялся еще в эпоху цивилизации. Мы хотели только показать, что Энгельс рассматривал экономическое производство и экономические отношения как не имеющие решающего значения и подчиненные воспроизводству человека и родовым отношениям на протяжении обширного периода вплоть до средней ступени варварства. Роль экономического фактора начинает заметно возрастать с низшей ступени варварства, он становится господствующим с возникновением моногамной семьи на пороге цивилизации[83].

---

[80] Там же, стр. 57.

[81] Там же, стр. 68.

[82] Во втором издании «Сочинений» (т. 21) текст «Происхождение семьи, частной собственности и государства» печатается по 4-му немецкому изданию, подготовленному Энгельсом в 1891 г. В примечаниях указаны основные разночтения с текстом 1-го издания, а также даны ссылки на использованные Энгельсом места конспекта книги Моргана, составленного Марксом («Архив Маркса и Энгельса», т. IX, 1941; см. подробнее: Н. Б. Тер-Акопян. 2-ое издание как источник для изучения развития взглядов Энгельса на историю первобытного общества.— «ИМЛ. Научно-информационный бюллетень сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса», М., 1966, № 14). Тщательное сличение текстов 1-го и 4-го изданий было осуществлено И. Н. Виниковым. Из 199 выявленных им разночтений — 92 (в том числе 19 существенных) относятся к главе о семье («Вопросы истории доклассового общества», стр. 31—192. См. также: Б. Г. Тартаковский. Из истории создания и публикации работы Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».— В кн.: «Из истории марксизма». М., 1961).

[83] Данные науки во времена Энгельса не позволяли достоверно судить о том, когда именно экономические отношения стали господствующими. Этим объясняются и подчас противоречивые высказывания Энгельса. Он писал, например, Каутскому 26 июня 1884 г., т. е. спустя месяц после окончания работы над своей книгой: «...Орудия дикаря обусловливают *его* общество совершенно в той же мере, как новейшие орудия — капиталистиче-

Избрав для периодизации доисторических ступеней культуры вслед за Морганом прогресс в производстве средств к жизни, Энгельс отмечает, что происходящее наряду с этим развитие семьи «не дает таких характерных признаков для разграничения периодов». Очевидно, прежде всего поэтому и избирается другой критерий. Моргановскую периодизацию он обобщает следующим образом: «Дикость — период преимущественно присвоения готовых продуктов природы; искусственно созданные человеком продукты служат главным образом вспомогательными орудиями такого присвоения. Варварство — период введения скотоводства и земледелия, период овладения методами увеличения производства продуктов природы с помощью человеческой деятельности. Цивилизация — период овладения дальнейшей обработкой продуктов природы, период промышленности в собственном смысле этого слова и искусства»[84]. Этим «трем главным стадиям развития человечества» в общем соответствуют групповой брак, парный брак и моногамия.

Главные стадии, о которых говорит Энгельс, шире формаций; очевидно, например, что стадия цивилизации охватывает рабовладельческую, феодальную и капиталистическую формации, а возможно, также и формацию, основанную на азиатском способе производства. Две предшествующие стадии (по крайней мере, до средней ступени варварства включительно) в советской исторической науке определяются как первобытнообщинная общественно-экономическая формация. Между тем, как это считал уже Энгельс и как подтверждают данные современной науки, экономика и экономические отношения до средней ступени варварства не играли решающей роли. Вывод отсюда может быть только один — эти стадии, на наш взгляд, нельзя характеризовать как общественно-экономическую формацию. Их можно характеризовать только как общественную формацию, в которой господствовали коммунистические отношения родового строя.

Книга Энгельса имела огромный политический и научный резонанс. В науке о первобытности, до той поры страдавшей кастовостью и узкоспециальной ограниченностью, она вызвала как бы поляризацию людей и идей. Исследования многих ученых блестяще подтвердили верность новой теории. В то же время отдельные легко уязвимые звенья схемы Моргана, на которую опирался Энгельс, послужили поводом для ее

окое общество». Он, однако, тут же добавлял: «Но вот что следовало бы показать: каким образом средства производства, которые в более ранние периоды, включая простое товарное производство (разрядка наша.—*Н. Т.-А.*), господствовали лишь в очень незначительной мере по сравнению с нынешними, дошли до современного деспотического господства...» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 35, стр. 146).

[84] Там же, т. 21, стр. 33.

противников начать борьбу против всей концепции в целом. Естественно, что теория первобытного коммунизма не могла быть принята без возражений буржуазной наукой. С одной стороны, борьба велась под флагом защиты буржуазной морали и ее «священной» основы — моногамного брака. С другой, возникла своеобразная реакция, когда противники материалистического понимания истории выступали против одного из его основоположников под флагом того же материализма, но суженного до пределов «экономизма» и поэтому полностью искаженного. Свою роль в этом сыграло и вульгарное толкование марксизма различного рода социал-демократическими и близкими к ним теоретиками.

Нет более убедительного примера борьбы с подобной вульгаризацией, чем тот, который дал В. И. Ленин своей критикой либерального народника Михайловского. Разбирая аргументы Михайловского, считавшего положения, выдвинутые Энгельсом в предисловии, признаком отхода от «экономического материализма», Ленин писал: «Но где читали Вы у Маркса нли Энгельса, чтобы они говорили непременно об экономическом материализме? Характеризуя свое миросозерцание, они называли его просто материализмом» [85]. И тут же добавлял иронически: «Что же, уж не думает ли г. Михайловский, что отношения по детопроизводству принадлежат к отношениям идеологическим» [86]. Ленин очень высоко ставил значение исследования Энгельса, и его оценка не поколебалась и спустя четверть века, когда он рекомендовал эту книгу как «одно из основных сочиинений социализма, в котором можно с доверием отнестись к каждой фразе» [87].

Книга Энгельса стала методологической основой развития советской марксистской науки о первобытном обществе. Если накопление материалов в науке и заставило ученых пересмотреть некоторые моменты в этой концепции, в целом она продолжает оказывать плодотворное влияние на дальнейший прогресс наших знаний. Не поколебала ее значения и недавняя критика труда Энгельса с вульгарно-материалистических позиций. Советские ученые вскоре вернулись к более верной и справедливой оценке.

Вряд ли, однако, можно утверждать, что идеи Энгельса поняты нами верно до конца. Споры, идущие в нашей науке, говорят об обратном. Нельзя согласиться, например, с тем, что критерием для определения стадий развития первобытного общества практически избирается производство средств труда или жизненных средств. Берем ли мы за основу периодизации первобытного общества ступени разделения труда или смену общест-

[85] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 149.

[86] Там же, стр. 150.

[87] Там же, т. 39, стр. 67.

венно-экономических укладов, вместо моргановской периодизации, критерием которой является прогресс производства средств к жизни, мы все равно пользуемся показателем чисто внешним для отношений родства, величиной, несоизмеримой с родовым строем. Совершенно ясно, что отношения родства возникают не в ходе производства вещей, а в ходе производства людей, они уже поэтому не могут совпадать с производственными отношениями в общепринятом смысле. Для того чтобы понять сущность родового общества, видимо, надо прежде всего изучать диалектику родовых и семейно-брачных отношений.

Род выступает в истории не просто как конкретный коллектив; он проявляется прежде всего как отношение между группами и индивидуумами в первобытном обществе. Существование рода реализуется через те же самые семейно-брачные коллективы, которые он отрицает внутри себя. Семья как активное начало, как коллектив, производящий людей (и не в одном только биологическом смысле), в ходе своего собственного развития (Энгельс объяснял его действием отбора) постоянно порождает и изменяет родовые отношения. Что касается развития производства жизненных средств, то оно, зарождаясь на основе инстинктивных форм труда, порождает свои отношения — отношения производственные. Последние постепенно как бы наслаиваются на отношения родства, затем отпочковываются и начинают оказывать на них все большее влияние, становятся доминирующими. Возникает и развивается новое, диалектическое отношение, диалектика производительных сил и производственных отношений. Их первым конкретным воплощением являются отношения общинного строя, т. е. отношения в такой общине, в которой соседские, территориальные, а точнее говоря, экономические связи вытеснили или подчинили себе все прочие. Эта *экономическая община* является конечным результатом развития первичной, или *родовой, общественной формации* и вместе с тем началом первой *экономической общественной формации*.

Все изложенное выше позволяет высказать некоторые предварительные соображения о характере первичной, или родовой, формации. Эта общественная формация не совпадает с эпохой становления самого человека. Она возникает тогда, когда формирование антропологического типа уже завершилось, и охватывает обширную эпоху до возникновения сельской общины. Ее главные движущие силы являются социальными, хотя и не экономическими. Родовые, а не экономические отношения пронизывают этот строй сверху донизу. Переход от этой формации к экономической общественной формации представлял собой, таким образом, не просто перестройку экономических отношений, а гораздо более глубокое качественное изменение в развитии человечества.

Н. А. БУТИНОВ

ПЕРВОБЫТНООБЩИННЫЙ СТРОЙ

(Основные этапы и локальные варианты)

Первобытнообщинный строй — первичная в истории человечества общественная формация. Однако первобытность в стадиальном смысле не всегда является первобытностью в смысле хронологическом. Для таких народов, как аборигены Австралии, индейцы Америки, племена Сибири, Африки, Юго-Восточной Азии,— это почти современность. Названные народы жили в условиях первобытнообщинного строя 100—200 лет назад, а некоторые племена на севере Австралии, на Новой Гвинее, в Южной Америке живут так и по сей день.

Встает вопрос, можно ли по папуасам Новой Гвинеи и индейцам Америки судить о том, что было, например, в Европе в неолите. Нередко на этот вопрос дается отрицательный ответ. На территории Европы в эпоху неолита главными отраслями хозяйства были охота и рыболовство. Образ жизни древних европейцев, который сформировался на этой хозяйственной базе, был иным, чем, скажем, образ жизни папуасов, сложившийся на базе мотыжного земледелия. Сторонниками негативного ответа обычно подчеркивается, что жизненный уклад папуасов в ходе веков переживал серьезные изменения и что в XIX в. он выглядел иначе, нежели в XVIII или XVII в. Указывается и на то, что многие современные отсталые племена и народы испытали на себе влияние более развитых соседей, чего в первобытности не было. Эти аргументы справедливы с точки зрения конкретной истории этих народов. У каждого народа, жившего и живущего первобытнообщинным строем, своя специфическая история, специфическая культура, свой специфический образ жизни, менявшиеся в ходе веков. Совершенно ясно, что процессы, протекавшие в неолитической Европе, не были в точности воспроизведены ни в Америке, ни в Океании, ни в Африке, ни в Азии. История человечества в этом отношении напоминает поток, в который нельзя войти дважды. Но все же это поток, текущий в одном направлении. Отдельные случаи отклонений в сторону и даже движения назад не меняют общей картины.

Материалы, собранные этнографами, дают возможность изучать первобытнообщинный строй на разных ступенях развития и в разных вариантах, в зависимости от природных, хозяйственных и прочих условий: от вариантов тропических (океанийцы, племена Индонезии и Южной Америки) до полярных (чукчи, эскимосы, алеуты) со всеми переходными ступенями; от охотничье-собирательских (австралийцы, бушмены, калифорнийские индейцы), рыболовческих (тлинкиты, нивхи), охотничьих (индейцы прерий, эвенки) до земледельческих (папуасы, ирокезы) и скотоводческих (многие племена Азии и Африки) хозяйств, а также до самых различных комбинаций этих форм хозяйства в одном комплексе (охота и рыболовство, земледелие и рыболовство, охота и земледелие, скотоводство и земледелие и т. д.). Эти материалы наглядно показывают, что, несмотря на локальную сцецифику, в историческом процессе проступают общие, закономерные черты, имманентно присущие первобытнообщинному строю. Поэтому по папуасам Новой Гвинеи, индейцам Америки и другим социально отсталым племенам можно судить о том первобытнообщинном строе, который был в Европе в неолите. Неолит Европы не выходит из рамок общей картины, складывающейся на основе изучения фактов этнографии.

Первобытнообщинная формация — самая длительная из всех общественных формаций. Она занимает огромную по протяженности историческую эпоху, на протяжении которой произошли существенные перемены в производстве и всей общественной жизни. Забегая несколько вперед, отметим, что первый этап первобытнообщинной формации (правда, лишь в своей заключительной части) наиболее ярко представлен в мире этнографии аборигенами Австралии; этап расцвета — папуасами Новой Гвинеи, многими племенами Америки; этап разложения — рядом племен Африки. Наша задача состоит в том, чтобы, учитывая данные палеоантропологии, археологии и этнографии, проследить ход развития первобытной формации, выявить качественную специфику основных этапов ее истории. Решить эту задачу непросто. В настоящее время можно говорить лишь о более или менее удачных попытках решения. Пока еще слабо раскрыты общие законы первобытнообщинной формации, и самое большее, что мы можем предложить читателю,— это изложение основных итогов изучения первобытности.

1. ДОКЛАССОВОЕ ОБЩЕСТВО В ТРУДАХ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ МАРКСИЗМА

В трудах Маркса и Энгельса высказан целый ряд важных теоретических положений о доклассовом обществе. Но в то время, когда работали основоположники марксизма, проч-

ной фактической базы в этой области науки еще не было. Многие сомневались в древности каменных орудий, находимых археологами. Явления культуры и быта социально отсталых племен не соотносились с первобытностью. Путь, ведущий в прошлое, кончался там, где иссякали древние письменные документы, т. е. как раз там, где начиналась первобытность, не знавшая письменности. Античность считалась тем пределом, дальше которого углубиться в социальное прошлое человечества невозможно. Наука о первобытности, отмечали Маркс и Энгельс, была свободна от вторжения «грубого факта» [1].

Маркс и Энгельс были первыми, кто высоко оценил результаты исследований американского этнографа Л. Г Моргана и особенно его исследовательский метод, позволивший науке проникнуть в бесписьменное прошлое. В материнском роде американских индейцев Морган открыл форму, стадиально более раннюю, чем отцовский род древних греков и римлян. «Это вновь сделанное открытие первоначального рода, основанного на материнском праве,— писал далее Энгельс,— как стадии, предшествовавшей основанному на отцовском праве роду культурных народов, имеет для первобытной истории такое же значение, как теория развития Дарвина для биологии и теория прибавочной стоимости Маркса для политической экономии» [2]. В приведенных словах Энгельса содержится указание на конкретный вывод об историческом соотношении материнского и отцовского рода (это было сделано уже Бахофеном) и на тот научный метод, с помощью которого этот вывод был сделан. Суть метода Моргана состоит в использовании фактов этиографии бесписьменных народов для реконструкции первобытной истории (то, чего у Бахофена не было). Этнографическое изучение индейцев Америки дало возможность Моргану раскрыть общественные порядки, характерные для низшей ступени варварства (материнский род, парная семья, племя, союз племен), а с помощью фактов этнографии Австралии он установил порядки, характерные для высшей ступени дикости (брачные классы, групповой брак и т. д.). Поставив ирокезский род раньше античного, Морган по существу доказал, что классовому античному обществу предшествовало доклассовое общество ирокезов, а рабовладельческому государству — ирокезский родо-племенной строй. Он показал далее, что доклассовое общество прошло в своем развитии несколько стадий, в том числе родовую, представленную ирокезами, и дородовую, на которой находятся аборигены Австралии.

Выводы Моргана, развитые и материалистически осмысленные Энгельсом, по мере накопления фактов и улучшения мето-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 27.

[2] Там же, т. 22, стр. 223.

дики их изучения могут меняться, сам же метод стал составной частью марксистского подхода к первобытности. Основываясь на фактах этнографии, Морган пришел к материалистическому пониманию первобытной истории. Но узость фактической базы, которой он располагал, явилась причиной многих слабых сторон его концепции. Энгельс, как известно, опирался (особенно при подготовке 2-го издания своей книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства» в 1891 г.) на более широкий круг источников, чем Морган. В частности, он использовал данные М. М. Ковалевского о семейной общине у славян и Л. Я. Штернберга о групповом браке у гиляков.

Суммарно взгляды Моргана и Энгельса на ход развития основных первобытных социальных институтов могут быть изложены в помещенной ниже схеме.

Ступень развития	Источник	Хозяйство	Собственность	Семья	Хозяйственная ячейка	Форма социальной организации
Дикость	Австралийцы, полинезийцы, калифорийцы, индейцы с.-з. берега Сев. Америки	Охота, собирательство, рыболовство	—	Групповой брак	Первобытное коммунистическое домашнее хозяйство	Брачные классы
Варварство — низшая ступень	Ирокезы и другие племена к востоку от Миссисипи	Огородничество	Коллективная собственность племени и рода на землю	Парная семья	Коммунистическое домашнее хозяйство	Материнский род
Варварство — средняя ступень	Индейцы пуэбло, ацтеки, майя, инки, семиты древние, арийцы древние	Земледелие с искусственным орошением, скотоводство	Обособленная собственность домашней общины на скот	Патриархальная семья	Патриархальная домашняя община	Отцовский род
Варварство — высшая ступень	Греки IX в. до н. э., италийские племена VIII—VII вв. до н. э., германцы I в., норманны IX в.	Плужное земледелие, ремесло	—		Земледельческая община	Военная демократия
Цивилизация	Афины VI в. до н. э., Рим, германцы IX в., кельты XVIII в.	Товарное производство	Частная собственность на землю	Моногамная семья	Индивидуальная семья	Государство

Приведенная схема ни в коей мере не претендует на то, чтобы исчерпывающе отразить взгляды Моргана и Энгельса на ход первобытной истории и полностью учесть ту фактическую

базу, на которой эти взгляды были основаны. Многие существенные детали и оттенки в схеме опущены.

Важную роль для раскрытия взглядов Маркса и Энгельса на первобытность играет их тезис о двух видах производства. Уже в «Немецкой идеологии» указывается на «производство жизни — как собственной, посредством труда, так и чужой, посредством рождения»[3]. В этой связи уместно также напомнить мысль Маркса и Энгельса о том, что семья «сначале была единственным социальным отношением»[4]. Энгельс в предисловии к «Происхождению семьи, частной собственности и государства» отмечает производство средств к жизни, с одной стороны, и производство человека, с другой, и указывает, что чем меньшую роль играл в жизни общества труд, тем бо́льшую роль играла семья[5].

Два вида производства свойственны всем обществам, а не только первобытному. В первобытном обществе соотношение между двумя видами производства, по Энгельсу, имеет свою специфику. Решающая роль здесь принадлежит второму виду производства — производству человека. Энгельс говорил в данном случае о производстве потому, что процесс размножения регулируется обществом. Цель производства — более совершенная в физическом и умственном отношениях порода людей, а средство к достижению цели — исключение из браков сначала близких, а потом и все более дальних кровных родственников[6].

Чтобы понять взгляды Энгельса на производство человека в первобытности, посмотрим, как выглядит производство человека в классовом обществе. Это как раз один из тех случаев, когда «Капитал» Маркса столь же необходим, как и книга Моргана. Рассматривая процесс производства и воспроизводства рабочего в капиталистическом обществе, Маркс указывает три момента этого процесса, определяющие стоимость рабочей силы: 1) пища, одежда, жилище, топливо и т. д., в которых нуждается рабочий для поддержания нормальной жизнедеятельности; 2) образование и воспитание, дающие рабочему навыки в определенной области труда; 3) семья, необходимая для выращивания другого рабочего, в случае ухода с работы первого[7].

В первобытном обществе роль перечисленных моментов поразному проявлялась на разных этапах развития. В период

---

[3] Там же, т. 3, стр. 28.

[4] Там же, стр. 27.

[5] Там же, т. 21, стр. 26.

[6] Производство человека,— писал Л. А. Велин,— надо понимать «как производство и воспроизводство общественного человека, члена первобытного коллектива, его важнейшей производительной силы» (см. Л. А. Велин. Некоторые проблемы политической экономии доклассового общества.— «Советская этнография», 1935, № 6, стр. 9).

[7] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 181—183.

дикости, по Энгельсу, основной социальной ячейкой была семья, и по уровню ее развития можно судить об уровне развития общества в целом. Так, Энгельс пишет, что племена, перешедшие от кровнородственной семьи к пуналуальной, «должны были развиваться быстрее и полнее, чем те, у которых брак между братьями и сестрами оставался правилом и обязанностью»[8]. Следующий крупный прогресс в развитии семьи связан с возникновением рода и — под его воздействием — парной семьи. Характеризуя этот прогресс, Энгельс цитирует слова Моргана: «Браки между членами родов, не состоящих в кровном родстве, создавали породу более крепкую как физически, так и умственно»[9].

И на низшей ступени варварства производство человека продолжает оставаться основной задачей общества. Но естественный отбор с возникновением парной семьи уже «завершил свое дело..., начали действовать новые, *общественные* движущие силы»[10]. Теперь производство человека — это производство членов общества, и занимается этим уже не семья, а в основном род. Возникший на средней ступени дикости и продолжавший развиваться на высшей ступени род первоначально не имел иных функций, кроме регулирования браков. Но постепенно он приобретает другие социальные, а также религиозные функции и становится на низшей ступени варварства институтом, регулирующим социальную жизнь. Все десять признаков ирокезского рода, перечисленные Энгельсом, связаны с производством социального в человеке. Даже в таком признаке, как экзогамия, Энгельс подчеркивает не запрет браков между кровными родственниками, а другую, позитивную сторону — само кровное родство, превращающее отдельных индивидуумов в членов социального коллектива, род. «А каких мужчин и женщин,— пишет Энгельс,— порождает такое общество, показывают восторженные отзывы всех белых, соприкасавшихся с неиспорченными индейцами, о чувстве собственного достоинства, прямодушии, силе характера и храбрости этих варваров»[11].

На средней ступени варварства все более важную роль в жизни общества начинает играть экономика, производство средств к жизни. Энгельс упоминает в этой связи рост материальных богатств, которые сначала принадлежат роду, но постепенно переходят в частное владение. Стремление передать богатства родным детям ведет в области наследования имущества к смене родового права семейным.

---

[8] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 43.

[9] Там же, стр. 51.

[10] Там же, стр. 57.

[11] Там же, стр. 98.

Основной социальной ячейкой на средней ступени варварства становится патриархальная домашняя община. Это одновременно и семья, и община. Как семья она является переходной формой от парной семьи к моногамной, как община — от коммунистического домашнего хозяйства к земледельческой общине. Но в качестве основной социальной ячейки она выступает не со стороны ее семейно-брачной жизни, а прежде всего со стороны хозяйственной деятельности. Опираясь на материалы Ковалевского, Энгельс подробно характеризует хозяйство семейной общины и отмечает, что все ее члены «живут вместе одним двором, сообща обрабатывают свои поля, питаются и одеваются из общих запасов и сообща владеют излишком дохода» [12]. Здесь в центре внимания находится экономика [13].

Со средней ступени варварства по существу начинается разложение родового общества, но только еще начинается. Родовые связи, на которых оно было основано, постепенно утрачивают свое преобладающее значение. Производство материальных благ (пищи, одежды, жилища и т. д.) занимает все более важное место в социальной структуре. Возникает рабство. Но частная собственность еще не сложилась. Патриархальная домашняя община является коллективным собственником земли и совместно ее обрабатывает. Характеризуя эту форму собственности, Энгельс вводит новый термин: обособленная собственность (Sondereigentum). Род еще силен. Это еще родовой строй.

Напротив, высшая ступень варварства — это такой период, когда старые, родовые, и вновь сложившиеся классовые начала находятся как бы в состоянии равновесия. Род уже утратил свой приоритет. Возникают и приобретают все большее значение земледельческая община, частная собственность, моногамная семья, имущественное и социальное различия. Закладываются основы государственности. Общество по существу уже перестает быть родовым, но родовые формы еще сохраняются, и поэтому оно еще не стало классовым в полном смысле этого слова. Энгельс отмечает, что союз племен на высшей ступени варварства превращается в единый народ. Военачальник становится постоянным должностным лицом, главой народа. Закладываются основы монархии. Вырастают города. «В их рвах зияет могила родового

---

[12] Там же, стр. 62.

[13] В данной связи важно отметить отрицательное отношение Ленина к попытке рассматривать в одном плане два таких явления, как абсолютная рента, с одной стороны, и матриархат, с другой. Коренное различие между этими явлениями Ленин видит в данном случае не в том, что они относятся к разным эпохам, а в том, что первое относится к экономике, а второе — нет. Попытку приравнять эти явления по их роли в общественной жизни Ленин характеризует как акробатство в области науки. Он резко критикует тех, кто «экономическую *теорию* Маркса соглашается отнести в „частности", сопоставить с вопросом о происхождении матриархата» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 287).

строя, а их башни достигают уже цивилизации»[14]. Существует угнетение человека человеком, но оно осуществляется еще с помощью органов родового строя. «Так органы родового строя постепенно отрываются от своих корней в народе, в роде, во фратрии, в племени, а весь родовой строй превращается в свою противоположность... в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа»[15].

Характеризуя переходный период (от родового строя к государству), Маркс уточняет положение Моргана о политической организации, добавляя от себя, что политический — это значит городской, а территориальные отношения — это отношения к городскому округу[16]. Основные черты переходного периода, по Марксу,— это накопление в частных руках больших богатств в виде разнообразных предметов и сохранение общей собственности на землю. Две системы управления — родовая и городская — существуют бок о бок, но первая исчезает, а вторая входит в силу[17].

Маркс и Энгельс изучали этот переходный период сначала по материалам народов Востока. Поэтому связанный с ним способ производства они долгое время называли азиатским. После выхода в свет работ Маурера и книги Моргана «Древнее общество» стало ясно, что и древние народы Европы (греки IX в. до н. э., италийские племена VIII—VII вв. до н. э., германцы I в. н. э.) тоже прошли через этот период. Различие между Азией и Европой Маркс и Энгельс видели в том, что в Азии на базе земледельческих общин сложились государства типа восточных деспотий, а в Европе господствовала военная демократия[18]. Термин «азиатский способ производства» отпал, так как с этим термином неразрывно было связано представление о деспотическом государстве и верховной собственности государства на землю — признаках, оказавшихся не всеобщими и обязательными для этого способа производства, как думали раньше Маркс и Энгельс[19], а локальными, частными. В этом нет ничего удивительного — каждый способ производства в конкретных природных, хозяйственных, исторических и прочих условиях обрастает целым рядом специфических черт. В числе таких оказались азиатские деспотизм и государственная собственность на землю, которые в Европе не были распространены. В дальнейших своих

---

[14] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 164.

[15] Там же, стр. 164, 165.

[16] «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, 1941, стр. 131, 132, 147.

[17] Там же, стр. 146.

[18] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 496, 497; т. 20, стр. 184; т. 21, стр. 162—165.

[19] Это мнение существует до сих пор. Так, А. И. Павловская, выступившая с обзором новейшей дискуссии, на вопрос о характерных признаках азиатского способа производства дает такой ответ: «Верховная собственность государства на землю и наличие замкнутой общины» («Вестник древней истории», 1965, № 3, стр. 96).

работах Маркс, говоря об этом способе производства, употребляет термин «система земледельческих общин» или просто «земледельческая община» [20].

Наконец происходит переход к цивилизации. «Цивилизация,— пишет Энгельс,— является той ступенью общественного развития, на которой разделение труда, вытекающий из него обмен между отдельными лицами и объединяющее оба эти процесса товарное производство достигают полного расцвета и производят переворот во всем прежнем обществе» [21]. Хозяйственной ячейкой общества становится моногамная семья. «Она была первой формой семьи, в основе которой лежали не естественные, а экономические условия...» [22]

В трудах Моргана были рассмотрены преимущественно семья и род; община, осуществляющая производство средств к жизни, затрагивалась гораздо меньше. Ковалевский восполнил пробел (патриархальная домашняя община), но лишь для поздних периодов (начиная со средней ступени варварства). Община более ранних периодов не была в то время изучена. Тем не менее в концепции Энгельса фигурирует как дородовая, так и родовая община. Энгельс пишет о первобытном коммунистическом общем домашнем хозяйстве, которое существовало еще до появления рода, на стадии пуналуальной семьи и даже кровнородственной. «Ряд или несколько рядов сестер становились ядром одной общины, их единоутробные братья — ядром другой» [23]. Под ядром общины в данном случае понимается группа близких кровных родственников, например сестры, имеющие общую родоначальницу. Мужья этих сестер тоже входят в общину, но они не связаны с членами ядра кровным родством, по крайней мере близким. «Мужья этих сестер,— пишет Энгельс,— уже не могут быть их братьями, следовательно, не могут происходить от этой родоначальницы, следовательно, не входят в состав этой кровнородственной группы, позднейшего рода» [24]. В более поздней общине, родовой, также имеется свое ядро, состоящее из членов одного и того же рода. Характеризуя структуру родовой общины (коммунистического домашнего хозяйства) на примере ирокезов, Энгельс пишет, что в ней «все женщины или большинство их принадлежат к одному и тому же роду, тогда как мужчины принадлежат к различным родам» [25]. Таким образом, в трудах Энгельса мы находим тезисы о кровнородственной общине и

---

[20] Сходные мысли высказаны Н. Б. Тер-Акопяном в его статье «Развитие взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на азиатский способ производства и земледельческую общину» («Народы Азии и Африки», 1965, № 2, 3).

[21] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 173, 174.

[22] Там же, стр. 68. В издании 1884 г. вместо «экономические» стояло «общественные» — Энгельс счел необходимым внести уточнение в издание 1891 г.

[23] Там же, стр. 43.

[24] Там же, стр. 46.

[25] Там же, стр. 53.

родовой общине, причем специально отмечено (это очень важный, принципиальный момент), что первая имеет ядро, состоящее из близких кровных родственников, а вторая — из членов одного и того же рода.

Такова в общих чертах концепция Энгельса, изложенная им в связи с исследованиями Моргана.

2. ИЗУЧЕНИЕ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА В ЗАРУБЕЖНОЙ НАУКЕ

С конца XIX в. и по сей день учение Энгельса о доклассовом обществе является объектом самых яростных атак со стороны многих зарубежных этнографов, но оно выдержало эти атаки, потому что непрерывно расширяющаяся фактическая база подтвердила его правильность. Сейчас объем этнографических знаний по сравнению с концом XIX в. возрос в несколько сот раз. Достаточно сказать, что в распоряжении Моргана не было сведений о народах Южной Америки, Африки, Сибири, Юго-Восточной Азии. Австралийцы были представлены по существу двумя племенами (из пятисот); из сотен племен и народов Океании Морган имел данные только о гавайцах и то, как потом оказалось, ошибочные.

Если в конце XIX в. этнографы страдали от недостатка фактов, то сейчас основная трудность состоит в учете имеющейся поистине огромной этнографической информации. Этнографами изучены тысячи племен и народов, и проблема обобщения собранных ими материалов стоит весьма остро. В науке уже имеются попытки, имеющие целью облегчение учета этнографической информации. Так, американский этнограф Мердок публикует «Этнографический атлас», в котором он с помощью условных знаков отмечает основные этноэлементы (хозяйство, поселение, форму семьи, форму рода и т. д.). К настоящему времени им даны сведения для 1000 племен и народов, причем каждый из них охарактеризован тремя-четырьмя десятками этноэлементов [26]. Всего должно быть приведено от 30 до 40 тыс. этноэлементов. Всестороннее изучение и обобщение этой информации предполагает использование электронно-счетных машин. «Этнографический атлас» Мердока нельзя, конечно, считать полноценным первоисточником. Но при всем своем несовершенстве он содержит колоссальный этнографический материал, который недвусмысленно подтверждает правильность учения о доклассовом обществе. В этом легко может убедиться каждый, кто просмотрит, например, этноэлемент № 67 (классовая стратификация): против большинства племен и народов стоит условный знак O (отсутствует) или W (имеется имущественное неравенст-

---

[26] G. P. Murdock. Ethnographic atlas.— «Ethnology», vol. I—VI, 1962—1967.

во, но оно не является наследственным и социально не оформлено).

В той мере, в какой зарубежная наука признает метод Моргана и Энгельса, т. е. видит в фактах этнографии отражение первобытности, она при всей своей подчас тенденциозности не опровергает, а лишь уточняет их взгляды. При этом, однако, надо четко различать то, что говорят факты устами зарубежных ученых, от того, что формулируют сами ученые.

Факты говорят о том, что полинезийцы, в частности гавайцы, и индейцы северо-западного берега Северной Америки не могут быть отнесены к периоду дикости (первые — к средней ступени, а вторые — к высшей). Здесь Морганом допущена ошибка на целую эпоху. По всем данным, эти народы относятся к средней или высшей ступеням варварства. Исправление ошибки ведет к пересмотру вывода о первичности гавайской системы родства. Турано-ганованская система, как показал Риверс, является более древней, а гавайская — более поздней [27]. В свою очередь это означает, что в гавайской системе родства отражены отношения, свойственные не ранним, а поздним стадиям развития [28]. В связи с этим отпал вывод и о кровнородственной семье, ибо другого источника для ее реконструкции, кроме гавайской системы родства, у Моргана не было и до сих пор нет. После того как были получены более точные сведения об обычае пуналуа у гавайцев, отпал также вывод и о пуналуальной семье [29]. Вместе с этим оказалось несостоятельным и понимание группового брака как «сексуального коммунизма» (термин Лоуи). Из трех указанных Морганом форм группового брака две не подтвердились (кровнородственная и пуналуальная семья), а третья (брачные классы австралийцев) оказалась неразрывно связанной с парным браком. То же самое оказалось и у гиляков [30].

Парная семья, видимо, сложилась очень рано, на самой заре истории. Во всяком случае, у наиболее отсталых племен, относящихся по археологической периодизации к мезолиту, она уже имеется. Эти достижения в изучении семьи, к которым наука о первобытности пришла в ходе расширения и уточнения своей фактической базы, ряд ученых (Вестермарк, Гроссе, Старке и др.) попытался использовать для реставрации патриархальной теории, согласно которой общество возникло из патриархальной или моногамной семьи [31]. Но это была попытка с негодными средствами.

---

[27] W. H. R. Rivers. Kinship and social organization. London, 1914, p. 85.

[28] Д. А. Ольдерогге. Малайская система родства.— «Труды Института этнографии», т. XIV, 1951.

[29] Д. Д. Тумаркин. К вопросу о формах семьи у гавайцев в конце XVIII — начале XIX в. — «Советская этнография», 1954, № 4.

[30] Л. Я. Штернберг. Семья и род у народов Северо-Восточной Азии. Л., 1933, стр. 81.

[31] К. Н. Старке. Первобытная семья. СПб., 1901, стр. 369; Э. Гроссе. Формы семьи и формы хозяйства. М., 1898, стр. 59, 67.

Парная семья, с одной стороны, патриархальная и моногамная, с другой — это качественно разные формы. Вывод Моргана и Энгельса о том, что патриархальная семья возникла на средней ступени варварства, а моногамная — на рубеже между варварством и цивилизацией, остался непоколебленным. Вряд ли кто-либо даже за рубежом подпишется сейчас под словами Вестермарка, будто «патриархальная семья является наследием от какого-то обезьяноподобного предка»[32].

Расширение и уточнение фактической базы внесло ряд существенных уточнений и в теорию родового строя. Когда фактическая база была узкой, материнский род ирокезов представлял в науке низшую ступень варварства, а отцовский род гомеровских греков — среднюю. Так сложилась теория двух филиаций, придавшая стадиальное значение двум формам принадлежности к роду. С расширением фактической базы эта теория стала подвергаться пересмотру. Выяснилось прежде всего, что ирокезы по уровню развития находились не на низшей, а на средней ступени варварства и что у них уже была семейная община (овачира). Тем самым рядом с патриархальной семейной общиной азиатских скотоводов на средней ступени варварства оказалась матрилинейная семейная община ирокезов, а также делаваров, чероков. Затем матрилинейная семейная община была обнаружена у народов, стоящих на высшей ступени варварства (гаро, кхаси, ашанти, минангкабау). Таким образом выяснилось, что матрилинейность свойственна всей эпохе варварства; она сопровождает первобытнообщинный строй от высшей ступени дикости (ведда, сирионо, бороро, некоторые австралийские племена) до цивилизации. С другой стороны, австралийцы, наряду с брачными классами, имели зачатки родовой организации, при этом род в большинстве случаев был патрилинейным, а брак почти всюду — патрилокальным. Такая же картина была найдена у других наиболее отсталых племен — бушменов, огнеземельцев, аэта, кубу и т. д. В результате рядом с матрилинейным родом на низшей ступени варварства оказался и патрилинейный род, уходящий своими корнями в эпоху дикости и существующий вплоть до цивилизации.

Некоторые зарубежные ученые (Лоуи, Шмидт, Копперс и др.) попытались использовать эти достижения науки в целях отрицания единства всемирно-исторического процесса [33] Но их попытка окончилась неудачей. Развитие человечества на всех своих этапах, в том числе и в первобытную эпоху, предполагает многообразие форм. Однако это обстоятельство не наносит ущерба идее единства всемирно-исторического процесса и учению о доклассо-

---

[32] Э. Вестермарк. Матриархат.— «Вестник всемирной истории», 1900, № 1, стр. 202.

[33] R. Lowie. Primitive society. London, 1929; W. Schmidt und W. Koppers. Völker und Kulturen. Regensburg, 1924.

вом обществе. Выводы Моргана и Энгельса об общем направлении развития, которое всюду шло от первобытного коммунистического хозяйства к семейной общине и затем к моногамной семье, от коллективной собственности к собственности обособленной и затем к частной, от родового права к праву агнатному и затем отцовскому, остались непоколебленными. Уточнение, внесенное в историю рода в ходе развития науки, состоит в том, что родовое право в равной мере представлено как материнским родом, так и отцовским; агнатное право также выступает в двух формах — матрилинейной и патрилинейной. Что касается отцовского права, то оно существует в моногамной семье только в одной, патрилинейной форме. Здесь выводы Моргана и Энгельса сохраняют свое значение и по существу, и по употребляемой ими терминологии.

Зарубежная наука, уделяя большое внимание проблемам семьи и рода, к сожалению, мало или почти совсем не изучала общину. Из трех основных единиц первобытнообщинного строя — община, семья, род — за рубежом изучались только две. Общину видели — этнограф не может не видеть локальную группу австралийцев, стойбище эскимосов, деревню папуасов, крааль африканских негров,— но значение ее явно недооценивали. По мнению Мердока, община — это результат компромисса между семьей и родом, «компромиссная родственная группа»[34]. Еще Линтон отмечал, что этнографы не изучают общину[35].

От критики отдельных выводов Моргана и Энгельса о первобытном обществе в буржуазной науке перешли к критике их метода. Ряд зарубежных ученых пытается лишить науку о доклассовом обществе ее основной фактической базы; был объявлен поход против самих понятий «отсталый народ», «дописьменный народ». Нет народов передовых и отсталых, просто есть народы с разными культурами; нет дописьменных народов, просто есть народы бесписьменные; нет народов первобытных, есть народы примитивные. «Совершенно неправильно,— утверждает австралийский этнограф А. Кэпелл,— когда по данным о современном примитивном народе делают выводы о первобытной организации»[36]. Тех же взглядов придерживаются австралийские этнографы Р. и К. Берндт, с которыми мы имели удовольствие встречаться и беседовать в Ленинграде в августе 1965 г. Европейская культура, говорят они, делает упор на приобретение материальных ценностей, на развитие науки и техники; аборигены Австралии, по словам этих ученых, материальных благ, напротив, не добиваются; главные их ценности — в области духовной жизни (ритуал, миф, религия). У каждого из этих народов своя ориентация культуры, и нельзя поэтому, изучая аборигенов, делать выводы о прошлом европейцев. Американский этнограф М. Гер-

---

[34] G. P. Murdock. Social structure. New York, 1949, p. 43, 72.

[35] R. Linton. The study of man. New York — London, 1936, p. 209.

[36] «Oceania», vol. XXXIII, N 1, 1962, p. 67.

сковиц, явно утратив чувство меры, обвинял тех, кто делает выводы о первобытности на основании данных этнографии, в «недостаточном развитии ума»[37]. В зарубежной науке намечается разрыв между археологией, изучающей прошлое, и этнографией, значение которой для изучения прошлого отрицается[38]. Вновь появляется термин «доистория» на том основании, что вещественные памятники не дают достаточных сведений о социальной и духовной культуре людей тех эпох, а других источников будто бы не имеется.

Скептицизм и даже нигилизм по отношению к данным этнографии как источнику для изучения первобытности идет от нежелания признать доклассовое общество на ранних этапах истории человечества. Этот скептицизм со всех точек зрения представляется совершенно неоправданным. Согласиться с ним невозможно, ибо это означало бы игнорирование новейших открытий археологов, вскрывших глубокую древность многих этнографических культур. Так, археолог Ф. Маккарти пишет, что в Австралии (в низовьях реки Мэррей) «поколение за поколением вело один и тот же образ жизни в течение более 6 тысяч лет», вплоть до европейской колонизации[39]. Следовательно, образ жизни аборигенов в XIX в. дает основание судить о том, как они жили 6 тыс. лет назад. Дело в том, что отсталые племена имеют не только свой уровень развития культуры, но и особый, свойственный доклассовому обществу крайне медленный темп ее развития.

Попытки оторвать науку о первобытности от ее этнографической базы ненаучны, и мы не будем больше на них останавливаться. Вопреки этим попыткам в зарубежной науке сохраняется идущая еще от Моргана традиция сочетать данные этнографии с данными археологии, с одной стороны, и древней истории, с другой. В этнографии капиталистических стран возрождена эволюционная теория, хотя и в сильно преобразованном виде (неоэволюционизм Д. Стюарда, Л. Уайта и др.).

На VII Международном конгрессе антропологов и этнографов (Москва, 1964) проблемы первобытного общества были широко представлены в докладах зарубежных делегатов. Решая эти проблемы, они опирались в первую очередь на факты этнографии. Это уже само по себе говорит о фактическом признании метода Моргана и Энгельса, о стремлении отстоять этнографическую базу науки о первобытности. Все остальное, как было видно из их докладов,— дело самой этой базы, решительно подтверждающей учение о доклассовом обществе[40].

---

[37] M. Herskovits. Economic anthropology. New York, 1952, p. 528.

[38] The teaching of anthropology.— «American Anthropological Association. Memoir 94», 1963, p. 225.

[39] F. D. Maccarthy. The prehistory of Australian aborigines.— «Australian Natural History», vol. XIV, N 8, 1963, p. 234.

[40] См. А. Г. Здравомыслов. Методологические вопросы этнографии.— «Вопросы философии», 1965, № 1.

Этнографы социалистических зарубежных стран творчески разрабатывают проблемы первобытности с позиций диалектического и исторического материализма. Из многих работ, заслуживающих положительной оценки, мы можем, за недостатком места, остановиться лишь на одной — книге немецкой исследовательницы Ирмгард Зеллнов «Основы периодизации первобытной истории»[41]. Зеллнов выделяет в истории первобытного общества три периода — ранний (палеолит), средний (мезолит) и поздний (неолит), и еще четвертый — период разложения, начавшийся с появления металла и первого и второго крупного общественного разделения труда. Второй период — это раннеродовое общество, третий — развитое родовое общество. О характере первого периода она судит по данным археологии: второго — по культуре и быту австралийцев, третьего — по культуре и быту папуасов, эскимосов, северных атабасков, а также племени наскапи; четвертого — по культуре и быту полинезийцев и южноафриканских племен готтентотов, гереро, нгуни, сото.

Многие выводы Зеллнов весьма ценны. Она хорошо показала, например, что параллельное существование матрилинейной и патрилинейной филиаций ни в коей мере не нарушает единства всемирно-исторического процесса в первобытную эпоху. Справедливость требует, однако, отметить, что фактическая база, на которой она строит свои выводы, не очень широка и подобрана не всегда удачно. Так, эскимосы, северные атабаски, племя наскапи представляют скорее раннеродовое общество, и вряд ли правомерно судить по ним о третьем периоде.

3. ИЗУЧЕНИЕ ПЕРВОБЫТНООБЩИННОГО СТРОЯ В РУССКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ И СОВЕТСКОЙ НАУКЕ

Характерной чертой развития марксистской науки о первобытном обществе является перенесение акцента с изучения семьи и рода (как это было у Моргана) на изучение общины, родовой и дородовой.

В 1883 г., т. е. за год до появления книги Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», вышла первым изданием книга русского марксиста Н. И. Зибера «Очерки первобытной экономической культуры». Решающим фактором в первобытном обществе на всем его протяжении было, по Зиберу, производство средств к жизни, а главной ячейкой — хозяйственный коллектив, община. На ранних этапах община состояла из кровных родственников. Потом возник род, объединивший только половину кровных родственников. «Не род создает общину,— пи-

[41] I. Sellnow. Grundprinzipien einer Periodisierung der Urgeschichte. Berlin, 1961.

сал Н. И. Зибер,— а община — род»[42]. Упрекнув Бахофена, Леббока и Моргана в том, что они не обратили достаточного внимания на экономическую основу рода, Зибер писал: «В конце концов общинно-родовая организация имеет свой экономический raison d'être; даже более, она прежде всего экономическая, а потом уже родовая организация»[43].

Зибер детально и на большом фактическом материале рассмотрел такие явления первобытной экономики, как совместный труд в охоте, рыбной ловле, в земледелии, при постройке жилищ и т. д., общая собственность на землю и движимое имущество, обмен и ремесло. Но он пытался вывести родство и род непосредственно и только из экономики, хотя эти институты нельзя вывести только из экономики. Способ производства материальных благ является решающим фактором в жизни первобытного общества, но не единственным. В то время как Энгельс строго различал общину (коммунистическое домашнее хозяйство) и род, Зибер не проводил этого различия. Он полагал, видимо, что все члены общины принадлежали к одному и тому же роду.

Исторической заслугой Зибера, несмотря на эти ошибки, является то, что он поставил на первый план производство средств к жизни и тем самым возвел первобытное общество в ранг социально-экономической формации в полном смысле этого слова.

Переходя к характеристике взглядов советских этнографов и археологов, мы должны сразу выделить два периода: конец 20-х — середина 30-х годов и период с середины 30-х годов до наших дней. Для первого периода характерно признание следующих положений.

1. Производство средств к жизни — решающий фактор первобытной истории на всем ее протяжении. Даже отношения в семье и роде трактовались как экономические. В. И. Равдоникас писал о Марксе, будто «основой рода он считал экономические, а не кровные отношения»[44]. С. А. Токарев утверждал, что «система родства не имеет никакого отношения к семейным формам»[45] и пытался объяснять ее из отношений, складывающихся между людьми в производстве материальных благ. К тому же выводу приходил С. П. Толстов. Он даже толковал род как организацию, возникшую для хранения запасов сельскохозяйственной продукции[46].

---

[42] Н. И. Зибер. Очерки первобытной экономической культуры. М., 1937, стр. 268.

[43] Там же, стр. 267.

[44] В. И. Равдоникас. К вопросу о социологической периодизации палеолита в связи со взглядами Маркса и Энгельса на первобытное общество.— «Известия ГАИМК», т. 9, вып. 2. М.—Л., 1931, стр. 18.

[45] С. А. Токарев. Родовой строй в Меланезии.— «Советская этнография», 1933, № 2, стр. 61.

[46] С. П. Толстов. Проблемы дородового общества.— «Советская этнография», 1931, № 3-4, стр. 93—102.

2. Верхний палеолит — эпоха господства дородового общества. «Основоположники марксизма,— писал Равдоникас,— признавали факт существования дородового общества»[47]. В. Г. Богораз, изучая чукчей и эскимосов, внес большой вклад в изучение дородовой общины. Он отметил, что чукотская община — варат — имеет свое ядро, группу родных братьев, а также двоюродных, или как говорят чукчи, «группу парней» [48]. В общину входят также жены этих мужчин. В среднем община состоит из 10—15 семей, но размеры ее в разные сезоны различны. В ответ на предположение, что род у чукчей был, но разложился, Богораз писал: «У чукоч можно отметить не исчезновение родового строя, а, наоборот, первый зачаток родовой организации, которая, однако, по разным причинам не могла укрепиться» [49]. М. О. Косвен в небольшой книге о племени кубу (Суматра) подробно характеризует их дородовое общество и категорически отрицает предположение, будто у кубу был когда-то род, но потом разложился. Кубу, пишет Косвен, застыли «в своей первобытной дикости» [50]. Толстов решительно утверждает, что у чукчей и коряков род еще не сложился [51]. Токарев находит дородовое общество у австралийцев, у ряда племен Новой Гвинеи, у байнингов Новой Британии и в некоторых других местах Меланезии [52].

3. Неолит — эпоха господства родового общества, возникающего на базе земледелия, скотоводства, высших видов охоты и рыболовства. При этом материнский и отцовский род рассматривались как стадиально равнозначные формы. Толстов писал о родовом строе вообще, не выделяя ни материнский, ни отцовский род [53]. Токарев утверждал, что материнский род «не является общеобязательной стадией». Папуасские племена мекео, роро, коита, продолжал он, «вряд ли знали когда-либо материнско-родовую систему»[54].

Для второго периода, начавшегося в конце 30-х годов и продолжающегося по сей день, характерны отрицание дородового общества, взгляд на верхний палеолит и неолит как на эпоху господства материнского рода. Ниже мы приводим для сравнения взгляды С. П. Толстова, С. А. Токарева, П. П. Ефименко, В. И. Равдоникаса в первый и второй периоды развития советской этнографии.

---

[47] В. И. Равдоникас. Указ. соч., стр. 21.

[48] В. Г. Богораз. Чукчи, ч. I. Л., 1934, стр. 94.

[49] Там же, стр. XVIII.

[50] М. Косвен. Осколок первобытного человечества. М.—Л., 1927, стр. 46.

[51] С. П. Толстов. Проблемы дородового общества, стр. 100.

[52] С. А. Токарев. Родовой строй в Меланезии.— «Советская этнография», 1933, № 2, стр. 48—52.

[53] С. П. Толстов. Проблемы дородового общества, стр. 102.

[54] С. А. Токарев. Родовой строй в Меланезии.— «Советская этнография», 1933, № 3-4, стр. 53; № 5-6, стр. 45.

Конец 20-х — середина 30-х годов

Период	Толстов	Токарев	Ефименко	Равдоникас
Шелль Ашель	Первобытная стая охотников	—	Первобытная орда собирателей	Бродячая группа собирателей
Мустье	Постоянный производственный коллектив	—	Мустьерская орда охотников	Устойчивая половозрастная группа охотников
Верхний палеолит. Мезолит	Дородовое общество	Первобытно-коммунистическая община	Дородовое общество	Тотемистическое общество
Неолит	Родовой строй	Родовой строй	Родовое общество	Родовое общество

С конца 30-х годов

Период	Толстов	Токарев	Ефименко	Равдоникас
Шелль Ашель	Первобытное стадо	—	Первобытное стадо	Первобытное стадо
Мустье	Первобытное стадо	—	Первобытная община	Кровнородственная семья
Верхний палеолит. Мезолит	Матриархат	Материнский род (зачаточный)	Материнский род	Матриархат
Неолит	Матриархат	Материнский род	—	Матриархат

Изменения во взглядах этих ученых связаны с достижениями советских археологов — с открытием в верхнем палеолите прочных постоянных жилищ и в одном из них (Костенки I) — множества женских статуэток из камня и кости. Любопытно проследить, как изменялись, например, взгляды Ефименко. В 1934 г. он видел в верхнем палеолите дородовое общество, а в неолите — родовой строй [55]. В 1938 г. он пишет совсем другое: «Верхний палеолит, несомненно, отвечает уже родовому обществу»[56]. Теперь дородовое общество отнесено им к ашелю и мустье. В 1953 г. ашель вместе с шеллем отведен им для первобытного стада, которое еще не является сложившимся обществом, а дородовому обществу остается только эпоха мустье [57]. Материнский род, пишет Толстов, одинаково характерен как для эпохи верхнего палеолита, так и для эпохи неолита [58]. В конце концов,

[55] П. П. Ефименко. Дородовое общество. М.—Л., 1934.

[56] П. П. Ефименко. Первобытное общество. Л., 1938, стр. 344.

[57] П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953.

[58] С. П. Толстов. Некоторые проблемы всемирной истории в свете данных современной исторической этнографии.—«Вопросы истории», 1961, № 11, стр. 113, 114.

в трудах других археологов и этнографов, дородовое общество исчезает совершенно и сразу за первобытным стадом (шелль, ашель, мустье) следует родовой строй (верхний палеолит, неолит). Правда, археологи (Ефименко, Равдоникас) пытались между первобытным стадом и материнским родом поставить кровнородственную семью, но это встретило резкую критику со стороны этнографов [59]. Но и среди этнографов есть различия во взглядах. Так, Токарев говорит по существу о дородовой стадии, когда пишет, что на средней и высшей ступенях дикости, т. е. примерно в верхнем палеолите и мезолите, «брачно-половые и кровнородственные отношения составляли тогда вообще основную форму общественных отношений» [60]. По отношению к таким обществам он продолжает употреблять термины «первобытная община», «тотемическая группа» [61]. Но в целом все же верхний палеолит трактуется им как «эпоха зарождающегося материнского рода» [62], а неолит, к которому он приурочивает низшую ступень варварства, как «период расцвета материнско-родовой организации» [63].

В конечном итоге первобытное стадо заняло нижний палеолит, материнский род — верхний палеолит, мезолит и неолит. Дородовое общество полностью исчезло из первобытной социальной истории. На V Международном конгрессе антропологов и этнографов А. И. Першиц осудил попытки «подменить» родовую общину в верхнем палеолите «различного рода „тотемистическими обществами“ или „семейно-родственными группами“» [64].

Таким образом, в конце 20-х — середине 30-х годов, с одной стороны, и в последующие годы — с другой, господствовали два существенно различных направления в развитии советской науки о первобытном обществе. В эти периоды не только излагались разные концепции, но и по-разному толковались одни и те же высказывания основоположников марксизма и даже по-разному переводились одни и те же слова Энгельса с немецкого на русский язык. Так, лаконичные слова Ленина о первобытной коммуне (из письма к Горькому) в первый период, когда признавалась дородовая стадия, были отнесены к дородовому обществу [65], а во второй период, когда отрицалась дородовая стадия,— к родовому обществу [66]. Более того, во второй период и Энгельсу было при-

[59] См., например, рецензию С. А. Токарева на книгу В. И. Равдоникаса «История первобытного общества» («Советская этнография», 1949, № 1).

[60] С. А. Токарев. Ранние формы религии. М., 1964, стр. 153.

[61] Там же, стр. 75.

[62] Там же, стр. 265.

[63] Там же, стр. 267.

[64] А. И. Першиц. Проблемы истории первобытного общества в советской этнографии.— «Доклады советской делегации на V Международном конгрессе антропологов и этнографов». М., 1956, стр. 5.

[65] С. Н. Быковский. Доклассовое общество как социально-экономическая формация.— «Советская этнография», 1934, № 1-2, стр. 28.

[66] Ю. И. Семенов. О периодизации первобытной истории.— «Советская этнография», 1965, № 5, стр. 75.

писано отрицание дородовой стадии [67]. В первый период в известных словах Энгельса о двух видах производства термин Geschlechtsbande переводился как «узы родства», во второй — как «родовые связи» [68]. Во второй период материнский род занял огромную по длительности эпоху, включающую верхний палеолит, мезолит и неолит, вплоть до металла. Первобытное общество стало мыслиться только в одной форме, материнско-родовой.

4. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Сторонники охарактеризованных выше направлений изучали одну и ту же социальную ячейку, но изучали по-разному. Сторонники первого направления смотрели на эту социальную ячейку со стороны экономики, видели в ней общину, довольно подробно исследовали хозяйство, производственные отношения. Это была их сильная сторона. Однако они явно недооценивали значение семейно-брачных и родовых отношений. Они не усматривали за ними ничего, кроме экономики, между тем как в них отражены и многие другие стороны жизни, прежде всего семья, управление общинными делами и т. д. Сторонники второго направления видят в той же ячейке род, акцентируют внимание на родовых институтах и семейно-брачных отношениях. Но они явно недооценивают значение экономики и общину изучают лишь в той мере, в какой она совпадает с родом, а производственные отношения — лишь постольку, поскольку они совпадают с родовыми.

Возобладание в этнографии второго направления привело к фактическому игнорированию экономики. Этнографы-сибироведы, отмечали Б. О. Долгих и М. Г. Левин, мало собрали сведений об общине народов Сибири [69]. Совершенно прав был И. И. Потехин, когда он писал, что «в исследованиях по первобытнообщинному строю большинство этнографов, следуя дурной традиции буржуазной науки, вращалось в заколдованном кругу семейно-родственных отношений: семья, род, племя и т. п., отрывая их от развития экономического базиса» [70].

---

[67] Ю. И. Семенов. Учение Моргана, марксизм и современная этнография.— «Советская этнография», 1964, № 4, стр. 180.

[68] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 26. Этот не вполне точный перевод ввел в заблуждение целый ряд ученых. Так, С. П. Толстов, Ю. П. Аверкиева, А. И. Першиц, Л. П. Потапов, В. И. Равдоникас, А. Г. Харчев, Б. А. Чагин, опираясь на него, пишут, будто все доклассовое общество покоилось на родовых связях и что это положение связано со словами Энгельса о производстве человека («Вопросы философии», 1965, № 6, стр. 180).

[69] Б. О. Долгих и М. Г. Левин. Переход от родо-племенных связей к территориальным в истории народов Северной Сибири.— «Труды Института этнографии», т. XIV, 1951, стр. 107.

[70] И. И. Потехин. Новые задачи этнографии в свете труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР».— «Советская этнография», 1953, № 2, стр. 11.

Таким образом, в науке о первобытности назрела необходимость синтезировать сильные стороны первого и второго направлений, избавившись в то же время от их крайностей и недостатков. Но этот синтез окажется плодотворным лишь в том случае, если будет зачеркнут знак равенства между общиной и родом. Чтобы изучать должным образом названные социальные единицы, надо прежде всего их различать. Отождествление общины австралийцев, тасманийцев, ведда, семангов и бушменов с родом [71], ошибочное с точки зрения фактов, ведет к неверному пониманию как общины, так и рода. С одной стороны, создается иллюзия, что родовые связи исчерпывают собой весь комплекс общественных отношений, хотя в действительности они охватывают лишь часть этого комплекса; с другой — утверждается, будто «род состоит из парных семей» [72], что при сохранении экзогамии невозможно. «При родовом строе,— писал Энгельс,— семья никогда не была и не могла быть ячейкой общественной системы, потому что муж и жена неизбежно принадлежали к двум различным родам» [73].

В последние годы была сделана попытка сохранить тезис о совпадении общины и рода с помощью гипотезы дислокального брака [74]. С точки зрения чистой теории это выглядит весьма логично: жена живет в одной общине, муж — в другой, дети остаются с матерью, род — материнский, совпадает с общиной. В. Шмидт и В. Копперс, выдвинув впервые гипотезу дислокального брака, сконструировали «чистый материнский род», без мужей [75]. Но при этом в жертву было принесено слишком многое. Дислокальный брак, предполагающий отсутствие совместного жительства супругов, не встречается у бродячих охотников и собирателей не только как правило, но даже как исключение. Исследователь должен выбирать: либо отказ от гипотезы дислокального брака, либо отказ от фактов этнографии как источника для реконструкции первичных социальных форм. Среди нескольких тысяч племен, живущих первобытнообщинным строем, этнографы пока не встретили ни одного, у которого господствовал бы дислокальный брак. Муж и жена всегда живут совместно, либо в общине мужа, либо в общине жены. Муж принадлежит

---

[71] А. И. Першиц. Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории.— «Труды Института этнографии», т. LIV, 1960, стр. 156, 157.

[72] Л. А. Файнберг. О формах социальной организации у индейцев северо-западной части бассейна Амазонки в конце XIX — начале XX в.— «Труды Института этнографии», т. LVIII, 1960, стр. 133, 134.

[73] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 102.

[74] Ю. И. Семенов. К вопросу о причине матрилинейности первоначального рода.— «Ученые записки Красноярского государственного педагогического института», т. 13, вып. 2, 1958.

[75] W. Schmidt und W. Koppers. Völker und Kulturen. Regensburg, 1924, S. 257, 267—271, 284.

к одному роду, а жена — к другому, и оба они являются членами одной общины. Община нигде не совпадает с родом.

Факт несовпадения общины и рода и соответственно производственных отношений с родовыми неоспорим. Можно, правда, как это делает Ю. И. Семенов, реконструировать первую, гипотетическую фазу первобытной истории, когда «в силу дисэкономического и дислокального характера брака производственный коллектив... целиком и полностью совпадал с родом»[76]. Речь идет, видимо, об эпохе верхнего палеолита, социальная характеристика которой для нас пока недоступна. Но с переходом к мезолиту община и род, производственные отношения и родовые, отмечает Семенов, перестают совпадать[77]. Перед нами все равно встают вопросы, на которые надо ответить недвусмысленно: что считать основной ячейкой первобытности — общину или род, какие отношения считать определяющими — производственные или родовые.

А. М. Золотарев и С. А. Токарев являются первыми советскими этнографами, которые резко провели различие между общиной и родом. Золотарев характеризовал локальную группу австралийцев как основную общественную ячейку[78]. Основной ячейкой, писал он в начале 30-х годов, следует считать общину. «Род,— по мнению Токарева,— не является производственной единицей в собственном смысле»[79]. К сожалению, позднее Токарев отказался от этих положений и стал рассматривать род как производственную единицу.

Различие между общиной и родом отмечается и в зарубежной литературе, например американским этнографом Мердоком. Но этот ученый не смог вырваться из заколдованного круга семейно-родственных отношений и связанной с ними терминологии. По Мердоку, две основные социальные единицы — это семья и род. Семья для индивида — первая «линия защиты», род — вторая. Что касается общины, то Мердок не придает ей серьезного значения, называет ее «кланом» (по существу тот же род) и считает ее результатом «компромисса» между семьей и родом[80].

С нашей точки зрения, основной ячейкой является община, так как именно в ней осуществляется производство средств к жизни. Община состоит из семей; в семье человек рождается, растет, получает навыки и знания, готовится к выполнению обя-

---

[76] Ю. И. Семенов. О периодизации первобытной истории.— «Советская этнография», 1965, № 5, стр. 84. «Науке,— пишет он,— неизвестен ни один народ, который можно было бы отнести к первой фазе» (стр. 85).

[77] Там же, стр. 87.

[78] А. М. Золотарев. Происхождение экзогамии.— «Известия ГАИМК», т. 10, вып. 2—4. Л., 1931.

[79] С. А. Токарев. Родовой строй в Меланезии.— «Советская этнография», 1933, № 3-4, стр. 54.

[80] G. P. Murdock. Social structure, p. 43, 72.

занностей члена общины. Община и семья универсальны, зафиксированы у всех племен. Род не универсален и не первичен. Он переживает период расцвета, как писали Морган и Энгельс, на определенной стадии хозяйственно-культурного развития (низшая ступень варварства). Нет племен без общины и семьи, но, как показывают многочисленные примеры, племя вполне может существовать без рода.

В первобытной истории есть две эпохи, о которых мы располагаем наименьшим количеством данных: эпоха первобытного стада и эпоха верхнего палеолита. Первобытное стадо (шелль, ашель, мустье) — это эпоха питекантропа и неандертальца. Есть два крайних взгляда на первобытное стадо. Согласно одному из них первобытное стадо — это животное стадо, согласно второму — начальный этап первобытнообщинной формации. Истина, как это часто бывает, по-видимому, лежит посредине. Первобытное стадо уже порвало с животным миром (о чем говорит наличие орудий труда, развитие рук, особенно правой, развитие мозга и т. д.), но еще не стало вполне сформировавшимся обществом. Его эволюция в значительной мере идет за счет изменений в физическом типе людей, путем естественного отбора [81]. Кроме того, протяженность эпохи первобытного стада (700—800 тыс. лет) слишком велика, чтобы считать ее начальным этапом первобытнообщинной формации.

Социальная история человечества в полном смысле этого слова начинается с верхнего палеолита, т. е. с того момента, когда возникает Homo sapiens и прекращается формирование физического типа человека (хотя изменения в нем продолжались, что вело к возникновению рас). Верхний палеолит — начальный этап первобытнообщинного строя. Все человечество, включая самые отсталые племена, прошло этот этап задолго до того, как первобытнообщинный строй стал предметом изучения.

Факты палеоантропологии, дающие представление о физическом облике древних людей, свидетельствуют о том, что по своим физическим данным, по приспособленности к природе, к созданию культуры, к социальной жизни люди верхнего палеолита мало чем отличались от людей нашего времени. Человек этой эпохи уже имел высокий лоб. Мощный надглазничный валик, характерный для людей нижнего палеолита (питекантроп, неандерталец), исчез. Нижняя челюсть приобрела подбородочный выступ, столь важный для развития речи. Мозг был достаточно развит. В частности, слепки мозговой полости черепов людей верхнего палеолита показывают, что у них лучше, чем у неандертальцев, были развиты отделы коры головного мозга, связан-

---

[81] В. П. Якимов. Раинне стадни антропогенеза.— «Труды Института этнографии», т. XVI, 1951, стр. 83; Я. Я. Рогинский. Основные антропологические вопросы в проблеме происхождения современного человека.— Там же, стр. 192.

ные с речевой функцией [82]. Относительная неизменность физического типа человека на протяжении всей его социальной истории вовсе не означает какой-то остановки в развитии. Просто развитие направилось в новое русло: с самого начала верхнего палеолита, т. е. с появлением Homo sapiens — современного человека, главным стало развитие в области хозяйства, общества, культуры. Факты, накопленные антропологами и биологами, вносят существенные уточнения в представления Моргана и Энгельса о ранних ступенях социальной истории. Естественный отбор, полагали они, действовал вплоть до возникновения рода, т. е. примерно до неолита. В действительности же он завершил свое дело гораздо раньше, еще до начала верхнего палеолита.

При решении вопроса о характере социальной жизни людей в верхнем палеолите мы должны проявить максимальную осторожность: просчет в самом начале может повести к искажению всей последующей картины. Дородовая теория отрицает существование рода в верхнем палеолите, хотя для этого нет веских причин. Но вряд ли это отрицание может быть категоричным. Не исключено, что в отдельных зонах (например, в европейской приледниковой) род сложился уже в эту эпоху. Еще более сомнительна материнско-родовая теория, покоящаяся исключительно на фактах археологии. Безусловно, данные археологии — важнейший источник для изучения первобытности, но многие стороны общественной жизни остаются не освещенными ими.

Вещественные остатки человеческой деятельности восходят к нам от прошлого, почти столь же отдаленного, как и костные остатки древнейших людей. Здесь не может быть оснований для сомнений (за редчайшими исключениями) ни в подлинности самих вещей, ни в их пространственном соотношении, ни в последовательности их во времени. Находки археологов позволяют наметить основные этапы развития хозяйства, орудий труда и других сторон культуры, выделить (начиная с верхнего палеолита) основные историко-культурные области, в каждой из которых были свои особенности в формах и темпах развития. Представляя материал о состоянии производительных сил общества, археология дает нам как бы каркас доклассовой истории, притом такой каркас, который охватывает существеннейшие стороны жизни, могущие служить критериями хозяйственно-культурного прогресса общества.

С помощью археологии внесены существенные коррективы в периодизацию первобытной истории. В свое время Морган выделял основные этапы в первобытной истории по таким признакам, как добывание огня, появление лука и стрел, гончарства, земледелия и скотоводства, железа, письменности. Конкретные

---

[82] В. В. Бунак. Происхождение речи по данным антропологии.— «Труды Института этнографии», т. XVI, 1951, стр. 247.

формы хозяйства и явления культуры, вырванные из локального и хронологического контекста и вставленные в общую схему как обязательные для всех групп человечества, естественно не могли долгое время выступать в этой необычной для них роли. Как вскоре выяснилось, многие признаки (гончарство, железо и т. д.) далеко не универсальны и не обязательны. Полинезийцы, например, не имели глиняной посуды; они готовили пищу в земляных печах. Формы хозяйства, помимо того что каждая из них не универсальна и не обязательна, не могут служить показателем уровня развития еще и потому, что почти каждая из них встречается на самых разных этапах. Как имеются различные формы земледелия (мотыжное и плужное), так есть и разные формы рыболовства, охоты, скотоводства и даже собирательства. Наряду с примитивным рыболовством есть рыболовство нивхов в низовьях Амура и тлинкитов на северо-западном берегу Северной Америки — весьма развитое, с заготовкой рыбы впрок. Наряду с примитивной охотой есть охота эвенков Сибири и индейцев прерий, а также охота эскимосов на морского зверя, отражающая значительно более высокий хозяйственно-культурный уровень. Наряду с оленеводством ненцев и чукчей, где олень — лишь средство передвижения и источник мясной пищи, есть оленеводство лапландцев, где в дополнение к этому от оленей получают молоко, изготовляют масло, сыр. Лама и альпака в Перу были средством передвижения, индейцы изредка ели их мясо, но, будучи земледельцами, все же не использовали их в качестве тягловой силы и не доили их. Свиноводство вообще не встречается как самостоятельная отрасль хозяйства (свиней нельзя перегонять на большие расстояния). Оно связано, как правило, с оседлостью, земледелием. Шиллуки в Восточной Африке доят рогатый скот, но не используют его в качестве тягловой силы, не изготовляют сыр, а масло употребляют только для намазывания тела. С другой стороны, верблюд в Аравии и Северной Африке выступает почти исключительно как средство транспорта, и без него эти обширные территории, лишенные воды, были бы для человека недоступны. Таким образом, скотоводство как форма хозяйства встречается в самых разнообразных видах и на самых разных уровнях развития. Даже собирательство сильно варьирует: оно может быть примитивным, как у австралийцев или андаманцев, и весьма развитым, как у калифорнийских индейцев (сбор желудей) или у индейцев области Великих Озер (сбор дикого риса).

Поэтому, когда речь идет о развитии производительных сил, предпочтительнее всего придерживаться периодизации, предложенной Энгельсом, выделявшим следующие периоды.

1. «Период преимущественно присвоения готовых продуктов природы» (примитивные охота, рыболовство, собирательство).

2. «Период овладения методами увеличения производства продуктов природы с помощью человеческой деятельности» (Энгельс называет здесь скотоводство и земледелие).

3. «Период овладения дальнейшей обработкой продуктов природы, период промышленности в собственном смысле слова» [83]. (В рамках доклассовой истории нас интересует лишь начальный момент этого периода, связанный с выделением ремесла.)

По данным археологии, хозяйство присваивающего типа безраздельно господствовало в верхнем палеолите и мезолите. В неолите наряду с сохранением охоты, рыболовства и собирательства появились земледелие и скотоводство. Для позднего неолита и энеолита характерны выделение ремесла и развитие обмена.

Материалы археологии представляют собой, таким образом, исходный пункт для суждений о многих явлениях первобытности. Однако социальная жизнь, формы управления, семейно-брачные отношения и т. п. в них отражены слабо либо не отражены вовсе. Археологические данные не дают, в частности, основания для вывода о безраздельном господстве материнского рода. Возможно, факты археологии и не содержат возражений против такого вывода. Но он явно не соответствует показаниям другого источника — фактам этнографии. Правда, последние взяты из жизни племен, по уровню развития стоящих не ниже мезолита. Но в мезолите, как и в верхнем палеолите, господствует хозяйство присваивающего типа (примитивные охота, рыболовство, собирательство). При переходе от палеолита к мезолиту не было качественных сдвигов в производительных силах (среди археологов нет пока единства по вопросу о целесообразности выделения мезолита как особого периода). Нет оснований полагать, что такие сдвиги были и в социальной жизни.

Сторонники материнско-родовой теории, вместо того чтобы согласовать свои взгляды с этнографическими источниками, стали относиться к ним с недоверием. Из общей сокровищницы фактов они отбирают лишь небольшую часть, не противоречащую их взглядам, а основную массу фактов пытаются так или иначе поставить под сомнение, дискредитировать. При этом в число племен, по которым нельзя будто бы судить о первобытности, попадают и наиболее отсталые племена, находящиеся, согласно археологической периодизации, на стадии мезолита или раннего неолита: тасманийцы, австралийцы и прочие, как их называют сторонники материнско-родовой теории, «патриархальные примитивы» [84]. Дело доходит до того, что община (локальная группа) австралийцев только потому, что она патрилинейна и

---

[83] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 33.

[84] А. И. Першиц, Л. А. Файнберг, Н. Н. Чебоксаров. По поводу писем Н. А. Бутинова и В. Р. Кабо.— «Советская этнография», 1965, № 3, стр. 189.

патрилокальна, характеризуется ими как «злокачественная опухоль», «уродливое новообразование»[85].

Жесткая материнско-родовая схема ставит многих специалистов в трудное положение. Согласно этой схеме, у каждого народа надо найти в настоящем или в прошлом материнский род. Сравнительно легко вышли из этого положения специалисты по народам Кавказа, Южной Сибири, Средней и Центральной Азии. Здесь по уровню развития материнский род мог быть лишь в прошлом и считается достаточным отыскать несколько его пережитков. Труднее пришлось специалистам по более отсталым этническим группам. У них, согласно схеме, материнский род должен быть в настоящем, а в реальной действительности он имеется примерно у 15% соответствующих этнических единиц, а у 85% род либо вообще не найден, либо он не материнский[86]. Пришлось срочно создавать дополнительные гипотезы, имеющие целью объяснить, почему у этих племен нет материнского рода. Такие гипотезы были созданы для племен Австралии, Северной и Южной Америки, народов Африки, Сибири. Их смысл состоял в доказательстве того положения, будто материнский род всюду был, а потом исчез под влиянием древних цивилизаций (Африка, Сибирь), европейской колонизации (Австралия, Северная Америка) или каких-то не вполне ясных причин (Южная Америка)[87].

Этнография начинает давать свои показания с эпохи мезолита. Именно на этой ступени находятся наиболее отсталые племена. Этнограф изучает культуру, находясь среди живых ее носителей, поэтому он видит лишь то прошлое, которое представлено культурой народа, отставшего в развитии. Но зато он приближается к этой культуре вплотную, видит ее в реальной жизни, во всем разнообразии деталей, во всей яркости красок. В этом преимущество этнографа. Однако факты этнографии в качестве источника для изучения первобытности имеют и свои недостатки. Во-первых, этнограф не может углубляться в прошлое так далеко, как это делают археолог и антрополог. Во-вторых, и то прошлое, которое он видит,— это не хронологическое прошлое, а лишь стадиальное. Стадиальную глубину, свойственную фактам этнографии, можно определить с помощью археологии, по уровню производительных сил. Археология точно указывает место предметов и явлений этнографии в прошлом, в первобытной истории. Факты этнографии как источник для изучения первобытности имеют еще и тот недостаток, что за многие сотни

---

[85] С. П. Толстов. Некоторые проблемы всемирной истории..., стр. 110.

[86] См. D. M. Schneider and K. Gough. Matrilineal kinship. Berkeley and Los Angeles, 1961, p. 663.

[87] С. П. Толстов. Некоторые проблемы всемирной истории..., стр. 109; Ю. П. Аверкиева. Новая попытка классификации результатов исследований по этнографии коренного населения Северной Америки.— «Советская этнография», 1956, № 5, стр. 160; Л. А. Файнберг. Индейское население Бразилии.— «Бразилия. Экономика, политика, культура». М., 1963, стр. 124.

лет, в течение которых социально отсталые племена не поднялись на более высокий уровень хозяйственно-культурного развития, они все же пережили немало событий, в их хозяйстве и культуре произошли изменения. Эти изменения не привели к появлению нового качества, но с наличием их необходимо считаться. Можно назвать и другие недостатки фактов этнографии как источника для изучения первобытности и среди них прежде всего то обстоятельство, что многие отсталые племена испытали на себе влияние соседей, развивавшихся более быстрыми темпами. Но при этом не надо забывать, что это единственный источник, с помощью которого можно изучать общину, семью, род и многие другие доклассовые социальные и семейные институты, и этим источником надо дорожить.

Самые отсталые из известных науке племен — тасманийцы, австралийцы, кубу, пунан, аэта, семанги, ведда, андаманцы, бушмены, ботокуды, сирионо, шаванты, огнеземельцы — к моменту их изучения имели каменные орудия, относящиеся, по археологической периодизации, к мезолиту, отчасти к раннему неолиту. При этом каждое из отсталых племен весьма специфично: живет в особых природных условиях (одни — в лесах, другие — в пустынях, третьи — на побережьях и т. д.), имеет свои особенности в хозяйстве, в культуре. У кубу, например, не было камня, и все орудия изготовлялись из дерева. Андаманцы не умели добывать огонь. Но в эпоху мезолита и раннего неолита, когда земной шар был уже почти весь заселен, картина тоже была весьма разнообразной, и каждый район имел свою специфику.

Изученные этнографами отсталые племена с хозяйством присваивающего типа имели уже зачатки родовой организации. Но их община еще не была родовой. Это была кровная община, и ядро ее состояло либо из группы мужчин-ровесников, считавших себя братьями, либо из группы женщин-ровесниц, считавших себя сестрами, либо, что чаще всего, из группы мужчин и женщин, считавших себя братьями и сестрами. Это ядро, естественно, было окружено оболочкой, состоявшей из мужей и жен, не связанных с членами ядра кровным родством.

В зарубежной науке весьма распространена тенденция трактовать кровную общину как билатеральную группу [88]. Но это — модернизация, результат осмысления кровных связей, существующих в этой общине, с позиций наших представлений о родстве. С нашей точки зрения, братья и сестры потому являются таковыми, что у них одни и те же родители. Поэтому кровная община изображается как группа лиц, происходящая от общего предка, но по обеим линиям, мужской и женской. На деле эта группа не предковая. Она построена не на вертикальном (через

[88] См., например: G. P. Murdock. Social structure.

поколения), а на горизонтальном (в рамках одного поколения) родстве, на принципе цепной связи: два человека считают себя братьями, потому что есть третий человек, которого каждый из них считает своим братом. Все члены ядра считают себя сиблингами (братьями и сестрами), и символом их кровного родства является тотем (вид животных или растений), который тоже считается сиблингом.

Так выглядит кровная (первобытнокоммунистическая, тотемическая, дородовая) община, которую можно детально изучать у наиболее отсталых племен (что и делали в конце 20-х — середине 30-х годов) и от которой с конца 30-х годов стали отмахиваться, как от «злокачественной опухоли», «уродливого новообразования», «патриархального примитива», на том основании, что она не подходит под материнско-родовую схему. Пока нет достаточных доказательств, что такая община существовала в верхнем палеолите во всех районах мира, но во всяком случае нет оснований утверждать, что ее в ту эпоху нигде не было.

Второй этап первобытного общества — родовая община. Она возникает с переходом от хозяйства присваивающего типа к земледелию и скотоводству (или, по терминологии Моргана и Энгельса, от высшей ступени дикости к низшей ступени варварства). Родовая община может выступать в разных вариантах: материнско-родовом и отцовско-родовом. Морган и Энгельс полагали, что низшей ступени варварства присущ материнский род, а средней — отцовский. Позднейшие исследования показали, что низшей ступени варварства действительно свойственно родовое право, а средней ступени варварства — агнатное право. Но при этом выяснилось, что родовое право связано как с материнским, так и с отцовским родом в его ранних формах.

С выделением ремесла и развитием обмена возникает гетерогенная община. Это третий этап первобытнообщинного строя, этап его разложения. На этом этапе (средняя ступень варварства) род, как материнский, так и отцовский, сохраняется, но в поздних своих формах.

Три основных этапа первобытнообщинного строя представлены, таким образом, тремя типами общины. Это кровная община, родовая община, гетерогенная община.

Наряду с развитием хозяйства и культуры человечество решало и другую, не менее важную задачу — заселение земного шара. Поэтому, кроме основной, магистральной линии истории, приведшей к становлению раннеклассовых обществ различного типа, существует и немало боковых путей, ответвлений, что отнюдь не отрицает единства всемирно-исторического процесса. Отставшие в развитии племена потому и отстали, что оказались в неблагоприятных природных и исторических условиях (например, в изоляции). Так, эскимосы и алеуты заселив арктическое

побережье Сибири и Америки, не могли, естественно, перейти к земледелию. Не могли сделать этого и огнеземельцы из-за холодного влажного климата и частого выпадения снега. То же самое относится к аборигенам многих районов Австралии (пустыни в центре и на западе, влажно-тропические леса на севере).

Современная наука, разработав комплексный метод изучения, состоящий в одновременном привлечении данных антропологии, археологии, этнографии, языкознания, фольклористики, древних письменных и других источников, проследила ход расселения человечества по земному шару и процессы формирования различных этнических и языковых групп [89]. Было установлено, что Сибирь, юг Африки, Австралия, Америка заселены человеком в конце верхнего палеолита и в мезолите. Немного позднее, в неолите, люди стали осваивать островной мир — Индонезию, отчасти Меланезию. Лишь на отдельных частях островного мира (Полинезия, Микронезия) люди появились с переходом к классовому обществу. При этом выяснилось также, что многообразие локальных форм хозяйства и культуры весьма значительно и что однолинейная схема развития хозяйства и культуры в лучшем случае может отражать лишь историю одной или нескольких частей человеческого рода, но не всего человечества в целом.

Видимо, устанавливая основные этапы доклассовой истории, необходимо учесть также многообразие локальных форм. Учитывать их подчас столь же важно, как и стадиальные различия. Покажем это на примере. В лесных областях Европы в раннем неолите люди занимались в основном охотой и рыболовством. Главной социальной ячейкой, видимо, была кровная община. В позднем неолите в этой зоне отмечается мотыжное земледелие подсечно-огневого типа, что означает переход на более высокую ступень развития, к родовой общине. Но территория и население остались теми же, природная среда не изменилась и между двумя стадиями можно найти много общего: сохранили известное значение охота и рыболовство, а также орудия, связанные с этими занятиями (лыжи, лодка-берестянка, лодка-однодеревка и т. д.). Позднее, уже на заре классового общества, обитатели лесных областей Европы (предки славянских, балтийских, германских, кельтских, частично угро-финских народов) перешли от мотыжного земледелия к плужному. Это был переход на еще более высокую стадию, обусловивший появление гетерогенной общины, что вызвало серьезные сдвиги в социальной и культурной жизни и привело к образованию здесь более крупных этнических общностей. И все же даже после этого сохранилась

---

[89] См. сб.: «Происхождение человека и древнее расселение человечества».— «Труды Института этнографии», т. XVI, 1951.

известная преемственность, связывающая хозяйство и культуру плужных земледельцев с хозяйством и культурой местных древних охотников и рыболовов.

Примерно так же протекал процесс в Передней Азии (где переход от присваивающего хозяйства к производящему начался около 12—11 тыс. лет назад), в Центральной и Южной Америке (где этот переход начался гораздо позже, но шел в том же направлении). Всюду мы находим три основных этапа. По археологической периодизации — это верхний палеолит и мезолит неолит, поздний неолит и металл; с точки зрения развития производительных сил — присваивающее хозяйство, переход к производству пищевых средств, выделение ремесла; в отношении типов общины — кровная община, родовая община, гетерогенная община. Но в каждом из этих и многих других (Индия, Китай и т. д.) центров, где затем сложились раннеклассовые города-государства (или, по Г. Чайлду, произошла «городская революция»), сохранилась преемственность, связь с ранними ступенями (языковая, хозяйственно-культурная).

Совсем иначе обстоит дело, когда мы сравниваем племена и народы, живущие в разных частях света. Различия между племенами и народами весьма значительны даже в тех случаях, когда общий уровень их хозяйственно-культурного развития примерно одинаков. Для примера сравним две этнические группы, стоявшие еще недавно примерно на одной и той же ступени развития (родовая община),— эскимосов и папуасов. Эскимосы живут в зоне Арктики, папуасы — в тропиках. Естественно, что жилище и одежда у этих народов совершенно различны. Эскимосы охотятся на морских животных, папуасы выращивают огородные культуры (таро, ямс, батат и т. д.); одни страдают от недостатка мясной пищи, другие, напротив,— растительной. Различны у этих народов и орудия труда, утварь, средства передвижения, своеобразны украшения, искусство. Не схожи язык, фольклор, персонажи мифов и религий. Столь существенные различия, даже если они не имеют, как в данном случае, стадиального характера, нельзя оставлять без внимания. Эти различия представляют собой фактор, закономерно возникающий в ходе истории и в свою очередь оказывающий существенное влияние на ее дальнейшее течение.

Могли ли эскимосы, папуасы и другие отсталые племена самостоятельно перейти на более высокую ступень развития? Возможно, что могли. Однако этот вопрос носит чисто академический характер. В действительной истории единство всемирно-исторического процесса состоит не только в наличии для всех частей человечества одинаковых законов исторического прогресса, но и в наличии процесса взаимодействия этих частей. Процесс взаимовлияния, связей, контактов, малозаметный и с очень большим трудом фиксируемый на ранних этапах истории, протe-

кает после возникновения классовых обществ и государств так интенсивно и включает в свою орбиту такие большие территории, что у отставших племен не оказывается достаточного времени для самостоятельного развития. В той или иной форме, рано или поздно они вовлекаются в общее русло истории.

Изучение доклассовых обществ, современных и древних, равно как и разнообразных форм перехода от доклассового строя к классовому, а также заселения земного шара и боковых линий развития очень важно для понимания основных законов развития человечества в целом. На этом широком историческом фоне классовое общество выглядит как социальный эпизод, без которого нельзя было обойтись, но который уже исчерпал свои возможности и уступает место более совершенным формам.

Вот почему так важно знать основные этапы и события доклассовой истории и непрерывно пополнять, уточнять наши знания, учитывая результаты конкретных исследований и расширение нашей фактической базы.

5. КРОВНАЯ ОБЩИНА

(верхний палеолит и мезолит — хозяйство присваивающего типа)

Прямые этнографические данные о социальной жизни начинаются с мезолита. Племен, которые стояли бы по уровню развития производительных сил на стадии верхнего палеолита, этнография не знает. Поэтому судить о первичных формах социальной жизни пока можно только при помощи косвенных свидетельств археологии. Но сама социальная жизнь начинается с верхнего палеолита, а корнями своими уходит еще глубже. То, что есть в мезолите,— это не начало, а продолжение, которое может быть понято лишь при учете всех данных, пусть даже скудных, о предшествующем состоянии.

Новые методы раскопок, разработанные советскими археологами, дали возможность реконструировать формы некоторых верхнепалеолитических поселений. Разумеется, сами жилища с их кровлей (вероятно, из шкур) не сохранились. Но определены места, где стояли жилища (по углублениям в земле и по костям мамонта, врытым по краям жилища и служившим опорами), установлено количество очагов и их расположение, найдены ямки, в которых хранилась пища, орудия и другие предметы [90]. Особенно интересно жилище, обнаруженное в районе села Костенки, близ Воронежа (названием село обязано обилию здесь костей ископаемых животных) [91]. Оно имело 35 *м* в длину и 16 *м* в ширину. Таким образом, его площадь достигала около 600 *кв. м.*

[90] П. И. Борисковский. Древнейшее прошлое человечества. М.—Л., 1957, стр. 167—178.

[91] П. П. Ефименко. Костенки I. Л., 1958.

Вдоль жилища через 2 *м* друг от друга располагались очажные ямы. Всего было девять очагов. В качестве топлива служили кости мамонта (запасы их находились вблизи очагов). Один из очагов был предназначен для специальной цели: на нем добывали минеральную краску — кровавик. Вокруг располагались землянки. Две из них, более крупные, отапливались кострами, а в третьей, видимо, хранились части туши мамонта.

Перед нами раскрывается картина древнего поселения, в котором уже ощущается определенный внутренний распорядок. Судя по аналогии с данными этнографии, можно думать, что в этом поселении жила кровная община. На территории поселения имелись специальные ямки для хранения особо ценных вещей: кремневых пластин, крупных наконечников, украшений из коренных зубов и клыков животных, скульптурных изображений животных и женщин. Наличие скульптурных изображений животных (мамонт, медведь, пещерный лев) связано, очевидно, с тем, что охота на них была главным занятием древних людей. Люди тщательно готовились к опасной охоте и с поразительным реализмом изображали тех животных, которых им предстояло добыть. Пока трудно решить, какое начало преобладало в художниках и зрителях: эстетическое, религиозно-магическое или познавательное, но их интерес к объектам охоты вряд ли нуждается в объяснениях. Стрелы, воткнувшиеся в тела животных, льющаяся из животных кровь свидетельствуют о том, что изображаемые животные мыслились именно как объекты охоты. Немногочисленные изображения мужчин (24 изображения), найденные в верхнем палеолите, выполнены условно, схематически и в большинстве случаев чрезвычайно неопределенно. Кое-где видно, что это охотники, подкрадывающиеся к животным, бросающие в них копья. Мужчины-охотники мыслились, видимо, лишь как средство к поимке добычи, и их изображали без особого усердия. Не исключено к тому же, что некоторые детали мужских изображений не входили в первоначальные замыслы художников и появились под влиянием привходящих факторов или случайных причин. Другое дело — изображения женщин. Во-первых, их очень много (266). Во-вторых, это в основном скульптура (более 200 фигурок; среди 24 мужских изображений только две фигурки). В-третьих, все женские изображения реалистичны и выполнены очень тщательно. В-четвертых, они обычно даны отдельно, крайне редко с изображениями мужчин и лишь на позднем этапе (мадлен) с изображениями животных. В-пятых, ни одна из женских статуэток (в отличие от одной из двух мужских) не связана с погребением [92].

---

[92] З. А. Абрамова. Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.— Л., 1966.

Таким образом, изображения женщин (ориньякские) нельзя отнести ни к охоте, ни к погребальному обряду. Они имеют самостоятельное значение. Большинство исследователей видит в них женщин-родоначальниц, связывает их с материнским родом. В советской науке о первобытности эти женские фигурки сыграли важную роль: верхний палеолит, до них трактовавшийся как период дородового общества, после их массовых находок в середине 30-х годов стал трактоваться как период материнского рода, матрилокального брака.

Нам думается, что значение женских фигурок будет легче понять, если мы вернемся к взглядам Энгельса, который считал род, в том числе и материнский, явлением, «во всяком случае более поздним», чем австралийские брачные классы [93], и полагал, что до возникновения рода преобладал брак путем похищения женщин [94]. По нашему мнению, женские фигурки изображают женщин, которых мужчинам предстояло похитить из соседних кровных общин.

Достаточно представить себе природный и хозяйственно-культурный фон в Евразии 20—25 тыс. лет назад («эпоха расцвета женских статуэток»), когда мозг и рука человека еще слабо развиты, каменные орудия примитивны, чтобы понять, что только жизненно важная причина могла побудить древних людей изготовлять изумительные по совершенству женские статуэтки из материала, с трудом поддающегося обработке (камень, бивень мамонта). Такой жизненно важной причиной был, видимо, запрет браков внутри кровной общины и в силу этого необходимость похищения женщин из других кровных общин — похищения насильственного, связанного с опасностями и риском.

Ориньяк — это начальный период верхнего палеолита, период, когда еще продолжается и завершается процесс преобразования первобытного стада в кровную общину, процесс социогенеза. Главное в этом процессе — формирование постоянного кровного ядра (первобытное стадо не имело постоянного состава). Связи внутри ядра укреплялись всеми средствами как позитивными, так и негативными. Одной из позитивных мер было представление о всеобщей кровной связи членов ядра, одной из негативных — экзогамия.

Цель экзогамии, по нашему мнению [95],— усиление кровного ядра общины, состоящего из мужчин-охотников. При экзогамном браке жена, взятая извне, чужая для мужа на всю жизнь; между мужчиной и его женой — непроходимый социальный барьер. Логика первобытнообщинной жизни такова, что ядро об-

---

[93] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 49.

[94] Там же, стр. 50.

[95] Н. А. Бутинов. Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи.— «Труды Института этнографии», т. LXXX, 1962, стр. 180—181.

щины и через него вся община тем сплоченнее и прочнее, чем слабее семья. Поэтому браки на женщинах, добытых извне, сначала предпочитались, а потом стали социальной нормой. Факты этнографии свидетельствуют о том, что лиц, нарушавших эту норму, обычно убивали. На первых порах, когда экзогамия только еще возникала и между общинами не было регулярных связей, женщин приходилось похищать. Похищение требовало усилий многих людей, согласованности действий, что достигалось с помощью обрядов. Женские статуэтки, вероятно, изготовлялись с целью проведения этих похитительных обрядов. Мы склонны, таким образом, связать женские статуэтки с возникновением экзогамии, т. е. с запретом вступать в брак с женщиной из своего коллектива и с обязательством добывать себе жену из других кровных общин. Если это предположение о связи костяных и каменных женских фигурок с браком путем похищения — и тем самым с экзогамией — правильно, то можно сделать вывод, что в жилище, раскопанном близ села Костенки жила экзогамная община. Но с чем была связана экзогамия — с брачными классами (как у австралийских аборигенов) или с другими группами (например, возрастными),— мы пока определить не в состоянии.

Материнско-родовая теория, сложившаяся в конце 30-х годов под влиянием находок и работ П. П. Ефименко, перенесла материнский род из неолита, где он реально существовал, в верхний палеолит. Материнский род был приписан жителям стоянки Костенки I и других поселений Евразии, а заодно и всех других зон, в том числе средиземноморской, южноафриканской, индокитайской (хотя там не было найдено ни прочных жилищ, ни женских статуэток). Так возник тезис о первичном и даже универсальном материнском роде в верхнем палеолите. Трудно даже понять, как мог этот явно недоказуемый тезис подняться до уровня общепринятой теории, занявшей в науке о первобытности на длительный срок монопольное положение. Видимо, здесь не обошлось без влияния факторов, лежащих за пределами науки.

Картина, обнаруженная при раскопках в Костенках, не является для европейской приледниковой зоны исключением. Большое жилище было вскрыто при раскопках Авдеевской стоянки под Курском. Здесь по длинной оси были расположены очаги и ямки-хранилища, а вокруг — землянки. Вещи, найденные на Авдеевской стоянке, почти полностью повторяют вещи из Костенок. Аналогичные стоянки были найдены в двух местах в Чехословакии (Долни Вестонице, Павлово) [96]. Сходны по облику жилища Гагаринской стоянки на Дону (размер землянок здесь 5×5 *м*), Тельманской стоянки близ Воронежа (несколько земля-

[96] П. И. Борисковский. Древнейшее прошлое человечества, стр. 172—178.

нок), Тимоновской стоянки близ Брянска (пять землянок и несколько кладовок-хранилищ), древнего поселения Пушкари I под Новгород-Северском (жилище размером 12×4 *м*, состоявшее, видимо, из трех прилепленных друг к другу полуземлянок).

В рамках европейской приледниковой области существовали локальные различия и нередко происходили переселения общин. На одной и той же территории одни культуры сменялись другими. Так, в Костенках найдено многослойное поселение, где в нижнем слое — протосолютрейская культура, в среднем — ориньякская и в верхнем — солютрейская на новом этапе ее развития (к ней относится поселение Костенки I).

Остальные четыре историко-культурные зоны (сибирско-монгольская, индокитайская, средиземноморская, южноафриканская), выделяемые археологами в верхнем палеолите, гораздо менее изучены. Но даже то, что известно, выявляет резкие отличия этих зон от европейской приледниковой зоны в орудиях, хозяйстве, образе жизни, форме жилищ, искусстве [97].

В сибирско-монгольскую зону человек проникает в конце солютре — начале мадлена, скорее всего, с Русской равнины, так как культура на первых порах весьма близка к культуре приледниковой зоны. Об этом говорят раскопки в Бурети (на р. Ангаре) и в Мальте (на р. Белой), где найдены постоянные жилища. Каменные орудия, обнаруженные внутри этих жилищ, близки по форме к раннемадленским орудиям приледниковой области, то же можно сказать об украшениях и предметах искусства (фигурки женщин, летящих птиц). Но затем в сибирско-монгольской зоне происходят резкие изменения. Исчезают прочные жилища, на их место приходят, как можно предполагать, легкие переносные шатры-чумы. Меняется техника изготовления каменных орудий, формы и материалы, из которых они изготовляются (кремень уступает место кварциту и сланцу). Появляются такие приемы обработки камня и такие формы орудий, которые в приледниковой области были характерны для периода мустье (дисковидные нуклеусы и снятые с них остроконечники, скребла). Наряду с этим бытуют призматические нуклеусы, характерные для верхнего палеолита, узкие и длинные ножевидные пластинки, тонкие острия. Кроме того, появляются орудия, свойственные только сибирско-монгольской области,— крупные полулунные скребла, массивные рубила из галек и т. д.

Средиземноморская область наиболее ярко представлена памятниками капсийской культуры. Примерно такая же культура найдена в верхнепалеолитических поселениях Палестины, Ирана, Малой Азии, Кавказа, Крыма и отчасти Средней Азии. Здесь люди, как и в двух предыдущих зонах, охотились на крупных животных. Но, видимо, главную роль играла все же добыча мелких

[97] Более подробно о верхнепалеолитических историко-культурных зонах Старого Света см.: «Всемирная история», т. I. М., 1955, стр. 56—82.

животных (например, черепах) и собирательство, в первую очередь сбор съедобных моллюсков. Близ древних поселений найдены огромные скопления раковин моллюсков — в сотни метров в длину и до 5 *м* в высоту. Здесь, в отличие от двух предыдущих зон, не было прочных жилищ, люди вели бродячий образ жизни, укрывались в пещерах и гротах, строили легкие шалаши или заслоны. Искусство представлено преимущественно рисунками на скорлупе яиц страуса и на гладкой поверхности скал. Ныне пустынная Сахара имела в то время достаточно воды, в ней водились слоны и буйволы.

Костяные орудия и художественная обработка кости здесь отсутствовали, равно как отжимный способ обработки кремневых орудий. Зато широко бытовала техника расщепления кремневых пластин на мелкие орудия — микролиты. Копья, ножи, гарпуны, кинжалы оснащались кремневыми вкладными лезвиями.

Южноафриканская зона охватывает экваториальные и южные области Африки. Здесь в пещерах в районе Южной Родезии найдены изображения животных (преимущественно антилоп). Видимо, охота на этих животных играла в хозяйстве крупную роль. Сходная культура простиралась и дальше, до самого юга Африканского континента. Искусство сходного типа практиковалось в этой зоне предками бушменов и многие тысячелетия позже.

Население южноазиатской области, как показывают материалы раскопок поселений во Вьетнаме (Баксон, Хоабин), вело жизнь бродячих охотников (преимущественно на мелких животных) и собирателей. Естественно, здесь не было постоянных поселений, прочных жилищ. Бродячий образ жизни и мягкий климат требовали лишь использования пещер, навесов или постройки легких шалашей. Основным орудием была, вероятно, заостренная на конце деревянная палка для выкапывания корней, сбора съедобных растений, поимки мелких животных[98].

В рамках каждой из названных выше областей имеются, в свою очередь, региональные различия. Так, в европейской приледниковой области можно выделить Восточную Европу (включая немецкие земли), где применялись наконечники солютрейского типа, и Западную Европу, где таких наконечников не было, зато были другие орудия (ориньякского типа). Эти две группы палеолитического населения Европы могли в результате передвижений на тех или иных территориях сменять друг друга.

Кровные общины верхнего палеолита в своей массе вели бродячий образ жизни. Даже в европейской приледниковой зоне оседлость была ограничена, видимо, зимним периодом. Размер общин и их состав менялись в зависимости от сезона и характера

---

[98] П. И. Борисковский. Первобытное прошлое Вьетнама. М.—Л., 1966.

хозяйственной деятельности. В сезоны собирательской деятельности община распадалась на более мелкие группы. Но в отличие от первобытного стада, которое знало лишь группировки пола-возрастные, в кровных общинах существовали уже связи по кровному родству, выходившие за рамки семьи и имевшие более широкий характер. Что-либо более определенное об общинах верхнего палеолита сообщить пока трудно. В самом деле, что можно сказать о социальной и духовной жизни древних охотников приледниковых областей Европы и Азии? Археологи полагают, что к ним близки по всему укладу жизни эскимосы и алеуты XVII—XVIII вв. [99] Но предпочтем проявить осторожность в выводах. Столь же трудно, по нашему мнению, судить об охотниках и собирателях южноафриканской зоны по бушменам, а индокитайской — по семангам, сеноям, аэта, ведда, кубу. Даже аборигены Австралии не дают нам стадиально синхронных образцов хозяйства и культуры, так как они достигли мезолита и даже раннего неолита. Что касается средиземноморской и сибирско-монгольской зон, то в них вообще не сохранилось племен примитивных охотников и собирателей, не только на верхнепалеолитическом, но даже и на мезолитическом уровне развития хозяйства и культуры.

Мезолит — это преимущественно эпоха охоты на мелких животных. Он характеризуется появлением лука и стрел, каменных и костяных топоров и тесел, а также вкладышевых орудий с деревянной или костяной основой и каменными лезвиями (ножи, кинжалы, наконечники копий и стрел). В европейской приледниковой области конец верхнего палеолита ознаменован крупными изменениями в климате, хозяйстве древних людей и образе жизни. Ледник отступает на север. Мамонт и сибирский носорог встречаются все реже. В других зонах, в частности в средиземноморской, южноазиатской, при переходе к мезолиту не наблюдалось резких изменений в хозяйстве и образе жизни, так как здесь и в верхнем палеолите люди охотились преимущественно на мелких животных и вели бродячий образ жизни.

В мезолите появились среди прочих стоянки, обитатели которых занимались главным образом не охотой, а рыболовством. Были изготовлены первые долбленые лодки. Появилось первое прирученное животное — собака. Охотники, рыболовы и собиратели мезолита чаще всего не имели постоянных жилищ, поэтому культурный слой на их поселениях незначителен. Мезолит изучен археологами слабее, чем другие периоды каменного века. На севере Европы основным занятием в это время была охота на северного оленя, а также и других животных (дикая лошадь, заяц, барсук) и водоплавающую дичь. Сходные стоянки найде-

---

[99] А. П. Окладников. Возникновение человеческого общества. Эпоха господства первобытнообщинного строя.— «Всемирная история», т. I. М., 1955, стр. 70.

ны на очень большой территории, до берегов Волги и Оки. О наличии рыболовства свидетельствуют находки острог с тремя зубцами, а также (близ Выборга) остатков сети, древнейшей в мире. Сеть была сделана из волокон ивовой коры, снабжена поплавками, также сделанными из коры, и каменными грузилами [100]. На юге Европы, где климат был более мягким, древние люди занимались охотой на бобров, бурых медведей, кабанов, барсуков и сбором съедобных моллюсков, преимущественно лесных улиток. В районе Восточной Испании найдены многочисленные наскальные изображения, передающие различные моменты охоты и вооруженных столкновений.

В мезолите весьма широкое распространение получила микролитическая техника. Она есть и в Африке, и в Азии, и в Европе. Пластинки с затупленной спинкой и мелкие геометризованные орудия были связаны, по-видимому, с развитием техники наконечников и вкладышевых орудий. Но микролитов нет в лесной зоне СССР (от Балтики до Тихого океана), на большей части территории Китая. Таким образом, даже столь распространенная микролитическая техника — лишь один из вариантов мезолита.

В то время, когда в Европе и Азии появлялись и распространялись мезолитические культуры, началось заселение человеком Америки и Австралии. Человек проник в Америку через Берингов пролив, скорее всего в зимнее время, по льду, около 20 тыс. лет назад. Наиболее древние слои найдены сейчас в штатах Нью-Мексико и Колорадо. Древние люди на этом материке охотились на крупных животных (мамонт, лошадь, верблюд, бизон), вели бродячий образ жизни. К западу от Скалистых гор жили собиратели. С помощью каменных зернотерок и пестов они растирали зерна и корни съедобных растений, а также орехи [101].

В Австралию человек проник через островные цепи Малайского и Зондского архипелагов также примерно 20 тыс. лет назад. Возможно, что здесь были две волны переселенцев: тасманийская, принесшая самые древние орудия и затем частично ассимилированная, частично оттесненная на остров Тасманию, и собственно австралийская, принесшая более совершенные орудия, в частности острия треугольной формы и микролитическую технику. На материке Австралии 5—6 тыс. лет назад сложились своеобразные культуры, которые почти в неизменном виде существовали до прихода первых европейцев.

Культура австралийских аборигенов представляет собой один из вариантов мезолитической культуры. Это культура

---

[100] А. А. Формозов. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959.

[101] Ю. А. Мочанов. Древнейшие культуры Америки.— «Советская этнография», 1966, № 4.

охотников и собирателей, без лука и стрел, но с целым рядом весьма совершенных метательных орудий, от копья с копьеметалкой до бумеранга. Австралия — материк с разнообразными природными условиями. Поэтому здесь много локальных субвариантов мезолитической культуры.

Племена бродячих охотников и собирателей жили в самых различных природных условиях: в пустынях (племена Центральной и Западной Австралии, бушмены в пустыне Калахари), в тропических лесах (племена Земли Арнхема в Австралии, пигмеи Конго, лесные ведда, семанги и сенои в Малакке, кубу на Суматре, ботокуды, сирионо, шаванты в Южной Америке), в лесах умеренного пояса (тасманийцы, индейцы Калифорнии), на островах, окруженных морем (огнеземельцы). Одни из них занимались преимущественно охотой (тасманийцы, огнеземельцы она, бушмены, ботокуды и т. д.), другие — рыболовством (огнеземельцы алакалуф), третьи — собирательством (калифорнийские индейцы, пигмеи Конго). Отсюда многообразие вариантов мезолитической и ранненеолитической культуры.

Кровная (дородовая первобытнокоммунистическая) община в конце 20-х — первой половине 30-х годов активно изучалась советскими историками и этнографами (С. А. Токаревым, С. П. Толстовым, В. К. Никольским, М. О. Косвеном и др.). В настоящее время над проблемой кровной общины успешно работает В. Р. Кабо. Исследования по этой проблеме имеются и в зарубежной науке (Р. Лоуи, Д. Стюард, Д. Мердок). Но, к сожалению, изученность проблемы оставляет желать лучшего. На выводы некоторых ученых немалое влияние оказало понимание общины как постоянного по размерам и составу хозяйственного коллектива. На деле же община бродячих охотников и собирателей в разные сезоны неодинакова по количеству входящих в него людей и состав ее постоянно меняется. Не вполне удачна и характеристика этого коллектива как патрилинейного и патрилокального [102]. Патрилинейность — это связь через поколения от предка, патрилокальность — переход жены в патрилинейную общину мужа. Здесь же люди связаны в основном в пределах одного поколения, как ровесники, и по одному этому они братья и сестры. Поэтому в данном случае лучше говорить не о патрилинейности, а о кровном родстве, и не о патрилокальности, а о вирилокальности брака (переход жены в общину мужа).

Примитивные охотники и собиратели, стоящие на уровне мезолита и раннего неолита, ведут, как правило, бродячий образ жизни. Каждая кровная община связана с определенной областью, границы которой хорошо известны как ей самой, так и ее соседям. Размер области в среднем 1000 *кв. км.* Бродячий образ жизни ограничен рамками этой области, и довольно стро-

[102] J. H. Steward. The economic and social basis of primitive bands.— «Essays in anthropology presented to A. L. Kroeber». Berkeley, 1936, p. 334.

го регламентирован: члены общины переходят из одной местности в другую в определенной последовательности, в определенные сезоны. Сезонность проявляет себя еще и в том, что общинники то живут все вместе, то разбиваются на небольшие группы семей, иногда даже отдельные семьи, которые хозяйствуют самостоятельно. В среднем община включает в себя 40—50 человек. Но эта цифра весьма условна, во-первых, из-за того, что в неблагоприятное для сбора пищи время года община распадается на небольшие группы, а во-вторых, вследствие нередких переходов отдельных семей из одной общины в другую. Обновление состава обычно совершается в периоды относительного изобилия пищи, когда несколько соседних общин встречается в одной местности. Это может произойти на территории одной из общин согласно обычаю взаимопосещений или на каком-либо нейтральном для нескольких общин участке. В такие периоды проводятся совместные празднества, пляски, заключаются браки, похищаются женщины, устанавливаются дружеские связи. Когда общины расходятся по своим территориям, в каждой из них заметно отсутствие кого-то из старых членов и присутствие новых.

В общине существует естественное разделение труда по полу и возрасту. Следует, однако, отметить, что в распределении труда между полами и людьми разных возрастных групп играют роль и социальные факторы. В целом охота является делом мужчин, собирательство — женщин, в рыбной ловле принимают участие те и другие. Но в каждом племени есть свои конкретные особенности, которые не всегда легко сравнивать, так как объекты охоты, собирательства и рыбной ловли у разных племен тоже весьма различны.

Наряду с производством средств к жизни в первобытном обществе колоссальную роль играет природная среда [103]. Особенно это относится к примитивным охотникам и собирателям, ведущим хозяйство присваивающего типа. У них с зависимостью производства средств к жизни от природной среды связано основное: размер общин, их относительная изоляция от других общин и постоянные передвижения, формы жилища, одежды, утвари, время празднеств и обрядов и даже характер последних. Семья не может осуществить самостоятельно все хозяйственные, социальные, религиозные функции. Это под силу только общине. Поэтому община — явление универсальное. Как уже говорилось, обычно она состояла из кровного ядра, т. е. кровников, и «оболочки», включающей в себя мужей и жен кровников, подчас их родителей и т. п.

[103] Определяющая роль производства и важное значение природной среды для первобытности признаются и в зарубежной литературе, в частности американским социологом Эвоном Фогтом (см.: Evon Z. Vogt. On the concepts of structure and process in cultural anthropology.— «American Anthropologist», vol. 62, 1960, N 1, p. 26). Но автор неправ, когда отказывается от материалистического понимания последующих этапов истории и утверждает, будто в классовом обществе определяющую роль играют ценности.

У австралийцев ядро общины — это группа взрослых мужчин. «Им принадлежало,— пишет В. Р. Кабо,— решающее слово во всех важных общественных делах, они контролировали общинную собственность... В их руках находился обмен с другими группами, они руководили всеми важнейшими церемониями и общественными актами»[104]. Положение мужчины в общине целиком определялось его личными качествами — силой, мужеством, знаниями, сноровкой и т. д. Все мужчины, входящие в ядро,— это «братья», причем их «братство» прослеживается не просто от одного к другому, но имеет внешний символ — тотем, представляющий собой определенный вид животных, растений или явление природы (солнце, облако и т. п.) и даже культуры (копье, каменный топор). Тотем — это та субстанция, которая свойственна всем членам данной группы, их «кровь». В эту группу входят и «сестры». Тотем играет здесь ту же роль, какую общий предок играет в более позднем, предковом роде. На примере аборигенов Австралии можно видеть, как тотем из общего «брата», животного или растения, постепенно превращается по мере формирования рода в общего предка, получеловека-полуживотное.

Кровную общину подчас находят даже у более развитых племен, таких, как племя ваиваи (Южная Америка). Ядро общины здесь носит название «епека» и охватывает лиц одного поколения, связанных близким кровным родством. «Епека,— пишет Нильс Фок, живший среди ваиваи в 1954—1955 гг.,— это дети одной матери или одного отца плюс параллельные кузены и кузины, т. е. классификаторские сиблинги. Как правило, группа епека управляет экономической жизнью деревни»[105]. Правда, ваиваи уже занимаются земледелием, ведут оседлую жизнь[106], но род у них еще не вполне сформировался. Жители деревни все еще составляют не родовую, а кровную общину.

У чукчей община (варат) также состоит из ядра и оболочки. Ядро — это группа родных, а также двоюродных братьев[107]. И здесь община является не родовой, а кровной. «Меньше всего я могу согласиться с тем предположением,— писал В. Г Богораз,— что родовой строй у чукоч некогда существовал, а потом разложился, так разложился, что и следов не осталось»[108].

Такая же примерно картина, по материалам Иохельсона, была у коряков. С. П. Толстов справедливо отмечал, что у чукчей и коряков род еще не возник[109].

---

[104] В. Р. Кабо. Каменные орудия австралийцев.— «Труды Института этнографии», т. LXXX, 1962, стр. 67.

[105] N. Fock. Waiwai. Religion and society of an Amazonian tribe. Copenhagen. 1963.

[106] Jens Yde. Material culture on the Waiwai. Copenhagen, 1965.

[107] В. Г Богораз. Указ. соч., стр. 94.

[108] Там же, стр. XVIIf.

[109] С. П. Толстов. Проблемы дородового общества, стр. 102.

Мужчины и женщины общины взаимо отделены друг от друга. Так бывает, когда, например, мужчины-кровники совместно охотятся, а женщины — их жены, матери, сестры, дочери — занимаются собирательством. Но так бывает далеко не всегда. Совместный труд кровников играет важную роль в хозяйстве, но это явление эпизодическое. Немалую часть времени муж и жена хозяйствуют самостоятельно: собирают съедобных моллюсков, коренья, плоды, изготовляют орудия труда, одежду, утварь, украшения. В это время община имеет иную структуру — у нее нет ядра, нет оболочки, она состоит из семей. При такой структуре она легко может распасться на составные части.

Семья — явление, столь же универсальное, как и община, и столь же необходимое.

При оценке роли семьи в первобытном обществе желательно избегать крайних позиций. Трудно согласиться с мнением Толстова, будто «половые связи, возникающие между особями, никак не влияют на процесс становления общества»[110]. Столь же трудно согласиться и с другим крайним мнением, сводящим первобытную историю к истории семейно-брачных связей[111].

Соотношение между общиной и семьей легче всего раскрывается на фоне учения Энгельса о двух видах производства и о важной роли семьи на ранних этапах истории. Если община — это основная ячейка в производстве средств к жизни, то семья, как отмечал Энгельс,— основная ячейка в производстве человека. Недаром положение женщины в австралийской общине определялось количеством рожденных и выкормленных ею детей[112].

Человек в первые годы жизни беспомощнее любого детеныша животного. Та среда, в которой ему предстоит жить,—это культура, созданная людьми предшествующих поколений, а она биологически не передается. Даже ходить и есть человек должен учиться. В самые сжатые сроки он должен пройти путь, пройденный его предками за многие тысячелетия, и усвоить созданный ими мир культуры, получить нужные знания, умения, навыки. Те превосходные знания о местности, свойствах растений, повадках животных, те навыки в стрельбе из лука, метании бумеранга, которые восхищают европейцев,— все это результат производства человека, которое начинается с того самого момента, как человек появился на свет.

Община и семья — это основные ячейки первобытнообщинного строя. Они универсальны — нет такого племени, даже самого отсталого, в котором не было бы общин и парных семей. Но эти

---

[110] Там же, стр. 84.

[111] Так поступает, например, Ю. И. Семенов, когда в качестве главного критерия социального прогресса предлагает формы семейно-брачных связей — промискуитет, групповой брак, парную семью (Ю. И. Семенов. О периодизации первобытной истории).

[112] В. Р. Кабо. Каменные орудия австралийцев, стр. 69.

две ячейки находятся друг с другом в противоречии. «Вместе с разделением труда, писали Маркс и Энгельс,— дано и противоречие между интересом отдельного индивида или отдельной семьи и общим интересом всех индивидов, находящихся в общении друг с другом» [113].

Противоречие между общиной и семьей проявляется в том, что каждая из них стремится расширить свои функции в ущерб другой. Община наряду с производством средств к жизни принимает участие в производстве человека (проводит, например, обряды посвящения). Семья наряду с уходом за детьми выполняет целый ряд хозяйственных функций не только в сфере потребления, но и в производстве. Суть противоречия в том, что чем крепче община, тем слабее семья, и наоборот.

Важным фактором, укрепляющим общину, является кровное родство. Зародившись в семье, оно вплетается в общинные связи и получает более широкое значение, охватывает все ядро общины, превращает его членов в кровников, а лиц, находящихся за пределами общины, в свойственников.

Все мужчины одного примерно возраста называют себя «братьями», мужчин старшего поколения — «отцами», их жен — «матерями», дочерей этих «отцов» и «матерей» — «сестрами». Каждый из мужчин называет «женой» не только свою собственную жену, но и жен своих «братьев», «детьми» — не только своих детей, но и детей своих «братьев». Что касается «сестер», то их дети живут в других общинах и поэтому мужчины не считают их своими «детьми»; для них это «племянники».

Вторым важным фактором, укрепляющим общину, является экзогамия. Она укрепляет общину не прямо, а косвенно, через ослабление семьи.

В отличие от верхнего палеолита, где можно предполагать брак путем похищения женщин, в общинах мезолитических охотников и собирателей вступление в брак регулируется строгими правилами: общины обмениваются женщинами, существует обычай обручения детей и т. п. Многочисленное население австралийского материка делится на группы (брачные классы), между одними из них браки разрешены и даже обязательны, между другими запрещены. Где население невелико, там этих групп нет, и запрещаются браки просто между кровными родственниками по обеим линиям (огнеземельцы).

Поэтому община, самостоятельная в хозяйственном отношении и автономная в своих внутренних делах, оказывается в зависимости от других общин в делах брачных. Мужчины берут оттуда жен и отдают туда сестер. Между соседними общинами связи наиболее тесны.

---

[113] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 31.

Брак обычно вирилокальный: жена переходит в общину мужа. Но почти всюду отмечены отдельные случаи уксорилокальных браков, когда муж переходит в общину жены. Причины для этого разные. У пигмеев Африки при отсутствии в общине женщины, которую можно отдать в обмен за жену, мужчина вынужден либо уйти в общину жены, либо жениться на женщине из своей общины. У бушменов встречается уксорилокальный брак, когда мужчина заинтересован в том, чтобы теща помогала его жене в уходе за детьми.

Постоянный и регулярный контакт между соседними общинами ведет к формированию языковых и культурных общностей, которые обычно называют племенами. В рамках этих племен, однако, нет языкового единства: имеется множество диалектов, связанных друг с другом постепенными переходами. Такие связи существуют и за рамками племен. На больших территориях создается цепная связь общинных диалектов [114].

Бо́льшая или меньшая потребность в совместном труде ведет к тому, что в одних племенах, находящихся на стадии присваивающего хозяйства, первостепенную роль играет община, в других — семья или группа из двух-трех семей. Продолжительность оседлой жизни в отдельные сезоны у разных общин различна. Одни общины живут в пещерах (ведда, тоала), другие — в шалашах, под навесами (австралийцы), третьи — в общих хижинах. Кое-где ядро общины настолько оформилось и обособилось, что появляются мужские дома (калифорнийские индейцы, бороро и т. д.).

Такова та общая картина, которая складывается при изучении образа жизни племен бродячих охотников и собирателей, еще недавно занимавших всю Австралию и живущих рассеянно небольшими группами в Азии, Африки и Америке. В какой мере эта общая картина соответствует археологическому мезолиту?

Существует мнение, согласно которому образ жизни племен бродячих охотников и собирателей, доживших до наших дней, представляет собой явление, качественно отличное от того доклассового общества, которое было в археологическом мезолите. С этим, однако, трудно согласиться. Во-первых, орудия труда и формы хозяйства роднят этнографический мезолит с археологическим, здесь качественных различий нет. К тому же в ряде случаев видна прямая связь археологического прошлого с этнографическим настоящим. В Австралии эта связь прослеживается очень точно, и материальная культура аборигенов, изученная этнографами, мало отличается от той, какая по данным археологов была в тех же местностях 6 тыс. лет назад. Доклассовое общество имеет свои экономические и социальные законы, которые в

---

[114] См. Н. А. Бутинов. О первобытной лингвистической непрерывности в Австралии.— «Советская этнография», 1951, № 2.

разных условиях проявляют себя по-разному, но суть которых одна и та же в любой природной среде и в любом тысячелетии. В противном случае нам пришлось бы предположить, что современные австралийцы, семанги, сенои, ведда, аэта, бушмены, калифорнийские индейцы, ботокуды, бороро, шаванты, шеренте, гуахибо, чирикоа, яруро и другие живут социальной жизнью, для которой законы доклассового общества нехарактерны. Классовое общество им явно несвойственно. К какому же социальному миру их отнести? Иногда говорят, что доклассовое общество у них под влиянием более развитых соседей или европейских колонизаторов разложилось, а классовое не успело сложиться. Но эта формулировка, предполагающая наличие у этих племен социального вакуума, также не может удовлетворить. Внешние влияния, правда, заметны у некоторых из этих племен, но, во-первых, далеко не у всех и, во-вторых, они не привели к качественной перестройке их хозяйства и культуры.

6. РОДОВАЯ ОБЩИНА

(неолит — земледелие, скотоводство, развитые рыболовство и охота)

Следующий крупный этап в развитии производительных сил связан с переходом от хозяйства присваивающего типа (примитивные охота, рыболовство, собирательство) к производству пищевых средств. Самой яркой и характерной формой производства пищи на этом этапе является мотыжное (ручное, палочное) земледелие, а также скотоводство. Однако были и другие пути прогресса. Охота и рыболовство в особо благоприятных условиях были не менее надежными и регулярными источниками пищи, чем земледелие и скотоводство. Так, в верховьях Колымы и Яны юкагиры за несколько дней вылавливали столько рыбы, что ее хватало на целый год. Характерно, что эта ловля рыбы называлась у них черпаньем [115]. Многие племена, не обрабатывавшие землю и не имевшие одомашненных животных, смогли тем не менее подняться на стадию родовой общины и создать племенную организацию, некоторые из них поднялись еще выше — на стадию гетерогенной общины и союзов племен.

Тем не менее земледелие и скотоводство показали себя в неолите как наиболее перспективные формы хозяйства. В совокупности они дали плужное земледелие, ставшее хозяйственной основой большинства древних цивилизаций. У племен, перешедших к земледелию и скотоводству, процесс хозяйственно-культурного развития шел более быстрыми темпами, чем у всех других.

Земледелие на первых порах связано с такой обработкой земли, которая выполняется группой людей с помощью палок, лопат, мотыг. Это раннее земледелие называют иногда огородничеством.

[115] И. С. Гурвич. Этническая история северо-востока Сибири. М., 1966, стр. 14.

Самым характерным примером мотыжного земледелия является хозяйство племен, расселенных в тропиках и субтропиках. Этот район широкой полосой охватывает весь земной шар (Тропическая Африка, бассейны Амазонки и Ориноко в Америке, тропические и субтропические районы в Восточной, Южной и Юго-Восточной Азии, значительная часть Океании). Здесь культивируются по преимуществу корнеплоды и клубнеплоды (ямс, таро, бататы и т. д.), разводятся домашние животные (собака, у некоторых групп — свиньи), а также домашняя птица. Люди живут оседло. Поселения сравнительно невелики, редко превышают по численности 300—400 человек.

Одежда весьма скудна, что связано с теплым климатом. Очень развито плетение, ткачество отсутствует, почти всюду имеется гончарство.

Выращивание корнеплодов и клубнеплодов связано, как правило, с необходимостью круглогодичного сбора урожая, так как плоды невозможно долго хранить. Только ямс может лежать длительное время (таро и сладкий картофель быстро гниют), но выращивание ямса требует особых природных условий (теплый климат, определенная последовательность влажного и сухого сезонов) и возможно не везде.

В зонах с умеренным климатом, где круглогодичный сбор урожая невозможен, преобладают зерновые культуры. Наличие зерновых означает возможность длительного хранения, появления запасов. В тропиках редко встречаются амбары; урожай обычно стоит на корню, и каждый день часть урожая поступает с огородов в деревню, где этой пищи хватает лишь до следующего дня. В зонах же с умеренным климатом амбары с запасами пищи находятся почти в каждой деревне.

К широкой полосе тропиков и субтропиков прилегает полоса, где также было мотыжное земледелие, но преобладали зерновые культуры: пшеница и просо в Европе и Азии, кукуруза в Америке. Кое-где было даже искусственное орошение. В Европе и Азии такие племена известны по археологическим данным (Триполье на юго-востоке Европы, Анау в Средней Азии, Яншао в Китае). В Америке подобного рода хозяйство известно по данным археологии, но оно сохранялось и вплоть до европейской колонизации (например, у индейцев пуэбло).

В лесных областях Европы в зоне умеренного климата мотыжное земледелие было распространено с неолита вплоть до появления здесь плужного земледелия. Выращивались ячмень, рожь и овес. Подсобную роль играли скотоводство (крупный рогатый скот и свиньи), рыболовство и охота. Были развиты гончарство, различные виды обработки дерева, ткачество (главным образом из льна и конопли). Люди вели оседлый образ жизни. Жилище деревянное, с высокой крышей, иногда полуземляночное. Такой хозяйственно-культурный тип имели поселения пред-

ков славянских, балтийских, германских, кельтских, а частично и угро-финских народов.

В Северной Америке сходный хозяйственно-культурный тип вплоть до европейской колонизации имели индейские племена, живущие к востоку от р. Миссисипи и к югу от Великих озер. Это были южные алгонкинские племена, а также мускоги и проникшие сюда позднее ирокезы. Они выращивали на очищенных от леса участках кукурузу, тыкву, бобы. Большое значение имели охота и рыболовство, собирательство. В приозерных районах практиковался сбор дикого риса. Здесь были постоянные поселения, подчас довольно большие (например, у ирокезов до 2 тыс. человек). Жилища — деревянные дома или куполообразные, из коры или циновок, вигвамы. Индейцы знали гончарство, плетение, ткачество.

В северных лесных зонах мотыжное земледелие, по данным археологии, появляется довольно поздно. Природные условия здесь таковы, что занятие земледелием предполагает высокий уровень хозяйственно-культурного развития. В раннем неолите, во всяком случае в этих зонах, не было мотыжного земледелия и вряд ли оно вообще в это время было возможно.

У разных племен и народов мотыжное земледелие весьма многообразно как по уровню развития, так и по своим локальным формам. То же самое следует сказать и о скотоводстве.

Скотоводы степей, разводящие рогатый скот, лошадей, верблюдов, овец, ведущие кочевой образ жизни, появляются в самом конце неолита. На первых порах скотоводство здесь еще связано с земледелием, но оно уже имеет преобладающее значение. Такое положение было во втором тысячелетии до н. э. в Казахстане, Южной Сибири, в южнорусских степях, в Восточной и Центральной Европе. Позднее, в первом тысячелетии до н. э., на заре классового общества, появляются кочевники-скотоводы. Таковы в древности скифы и сарматы, а позднее монголы, тибетцы, казахи, киргизы, часть туркменов, многие иранские, тюркские и арабские племена в Передней Азии, арабские племена в Северной Африке, ряд негритянских племен в Восточной и Южной Африке.

С неолитом связан специфический хозяйственно-культурный тип, возникший у народов Сибири, для которого характерно наличие оленеводства (в Северной Америке олень не был одомашнен). У таежных народов (эвенки) олень выступает лишь как вид транспорта, а главную роль играет охота. Стада обычно невелики. У народов, живущих в тундре (оленные чукчи и коряки, ненцы), олень — основное средство существования: мясо — пища, шкура — материал для одежды, жилища, утвари. Здесь можно говорить о наличии собственно скотоводства [116].

---

[116] М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области.— «Советская этнография», 1955, № 4.

В неолите же складываются такие формы хозяйства и культуры, как развитые охота и рыболовство.

По данным археологии, оседлые рыболовы занимали обширные пространства в Европе по берегам больших рек и озер. Этот хозяйственно-культурный тип был распространен также в Сибири, в Америке, где оказался очень стойким. Он сохранялся до недавних пор в бассейне крупных рек Сибири, богатых рыбой (Амур, Обь), до середины XVIII в. у ительменов Камчатки, до недавних пор — на северо-западном побережье Северной Америки. Из наиболее ярких представителей этого хозяйственно-культурного типа могут быть названы нивхи, нанайцы, ульчи, ханты, манси, селькупы (Сибирь), тлинкиты, хайда (Северная Америка).

На крайнем севере сложился хозяйственно-культурный тип оседлых охотников на морского зверя (азиатские и американские эскимосы и алеуты, оседлые чукчи, оседлые коряки).

Обилие рыбы и морских животных, а также своеобразие водной стихии, которая сама пополняет свои рыбные и животные ресурсы у берегов рек и морей, позволили этим народам жить на одном месте, вести оседлый образ жизни. У них были постоянные поселения, подчас довольно крупные, прочные жилища в виде деревянных домов, землянок или снежных хижин (у эскимосов), лодки из дерева или кожи морского зверя. Существовала заготовка пищи впрок (вяленая рыба — юкола), известно было упряжное собаководство (за исключением тлинкитов и хайда).

Весьма своеобразный культурно-хозяйственный тип, свойственный также неолиту, сложился в лесной зоне умеренного пояса. Для него характерно сочетание охоты на лесных животных с рыболовством, в том числе и подледным в зимнее время. В прошлом племена, ведшие такое хозяйство, заселяли огромные пространства в Старом Свете (лесная зона от Балтийского моря до Тихого океана) и вплоть до европейской колонизации — в Новом Свете (лесная зона от Атлантического до Тихого океана). Почти до нашего времени характерные особенности этого хозяйственно-культурного типа сохранились у юкагиров, в Приамурье — у орочей и удэгэ, в Западной Сибири — у отдельных групп кетов, хантов и манси, не имевших оленей, в Америке — у атабасков, у части алгонкинских племен. Все эти племена вели полуоседлый образ жизни. Присваивающий характер хозяйства в сочетании с отсутствием полной оседлости и больших поселений сильно тормозили развитие общинно-родовых отношений. Здесь не было отмечено этнографами сильных племен и союзов племен, четкой родовой организации.

Сходные формы хозяйственной и социальной жизни можно было в недавние времена наблюдать у охотников Южной Америки (у индейцев пампы, Патагонии и Чако).

Столь большое разнообразие форм и способов производства пищи естественно вызвало большое разнообразие и в формах

социальной организации. Найти в множестве различных социальных образований, свойственных этой стадии развития, общее им всем содержание очень непросто. Для того чтобы составить правильное суждение о социальной жизни в эпоху неолита, надо подобрать такие этнографические эквиваленты этой стадии развития, которые, во-первых, соответствуют ей по характеру производительных сил и, во-вторых, представляют по возможности все варианты природной среды и форм хозяйства.

Морган допустил неточность, когда судил о социальной жизни на низшей ступени варварства (что примерно соответствует неолиту) по ирокезам Северной Америки. Решающим для Моргана оказалось существование у ирокезов мотыжного земледелия и материнского рода. Но эти два признака, как стало известно позднее, встречаются не только на низшей, но и на средней ступени варварства (поздний неолит и энеолит). Мотыжное земледелие действительно появляется на низшей ступени варварства. Но, как говорилось выше, оно является лишь одной из многих форм хозяйства, свойственных этой стадии развития. Фактическая база, имевшаяся в распоряжении Моргана, была очень узка. У него не было данных о скотоводстве, развитых охоте и рыболовстве. Кроме того, мотыжное земледелие само по себе еще не характеризует полностью состояние производительных сил. Так, в мотыжном земледелии папуасов, с одной стороны, и полинезийцев, с другой — применяются весьма сходные орудия труда и выращиваются одни и те же растения. Но эти народы представляют все же две разных стадии первобытнообщинного строя, потому что у папуасов ремесло не отделилось от земледелия, а у полинезийцев — это самостоятельная, и притом очень важная, отрасль хозяйства. Было бы неточно поэтому отнести полинезийцев к низшей ступени варварства лишь по той причине, что они имели мотыжное земледелие.

Именно такого рода неточность и допустил Морган, отнеся ирокезов к низшей ступени варварства. Он не учел того, что у ирокезов имелось ремесло, отделившееся от земледелия. Изделия, изготовлявшиеся ирокезами, были весьма изящны, свидетельствовали о больших профессиональных навыках и вкусе. Морган знал об этом и с восторгом писал об ирокезских изделиях[117], но при определении уровня развития, достигнутого ирокезами, он принял в расчет только то, что связано непосредственно с производством пищевых средств. Существование материнского рода тем более не может служить точным критерием уровня развития, хотя, разумеется, оно свидетельствует о том, что дородовая стадия уже осталась позади. Об этом же свидетельствует наличие и отцовского рода. Обе формы рода существуют на всем протяжении первобытнообщинного строя, не только на низшей и на сред-

[117] L. H. Morgan. League of the Ho-de-no-san-nee or Iroquois. New York, 1922, book III, p. 1—60.

ней, но даже и на высшей ступени варварства. У ирокезов материнский род сосуществовал с гетерогенной общиной и союзом племен. Судя по многим признакам, ирокезы находились не на низшей, а на средней ступени варварства. Энгельс, говоря о родоплеменной организации, отмечал, что «образование союза племен означает уже начало ее разрушения» [118]. Правда, союз племен у ирокезов развился в условиях контакта с европейцами, но он все же развился. Следовательно, для суждений о периоде расцвета, а не разложения родовой общины и родо-племенной организации мы должны подобрать другую, более соответствующую по уровню развития и, кстати, более многообразную по хозяйственным формам фактическую базу.

И. Зеллнов, подбирая этнографические эквиваленты для эпохи расцвета первобытнообщинного строя, остановила свой выбор на папуасах Новой Гвинеи [119]. Нам этот выбор представляется весьма удачным. В Новой Гвинее насчитывается несколько сот племен, и большинство их живет или жило до недавних пор общинно-родовым строем. Папуасы столь же широко и разносторонне представляют родовую общину мотыжных земледельцев, а в некоторых местах — рыболовов, как австралийцы — кровную общину бродячих охотников и собирателей. Другие этнографические эквиваленты подобраны немецкой исследовательницей менее удачно. Эскимосы, северные атабаски, наскапи представляют, каждый из них по-своему, боковые линии развития в неолите, ответвления от основной линии. Судить по ним о магистральной линии прогресса рискованно. В частности, все они, подобно чукчам и корякам, сохраняют многие черты кровной общины; род у них либо очень слабо развит, либо совсем отсутствует.

Родовая община охотников, по нашему мнению, хорошо представлена народами сибирского севера (за исключением, конечно, чукчей и коряков) [120]. Советский этнограф И. С. Гурвич считает, что культуры народов Сибири сложились недавно, и сожалеет по поводу того, что этнографы «опрокидывают наблюдаемую этнографическую картину в глубокую древность» [121]. Но это возражение в данном случае не попадает в цель. Культуры народов Сибири хронологически сложились недавно, но стадиально они были древними. Суть дела не в хронологической давности, а в уровне развития. Возможно, мотыжное земледелие у папуасов (особенно в горных районах) тоже возникло недавно, но это лишь означает, что у них неолит сложился и кровная община бродячих

---

[118] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 99.

[119] I. Sellnow. Op. cit., S. 159.

[120] Зеллнов не согласна с этим. Народы Сибири, пишет она, были когда-то охотниками, но затем произошло смешение их с оленеводами (I. Sellnow. Op. cit., S. 203).

[121] И. С. Гурвич. Этническая история народов северо-востока Сибири, стр. 4.

охотников и собирателей уступила место родовой общине мотыжных земледельцев в не столь давнее время.

К сожалению, народы Сибири стали предметом этнографического изучения в основном после того, как их образ жизни серьезно изменился в условиях контакта с русскими. Но у этнографов разработана методика реконструкции доконтактного состояния и, кроме того, имеются записи первых исследователей, изучавших культуру и быт в доконтактном состоянии [122].

Родовая община рыболовов хорошо представлена гиляками Амура и Сахалина, скотоводов — ненцами Сибири [123].

Весьма широко и разнообразно представлена стадия родовой общины на американском континенте. В Южной Америке она прослеживается на примере земледельческих племен Амазонки и Ориноко, племен Чако, охотничьих племен пампы и Патагонии; в Северной Америке ее хорошо иллюстрируют земледельческие племена юго-востока и равнин рыболовческие племена плато. При этом необходимо учитывать, конечно, то обстоятельство, что равнинные индейцы в Северной и племена пампы и Патагонии в Южной Америке в XVII—XVIII вв., получив от европейцев лошадь, стали конными охотниками, и в их образе жизни произошли изменения. Но как олень в Сибири, так и лошадь в Северной Америке не смогли разрушить первобытнообщинный строй.

Сибирский этнографический материал часто трактуется как результат разложения родового строя. По мнению ряда ученых, в прошлом здесь были материнский род, племенной строй, союзы племен, а потом все это разложилось [124]. Главный аргумент в пользу такой точки зрения — отсутствие материнского рода. «Наличие в каком-либо обществе,— пишет Ю. И. Семенов,— патрилинейной филиации и отцовского рода свидетельствует о том, что оно уже в какой-то степени затронуто процессами разложения» [125].

В свое время Морган и Энгельс ввели в научный оборот тезис о первичности материнского рода по отношению к отцовскому. Но этот тезис нельзя рассматривать в отрыве от состояния науки того времени. Последующие исследования показали, что надо различать поздний отцовский род с моногамной семьей и отцовским правом, по отношению к которому материнский род является первичным, и ранний отцовский род с парной семьей и родовым правом, стадиально синхронный материнскому роду. Именно такой ранний отцовский род, без каких-либо признаков разложения, мы и находим у многих племен северной Сибири.

---

[122] С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. СПб., 1755. М.—Л., 1949.

[123] Л. Я. Штернберг. Семья и род у народов Северо-Восточной Азии. Л., 1933; Л. В. Хомич. Ненцы. М.— Л., 1966.

[124] См., например, Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960, стр. 11.

[125] Ю. И. Семенов. Учение Моргана, марксизм современная этиография, стр. 184.

Нам думается, что обильный и ценнейшии сибирский этнографический материал часто применяется не по назначению — его неоправданно стремятся подогнать под жесткую схему материнско-родового строя.

Морган и Энгельс пристально изучали родовую общину и вообще родо-племенной строй. Случилось так, что родовой строй был впервые открыт Морганом и изучен у ирокезов, т. е. у группы племен, переживавших период распада первобытнообщинных отношений. Однако Морган, а вслед за ним и Энгельс тщательно выделяли при этом черты, свидетельствовавшие о распаде, стремились реконструировать предшествующие формы, и это им в значительной мере удалось.

Из советских этнографов наибольшее внимание родовой общине уделили Л. Я. Штернберг (нивхи), Г. Д. Вербов (ненцы), А. А. Попов (долганы и нганасаны), А. Ф. Анисимов и Н. П. Никульшин (эвенки), из зарубежных —Ф. Боас, А. Кребер, Р. Лоуи.

Родовая община, в отличие от кровной, более постоянна по своему составу. Наиболее ярко эта черта выражена у оседлых племен, земледельческих и рыболовческих. Но она заметна также у скотоводов и охотников. Даже сезонные изменения, когда община то распадается на группы семей, то вновь собирается вместе, не ведут к изменениям в составе — собираются вместе, как правило, те же самые лица.

Община по-прежнему экзогамна, часть ее членов уходит после брака в другие общины, а в данную общину приходят люди извне. Но теперь этот процесс более упорядочен. Если раньше семья в каждом отдельном случае решала сама, в какую общину ей влиться (в общину мужа, в общину жены или даже в третью общину), то теперь этот вопрос решает не семья, а община и решает раз и навсегда: брак становится либо матрилокальным (мужчины уходят, женщины остаются), либо, что чаще, патрилокальным (женщины уходят, мужчины остаются). При той и другой локальности брака ядро общины объединено кровным родством особым образом. Все его члены связаны с общим предком только по одной линии: либо через женщин (если брак матрилокальный), либо через мужчин (если брак патрилокальный) [126]. Важно, что связь каждого члена ядра общины с предком идет вертикально, через восходящие поколения. Таким образом, ядро общины оформляется как предковый род, материнский или отцовский.

Наряду с ядром община имеет также и свою оболочку — пришлую часть общины, состоящую из жен (если брак патрилокальный) или мужей (если брак матрилокальный) [127].

---

[126] Зарубежные авторы называют ядро родовой общины различными терминами: anchoring group, reference group, agnatic core и т. д.

[127] Принадлежность к общине по крови иногда называют филнацией, а принадлежность к общине по браку — аффилиацией (см. B. M. Du Toit. Filiation and affiliation among the Gadsup, New Guinea.— «Oceania», vol. XXXV, № 2, 1964).

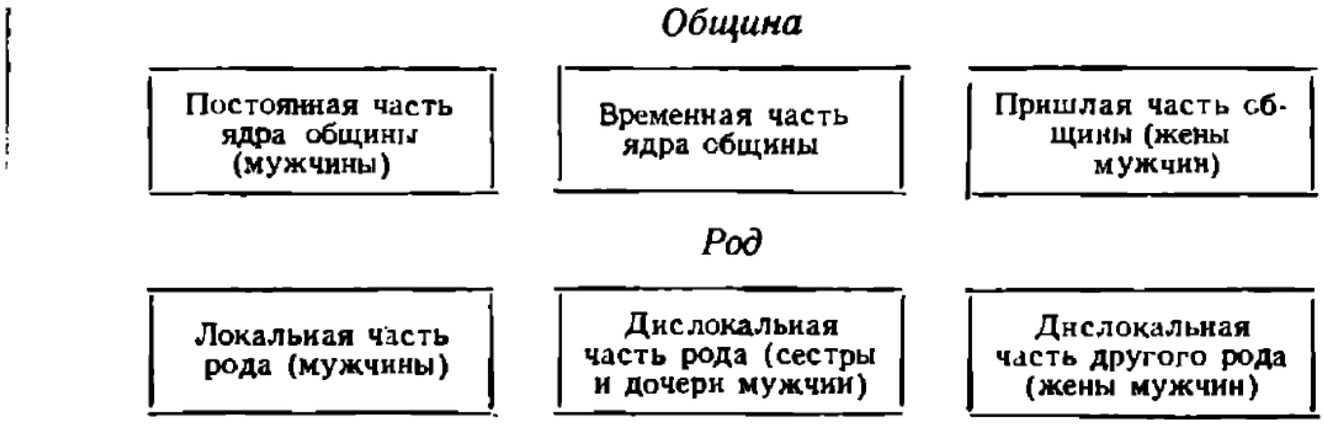
Все члены рода рождаются в одной и той же общине, проводят здесь детство, и связи между ними, сложившиеся и укрепившиеся в это время, сохраняются затем на всю жизнь. Но около половины членов рода, достигнув совершеннолетия, уходят в другие общины. Поэтому в ядре общины надо различать две части: постоянную, связанную с общиной пожизненно, и временную, связаиную с общиной до вступления в брак. Соответственно этому и род состоит из двух частей: локальной (члены рода остаются в общине всю жизнь) и дислокальной (члены рода уходят жить в другие общины). Важно, однако, отметить, что ушедшие в другие общины члены рода сохраняют до конца жизни свою родовую принадлежность, свои права на общинную территорию (теперь она оформляется внешне как родовая). Нередко они сохраняют связи с локальной частью рода, участвуют в родовых обрядах и т. д.

Этот процесс кристаллизации общинного ядра и оформления его в виде предкового рода протекает постепенно. Там, где главную роль играют охота или посезонно охота и рыболовство и люди ведут полубродячий образ жизни (некоторые народы Сибири, монтанье и наскапи на Лабрадоре, атабаски в Канаде, индейцы Чако в Южной Америке), община все еще имеет в разные сезоны различную числеииость. Семья здесь чувствует себя весьма независимо и может переходить из одной общины в другую. Ядро общины только еще начинает выкристаллизовываться, и, как следствие этого, предковый род слаб.

Иную картиiу мы находим у мотыжных земледельцев, а также оседлых рыболовов. Оседлый образ жизни способствует возникновению в общине прочного ядра. Семья в таких общинах гораздо слабее, чем в общинах примитивных охотников и собирателей. Мужчины, как правило, живут обособленно, в мужском доме, а женщины — в небольших семейных хижинах; если вся община помещается в одном большом жилище, то и в нем мужская часть общины держится вместе, а женщины расселены по небольшим каморкам, отделенным перегородками. Муж и жена у некоторых племен редко видят друг друга, отдельно готовят себе пищу и врозь едят. Обрядовая жизнь мужчин строго засекречена от женщин, а обрядовая жизнь женщин — от мужчин. Вступление в брак допускается лишь с ведома и разрешения общины. Вся семейная жизнь находится под неусыпным общинным контролем.

Род тесно связан с общиной. В значительной своей части община и род перекрывают друг друга, но все же не совпадают полностью. Род нельзя противопоставлять общине, но и ielьзя с нею отождествлять.

Постоянная часть ядра общины полностью совпадает с локальной частью рода. В этом родовом ядре сосредоточены основные функции управления хозяйственной, социальной, семейной и обрядовой жизнью общины. Пришлая часть общины пол-



ностью не совпадает с родом. Это дислокальная часть другого рода. На практике, однако, жены приходят из разных родов. Таким образом, эта часть общины является пестрой, разиородной. Временная часть общины совпадает с дислокальной частью рода, но для общины эта часть временная. Сестры и дочери достигают совершеннолетия, вступают в брак и уходят в другие общины.

Община становится больше по размеру. Правда, в различных районах размеры общин весьма различны, но в среднем в общине живет 100—200 человек (напомним, что средний размер общин примитивных охотников и собирателей — 40—50 человек). На этой стадии — опять же не сразу, а постепенно — формируется новая социальная единица — племя как объединение родовых общин. Напомним, что на предыдущей стадии племя выступает как этническая единица, с общим языком и культурой, но социальным единством еще не является. Появляются вождь племени, совет племени. В конце этой стадии намечаются первые признаки выделения и обособления племенного вождя и вождей родовых общин, превращения родовых различий в различия сословные и кастовые.

7. ГЕТЕРОГЕННАЯ ОБЩИНА
(выделение ремесла, развитие обмена)

Наиболее изученным этапом первобытнообщинного строя является несомненно его поздний, заключительный этап, приходящийся, по археологической периодизации, на поздний неолит и век металла. По периодизации Моргана и Энгельса — это средняя ступень варварства, т. е. период, предшествующий возникновению раннеклассовых государств, и высшая ступень варварства, характеризующаяся появлением ранних городов-государств. Фактическая база для изучения как первого, так и второго периода достаточно широка. Средняя ступень варварства представлена ныне живущими или недавно жившими народами на всех материках, кроме Австралии, и в островном мире. Еще больше источников по ранним городам-государствам. Данные этнографии получают историческую глубину, когда их сравнивают с данными

археологии. Здесь же их можно сравнивать и с древними письменными документами.

Раннеклассовые государства возникали в истории человечества множество раз, начиная с четвертого тысячелетия до н. э. и кончая XIX в. н. э. На Юкатане государство майя складывается в V—VI вв. н. э., в Мексике государство ацтеков — в XIV в. н. э., в Перу государство инков — в XV в. н. э. Эти государства были уничтожены испанскими конкистадорами в XVI в. н. э., но накануне завоевания они были довольно обстоятельно изучены испанскими монахами (Диего де Ланда), солдатами (Берналь Диас) и даже гражданами самих этих государств (Гарсильясо де ла Вега, инка по матери). В Океании переход от племенного строя к государственности протекал в XVIII—XIX вв. на глазах европейских колонизаторов и не без влияния с их стороны. В отличие от городов-государств, мы находим здесь острова-государства, архипелаги-государства. Но это не должно нас смущать, так как в истории ни один процесс не повторяется в точности. Как по количеству раннеклассовых государств, так и по степени их изученности пальма первенства принадлежит несомненно Африке. Ряд государств возник здесь в XIV—XVI вв. н. э. — Конго, Лунда, Буганда, Анколе, Карагве, Имерин; в XVII в. — Бушонго (Бакуба), Руанда, Урунди, Торо, Кизиба; в XVIII в.— Ашанти. Все эти государства были разрушены европейскими колонизаторами в XIX в. Но многие из них сравнительно хорошо изучены [128]. Судя по описаниям, названные государства по своему характеру близки к древневосточиым раниеклассовым обществам.

Много ценного в изучение третьего этапа первобытнообщинного строя внесли советские археологи, этнографы, историки древности М. О. Косвен, С. П. Толстов, А. Н. Бернштам, Б. Б. Пиотровский, И. М. Дьяконов, С. А. Токарев, Н. А. Кисляков и многие другие, из зарубежных ученых — Г. Чайлд, Дж. Томсон. Большой заслугой советских историков древности является то, что они бесспорно доказали наличие общины иа древнем Востоке и добились определенных успехов в ее изучении. Собраиный ими буквально по крохам материал позволяет говорить о иекоторых общих чертах, свойственных общинам древнего Востока и общинам этнографического мира [129]. Та особенность древнего Востока, которая состоит в сочетании классовых отношений с общинными и царской власти с самоуправлением свободных граждан, в равной мере свойственна указанным выше раннеклассовым государствам. Мы найдем это сочетание у инков, майя и ацтеков в Центральной Америке, у тонганцев, таитян и гавайцев в Океании. В Тропической Африке характер этого сочетания был таков, что главную роль в большинстве случаев играли об-

[128] «Африка. Энциклопедический справочник». М., 1963, т. 1, стр. 58.

[129] И. М. Дьяконов. Община на древнем Востоке в работах советских исследователей.— «Вестник древней истории», 1963, № 1.

щинные отношения, сохраняющие, кстати, свое значение и по сей день.

Общественное разделение труда, выделение ремесла, развитие обмена, прибавочный продукт — таковы те сдвиги в производительных силах, которые вызывают к жизни частную собственность, имущественную и социальную дифференциацию, выделение и обособление правящей элиты, появление зависимых и рабов и тем самым разлагают общинно-родовой строй.

Земледелие, скотоводство, развитые охота и рыболовство возникли еще на предыдущей стадии. Но здесь появляется новое качество — межобщинное разделение труда. Оно может выступать в разных формах: между земледельцами и скотоводами (Центральная Азия, Африка), между земледельцами и рыболовами (Океания), между земледельцами и охотниками (Америка). Центром обмена являются земледельцы: к ним, как к магниту, тянутся скотоводы, рыболовы и охотники.

Скотоводство, как правило, сочетается с земледелием. Так было в Центральной Азии в первом тысячелетии до н. э. (хунны, ухуань), в первом тысячелетии н. э. (сяньби, уйгуры, кидане) и в начале второго тысячелетия н. э. (монголы). Скотоводческие племена Африки (нуэры, динка, шиллуки, туареги, амхара, тигре, галла, банту Южной Африки) занимались одновременно и земледелием. Чисто скотоводческие племена встречаются весьма редко (масаи, гереро, геттентоты в Африке).

В условиях регулярного обмена появляются чисто рыболовческие племена (например, тлинкиты). Разделение труда происходит и внутри племен. Ремесло отделяется от производства пищи. Известны, например, общины по изготовлению глиняных горшков (островок Били-Били близ Новой Гвинеи), раковинных дисков (у тробрианцев) и т. п. Этот путь выделения ремесла обычно ведет к возникиовению каст. Кастовый принцип может стать иногда господствующим. В начальной форме этот процесс можно наблюдать у тробрианцев, в более развитой — у фульбе, в конечной — в Индии. У тробрианцев ремесло еще не отделилось от производства пищи. Некоторые деревни, собрав с огородов ямс, приступали к изготовлению различиых изделий. Это был как бы сезон ремесла в их годичном хозяйственном цикле. При этом в одной деревне изготовлялись шлифованные клиики для каменных топоров, в другой — раковинные диски, в третьей — корзины, в четвертой — деревянные блюда, копья, палицы, гребии, черпаки. К жителям этих деревень остальные тробрианцы относились с пренебрежением, не вступали с ними в браки. Особенно низко стояли жители деревни Бвойталу, славившиеся резьбой по дереву — здесь уже была налицо тенденция к формированию низшей касты [130]. Гораздо дальше зашел процесс формиро-

[130] B. Malinowski. Argonauts of the Western Pacific. London, 1922; idem. Coral gardens and their magic, vol. I. London, 1935.

вания каст у фульбе, где ремесло полностью отделилось от земледелия и ремесленники занимались преимущественно изготовлением изделий. Здесь сословные и кастовые деления сосуществовали как величины почти равнозначные. Земледельческое население делилось на сословия, где по одну сторону от рядовых общинников были вожди, жрецы и члены их семей, а по другую — зависимые и рабы. Ремесленники же выделялись особо. Кожевники, красильщики, деревообделочники, кузнецы и подобные профессии составляли замкнутые эндогамные группы. Собственно, это уже были касты, профессия в каждой из них передавалась по наследству, каждая каста занимала определенное место в обществе [131]. «В странах Тропической Африки,— пишет В. В. Крылов,— классовые отношения нередко оформлялись как отношения кастовые» [132]. В Индии кастовый принцип достиг наивысшего расцвета и оттеснил сословия на второй план. Кастовый принцип, начавшись с профессий, распространился затем и на все другие социальные группы. Сословные деления (варны) превратились в касты. Многие дравидо- и мундоязычные племена, влившись в общий поток индийской истории, также стали кастами. Так, племя байга превратилось в касту колдунов, племя агариа — в касту кузнецов и т. д. [133]

Более распространенный путь выделения ремесла — внутриобщинный. Здесь развитие идет несколько иначе, и преобладает не кастовый (где переход из касты в касту немыслим), а сословный принцип. Ремесленники занимают в таком обществе особое положение, но в общем они причислены к какому-либо сословию или к нескольким. Например, на Фиджи различались сословия: «божественно рожденные», «высокорожденные», «хорошо, но невысокорожденные», «нехорошо рожденные», «неполностью рожденные», «нерожденные» (рабы, незаконнорожденные, исключенные из рода и т. д.). Таитяне сравнивали свое общество с лодкой: верховный вождь — парус, вожди — мачта, раатира (крупные и мелкие землевладельцы) — снасти, поддерживающие мачту, манахуне (рядовые общинники) — балансир, придающий лодке устойчивость [134]. На некоторых Соломоновых островах, где расслоение только еще начинается, мы находим три слоя: семейно-родовая знать (муми и моухе), рядовые общинники (поконопо) и зависимые (туратурама и монго). Но чаще мы находим четыре основных слоя: вожди; жрецы; рядовые общинники; зависимые и рабы. Таковы, например, у бемба в Африке мфуму — вожди и члены их семей, бакабало — жрецы, умупаби — рядовые общин-

---

[131] Ж. Сюрэ-Каналь. Африка Западная и Центральная. М., 1961, стр. 116—117.

[132] В. В. Крылов. Основные тенденции развития аграрных отношений в Тропической Африке.— «Народы Азии и Африки», 1965, № 4, стр. 4.

[133] Б. Я. Волчок. Племя и каста. Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М., 1964.

[134] M. D. Sahlins. Social stratification in Polynesia. Washington, 1958.

ники, башайя — рабы. Таковы же четыре древних варны индусов: брахманы — жрецы, кшатрии — воины, вайшья — общинники и шудры — зависимые. На Тонга сословия и касты сочетались следующим образом: земледельцы и цирюльники — низший слой (туа), каменщики, рыбаки, татуировщики — среднее и низшее сословие (муа и туа), строители лодок, мастера в резьбе по китовому усу — высшее и среднее сословие (матабуле и муа) [135].

Взгляд на классовое общество как на продукт завоевания одного племени другим лишь в единичных случаях подтверждается фактами. Классовое общество возникает, как правило, не путем наложения одной этнической общности на другую, а медленно вызревает изнутри, в самих родовых общинах, конденсируя в каждой из них на одном полюсе родовую знать, на другом — зависимых от нее. При этом, по крайней мере на первых порах, классовые явления не создают новых форм; они отливаются в старые, общинно-родовые формы. Разложение общинно-родового строя и становление классового общества — это две стороны одиого и того же процесса. Специфика и сложность этого процесса состоят в том, что новые, классовые отношения, как отмечает Энгельс, «в течение поколений стараются приспособить старый общественный строй к новым условиям» [136] С другой стороны, общинно-родовые традиции не остаются пассивными, они влияют на классовые отношения, приспосабливая их к своим нормам. В итоге складывается система отношений, которая уже не целиком доклассовая и еще не является полностью классовой. Общинно-родовые институты, пишет Энгельс, «из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа» [137] С другой стороны, классовые явления, отливаясь в общинно-родовые формы, приобретают ярко выраженную специфику. Перед нами высшие и низшие роды, сословия, касты. Принадлежность к ним определяется не отношением к средствам производства, а степенью кровной близости к родовому или племенному предку, к высшему или низшему роду. Богатство выступает скорее как следствие знатности, чем как ее причина.

На огородах, урожай с которых поступает в распоряжение вождя и членов его семьи, практикуется совместный труд всех членов общины. Этот труд не безвозмездный: вождь в ходе работы обязан кормить работников, а в дальнейшем в случае нужды выделить им часть урожая. В целом общинники оказываются все же в зависимом положении и несут в амбары вождя даже тот урожай, который снят ими с собственных огородов. Собственность на землю общинная, но распоряжается землею вождь,

---

[135] С. А. Токарев. Происхождение общественных классов на островах Тонга.— «Советская этнография», 1958, № 1.

[136] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 26.

[137] Там же, стр. 165.

и общинники зависят от него. В обычай взаимной помощи входит теперь прежде всего «помощь» вождю — сбор припасов для устраиваемых им празднеств, мобилизация юношей для военного похода и т. п. Родство продолжает играть важную роль, но теперь права и обязанности, связанные с ним, поделены так, что права достаются одним членам общины, а обязанности — другим. Религиозно-магические обряды становятся в руках общинно-родовой знати одним из важнейших средств угнетения, насилия [138].

В родовой общине каждый мог стать вождем. Это зависело только и исключительно от его личных способностей. Теперь вождей выбирают лишь из определенных больших семей. А затем возникает отцовское право — вождь передает должность своему родному сыну. «Закладываются, — отмечает Энгельс, — основы наследственной королевской власти и наследственной знати» [139].

Общинно-родовой строй в конечном итоге гибнет, хотя общинно-родовые институты долгое время успешно выполняют роль органов насилия и угнетения. Можно привести немало примеров, когда государство представляет собой объединение общин и родовой принцип (в том числе и матрилинейный) регулирует замещение должности главы государства.

Общинно-родовой строй, пишет Энгельс, «взрывается в результате столкновения новообразовавшихся общественных классов» [140]. Нас здесь, однако, интересует период, предшествующий этому моменту. Это период сочетания классовых и общинно-родовых тенденций. Сохраняется община, но она уже не та, что в прошлом,— внутри нее протекают процессы имущественной и социальной дифференциации. Род тоже сохраняется, хотя и не в прежнем виде; он приобретает сословно-кастовый характер. Социальное неравенство уже возникло, но оно существует в условиях коллективной собственности на основные средства производства и значительно отличается от будущего классового деления общества. Община этого периода (как до сложения государства, так и после) занимает промежуточное положение между родовой общиной, с одной стороны, и сельской, с другой. Это гетерогенная община, или, как ее чаще называют, семейно-родовая, семейно-клановая.

Гетерогенная община состоит из нескольких семейных, или домовых, общин, каждая из которых имеет свое обособленное хозяйство. Так было, например, у ирокезов. В деревнях, где жили гетерогенные общины, стояло по нескольку длинных домов, и каждый из них занимала обособленная домовая община (ова-

---

[138] См. B. Malinowski. Argonauts of the Western Pacific, p. 160, 161.

[139] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 164.

[140] Там же, т. 21, стр. 26.

чира). Так было и у индейцев северо-западного побережья Северной Америки. Здесь у каждого дома стоял высокий столб с резной фигурой животного, птицы, рыбы или растения в знак того, что члены ядра домовой общины (барабора) принадлежат к определенному роду. При этом одна домовая община была связана с родом Орел, другая — с родом Камбала, третья — с родом Водяная Лилия и т. д. Мы называем эту общину гетерогенной, но не только потому, что в ней были части разных родов. Община новозеландских маори (хапу) состояла из нескольких домовых общин (ванау), которые все были связаны с одним родом (происходили от одного предка). Однако это была гетерогенная община, потому что домовые общины были неравны по имущественному и социальному положению. Свое неравенство они объясняли генеалогически (одни связывали себя с предком по старшим линиям, другие — по младшим).

Ниже мы приводим несколько примеров, когда отмечен не только факт существования гетерогенных и домовых общин, но и записаны их местные названия.

Этнографическая группа	Гетерогенная община	Домовая община
Бемба	умуши	улупва
Фиджи	явуза	вувала
Гавайи	ахупуа	охана
Маори	хапу	ваиау
Кечуа	айлью	канча

В гетерогенной общине отчетливо прослеживается имущественная и социальная дифференциация среди общинников, угнетение одних общинников другими, продажа общинниками своей доли в общинной земле. Все это в равной мере несвойственно как родовой, так и сельской общине.

В родовой общине, состоящей из парных семей, социальная дифференциация отсутствует. В сельской общине патриархальные и моногамные семьи в одинаковой мере зависят от внешнего хозяина (государство, церковь, феодал), платят ему оброк и несут трудовые повинности. В гетерогенной общине тоже есть хозяин, но он еще не выделился из общины, не порвал пуповину, связывающую его с остальными общинниками. В качестве такого хозяина обычно выступает одна из домовых общин. Ей принадлежит наибольшее количество участков земли, из ее состава выбирается вождь общины.

У гаро (Ассам) господствующая домовая община выступает под характерным названием: «дом с длинной генеалогией». У многих африканских племен глава господствующей домовой общины — вождь всей общины в целом. Ему подчинены все общинники, и сама община называется часто по его имени. Положение того или иного общинника зависит от того, в каком род-

ственном отношении к вождю он находится. Домовые общины вождей, как это наблюдается у бемба (Африка), сингальцев (Цейлон) и многих других племен, самые большие по числу членов, участкам земли. Что касается других домовых общин, то они обычно невелики.

В гетерогенной общине есть две формы собственности на землю: общинная и обособленная (Sondereigentum, по Энгельсу). Таковы, например, собственность фатангамуа и собственность каетаси на Эллисовых островах. Общинная земля принадлежит гетерогенной общине и распоряжается ею совет, состоящий из глав домовых общин. Обособленная земля принадлежит домовым общинам. Глава домовой общины распоряжается ею и может даже продать, но лишь с согласия глав других домовых общин [141]. На Фиджи участки домовых общин были огорожены. То же наблюдалось у ацтеков (кальпулли).

Для знати собственность гетерогенной общины на землю является средством принуждения общинников к труду на полях. Один из меланезийских вождей (племя сиуаи, Соломоновы острова), купив на свои средства участок земли, все же передал его в собственность гетерогенной общины, потому что мало иметь землю, надо ее обрабатывать, а общинники лучше работают на общей земле, чем на чужой. Один из полинезийских вождей заявил, что частная собственность на землю — большое неудобство, так как не будет помощников в тех делах, с которыми ему самому не справиться. В ряде районов Тропической Африки капиталист-предприниматель берет себе незанятые земли на правах члена гетерогенной общины и не только не стремится, но всячески избегает оформлять свои владения как частную собственность (хотя такие возможности у него имеются). Правда, он ухитряется передать эти владения по наследству не общине, а своим детям, либо выселив «лишних» наследников в другие общины, либо выплатив им «компенсацию», либо при жизни оформив передачу сыну в виде «дара» [142].

В общине идет бурный процесс имущественной и социальной дифференциации. Класс угнетателей еще не оформился полностью, так как представители его еще находятся внутри общин. Этот класс как бы переживает утробный период своего развития: формируется, обособляется в виде знатных домовых общин, занимающих в гетерогенных общинах господствующее положение. Дальнейший процесс нетрудно проследить, так как он отражен не только в фактах археологии и этнографии, но и в древних письменных документах. Господствующие домовые общины уходят из деревень, концентрируются в городах, оставляя в гетерогенных общинах подчиненных им должностных лиц для сбора

[141] D. G. Kennedy. Land tenure in the Ellice Islands.— «The Journal of the Polynesian Society», vol. 62, N 4, 1953, p. 348—349.

[142] В. В. Крылов. Указ. соч.

налогов, наблюдения за несением трудовых повинностей и т. п. Возникает резкая противоположность между городом и деревней. В деревнях остаются свободные общинники, но они отныне являются зависимыми по отношению к городу и государству.

Процесс имущественной и социальной дифференциации в деревне продолжается. Одни общинники берут у других деньги, продукты под заклад земли, другие закладывают самих себя и своих детей. Появляются новые претенденты на прибавочный продукт, и последний начинает оседать внутри общин. Но знать, живущая в городе, в этом не заинтересована и принимает меры, тормозящие процесс дальнейшего социального расслоения внутри общин. Так, по крайней мере, было в древнем Двуречье, где была введена практика регулярных переделов земли с одновременной отменой долгов одних общинников другим и освобождением заложников. Эта практика существовала, например, в Алалахе. «„Освобождение",— отмечает Н. Б. Янковская, беря это слово в кавычки, так как речь идет не об освобождении от податей, а лишь о том, кому их вносить,— до какой-то степени уравниивало имущественное положение граждан» [143].

В конечном итоге по мере усиления противоположности между городом и деревней складывается сельская община в том ее виде, в каком она известна нам по германской марке, индийской и славянской общине.

Можно довольно детально проследить, как урожай с совместно обрабатываемых общинных полей, хранящийся в общинных амбарах и шедший на нужды общинников, постепенно изымается у общины и используется для покрытия расходов по управлению, по войску, на содержание верховного вождя, его семьи и свиты, на содержание храма и т. д. Для обработки общих земель вождь назначал общинников по очереди. На ацтекских картах земля общины делится на три части: храмовую, государственную и собственно общинную и каждая из частей помечается особым цветом [144]. Постепенно наряду с наличием в общине участков, урожай с которых идет в государственные хранилища, появляются трудовые повинности в пользу государства. Производится учет трудоспособного населения с целью упорядочения сбора налогов и податей.

При переходе от племенного строя к государству, как мы видим это на ряде африканских примеров, община не претерпевает существенных изменений. Возникшее раннеклассовое государство сохраняет общину в том виде, в каком она была до этого. Возьмем, например, зулусов. В конце XVIII в. племенной строй у них уступил место раннеклассовому государству, в конце XIX в. его функции были узурпированы английскими властями. Между

[143] Н. Б. Янковская. Землевладение большесемейных домовых общин в клинописных источниках.— «Вестник древней истории», 1959, № 1, стр. 41.

[144] «Народы Америки», т. II. М., 1959, стр. 83, 84.

тем, как пишет М. Глукман, мелкие социальные группы до сих пор остались теми же[145].

В гетерогенной общине господствует такой порядок наследования имущества и должностей, который свидетельствует об ее промежуточном положении между родовой общиной, с одной стороны, и сельской, с другой. В родовой общине наследником выступает род (точнее — его ядро). Члены родового ядра распределяют между собой имущество, выдвигают из своей среды вождя. В сельской общине право наследования принадлежит малой семье; выборность отсутствует. В гетерогенной же общине наследует домовая община, или, вернее, агнатная группа (патрилиния, матрилиния или амбилиния)[146]. В рамках агнатной группы сохраняется выборность. При этом должность вождя гетерогенной общины закреплена традицией за одной из агнатных групп. В ранних государствах право на престол также принадлежит лишь одной из агнатных групп, внутри которой действует принцип выборности. При этом в одних случаях господствует матрилинейное наследование, в других — патрилинейное, в третьих — учитываются обе линии (амбилинейность).

В целом отцовское право (наследование в рамках малой семьи) гетерогенной общине несвойственно. В ней действует агнатное право. «Наследование престола,— пишет Сюрэ-Каналь о ранних государствах Западной и Центральной Африки,— по прямой линии было исключением. В большой семье преобладало наследование либо по боковой, материнской линии, либо по отцовской линии с предоставлением возможности выбора между конкурирующими ветвями»[147]. Благодаря этому члены царской большой семьи (разрастающейся подчас до огромных размеров) могли выбирать царя, контролировать его деятельность, подвергать его строгой и мелочной регламентации. В государстве Баол правитель (тэнь) выбирался знатью, которая могла, когда ей это покажется необходимым, лишить его престола. В государстве Анколе правитель (мугабе) по существу был подчинен главному министру (нгази), который стоял во главе царской матрилинии и был старшим из братьев матери мугабе. В государствах Салум, Лунда, Бушонго, Руанда, Бурунди, власть правителей (бур, муата-ямво, ними, мвами) была ограничена советом вождей и разных должностных лиц. Царям Ганы, Мали, Борну, Бенина было запрещено показываться перед подданными, царь мог беседовать с кем-либо только из-за ширмы. В случае неуро-

[145] M. Gluckman. The kingdom of the Zulu of South Africa.— В кн.: African political systems. Ed. M. Fortes and E. E. Evans-Pritchard. London, 1941, p. 54.

[146] Агнаты — члены ядра домовой общины, имеющие общего предка и составляющие матрилинию (если они связаны с предком через женщин), или патрилинию (если связь с предком через мужчин), или амбилинию (если одни члены ядра связаны с предком через мать, а другие — через отца).

[147] Ж. Сюрэ-Каналь. Африка Западная и Центральная, стр. 122.

жая, поражения на войне царя умерщвляли. Правил не столько царь, сколько царская агнатная группа, царский род.

Каким образом одна из агнатных групп узурпировала право на престол — вопрос сложный. Во всяком случае, в ранних государствах престол был закреплен за одной из агнатных групп. Иногда практиковалось чередование: две агнатные группы по очереди выделяли из своей среды вождя. Так, у фульбе две агнатных группы, чередуясь, поставляли каждые два года альмами (верховных вождей). Кроме этих двух групп, были и другие знатные семьи: группа великих выборщиков, группа, поставлявшая начальников провинций и приходов и т. д. В Тропической Африке до сих пор сохраняется порядок наследования, характерный для гетерогенной общины. «У многих народов Тропической Африки,— пишет В. В. Крылов,— сохранилась такая форма наследования, при которой имущество переходит от отца не к сыну, а к братьям, племянникам матери или отца, в зависимости от того, какая форма наследования, матрилинейная или патрилинейная, господствует»[148]. Как видно из приведенных высказываний Сюрэ-Каналя и Крылова, особых различий между племенами, практикующими патрилинейность или матрилинейность в порядке наследования имущества и должностей, в Африке не наблюдается. То же наблюдалось и в Ассаме. «Важно отметить,— пишет С. А. Болдырева,— что способ передачи земли по наследству — по материнской линии или по отцовской — никак не влияет на общий путь развития земельных отношений, от общинной собственности на землю к частному владению»[149]. Ученые постепенно приходят к выводу, что дело не в филиации (хотя ее характер и отражался в известной мере на праве наследования), а в субъекте наследования. Главное в том, что агнатная группа уступает место малой семье, а классификационная система родства с ее обособлением «старшей» и «младшей» линий (в Шумере — «старшие братья» и «младшие братья») — описательной системе родства.

Род на стадии гетерогенной общины сохраняется, но он всюду состоит из агнатных групп («малых родов»), выступающих теперь на первый план. Данные этнографии говорят о том, что эти последние могут быть не только патрилинейными (как на древнем Востоке), но и матри- и амбилинейными. Если род в целом постепенно утрачивает экзогамию, то агнатная группа строго экзогамна, в ней ведется строжайший генеалогический учет, и браки разрешаются лишь при условии удаления брачущихся на несколько поколений от общего предка.

Агнаты связаны общностью происхождения. Однако если для родичей общность происхождения выражала их социальное ра-

[148] В. В. Крылов. Указ. соч., стр. 14, 15.

[149] С. А. Болдырева (Маретина). Черты материнско-родовой организации у гаро и кхаси (Ассам).— «Индийский этнографический сборник». М., 1961, стр. 189.

венство, то для агнатов она, напротив, оформляет их социальное неравенство. Недаром в зарубежной науке наряду с термином lineage, remage агнатную группу обозначают термином status lineage и подчеркивают, что главное в ней — это генеалогическое обоснование социального неравенства [150].

Тот род, с которым связана господствующая агнатная группа, становится господствующим, аристократическим. У нуэров (Африка) вся деревня носит название аристократического рода, хотя семей, связанных с этим родом, в данной общине может быть меньшинство. Появляется стремление к гипогамным бракам (браки на женщинах из высших семей). Плата за невесту превращается в плату за союз с семьей невесты, причем эту плату надо вносить всю жизнь. Выделяются роды «высшие» и «низшие». Родовые деления начинают постепенно принимать сословно-кастовый характер. В государстве Бемба, например, род Крокодил считался высшим, король всегда был из этого рода. У маршалльцев вождь всегда избирался из рода Идьирик. У куки-чин отмечена иерархия родов. У коньяк (Ассам) род вождя (анг) настолько обособился от всех остальных родов, что даже исключил браки с ними и тем самым приобрел один из признаков касты — эндогамию. У лушеев (группа чин) все вожди поставляются только одним родом Сайло. У батаков привилегированный род носит название «род — основатель деревни».

Рабство еще не играло в раннеклассовых государствах, в том числе и в древнем Двуречье, такой роли, чтобы их можно было назвать рабовладельческими. Рабы — это чужаки, захваченные в плен. Характерно, что в государстве Буганда раб назывался «буду» — по имени страны, расположенной к югу от Буганды. В государстве Аксум раб назывался «барса» по названию соседнего племени. Видимо, индийские ученые правы, когда они пишут, что в Индии не развилось рабство, потому что был кастовый строй. Рабов мало, сосредоточены они в руках семейно-родовой знати, и это обстоятельство является одним из факторов, которое эту знать выделяет, делает ее элитой. Таким образом, само рабство выступает наряду с прочими причинами как фактор, создающий не столько рабовладельческое, сколько сословно-кастовое общество. Основной формой эксплуатации является эксплуатация общинников (низших сословий и каст).

* * *

Итак, мы рассмотрели эволюцию первобытнообщинного строя. Основная социальная ячейка в эту эпоху — община, поэтому ей отведено в статье главное место. Автор сделал попытку наметить этапы, через которые проходит первобытная община.

[150] J. Goldman. Variations in Polynesian social organization.— «The Journal of the Polynesian Society», vol. 66, N 4, 1957, p. 376.

Период	Хозяйство	Община	Семья	Кровное родство	Наследование
ихний палеолит и ме-ит (средняя и выс-я ступени дикости)	Хозяйство присваивающего типа	Кровная община	Парно-групповой брак	Кровная группа	Кровное право (наследуют кровники)
олит (низшая сту-нь варварства)	Производство пищи	Родовая община	Парная семья	Род	Родовое право (наследуют родичи)
здний неолит и ме-ал (средняя и высшая упени варварства)	Ремесло, обмен	Гетерогенная община (состоит из домовых общин)	Большая семья	Агнатная группа	Агнатное право (наследуют агнаты)
ассовое общество вилизация)	Товарное хозяйство, торговля	Сельская община	Моногамная семья	Родня	Отцовское право (наследуют дети)

Естественно, что известный науке богатейший фактический атериал учтен в настоящей статье далеко не полностью. Поэтому многие высказанные выше положения нельзя еще считать полне доказанными; они лишь выносятся на обсуждение. Перед ами целые континенты фактов, которые надо учесть и исследоать. Мы можем выразить надежду, что предложенное нами наравление анализа и интерпретации всех этих фактов сможет блегчить поиски истины.

Ю. И. СЕМЕНОВ

ПРОБЛЕМА НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РОДОВОГО ОБЩЕСТВА

Если 50-е — начало 60-х годов текущего столетия были ознаменованы развертыванием в советской науке о первобытности дискуссии по проблеме становления человека и человеческого общества [1], то в самые последние годы на первый план стал постепенно выдвигаться вопрос о первоначальной организации сформировавшегося человеческого общества и ее последующих превращениях, завершившихся в конце концов возникновением классового общества. Накопление фактического материала сделало совершенно необходимым пересмотр существующих представлений и выдвижение новых. Появился ряд работ, в которых с различных позиций подверглись критике существующие концепции и предлагались несколько иные или даже совсем иные решения проблемы [2].

Важность проблемы первоначальной организации сформировавшегося человеческого общества очевидна. От ее решения в значительной степени зависит понимание всего последующего развития общества вплоть до возникновения классов и государства.

Любая концепция, претендующая на новое слово в науке, должна основываться на всех данных науки, быть результатом диалектической обработки всего известного фактического материала, а также всех существующих и существовавших интерпретаций. Невозможно правильно подойти к решению проблемы пер-

---

[1] Обзор дискуссии см. Ю. И. Семенов. К дискуссии по проблемам возникновения труда и становления человеческого общества.— «Советская антропология», 1958, № 4; он же. Возникновение человеческого общества. Красноярск, 1962, стр. 21—40.

[2] См. Н. А. Бутинов. Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи.— «Труды Института этнографии» (новая серия), т. LXXX, 1962; он же. Письмо в редакцию.— «Советская этнография», 1965, № 3; Ю. И. Семенов. Групповой брак, его природа и место в эволюции семейно-брачных отношений. М., 1964; он же. О периодизации первобытной истории.— «Советская этнография», 1965, № 5.

воначальной организации сформировавшегося человеческого общества, не представляя себе развития теории первобытности вообще, теории первоначальной организации человеческого общества в частности.

1. ИСТОРИЯ ПРОБЛЕМЫ

До середины 60—70-х годов XIX в. в науке господствовало восходящее еще к трудам Платона и Аристотеля[3] представление о возглавляемой отцом семье как основной и фундаментальной ячейке общества. Все остальные общественные образования, не исключая государства, рассматривались как возникшие в результате соединения или разрастания этих первоначальных единиц. В соответствии с этим первобытность представлялась эпохой изолированного существования семей или их сравнительно небольших объединений.

Однако еще в XVIII в. наметился и принципиально иной подход к первобытности. Начало ему положил Ж.-Ф. Лафито. Описывая ирокезов и гуронов, он показал, что состоявшая из отца, матери и детей семья, во-первых, не возглавлялась у них отцом и, во-вторых, не являлась основной ячейкой их общества. Общинный характер хозяйства ирокезов и гуронов органически сочетался с материнским счетом родства и наследования. Родовые объединения этих племен Лафито сопоставил с родами античных народов[4].

Вслед за Лафито Дж. Миллар также признал существование — правда, в качестве исключения — материнского счета родства. Миллар попытался связать это явление с имевшим, по мнению автора, в начальный период человечества универсальное распространение состоянием свободных отношений полов[5].

Представление о промискуитете как начальном этапе в развитии семейно-брачных отношений не менее старо, чем тезис об изначальности индивидуального брака и патриархальной семьи. В совершенно отчетливой форме встречаем мы его, например, у Лукреция Кара[6]. На протяжении первой половины XIX в. тезис о первоначальной беспорядочности человеческих половых отношений всплывает в работах некоторых авторов, но все их рассуждения по этому вопросу носят чисто умозрительный, спекулятивный характер. Из них заслуживает быть отмеченной лишь книга Д. Йениша, попытавшегося отграничить промискуитет как явление, характерное для животно-человеческого состояния, от «общинного брака», встречающегося в виде исключения на стадии настоящего человеческого общества. С «общинным бра-

---

[3] Платон. Законы.— В кн.: Платон. Полное собрание творений, т. 13, Пб., 1923, III, 680, 681; Аристотель. Политика. М., 1911, I—III.

[4] См. М. О. Косвен. Матриархат. М.— Л., 1948, стр. 39—41.

[5] Там же, стр. 58—60.

[6] Лукреций. О природе вещей. М., 1958, V, 962—964.

ком» Йениш связывает высокое общественное положение женщины [7].

Но все подобного рода высказывания встречаются как исключение. Подавляющее большинство авторов решительно отвергало и промискуитет, и «общинный брак» и отстаивало изначальность патриархальной семьи. Но кроме семьи в то время все большее внимание привлекает к себе род. Первая половина XIX в. характеризуется приступом к разработке этой проблемы, в связи с чем постепенно начинает вырисовываться знаменитая триада: семья — род — племя. Целый ряд ученых обращает, в частности, внимание на господство в роде общинного начала вообще, на существование родовой собственности в частности.

Однако представление о роде у всех исследователей без исключения оставались весьма неопределенными. Так как объектом изучения был род, каким он существовал в прошлом народов, уже достигших ступени классового общества (древние греки, римляне, германцы, славяне и т. п.), то естественно, что он мыслился исключительно лишь как патриархальный. Почти все ученые представляли первобытный род в виде совокупности связанных общим происхождением семей, вследствие чего оказывались не в состоянии сколько-нибудь четко отграничить его от большой семьи. Специальному анализу его не было уделено внимания даже в концепции И. Я. Бахофена, появление которой было крупным событием в истории науки о первобытности [8]. «До начала шестидесятых годов об истории семьи не могло быть и речи...,— писал Энгельс,— изучение истории семьи начинается с 1861 г., когда вышла в свет работа Бахофена „Материнское право“» [9].

Самая ранняя стадия в развитии человечества характеризовалась Бахофеном как состояние совершенно неупорядоченных отношений полов. Через эту стадию, которую он обозначает как эпоху гетеризма (неупорядоченного гетеризма), или добрачную ступень, прошли, по его мнению, все народы без исключения. Бахофен впервые дал научную разработку проблемы промискуитета. В его труде приведены многочисленные данные, свидетельствующие о существовании стадии беспорядочных половых отношений в далеком прошлом человечества. В дальнейшем возникли индивидуальный брак и семья, основанная на материнском праве, выражавшемся не только в счете родства по матери, но и в главенстве женщины в общественной жизни. Эту стадию, столь же универсальную, как и первая, Бахофен назвал гинекократией, или эпохой материнского права, женского права, или материнитета. И, наконец, третьей, высшей стадией в развитии человечества явилась эпоха патернитета, или отцовского права.

---

[7] Об этой книге см.: М. О. Косвен. Указ. соч., стр. 67, 68, 83.

[8] J. J. Bachofen. Das Mutterrecht. Eine Untersuchung über die Gynaikokratie der alten Welt nach ihrer religiösen und rechtlichen Natur. Stuttgart, 1861.

[9] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 22, стр. 215.

В книге Бахофена впервые была создана опиравшаяся на большой фактический материал универсально-историческая схема начального развития человечества.

В 1865 г. Дж. Ф. Мак-Леннан опубликовал работу «Первобытный брак, исследование о происхождении обряда похищения в свадебных церемониях», в которой независимо от Бахофена пришел к выводу, что, во-первых, исходным пунктом в развитии брачных отношений был промискуитет и, во-вторых, отцовскому счету родства у всех народов предшествовал счет происхождения по матери [10]. Заслуга его перед наукой состоит прежде всего в том, что он указал на широкое распространение и большое значение явления, названного им экзогамией, и первым попытался выяснить его происхождение. В отличие от Бахофена, он уделил внимание роду, который он первый попытался понять не как результат разрастания семьи и не как совокупность семей, а как общественную форму, предшествовавшую семье.

Труды Бахофена и Мак-Леннана подготовили переворот в науке о первобытности, который связан с появлением в 1877 г. классического труда Л. Г Моргана «Древнее общество» [11]. Морган впервые выдвинул и обосновал положение, что именно род является основой социального строя первобытного общества. Открыв, что доклассовое общество было родовым, Морган резко противопоставил его как качественно отличный тип социальной организации обществу классовому, или, как он называл его, политическому. «Опыт человечества,...— писал он,— создал только два плана общественного строя Оба они были определенными и систематическими организациями общества. Первый и более древний представлял собой организацию социальную, основанную на родах, фратриях и племенах. Второй и позднейший представлял собой организацию политическую, основанную на территории и собственности» [12].

Морган впервые совершенно четко отграничил род от других общественных образований вообще, от семьи в частности. Он это сделал, связав род с экзогамией, показав, что экзогамия неотделима от рода, что род является экзогамной группой и что иных экзогамных групп, кроме рода (и соответственно его подразделений) и фратрии, являющейся первоначальным родом, не существует. Отсюда с неизбежностью вытекало, что первобытный род никогда не мог состоять из семей и, следовательно, не мог возникнуть в результате их разрастания или соединения.

Морган показал также, что материнский род предшествовал патриархальному. Если отцовский род всегда существовал вместе с индивидуальной семьей, то материнский, по Моргану, возник

[10] J. F. McLennan. Primitive marriage. On inquiry into the origin of the form of capture in marriage ceremonies. Edinburgh, 1865.

[11] L. H. Morgan. Ancient society. New York, 1877.

[12] Л. Г. Морган. Древнее общество. Л., 1934, стр. 38.

тогда, когда такой семьи еще не было. Но если не было семьи, то не могло быть и семейного хозяйства. Хозяйство в ту эпоху могло быть только коллективным, коммунистическим. Не изменило характера общественных отношений и появление со временем парной семьи. Последняя была слаба, неустойчива, и хозяйство по-прежнему оставалось коммунистическим в своей основе. В учении Моргана первобытный коммунизм интимнейшим образом был связан с материнско-родовым строем, выступал как родовой коммунизм.

Переход от материнского рода к отцовскому Морган связывает с разложением коллективной собственности и появлением частной, с превращением парной семьи в моногамную и рассматривает как шаг по пути от родового общества к обществу политическому. Как уже отмечалось, еще в первой половине XIX в. отцовский род был обнаружен в более или менее отдаленном прошлом многих народов, достигших стадии классового общества. У древних греков и римлян он сохранялся некоторое время и после образования государства. Доказав, что отцовский род возник из материнского, Морган нашел тем самым связующее звено между народами «цивилизованными» и «нецивилизованными», сомкнул писаную историю человечества с неписаной.

Изложенное выше делает понятным ту высокую оценку, которая была дана труду Моргана классиками марксизма[13]. «Относительно первобытного состояния общества, — писал Энгельс в 1884 г., — существует книга, имеющая *решающее* значение, такое же решающее, как Дарвин в биологии; открыл ее, конечно, опять-таки Маркс: это — Морган, «Древнее общество», 1877 год... Морган в границах своего предмета самостоятельно вновь открыл марксово материалистическое понимание истории... Впервые римский и греческий gens получил полное объяснение на примере родовой организации дикарей, в особенности американских индейцев; таким образом, найдена прочная база для первобытной истории»[14]. «Это вновь сделанное открытие первоначального рода, основанного на материнском праве как стадии, предшествовавшей основанному на отцовском праве роду культурных народов, имеет для первобытной истории такое же значение, как теория развития Дарвина для биологии и как теория прибавочной стоимости Маркса для политической экономии, — читаем мы в предисловии к 4-му изданию «Происхождения семьи, частной собственности и государства». — ... Всякому ясно, что тем самым открывается новая эпоха в разработке первобытной истории. Род, основанный на материнском праве, стал тем стержнем, вокруг которого вращается вся эта наука; со вре-

[13] Подробнее об отношении классиков марксизма к Моргану см.: Ю. И. Семенов. Учение Моргана, марксизм и современная этнография.— «Советская этнография», 1964, № 4.

[14] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 36, стр. 97.

мени его открытия стало понятно, в каком направлении и что следует изучать и как нужно группировать полученные результаты» [15].

Как известно, материалы и выводы, содержащиеся в «Древнем обществе» Моргана, были широко использованы Энгельсом. Однако работа Энгельса представляет собой не простое изложение результатов исследований американского этнографа, а самостоятельное исследование, особенно в части, трактующей проблемы возникновения классов и государства. Что же касается вопросов, относящихся к начальному этапу истории человечества вообще, к начальной стадии родового общества в частности, то здесь Энгельс в основном принимает положения Моргана, хотя с определенными оговорками [16]. Открыв, что основной ячейкой доклассового общества является род, Морган отметил, что он возник не сразу с появлением человека, а значительно позже. Тем самым история человечества до возникновения классового общества, казалась бы, совершенно естественно распадается на два периода: дородовой и родовой. Однако у Моргана дана иная периодизация, в которой грань между дородовой и родовой эпохой теряется.

Чтобы понять взгляды Моргана на дородовую эпоху, необходимо остановиться на созданной им схеме эволюции семейно-брачных отношений. Как убедительно показал он, современная моногамная семья возникла в результате появления частной собственности. Непосредственная ее предшественница — парная семья — была открыта им у народов, находящихся на стадии родового общества. На основе анализа классификационных систем родства турано-ганованского и малайского типов и использования имевшихся в его распоряжении отрывочных и, как впоследствии выяснилось, не всегда достоверных сведений о семейно-брачных отношениях некоторых народов, которые он считал самыми примитивными из всех существующих, Морган пришел к выводу, что парной семье предшествовали две формы семьи, основанные на групповом браке: кровнородственная семья и сменившая ее семья пуналуа. Наконец, в качестве исходного пункта развития человеческих отношений между полами он принял промискуитет. Так возникла его схема эволюции брака и семьи: орда, живущая в промискуитете, — кровнородственная семья — семья пуналуа — парная семья — моногамная семья. В первых своих звеньях эта схема являлась одновременно и схемой эволюции общества вообще. Никакой другой формы объединения людей, кроме орды с промискуитетом, по Моргану, в начальную эпоху человечества не существовало. Так же обстояло дело с

[15] Там же, т. 22, стр. 223.

[16] См. Ю. И. Семенов. Учение Моргана...; он же. «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса и современные данные этнографии.— «Вопросы философии», 1959, № 7.

кровнородственной семьей и с семьей пуналуа до тех пор, пока не возник род. Но, в отличие от схемы развития семейно-брачных отношений, периодизация истории первобытного общества у Моргана не отличается стройностью. Если промискуитетная орда и кровнородственная выступают как последовательные этапы общественного развития, то совершенно неясно, что нужно принимать за следующую стадию. Род? Но он возник не из кровнородственной семьи, а из семьи пуналуа. Семью пуналуа? Но она не исчезла сразу после возникновения рода, а продолжала определенное время существовать вместе с ним, лишь в дальнейшем уступив место парной семье. Сам Морган сознавал, что в вопросе об отношении между семьей пуналуа и родом в его книге много неясного. Вслед за утверждением, что род образовался из женской ветви семьи пуналуа, Морган замечает, что «объяснить, каким образом в точности произошел род, конечно, невозможно»[17]. Бывшая когда-то единственной общественной ячейкой, семья пуналуа не могла сохраниться в том же виде, когда эта роль перешла к роду. Но в какой же форме она продолжала существовать после возникновения рода, как она сочеталась с родом, — об этом в книге Моргана нет ни слова. Вместе с проблемой возникновения экзогамии и рода остался у Моргана нерешенным и вопрос о соотношении рода и группового брака.

Дальнейшие шаги в развитии нового учения о первобытности должны были быть неизбежно связаны с попыткой решения этих вопросов. Первый из них был сделан Л. Файсоном. По мнению этого ученого, роду предшествовала всего лишь одна стадия развития. Характеристика этого первоначального человеческого коллектива, который он называл «неразделенной коммуной» (undivided commune), не отличается у него определенностью. С одной стороны, он писал, что в неразделенной коммуне половые отношения могли осуществляться лишь между лицами, принадлежавшими к одному поколению[18], т. е. что она была кровнородственной семьей, а с другой — мы встречаем у него утверждение, что «неразделившаяся коммуна (undivided commune) значит не более и не менее, как „промискуитет“»[19]. Как и Морган, Файсон придерживался мнения, что возникновение экзогамии диктовалось необходимостью предотвращения вредных последствий кровосмешения.

Когда перед обществом встала задача исключить возможность половых отношений между братьями и сестрами, то эта цель, по Файсону, была достигнута разделением первоначальной

---

[17] Л. Г. Морган. Указ. соч., стр. 250.

[18] L. Fison and A. W. Howitt. Kamilaroi and Kurnai. Melbourne — Sydney — Adelaide — Brisbane, 1880, p. 117.

[19] Л. Файсон. Письмо к Л. Г. Моргану.— В кн.: И. Н. Винников. Из архива Льюиса Генри Моргана. М.—Л., 1935, стр. 59.

коммуны на две взаимобрачущиеся группы, внутри каждой из которых половое общение было воспрещено.

Таким образом, появление рода было одновременно возникновением организации, состоящей из двух родов, связанных брачными отношениями, — дуально-родовой или просто дуальной организации. Брак на этой стадии был групповым. Все мужчины одного рода были мужьями всех женщин другого рода. Связанные отношениями группового брака роды были матрилинейными.

К точке зрения Файсона сразу же присоединился А. Хауитт [20].

Вопрос о первоначальной структуре родового общества получил некоторую разработку в относящихся к концу 80-х — началу 90-х годов XIX в. работах Э. Тейлора [21]. Последний указал на систему двух взаимобрачущихся матрилинейных родов как на начальную форму экзогамии и подметил ее связь с кросс-кузенным браком и классификационной системой родства. Однако, в отличие от Файсона, Тейлор считал, что дуальная организация возникла в результате соединения двух ранее совершенно самостоятельных коллективов.

Крупный вклад в разработку рассматриваемой проблемы был внесен В. Риверсом. Прежде всего он убедительно показал несостоятельность морганов ской гипотезы кровнородственной семьи [22]. Указал он и на ошибочность сведений, основываясь на которых, Морган реконструировал семью пуналуа [23]. Но решительно отбросив положение о существовании в прошлом человечества этих, основанных, по Моргану, на групповом браке форм семьи, Риверс развил далее концепцию группового брака.

Глубокую разработку получила в его трудах проблема дуальной организации. На большом материале (главным образом меланезийском) Риверс показал широкое распространение дуальной организации. Он теоретически доказал — и в этом его основная заслуга — ее универсальность. Подвергнув детальному анализу классификационную систему родства турано-ганованского типа, Риверс дал убедительные доказательства того, что целый ряд важнейших ее черт невозможно объяснить, не допустив, что она зародилась в обществе, в котором существовали лишь два матрилинейных экзогамных коллектива, связанных отношениями группового брака [24].

---

[20] И. Н. Винников. Из архива Льюиса Генри Моргана, стр. 327, 364, 365; A. W. Howitt. The native tribes of South-East Australia. London, 1904, p. 173, 174.

[21] E. B. Tylor. On a method of investigating the development of institutions: applied to laws of marriage and descent.— «Journal of the Royal Anthropological Institute of the Great Britain and Ireland» (далее — JRAI), XVIII, N 3, 1889; idem. The matriarhal family system.— «The Nineteenth Century», 40, 1896.

[22] W. H. R. Rivers On the origin of the classificatory system of relationships.— «Anthropological essays presented to Edward Burnett Tylor». Oxford, 1907.

[23] W. H. R. Rivers. Social organization. London, 1932, p. 60, 61.

[24] Idid., p. 66—67; W. H. R. Rivers. Kinship and social organization. London, 1914, p. 72—77 и др.

Из положения о том, что дуально-родовая организация могла быть единственным источником возникновения классификационной системы родства турано-ганованского типа, следовал обоснованный вывод не только о глубокой архаичности этой организации, но и об ее универсальном характере, ибо классификационная система родства несомненно представляет собой явление универсальное [25].

Начальная фаза дуально-родовой организации характеризовалась существованием группового брака, или, как называл его Риверс, «полового коммунизма» [26]. Единственной нормой, регулировавшей отношения полов, был запрет вступать в половые отношения внутри своего рода и соответственно предписание вступать в такие отношения с членами другого. Риверсом были приведены данные, убедительно свидетельствующие о том, что дуальная организация возникла в результате соединения двух ранее совершенно самостоятельных и чуждых друг другу коллективов. Вполне понятно, что до соединения указанная выше норма существовать никак не могла. А это может значить только, что до возникновения дуальной организации вообще не существовало никаких норм, регулирующих отношения полов, т. е. что в каждом из коллективов господствовал промискуитет. Однако сам Риверс такого вывода не делал. Он полагал, что дуальной организации, по-видимому, предшествовала индивидуальная семья, хотя абсолютно никаких данных в пользу этого предположения привести не мог.

Трудами Файсона, Тэйлора и Риверса было обосновано положение о том, что род возник непосредственно из человеческого объединения, в котором господствовал промискуитет, и что начальная стадия развития родового общества характеризовалась существованием систем, каждая из которых состояла из двух матрилинейных родов, связанных отношениями группового брака. Примкнул к этому взгляду и Дж. Фрезер, считавший, что дуальная организация появилась в результате разделения дородового промискуитетного коллектива [27].

Тот факт, что роду предшествовала одна стадия развития, а не несколько, в той или иной форме осознавался и целым рядом других ученых. Подобную мысль мы встречаем, в частности, в трудах М. М. Ковалевского, который считал, что на ранней стадии развития женщина неизбежно «должна была явиться яблоком раздора между членами одного и того же сообщества». «Но всякое сообщество, а в том числе и родовое, может держаться лишь под условием внутреннего мира — и этим обстоятельством объясняется, почему на разнообразнейших концах земного шара эта общая всем им причина повела к установлению системы эк-

[25] W. H. R. Rivers. The history of Melanesian society, vol. 2. Cambridge, 1914, p. 83.
[26] Ibid., p. 141—145.
[27] J. G. Frazer. Totemism and exogamy, vol. 4. London, 1910, p. 108—151.

зогамических браков»[28]. Ковалевский объяснял введение экзогамии (как и запрещение кровной мести внутри рода) стремлением устранить всякие поводы для столкновения между сородичами. «...Система экзогамных запретов,— указывал он,— устраняя возможность столкновения между членами рода из-за факта аппроприации женщин, необходимо вела к тому же последствию (что и запрет кровной мести внутри рода.— *Ю. С.*), т. е. к обращению рода в замиренную среду»[29]. «„Род", как мы понимаем его, — подводит он итог своим взглядам, — есть первобытное человеческое стадо, понемногу преобразовавшееся благодаря действию экзогамии и применению системы запретов или „табу" одинаково к бракам и к осуществлению кровной мести. Благодаря этому род становится очагом мира»[30].

Следует отметить, что если в «Первобытном праве» Ковалевский признавал промискуитет как начальную стадию в развитии брачных отношений, то в последующих работах он от этого отказался, признав лишь групповой брак. Вместе с тем Ковалевский не уделял внимания дуальной организации. Однако выдвинутая им концепция происхождения экзогамии получила в дальнейшем развитие.

В широко известном письме А. М. Горькому в ноябре 1913 г. В. И. Ленин, раскрывая сущность данного Горьким определения бога как комплекса идей, будящих и организующих социальные чувства, имеющих целью связать личность с обществом и обуздать зоологический индивидуализм, писал: «Почему это реакционно? Потому, что подкрашивает поповско-крепостническую идею «обуздания» зоологии. В действительности «зоологический индивидуализм» обуздала не идея бога, обуздало его и первобытное стадо и первобытная коммуна»[31]. Эту выдержку дополняет и помогает понять, во-первых, высказывание Ленина о первобытном родовом коммунизме в его рецензии на книгу А. Богданова «Краткий курс экономической науки»[32], во-вторых, одно из мест работы «Государство и революция», где он говорит о «примитивной организации стада обезьян, берущих палки, или первобытных людей, или людей, объединенных в клановые общества»[33]. Несомненно, что, говоря о первобытной коммуне, Ленин имел в виду род, родовую коммуну.

Бросается в глаза сходство ленинского высказывания с приведенными выше положениями Ковалевского. И оно, по-видимому, не случайно. Ленин, сдавший экстерном экзамены за

---

[28] М. М. Ковалевский. Первобытное право, вып. 1. М., 1886, стр. 111.

[29] М. М. Ковалевский. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом, вып. II. [СПб.], 1905, стр. 181.

[30] М. М. Ковалевский. Социология, т. II. СПб., 1910, стр. 106.

[31] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 48, стр. 232.

[32] Там же, т. 4, стр. 36.

[33] Там же, т. 33, стр. 10.

курс юридического факультета университета, не мог не быть знакомым с работами Ковалевского по первобытному праву.

Но вместе с тем ленинское понимание первобытного стада далеко не совпадает с тем, которого придерживался Ковалевский. У Ленина первобытное стадо совершенно отчетливо выступает как звено, связующее животный мир с человеческим обществом, а эпоха его существования и развития — как период обуздания зоологического индивидуализма нарождающимися социальными отношениями, т. е. борьбы социального и биологического, как период формирования человеческого общества. Следует в этой связи сказать, что и Морган рассматривал орду с промискуитетом как объединение, еще полуживотное-получеловеческое [34] и Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» характеризовал низшую ступень дикости как переходное от царства животных к человеческому обществу состояние [35], а в статье «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» писал о существовании периода формирования человека, являющегося одновременно периодом становления общества [36]. Но, в отличие и от Моргана, и от Энгельса, Ленин связал конец переходного периода, охарактеризованного им как эпоха первобытного стада, с возникновением родовой коммуны.

Некоторые советские авторы заявляют, что приведенное выше высказывание Ленина никакого отношения к проблеме становления человеческого общества не имеет и что поэтому совершенно неправомерно на него ссылаться при обсуждении этого вопроса [37]. Совершенно верно, что Ленин и Горький в переписке обсуждали вовсе не проблемы социогенеза, но столь же несомненно, что Ленин, рассматривая вопросы, далекие от первобытности, с целью прояснить их, высказал попутно и сложившиеся у него взгляды на начальную эпоху человечества. О том, что мы имеем дело не со случайным замечанием, а с выражением более или менее сложившейся системы взглядов, говорит повторение тех же положений в «Государстве и революции». Таким образом, ленинское высказывание выступает как широкое теоретическое обобщение выводов, к которым пришла к тому времени этнографическая наука в лице своих передовых представителей. Его совершенно невозможно обойти при рассмотрении истории вопроса уже потому, что оно оказало большое влияние на развитие учения о первобытности в советской науке.

---

[34] Л. Г. Морган. Указ. соч., стр. 234.

[35] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 29.

[36] Там же, т. 20, стр. 490.

[37] См. В. М. Бахта, Д. В. Гурьев, И. Ф. Кузнецов. Еще раз о книге Ю. И. Семенова.— «Вопросы философии», 1965, № 6, стр. 177, 178.

Вплоть до начала XX в. все концепции развития первобытного общества строились в основном лишь на этнографическом и фольклорном материале. С наступлением нынешнего столетия все в большей степени начинает привлекаться археологический, а в дальнейшем и палеоантропологический материал. Попытки наложения этнографического материала на археологический и антропологический привели в 20-е годы к созданию в советской науке целого ряда схем развития первобытного общества, характерной особенностью которых было обилие эпох, стадий, ступеней. В этих условиях обращение к ленинскому высказыванию помогло правильно осмыслить материал и четко отграничить эпоху становления человеческого общества от последующей эпохи развития уже сформировавшегося общества.

Одним из первых попытался сделать это В. К. Никольский. Охарактеризовав эпоху первобытного человеческого стада как период перехода от животного мира к первобытному коммунизму, он первый пришел к выводу, что она охватывала нижний и средний палеолит (иначе ранний палеолит) и закончилась с переходом к верхнему (позднему) палеолиту, когда возник человек современного физического типа. Но Никольский в соответствии с распространенными тогда взглядами считал, что на смену первобытному стаду пришел не род, а дородовая возрастно-полевая коммуна, лишь в дальнейшем превратившаяся в родовую [38]. Однако еще несколько ранее советскими археологами П. П. Ефименко и П. И. Борисковским было выдвинуто предположение, что род возник в начале позднего палеолита [39].

Следующий шаг связан с созданием советскими антропологами так называемой теории двух скачков в антропогенезе. Первый и наиболее важный из них — переход от стадии животных предшественников человека к стадии формирующихся людей, которыми были питекантропы (и другие сходные с ними формы) и неандертальцы. Второй скачок — происшедшая на грани раннего и позднего палеолита смена неандертальца Homo sapiens, т. е. уже сформировавшимся человеком. Первый скачок означает появление социальных закономерностей, второй — установление их безраздельного господства в жизни общества. Коллектив питекантропов и неандертальцев — первобытное стадо, уже не являвшееся чисто биологическим объединением. В то же время он — и не подлинное человеческое об-

---

[38] В. К. Никольский. Первобытно-коммунистическая формация.— В кн.: В. Д. Преображенский. Краткий очерк экономики докапиталистических формаций. М., 1933, стр. 28—29.

[39] П. П. Ефименко. Значение женщины в ориньякскую эпоху.— «Известия ГАИМК», т. XI, вып. 3-4, 1931; П. И. Борисковский. К вопросу о стадиальности в развитии верхнего палеолита.— Там же, т. XIV, вып. 4, 1932.

щество. Здесь еще действовали силы естественного отбора. Подлинно человеческое общество сложилось (причем сложилось в форме родового) лишь с появлением неоантропа. Один и другой переходы были начальным и конечным моментами того грандиозного скачка, которым явилась вся эпоха становления человека и общества в целом, скачка от биологического к социальному [40].

В дальнейшем советскими учеными был сделан еще один вывод, логически вытекавший из теории двух скачков, о том, что стадия первобытного стада не может рассматриваться как начальный этап первой общественно-экономической формации, противостоящий второму ее этапу — стадии родового общества. Период первобытного стада качественно отличается от всего последующего периода истории человечества, противостоит всему этому периоду в целом, а не только родовому обществу. История человечества, таким образом, прежде всего делится на два основных периода: историю первобытного человеческого стада (период становления общества) и историю человеческого общества (период развития сформировавшегося общества). Общественно-экономические формации являются формами существования сложившегося человеческого общества, стадиями его исторического развития. Первой общественно-экономической формацией является родовое общество [41].

Советскими учеными разрабатывалась также проблема начальной структуры родового общества. М. О. Косвеном было обращено особое внимание на существовавший у некоторых народов брачный порядок, при котором супруги жили раздельно. Он был выделен им под названием дислокального поселения [42]. Так в науку вошла проблема дислокального брака.

Целый ряд важных положений был выдвинут в работах С. П. Толстова, и прежде всего в его статье «Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен» [43]. В ней была более конкретно разработана высказанная Ковалевским мысль о том, что появление экзогамии было продиктовано необходимостью предотвращения столкновений внутри первоначального человеческого коллектива. Толстов поставил возникновение экзогамии впервые в связь с появлением и развитием половых и

---

[40] См. Я. Я. Рогинский. К вопросу о периодизации процесса человеческой эволюции.— «Антропологический журнал», 1936, № 3; он же. Проблема происхождения *Homo sapiens*.— «Успехи современной биологии», 1938, т. IX, вып. I; А. Н. Юзефович. Перерывы постепенности в эволюции человека.— «Природа», 1939, № 11.

[41] См. Ю. И. Семенов. Возникновение и основные этапы развития труда.— «Ученые записки Красноярского пед. ин-та», т. 6, 1956; В. Якимов. Антропогенез.— «Философская энциклопедия», т. I. М., 1960, стр. 75—77.

[42] М. О. Косвен. Вновь открытая форма брака.— «Сообщения ГАИМК», 1932, № 3-4, стр. 56, 57.

[43] С. П. Толстов. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен.— «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 9-10.

производственных табу, а происхождение последних объяснил как результат нарастания противоречий между беспорядочными половыми отношениями и потребностями развития производственной деятельности дородового коллектива. Тем самым впервые было детализировано и выдвинутое К. Д. Кавелиным, М. И. Кулишером и рядом других ученых положение о том, что в определенный период человеческой истории беспорядочные половые отношения были ограничены во времени [44]. Хотя конкретная картина становления экзогамии, нарисованная в статье, является более чем спорной, общие принципиальные положения по этому вопросу несомненно представляют теоретическую ценность. Заслуживает внимания сделанный Толстовым вывод о том, что в древнейшей истории человечества был период, когда мужчины и женщины жили раздельно и когда являвшийся групповым брак был соответственно и дислокальным, хотя вряд ли можно согласиться с положением о распаде дородового коллектива на два самостоятельных однополых: мужской и женский.

В дальнейшем тезис о дислокальности дуально-родового группового брака мы встречаем в одной из неопубликованных работ А. М. Золотарева [45] и в ряде трудов М. О. Косвена [46]. К сожалению, последний ограничился лишь самой общей формулировкой этого положения. Оно осталось у него совершенно неразработанным и неподкрепленным фактическим материалом и, видимо, поэтому прошло незамеченным.

Значительно больше внимания было уделено советскими этнографами проблеме дуальной организации. В трудах Золотарева и Толстова была раскрыта та огромная роль, которую она играла в жизни доклассового общества, и выявлен ряд ее важных особенностей [47].

Таковы вкратце основные вехи развития концепции первобытности, начало которой было положено трудами Бахофена, Мак-Леннана и Моргана.

Но это направление не было и не является единственно существующим. «Патриархальная» концепция первобытности, в борьбе с которой вызрело и оформилось рассмотренное выше направление, не исчезла после утверждения последнего. Вполне, однако, понятно, что эта концепция не могла не претерпеть

---

[44] К. Кавелин. Рец.: Быт русского народа. Соч. А. Терещенко. СПб., 1848.— Сочинения, ч. 4. М., 1859; М. И. Кулишер. Кавелин и русская этнография.— «Вестник Европы», 1885, № 8, стр. 657—665.

[45] А. М. Золотарев. Очерк истории родового строя (Рукопись, хранящаяся в архиве Института этнографии АН СССР).

[46] М. О. Косвен. Авункулат.— «Советская этнография», 1948; № 1; он же. Очерки истории первобытной культуры, М., 1957.

[47] А. М. Золотарев. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск, 1939; он же. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964; С. П. Толстов. Указ. соч.; он же. Древний Хорезм. М., 1948.

известной перестройки, что было прежде всего связано с необходимостью учета тех фактов, которые были установлены сторонниками нового учения о первобытности и которые явно не укладывались в рамки концепции. Но перестройка затронула лишь частности, детали, оставив в неприкосиовенности фуидамент.

«Неопатриархальная» концепция первобытности, представляя собой прямое и непосредственное продолжение классической «патриархальной» теории, в главном и основном столь же противоположна «моргановскому» направлению, как и ее предшественница. Если в «моргановской» концепции первобытности индивидуальный брак и малая семья выступают как продукт длительного предшествующего развития, исходным пунктом которого являлся промискуитет, уступивший место в дальнейшем групповому браку, то сторонники «неопатриархальной» концепции столь же категорически, как и их предшественники, отвергают промискуитет и групповой брак, решительно отстаивая тезис об изначальности индивидуального брака и семьи, состоящей из отца, матери и детей. Если Морган, а за ним Маркс и Энгельс рассматривали род как основную, фундаментальную ячейку общества, предшествовавшего классовому, то все сторонники «неопатриархальной» теории категорически отвергают это положение, а подавляющее большинство их не считает род универсальным явлением.

При изложении взглядов сторонников «неопатриархальной» теории принято утверждать, что за фундаментальную ячейку первобытного общества они принимают малую семью. Однако это утверждение нуждается в некотором уточнении. Его нельзя понимать так, будто малая семья обязательно рассматривается как вполне самостоятельная хозяйственная и социальная единица. Ничего подобного. Все они признают, что в эту эпоху малая семья всегда существовала в составе более крупных человеческих объединений, а многие из них считают также, что именно эти объединения, а не составляющие их малые семьи являлись основными хозяйственными и социальными единицами. Но для всех их малые семьи — это те первичные атомы, из которых в конечном счете всегда состоят хозяйственные молекулы первобытности.

Род не состоит и не может состоять из семей. Отсюда для сторонников «неопатриархального» направления неизбежно следует вывод, что он никогда не был и не мог быть хозяйственным объединением, производственным коллективом. Род рассматривается ими в основном лишь как институт, регулирующий брачные отношения. С этим связано и определенное решение вопроса об отношении между материнским и отцовским родом. Если для «морганоВского» направления существенно признание первоначальности материнского рода и более позд-

него характера отцовского, то для «неопатриархального» характерен взгляд на материнский и отцовский род как на явления, во всех отношениях совершенно равноценные, могущие существовать бок о бок и сменять друг друга.

Все главные черты «неопатриархального» направления нашли свое выражение уже в работах его основоположников — К. Н. Старке и Э. Вестермарка [48]. Что же касается последующей историографии, то вся она по существу свелась к бесконечному повторению в различных вариантах названных выше положений. Не имея возможности дать сколько-нибудь подробный обзор, остановимся лишь на двух работах. Одна из них — книга Г. Кунова [49]. Она интересна, во-первых, тем, что в ней нашло четкое выражение «экономическое» направление в «неопатриархальной» концепции, начало которому было положено еще в конце XIX — начале XX в. Э. Гроссе и Ф. Миллер-Лиэром [50], и, во-вторых, тем что в ней была предпринята попытка соединить «неопатриархальную» концепцию с марксизмом.

Другая — обобщающий труд крупного американского этнографа Д. Мердока «Социальная структура», успевший выдержать несколько изданий, первое из которых вышло в 1949 г., а последнее — в 1965 г.,— показательна, как последнее слово «неопатриархальной» концепции [51].

Первоначальной ячейкой общества была, по Кунову, орда, в которой господствовали беспорядочные половые отношения, проявлявшиеся в легкой расторжимости той формы союза мужчины и женщины, которую Кунов именовал «единичным браком» и сближал с «парным браком» Моргана [52]. Орда была эндогамной, но нехватка женщин имела следствием их похищение в других ордах, что в конце концов привело к возникновению экзогамии.

С появлением экзогамии возник патрилинейный тотемистический род, который в основном совпадал с ордой. К другому роду принадлежали лишь жены мужчин. Однако такой порядок допускал возможность браков детей сестер. Поэтому в ряде случаев принадлежность к роду стала считаться по матери, что, собственно, ничего не изменило в отношениях внутри семьи и орды. Женщина по-прежнему переходила в орду мужа и занимала в обществе подчиненное положение. Матрилинейный

---

[48] C. N. Starke. Die primitive Familie. København, 1886 (Русск. перев.: К. Н. Старке. Первобытная семья, ее возникновение и развитие. СПб., 1901); E. Westermark. The history of human marriage. Helsingfors, 1889.

[49] Г. Кунов. Марксова теория исторического процесса, общества и государства, т. II. М.—Л., 1930.

[50] E. Grosse. Die Formen der Familie und die Formen der Wirlschaft. Leipzig, 1896; F. Müller-Lyer. Formen der Ehe, der Familie und Verwandschaft. München, 1911.

[51] G. P. Murdock. Social structure. New York, 1965.

[52] Г. Кунов. Указ. соч., т. II, стр. 99.

род был организацией, регулирующей браки, а также своеобразной религиозной общиной. Никаких экономических функций он не имел [53].

В дальнейшем с переходом к оседлости из орды возникла деревенская община. Возникновение земледелия привело к матрилокальности брака и возникновению матриархальной семьи. В дальнейшем брак мог стать и дислокальным. С успехами хозяйственного развития муж снова становится главным кормильцем и собирателем семейного имущества, брак превращается в патрилокальный, а семья из матриархальной в патриархальную. Особенно наглядно это можно видеть на примере скотоводческих народов. И, наконец, с разложением родового строя на место патриархальной семьи приходит современная моногамная [54].

Работа Мердока начинается с утверждения о том, что основной и универсальной единицей человеческого общества является состоящая из мужа, жены и детей семья. Она выполняет такие жизненно необходимые функции, которые не могут быть переданы никакой другой организации [55]. Но семьи никогда не жили и не могли жить изолированно. Они всегда и везде входили в состав более крупных человеческих групп — общин (community). Как подчеркивает Мердок, семья и община суть единственные социальные группы, которые являются безусловно универсальными [56].

Виды общин разнообразны. У бродячих собирателей и охотников — это орда. С переходом к оседлости она чаще всего принимает форму деревни (village). Отличаются они друг от друга по своей внутренней структуре. Община может состоять только из родственников и свойственников. Особое место среди родственных общин занимает «клан».

Под «кланом» Мердок понимает такую общину, в которой либо все мужчины, либо, наоборот, все женщины связаны родством по одной линии и составляют ее ядро. Если ядро составляют мужчины, то мы имеем дело с «патрикланом» (реже с «авункулокланом»), если женщины, то с «матрикланом». Клан всегда представляет собой единый социальный организм с определенными коллективными функциями и коллективной деятельностью. Любой клан состоит из трех частей. Так, например, в «патриклане» можно выделить следующие группы: 1) мужчин, которые образуют его ядро (central core), 2) сестер и дочерей мужчин, которые со вступлением в брак покидают «клан», и 3) жен мужчин, которые приходят из других кланов. В том случае, когда обществом четко осознается, что

---

[53] Г. Кунов. Указ. соч., т. II, стр. 104—109, 118, 119.

[54] Там же, стр. 109—116.

[55] G. P. Murdock. Op. cit., p. 1, 2, 10.

[56] Ibid., p. 79.

родство по одной линии охватывает не только мужское ядро «клана», но и женщин, покидающих его после вступления в брак, то первая и вторая группы вместе образуют одну экзогамную унилинейную группу, которую Мердок называет «сибом»[57]. Нетрудно заметить, что этим термином он обозначает род.

Если «клан» имеет экономическую, политическую и военную функции, то «сиб», т. е. род, лишь религиозную, церемониальную, а также функцию регулирования брака и наследования. Говорить об одном из них как более раннем, а другом — т. е. родом, и «кланом», т. е. общиной, Мердок подчеркивает, что первый всегда возникает из второго. Из «патриклана» возникает «патрисиб», из «матриклана» — «матрисиб». В свою очередь клан возникает либо в результате разрастания большой семьи, либо в результате превращения ранее эндогамной родственной общины в экзогамную. Материнский и отцовский роды, по Мердоку, идентичны во всем, кроме счета происхождения. Говорить об одном из них как более раннем, а другом — как более позднем не имеет смысла. Гипотеза о том, что материнский род предшествовал отцовскому, не имеет под собой оснований. Они могут существовать параллельно, могут сменять друг друга в любом порядке, хотя переход от отцовского рода прямо к материнскому исключен, между тем и другим существует промежуточная фаза в виде билатерального объединения[59]. Нет никакого развития, происходят лишь изменения социальной структуры.

Работа Мердока, содержащая, кстати говоря, немало частных интересных обобщений и выводов, наглядно демонстрирует полное теоретическое бесплодие «патриархального» подхода к изучению первобытности и в его обновленном варианте. Более чем за 80 лет, прошедших с появления книги Старке, в общетеоретической области здесь не было сделано ни одного шага вперед. Однако это не помешало тому, что в последние годы некоторые советские этнографы, в частности Н. А. Бутинов и В. Р. Кабо, выступили с призывом отказаться от всех основных положений учения о первобытности, начало которому было положено трудами Бахофена и Моргана, как глубоко ошибочных и устаревших[60]. Выступление это вызвано рядом причин, причем не только субъективных, но и объективных.

Если сопоставить «Древнее общество» Моргана с «Материнским правом» Бахофена, то бросается в глаза, что шаг вперед, сделанный Морганом по сравнению с Бахофеном, состоял

---

[57] Ibid., p. 65—78.

[58] Ibid., p. 73.

[59] Ibid., p. 45, 183—190.

[60] Н. А. Бутинов. Письмо в редакцию. См. также работы Н. А. Бутинова и В. Р. Кабо, опубликованные в настоящем сборнике.

не только и не просто в том, что он решил несколько важных вопросов, нерешенных Бахофеном, выдвинул ряд новых положений, отбросив некоторые заключения Бахофена, а в том, что он создал новую целостную концепцию первобытности, отличную от предложенной Бахофеном, отрицающую и в то же время развивающую ее.

Несколько иначе обстоит дело с последователями Моргана. Л. Файсон, Э. Тэйлор, В. Риверс решили отдельные, теоретические проблемы и отбросили ряд морганов ских положений. Но ни один из них не смог создать новой целостной концепции первобытности, которая органически сочетала бы в себе все ценное в учении Моргана с новыми теоретическими выводами. Не создали такую концепцию и советские исследователи первобытности. Ценнейшие положения общетеоретического характера, имевшиеся в работах Толстова, Золотарева, Коэвена, не были в достаточной степени разработаны и сведены воедино, что объясняется общим положением в советской науке в 30-е и 40-е годы. Все положения Моргана, с которыми был согласен Энгельс, рассматривались как абсолютно истинные и не подлежащие обсуждению. В такой обстановке трудно было не только выступить с новыми теоретическими положениями, но и учесть прежние достижения научной мысли, если они предполагали отказ от тех или иных взглядов Моргана. Так, например, несмотря на то, что положение Моргана о существовании в прошлом человечества кровнородственной семьи было убедительно опровергнуто Риверсом еще в 1907 г., вплоть до сравнительно недавнего времени оно излагалось в большинстве работ по первобытности как абсолютно достоверное.

Учение Моргана и сейчас является единственной целостной концепцией первобытности. А между тем оно несомненно устарело. Наукой накоплено огромное количество фактических данных, которые не могли быть известны Моргану и учтены им. Имеются факты, которые не только не укладываются в рамки концепции Моргана, но и находятся в противоречии с целым рядом его выводов. Таковы, например, факты существования отцовского рода у народов, у которых частной собственности не существовало (австралийцы), и материнского рода у народов, стоявших на пороге классового общества или даже уже перешагнувших его (минангкабау, ашанти и др.). Все эти и им подобные противоречия невозможно устранить путем внесения поправок в учение Моргана. К настоящему времени настоятельной необходимостью стало создание новой целостной теории первобытности, которая бы согласовалась со всем имеющимся фактическим материалом. В выступлении названных выше этнографов как раз и нашла свое выражение потребность в создании такой концепции. Однако, к сожалению, эта потребность была осознана ими как необходимость отвергнуть

основные идеи Моргана. Тем самым они перешли на позиции «неопатриархальной» теории, в результате чего неизбежно обрекли себя на повторение в новой форме давно уже известных положений.

Создание новой целостной концепции первобытности и тем самым отказ от учения Моргана являются необходимостью. Но нужна, по нашему мнению, такая общая теория первобытности, которая вобрала бы в себя, с одной стороны, все основное содержание учения Моргана, а с другой — все последующие достижения теоретической мысли в области науки о первобытности, не исключая и частных обобщений, встречающихся в работах сторонников «неопатриархальной» теории. Новая теория должна базироваться на всем имеющемся в распоряжении науки фактическом материале и представлять результат его обобщения с позиций диалектического и исторического материализма.

Вполне понятно, что здание новой общей теории первобытности может быть построено только коллективными усилиями ученых многих специальностей. В настоящей работе предпринимается попытка наметить подход к решению одной из частных задач, связанных с созданием новой теории первобытности,— вопроса о начальной стадии родового общества.

2. СУЩНОСТЬ РОДА И РОДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Как уже указывалось, совместными усилиями советских археологов, антропологов и этнографов удалось отграничить период становления человека и человеческого общества от периода развития сформировавшегося человеческого общества. В настоящее время можно считать окончательно доказанным, что процесс формирования человека и общества завершился на грани раннего и позднего палеолита, что начиная с этого момента мы имеем дело с уже сформировавшимся человеком и сформировавшимся обществом. Но тем самым окончательно доказанным можно считать и выдвинутое П. П. Ефименко и П. И. Борисковским положение о возникновении на грани раннего и позднего палеолита родовой организации. Так как сейчас некоторые советские исследователи, в частности Н. А. Бутинов и В. Р. Кабо, выступили с критикой этого положения, объявив его совершенно ничем не обоснованным, то на этом вопросе надо остановиться подробнее.

На наш взгляд, нет нужды доказывать универсальное распространение в прошлом родовой организации и соответственно экзогамии, состоящей, как известно, в полном запрете половых отношений между людьми, принадлежащими к одному роду. На протяжении всего времени существования родового общества экзогамное табу было основным и фундаментальным прин-

ципом поведения его членов, соблюдение которого было абсолютно обязательно для всех. Нарушение экзогамного запрета рассматривалось людьми родового общества как такое действие, которое неизбежно каким-то таинственным образом должно навлечь на весь человеческий коллектив неведомую, но грозную опасность. Поэтому оно единодушно расценивалось как самое страшное из всех преступлений против общества, против коллектива и сурово каралось. Обычным наказанием за нарушение экзогамии была смерть [61].

Короче говоря, на всех этапах развития родового общества экзогамное табу рассматривалось как средство нейтрализации какой-то неведомой и поэтому особенно страшной опасности, нависшей над человеческими коллективами и угрожавшей самому их существованию. Однако в действительности на всех этапах родового общества нарушение экзогамии никакой реальной опасности ни для коллектива, ни для индивидов не представляло и не могло представлять. И здесь возможно два предположения. Первое из них состоит в том, что опасности, которую призвана была нейтрализовать экзогамия, в действительности никогда не существовало. Экзогамия возникла как средство обезвреживания никогда не существовавшей, мнимой опасности. Корни экзогамии были лишь в сознании первобытного человека, в его фантазии, экзогамное табу — всего лишь навсего результат суеверия.

Второе предположение состоит в том, что опасность, которую должна была нейтрализовать экзогамия, существовала в действительности. Она существовала до появления экзогамии и была нейтрализована с ее возникновением, причем полностью и окончательно. Однако эта опасность была в период, предшествовавший возникновению экзогамии (и соответственно рода), столь велика, что страх перед ней, перед ее возвращением продолжал сохраняться в сознании людей и спустя много тысячелетий после того, как она в действительности полностью исчезла. Много тысяч лет над людьми родового общества тяготел кошмар давно исчезнувших поколений.

Из этих двух предположений признать основательным можно только второе. Опасность, которую призвана была нейтрализовать экзогамия, действительно существовала, причем в период, предшествовавший ее появлению, т. е. в дородовую эпоху истории человечества. Ключ к пониманию истинной природы этой

[61] L. Fison and A. W. Howitt. Op. cit., p. 63—66; B. Spencer and F. J. Gillen. The native tribes of Central Australia. London, 1899, p. 100; G. Brown. Melanesian and Polynesian. London, 1910, p. 28; M. E. Durham. High Albania and its custom in 1908.— «Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland» (далее — до 1899 г. JAI, позже JRAI), XL, 1910, p. 458; J. Roscoe. The Baganda, London, 1911, p. 262. J. G. Frazer. Op. cit., p. 157; H. Powdermaker. Life in Lesu. London, 1933, p. 266; B. Malinowski. The sexual life of savages in North-Western Melanesia. London, 1948, p. 389, 424, 425 etc.

когда-то грозной опасности дает выявление сущности процесса становления человеческого общества.

Исходным пунктом процесса социогенеза было чисто зоологическое объединение, состоявшее из существ, поведение которых определялось инстинктами, т. е. существ чисто биологических, — объединение, в котором безраздельно господствовал зоологический индивидуализм. Возникшая в недрах этого объединения производственная деятельность на определенном этапе неизбежно пришла в непримиримое противоречие с существовавшими в нем биологическими отношениями, неизбежно потребовала возникновения качественно иных форм связей между производящими существами — связей производственных, социальных, потребовала подавления и обуздания зоологического индивидуализма.

Формирование человеческого общества было прежде всего процессом борьбы зарождавшегося социального с отступавшим биологическим, процессом обуздания зоологического индивидуализма становящимися производственными отношениями и формировавшейся как их отражение коллективной волей, т. е. моралью. На протяжении всего этого периода зоологический индивидуализм представлял реальную и притом огромную опасность и мог привести первобытное человеческое стадо к гибели; во всяком случае он значительно ослаблял человеческий коллектив, делал его гораздо менее способным к производственной и иной хозяйственной деятельности и тем самым к борьбе за существование.

На протяжении всего периода становления человеческого общества существовала объективная, производственная по своему источнику необходимость постоянного, все более прочного и полного подавления зоологического индивидуализма. Эта экономическая необходимость, проявляясь во всей практической деятельности формирующихся людей, вбивала им в голову непоколебимое убеждение, что совершение определенных действий грозит гибелью и им, и стаду и что единственным средством избежать опасность является отказ от этих действий. В результате у формирующихся людей вырабатывался страх перед совершением определенных действий как ими, так и другими членами стада и ненависть по отношению к тем, кто совершением подобных действий навлекал опасность на коллектив. Таким образом, практика формирующихся людей по обузданию зоологического индивидуализма, миллиарды раз повторяясь, закреплялась в их сознании в форме табу — первых моральных норм. В форме табу формирующиеся люди осознали одновременно и опасность, грозившую им со стороны зоологического индивидуализма, и объективную необходимость его постоянного обуздания [62].

[62] Обо всем этом подробнее см.; Ю. И. Семенов. Возникновение человеческого общества. Красноярск, 1962; он же. Как возникло человечество. М., 1966.

Становление человеческого общества завершилось тогда, когда был окончательно обуздан зоологический индивидуализм, когда старые биологические факторы поведения — инстинкты — были полностью подчинены новым факторам — производственным отношениям, были полностью поставлены под их контроль. Завершение обуздания зоологического индивидуализма было следствием и показателем того, что производственные отношения окончательно вызрели и оформились и стали единственной основой человеческих объединений. С этого момента первобытное человеческое стадо, бывшее биосоциальным организмом, превратилось в подлинно социальный организм, а его члены, бывшие лишь формирующимися людьми,— в подлинно социальных существ.

Выше мы выяснили, что экзогамия возникла как средство нейтрализации какой-то большой опасности, угрожавшей человеческому коллективу и его членам в дородовую эпоху, причем опасности, связанной с половыми отношениями членов коллектива, т. е. с проявлением одного из биологических инстинктов — полового. Теоретический анализ происходившего в дородовую эпоху процесса социогенеза показывает, что сущность его состояла в подавлении биологических инстинктов как факторов поведения, в обуздании зоологического индивидуализма, представлявшего реальную опасность для формирующегося общества и формирующихся людей.

Это заключение неизбежно приводит к выводу, что опасностью, которая исчезла с возникновением экзогамии, был зоологический индивидуализм. Значит, возникновение экзогамии совпадает с завершением становления человеческого общества. Время завершения становления общества известно: грань между ранним и поздним палеолитом. К этому времени и относится, следовательно, возникновение экзогамии и рода.

Экзогамное табу есть несомненно обуздание, но не зоологического индивидуализма вообще, а проявления одного из биологических инстинктов — полового. Однако именно экзогамное табу безусловно явилось самым фундаментальным и самым стойким из всех запретов, существовавших в родовом обществе, именно экзогамия наложила свой отпечаток на всю структуру родового общества. Все это может значить только одно: неограниченное проявление полового инстинкта было наибольшим препятствием для развития производственной деятельности и наибольшей опасностью для существования первобытного стада. Отсюда следует, что обуздание зоологического индивидуализма прежде всего выражалось в ограничении и подавлении полового инстинкта. Взгляд на него как на самый разрушительный и антиобщественный из всех инстинктов, ограничение и подавление которого является необходимым условием существования

общества, не нов. Его придерживались многие исследователи [63].

Половые отношения между членами первобытного человеческого объединения могли представлять реальную и притом значительную опасность для него лишь в том случае, если они носили неорганизованный, неупорядоченный характер. Возникновение экзогамии необходимо предполагает существование до него промискуитета. Роду непосредственно предшествовало промискуитетное первобытное стадо.

О существовании в дородовую эпоху промискуитета говорит не только возникновение экзогамии. Универсальное распространение в прошлом человечества имели праздники, во время которых снимались все брачные ограничения и половые отношения принимали совершенно беспорядочный характер [64]. Если теперь принять во внимание имевшие столь же универсальное распространение половые производственные табу — запреты половых отношений в период напряженной производственной деятельности (охота, рыбная ловля и т. п.) и подготовки к ней, то все эти данные, вместе взятые, говорят о существовании в период, непосредственно предшествовавший возникновению экзогамии, не просто промискуитета, а ограниченного во времени промискуитета [65].

Переход к ограниченному во времени промискуитету был связан с тем, что производство, развиваясь, неизбежно достигло уровня, который был несовместим с существованием в первобытном стаде ничем не ограниченного промискуитета. К этому времени формирующиеся социальные отношения настолько окрепли, что могли частично вытеснить из жизни коллектива мешавшие развитию производства беспорядочные половые отношения, превратив их из постоянно существующих в периодически возникающие. Жизнь первобытного стада на втором этапе состояла из чередования периодов напряженной хозяйственной деятельности, являвшихся временем действия половых табу, и свободных от хозяйственной деятельности периодов промискуитетных оргиастических праздников.

Породившая половые производственные табу производственная деятельность, развиваясь, предполагала и требовала непрерывного расширения сферы их действия, освобождения все бо́льших периодов времени от продолжавших оставаться беспорядочными половых отношений. Дальнейшая эволюция первобытного стада после возникновения половых производственных табу прежде всего состояла в том, что в результате прогресса производственной деятельности формирующиеся социальные, производственные отношения все в большей и большей степени вытес-

[63] Сводку литературы см.: Ю. И. Семенов. Как возникло человечество, стр. 283.

[64] Сводку материалов и литературы см. там же, стр. 295—301.

[65] Сводку материалов и литературы см. там же, стр. 285—294, 301.

няли половые, детопроизводственные, биологические из коллектива. Но полное вытеснение половых отношений из коллектива было невозможно без установления таких отношений между членами разных первобытных стад, т. е. без превращения вытесняемых связей по детопроизводству из внутриколлективных в междуколлективные. И такое превращение произошло. Возникли системы, состоящие из двух стад, члены которых постоянно вступали между собой в половые отношения,— дуально-стадные организации. Появившаяся с их возникновением возможность полного вытеснения половых отношений из коллектива сравнительно быстро реализовалась. В результате каждое из первобытных стад стало экзогамным коллективом, т. е. родом, а дуально-стадная организация соответственно превратилась в дуально-родовую [66].

Прежде всего следует обратить внимание на полное совпадение в ту эпоху рода с хозяйственной ячейкой, с производственным коллективом, а тем самым, естественно, и с локальной группой. Род был производственным коллективом. Хозяйственный коллектив был экзогамным, т. е. был родом. Члены каждого рода, каждого производственного коллектива могли вступать в половые отношения только с людьми, принадлежащими к другой хозяйственной ячейке, другому роду, образовывавшему вместе с первым одну дуально-родовую организацию. Иначе говоря, на заре родового общества отношения по произвоству материальных благ, с одной стороны, и отношения по детопроизводству, с другой — взаимно исключали друг друга. Такие выводы неизбежно вытекают из изложенной выше концепции появления экзогамии, согласно которой род возник, когда социальные, производственные отношения одержали окончательную победу над половыми, биологическими и полностью вытеснили последние из человеческого коллектива. Завершение процесса вытеснения половых отношений производственными, социальными из коллектива, т. е. возникновение экзогамии, было одновременно и завершением процесса формирования социальных, производственных отношений, ставших единственным регулятором поведения его членов, определявшим, в частности, и их половые отношения. Когда производственные отношения окончательно оформились и стали базисом человеческого объединения, тогда возникло подлинное человеческое общество. Таким образом, сущность рода состоит в том, что он был первым человеческим объединением, всех членов которого связывали лишь социальные узы, в основе которого лежали социальные отношения, первым подлинно социальным организмом, первой формой бытия сформировавшегося человеческого общества. Соответственно родовые отношения представляют собой не что иное, как первую форму чисто социальных связей,

[66] Литературу вопроса см.: Ю. И. Семенов. Как возникло человечество, стр. 462—509.

первый тип сформировавшихся производственных, социально-экономических отношений.

Однако многих исследователей затрудняет понимание сущности рода и родовых отношений. И этому есть серьезные причины. Сущность родовых производственных отношений во многом затемняет такой их характерный признак, как экзогамия. Родовые отношения не просто коллективистские производственные отношения, а такие, которые полностью исключают существование в производственном коллективе половых, детопроизводственных связей. Родовые отношения есть такие производственные отношения, которые одновременно являются и отношениями, регулирующими связи между полами, связи по детопроизводству. И вторая их сторона выступает обычно на первый план, маскируя, скрывая первую, являющуюся главной и основной. И это вполне естественно. То обстоятельство, что производственные отношения могли формироваться, лишь обуздывая зоологический индивидуализм вообще, проявление полового инстинкта прежде всего, неизбежно должно было наложить свой глубокий отпечаток на их первую форму. В результате всего этого они внешне выступали не столько как производственные отношения, в чем состояла их сущность, сколько как отношения, обуздавшие, поставившие под свой контроль зоологические отношения вообще, половые в первую очередь,— не столько как производственные отношения, сколько как экзогамные. Вторая сторона их тем более бросается в глаза, что она нашла свое необычайно яркое отражение в общественном сознании в виде экзогамного табу.

К этому следует добавить, что родовые отношения в своей первоначальной форме не сохранились ни у одного из народов, известных науке. Даже более того, у значительного числа этнических групп, у которых мы находим род, последний давно уже перестал быть производственным коллективом. Соответственно родовые связи как отношения производственные, материальные у этих народов давно уже исчезли, они сохранились в основном лишь как отношения, регулирующие брак. Чтобы понять природу родовых отношений на самом позднем этапе их существования, нужно обратиться к вопросу о том, как определялась принадлежность человека к роду.

На заре родового общества круг лиц, между которыми были воспрещены половые отношения, определялся просто, ибо род полностью совпадал с производственным коллективом и тем самым с территориальной группой. Все члены хозяйственной ячейки были сородичами. Столь же просто определялась и принадлежность человека к тому или иному роду. Он мог принадлежать лишь к тому хозяйственному коллективу, в котором родился, и ни к какому другому. Вполне понятно, что этим коллективом ни в коем случае не мог быть род отца. Им мог быть только род матери. Человек неизбежно должен был принадлежать к

тому же коллективу, к которому принадлежала его мать. Первоначальный род практически был материнским и не мог быть иным, но это обстоятельство не осознавалось и не имело никакого общественного значения. Формой осознания единства человеческого коллектива и тем самым его отличия от всех остальных таких групп продолжал оставаться возникший еще в первобытном человеческом стаде тотемизм [67]. Дальнейшему упрочению единства всех членов коллектива и их отличия от членов остальных групп способствовало появление экзогамного запрета. Единство рода было осознано как общность людей, имеющих один тотем и соответственно одну «плоть» и одну «кровь» и в силу этого не могущих вступать друг с другом в половые отношения. Первоначальный род был тотемистическим.

Человек являлся членом рода в силу одного лишь факта рождения в данном хозяйственном коллективе. Тотемом человека, родившегося в данном коллективе, автоматически становился тотем коллектива. В такой форме осознавалась реальная принадлежность человека к коллективу. Он считался принадлежащим к нему в силу того, что имел тот же тотем, что и все остальные члены коллектива. Тот факт, что к этому же роду принадлежала его мать, не имел никакого общественного значения. Никакого вообще счета происхождения, ни материнского, ни тем более отцовского, в ту эпоху не существовало, ибо в этом не было никакой практической нужды.

Положение изменилось, когда род как производственный коллектив постепенно исчез, а экзогамный запрет остался существовать. Сохранение экзогамного табу предполагало и требовало отделения людей, половые отношения между которыми были воспрещены, от тех, с которыми они могли вступать в такие отношения, т. е. отделения сородичей от чужеродцев. Старый принцип, в основе которого лежало совпадение рода с производственным коллективом, не годился. Члены одного и того же рода могли входить в состав разных хозяйственных коллективов, сами хозяйственные организмы могли включать в свой состав членов разных родов. Потребовался специальный счет принадлежности к роду. И он возник в форме счета происхождения, счета родства.

Так как мать и отец человека никогда не могли принадлежать к одному роду, пока тот оставался настоящим родом, то счет родства мог быть только унилинейным. Принадлежность к роду могла считаться либо только по матери, либо только по отцу. Род должен был стать либо матрилинейным, либо патрилинейным. Вполне понятно, что счет происхождения, счет родства был явлением чисто надстроечным, чисто идеологическим. Чисто надстроечным явлением стала постепенно принадлежность

---

[67] См. Ю. И. Семенов. Как возникло человечество, стр. 319—346, 414—448.

к роду; чисто надстроечными, идеологическими стали постепенно родовые отношения, сам род.

Как мы видим, процесс постепенного исчезновения рода как экономической, производственной ячейки был одновременно процессом столь же постепенного становления рода как надстроечного объединения. Процесс постепенного исчезновения родовых производственных отношений был одновременно процессом их «замещения» возникавшими идеологическими родовыми отношениями, за которыми сохранилась одна из функций первых — регулирование брачных отношений. Таким образом, на самом позднем этапе своего существования родовые связи есть чисто надстроечные, идеологические отношения, важнейшей функцией которых является регулирование брака.

Установление этого факта привело некоторых исследователей к выводу, что родовые отношения всегда были лишь идеологическими и всегда имели своей основной и главной функцией регулирование брака. Естественно, что такой вывод закрыл для них дорогу к пониманию родовых отношений в том их виде, в котором они возникли, к пониманию самой сущности родового общества.

Другие ученые не могли не заметить, что родовые отношения невозможно свести только к идеологическим, что по крайней мере на определенном этапе они носили материальный характер. И это привело их к трактовке родовых отношений как кровнородственных. Однако согласиться с таким их пониманием, на наш взгляд, нельзя. Кровнородственные связи не возникли в какой-либо определенный период истории человечества, а были унаследованы людьми от своих животных предков. Они существуют и сейчас, причем в таком же виде, как и тысячелетия назад. Кровнородственные связи есть связи биологические, естественные. Что же касается родовых отношений, то они возникли на определенном этапе развития человечества, просуществовали определенное время и исчезли. Они суть явление чисто общественное, чисто социальное.

Различие кровнородственных и родовых отношений в высшей степени наглядно проявляется в том, что, с одной стороны, самые ближайшие кровные родственники (отец и его дети при материнском счете происхождения, мать и дети — при отцовском счете) не являются сородичами, а с другой — многие несомненные сородичи не в состоянии установить существование между собой каких-либо кровнородственных связей. Родство и, так сказать, «родовство», т. е. принадлежность к роду, не только полностью не совпадают, но даже и не накладываются полностью друг на друга. В этой связи в применении к роду было бы лучше говорить не о счете родства, а о счете родовства.

Род очень часто характеризуют как коллектив, покоящийся на узах кровного родства. На наш взгляд, такая его характери-

стика является неточной. Можно, конечно, с большой долей уверенности утверждать, что все члены первоначального рода состояли в родстве друг с другом. Но связывало их отнюдь не родство, а производство. Родовые связи были связями экономическими, производственными. И тотемизм был отражением не кровнородственных отношений, а производственных, был отражением в иллюзорной форме экономического единства человеческого коллектива. Что же касается кровного родства, то оно на данном этапе ни в какой форме не осознавалось и не имело общественного значения. Не покоился род на узах кровного родства и в дальнейшем. Родовые отношения на разных этапах представляли собой далеко не одно и то же: первоначальные были материальными, социально-экономическими, самые поздние — чисто идеологическими, но на всех стадиях они были социальными и никогда биологическими, естественными, какими являются кровнородственные связи.

И сказанное выше относится не только к роду. Вообще, на наш взгляд, следует отказаться от манеры характеризовать ту или иную группу людей как связанную воедино кровным родством. Кровное родство само по себе никогда не связывает и не может связывать. Даже мать и ребенка, которого она кормит грудью, связывает не само по себе кровное родство, а материнский инстинкт и общественные отношения. Связывать людей в прочные объединения могут только реальные общественные связи и прежде всего, хотя и не исключительно, экономические.

В случае, когда они связывают лишь родственников, эти реальные общественные узы могут быть осознаны людьми как кровнородственные. Над связавшими людей воедино материальными отношениями возникает целая надстройка идеологических отношений, которая воспринимается людьми либо как надстройка над кровнородственными отношениями, либо принимается за сами эти отношения. Возникнув, эта надстройка приобретает самостоятельность по отношению к породившим ее социальным узам и может определенное время сохраняться и после исчезновения последних. В таком случае иллюзия, что людей связывают именно кровнородственные узы и никакие другие, проявляется с особой силой, причем в представлениях не только самих действующих лиц, но и исследователей.

Но если все рассмотренные выше трактовки родовых отношений имеют под собой определенную основу, то этого нельзя сказать об еще одной, появившейся в самое последнее время. Мы имеем в виду ту, которая нашла сторонников в лице В. М. Бахты, Д. В. Гурьева и И. Ф. Кузнецова [68].

Согласно их точке зрения, родовые отношения, которые они резко противопоставляют производственным, экономическим,

[68] См. В. М. Бахта, Д. В. Гурьев, И. Ф. Кузнецов. Указ. соч., стр. 175—180.

есть связи по детопроизводству или, что, по их мнению, полностью то же самое, кровнородственные связи. Нет нужды доказывать, что связи детопроизводственные и кровнородственные далеко не совпадают друг с другом. Достаточно вспомнить хотя бы тот неоспоримый факт, что кровнородственные связи существуют и между лицами одного пола. И тем не менее авторы настаивают на такой точке зрения [69].

Являясь в их представлении одновременно и связями по детопроизводству, и связями кровнородственными, родовые отношения выступают в их статье не столько как вторые, сколько как первые. Мы выше уже показали ошибочность взгляда на родовые отношения как на кровнородственные. Но взгляд на родовые отношения как на детопроизводственные основан прямо-таки на недоразумении. Ведь родовые отношения есть такие, которые исключают внутри связанной ими группы людей отношения половые, отношения по детопроизводству.

Но, может быть, авторы, говоря о детопроизводстве, включают сюда и вскармливание ребенка, его воспитание и т. п.? Может быть, этим и объясняется тот факт, что чаще всего пользуясь термином «детопроизводство», они как его синоним употребляют выражение «производство человека», смысл которого довольно неопределенен. Оно может употребляться в том же значении, что слово «детопроизводство», подразумевающее действия людей, завершающиеся появлением детей. Оно может употребляться и в значительно более широком смысле.

Первоначальный род, как мы видели, был хозяйственным организмом. Одновременно он был и ячейкой по вскармливанию и воспитанию людей. В этом смысле родовые отношения, хотя они и не были связями по детопроизводству, могут быть названы и отношения по производству человека. Может быть, именно это и имеют в виду авторы этой статьи? Оказывается, вовсе нет. Ведь, по их мнению, род никогда не был хозяйственной ячейкой. Ею была состоявшая из семей община [70]. Именно в семье и общине дети рождались, вскармливались и воспитывались. Если бы авторы статьи были последовательны, то они должны были бы рассматривать как связи по производству человека отношения внутри семьи и общины, которые, как они сами утверждают, не совпадали и ни в коем случае не могли совпадать с родовыми.

Неверное понимание природы родовых отношений неизбежно привело авторов к ошибочному взгляду на доклассовое общество в целом и на его историю. В. М. Бахта, Д. В. Гурьев и И. Ф. Кузнецов, с одной стороны, не могли не заметить, что родовые отношения в определенный период составляли фундамент, основу общества, с другой — они находились в плену своего представления

---

[69] Там же, стр. 175, 176.

[70] Там же, стр 176.

о них как об отличных от экоиомических, производственных. Так родилась концепция, согласно которой вплоть до возникновения классов базис общества образовывали не производственные, социально-экономические отношения, как в последующие эпохи всемирной истории, а отношения по детопроизводству, они же кровнородственные. Что же касается производственных отношений, то они в течение всего этого времени лишь оказывали влияние на имевшую своей основой детопроизводственные (кровнородственные) отношения структуру общества, а основой ее стали лишь после возникновения классов [71].

В основе этой концепции лежит непонимание роли производства как фактора, обусловившего появление человека и человеческого общества. Уже на определенном этапе развития первобытного стада производственные отношения стали доминировать над биологическими. Возникновение же рода означало, что они стали единственной основой человеческого коллектива и что тем самым возникло подлинное человеческое общество. И биологизаторский характер рассматриваемой концепции ни в малейшей степени не меняет оговорка, что в процессе развития «биологические связи по размножению превратились в социальные отношения по детопроизводству» [72]. Прежде всего, биологические связи никогда не могут превратиться в социальные. Половые отношения и в человеческом обществе остаются биологическими. Другое дело, что у людей отношения между полами не сводятся только к биологическим. Последние поставлены в определенные социальные рамки, социально организованны. В человеческом обществе кроме биологических отношений по детопроизводству существуют еще и социальные. Но социальные отношения по детопроизводству, представляющие собой не что иное, как социальную организацию остающихся биологическими половых отношений, никогда не составляли и не могли составлять базиса человеческого общества. Базис подлинного человеческого общества всегда составляли производственные, социально-экономические отношения, первым типом которых и были родовые.

Рассмотрим теперь, что из себя представляли родовые отношения именно как производственные, а не как отношения, исключающие половые связи между людьми, которых они объединяют.

3. ПЕРВОБЫТНЫЙ РОДОВОЙ КОММУНАЛИЗМ

Общепризнанно, что производственные отношения есть прежде всего отношения собственности на средства производства. Чтобы выявить характер производственных отношений, рекомендуется прежде всего выяснить, кому принадлежат средства производства. Начнем с орудий труда.

---

[71] См. В. М. Бахта, Д. В. Гурьев, И. Ф. Кузнецов. Указ. соч., стр. 175—180.

[72] Там же.

Как показывают многочисленные данные, даже на довольно позднем этапе развития родового общества выделка орудий труда всегда совершалась одним человеком. Процесс выделки орудий от начала до конца в технологическом отношении носил индивидуальный характер. Такой же характер носил в технологическом отношении и процесс их использования. Для приведения в действие того или иного орудия всегда достаточно было усилий одного человека [73]. Нет никаких оснований полагать, что в эпоху раннего палеолита дело обстояло иначе.

Человек, как правило, сам выделывал орудия и сам ими пользовался. Отсюда, казалось бы, само собой напрашивается вывод, что именно он и был собственником этого орудия. К такому выводу и пришли многие ученые, как зарубежные, так и советские. Отличие между первыми и вторыми состоит лишь в том, что зарубежные ученые, как правило, характеризуют эту собственность как частную или просто индивидуальную, а советские — как личную [74].

Орудия труда родового общества в силу своих технических особенностей могли использоваться человеком лишь индивидуально. Но это отнюдь не значит, что он обязательно трудился в одиночку. В определенных условиях достижение желаемых результатов было невозможно без объединения усилий определенного числа людей. Так, например, охота на крупных и опасных животных почти всегда носила совместный, групповой характер.

Следует заметить, что очень часто этнографы на основании только того, что определенное число людей трудится совместно, делают вывод, что мы имеем дело с коллективистским трудом и тем самым с коллективистскими производственными отношениями. Однако дело тут обстоит гораздо сложнее. Факт существования кооперации труда, взятый сам по себе, еще ничего не говорит о характере социально-экономических отношений. Участвующие совместно в трудовом процессе действительно могут быть членами коллектива, но они могут также быть самостоятельными мелкими хозяевами, временно объединившимися для решения задачи, которая не под силу каждому в одиночку, могут быть людьми, работающими на эксплуататора, и т. п.

Так, например, у эскимосов Аляски охота на китов всегда носила совместный характер. Охотились на них группами в 8—10 человек, каждая из которых составляла экипаж большой

---

[73] См. А. Левин-Дорш и Г. Куиов. Первобытная техника. М.—Пг., [б. г.], стр. 284, 285; В. М. Бахта. Производительные силы папуасов залива Астролябия.— «Труды Института этнографии», т. 38, 1957, стр. 215—222; В. Р. Кабо. Каменные орудия австралийцев.— «Труды Института этнографии», т. 80, 1962, стр. 28—41 и сл.

[74] См. В. М. Бахта. Указ. соч., стр. 247; А. И. Першиц. Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории.— «Труды Института этнографии», т. 54, 1960, стр. 159, 160; В. Р. Кабо. Указ. соч., стр. 41, 74—77 и сл.

лодки — умиака. Но хотя организация труда носила во всех случаях примерно один и тот же характер, социально-экономические отношения были далеко не одинаковыми. В более раннее время умиак был собственностью коллектива и добыча соответственно распределялась между всеми его членами, в более позднее — умиак нередко принадлежал уже одному человеку, в собственность которого и поступала добыча. Часть ее он распределял между членами команды (гребцами и гарпунщиком) в качестве своеобразной натуральной «заработной платы», а остальное брал себе[75]. На этом примере можно наглядно видеть, как с одной и той же организацией труда могут сочетаться разные социально-экономические, производственные отношения.

Все это делает настоятельно необходимым строгое различение отношений организационно-трудовых и отношений социально-экономических. Только последние образуют базис общества, общественное бытие и определяют общественное сознание и всю общественную надстройку в целом, только последние могут быть названы производственными отношениями в полном и точном смысле этого слова. К сожалению, такое различение проводится не часто. И в этом во многом повинна наша философская литература, в которой производственные отношения определяются обычно просто как отношения людей в процессе производства. Но отношениями в процессе производства являются не только социально-экономические, но и организационно-трудовые.

В результате ученые нередко оказываются не в состоянии выделить действительные производственные отношения и зачастую подменяют социально-экономические отношения организационно-трудовыми, что не может не сказываться на качестве исследования. Такую ошибку допускают, в частности, В. М. Бахта, Д. В. Гурьев и И. Ф. Кузнецов в уже упоминавшейся их статье[76].

Все это делает необходимым отличать классификацию труда по характеру его организации от классификации труда по его социально-экономической природе. По характеру организации мы будем делить труд на одиночный, когда человек трудится в одиночку, и совместный, когда несколько человек кооперируют усилия. По социально-экономической природе — на частный, когда человек работает непосредственно на себя, и коллективистский, когда человек трудится на коллектив и только тем самым на себя.

Между этими двумя классификациями нет совпадения. Коллективистский труд может быть и одиночным, и совместным; одиночный — и частным, и коллективистским и т. п.

---

[75] См. Л. А. Файнберг. Общественный строй эскимосов и алеутов. М., 1964, стр. 112, 113, 118, 119.

[76] В. М. Бахта, Д. В. Гурьев, И. Ф. Кузнецов. Указ. соч., стр. 176.

Кроме этих двух разрезов — организационного и социально-экономического, можно выделить и еще один, о котором уже шла речь,— технологический. Когда одного человека достаточно для приведения в движение орудия, мы имеем дело с индивидуальным трудом, когда для этого необходимы совместные усилия нескольких человек — перед нами обобществленный труд.

Труд на заре родового общества в технологическом отношении был индивидуальным. В организационном отношении этот индивидуальный труд выступал как в форме одиночного, о чем говорят данные этнографии, так и в виде совместного, о чем помимо этнографических материалов наглядно свидетельствуют и произведения палеолитической живописи, и находки в стоянках того времени большого числа остатков животных (мамонт, зубр и др.), охота на которых в одиночку была затрудненной или даже невозможной [77].

Но самым важным является вопрос о его социально-экономической природе, т. е. о характере существовавших в то время родовых производственных отношений. А к решению его исследование процесса выделки и использования орудий труда приближает очень мало. Нельзя в этом отношении продвинуться ни на шаг, если начать с попытки установить, в чьей собственности находились орудия труда. Не установление характера собственности на орудия является предпосылкой выявления сущности родовых отношений, а, наоборот, только выявление сущности производственных отношений в целом может дать ключ к пониманию такого их момента, как собственность на орудия труда.

Обычным является утверждение, что если орудия труда в родовом обществе находились в личной собственности, то такие основные средства производства, как, например, земля, всегда были собственностью коллективной. Отсюда делается вывод, что производственные отношения родового общества носили коллективистский характер.

В отношении к самому раннему периоду родового общества это положение нуждается в уточнении. Разумеется, каждый род располагал определенной территорией, которую он использовал и которую охранял от посягательств других таких же человеческих групп. Но все дело в том, что в ту эпоху каждый род был не частью более крупного социального организма, а самостоятельным социальным организмом, т. е. конкретным, отдель-

---

[77] См. А. С. Г у щ и н. Происхождение искусства. Л.—М., 1937; П. П. Е ф и м е н к о. Первобытное общество. Киев, 1953; С. Н. З а м я т н и н. Некоторые вопросы изучения хозяйства в эпоху палеолита.— «Труды Института этнографии», т. 54, 1960; П. И. Б о р и с к о в с к и й. Очерки по палеолиту бассейна Дона.— «Материалы и исследования по археологии СССР», № 121, М.— Л., 1963; С. А. С е м е н о в. Очерк развития материальной культуры и хозяйства палеолита.— В сб.: «У истоков человечества». М., 1964; и др.

ным обществом [78]. И в этом отношении охарактеризовать территорию, на которой обитал род, просто как его собственность, было бы столь же точным, как назвать любое отдельное общество собственником территории, на которой оно расположено.

Но если даже мы примем, что род был собственником территории, которую он охранял от посягательств других групп, то и это само по себе еще мало что дает для понимания существовавших в нем производственных отношений. С общей собственностью на землю могут сочетаться далеко не одинаковые социально-экономические отношения.

К пониманию сущности родовых отношений, на наш взгляд, может привести только выявление существовавших в то время отношений по распределению. Нет сомнений в том, что распределение произведенных продуктов всецело зависит от распределения средств производства. Но из этого обычно делается вывод, что нужно вначале выявить характер собственности на средства производства и только потом обратиться к отношениям по распределению. А между тем возможен и обратный прием. Он особенно полезен при изучении социально-экономических отношений в эпоху становления классового общества, когда реальные отношения собственности зачастую плотно окутаны слоем представлений о собственности, унаследованных от прошлых времен. В этом случае особенно велика опасность принять фиктивные отношения собственности за реальные.

Восстановить отношения распределения, существовавшие на заре родового общества, дают возможность данные этнографии. Если обратиться к наиболее отставшим в своем развитии этническим группам, например к австралийцам, то мы найдем у них довольно разнообразные формы распределения добытой пищи.

Продукты охоты, даже если они были добыты в процессе одиночного труда,— не говоря уже о совместном,— как правило, подлежали разделу внутри определенного круга лиц. Этот круг не был одинаков у разных племен. Не оставался он и постоянным, сужаясь или расширяясь в зависимости от разных конкретных условий, в частности от количества добытой пищи. Он мог включать в себя всю локальную группу, часть локальной группы, родственников и свойственников добытчика в разных группах и т. п.

Сам раздел добычи у разных австралийских племен был регламентирован в разной степени. Известно, например, племя юин, где охотник вообще не обязан был делиться. Он мог отдать часть добычи родственникам и друзьям, если на то была его добрая воля. У племен группы карамунди охотник обязан был делиться, но сам раздел добычи не был регламентирован. У племен грин-

---

[78] Подробнее об этом понятии см.: Ю. И. Семенов. Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки.— «Вопросы истории», 1966, № 8.

гаи, чепара, иеркла-мининг и других добыча делилась поровну, причем сам охотник получал такую же долю, что и остальные. Наконец, у значительного числа племен существовали очень сложные и строгие правила раздела, согласно которым сам охотник нередко получал худшие части, а иногда не получал ничего. Сам раздел у многих племен производил не охотник, а старшие члены локальной группы. Но все сказанное выше относится лишь к охотничьей добыче. Иначе обстояло дело с продуктами собирательства, бывшего занятием женщин. Все собранное женщиной полностью шло ее семье: ей самой, мужу и детям [79].

Сложные и тщательно разработанные нормы распределения продуктов как одиночной, так и совместной охоты существовали в XIX в. у некоторых групп американских эскимосов. Согласно этим правилам определенную долю получали все обитатели стойбища, причем сам охотник получал очень мало, особенно у наиболее отстававших в своем развитии полярных эскимосов. Однако к началу XX в. наблюдаются некоторые сдвиги. Старые нормы продолжали строго соблюдаться, лишь когда добычи было мало, т. е. в основном зимой. В остальное время охотник мог всю добычу оставить себе. И хотя он тем самым несколько ронял себя в глазах остальных обитателей стойбища, однако обязать поделиться мясом его уже больше не могли [80].

Не умножая числа примеров, ибо все они примерно в том же роде, попытаемся подвести некоторые итоги.

Как явствует из приведенного материала, и у австралийцев, и у эскимосов в прошлом полновластно господствовало представление об охотничьей добыче как собственности не охотника, а всей человеческой группы в целом, как коллективной собственности. Немногие примеры, говорящие о существовании и иных взглядов, не противоречат такому выводу. Они свидетельствуют лишь, как это наглядно видно на эскимосском материале, о начавшемся уже разложении старых представлений и еще рельефнее оттеняют последние. Вряд ли поэтому могут быть сомнения в том, что на заре родового общества представления об охотничьей добыче как собственности не индивидуальной, а коллективной, именно родовой, господствовали безраздельно.

Но, на наш взгляд, этим дело не ограничивалось. В ту эпоху родовой, коллективной собственностью была не только охотничья добыча, но вся вообще добытая пища без какого-либо

---

[79] См. К. М. Тахтарев. Очерки по истории первобытной культуры. Л., 1924, стр. 42, 43; «Народы Австралии и Океании». М., 1956, стр. 184, 185; Н. А. Бутинов. Разделение труда в первобытном обществе.— «Труды Института этнографии», т. LIV, 1960, стр. 122, 123; L. Fison and A. W. Howitt. Op. cit., p. 206, 261. J. Dawson. Australian aborigines. Cambridge, 1881, p. 22; A. W. Howitt. Op. cit., p. 763—769; B. Malinowski. The family among the Australian aborigines. London, 1913, p. 275. 283—287.

[80] См. Л. А. Файнберг. Указ. соч., стр. 118, 119.

исключения. И такому выводу нисколько не противоречат приведенные выше данные о распределении продуктов собирательства у австралийцев. Эти продукты действительно принадлежали не коллективу, а женщине, шли исключительно лишь ее семье. При этом необходимо принять во внимание, что у австралийцев замужние женщины обязательно принадлежали к иному роду, чем мужчины локальной группы, причем совершенно не обязательно к одному и тому же. Это обстоятельство создавало основу для освобождения их от обязанности делиться своей добычей с остальными членами группы. Поэтому здесь наметившаяся кое-где и в отношении к охотничьей добыче тенденция превращения всего добытого человеком в его собственность развивалась быстрее. Это во-первых. А во-вторых, не нужно забывать, что у австралийцев, кроме локальной группы, существовала такая экономическая ячейка, как семья.

На заре же родового общества семья вообще не существовала и хозяйственный коллектив совпадал с родом. Все это вместе взятое дает основание полагать, что в ту эпоху и продукты собирательства были коллективной собственностью, что вообще вся пища принадлежала роду и только роду.

Теперь перед нами встает вопрос о формах распределения принадлежавшей всему роду в целом пищи между его членами. Являются ли тщательно разработанные и сложные нормы распределения добычи, которые мы находим у многих австралийских племен и групп эскимосов, исходными, первоначальными, или же им предшествовали какие-то иные? Л. А. Файнберг на основе анализа материала по эскимосам приходит к выводу, что «существование определенных норм распределения продуктов, очевидно, является более поздней формой по сравнению с совместным потреблением всего продукта без его дележа»[81]. К выводу, что строгая регламентация раздела добычи есть явление довольно позднее, подводит и австралийский материал. Везде, где такие нормы распределения существовали, круг лиц, между которыми должна была быть разделена добыча, с одной стороны, охватывал обычно не всех членов локальной группы, а только ближайших родственников, а с другой — включал людей, принадлежавших к другой локальной группе и другому роду.

Но если раньше существовали какие-то иные формы распределения добычи, то можно надеяться отыскать их пережитки в быту хотя бы некоторых этнических групп. И такие пережитки в действительности обнаруживаются, причем не у некоторых этнических групп, а по существу у всех без исключения народов. Особенно ярко они проявляются в обрядности особого рода праздников, центральным моментом которых является ритуальное коллективное поедание мяса определенного животного.

---

[81] См. Л. А. Файнберг, Указ. соч., стр. 118, 119.

Как мы попытались показать в работе «Возникновение человеческого общества», эти названные нами зоофагическими праздники корнями своими уходят в эпоху первобытного стада. Их возникновение относится к эпохе тотемистического стада с ограниченным во времени промискуитетом, которая была одновременно эпохой становления тех форм и норм распределения пищи, которые окончательно утвердились с появлением рода[82].

И совпадение тут не только во времени. Ставший в дальнейшем чисто ритуальным явлением зоофагический праздник возник первоначально просто-напросто как форма потребления охотничьей добычи. И вполне понятно, что нормы распределения пищи, окончательно оформившиеся с возникновением рода, не в малой степени формировались именно как нормы распределения мяса во время зоофагических праздников.

В процессе дальнейшего развития формы и правила распределения пищи изменились, но эти изменения не коснулись зоофагических праздников, ибо к тому времени все совершаемые на них действия уже успели стать обрядовыми. Интересно отметить, что формы распределения мяса оказались самым стойким и самым живучим из всех элементов зоофагических праздников.

У народов, стоявших на стадии доклассового общества, зоофагический праздник кроме обрядового поедания мяса включал в себя еще множество других элементов. Таковы, например, медвежьи праздники у хантов, манси, эвенков, эвенов, юкагиров, кетов и многих других народов[83]. Настоящие зоофагические праздники встречаем мы у народов, уже достигших стадии классового общества. В качестве примера можно указать на знаменитые афинские буффонии[84]. Однако в них уже многие моменты древних праздников отсутствуют. На более высоких стадиях мы имеем дело по существу уже не с зоофагическим праздником, а с его более или менее отдаленными пережитками. Существование последних было отмечено даже в Англии, Франции и России в XIX в., а кое-где и в XX в.[85] Однако, даже потеряв почти все свои иные элементы, зоофагический праздник всегда сохраняет один основной — поедание мяса убитого животного.

При этом важно подчеркнуть, что и у эвенков, и у античных греков, и русских крестьян формы распределения мяса во всех

---

[82] См. Ю. И. Семенов. Возникновение человеческого общества, стр. 340, 341, 449—485; он же. Как возникло человечество, стр. 310—312, 414—448.

[83] Сводку материалов и литературы по зоофагическим праздникам см.: Ю. И. Семенов. Как возникло человечество, стр. 418—425.

[84] См. И. И. Толстой. Обряд и легенда афинских буффоний.— «Советский фольклор», № 4-5. М.—Л., 1936.

[85] См. А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. 2. М., 1868, стр. 255, 256; В. Миллер. Русская масляница и западноевропейский карнавал. М., 1884, стр. 41, 42; С. В. Максимов. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903, стр. 453, 454; А. Я. Дуйсбург. Праздник «барана» в деревне Б. Будогощь.— «Советская этнография», 1933, № 5-6; J. R. W. Coxhead. Old Devon customs. Exmouth, 1957, p. 22—26.

основных чертах были тождественны. Поедание мяса носило во всех случаях совершенно отчетливо коллективистский характер [86]. То обстоятельство, что на формы распределения во время зоофагических праздников не оказал сколько-нибудь значительного влияния такой крутой перелом в развитии общества, как возникновение частной собственности, классов и государства, позволяет думать, что еще меньше могли сказаться на них те сдвиги, которые происходили в рамках доклассового общества. Поэтому вряд ли будет ошибкой считать, что зоофагические праздники вообще, зоофагические праздники народов, стоявших на стадии доклассового общества, в особенности, донесли до нас формы распределения пищи, существовавшие на заре родового общества.

Имеющиеся об этих праздниках материалы не только полностью подтверждают положение о том, что на заре родового общества пища всецело находилась в собственности коллектива, но и позволяют сделать вывод, что в то время распределение продукта было неотделимо от его потребления. Как правило, и у австралийцев, и у эскимосов добыча оставалась коллективной собственностью лишь до раздела, который происходил обычно сразу же после того, как она была принесена в лагерь или стойбище. После раздела доля каждого поступала в полное его распоряжение. Он мог тут же приготовить ее и съесть, мог оставить про запас, мог, наконец, если на то была его добрая воля, поделиться с кем-либо и т. п.

Иначе обстояло дело в раннем родовом обществе. Добыча, принесенная в стойбище, не делилась между членами рода вплоть до наступления момента коллективного потребления. Распределение было не самостоятельным актом, а всего лишь моментом процесса потребления. Получив кусок, человек тут же съедал его. Если после окончания трапезы оставалась пища, то она в таком же порядке потреблялась во время следующей.

Иначе говоря, в раннем родовом обществе пища оставалась коллективной собственностью вплоть до тех пор, пока ее не съедали. В единоличное распоряжение членов рода она не поступала ни на миг. Именно такую форму распределения имел в виду Л. А. Файнберг, говоря о совместном потреблении всего продукта без дележа как стадии, предшествовавшей появлению сложных и тщательно разработанных норм раздела. Конечно, можно упрекнуть его в неточности формулировки, ибо совместное потребление предполагает какую-то форму распределения, т. е. дележа. Но говоря об отсутствии дележа, он имел в виду не вообще распределение, а дележ в такой его форме, в которой он бытовал у эскимосов. А такого на ранней стадии, действительно, не существовало.

---

[86] Сводку литературы см.: Ю. И. Семенов. Как возникло человечество, стр. 448.

Обращаясь теперь к вопросу о принципах, которые лежали в основе распределения пищи между отдельными членами рода, можно прежде всего предположить, что в случае ее обилия пища распределялась по потребностям, т. е. вплоть до насыщения. В пользу такого предположения говорят данные о зоофагических праздниках народов доклассового общества. И хозяева, и гости ели досыта.

Ответить на вопрос, как распределялась пища, когда ее было недостаточно, сложнее. Самым маловероятным является предположение, что она распределялась абсолютно поровну между всеми членами рода. Люди неодинаковы по своему физическому строению. Человеку с одной телесной конституцией требуется для поддержания себя в состоянии нормальной способности к деятельности больше пищи, чем человеку с другим типом телосложения. Различные виды деятельности людей сопряжены с тратой различного количества энергии. Человек, который остается в стойбище, может обойтись меньшим количеством пищи, чем тот, который отправлялся на утомительную охоту за крупными животными. Поэтому, если бы вся пища делилась поровну, то одни члены рода получали бы вполне достаточное количество пищи, а другие бы голодали и истощались, причем особенно плохо приходилось бы взрослым мужчинам.

Единственно правильным является, по всей вероятности, вывод, что в случае недостатка пищи все наличное количество распределялось пропорционально объективным потребностям членов коллектива. Во всяком случае ясно, что ни один член коллектива не имел и не мог иметь каких-либо особых прав на пищу, которую он добыл сам. Вся пища целиком и полностью принадлежала коллективу и только тем самым каждому члену коллектива.

О формах и принципах распределения других материальных благ мы ровным счетом ничего не знаем. И скорее всего их вообще не существовало. В условиях крайне низкой производительности труда перед людьми стояла одна единственная проблема — как выжить. Чтобы выжить, нужна была пища. А постоянно добывать ее в количестве, необходимом для существования, было очень трудно даже для сравнительно большой группы людей. В одиночку же совершенно невозможно. И дело не только и не просто в том, как полагают многие, что нельзя было обойтись без совместного труда. Объединение было бы необходимостью и в том случае, если бы никакой нужды в совместном труде не существовало. Одиночным трудом человек мог иногда добыть гораздо больше пищи, чем ему было необходимо для поддержания своего существования. Но постоянно, изо дня в день он добывать столько не мог. За удачами следовали неудачи, и последних было гораздо больше, чем первых.

Обеспечить себя пищей в одиночку в тех условиях было совершенно невозможно. Не могло выжить и объединение, состоящее из очень небольшого числа людей. Существовать и развиваться могло только такое объединение, в котором неудачи одних работников компенсировались бы удачами других, причем таким образом, чтобы в среднем количества пищи, добываемой ими, всегда хватало бы для поддержания нормального существования всех членов объединения. Такое объединение не могло быть слишком маленьким, как не могло быть и слишком большим.

Таким образом, в описываемых условиях люди могли существовать только в составе коллектива, необходимейшей и существеннейшей особенностью которого была его полная и исключительная собственность на всю добываемую его членами пищу. Необходимостью был в тех условиях не столько совместный труд, не столько кооперирование живого труда, сколько совместная собственность на произведенную любым трудом, как совместным, так и одиночным, пищу, сколько обобществление овеществленного в форме пищи труда.

И становление человеческого общества неизбежно было и процессом обобществления пищи, превращения ее в собственность возникающего человеческого коллектива, процессом становления рассмотренных выше отношений распределения, а тем самым и процессом подавления, обуздания, введения в определенные социальные рамки биологического пищевого инстинкта [87].

Завершение обуздания зоологического индивидуализма было не чем иным, как завершением становления родовой собственности на пищу, родовых распределительных отношений.

Изложенное выше дает ключ к пониманию характера собственности на орудия труда в раннем родовом обществе.

Начнем с орудий, непосредственно используемых для добывания пищи. Хотя эти орудия всегда использовались индивидуально, но все, что посредством их добывалось, как в процессе одиночного, так и совместного труда, поступало не в распоряжение индивида, а в полную и исключительную собственность коллектива. А это может означать только одно — используемые индивидом орудия по добыванию пищи на заре родового общества были не индивидуальной собственностью, а родовой. Соответственно родовой собственностью были и орудия труда, предназначенные для их производства. Никакой индивидуальной собственности, ни личной, ни тем более частной, на орудия производства в раннем родовом обществе не существовало. Было лишь индивидуальное, личное пользование находившимися всецело в родовой собственности орудиями. Завершение становления родовой, коллективной собственности на пищу было неизбежно и завер-

---

[87] См. Ю. И. Семенов. Как возникло человечество, стр. 310, 311.

шением становления родовой собственности на все без исключения средства производства.

Таким образом в раннем родовом обществе все то, без чего люди абсолютно не могли существовать, а именно: пища и средства производства, без которых она не могла быть добыта, находилось в полной собственности коллектива. В определенных условиях жизненно необходимыми для людей могли стать жилище и одежда. В таком случае они также неизбежно становились родовой собственностью. Что же касается всех остальных использовавшихся людьми вещей, то они ни в чьей собственности — ни рода и ни индивида — не находились. Собственность, как известно, есть не просто отношение человека к вещи, а такое, в котором проявляется его отношение к другим людям. Отношение людей ко всем вещам, кроме пищи и средств производства, было отношением только к вещам. В нем их отношения друг к другу не проявлялись. Поэтому оно было не собственностью, а только пользованием.

Если теперь подвести итоги всему сказанному о первоначальном роде, то наиболее точной явится его характеристика как первобытной коммуны. Первобытная коммуна возникла в форме рода, как родовая коммуна. Соответственно родовые производственные отношения следует охарактеризовать как первобытно-коммунистические, или, пожалуй, точнее, как коммуналистические. Коммуналистическими были отношения собственности, коммуналистическими были отношения по распределению. Первые оформившиеся производственные отношения были коммуналистическими по своему содержанию, родовыми по своей форме. Они были родо-коммуналистическими. Соответственно существовавший в ту эпоху социально-экономический уклад можно охарактеризовать как родо-коммуналистический, а саму эпоху — как стадию родовой коммуны, или родового коммунализма.

Мы, таким образом, рассмотрели родовые отношения как производственные. Но они были, как уже указывалось, не просто производственными отношениями, а такими, которые регулировали связи между полами. И поэтому невозможно понять структуру родового общества вообще, рода в частности, не рассмотрев, как осуществлялось регулирование половых отношений.

4. ГРУППОВОЙ БРАК И ОБОСОБЛЕНИЕ ПОЛОВ

Вернемся к эпохе первобытного человеческого стада. Появление и развитие половых производственных табу неизбежно привело к возникновению инициаций. В результате внутри первобытного стада выделилось два разряда людей, один из которых составляли прошедшие инициацию мужчины и женщины, а второй — дети и подростки. Развитие половых производственных

табу неизбежно привело также и к разделению взрослых членов стада на две несколько обособленные в бытовом отношении группы: мужскую и женскую. Так как взрослые женщины были неразрывно связаны с детьми, то обособление взрослых мужчин от женщин было одновременно и их обособлением от детей и подростков. В результате внутри первобытного стада выделились две обособленные группы: а) группа взрослых мужчин и б) группа, состоящая из взрослых женщин и детей обоего пола[88]. Так как ядро последней составляли взрослые женщины, то, не желая вводить новой терминологии, мы будем употреблять для ее обозначения тот же термин, что и для обозначения ее ядра, будем называть ее женской группой. Особых неудобств это не создаст, ибо контекст всегда позволит понять, что мы имеем в виду, говоря о женской группе,— группу взрослых женщин вместе с группой детей или же только первую.

Сказанное выше позволяет уточнить наши представления о процессе становления рода и дуально-родовой организации.

Первоначально перед нами два первобытных тотемистических стада — скажем, стадо А и стадо Б. Между членами мужской группы стада А (группы Ам) и членами женской группы стада Б (группы Бж), так же как и между членами мужской группы стада Б (Бм) и членами женской группы стада А (Аж), завязываются половые отношения. Эти отношения могут стать постоянными лишь при наличии определенной санкции со стороны обоих коллективов. Так как оба они заинтересованы в этом, то такая санкция неизбежно давалась, но при этом были санкционированы половые отношения не между определенными конкретными мужчинами и женщинами, а вообще между всеми членами мужских и женских групп, принадлежащих к разным коллективам.

Иначе говоря, отношения по детопроизводству между членами разных стад были санкционированы не как отношения между индивидами непосредственно, а как отношения между группами индивидов — и только тем самым между самими индивидами. Возникновение социальной санкции половых отношений означало не что иное, как появление, наряду с биологическими детопроизводственными отношениями, социальных отношений по детопроизводству, как зарождение первой социальной организации половых отношений, т. е. брака. Брачные отношения всегда включают в себя половые отношения, но никогда к ним не сводятся. Брачные отношения есть социально организованные половые связи, они всегда включают в себя кроме биологических связей, также обязательно и социальные. Первой формой брака была социальная организация половых отношений не между индивидами как таковыми, а между их группами — и только тем

[88] См. Ю. И. Семенов. Как возникло человечество, стр. 313—315.

самым между ними самими. Первой формой брачных отношений был брак не индивидуальный, а групповой.

Превращение дуально-стадной организации, состоящей, например, из коллективов А и Б, в дуально-родовую не могло не сводиться по существу к процессу упрочения социальных связей по детопроизводству между группами Ам и Бж и группами Бм и Аж, т. е. к процессу окончательного оформления двух брачных организаций: организации Ам — Бж и организации Бм — Аж. Завершение становления этих двух брачных организаций было одновременно и завершением вытеснения половых отношений из обоих производственных коллективов, т. е. завершением процесса превращения каждого из них в экзогамное объединение, т. е. род. Окончательное оформление связей по детопроизводству между мужскими и женскими группами, принадлежащими к разным коллективам, было в то же время окончательным разрывом половых, детопроизводственных связей между членами мужской и женской групп внутри каждой из них.

Возникшая, оформившаяся дуально-родовая организация включала, как мы видим, в свой состав четыре теснейшим образом связанные между собой группы: две мужские (Ам и Бм) и две женские (Аж и Бж). Между группами Ам и Аж существовала теснейшая производственная связь: они вместе образовывали один экзогамный хозяйственный коллектив, один род — А. Точно такая же связь существовала между группами Бм и Бж. Они также вместе образовывали один экзогамный хозяйственный коллектив, один род — Б. Между группами Ам и Бж тоже существовала связь, но не хозяйственная, производственная, а детопроизводственная. Вместе они составляли одну брачную организацию. Точно такую же организацию составляли группы Бм и Аж.

Таким образом, хозяйственный коллектив состоял из групп, входивших в состав разных брачных организаций, а брачная организация состояла из групп, входивших в состав разных хозяйственных коллективов. Если первоначальный подлинно человеческий хозяйственный организм был экзогамным, т. е. таким, внутри которого невозможны были половые отношения, то первоначальный брак был не только групповым, но и дисэкономическим, т. е. исключавшим экономические отношения между людьми, могущими вступать в половые отношения. Входя в состав разных экономических коллективов, люди, имевшие право вступать в половые отношения, должны были и жить раздельно. Первоначальный групповой брак, будучи дисэкономическим, был тем самым неизбежно и дислокальным.

В таких условиях все связи между отдельными индивидами противоположного пола, принадлежавшими к разным коллективам, должны были неизбежно сводиться только к половым отношениям. А это может означать только одно: между взятыми в

отдельности мужчинами и женщинами, принадлежавшими к разным родам, брачных отношений не существовало. Их отношения не были брачными, не были браком.

На первый взгляд такой вывод представляется весьма странным. Но в действительности иного и быть не может. Как уже указывалось, брачные отношения никогда не сводятся к половым. Они есть социально организованные половые отношения. Брачные отношения необходимо предполагают существование определенных прав и обязанностей между связанными ими сторонами. Такие права и обязанности существовали между мужскими и женскими группами разных родов. Каждый из коллективов, входивших в дуально-родовую организацию, строжайше воспрещая половые отношения внутри себя, предписывал членам своей мужской группы вступать в половые отношения с членами женской группы другого коллектива и соответственно членам своей женской группы — с членами мужской его группы.

Но этим социальное регулирование половых отношений и ограничивалось. Связи по детопроизводству были социально организованы только как отношения между группами индивидов, а не как отношения между индивидами, взятыми в отдельности. Ни один конкретный мужчина не был обязан вступать в половые отношения с каждой из женщин другого рода, равно как и ни одна конкретная женщина не была обязана отдаваться каждому из мужчин иного рода. Для каждого конкретного члена, скажем, мужской группы одного коллектива обязанность вступать в половые отношения с членами женской группы другого рода являлась лишь указанием на круг лиц, внутри которого он мог выбирать полового партнера,— и только. Кто же именно из данного круга лиц и на какое время становился половым партнером — все это определялось исключительно лишь доброй волей людей, вступавших в связь. Вступление в половые отношения людей, принадлежавших к разным полам, не давало им никаких прав друг на друга и не накладывало на них никаких обязанностей по отношению друг к другу. Вмешательство коллективов в эти отношения сводилось, можно полагать, лишь к пресечению попыток насилия, к обеспечению возможности каждому индивиду располагать собой.

Как мы видим, половые связи между индивидами как таковыми не были социально организованы. Они были социально организованы между ними только как между членами определенных брачных групп. Но если отношения между индивидами не были браком, то не имеет никакого смысла говорить о них как о «мужьях», «женах», вообще «супругах». Их можно назвать лишь половыми партнерами.

Таким образом, парадоксальность вывода о том, что при групповом браке между индивидами как таковыми не было брачных отношений, лишь кажущаяся. Видеть здесь противоречие можно

лишь в том случае, если придерживаться взгляда на групповой брак как на совокупность брачных отношений каждого конкретного мужчины из числа составляющих определенную группу, с каждой конкретной женщиной также из числа составляющих определенную группу, т. е. как на сочетание многоженства и многомужества. В действительности же групповой брак (и в этом его качественное отличие, например, от многоженства, являющегося совокупностью брачных отношений одного мужчины с несколькими женщинами) не представляет суммы брачных отношений между индивидами, т. е. индивидуальных браков. Групповой брак не только не предполагает брачных отношений между индивидами, но, наоборот, по самой своей природе исключает существование индивидуальных брачных отношений. Существование группового брака означает отсутствие индивидуальных браков. Если групповой брак понимать как сумму индивидуальных, то само это понятие теряет всякий смысл.

На основе группового брака не возникло никакой формы семьи, т. е. не возникло никакой особой социальной организации по выкармливанию и воспитанию детей. Родовая коммуна—единственно существовавший в ту эпоху хозяйственный и социальный организм — была одновременно и той организацией, которая обеспечивала вскармливание и воспитание подрастающего поколения.

Доказательством существования в прошлом человечества группового брака является универсальная распространенность его разнообразнейших пережитков, самым важным из которых является добрачная свобода половых отношений. Мы находим ее почти у всех племен и народов, находившихся на стадии доклассового общества, а нередко даже и у переживавших уже эпоху раннеклассового общества [89]. Многочисленнейшие пережитки этой свободы отмечены в самом недалеком прошлом почти у всех народов, далеко продвинувшихся в своем развитии, в частности у русских, украинцев, белоруссов, болгар, македонцев, хорватов, грузин, итальянцев, немцев, англичан, ирландцев [90].

---

[89] Количество работ, в которых отмечается наличие добрачной свободы половых отношений у той или иной этнической группы, столь велико, что перечисление их является делом невозможным. Укажем лишь сводки материалов и литературы по этому вопросу: Н. И. Зибер. Очерки первобытной экономической культуры.— В кн.: «Избранные экономические произведения», т. 2. М., 1959, стр. 291—303; R. Briffault. The Mothers, vol. 2. London, 1927, p. 1—50; C. S. Ford. A Comparative study of human reproduction, Yale. 1945, p. 20; G. P. Murdock. Op. cit., p. 5, 6.

[90] См. Е. И. Якушкин. Обычное право. Материалы для библиографии обычного права, вып. 1. Ярославль, 1875, стр. VI—VIII; Н. Ф. Сумцов. Досветки и посиделки.— «Киевская старина», 1886, т. XIV, март, стр. 441, 442; М. М. Ковалевский. Пшавы.— «Юридический вестник», т. XXVII, 1888, кн. 2, стр. 222, 223; П. В. Шейн. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п., т. I, вып. 2. СПб., 1900, стр. 690; Н. Харуаин. Этнография, вып. 2. СПб., 1903, стр. 40—46; W. C. Hazlitt. Popular antiquities of Great Britain, vol. 1. London, 1870, p. 121; V. Alford. Introduction to English folklore. London, 1952, p. 49 etc.

Свобода добрачных отношений, представлявшая в сравнительно недавнем прошлом универсально распространенное явление, не может быть истолкована как непосредственный пережиток промискуитета. Подобная интерпретация находится в противоречии с тем фактом, что у всех племен и народов, у которых сохранялась экзогамия, добрачные отношения между людьми, принадлежащими к одному роду и фратрии, были столь же строго воспрещены, как и брачные [91] Она может быть объяснена только как пережиток группового, дисэкономического и дислокального брака.

В качестве примера рассмотрим добрачные половые отношения в обществе меланезийцев о-вов Тробриан, подробно описанные в книге Б. Малиновского «Сексуальная жизнь туземцев Северо-Западной Меланезии» [92].

У жителей этих островов свобода юношей и девушек вступать друг с другом в половые отношения была ограничена только экзогамным запретом. Никакого другого социального их регулирования не существовало. Как вступление в половые отношения, так и отказ от этого определялся лишь доброй волей молодых людей и ничем другим. Первоначально эти связи носили кратковременный и эпизодический характер, половые партнеры часто менялись, но в дальнейшем возникали довольно прочные пары, отношения между определенными юношей и девушкой поддерживались в течение длительного срока и могли завершиться заключением брака. Однако пока брак не был заключен, отношения между партнерами, сколько бы они ни длились и какими бы прочными ни представлялись, не влекли за собой никаких прав и не накладывали на них никаких обязанностей по отношению друг к другу, даже обязанности воздерживаться от связей с другими лицами [93]. Партнеры «не были связаны друг с другом никакими узами, которые имели бы основание в законах племени или предписывались бы обычаем» [94]. Их отношения проистекали только из взаимного влечения и носили чисто личный характер. Поэтому они могли быть в любой момент прекращены по желанию любой из сторон [95].

Б. Малиновский особо подчеркивает, что «вся общность интересов пары ограничивалась лишь половыми отношениями» [96]. Партнеры никогда не ели вместе, у них не было никаких общих дел, они не имели обязанности помогать друг другу в чем бы то

---

[91] См. Г. Шурц. История первобытной культуры, вып. I. М., 1923, стр. 123, 124; B. Malinowski. The sexual life of savages..., p. 424; G. P. Murdock. Op. cit., p. 301.

[92] B. Malinowski. The sexual life of savages..., p. 56—64.

[93] Ibid., p. 58.

[94] Ibid., p. 63.

[95] Ibid., p. 58, 63.

[96] Ibid., p. 63.

ни было — короче, у них не было «ничего, что могло бы быть принято за ведение общего хозяйства» [97].

Как видно из изложенного выше, добрачные отношения тробрианской молодежи во всех своих основных чертах были сходны с теми, которые, как подсказывает логика, должны были существовать в эпоху группового брака. Такой же характер носили добрачные отношения молодежи и у остальных племен и народов, находившихся на стадии доклассового общества. На этом примере можно наглядно видеть, как ступень в историческом развитии человечества превратилась в стадию индивидуального развития человека. Стадия группового брака, исторически предшествовавшая появлению парного брака, долгое время еще продолжала сохраняться в виде состояния, предшествовавшего в жизни конкретного человека его вступлению в индивидуальный брак.

Но этнографические материалы не только подтверждают наши представленія о групповом браке, но и позволяют коикретизировать и углубить их.

У тех же тробрианцев добрачная свобода молодежи была теснейшим образом связана с таким общественным институтом, как дома холостяков. В этих домах совместно жили юноши вплоть до того времени, когда вступали в брак и обзаводились семейным жилищем и семейным хозяйством. Сюда они обычно приводили на ночь своих временных или постоянных подруг [98].

Дома холостяков не представляют собой явления, ограниченного о-вами Тробриан. Они имели очень широкое распространение, причем у ряда народов наблюдалось параллельнсе с ними существование домов, в которых совместно жили девушки до замужества. Одновременное существование домов холостяков и домов девушек зафиксировано этнографами на о-вах Адмиралтейства, у некоторых племен Новой Гвинеи, у ифугао и игоротов Филиппин, батаков Суматры, у некоторых племен Бирмы, нага, абор, микиров, ораонов, малер, бхуйев, кандхов, санталов и других народов Индии, у восточных банту бассейна Замбези, ваньямвези, вабони, вапакомо, васанье Кении, шаста Калифорнии [99]. У неко-

---

[97] Ibid., p. 64.

[98] Ibid., p. 59, 61.

[99] Г. Шурц. Указ. соч., стр. 129—131; Р. Ф. Бартон. Ифугао, малайское племя нагорной части Филиппин.— «Советская этнографин», 1931, № 1—2, стр. 136, Л. Э. Каруновская. Следы группового брака у батаков Суматры.— В сб.: «Вопросы истории доклассового общества». М.— Л., 1936, стр. 345, 346; А. Т. Брайант. Зулусский народ до прихода европейцев. М.. 1953, стр. 130; H. N. Moseley On the inhabitans of the Admiralty Islands.— JAI, VI, 1877, p. 403, 413. S. E. Peal. On the «morong» as possibly a relic of pre-marriage communism.— JAI, XXII, N 3, 1893, p. 248, 249; H. Schurtz. Altersklassen und Männerbünde. Berlin, 1902, S. 282, 283, 292, 308—310; C. G. Seligman. The Melanesians of British New Guinea. Cambridge, 1910, p. 459—461, 500, 501; T. C. Hodson. The Naga tribes of Manipur. London, 1911, p. 70; C. W. Hobley. Notes on the Wa-sani.— JRAI, XLI, 1911, p. 30; E. T. Dalton. Descriptive ethnology of Bengal. Calcutta, 1960, p. 238, 239, 258; F. Eggan and W. H. Scott. Ritual life of the Igorots of Sagada.— «Ethnology», II, N 1, 1893.

торых из указанных народов дома девушек претерпели определенные изменения. Так, например, если у игоротов Филиппин девушки раньше жили в специальном доме, то в настоящее время они небольшими группами живут в домах одиноких женщин, чаще всего вдов. То же самое наблюдается у батаков Суматры.

У андаманцев лагерь делился на три обособленные части, одну из которых занимали юноши, другую — девушки, а третью — семейные люди [100]. Существование обособленных групп шалашей в пределах общего лагеря, а иногда даже особых лагерей холостяков и особых лагерей девушек было отмечено у аборигенов Австралии [101]. В некоторых случаях наблюдалось, что все холостяки жили в одном большом жилище [102].

У зулусов настоящих домов холостяков и домов девушек уже не существовало, но тем не менее юноши и девушки по достижении половой зрелости переходили из семейных хижин в свои собственные [103].

В большинстве рассмотренных выше примеров переход юношей и девушек из семейных хижин в дома холостяков и девушек был, как правило, интимнейшим образом связан с инициациями. Поэтому только как пережиток настоящих домов холостяков и домов девушек можно истолковать отмеченный у ваяо Восточной Африки обычай, согласно которому во время инициации юноши отделялись от деревни, строили себе жилище и в нем жили. Уединялись у ваяо во время инициаций и девушки [104]. По некоторым данным у них существовали и настоящие дома холостяков [105]. Обычай изоляции юношей и девушек во время инициации от остальных жителей деревни бытовал и у народов Южной Африки, в частности у басуто [106]. Дома холостяков встречались у веддов Цейлона [107]. Одновременно у них существовал обычай поселять девушек по достижении ими зрелости на определенный период времени в специально построенную хижину [108].

У других народов мы застаем либо только дома девушек, либо, что гораздо чаще, дома холостяков. Так, например, дома девушек бытовали у индейцев Канады, на о-вах Вавау, о-ве Роту-

---

[100] R. H. Lowie. Primitive society. New York, 1961, p. 259.

[101] У. Чеслинг. Среди кочевников Северной Австралии. М., 1961, стр. 52; L. Fison and A. W. Howitt. Op. cit., p. 199, 210; A. W. Howitt. Op. cit., p. 232—233; B. Malinowski. The family..., p. 262—269.

[102] B. Malinowski. The family..., p. 267.

[103] А. Т. Брайант. Указ. соч., стр. 130.

[104] H. H. Johnston. British Central Africa. London, 1898, p. 409, 410.

[105] A. Werner. The natives of British Central Africa. London, 1906, p. 122, 126.

[106] J. Macdonald. Manners, customs, superstitions and religions of South African tribes.— JAI, XIX, N 3, p. 1890, p. 268.

[107] H. Schurtz. Op. cit., s. 284.

[108] C. G. Seligman and B. Z. Seligman. The Veddas. Cambridge, 1911 p. 94.

ма [109]. У юкагиров мы находим такой их пережиток, как наличие у каждой девушки особого полога, где она спала и принимала молодых людей [110]. Отдаленными пережитками домов девушек являются имевшие в прошлом широкое распространение у многих народов, в частности у русских, украинцев, белорусов, и так называемые «посиделки», «досветки», «беседки» и т. п. Они обычно устраивались девушками, причем чаще всего в доме одинокой женщины (вдовы, разведенной), что заставляет вспоминать о домах девушек в той их форме, в которой они существовали в самое последнее время у игоротов и батаков. С посиделками, как и с домами девушек, была связана значительная свобода добрачных отношений полов [111].

Даиных о существовании только домов холостяков очень много. Мы их встречаем в Океании на о-вах Марианских, Каролинских, Маршалловых, Гильберта, на о-ве Нукухива, Новой Зеландии, о-вах Тробриан, Торресовых, Соломоновых, Новых Гебридах, архипелаге Бисмарка, Новой Гвинее, о-вах Торресова пролива, в Азии — на Тайване, Молуккских о-вах, Сулавеси, у даяков Калимантана, в Таиланде, Вьетнаме, Бирме, у мири, лушеев, гаро Индии, в Европе — в древней Спарте, в Африке — у тесо Уганды, азанде, племен Камеруна, в Америке — у мундуруку Бразилии, индейцев пуэбло [112]. У ряда народов Африки, в частности у вагирьяма, ангони, бавенда, бечуанов во время инициаций наблюдалась изоляция юношей в особом помещении или лагере [113]. Наконец, если лагеря девушек существовали лишь у некоторых

---

[109] W. Waldegrave. Extracts from a private journal kept on board H. M. S. Seringapatam in the Pacific, 1830.— «Journal of the Royal Geographical Society», III, 1833, p. 194; R. Briffault. Op. cit., p. 58, 134.

[110] W. Jochelson. The Yukaghir and ynkaghirised Tungus, pt. 1. Leiden — New York, 1910, p. 63.

[111] См. Е. И. Якушкин. Указ. соч., стр. VI, VII; Н. Ф. Сумцов. Указ. соч., стр. 431—442; А. Н. Веселовский. Гетеризм, побратимство и кумовство в купальской обрядности.— «Журнал Министерства народного просвещения», 1894, фев., стр. 316; П. В. Шейн. Указ. соч., стр. 690; «Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР», вып. 1. Л., 1926, стр. 19—23; А. А. Мансуров. Описание рукописей Этнологического архива Общества исследователей Рязанского края. Рязань, вып. 4, 1930, стр. 10; и др.

[112] Г. Шурц. Указ. соч., стр. 129—131; А. Т. Брайант. Указ. соч., стр. 130; «Народы Австралии и Океании», стр. 736, 750, 754; Плутарх. Сравнительные жизнеописания, т. 1. М., 1961, стр. 60—66; R. N. Codrington. The Melanesians. Oxford, 1891, p. 102, 231, 232; S. E. Peal. Op. cit., p. 244, 248—249; B. T. Somerville. Ethnological notes on New Hebrides.— JAI, XXIII, N 4, 1894, p. 372; H. Schurtz. Op. cit., S. 253, 257, 265, 267, 269, 275—278, 306; C. G. Seligman. Op. cit., p. 227, 257, 330, 459—461; H. Webster. Totem clans and secret associations in Australia and Melanesia.— JRAI, XLI, 1911, p. 488, 498; W. H. R. Rivers. The history of Melanesian society, vol. 1, p 209; vol. 2, p. 511; R. H. Lowie. Op. cit., p. 308.

[113] J. Macdonald. East Central African customs.— JAI, XXII, N 1-2, 1892, p. 100; C. A. Wheelwright. Native circumcision lodges in the Zoutpansberg district.— JRAI, XXXV, 1905, p. 252, 253; W. C. Willoughby. Notes on the initiation ceremonies of the Becwana.— JRAI, XXXIX, 1909, p. 244; W. E. H. Barett. Notes on the customs and beliefs of the Wa-giriama etc., British East Africa.— JRAI, XLI, 1911, p. 21, 22.

австралийских племен, то институт лагерей холостяков имел в Австралии почти универсальное распространение [114].

В качестве особого случая можно указать на существование у некоторых народов домов, лагерей и т. п., где совместно жила до брака молодежь обоего пола. Особые краали, населенные юношами и девушками, между которыми господствовала полная свобода половых отношений, существовали, например, у масаи [115]. Пережитки такого института мы находим и у других племен Африки, в частности у баконго [116]. Совместные дома молодежи наблюдались у чикито Южной Америки [117]. Такие дома представляют собой, несомненно, более позднее и сравнительно редкое явление. Они, как правило, возникли в результате исчезновения домов девушек и переселения последних в дом холостяков. Начало такого процесса мы наблюдаем на о-вах Тробриан, где девушки проводят ночь вместе со своими партнерами в домах холостяков. Однако возможно также исчезновение дома холостяков и превращение дома девушек в совместный.

Вряд ли, на наш взгляд, могут быть сомнения, что существование только дома (лагеря) холостяков или только дома (лагеря) девушек представляет собой более позднее явление по сравнению с тем состоянием, когда мы находим одновременно и тот и другой. Как показывают многочисленные данные, система домов холостяков и домов девушек неразрывно связана со свободой добрачных половых отношений и выступает в большинстве случаев как средство ее обеспечения. На это обстоятельство указывали многие исследователи, в частности С. Е. Пил, Г. Шурц, Б. Малиновский, С. Я. Лурье, Л. Э. Каруновская [118]. С. Е. Пил, например, прямо утверждал, что дома холостяков и девушек представляют собой пережиток, как он выражается, «добрачного коммунизма».

Как уже указывалось, свобода добрачных отношений полов есть прямой и непосредственный пережиток группового брака. Теснейшая связь домов холостяков и домов девушек со свободой добрачных отношений свидетельствует об их происхождении от каких-то институтов эпохи группового брака. Логика позволяет реконструировать эти последние.

У всех народов, у которых мы застаем дома холостяков и дома девушек, женатые мужчины и замужние женщины жили вместе с детьми в семейных хижинах. Но в эпоху группового брака не было и не могло быть парного брака и парной семьи. Соответственно не могло существовать ни семейного хозяйства, ни семейного жилья. Отсюда следует, что то, что в дальнейшем пре-

---

[114] B. Malinowski. The family..., p. 164, 202—203, 262—267.

[115] Г. Шурц. Указ. соч., стр. 433.

[116] J. H. Weeks. Among the primitive Bakongo. London, 1914, p. 161—163.

[117] Н. И. Зибер. Указ. соч., стр. 291.

[118] С. Я. Лурье. История античной общественной мысли. М.—Л., 1929, стр. 29; Л. Э. Каруновская. Указ. соч., стр. 345; S. E. Peal. Op. cit., p. 244, 254; H. Schurtz. Op. cit., S. 28, 243; B. Malinowski. The family..., p. 266.

вратилось в дом (лагерь) холостяков, первоначально было помещением или комплексом помещений, в котором жили все мужчины и юноши без исключения, а то, что в дальнейшем превратилось в дом (лагерь) девушек, было помещением или комплексом помещений, в котором жили взрослые женщины, девушки и дети обоего пола. Короче говоря, дому холостяков предшествовал мужской дом, а дому девушек — женский.

Между обитателями дома холостяков и дома девушек существовали только половые отношения и никакие другие. Это дает основание для вывода, что отношения между взрослыми обитателями мужского и женских домов тоже сводились лишь к половым. Перед нами, таким образом, картина дисэкономического, дислокального группового брака.

Но если мы правильно понимаем приведенные этнографические данные о домах холостяков и домах девушек, то они не только подкрепляют наши представления о групповом браке, но и свидетельствуют о том, что в эпоху группового брака жили раздельно не только мужчины и женщины, входившие в состав одной брачной организации, но и мужчины и женщины, образовывавшие один хозяйственный коллектив, один род.

Как указывалось, еще в первобытном стаде наметилось выделение двух несколько обособленных групп — мужской и женской. Возникновение рода и дуально-родовой организации означало, с одной стороны, установление прочных и постоянных связей по детопроизводству между мужскими и женскими группами, принадлежащими к разным коллективам, а с другой — полный разрыв таких отношений между мужской и женской группами внутри каждого из них. Все это не могло не привести к дальнейшему обособлению в бытовом отношении мужской и женской групп внутри каждого рода. На определенном этапе это должно было повлечь за собой раздельное поселение этих групп, появление мужских и женских жилищ или групп жилищ (лагерей), причем они составляли более или менее обособленные части общего поселения (лагеря).

Однако вся нарисованная выше картина основывается на предположении, что дому холостяков предшествовал мужской дом, а дому девушек — женский. Но существуют ли данные, которые подтверждают это предположение? Да, существуют и их много.

Прежде всего следует указать, что у многих перечисленных выше народов помещения, в которых спали юноши, являлись собственно не домами холостяков, как мы их до сих пор именовали, а мужскими домами. В этих домах, доступ в которые женщинам был обычно строго воспрещен, собирались все мужчины. Там они проводили большую часть своего свободного времени, обсуждали и решали общественные дела, устраивали время от времени пиршества, а иногда даже и вообще ели в них. В этих

же домах принимали и устраивали на ночлег гостей. Именно такой характер носили дома, где спали юноши, на о-вах Каролинских, Маршалловых, Гильберта, на о-ве Нукухива, Новой Зеландии, Торресовых о-вах, Соломоновых, Новых Гебридах, архипелаге Бисмарка, Новой Гвинее, о-вах Торресова пролива, на Тайване, Сулавеси, у даяков Калимантана, батаков Суматры, в Таиланде, Вьетнаме, Бирме, у нага, абор, микир, мири, гаро, малер, лушеев Индии, в Центральной Африке, в Камеруне, вапакомо, вабони Кении, ваньямвези, индейцев пуэбло.

Имеются факты, говорящие, что раньше в этих домах спали не только юноши, но все вообще мужчины. Так, например, у одного из племен нага (ангами-нага) мужчина в течение года после свадьбы должен был спать в мужском доме. Только по истечении этого срока он мог перейти в семейную хижину [119]. На о-вах Новые Гебриды мужчина получал право перейти из мужского дома в свой семейный только спустя несколько лет после вступления в брак [120]. У индейцев карок, шаста, хупа мужчины жили в одном шалаше с женой только летом. В остальное время года они спали в мужском доме, где проводили и досуг [121]. Имеются основания полагать, что раньше и у австралийцев обособленно от женщин жили не только юноши, но и вообще все мужчины. О существовании особых мужских лагерей говорится в мифах [122]. Такого рода лагеря и реально возникали во время совершения определенного рода обрядов, особенно инициаций [123].

Но самым важным доказательством истинности выдвинутых нами положений является существование у некоторых этнических групп самых настоящих мужских домов,— таких, где мужчины не только проводили все свободное время, решали общественные дела, питались, но и спали. У этих племен и народов в семейных хижинах обитали лишь женщины и дети. Парный брак носил в таких условиях по существу дислокальный характер, хотя и не был дисэкономическим. Существование мужских домов такого типа зафиксировано у многих племен Новой Гвинеи, на о-вах Банкс, Санта-Крус, Фиджи, о-вах Палау и о-ве Яп, у некоторых племен нага Ассама, у эскимосов Аляски и Гудзонова залива, у бороро и, возможно, мундуруку Бразилии [124].

---

[119] G. M. Codden. Naga and other frontier tribes of North-East India.— JAI, XXVI, N 2, 1898, p. 182.

[120] W. H. R. Rivers. The History of Melanesian society, vol. I, p. 209.

[121] S. Powers. Tribes of California. Washington, 1877, p. 24; R. H. Lowie. Op. cit., p. 306, 307.

[122] T. G. H. Strehlow. Aranda traditions. Melbourne, 1947, p. 92.

[123] А. Элькин. Коренное население Австралии. М., 1952, стр. 157; B. Spencer and F. J. Gillen. Op. cit., p. 214—216, 348, 352; и др.

[124] К. Штейнен. Среди диких народов Бразилии. М.—Л., 1931, стр. 136; «Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842—1844 гг.» М., 1956, стр. 95—98, 100—102; Л. А. Файнберг. Указ. соч., стр. 196, 197; K. Semper. Palau Inseln. Leipzig, 1873, S. 314—316; G. M. Godden. Op. cit., p. 182; H. Schurtz. Op. cit., S. 294; T. C. Hodson. Op. cit., p. 70, 76; W. H. Rivers. The history of Mela-

Приведенный выше материал позволяет наметить линию эволюции мужских домов. Вначале все мужчины, а также мальчики, начиная с определенного возраста, проводят все свободное время, питаются и спят в мужском доме. В дальнейшем с возникновением парного брака и семейного жилища женатые мужчины постепенно переходят спать к жене, и в мужском доме остаются на ночь лишь юноши. В дальнейшем развитии мужской дом может превратиться только в дом холостяков, утратив функции своеобразного мужского клуба (меланезийцы о-вов Тробриан, ведды Цейлона, тесо Африки и др.). Но возможен и другой вариант: мужской дом превращается только в мужской клуб, а также место ночлега гостей. В таком виде мужской дом был зафиксирован у значительного числа народов на о-ве Онтонг-Джава, о-вах Самоа, Тонга, Таити, Гавайских, Маркизских, у горных таджиков, ягнобцев, кафиров Гиндукуша, хевсуров, кабилов, мандинго, племен Камеруна и Танганьики, индейцев пуэбло, бакаири, гуарани, маку. Интересно отметить, что, например, у горных таджиков мужской клуб, носивший у них название «алаухона», был кое-где и местом, где спали подростки и холостяки, хотя обязательным это уже не было [125].

У некоторых племен Новой Гвинеи, например у маринд-аним, существовали отдельные дома для взрослых мужчин и отдельно для юношей [126]. На о-вах Банкс бытовали общие мужские дома, но внутри их взрослые мужчины были отделены от юношей [127]. Деление на более или менее оформленные возрастные разряды, или, как их чаще называют, возрастные классы, имело необычайно широкое распространение [128]. Число возрастных классов у разных племен и народов не было одинаково.

На базе мужских домов в определенных конкретно-исторических условиях возникли различного рода мужские союзы, которые нередко строились по возрастному признаку. Молодые люди могли образовывать один союз, взрослые мужчины — другой, пожилые — третий и т. п. У этнических групп ряда регионов (Ме-

---

nesian society, vol. 1, p. 61, 223, 264; A. B. Brewster. Circumcision in Noikoro, Noemaiy and Mboumbudno.— JRAI, XLIX, 1919, p. 311—314; R. Briffault. The Mothers, vol. 1, p. 512; R. M. Berndt. Excess and restraint, Chicago, 1962, p. 5, 6.

[125] См. Г. Арандаренко. Дарваз и Каратегин.— «Военный сборник», 1883, т. CLIV, № 12, стр. 310; Дж. С. Робертсон. Кафиры Гиндукуша, Ташкент, 1906, стр 172, 173; Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло. М.—Л., 1936, стр. 115—117; А. Н. Кондауров. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев.— «Труды Института этнографии», т. III, вып. 1. М.—Л., 1940, стр. 22—25; С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 315—316; М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа. М., 1961, стр. 128, 129; Н. И. Зибер. Указ. соч., стр. 291; H. Schurtz. Op. cit., S. 248—250, 271, 294, 298, 300, 302.

[126] С. А. Токарев. Родовой строй в Меланезии.— «Советская этнография», 1933, № 2, стр. 55, 56.

[127] W. H. R. Rivers. The History of Melanesian society, vol. 1, p. 36, 63.

[128] См. H. Schurtz. Op. cit.

ланезия, Микронезия, Полинезия, Индонезия и др.) мужские союзы существовали вместе с мужскими домами. У других народов мужские союзы пережили мужские дома. Не желая повторяться, укажем лишь те народы, которые не упоминались выше. Мужские союзы или их совершенно отчетливые пережитки были отмечены в Ахейской Греции, древнем Крите, Спарте, Милете, Коринфе, Мегарах, Беотии, Фурии, Карфагене, древней Италии, у кельтов Ирландии, древних германцев, по всей Средней Азии, у народов Дагестана, Западной Африки, у юки, помо, майду, хидатса, манданов, арапахо, черноногих, кроу, квакиютлей, нутка и других племен Северной Америки [129]. Совершенно явственные пережитки мужских союзов молодежи обнаруживаются у русских и украинцев [130].

Следует сказать, что число разнообразнейших более или менее отдаленных пережитков мужских домов и мужских союзов совершенно необозримо. Они отмечены практически у всех племен и народов мира. Широкое отражение получили они, в частности, в мировом фольклоре. Как, например, убедительно показал В. Я. Пропп, фигурирующий в волшебных сказках всех европейских народов, в том числе и русского, большой дом в лесу, в котором совместно жили мужчины, представляет собой не что иное, как хорошо известный по описаниям этнографов мужской дом [131].

Нам представляется, что приведенный выше материал в достаточной степени убедительно свидетельствует об универсальной распространенности в прошлом человечества института мужских домов. Но тем самым он косвенно свидетельствует и об универсальной распространенности в прошлом человечества и женских

---

[129] Плутарх. Указ. соч., т. I, стр. 61—62; С. Я. Лурье. История Греции, ч. I. Л., 1940, стр. 167—168; он же. Язык и культура Микенской Греции. М.—Л., 1957, стр. 226—229; С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 314—317; Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура.— «Труды Института этнографии», т. VIII, 1949, стр. 147—173; К. Л. Задыхина. Пережитки возрастных классов у народов Средней Азии.— «Труды Института этнографии», т. XIV, 1951; Ю. П. Аверкиева. Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки.— «Труды Института этнографии», т. LXX, 1961, стр. 83, 192; Г. П. Снесарев. Традиция мужских союзов в ее позднейшем варианте у народов Средней Азии.— «Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958—1961 гг.», т. 2. М., 1963; Страбон. География. М., 1964, X, стр. 459; Л. Н. Казаманова. Очерки социально-экономической истории Крита в V—IV вв. до н. э. М., 1964, стр. 93; Ю. В. Андреев. Мужские союзы в поэмах Гомера.— «Вестник древней истории», 1964, № 4; S. Powers. Op. cit., p. 158, 305, 412; R. H. Codrington. Op. cit., p. 63—103; H. Schurtz. Op. cit., S. 314—316, 368—439; H. Webster. Primitive secret society. New York, 1908; idem. Totem clans..., p. 482, 483; W. H. R. Rivers. The History of Melanesian society, vol. 1, p. 61, 88—143; L. Weiser. Altgermanische junglingsweihen and Männerbünde. Baden, 1927; J. E. Harrison. Themis. Cambridge, 1927; R. H. Lowie. Op. cit., p. 287—288, 307, 308, 324.

[130] См. Н. И. Зибер. Еще о братствах.— «Слово», 1881, № 1; Н. Мацокин. Отношения полов до брака в некоторых малороссийских деревнях. Владивосток, 1909.

[131] В. Пропп. Мужской дом в русской сказке.— «Ученые записки ЛГУ» (серия филол. наук), 1939, № 20; он же. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946, стр. 97—148.

домов, прямых данных о существовании которых имеется значительно меньше. Несомненно, что все данные, свидетельствующие об обособлении мужчин от женщин, в такой же степени говорят и об обособлении женщин от мужчин. Совершенно естественно, что везде, где существовал мужской дом, особенно в своей наиболее архаичной форме, женщины составляли столь же обособленную группу, что и мужчины.

Но группа эта не обитала, как правило, в общественном доме, аналогичном мужскому. Во всей просмотренной литературе нам встретилось лишь одно совершенно недвусмысленное утверждение о существовании дома, в котором совместно жили девушки и замужние женщины с детьми. По словам Г Мосли, он собственными глазами видел такой дом на о-вах Адмиралтейства [132]. Но это сообщение не подтверждено никем из последующих наблюдателей, и мы не будем на него опираться.

Не встречая настоящих женских домов, мы в то же время располагаем данными об их существовании в далеком прошлом человечества. О том, что семейным хижинам предшествовал общий женский дом (лагерь), прежде всего говорит бытование у многих народов домов (лагерей) девушек. Последние, как уже указывалось, существовали в Океании, Австралии, Азии, Африке и Америке. Имеются данные, свидетельствующие, что у аборигенов Австралии лагерям незамужних девушек предшествовали лагеря, где жили все женщины и дети обоего пола. О существовании параллельно с мужскими женских лагерей говорится в мифах [133]. Женские становища и реально возникали параллельно с мужскими во время исполнения определенных церемоний [134]. Особые «дома женщин» и «дома девушек», куда собирались для времяпрепровождения соответствующие группы женского населения, были описаны у некоторых народов Кавказа, в частности у даргинцев [135]. Существование специальных домов, где собирались женщины, отмечено на о-вах Гильберта [136]. Нашли свое отражение женские дома в фольклоре, в частности русском [137].

Пережитками женских домов являются женские союзы, которые были замечены в Микронезии (о-ва Палау и о-в Яп), Западной Африке и Северной Америке [138]. Они также нередко строились по возрастному признаку. Так, например, у нутка параллельно трем мужским союзам — молодых мужчин, среднего возраста и пожилых — существовали три объединения женщин соответст-

---

[132] H. N. Moseley. Op. cit., p. 403.

[133] T. G. Strehlow. Op. cit., p. 92.

[134] B. Spencer and F. J. Gillen. Op. cit., p. 348, 352.

[135] «Народы Кавказа». М., 1960, стр. 480.

[136] Г. Шурц. Указ. соч., стр. 140.

[137] См. Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Пермской губернии. Пг., 1914; В. Я. Пропп. Исторические корни..., стр. 108—109.

[138] Г. Шурц. Указ. соч., стр. 139—140; Ю. А. Аверкиева. Разложение родовой общины..., стр. 192; R. H. Lowie. Op. cit., p. 305—309.

вующих возрастов [139]. Интересно в этой связи отметить, что исследователи, описавшие бытовавшие кое-где у русских и украинцев и являвшиеся пережитками союзов мужской молодежи объединения, одновременно указали на существование параллельно с ними таких же объединений женской молодежи. Заслуживает быть отмеченным и тот факт, что члены этих объединений спали отдельно от родителей [140].

Наконец, к женским домам и связанному с ними групповому браку, к домам девушек и связанной с ними свободе добрачных отношений полов уходит своими корнями широко распространенный в древности обычай храмового постоянного или временного гетеризма, на который особое внимание было обращено И. Я. Бахофеном [141] и вслед за ним Ф. Энгельсом [142].

Наследием эпохи, характеризовавшейся обособленным проживанием мужчин и женщин, были особые женские праздники, на которые не допускались мужчины, и особые мужские, на которые не допускались женщины. Ареал распространения мужских праздников совпадает с ареалом распространения мужских домов и союзов, что делает излишним перечисление народов, у которых они бытовали. Особые женские праздники, во время которых женщины выступали как определенная организованная группа, в своей исходной форме также были связаны с настоящими женскими союзами, а если идти глубже — и с женскими домами. Но они оказались настолько живучими, что сохранились и после того, как последние давно уже исчезли. Бытование женских праздников, справлявшихся в строжайшей тайне от мужчин, различного рода обрядов и их пережитков было отмечено в древнем Египте, античной Греции, Этрурии, древнем Риме, Галлии, древней Британии, средневековой Фландрии, у многих народов Африки, обитателей о-вов Лоялти и Маркизских, по всей Индии, у кетов, якутов, грузин, русских, украинцев, белорусов, чехов, ижорцев, немцев, марийцев, мордвы, удмуртов и других народов [143].

Все эти данные показывают, что в далеком прошлом человечества женские дома были столь же универсальным явлением, как и мужские.

Свидетельствуя о раздельном проживании мужчин и женщин, приведенные выше материалы говорят тем самым и о раздельном проживании половых партнеров, т. е. о дислокальности брака. Но кроме изложенных выше имеется много и таких данных, которые говорят прежде всего о прошлой дислокальности брака

---

[139] Ю. П. Аверкиева. Разложение родовой общины..., стр. 192.

[140] См. Н. И. Зибер. Указ. соч.; Н. Мацокин. Указ. соч.

[141] J. J. Bachofen. Op. cit., S. XIX, 13, 84, 204, 270, 271, 310, 320, 321.

[142] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 54, 55.

[143] Сводку материалов и литературы по этому вопросу см.: Ю. И. Семенов. Как возникло человечество, стр. 482—485.

и лишь затем в определенной степени об изоляции мужчин и женщин вообще.

Переход мужчин из общего дома прямо в семейные жилища является одним из вариантов развития. Другой — появление помещений, в которых жил мужчина один или с сыновьями. Во всяком случае у довольно значительного числа народов мы наблюдаем существование одиночных мужских и семейных женских хижин, домов и т. п.[144] У некоторых африканских племен мужья и жены не только жили в разных хижинах, но и сами эти хижины были расположены на определенном расстоянии друг от друга: мужские в одной части деревни, женские — в другой[145]. Иногда это расстояние было таким, что путешественники говорят даже о женской и мужских деревнях[146]. У других народов жилища мужа и жены были расположены рядом. Следующим шагом является превращение их в мужскую и женскую половины общего жилища.

Все стадии перехода можно наглядно видеть на материалах по этнографии Кавказа. Эти данные тем более интересны, что проливают свет на происхождение самих мужских жилищ. У многих народностей Северного Кавказа и Дагестана глава семьи жил в особом помещении, которое носило название кунацкой. Последняя служила также помещением для всех мужчин дома или мужчин вообще. В ней же принимали гостей, причем само собой разумеется, лишь мужчин. Кунацкая существовала в двух формах: в виде отдельного строения и в виде части общего жилища — мужского его отделения. В свою очередь кунацкая как особое строение могла находиться либо вне ограды, за воротами, либо внутри ограды. В первом случае она нередко выступала по существу как своеобразное общественное учреждение, по целому ряду признаков сходное с мужским домом или домом холостяков, на что обратил внимание М. О. Косвен[147]. Расположение кунацкой внутри ограды, рядом с общим жилищем, является шагом по пути превращения ее в часть последнего. Но даже и соединившись с общим жилищем, кунацкая на первых порах остается изолированной от него. Их отделяет глухая стена. Фактически здесь пока не единое жилище, а два строения под одной крышей. И лишь в дальнейшем кунацкая сливается с общим жилищем, окончательно трансформируясь в его мужскую половину[148].

---

[144] См. R. M. Connoly. Social life in Fanty-Land.— JAI, XXVI N 2, 1896, p. 145; G. Burrows. On the natives on the upper Welle district of the Belgian Congo.— JAI, XXVIII, 1899, p. 41; H. Schurtz. Op. cit., S. 297; F. F. W. Byng-Hall. Notes on the Bassa Komo tribe.— «Journal of the African society», VIII, N XXIX, 1908, p. 17; R. Briffault. The Mothers, vol. I, p. 519.

[145] F. F. W. Byng-Hall. Op. cit., p. 17.

[146] G. Burrows. Op. cit., p. 41.

[147] М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа, стр. 126—128.

[148] Там же, стр. 29, 30, 127—129.

Все приведенные выше материалы позволяют сделать вывод что имеющее необычайно широкое распространение деление жилища на мужскую и женскую половины представляет собой пережиток раздельного проживания супругов. Пережитком дислокального поселения является и бытовавший у огромного числа народов запрет мужу и жене есть вместе, а также готовить пищу на одном огне[149]. Последний запрет заслуживает особого внимания, ибо прямо говорит о том, что некогда половые партнеры принадлежали к разным хозяйственным коллективам.

У многих народов запрет есть вместе касался не только мужа и жены, но и вообще мужчин и женщин, что свидетельствует о раздельном проживании в прошлом не только половых партнеров, но вообще представителей противоположного пола.

Этнографические данные, свидетельствующие о раздельном проживании в прошлом половых партнеров, позволяют ответить и на вопрос, как и в какой форме осуществлялась между ними связь. Особенно интересны два обычая меланезийцев о-вов Тробриан: улатиле (ulatile) и катайауси (katayausi).

Улатиле представлял собой специальную экспедицию юношей, целью которой было вступить в половые сношения с девушками другой деревни. Подойдя к намеченной деревне, юноши прятались в кустах, куда к ним прокрадывались девушки. Иногда девушки ждали их в заранее условленном месте. Катайауси был женским вариантом улатиле. Он представлял собой любовную экспедицию девушек в одну из соседних деревень. Сношения при этом также осуществлялись в джунглях[150].

Как уже неоднократно отмечалось, свобода добрачных половых отношений во всех ее проявлениях была пережитком группового дислокального брака. Улатиле и катайауси были формами проявления этой свободы, но такими, которые представляли собой явное отклонение от сложившихся норм и носили архаичный характер, на что особо указывает Б. Малиновский[151]. Все это дает основание полагать, что оба эти обычая были прямым и непосредственным наследием эпохи группового брака.

Существование их прежде всего лишний раз подтверждает положение о том, что групповой брак носил дислокальный характер. Половые партнеры жили раздельно, причем первоначально расстояние между их поселениями могло быть и довольно значительным. В противном случае в таких экспедициях не было бы нужды. Половые отношения в таких условиях осуществлялись в основном лишь во время такого рода коллективных посещений. Брак тогда носил групповой характер в прямом и бук-

---

[149] Сводку материала см.: Э. Краулей. Мистическая роза. Исследование о первобытном браке. СПб., 1905, стр. 169—179.

[150] B. Malinowski. The sexual life of savages..., p. 221—231.

[151] Ibid., p. 227.

вальном смысле слова. Группа мужчин встречалась с группой женщин.

Наиболее благоприятные условия для такого рода отношений создавались, когда навещаемые группой половых партнеров женщины жили отдельно от мужчин, принадлежащих к одному с ними хозяйственному коллективу. В этой связи можно отметить, что, хотя экспедиции юношей у тробрианцев и были освящены обычаем, однако они обязательно должны были осуществляться под покровом строгой тайны. Если место встречи обнаруживалось жителями деревни, то могла произойти схватка, которая в прошлом иногда влекла за собой войну между селениями [152].

Описываемый тробрианский обычай не стоит совершенно особняком. Сходные явления мы наблюдаем у некоторых племен Новой Гвинеи [153]. Существование обычая, в некотором роде аналогичного катайауси, отмечено у бушменов [154].

Более или менее прямое отражение нашли такого рода отношения в фольклоре, в частности в легендах о так называемых амазонках. Первоначальное ядро этих легенд связано с оргиастическими нападениями женщин на мужчин, имевшими место в конце эпохи первобытного стада [155]. Возникшие в форме оргиастических нападений женщин на мужчин и мужчин на женщин отношения между тотемистическими первобытными стадами в дальнейшем претерпели существенные изменения. Половые отношения между членами разных коллективов были санкционированы и возникли дуально-стадные организации, превратившиеся затем в дуально-родовые.

Эти изменения нашли свое отражение в легендах об амазонках. Значительная часть их в очень своеобразной форме воспроизводит отношения, существовавшие в эпоху дисэкономического и дислокального группового брака.

Очень характерным является рассказ Страбона (68 г. до н. э.— 20 г. н. э.) об амазонках, живущих на Кавказе рядом с народом гаргарейцев (по другим данным — рядом с племенами гелов и легов). В течение большей части года амазонки ведут совершенно самостоятельное существование. Но в продолжение двух весенних месяцев они поднимаются на гору, отделяющую их от гаргарейцев. Последние, также по древнему обычаю, поднимаются на гору и вступают с амазонками в связь. Девочек, родившихся после этого, амазонки оставляют у себя, мальчиков — отдают гаргарейцам [156]. Вариант этого предания имеется в жиз-

---

[152] Ibid., p. 226.

[153] R. M. Berndt. Op. cit., p. 118, 119.

[154] В. Эллейбергер. Трагический конец бушменов. М., 1956, стр. 218.

[155] См. Ю. И. Семенов. Как возникло человечество, стр. 478—482.

[156] Страбон. География, XI, 5, 1, 477—479.

неописании Помпея [157]. Сходное предание мы находим у «Псевдо-Каллисфена» [158].

В «Книге Марко Поло» содержится рассказ о существующих в Аравийском море двух островах — мужском и женском. Ежегодно в марте мужчины отправляются на женский остров, где и остаются до конца мая. Остальные девять месяцев мужчины и женщины живут раздельно [159]. Рассказ, почти во всех деталях тождественный, приводит со слов туземцев-араваков Христофор Колумб [160]. Подобного рода легенды конкистадоры и путешественники встретили у самых различных племен Центральной и Южной Америки [161].

Сходные рассказы мы находим в трудах арабского путешественника и географа XII в. Аль-Идриси, помещавшего мужской и женский острова в Северный океан, а также в описании Индии, принадлежащем церковному писателю Палладию, жившему в конце IV — начале V в. [162] Наконец, сходные мотивы мы находим в мифах арунта (аранда), в которых рассказывается о существовании в эпоху альчера самостоятельных мужских и женских групп, имевших разные тотемы. Между представителями этих групп, обитавших по соседству, существовали половые связи [163].

Во всех приведенных выше легендах связи раздельно живущих мужчин и женщин носят, как правило, прочный и постоянный характер. В других легендах, отражающих, на наш взгляд, более ранний этап развития, они выступают в одних случаях как эпизодические, в других — осложняются опасностью, грозящей мужчинам со стороны женщин, в третьих — характеризуются сочетанием и того и другого.

В апокрифическом «Послании пресвитера Иоанна», правителя баснословной страны, которую помещали где-то на границе с Индией, к византийскому императору Мануилу Комнену (XII в.) рассказывается об амазонках, живущих на острове. Мужья этих женщин не живут вместе с ними и не осмеливаются появиться на острове под страхом немедленной смерти. Лишь в определенное время они приплывают туда, живут со своими женами 10—15 дней, а затем удаляются [164].

В старинном индийском сказании «Махабхарата» имеется рассказ о стране, населенной исключительно лишь женщинами. Когда мужчины прибывали в нее, женщины становились их женами.

---

[157] Плутарх. Сравнительные жизнеописания, т. 2. М., 1963, стр. 359.

[158] «Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе», 1, вып. 3. СПб., 1900, стр. 902.

[159] «Книга Марко Поло». М., 1955, стр. 200.

[160] «Путешествия Христофора Колумба». М., 1952, стр. 184—189.

[161] М. О. Косвен. Амазонки. История легенды.— «Советская этнография», 1947, № 2.

[162] Там же, стр. 46—54.

[163] T. G. Strehlow. Op. cit., p. 92.

[164] М. О. Косвен. Амазонки. История легенды, стр. 43.

Но если мужчина оставался в стране больше месяца, его предавали смерти [165].

Сходная во всех отношениях легенда была записана у папуасов Новой Гвинеи [166]. Испанский монах де Мендоза, побывавший в Китае во второй половине XVI в., рассказывает, что недалеко от Японии открыты острова, населенные исключительно лишь женщинами. Ежегодно в определенное время сюда прибывают из Японии суда с товаром. Мужчины, прибывшие на судах, ведут себя с местными жительницами как с женами, но лишь в течение определенного срока, после которого они должны удалиться [167].

В легендах самого позднего типа от всего этого сохраняется лишь представление о далекой стране, населенной исключительно лишь женщинами. В таком виде они встречаются в фольклоре чукчей, бурятов, корейцев, китайцев, тибетцев, японцев, туземцев Суматры и о-вов Ментавай, в ирландском эпосе, в старинных норвежских хрониках [168].

Из всех рассмотренных преданий об амазонках наибольший интерес для нас представляют легенды типа той, что дошла до нас в изложении Страбона. В них повествуется о существовании двух раздельно живущих групп: мужской и женской, между членами которых регулярно осуществляются половые отношения во время встреч в заранее установленном месте (амазонки и гаргарейцы) или коллективных посещений женщин в местах их обитания мужчинами. Иначе говоря, перед нами выступает та же картина, что вырисовывалась из обычаев улатиле и катайауси.

Картина эта неполна: в ней мужская и женская группы выступают как вполне самостоятельные хозяйственные коллективы, в то время как в действительности и та, и другая были всего лишь частями хозяйственных коллективов, состоявших каждый из мужской и женской групп, между членами которых половые отношения были строжайше воспрещены. К этому можно найти лишь одно объяснение: мужчины и женщины, принадлежащие к одному роду, также жили раздельно, причем на определенном расстоянии друг от друга.

Именно с тем, что из поля зрения легенд выпал род, связано сообщение Страбона об оставлении амазонками девочек у себя и передаче мальчиков гаргарейцам. Если переход мальчиков из женской группы в отцовскую мужскую группу и имел место, то на значительно более поздней стадии развития. Первоначально же мальчики по достижению определенного возраста переходили из женской группы не в группу отца, а в ту мужскую группу,

---

[165] Там же, стр. 54.

[166] Там же, стр. 57.

[167] Там же, стр. 53.

[168] См. «Ирландские саги». М.— Л., 1933, стр. 241—245, 316, 317; М. О. Косвен. Амазонки.— «Советская этнография», 1947, № 2, стр. 47, 48, 50—52; Р. Хеннинг. Неведомые земли, т. 2. М., 1961, стр. 462; М. Н. Пак. Описание корейских племен начала нашей эры (по «Сань-го Чжи»).— «Проблемы востоковедения», 1961, № 1, стр. 124 и др.

которая образовывала вместе с группой матери один хозяйственный коллектив, один род,— в мужскую группу, к которой принадлежали братья матери. Именно в этом корень широко распространенного явления, хорошо известного этнографам под названием авункулата и состоящего прежде всего в теснейшей связи племянника с дядей по матери [169].

Возникшая в эпоху группового брака связь мальчика с братом матери была столь прочной, что у некоторых народов сохранилась не только после разрушения мужской и женской групп, но даже после того, как началось становление частной собственности и эксплуатации человека человеком. Так, например, у тлинкитов и цимшиян, у которых существовало значительное имущественное неравенство и социальная дифференциация, наследником индейца долгое время оставался не его собственный сын, а сын сестры, переходивший по достижении определенного возраста в домохозяйство дяди [170].

Широко распространенный среди народов, стоящих на стадии доклассового общества, взгляд на дядю по матери как на самого близкого родственника, а на отца как на чужого человека, отсутствие у последнего каких-либо прав на детей, невозможно объяснить, не допустив, что когда-то мать, ее братья и ее дети, с одной стороны, и отец, с другой — принадлежали к разным хозяйственным коллективам.

Один из интересных моментов легенд об амазонках состоит в том, что они чаще всего рисуются как живущие на острове, как отделенные от мужчин более или менее широкой полосой воды. Этот момент, как и вообще легенды об амазонках в целом, не получил никакого объяснения в литературе по этнографии и фольклористике. На наш взгляд, свет на него проливают некоторые зафиксированные исследователями факты из жизни разных народов. Один из них относится к аборигенам Австралии. Когда у племени арунта (аранда) собирались вместе люди, принадлежащие к разным фратриям, то они располагались так, чтобы между их лагерями протекал ручей [171]. В некотором отношении сходное явление мы находим в другой части света у народа, стоявшего на значительно более высокой стадии развития. В раннеклассовом государстве Буганда строжайшим образом соблюдался обычай, согласно которому дворец правителя (кабаки) обязательно должен быть отделен ручьем от жилища королевы [172].

---

[169] Сводку материалов см.: М. О. Косвен. Авункулат.— «Советская этнография», 1948, № 1; R. Briffault. The Mothers, vol. 2, p. 490—503.

[170] Ю. П. Аверкиева. К истории общественного строя у индейцев северо-западного побережья Северной Америки.— «Труды Института этнографии», т. LVIII, 1960, стр. 25, 39, 111.

[171] B. Spencer and F. J. Gillen. The northern tribes of Central Australia. London, 1904, p. 31, 32, 96.

[172] J. Roscoe. The Baganda. London, 1911, p. 203.

И в том и другом случае ручей отделял людей, имевших право вступать в половые отношения, так же как и полоса воды в легендах об амазонках. И это позволяет высказать предположение об эволюции отношений между двумя коллективами, образовывавшими дуально-родовую организацию.

Первоначально они были расположены сравнительно далеко друг от друга, о чем говорят и обычаи улатиле и катайауси, и легенды об амазонках. В дальнейшем параллельно с удалением друг от друга на определенное расстояние мужской и женской групп, принадлежавших к одному хозяйственному коллективу, шло пространственное сближение мужской и женской групп, входивших в состав разных хозяйственных организмов, но образовывавших одну брачную организацию. Возможно, что в конце концов все четыре группы стали по существу образовывать одно поселение, состоявшее из четырех обособленных кварталов (становищ, домов и т. п.). Однако близкое поселение двух разных социальных организмов было нарушением старой традиции их совершенно самостоятельного, обособленного существования. Стремление примирить старую традицию с новым положением вещей привело к тому, что коллективы селились друг возле друга, но так, чтобы их отделяло какое-нибудь естественное препятствие — им мог быть ручей, холм и т. п.

Необходимость резкой демаркации обусловливалась не только приведенными выше мотивами. Без нее невозможно было обойтись еще и потому, что каждый коллектив имел свою территорию, которую охранял от посягательств других. Пока коллективы жили в отдалении, граница между ними могла быть неопределенной. Близкое поселение требовало резкого разграничения территории.

Следует отметить, что традиция совместного поселения двух половин дуальной организации и вместе с тем их обособления друг от друга оказалась настолько живучей, что долгое время проявлялась в планировке не только селений доклассового общества, но и городов раннеклассового [173].

С поселением на близком расстоянии мужских и женских групп, принадлежащих к разным родам, отпала необходимость в коллективных экспедициях типа улатиле и катайауси. Хотя брак продолжал оставаться групповым, но на смену встречам групп мужчин с группами женщин пришли встречи индивидов, принадлежащих к разным родам, встречи отдельных мужчин с отдельными женщинами. Пережитком этой стадии следует считать отмеченный у некоторых народов обычай, состоящий в том, что люди могли вступать в половые отношения только за пределами селения и ни в коем случае не в помещении.

---

[173] С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 284, 294.

Так, например, у некоторых групп батаков Суматры общение юношей и девушек на рисовых полях является совершенно свободным. Но если они позволяют себе это в селении, то подвергаются штрафу [174]. На Соломоновых о-вах молодежь может вступать в сношения только в кустах, но никогда в доме [175]. У некоторых племен Фиджи, Новой Каледонии, Новой Гвинеи, гондов Индии, уитото Южной Америки вступать в половые отношения дома воспрещалось даже мужу и жене. Они должны были встречаться в чаще леса, причем в тайне от других людей [176].

В дальнейшем уже после возникновения парного брака тайные встречи в лесу сменились тайными же на первых порах визитами мужчины в дом женщины, где он проводил ночь. У некоторых народов, у которых парный брак долгое время спустя после своего возникновения продолжал оставаться дислокальным, мы наблюдаем все почти что в первоначальном виде. Так, например, у жителей Малабара, у которых мужчина и после заключения брака продолжал жить и работать в домохозяйстве матери, муж приходил к жене лишь на ночь [177]. Такие же отношения существовали у ирокезов в XVII—XVIII вв., куруайя Бразилии, кое-где у малайцев Суматры [178].

Как уже указывалось, по существу дислокальным был брак у многих народов, у которых существовали мужские дома в их архаичной форме или отдельные мужские и женские семейные жилища.

Но если настоящий дислокальный брак был не очень частым явлением, то у огромного числа народов мы находим его пережитки в виде обычая, согласно которому супруги в течение определенного, иногда длительного периода времени после заключения брака должны были жить раздельно. Муж в течение этого срока мог лишь навещать жену по ночам, причем чаще всего в тайне от ее родственников [179].

В связь с этим обычаем следует поставить, по-видимому, и другой, имевший среди народов, стоявших на стадиях доклассового и раннеклассового обществ, универсальное распростране-

---

[174] Л. Э. Каруиовская. Указ. соч., стр. 346.

[175] B. T. Somerville. Ethnographical notes in New Georgia, Solomons Islands.— JAI, XXVI, N 4, 1897, p. 346.

[176] Э. Краулей. Указ. соч., стр. 37; С. А. Токарев. Указ. стр. 59; H. Schurtz. Op. cit., S. 237; C. S. Ford. Op. cit., p. 28.

[177] G. A. de Moubray. Matriarchy in Malay peninsula and neighbouring countries. London, 1931, p. 109, 113.

[178] См. М. О. Косвен. Матриархат, стр. 40; R. Briffault. The Mothers, vol. I, p. 288, 289, 510, 511.

[179] Сводки материалов см.: А. Н. Максимов. Из истории семьи у русских инородцев.— «Этнографическое обозрение», 1902, № 1; Э. Краулей. Указ. соч., стр. 331, 458, 459; М. Сигорский. Брак и брачные обычаи на Кавказе.— «Этнография», 1930, № 3; М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа, стр. 43—50; E. B. Tylor. Op. cit.

нне, обычай взаимного избегания зятя и тещи и вообще свойственников [180].

Наряду с ним у многих народов зафиксирован и обычай взаимного избегания кровных родственников противоположного пола — брата и сестры, матери и сына [181]. Он связан уже не с дислокальностью брака, а с раздельным проживанием мужчин и женщин, принадлежавших к одной родовой коммуне. Важно отметить, что брат и сестра начинали избегать друг друга не сразу, а только по достижении ими определенного возраста. Это и понятно. В эпоху группового брака первые годы они жили вместе — в женском доме — и лишь затем их пути расходились: девочка оставалась с матерью и другими женщинами, а мальчик уходил в мужской дом. У тех народов, у которых продолжал сохраняться мужской дом или дом холостяков, связь взаимного избегания брата и сестры, сына и матери с переходом мальчика в данное общественное образование выступает совершенно отчетливо [182].

В заключение можно указать еще на один пережиток эпохи группового брака и раздельного проживания мужчин и женщин — половой тотемизм. Существование особых мужских и женских тотемов было зафиксировано у многих австралийских племен [183]. Такого рода тотемы могли возникнуть лишь в условиях, когда мужчины и женщины жили обособленными группами. На связь полового тотемизма с групповым браком и раздельным проживанием мужчин и женщин прямо указывают мифы австралийцев. Так, например, в преданиях арунта (аранда), повествующих о времени, когда существовали самостоятельные мужские и женские группы, говорится о том, что каждая из них имела свой собственный тотем [184].

* * *

Таким образом, выявление характера брачных отношений, существовавших на заре родового общества, дает возможность уточнить наши представления о первобытной родовой коммуне. Как показывают приведенные выше данные, она состояла из

---

[180] Сводку материалов см.: А. Н. Максимов. Ограничение отношений между одним из супругов и родственниками другого.— «Этнографическое обозрение», 1908, № 1 и 2.

[181] См. Э. Краулей. Указ. соч., стр. 217—219, 222; S. Powers. Op. cit., p. 412; R. N. Codrington. Op. cit., p. 35; W. H. R. Rivers. The History of Melanesian society, vol. 1, p. 213, 255, 291; vol. 2, p. 152—154.

[182] R. N. Codrington. Op. cit., p. 35, 231—232.

[183] См. Э. Краулей. Указ. соч., стр. 45, 46, 449—451; С. П. Толстов. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен, стр. 35; A. L. P. Cameron. Notes on some tribes of New South Wales.— JAI, XIV, N 4, 1885, p. 350, A. W. Howitt. Further notes on the Australian class systems.— JAI, XVIII, N 1, 1888, p. 56—58.

[184] T. G. Strehlow. Op. cit., p. 92.

двух несколько обособленных групп, каждая из которых занимала особое жилище или группу жилищ. Однако это обособление не было чрезмерным. Мужская и женская группы не составляли особых хозяйственных ячеек, они были частями одного хозяйственного и вместе с тем социального организма — первобытной родовой коммуны. О том, что именно род, а не какое-либо другое общественное образование, был первоначально производственным коллективом, говорит тот неоспоримый факт, что у всех племен и народов, находившихся на стадии доклассового общества, у которых род уже перестал быть хозяйственной ячейкой, основное средство производства — земля — по традиции продолжала считаться родовой собственностью.

Этот факт, между прочим, совершенно не поддается объяснению, если придерживаться концепции первобытного общества, развиваемой в работах Н. А. Бутинова и В. Р. Кабо. Ведь действительно, если род никогда не был производственным коллективом, а всегда представлял собой всего лишь организацию, регулирующую семейно-брачные отношения, то спрашивается, каким же образом объяснить, что именно род, а не община считался у австралийцев, папуасов и т. д. собственником земли? На этот вопрос совершенно невозможно дать ответ, если оставаться на занимаемых ими позициях.

На заре родового общества род был единственным производственным коллективом и одновременно социальным организмом, т. е. отдельным, конкретным обществом.

Такое положение сохранялось вплоть до начала производства минимального прибавочного продукта. Это означало переход к новому этапу в развитии первобытного общества, который выходит за рамки настоящей работы.

В. Р. КАБО

ПЕРВОБЫТНАЯ ОБЩИНА ОХОТНИКОВ И СОБИРАТЕЛЕЙ

(по австралийским материалам)

Проблема развития и разложения первобытной общины и формирования в ее недрах классового общественного строя — одна из центральных проблем марксистской исторической науки. Но, к сожалению, за исключением работ М. О. Косвена о семейной общине, обобщающие теоретические труды на эту тему в советской этнографической литературе все еще отсутствуют. Между тем этапы эволюции общины и ее конкретно-исторические формы, особенно ранние, еще во многом не исследованы. Их изучение должно стать первоочередной задачей этнографии. Эта наука располагает богатейшим фактическим материалом, позволяющим дать характеристику общины у различных народов мира, на всех уровнях ее развития, в разнообразных исторических и социально-экономических условиях.

Термин «первобытная» (или «архаическая») община принадлежит К. Марксу. В черновых набросках письма к В. И. Засулич Маркс противопоставляет «общину вторичной формации» ее «архаическому прототипу». Экономической основой архаической общины является общинная собственность на всю землю, коллективизм производства и потребления. В отличие от общины позднейшего типа, «все более ранние первобытные общины,— как говорит Маркс,— покоятся на кровном родстве своих членов» [1]. Вследствие этого к таким общинам и приложим при всей его условности термин «родовые» [2]. Таковы основные черты, отличающие, по Марксу, архаическую или первобытную общину от той, которая приходит ей на смену.

Общине позднейшего типа (Маркс называет ее «земледельческой», или «сельской») присущ дуализм экономических начал,

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 403, 404.

[2] Следует иметь в виду, что собственно рода в таком обществе иногда может и не быть.

т. е. появление, наряду с общинной собственностью, частной собственности, индивидуального производства и присвоения. Такого дуализма первобытная община еще не знает. Второе главное различие состоит в том, что кровнородственные связи, на которых покоится первобытная община, в общине вторичной формации разрываются и замещаются соседскими связями[3]. Постепенная смена родовых связей соседскими означает вместе с тем складывание частнособственнических отношений. Формирование соседской общины является одним из условий формирования классового общества.

В свою очередь общины обоих типов, как и любые общественные формы, проходят последовательные фазы развития. «Не все первобытные общины построены по одному и тому же образцу. Наоборот, они представляют собой ряд социальных образований, отличающихся друг от друга и по типу, и по давности своего существования и обозначающих фазы последовательной эволюции»[4]. Более ранней формой первобытных общин являются общины охотников и собирателей (присваивающая форма хозяйства), более поздней — общины земледельцев и скотоводов (производящая форма хозяйства). Существуют и переходные формы между теми и другими.

Общины охотников и собирателей (частично рыболовов), стоящие на наиболее низком из фиксируемых этнографией уровней социально-экономического развития, представляют особенно большой теоретический интерес. Таковы общины аборигенов Австралии, тасманийцев (уничтоженных колонизаторами к концу XIX в.), бушменов, пигмеев Центральной Африки, некоторых групп индейцев Северной Америки, огнеземельцев, техуэльче Патагонии, эскимосов, андаманцев, веддов Цейлона, семангов и сеноев Малакки, кубу Суматры, пунанов Калимантана и многих других народов. Все эти народы, несмотря на существовавшие между ними культурные различия, находились к началу колонизации — а некоторые и сейчас еще находятся — на самой ранней из существующих в настоящее время стадий общественно-экономического развития. Возможно, что некоторые из них деградировали в результате особо неблагоприятных условий. Но даже и в этом случае они представляют для нас большой интерес как пример регенерации прежних социально-экономических отношений, возрождения утраченного было образа жизни.

Факты свидетельствуют о том, что у этих и многих других народов, живущих в условиях доклассового общественного строя,

---

[3] Такая община, как писал Маркс, «будучи последней фазой первичной общественной формации, является в то же время переходной фазой ко вторичной формации, т. е. переходом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 419).

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 417.

община является основной ячейкой их общественной структуры. Между тем в общих сочинениях по этнографии первобытная община, как правило, выпадает из рассмотрения общественно-исторических форм. Когда говорят о первобытной или родовой общине, то нередко смешивают ее с родом, что неправильно. Как особая историческая общественная форма, первобытная или родовая община под тем или иным названием (например, под названием «локальная группа»), как правило, фигурирует лишь в работах, посвященных отдельным первобытным народам. Стоит лишь внимательно прочитать общие теоретические труды по этнографии, чтобы убедиться в том, что в большинстве случаев дело обстоит именно так. Ведущая экономическая ячейка первобытного общества — община — оказалась изученной менее других общественных форм, прежде всего семьи и рода. Достаточно напомнить такие, например, книги (в которых отчасти использован и австралийский этнографический материал), как «Формы семьи и формы хозяйства» Э. Гроссе или «Первобытная семья, ее возникновение и развитие» К. Н. Старке. И здесь, как в большинстве общих работ по этнографии, в центре исследования — семья, ее происхождение и развитие. Община остается вне поля зрения авторов. Такова же капитальная монография Б. Малиновского, целиком посвященная семье у аборигенов Австралии [5].

Редкое исключение составляет работа А. Кнабенханса [6]. Правда, она посвящена в основном «социально-политической» функции австралийской общины. Но здесь подробно рассматриваются и такие проблемы, как структура общины, численность австралийских общин в связи с экологическими условиями, межобщинный обмен и т. д.

Большой интерес в этой связи представляет работа Дж. Уилера. Поставив своей задачей изучить племенную организацию австралийцев, он в конце концов пришел к выводу, что «самая важная общественная единица у австралийцев — не племя, а небольшая локальная группа; племя состоит из нескольких таких групп» [7] И значительная часть его материалов относится именно к общине как основной структурной ячейке австралийского общества.

Интерес к экономике, к производственным отношениям в первобытном обществе, к общине как выражению этих отношений характеризует главным образом марксистскую этнографию. К сожалению, и здесь в этом отношении сделано еще очень немного. Большой вклад в изучение производственных отношений в первобытном обществе внесла книга русского исследователя Н. И. Зибера «Очерки первобытной экономической культуры».

---

[5] B. Malinowski. The family among the Australian aborigines. London, 1913.

[6] A. Knabenhans. Die politische Organisation bei den australischen Eingeborenen. Berlin — Leipzig, 1919.

[7] G. C. Wheeler. The tribe and intertribal relations in Australia. London, 1910, p. 55.

Одним из первых советских этнографов, сумевших правильно оценить значение первобытной общины как основной социально-экономической ячейки первобытного общества, был А. М. Золотарев [8]. Интерес к производственным отношениям, понимание той важной роли, какую они играют и в первобытном обществе, характеризует работы таких советских исследователей, как Н. А. Бутинов и Г. Ф. Хрустов [9], В. М. Бахта [10].

Именно община, а не семья, не род и не племя является, по мнению упомянутых выше ученых, как и по убеждению автора настоящей статьи, ведущей социально-экономической ячейкой первобытного общества. Она находится с только что названными формами социальной организации в сложном диалектическом единстве, но не тождественна им. Соответственно в настоящей статье обращено главное внимание не на формы рода и семьи (как, например, в работах Гроссе, Старке или Малиновского), а на общину как центр производственных и социальных отношений первобытного общества. Задача заключается в том, чтобы выяснить, что же представляет собой община на одном из ранних этапов общественного развития — у охотников и собирателей, наиболее типичным и изученным примером которых являются австралийцы.

Почему же, несмотря на все ее значение, первобытной общине уделяется сравнительно мало внимания? Одна из причин — отождествление понятий «род» и «община». Принято считать, что род — это «совокупность всех родственников, ведущих происхождение от общего предка» [11]. В этой формуле, однако, недостает очень важного звена. Помимо общего происхождения, для рода характерна экзогамия, т. е. запрет вступать в брак в пределах рода. Род не состоит из семей — открытие это принадлежит еще Л. Г. Моргану. «Открытием этого простого факта (т. е. экзогамии.— *В. К.*) Морган впервые раскрыл сущность рода» [12]. Исключением являются только те сравнительно поздние формы родовой организации, где существует обряд приобщения жены к роду мужа (или мужа к роду жены), после чего жена (муж) считается членом рода мужа (жены). Между тем община всегда состоит из семей, и уже по одному этому не может отождествляться с родом. По той же причине члены общины (например, мужья и их жены), за исключением упомянутых выше поздних случаев, ведут происхождение от разных предков и принадлежат, следова-

---

[8] А. М. Золотарев. Происхождение экзогамии.— «Известия ГАИМК», 10, вып. 2—4. Л., 1931.

[9] Н. А. Бутинов. Разделение труда в первобытном обществе.— «Проблемы истории первобытного общества» («Труды Института этнографии», т. LIV). М.—Л., 1960, стр. 109—150; Г. Ф. Хрустов. К вопросу об отношениях собственности в первобытном обществе.— «Советская этнография», 1959, № 6, стр. 16—36.

[10] См. его статью в этом сборнике.

[11] М. О. Косвен. Семейная община и патронимия. М., 1963. стр. 119.

[12] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 88.

тельно, к разным родам. Не менее важным является еще одно обстоятельство. В то время как часть данного рода (все замужние женщины или все женатые мужчины) уходит в силу закона экзогамии в другие родовые общины и таким образом перестает непосредственно участвовать в экономической деятельности своего рода, община, в отличие от рода, является единым социально-экономическим коллективом. Смешение понятий «род» и «община» приводит к тому, что смешивают и определяемые этими терминами общественные формы, а это отрицательно отражается на их изучении.

Исходя из того, что экзогамия является признаком, выражающим сущность рода, что семьи при наличии родовой организации объединяют представителей разных родов, можно заключить, что ведущая функция рода — регулирование семейно-брачных отношений. Ведущей функцией общины является материальное производство.

Это различие между понятиями «род» и «община» заметил еще Энгельс. Характеризуя «коммунистическое домашнее хозяйство» ирокезов, Энгельс указывал, что в нем «все женщины или большинство их принадлежат к одному и тому же роду, тогда как мужчины принадлежат к различным родам»[13]. Энгельс строго различал род как экзогамный коллектив и «коммунистическое домашнее хозяйство», или «коммунистическую домашнюю общину».

Первобытная община состоит из представителей разных родов, связанных между собой брачно-семейными отношениями. Эти отношения в свою очередь могли строиться по-разному. Либо муж уходил в общину жены (матрилокальный, или уксорилокальный брак), либо жена уходила в общину мужа (патрилокальный, или, точнее, вирилокальный брак). Реже бывает брак авункулокальный (поселение брачной пары в общине брата матери мужа), еще реже — неолокальный (поселение брачной пары вне общин мужа и жены) и совсем редок дислокальный брак, при котором муж и жена остаются в своих общинах. Во всех случаях, кроме последнего, очень редкого, семьи образуют единый производственный коллектив — общину. Первобытную общину необходимо рассматривать и изучать как особую общественно-историческую форму. Будучи выражением определенного уровня развития производительных сил, первобытная община представляет собой универсальное явление, она присуща всем народам на соответствующем уровне их развития. В силу, однако, целого ряда эмпирических обстоятельств (естественно-географических условий, конкретной исторической обстановки и т. д.) она выступает в своеобразных формах. В то же время она проходит, как уже сказано, последовательные фазы разви-

[13] Там же, стр. 53.

тия. Все это необходимо иметь в виду при конкретном рассмотрении различных типов первобытных общин.

Теперь перейдем к рассмотрению конкретного материала. Ознакомимся с тем, что представляет собой община на той стадии развития и в тех конкретных условиях, которые мы встречаем у современных нам австралийских аборигенов.

* * *

Австралия дает примеры типичных первобытных охотничьих общин, сохранившихся почти до наших дней. Особенно интенсивно они изучались в течение последних 30—40 лет. Привлекаемые нами материалы относятся к австралийским этническим группам, традиционная общинная организация у которых сохранялась в неизменном или почти неизменном виде на протяжении всего XIX и в XX в. Разрушительное воздействие колонизации почти не коснулось этих племен. Сравнительный анализ данных о племенах, на которые распространилось влияние колонизации, и о племенах, избежавших этого влияния, позволяет с достаточной точностью воспроизвести оригинальные формы общественного устройства [14].

Изучение австралийских общин имеет большую историю. Многие специалисты в своих обстоятельных исследованиях познакомили науку со специфическими формами социальной и хозяйственной организации коренного населения Австралии. Как показывают данные этих исследований, община (или локальная группа) австралийцев — это чаще всего сравнительно небольшой коллектив, состоящий, как правило, из нескольких родственных между собой семей, совместно владеющих определенной территорией со всеми ее ресурсами и совместно добывающих средства существования. А. Р. Рэдклиф-Браун определил австралийскую локальную группу как общественную форму, обладающую следующими признаками: 1) ребенок принадлежит к группе отца; 2) в большинстве случаев женщина, вступая в брак, покидает свою группу и присоединяется к группе мужа; 3) локальная группа состоит из мужчин и незамужних женщин, принадлежащих к группе по рождению, и из жен мужчин; 4) локальная группа владеет участком земли, границы которого известны, со всеми его естественными ресурсами; охота на территории другой ло-

---

[14] Материалы исследований последних десятилетий значительно полнее рисуют австралийскую общину, чем источники прошлого столетия, главным образом потому, что они собирались квалифицированными специалистами-этнографами, ставившими перед собой цель выяснить конкретные формы общинной организации. Материалы конца XVIII и всего XIX в. ни в чем существенном не меняют ту картину, которая складывается на основе источников, относящихся к XX в. В этом нетрудно убедиться, просмотрев хотя бы упомянутые выше работы Кнабенханса или Унлера, в которых источники XIX в. использованы достаточно полно.

кальной группы без разрешения последней не допускается; 5) обычное право не предусматривает, чтобы мужчина покидал свою группу и становился членом другой; 6) как правило, локальной группе принадлежит несколько тотемических центров, расположенных на ее территории; 7) локальная группа независима и автономна во всех своих делах и в отношениях с другими группами [15]. Выводы Рэдклиф-Брауна получили широкое признанне в зарубежной науке. Однако впоследствии появилось много новых материалов, заставивших в известной мере пересмотреть или дополнить их.

Еще Б. Спенсер и Ф. Гиллен, изучая в конце прошлого — начале нынешнего века общественную организацию аранда (Центральная Австралия), отметили, что каждая локальная группа этого племени «владеет определенной территорией, границы которой хорошо известны аборигенам» [16]. Размеры локальных групп и их территорий различны. Дополняя сведения Спенсера и Гиллена, О. Пинк указывал, что каждый абориген принадлежит от рождения к локальной группе своего отца и к его тотемическому роду [17].

К числу совсем недавних материалов относится сообщение Л. Хайэтта о пинтуби, живущих в районе оз. Маккай, в пустыне Гибсона. Пинтуби все еще ведут кочевой образ жизни, который в прошлом был характерен для аборигенов всей Австралии. До самого последнего времени пинтуби почти не соприкасались с европейцами. Одна из типичных групп пинтуби насчитывала 20 человек и состояла из двух семей, которые кочевали вместе, причем один из мужчин одной из семей был женат на двух дочерях из другой семьи, следовательно, семьи были связаны узами свойства. Для пинтуби обычно, что в течение некоторого времени после заключения брака муж живет вместе с родителями жены на территории ее группы [18].

Другой современный исследователь, Д. Томсон, в 1957 г. совершил экспедицию в северо-восточную часть пустыни Гибсона и к северу от оз. Маккай также обнаружил изолированную этническую группу аборигенов, называющих себя биндибу.

Биндибу населяют самую засушливую и негостеприимную область Австралии, но весь уклад их жизни настолько приспособлен к условиям, в которых они живут, что представляется несомненным: он сложился на протяжении жизни многих поколе-

---

[15] A. R. Radcliffe-Brown. Notes on the social organization of Australian tribes.— JRAI, 48, 1918, p. 222—223; idem. The social organization of Australian tribes.— «Oceania», vol. I, 1930, p. 35—37, 61.

[16] B. Spencer and F. J. Gillen. The Arunta London, 1927, p. 8.

[17] O. Pink. The landowners in the Northern division of Aranda tribe, Central Australia.— «Oceania», vol. VI, 1935, p. 290.

[18] L. R. Hiatt. Local organization among the Australian aborigines.— «Oceania», vol. XXXII, 1962, p. 273.

ний. Общины биндибу состоят из двух-трех, реже четырех семей — ведь скудные запасы пищи и воды не могут обеспечить большие коллективы людей, и они вынуждены жить маленькими группами, рассеянными в пустыне. Так, одна из общин, состоявшая из трех или четырех семей, насчитывала 15—16 человек. Некоторые мужчины имеют по две жены. Многоженство свойственно всем австралийским племенам и связано с трудными условиями жизни бродячих первобытных охотников. Иногда каждая семья биндибу добывает пищу самостоятельно как единый и независимый коллектив, а иногда мужчины и женщины общины уходят на поиски добычи двумя группами — мужчины отдельно, а женщины отдельно. Строгое разделение труда между мужчинами и женщинами вообще характерно для австралийцев. Временное объединение биндибу в святилище Лабби-Лабби насчитывало около 44 человек. Никаких сведений о родовой организации у биндибу Томсон не сообщает, он глухо упоминает только о существовании «брачных групп», регулирующих, очевидно, вступление в брак [19].

Еще более интересны материалы о племени валбири, которое было тщательно исследовано М. Меджиттом в 1950-х годах [20]. Валбири были избраны исследователем главным образом потому, что до недавнего времени они оставались сравнительно мало затронутыми европейским влиянием и сохраняли традиционные черты общественного строя, многие из которых существуют у них и в настоящее время (например, нормы родственных отношений и тотемические верования) [21]. В последние годы, правда, и у них, подобно многим австралийским племенам, в результате воздействия колонизации произошли некоторые перемены (в основном в территориальной организации и экономике). Но Меджитту удалось реконструировать по рассказам самих аборигенов те черты общественного строя валбири, которые уже не сохранились.

Валбири населяют пустынные области Центральной Австралии. Исследование их общественной структуры показало, что она во многом не соответствует той картине, которая, как представлялось Рэдклиф-Брауну и другим авторам, свойственна всем австралийским племенам. Племя валбири делится на четыре части, которые Меджитт называет общинами. Их численность от 200 до 400 человек в каждой. Территории этих общин от 7 до 15 тыс. *кв. миль*. Их состав и границы их территорий более или менее постоянны. Члены каждой общины свободно передвигаются по своей земле в поисках пищи. В наиболее благоприятное время

[19] D. F. Thomson. The Bindibu expedition.— «The Geographical Journal», vol. 128, 1962, p. 1—14, 143—157, 262—278; Idem. Some wood and stone implements of the Bindibu tribe of Central Western Australian.— «Proceedings of the Prehistoric Society», vol. 30, 1964, p. 400—422.

[20] M. J. Meggitt. Desert people. A study of the Walbiri aborigines of Central Australia. Sydney, 1962.

[21] Ibid., p. 331.

года, т. е. с наступлением осени и вплоть до начала зимы, когда воды и растительной пищи достаточно, члены каждой общины объединяются в одну или две большие группы, совместно добывающие пищу, причем мужчины охотятся, а женщины ежедневно отправляются большими группами для сбора растительной пищи, небольших животных и топлива. Когда воды и пищи становится мало, эти коллективы распадаются на более мелкие группы. В самое трудное, засушливое время года, т. е. в конце весны и начале лета, типичный хозяйственный коллектив (по выражению Меджитта — food-gathering unit — «объединение, добывающее пищу») состоит из мужчины, его жен и детей, а также, может быть, старухи-матери, не имеющей мужа, или престарелого тестя, т. е. фактически из одной семьи. Только такая группа может обеспечить себя пищей в это время года, когда вся ее добыча в течение дня не превышает одной-двух ящериц, нескольких клубней ямса и горсти семян.

С началом сезона дождей эти группы мало-помалу сиова объединяются. Формируются они по разным принципам. Часто, например, родные или классификационные братья предпочитают охотиться вместе, и тогда их семьи составляют одну группу. Состав этих групп неустойчив и непостоянен, он зависит от разных причин и меняется от года к году. Он может отражать связи и отношения кровного родства и свойства, дружбы или взаимных обязательств, подкрепленных совместными обрядами, и т. д. С точки зрения индивида, самой большой группой, к которой принадлежит и он сам, и большинство его родичей, является его община, т. е. одно из четырех подразделений племени, а наименьшей — его семья. Между этими двумя полюсами расположены группы, численность и состав которых меняется в зависимости от времени года и многих других обстоятельств.

Мужчины каждой общины принадлежат к ней по рождению, тогда как многие женщины пришли в нее благодаря браку из других общин. По наблюдениям Меджитта, браки внутри общин встречаются несколько чаще, чем браки между общинами. Брак патрилокален, однако, если жена слишком молода (скажем, семи или восьми лет), муж в течение первого года брака живет в общине ее родителей [22]. Подобно всем коренным австралийцам, валбири знают только два вида собственности — общинную собственность на землю и личную на предметы индивидуального пользования [23].

Отцовский и материнский род у валбири сосуществуют. Правда, Меджитт не употребляет слова «род» — он говорит о «патрилиниях» и «матрилиниях», но по существу это отцовские и материнские роды. Материнские роды, или матрилинии, не связаны с

[22] Ibid., p. 47—57.
[23] Ibid., p. 94.

какими-либо участками земли. Так как браки заключаются не только внутри общин, но и за их пределами, естественно, что члены матрилинии рассеяны по территории всего племени. В недалеком прошлом они собирались вместе только для обрядов обрезания, по случаю смерти кого-либо из взрослых членов матрилинии и т. п. Особенное значение матрилиния имеет для женщины, так как мужчины — члены матрилинии — выдают ее замуж и в дальнейшем защищают ее интересы. Патрилиния, напротив, имеет большее значение для мужчины, так как у мужчин — членов патрилинии — имеются общие тотемические центры на земле общины, мужчины участвуют в совместных обрядах, доступных только для посвященных, и т. д. Мужчины — члены патрилинии составляют как бы закрытое культовое сообщество, в которое подростки вступают, проходя особые обряды посвящения. Женщины в это сообщество не допускаются, однако, как и мужчины, они считаются членами той или иной патрилинии. Члены патрилинии — как мужчины, так и женщины — рассеяны по всей территории общины, а часть женщин, кроме того, выйдя замуж, поселяется в других общинах племени. Несмотря на то, что значительную часть года отдельные семьи живут раздельно, мужчины — члены патрилинии в течение всего года поддерживают взаимные контакты. В отличие от мужчин матрилинии, они собираются не от случая к случаю, а регулярно, чтобы совершать продуцирующие обряды, т. е. обряды умножения продовольствия и самого человеческого общества. Обряды эти происходят в тотемических центрах патрилинии. Патрилинии экзогамны. Меджитт подчеркивает, что они не выполняют никаких экономических функций, если только не считать таковыми обряды, направленные на умножение продовольствия. Землей они также не владеют [24].

Племя валбири не выступает как единое целое ни в организационном, ни в экономическом отношениях. Это свойственно и всем другим австралийским племенам в настоящее время, и так, видимо, было и в прошлом. Термин «племя» может употребляться для них только в условном смысле, и мы его так и употребляем. Фактически же речь идет всякий раз об этнической общности, говорящей на одном языке (последний порой состоит из нескольких диалектов) и обладающей иногда самоназванием. Перед нами — одна из самых ранних стадий процесса становления племени как общественного института. Ни вождей, ни общественных классов, ни какой-либо правящей элиты (например, группы стариков, имеющих власть над остальными членами общества) [25] ни у валбири, ни у других австралийских племен не суще-

[24] M. J. Meggitt. Op. cit., p. 193—214.

[25] Видимо, сведения об австралийской геронтократии (т. е. о «власти стариков», о которой так много писали) вообще сильно преувеличены (см. M. J. Meggitt. Op. cit., p. 234, 235, 242—251).

ствует. Общество валбири, как и всякое другое австралийское племя, —это типичное первобытное общество.

Локальные группы в пустынях Запада состоят из мужчин, незамужних женщин, принадлежащих к группе по рождению, а также жен мужчин, приходящих из других групп. Каждая локальная группа насчитывает обычно не более 50 человек. Локальные группы, как правило, добывают пищу на своей территории, они независимы от других групп и самостоятельно решают свои дела. Всех членов группы, в том числе и женщин, пришедших из других групп, объединяет совместный труд и — когда нужно — совместная оборона от посягательств извне.

В отличие от локальных групп, члены тотемических родов редко живут все вместе. Лишь в периоды относительного изобилия пищи и воды несколько локальных групп собираются на непродолжительное время для совершения обрядов. Такие временные объединения насчитывают иногда 200—300 человек. Локальным группам не запрещено охотиться и собирать пищу на территории других групп, нельзя лишь приближаться к местам, где находятся культовые центры чужого рода[26].

Р. Пиддингтон, изучая племя карадьери (Кимберли), обнаружил, что этому племени также несвойственно, чтобы одним локальным группам было запрещено охотиться на территории других групп без разрешения последних. Локальные группы карадьери, состоящие каждая не более чем из двенадцати человек, охотятся на территории любой группы, не спрашивая особого разрешения. Жениться на женщине из своей группы не разрешается. Вступив в брак, женщина обычно поселяется в группе мужа.

Тотемические роды патрилинейны. Роды и локальные группы не совпадают друг с другом. Нередко в одной локальной группе находятся мужчины разных родов[27] Лишь племя как высшее единство, у австралийцев только начинающее формироваться, включает в себя и все роды, и все локальные группы данной этнической общности.

Территории локальных групп западного Арнхемленда в то время, когда их изучал У Станнер (в начале 30-х годов), были невелики, иногда менее десяти квадратных миль, границы их были неопределенными, и другие группы их часто переступали в поисках дичи и растительной пищи. Многие участки земли принадлежали двум или трем группам одновременно. Однако тотемические центры, как и у многих других племен Австралии, принадлежали определенным патрилинейным тотемическим

---

[26] R. M. Berndt. The concept of «the tribe» in the Western Desert of Australia.— «Oceania», vol. XXX, 1959, p. 98—104.

[27] M. Piddington and R. Piddington. Report on field work in North-Western Australia.— «Oceania», vol. II, 1932, № 3, p. 351; R. Piddington. Totemic system of the Karadjeri tribe.— «Oceania», vol. II, 1932, № 4, p. 376.

родам. Локальные группы состояли из представителей различных тотемических родов, как женщин, так и мужчин [28].

Тот же район западного Арнхемленда примерно через двадцать лет посетил И. Фалькенберг, автор монографии, посвященной группе племен, живущей в окрестностях Порт Китса,— мурinбата и их соседям [29]. Каждое племя этой группы имеет свой язык и самоназвание. Людей каждого племени, прежде всего женщин, которые вышли замуж за мужчин из других племен, можно встретить в любом племени группы. Но и выйдя замуж, женщины никогда не становятся членами родов своих мужей. Племена Арнхемленда, как и везде в Австралии,— это этнические группы, связанные лишь общностью языка и некоторых особенностей культуры [30]. На земле племени расположены территории локальных групп (которые Фалькенберг называет «ордами»). На землях локальных групп в свою очередь расположены тотемические центры рода, составляющего основу данной локальной группы. Каждый род имеет несколько тотемических центров и соответственно несколько тотемов, один из которых считается «главным». Роды патрилинейны и экзогамны. Каждый род состоит из: а) мужчин, прошедших инициацию; б) детей, не прошедших инициацию; в) женщин, вышедших замуж в другие локальные группы. Численность родов в среднем 26—27 человек. Помимо своего рода, абориген тесно связан с родом матери, особенно с ее братом. Он может охотиться на территории этого рода, но не должен приближаться к его тотемическим центрам.

Мужчины, прошедшие обряды посвящения, составляют закрытое культовое сообщество, куда непосвященные не допускаются. Мальчики и юноши рано или поздно будут приняты в него, но женщины исключены из него навсегда. Мы встречали это и в других австралийских племенах. И в то время как женщина, вступая в брак, покидает свою локальную группу, мужчина всегда связан со своей территорией. Куда бы он ни ушел на время (например, для работы на скотоводческой ферме), рано или поздно он возвращается на землю своего рода. Как правило, мужчины одного рода живут вместе в одном стойбище. В этом отношении сведения Фалькенберга отличаются от того, что писал об этих же племенах Станнер двадцать лет назад. Ведь Станнер писал, что локальные группы состоят из представителей различных родов, не только женщин, но и мужчин. Неизвестно, объясняется ли это расхождение эволюцией общественной организации — возможно и это — или иными причинами.

---

[28] W. E. Stanner. The Daly river tribes — a report on field work in North Australia.— «Oceania», vol. III, 1933, p. 403; idem. Murinbata kinship and totemism.— «Oceania», vol. VII, 1936, p. 187.

[29] J. Falkenberg. Kin and totem. Group relations of Australian aborigines in the Port Keats district. Oslo, 1962.

[30] Ibid., p. 14—17.

Как мы видим, в отличие от Меджитта, Фалькенберг придает большое значение родовой организации. Это и понятно, ведь в изученной им группе племен, в отличие от валбири, роды, по его наблюдению, как правило, составляют основу локальных групп [31]

Тиви, населяющие о-ва Мелвилл и Батерст, еще в конце 20-х годов вели традиционный образ жизни, позднее нарушенный. Основными формами их общественной организации были локальные группы. Дети от рождения принадлежали к группе своего отца. Имелись также матрилинейные тотемические роды. Члены одного матрилинейного рода находились в различных локальных группах, и каждая группа состояла из представителей разных родов. Брак был обычно патрилокальным, но мужчины продолжительное время жили в локальных группах своих жен или невест. Всего локальных групп было девять, каждая занимала до 200 *кв. миль* площади и насчитывала 100—300 человек. Границы территорий были хорошо известны каждому. Численность и состав локальных групп постоянно менялись, да и члены их жили вместе в течение года лишь непродолжительное время. Условия охотничье-собирательского хозяйства заставляли их периодически рассеиваться по своей территории и жить семьями, состоящими обычно из мужа, его жены (или жен) и их детей, а нередко также из неженатых родственников — мужчин. Члены семьи жили всегда вместе, совместно добывали и делили между собой пищу. Существовали и группы, состоявшие из нескольких семей [32]. Все это напоминает социальную организацию валбири Центральной Австралии. Как и у валбири, между общинами (локальными группами) тиви и их малыми семьями наблюдаются переходные формы.

На севере Арнхемленда, по свидетельству А. П. Элькина и Р. и К. Берндт, локальные группы невелики и владеют участками земли. Основой локальных групп являются патрилинейные, патрилокальные, экзогамные роды. Кроме того, существуют матрилинейные экзогамные тотемические фратрии. Члены фратрий — женщины и мужчины — рассеяны между различными локальными группами [33].

В 1948 г. Ф. Маккарти и М. Макартур изучали жизнь одной из локальных групп на севере Арнхемленда. Группа состояла из девяти человек — одного мужчины, его жены, четырех его двоюродных братьев по линии матери, жен двух из них и еще одного молодого человека, о родственных отношениях которого с остальными не сообщается. Мужчины этой группы принадлежали по

---

[31] Ibid., p. 21—86.

[32] C. W. M. Hart. The Tiwi of Melville and Bathurst Islands.— «Oceania», vol. I, 1930, p. 176, 177; C. W. M. Hart and A. P. Pilling. The Tiwi of North Australia. New York, 1960, p. 11—13, 31—33, 65—66.

[33] A. P. Elkin, R. M. Berndt and C. H. Berndt. Social ogranization of Arnhem Land.— «Oceania», vol. XXI, 1951, p. 294.

крайней мере к двум патрилинейным родам, но были членами одного трудового коллектива, вместе охотились, жены их вместе добывали растительную пищу. Те же исследователи изучили жизнь и труд одной из локальных групп на о-ве Гроте Эйландт (зал. Карпентария). Группа состояла из мужчины, его жены и ее брата со своей женой. Мужчины группы принадлежали к различным патрилинейным родам [34].

Л. Уорнер, изучавший этническую группу мурнгин на северо-востоке Арнхемленда, указывает, что основу локальных групп здесь составляют экзогамные патрилинейные роды, насчитывающие 40—50 человек каждый и занимающие территории в среднем по 360 *кв. миль*. Мужчины рода живут почти постоянно на своей земле, в то время как женщины приходят в группы мужа из других родов через один или два года после заключения брака (вследствие временной матрилокальности брака). Дружественные группы живут и добывают пищу вместе в периоды относительного изобилия, и, кроме того, их члены всегда могут добывать пищу на землях друг друга [35].

Р. Берндт, уточняя Уорнера, указывает, что локальные группы, владеющие определенными участками, границы которых хорошо известны, состоят из представителей нескольких (от двух до шести) патрилинейных родов. Мужчины — члены одного рода с их женами в некоторые периоды года живут порознь, как самостоятельные группы. Они могут добывать пищу на территории других локальных групп, но бóльшую часть года остаются на своей земле. Каждая локальная группа, состоящая из нескольких родов, говорит на своем диалекте [36].

В центральной части Арнхемленда Л. Хайэтт изучил 33 локальных группы, средней численностью 13—14 человек в каждой. Основой локальных групп являются патрилинейные локализованные роды, т. е. роды, расселенные в пределах одной определенной местности. Каждая локальная группа состоит из лиц, принадлежащих к ней по рождению, минус женщины, вышедшие замуж за мужчин из других групп, плюс женщины из других групп, которые вышли замуж за мужчин данной группы. Несколько локальных групп объединяются в более крупные единицы, которые Хайэтт называет общинами. Каждая община говорит на своем диалекте. Браки заключаются как внутри общин, так и между людьми из разных общин. Бóльшую часть года члены общины живут вместе и добывают пищу на земле всей общины. Между локальными группами одной общины никогда не

---

[34] F. D. McCarthy and M. McArthur. The food quest and the time factor in aboriginal economic life.— «Records of the American-Australian scientific expedition to Arnhem Land», vol. 2, Melbourne, 1960, p. 145—194.

[35] W. L. Warner. A black civilization. Chicago, 1937, p. 16—19, 389.

[36] R. M. Berndt. Murngin (Wulamba) social organization.— «American Anthropologist», vol. 57, 1955, p. 101.

возникают споры из-за прав на землю. В остальное время отдельные локальные группы, состоящие из мужчин одного рода с их женами и детьми, покидают общину. Не все локальные группы, однако, образованы на основе локализованных родов. Некоторые группы сформировались иначе, например на основе отношений свойства[37].

Племя вик-мункан (п-ов Кейп-Йорк), которое исследовала У. Макконнел, состоит из тридцати локальных групп. Основу каждой группы составляет патрилинейный род. Размеры родов — до 50 человек. Каждая группа имеет свою территорию, размер которой от 50 до 100 *кв. миль*. Бóльшую часть года локальные группы живут и охотятся на своей земле. Однако в периоды изобилия принято приглашать родичей из других групп. Две соседние группы, члены которых регулярно заключают браки между собой, особенно близки и постоянно охотятся на земле друг друга. Обычно мужчина имеет право охотиться на земле родичей его жены, а родственники жены, в свою очередь, имеют право охотиться на его земле[38].

Племя йир-йоронт (п-ов Кейп-Йорк), изученное Л. Шарпом, в 30-х годах состояло из 28 патрилинейных экзогамных родов, из которых наибольшие насчитывали до 30 человек, а некоторые уже тогда были на краю исчезновения. Большинство родов имело участки земли. Каждый род, как это было обычно и для других племен Австралии, имел тотемические центры на своей территории. Все это не мешало тому, что члены родов охотились там, где они желали. Локальные группы состояли из представителей разных родов, как женщин, так и мужчин, которые могли переходить из одной группы в другую. В сухое время года отдельные группы собирались в более крупные объединения, а в период дождей эти объединения распадались на группы меньшего размера, причем и тогда люди одного рода не жили вместе в одной группе[39].

Рассмотрев факты, относящиеся к локальным группам тех областей Австралии, где на этих группах еще не отразилось в сколько-нибудь значительной степени влияние европейской колонизации, мы приходим к следующим выводам:

1. Само существование общины как хозяйственного коллектива на данном уровне развития общества необходимо; необходимость эта обусловлена низким уровнем развития производительных сил. «Этот первобытный тип кооперативного или коллективного производства был, разумеется, результатом слабости отдельной личности, а не обобществления средств производства»[40].

---

[37] L. R. Hiatt. Op. cit., p. 279—282.

[38] U. McConnel. The Wik-Munkan tribe.— «Oceania», vol. I, 1930, p. 181, vol. IV, 1934, p. 334, 335.

[39] L. Sharp. Ritual life and economics of the Yir-Yoront of Cape York Peninsula.— «Oceania», vol. V, 1934, p. 19—32.

[40] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 404.

Община является здесь основной экономической ячейкой, главным производственным коллективом, совместно добывающим средства существования. Поиски пищи и сырья для орудий в австралийской общине хорошо организованы. Это относится как к группе женщин и детей — собирателей растительной пищи и мелких животных, так и, в особенности, к группе мужчин-охотников. Охота на кенгуру и эму, на морском побережье — на дюгоней, рыбная ловля совершались, как правило, группами охотников или всеми мужчинами локальной группы, иногда с привлечением женщин и детей. Можно предполагать, что община возникла одновременно с возникновением самого человеческого общества и была одной из первых форм социальной организации.

2. Первобытным общинам охотников и собирателей (австралийцы — типичный пример этой стадии развития) свойственны коллективная, общинная собственность на землю и естественные ресурсы, личная собственность на орудия труда и некоторые другие предметы, коллективизм производства и потребления, отсутствие частной собственности, классов и эксплуатации человека человеком. Коллективизм потребления не следует отождествлять с уравнительным распределением. Вопреки широко распространенному мнению, такое распределение не является обязательным признаком, характеризующим первобытную общину. Нередко нормы обычного права предписывают распределять пищу таким образом, чтобы бóльшая и лучшая ее часть доставалась старшей возрастной группе или группе охотников и т. д. Не следует абсолютизировать и коллективизм производства. Он не исключает полностью ни индивидуальных способов добывания пищи, ни индивидуального изготовления орудий труда.

Первобытным общинам на этой стадии развития уже свойственны два вида общественного разделения труда. Это, во-первых, естественное разделение труда между мужчинами и женщинами, между людьми разных возрастов, возникшее, вероятно, вместе с появлением хозяйственных функций человеческого коллектива на основе физиологических различий между людьми. Этот вид разделения труда внутри общины является исходной фазой общественного разделения труда. Во-вторых, это географическое разделение труда между общинами и группами общин, возникшее на основе местных природных различий и развития первобытного обмена.

Эти социально-экономические основы, тесно переплетенные с родовой организацией, но не тождественные ей, являются ведущими, определяющими свойствами первобытных общин как исторической общественной формы. Указанные признаки характеризуют и доклассовое общество в целом как общественную формацию. Иначе и не может быть, ибо первобытная община — одна из основных структурных единиц этого общества.

3. Общине (одной или совместно с другими общинами), как правило, принадлежит определенная территория со всеми ее ресурсами. Ее границы могут быть (а могут и не быть) четко очерченными. Однако испрашивать разрешение для эксплуатации естественных ресурсов на территории соседней общины далеко не у всех австралийских обществ обязательно. Перед нами ранняя стадия в развитии собственности на землю. На этой стадии земля выступает лишь в качестве охотничье-собирательской территории общины или группы общин, на равных началах ее эксплуатирующих.

4. Уровень развития производительных сил, ведущий тип хозяйства (охота и собирательство) наряду с природными условиями ограничивают размеры общин. Вот почему в данных условиях и семья, состоящая из мужа, жены (или жен), их детей и иногда ближайших родственников, выступает эпизодически как самостоятельный хозяйственный коллектив, не имеющий, однако, своей отдельной собственности на землю. Многочисленные факты показывают, что семьи многих австралийских племен ежегодно в течение известного периода времени — от нескольких недель до нескольких месяцев — ведут экономически самостоятельное существование. Продолжительность этих периодов зависит от местных природных условий, времени года, наличия продовольственных ресурсов и воды. Но и в эти периоды малая семья всегда рассматривает себя как часть более крупного коллектива, с которым она постоянно связана многочисленными и прочными узами. Необходимость добывать пищу силами отдельной семьи — это лишь результат суровых условий жизни. Австралиец делает это только тогда, когда он вынужден к этому, когда общинная территория не может обеспечить пищей и водой всю общину. Но даже в таком аморфном состоянии семейные группы не теряют силы сцепления, которая вновь собирает их вместе, как только это становится возможным.

То же самое мы наблюдаем у всех охотничье-собирательских народов, находящихся примерно на том же уровне развития, например у эскимосов, веддов Цейлона, бушменов Южной Африки. Так, условия жизни эскимосов Крайнего Севера напоминают условия жизни аборигенов Австралии: для того, чтобы выжить, и те, и другие вынуждены расселяться небольшими группами по обширной территории. Так же, как и у австралийцев, труд у эскимосов поделен между мужчинами и женщинами: мужчины охотятся, ловят рыбу и выполняют другие работы, требующие физической силы и продолжительного пребывания вдали от семьи, а женщины готовят пищу, изготовляют и ремонтируют одежду, собирают птичьи яйца, ставят западни на пушного зверя — словом, делают то, что позволяет им в то же самое время ухаживать за детьми и поддерживать домашнее хозяйство. Основной общественной группой у эскимосов является стойбище,

объединение нескольких семей (у полярных эскимосов обычно не более семи или восьми). Последнее непрочно и редко объединяет одни и те же семьи в течение более чем одного сезона. Семья состоит из мужа, жены и детей, иногда и ближайших родственников. Некоторые семьи стойбища (но не все) связаны между собой взаимным родством. Зимой, когда кочевание невозможно из-за холода и метелей, эскимосы собираются в стойбища близ своих мест охоты. Весной, в короткий период относительного изобилия, эти группы, часто увеличенные за счет семей из других стойбищ, переселяются из зимних жилищ в палатки из шкур и передвигаются вдоль берега, охотясь на птиц и морских животных. В летнее время, когда пищи становится меньше, стойбище распадается на группы из одной или двух семей, и каждая группа самостоятельно охотится на оленей карибу или занимается рыбной ловлей. Такие группы почти всегда состоят из родственников или побратимов [41]. Нестабильность общины в связи с цикличностью экологических условий, относительная, условновременная хозяйственная самостоятельность семьи — все это очень напоминает то, что наблюдалось у австралийцев.

К этому надо добавить, что у эскимосов, как и у австралийцев, наибольшим авторитетом пользуются старшие, опытные охотники. В отличие от австралийцев, родовая организация у эскимосов (если она и существовала в прошлом) не сохранилась. Сравнительно недавно, впрочем, у оседлых азиатских эскимосов, образ жизни которых во многом отличен от образа жизни полярных эскимосов, был обнаружен отцовский род [42]. Но сохранился ли он у них с глубокой древности или, напротив, сложился недавно — это пока неясно. Вполне возможно и возрождение родовой организации в результате изменившихся условий жизни.

Образ жизни лесных веддов весьма сходен с образом жизни австралийцев, населяющих северные тропические леса Арнхемленда и Квинсленда. Материальная культура веддов крайне примитивна, их единственное оружие — лук и стрелы (у австралийцев — копья и метательные палицы и бумеранги). Главное занятие лесных веддов — охота. В жаркие сухие месяцы они живут отдельными семьями в хижинах у воды, а с наступлением сезона дождей переселяются в пещеры и под скальные навесы, расположенные на возвышенности. Здесь группа семей обычно живет вместе, образуя небольшую общину охотников, рыболовов и собирателей меда. Лесные ведды матрилокальны и матрилинейны [43].

---

[41] См., например, E. M. Weyer. The Eskimos. Hamden, 1962, p. 207.

[42] См. статьи Г. А. Меновщикова и Д. А. Сергеева в журнале «Советская этнография», 1962, № 6.

[43] C. G. Seligman. The Veddas. Cambridge, 1911, p. 30, 81—105.

Наконец, и общественная организация охотников-бушменов Южной Африки во многом напоминает общество австралийцев, в особенности населяющих пустыни Центральной и Западной Австралии. Основная общественная группа бушменов — это община, основанная на узах кровного родства и свойства. Община, состоящая из нескольких — от двух до двенадцати — семей (включающих мужа, жену, или жен, детей и иногда ближайших родичей), осваивает принадлежащую ей территорию и значительную часть года живет и хозяйствует как одно целое. Но нередко отдельные семьи покидают ее и добывают пищу самостоятельно [44].

Бушмены, подобно австралийцам, населяют пустыни Южной Африки, очевидно, с глубокой древности, и их общественный строй — не новообразование, а, подобно общественному строю австралийцев, складывался на протяжении жизни многих поколений. Вот что пишет о бушменах такой знаток далекого прошлого Южной Африки, как Д. Кларк: «Бушмены пустыни Калахари настолько приспособлены экологически, физиологически и лингвистически к своему окружению, что не приходится сомневаться в том, что они являются потомками позднепалеолитического населения, которое, как показывает археология, обитало здесь задолго до прихода банту или европейцев» [45].

5. Будучи частью общины или (эпизодически) самостоятельной группой, семья у австралийцев и других народов, стоящих на том же уровне развития, выступает и как экономическая ячейка, но вторичная, в значительной мере подчиненная общине. Хозяйственная жизнь семьи основана на разделении труда и личной собственности отдельных ее членов — мужчин и женщин — на орудия труда. Даже составляя часть общины, семьи самостоятельно выполняют некоторые хозяйственные функции, и между ними происходит обмен деятельностью. Следовательно, и внутри семей, и между ними имеют место экономические по существу отношения, конечно, еще неразвитые, как и само общество.

6. В начале статьи австралийская община была охарактеризована как сравнительно небольшая группа, состоящая из нескольких родственных семей. Однако существуют и большие общины. Таковы, например, общины у тиви и валбири, насчитывающие 100 и более человек каждая. Так как размеры общин обусловлены сезонными колебаниями природных условий, обеспеченностью продовольственными ресурсами и водой, такие общины периодически подвержены дроблению на мелкие группы вплоть до отдельных семей. В силу тех же причин и семьи как самостоятельные хозяйственные коллективы имеют лишь времен-

---

[44] L. Marshall. Kung Bushman bands.— «Africa», vol. 30, № 4, 1960, p. 325—355.

[45] J. D. Clark. Comment on «Bushman paintings».— «Current Anthropology», vol. 6, № 1, 1965, p. 117.

ный характер и в остальное время года они стремятся вновь образовать более крупные объединения. Таким образом, размеры австралийских общин непостоянны и в некоторых случаях (валбири, тиви) колеблются от группы в несколько сот человек до семьи из нескольких человек. Правильная повторяемость, цикличность этих колебаний закономерно связаны с хозяйством — охотой и собирательством, обусловленными в свою очередь цикличностью изменений, происходящих в природе.

Наряду с сезонными колебаниями размеры общин зависят и от стабильных местных условий жизни. В более благоприятных условиях размеры общин (и абсолютно, и относительно к величине занимаемой ими территории) больше, в менее благоприятных — меньше. В Юго-Восточной Австралии, природные условия которой сравнительно с другими областями континента наиболее благоприятны, плотность населения была выше, и общины нередко насчитывали в среднем 100—200 человек при сравнительно небольших размерах своих территорий. С этим была связана тенденция к относительной оседлости. В пустынях Западной Австралии, где условия жизни очень тяжелы и плотность населения соответственно самая низкая на континенте, картина иная. Здесь аборигены вынуждены постоянно кочевать в поисках пищи и воды, материальная вооруженность их беднее и примитивнее, чем в других областях континента, и поэтому общины, как правило, состоят примерно из 10 человек мужчин, женщин и детей, с трудом добывающих пищу на своих обширных территориях. Само существование первобытных охотничьих общин возможно здесь лишь при условии, что их размеры невелики, что львиную долю своего времени они посвящают поискам пищи, что они великолепно знают свою местность. У тасманийцев, техническая оснащенность которых была еще примитивнее, но которые зато жили в природных условиях, близких к условиям Юго-Восточной Австралии, локальные группы редко состояли более чем из 30 человек. Добавим для сравнения, что у индейцев Огненной земли размеры общин колебались от 20 до 40 человек.

7. Первобытные общины конституируются преимущественно на отношениях кровного родства и свойства. Члены первобытных общин чаще всего родственники между собой, хотя бы и отдаленных степеней. Но община может включать и посторонних: друзей, побратимов и т. п. Это наблюдается не только у австралийцев — то же самое мы находим, например, у эскимосов. Между тем некоторые советские ученые, ссылаясь на слова Маркса о том, что «все более ранние первобытные общины покоятся на кровном родстве своих членов»[46], склонны утверждать, что первобытные общины вообще иных отношений, кроме кровнородственных, не знают, что у австралийцев и других народов, находящихся на том

[46] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 403.

же уровне развития, производственные отношения выступают в форме кровнородственных отношений и т. п.

Такие утверждения противоречат фактам этнографии. Хорошо известно, что первобытные общины состоят не только из кровных родственников, но и свойственников, т. е. родственников по браку, а иногда и из не состоящих в родстве выходцев из других общин, что уже в эту эпоху возникает разделение труда между общинами в форме межобщинного обмена. Иногда соседние общины кооперируются в различных видах производственной деятельности. Этнография не знает ни одного общества, в котором производственные отношения не выходили бы в той или иной мере за рамки кровнородственных отношений. Можно предположить, что на одном из самых ранних этапов своего развития первобытные общины состояли только из кровных родственников и свойственников. Но этот этап уже не засвидетельствован этнографией и доказать его существование в прошлом очень трудно.

Среди некоторых советских исследователей первобытности существует тенденция рассматривать род и общину на самых ранних этапах их развития, не зафиксированных этнографией, как явления полностью совпадающие. Для этого конструируется якобы существовавшая когда-то в прошлом стадия «дислокального брака», на которой община была экзогамным коллективом, браки внутри общины были запрещены и она, таким образом, полностью совпадала с родом, а производственные отношения, следовательно, совпадали с родовыми [47]. Всем этим построениям недостает фактического обоснования, а против них говорит следующий, очень веский аргумент: для народов, стоящих на наиболее низком из известных этнографии уровней социального развития, в том числе австралийцев, дислокальный брак совершенно не характерен. Редкие случаи дислокальности брака встречаются, как правило, лишь в обществах, стоящих на более высоких уровнях социального развития. По-видимому, эта форма брака возникла в особых условиях, притом сравнительно поздно. Во всяком случае существование стадии «дислокального брака» не доказано. По всей видимости, такой стадии просто никогда не существовало и род никогда не был, как представляется сторонникам этой гипотезы, производственным коллективом. Как бы ни развивались формы родовой организации, сущность рода не менялась и его основной функцией всегда была организация семейно-брачных отношений.

8. Род и община никогда не совпадают полностью, наблюдаются лишь различные степени их «сближения». Наиболее тесно они связаны там, где локализованный род является основой общины (аранда Центральной Австралии; муринбата и другие племена в районе Порт-Китса; некоторые другие группы Арнхемлен-

[47] См., например, Ю. И. Семенов. О периодизации первобытной истории.— «Советская этнография», 1965, № 5, стр. 74—93, а также его статью в этом сборнике.

да; вик-мункан на п-ове Кейп-Йорк). В этом случае (если род патрилокален и патрилинеен) не принадлежат к данному роду (но являются членами общины) только жены мужчин. Но часто в одной общине находятся не только женщины, но и мужчины нескольких (от двух до двенадцати) родов (племена пустынь Запада, карадьери в Кимберли, некоторые племена западного Арнхемленда, йир-йоронт на п-ове Кейп-Йорк, тиви о-вов Мелвилл и Батерст). Наконец, общины могут состоять из одной, двух и более семей, связанных между собой лишь отношениями свойства (пинтуби и валбири Центральной Австралии, некоторые группы Арнхемленда) или иными типами отношений (те же валбири). Следовательно, и такие общины состоят из представителей разных родов. У валбири материнский и отцовский роды сосуществуют, причем ни один из них не является основой общины. В пределах ограниченной территории иногда наблюдается сочетание двух принципов образования общины — на основе локализованных родов и на основе отношений свойства (некоторые группы северного и центрального Арнхемленда).

На то обстоятельство, что род и община у австралийцев нетождественны и не совпадают полностью, обратил внимание еще С. А. Токарев, хотя он и допустил при этом известную непоследовательность. «При патрилинейном счете (следовательно, у северных и северо-западных племен) род, как правило, совпадал с локальной группой и, таким образом, отдельной общественной единицы не составлял,— пишет С. А. Токарев. — Но при матрилинейном счете (т. е. у племен южных, юго-восточных и восточных) положение было более сложно: так как брак у австралийцев был, как правило, „патрилокален“ и жена поселялась в локальной группе мужа, то, естественно, совпадения между локальной группой и родом быть не могло. Каждая локальная группа состояла из людей разных родов, и, наоборот, каждый род был как бы „рассеян“ между разными локальными группами»[48]. Все, что здесь сказано о племенах с матрилинейным счетом родства, совершенно верно, но точно так же обстоит дело и в племенах с патрилинейным счетом родства. Ведь и в этом случае локальная группа состоит из людей разных родов, потому что роды экзогамны и люди одного рода не вступают в брак между собой. Следовательно, и патрилинейный род не может полностью совпадать с локальной группой. Локальность брака в данном случае значения не имеет.

9. Община, в отличие от рода, всегда является единым социально-экономическим коллективом, и конкретные австралийские материалы еще раз показывают правильность постулированного в начале статьи тезиса. Правда, патрилинейный тотемический род во многих случаях (даже там, где он не локализован) считается

[48] «Народы Австралии и Океании». М., 1956, стр. 166.

владельцем общинной земли (аранда, племена в пустынях Запада и в районе Порт-Китса, частично йир-йоронт). Однако земля находится в пользовании общины, а не рода. Хотя жены мужчин, пришедшие из других общин, как указывают некоторые авторы, номинально не приобретают прав на землю общины мужа [49], фактически они вместе с мужчинами участвуют в эксплуатации естественных ресурсов на этой земле. В первобытной общине мужчины и женщины экономически равноправны. Таким образом, община, в отличие от рода, является не только единым хозяйственным коллективом, но и фактическим (а не номинальным) владельцем земли.

У зарубежных ученых наблюдается тенденция связывать происхождение родовой собственности на землю с наличием на этой земле центров родовых тотемических культов. В действительности, хотя связь между собственностью на землю рода (еще раз подчеркнем — номинальной, а не фактической) и расположенными на этой земле родовыми святилищами и существует, причинная зависимость здесь иная. Не потому возникает собственность на землю, что на ней расположены родовые святилища. Последние возникли на ней потому, что община и являющийся ее основой род некогда обосновались на этой земле как на своей охотничье-собирательской территории. В тотемизме, по удачному выражению С. А. Токарева, «своеобразно отразилось чувство, или сознание, неразрывной связи первобытной общины с ее территорией, с землей» [50]. Матрилинейный род, насколько известно, никогда не выступает подобно патрилинейному роду в качестве собственника земли — даже номинального.

По словам П. Шебесты, у африканских пигмеев, как и у австралийцев, основной экономической ячейкой является именно община, а не род. Тотемический род, члены которого находятся в разных общинах, «почти не имеет значения в хозяйственном отношении... Общество цементируется не кровным родством, а совместным ведением хозяйства», а последнее является функцией общины, а не рода [51] Община, состоящая из представителей разных родов (там, где родовая организация не исчезла в силу каких-либо причин), является классическим хозяйственным коллективом у всех первобытных охотников и собирателей.

10. Там, где члены одного локализованного рода составляют основу общины, браки, как правило, заключаются за пределами общины, и это естественно, ибо род экзогамен. В остальных случаях браки могут заключаться как вне, так и внутри общины, причем чем община многочисленнее, тем выше процент браков, заключаемых внутри нее. В общинах валбири, насчитывающих несколько сот человек, количество браков, заключаемых внутри

[49] L. R. Hiatt. Op. cit., p. 285.

[50] С. А. Токарев. Религия в истории народов мира. М., 1964, стр. 32.

[51] P. Schebesta. Die Bambuti-Pygmäen von Ituri, Bd. II (2), Brüssel, 1948, S. 289.

общины, даже несколько превосходит количество браков вне общины. Это еще раз показывает недопустимость смешения рода как группы, в которой браки запрещены, и общины, в которой они возможны. Род и община как общественные институты относятся к разным сферам человеческой деятельности. Община — прежде всего экономический институт. Род в целом лишен экономических функций.

11. Австралийские общины, как правило, патрилокальны. Это связано с условиями их жизни, особенностями хозяйства. У австралийцев труд мужчин и женщин одинаково необходим для жизни общины. Женщины снабжают общину растительной пищей даже более регулярно, чем мужчины охотничьей добычей, зато последняя как более калорийная ценится выше. Но хотя женщины и должны знать места произрастания съедобных растений, все же мужчинам необходимо более детальное знание местности, на которой они охотятся. Поэтому для общины, с точки зрения ее благосостояния, важнее, чтобы мужчины, вступая в брак, оставались на территории, хорошо знакомой им с детства. Поэтому патрилокальные браки у австралийцев значительно более распространены чем матрилокальные. Этим объясняется и руководящее общественное положение мужчин — ведь мужчины составляют ядро общины, связанное с общинной землей не только экономическими, но и, как следствие и выражение этого, тотемическими узами, тогда как женщины уходят в другие общины или приходят из других общин. Кроме того, руководящее положение мужчин связано с социальной ролью охоты: дело не только в том, что охота требует хорошо организованных форм труда, но и в том, что охотничья добыча распределяется значительно шире, чем продукты женского собирательства, предназначаемые прежде всего для своей семьи. Наконец, важным фактором, укрепляющим руководящее положение мужчин, является то, что в их руках находится производство основных средств труда — каменных орудий, которыми они и распоряжаются по своему усмотрению [52].

Такими же, как австралийцы, типичными первобытными охотниками и собирателями являются пигмеи бамбути, обитающие в бассейне Конго. Они живут общинами, состоящими из нескольких семей. Всей жизнью общин руководят старшие мужчины. По мнению самих бамбути, руководящее положение мужчин связано с их охотничьей деятельностью. Хотя мясная пища составляет здесь лишь 30% ежедневного рациона, она ценится выше, чем другие виды пищи, кроме бананов. Бананы, а также железные наконечники и ножи бамбути получают от негров-земледельцев в обмен на мясо. Женщины-собирательницы, как и в австралийском обществе, добывают количественно больше пищи, чем муж-

---

[52] Подробнее об этом см. В. Р. Кабо. Каменные орудия австралийцев.— «Труды Института этнографии», т. LXXX, 1962, стр. 68.

чины, но все же вклад мужчин рассматривается как более важный. Мужчину также уважают и ценят как воина и защитника общины. Положение женщин у бамбути, впрочем, сравнительно высокое. У охотников-бамбути в настоящее время преобладают патрилокальность и отцовский род [53]. Таким образом, и патрилокальность, и руководящее положение мужчин связаны у бамбути, как и у австралийцев, в значительной мере с их охотничьей деятельностью. Руководящее положение старших мужчин не следует, однако, смешивать с «властью стариков», «геронтократией».

В аналогичных австралийским условиях живут и бушмены. После обязательного у них (как и у некоторых австралийских племен) временного пребывания супружеской пары в общине родителей жены, мужчины в большинстве случаев возвращаются со своими семьями в свои общины. Они сами объясняют это тем, что на чужой охотничьей территории мужчина-охотник не чувствует себя так же уверенно, как на своей, хорошо знакомой ему с юных лет. Всю свою юность охотник посвящает изучению своей охотничьей территории, без чего успешная охота невозможна [54]. «Если судить по охотничьей деятельности бушменов, первобытные охотники знали все тропы, все ущелья и переходы, по которым передвигались стада диких животных в поисках пастбищ, и держали их под неослабным контролем» [55]. Объяснение, даваемое самими бушменами,— одно из наиболее убедительных объяснений преобладания патрилокальности у охотничьих народов.

В патрилокальных общинах австралийцев иногда наблюдается (как у бушменов) временная (до- или послебрачная) матрилокальность (пинтуби, тиви, частично валбири, мурнгин). Некоторые исследователи склонны рассматривать этот обычай как пережиток материнско-родовых институтов. В действительности обычай временной или постоянной матрилокальности, как и обычай делиться охотничьей добычей с родичами жены, объясняется отношениями, существующими в настоящее время, в том числе и в отцовско-родовых общинах.

Методом исследования пережитков, который при умелом пользовании может быть очень полезным, часто злоупотребляют. Пережитками следует считать лишь те явления, которые необъяснимы из структуры данного общества. Подходя так к различным явлениям культуры, мы обнаруживаем, что значительная часть так называемых «пережитков» вполне объяснима теми условиями и отношениями, которые существуют в обществе в настоящее время. Например, такие явления, как авункулат, левират, сорорат, нет никакой необходимости обязательно связывать с

---

[53] J. de Leeuwe. On former gynecocracy among African pygmies.— «Acta Ethnographica», т. II (1-2), 1962, p. 85—118.

[54] L. Marshall. Op. cit., p. 339.

[55] С. А. Семенов. Очерк развития материальной культуры и хозяйства палеолита.— В кн. «У истоков человечества». М., 1964, стр. 179.

материнским родом или групповым браком, как это часто делают. Так, левират совсем не обязательно рассматривать в качестве пережитка группового брака. Этот обычай, вследствие которого женщина и после смерти мужа остается в его общине, выходя замуж за одного из его братьев, вполне объясним экономической ценностью женского труда для общины ее мужа, в том числе и для первобытной общины. Авункулат может возникнуть в результате экономических и социальных связей двух общин, в том числе и отцовско-родовых. Брат матери выступает в этом случае как представитель и защитник женщины своей общины. Это помогает понять происхождение австралийского обычая, когда охотник обязан снабжать пищей свою сестру и ее детей (этот обычай существует, например, у патрилинейных и патрилокальных аранда). Рассматривать его как пережиток материнско-родовой организации, как иногда делают, нет никакой необходимости. Упомянутый выше обычай, когда охотник должен снабжать добычей родичей жены, иногда рассматривается как доказательство прежней матрилокальности [56]. Такое его объяснение опровергается тем фактом, что он отсутствует там, где брак основан на обмене женами и где, следовательно, община, теряя одну женщину, немедленно приобретает новую [57]. Таким образом, обязанность охотника снабжать добычей родственников жены является компенсацией ее общине, теряющей в ее лице рабочую силу. Матрилокальное поселение супругов в случае взаимно удаленного расположения общин (что при обширности охотничьих территорий бывает нередко) тоже не является пережитком прежней всеобщей матрилокальности [58]. Оно объясняется тем, что в этом случае зять лучше всего сможет выполнять свои обязанности по отношению к тестю и другим свойственникам, т. е. снабжать их охотничьей добычей, если сам поселится в их группе. Этим же объясняется и обычай временной матрилокальности. Он как бы выражает борьбу двух начал — долга охотника перед своей общиной и перед общиной жены — и победу первого из них. Ни одно из этих начал не является «пережитком», они оба раскрывают одно из противоречий, свойственных первобытнообщинному строю. Иногда временная матрилокальность связана и с тем, что жена еще слишком молода для того, чтобы покинуть общину своих родителей.

К тем же выводам можно прийти, анализируя этнографические материалы и по другим областям земного шара.

12. Состав австралийских общин у многих племен непостоянен и текуч. Мужчина, сам или с семьей, может покинуть свою общину и присоединиться к другой. Чаще всего это происходит в пре-

---

[56] «Народы Австралии и Океании», стр. 169.

[57] B. Malinowski. Op. cit., p. 51.

[58] А это именно так обычно объясняют (см. «Народы Австралии и Океании», стр. 169—170).

делах определенной группы общин, где отдельные общины могут беспрепятственно добывать пищу на землях друг друга. Так, например, обстоит дело в небольших общинах пустынь Запада у карадьери. Члены мелких подразделений больших общин валбири тоже свободно охотятся на землях друг друга и в этом отношении напоминают общины упомянутых выше племен, которые ведь тоже имеют тенденцию составлять временные крупные объединения. Ту же картину мы наблюдаем и в других частях Австралии, например в западном и центральном Арнхемленде, у мурнгин. Вероятно, мы здесь имеем дело с определенной закономерностью, свойственной одной из ранних стадий образования племен из группировок первобытных общин.

Таковы главные выводы, вытекающие из систематического рассмотрения изложенных выше материалов. Выводы эти характеризуют общину австралийских аборигенов как основную структурную единицу этого общества. Но они имеют, несомненно, более общее значение.

Любое явление необходимо изучать с учетом конкретных условий места и времени. Различные природные условия по-разному влияют на относительную плотность населения и относительную его подвижность, на численность общин и размеры их земель, на особенности хозяйственной деятельности. Кроме природных условий, на характер общин тех или иных народов влияют различные исторические обстоятельства. Возможно, например, что эскимосы и бушмены утратили свою родовую организацию в процессе освоения бескрайних просторов Севера и пустынь Южной Африки, тогда как у австралийцев эта организация сохранилась. Возможно, что длительное существование пигмеев бассейна Конго в непосредственном соседстве с более развитыми в социально-экономическом отношении банту также наложило печать своеобразия на культуру первых, тогда как австралийцы до конца XVIII в., а местами и значительно позднее находились в условиях относительной изоляции.

Есть ли основание утверждать, что те особенности австралийских общин, о которых говорилось выше, не сложились под воздействием европейской колонизации? Какие формы принимает общинная организация австралийцев там, где такое воздействие бесспорно имеется?

Отвечая на эти вопросы, нужно обратить внимание, во-первых, на то, что все рассмотренные выше этнические группы австралийцев ко времени их изучения были затронуты влиянием колонизации в сравнительно небольшой степени или вообще им не затронуты. Во-вторых, в тех случаях, когда это было необходимо, исследователи реконструировали, главным образом по рассказам самих аборигенов, прежние традиционные отношения, в значительной мере отражающие еще «доконтактное» состояние. Наконец, мы имеем полную возможность наблюдать сейчас в Австралии многочисленные примеры общин, меняющихся или складываю-

щихся заново под прямым воздействием европейской колонизации, и, таким образом, можем увидеть воочию, в каких формах выражается это воздействие. Формы эти можно сгруппировать в три категории или три типа, причем каждый тип будет отражать воздействие новых условий, привнесенных колонизацией, во все большей степени.

Примером новых общин первого типа могут служить общины племени йир-йоронт, которые Л. Шарп посетил вторично в конце 1940-х годов. Структура этих общин остается еще прежней, традиционное охотничье-собирательское хозяйство — все еще основной вид их хозяйственной деятельности, но во внутриобщинных отношениях (в отношениях между родителями и детьми, мужчинами и женщинами, старшим и младшим поколениями) произошли уже заметные сдвиги. Произошли они, как указывает Шарп, вследствие того, что аборигены начали часть своего времени посвящать работе на миссию, получая за это железные топоры, которые полностью вытеснили прежние каменные. Конечно, влияние миссии не ограничилось только введением новых орудий. Каковы оказались формы новых взаимоотношений внутри общины и отношения между общинами, показывает исследование Шарпа. Важно отметить, что это уже совсем не те отношения, что были свойственны для йир-йоронт и многих других племен в прошлом [59].

Общины второго типа все еще состоят из однородного по своему составу населения, но уже почти полностью перешедшего к оседлости и к новым способам добывания средств существования. Вследствие этого характер внутриобщинных отношений изменился в еще большей степени. Примером могут служить общины тиви в том виде, в каком они существуют теперь. На протяжении последних 20 лет в жизни тиви произошли большие перемены. Раньше тиви были почти изолированы от внешнего мира и вели традиционный образ жизни бродячих охотников и собирателей. Но затем на острове появились миссионеры, и постепенно, одна за другой, все общины перешли на оседлость и сконцентрировались вокруг миссии и двух правительственных станций, где и работают теперь по найму. В прошлом у тиви (как и у многих других австралийских групп) была двойная филиация: принадлежность к общине передавалась по отцовской линии, а к тотемическому роду — по материнской. Но значение материнского тотемического рода в общественной и экономической жизни было незначительным, и на первый план выступали отношения, связанные с отцовско-правовой общиной, доминировавшей в общественной жизни и экономике. С переходом к оседлости значение кочевых охотничьих общин со свойственными им отцовско-правовыми отношениями было совершенно

[59] Подробнее об этом см.: В. Р. Кабо. Каменные орудия австралийцев, стр. 103, 104.

подорвано, зато значение материнских тотемических родов в новых условиях соответственно возросло, так как сознание родовой принадлежности по материнской линии сохранилось. Произошло своеобразное и довольно парадоксальное на первый взгляд явление — отцовско-правовые отношения, игравшие в прошлом большую роль в жизни тиви, исчезли, а материнско-родовые сохранились и даже усилились [60].

Как известно, аналогичное явление произошло в Южной Америке (в Чили) с арауканами, только здесь в силу иных условий и результаты были противоположными. В прошлом у арауканов сосуществовали две системы родства, отцовская и материнская. Этим их родовая организация напоминала родовую организацию многих австралийских групп, хотя уровень развития арауканов в целом был неизмеримо выше. Счет родства, поскольку он был связан с наследованием тотема, велся по линии матери, и все лица, принадлежавшие к одному тотему, составляли экзогамный материнский тотемический род, не совпадавший с общиной, являвшейся хозяйственным объединением. Община состояла из представителей нескольких тотемических родов и была отцовско-правовой. Брак был патрилокальным. В период, последовавший за испанским завоеванием, отцовско-правовая община как экономическое единство сумела укрепиться, и значение материнского тотемического рода соответственно упало [61].

Вариантом общин второго типа являются кооперативы аборигенов, возникающие теперь в разных местах Австралии. Примером может служить кооператив в Пиндане (вблизи Порт-Хедленда, Западная Австралия) [62].

Третий тип — это общины, состоящие из смешанного по своему происхождению населения, составленного из представителей разных племен, осевших вблизи миссионерских станций или ферм. Численность и состав таких гетерогенных общин постоянно меняются. Их описание мы находим, например, в статье Х. Петри, посвященной новым общинам Северо-Западной Австралии [63].

Важнейшая особенность всех этих типов общин, складывающихся под воздействием европейской колонизации, состоит в том, что традиционные отношения в них постепенно исчезают и замещаются совершенно новыми: преобразуются или исчеза-

---

[60] A. P. Pilling. A historical versus a non-historical approach to social change and continuity among the Tiwi.— «Oceania», vol. XXXII, 1962, p. 321—326. Сохранение материнского рода в обществах, находящихся под влиянием колонизации или иных общественных структур, резко отличных от данного общества, не представляет собой чего-либо исключительного. Но в этом примере интересно не только сохранение материнского рода, но и усиление его роли за счет исчезающих отцовско-правовых отношений.

[61] «Народы Америки», т. 2. М., 1969, стр. 368—371.

[62] В. Р. Кабо. Современное положение аборигенов Австралии.— «Советская этнография», 1962, № 5, стр. 66, 67.

[63] H. Petri. Gibt es noch «unberührte» Wildbeuter im heutigen Australien? — «Baessler-Archiv», Bd. 10, H. 2, 1963, S. 291—308.

ют родовые связи, коренным образом меняется вся система социально-экономических и правовых отношений. В то же время в производственных кооперативах аборигены находят применение традиционным навыкам коллективного труда и взаимопомощи.

Все изложенное выше свидетельствует о том, что австралийская первобытная община в том виде, как она была охарактеризована, сложилась не под влиянием европейской колонизации, а самостоятельно.

Первобытные общины, подобно любым общественным формам, проходят последовательные фазы развития. В этих фазах отражается и развитие производительных сил, и связанное с этим развитие социально-экономических отношений, и изменение исторических условий — миграции, влияние соседей и т. п.,— и изменение естественно-географической среды, которая воздействует на общество тем сильнее, чем оно менее развито. Можно предполагать, что известную роль сыграли постепенное изменение климата на протяжении нескольких тысячелетий, последовавших за ледниковым периодом, и рост населения, а также связанный с этим процесс заселения континента.

Важным, но для изучения истории австралийской общины еще почти не использованным материалом остаются письменные источники XVIII—XIX вв.— отчеты и сочинения путешественников, чиновников, миссионеров, исследования ученых. Эти источники могут дать нам сведения, помогающие в какой-то мере осветить историю австралийской общины в период колонизации, подобно тому, как они были использованы для реконструкции форм родовой организации австралийцев (например, в работах советского исследователя Е. Ю. Кричевского).

Знакомство с этими материалами приводит нас, однако, к убеждению, что на всем протяжении колониального периода, т. е. с конца XVIII в., характер австралийских первобытных общин, еще не подвергшихся разрушительному воздействию колонизации, в существенных чертах был таким же, каким он выступает и в использованных нами материалах XX в. Постулируемые нами изменения в характере австралийских общин относятся, по-видимому, к предшествующим столетиям и связаны с процессом этногенеза австралийцев.

Большой интерес в этом отношении представляют сообщения тех, кому пришлось впервые проникнуть в неисследованные области Австралии и встретить там аборигенов, еще не видевших белого человека и ведущих традиционный образ жизни. Эти люди, правда, не были этнографами, они были просто бесхитростными наблюдателями, которые сообщали о том, что видели. Структура австралийских общин была для них книгой за семью печатями, поэтому они нередко называют группы аборигенов, которые им пришлось наблюдать, семьями

или племенами. Но за этими терминами часто угадывается именно община.

Таковы, например, дневники Дж. Оксли, который в 1817—1818 гг. совершил два путешествия в почти еще неисследованные области Нового Южного Уэльса [64]. Из его книги мы узнаем о том, что экспедиция его часто встречала на своем пути отдельные семьи аборигенов, бродящих в поисках пищи. Поэтому у него создалось определенное впечатление, что внутренние области Нового Южного Уэльса населены отдельными, разбросанными семьями аборигенов. То он пишет о встрече с двумя семьями, то о встрече с семьей, состоящей из мужчины, двух женщин и троих детей. В одном месте он обнаружил небольшое становище, в котором было семеро мужчин (женщины и дети при приближении белых людей скрылись), в другом — становище, в котором было около 20 мужчин, не считая женщин и детей, в третьем — группу из 8 женщин и 12 детей (мужчины куда-то ушли — в лагере оставались их копья и щиты), в четвертом — становище, в котором было 8 или 9 мужчин (женщины и дети спрятались). Наконец, он встретил группу в 30 человек мужчин, женщин и детей. А на побережье ему встретилась группа, состоящая из 70 мужчин и женщин всех возрастов, занимавшихся рыбной ловлей [65]. И здесь Оксли обнаружил определенную закономерность в расселении аборигенов: в то время как для внутренних, удаленных от моря областей, были характерны встречи лишь с небольшими группами или даже отдельными семьями, на побережье, в области, изобилующей различными видами пищи, группы аборигенов были гораздо многочисленнее. И мы имеем основание полагать, что как те, так и другие группы являются общинами, в численности которых, как мы это знаем уже по позднейшим сообщениям, всегда наблюдается определенная изменчивость, связанная с экологическими условиями.

О том же сообщают и другие путешественники. Дж. Эванс, посетивший внутренние области Нового Южного Уэльса за два года до Оксли и бывший здесь первым европейцем, тоже пишет о встречах с очень небольшими группами аборигенов, состоявшими из нескольких человек [66]. О встречах с такими же небольшими группами в центральных и западных областях Австралии пишет П. Уорбертон [67]. О том же сообщает Дж. Форрест, который в 1874 г. пересек континент с запада на восток [68]. В другом

---

[64] J. Oxley. Journals of two expeditions into the interior of New South Wales. London, 1820.

[65] Ibid., p. 117, 118, 211, 220, 221, 223, 225, 236, 237, 290, 342, 343, 347.

[66] K. Fitzpatrick. Australian explorers. A selection from their writings. London, 1959, p. 48, 49

[67] Ibid., p. 409—417, 424, 425, 433.

[68] Ibid., p. 449.

месте он же пишет о встрече с группой в 60—70 человек[69]. Ч. Стерт, который в 1829—1830 гг. исследовал течение Муррея от места его слияния с Дарлингом (которое он открыл) до устья, пишет о встречах с большими группами аборигенов[70], и это не удивительно, так как области, исследованные им, были издавна сравнительно густо населены.

Дж. Грей, который исследовал Северо-Западную и Западную Австралию в 1837—1839 гг., пишет о сезонности кочеваний австралийских общин, находящейся в зависимости от времени созревания съедобных растений, об индивидуальных и коллективных способах охоты[71].

Капитан Кинг, который во время своего плавания в 1818—1822 гг. видел аборигенов Северной и Западной Австралии, живущих отдельными небольшими группами[72], приводит также свидетельство В. Дампира, побывавшего у западных берегов Австралии в 1700 г. и сообщившего о том, что аборигены живут группами в 20—30 человек[73].

Воспоминания беглого каторжника У. Бакли рисуют жизнь аборигенов Виктории также еще до колонизации. Он бежал с каторги в 1803 г. и провел среди аборигенов 32 года. Все, что он рассказывает, представляет поэтому очень большой интерес. А говорит он о том, что аборигены этой области, отличающейся хорошим климатом и изобилием дичи и растительной пищи, жили все же небольшими общинами, состоящими из нескольких семей, которые бродили в поисках пищи по территории племени. Внутри общин существовало половое разделение труда — мужчины охотились, женщины занимались собирательством. По временам общины объединялись, чтобы совместно совершить какие-либо обряды, а затем снова расходились в разные стороны. Состав их иногда менялся в зависимости от обстоятельств. Иногда поиски пищи происходили на территориях дружественных общин с согласия последних. Охота на кенгуру нередко велась коллективно, загоном. Каждое племя было собственником участка земли, а внутри его отдельные охотничьи угодья находились в пользовании общин. Межплеменные связи были очень развиты, в том числе и с целью обмена. Племя, по словам Бакли, состояло из 20—60 семей. Брак был полигамным — многие мужчины имели несколько жен. Опытным, способным мужчинам-охотникам принадлежала в общине руководящая роль[74].

---

[69] K. Fitzpatrick. Australian explorers..., p. 453.

[70] Ibid., p. 114, 115.

[71] G. Grey. Journals of two expeditions of discovery in North-West and Western Australia, vol. 2. London, 1841, p. 267—273, 297.

[72] P. P. King. Narrative of a survey of the Intertropical and Western coasts of Australia (1818—1822), vol. 2. London, 1827, p. 140, 141.

[73] Ibid., p. 96.

[74] J. Morgan. The life and adventures of William Buckley. Hobart, 1852; перев. на нем. яз.: W. Buckley. Ein australischer Robinson. Leipzig, 1964, S. 80—86, 100, 125,

Одна из первых групп аборигенов, которую встретил в 1835 г. Дж. Ллойд в районе залива Порт-Филлип (Виктория), на еще не освоенном белыми поселенцами берегу Австралии, состояла из 20 женщин и 24 детей (мужчины, видимо, отсутствовали), другая группа насчитывала 55 мужчин, женщин и детей [75].

Т. Петри, воспоминания которого относятся к Квинсленду начала XIX в., пишет о патрилинейности и патрилокальности брака у аборигенов [76]. Оба эти явления, следовательно, существовали в Австралии еще до колонизации. Пишет он и об обычае временной матрилокальности, когда охотник после заключения брака на время переходит в общину жены [77], о полигамии, о половом разделении труда, о коллективных охотах, о том, что каждое племя имеет собственную территорию и никогда не охотится на территории соседнего племени без разрешения. То же самое относится и к подразделениям племени — общинам [78]. О полигамии и об общинной собственности на землю пишет Н. Огле, сообщения которого относятся к тому же времени, но к противоположной части континента — Западной Австралии [79]. Здесь, по словам Дж. Орда, обычное право строго охраняло общинную собственность на охотничьи угодья [80].

Дж. Хитон в своей книге об аборигенах Восточной Австралии рассказывает о том, что спустя 6 месяцев после прибытия первых колонистов в район Сиднея, т. е. еще в конце XVIII в., они часто встречали отдельные семьи, живущие на берегу и занимающиеся рыбной ловлей и собиранием моллюсков [81]. Были ли это действительно семьи или же небольшие группы семей — общины,— этого, конечно, колонисты сказать не могли. Он пишет о том, что право собственности на племенные территории строго охранялось [82]. Поэтому европейцы не вытеснили аборигенов с их земель во внутренние области материка, как об этом часто пишут,— они их просто уничтожили. Внутренние области были населены так же, как и побережье, хотя население там было более редкое. «Черных нельзя было согнать с их земель во внутренние области страны,— пишет Хитон,— потому, что они встре-

---

190 и. а.; русск. перев.: У. Б а к л и. Австралийский Робинзон. М., 1966, стр. 30, 32, 33, 40, 42, 45, 52 и сл.

[76] G. T. L l o y d. Thirty three years in Tasmania and Victoria. London, 1862, p. 309—311.

[76] C. C. P e t r i e. Tom Petrie's reminiscences of early Queensland (1837), recorded by his daughter. Brisbane, 1904, p. 60.

[77] Ibid., p. 137.

[78] Ibid., p. 61, 117 a. o.

[79] N. O g l e. The colony of Western Australia. London, 1839, p. 61, 62.

[80] H. S. G. O r d. A brief account of the natives of Western Australia. Perth, 1879, p. 4.

[81] J. H. H e a t o n. On the origin, the manners, customs, and institutions, and the annihilation of the aborigines of Australasia. London, 1882, p. 28.

[82] Ibid., p. 19.

тили бы там другие племена. Следовательно, им не оставалось ничего другого, как умереть»[83].

Г. Мелвилл и С. Ньюленд тоже пишут о том, что каждое племя Нового Южного Уэльса имело свою территорию, границы которой были четко очерчены[84]. То же самое было и у тасманийцев[85].

В сообщениях А. Мейера, относящихся к Южной Австралии, содержится указание на существование локальных групп, «более или менее связанных брачными узами»[86]. Каждая группа имела свою охотничье-собирательную территорию. Добывая пищу, племя делилось на более мелкие группы. По словам Мейера, имя ребенку давал отец, брак был патрилокальным. Как и многие другие авторы XIX в., Мейер пишет о половом разделении труда, о многоженстве[87].

К Южной Австралии относятся и сведения К. С. Тихельманна — миссионера, который жил среди аборигенов в начале XIX в. в течение двух лет. Он рассказывает о том, что основной социальной единицей у аборигенов являются «большие семьи, или группы родственников» (по-видимому, имеются в виду общины). Несколько таких групп говорят на одном языке и образуют, таким образом, то, что называется австралийским племенем, т. е. группу общин, связанных главным образом общностью языка. Такое объединение имеет собственную территорию, границы которой нарушать не принято. Подобно многим другим авторам прошлого века, Тихельманн подчеркивает, что никаких вождей у австралийцев нет[88].

Таков характер сведений, которые можно почерпнуть из сочинений XIX в., написанных, правда, не этнографами, но зато содержащих данные об аборигенах, жизнь которых еще совершенно не была нарушена каким-либо вмешательством извне. Можно приводить все новые и новые факты, но они будут более или менее повторять друг друга. Авторы приводимых выше сообщений не были в состоянии проникнуть достаточно глубоко в социальную и духовную жизнь аборигенов, не могли проследить сезонность, цикличность колебаний размеров общин, соотношение общины и рода, но то, о чем они пишут, не вносит чего-либо принципиально нового в ту картину общинной жизни аборигенов Австралии, которую развернули перед нами авторы XX в.

---

[83] J. H. Heaton. Op. cit., p. 30.

[84] H. Melville. Australasia and prison discipline. London 1851, p. 114; S. Newland. The Parkengees, or aboriginal tribes on the Darling river. Adelaide, 1889, p. 14.

[85] H. Melville. Op. cit., p. 346.

[86] H. E. A. Meyer. Manners and customs of the aborigines of the Encounter Bay tribe, South Australia. Adelaide, 1846, p. 1.

[87] Ibid., p. 4, 5.

[88] C. G. Tiechelmann. Aborigines of South Australia. Illustrative and explanatory notes of the manners, customs, habits, and superstitions of the natives of South Australia. Adelaide, 1841, p. 6, 7.

Эти сочинения прошлого столетия интересны еще и в том отношении, что они в большинстве своем относятся к тем областям Австралии, где аборигенов теперь уже нет, а если они и есть, то уже давно не ведут жизнь бродячих охотников и собирателей. И вот оказывается, что жизнь этих ныне исчезнувших групп ни в чем существенном не отличалась от жизни аборигенов XX в., сохраняющих еще старый охотничье-собирательский кочевой уклад. Различия между теми и другими обусловлены главным образом различиями в природных условиях и плотности населения — оба эти фактора в совокупности определяют размеры территорий, численность локальных групп и относительную их подвижность.

Авторы прошлого века, правда, чаще нынешних, подчеркивают четкую очерченность общинных (или племенных) территорий и охраняемую обычным правом святость этих границ, нарушение которых вело к столкновениям. Но, вероятно, это объясняется тем, что приводимые нами сведения относятся в основном к тем областям Австралии, плотность населения которых была выше, чем плотность его там, где аборигены живут теперь. Отсюда и относительная ограниченность естественных ресурсов в первом случае, приводящая к отмеченным выше явлениям. Но и авторы прошлого века пишут о том, что каралось только произвольное нарушение границ — посещения чужих территорий по взаимному согласию имели место, видимо, так же часто, как и теперь. В основных чертах общины XIX и XX вв. выступают тождественными.

Первобытная община как форма организации совместного хозяйства коллектива возникла вместе с возникновением первобытного производства и была первой хозяйственно-экономической ячейкой человеческого общества. Скорее всего, род как форма организации семейно-брачных отношений складывался одновременно и параллельно с возникновением общины, и по мере его возникновения ранние общины, видимо, создавались на основе локализованных родов, но включали и представителей других родов, пришедших в общину по браку. Можно полагать, что общины, сложившиеся на основе локализованных родов, исторически предшествовали общинам, включающим в свой состав представителей нескольких разных родов (как женщин, так и мужчин), но это лишь логическое допущение.

Можно ли, исходя из этих теоретических предпосылок, рассматривать различные типы австралийских общин как стадии развития первобытной общины? Можно ли австралийские общины, сложившиеся на основе локализованных родов, считать более архаичными, чем общины, включающие в свой состав представителей нескольких родов (как женщин, так и мужчин)?

Пытаясь ответить на этот вопрос, следует иметь в виду, что по многим остальным признакам общины первого типа не более

архаичны, чем общины второго типа. Речь идет прежде всего о таких ведущих признаках, как уровень развития производительных сил и производственных отношений. Ведь находим же мы на п-ове Кейп-Йорк живущих почти бок о бок и мало чем отличающихся друг от друга вик-мункан, у которых род является основой общины, и йир-йоронт, общины которых состоят из женщин разных родов и мужчин нескольких родов. У тиви о-вов Мелвилл и Баерст, находившихся в условиях большей изоляции, чем многие другие австралийские племена, такие же общины, как и у йир-йоронт. А общины более развитые в культурном отношении, например у муринбата и других групп Арнхемленда, сложились на основе локализованных родов. Словом, австралийские общины, состоящие из представителей нескольких родов (как женщин, так и мужчин) и даже включающие в свой состав неродственников, по основным, ведущим, экономическим показателям, не представляют собой более позднего этапа развития первобытной общины, чем общины, сложившиеся на основе локализованных родов. Точнее, и те, и другие общины австралийских аборигенов представляют собой самые ранние из известных этнографии форм общины.

Следовательно, сами по себе формы соотношения общины и рода или факт включения в состав общины неродственников еще ничего не говорят об уровне развития общины, о степени ее разложения. Скорее всего, эти явления говорят о другом — о пластичности, гибкости родовой организации, о ее приспособляемости к меняющимся условиям. Родовая организация развивается, как и все общество в целом. Австралийское общество — это общество раннеродовое, здесь родовая организация проходит ранние фазы своего развития. Поэтому она еще особенно неустойчива, аморфна, подвержена воздействию меняющихся условий. А в особенно неблагоприятных экологических условиях, способствующих атомизации общества, распадению его на мелкие группы, родовая организация имеет тенденцию к полному исчезновению с тем, чтобы снова возродиться в более благоприятных условиях. У австралийцев родовая организация не исчезла полностью даже в пустынях Центральной и Западной Австралии, но возможно, что это произошло у бушменов и эскимосов. Растворяясь в нескольких общинах, род, как это нередко бывает у австралийцев, продолжает сохранять на определенной территории центры родового тотемического культа, рассматривая эту территорию как свою «собственность» (разумеется, не в экономическом смысле).

Родовая организация австралийцев не составляет предмета настоящего исследования, и о ней шла речь лишь попутно, в связи с австралийской общиной. Однако важно заметить, что для австралийцев одинаково характерны и материнский, и отцовский род, а местами тот и другой сосуществуют в одних и тех же об-

щинах. Открытие у австралийцев и многих других отсталых народов обеих форм рода, а у многих австралийских племен (валбири, тиви и других) их сосуществования свидетельствует, во-первых, об устарелости все еще довольно распространенного представления, что отцовский род возникает лишь на стадии разложения родового строя, и, во-вторых, об устарелости и схематизме другого, связанного с первым, представления, что член первобытной общины может принадлежать только к материнскому или отцовскому роду. В действительности он может одновременно принадлежать к двум родам, материнскому и отцовскому, каждый из которых, помимо главной его функции — организации семейно-брачных отношений,— связан еще с иными социальными функциями. Так, например, принадлежность к роду может выражать физиологическую связь человека с матерью и ее родом, связь его с общиной, в которой он родился и к которой принадлежит его отец, отношение человека к тотемистическому сообществу, объединенному общностью культа, и т. д. Проблема эта должна стать предметом особого исследования и здесь нет возможности рассмотреть ее во всем объеме. Необходимо только еще раз подчеркнуть, что и отцовский, и материнский род одинаково свойственны раннеродовому обществу, типичным образцом которого является общество австралийских аборигенов, и что обе формы рода известны на всех этапах развития родового строя.

Возможно, что материнский род возник раньше отцовского, что это наиболее древняя форма рода. Аргументы в пользу этого мнения приводились в этнографической литературе в большом количестве. Но и возникновение отцовского рода относится, несомненно, к глубокой древности, к одной из ранних фаз в развитии родового строя. Во всяком случае, возникновение локальных групп с отцовским родом у австралийцев ни в коей мере не обусловлено колонизацией, как полагает, например, С. П. Толстов [89]. Выше говорилось о том, что отцовский род присущ первобытным австралийским общинам, сложившимся независимо от колонизации, в результате спонтанного развития, и что в общинах, находящихся под воздействием колонизации, исчезает не только отцовский род, но и родовая организация вообще. И у австралийцев, и у других народов, стоящих на той же ступени общественного развития, отцовский род появился задолго до колонизации. Важно заметить, что у этих народов не возникла до сих пор и частная собственность. Следовательно, возникновение отцовского рода не связано с этими явлениями, оно относится еще к эпохе безраздельного господства первобытнообщинных отношений [90].

---

[89] С. П. Толстов. Некоторые проблемы всемирной истории в свете данных современной исторической этнографии.— «Вопросы истории», 1961, № 11, стр. 108—110.

[90] Видимо, неправы те, кто считает возможным отождествлять первобытную формацию только с материнско-родовой организацией. См., например, Ю. П. Аверкиева,

Одним из вероятных факторов, приведших к возникновению отцовского рода, является такой социальный институт, как парная семья, существование которой зафиксировано у всех отсталых народов и сложение которой относится, видимо, к глубокой древности. Семья предполагает наличие «социального» отцовства, а «социальный» отец хорошо известен и в том случае, если отсутствует понятие о физиологическом отцовстве. Давно было замечено, что у многих австралийских племен отсутствовало представление о физиологическом отцовстве, т. е. о физиологической роли отца в зачатии ребенка. Но это не мешало тому, что у них был широко распространен отцовский род. Отсутствие понятия о физиологическом отцовстве у австралийцев компенсировалось понятием социального отцовства. Отцом ребенка считался тот, кто живет с его матерью, снабжает пищей ее и ее детей. В северном Квинсленде, например, существовал обряд заключения брака, во время которого женщина получала пищу из рук ее будущего мужа. Акт принятия пищи рассматривался как причина зачатия ребенка, а мужчина, из рук которого женщина приняла пищу, рассматривался в дальнейшем как отец ребенка [91]. У тода (Индия) мужчина, наследуя вдову своего брата, становится законным отцом его детей, и они его называют «отцом». С другой стороны, ребенок может быть адоптирован (как это часто бывает в Океании), и между ним и приемными родителями устанавливаются такие же отношения, как между родителями и их собственными детьми. У всех народов, в том числе самых отсталых, семья как совокупность отношений между мужем и женой, родителями и детьми основывается прежде всего на разделении труда по возрасту и полу. Следовательно, она выступает прежде всего в своей социально-экономической функции, а не как чисто биологическая ячейка. Поэтому наряду с физиологической связью между матерью и ребенком даже у самых отсталых народов наблюдается социальная связь между ребенком и отцом, а это в свою очередь является одним из условий существования у них отцовского рода.

В австралийских общинах господствуют отношения равенства, сотрудничества, коллективизма. В то же время мужчины играют в них руководящую роль, что засвидетельствовано всеми, кто наблюдал жизнь австралийцев. Мужчинам принадлежит решающее слово во всех наиболее важных общественных делах, они контролируют общинную собственность в любой ее форме, в их руках находится обмен с другими группами, они руководят религиозно-обрядовой жизнью общины. Поэтому можно сказать, что широко распространенная у австралийцев отцовская филиация обусловлена, помимо социального отцовства, также патрило-

---

А. И. Першиц, Л. А. Файнберг, Н. Н. Чебоксаров. Еще раз о месте материнского рода в истории общества.— «Советская этнография», 1963, № 3, стр. 200—205.

[91] E. D. Vatter. Der australische Totemismus. Hamburg, 1925, S. 133.

кальностью и руководящим положением мужчин в общине. В то же время, естественно, всегда существовало понятие о физиологической связи ребенка с матерью, нередко осложненное тотемистическими представлениями [92]. Возможно, что сочетанием всех перечисленных выше факторов и объясняется сосуществование у австралийцев отцовского и материнского родов, связанных с различными социальными функциями.

Первобытная формация — наиболее длительная формация в истории человеческого общества. Вследствие неравномерности исторического развития некоторые народы до наших дней живут еще в условиях доклассового общества, подобно тому как существуют народы, живущие в условиях докапиталистических обществ. Критерием для определения той или иной общественной формации служит господствующий в данном обществе способ производства, а не историческая эпоха его существования [93]. К числу народов, живущих еще в условиях доклассового строя, относятся и австралийцы. По ряду признаков, относящихся главным образом к сфере материального производства, австралийское общество лучше всего сопоставляется с эпохой мезолита. Признавая закономерные связи, существующие в любом обществе между экономическим базисом и социально-идеологической надстройкой, нужно признать, что отношения в австралийском обществе могут быть использованы для изучения отношений, существовавших в доклассовых обществах прошлого, а особенно в эпоху мезолита. Разумеется, при этом надо учитывать конкретные условия, определяющие специфические формы структуры и организации однотипных обществ в различные исторические эпохи и в разной географической среде. Следует помнить указание Маркса, что «один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны основных условий — благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д.— может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств» [94].

---

[92] Так, А. Элькин считает, что, в отличие от локальных групп, обычно патрилокальных и патрилинейных, «тотемические роды всегда матрилинейны по счету происхождения» (А. Элькин. Коренное население Австралии. М., 1952, стр. 53, 84, 90). Впрочем, обнаружив у австралийцев двойственность филиации (материнскую в роде и отцовскую в локальной группе), Элькин не смог понять сущности этого явления. Он заявил, что самой важной функцией австралийских локальных групп является их культовая роль и назвал их «культовыми родами». Между тем, уделив больше внимания материальным условиям жизни австралийских аборигенов, он, безусловно, сумел бы обнаружить, что культовая роль австралийских локальных групп, а также и свойственная им отцовская филиация вытекают из их социально-экономических функций.

[93] См. подробнее: П. Н. Федосеев, Ю. П. Францев. История и социология.— «Коммунист», 1964, № 2, стр. 61—74.

[94] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 354.

Вопрос об использовании данных этнографии для реконструкции истории первобытного общества теснейшим образом связан с марксистским учением об общественных формациях. С учетом специфики, свойственной, с одной стороны, обществам далекого прошлого, с другой — австралийскому обществу, сопоставления между ними вполне допустимы. Более того, они необходимы, ибо без этого нельзя выйти за рамки изучения конкретных обществ, нельзя делать большие теоретические обобщения, нужные для выяснения законов общественного развития. Такие же сопоставления, с учетом особенностей исторического прошлого и условий жизни каждого народа, допустимы и необходимы и между различными современными народами, живущими в условиях одной общественной формации и находящимися примерно на одинаковом уровне общественного развития.

Иногда приходится читать о том, что австралийцы и другие отсталые в социально-экономическом отношении народы — наши современники и по ним, следовательно, нельзя судить о подлинной первобытности, что это «сравнительно редкое атипичное явление»[95]. Конечно, эти народы нетипичны для более высоких уровней развития, но они в целом типичны для представляемого ими уровня.

Разумеется, и самыми отсталыми современными обществами пройден большой путь исторического развития, который исследователь должен учитывать. И все же этнограф-марксист не может, руководствуясь умозрительными представлениями о первобытности, объявлять «атипичными» любые этнографические факты и явления, фиксируемые в современных обществах, которые в эти представления не укладываются. Его долг — попытаться понять внутренний механизм этих обществ, попытаться выявить закономерные, причинные связи, определяющие их структуру. Если он руководствуется учением об общественных формациях, для него очевидно, что анализ общественной структуры, раскрытие отношений, существующих между экономическим базисом и социально-идеологической надстройкой в австралийском или другом находящемся на той же стадии развития обществе, проливает свет на отношения, существовавшие в любых обществах подобного типа, в какую бы эпоху они ни жили. Ибо общество, в марксистском понимании, не комбинация случайных элементов, а система, в которой все элементы объединены причинными и закономерными связями и ведущая роль принадлежит социально-экономическим институтам. Только на такой методологической основе этнография сможет по праву стать, наряду с археологией и антропологией, одной из составных частей науки о первобытном обществе.

---

[95] А. И. Першиц, Л. А. Файнберг, Н. Н. Чебоксаров. По поводу писем Н. А. Бутинова и В. Р. Кабо.— «Советская этнография», 1965, № 3, стр. 188, 190.

Маркс и Энгельс, как известно, считали возможным использовать этнографические материалы, в том числе и по современным австралийцам, как ценный источник для реконструкции прошлого народов, живущих уже в классовом обществе. Нужно встать фактически на путь отрицания единства социально-экономического развития человечества, чтобы при изучении австралийцев и других народов, живущих еще в доклассовом обществе, не использовать этот материал (разумеется, с обязательным учетом его специфики) для реконструкции прошлого всего человечества.

Австралийские этнографические материалы имеют первостепенное значение как источник для реконструкции первобытности. В течение многих тысяч лет, до конца XVIII в., австралийцы жили почти в полной изоляции от воздействия более развитых обществ. Кроме того, они населяли континент, где представлены всевозможные природные условия — тут и зона очень благоприятного для жизни умеренного климата, и влажные тропики, и горы, и пустыни, и саванны. Столь же, если ие еще более, разнообразными, были природные условия, в рамках которых проходило развитие человечества в эпоху позднего палеолита, мезолита и раннего неолита. Ведь уже в позднем палеолите, как показывает археология, человечество было расселено на огромной территории от Западиой Европы до Юго-Восточной Азии, территории, включавшей все разиообразие ландшафтов — от суровой приледниковой тундры, условия жизни в которой напоминали условия жизни современных эскимосов, до тропических лесов, в дебрях которых и ныне живут многие охотничьи народы.

По словам Энгельса, научный метод Моргана произвел «революцию во взглядах». В чем же состоит особенность этого метода? В том, что социальные институты современных отсталых народов рассматривались Морганом как источник для изучения истории первобытного общества. «Великая заслуга Моргана состоит в том, что он открыл и восстановил в главных чертах эту доисторическую основу иашей писаной истории и в родовых связях североамериканских индейцев нашел ключ к важнейшим, доселе неразрешимым загадкам древней греческой, римской и германской истории»[96]. Морган указал этнографии ее великую задачу: изучая отсталые в социально-экономическом отношении народы мира, их общественный строй и культуру, рассматривать все это как ключ к познанию прошлого всех народов мира.

---

[96] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 26. К этому хотелось бы добавить, что Энгельс, во многом опираясь на исследования Моргана, не относился к его выводам догматически; он указывал, что ценность и убедительность концепции Моргана проистекает прежде всего из того, что она обоснована солидным фактическим материалом, и предвидел время, когда «значительное расширение материала... заставит внести изменения» в нее (там же, стр. 28). Едва ли можно сомневаться в том, что это время уже наступило.

Но реконструируя прошлое с помощью этнографических материалов, необходимо руководствоваться строгими научными принципами. Прежде всего методологически неправильно привлекать для сравнения стадиально неравноценные материалы. Этот недостаток, к сожалению, очень распространен в нашей литературе. Нельзя, например, характеризовать донеолитическое общество, находящееся на стадии присваивающего хозяйства, привлекая материалы из истории земледельческих обществ, переживших «неолитическую революцию» и перешедших к производству продуктов питания. Нельзя, следовательно, характеризовать раннеродовое общество охотников и собирателей, находящихся на стадии мезолита, с помощью материалов из истории, скажем, ирокезов. Зато использование австралийских этнографических материалов для изучения мезолитических обществ методологически оправдано.

Все сказанное относится и к изучению австралийской общины. Перед нами — первобытная охотничье-собирательская община в ее конкретном (австралийском) варианте и в определенный исторический период. Задача настоящей статьи состояла в том, чтобы раскрыть сущность этой общины и дать ее характеристику. Некоторые ее черты, возможно, свойственны только австралийскому обществу, другие — общине любого народа, находящегося на соответствующем уровне развития. Следовательно, отношения, характерные для австралийской общины, с обязательным учетом специфики, свойственной австралийскому обществу, могут и должны быть использованы для освещения ранних форм общинной организации в другие эпохи и у других народов, находящихся (или находившихся) на том же уровне развития.

Какие же особенности австралийской первобытной общины имеют общее для ряда аналогичных обществ значение? Это прежде всего те, которые характеризуют общину как основной экономический институт, как фокус социально-экономических отношений. Это естественно сложившийся коллектив, наиболее естественная форма общественной жизни людей на заре их истории. Первобытная община является основным хозяйственным коллективом первобытного общества, субъектом собственности на землю и естественные ресурсы. Первобытной общине свойственны общинная собственность на землю и личная собственность на предметы, в которые вложен труд индивидуума, в том числе на орудия труда. Коллективная, общинная собственность на землю и естественные ресурсы является здесь результатом естественного единства производителя и условий производства[97]. Здесь уже существует и разделение труда — естественное (внутриобщинное) и географическое (межобщинное). Частной собственности еще нет.

[97] К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940, стр. 16, 17, 22—25.

Первобытные общины конституируются в основном на отношениях кровного родства и свойства, но им свойственны и отношения, не основанные на родственных связях. Род и община никогда не совпадают полностью. Члены общины, как правило, представляют несколько родов (минимум два), однако известны общества, стоящие на том же уровне развития, где нет родовой организации, — таковы бушмены, эскимосы, андаманцы и некоторые другие народы. То обстоятельство, что и эти народы живут общинами, подчеркивает важность, жизненную необходимость для них общинной организации. Величина общины охотников и собирателей зависит в значительной мере от экологических условий. С этими условиями связано и эпизодическое экономически самостоятельное существование отдельных семей, остальное время составляющих часть общины как единого производственного коллектива.

Все члены первобытной общины экономически равноправны. Первобытные общины охотников и собирателей, как правило, патрилокальны, что связано с особенностями их хозяйственной деятельности. В свою очередь, патрилокальность является одним из факторов, обусловливающих руководящее положение мужчин в этих обществах. О матриархате, постулируемом некоторыми авторами для ранних стадий первобытнообщинного строя, здесь, на этих стадиях, еще не может быть и речи. Материнский род и матриархат — это далеко не одно и то же. Не созрели здесь условия и для патриархата. Руководящее положение мужчин в первобытных общинах охотников и собирателей, так же, как и свойственные им отцовско-родовые отношения, не следует отождествлять с патриархатом. Ни матриархат, ни патриархат не являются стадиями развития первобытнообщинного строя, оба они свойственны лишь наиболее поздним его этапам [98].

Таковы основные черты первобытной общины на ранних этапах ее развития. Ее исследование имеет большое значение для марксистской исторической науки, социологии и политической экономии. Однако нужно иметь в виду, что этнографический материал может быть полезным только при условии объективного и свободного от всяких априорных концепций исследования сложной и во многом еще неясной истории первобытного общества.

---

[98] Термины «матриархат» и «патриархат», «матриархальный» и «патриархальный» употребляются нередко в очень широком и нечетком значении. Так, например, М. О. Косвен пишет: «Матриархатом называется тот период первобытной истории, который знаменуется равноправием в своем дальнейшем развитии и преобладающим положением женщины в хозяйстве и обществе» (М. О. Косвен. Матриархат. История проблемы. М.—Л., 1948, стр. 3). На это правильно возражают А. Л. Моигайт и А. И. Першиц: «Ведь если ранний матриархат характеризуется общественным равноправием женщины и мужчины, то тем самым он перестает быть матриархатом: термин перестает соответствовать вкладываемому в него содержанию» (А. Л. Моигайт и А. И. Першиц. Некоторые вопросы первобытной истории в советской литературе послевоенных лет.— «Вопросы истории», 1965, № 1, стр. 137).

В. М. БАХТА

ПАПУАСЫ НОВОЙ ГВИНЕИ: ПРОИЗВОДСТВО И ОБЩЕСТВО

Папуасы — коренное и основное население Новой Гвинеи. По приблизительным оценкам — на большей части острова переписей никогда не производилось — общая численность папуасов составляет более 2 млн. человек. Основные положения, выдвинутые автором статьи, опираются на данные, собранные исследователями в самых различных частях Новой Гвинеи.

Следует подчеркнуть, что характерной чертой коренного населения Новой Гвинеи является его значительная этническая и языковая дробность, причем мнения ученых относительно числа этнических и языковых групп на Новой Гвинее сильно расходятся [1]. Изученность отдельных групп папуасов неравномерна и в целом еще очень недостаточна. Встречающиеся в литературе названия этнических групп в известной мере условны. Они указывают, по большей части, лишь на географическое положение группы папуасского населения, среди которой работал тот или иной этнограф [2].

Гораздо важнее другое: то, что папуасы до самого недавнего времени жили, а кое-где и до сих пор живут в условиях общинно-родового строя. В силу ряда обстоятельств до 30-х годов XX в. колонизаторы практически не пытались продвинуться в глубь острова, да и на побережье, если не считать немногих изолированных населенных пунктов, влияние европейцев почти не ощущалось. Что касается воздействия на папуасов индонезийской

[1] Не так давно Н. А. Бутинов привел убедительные доводы в пользу мнения, согласно которому на Новой Гвинее едва ли более 20—30 этнических групп. См. Н. А. Бутинов. Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи. — В сб.: «Проблемы истории и этнографии народов Австралии, Новой Гвинеи и Гавайских островов». М.—Л., 1962, стр. 182—189. Об особенностях соотношения папуасских языков и диалектов внутри этнических групп см.: Н. А. Бутинов. Этнолингвистические группы на Новой Гвинее.— «Советская этнография», 1962, № 3.

[2] Подробнее об этом см. в работе: Н. А. Бутинов. Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи, стр. 136—147 и др.

культуры, то и оно было сравнительно слабым, никогда не выходя к тому же за пределы узкой прибрежной полосы западной Новой Гвинеи.

В настоящей статье предлагается не установившееся пока в нашей науке понимание структуры и динамики первобытного общества. Главное в нем: (1) обязательность раздельного анализа двух генетически и функционально различных типов общественных связей: отношений по производству материальных благ и отношений по производству самого человека и (2) взгляд на структурные элементы, образующие два названных типа общественных связей в доклассовом обществе, как на органические динамичные образования, находящиеся в непрерывном движении, изменении и взаимодействии. Подобный подход, с точки зрения автора, открывает возможность для более глубокого проникновения в сущность общины в доклассовом, да и в раннеклассовом обществах; позволяет точнее определить место общины в социальной структуре этих обществ, а значит, и лучше понять характер связей между структурными частями доклассового и раннеклассового обществ вообще; наконец, открывает путь к более интенсивной интерпретации археологического материала, в частности при реконструкции по остаткам материальной культуры соответствующей социальной структуры.

Предлагаемое толкование опирается на определенные теоретические и методологические соображения общего характера, суть которых должна быть изложена несколько подробнее.

1. К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

По издавна и стихийно установившейся в нашей науке традиции исследованиями по социологии доклассового общества занимаются почти исключительно археологи и этнографы. Сосредоточивая свое внимание главным образом на этнической специфике форм хозяйства, материальной культуры и общественных отношений у изучаемых ими народов (или археологических «культур»), этнографы и археологи обычно не ставят перед собой задачи осуществить социологический анализ доклассового общества в собственном смысле этого слова. В то же время социологи и экономисты ограничивают, как правило, сферу своих исследований историческими рамками классовых обществ. Естественным следствием такой расстановки сил явилась явно недостаточная изученность сложной совокупности социальных отношений в доклассовом обществе, и первобытной экономики в частности [3]. И хотя за последние годы усилиями советских иссле-

[3] Этот факт не раз уже отмечался (хотя и в разной связи). См., например, В. М. Бахта. К вопросу о структуре первобытного производства.— «Вопросы истории», 1960, № 7, стр. 61; М. В. Колганов. Собственность. Докапиталистические формации. М., 1962, стр. 45—60 и сл.; А. И. Першиц. Актуальные проблемы советской

дователей создано немало глубоких и интересных трудов, в которых рассматриваются важные социологические проблемы доклассового общества [4], общий уровень наших знаний о структуре и динамике общественных форм первичной формации по-прежнему не может нас удовлетворить. И так будет, несомненно, до тех пор, пока не удастся разрешить, наконец, наиболее трудный вопрос, прямо касающийся сущности социальной структуры в доклассовом обществе.

В чем суть этого вопроса? В предисловии к 1-му изданию «Происхождения семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс писал: «Согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно, опять-таки, бывает двоякого рода. С одной стороны — производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий, с другой — производство самого человека, продолжение рода. Общественные порядки, при которых живут люди определенной исторической эпохи и определенной страны, обусловливаются обоими видами производства: ступенью развития, с одной стороны — труда, с другой — семьи. Чем меньше развит труд, чем более ограничено количество его продуктов, а следовательно, и богатство общества, тем в большей степени обнаруживается в общественном строе господство отношений по родству» [5].

этнографии.— «Советская этнография», 1964, № 4, стр. 18, 19; А. Ф. Анисимов. Духовная жизнь первобытного общества. М.—Л., 1966, стр. 4, 5; Г. Г. Тер-Григорян. К вопросу об определении первобытной общественно-экономической формы труда.— «Вестник общественных наук АН Арм. ССР», 1966, № 2 (273), стр. 16.

[4] См., например, А. П. Окладников. Становление человека и общества. В сб.: «Проблемы развития в природе и обществе». М.— Л., 1958; Г. Ф. Хрустов. К вопросу об отношениях собственности в первобытном обществе.— «Советская этнография», 1959, № 6; он же. О возникновении материального производства.— «Вопросы философии», 1960, № 3; Ю. Ф. Новиков. О возникновении земледелия и его первоначальных формах.— «Советская археология», 1959, № 4; Н. А. Бутинов. Разделение труда в первобытном обществе.— В сб.: «Проблемы истории первобытного общества». М.— Л., 1960; С. Н. Замятнин. Некоторые вопросы изучения хозяйства в эпоху палеолита.— Там же; А. И. Першиц. Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории.— Там же; Ю. П. Аверкиева. Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки. М., 1961; М. В. Колганов. Собственность; М. Б. Туровский. Труд и мышление. М., 1963; С. А. Семенов. Очерк развития материальной культуры и хозяйства палеолита.— В сб.: «У истоков человечества». М., 1964; А. Ф. Анисимов. Духовная жизнь первобытного общества; и др.

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 25, 26. Слова, выделенные разрядкой, даны в переводе автора статьи. Дело в том, что в подлиннике последняя фраза приведенной цитаты звучит так: «Je weniger die Arbeit noch entwickelt ist, je beschränkter die Menge ihrer Erzeugnisse, also auch der Reichtum der Gesellschaft, desto überwiegender erscheint die Gesellschaftsordnung beherrscht durch Geschlechtsbande» (F. Engels. Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staats. M.— L., 1934, S. XXIX). Die Geschlechtsbande — это, конечно, не «родовые связи», как принято сейчас переводить, а вся совокупность связей, которые вызваны к жизни производством

Долгое время было принято считать, что Энгельс допустил здесь неточность, поставив рядом продолжение рода и производства средств к жизни в качестве причин, равно определяющих развитие общества и общественных порядков[6]. В итоге прошедшего не так давно обмена мнениями[7] указанное место из «Происхождения семьи...», а точнее, содержащиеся в нем мысли были, если можно так сказать, «реабилитированы». Однако, как показал последующий ход событий, «реабилитация» эта была в значительной мере формальной: многие товарищи так и не решились сделать последний шаг, т. е. признать, что в указанных мыслях Энгельса содержится в нескольких словах вся диалектика, все движение первобытного общества от его начала и до его конца и что весь последующий текст «Происхождения семьи...» как раз и раскрывает эту диалектику, выявляет закономерность этого движения.

Показательна с этой точки зрения дискуссия, начавшаяся в связи с выходом в 1962 г. книги Ю. И. Семенова «Возникновение человеческого общества»[8]. В центре дискуссии оказались вопросы о содержании понятия «производственные отношения» в доклассовом обществе, о движущих силах антропогенеза, о причинах и механизме образования рода и экзогамии, о методах использования археологических и этнографических материалов для реконструкции первобытного общества, его структуры и осо-

---

самого человека. Понятие же «родовых связей» гораздо уже, охватывает лишь часть отношений родства в родовом обществе. Представляется поэтому более точным переводить die Geschlechtsbande как «узы родства» или «отношения по родству». Соотношение же понятий die Gesellschaftsordnung и die Geschlechtsbande определяется глаголом beherrschen. Очень определенный по смыслу глагол этот устанавливает не отношение «зависимости» общественного строя от отношений по родству, как это звучит в общепринятом переводе, но отношение господства и подчинения между этими понятиями. Предлагаемый здесь вариант перевода, мне думается, точнее передает отмеченный крайне важный оттенок мысли Ф. Энгельса.

[6] См., например, «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, 1941, стр. IV—V; К. В. Островитянов. Очерки экономики докапиталистических формаций. М., 1945, стр. 26; Краткий философский словарь. 4-е изд. М., 1955, стр. 393; Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М. 1952, стр. 4, примеч. редакции.

[7] В. В. Платковский. Выдающееся произведение научного коммунизма.— «Коммунист», 1959, № 14; П. И. Борисковский. В. И. Ленин и проблемы закономерностей развития первобытного общества.— «Вестник ЛГУ», 1960, № 8; Предисловие к кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. VII—VIII; К. И. Власов. О значении родовых отношений в первобытном обществе.— «Вопросы философии», 1962, № 11; С. Э. Крапивенский. По поводу так называемой ошибки Энгельса.— «Философские науки», 1963, № 2; В. Г. Панов. Что следует понимать под производством и воспроизводством жизни общества.— «Философские науки», 1963, № 3; Г. Д. Обичкин. Письмо в редакцию.— «Вопросы философии», 1963, № 3.

[8] Ю. И. Семенов. Возникновение человеческого общества. Красноярск, 1962; он же. Групповой брак, его природа и место в эволюции семейно-брачных отношений. Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М., 1964; он же. Возникновение общественных отношений.— В сб.: «У истоков человечества».

бенностей исторического развития [9]. В ходе этой дискуссии среди советских этнографов и историков первобытности окончательно определились ранее уже обозначившиеся два существенно различных взгляда на социальную структуру доклассового общества. Согласно первому из них, родовые отношения [10] в доклассовом обществе — это и есть производственные отношения этого общества. «Производственные отношения в первобытной общине совпадали с материнско-родовыми отношениями»,— писал в 1960 г. А. И. Першиц [11]. Годом позже Ю. П. Аверкиева выразила уверенность в первоначально экономическом содержании рода [12]. А в 1963 г. она же поставила в вину американскому этнографу Дж. Стюарду то, что он «далек от понимания рода как формы производственных отношений в первобытном доклассовом обществе» [13]. «Первобытнокоммунистические производственные отношения были родовыми и никакими другими»,— подчеркивал в 1965 г. Ю. И. Семенов [14]. Взгляд на первобытнокоммунистические производственные отношения как на родовые отстаивают также С. П. Толстов, Л. П. Потапов, Л. А. Файнберг и многие другие этнографы [15].

Согласно второму взгляду, отношения по производству материальных благ изначально составляют систему материальных (производственных) отношений, не сводимую ни к каким другим отношениям в обществе. Эти отношения возникают в сфере производства материальных благ и вместе с ним как одна из его

---

[9] М. Б. Туровский. Рец. на кн.: Ю. И. Семенов. Возникновение человеческого общества. Красноярск, 1962.— «Философские науки», 1963, № 4; В. П. Алексеев. Л. А. Файнберг. Рец. на кн.: Ю. И. Семенов. Возникновение человеческого общества. Красноярск, 1962.— «Советская этнография», 1963, № 5; В. М. Бахта, Д. В. Гурьев, И. Ф. Кузнецов. Попытка философского исследования проблем антропогенеза.— «Вопросы философии», 1964, № 8; Д. В. Гурьев. К вопросу о возникновении труда.— «Вопросы антропологии», вып. 17, 1964; Ю. И. Семенов. О некоторых вопросах становления человеческого общества.— «Вопросы философии», 1965, № 6; В. М. Бахта, Д. В. Гурьев, И. Ф. Кузнецов. Еще раз о книге Ю. И. Семенова.— Там же; Обзор писем.— Там же; В. Р. Кабо. Проблема пережитков в этнографии.— «Доклады Восточной комиссии Географического общества Союза ССР», вып. 1 (2), Л., 1965; В. С. Сорокин. Некоторые теоретические вопросы возникновения человеческого общества.— «Советская археология», 1965, № 4.

[10] Понятие «родовые отношения», как уже отмечалось, в действительности не охватывает всей совокупности отношений родства в родовом обществе и тем более неприменимо при описании отношений родства в дородовом обществе. Однако в литературе это понятие употребляют нередко в неправомерно расширительном смысле, и с этим постоянно приходится считаться.

[11] А. И. Першиц. Развитие форм собственности..., стр. 163.

[12] Ю. П. Аверкиева. Разложение родовой общины..., стр. 62.

[13] Ю. П. Аверкиева. Современные тенденции в развитии этнографии США.— В сб.: «Современная американская этнография». М., 1963, стр. 31.

[14] Ю. И. Семенов. О некоторых вопросах становления..., стр. 171.

[15] См., например, Ю. П. Аверкиева, А. И. Першиц, Л. А. Файнберг, Н. Н. Чебоксаров. Еще раз о месте материнского рода в истории общества.— «Советская этнография», 1963, № 3; А. И. Першиц, Л. А. Файнберг, Н. Н. Чебоксаров. По поводу писем Н. А. Бутинова и В. Р. Кабо.— «Советская этнография», 1965, № 3; Обзор писем.— «Вопросы философии», 1965, № 6.

необходимых и существенных сторон [16]. Что же касается отношений по родству (в том числе родовых отношений), то они в совокупности представляют собой — и генетически, и функционально — особую, отличную от экономики сферу материальных отношений [17]. Нет слов, в первобытном коллективе экономика и узы родства связывают и объединяют одних и тех же людей, и не удивительно поэтому, что отношения по родству и отношения по производству материальных благ переплетены и взаимосвязаны. Однако первые никогда не совпадали и не могут совпадать со вторыми [18].

Только тщательный и всеобъемлющий анализ конкретно-исторического материала может дать окончательный ответ на вопрос, какая из спорящих сторон ближе к истине. С этой точки зрения, чрезвычайный интерес для исследователя представляют доклассовые общества, сохранившиеся до наших дней. К числу таких обществ и принадлежит, в частности, общество папуасов Новой Гвинеи.

Вправе ли мы, однако, использовать результаты исследований папуасского общества для реконструкции «классической» первобытности? Хорошо известно, что некоторые зарубежные и советские ученые весьма скептически относятся к использованию этнографических материалов вообще и этнографических материалов о папуасах Новой Гвинеи в частности для суждений о социальном устройстве первобытного человечества [19]. К такой точке зрения, среди прочих, склоняются сторонники отождествления (или совпадения) родовых и производственных отношений в родовом первобытном обществе. Дело в том, что по имеющимся

[16] См., например, Г. Ф. Хрустов. Категория скачка и проблема становления человеческого общества.— «Советская этнография», 1958, № 1; он же. О возникновении материального производства.

[17] Любопытно, что у политэкономов, в отличие от этнографов, необходимость четкого различения производственных отношений и отношений по родству не вызывает сомнений. См., например, К. В. Островитянов. Очерки экономики докапиталистических формаций, стр. 13—24. См. также: А. В. Дроздов, С. С. Батенин. Разработка В. И. Лениным проблемы материальных и идеологических общественных отношений.— «Вестник ЛГУ», 1965, № 5, стр. 31—42.

[18] См., например, Н. А. Бутинов. Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи, стр. 179—181; он же. Письмо в редакцию.— «Советская этнография», 1965, № 3, стр. 180—184; В. М. Бахта, Д. В. Гурьев, И. Ф. Кузнецов. Еще раз о книге Ю. И. Семенова, стр. 175, 176 и др.

[19] См., например, С. П. Толстов. Некоторые проблемы всемирной истории в свете данных современной исторической этнографии.— «Вопросы истории», 1961, № 11, стр. 109, 110; Ю. П. Аверкиева, А. И. Першиц, Л. А. Файнберг, Н. Н. Чебоксаров. Еще раз о месте материнского рода в истории общества, стр. 200—205; А. И. Першиц, Л. А. Файнберг, Н. Н. Чебоксаров. По поводу писем Н. А. Бутинова и В. Р. Кабо, стр. 186—190; R. Piddington. Review: G. Landtman. The origin of the inequality of social classes. London, 1938.— «Man», 1940, vol. XL, N 54; M. Herskovits. Economic anthropology. New York, 1952, p. 528; A. Capell. Review: I. Sellnow. Grundprinzipien einer Periodisierung der Urgeschichte. Berlin, 1961.— «Oceania», 1962, vol. XXXIII, N. 1, p. 67; The teaching of anthropology.— «American Anthropological Association's Memoir», N 94, 1963, p. 225.

данным в современных доклассовых обществах различие экономических отношений и отношений по родству проявляется, помимо всего прочего, в том, что экономическая ячейка отлична от рода и никогда с ним не совпадает. Ни у одного народа, где до недавнего времени сохранялся или до сих пор сохраняется родовой строй, этнографами не зафиксировано случаев, когда бы социальные ячейки, образовавшиеся в целях упорядочения отношений по производству самого человека, совпадали с социальными ячейками, возникшими для обеспечения производства материальных благ (таковы, например, брачные классы и локальные группы у аборигенов Австралии, род и община у папуасов Новой Гвинеи и т. д.). Это и понятно: жены и мужья всегда принадлежат к разным родам, и, следовательно, члены одного рода неизбежно будут находиться в разных, по меньшей мере в двух, экономических ячейках общества.

Для сторонников отождествления (или совпадения) родовых и производственных отношений эти факты означают, что современные культурно отсталые народы не могут рассматриваться как конкретные примеры доклассовых обществ, так как общественный строй этих народов или якобы результат уродливой деформации их первобытной социальной структуры под насильственным влиянием колонизаторов, или следствие длительного обитания в особо неблагоприятных природных условиях. В классическом же первобытном обществе, по их мнению, родовые отношения были производственными отношениями, и поэтому, изучая род, мы будто бы тем самым изучаем экономику родового общества, его основную экономическую, производственную ячейку.

Возможно, однако, и совершенно иное толкование факта несовпадения рода и общины. Если исходить из того, что отношения родства и производственные отношения — это разные, хотя и взаимосвязанные сферы материальных общественных отношений, то различие между обеими сферами само по себе вполне понятно, вследствие чего отпадает какая бы то ни было необходимость искать внешние причины возникновения этого различия. И независимо от того, идет речь о родовом обществе археологического неолита или об обществе папуасов Новой Гвинеи, или о любом другом родовом обществе, мы всегда должны строго и последовательно отличать род как ячейку кровнородственных отношений от родовой общины, являющейся экономической ячейкой этого общества.

Характер всякого общества определяется в конечном счете характером и уровнем производства в этом обществе. Ниже будут приведены факты, совокупность которых, по мнению автора, убедительно свидетельствует о том, что производство у папуасов Новой Гвинеи — это производство первобытное и что в полном соответствии с ним общество папуасов — это общество доклассо-

вое, первобытное, родовое и как таковое может и должно быть важным источником сведений, необходимых для научно обоснованной реконструкции структуры и динамики общественных отношений в первобытном, лишь археологически фиксируемом обществе.

Кроме того, существует еще одно немаловажное обстоятельство, благодаря которому общество папуасов представляет для нас совершенно особый интерес. Дело в том, что это общество примитивных земледельцев, т. е. общество, уже перешагнувшее через грань, отделяющую «дикость» от «варварства». Поэтому, сравнивая общественное устройство этого общества с общественным устройством доземледельческих народов, мы можем уловить те кардинальные, поистине революционные сдвиги в общественной структуре, которые неизбежно происходят каждый раз, когда общество охотников и собирателей осваивает труд земледельцев, и о которых давно уже дает возможность догадываться — но только догадываться — обильный археологический материал.

Высказанные в свое время классиками марксизма соображения о качественном различии доземледельческого (присваивающего) и земледельческого и скотоводческого (производящего) типов хозяйства [20] разделяются всеми советскими этнографами, археологами и историками доклассового и раннеклассового обществ [21]. Аналогичных взглядов придерживаются в настоящее время и многие зарубежные исследователи [22]. Это вполне объяснимо: в ходе археологических раскопок последних десятилетий в распоряжении историков первобытности оказывается все больше и больше данных, убедительно свидетельствующих об огромных различиях в области экономики, социального строя и духовного мира между первобытными земледельцами и их предшественниками и современниками, еще не освоившими земледельческого хозяйства. Естественно, что археологи и историки первобытности и древнего мира стремятся учесть как при анализе конкретно-исторического материала, так и в своих общетеоретических построениях этот несомненно революционный характер

---

[20] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, стр. 733; т. 21, стр. 33.

[21] См., например, С. П. Толстов. Некоторые проблемы всемирной истории...; Ю. Ф. Новиков. О возникновении земледелия и его первоначальных формах; В. М. Бахта. К вопросу о структуре первобытного производства; Л. С. Васильев. Некоторые проблемы генезиса мировой цивилизации в современных зарубежных исследованиях.— «Народы Азии и Африки», 1966, № 2.

[22] См., например, В. Гордон Чайлд. У истоков европейской цивилизации. М., 1952, стр. 38 и сл.; он же. Археологические документы по предыстории науки (статья 2-я).— «Вестник истории мировой культуры», 1957, № 2, стр. 56—86; Л. С. Васильев. Некоторые проблемы генезиса мировой цивилизации...; J. H. Steward. Theory of culture change: methodology of multilinear evolution. Urbana, 1955; L. A. White. The evolution of culture. New York, 1959, p. 281—302; R. J. Braidwood. The agricultural revolution.— «Scientific American», 1960, vol. 203, N 3, p. 130—148; R. J. Rodden. An early neolithic village in Greece.— «Scientific American», 1965, vol. 212; N 4, p. 82—92.

воздействия земледелия на человеческое общество, культуру и даже на самого человека [23].

В то же время, как это ни странно, в советской литературе все еще немало примеров, когда исследователи первобытных общественных форм оперируют как равнозначными сведениями из жизни земледельцев и скотоводов, с одной стороны, и из жизни охотников и собирателей или рыболовов, с другой [24], неправомерно приравнивая тем самым друг к другу факты, хотя внешне и похожие, но взятые из жизни обществ, находящихся на стадиально различных уровнях социально-экономического развития.

Качественное различие производственно-экономических структур хозяйства присваивающего типа и хозяйства производящего типа при таком подходе к материалу не учитывается. Это, во-первых, ведет к серьезной недооценке роли и места земледелия в истории человечества и, во-вторых, значительно затрудняет правильное истолкование социальных структур, характерных для доклассовых обществ, изучаемых этнографами.

В связи с этим автором настоящей статьи была предпринята несколько лет назад попытка выявить существо качественного сдвига, который произошел при переходе к земледелию в самой структуре общественного производства. Теоретическим обоснованием этой попытки послужил достаточно хорошо аргументированный в нашей литературе вывод о том, что производство возникает и развивается как единство производства средств производства и производства предметов потребления [25].

Отсюда закономерно предположить, что каждому этапу истории доклассового общества свойственны, во-первых, присущая только данному этапу качественная специфика как сферы производства средств производства, так и сферы производства предметов потребления и, во-вторых, вполне определенное соотношение обеих сфер производства. Такая постановка вопроса создает возможность сопоставления производственных структур, относящихся к разным последовательным ступеням исторического процесса, а значит и возможность выявления закономерностей, определяющих прогрессивное развитие производства и общества.

---

[23] См., например, Г. Ф. Дебец. О некоторых направлениях изменений в строении человека современного вида.— «Советская этнография», 1961, № 2, стр. 17—18 и сл.

[24] А. И. Першиц. Развитие форм собственности..., стр. 158, 161, 163, 165 и сл.; Ю. П. Аверкиева. Разложение родовой общины..., стр. 259, 260 и сл.; Ю. И. Семенов. Возникновение человеческого общества, стр. 310—329; и др.

[25] В. М. Бахта. Производительные силы папуасов залива Астролябия.— «Океанийский этнографический сборник». М., 1957; Г. Ф. Хрустов. Категория скачка и проблема становления человеческого общества; А. П. Окладников. Становление человека и общества; Г. Ф. Хрустов. О возникновении материального производства; В. М. Бахта. К вопросу о структуре первобытного производства; он же. Общественное производство у аборигенов Австралии и папуасов восточной Новой Гвинеи. Канд. дисс. М., 1963; Г. Ф. Хрустов. Проблема человеческого начала.— «Вопросы философии», 1968, № 6. Критику этой точки зрения см. в работе: Д. Д. Тумаркин. Рец. на «Океанийский этнографический сборник». М., 1957.— «Советская этнография», 1959, № 1, стр. 202 и сл.

Представление об изначальной и имманентной структурности производства только и позволяет решительно перейти от общих рассуждений о превосходстве культуры и общества земледельческих народов над культурой и обществом народов с хозяйством присваивающего типа к четкому экономическому обоснованию вывода о прогрессивности земледелия как качественного скачка в развитии производства, общества и культуры.

В первом приближении можно принять, что цикл земледельческих работ распадается по своему производственно-экономическому содержанию на две качественно различных стадии: на обработку земли и на выращивание культурных растений. Первая стадия относится к сфере производства средств производства (производство земли как средства труда в земледелии), вторая — к сфере производства предметов потребления.

Подлинный экономический секрет земледельческой революции заключается в том, что земледелие — и в этом-то его всемирно-историческое значение — дало в руки человека новое, могущественное средство производства — землю. В земледельческой практике человечество столкнулось с необходимостью искусственного изготовления совершенно нового средства труда, ничем не похожего на прежде известные. Даже у весьма специализированных групп собирателей вроде «рубщиков саго» — племени маринданим из Новой Гвинеи [26] или северо-американских индейцев — собирателей болотного риса [27] земля выступает в качестве естественного, данного им природой средства производства. И наоборот, у самых примитивных земледельцев почва как средство труда создана человеком с помощью целого комплекса других средств труда, прежде всего различных механических орудий труда и огня.

Что касается второй стадии цикла земледельческих работ, то ее характер в конечном счете всегда зависит от качества и форм обработки земли. Разве не знаменательно, что прогресс в земледелии был всегда теснейшим образом связан с развитием и усовершенствованием орудий обработки земли? Тот в значительной степени бессознательный искусственный отбор, производившийся в течение тысячелетий сначала земледельцами неолита, а затем земледельцами бронзового и железного веков и приведший в конце концов к созданию основных видов культурных растений, стал возможен только благодаря возделыванию почвы. Обработка земли как средства труда в земледелии была главным в числе факторов, совокупность которых создавала максимально благоприятные условия для сохранения отобранных человеком

[26] P. Wirz. Die Marind-anim von Holländisch Süd-Neu-Guinea, Bd. I. Hamburg, 1922, S. 88—91.

[27] A. E. Jenks. The wild rice gatherers of the Upper Lakes.— «The Nineteenth annual report of the Bureau of American Ethnology to the secretary of the Smithsonian Institution, 1897—1898, by J. W. Powell», pt. 2. Washington, 1900, p. 1056—1072; E. Lips. Die Reisernte der Ojibwa-Indianer. Berlin, 1956, S. 82—105.

растений. Не следует забывать и того, что возможности расширения площадей обрабатываемой земли были практически неограниченны.

Сделав эти предварительные замечания общетеоретического и методологического свойства, обратимся непосредственно к материалам этнографии Новой Гвинеи.

2. ПРОИЗВОДСТВО МАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГ

Орудия производства в наибольшей степени и прежде всего отражают в себе степень развития производства, степень вооруженности человеческого труда. Естественно и закономерно поэтому начать наше исследование с рассмотрения сферы производства орудий производства.

В 1871 г. Н. Н. Миклухо-Маклай писал, что все орудия, употребляемые туземцами берега Маклая (северо-восточное побережье Новой Гвинеи), «сводятся к трем категориям: 1) куски камней, раковин и костей; 2) обточенные камни и заостренные на конце кости (топоры и кинжалы); 3) палки разной величины и толщины, оканчивающиеся острием (орудия земледелия, копья и стрелы)»[28]. Эта характеристика, как мы знаем теперь, справедлива по отношению к орудиям труда подавляющего большинства групп коренного населения Новой Гвинеи.

Среди названных категорий орудий главная роль принадлежит орудиям из камня, пользуясь которыми папуасы успешно обрабатывают все прочие материалы и изготовляют все необходимые им средства труда и предметы потребления.

Важнейшее каменное орудие папуасов—каменный шлифованный топор, с помощью которого они валят деревья, сооружают жилые и общественные постройки и лодки, возводят изгороди вокруг огородов и селений и, наконец, изготовляют вчерне деревянные орудия труда, утварь и оружие. Изготовление каменных топоров у папуасов кукукуку подробно описала Беатрис Блэквуд. Камни нужной формы и размера находят обычно в руслах горных рек. Если же их нет, то тяжелым камнем разбивают небольшой валун и подбирают затем наиболее подходящие обломки. Папуас сначала грубо оббивает заготовку, нанося удары тут же подобранным необработанным булыжником, а потом шлифует будущий топор на шероховатой плите вулканического туфа, время от времени поливая плиту водой из бамбукового сосуда[29]. Готовый каменный топор крепится растительными волокнами на деревянной рукояти. Наиболее распространен на Новой Гвинее

---

[28] Н. Н. Миклухо-Маклай. Собрание сочинений в пяти томах. М.—Л., 1950—1954 (далее — Маклай), т. III, ч. 1, стр. 119.

[29] B. Blackwood. The technology of a modern stone age people in New Guinea. Oxford, 1950, p. 15—16; см. также R. Neuhauss. Deutsch Neu-Guinea, Bd. I. Berlin, 1911, S. 345.

топор-тесло[30]. Гораздо реже встречаются топоры обычного типа[31]. В прибрежных районах и на соседних с Новой Гвинеей островках распространены также топоры-тесла из раковин крупных моллюсков[32].

Для более тонкой работы папуасы пользуются мелкими необработанными или почти необработанными осколками камня, а также раковинами и их обломками. Этими «инструментами» папуасы изготовляют некрупные предметы: стрелы, наконечники копий, бамбуковые ножи, украшения и т. п., наносят орнаменты, производят окончательную отделку изделий из дерева. Изготовление подобных «инструментов» не требует особого труда: более крупные куски камня попросту дробятся камнем-отбойником и из множества полученных осколков отбираются самые подходящие. Подобранные на берегу раковины и их обломки с острыми или пильчатыми краями не требуют даже такой примитивной «обработки» и употребляются в своем естественном виде.

Важное место в папуасском производстве материальных благ принадлежит огню. Огонь чаще всего добывают трением двух деревянных предметов друг о друга. Наиболее употребительные приспособления для добывания огня — это так называемые ротанговая пила и огнивный плуг[33].

Папуасы употребляют огонь для готовки пищи, во время загонной охоты, при лучении рыбы, при обжигании концов копий и землекопалок, при расчистке участков леса или саванн под огороды, при обжиге глиняной посуды; огнем выжигают сердцевину стволов при изготовлении лодок, обугливают концы столбов, составляющих остов их построек и т. п. Естественно, огонь служит папуасам также и как источник света и тепла. Короче говоря, огонь постоянно применяется в качестве средства труда, в том числе и в сфере производства средств производства.

Огонь — продукт коллективного труда, причем при производстве огня (под ним следует понимать не только добывание, но и поддержание огня) существует строгое разделение труда между полами: мастерят огнивные снаряды и добывают огонь мужчины, поддерживают его и обеспечивают очаг топливом женщины.

---

[30] См., например, Маклай, т. III, ч. 1, стр. 60; G. Vicedom und H. Tischner. Die Mbowamb, Bd. I. Hamburg, 1948, S. 223, 224; B. Blackwood. Op. cit., p. 21—22, Pls. III, IV, V.

[31] См., например, H. Tischner. Eine ethnographische Sammlung aus dem östlichen Zentral-Neuguinea. Hamburg, 1949, S. 40; L. Pospisil. Kapauku papuan economy. New Haven, 1963, p. 278—279.

[32] См., например, B. Hagen. Unter den Papua's. Wiesbaden, 1899, S. 193.

[33] Подробнее о ротанговой пиле на Новой Гвинее см.: Маклай, т. III, ч. 1, стр. 71; F. Speiser. Über Feuerzeuge in der Südsee.— «Anthropos», 1940—1941, Bd. XXXV—XXXVI, H. 1—3, S. 241—250; B. Blackwood. Op. cit., p. 47—48, pl. XV. Подробнее об огнивном плуге на Новой Гвинее см.: M. Mead. The mountain Arapesh. I. An importing culture.— «Anthropological Papers of the American Museum of Natural History», vol. 36, pt. 3, New York, 1938, p. 267; F. E. Williams. Orokaiva society. London, 1930, p. 63; F. Speiser. Op. cit., S. 242.

Деревянные орудия папуасов — это прежде всего земледельческие орудия, а также орудия рыболовства и охоты (последние в случае необходимости применяются и как боевое оружие).

Несложный земледельческий инвентарь папуасов состоит из (1) длинной заостренной с одного конца толстой палки, служащей для выворачивания пластов целины при разбивке нового земельного участка под огород, и (2) орудия с лопатообразно расширенной рабочей частью, предназначенного для дальнейшего разрыхления почвы, насыпки гряд, рытья каналов и ям и пр. Палка-мотыга — орудие мужчин, тогда как лопатой работают чаще женщины [34]. Изготовление таких орудий вполне по силам одному человеку, и опять-таки человек этот — мужчина [35].

Из орудий охоты наиболее распространены копья двух типов. Первый тип — тяжелые колющие цельнодеревянные копья: прямые заостренные с одного конца шесты длиной от 2 до 3,5 *м*. Ко второму типу относятся более легкие метательные составные — из двух или из трех частей — копья-дротики, на древки которых насажены разного рода наконечники.

Более совершенным метательным оружием является лук: папуасский стрелок из лука поражает цель на расстоянии 40—50 *м*. Папуасы употребляют простые луки из твердого и тяжелого пальмового дерева с тетивой из растительных волокон лиан или бамбука. Стрелы же очень напоминают по виду уменьшенные в несколько раз копья.

К сожалению, в литературе очень мало данных о технологии изготовления охотничьего оружия папуасов. Однако из разрозненных, часто вскользь сделанных замечаний, а также рисунков и фотографий, встречающихся в монографиях и журналах, нетрудно убедиться в том, что это оружие изготовляется в процессе индивидуального мужского труда. «Мужчины и мальчики,— пишет, например, Б. Блэквуд,— тратят бóльшую часть своего времени, когда они в деревне, на изготовление луков и стрел. Каждый делает их для себя, выбирая размеры по своему вкусу... Однажды убийца был обнаружен по длине стрелы, которой он застрелил свою жертву» [36].

Рыболовные снаряды и снасти индивидуального пользования (дротики-остроги, многоострийные стрелы, плетеные корзины-верши, сачки, рыболовные крючки) также изготовляются мужчинами, обычно работающими каждый сам по себе.

---

[34] Подробнее о двух — мужском и женском — видах земледельческих орудий у папуасов Новой Гвинеи см.: H. Damm. Form und Anwendung der Feldgeräte beim pflueglosen Anbau der Ozeanier.— «Ethnographisch-archäologische Forschungen», 1954, N 2, S. 18—99. Здесь же дана типология земледельческих орудий у народов Океании, в том числе и у папуасов Новой Гвинеи.

[35] См., например, Маклай, т. I, стр. 279; H. Ian Hogbin. Tillage and collection: a New Guinea economy.— «Oceania», 1938, vol. IX, N 2, p. 149; F. E. Williams Op. cit., p. 43.

[36] B. Blackwood. Op. cit., p. 42.

Рассмотрим теперь некоторые существенные особенности папуасского производства других материальных благ и прежде всего пищи. К числу хозяйственных отраслей, главная цель которых удовлетворить потребность в пище, относятся: собирательство, охота, рыболовство, земледелие, животноводство, кулинарная обработка пищевых средств.

Собирательство не требует ни сложных и разнообразных средств труда, ни сколько-нибудь развитых форм организации труда. Подобранный камень, палка, изредка каменный топор, а также мешок, сумка или корзина — вот и все, из чего состоит несложный инвентарь собирателя-папуаса.

Съедобные дары природы собирают все — мужчины, женщины, дети. Индивидуальный труд здесь обычен. Вообще говоря, те виды собирательства, которые требуют применения топора,— область мужского труда, те, где этого не требуется,— женского [37].

Несколько особняком стоит такая специализированная форма собирательства, как «рубка саго». У некоторых племенных групп, например у папуасов квома, саго стало даже основным видом растительной пищи. По данным Д. Уайтинга и С. Рида, муж и жена квома заготовляют за утро до 50 фунтов саго, что обеспечивает их семью пищей не менее чем на 3—4 дня. При рубке саго топором опять-таки работает мужчина: он валит пальму, сдирает кору, разрубает ствол. Затем женщина с помощью особого орудия — сагодробилки — вырубает куски съедобной сердцевины, а мужчина промывает их в особом, сделанном из коры желобе. Выбрать осевшую в корыте мучнистую массу, завернуть ее комья в листья, загрузить этими свертками свой плетеный мешок и отнести саго домой —это уже дело женщины [38]. У папуасов арапеш, наоборот, рубит саго мужчина, а промывает женщина [39]. Суть дела, следовательно, не в том, что именно делает мужчина, а что — женщина, но в рациональном распределении между ними обязанностей. По сравнению с другими видами собирательства «рубка саго» — технологически довольно сложный процесс, требующий специальных средств и форм организации труда.

Как уже говорилось выше, папуасы располагают довольно совершенным охотничьим оружием. Кроме того, они широко употребляют различного рода ловушки, силки, западни [40], а также огонь. Однако охота не имеет здесь сколько-нибудь существенно-

[37] Подробнее о собирательстве у папуасов см., например: Маклай, т. I, стр. 245, 269, 368; т. II, стр. 367—368; J. W. M. Whiting. Becoming a Kwoma. London, 1941, p. 116, 117; R. F. Salisbury. From stone to steel. Melbourne, 1962, p. 68; L. Pospisil. Op. cit., p. 245—248.

[38] J. W. M. Whiting and S. W. Reed. Kwoma culture: report of field work in the Mandated territory of New Guinea.— «Oceania», 1938, vol. IX, N 2, p. 178—179.

[39] M. Mead. Op. cit., p. 283—285.

[40] Более или менее подробную сводку употребления ловчих ям и ловушек давящего типа на Новой Гвинее (с картой их распространения) см. в работе: B. Anell. Hunting and trapping methods in Australia and Oceania. Uppsala, 1960, p. 86—88, 91—97.

го значения и тому виной, несомненно, бедность новогвинейской фауны. Охота — традиционное занятие мужчин. На крупных животных — свиней, казуаров, крокодилов, да и не только на них, чаще охотятся коллективно, большими группами, нередко с собаками [41] В некоторых районах Новой Гвинеи охота на свиней ловушками преобладает над активными формами охоты [42]. На юго-восточном побережье Новой Гвинеи успешно охотятся также на дюгоней и морских черепах, причем охотничьи экспедиции в этих случаях снаряжаются обычно всей деревней [43].

В хозяйстве папуасов, живущих на морском побережье, мелких островках, по берегам больших рек и внутренних озер, важное значение имеет рыболовство. Наиболее продуктивными и в то же время самыми распространенными способами ловли рыбы на Новой Гвинее являются: лов рыбы с помощью корзин-верш [44], лучение рыбы с лодки острогой или сетью [45], лов рыбы сетями с лодки или с берега [46], охота на рыбу с берега со стрелами или острогой [47], глушение рыбы ядовитыми растительными соками [48]. Коллективные формы труда в рыболовстве безусловно преобладают.

В целом собирательство, охота и рыболовство играют в жизни папуасов второстепенную роль, тогда как основной отраслью их хозяйства является земледелие.

От огорода и урожая с него, без всякого преувеличения, зависит благосостояние каждого папуаса. «Мир для арапеш,— пишет, например, о папуасах арапеш М. Мид,— это огород, на котором надо работать» [49].

По важности и значению в земледелии тех или иных культур Новая Гвинея может быть разбита на три области. На побережье важнейшими культурами являются кокосовая пальма, таро, ямс, тогда как сладкий картофель (батат), бананы, сахарный тростник и саго занимают подчиненное место. В низменных и болотистых долинах крупнейших рек главные культуры — саго и (в мень-

---

[41] См., например, Маклай, т. I, стр. 273—278; B. Hagen. Op. cit., S. 248; J. W. M. Whiting. Op. cit., p. 112—113; G. Vicedom. Op. cit., S. 200—201; H. Aufenanger. An unusual device for hunting birds in the Wahgi valley.— «Anthropos», 1958, vol. 53., fasc. 5—6, S. 1022.

[42] См., например, M. Mead. Op. cit., p. 287; L. Pospisil. Op. cit., p. 239—241.

[43] G. Landtman. The Kiwai papuans of British New Guinea. London, 1927, p. 140.

[44] См., например, Маклай, т. I, стр. 92, 243, 268, 303; B. Hagen. Op. cit., pl. XIV; G. Vicedom. Op. cit., S. 201, 202.

[45] См., например, Маклай, т. III, I, стр. 56; H. Ian Hogbin. Op. cit. p. 135; L. Pospisil. Op. cit., p. 228.

[46] См., например, Маклай, т. I, стр. 253; т. III, ч. I, стр. 56; C. S. Belshaw In search of wealth. Menasha, 1955, p. 15, 16.

[47] См., например, Маклай, т. I, стр. 110, 271; B. Hagen. Op. cit., S. 180, 247; H. Ian Hogbin. Op. cit., p. 135.

[48] См., например, B. Hagen. Op. cit., S. 247; W. Ross. Ethnological notes on Mt. Hagen tribes (Mandated territory of New Guinea).— «Anthropos», 1936, Bd. XXXI, H. 3-4, S. 349; A. Gitlow. Economics of the Mount Hagen tribes. New York, 1947, p. 62.

[49] M. Mead. Sex and temperament in three primitive societies. London, 1935. p. 135.

шей степени) ямс. В районах, расположенных высоко над уровнем моря, наибольшее значение приобретают сладкий картофель, сахарный тростник и банан. Саговые и кокосовые пальмы здесь не растут, а таро и ямс встречаются сравнительно редко.

Несмотря на указанные различия, земледельческая практика в основных своих чертах сходна по всей Новой Гвинее. До начала контактов с европейцами основными средствами земледельческого труда при расчистке земельных участков под огороды повсюду служили каменный топор-тесло и огонь, а во многих районах в этом отношении ничего не изменилось и по сей день. Повсюду основными и единственными орудиями обработки земли служили (а кое-где и сейчас служат) заостренная палка и деревянная лопата. Повсюду заборы, возводимые папуасами вокруг огородов, оберегают посадки от диких и домашних свиней и казуаров. Повсюду земельный участок используется под огород в течение нескольких лет подряд до истощения естественного плодородия почвы. Затем плантация, а с ней часто и само поселение переносятся на другое место (конечно, в пределах территории данной общины), а заброшенный участок остается под паром 6—7, а то и 10—12 лет, после чего он снова возделывается [50].

Цикл земледельческих работ включает расчистку земельного участка и его огораживание, возделывание почвы и разбивку гряд, посадку, периодические прополки и уход за растениями, сбор урожая.

Описания тяжелого и длительного процесса обработки земли, требующей напряжения и объединения усилий всех трудоспособных членов общины, содержатся в работах Н. Н. Миклухо-Маклая, Г Фицедома, М. Меджитта, Л. Посписила и других исследователей. Вот как выглядит, например, обработка земли у папуасов горы Хаген в описании Г Фицедома [51] Значительная часть плодородной земли покрыта здесь травянистой растительностью, преимущественно слоновой травой, среди которой то там, то здесь виднеются купы кустарника да возвышаются отдельно стоящие деревья. Лес более или менее сохранился лишь выше в горах да вдоль многочисленных горных рек и речушек. Выбрав участок, папуасы косят или, вернее, срубают стебли слоновой травы и кустарник каменными топорами. Ими же обрубают ветви деревь-

[50] В этой связи едва ли можно согласиться с немецким этнографом-океанистом Г. Даммом, который на основе изучения земледельческих орудий пытается выделить две этнически различные формы обработки земли на Новой Гвинее: более развитую, прогрессивную, бытующую в области центральных нагорий форму он связывает с меланезийским этносом, а более примитивную, бытующую на морском побережье (которую он считает более древней) — с папуасским этносом (H. Damm. Op. cit., S. 82). Думается, однако, что существующие различия хорошо объясняются чисто агрономически: не случайно в самом центре Новой Гвинеи, там, где еще сохранились остатки девственного леса, земледельческие работы производятся совершенно такими же методами и с помощью таких же орудий труда, как и на побережье залива Астролябия (G. Vicedom. Op. cit., S. 184).

[51] G. Vicedom. Op. cit., S. 184—190.

ев, растущих на участке. При этом лучшие стебли слоновой травы отбираются и складываются отдельно — это материал для забора. Срубленные кусты и ветви стаскиваются в большие кучи, где они сохнут в течение многих недель, а то и месяцев. Тем временем мужчины возводят вокруг расчищаемого участка забор. Стебли слоновой травы вертикально втыкаются в землю вплотную друг к другу и с помощью лиан крепко привязываются к поперечинам из той же слоновой травы. Иногда, если огород разбивается на склоне, вместо забора вырывают глубокий — до 1 *м* — непреодолимый для свиней ров. Когда срубленная растительность достаточно высохнет, мужчины ее сжигают, а женщины помогают им, вороша костры палками.

Теперь мужчины приступают к выкорчевке цепких корней слоновой и прочей травы, пользуясь как рычагом массивной, заостренной с одного конца жердью. Чтобы облегчить свой труд, корчевку ведут сообща. Затем мужчины же производят разметку гряд и водоотводных канав. Сперва обозначаются продольные канавы, потом поперечные. Ограниченные канавами квадраты и есть гряды. Роют канавы деревянными веслообразными лопатами, причем стенки и дно канав тщательно выравниваются. Вынутая земля равномерно набрасывается на гряды, размеры которых от огорода к огороду меняются, но форма всегда строго прямоугольная. В то время как мужчины копают канавы и насыпают гряды, женщины мельчат выбрасываемую на гряды землю. После этого приступают к посадке. Мужчины с помощью жердей-копалок делают посадочные лунки, женщины втыкают в них саженцы батата. На каждую гряду площадью около 2 *кв м* сажают от 10 до 12 саженцев.

В первые недели женщины регулярно пропалывают огород, употребляя для этого маленькую землекопалку. Позже, когда листья подрастающего батата закроют всю поверхность гряды, необходимость в прополке отпадает.

Спустя четыре месяца наступает время сбора урожая. При этом женщины выкапывают лишь крупные клубни, оставляя мелкие подрастать дальше. Обычно проходит свыше года, пока с поля не будут собраны все выросшие там клубни. Тогда мужчины снова берутся за работу. Старая ботва с корнем вырывается и высушивается на солнце. Посередине каждой старой прямоугольной гряды выкапывается яма, куда сбрасывается высохшая ботва и сорняки. Теперь папуасы придают грядам форму округлых клумб. Земля при этом окончательно измельчается и становится такой рыхлой, что лунки делают, просто вдавливая в землю сжатый кулак. На круглую гряду-клумбу женщины высаживают обычно всего пять растений, зато на них соответственно вырастают более крупные клубни.

После сбора второго урожая батата огород вновь обрабатывается таким же образом, и так до пяти раз. Собрав пять урожа-

ев, папуасы горы Хаген на несколько лет оставляют землю под паром.

Помимо основных огородов, папуасы аналогичным образом возделывают небольшие огороды вблизи своих жилищ. На этих огородах выращиваются главным образом различного рода овощи, а также сахарный тростник и бананы.

Сходным путем обрабатывают землю и жители других частей нагорий, например папуасы энга, живущие к западу от горы Хаген [52], или папуасы кума (миньи), населяющие долину р. Ваги, к востоку от горы Хаген [53]. Та же последовательность этапов цикла земледельческих работ и те же в основном характеристики каждого из этих этапов свойственны и земледельческому хозяйству папуасов других частей Новой Гвинеи [54].

Попробуем дать оценку изложенным фактам.

В земледельческом труде участвуют все: мужчины, женщины, дети. При этом мужчины выполняют наиболее трудоемкие, требующие большой физической силы работы, которые подчинены одной задаче: превратить дикий, девственный клочок земли в обработанный участок, т. е. в участок, в границах которого созданы условия, необходимые для произрастания культурных растений, не способных (или почти не способных) расти и плодоносить в естественной, природной среде. Иначе говоря, процесс превращения земли в средство труда в земледелии — сфера мужского по преимуществу труда. Женщины вместе с детьми помогают мужчинам: стаскивают в кучи сушняк, ворошат костры, размельчают комья земли и прочее, но, главное, женщины в течение всего периода работ первой стадии готовят и носят мужчинам еду к месту работы.

Женщины же производят все (или почти все) работы второй стадии цикла земледельческих работ, т. е. как раз те работы, которые так схожи с собирательством.

Другими словами, труд женщин и мужчин в земледелии объединен, кооперирован в одной и той же, причем важнейшей, отрасли хозяйства. Кооперация мужского и женского труда — не единственная форма кооперации труда и в земледелии [55]. Корчевка леса, пожог, поднятие целины, сооружение забора и прочее не под силу даже небольшой семейной группе папуасов, а не

---

[52] M. Meggitt. The Enga of New Guinea Highlands.— «Oceania», vol. XXVIII, N 4, 1958, p. 302—318.

[53] M. Reay. The Kuma. Melbourne, 1959, p. 10, 11.

[54] См., например, Маклай, т. I, стр. 181, 182; т. III, ч. I, стр. 73—75; P. J. Reiter. Die Ackerbau in Neuguinea und auf den angrenzenden Inseln.— «Anthropos», 1908, Bd. III, H. 2, S. 234—238; A. Gerstner. Der Jams-Anbau im But-Bezirk. Neuguinea.— «Anthropos», 1939, Bd. XXXIV, H. 1-3, S. 248—260; L. Pospisil. Op. cit., p. 90—127.

[55] В советской этнографической литературе С. А. Токарев еще более 30 лет назад справедливо указал, что земледелие создает дополнительную базу для возникновения коллективных форм труда, чем укрепляется общинное начало (см.: С. А. Токарев. Родовой строй в Меланезии.— «Советская этнография», 1933, № 3-4, стр. 37, 38).

го что одному человеку. Взять хотя бы папуасскую палку-мотыгу — весьма примитивное и малоэффективное орудие труда, которым, казалось бы, можно лишь «ковырять» землю. Но когда несколько человек, вооруженные этими «палками», становятся в ряд и, воткнув их в землю, все одновременно и согласованно действуют ими как рычагами, выворачивая пласт целины, производительность и качество труда резко возрастают. В подобных случаях, как писал К. Маркс, «дело идет не только о повышении путем кооперации индивидуальной производительной силы, но и о создании новой производительной силы, которая по самой своей сущности есть массовая сила»[56].

Земледельческая практика объединяет папуасов не только непосредственно при выполнении различных работ земледельческого цикла. Перед общиной все время стоит задача обеспечить рабочей силой весь цикл земледельческих работ. При этом на разных этапах работы на огороде требуется разное количество труда и, следовательно, разное число работников. Наиболее трудоемкая операция — расчистка нового участка и первичная обработка его почвы. Число участников здесь всегда максимально по сравнению с числом людей, работающих на огороде в дальнейшем. Обычно в создании нового участка принимает участие все население деревни, т. е. вся община[57], тогда как с остальными земледельческими работами на огороде успешно справляются численно меньшие группы папуасов.

Из сказанного следует, что для обеспечения непрерывного процесса земледельческого производства необходим определенный минимум рабочей силы. Если количество рабочей силы в общине падает по той или иной причине ниже этого уровня, цикл земледельческих работ, очевидно, не может быть осуществлен. В связи с этим Н. А. Бутинов ввел понятие «максимальной хозяйственной функции». «Это, — пишет он, — такая функция, выполнение которой требует одновременного участия и объединения усилий всех членов общины. Не все хозяйственные функции общины являются максимальными, в общине обычно их лишь несколько, иногда только одна, иногда эта единственная максимальная функция является лишь потенциальной. Но она все же существует, объединяет людей в общину, заставляет их жить в одном поселении»[58].

Обратимся теперь к папуасскому животноводству. Хозяйственное значение на Новой Гвинее имеют только свиньи, собаки и куры. Свиней разводят все без исключения папуасские группы Новой Гвинеи. Однако в прибрежных и некоторых других райо-

---

[56] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 337.

[57] См., например, Маклай, т. III, ч. I, стр. 74; H. Ian Hogbin. Native land tenure in New Guinea. — «Oceania», 1939, vol. X, N 2, p. 115; P. J. Reiter. Op. cit., S. 235; F. E. Williams. Op. cit., p 22.

[58] Н. А. Бутинов. Разделение труда в первобытном обществе, стр. 137—138.

нах острова свиньи, живя у селений, кормясь отбросами и остатками человеческой пищи, предоставлены по сути дела сами себе. Забота женщин о поросятах — в сущности единственная форма труда по разведению свиней в этих местах.

Иначе обстоит дело на центральных нагорьях, где можно говорить о свиноводстве в подлинном смысле этого слова. «Свиньи, — пишет М. Рэй о папуасах миньи, — имеют первостепенное значение в любом аспекте жизни кума (то есть миньи.— *В. Б.*), чей интерес к ним почти так же всеобъемлющ, как интерес некоторых африканских народов к их рогатому скоту»[59]. «Для каждого папуаса горы Хаген, — пишет Г Фицедом, — свиньи являются предметом живейшего интереса»; и далее: «о свиньях заботятся и обращаются с ними так же нежно, как с детьми»[60]. Повседневный труд по уходу за животными входит в обязанности женщин. Днем свиньи или свободно пасутся на воле, или их держат на привязи недалеко от жилья. На ночь свиней загоняют в свинарник, которым служит специально для этого отгороженная половина семейного дома. Основной корм свиней — клубни батата — ежедневно приносятся с огородов женщинами. Мужчины также принимают участие в собирании корма, обрывая сочные верхушки некоторых видов трав. Кроме того, свиньям достаются все остатки домашних трапез и они же уничтожают отбросы и нечистоты в деревне. «Богатые» папуасы, имеющие стада в 30—40 голов, пасут их в отдаленных местах — там, где нет поселений и огородов. За свиньями в этих случаях присматривают особые свинопасы. Там же на выпасах строятся и свинарники.

Чаще всего корм приносят к месту выпаса, но иногда близ выпаса возделывают специальный огород, где выращивают только корм для свиней. Бо́льшая часть кабанов кастрируется. Забота о кабанах-производителях всецело лежит на мужчинах. Владелец кабана получает от свиноводов не только небольшие подарки за каждую случку, но и по поросенку от каждого приплода. В целом свиноводство на центральных нагорьях — сложная и самостоятельная отрасль хозяйства. Ее развитие тесно связано с особенностями социальной структуры папуасского общества. Для дальнейшего изложения существенны два момента. Во-первых, в свиноводстве, хотя, быть может, в меньшей степени, чем в земледелии, также наблюдается соединение мужского и женского труда: забота о поголовье свиней — общее дело мужчин и женщин. Во-вторых, каждая семья сама ответственна за сохранность поголовья своего стада. При этом свиньи распределены между семьями далеко не равномерно. Как уже говорилось, у одних семей свиньи насчитываются единицами, у других — десятками.

---

[59] M. Reay. Op. cit., p. 20.

[60] G. Vicedom. Op. cit., S. 194—195.

В одних семьях с уходом за свиньями легко справляется одна женщина, в других — приходится нанимать свинопасов, искать выпасы, возделывать дополнительные огороды, строить особые свинарники. На первый взгляд, перечисленные факты говорят о высокой степени имущественной дифференциации у папуасов центральных нагорий. Однако, если разобраться во всем более внимательно, окажется, что это не так. Во-первых, в каждую выращенную папуасской семьей свинью вложен так или иначе и труд других общинников. В самом деле: в постройке дома для жены, часть которого используется в качестве свинарника, всегда участвуют сообщинники папуаса. Если он разбивает дополнительный огород, то и здесь дело не обходится без труда других членов общины. Семейный огород, откуда женщины ежедневно приносят клубни батата для семьи и свиней, также возделывается при участии других общинников: их труд в каждом клубне батата. И так обстоит дело с каждым папуасом: его труд вложен в свиноводческое хозяйство чуть ли не всей общины. Во-вторых, «владелец» крупного стада не вправе распоряжаться «своими» свиньями. Право такого распоряжения, оказывается, принадлежит общине и только общине! Но подробнее об этом ниже.

Так или иначе, доля семейного труда в свиноводстве значительно преобладает, чему немало способствует сам характер свиноводства: здесь нет места для приложения сколько-нибудь значительной массы рабочей силы, нет нужды в соединении труда большого числа людей.

Что касается разведения собак и кур, то оно, как правило, не имеет характера сколько-нибудь организованной отрасли хозяйственной деятельности [61].

Добытые или произведенные описанными выше способами средства питания подвергаются затем за немногим исключением различной, нередко весьма сложной переработке. Папуасские средства обработки съестных припасов делятся на две группы: на механические средства труда и на емкости, служащие для хранения и переноски пищи или для обработки ее огнем. В первую группу входят раковинные, костяные и бамбуковые ножи, кинжалы, долота, скобели и прочие орудия, с помощью которых папуасы свежуют и разделывают туши животных, разрезают мясо, плоды, овощи, скоблят и вообще мельчат растительную массу. Сюда же можно отнести каменные песты, с помощью которых толкут саго. Все орудия первой группы — продукты индивидуального мужского труда: каждый делает их для себя и для членов своей семейной группы.

---

[61] О собаководстве у папуасов см., например, Маклай, т. III, ч. I, стр. 56, 68; т. III, ч. II, стр. 224, 226; G. Vicedom. Op. cit., S. 197; J. W. M. Whiting. Op. cit., p. 112, 115; о разведении кур у папуасов см.: Маклай, т. III, ч. I, стр. 56; B. Hagen. Op. cit., S. 196; G. Vicedom. Op. cit., S. 198.

Ко второй группе следует отнести прежде всего всевозможные корзины, бамбуковые сосуды для воды, цельнодеревянные блюда, гончарную посуду. Последняя известна на Новой Гвинее далеко не везде, главным образом на побережье[62]. Там, где они есть, гончарные изделия играют важную роль в папуасской кулинарии. Средства для изготовления горшков крайне просты: это округлый камень, палочка или дощечка, с помощью которых формуют горшок, и костер, на котором его обжигают. Лепят и обжигают горшки обычно женщины. При этом горшечницы порой кооперируют свой труд: одна, например, с помощью гладкого камня формует горшок из куска сырой глины, другая ударами дощечки, подставляя изнутри кокосовый орех, устраняет неровности на уже сформованном горшке, третья разглаживает ладонями почти готовый горшок, подкладывая изнутри круглый гладкий камень, и т. д.[63] Иногда, что встречается гораздо реже, в лепке и обжиге принимают участие и мужчины[64]. Но и в тех случаях, когда весь процесс изготовления гончарной посуды производится женщинами, мужчины также участвуют в ее производстве, доставляя женщинам глину[65]. Таким образом, в гончарном производстве опять-таки наблюдается объединение труда женщин и мужчин.

У тех папуасских групп, у которых нет гончарной посуды, пищу готовят преимущественно в земляных печах — специально вырытых длинных ямах, наполненных раскаленными в огне камнями[66], или же, как, например, у папуасов сианэ, в долбленых деревянных колодах[67]. В обоих случаях камни предварительно раскаляют на кострах, почему непременной принадлежностью такого способа готовки пищи являются щипцы для перетаскивания раскаленных камней из костра в печь или колоду. Земляную печь или колоду обычно имеет каждая семья; земляные печи для готовки пищи во время многолюдных празднеств роют по мере надобности. Устройством земляных печей занимаются, как правило, мужчины. Колоды же долбят только они: ведь для этого нужны как большая физическая сила, так и каменный топор — орудие мужчин.

Как уже указывалось, растительная пища составляет основу пищевого рациона папуасов. Среди различных приемов обработки растительной пищи чаще всего практикуется варка в горшках

---

[62] Существует мнение, что гончарное производство появилось на Новой Гвинее вместе с меланезийцами, т. е. много позже самих папуасов (Н. А. Бутинов. Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи, стр. 120—121).

[63] Маклай, т. III, ч. I, стр. 96—97; B. Hagen. Op. cit., S. 182.

[64] J. W. M. Whiting and S. W. Reed. Op. cit., p. 184, 196; J. W. M. Whiting. Op. cit., p. 118.

[65] B. Hagen. Op. cit., S. 182; R. Neuhauss. Op. cit., S. 319.

[66] G. Vicedom. Op. cit., S. 205, 207; A. Aufinger. Siedlungsform und Häuserbau an der Ral Küste Neuguineas.— «Anthropos», 1940—1941, Bd. XXXV—XXXVI, H. 1—3, S. 129.

[67] R. F. Salisbury. Op. cit., p. 50, 58.

(там, где они есть), тушение в земляных печах, жарение на углях или на открытом огне и печение в горячей золе.

Два слова о других пищевых средствах, важных для человеческого организма. Сахар папуасам заменяет сахарный тростник и фрукты. Вместо растительного масла на побережье употребляют мякоть зрелых кокосов, а в области центральных нагорий — маслянистые плоды панданусовой пальмы. Особенно остро ощущается на Новой Гвинее потребность в соли. На побережье папуасы добавляют в горшки при варке пищи морскую воду или же употребляют вместо соли солоноватую золу выброшенного на берег волнами плавника [68]. В глубинных частях Новой Гвинеи чаще всего добывают соль из соленых источников, вымачивая в них месяцами куски рыхлой древесины и затем их сжигая [69]. Некоторым племенным группам внутренних районов соль заменяет зола определенных растений [70].

Под обработкой пищевых средств следует понимать не только подготовку их к непосредственному употреблению, но и консервацию пищи впрок. На побережье длительное хранение в течение нескольких месяцев выдерживают только клубни ямса, которые хранят в кучах, в коробах из коры или даже в специально построенных помещениях [71]. В области центральных нагорий растительная пища хранится гораздо лучше: климат здесь суше и прохладнее. В некоторых местностях папуасы умеют коптить мясо и рыбу [72].

Папуасы едят основательно один раз в день ближе к вечеру. Обычно каждая женщина готовит обед для членов своей семьи и, как правило, ей помогают ее дети. Впрочем, даже в пределах семьи муж, случается, готовит пищу сам для себя, а жена для себя и для детей отдельно. Бывает и так, что муж и жена готовят пищу совместно. При подготовке к праздничному пиру женщины, как правило, готовят растительную пищу, мужчины — мясную. Если же женщины на предстоящее празднество не допускаются, то их обязанности возлагаются обычно на юношей. В целом, хотя строгого разделения труда по полу при обработке пищи нет, существует, однако, несомненная тенденция такого разделения труда, когда обработкой мяса руководят и преимуще-

---

[68] Маклай, т. I, стр. 280, 282, 305; т. III, ч. I, стр. 57, 80, 134.

[69] Пакеты полученной таким способом солоноватой золы — важная статья межобщинного обмена во внутренних частях острова (см. M. J. Meggitt. The Ipili of the Porgera valley.— «Oceania», 1957, vol. XXVIII, N 1, p. 40; idem. The Enga..., p. 326).

[70] B. Blackwood. Life on the upper Walut, New Guinea.— «The Geographical Journal», 1939, vol. 94, N 1, p. 21; W. Kienzle and S. Campbell. Notes on the natives of the Fly and Sepik headwaters, New Guinea.— «Oceania», 1938, vol VIII, N 4, p. 472.

[71] A. Gerstner. Op. cit., S. 260; J. W. M. Whiting and S. W. Reed. Op. cit., p. 181.

[72] G. Vicedom. Op. cit., S. 212, 213; G. Bateson. Op. cit., p. 143; B. Hagen. Op. cit., S. 217.

ственно совершают ее мужчины, а обработкой растительной пищи заняты по большей части женщины. При подготовке праздничных пиршеств и во время них кооперация труда по приготовлению пищи охватывает всю общину.

Как и всем людям, папуасам для поддержания своего существования необходимы, помимо пищи, и другие материальные блага: одежда, жилище, топливо и тому подобное.

В климатических условиях Новой Гвинеи одежда вместе с украшениями служит главным образом в качестве отличительного признака пола, возраста и социального положения. У большинства папуасских групп мужчины носят различного рода набедренные повязки из тапы и жесткие лубяные или плетеные пояса. Основу женской одежды обычно составляет передник. Встречается и юбка. И передник, и юбка представляют собой более или менее длинную, прикрепленную к поясу бахрому свободно свисающих волокон банановой коры, луба смоковницы и т. п. В некоторых районах, помимо названных основных форм одежды, встречаются плащи от дождя или холода, сшитые из тапы или из листьев пандануса. Папуасы обязательно носят с собой мешки или сумки, искусно сплетенные папуасами из скрученных растительных волокон. Мужчины хранят в них раковины для скобления кокосов, бамбуковые баночки с краской, ложки, ножи, табак и т. п. Женские мешки гораздо вместительнее, в них переносят с огородов в деревню овощи и плоды, детей, поросят, щенят и многое другое. К папуасскому наряду относятся и плетенные из древесной коры, камыша или травы широкие браслеты, которые папуасы носят на плечевых суставах рук и икрах ног. Браслеты эти носятся как украшения, но в то же время папуасы затыкают за них свои костяные ножи, табак и мелкие предметы.

Как и у всех народов Океании, папуасские украшения исключительно разнообразны и по типам, и по материалам, и по происхождению. Одни из них носятся только определенным полом или возрастным классом, другие надеваются в связи с каким-либо важным событием: войной, облавой на свиней, свадьбой, похоронами и пр., третьи являются всемогущими талисманами, четвертые — ценностями, имеющими высокую меновую стоимость. К числу наиболее распространенных украшений относятся всевозможные ожерелья и нити с нанизанными на них раковинами, собачьими зубами, разноцветными семенами и т. п. Широко распространены серьги, носовые палочки, бусы. Семенами, зубами, раковинами, перьями часто украшаются также сумки, набедренные повязки, женские передники, браслеты, прическа. Материалы, необходимые для изготовления одежды и украшений, сравнительно легко доступны, и каждый папуас в состоянии их достать в нужном ему количестве. Исключением являются, пожалуй, только высоко ценимые папуасами нагруд-

ные украшения, основу которых составляют различной формы пластины, вырезанные из крупных морских раковин. Эти пластины изготовляются, естественно, лишь в прибрежных районах, откуда по путям межобщинного обмена растекаются по всей Новой Гвинее.

И предметы одежды, и украшения выделываются в процессе индивидуального труда. Элементы кооперации труда наблюдаются, пожалуй, только при изготовлении тапы. Так, у папуасов кукукуку выделкой тапы занимаются целыми семьями, работая сообща в течение нескольких дней, пока все члены семьи не будут обеспечены новой одеждой [73]. Разделение труда по полу при битье тапы у разных папуасских групп различное: у папуасов кукукуку тапу бьют и мужчины, и женщины, в бассейне реки Чимбу и у сианэ — только мужчины [74]. В остальных случаях каждый сам изготовляет передник, набедренную повязку, украшение и прочее для себя или для членов своей семьи. Так, предметы детской одежды изготовляются родителями или старшими братьями и сестрами [75]. Женщина может также обратиться к своей более искусной в прядении и плетении близкой подруге с просьбой сплести ей сумку, а мужчина — пригласить специалиста сплести ему тростниковый пояс или что-либо еще [76]. Сумки и мешки плетутся всегда женщинами [77].

Основу или, во всяком случае, связующую часть почти всех украшений и предметов одежды и всех без исключения плетеных сумок и мешков составляют скрученные из растительного волокна веревки различной толщины. Если вспомнить, что веревки и канаты идут также на изготовление ловчих и рыболовных сетей, используются при настораживании охотничьих западней, для оснастки парусных лодок и во многих иных случаях, то становится понятным, почему папуасы затрачивают так много труда и времени на изготовление веревок, материалом для которых служат лубяные волокна различных деревьев. Процесс отделения полос луба от ствола, получения кудели и сучения нитей подробно описан различными авторами [78]. Плести веревки умеют и мужчины, и женщины. Каждый изготовляет их для своих нужд по мере надобности.

Строительная техника папуасов достаточно развита. Каждое папуасское поселение представляет собой сложный комплекс

---

[73] B. Blackwood. Op. cit., p. 30.

[74] P. Brown and H. C. Brookfield. Chimbu land and society.— «Oceania», 1959, vol. XXX, N 1, p. 20; R. F. Salisbury. Op. cit., p. 52.

[75] См., например, M. Mead. Op. cit., p. 213.

[76] См., например, M. Reay. Op. cit., p. 13—14.

[77] См., например, J. W. M. Whiting. Op. cit., p. 71, 118; B. Blackwood. The technology..., p. 49.

[78] См., например, G. Landtman. Op. cit., p. 39; G. Vicedom. Op. cit., S. 225—226; B. Blackwood. Op. cit., p. 48—50; M. Mead. Op. cit., p. 268

разнородных сооружений. Существует три основных типа папуасских поселений: 1) длинные дома, 2) деревни и 3) хутора.

Длинные дома встречаются сравнительно редко и с каждым годом все реже. В идеале поселение этого типа состоит из двух длинных домов: жилого, где помещаются все папуасские семьи данной деревни, и так называемого мужского дома, где спят только мужчины и где в то же время находится социальный центр каждой родовой общины [79].

Деревни, — пожалуй, самый распространенный тип поселения. Их можно встретить и на побережье, где этот тип поселения безусловно господствует [80], и в низменных долинах крупных рек [81], и в области центральных нагорий [82]. Каждая деревня имеет центр, где расположен мужской дом, так называемая танцевальная площадка и другие общественные места. Вокруг группируются так или иначе жилые семейные хижины и другие постройки. Если деревня большая, она делится обычно на несколько кварталов, причем каждый квартал имеет свой общественный центр с мужским домом или хотя бы с танцевальной площадкой.

В области центральных нагорий более распространен хуторской тип поселения [83]. Хутора разбросаны на более или менее значительном расстоянии друг от друга по всей территории общины, иногда по 2—3 дома рядом. В них постоянно живут женщины с детьми, тогда как мужчины (мужья) посещают свои семьи лишь эпизодически. Если у мужчины несколько жен, то обычно каждая жена со своими детьми живет в отдельном доме. Семейные дома расположены вблизи огородов, по возможности в малозаметных местах. И при хуторском типе поселения община имеет социальный центр — там, где расположен мужской дом, в котором постоянно ночуют и проводят время большинство женатых мужчин и все неженатые мужчины и юноши общины. Здесь же находится и обязательная танцевальная площадка. В отличие от семейных хижин, мужские дома чаще строят на вершинах сопок и невысоких гряд, откуда возмо-

---

[79] См., например, G. Landtman. Op. cit., p. 4—10; R. Thurnwald. Vorläufiger Bericht über Forschungen im Innern von Deutsch Neuguinea in den Jahren 1913—1915.— «Zeitschrift für Ethnologie», 1917, S. 147—149.

[80] См., например, Маклай, т. I, стр. 226; т. II. стр. 335; т. III, ч. I, стр. 156; A. Aufinger. Op. cit., S. 111—113; F. Vormann. Monumbo.— «Anthropos», 1909, Bd. IV, H. 3-4, S. 660—664; F. E. Williams. Orokaiva society, p. 68.

[81] См., например, G. Bateson. Op. cit., p. 4; K. McLennan, O. Kooptzoff and R. J. Walsh. A survey of the blood groops and hoemoglobin values in the Sepik river district.— «Oceania», 1960, vol. XXX, N 4, p. 306.

[82] См., например, R. F. Salisbury. Op. cit., p. 11—12; J. Kariks, O. Kooptzoff, M. Steed, H. Cotter, R. J. Walsh. A study of some physical characteristics of the Goroka natives, New Guinea.— «Oceania», vol. XXX, N 3, p. 225.

[83] См., например, M. Reay. Op. cit., p. 3, 5; P. Brown and H. C. Brookfield. Op. cit., p. 5—8; W. Ross. Op. cit., S. 341; M. J. Meggitt. The Enga..., p. 264.

жен круговой обзор ближайших окрестностей: это облегчает оборону и затрудняет внезапное нападение.

Кроме жилых и мужских домов папуасы строят также различного рода хозяйственные постройки: амбары для хранения ямса, сарайчики для хранения саженцев таро, свинарники, а также менструальные домики для женщин, временные укрытия для ночевок на огородах, охотничьи шалаши и хижины, домики-каюты на крупных парусных лодках и т. д.

Все постройки папуасов представляют собой варианты двух основных конструктивных типов: свайного и наземного. Настланный пол свайных построек приподнят над землей на более или менее высоких сваях[84], у наземных построек пол земляной[85]. И свайные, и наземные постройки встречаются повсеместно, нередко в одном и том же поселении.

Сооружение жилых и общественных построек всегда связано с кооперированием труда многих людей[86]. Однако строителями могут быть только мужчины. Женщины лишь заготовляют кровельный материал и готовят еду для строителей. На примере возведения построек хорошо прослеживаются некоторые существенные особенности организации и форм кооперирования труда в папуасской общине. Так, совершенно не обязательно, чтобы все принимающие участие в строительстве работали одновременно. Обычно, пишет М. Рэй, над сооружением жилого дома в одно и то же время работают не более четырех человек, двое или трое других в это же время могут собирать в лесу строительные материалы, а еще один или двое — сидеть и болтать с работающими в ожидании своей очереди. Постоянно присутствует только будущий хозяин дома[87]. Состав работающих не является строго постоянным. «Мужчина,— пишет, например, М. Мид, — не пройдет мимо друга или родича, который занят строительством дома, без того, чтобы помочь ему в течение какого-то времени; если кто-либо, придя в селение, обнаруживает там недостроенный дом, владелец которого отсутствует, вполне вероятно, что гость задержится здесь на день, чтобы установить еще несколько стропил или наплести из листьев матов для кровли; и если кто-либо узнает, что где-то строят дом, он, будучи в лесу, всегда высматривает там строительные материалы»[88]. «Групповые методы сооружения домов, — пишет М. Мид в другом месте,— делают возможным доставку строительного материала на дальние расстояния. Каждый участник стройки прино-

---

[84] См., например, M. Mead. Op. cit., p. 185, 188, 189, 204, 237—239, 246—251.

[85] См., например, W. Ross. Op. cit., S. 342.

[86] См., например, R. Neuhauss. Op. cit., S. 238; G. Landtman. Op. cit., p. 10—12; P. Brown and H. C. Brookfield. Op. cit., p. 7, 8; R. F. Salisbury. Op. cit., p. 29, 51, 145; M. Mead. Op. cit., p. 248.

[87] M. Reay. Op. cit., p. 14.

[88] M. Mead. Op. cit., p. 245.

сит что-либо из леса, где ему привелось охотиться или рубить саго»[89]. Доставку необходимых материалов в нужном количестве облегчает то обстоятельство, что порядок и последовательность работ хорошо известны каждому папуасу. Строительство дома возлагает на его будущего владельца обязанность кормить тех, кто помогает ему в стройке. Поэтому он должен прежде всего запасти необходимое количество пищи.

Как следует из приведенных свидетельств, строительство дома — предприятие, во всяком случае выходящее за рамки той семейной группы, которой предстоит жить в этом доме[90]. В сооружении же мужского дома в той или иной форме участвуют все члены общины, причем нередко им активно помогают соседи из окрестных деревень[91] — обстоятельство, позволяющее рассматривать сооружение мужского дома как одну из важнейших максимальных хозяйственных функций папуасской общины.

Такова краткая характеристика основных отраслей производства материальных благ у папуасов Новой Гвинеи. Конечно, перечень материальных благ, изготовляемых в папуасском обществе, в действительности гораздо шире. Здесь лодки и музыкальные инструменты, специализированное боевое оружие, культовые и похоронные принадлежности, снадобья и многое другое. Однако основные, определяющие виды производственной деятельности в папуасском обществе охарактеризованы с полнотой, достаточной для целей настоящего исследования.

Вся производственная деятельность папуасов расчленяется на две части: на изготовление различных средств труда и на добывание и производство других материальных благ, прежде всего пищи. С экономической точки зрения первая часть есть не что иное, как производство средств производства, а вторая — производство предметов потребления. При этом, хотя сфера производства средств производства не отделена во времени и пространстве от сферы производства предметов потребления, и средства производства, и предметы потребления производятся одними и теми же людьми, в рамках одного и того же коллектива совместно живущих людей, тем не менее структура и формы производственной деятельности в обеих сферах имеют некоторые существенные различия.

---

[89] Ibid., p. 235.

[90] См. также: Маклай, т. I, стр. 272; P. M. Kaberry. Law and political organization in the Abelam tribe. New Guinea.— «Oceania», 1941, vol. XII, N 1, p. 84; H. Ian Hogbin. Social change. London, 1958, p. 115; M. J. Meggitt. The Enga..., p. 312; J. W. M. Whiting and S. W. Reed. Op. cit., p. 187; M. Reay. Op. cit., p. 13—20.

[91] См., например, H. Ian Hogbin. Tillage and collection..., p. 126, 127; J. W. M. Whiting. Op. cit., p. 12; F. E. Williams. Natives of lake Kutubu.— «Oceania», 1940, vol. XI, N 2, p. 141; G. Vicedom und H. Tischner. Die Mbowamb, Bd. II. Hamburg, 1943, S. 13; P. Brown and H. C. Brookfield. Op. cit., p. 22.

Первое различие заключается в степени вооруженности труда. Вооруженность труда в сфере производства средств производства неизмеримо слабее вооруженности труда в сфере производства предметов потребления. В первом случае орудия труда, как правило, не дифференцированы, не специализированы. В качестве орудий труда часто используются необработанные природные предметы: камни, раковины, палки, песок, вода. Все орудия труда здесь — орудия индивидуального труда: для их производительного потребления необходим и достаточен труд одного человека, причем, как правило, мужчины. Сам перечень орудий труда в сфере производства средств производства очень ограничен: даже при обработке земли средства труда — все те же издревле известные человеку каменный топор, огонь, слегка усовершенствованная копательная палка.

Иначе обстоит дело в сфере производства предметов потребления. Здесь немало специализированных, даже узкоспециализированных средств труда (например, копье-острога, лодка, верши, стрелы, предназначенные для разных целей, утварь и пр.). Многие орудия и средства труда требуют для их производительиого потребления коллективного труда многих людей (огород, лодка, охотничьи ловушки и западни и пр.). При этом орудия и средства труда, функционирующие в сфере производства предметов потребления, сравнительно многочисленны и разнообразны.

Второе существенное различие касается соотношения кооперированного и индивидуального труда. В сфере производства средств производства индивидуальный труд решительно преобладает. Конечно, кооперация труда имеет место и здесь (так, папуасы строят сообща долбленые лодки, плетут огромные сети, запруживают речные русла, ставят массивные и хитроумные западни на свиней и казуаров, роют ловчие ямы и т. д.). Однако производство основных механических средств труда имеет сугубо индивидуальный характер: не только все каменные орудия, но и охотничье, и рыболовное метательное оружие, почвообрабатывающие орудия, снаряды для добывания огня и многие другие имеющие первостепенное значение в папуасском производстве средства труда изготовляются индивидуальным трудом. С другой стороны, в сфере производства предметов потребления широко применяются самые различные формы кооперации труда.

Совершенно иначе, однако, обстоит дело в главной отрасли папуасского производства — в земледелии. Основное средство труда в земледелии — земля — продукт коллективного, а не индивидуального труда, причем в этом случае кооперирование труда имеет решающее значение: расчистка земельного участка и подготовка его почвы к посадкам культурных растений без кооперации труда попросту неосуществимы. Производство земли как средства труда в земледелии возможно только при кооперировании трудовых усилий всех трудоспособных членов общи-

ны — мужчин, женщин и даже детей. Кооперация труда в земледелии не есть простое распространение известного и в доземледельческом доклассовом обществе принципа коллективизма на новый вид общественного производства. И дело здесь не только в том, что, в отличие, скажем, от охоты или рыбной ловли, или сооружения хижины, земледелие и индивидуальный труд взаимно исключают друг друга. Существенно и то, что в земледелии объединяется труд мужчин и женщин. Сравнивая разделение труда у папуасов и меланезийцев, с одной стороны, и у аборигенов Австралии, с другой, Н. А. Бутинов уже обратил внимание на то, что «у австралийцев мужчины и женщины заняты в разных отраслях хозяйства (охота — мужчины, собирательство — женщины), у папуасов и меланезийцев отрасли хозяйства не поделены между ними... У австралийцев мужчина в труде объединяется с мужчинами, женщина — с женщинами и детьми; у папуасов и меланезийцев такие случаи также бывают, но сравнительно редко; гораздо чаще мужчина объединяется в труде со своей женой, своим братом и его женой, своими и его детьми» [92]. Эти различия не имеют, конечно, этнического характера. Не трудно заметить, что в тех отраслях хозяйства, которые общи аборигенам Австралии и папуасам Новой Гвинеи, разделение труда по полу идентично: мужчины охотятся, женщины собирают; мужчины изготовляют механические средства труда (каменные орудия прежде всего), добывают огонь; женщины ведут домашнее хозяйство; мужчины воспитывают мальчиков, женщины — девочек и т. д. Иначе, однако, обстоит дело в исторически новых отраслях хозяйства, неизвестных доземледельческому доклассовому обществу. В земледелии, а также в свиноводстве, в горшечном производстве труд женщин и мужчин объединен в рамках одной отрасли. А так как именно эти отрасли выступают в обществе папуасов на первый план, то чуждое в норме охотничье-собирательскому обществу соединение мужского и женского труда в одной отрасли хозяйства здесь сразу бросается в глаза.

Так или иначе, но папуасское земледелие, необходимо требующее для своего осуществления более сложных и развитых форм организации труда, обеспечивает такую производительность общественного труда, при которой общество получает возможность производить при надобности средства питания в количествах, значительно превышающих повседневные индивидуальные потребности членов общины. По той же причине папуасы оказались в состоянии уделять сравнительно много времени изготовлению всевозможных орудий и средств труда, утвари, предметов одежды и украшений и т. п. Это обстоятельство, с одной стороны, и разнообразие естественных условий, т. е. нали-

[92] Н. А. Бутинов. Разделение труда в первобытном обществе, стр. 142.

чие определенных природных — животных, растительных, минеральных — ресурсов на земле данной общины при отсутствии их на землях соседних общин, с другой, вызвало к жизни широко известную на Новой Гвинее специализацию общин на изготовлении тех или иных материальных благ. О социальной значимости этих фактов мы будем говорить в следующем разделе статьи.

3. ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Рассмотренные выше особенности производства материальных благ в обществе папуасов Новой Гвинеи не могли не отразиться на структуре их производственных отношений, к характеристике которых мы теперь и переходим.

Структура папуасского общества отнюдь не проста. Исследователи выявили в нем группировки и объединения, основанные на самых различных принципах: территориальном, родственном, религиозном, военном и пр. В каждой такой группировке или объединении, неважно — временном или постоянном, переплетаются нередко и родственные, и чисто хозяйственные, и религиозные интересы и взаимосвязи. Задача заключается в том, чтобы выбрать из этого пестрого и противоречивого множества ту группу, то объединение, которое является основным носителем экономических отношений. Или, иначе говоря, нужно выделить в папуасском обществе группу, силами которой осуществляется непрерывный процесс общественного воспроизводства, группу, располагающую необходимым минимумом рабочей силы и основных средств производства, а также определенным социальным механизмом, посредством которого происходит соединение первого со вторым.

Выше было показано, что папуасы — прежде всего земледельцы и уже затем охотники, рыболовы, свиноводы, строители и т. п. Естественно и закономерно поэтому, приступая к анализу их экономического строя, начинать именно с социальных связей, возникающих в процессе земледельческого производства.

При описании цикла земледельческих работ я уже обращал внимание на введенное в нашу литературу Н. А. Бутиновым понятие «максимальной хозяйственной функции», которая определяет минимальную величину группы, необходимой для того, чтобы процесс общественного производства не прерывался и не шел на убыль. Максимальная хозяйственная функция прежде всего, как справедливо полагает Н. А. Бутинов, «объединяет членов общины вместе, заставляет их жить в одной деревне или в обособленной группе хижин». «Как только число членов общины,— пишет он далее,— превышает то, которое необходимо для выполнения максимальной хозяйственной функции, так

вскоре от общины отделяется значительная часть ее членов. Они уходят в другое место и образуют начало новой общины» [93].

Члены одной общины (число их чаще всего колеблется в пределах от 50 до 300 человек) живут, как правило, поблизости друг от друга, хотя в области центральных нагорий, где господствует хуторской тип расселения, локальная обособленность общин в той или иной степени бывает нарушена. Главное, однако, не в территориальном обособлении общин, а в том, что каждая община самостоятельно ведет свое (земледельческое в основном) хозяйство.

Как мы уже знаем, соединенный труд всей общины требуется только на начальном этапе цикла земледельческих работ: при расчистке, возделывании почвы и огораживании. Весь дальнейший земледельческий труд вполне под силу гораздо меньшему коллективу, и так оно и происходит на самом деле. Завершающая стадия обработки земли и выращивание растений производятся группой семей или членами группы семей, т. е. лишь частью общины. При этом группы совместно работающих на огородах семей — отнюдь не случайные, кратковременные объединения нескольких семей данной общины, но вполне определенные и достаточно прочные социальные образования. Разные исследователи называют их по-разному: Ф. Уильямс называет группы семей папуасов орокаива «кланами» [94], М. Меджитт обозначает группы семей папуасов энга как «патрилинии» [95], у М. Рэй группы семей папуасов миньи фигурируют под термином «суб-субклан» [96] и т. д. Но как бы ни называть эти группы семей, они выделяются в общине достаточно четко. Иногда это находит даже отражение в планировке деревни: каждая группа семей живет в отдельном, пространственно несколько обособленном квартале, что было подмечено еще Н. Н. Миклухо-Маклаем [97].

Из сказанного следует, что папуасская община имеет по крайней мере трехступенную социальную структуру, последовательными ступенями которой по нисходящей линии являются: община, группа семей, семья. Однако в действительности все оказывается еще сложнее. Чтобы лучше разобраться, в чем тут дело, остановимся несколько подробнее на характеристике, которую дает М. Рэй социальной структуре папуасов миньи, не упуская, впрочем, из виду, что сама Рэй, как и некоторые другие исследователи, не различает четко связи по родству и связи по производству материальных благ. М. Рэй группирует все территориальные объединения папуасов миньи (она называет эти

---

[93] Н. А. Бутинов. Разделение труда в первобытном обществе, стр. 137, 138.

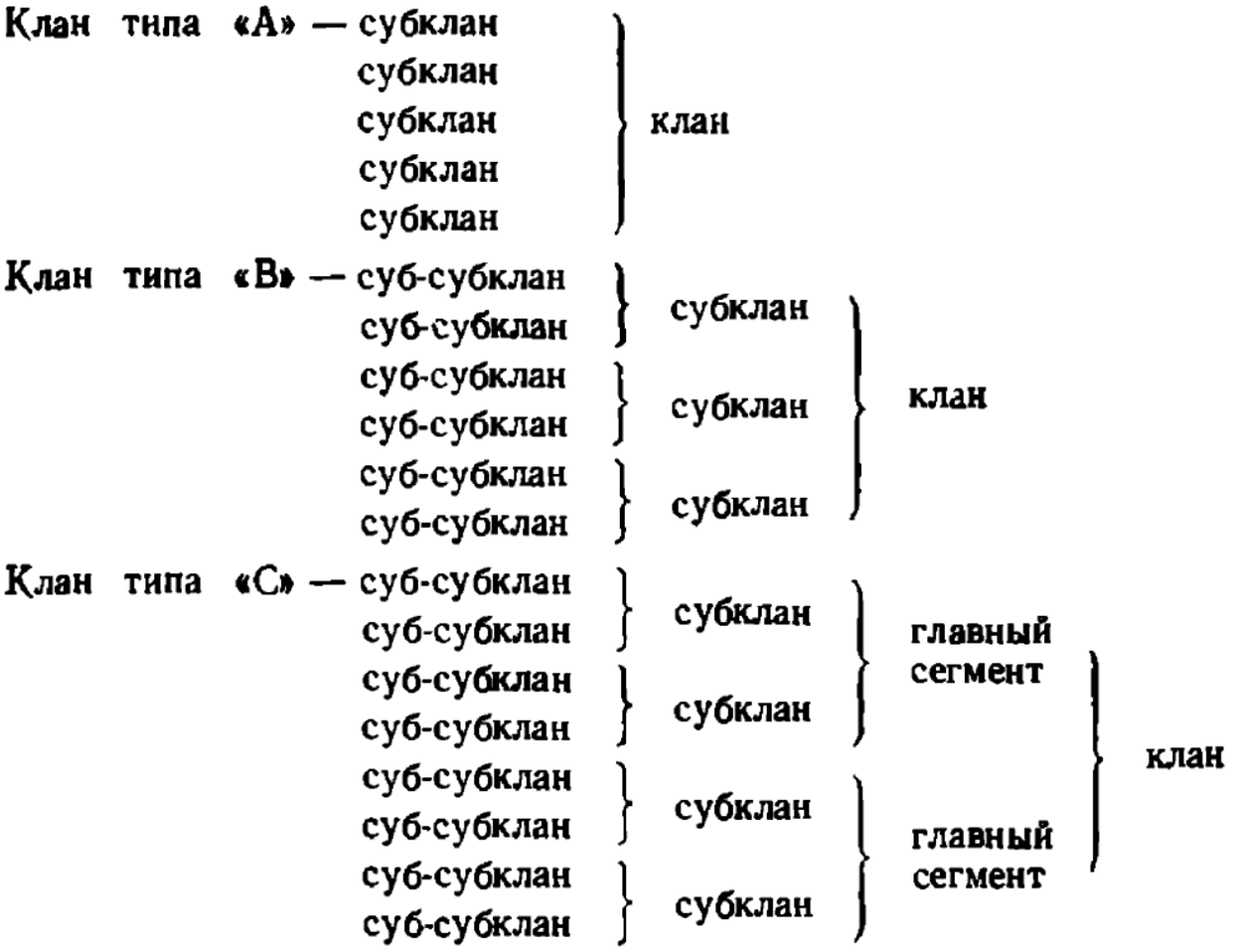
[94] F. E. Williams. Orokaiva magic. London, 1928, p. 124—129; F. E. Williams. Orokaiva society, p. 101—108.

[95] M. J. Meggitt. The Enga..., p. 266.

[96] M. Reay. Op. cit., p. 14, 40—41.

[97] См., например, Маклай, т. III, ч. I, стр. 156—157.

объединения «кланами») по трем категориям, в зависимости от того или иного «типа сегментации» [98]:



Общиной миньи, судя по описанию М. Рэй, является субклан. В самом деле: он территориально обособлен; именно его члены образуют в случае необходимости наибольшие по численности рабочие группы при расчистке участков под новые огороды и при сооружении мужских домов (максимальная хозяйственная функция); субклан хотя и от имени клана, но самостоятельно заключает браки между своими людьми и членами субкланов других кланов [99].

Однако для выполнения подавляющей части работ по хозяйству субклан, конечно, не собирается. Обычно при сооружении и ремонте жилищ, обработке огородов и т. п. сотрудничают только члены суб-субклана, не обязательно все сразу, но рабочие группы составляются каждый раз именно из членов суб-субклана. Сами миньи рассматривают суб-субклан как группу более близких агнатных родичей (хотя это далеко и не всегда так). Эта группа как обособленное целое постоянно участвует также и в других социальных акциях миньи. Примечательно, что отдельные семьи, из которых состоит суб-субклан, входят в него, по свидетельству М. Рэй, не непосредственно, а в составе «суб-суб-субкланов», или «суб-линий», являющихся «минимальными группировками на основе агнатного родства» [100].

---

[98] M. Reay. Op. cit., p. 28.
[99] Ibid., p. 14—15, 28, 38, 40, 55.
[100] Ibid., p. 14, 40—41.

Таким образом, социальная структура общины миньи в изображении М. Рэй оказывается в конечном счете по крайней мере четырехступенной: субклан — суб-субклан — суб-суб-субклан — семья. Хотя М. Рэй неправомерно смешивает здесь экзогамные группы с социально-экономическими, она, будучи серьезным исследователем, хорошо проследила сложность социальной структуры папуасской общины.

Сходные толкования ступенчатой структуры папуасской общины содержатся и в работах других зарубежных исследователей [101]. Правда, нужно заметить, что некоторые из них, как, например, Д'Арси Райен, исследуя социальную структуру папуасского общества, вообще обходят молчанием тесную органическую связь этой структуры со сферой земледельческого производства и видят лишь соподчиненные социальные образования, связь внутри которых и между которыми определяется лишь степенью родства: наибольшая между членами семьи, эта степень родства постепенно слабеет с расширением состава группы. Так, в своих работах о социальной структуре папуасов долины р. Менди Д'Арси Райен дает следующий ряд «сегментарной иерархии»: группа кланов (clan cluster) — клан — субклан — семья [102] или цепочка кланов — клан — субклан — семья (или домохозяйство) [103]. Наиболее обширную общность в «социо-политическом» порядке папуасов долины р. Менди образуют, по Д'Арси Райену, группы кланов, каждая из которых представляет собой обычно «систему межклановых союзов, основанных на родственных связях». Клан в свою очередь состоит из некоторого числа субкланов, причем его ядро составляют субкланы, выводящие свое происхождение по прямой мужской линии от общего предка. Субклан — это «чисто социальная ячейка, группа семей, и в своей простейшей форме он состоит из некоторого числа братьев и их потомков». Все члены субклана (имеются в виду только потомки братьев по мужской линии) имеют общее происхождение. И, наконец, низшее звено — семья, домохозяйство состоит обычно из мужчины, его жены или жен и их неженатых детей [104].

В обеих названных работах Д'Арси Райена нет ни слова о связи описанной им «сегментарной иерархии» со сферой общественного производства. Однако нельзя отрицать и того, что он достаточно полно выявил само явление: сложноподчиненную структуру общества папуасов в долине р. Менди.

---

[101] A. P. Elkin. Delayed exchange in Wabag subdistrict, Central Highlands of New Guinea, with notes on the social organization.— «Oceania», 1953, vol. XXIII, N 3, p. 161—201; M. Meggitt. The Enga...

[102] J. D'Arcy Ryan. Clan formation in the Mendi valley.— «Oceania», 1959, vol. XXIX, N 4, p. 257—289.

[103] J. D'Arcy Ryan. Clan organization in the Mendi valley, Southern Highlands of Papua-New Guinea.— «Oceania», 1955, vol. XXVI, N 2, p. 79—90.

[104] Idem. Clan formation..., p. 258, 260, 261, 270, 276.

В советской этнографической литературе сложность социальной структуры папуасской общины была уже правильно в основном объяснена Н. А. Бутиновым. По его мнению, разделение общины на «семейные группы» или «семейно-родовые группы» представляет черту, характерную для второй ступени в развитии разделения труда в первобытном обществе. Особенности этой второй ступени, как полагает Н. А. Бутинов, вытекают из того, что главную роль в общественном производстве общины приобретает «распорядок труда», т. е. «деление одного и того же вида труда», вызванное, во-первых, «природными свойствами объектов труда», а во-вторых, тем обстоятельством, что «общинный труд в отличие от индивидуального может делиться — и в реальной жизни общины очень часто делится — на однородные составные части. Имеет место расчленение общины на несколько групп... Деление на эти группы имеет регулярный характер, и состав этих групп постоянный. Они выступают внутри общины не только как производственные, но и как социальные группы (субкланы и т. п.)... И если община разбилась на группы,— продолжает он далее,— то это нельзя трактовать иначе, как один из видов разделения общинного труда»[105].

С точкой зрения Н. А. Бутинова можно было бы целиком согласиться, если бы он не утверждал в той же работе, что обособление в папуасской общине семейно-родовых групп (т. е. групп семей) — следствие естественного разделения труда внутри общины. А ведь на этот раз основание деления заключается не в естественных различиях между людьми (по полу и возрасту) или условиями их обитания, но порождено самим общественным производством в процессе исторического развития последнего: сложность социальной структуры папуасской земледельческой общины — очевидное следствие специфики земледельческого производства при примитивной технике и низкой производительности индивидуального труда.

Как бы то ни было, толкование, предложенное Н. А. Бутиновым, хорошо объясняет как производственную и экономическую необходимость папуасской земледельческой общины, так и наиболее существенные особенности ее социальной структуры. В этой связи особенно очевидна несостоятельность весьма, кстати, распространенных взглядов тех ученых, которые рассуждают примерно так: «по сути дела, каждая папуасская семья имеет огород (или огороды), на котором преимущественно работают ее члены и урожай с которого поступает в распоряжение этой семьи; лишь эпизодически семьи прибегают к помощи других членов общины или участвуют в труде общины на участках других групп семей; поэтому есть все основания утверждать, что

---

[105] Н. А. Бутинов. Разделение труда в первобытном обществе, стр. 112, 149—150.

огороды находятся в индивидуальной (или даже частной) собственности отдельных семей».

На деле, однако, все обстоит и сложнее, и проще. Да, трудоемкость различных работ земледельческого цикла различна: одни из этих работ требуют кооперирования труда в больших масштабах, другие в меньших, третьи легко осуществимы силами одной семьи и даже одного человека. Помимо того, как ни важен земледельческий труд в жизни папуасов, процесс общественного производства в общине, как было показано, отнюдь не сводится к одному земледелию. Из великого множества форм и видов производственной деятельности одни работы выполняются одним или двумя-тремя людьми, другие требуют кооперирования труда в более широких масштабах. Во всяком случае значительная часть важных для общины работ требует совместного труда нескольких семей или членов нескольких семей. С другой стороны, внутри общины нет или почти нет общественного разделения труда по отраслям. Временные рабочие группы образуются по мере надобности в зависимости от требуемого числа рабочих рук. И только земледельческое производство в силу своей специфики вызвало к жизни иную форму общественного разделения труда, когда в самом производстве возникают условия для относительно долгого обособления отдельных частей общины для совместного труда и житья. Ведь и в самом деле, непосредственно в производстве община выступает как единое целое лишь в немногих случаях. Остальное, значительно большее по длительности время каждая группа семей и даже каждая семья живет и трудится как будто сама по себе. В довершение всего и урожай с огорода, во всяком случае на первый взгляд, оказывается в руках отдельной семьи.

Однако этот весьма внушительный аргумент в защиту индивидуальной собственности на землю в папуасском обществе теряет свою кажущуюся убедительность, как только мы взглянем на общину не с точки зрения какой-либо отдельной семьи, а как на сумму всех семей. Тогда сразу же бросится в глаза, что община как единое производственное, экономическое целое функционирует постоянно. Сегодня расчищается участок для одной семьи или группы семей, через месяц — для другой, еще через месяц — для третьей и т. д. Община собирается воедино для решения той производственной задачи, выполнение которой требует максимума трудовых усилий в течение короткого времени и на ограниченной площади, и община дробится на части, когда необходимо распределение рабочей силы по многим обьектам и на длительные сроки. В кооперировании труда на всех стадиях аграрного цикла здесь попросту нет необходимости. Вследствие этого совокупный продукт общины производится в значительной степени относительно обособленными друг от друга внутриобщинными группами — группами семей. Перед нами не «частная

собственность» на землю, а форма внутриобщинного разделения труда. Подлинным и единственным собственником земли — основного средства труда в земледелии — является вся община в целом, а не группа семей и тем более не отдельная семья. Могут возразить, что многие исследователи зафиксировали у папуасов обычай «наследования» сыном земельного участка, «принадлежавшего» его отцу. Но и этот обычай при ближайшем рассмотрении отнюдь не доказывает существования у папуасов института частной собственности на землю.

Рассмотрим для примера порядок «наследования» земли на о-ве Вогео, что находится близ северо-восточного побережья Новой Гвинеи. Порядок этот был описан в свое время австралийским этнографом Ян-Хогбиным [106], не сомневавшимся в том, что у папуасов господствует частная собственность на землю. Как и повсюду на Новой Гвинее, на о-ве Вогео естественными, «законными» наследниками папуаса являются его сыновья. Все же отец может, если пожелает, передать некоторую часть «своей» земли дочери, обычно в виде приданого. Переданная дочери земля поступает в этом случае в полное распоряжение ее мужа (обязательно члена другой общины!), который волен возделать на ней огород, а также собирать урожай с растущих здесь плодовых деревьев и кокосовых пальм. Казалось бы, что община женщины теряет тем самым часть земли и что раз сама община не в силах этому помешать, то, следовательно, есть некоторые основания говорить о существовании института частной собственности на землю. Однако такой вывод был бы преждевременным, вопреки мнению самого Ян-Хогбина.

В случае развода женщина возвращается в общину своего отца вместе с переданной ей в качестве приданого землей. Обычай далее разрешает жене при ссоре с мужем запретить последнему пользоваться этой землей. Муж, кроме того, обязан — во всяком случае, таков обычай — отдавать часть урожая с этой земли отцу и старшему брату своей жены. Перечисленные обычаи, с одной стороны, значительно ограничивают право «частной собственности» новоявленного землевладельца, а с другой — сберегают определенные права на землю за женщиной и ее родичами. Если учесть, что муж — член чужой общины, а жена, ее отец и старший брат — члены общины, на территории которой находится интересующая нас земля, то нетрудно прийти к заключению, что обычаи на деле оберегают права общины жены и ограничивают права общины мужа.

По обычаю права на землю-приданое переходят со временем к одному из сыновей женщины, чаще всего к старшему. А обычай таков, что, как не раз говорили папуасы Ян-Хогбину, «сын женщины должен вернуть землю вместе со своей дочерью сыну

[106] A. Ian Hogbin. Native land tenure in New Guinea, p. 135—149.

сына брата своей матери». Короче говоря, земля-приданое возвращается в общину через брак между детьми кросс-кузенов. Ян-Хогбин зафиксировал четыре случая, когда браки были заключены по различным причинам на поколение позже. Но во всяком случае земля всегда — иногда раньше, иногда позже — возвращается в общину, которой она в действительности принадлежит. Любопытно, что, по свидетельству Ян-Хогбина, предложение о браке всегда следует от потомков женщины, а не от общины, на чьей территории находится земля-приданое. Другими словами, община, в чьем пользовании оказывается временно земля-приданое, не рассматривает эту землю как собственность одного из своих членов и не только не пытается ее удержать, но, наоборот, сама проявляет инициативу в возвращении земли ее подлинным собственникам.

Фактов, подобных приведенным, в этнографической литературе о папуасах очень много. И каждый раз последовательный и всесторонний анализ убеждает в том, что нет никаких оснований говорить о наличии у папуасов института частной собственности на землю. Нужно только всегда помнить, что частная собственность — отношение между людьми, а не между человеком и вещью. Но как же тогда понимать сообщение, например, Н. Н. Миклухо-Маклая, когда он в письме к А. Гордону писал о том, что на берегу залива Астролябия «каждый дюйм почвы, каждое полезное дерево в лесу, рыбы в каждом ручье имеют собственника» [107], а несколько позднее в другом письме к тому же адресату снова повторял, что «даже в лесах каждое полезное дерево имеет своего отдельного и признанного собственника» [108]. То же самое сообщает, кстати, Б. Хаген [109]. Но дело в том, что папуасы, якобы обладающие правом собственности на ручей, дерево, охотничий участок или участок земли под огород,— не частные собственники, но лишь временные обладатели данного им общиной права ловить рыбу в этом ручье, срывать плоды с этого дерева и т. п. Все эти формы «частной собственности» у папуасов, как это пытаются доказать Ян-Хогбин, С. Рид, Ф. Уильямс, Д'Арси Райен и некоторые другие этнографы, на деле всего лишь формы распределения материальных благ между членами общины — ни больше, ни меньше.

Вновь расчищенный участок целины, пишет, например, М. Рэй, рассматривается «как собственность (the property) лица, которое его расчистило; его собственность (ownership) абсолютна и включает права на отчуждение. Земля наследуется мужчинами по мужской линии...» [110]. Однако ниже она сама сообщает факты, противоречащие этому ее весьма категорическому утверждению. Оказывается, если папуас миньи

[107] Маклай, т. IV, стр. 177.

[108] Там же, стр. 194.

[109] B. Hagen. Op. cit., S. 193—197.

[110] M. Reay. Op. cit., p. 9.

уходит жить в другую общину, забросив свои огороды, то община, на чьей территории они расположены, может лишить его сына прав «собственности» на эту землю, если только тот не вернется в общину отца сразу же после смерти последнего. Тогда родственники эмигранта предъявляют свои права на заброшенную землю и принимаются за ее обработку[111]. В свете столь красноречивого свидетельства представление о частной собственности на землю у миньи кажется малообоснованным.

Некоторые этнографы, чувствуя шаткость и неубедительность своих утверждений о господстве у папуасов частной собственности на землю, пытаются представить дело таким образом, будто коллективная и частная собственность у папуасов как бы сосуществуют. «В то время как территория обитания находится в коллективной собственности, возделанная земля находится в собственности индивидуальной»,— пишет, например, Ф. Уильямс. «Между двумя соседствующими огородами,— добавляет он для большей убедительности,— сооружается межа из поваленных древесных стволов... До тех пор, пока эта земля обрабатывается, не только урожай с огорода, но и сам огород является индивидуальной собственностью»[112]. Примечательное ограничение! А если учесть, что семья папуасов орокаива может обрабатывать свой огород только, когда участок под него будет расчищен силами всей общины, и что немалая часть урожая с «индивидуального» якобы огорода расходуется частью на нужды общины, частью на нужды клана (т. е. группы семей по терминологии Ф. Уильямса), эфемерность «индивидуальной собственности» на землю у папуасов орокаива становится достаточно очевидной.

Сказанное справедливо по отношению к любой группе папуасского населения. Повсюду на Новой Гвинее семья «собственника» никогда не потребляет всего выращенного ею на «ее» огороде урожая и никогда не кормится лишь за счет урожая со «своего» огорода.

Частью собранного семьей со «своего» огорода урожая она кормит помогающих ей по тому или иному поводу общинников, а таких поводов не так уж мало: то надо расчистить новый участок под огород, то необходимо построить другую хижину взамен старой, пришедшей в негодность, то захотелось полакомиться мясом казуара, охотиться на которого лучше всего сообща, да мало ли что еще. Из собранного урожая члены семьи делают также обязательные подарки друзьям и родителям, участвуют в сборе платы за невесту, вносят свою долю при накоплении запасов пищи к очередному празднеству, наконец, обменивают свои овощи, скажем, на рыбу, которой так много у общин соседней группы, и т. д.

---

[111] M. Reay. Op. cit., p. 46.

[112] F. E. Williams. Orokaiva magic, p. 126.

С другой стороны, урожаем с «собственного» огорода покрывается лишь часть пищевого рациона семьи. Значительную часть необходимой пищи семья получает в виде подарков или своей доли при раздаче пищи на нередких пирах и празднествах; часть пищи члены семьи получают на трапезах во время работы на огородах, при постройке хижин других общинников и т. д.

Короче говоря, значительная часть пищевых средств, которыми кормится семья, растет на огородах, ей не принадлежащих, а урожай, собранный папуасом с его «собственного» огорода, распределяется на деле не внутри его семьи, а внутри общины и даже отчасти между общинами по обычаям и традициям общинной жизни.

Таким образом, когда некоторые исследователи говорят о двух или даже о трех видах собственности на землю у папуасов: об общинной собственности (communal property), о собственности «клана» (clan property) и о семейной (family property) или даже об индивидуальной, или личной, собственности (individual property, personal property), то они смешивают совершенно различные социально-экономические явления. В действительности, у папуасов существует только общинная собственность на землю. Зафиксированное всеми исследователями распределение этой общинной земли между группами семей — лишь материальное выражение общественного разделения труда внутри общины: ведь группа семей — наиболее постоянная и эффективная структурная единица в папуасском земледельческом производстве и в папуасском обществе [113].

Что же касается «семейной», «личной», «индивидуальной», а то и «частной» собственности на землю у папуасов, то это никакая не «собственность», а способ распределения совокупного продукта общины между семьями, ее составляющими, в условиях, когда единовременное возделывание крупных площадей невозможно, да и не нужно, а сколько-нибудь продолжительное хранение больших общественных запасов попросту невозможно. То обстоятельство, что распределение общественного продукта между семьями принимает форму распределения между ними огородных участков, нередко даже «переходящих по наследству» от отца к сыну или от старшего брата к младшему и т. д., конечно, ничего не меняет в сущности дела.

Из всего сказанного вытекает следующий очень важный, на мой взгляд, для понимания социальной структуры доклассового общества вывод: именно земледельческое производство

---

[113] К слову сказать, подобная социальная структура присуща всем без исключения родовым общинам первобытных земледельцев, которых только знает этнография. Ярко и обстоятельно описал эту структуру Л. Г. Морган в своем последнем исследовании «Дома и домашняя жизнь американских туземцев» (Л., 1934). Описанная Морганом овачира ирокезов — великолепный образец группы семей в ее североамериканском варианте.

определяет общий облик и основные структурные черты папуасской общины земледельцев.

Однако земля — хотя и основное, но далеко не единственное у папуасов средство труда в земледелии. Для земледельческих работ папуасы пользуются также огнем, каменными топорами или теслами и деревянными орудиями. Ни одно из этих орудий и средств не обеспечивает папуасу возможности самостоятельно осуществлять процесс производства. Последнее по силам лишь коллективу, располагающему некоторым набором перечисленных орудий и средств труда. Поэтому в известном смысле слова личную собственность папуасов на орудия и средства труда можно рассматривать как специфическую форму коллективной собственности на совокупные средства производства всей общины. Другое дело, что в процессе дальнейшего исторического развития эта специфическая форма коллективной собственности обладает способностью освобождаться от своей коллективистской формы и даже превращаться в нечто прямо противоположное.

Как и во всяком доклассовом обществе, орудия и средства труда, находящиеся в личной собственности мужчин, значительно отличаются от орудий и средств труда, находящихся в личной собственности женщин. Каждому принадлежит то, чем он работает. Мужчинам — каменные топоры, костяные орудия, бамбуковые ножи, оружие, снаряды для добывания огня, рыболовные снасти, землекопалки. Женщинам — лопатки для разрыхления земли, утварь для готовки пищи, сосуды для воды, мешки-сетки для переноса грузов и пр.

А кому принадлежат домашние животные — свиньи и собаки? В литературе то и дело встречаются указания, что каждая свинья и каждая собака имеют своего владельца. Каждый папуас метит свою свинью, заботится о ней; если его свинья забралась в чужой огород и набедокурила там, то между хозяином огорода и владельцем свиньи может разгореться нешуточная ссора, а то и кровопролитное столкновение. Сходно отношение и к собакам. Но дают ли эти факты нам достаточно оснований, чтобы говорить о частной собственности на свиней и собак? Ответ на этот вопрос содержится в характере регламентации распределения свинины и собачины. Как ни подчеркивают некоторые этнографы господство индивидуальной, личной, частной собственности на свиней в папуасском обществе, истина сразу же выступает наружу, как только их описание доходит до норм и обычаев распределения свинины. «Амфонка («владелец».— *В. Б.*),— пишет, например, Р. Ф. Солсбери,— не может есть мяса своих свиней; о таком поступке говорят с тем же отвращением и ужасом, что и о каннибализме» [114]. При распределении мяса домашней свиньи у папуасов квома «собственник» также не получает ни ку-

[114] R. F. Salisbury. Op. cit., p. 65.

ока «своей» свинины [115]. А мясо собаки у квома не может есть не только ее «собственник», но и все члены его семьи [116]. Туша убитой свиньи или собаки всегда делится «собственником» между всеми мужчинами общины или посылается в подарок в соседнюю общину, или вносится в качестве вклада в собираемый общиной выкуп за невесту и т. д. В лучшем случае «собственник» свиньи получает на пиру такую же порцию мяса, как и все прочие.

Эти с железной последовательностью выполняемые правила дележа мяса между всеми членами общины позволяют, как мне кажется, говорить о существовании у папуасов коллективной собственности на домашних животных. Нет достаточных оснований говорить о частной собственности на свиней даже там, где, как, например, у папуасов горы Хаген, некоторые папуасы владеют лишь одной свиньей, а у других имеются на попечении целые стада в 30—40 голов. Вот любопытное замечание Г. Фицедома: «Как только поросята подрастут, владелец сортирует их, предназначая кого для жертвоприношений, кого на обмен, кого в подарок своим родственникам; в последнем случае, естественно, в полной уверенности, что ему самому позднее будет возвращен такой же дар» [117]. Однако папуас не отбирает свиней для обеспечения себя и своей семьи свининой. В лучшем случае он надеется на своих родственников. Владелец закалывает свинью для домашнего потребления, пишет М. Рэй о папуасах миньи, только в случае, если он ожидает в гости родичей его будущей жены. Только погибшие или украденные свиньи попадают непосредственно на семейный стол папуасов миньи [118].

О специфике разделения и соединения труда мужчин и женщин в животноводстве уже говорилось. Здесь мы лишь отметим то, что, хотя оба пола в равной мере участвуют в животноводческом труде, «решает судьбу» той или иной свиньи или собаки каждый раз, как правило, мужчина. И еще: каждый пол занимается животноводством в соответствии со своей общей ролью в общинном производстве.

Если теперь собрать воедино все, что известно о месте мужчин и женщин в общественном производстве папуасской общины: об участии в тех или иных отраслях и видах хозяйственной деятельности, о преимущественном владении («личной собственности») и оперировании теми или иными средствами труда, а значит, и обладании определенным производственным опытом и навыками к труду и т. д.,— то нетрудно заметить существенные различия между положением мужчин и положением женщин в общественном производстве. А это позволяет

[115] J. W. M. Whiting. Op. cit., p. 117.

[116] Ibid., p. 118.

[117] G. Vicedom und H. Tischner. Die Mbowamb, Bd. I, S. 195.

[118] M. Reay. Op. cit., p. 21.

ставить вопрос о том, что мужчины и женщины в обществе папуасов противостоят друг другу как две социально различные группировки. При этом мужчины, в чьих руках по существу находится все производство средств производства, занимают преимущественное положение в социальной жизни общины.

Таким образом, в папуасском обществе сосуществуют два типа социальных группировок: один из них вызван к жизни естественными различиями по полу, другой — спецификой общественного производства. Социальные группировки обоих типов при этом перекрывают друг друга: с одной стороны, женщины общины принадлежат к нескольким группам семей, также и мужчины; с другой — в каждой группе семей есть и мужчины, и женщины.

Очевидно, далее, что социальные группировки второго типа существеннее группировок первого типа. Прежде всего, они играют большую роль в производстве. Кроме того, социальное обособление групп семей внутри общины несет в себе одну имеющую первостепенное значение для будущего тенденцию. Суть ее в следующем. Факты говорят, что между группами семей нет или почти нет имущественного неравенства. Каждая группа семей имеет те же права на средства производства общины, что и другие, и все группы семей в общине находятся в равном положении по отношению друг к другу. Однако — и в этом вся суть! — более многолюдная группа семей имеет несомненные преимущества перед другими: ее массовая производительная сила больше, она в состоянии обработать больше земли, она имеет больше связей по браку с другими общинами, у нее больше шансов вырасти численно, потому что в ее составе больше брачных пар, и т. д. Достигнутый в папуасском обществе уровень производства рано или поздно ограничивает рост такой процветающей группы семей, и она делится на две или от нее отпочковывается новая группа семей, или же, наконец, она превращается в самостоятельную общину. Иначе говоря, заложенная в социальной структуре папуасской общины тенденция к нарушению равновесия между ее пока равнозначными, почти тождественными частями существует лишь как возможность.

Посмотрим теперь, как происходит распределение произведенного общиной совокупного общественного продукта между названными социальными группировками папуасской общины и папуасского общества. Выше уже говорилось, хотя и в несколько иной связи, о распределении продуктов земледельческого и животноводческого труда. В частности, обращалось внимание на то, что между семьями распределяются огородные участки, размеры которых, добавим, по своей производительности в общем соответствуют потребностям данной группы. Та часть земледельческого продукта, которая идет на общинные празднества,

в качестве выкупа за невесту, на угощение гостей и подарки, образуется обычно из добровольных взносов от каждой семьи. Известны, правда, и общинные огороды, которые возделываются папуасами непосредственно для общественных нужд, например, когда предстоит большое пышное празднество-пир. Тем не менее семья остается основным каналом распределения продуктов земледелия внутри общины.

Такое распределение, кстати, никак нельзя назвать «уравнительным», хотя именно так обычно характеризуют в нашей литературе распределение в доклассовом обществе. Как правильно подчеркнул несколько лет назад Г Ф. Хрустов, термином, «наиболее адекватно выражающим сущность данной системы отношений распределения (в доклассовом обществе.— *В. Б.*), является термин «равнообеспечивающее распределение». Это значит, что равно всем членам коллектива обеспечивается известный минимум средств существования. Такое равенство и осуществляется в действительности» [119]. Данные о распределении продуктов земледелия у папуасов полностью согласуются с этим важным выводом Г Ф. Хрустова.

Любопытны некоторые особенности распределения животных продуктов. Охотничья добыча, как правило, распределяется между всеми членами общины, хотя чаще женщинам достается меньшая и худшая ее часть. Ведь охота — привилегия мужчин. Исконное разделение труда по полу еще дает здесь себя знать в достаточной степени. Впрочем, в окрестностях горы Хаген, т. е. именно там, где особенно развито свиноводство и где значение охоты сведено к минимуму, мужчины делят охотничью добычу с женщинами практически поровну [120].

Хотя коллективная охота на Новой Гвинее — дело обычное, охота в одиночку — тоже не редкость. Но и при коллективной, и при индивидуальной охоте прочно сохраняется принцип коллективного распределения. «Охотник, убивший свинью,— пишет, например, У. Уайтинг,— не может сам съесть ее мясо, так как иначе он заболеет и умрет» [121]. Однако папуас квома может убить свинью для того, чтобы разделить ее мясо между членами своей семьи и ближайшими родичами. В этом случае вступают в действие строгие правила распределения частей свиной туши между родственниками охотника. «Материнский дядя получает окорока, сестра отца — вторые суставы передних ног, сестрам достаются плечи и грудинка, дядя по отцу получает череп с мозгом и верхнюю челюсть, братья — задние ноги, все остальные — спинной хребет и бока, а внутренности охотник оставляет себе, чтобы обеспечить свою собственную

[119] Г. Ф. Хрустов. К вопросу об отношениях собственности в первобытном обществе, стр. 25.

[120] G. Vicedom. Op. cit., S. 199.

[121] J. W. M. Whiting. Op. cit., p. 113.

семью» [122]. Такой характер распределения охотничьей добычи у квома приводит к тому, что, во-первых, мясо распределяется по преимуществу между ближайшими родственниками охотника, а значит, прежде всего среди членов его группы семей, и что, во-вторых, общинный принцип распределения безусловно господствует, доминирует над семейным. Сказанное в полной мере справедливо и для других папуасских групп. У киваи, сообщает, например, Г. Ландтман, если охотник убьет свинью в одиночку, на его долю достается лишь нижняя челюсть и часть грудины [123]. Тот же Ландтман сообщает, что при распределении мяса дюгоня «обычай требует, чтобы гарпунер (т. е. главный виновник успешной охоты.— *В. Б.*) получил лишь самую незначительную часть мяса» [124]. А несколько ниже он обращает внимание на принудительный характер коллективного принципа распределения охотничьей добычи, указывая, что ему известны даже случаи, когда охотник, убивший свинью и пытавшийся скрыть это от общины, чтобы сохранить мясо себе, строго наказывался [125]. Аналогичным образом, в окрестностях горы Хаген пренебрежение охотника своими обязательствами по отношению к родичам вызывает их неудовольствие и рассматривается как антисоциальное поведение [126]. Число примеров подобного рода можно было бы легко умножить, но суть дела и так достаточно ясна: коллективный принцип распределения охотничьей добычи при преимущественном положении родичей охотника доминирует безусловно. Выше уже приводились факты, свидетельствующие о совершенно сходном характере распределения мяса домашних животных.

Благодаря господству коллективного принципа в распределении, папуасу, чтобы питаться свининой, совсем не обязательно уметь самому добывать или иметь свиней. Правила распределения свинины между родичами достаточно действенны, чтобы обеспечить распределение свинины между всеми членами общины. У квома, например, по свидетельству Д. Уайтинга, «человек может есть свиное сало на протяжении всей своей жизни, никогда не убив при этом хотя бы одной свиньи; и в самом деле, это справедливо в отношении кое-кого из мужчин» [127].

Распределение свинины между присутствующими на пирах также подчинено определенным правилам, в которых, с одной стороны, учитываются поло-возрастные различия, а с другой — проявляется стремление не обойти мясом ни одного из гостей,

---

[122] J. W. M. Whiting. Op. cit., p. 113.
[123] G. Landtman. Op. cit., p. 113.
[124] Ibid., p. 141.
[125] Ibid., p. 199.
[126] G. Vicedom. Op. cit., S. 199.
[127] J. W. M. Whiting. Op. cit., p. 144.

как бы много их ни было [128]. Итак, принцип коллективного, равнообеспечивающего (но не уравнительного) распределения господствует, хотя и в несколько иной форме, но не в меньшей степени, и при распределении животной пищи.

Что касается распределения других материальных благ, то его характер определяется тем простым фактом, что каждый производит для себя то, что ему нужно: оружие, утварь, одежду, украшения и пр. Распределение и здесь еще не отделилось от производства. И это опять-таки равнообеспечивающее, а не уравнительное распределение: у папуасов нет никаких социальных механизмов, которые бы регулировали и нормировали распределение между общинниками предметов, находящихся в их личной собственности. Каждый папуас и каждая папуаска вольны сделать себе, своим близким, своим друзьям столько луков или стрел, или плетеных мешков, или браслетов и т. п., сколько они могут и хотят. Они вправе, далее, беспрепятственно выменять сделанные ими вещи на другие в соседней общине и т. д. Все это, разумеется, противоречит принципу уравнительного распределения. Сходным образом обстоит дело с жилыми, хозяйственными, общественными постройками. Все они, как уже отмечалось, строятся, как правило, усилиями определенного коллектива, но только женские и семейные дома и некоторые хозяйственные постройки переходят в постоянное пользование семьи или даже некоторой ее части. Однако и в этом случае помощь общинников при постройке семейного жилья — это одновременно, по сути дела, и форма распределения жилищ между членами общины. И здесь распределение является равнообеспечивающим, но не уравнительным: каждый папуас имеет право на кров над головой и каждый получает его, хотя «жилая площадь» и «удобства» отнюдь не всегда и не обязательно строго одинаковы у всех общинников.

До сих пор мы говорили о характере и формах распределения в рамках папуасской общины. Однако эта община не есть некое самодовлеющее, экономически замкнутое целое. Довольно значительная часть создаваемых в общинах материальных благ перераспределяется затем между общинами. Важнейшими формами межобщинного процесса являются межобщинный обмен и межобщинные празднества-пиры.

Выше уже говорилось о широко известной на Новой Гвинее специализации общин на изготовлении тех или иных материальных благ. Вследствие этого на Новой Гвинее, писал еще Н. Н. Миклухо-Маклай, «установились, вероятно, уже много столетий тому назад, правильные отношения между островитянами, береговыми жителями и горцами... Очень обобщая...,

[128] Маклай, т. III, ч. I, стр. 56, 112, 115, 116, 118; J. W. M. Whiting. Op. cit., p. 113; G. Landtman. Op. cit., p. 199—200.

можно сказать, что горцы и отчасти береговые жители снабжают островитян продуктами земледелия, которые отдают за них различные произведения своего искусства и ремесел или продукты морских рифов и моря» [129]. Недостаток земли, а значит, и продуктов земледелия на маленьких коралловых островках островитяне возмещают усиленным изготовлением парусных лодок (о-в Сиар), горшков и талы (острова Билибили и Ямбомба), сетей, различных украшений из черепаховых щитов и раковин и т. п. Затем все это выменивается ими на ямс, таро, бататы и другие плоды и овощи в береговых деревнях. В свою очередь жители берега меняют в горных деревнях те же горшки, а также соль, рыбу на орехи арековой пальмы, табак, стрелы, деревянные блюда и т. п. [130]

Не менее обширны регулярные меновые связи между группами папуасского населения в центральных нагорьях Новой Гвинеи [131], на ее южном побережье [132] и вообще всюду, где живут папуасы. Короче, меновые отношения между общинами связывают фактически все папуасские группы Новой Гвинеи [133].

О чем говорят все эти факты? Они говорят прежде всего о том, что обмен здесь стал постоянным. А «постоянное повторение обмена,— говорит К. Маркс,— делает его регулярным общественным процессом. Поэтому с течением времени по крайней мере часть продуктов труда начинает производиться преднамеренно для нужд обмена» [134]. Начальные ступени этого неизбежного процесса и наблюдали Н. Н. Миклухо-Маклай, Б. Хаген, О. Финш, М. Мид, С. Рид, А. Гитлоу и другие исследователи Новой Гвинеи.

Однако обмен на Новой Гвинее поглощает далеко не весь избыточный продукт: производительные возможности общин значительно превышают существующую емкость сферы межобщинного обмена. Поэтому благодаря высокой производительности земледельческого и свиноводческого труда в общинах периодически образуются значительные избыточные массы растительной и животной пищи, которые община не в состоянии реализовать ни в сфере индивидуального потребления, ни в сфере межобщинного обмена. Это обстоятельство вызвало к жизни социальный меха-

---

[129] Маклай, т. III, ч. I, стр. 439; ср. т. II, стр. 363, 364.

[130] Там же, т. III, ч. I, стр. 439—440; B. Hagen. Op. cit., S. 215—217.

[131] G. Vicedom. Op. cit., S. 231—234; A. L. Gitlow. Op. cit., p. 68—80; A. P. Elkin. Delayed exchange in Wabag sub-district.— «Oceania», 1953, vol. XXIII, N 4.

[132] C. G. Seligman. The Melanesians of British New Guinea. Cambridge, 1910, p. 93—120.

[133] Подробнее о специализации общин и межплеменном обмене на Новой Гвинее см.: Н. А. Бутинов. Разделение труда в первобытном обществе, стр. 126—132; F. D McCarthy. Trade in aboriginal Australia and «trade» relationship with Torres strait, New Guinea and Malay.— «Oceania», 1939, vol. X, N 2, p. 181—190; M. D. Sahlins. Exchange-value and the diplomacy of primitive trade.— «Essays in economic anthropology», Seattle, 1965, p. 95—129.

[134] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 98.

низм, обеспечивающий реализацию избыточного продукта по обычаям и нормам доклассового общества. Суть этого механизма заключается в том, что периодически накапливаемые массы избыточных пищевых средств распределяются на больших межобщинных празднествах-пирах, причем каждая община-хозяин старается превзойти другие общины в щедрости и изобилии распределяемых между участниками празднества пищевых средств и прежде всего высоко ценимой здесь свинины. Социальное и религиозное осмысление этих празднеств папуасами различных этнических групп различно. Тем не менее их объединяет центральное и общее для всех них событие — распределение между присутствующими (прежде всего, между гостями из других общин) огромных количеств пищи и последующее обильное пиршество. Любопытно, что Н. Н. Миклухо-Маклай, который не понял социальной и религиозной стороны этих празднеств, подчеркивал, что «при ай («празднество» на языке бонгу.— *В. Б.*) главное — еда»[135]. «Люди едят в праздник,— пишет о сианэ Р. Солсбери,— раза в два больше, чем в обычный день»[136]. «Люди обжираются мясом»,— говорит М. Рэй, описывая пиршества миньи[137] Детально описал порядок и процесс распределения огромных количеств пищи на празднествах у папуасов куман Д. Нилс[138]. Аналогичные праздничные пиршества существуют в той или иной форме у всех групп папуасского населения[139].

Подобное распределение избыточного продукта на межобщинном уровне — явление, чрезвычайно широко распространенное и хорошо известное всем этнографам. В нашей литературе, в частности, это явление глубоко и самым подробнейшим образом описано в работах Ю. П. Аверкиевой об индейцах северо-западного побережья Северной Америки[140].

Итак, межобщинный обмен и межобщинные празднества-пиры образуют в своей совокупности своеобразную сеть межобщин-

---

[135] Маклай, т. III, ч. 1, стр. 110—118, 440—443; т. I, стр. 192—197.

[136] R. F. Sallsbury. Op. clt., p. 77.

[137] M. Reay. Op. cit., p. 21.

[138] J. Nilles. The Kuman of the Central region, Central Highlands New Guinea.— «Oceania», 1950, vol. XXI, N 1, p. 40—42.

[139] См., например, A. Gerstner. Op. cit., S., 260—266; G. Landtman. Op. cit., p. 193—200; M. Reay Op. cit., p. 20, 21; P. Brown and H. C. Brookfield. Op. cit., p. 21, 22, 46—49; M. Mead. The mountain Arapesh. I, p. 216—219; Idem. The mountain Arapesh. III, Socio-economic life.— «Anthropological Papers of American Museum of National History». New York, 1947, vol. 40, pt. 3, p. 223—226; R. F. Sallsbury. Op. cit., p. 77, 78.

[140] Ю. П. Аверкиева. К истории общественного строя у индейцев северо-западного побережья Северной Америки.— «Американский этнографический сборник», т. I. М., 1960, стр. 5—126; она же. Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки. Многочисленные примеры межобщинного распределения избытка материальных благ у самых различных народов мира содержатся также в книгах: Cooperation and competition among primitive peoples. Ed. M. Mead. New York, 1937; M. Herskovits. Economic anthropology. New York, 1952.

ных экономических связей — сеть, которая позволяет рассматривать папуасские общины как элементы более крупной экономической целостности. Пусть элементы, составляющие эту целостность, в высшей степени обособлены и автономны, а сама она еще крайне зыбка и аморфна. Тем не менее целостность эта уже существует.

Кратко производственные отношения в папуасском обществе могут быть охарактеризованы следующим образом:

1. Коллективная, общинная собственность на основные средства производства. Личная собственность каждого на средства труда, которыми он работает, а также на свою одежду и украшения. Общинная и личная собственность на общественные и жилые постройки.

2. Социальная структура общины определяется естественно выросшим разделением труда по полу и возрасту и общественным разделением труда по группам семей при доминировании последнего.

3. Господствующая форма распределения материальных благ — равнообеспечивающее распределение совокупного общественного продукта между сообщинниками, причем в некоторых случаях доля женщин и детей меньше доли мужчин. Обычно периодическое накопление сравнительно значительных излишков, реализация которых осуществляется посредством особых социальных механизмов (межобщинный обмен, празднества-пиры).

4. ОТНОШЕНИЯ КРОВНОГО РОДСТВА И СВОЙСТВА

Описанные черты социальной структуры папуасского общества объясняют, однако, далеко не все особенности последнего. И прежде всего потому, что община папуасов — это не просто коллектив совместно живущих, совместно владеющих основными средствами производства и совместно производящих материальные блага людей. Община папуасов — коллектив людей, всегда связанных, помимо всего прочего, узами кровного родства и свойства.

Выше, когда речь шла о производстве материальных благ у папуасов, мы могли убедиться, что у них существуют самые различные формы кооперации труда. Иногда это были два-три человека, иногда члены нескольких семей, иногда все работоспособное население деревни, а то и жители нескольких деревень. Теперь мы можем добавить, что члены всех этих рабочих групп — всегда, как правило, родственники. Так, у миньи мужчина находится в ежедневном контакте с членами своего субклана, т. е. с ближайшими агнатными родичами, их женами и детьми. «Именно с этими людьми он работает и делит пищу» [141].

[141] M. Reay. Op. cit., p. 70.

А вот как работает папуас группы арапеш: «В настоящее время мужчина и два его брата и его зять расчищают и огораживают участок для его огорода; месяц спустя он помогает брату матери и своему кросс-кузену расчищать и огораживать подобный же участок земли, а еще через месяц он трудится вместе с одним из своих братьев, с братом отца и сыном брата его отца на расчистке еще одного участка земли. Он может отослать одну жену или обеих, если у него их две, на помощь своим собственным кровным родичам»[142]. «Отец,— пишет М. Мид в другом месте,— охотится и снабжает мясом своего сына; сын охотится и снабжает мясом родителей; братья охотятся и снабжают мясом друг друга»[143]. Подобных примеров можно привести сколько угодно. Каждый раз, когда в работе соединяются усилия нескольких человек, то это оказываются или отец с сыновьями, или братья, иногда муж с женой или брат с сестрой, как, например, при рубке саго у папуасов квома.

«Брат помогает брату» — это, пожалуй, основной неписаный закон папуасского общежития. Субъективно папуас сотрудничает с другим папуасом, потому что тот — его родич или свояк. Чем ближе родство, тем в большей степени папуас ответствен за такое сотрудничество. При отсутствии родства исчезает и необходимость в сотрудничестве. Именно поэтому «сердечнейшие отношения в семье,— как пишет Г Фицедом,— это отношения братьев и сестер между собой. Братья и сестры обращаются друг к другу всегда в весьма дружеском тоне и взаимно помогают друг другу»[144]. «Наиболее прочный эмоциональный союз и важнейшая социальная связь,— пишет Р. Берндт, имея в виду папуасов камано, джате, узуруфа и форе,— это те, которые соединяют брата и сестру... Эта тесная связь возникает с самого детства и длится всю жизнь»[145]. У нарегу дружеские отношения между различными группами, даже если они не родственны между собой, обозначаются термином «ангигл-ангигл» (его брат — его брат), а термин «ангара» (мой брат) выражает также отношения дружбы между людьми в широком смысле, в том числе даже между людьми из разных этнических групп[146]. Миньи говорят, что родные братья с их женами и детьми должны жить вместе[147], что папуас связан со своей сестрой более прочными узами, чем с женой: ведь он может приобрести много жен, но не сестру[148]. Папуасы арапеш считают само собой разумеющимся, что в отношениях между братьями должны царить дружелюбие, отсутствие

[142] M. Mead. Op. cit., I, p. 222.

[143] Ibid., III, p. 192.

[144] G. Vicedom. Op. cit., Bd. II, S. 71.

[145] R. M. Berndt. Kamano, Jafe, Usurufa and Fore kinship.— «Oceania», 1954, vol. XXV, N 1-2, p. 42, 43.

[146] P. Brown and H. C. Brookfield. Op. cit., p. 137.

[147] M. Reay. Op. cit., p. 70, 71.

[148] Ibid., p. 72.

всякого соперничества и стремление к взаимопомощи. «Всякое иное отношение к брату — предмет удивления и неудовольствия со стороны общины и даже основание для того, чтобы рассматривать неудачника, обнаружившего столь чуждые арапеш чувства, виновным и опозоренным» [149].

То же самое наблюдается и при соединении труда значительно большего числа людей. Так, например, Р. Солсбери пишет, что у сианэ совместно работают чаще всего люди, относящиеся к одному мужскому дому [150]. Но ведь мужской дом у сианэ, как и у других папуасских групп, объединяет прежде всего кровных родичей [151], которые, таким образом, не только вместе живут, но и вместе работают. Как одно целое они выступают при решении общих дел, участвуют в различных празднествах и церемониях, собирают плату за невесту, совершают религиозные обряды, несут общую ответственность за проступки членов мужского дома и т. д. [152] Аналогичным образом обстоит дело и у других групп папуасского населения. Это значит, что любые социальные связи, в том числе и связи по производству материальных благ, выступают у папуасов в оболочке родственных связей по крови и по браку. Более того, связи кровного родства и свойства являются в сознании папуасов единственной реальной и существенной формой социальных связей как между членами общины, так и между членами разных общин.

Именно поэтому папуасы всегда рассматривают всех членов своей общины (за исключением, разумеется, жен) как членов родовой общины, которые ведут свое происхождение от одного прародителя и связаны, следовательно, узами кровного родства [153]. Практически, однако, в каждой общине всегда есть несколько семей иммигрантов из других общин. М. Меджитт, имея в виду папуасов энга, указывает, что в среднем около 10% мужчин, живущих на территории общины; не являются прямыми потомками ее основателей [154]. Тем не менее папуасы склонны рассматривать этих прижившихся инокровных сообщинников как единокровных. «Признавая единственный принцип всеобщего агнатного родства, туземцы,— пишет М. Рэй о миньи,— ставят знак равенства между кланом (т. е. группой агнатных родичей, по терминологии М. Рэй) и всеми живущими на территории клана и говорят о последних, как если бы в их числе были лишь агнатные родичи со своими женами, как единственными лицами из других групп, организованных таким же образом» [155]. М. Рэй

---

[149] M. Mead. Op. cit., III, p. 194.
[150] R. F. Salisbury. Op. cit., p. 52.
[151] Ibid., p. 15.
[152] Ibid., p. 16, 17.
[153] См., например, R. F. Salisbury. Op. cit., p. 12—14.
[154] M. Meggitt. The Enga..., p. 264.
[155] M. Reay. Op. cit., p. 51.

описывает далее постепенный процесс включения семьи новосела в социальную структуру общины, указывая, что уже внуки иммигранта «растут, как дети урожденного члена общины», получают все права и несут все обязанности урожденных общинников, ничем от них не отличаясь [156].

Благодаря такому порядку любой папуас может быть включен в систему родства любой общины, хотя бы в действительности он не являлся даже отдаленнейшим родственником общинников. Быть ему членом общины или не быть — это зависит от тех или иных интересов самой общины. Адоптация, или, скажем, ассимиляция, общиной новых, по крови чуждых ей членов — это не спорадические явления в жизни папуасских общин, но постоянно происходящий процесс. В области центральных нагорий, например, до недавнего времени был широко распространен обычай адоптации в род захваченных в плен малолетних детей, причем последние, вырастая, становились полноправными членами родовой общины своих приемных родителей [157]

С этим же стремлением рассматривать всех членов общины как близких родичей связана тенденция к «выпрямлению» и «упрощению» родословных каждого папуаса, к искусственному «слиянию» генеалогических линий, ведущих к старшим поколениям, вследствие чего действительное родство между людьми одного поколения в общине совсем не такое близкое, каким его считают сами папуасы. Так, миньи твердо уверены, что члены каждого суб-субклана (по терминологии М. Рэй, группа кровных родичей, имеющая в своем составе обычно до 20, изредка до 40 и более мужчин), в том числе и иммигранты-новоселы, неизменно ведут свое происхождение от некоторой пары братьев. Однако, когда М. Рэй попыталась определить точные генеалогии всех и каждого члена каждого суб-субклана, ей это не удалось [158].

В чем же тут дело? Казалось бы, что отношения, установившиеся между папуасами в процессе производства материальных благ, не связаны причинно как с перечисленными, так и со всеми прочими узами кровного родства и свойства. Ведь для того, чтобы процесс общественного производства мог осуществляться, совершенно безразлично, будут или нет участники этого процесса в родстве друг с другом. Почему же папуасы мыслят социальные связи, в том числе производственные отношения, именно в терминах кровного родства и свойства?

Чтобы ответить на поставленный вопрос, следует непосредственно обратиться к социальным связям иного, непроизводственного характера, а именно к совокупности брачно-семейно-родовых отношений. Как и во всяком доклассовом обществе, брак, семья и род — это триединый институт папуасского общества,

[156] Ibidem.

[157] G. Vlcedom. Op. cit., Bd. II, S. 180.

[158] M. Reay. Op. cit., p. 38—40.

основная задача которого обеспечивать существование общины во времени, поддерживая ее численность на уровне, обеспечивающем непрерывность процесса общественного воспроизводства, и поставляя для этого необходимую по качеству рабочую силу.

Главную массу производительных сил всякого доклассового общества, в том числе и папуасского, составляют люди, их рабочая сила. Эта последняя может успешно функционировать лишь в том случае, если люди, ее образующие, будут действовать согласованно и дружно, постоянно сотрудничая и помогая друг другу. Но кто постоянно сотрудничает и помогает друг другу в папуасском обществе? Прежде всего члены одной общины, одной деревни, совместно осуществляющие весь процесс общественного производства материальных благ и совместно же воспроизводящие на свет и воспитывающие новое поколение. Производство средств существования и воспроизводство нового поколения не отграничены здесь друг от друга. Близкие родственники всегда вместе — таков естественный ход вещей. Он-то и осмысливается папуасами так, что любые отношения между людьми понимаются и толкуются ими в терминах кровного родства и свойства, и, если те или иные отношения не обнаруживаются сами собой как родственные, их искусственно укладывают в систему родственных отношений и толкуют как таковые.

Основной ячейкой папуасского общества, производящей новое поколение, является семья. Именно здесь рождаются и получают начальное трудовое и социальное воспитание дети [159] Если вспомнить, что семья также и социальная ячейка, через которую производится распределение основной массы совокупного продукта общины, то станет очевидным, сколь велико значение семьи.

Брачные связи у папуасов регулируются в первую очередь институтом экзогамии. Стычки соперничающих искателей руки, измена в браке, уход женщины от мужа в ее родную общину или к другому мужчине, обещание общины женщины выдать ее за другого, попытка расторгнуть сговор и вернуть плату за невесту, возмущение потерей жены и платы за невесту, наконец, похищение женщин [160] — вот неполный перечень причин, вызывающих отнюдь не редкие у папуасов столкновения из-за женщин. Один только этот перечень показывает, как остро стоит эта проблема в папуасских общинах. Не случайно раскрытый адюльтер неизменно карается изгнанием виновных из общины [161]. У папуасов, так же, как и в любом другом доклассовом обществе, было и есть только одно средство свести конфликты из-за женщин к минимуму, во всяком случае внутри общины. Средство это — запрет бра-

[159] Воспитанию детей в семье и общине папуасов квома посвящена не раз уже здесь цитировавшаяся книга: J. W. M. Whiting. Becoming a Kwoma, к которой мы и отсылаем читателей.

[160] См., например, P. Brown and H. C. Brookfield. Op. cit., p. 40.

[161] См., например, M. Reay. Op. cit., p. 40.

ков внутри коллектива, осуществляющего производство жизни Патрилокальность брака при патрилинейном счете родства приводит к тому, что мужчины — родичи по мужской линии, связанные наиболее близкими кровными узами, составляют агнатное ядро общины, будучи хранителями общинной традиции и восприемниками производственного, социального и духовного наследия своих дедов и отцов. В то же время женское население общины все время меняется: сестры и дочери мужчин уходят в другие общины, а в общину приходят в качестве жен женщины из других общин. Отметим, кстати, что у папуасов экзогамная группа, т. е. род, или включает в себя всех кровных родичей общины и их замужних сестер (находящихся, естественно, в других общинах), или охватывает кровных родичей и их замужних сестер целой группы общин. Так, экзогамная группа миньи (клан по терминологии М. Рэй) состоит из нескольких субкланов, каждый из которых объединяет кровных родичей целой общины и их замужних сестер [162]. Таким образом, муж и жена всегда происходят из разных общин и даже порой из разных групп общин, и жена — чужак в общине мужа. Было бы неверным, однако, рассматривать брак в папуасском обществе как социальный институт, связывающий двух лиц, непреодолимо чуждых друг другу. Наоборот, заключение браков приводит к установлению тесных родственных уз не только между мужем и женой, но также между мужем и родичами его жены, прежде всего ее родителями и братьями. При этом родственные узы свойства в глазах папуасов не менее прочны, чем узы кровного родства, и порой даже превозмогают последние. Не случайно Г Бейтсон посвятил исследованию отношений свойства у папуасов ятмул целую книгу [163]. «Поведение брата жены,— пишет М. Рэй о миньи,— идентично с тем, которое в идеале приписывается родному брату... Теснейший союз между двумя мужчинами (автор имеет в виду внеобщинные связи.— *В. Б.*) — это отношения братьев по браку» [164].

Кстати сказать, в папуасских общинах далеко не так уж редки случаи, когда, скажем, поссорясь со своими сообщинниками или по какой-либо другой причине, мужчина вместе с семьей уходит в общину родителей своей жены [165]. Если община, далее, оказывается разбитой в вооруженном столкновении с врагом и члены ее, спасая жизнь, вынуждены бежать на чужую территорию, то папуасы всегда ищут защиты и крова в тех дружеских общинах, с которыми хотя бы некоторые из них связаны узами свойства. И беглецы-изгнанники всегда находят здесь покровительство и защиту, пищу и кров. Затем им выделяют участки земли под

---

[162] M. Reay. Op. cit., p. 28—32, 43—44.

[163] G. Bateson. Naven. 2-nd. ed. Stanford (California), 1958.

[164] M. Reay. Op. cit., p. 63, 69.

[165] Ibid. p. 37; G. Vicedom. Op. cit., Bd. II, S. 5; M. Mead. Op. cit., III, p. 212

огороды, дают свиней на развод, помогают построить дома и т. д.[166] За это община-покровитель получает жен из числа девушек-беглянок и высоко ценимые нагрудные украшения из раковин, если те, конечно, сохранились[167] Иногда беглецы живут на территории приютившей их общины или группы общин, пока не окончатся вооруженные действия, после чего они возвращаются в родные места[168]. Но бывает и так, что они остаются на своей новой родине навсегда и постепенно ассимилируются общиной покровителей[169].

Каждый папуас исправно посещает родителей и братьев своей жены, и, наоборот, они посещают его дом. Когда к папуасу сианэ, пишет Р. Солсбери, «приходит с визитом „ниамфа" (муж дочери или отец жены.— *В. Б.*), его исступленно обнимают и восхваляют, сажают его на чистые нары и натирают маслом. Когда он уходит, ему преподносят подарок, который, однако, должен быть позже отдарен»[170]. Свойственники помогают друг другу в работе[171], обмениваются по различным поводам подарками[172], являются взаимными агентами при межобщинном обмене[173], участвуют совместно в обрядах и церемониях[174], помогают собрать необходимый пай-взнос при сборе платы за невесту, при накоплении пищи для последующего распределения на пиршестве[175] и т. п.

Короче говоря, связи между папуасами, соединенными узами свойства, проявляются в самых различных сферах их производственной, социальной и духовной жизни, и это — что очень существенно для понимания всей социальной структуры папуасского общества — главным образом межобщинные связи.

Если теперь собрать воедино всю совокупность отношений кровного родства и свойства, то каждый папуас окажется как бы центром взаимно пересекающихся уз родства, которыми определяется его подлинное место в производстве и обществе. Выражением и своего рода кодификацией этих отношений служат несколько варьирующие в деталях, но по существу мало чем отличаю-

---

[166] G. Vicedom. Op. cit., Bd. II, S. 50—51, 82.

[167] M. Reay. Op. cit., p. 7.

[168] G. Vicedom. Op. cit., Bd. II, S. 51; P. Brown and H. C. Brookfield. Op. cit., p. 42.

[169] M. Reay. Op. cit., p. 27.

[170] R. F. Salisbury. Op. cit., p. 24.

[171] G. Vicedom. Op. cit., Bd. II, S. 13; R. F. Salisbury. Op. cit., p. 53—54, 60, 85—86; M. Reay. Op. cit., p. 63; P. Brown and H. C. Brookfield. Op. cit., p. 48—49.

[172] R. F. Salisbury. Op. cit., p. 128, 156; R. Berndt. Op. cit., p. 43.

[173] G. Vicedom. Op. cit., S. 82—83; P. Brown and H. C. Brookfield. Op. cit., p. 10.

[174] P. Brown and H. C. Brookfield. Op. cit., p. 9—10, 48, 49, 54; M. Reay. Op. cit., p. 63.

[175] P. Brown and H. C. Brookfield. Op. cit., p. 10; R. F. Salisbury. Op. cit., p. 76.

щиеся друг от друга системы классификационного родства. При этом каждой категории родства соответствуют вполне определенные, взаимные для лиц, связанных именно этим родством, обязательства по отношению друг к другу [176] Эти взаимные обязательства, как и сами системы родства, их выражающие, охватывают гораздо более широкий круг лиц, чем тот, который заключен в рамках папуасской общины [177]. Но основной ячейкой генерации уз родства в папуасском обществе является экзогамная группировка — род [178]. Вот почему общество папуасов — это родовое общество, т. е. общество, организованное на основе уз кровного родства и свойства.

При относительно слабом развитии материально-технической базы главным условием обеспечения непрерывности земледельческого производства в папуасских общинах является достаточное количество рабочей силы. Не удивительно, что вся сфера производства самого человека в целом и отношения по производству человека в частности оказываются доминирующими в социальной структуре папуасского общества и что даже чисто экономические, производственные отношения выступают в оболочке отношений родства.

Посмотрим теперь, как вторгается земледельческое производство в сферу отношений по производству самого человека. У папуасов основной ячейкой общественного производства и земледельческого производства, в частности, является община, численность которой определяется максимальной хозяйственной функцией. Нетрудно убедиться, что вся система брачно-семейно-родовых отношений подчинена задаче поддержания численности общины на необходимом уровне.

Даже экзогамные границы меняются вслед за изменением общинных границ. Так, по данным М. Рэй, у миньи, когда численность клана сильно возрастает (приближаясь к 1000 или перевалив за нее), происходит его расчленение на две части, которые начинают обмениваться между собой женами [179]. Здесь в сущности мы наблюдаем процесс образования двух кланов, двух экзогамных группировок из одной. К. Томас пишет о том, что у папуасов ванимо спустя некоторое время после разделения общины на две части становятся возможными браки между этими частями [180].

---

[176] Подробно о системах родства у папуасов см.: Ю. М. Лихтенберг. Системы родства папуасов Новой Гвинеи.— В сб.: «Проблемы истории и этнографии народов Австралии, Новой Гвинеи и Гавайских островов», стр. 190—199.

[177] Это явление очень удачно охарактеризовала в своей работе М. Мид (M. Mead. Op. cit., III, p. 217).

[178] Община состоит из семей, род — из кровных родственников или только по мужской, или только по женской линии. Уже по одному этому совпадение рода с общиной невозможно ни при каких обстоятельствах, и папуасы не составляют исключения.

[179] M. Reay. Op. cit., p. 29.

[180] K. H. Thomas. Notes on the natives of the Vanimo coast.— «Oceania», 1941 vol. XII, N 2, p. 177.

Папуасы нарегу сообщили П. Браун, что старейшины кланов могут отменить экзогамный запрет между двумя группами папуасов [181]. Нередки случаи и обратного свойства. Д'Арси Райен сообщает, например, что папуасы долины р. Менди в 1950 г. решили запретить браки между тремя соседними общинами, тогда как до этого такие браки не только разрешались, но и поощрялись [182]. В случаях адоптации, о которых уже говорилось, на приемыша распространяются те же нормы экзогамии, что и на родных детей его приемных родителей.

Все сказанное свидетельствует о том, что принадлежность папуаса к определенной экзогамной группировке определяется в конечном счете его принадлежностью к конкретной родовой общине. Другими словами, институт экзогамии в обществе папуасов как бы включен в систему социально-экономических отношений.

Тесная взаимосвязь отношений по производству самого человека и отношений по производству материальных благ четко проявляется и в порядке заключения браков: брак у папуасов заключается между общинами, а не между отдельными лицами. Н. Н. Миклухо-Маклай очень образно описал это в своем дневнике. Невесту, девушку по имени Ло из деревни Гумбу, приводят торжественно в Бонгу, деревню ее жениха, имя которого Мукау. Жители Бонгу один за другим кладут перед невестой многочисленные и разнообразные подарки: деревянные блюда, плетеные мешки, женские передники, копья и т. п. Затем к невесте поочередно подходят старики и дают ей публичные наставления. «Все шло, как по заученной программе: видно было, что обычай так уже установился, что каждый твердо знал свою роль... Собственно невеста и жених были совершенно на втором плане, и старик Гума — одно из главных действующих лиц — забыв имя жениха, обратился к присутствующим, чтобы узнать его, что было принято однако ж не без смеха... Я узнал, что все вещи, послужившие для покупки Ло, были даны туземцами Бонгу вообще, а не только родственниками Мукау, и в свою очередь они не пойдут единственно в семью невесты, а будут распределены между всеми жителями Гумбу» [183]. Из приведенного описания видно, что плата за невесту непосильна не только для отдельной семьи, но даже и для нескольких семей. Лишь община в силах собрать требуемое количество предметов и пищи. Если мужчина женится, пишут о нарегу П. Браун и Х. Брукфилд, то жители всей деревни собирают плату за невесту. Сначала выходят вперед и выкладывают свой пай ближайшие агнатные родичи жениха, затем члены его суб-субклана, затем члены других суб-субкланов субклана жениха. Иногда в сборе платы за невесту участвуют также родичи жениха по матери, свояки его родичей по отцу и даже просто

[181] P. Brown and H. C. Brookfield. Op. cit., p. 56.

[182] D' Arcy J. Ryan. Clan organization, p. 87.

[183] Маклай, т. II, стр. 339—341; см. также т. III, ч. I, стр. 433, 434.

друзья жениха из его клана[184]. Сходным образом собирается плата за невесту и у сианэ[185]. При заключении брака у сианэ, указывает Р. Солсбери в другом месте, клан жениха и клан невесты выступают, как если бы «каждый из них был неделимым целым, в котором индивидуумы не имеют никакого значения... Теоретически говоря, клан невесты ничего не знает о женихе как о личности, кроме того, что он член своего клана, и в свою очередь, клан жениха не имеет представления о семье невесты... Ни одна из сторон не интересуется, как будут распределены свиньи и ценности после того, как они переданы другой стороне»[186]. Даже Ф. Уильямс, вообще склонный переоценивать экономическую роль семьи за счет общины, вынужден был признать, что «обычный брак — это не только контракт между мужчиной и женщиной, но экономически сделка между двумя кланами»[187].

Здесь следует подчеркнуть, что, хотя формально сторонами при заключении брака являются экзогамные группировки — кланы, фактически сторонами оказываются сами общины. Во-первых, в передаваемые другой общине подарки вложен труд не только членов клана, но и других общинников. Кстати сказать, если община в лице ее агнатного ядра не захочет или не сможет внести установленной платы, то брак не состоится. Во-вторых, в переходе женщины в общину клана ее мужа заинтересованы все члены обеих общин, а не только агнатные родичи брачущихся кланов.

Выше мы показали, что хозяйственная деятельность папуасской семьи целиком определяется нуждами общинной экономики. Порядок заключения браков неопровержимо обнаруживает, что папуасская семья полностью подчинена общине с самого момента своего возникновения. Все это свидетельствует о том, что, вопреки доводам многих этнографов (М. Мид, Ф. Уильямса и др.), папуасской семьи как экономически самостоятельной и обособленной ячейки не существует в природе. По справедливому мнению Г Фицедома, «говорить о замкнутой семейной жизни» у папуасов горы Хаген вообще не приходится»[188]. А Р. Солсбери, посвятивший всю книгу анализу экономических институтов сианэ, без обиняков говорит, что «при обсуждении экономически значимых групп элементарная семья может быть игнорирована»[189].

Уже указывалось на многочисленные и разносторонние связи, возникающие при установлении уз родства между общинами. Очевидно, чем с бо́льшим числом других общин связана данная община через браки своих общинников, тем прочнее ее экономическое и социальное положение, тем шире ее обменные связи, тем

---

[184] P. Brown and H. C. Brookfield. Op. cit., p. 32.
[185] R. F. Salisbury. Op. cit., p. 94.
[186] Ibid., p. 28, 29.
[187] F. E. Williams. Orokaiva society, p. 140.
[188] G. Vicedom. Op. cit., Bd. II, S. 73.
[189] R. F. Salisbury. Op. cit., p. 18.

надежнее ее безопасность и обороноспособность. Но главное все-таки в том, что каждый новый брак увеличивает численность общины, а значит, и ее рабочую силу как в настоящем, так и в потенции. Каждая папуасская община самым непосредственным образом заинтересована в сохранении своей численности и в критических случаях сразу же прибегает к адоптации мальчиков из других общин [190]. Какое важное значение придает община сохранению своей рабочей силы на оптимальном уровне, видно и из других фактов. Так, о чем уже говорилось выше, в папуасских общинах не редки случаи, когда мужчина уходит со своей семьей в другую общину. Очевидно, такие уходы крайне невыгодны для общины эмигранта. Ведь последняя теряет при этом воина и рабочую силу. Кроме того, община эмигранта уплатила в свое время немалые средства другой общине за жену ушедшего папуаса и понесла тем самым существенные расходы. Материальный урон настолько очевиден самим папуасам, что у них установился обычай, по которому община эмигранта вправе настаивать на его возвращении, а если это не удается, то требовать от общины, принявшей его к себе, определенную материальную компенсацию или, по крайней мере, возмещения урона переселением в нее других людей [191]. Компенсация требуется и выплачивается таже в случаях усыновления, произведенного с согласия родителей: община, адоптировавшая, воспитавшая и вырастившая юношу, платит материальную компенсацию общине, в которой он родился [192]. По той же причине община заинтересована в привлечении новых членов, и переселенцы из других общин всегда приветствуются [193]. Нередко также адоптируются чужаки и сироты, похищаются женщины из отдаленных враждебных общин. Наконец, члены общины охотно привлекают к участию в своих работах свояков из соседних общин и протестуют, если кто-либо из членов общины решил отправиться на подмогу свояку в отдаленную общину, из-за чего он тем самым неизбежно выключится на некоторый срок из общинной жизни [194].

* * *

В свете приведенных фактов ясно, что отношения по производству самого человека в конкретных формах брака — семьи — рода образуют сложную, всеобъемлющую сеть социальных связей, весьма существенную как для функционирования самой папуасской общины, так и для регуляции межобщинных контактов и связей. При этом, однако, узы кровного родства и свойства

[190] См., например, M. Mead. Op. cit., III, p. 182, 188—190.

[191] См., например, M. Reay. Op. cit., p. 46, 47, 49.

[192] См., например, M. Brown and H. C. Brookfield. Op. cit., p. 10, 11.

[193] См., например, M. Reay. Op. cit., p. 40.

[194] См., например, M. Mead. Op. cit., III, p. 214.

переплетаются у папуасов с социальными отношениями по производству материальных благ, накладываются на последние, иногда даже как бы сливаются с ними.

Разобраться во всей этой кажущейся путанице можно, лишь сделав то, чего обычно не делают, а именно: произвести обстоятельный анализ общественного производства и в том числе отношений по производству материальных благ. Попытка такого анализа и была предпринята автором настоящей работы. Результаты анализа позволили отделить в социальной структуре папуасского общества то, что относится к общественному производству материальных благ, от того, что к нему не относится, и благодаря этому отличить производственные отношения от отношений по производству самого человека. И как только это было сделано, путаница обернулась стройной и по-своему строго логичной системой взаимообусловленных социальных связей.

В обществе доземледельческом, например у аборигенов Австралии или у бушменов Южной Африки, производство в собственном, подлинном смысе этого слова сводится по существу к изготовлению весьма ограниченного числа орудий и средств труда. Главная цель численно небольшой общины охотников и собирателей — добывание наличных в природе средств существования. Сама община всегда структурно проста. Эта группа нескольких, обычно родственных семей, постоянно передвигающаяся по территории обитания. Внутри такой общины нет сколько-нибудь значимого социального и имущественного неравенства [195].

У земледельцев все иначе: появилось новое средство труда — земля, благодаря чему материально-техническая база общества поднялась на новый качественный уровень. Для приведения в действие этой новой материально-технической базы требуется уже не добытчик, а земледелец, т. е. человек, для которого производство средств труда — главное и определяющее содержание его деятельности. Вследствие этого на смену структурно однородной общине охотников и собирателей пришла сложная, состоящая из нескольких групп семей община, в самой структуре которой заложена возможность социального и имущественного неравенства, а значит, и причина будущих социальных антагонизмов. Ничего подобного не было и не могло быть в доземледельческой общине.

Другими словами, земледелие не только вызывает перестройку производственных отношений как таковых, но и использует подспудно социальную структуру, возникшую в связи с производством самого человека, как еще один механизм, обслуживающий производство материальных благ, что в свою очередь стимулирует ускоренное развитие производства и общества. Но это уже следующий этап культурно-исторического процесса.

---

[195] Подробнее об общине охотников и собирателей см. в статье В Р Кабо в настоящем сборнике.

Ю. В. МАРЕТИН

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ОБЩИНЫ В ИНДОНЕЗИИ

Индонезию населяют многие родственные народы, находящиеся на разном уровне общественной эволюции. Наряду с высокоразвитыми народами, уже сложившимися в нацию и стоящими на пути к капитализму, многие народности до настоящего времени сохраняют ряд черт архаической общественной организации и культуры. В стране также имеются многочисленные этнические группы, находящиеся на родо-племенной стадии развития [1].

На пестроту и многоукладность социальной жизни в Индонезии обращали внимание все занимавшиеся этнографией этой страны специалисты. Так, М. Джаспан насчитывает там ряд резко отличных друг от друга структур: «От общества бродячих кубу на Суматре с фактическим отсутствием у них социальной стратификации до... капиталистического общества в современных коммерческих и индустриальных городах — Джакарте, Сурабае и Бандунге» [2]. Голландский исследователь К. фан Фолленхофен полагал, что в Индонезии существует четыре основ-

---

На «Карте народов Индонезии, Малайи и Филиппин», изданной Институтом этнографии АН СССР в 1962 г., показано около 150 основных этнических единиц (М. Я. Березина, С. И. Брук. Население Индонезии, Малайи и Филиппин. Приложение к «Карте народов». М., 1962, стр. 80—82). Однако число их, по-видимому, значительно больше. Индонезийский исследователь А. Симанджунтак пишет, что Индонезийский архипелаг «населен более чем 300 этническими группами, каждая из которых имеет свой собственный язык, культуру, традиции, образ жизни, искусство и т. д.» (A. Simandjuntak. Social research in Indonesia.— «UNESCO. International Social Science Journal», vol. XIII, 1961, N 2, p. 305). Список этнических групп Индонезии, составленный австралийским ученым М. Джаспаном, долгое время работавшим в Индонезии, включает более 360 названий (M. A. Jaspan. A provisional list of Indonesian ethnic groups.— «Sociograli Indonesia», vol. I. Djogjakarta, 1959, N 1, hal. 75—90). Но и эти данные не являются окончательными, и предстоит еще большая работа по этнической классификации народов Индонезии.

[2] M. A. Jaspan. Social stratification and social mobility in Indonesia. Djakarta, 1961, p. 21.

ных типа социальной организации, которые, по его мнению, подразделяются на семь подтипов[3]. Другой голландский ученый Б. тер Хаар, основываясь на степени развитости родовых и соседских отношений, выделил 12 типов общинной организации (помимо ряда переходных и дополнительных, по его определению, форм)[4].

Сохранение до наших дней этой сложной этнической и социально-экономической картины связано как со специфическими географическими условиями (островная среда, замкнутые и труднодоступные для контактов внутренние районы островов при широких внешних связях в прибрежных), так и с особенностями исторического развития в древности и в средние века (наличие нескольких культурно-политических центров и обширных периферийных территорий). В новое и новейшее время этому отчасти способствовало длительное господство голландцев, которые в интересах эксплуатации страны стремились законсервировать общественный строй у народов Индонезии[5].

Исследование структуры и особенностей общины каждого типа имеет не только научное, но и практическое значение для стран, в которых сохраняются общинные отношения в деревне, в том числе и для Индонезии, где в наши дни из более чем 110-миллионного населения страны до 80% живет в деревне, в условиях сохранения или недавнего существования общины. После провозглашения в 1945 г. Республики Индонезии ее правительство стремилось использовать некоторые общинные традиции, в первую очередь традиции взаимопомощи — готонг-ройонг — для решения назревших аграрных проблем, в частности для создания кооперативов[6]. На важную роль общины в современной Ин-

[3] C. van Vollenhoven. Het adatrecht van Nederlandsch-Indië, 2de herdruk, d. I. Leiden, 1931, blz. 133—147. Вместо понятия «община» автор чаще всего употребляет либо dorp, т. е. «деревня», либо gemeenschap и rechtsgemeenschap, т. е. «общность» и «правовая общность». В большинстве случаев мы можем предполагать, что под термином «gemeenschap» подразумевается община в социально-экономическом и этнографическом смысле.

[4] B. ter Haar. Adat law in Indonesia. Transl. from Dutch. New York, 1948, p. 60 ff. etc.

[5] Д. Вудмэн пишет, что голландцы «проповедовали необходимость сохранить адатные законы и конструировали чрезвычайно сложную систему из 19 адатных зон для того, чтобы сохранить разнообразие правовых и социальных обычаев по всей стране» (D. Woodman. The Republic of Indonesia. London, 1956, p. 151). Речь идет об «адатных зонах» — adatrechtskringen, выделенных основателем так называемой школы адатного права Индонезии К. фан Фолленхофеном.

[6] В 1954—1956 гг. была разработана программа «Пембаигунан машаракат деса» (ПМД), название которой переводят как «развитие деревенского общества» или как «развитие сельских общин». О программе кооперации в индонезийской деревне см. Ю. Г. Александров. Политика Республики Индонезии в сельском хозяйстве. М., 1964, стр. 104—110; П. Г. Аианьев. Сельское хозяйство современной Индонезии. М., 1965, стр. 155—169 и сл.; Я. Н. Гузеватый. Экономика современной Индонезии. М., 1960, стр. 89, 90. Общинный принцип «готонг-ройонг» (взаимопомощь) лег в основу учения об «индонезийском социализме» (см. А. И. Ионова. Индонезийская буржуазия и рабочий класс (1945—1960 гг.). М., 1966, стр. 109, 110).

донезии указывают коммунисты[7], представители революционных кругов буржуазии[8] и даже правобуржуазного крыла[9]. Общиной все пристальнее начинают заниматься индонезийские ученые. Вопрос этот в настоящее время привлекает также широкое внимание зарубежных ученых[10].

Изучение индонезийской общины, разработка ее типологии, т. е. классификация по типам, отражающим поступательное развитие народов Индонезии, необходимы не только для освещения комплекса проблем, связанных с социальной организацией индонезийских народов. Это может оказать существенную пользу при решении общетеоретических проблем этнографии, в частности проблемы периодизации общества на ранних этапах его развития[11]. Марксистский анализ социальных структур, встречающихся или встречавшихся в недавном прошлом в Индонезии, позволяет вполне отчетливо выделить несколько главных типов. Поскольку на ранних этапах истории человечества в основе общественной структуры лежит община, проходящая в своем развитии через несколько этапов, то ее типология может послужить основой типологии социально-экономической структуры в целом.

Наконец, есть еще одно обстоятельство, которое требует самого глубокого и неотложного внимания к социальной организации отдельных индонезийских народностей, а именно: исчезновение многих институтов до того, как они становятся ясными науке. В ранний период колониального господства колонизаторами были истреблены целые народности и племена (например, коренное население островов Банда). Тем самым их культура как самобытный комплекс функционально связанных элементов оказалась для науки безвозвратно утерянной. Утеряны были и особенности общественного строя. В дальнейшем вторжение капиталистических отношений также нанесло удар по старым общинным традициям, вызвав исчезновение многих институтов.

Исследователя ожидают очень большие трудности из-за недостаточности материалов об общине[12], полной неисследован-

---

[7] О позиции компартии Индонезии см. в кн.: Ю. А. Сотников. Сельское хозяйство и аграрный вопрос (в Индонезии).— «Республика Индонезия. 1945—1960». М., 1961. стр. 294—297.

[8] Bung Karno (Sukarno). Manifesto Politik Republik Indonesia. Tjet. ke-4. Djakarta, 1963, passim.

[9] M. Hatta. The cooperative movement in Indonesia. New York, 1957.

[10] Например, «Villages in Indonesia», ed. by R. M. Koentjaraningrat, Ithaca, 1967. См. обзор индонезийских, европейских и американских работ в кн.: M. A. Jaspan. Social stratification and social mobility in Indonesia.

[11] Предварительные выводы по типологии индонезийской общины были нами изложены в докладе на VII Международном конгрессе антропологов и этнографов (Ю. В. Маретин. Община и ее типы в Индонезии. М., 1964).

[12] Если голландские авторы-правоведы, специально занимавшиеся индонезийскими общинами (а им принадлежит безусловный приоритет в изучении этой проблемы), ставили главной своей целью освещение правовых и административных вопросов и некоторых

ности отдельных индонезийских народностей, особенно в восточных районах страны, из-за недостоверности многих вошедших в научный оборот данных, наконец, из-за того, что нет еще работ, восстанавливающих социальную историю тех народов, которые сейчас находятся на более высоких ступенях общественного развития. Тем не менее имеющиеся материалы позволяют провести в общем виде классификацию типов индонезийских общин в их стадиальной последовательности.

* * *

Изучение общины у различных народов Индонезии показывает, что ее эволюция шла, как и повсюду в мире, от общины, основанной на родственных связях, к соседской [13]. При этом на ранних этапах узы родства играли настолько значительную роль, что отношения внутри общины заслонялись (и нередко подменялись) ими. Это происходило вследствие того, что кровнородственные связи в первобытной общине имели не только биологический, но и прежде всего социальный характер. Община выступала и как производственный коллектив, и как институт, осуществляющий право, регулирование брачно-семейных отношений, отправление культа и т. д. На более же поздних этапах своего существования община постепенно утрачивает характер базиса, сохраняя лишь некоторые элементы, относящиеся к сфере надстроечных институтов. В силу конкретно-исторических и географических условий, отличающихся в разных районах Индоне-

---

сторон экономической жизни в них, то исследователи-этнографы, изучавшие социальную организацию индонезийцев в целом, обращали преимущественное внимание на проблемы, связанные с родо-племенными и семейно-брачными отношениями и их отражением в адате, и лишь вскользь касались общинных проблем в Индонезии. Ряд ученых выдвигает в качестве основы социальной организации большую семью. Так, например, голландские этнографы Б. Алкема и Т. Беземер пишут: «Мы можем вполне утверждать, что на Индийском архипелаге общество построено на базе большой семьи (familie)» (см. B. Alkema en T. J. Bezemer. Volkenkunde van Nederlandsch-Indië. Haarlem, 1927, blz. 46). Под большой семьей (familie) названные авторы подразумевают группу лиц, связанных по происхождению с реальным родоначальником, а под малой семьей (gezin) имеют в виду группу из отца, матери и детей. Общим недостатком работ по индонезийской общине, за исключением ряда работ последних двух-трех десятилетий, является то обстоятельство, что в описаниях индонезийских деревень нет четкого различия между генеалогическими и территориальными группировками внутри этих деревень, а функции и взаимоотношения тех и других группировок либо изложены очень неясно, либо просто перепутаны.

Подобный недостаток свойствен не только индонезийским материалам, но и широкому кругу литературы об общине у отсталых народов, на что обратили внимание советские сибиреведы Б. О. Долгих и М. Г. Левин (см. Б. О. Долгих и М. Г. Левин. Переход от родо-племенных связей к территориальным в истории народов Северной Сибири.— В сб.: «Родовое общество». М., 1951, стр. 107).

[13] Вопрос о том, как в результате ослабления родовых уз возникает сначала семейная, а затем и соседская (сельская) община, впервые глубоко был исследован М. М. Ковалевским в работе «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения» (М., 1878).

зии большим своеобразием, устойчивость во времени отдельных элементов надстройки у различных племен и народностей неодинакова. Более стойкими в ранних общинах, как правило, оказываются институты, связанные с кровнородственными отношениями, например с филиацией, фиксирующей положение лица в обществе и в роде [14]. Материалы мировой этнографии показывают, что эволюция (равно как и распад) родовых и общинных связей протекает далеко не всегда синхронно, и часто узы родства, пережитки родовых отношений оказываются более живучими, чем связи общинные.

Покрывало родовых отношений так плотно окутывает жизнь многих индонезийских общин, что значительная часть народов, сохраняющих родо-племенную структуру, не имеют специальных названий для общины, хотя родо-племенная терминология у них очень подробна и сложна. Говоря об общине, население обычно употребляет местный термин «деревня», подразумевая под этим основное поселение и отделившиеся от него выселки. Вместе с окружающими ее землями деревня образует территориальные и юридические границы общины.

В социальной организации большинства индонезийских народностей вплоть до наших дней отчетливо прослеживаются пережитки родо-племенного дуального деления со следами либо патри-, либо матрилинейных родов [15]. Часто у некоторых народностей и племен наряду с сохранением дуальной системы встречаются черты союза трех родов. В этом последнем случае можно наблюдать или восстановить для недавнего прошлого строго отрегулированный характер отношений между брачущимися родами (обычно в форме отношений между подродами или иными подразделениями разросшихся первоначальных родов, например «кольцевой брак», свойственный трехродовому союзу). Голландский исследователь Й. де Йосселин де Йонг, изучавший кольцевой союз родов в Индонезии, отмечал, что односторонние брачные отношения с двумя другими членами «тройки» сопровождаются определенными экономическими и социальными отношениями [16].

[14] Причины сохранения пережитков материнского рода в высокоразвитых обществах, в том числе и у некоторых народов Индонезии (например, у минангкабау), широко и с разных точек зрения обсуждаются в научной литературе (см., например, С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 329, прим. 1; G. J. Terra. Some sociological aspects of agriculture in South-East. Asia.— «Indonesië», 'sGravenhage, 6-de jaarg., 1952—1953, N 4-5).

[15] R. M. Koentjaraningrat. Beberapa metode anthropologi dalam penjelidikan-penjelidikan masjarakat dan kebudajaan di Indonesia. [Djakarta, 1958], hal. 256—307, 368—427; G. A. Wilken. Over de verwantschap en het huwelijks- en erfrecht bij de volken van het Maleische ras.— G. A. Wilken. De verspreide geschriften, d. I. Semarang [e. a], 1912, blz. 287—406; А. М. Золотарев. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964, стр. 218—220.

[16] J. P. de Josselin de Jong. Maleische Archipel als etnologisch studieveld. Leiden, 1935, blz. 6. См. также J. P. Duyvendak. Inleiding tot de ethnologie van de Indonesische Archipel. 5-de druk. Djakarta — Groningen, 1965, blz. 102, 103; H. T. Fischer.

Картина усложняется вследствие того, что даже в обществах с выраженной однолинейностью, т. е. имеющих либо патри-, либо матрилинейную филиацию, тем не менее существуют группы, связывающие кровных родственников по другой линии и сохраняющие определенные социальные и ритуальные обязанности [17].

Не вдаваясь в анализ всех этих отношений, отметим, что как дуальная, так и триальная системы накладываются на том или ином уровне своего развития (или распада, что в данном контексте не имеет значения) на общинную организацию, вплетаются в систему отношений, свойственных общине как таковой. Тем самым такая община превращается в чрезвычайно сложный социальный организм, основой которого являются производственные отношения, подкрепленные родовыми связями входящих в общину генеалогических коллективов [18].

У ряда народностей Индонезии, находящихся на одном и том же уровне общественного развития и при одинаковой степени развития производительных сил, мы встречаем формы как материнского, так и отцовского рода, что накладывает свой отпечаток и на общинные формы. В то же время в ряде случаев материнско-родовым отношениям соответствует более высокий уровень развития производительных сил и некоторых элементов общественной организации, чем отцовско-родовым, и наоборот. Картина усложняется тем, что некоторые народности имеют билатеральный счет родства (т. е. счет родства по отцу и матери), хотя уровень их социально-экономического развития не всегда одинаков. Это явление требует самого серьезного и скрупулезного изучения с привлечением материалов по возможно большему числу районов и народов земного шара. Пока же несомненно, что, во-первых, филиация (т. е. отношения родства, передача имени и имущества по наследству и пр.) является формой не производственных, а семейно-брачных отношений (оказывающих лишь некоторое влияние на производственные отношения) и, во-вторых, что в процессе развития общинной организации филиации принадлежит второстепенная роль.

Inleiding tot de culturele anthropologie van Indonesië. 3-de druk. Haarlem, 1952, blz. 113—121. Из советских ученых распространение трехродового союза в Юго-Восточной Азии исследовал Д. А. Ольдерогге. (Д. А. Ольдерогге. Трехродовой союз в Юго-Восточной Азии.— «Советская этнография», 1946, № 4, стр. 171—186; Кольцевая связь родов или трехродовой союз (Gens triplex).— «Краткие сообщения Института этнографии», вып. I, 1946, стр. 23—25).

[17] P. E. de Josselin de Jong. Minangkabau and Negri-Sembilan. Socio-political structure in Indonesia. Djakarta, 1960, p. 84—93; H. T. Fischer. Op. cit., p. 113—121.

[18] Наличие подобных общин с переплетением различного типа родовых связей с территориальными универсально для соответствующей ступени развития (см., например, И. М. Дьяконов. Община на древнем Востоке в работах советских исследователей.— «Вестник древней истории», 1963, № 1, стр. 24—26; Ю. П. Аверкиева. Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки.— «Труды Института этнографии», т. LXX, 1961 и др.).

Из сказанного выше с несомненностью следует, что в основу изучения общественной организации необходимо класть совокупность коренных базисных признаков, учитывая, разумеется, и комплекс надстроечных явлений, имеющих существенное — а на ранних этапах подчас и определяющее — влияние на структуру общины.

Другим важным условием изучения последовательных этапов развития индонезийской общины является необходимость проводить это изучение не только на материале различных народностей, но и во всем многообразии переходных форм и вариантов у каждой из этих народностей, складывающихся на отрезке времени, доступном исследованию, с учетом факторов, влияющих на развитие общины, наконец, в динамике развития, когда тот или иной институт, развиваясь количественно, меняется качественно [19].

Исходным пунктом предлагаемой классификации индонезийских общин является принятое в марксистской теории положение о двух главных последовательных типах общины: родовой и соседской, а также о домашней общине, представляющей собой переходную ступень между родовой и соседской общинами (и рассматриваемой не изолированно, а в рамках большего коллектива, состоящего из нескольких подобных общин) [20]. Принимая за основу эти типы, являющиеся своеобразными узлами общинного развития, в Индонезии можно выделить ряд последовательных ступеней развития общины от раннеродовой к сельской (в том числе находящейся на грани исчезновения).

Ниже дана характеристика главных типов индонезийской об-

---

[19] Так, разросшаяся большая семья распадается на новые большие семьи, объединение которых, имеющее уже, как правило, не производственный, а генеалогический характер, может быть названо генеалогическим родом (или подродом), как это было предложено Д. А. Ольдерогге: см., например, выступление Д. А. Ольдерогге на дискуссии по проблеме родовой и сельской общины на древнем Востоке («Вестник древней истории», 1963, № 1, стр. 193), а, возможно, и патро- или матронимией (М. О. Косвен. Семейная община и патронимия. М., 1963, стр. 91 и сл.). Естественно, что лица, пришедшие в генеалогический коллектив по браку, не входят в его состав, но они являются членами большой семьи.

[20] Здесь уместно вспомнить методологические положения К. Маркса о разнообразии типов общины: «...архаическая общественная формация открывает нам ряд различных этапов, отмечающих собою последовательно сменяющие друг друга эпохи». И далее: «Не все первобытные общины построены по одному и тому же образцу Наоборот, они представляют собой ряд социальных образований, отличающихся друг от друга и по типу, и по давности своего существования и обозначающих фазы последовательной эволюции. Один из типов, который принято называть *земледельческой общиной*, и являет собой *русская община*» (К. Маркс. Черновики письма к В. Засулич.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 413 и 417; ср. также: Ф. Энгельс. Письмо К. Каутскому 2 марта 1883 г.— Там же, т. 35, стр. 376—378).

В силу того, что общества находятся в различной географической и исторической среде и сама община непрерывно изменяется, трудно провести четкую универсальную грань между различными типами общин. Надо иметь в виду также, что вследствие самых разнообразных причин отдельные народности не обязательно проходят все последовательные стадии развития общины.

щины, выделенных на основании целого комплекса признаков: уровня развития производительных сил и производственных отношений, сказывающихся на характере хозяйства, степени развития социальных отношений, семейно-брачных норм, типа поселений, наконец, элементов духовной культуры[21]. Естественно при этом, что значение отдельных признаков на каждом этапе развития общины было различным.

Самый ранний тип общинной организации в Индонезии — раннеродовая община бродячих и полуоседлых охотников, рыболовов и собирателей. Подобная организация до недавнего времени сохранялась — а в отдельных случаях и сейчас сохраняется — у некоторых племен Суматры (кочевые кубу, а также оранг-акиты, оранг-бенуа, оранг-утаны, оранг-рава и др., часто неправильно объединяемые под общим названием кубу), у остатков аборигенного населения островов близ восточного побережья Суматры (оранг-белумы, оранг-дараты), тоала Сулавеси (Целебес) и др.[22] Возможно, переходную ступень от данного типа общины к следующему являет собой община у пунанов Калимантана (Борнео).

Термин раннеродовая община представляется нам наиболее точным для обозначения данной стадии развития[23], ибо, как будет видно из дальнейшего, тенденцией развития обществ, стоящих, по нашей типологии, на раннеродовой стадии, было становление рода. Подобную тенденцию можно проследить даже в

---

[21] Этнографические характеристики многих племен и народностей, о которых далее пойдет речь, см. в кн: «Народы Юго-Восточной Азии». М., 1966, стр. 438—612.

[22] Из племен соседних стран на аналогичной стадии находятся семанги, сакаи и джакуны Малайи; аэта, мамаиун батаки Филиппин, селуны Бирмы, андаманцы.

[23] Этот термин имеет, на наш взгляд, преимущество в сравнении, например, с предложенным Н. А. Бутиновым термином «кровная община», ибо этот последний является слишком широким. Сам Бутинов, характеризуя общество на данной стадии развития как состоящее из кровных общин, пишет: «Такая характеристика охватывает и дородовое общество, и общинно-родовое...» (Н. А. Бутинов. К вопросу о социальной организации на стадии хозяйства присваивающего типа.— «Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Института этнографии АН СССР (Ленинградское отделение) за 1966 г.». Л., 1967, стр. 9). В нашей предварительной работе об индонезийской общине подобного рода община отнесена к «самому раннему типу общинной организации». Исходя из имеющейся в ней тенденции к сложению рода, мы употребляли в отношении ее термин «родовая», что сейчас представляется неточным (Ю. В. Маретин. Община и ее типы в Индонезии, стр. 7).

При рассмотрении племен, у которых существует раннеродовая община, следует учитывать то обстоятельство, что их этническая история исследована далеко не достаточно. Так, например, нет полной ясности в вопросе о том, являются ли оранг-белумы или оранг-утаны остатком аборигенного населения, сохранившим до наших дней первобытные отношения (в пользу этой точки зрения говорят многие факты), или это дегенерировавшие группы более поздних пришельцев; то же относится к кубу и некоторым другим племенам. Именно это второе обстоятельство требует трактовать данные общества как раннеродовые, ибо, даже если какие-то из них действительно деградировали, их уже нельзя рассматривать как дородовые, но при тенденции к сложению рода — пусть даже вторичном прохождении этого процесса — они являются именно раннеродовыми

рамках одного народа, когда одна его часть имеет раннеродовой, а другая — родовой характер (кубу и др.) [24].

Община этого типа имеет ряд разновидностей, но общим для всех них является небольшой (от 5—20 у кочевых кубу до 50—70, редко больше, человек у пунанов) и нестабильный состав, раздробленность производства между отдельными мелкими родственными группами, локализованными в местах своего кочевания и связанными между собой только обменом брачными партнерами без поддержания дальнейших контактов после совершения такого обмена.

Наиболее ранний этап такой общины представлен кочевыми кубу, живущими небольшими родственными группами, ибо скудные ресурсы девственного тропического леса крайне ограничивают возможность добыть на определенной территории пропитание для большого количества людей. Зависимость человека от окружающей среды здесь исключительно велика. Связь между соседними группами очень слабая (помимо брачных связей, иногда натуральный обмен). При увеличении группы взрослые дети могут отделиться и положить начало новой родственной группе, которая становится раннеродовой общиной в полном значении этого понятия лишь при достаточном численном увеличении. Условия существования заставляют иногда даже небольшую раннеродовую общину подобного типа дробиться на парные семьи, ведущие в течение нескольких недель или даже месяцев самостоятельное существование.

Постоянного населения и постоянных жилищ у членов таких общин нет, ведь их жизнь проходит в непрерывных поисках пищи. Границы территории кочевания и охоты каждой группы определены весьма приблизительно. Господствует коллективное

---

[24] Поэтому одни исследователи склонны считать общественные отношения у племен этой группы наиболее характерными для ранней стадии человеческого общества, когда родовой строй еще только складывался (М. О. Косвен. Осколок первобытного человечества. М.—Л., 1927; Н. А. Бутинов. Указ. соч., стр. 7—9); другие, напротив, полагают, что эти племена уже утратили черты родовой организации (Р. Ф. Бартон. Филиппинские острова. (Рукопись).— Архив Института этнографии АН СССР, К-1, оп. 1, № 693, стр. 3).

Если бы можно было сейчас безоговорочно доказать, что кочевые кубу и близкие им по уровню развития племена не являются остатками деградировавших племен, тогда позволительно было бы со всей определенностью утверждать, что их социальные формы — одни из наиболее ранних и их тип социальной организации является столько же раннеродовым, сколько и дородовым или предродовым (но уж, конечно, не послеродовым). Соответственно, данную ступень в развитии индонезийской общины можно было бы тогда с равным правом именовать дородовой (или предродовой), имея в виду при этом тенденцию к развитию рода. Но если это действительно деградировавшие группы, то мы у них наблюдаем процесс как бы вторичного становления родовой общины. Следовательно, терминологически и в данном случае выделение понятия «раннеродовая община» оправдано. В стадиальном же ряду такая община будет являть собой аномальное начало нового микроцикла развития, вызванного аномальными условиями, в которых оказался данный человеческий коллектив, безусловно, не имея перспективы пройти все стадии общинного развития.

пользование, которое распространяется и на орудия охоты. Во главе группы стоит, как правило, наиболее опытный мужчина. Семейные отношения этих племен изучены плохо, однако имеющиеся материалы говорят о том, что из брачного круга исключаются лишь ближайшие кровные родственники (родители — дети — родные братья и сестры). Счет родства и соответственно форма такой родовой общины различны. У большинства племен существует билатеральный счет родства [25]. У некоторых групп кубу отмечают матрилинейность, у акитов — патрилинейность. В духовной жизни распространены анимистические верования, притом в весьма неразвитом состоянии [26].

Более развитой является община у пунанов Калимантана, насчитывающая несколько десятков человек, с более четкими и широкими родственными связями внутри нее, с возникшим уже представлением о владении, но владении не индивидуальном, а коллективном (что проявляется как по отношению к территории, ими занимаемой, и дарам природы, собираемым и выращиваемым на этой территории, так и по отношению к оружию, утвари, украшениям и т. п.) [27].

В настоящее время община подобного типа — в первую очередь на том этапе, который представлен бродячими кубу,— практически исчезает, так как племена, находящиеся на данной стадии развития, подвергаются сильным внешним влияниям, вплоть до ассимиляции, втягиваются в русло нового развития и, овладев новыми орудиями производства, переходят к оседлости, но уже не на родовой, а на соседской основе.

---

[25] В этой связи нам представляется, что вполне прав Н. А. Бутинов, когда он утверждает, что при отсутствии обособления какой-то одной линии — отцовской или материнской — нельзя говорить о существовании сложившегося рода. «Для наиболее отсталых племен, ведущих охотничье-собирательское хозяйство и бродячий образ жизни,— пишет Н. А. Бутинов,— имеют значение все и всякие узы родства, а не только связи по какой-либо одной линии в ущерб всем остальным. Родовые группы людей, как правило, тоже имеются (племена, изученные этнографами, достигли уровня мезолита и раннего неолита), но они еще не играют большой роли» (Н. А. Бутинов. Указ. соч., стр. 9).

[26] В. Фольц. В девственных лесах Суматры. Перев. с нем. [М.], 1935; М. О. Косвен. Осколок первобытного человечества.

[27] J. Mallinckrodt. Het adatrecht van Borneo, d. II. Leiden, 1928. Пуианы, описанные П. Пфеффером, подверглись уже значительному влиянию окружающих более высокоразвитых даякских племен; поэтому в основе их общественного устройства лежит тип общины, характерный для полуоседлого и оседлого населения (П. Пфеффер. Бивуаки на Борнео. М., 1964).

Интересный и почти совершенно аналогичный материал тому, который мы имеем по кочевым пунанам Калимантана, дают малайские семанги: «В недавнем прошлом семанги жили родственными группами без вождей, но с советом старейшин; подобные группы есть и в настоящее время... Каждая группа (в среднем не более 40 человек) имеет определенную территорию, за пределы которой выходит редко. Обычно такая группа состоит из 10—12 брачных пар, каждая из которых включает мужа, жену и их детей, живущих в одном шалаше. Хозяйственной единицей является вся группа в целом; у брачных пар нет отдельного имущества» (М. Г. Журавлева. Народы Малайи.— В кн.: «Народы Юго-Восточной Азии», стр. 388).

Следующей стадией является родовая община оседлых и полуоседлых земледельцев, включающая локализованное ядро рода (или подрода), а также временную его (т. е. рода) часть и пришлых членов из других родов. Временная и пришлая части родовой общины состоят из женщин (или мужчин — в зависимости от форм рода), уходящих из рода или приходящих в него в силу закона экзогамии. Родовая община до самого последнего времени сохранялась — а частично сохраняется и сегодня — у населения внутренних районов Буру, Серама, Кэй, у галело Хальмахеры, батинов (сакаев) и оседлых кубу Суматры, энггано с о. Энггано, у некоторых племен тораджей, многих племен Западного Ириана, в недавнем прошлом — у населения Роти и некоторых других островов Восточной Индонезии. Разновидностью родовой общины, по-видимому, являются и родовые коллективы оранг-лаутов — «людей моря», называемых иногда «морскими кочевниками» (баджау и др.).

Количественно такая община уже значительно больше — до 150—200 человек. Родовые связи выражены вполне отчетливо. Все члены такой общины живут в одном селении, сообща владеют окружающими землями и обрабатывают их, совместно охотятся, коллективно потребляют продукты коллективного труда. В то же время в рамках этого родового коллектива идет дробление и образуются, в зависимости от конкретных производственных и общественных нужд, отдельные меньшие коллективы (первоначально временного характера), объединяющие группы более близких родичей. Община состоит из парных семей, у которых имеются некоторые производственные функции. Во главе общины стоит родовой старейшина или вождь, который, как и лучшие воины и охотники, получает бóльшую, чем другие, долю продукта, но употребляет эту долю только для удовлетворения собственных нужд. Оружие, одежда, украшения находятся в личном владении.

Ко времени перехода родовой общины данного типа на следующую стадию намечается расслоение: вождь и его ближайшие родственники постепенно выделяются из среды прочих общинников-сородичей. Это выделение происходит вследствие привилегированного социального положения и лишь впоследствии подкрепляется появляющимися зачатками имущественного неравенства и превращается в социальное неравенство. Вожди имеют по нескольку жен. Форма общины различна: у одних народностей — это материнско-родовая община (батины, энггано Суматры, вемале Серама), у других — отцовская община (жители Буру, Кэй, алуне Серама и др.).

Господствуют анимистические верования. Почти все такие родовые общины имеют тотем.

При разрастании часть родовой общины отделяется, селясь по соседству и первоначально сохраняя зависимость (хозяйст-

венную, правовую и пр.) от основного поселения. Постепенно отделившаяся часть становится независимой и сама начинает делиться. В том случае, когда разрастающаяся родовая община сохраняет свое территориальное единство, она может превратиться в общину, которую можно назвать племенной эидогамной общиной. Подобное явление подметили Адриани и Крейт у тораджей-баре'е, где «каждая деревня (обычно состоящая из сохранившей территориальное единство родовой общины. — *Ю. М.*) охотно заявляет себя в качестве самостоятельного племени (zelfstandige stam)»[28].

Если у баре'е деревни невелики (от 2 до 10—15 «длинных домов», т. е. домов, рассчитанных на проживание нескольких парных семей, связанных с частью рода или подрода)[29] и родовые связи поэтому легко сохраняются, то в случае слишком большого разрастания деревни, при сохранении в ней всего населения, родовые связи неизбежно ослабляются и исчезают — возникает племенная эндогамная община. Например, у некоторых групп даяков деревня, состоявшая из двух-трех (и даже одного) «длинных домов» с населением в несколько сот человек, включает нередко все племя, которое в ряде случаев выступает как единый производственный коллектив (совместная охота, выжигание леса для устройства поля и пр.). Именно влиянием численного увеличения первоначального населения, несомненно связанного в прошлом родовыми узами, и сохранением территориального единства разросшейся группы можно, на наш взгляд, объяснить тот парадоксальный факт, что у подавляющего большинства даякских племен, сохраняющих до сегодняшнего дня высокоразвитое чувство племенного сознания и единства, не прослеживаются родовые группы внутри племени, т. е. внутри племени нет экзогамных групп[30]. Происходит стирание родовых связей (о чем, возможно, говорит и распространенный у даяков билатеральный счет родства)[31].

---

[28] N. Adriani en A. Kruyt. De Bare'e sprekende Toradjas van Midden Celebes, 2-de druk, d. I. Amsterdam, 1950, blz. 110.

[29] Б. Алкема и Т. Беземер пишут, что в определенном смысле «жители тораджийской деревни образуют семью (familie,— т. е. большую семью.— *Ю. М.*)» (см. B. Alkema en T. Bezemer. Op. cit., blz. 51).

[30] J. Mallinckrodt. Op. cit., d. I, blz. 15—17; J. B. Ave. The Dyaks of Kalimantan: an ethno-political scetch.— «Contributions at the 1964 Peking Symposium». Peking, 1964, p. 7.

[31] Если исходить из гипотезы о том, что наличие билатерального счета свидетельствует о несложившихся еще родовых (т. е. однолинейных) отношениях, можно было бы предположить, что у даяков так и не развилась родовая организация и они находятся на дородовой стадии. Однако уровень развития даякского общества в целом таков, что это предположение оказывается совершенно неприемлемым. В связи с негативным ответом на данную гипотезу может быть выдвинута новая — о возможности в отдельных, особых случаях безродового пути развития. Но, во-первых, мы все-таки обнаруживаем у некоторых племен даяков следы рода (см. J. Mallinckrodt. Op. cit.), во-вторых, такая гипотеза — даже при попытке объяснить с ее помощью социальную структуру тех

Что касается имущественных отношений, то наряду с владением всего племени (земля, на которой живет племя, общинные постройки) в результате индивидуализации производства развивается институт владения отдельных малых семей (например, земля, обрабатываемая трудом этих семей). Некоторые личные вещи (оружие, украшения) находятся в полном личном владении.

Как правило, подобная племенная община, являющаяся разновидностью позднеродовой общины, переходит прямо в соседскую, минуя этапы, лежащие между родовой и соседской. В ее недрах складываются малые семьи; на базе личного владения развивается частная собственность (на землю, домашних животных, дом и домашнюю утварь и пр.), а территориальные связи постепенно вытесняют племенные, т. е. налицо переход прямо к соседской общине [32].

Более высоким типом общины, вырастающим непосредственно из родовой общины, является соседско-родовая. Она состоит из нескольких локализованных частей (обычно подродов) разных родов (двух — четырех, иногда больше), живущих в близком соседстве (в соседних деревнях). Таким образом, род рассредоточен; отдельные же части рода, локализованные в соседних деревнях, связаны по крайней мере общим управлением. Пример соседско-родовой общины дают гайо, аласы, мамаки, пубианы Суматры, ниасы, некоторые группы тораджей, многочисленные народности и племена Малых Зондских и Молуккских островов (алоры, солоры и др.).

В такой общине основная часть работ выполняется родовыми коллективами. Но отдельные виды работ (например, расчистка леса и т. п.) производятся всеми жителями деревни сообща. Развивается и индивидуальное производство (малыми семьями). Хозяйство преимущественно натуральное, но обмен, в зачаточном виде существовавший уже на раннеродовой стадии, получает значительное развитие. Появляется внутриобщинное нетоварное разделение труда. Деревни, занимаемые соседско-родовыми общинами, невелики; представители каждой части рода занимают в деревне свой дом или квартал.

Движимое и недвижимое имущество, которым владеет родовой коллектив, становится его собственностью [33]. Наряду с родовой собственностью на возделанные земли, жилые дома, частично на движимое имущество, которой распоряжается часть рода, живущая в данной деревне, и на которую имеют

даякских племен, у которых не обнаружено никаких черт рода,— будет не чем иным, как подстановкой одного неизвестного вместо другого.

[32] J. Mallinckrodt. Op. cit., d. I, passim; C. van Vollenhoven. Op. cit., d. I, blz. 310 etc.; B. Alkema en T. Bezemer. Op. cit., blz. 57—61.

[33] Процесс перехода от института владения к институту собственности совершается как переход от коллективного владения к коллективной собственности.

право все члены рода (в том числе и живущие в другой деревне), имеется собственность всей общины-деревни. В основном это невозделанные земли, леса, общинные постройки. Происходит постепенное закрепление родовых земель за отдельными частями распадающегося рода, проживающими в одной деревне. В личном владении находятся предметы личного обихода[34], а также — что является явлением более поздним, относящимся к периоду перехода от общины данного типа к общине следующего типа,— участки земли, возделанной собственным трудом постепенно выделяющейся из общины малой семьи[35]. Однако право владения этими участками весьма ограничено: оно существует лишь до тех пор, пока данный участок возделывается, и не передается по наследству. Встречающиеся на более позднем этапе существования этой общины случаи наследования обработанных участков отдельными малыми семьями первоначально означали лишь то, что право владения данным участком и пользования продуктами с него закреплялось за определенной частью рода, живущего в данной деревне, тогда как верховным собственником был род. Лишь постепенно право наследственного пользования перешло в право собственности, но произошло это на одной из следующих ступеней развития общины.

Таким образом, жители одной деревни входят в одну общину, состоящую из отдельных сегментов — частей родов, имеющих некоторые производственные функции. Жители же нескольких соседних деревень не составляют общины, хотя части родственных родов, живущих в каждой из таких деревень, в большей или меньшей степени связаны друг с другом (но не производственными связями).

---

[34] Голландский миссионер и этнограф Н. Адриани, живший долгое время среди тораджей Сулавеси (последние десятилетия прошлого и первые десятилетия нашего столетия), собрал немало ценных данных об их семейной структуре и об их представлениях о собственности. У тораджей собственность родителей не делилась среди детей и других наследников. Каждый владел всем, что ему нужно, совместно с другими членами большой семьи. Семейным имуществом управляла одна из женщин семьи, так как женщины всегда продолжали жить в доме семьи даже после брака. Если кто-нибудь в чем-либо нуждался, ему оказывалась помощь из семейной собственности. Всякий штраф, наложенный на одного из членов семьи, уплачивался из семейных сумм. То же самое с долгами и другими обязательствами. Орудия труда считались общими и постоянно переходили из рук в руки. Деньги в этом обществе почти не играли какой-либо роли. Невозможно было сохранить в секрете обладание имуществом. Всякий, кто владел чем-либо или приобретал что-нибудь, чего нет у его односельчан или родственников, немедленно осаждался людьми, просившими у него этот предмет (N. A d r i a n i. Verzamelde geschriften, d. III. Leiden, 1931, blz. 36, 37, 91; i d e m. Over het karakter der Toradja's en hunne rechtspraak.— Ibid., d. II, blz. 32, 33 etc.).

[35] На вопрос о том, из рода или из общины (в данном случае соседско-родовой) выделяется малая семья, можно ответить, что ее выделение происходит в равной мере и из общины, и из рода (или того или иного его подразделения), причем окончательное выделение малой семьи и превращение ее в самостоятельную хозяйственную единицу знаменует распад общины и исчезновение последних пережитков родовых отношений.

Во главе соседско-родовой общины стоит совет старейшин из глав подродов, представленных в данной деревне. Главным старейшиной обычно является старейшина подрода, первым поселившегося в данном месте. Старейшины всех подродов одного рода образуют руководство рода и решают имущественные и иные дела рода. Расслоение усиливается благодаря тому, что помимо выделения старейшин и членов их семей из массы рядовых общинников в среде последних более привилегированное положение занимают члены родов-первонасельников. Вследствие межплеменных войн развивается институт рабства, также способствующий росту имущественного неравенства, так как труд рабов используют главным образом в семьях старейшин. С другой стороны, растущее имущественное неравенство ведет к появлению зависимых из числа сородичей.

По форме соседско-родовая община бывает матрилинейная и патрилинейная. Так, например, у мамаков она матрилинейная. У разных племен тораджей присутствуют в разной степени черты отцовско- и материнско-родовых порядков. Экзогамия в роде сохраняется еще очень строго. Деревня же преимущественно эндогамна, т. е. браки совершаются между жителями данной деревни, так как живущие в ней подроды заинтересованы в сохранении имущества и людской силы в данной деревне.

Тотемизм в общине такого типа уступает место новой идеологии — культу предков.

Развитие производительных сил внутри соседско-родовой общины ведет к появлению общины соседско-большесемейной[36] Эта последняя состоит из больших семей (домовых общин) — распадающихся частей нескольких уже давно делокализованных родов. В ней еще сохраняются сильные родовые пережитки. Община подобного типа сохраняется у минангкабау, семендо, батаков, аче, у некоторых южносуматранских народностей, у минахасов и других народностей Сулавеси, у белу Тимора и т. д.[37] По структуре она напоминает соседско-родовую

---

[36] Как в случае перехода от соседско-родовой общины к соседско-большесемейной, так и в других случаях перехода от одного типа общины к другому трудно, а иногда и невозможно определить прямую связь между развитием производительных сил и изменением в производственных отношениях и соответственно в отражающих эти отношения социальных структурах. Коренным изменениям в социальной структуре и производственных отношениях соответствуют (предшествуют им) коренные изменения в развитии производительных сил; достаточно для этого сравнить производительные силы эпох существования родовых и соседских общин. Но специфика развития социальных структур (в данном случае — общины) такова, что под влиянием изменения факторов их существования — например, в результате смены географических условий или роста численности населения общин и т. д.— нередко происходит более или менее существенная перестройка самих структур, ведущая за собой то или иное изменение в производственных отношениях без сколько-нибудь заметного изменения в производительных силах.

[37] У минангкабау такая община называется нагари, у батаков — хута; эти же термины обозначают само поселение.

общину, но определяющим началом становятся в ней уже соседские связи между составляющими ее большими семьями.

Подобно подроду — основной структурной единице кровнородственных отношений на предшествующем этапе развития общины — большая семья является ступенью перехода от отношений родовых к семейным. В то же время она является ступенью перехода от родовой общины к соседской, выступая таким образом в двух сущностях, слитых в диалектическом единстве. Отличие большой семьи от подрода в основном заключается в том, что кровные родичи, составляющие ядро большой семьи, слабее связаны с остальными сородичами в производственном, имущественном, культовом отношении, чем члены подрода. В производственном отношении большая семья является в значительной степени автономной, хотя и подчиненной единицей. Хозяйственная обособленность большой семьи особенно ярко проявляется на позднем этапе существования соседско-большесемейной общины.

В отличие от соседско-родовой в общине этого типа постепенно развивается частная собственность: бывшие родовые земли и прочее родовое имущество окончательно закрепляются сначала за отдельными большими семьями, а затем и за малыми, в рамках которых институт частной собственности получает полное выражение. Эти малые семьи выделяются из больших и начинают вести свое хозяйство, но это уже означает конец существования не только большой семьи как формы семьи, но и самой соседско-большесемейной общины как типа в общинном развитии[38].

Примером соседско-большесемейной общины может служить община минангкабау — крупной индонезийской народности, населяющей Западную и часть Центральной Суматры. Численность этой народности превышает 2 млн. человек, не считая минангкабау, расселившихся за пределами Западной и Центральной Суматры. Традиционные отношения наилучшим образом сохранились у минангкабау области Падангского нагорья. Их социальная структура в начале XX в., т. е. ко времени, когда началось резкое изменение традиционного уклада жизни, имела следующий вид[39]. Все население принадлежало к четырем суку[40] — разросшимся первоначальным материн-

---

[38] Н. А. Бутинов общину с подобной структурой называет семейно-родовой (Н. А. Бутинов. Этнографические материалы и их роль в изучении общины древнего мира.— В сб.: «Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии». Л., 1967, стр. 178).

[39] Картина, данная ниже, в значительной мере сохраняется и в наши дни. Однако мы предпочитаем говорить о традиционной социальной структуре минангкабау в прошедшем времени, с тем чтобы обрисовать ее в наиболее полном, так сказать классическом виде.

[40] «Четверть», «часть», «племя», «часть племени».

ским родам. Каждый суку имел свое название: Боди, Чаниаго, Кото, Пилианг. Суку объединялись в две группы (по два суку в каждой), именуемые ларас[41], которые с полным правом можно назвать фратриями. Эти ларас именовались Боди-Чаниаго и Кото-Пилианг и отличались рядом особенностей своего адата — обычного права. Помимо деления на ларас и суку население подразделялось еще на три луха (луак) [42]. Если два первые подразделения — на суку и ларас — являются генеалогическими, то последнее территориальное. Прежде суку были строго экзогамны [43].

Члены одного суку жили по всей области, но в каждой деревне (нагари) они занимали свой квартал. Нагари (негери или негари) у минангкабау — это соседско-большесемейная община, управляемая деревенским советом и включающая основное поселение, выселки, различные принадлежащие общине угодья. Община нагари являлась верховным держателем земли, которая была распределена между суку и его подразделениями. Совет старейшин нагари был составлен из старейшин всех суку и подразделений суку, представленных в данной нагари, причем должность старейшины была наследственной в данной семейной группе.

Рост населения заставлял суку делиться на новые подразделения, именуемые кампуэнг[44]; иногда часть населения суку переселялась в другую местность из данной нагари, где переселенцы образовывали новый кампуэнг. Кампуэнг минангкабау — это генеалогическая (родовая по происхождению), а не территориальная единица, хотя это название иногда встречается в качестве названия деревни (малайское кампунг). Если члены суку уже утратили всякую память о своей родоначальнице, то члены многих кампуэнгов хранили в памяти имя своей праматери. С некоторой долей условности кампуэнг можно назвать матронимией.

Дальнейшее подразделение — сабуах паруи или просто паруи (малайское перут), т. е. «[происходящие] из одного чрева» (схема). Это группа из пяти поколений родственников, происходящих от одной реальной прародительницы. Члены паруи жили по соседству, занимая обычно несколько домов, но иногда и один дом. Паруи была основной хозяйственной и правовой единицей общества минангкабау и представляла собой

---

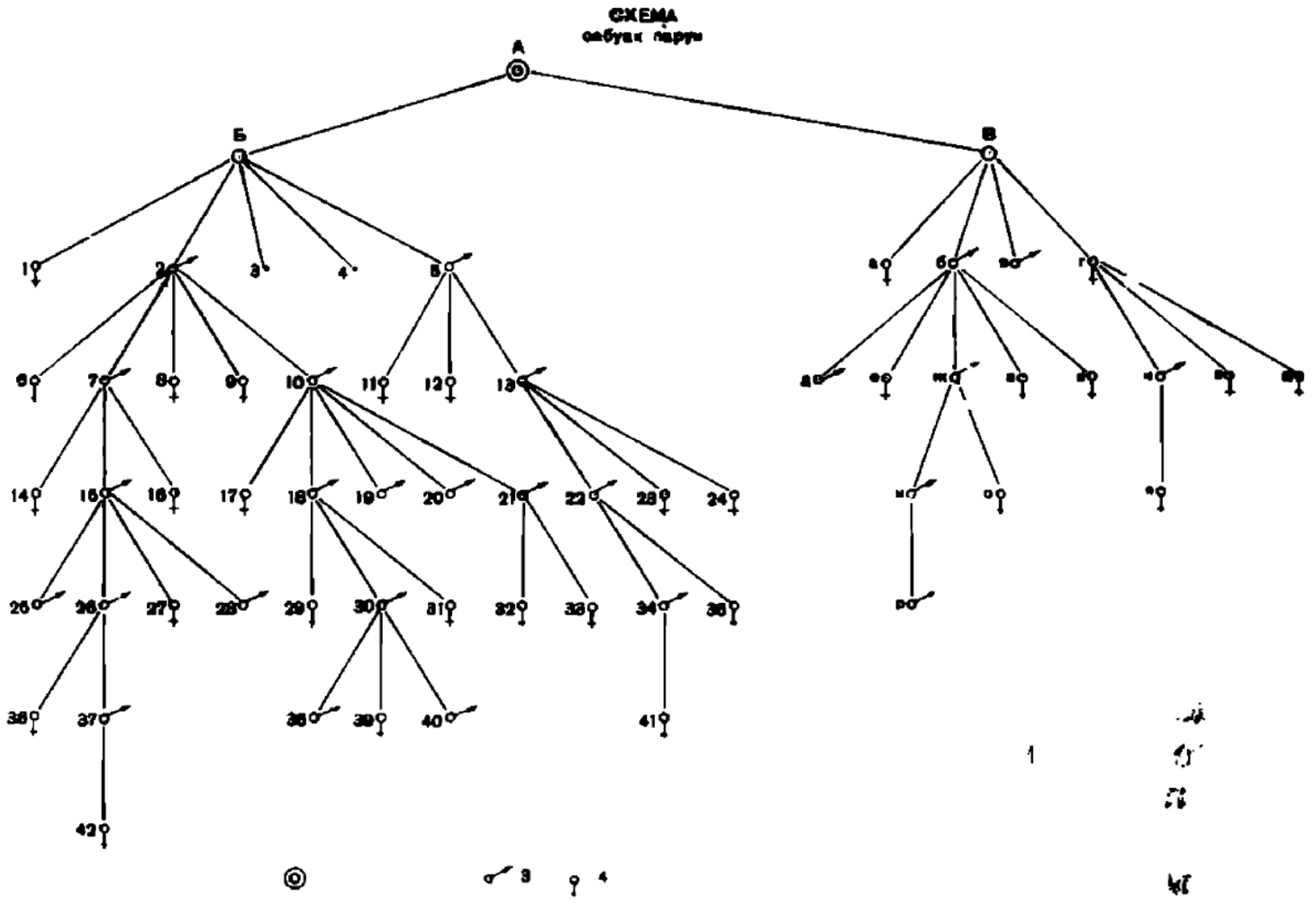
[41] «Полнота», «согласие», «гармония», «конфедерация», «союз».

[42] «Округ», «территориальное подразделение».

[43] Территориально суку в настоящее время сильно перемешаны, так что представители одного суку рассеяны по всей области и за ее пределами; точно так же трудно установить границы двух ларас.

[44] В свою очередь кампуэнги разрастались и нередко получали название суку, чем и объясняется тот факт, что в ряде районов вместо четырех первоначальных суку можно встретить много суку, но уже позднейшего образования.

вместе с мужьями женщин данной группы большую материнскую семью. Паруи подразделялась на несколько джураи («связка», «группа»); каждая джураи включала в себя два — четыре поколения. Если джураи занимала не один дом, а больше, то группу родственников, живущих в одном доме, называли румах («дом»). Наконец, последняя группа — это самандай («[дети] одной матери»), т. е. мать со своими детьми [45–46].



1 — родоначальница всей сабуах паруи (обычно умершая задолго до рассматриваемого периода); 2 — родоначальницы обеих ветвей (джуран) сабуах паруи; 3 — женщины; 4 — мужчины; I—VI — поколения обеих родоначальниц (Б и В) джураи; 1—42 — члены одной джураи; а — р — члены другой джуран; 30, 38, 39, 40 (н, р; и т. д.) — группа самандай.

Минангкабау имели довольно сложную иерархию. Каждое генеалогическое подразделение имело своего главу: во главе сабуах паруи и джураи находились мамаки, во главе суку и кампуэнга — пенгхулу. Мамаком обычно являлся старший брат старейшей женщины данной джураи; мамак старейшей джураи — это одновременно мамак паруи; мамак старейшей паруи — пенгхулу кампуэнга и т. д. Решения принимали обычно после обсуждения на семейном совете.

Общинная земля, как уже говорилось, была распределена среди суку (точнее, их частей, представленных в данной дерев-

[45–46] Следует всегда помнить, что подразделения эти крайне динамичны, ибо джураи, увеличившись на одно-два поколения, становится паруи и т. д. (джураи→паруи→кампуэнг).

не), затем среди кампуэнгов и далее среди сабуах паруи. Права суку и кампуэнга практически не играли роли вследствие отмирания социально-экономического значения этих подразделений, и основным владельцем земли была большая семья. Земля, принадлежавшая большой материнской семье, не могла быть отчуждена ни при каких условиях; передел же ее был возможен лишь в случае дробления сабуах паруи. Продажа земли категорически запрещалась, допускался лишь заклад земли или сдача в аренду, но при наличии чрезвычайных обстоятельств (похороны члена семьи, свадьба дочери, вступление в должность пенгхулу и некоторые другие). Во всех случаях, когда член семьи оказывался в долгу, этот долг он должен был оплачивать прежде всего продавая собственность, заработанную личным трудом, и лишь при отсутствии или недостатке таковой разрешалось прибегать к закладу (обязательно среди сородичей) собственности большой семьи. При этом подразумевалась свобода обратного выкупа.

Таковы некоторые черты структуры соседско-большесемейной общины. Естественно, что проникновение товарно-денежных отношений подрывало основы существования этих общин. Поскольку нами на примере тех же минангкабау уже были затронуты вопросы отмирания пережитков родовой организации в общине подобного типа и зарождения в ее недрах капиталистических отношений [47], отметим здесь лишь следующее. Если до распада соседско-большесемейная община сохраняет пережиточные формы как материнского (минангкабау, семендо, белу), так и отцовского рода (батаки и др.), то с ее распадом устанавливаются, как правило, нормы отцовского права. Однако это происходит не в рамках отцовского рода, а в условиях обычной соседской (сельской) общины, где с большей или меньшей интенсивностью идут процессы социальной дифференциации [48]. В общинах этого типа уже прививаются большие религии при сохранении весьма ощутимых пережитков анимистических верований [49].

---

[47] Ю. В. Маретин. Отмирание пережитков материнского рода в семейно-брачных отношениях минангкабау (первая половина XX в.).— «Советская этнография», 1960, № 3, стр. 75—93; он же. Община минангкабау и ее разложение (первая треть XX в.).— «Труды Института этнографии», т. LXXIII, 1961, стр. 280—352.

[48] Батакская община рассмотрена нами в работе «Общественные отношения у батаков (Северная Суматра)» (в сб.: «Община и социальная организация...», стр. 146—167).

[49] Например, официальной религией минангкабау является ислам, батаков — христианство и ислам, причем несколько групп батаков остались до сих пор анимистами (P. S. van Ronnkel. Rapport betreffende de godsdienstige verschijnselen ter Sumatra's Westkust. Batavia, 1916; B. J. O. Schrieke. Bijdrage tot de bibliographie van de huidige godsdienstige beweging ter Sumatra's Westkust.— «Tijdscrift voor Indische taal-, land- en volkenkunde», vol. LIX, 1919—1921, afl. 3; J. L. van den Toorn. Het animisme bij den Minangkabauer der Padangsche Bovenlanden.— «Bijdragen tot de taal-, land- en volkenkunde», Serie 5, deel 5, 1890, afl. 1; J. Winkler. Die Toba-Batak auf Sumatra in gesunden und kranken Tagen. Ein Beitrag zur Kenntnis des animistischen Heidentums. Stuttgart, 1925; G. K. Simon. Den Islam bei den Batak.— «Mededeelingen

Общины раннеродовая, родовая и соседско-родовая характерны для первобытнообщинной формации, когда господствовало присвоение продуктов природы (родовая община бродячих охотников и собирателей) и простая, самая начальная стадия производства в собственном смысле этого слова (родовая община оседлых и полуоседлых племен и соседско-родовая община). Общины же соседско-большесемейного типа возникают на том уровне развития производительных сил, когда появляются зачатки товарного производства и как следствие его и других связанных с ним факторов начинается отчетливая социальная дифференциация. Община такого типа знаменует собой начало перехода от доклассового общества к классовому [50].

В обществах Индонезии, находящихся на стадии перехода от доклассового к классовому, почти повсеместно встречается отчетливое деление, которое в общем виде сводится к выделению трех сословий: вожди и члены их семей, свободные общинники, рабы и их потомки. Каждое из сословий имеет свое социальное положение, свои функции в обществе, определенное отношение к производству, а также свое название. Например, у даяков племени оло-нгаджу знатные называются утус гантон, рядовые свободные — утус рандах, рабы — паэ ленге (буквально «руки и ноги»); у даяков кайянов и кенья свободные именуются панджин, рабы — дипен; у нгада с Флореса — соответственно атакаи и атакиса и т. д.

Чрезвычайно любопытно проследить, как социальные группы, оформленные в виде сословий, постепенно превращались в классы,— процесс, начинающийся в рамках соседско-родовой общины (когда из общины выделялись сначала отдельные лица, а затем и целые группы лиц, имеющие определенные социальные привилегии) и развивающийся в соседско-большесемейной и особенно в соседской общине. Остановимся на одном из путей формирования сословий.

Члены родов, занявших данную землю ранее других родов,

---

van wege het Nederlandsch Zendelingsgenootschap», 1908; J. Tampoebolon. Olopolop. Jubileum si 25 taon ni Hoeria Kristen Batak Protestant. Medan, 1937

[50] Устанавливая подобную зависимость эволюции общины от степени развития производства, в свою очередь зависящего от степени развития производительных сил, мы не утверждаем, что становление общины соседско-большесемейного типа связано только с появлением товарного производства. Мы лишь настаиваем на том, что появление товарного производства неизбежно ведет к переходу от соседско-родовой общины к соседско-большесемейной, а иногда и прямо к соседской (если исторические условия позволяют это). Но соседско-большесемейная община может возникнуть и до появления товарного производства, например в результате разрастания соседско-родовой общины у земледельцев в условиях длительного оседлого или полуоседлого проживания их на одном месте. Точно так же в феодальную эпоху при слабом развитии товарного производства (а подчас и при его отсутствии) существуют тем не менее не только соседско-большесемейные общины, но и по преимуществу общины соседского типа, представляющие собой следующий этап общинного развития.

пользовались рядом привилегий в управлении и землепользовании, были по социальному и политическому положению выше, чем члены родов, пришедших на данную землю позже, хотя обычное право теоретически предполагает равенство всех общинников. В условиях очень длительного оседлого проживания на одном месте, при консервативной системе производства и длительной изоляции, эти привилегии, передаваясь от поколения к поколению, приводят к формированию сословий, имеющих неодинаковые фактические и юридические права в обществе. Далее, различные должности — как в общине в целом, так и в генеалогических коллективах, составляющих ее,— закрепляются по наследству за отдельными родами или их подразделениями, а внутри родов эти должности закреплялись по наследству за отдельными большими семьями. Таким образом, привилегиями, связанными с той или иной должностью, пользовались данные семьи и старейшины, выдвинутые из числа членов данных семей. Старейшины, прикрываясь нормами обычного права, становились постепенно эксплуататорами рядовых общинников. Так доклассовая структура общества начинает превращаться в раннеклассовую [51]. При этом социальная стратификация (выделение сословий) имеет своей первоосновой не имущественное состояние данного лица или группы лиц, а их социальное положение в коллективе [52]. Впоследствии же на базе имеющихся и закрепленных традицией привилегий выделившиеся сословия утверждают свое положение, занимая определенное место по отношению к производству и к имуществу коллектива [53].

Уже на этой стадии возникшее в обществе неравенство вызывает своеобразные обычаи, имеющие характер социального протеста, и настоящие социальные движения, носящие мессианский характер. Таковы были обычаи «ньюли» среди даяков-лаванга-

---

[51] Ср. Э. О. Берзин. Некоторые вопросы возникновения раннеклассовых формаций.— В сб.: «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока». М., 1966, стр. 59—74; В. Р. Кабо. Становление классового общества у народов Океании.— «Народы Азии и Африки», 1966, № 2; А. И. Неусыхин. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефеодальному (на материале истории Западной Европы раннего средневековья).— «Вопросы истории», 1967, № 1; А. Р. Корсунский. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963.

[52] Представляется уместным напомнить здесь следующее высказывание К. Маркса: «Племенной строй сам по себе ведет к делению на высшие и низшие роды — различие, еще сильнее развивающееся от смешения победителей с побежденными племенами и т. д.» (К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству.— «Вестник древней истории», 1940, № 1, стр. 8).

[53] C. van Vollenhoven. Op. cit., d. 1, II; B. ter Haar. Op. cit., A. H. Rujbing. Ethnologische studie betreffende de Indonesische slavernij als maatschappelijk verschijnsel. Utrecht [e. a.], 1937; F. A. E. van Wouden. Sociale structuurtypen in de Groote Oost. Leiden, 1953; M. Stuchlik. Batak social and political organisation, pt. II.— «Annales of the Náprstel. Museum», vol. II. Praha, 1963 [ed. in 1966], p. 72—77, 90, 112—136; Ю. В. Маретин. Общественные отношения у батаков...

нов и «меяпи» у тораджей, зафиксированные в начале нашего века, таково первоначально было движение среди батаков под названием «Пархудамдам» и их секта «Пормалим» (конец XIX — начало XX в.) [54]. Элементы мессианства есть и в движении падри у минангкабау (первая половина XIX в.). В условиях голландского господства некоторые из этих движений перерастали в широкие антиголландские выступления (например, у минангкабау, батаков) [55].

Общины соседско-родового и в особенности соседско-большесемейного типа могут объединяться в территориальные союзы, охватывающие несколько аналогичных по структуре единиц, что отчасти происходит стихийно, а отчасти диктуется определенными практическими соображениями. Например, выселки первичной общины (ее также можно назвать либо «материнской», либо «отцовской») получают долю автономии, т. е. право на собственное управление, на распоряжение землей и т. д. В то же время сохраняется и общее верховное управление, в котором представлены как сама первичная община, так и все ее выселки. Образуется, таким образом, территориальный союз общин, который голландский ученый Б. тер Хаар предложил именовать «региональной общиной» [56]. На наш взгляд, более правилен термин «региональный союз общин». Характерный пример — куриа, состоящая из хута, у батаков и мандайлингов, марга, состоящая из дусунов, у южносуматранцев и т. д.

На определенном уровне материального и общественного развития союзы, образованные региональными союзами соседско-большесемейных общин, выступают в Индонезии в качестве первых государственных образований: это улеебаланги у аче, княжества и султанаты у минангкабау, на Молукках, Флоресе и пр. [57] Внутри таких государственных образований в неприкосновенности сохраняются не только сами общины, но и составляющие их большие семьи.

---

[54] J. M. van der Kroef. Messianic movements in the Celebes, Sumatra and Borneo.— «Millennial dreams in action». Ed. S. L. Thrupp. («Comparative studies in society and history», suppl. II). The Hague, 1962.

[55] Ю. В. Маретин. Историография войны падри (из истории религиозной и национально-освободительной борьбы в Индонезии в первой половине XIX в.).— В сб.: «Историография и источниковедение стран зарубежного Востока. Дальний Восток и Юго-Восточная Азия». М., 1967, стр. 91—120.

[56] B. ter Haar. Op. cit., blz. 52, 53.

[57] B. Schrieke. Indonesian sociological studies. pt. I. The Hague — Bandung, 1955, p. 167—221; J. C. van Leur. Indonesian trade and society; Essays in Asian social and economic history. The Hague — Bandung, 1955, passim; W. F. Wertheim. Indonesian society in transition: a study of social change. 2-nd rev. ed. The Hague — Bandung, 1959, passim; etc. Чрезвычайно интересным было бы установление типологии этих первых государственных образований в Индонезии, ибо наряду с типами, которые в разное время уже отмечены в литературе (см., например, Л. А. Седов. О социально-экономических типах развития.— В сб.: «Общее и особенное...», стр. 53), Индонезия дает и ряд других, весьма специфических типов.

Последним типом общины является соседская (сельская), в которой родовые пережитки либо не играют роли, либо почти отсутствуют. Известное значение этих пережитков сохраняется главным образом в культе, а иногда также в сезонных сельскохозяйственных работах [58]. Наиболее типичные примеры индонезийской соседской общины — яванская и балийская десы [59]. Такая община состоит из индивидуальных семей. Большесемейные общины в ее составе редки (особенно разросшиеся большие семьи, например минангкабауского типа). Территориально она включает центральное селение и зависимые от него выселки, вокруг которых разбросаны общинные земли, как находящиеся в общинном владении, так и в собственности отдельных малых семей.

Таким образом, дуализм в отношении собственности ярко выражен, причем общинное начало уступает место частному, носителем которого являются малые семьи. Классовые отношения в общине достигают значительного развития, что в конечном счете ведет к ее разложению.

Основные черты соседской общины (до начала интенсивного ее разложения в результате развития капиталистических отношений) можно свести к следующим:

1. Община была владельцем и распорядителем земли (включая леса, пастбища, пустоши, иногда даже пахотные земли). Верховная собственность на землю принадлежала султану (государству), в зависимости от которого находились властители более мелкого ранга.

2. Община не могла отчуждать свое право распоряжения землей.

3. Члены общины могли свободно пользоваться целинными землями, расположенными в пределах юрисдикции общины, обрабатывать их, селиться на них, добывать пищу, пасти скот. Чужие могли все это делать лишь с согласия общины. Деньги от реализации продукта с общинной земли шли в общинную кассу.

4. Община несла ответственность за определенные проступки, совершенные на ее территории, если виновные не найдены.

5. Община сохраняла право вмешиваться в известных пределах в дела, связанные с возделыванием земли на ее территории.

6. Должность старейшины была наследственной (обычно в семьях старейших и наиболее зажиточных жителей данной общи-

---

[58] Памятью о недавнем господстве общинно-родовых отношений является и то обстоятельство, что наименованием общины нередко становится слово, обозначающее «род», как это произошло, например, с термином «марга», который у батаков и абунков означает род, а у джамби и палембангов — соседскую общину.

[59] Э. де Лавеле. Первобытная собственность. СПб., 1875, стр. 46—62; Э. А. Лалаянц. Разложение сельской общины яванцев (конец XIX — первая половина XX в.).— В сб.: «Страны и народы Востока», вып. IV. М., 1965, стр. 57—91; Л. М. Демин. Остров Бали. М., 1964, стр. 91—110.

ны), но старейшина мог быть смещен, если не отвечал своему назначению.

В соседских общинах родовые связи уже полностью утрачены; родственные же связи, т. е. отношения между бо́льшим или меньшим кругом родственников, играют существенную роль. Например, в балийских десах встречаются большие объединения родственных семей, расселенных по родственному признаку и стремящихся сохранить эндогамию, т. е. ограничить брачные отношения кругом только этих семей. Эти родственные группы могут иметь свои храмы, свою кассу, своего главу. Однако их самостоятельность очень ограничена, а деятельность сводится главным образом к культу и к взаимопомощи [60].

Внутри соседских общин могут существовать подразделения, имеющие свои производственные и юридические функции и являющиеся своеобразным типом общины в общине. Так, внутри балийской десы имеется подразделение банджар, являющееся подчиненной частью десы. В то же время в разросшейся десе общинные функции переходят к ее частям, т. е. к банджарам, которые таким образом заменяют десу и со временем получают название деса. Другое подразделение — субак, которое образует группа крестьян, пользующихся для орошения своих полей водой из одного источника. При этом границы банджара и субака, как правило, не совпадают, так как часто расположение полей и источников воды требует кооперирования крестьян, принадлежащих к разным банджарам. Субак настолько важен, что наряду с водой в его ведение перешли также и вопросы распределения пахотной земли среди членов данного субака, наблюдение за ирригацией. В полном смысле слова, субак образует общину в общине.

Он подобен банджару, но с той существенной разницей, что банджар не занимается конкретными вопросами землепользования данными участками, зато имеет больше прерогатив в делах управления и ритуала, касающихся его членов [61].

---

[60] Среди черт общинно-родового строя можно встретить и пережитки возрастных классов. Так, у одной из групп балийцев — у бали ага — имеется интересная особенность, которая у других народностей, находящихся на стадии территориальной общины, не сохранилась, а именно: возрастные группы, в зависимости от принадлежности к которым находятся те или иные обязанности общинника и брачные ограничения (например, мужчина не может взять в жены женщину из поколения его родителей, а должен выбирать жену из поколения младше его).

[61] Существуют и несколько иные взгляды на балийские десу, банджар и субак и их соотношение, но полемика по этому поводу не входит в наши задачи (см. C. Geertz. Tihingan: A Balinese village.— «Bijdragen tot de taal-, land- en volkenkunde», d. 120, 1964, afl. 1; Б. Б. Парникель. О некоторых вопросах истории и культуры острова Бали. [Рец. на книгу Л. М. Демина «Остров Бали»].— «Народы Азии и Африки», 1967, № 2, стр. 199; С. А. Маретина. Деса, банджар и субак на Бали (К вопросу о структуре балийской общины).— «Ленинградское отделение Института этнографии АН СССР. Тезисы докладов годичной научной сессии. Май 1968». Л. 1968, стр. 29—30).

В настоящее время в подавляющем большинстве районов Индонезии приведенные выше черты общины уже не существуют. Так, почти повсюду прекратились переделы земли, сократились или полностью исчезли общинные земли, частная собственность на землю стала повсеместной нормой. Верховным собственником земли является теперь Индонезийская республика, а не султаны и не голландское колониальное правительство [62].

Развитие товарно-денежных отношений неуклонно подрывает соседскую общину. В Индонезии есть районы, где сохранились лишь отдельные стороны соседской общины, например те или иные формы взаимопомощи, тогда как все остальные элементы ее вытеснены развивающимся капитализмом [63]. Яркий пример — сунды Западной Явы и мадуры с о-ва Мадура, где в настоящее время общинного землевладения уже нет и все земли сосредоточены в руках отдельных лиц. Более того, отчуждение земли и превращение ее в предмет купли-продажи зашло так далеко, что в некоторых округах Западной Явы до 50% земли принадлежит не крестьянам, а лицам, живущим в городе и сдающим землю внаймы (обычно это представители буржуазии, вкладывающие деньги в землю).

Эволюция общины на Западной Яве типична для процесса распадения общины, происходившего и происходящего сейчас в других районах Индонезии. Первоначально производились переделы земли регулярно через год, два или три, но уже в конце XIX в. переделы здесь прекратились. Еще ранее из участвующих в перераспределении земли были исключены те, у кого не было скота для обработки земли. К концу XIX в. почти повсеместно орошаемые рисовые поля (савахи) стали здесь частным владением, тогда как суходольные поля (тегалы) оставались в общинном владении. Через несколько десятилетий тегалы также стали индивидуальной собственностью, а вслед за ними и общинные поля и пустоши. Аналогичный процесс шел на Мадуре. У яванцев община сохранилась в значительно более нетронутом виде, включая и сохранение общинного землепользования [64].

---

[62] Например, за 50 лет (с 1882 по 1932 г.) на Яве доля земель, находившихся в общинном владении, сократилась с 42 до 13% всей обрабатываемой земли (Ю. Г. Александров. Указ. соч., стр. 20, 21). За истекшие 30 с лишним лет эта доля еще более сократилась. Однако помещичье землевладение, а в некоторых районах и землевладение крупных феодалов еще сохранилось, несмотря на принятый в 1960 г. закон об аграрной реформе, согласно которому излишки земли сверх установленного максимума должны были быть распределены среди крестьян.

[63] Начало процесса капиталистического развития в Индонезии (как и во многих бывших колониальных и зависимых странах) связано не столько с наличием внутренних предпосылок для этого, сколько является результатом внешних влияний, прежде всего со стороны стран-колонизаторов.

[64] Своеобразное явление имеет место у бали ага. Например, в их деревне Тенганан вся земля является собственностью десы, однако ее не обрабатывают сами, а нанимают издольно жителей соседних деревень, где живут не бали ага.

Во многих же районах Восточной Суматры, в некоторых районах побережья Калимантана и в других местах, т. е. там, где развито плантационное хозяйство или горнодобывающая промышленность и где действуют принципы капиталистической эксплуатации, отсутствуют какие бы то ни было следы общинной организации.

* * *

Предложенная выше схема является лишь одной из попыток классификации, которая нуждается в дальнейшей разработке. Вместе с тем уже сейчас можно сказать с уверенностью на основании сравнения индонезийского материала с материалом по другим народам земного шара, находящимся на тех же ступенях общественного развития, что многие моменты эволюции индонезийской общины имеют многочисленные и несомненные параллели. Особое значение в этом отношении имеет стадия общинного развития, которая в данной работе названа соседско-большесемейной. Честь открытия большой семьи (или домовой общины) принадлежит, как известно, М. М. Ковалевскому [65]. Известно также, что Ф. Энгельс немедленно откликнулся на это открытие Ковалевского и высоко оценил его [66]. Важно отметить, что большая семья является не только ступенью в развитии семьи, но и — в качестве большесемейной (домовой) общины — является ступенью в развитии общины, образуя особый тип ее — соседско-большесемейную общину.

Материал из богатейшей этнографической сокровищницы — Индонезии — может сыграть свою роль в восстановлении этапов развития общины, особенно в период перехода от доклассового к классовому обществу [67].

---

[65] М. М. Ковалевский. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М., 1939.

[66] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 61, 63, 134, 139, 140.

[67] Помимо выделенных выше типов общины, которые, на наш взгляд, являются основными в истории развития общины, на индонезийском этнографическом материале можно проследить еще целый ряд своеобразных общинных типов, отражающих как различие исторических и географических условий существования таких общин, так и разные формы перехода от одного основного типа общины к другому.

М. В. КРЮКОВ

ТИПЫ СИСТЕМ РОДСТВА И ИХ ИСТОРИЧЕСКОЕ СООТНОШЕНИЕ

За последние годы закономерности развития первобытного общества и превращения его в общество классовое привлекают внимание многих советских ученых. Выясняется, что ряд общих и частных вопросов в этой области исторического знания еще далек от своего окончательного разрешения. Дискутируется проблема периодизации доклассового общества; противоречивы представления об исторической эволюции рода и его соотношении с другими формами социальной организации; не вполне ясны конкретные пути развития древнейших форм общины. То же самое может быть сказано и о таком существенном типе социальных отношений в доклассовом обществе, каким являются отношения естественного родства. Locus communis точек зрения большинства советских историков первобытности является признание определяющей роли кровнородственных связей между людьми на ранних этапах развития общества и постепенного уменьшения их удельного веса по мере поступательного развития человечества. «Дело в том,— пишет, например, А. И. Першиц,— что широкие отношения родства, составляющие стихийно возникшую форму производственных отношений в первобытной родовой общине, на новом этапе развития превратились в обузу, своего рода тормоз развития производительных сил. Отношения родства и связанные с ними обязанности родовой взаимопомощи препятствовали свободному накоплению имущества, становлению частной собственности, расслоению общества на богатых и бедных... Явившиеся на смену отношениям родства отношения соседства больше соответствовали содержанию новых производственных отношений» [1].

[1] А. И. Першиц. Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории.— В кн.: «Проблемы истории первобытного общества» («Труды Ин-та этнографии», т. LIV, 1960, стр. 171).

Факты в то же время свидетельствуют о том, что ни на последнем этапе существования первобытного общества, ни в раннеклассовом обществе, ни даже в условиях сложившегося феодализма отношения родства отнюдь не утрачивают своей социальной значимости. Уже одно это обстоятельство наводит на мысль о необходимости более углубленного исследования функциональной связи данного типа социальных отношений с эволюцией общественной структуры.

Одним из важнейших источников для изучения названной проблемы являются системы родства — исторически обусловленные категории терминов для обозначения различных степеней кровного родства и свойства. Этнографические исследования показывают, что, хотя любая терминология родства в ее конкретном выражении представляет собой лингвистическое явление, принципы группировки терминов нельзя объяснить только с точки зрения внутренних законов развития языка [2].

В настоящее время нет, пожалуй, ни одного историка, который не признавал бы того бесспорного факта, что системы терминов родства, бытующие в языке различных народов мира, в той или иной степени являются отражением реальных общественных отношений и поэтому могут служить источником для изучения социальной структуры общества. Особую ценность этот источник приобретает потому, что системы родства более консервативны, чем породившие их институты, и в силу этого позволяют реконструировать отошедшие в прошлое социальные отношения. Изучение развития систем родства может пролить свет на общие и частные закономерности исторической эволюции общества.

Но развитие систем родства — как и любого другого общественного явления — представляет собой единый и непрерывный процесс. Поэтому для того, чтобы оценить направление и характер этого развития, необходимо уловить перерывы постепенности, выделить исторические типы систем родства и установить генетическое соотношение между ними.

Выяснение сущности тех социальных факторов, которые обусловили особенности отдельных типов систем родства, представляет собой конечную цель социологического исследования родственной терминологии. И именно поэтому глубинные социальные факторы не могут служить критериями для выделения самих типов, т. е. являться исходным пунктом исследования: в противном случае мы оказываемся в порочном логическом круге, в котором причина характеризуется по признакам своего следствия и наоборот. Известиую параллель с этим положением представляет собой одно из наиболее уязвимых мест

---

[2] Д. А. Ольдерогге. Осиовные черты развития систем родства.— «Советская этиография», 1960, № 6, стр. 25.

традиционного языкознания, заключающееся в том, что основные категории языка определяются по их смыслу, или, иначе говоря, по признакам, установление которых является в действительности конечным результатом исследовательского процесса. Подобно тому, как выделение категорий языка, необходимое для анализа его строя, должно основываться на объективных формальных критериях, так и типы систем родства следует выделять с помощью формальных, структурных признаков, временно абстрагируясь от их социальной обусловленности. И лишь после того как особенности типологии установлены, можно сделать следующий шаг в исследовании — обратиться к выяснению социальных детерминантов системы.

I. ВКЛАД Л. МОРГАНА В ИЗУЧЕНИЕ СИСТЕМ РОДСТВА

Уже в XVII—XVIII вв. миссионеры — исследователи некоторых африканских и американских племен — обращали внимание на весьма непривычные для европейца способы обозначения родственников, практиковавшиеся аборигенами. Г Брущотто да Ветралья опубликовал в 1659 г. грамматику языка конго, в XXVIII главе которой дал сводку основных терминов родства у этого народа [3]. Брущотто писал, в частности, что словом esse обозначаются у конго отец и все его братья, а ngudi — мать и все ее сестры. Ж. Лафито, оставивший обширное описание быта и нравов североамериканских индейцев, специально отмечал, что у ирокезов и гуронов существует обычай, по которому человек называет дядей брата своей матери, но сестру ее называет матерью [4]. Однако, правильно излагая основные черты этих систем родства, впоследствии получивших название турано-ганованских, указанные авторы не делали попыток истолковать зафиксированные ими факты. Начало научному изучению номенклатур родства как особой области этнографии было положено во второй половине XIX в.

Первым ученым, обратившимся к терминологии родства не как к чисто лингвистическому феномену, а как к исторически обусловленной системе, был крупнейший американский этнограф Л. Г Морган. В своей капитальной работе «Системы кровного родства и свойства» [5] Морган на большом сравнительном материале обосновал свою типологию систем родства, которые

---

[3] Публикацию и перевод этой части книги Брущотто см.: Д. А. Ольдерогге. Система родства бакоиго в XVII в.— В кн.: «Африканский этнографический сборник», III («Труды Ин-та этнографии», т. LII, 1959, стр. 12—15).

[4] J. F. Lafitau. Moeurs des sauvages américains comparées aux moeurs des premiers temps. Paris, 1724, p. 552—553.

[5] L. H. Morgan. Systems of consanguinity and affinity of the human family. Washington, 1871.

он разделил на описательные, свойственные семитским, арийским и уральским народам, и классификационные (в двух вариантах — малайском и туранском), широко распространенные в Азии, Америке и Океании. Характеризуя значение этого замечательного исследования Моргана, У Риверс писал: «Я не знаю ни одного открытия в какой-либо области науки, которое могло бы с бо́льшим основанием считаться заслугой одного человека, чем открытие Льюисом Морганом классификационной системы родства. Говоря так, я имею в виду не только то, что он был первым, кто ясно указал на существование такого способа обозначения родства, но также и то, что именно он собрал огромную массу материала, продемонстрировавшего существенные черты этой системы, наконец, то, что он был первым, кто понял огромное теоретическое значение своего нового открытия» [6].

Говоря о взглядах Моргана на системы родства, необходимо иметь в виду, что они сложились не сразу и претерпели на протяжении 40—60-х годов прошлого века существенную эволюцию. В 1846 г., когда, изучая организацию Лиги ирокезов, Морган впервые познакомился с терминологией родства ирокезов племени сенека, он, по его собственным словам, не предполагал

---

[6] W. H. R. Rivers. Kinship and social organization. London, 1914, p. 4—5. Правда, в литературе можно встретить мнение о том, что в изучении систем родства у Моргана был предшественник — русский ученый П. А. Лавровский, опубликовавший в 1867 г. свою работу «Коренное значение в названиях родства у славян» (см., например, С. А. Токарев. История русской этнографии. М., 1966, стр. 264). П. А. Лавровский (1827—1886) получил высшее образование в Петербургском главном педагогическом институте. С 1851 г. занимал кафедру русской словесности в Харьковском университете, затем преподавал в Варшавском университете, был его ректором; в 1859—1861 гг. совершил путешествие по славянским странам. Основные работы Лавровского посвящены истории славянских языков, диалектологии, фольклору. Магистерскую степень он получил за диссертацию «О языке северных русских летописей» (СПб., 1852), докторскую — за «Исследование о Летописи якимовской» (СПб., 1855). Напомним, кстати, что первый вариант «Систем родства» Моргана был закончен им в 1864 г. Годом позже автор направил рукопись в Смитсоновский институт для публикации. Позднее Морган переработал и сократил свою работу (предисловие к ней датировано январем 1866 г.). В октябре 1867 г., после полутора лет ожидания, он получил извещение о том, что рукопись принята к печати. Однако книга вышла в свет лишь в 1871 г. (L. A. White. The correspondence between L. H. Morgan and J. Henry.— «The University of Rochester Library Bulletin», vol. XII, N 2, 1957, p. 17—22). Что же касается того вклада, который был внесен в изучение систем родства двумя этими исследователями, то между ними в сущности очень мало общего. Морган — основоположник современной этнографии, исследователь, который, по словам Энгельса, самостоятельно в рамках своего предмета пришел к материалистическому пониманию исторического процесса. Лавровский — лингвист, не ставивший перед собой задач теоретического исследования исторических проблем. Морган — ученый широкого диапазона, обобщивший огромное количество материала по системам родства целого ряда народов всех континентов. Лавровский — специалист в области славянской филологии, ограничивавшийся изучением сравнительно небольшого круга источников и не стремившийся нарисовать универсальную картину эволюции систем родства; в исследовании Лавровского мы вообще не находим классификации рассмотренных им вариантов терминологии родства, хотя некоторые выводы автора и заслуживают самого серьезного внимания.

существования подобной номенклатуры у каких-либо других народов. Не задумывался тогда Морган и над тем, какое значение имеют особенности ирокезской системы родства для этнографических исследований[7]. Поэтому в своей первой специальной статье о терминологии родства ирокезов[8] Морган не предлагал еще какой бы то ни было теоретической интерпретации собранных им полевых материалов. В 1858 г. он получил возможность познакомиться с системой родства индейцев оджибве, которая оказалась аналогичной ирокезской, хотя эти две группы индейцев по своей языковой принадлежности отличались друг от друга. Это открытие навело Моргана на мысль, что изучение терминологии родства индейцев может пролить свет на их общее происхождение[9].

Вопрос о происхождении американских индейцев оставался в середине прошлого столетия открытым. Достаточно сказать, что многие американские этнографы[10] разделяли мнение Лафито о миграции предков индейцев из Европы. Морган, напротив, придерживался теории азиатского происхождения индейцев. Воодушевленный своим открытием, он решает начать сбор данных о системах родства возможно более широкого круга народов, что, по его мысли, могло дать дополнительные аргументы в пользу единого происхождения индейских племен. В эти годы Морган предпринял четыре экспедиции к индейцам Канзаса, Миссури и Небраски, результатом чего явились подробные записи их терминологии родства[11]. С этой же целью им была разработана детальная программа для записи терминов родства, которая была затем разослана миссионерам, жившим среди различных групп индейцев, а также дипломатическим представителям Соединенных Штатов за границей.

Вопросник, прилагавшийся к программе, а также письма, разосланные одновременно с ним, убедительно свидетельствуют о том, что в это время (1859 г.) Морган рассматривал системы родства как источник для изучения этнической, а не социальной истории. Он не только не предполагал, что системы родства развиваются по мере эволюции общества, но, напротив, исходил из тезиса об их неизменности. По мысли Моргана, системы родства

---

[7] L. H. Morgan. Systems of consanguinity and affinity..., p. 3.

[8] L. H. Morgan. Laws of descent among the Iroquois.— «Proceedings of the Eleventh Meeting of the American Association for the Advancement of Science, 1857». Cambridge, 1858, pt. II, p. 132—149. Терминология родства ирокезов была описана Морганом в его более ранних общих работах: L. H. Morgan. Letters on the Iroquois by Skenandoah, Addressed to Albert Gallatin, President of the New York Historical Society.— «American Review», vol. V—VI; idem. The league of the Ho-de-no-sau-nee, or Iroquois. Rochester, 1851.

[9] L. H. Morgan. Systems of consanguinity and affinity..., p. 3—4.

[10] См., например, D. G. Brinton. The American race. New York, 1891, p. 32.

[11] L. A. White. Lewis H. Morgan's western field trips.— «American Anthropologist», vol. 53, N 1, 1951, p. 11—18.

сохраняют свои первоначальные черты даже после того, как уже изменились другие элементы культуры (например язык); и именно потому, что системы родства неизменны, они могут служить указанием на древнее родство различных народов. В том же 1859 г. Морган получил письмо от Г. У. Скаддера, который сообщил ему основные черты системы родства тамилов. «Невозможно выразить, каково было мое изумление,— писал Морган в своем дневнике,— когда я убедился, что системы тамилов и американских индейцев были в основе своей идентичны» [12]. Этот факт явился для Моргана, по его собственным словам, «решающим доказательством азиатского происхождения расы американских индейцев».

Но по мере обобщения обширного материала, полученного в результате рассылки своей программы, Морган пришел к мысли о том, что сходству в системах родства различных народов может быть дано иное объяснение. По свидетельству Мак-Ильвена, лишь перед тем, как закончить свою книгу «Системы кровного родства и свойства», Морган окончательно пришел к выводу о том, что классификационные системы отражали определенные формы брака, отличающиеся от современных. Принятие этого объяснения совершило полную революцию в уме Моргана и дало ему возможность осветить первобытное состояние общества [13]. Действительно, новое толкование Морганом классификационных систем было принципиально отлично от его первоначальной точки зрения; сходство систем родства объяснялось им теперь не генетическим родством соответствующих этнических групп, а идентичностью господствовавших у них семейно-брачных отношений. Если раньше Морган исходил из неизменяемости систем родства во времени, то теперь в основе всей его концепции лежала идея их эволюционного развития.

Выводы, изложенные Морганом в «Системах родства», а затем развитые им в «Древнем обществе» [14], общеизвестны. Терминология родства отражает те семейно-брачные формы, которыми было обусловлено ее возникновение. Однако изменения в формах брака происходят быстрее, чем меняется терминология родства. Поэтому изучение системы родства дает возможность реконструировать отжившие свой век и исчезнувшие семейно-брачные институты [15].

Следует отметить, что, отказавшись от своего первоначального толкования систем родства, Морган в этом отношении был все же не очень последователен, так как этнический аспект в

---

[12] Цит. по: L. A. White. How Morgan came to write «Systems of consanguinity and affinity».— «Papers of the Michigan Academy of Science, Arts and Letters», vol XLII, 1957, p. 260.

[13] М. Косвен. Л. Г. Морган. Жизнь и учение. Л., 1933, стр. 20.

[14] L. H. Morgan. Ancient society. New York, 1877. Русск. перев.: Л. Морган. Древнее общество. Л., 1934.

[15] Там же, стр. 250 (здесь и ниже цитируется русское издание).

той или иной степени присутствует в его теоретических построениях. «В настоящее время,— пишет, например, Морган в «Древнем обществе»,— должно быть еще более ясным, что туранская и ганованская системы, по существу тождественные, сменили начальную малайскую систему и что последняя, вероятно, господствовала повсеместно в Азии до того, как произошла миграция малайцев на острова Тихого океана. Более того, мы имеем достаточные основания полагать, что предки всех трех семей получили из общего азиатского источника вместе с потоком крови и систему родства в малайской форме и что она была впоследствии модифицирована отдаленными предками туранских и ганованских народов, приняв свою настоящую форму» [16].

Системы родства явились для Моргана основанием для разработки его теории эволюции семьи. Опровергая идею извечности моногамной семьи, Морган утверждал, что последняя является порождением новейшего времени, заключительным этапом длительного исторического развития. Пять типов семьи существовало, по Моргану, в истории человечества: 1) кровнородственная семья, основанная на браке группы родных и коллатеральных (боковых) братьев и сестер; 2) пуналуальная семья, характеризующаяся групповым браком нескольких братьев и их жен или нескольких сестер и их мужей; 3) парная семья, в основе которой лежит временный брачный союз одного мужчины и одной женщины; 4) патриархальная семья, основанная на полигамии; 5) моногамная семья.

Три типа из числа этих пяти (1, 2, 5) Морган считал основными, обладающими достаточной универсальностью и в силу этого породившими три различных типа систем родства: кровнородственная семья обусловила возникновение одного из вариантов классификационной системы — малайского, пуналуальная семья — турано-ганованского, а моногамная семья — описательной системы. Что касается парной и патриархальной семьи, то их Морган считал промежуточными типами, не создавшими своих особых систем родства. Морган неоднократно подчеркивал связь туранской системы с родовой организацией. Однако значение родовых отношений в данном случае Морган видел лишь в запрещении брачных связей между родными братьями и сестрами. Соответственно особенности группировки терминов, свойственные туранским системам, Морган объяснял в конечном счете характером брачных отношений (в малайской системе мужчина называет сына брата своим сыном, потому что жена его брата в то же время и его жена; далее, сын сестры — также его сын, потому что сестра его также его жена; в туранской системе по той же причине мужчина называет сына своего брата своим сыном, но сын сестры для него уже племянник, так как в

[16] Л. Морган. Древнее общество, стр. 255.

условиях родовой системы его сестры более не являются его женами).

Дальнейшие исследования внесли существенные коррективы в концепцию Моргана. Историческое соотношение малайской и турано-ганованской системы родства оказалось иным, чем полагал Л. Морган [17]. Работы А. Р. Рэдклифф-Брауна, Д. А. Ольдерогге и других исследователей показали, что специфика систем родства определяется не только формами брака, как полагал Морган, но в первую очередь структурой той социальной ячейки общества, какая господствовала в период возникновения системы. И в зарубежной, и в советской научной литературе неоднократно подвергалась критике предложенная Морганом типология систем родства, в частности деление их на классификационные и описательные. На неудовлетворительность такого деления еще в 1929 г. указывал С. А. Токарев. В своем докладе на VII Международном конгрессе антропологов и этнографов (1964 г.) Ольдерогге отмечал, что «следовало бы устранить оба термина и вместо прежнего деления систем родства на классификационные и описательные применять иные характеристики» [18]. Но морганов ское деление систем родства и по сей день продолжает использоваться в трудах большинства советских этнографов. Что же лежит в основе этой традиционной классификации систем родства?

II. КЛАССИФИКАЦИОННЫЕ И ОПИСАТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ

Обратимся к одному из новейших теоретических исследований по истории ранних периодов человеческой истории — монографии Ю. И. Семенова, переизданной издательством «Наука» в 1966 г. Обосновывая правомерность деления систем родства на классификационные и описательные, автор пишет следующее: «Характерной чертой классификационных систем родства является групповой характер их терминов. Каждый из терминов относится не к отдельному лицу, находящемуся в родственных отношениях с другим лицом, а к определенной группе (классу) лиц, находящихся в родстве с другими группами (классами) лиц, и лишь тем самым к каждому лицу, входящему в состав данной группы (класса) людей... Классификационные системы родства не знают индивидуального родства, родства между

---

[17] W. H. R. Rivers. Kinship and social organization; А. М. Золотарев. К истории ранних форм группового брака.— «Ученые записки исторического факультета Московского областного педагогического ин-та», т. II. М., 1940, стр. 144—169; Д. А. Ольдерогге. Малайская система родства.— В кн.: «Родовое общество» («Труды Ин-та этнографии», т. XIV, 1951, стр. 28—66).

[18] Д. А. Ольдерогге. Описательные системы родства народов Западного Судана. М., 1964, стр. 8.

отдельными лицами. Они знают родство лишь между группами лиц, лишь групповое родство.

В отличие от терминов классификационных систем родства, основные термины описательных систем относятся к строго определенным лицам, носят отчетливо индивидуальный характер. Таковы термины: «мать», «отец», «муж», «жена», «тесть», «теща» и некоторые другие. Описательные системы знают лишь родство между отдельными лицами, лишь индивидуальное родство» [19].

Нетрудно убедиться в том, что эта характеристика весьма уязвима. В ней утверждается, что классификационные системы отражают только групповое родство, а основные термины описательных систем — только индивидуальное. Но, к сожалению, автор не указывает критерия, с помощью которого он делит термины описательных систем на основные и неосновные. Остается неясным, например, почему русский термин «теща» — основной, а, например, «дочь» или «сестра» — второстепенные.

Точка зрения на классификационные системы как на такие, которые различают не отдельных родственников, а целые группы лиц, отнюдь не нова [20]. Тем не менее она не выдерживает серьезной критики. В самом деле, в типичных «описательных» системах (например, у европейских народов) помимо определенного количества индивидуальных терминов существуют термины, которые следовало бы отнести к числу «классификационных». Так, в русском языке в пределах семи поколений можно насчитать девятнадцать терминов для обозначения родственников и свойственников мужского пола [21], из которых лишь четыре [22] являются индивидуальными, а остальные обозначают целые группы лиц. Что касается систем, которые Морган приводит в качестве примера терминологий классификационного типа, то и в них есть индивидуальные термины. В частности, в ротуманском языке среди семи терминов индивидуальным является один («муж»); в тамильском — один («муж») из двадцати одного и т. д. [23] Все эти индивидуальные термины в «классификационных» системах гавайского и турано-гановапского типа относятся Семеновым к числу «основных». Поэтому если исходить из его толкования морганов ского деления систем родства на «классифика-

---

[19] Ю. И. Семенов. Как возникло человечество. М., 1966, стр. 37, прим. 1.

[20] «Если группа лиц обозначается одним термином, такие термины родства часто называют „классификационными“» (G. A. Reichard. Social life.— In: «General Anthropology». Ed. by F. Boas. New York, 1938, p. 454); ср.: М. Косвен. Л. Г. Морган. Жизнь и учение, стр. 19; «Советская Историческая Энциклопедия», т. 7, стр. 399, статья «Классификационные системы родства»; и др.

[21] Прадед, дед, отец, дядя, брат, двоюродный брат, троюродный брат, сын, племянник, внук, внучатый племянник, правнук, муж, тесть, свекор, деверь, шурин, зять, свояк.

[22] Отец, муж, тесть, свекор.

[23] Л. Морган. Древнее общество, стр. 235—244, 257—263.

ционные» и «описательные», то не вполне ясно, какая принципиальная разница существует между ирокезской системой, в которой из четырнадцати терминов два («муж», «отец жены») [24] являются индивидуальными, и, скажем, современной английской, где число индивидуальных терминов составляет три (father, father-in-law, husband) из шестнадцати.

Следует указать, что помимо приведенного в книге Семенова в нашей литературе существует и другое, существенно отличное толкование классификационных и описательных систем. Согласно ему, классификационным можно считать отнюдь не каждый термин, относящийся к группе лиц, а лишь термин, служащий для обозначения родственников разных категорий. «У ульчей,— пишет, например, А. В. Смоляк,— существовала классификационная система родства: целую группу родственников различной степени родства они называли одним общим термином» [25]. С этой точки зрения, русский термин «сын» не является классификационным (хотя он не может быть признан и индивидуальным, так как указывает не на одно «строго определенное лицо»), но такие термины, как «дядя» или «зять», должны быть отнесены к числу классификационных, потому что в первом случае общим наименованием объединяются братья отца и матери, а во втором — муж сестры и муж дочери. При таком подходе критерием для разграничения классификационных и описательных систем служит емкость терминов: в системах первого типа «одним термином родства обозначается широкая группа лиц», а в системах второго типа «одним термином обозначается только одно лицо, например отец, мать, жена, и иногда узкая группа лиц — дядя (брат отца и брат матери), дед (отец отца и отец матери)» [26].

Но если принять изложенную точку зрения, то придется вообще отказаться от попыток объективно охарактеризовать ту или иную систему родства.

Совершенно справедливо указывая на неизбежную субъективность в оценке семантической емкости того или иного термина, А. Крёбер утверждал, что в любом языке есть термины, покрывающие самые различные степени и виды родства. Европейский исследователь видит классификационные термины в языке аборигенов в тех случаях, когда соответствующие степени родства в его родном языке выражены специфически, но он забывает о том, что многие так называемые индивидуальные термины европейских систем являются классификационными с точки зрения аборигенов [27]. Действительно, русский термин «брат», ка-

---

[24] Там же, стр. 257—263.

[25] А. В. Смоляк. Ульчи. М., 1966, стр. 112.

[26] «Большая Советская Энциклопедия», изд. 2, т. 39, стр. 179, статья «Системы родства».

[27] A. L. Kroeber. Classificatory systems of relationship.— «The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland», vol. XXXIX, 1909, p. 77.

залось бы, вряд ли относится к числу классификационных; однако, с точки зрения гавайца, он безусловно является таковым, так как им обозначаются четыре отношения родства, различаемые в гавайской системе: 1) старший брат мужчины; 2) младший брат; 3) старший брат женщины; 4) младший брат женщины[28]. Таким образом, если мы будем определять классификационные системы как такие, в которых группа родственников различных степеней родства обозначается общим термином, то мы вынуждены будем признать, что все без исключения известные науке терминологии родства являются классификационными[29].

Против этого вывода Крёбера выступил Л. Уайт: «Когда Крёбер пишет о субъективизме исследователя, разделившего системы родства на классификационные и описательные, то в действительности субъективен сам Крёбер, но никак не Морган»[30]. По мнению Уайта, Морган совершенно иначе подходит к определению классификационных и описательных систем. Моргановское определение, пишет Уайт, содержится в книге «Системы кровного родства и свойства», где мы читаем: «Боковые линии разграничены и всегда расходятся с прямой линией... Это расхождение — одна из характерных черт описательной системы; ...несколько боковых линий, близких и дальних, в конечном счете объединяются и сливаются с прямой линией... Это слияние аналогичным образом представляет собой одну из характерных черт классификационной системы»[31]. Английские термины cousin, uncle, aunt, добавляет Уайт, не являются классификационными в моргановском смысле слова, так как они не объединяют прямых и коллатеральных родственников. Итак, перед нами еще одно, принципиально отличное от предыдущих, толкование классификационной и описательной систем родства. Характерной чертой описательных систем считается здесь отнюдь не наличие индивидуальных терминов, а различие в обозначении прямых и коллатеральных родственников.

Однако если обратиться к работе Моргана, на которую ссылается Уайт, то легко обнаружить, что Морган считал слияние или разграничение прямых и коллатеральных родственников отнюдь не единственным критерием для противопоставления описательных и классификационных систем. Так, характеризуя описательные системы, Морган пишет: «Кровные родственники в большинстве случаев описываются комбинацией элементарных терминов родства, коллатеральные линии разграничены и отде-

---

[28] Л. Морган. Древнее общество, стр. 235—236.

[29] «С общей сравнительной точки зрения ни одна система не имеет более выраженного классификационного характера, чем какая-либо другая» (A. L. Kroeber. Op. cit., p. 82).

[30] L. A. White. What is a classificatory kinship term? — «Southwestern Journal of Anthropology», vol. 14, N 4, 1958, p. 378.

[31] Morgan. Systems of consanguinity and affinity..., p. 13.

ены от прямой, и немногочисленные специальные термины ограничены отдельными лицами, наиболее близкими по степени родства. Случаи объединения родственников в классы со специальными терминами для обозначения отношений родства немногочисленны, представляют собой позднее явление и являются исключением в этой системе» [32].

Более того, в своей поздней работе «Древнее общество» Морган вообще не упоминает о слиянии прямой и коллатеральных линий родства как характерном признаке классификационных систем в отличие от описательных. В этой работе он пишет: «При первой (т. е. классификационной системе.— *М. К.*) кровные родственники не описываются, а делятся на категории, независимо от близости или дальности их родства к Ego; при этом один и тот же термин родства относится ко всем лицам, принадлежащим к одной категории... При описательной форме кровные родственники описываются либо основными терминами родства, либо комбинацией этих терминов; таким образом, родственное отношение каждого отдельного лица выражено специфически» [33]. Таким образом, в определении Моргана основным разграничительным признаком считается характер описания родства: описываются ли родственники с помощью основных терминов или же они объединяются в категории.

Нетрудно видеть, что такое противопоставление двух основных типов систем является неправомерным, так как основывается на признаках различных порядков: под классификационностью понимается группировка родственников, а под описательностью— морфологическая структура терминов родства. Эти два аспекта терминологии родства различны по своей сущности, и их смешение недопустимо.

III. ДВА АСПЕКТА ТЕРМИНОЛОГИИ РОДСТВА

Первый аспект родственных номенклатур связан с тем, что родственные термины любого народа представляют собой часть лексики его языка. Особенностями грамматического строя этого языка определяется и морфологическая структура терминов.

С этой точки зрения термины родства могут быть подразделены на следующие категории.

1) Элементарные термины

К их числу относятся термины, представляющие собой самостоятельные слова, неразложимые на значимые компоненты. Таковы, например, «отец», «сын», «брат» в русском языке.

---

[32] Ibid., p. 468.

[33] Л. Морган. Древнее общество, стр. 222.

Подобные термины существуют в системе родства любого народа, однако очень немногие системы включают лишь элементарные термины (такова, в частности, терминология родства кариера). В большинстве систем, помимо элементарных, используются также составные и описательные термины.

2) Составные термины

В основе их лежит элементарный термин, детерминируемый той или иной лексической единицей, которая сама по себе не является элементарным термином родства. В русском языке к числу составных терминов родства относятся, например, «двоюродный брат», «правнук» и другие; в китайском языке — такие термины, как «вайсунь» (внук сестры, где «сунь» — «внук», а «вай» — «внешний») и т. д. Таким образом, к числу составных терминов могут относиться как слова, так и словосочетания.

3) Описательные термины

Они представляют собой комбинацию двух или более элементарных терминов родства. Так, в грузинском языке дядя по отцу — «мамис дзма» («брат отца»), дядя по матери — «дедис дзма» («брат матери»); в шведском соответственно — farbror и morbror и т. д. Отличие описательных терминов от составных заключается в том, что в последних детерминирующий элемент может при определенных условиях опускаться[34], тогда как в описательных терминах ни один из составляющих не может быть опущен.

В употреблении описательных терминов следует различать два случая. В первом из них описательный термин является в данном языке единственно возможным обозначением того или иного родственника. В арабском языке, например, «сын брата» может быть обозначен только описательно (ibn akhi), тогда как для «брата отца» существует специальный элементарный термин ammi. В то же время многие элементарные и составные термины могут быть заменены описательными, если необходимо более точно обозначить генеалогическое отношение того или иного родственника к говорящему или к другому лицу[35].

Деление терминов родства на элементарные, составные и описательные представляет собой их классификацию в лингвистическом аспекте. Вместе с тем исследователь систем родства

---

[34] Так, вместо составного термина stepson (пасынок) в английском может употребляться son (сын). См. G. P. Murdock. Social structure. New York, 1949, p. 98.

[35] В качестве иллюстрации подобного уточняющего употребления описательных терминов в китайском языке приведем пример из III главы романа «Сон в красном тереме» (XVIII в.), где одно и то же лицо названо сначала «старшей невесткой» (да саоцзы), а затем «женой старшего брата» (дагэ-ды сифу). См. Цао Сюэ-цинь. Сон в красном тереме, т. I. Пекин, 1953, стр. 24 (на кит. яз.).

должен в ряде случаев абстрагироваться от этого аспекта терминологии и сопоставлять лишь семантический объем терминов, их значение.

С. А. Токарев подчеркивал, что для успешной теоретической разработки систем родства разных народов необходимо создать систему обозначений, независимую от терминологий отдельных языков. В 20-х годах им был разработан метод записи терминов родства с помощью цифровых индексов [36]. Сходная система обозначения терминов родства с помощью символов была предложена в 1930 г. А. Рэдклифф-Брауном [37]. Наконец, М. Эдмонсон применил в 1957 г. метод графического изображения терминологий родства в виде диаграмм [38]. Как было убедительно показано Токаревым, желательность применения того или иного метода записи отношений родства, не зависящего от лингвистической формы терминов, диктуется тем, что научное описание системы родства определенного народа нередко бессознательно подменяется простым переводом терминов с чужого языка на язык исследователя. Однако брать какой бы то ни было язык за эталон для изучения терминологий родства других народов теоретически неправильно. «Строго говоря, неправильны такие постоянно встречающиеся в литературе выражения, как то, например (берем наудачу два примера из сотен аналогичных), что у ирокезов человек называет брата своего отца отцом, сестру своей матери матерью и т. д.» [39].

На самом деле ирокез называет своего отца, брата своего отца, мужа сестры своей матери и некоторых других мужчин одним общим термином, который не совпадает по значению с нашим термином «отец». Точно так же неправильно утверждение, будто у гиляков «целая группа мужчин зовет группу женщин своими матерями (ымк) и группу мужчин — своими отцами (ытк)...» Дело в том, что гиляцкие термины «ытк» и «ымк» не равняются ни по своему объему, ни по содержанию русским терминам «отец» и «мать». Правильнее было бы в данном случае сказать, что у гиляков термин «ытк» охватывает группу мужчин, в которую входит родной отец говорящего, братья отца и некоторые другие родственники. При этом для характеристики данной особенности ирокезской и гиляцкой систем родства не имеет принципиального значения то, какой категорией терминов (элементарными, составными или описательными) обозначаются указанные группы родственников.

---

[36] С. А. Токарев. К вопросу о методике изучения терминологии родства.— «Вестник Московского университета. Историко-филологическая серия», № 4, 1958, стр. 189—194.

[37] A. R. Radcliffe-Brown. A system of notation for relationship.— «Man», vol. 30, N 7, 1930, p. 93, 121—122.

[38] M. S. Edmonson. Kinship terms and kinship concepts.— «American Anthropologist», vol. 59, N 3, 1957, p. 393—433.

[39] С. А. Токарев. К вопросу о методике..., стр. 367.

С точки зрения группировки родственников, обозначаемых тем или иным термином (что составляет второй аспект терминологии родства), термины могут быть подразделены на три категории.

1) Индивидуальные термины

К их числу относятся такие, каждый из которых служит для обозначения одного строго определенного лица. Во всех системах, в которых имеются индивидуальные термины, число последних всегда ограничено. В русском, китайском и латинском языках их 8, в английском — 6. Индивидуальные термины обычно являются элементарными (с точки зрения их лингвистической структуры), однако это отнюдь не означает, что все элементарные термины являются индивидуальными. Например, у австралийских арунта все термины родства элементарные, но ни один из них не является индивидуальным [40].

2) Групповые термины

Служат для обозначения группы родственников, находящихся в одних и тех же отношениях с говорящим. Групповым термином является «сын» в русском языке: у говорящего может быть несколько сыновей, каждый из которых находится, однако, в тех же родственных отношениях к своему отцу, что и все его братья.

3) Классификационные термины

Каждый из терминов этой категории служит для обозначения не только нескольких лиц, но лиц, находящихся в различных родственных отношениях с говорящим.

Классификационные термины составляют подавляющее большинство во всех известных науке системах родства, а некоторые системы (арунта, кариера, гавайская и др.) включают в себя только классификационные термины. Это и понятно. Даже в самых богатых номенклатурах родства содержится ограниченное число отдельных родственных терминов (в среднем около 25) [41], тогда как количество форм и степеней родства теоретически бесконечно, ибо с точки зрения моногенеза человеческого рода все люди являются между собою родственниками [42]. Отсюда следует, что человек может в своей повседневной жизни обходиться ограниченным количеством терминов родства лишь в силу того,

---

[40] K. Davis and W. L. Warner. Structural analysis of kinship.— «American Anthropologist», vol. 39, № 2, 1937, table 2.

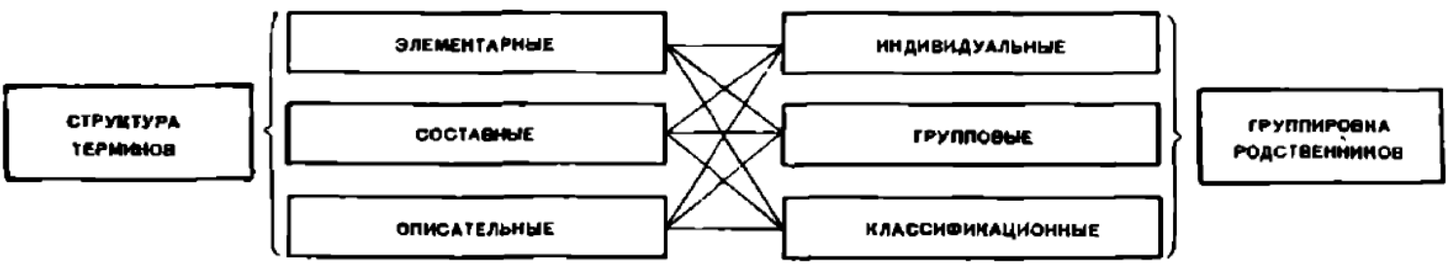
[41] A. L. Kroeber. Op. cit., p. 79.

[42] С. А. Токарев. К вопросу о методике..., стр. 368.

что по крайней мере большинство из них обозначает различные степени и виды родства, т. е. носит классификационный характер. Чем больше количество степеней родства, объединяемых одним термином, тем шире его классификационный характер и тем меньше общее число терминов в данной системе.

С точки зрения своей лингвистической структуры классификационные термины могут относиться к любой из трех категорий, т. е. они могут быть элементарными, составными или описательными. Обязательного соответствия между различными категориями этих двух аспектов терминологий родства не существует. Достаточно, в частности, сравнить термины для обозначения братьев отца в современном шведском и среднекитайском языках. В первом случае мы имеем один описательный термин (farbror), во втором — два элементарных термина («бо» и «шу»). Однако описательный шведский термин имеет более широкий классификационный характер, чем китайские, так как последние различают старших и младших братьев отца, объединенных в шведском под одним термином.

Классификация терминов родства с точки зрения их морфологической структуры и плана содержания, а также соотношения между различными категориями терминов представлена на следующей схеме:



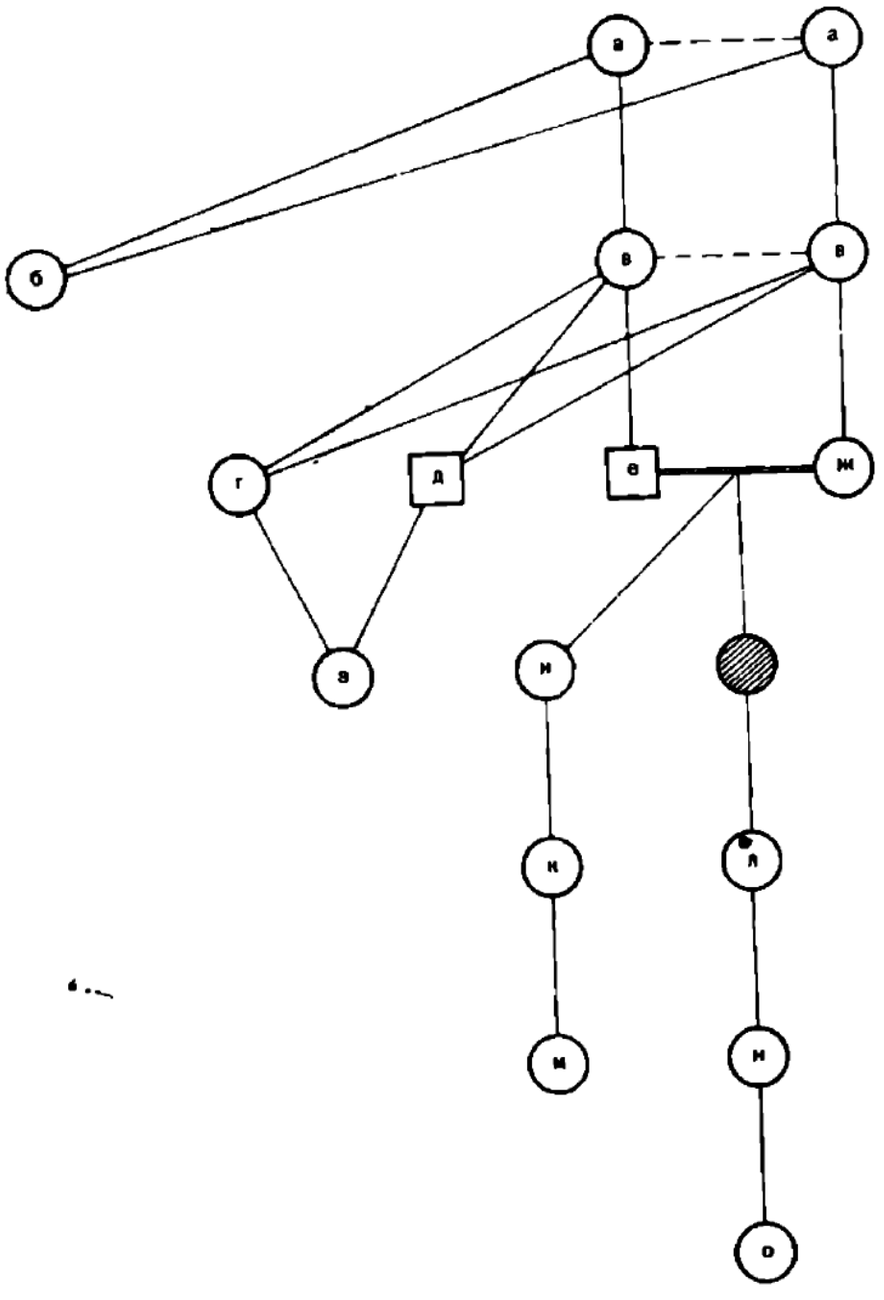
Принципиальное различие между двумя основными аспектами терминологий родства свидетельствует об ошибочности попыток характеризовать одни номенклатуры с точки зрения структуры терминов, другие — в плане их содержания. Так как ни одна из категорий обоих аспектов не свойственна исключительно только тем или другим системам, выделять типы систем на том основании, что в них присутствуют термины той или иной категории, также теоретически неправильно. Нельзя основываться и на статистическом критерии: как уже было показано выше, ни общее количество терминов, ни число индивидуальных и классификационных наименований не позволяют четко противопоставить такие глубоко различные по своему характеру системы родства, как ирокезская и английская.

В любой системе большинство терминов родства классифицируют родственников различных степеней. Различия между ними заключаются лишь в том, что неодинаковы принципы классификации родственников. Дать научную типологию систем родства можно только на основе разграничения этих принципов.

IV. ПРИНЦИПЫ КЛАССИФИКАЦИИ РОДСТВЕННИКОВ КАК ОСНОВА ТИПОЛОГИИ СИСТЕМ РОДСТВА

Таким образом, если та часть морганов ского определения двух больших категорий систем родства, где классификационные термины противопоставляются описательным, является ошибочной, то второй критерий — слияние или разграничение прямой и коллатеральных линий родства — существен и объективен. Этот критерий действительно может быть использован в типологии систем родства. Нетрудно убедиться в этом, сопоставив три следующие системы: английскую, гавайскую и ирокезскую.

1. Английская система [43]

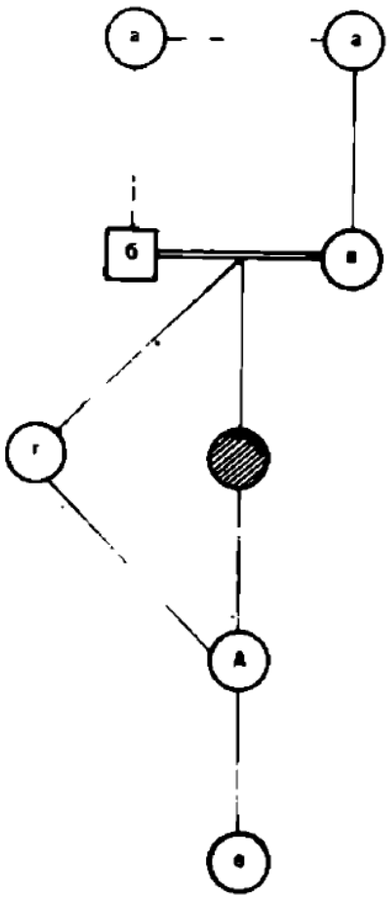


а — 111-211 (great grandfather)[44]
б — 117-217 (great uncle)
в — 11-21 (grandfather)
г — 17-27 (uncle)
д — 18-28 (aunt)
е — 2 (mother)
ж — 1 (father)
з — 173-273-183-283 (cousin)
и — 7 (brother)
к — 73 (nephew)
л — 3 (son)
м — 733 (grandnephew)
н —33 (grandson)
о — 333 (great grandson)

[43] M. S. Edmonson. Op. cit., p. 422—423.

[44] Условные обозначения: ◉ — Ego (мужчина); ○ — мужской родственник; □ — женский родственник; — кровное родство; = брачные отношения; — — — родственники, термины для обозначения которых совпадают. Цифровые обозначения родственников даны по коду Токарева. В целях упрощения на всех схемах приводятся только мужские родственники по крови, женские же указаны в тех случаях, когда они являются необходимыми «связующими родственниками» Разграничение родственников по возрасту в пределах поколения не учитывается.

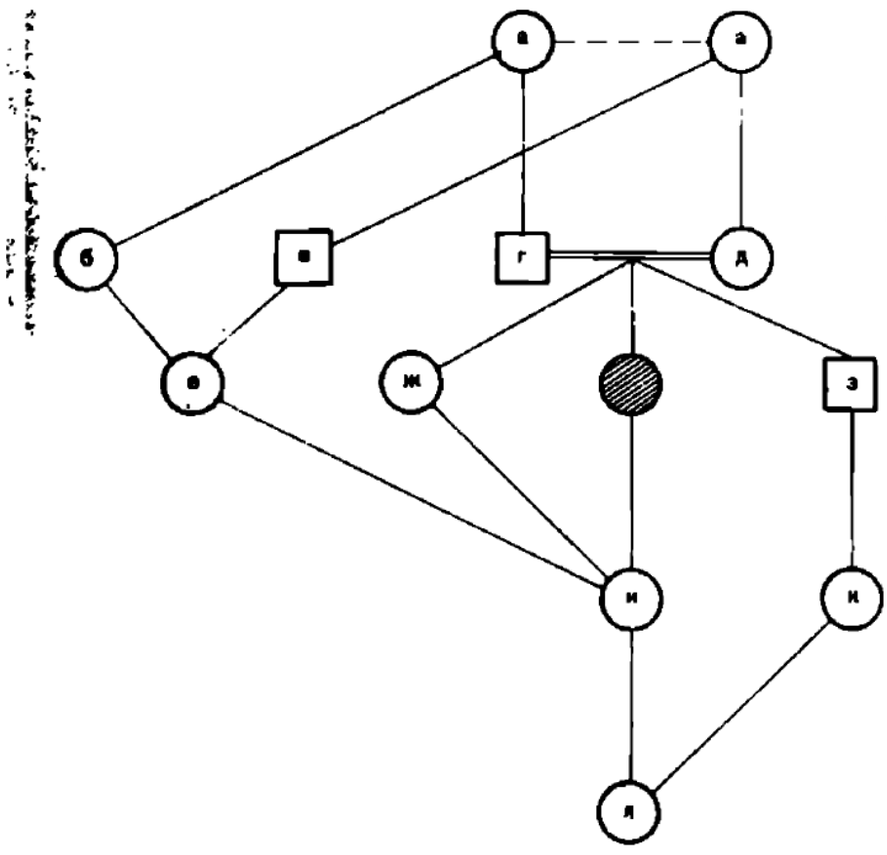
В этой системе прямая линия родства четко отграничивается от боковых и никогда не сливается с ними. Графически эти линии родства выражены параллельными прямыми.



2 Гавайская система[45]

а — 11-21 (kupuna kana)
б — 2-28-18 (makua waheena)
в —1-17-27 (makua kana)
— 7 (kaikaina)
д — 3 (kaikee kana)
е — 33-43 (moopuna kana)

В этой системе боковые линии родства слиты с прямой линией. Здесь все боковые линии в конечном счете сливаются с прямой и графически выражены замкнутыми ломаными линиями.



3. Ирокезская система[46]

а — 11-21 (hoc-sote)
— 27 (hoc-no-seh)
б — 18 (ah-ga-huc)
в
г — 2 (no-yeh)
д — 1 (ha-nih)
е — 273-183 (ah-gare-seh)
ж— 7 (ha-ye)
з — 8 (ah-ye)
и — 33-73 (ha-ah-wuk)
к — 8 (ha-ya wan-da)
л — 33-833 (ha-ya-da)

[45] Л. Морган. Древнее общество, стр. 235—244.
[46] Там же, стр. 257—268.

Этот признак позволяет нам отчетливо противопоставить английскую систему, с одной стороны, гавайскую и ирокезскую, с другой.

Но Морган, как известно, не ограничился дуальным делением терминологий родства и выделил внутри так называемых «классификационных» систем два самостоятельных типа, противопоставив гавайскую номенклатуру ирокезской. Это было сделано им на основании иного признака — слияния или разграничения линий родства по матери и по отцу.

Действительно, в гавайской системе первое восходящее поколение представлено одним мужским термином [здесь сливаются отец (1), брат отца (17) и брат матери (27)], тогда как в ирокезской системе то же поколение представлено двумя терминами [отец (1) сливается с братом отца (17), но отграничивается от брата матери (27)]. То же самое наблюдаем в поколении Ego, где одному термину гавайской системы (7-173-273-183-283) соответствуют два ирокезских термина (7-173-283 и 183-273) [47].

Однако можно заметить, что по признаку разграничения или слияния линий отца и матери ирокезская система противопоставляется не только гавайской, но и английской системе, тогда как группировка английских и гавайских терминов совпадает между собой. Это наводит на мысль, что тот же критерий должен быть применен и к так называемым «описательным» системам. Последовательное дихотомическое деление систем по двум различным признакам позволяет выделить не три, а четыре самостоятельных типа. И терминологии этого четвертого, не выделенного Морганом, но логически вытекающего из применения предложенных им критериев, действительно существуют. К их числу принадлежит, например, современная китайская система.

Четвертый тип систем родства был впервые охарактеризован Р. Лоуи [48]; к аналогичным выводам независимо от этого автора пришли У. Риверс [49] и П. Кирхгоф [50]. Все они пользовались классификацией систем по четырем типам, хотя и обозначали их по-разному.

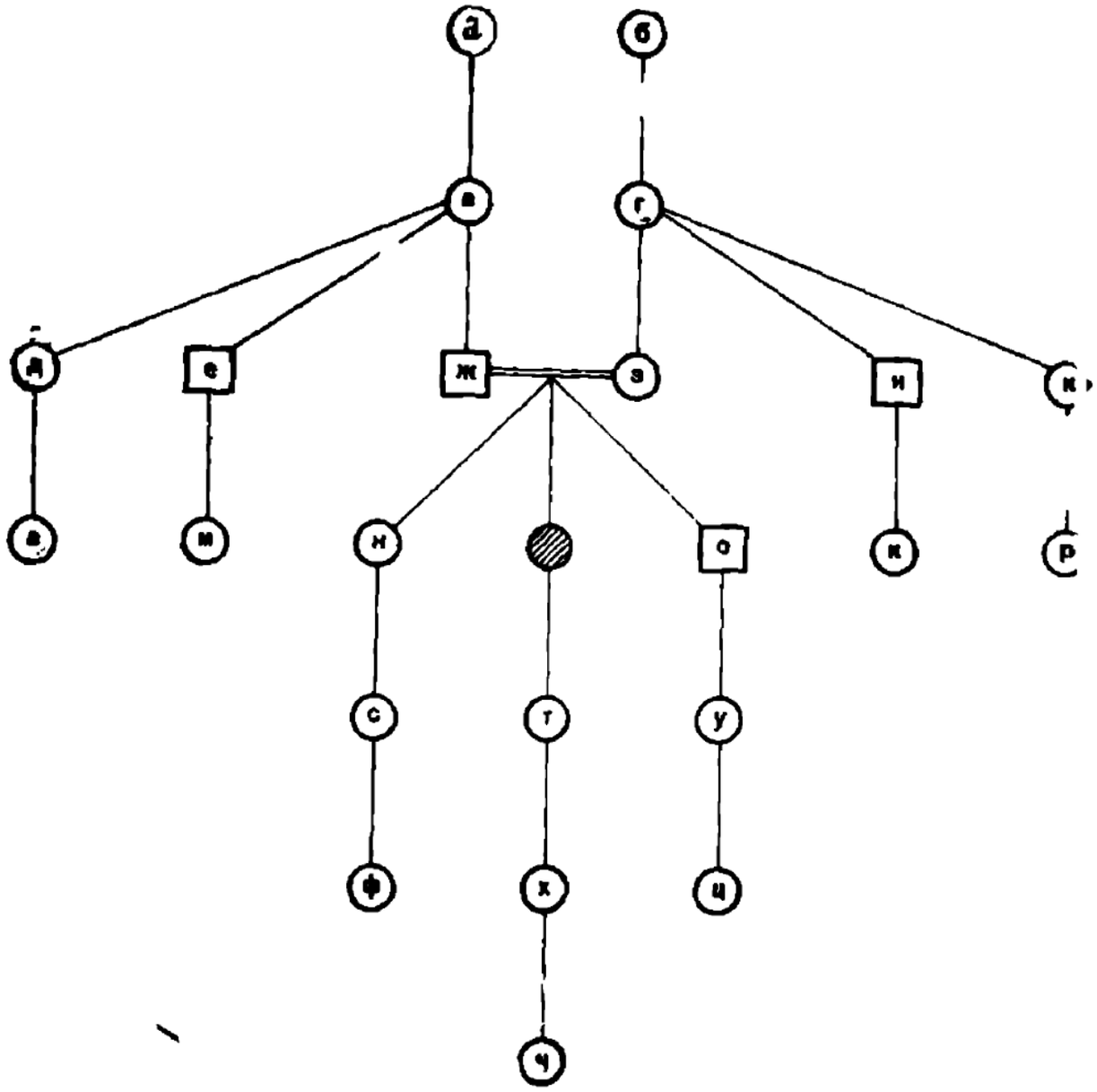
---

[47] Заметим здесь, что во втором восходящем поколении структура ирокезской системы аналогична гавайской: как в той, так и в другой отец отца (11) и отец матери (21) терминологически не различаются. Однако есть системы, в которых разграничение линий отца и матери проведено во всех поколениях. Такова, например, терминология яральде. См. Ю. М. Лихтенберг. Происхождение некоторых особенностей классификаторских систем родства (турано-гановаиского типа).— В кн.: «Проблемы истории первобытного общества», стр. 199—201. Терминология яральде является в этом отношении более типичной системой турано-гановаиского типа.

[48] R. H. Lowie. Relationship terms.— In: «The Encyclopeadia Britannica», 14th ed., vol. 19, p. 84.

[49] W. H. R. Rivers. Social ogranization. London, 1924, p. 61—62.

[50] P. Kirchhoff. Verwandtschaftsbezeichnungen und Verwandtenheirat.— «Zeitschrift für Ethnologie», Jg. 64, H. 1/3, 1932, S. 46—50.



4. *Китайская система* [51]

а — 211 (вай цзэнцзу)	и — 18 (гугу)	с — 73 (чжицзы)
б — 111 (цзэнцзу)	к — 17 (бофу)	т — 3 (зрцзы)
в — 21 (вай цзуфу)	л — 273 (цзюбяо сюнди)	у — 83 (вайшэн)
г — 11 (цзуфу)	м — 283 (нбяо сюнди)	ф — 733 (чжжсунь)
д — 27 (цзюцзю)	н — 7 (сюнди)	х — 33 (суньцзы)
е — 28 (н)	о — 8 (цземэй)	ц — 833 (вайсунь)
ж — 2 (муцинь)	п — 183 (губяо сюиди)	ч — 333 (цзэнсунь)
з — 1 (фуцинь)	р — 173 (шубо сюндн)	

№	Тип систем	Морган	Лоун	Риверс	Кирхгоф
I	ирокезский	турано-ганованский	коллатерально-слившийся	клановый	B
II	гавайский	малайский	поколенный	гавайский	C
III	китайский	—	коллатерально-раздвоенный	родственный (kindred)	A
IV	английский	арнйский («описательный»)	линейный	семейный	D

[51] Полевые матервалы автора.

Соотношение этих типов может быть продемонстрировано на следующей таблице обозначений мужских кровных родственников в первом восходящем поколении [52].

№	Тип систем	Родственное отношение			Количество терминов
		1	17	27	
I	Ирокезский	ha-nih		hoc-no-seh	два
II	Гавайский	makua kana			один
III	Китайский	фуцинь	бофу	цзюцзю	три
IV	Английский	father	uncle		два

Более широкий набор вариантов оказывается возможным в поколении Ego. Здесь помимо терминов, группировка которых наиболее последовательно отражает особенности четырех типов, существуют еще два варианта:

№	Тип систем	Родственные отношение					Количество терминов
		7	173	283	273	183	
I	Ирокезский	ha-ye			ah-gare-seh		два
II	Гавайский	kaikina					одии
III	Китайский	сюиди	шубо сюнди	ибяо сюнди	цзюбяо сюндк	губяо сюнди	пять
IV	Английский	brother	cousin				два
V	Маньчжурский	age	jalhi	tehemji	nahunji		четыре
VI	Бурятский	аха	ūgele	bōi		ūgele	три

Анализируя конкретные системы родства, можно обнаружить, что обозначения родственников в первом восходящем поколении и поколении Ego встречаются в различных комбинациях. Так, в поколении Ego может быть термин ирокезского типа, а в первом восходящем поколении — китайского и т. д. Пользуясь материалами, собранными Дж. Мёрдоком, по 350 народам [53], можно установить следующую частичную закономерность в соотношении терминов родства четырех выделенных нами типов [54].

---

[52] R. H. Lowie. Relationship terms, p. 84.

[53] G. P. Murdock. World ethnographic sample.— «American Anthropologist», vol. 59, № 4, 1957, p. 664—687

[54] Маньчжурский тип классификации родственников в поколении Ego не был выделен Мёрдоком. Поэтому мы исключили из таблицы и второй промежуточный тип — бурятский, ограничившись четырьмя основными типами.

Тип систем		Первое восходящее поколение			
		I	II	III	IV
Поколение Ego	I	45	—	60	—
	II	39	20	48	28
	III	10	—	27	—
	IV	—	—	21	40

Приведенные статистические данные позволяют сделать некоторые важные наблюдения.

Прежде всего, к числу установленных Морганом трех типов систем родства, представленных в «чистом» виде (специфика двух признаков выдержана в обоих поколениях), относится менее 30% учтенных систем (5,7% — малайские; 12,8% — туранованские; 11,4% — арийские). Это еще раз доказывает, что моргановская типология недостаточна для характеристики всего эмпирического многообразия терминологий родства различных народов.

Но и четыре типа сами по себе охватывают лишь 37,6% всех систем. Однако если мы учтем сочетания типов I и II (11,1%), I и III (20,0%), II и III (13,4%), II и IV (8,5%), III и IV (6,0%), то сумеем охватить 96,6% терминологий, собранных Мёрдоком. Это обстоятельство свидетельствует о том, что, классифицируя системы родства, следует учитывать как четыре основных типа, так и пять промежуточных.

Обратим внимание на то, что среди 350 терминологий не отмечено ни одной, в которой комбинировались бы признаки ирокезского и английского типа.

V. ИСТОРИЧЕСКОЕ СООТНОШЕНИЕ ОСНОВНЫХ ТИПОВ СИСТЕМ РОДСТВА

Ошибки Моргана в установлении генетической связи между выделенными им типами систем родства были в значительной мере обусловлены особенностями самого метода этого исследователя.

Для выяснения закономерностей эволюции систем родства Морган изучал не реальные исторические примеры такой эволюции, а сопоставлял системы родства современных ему народов, находившихся на разных ступенях общественного развития. Эти «горизонтальные срезы» Морган располагал затем в определенной последовательности в соответствии со своим представлением об уровне развития соответствующих народов, при этом он учитывал и некоторые соображения чисто логического порядка. Так, малайская (гавайская) система рассматривалась Морганом как

древнейшая не потому, что он располагал конкретными примерами трансформации малайской терминологии в турано-ганованскую, а потому, что, во-первых, он относил гавайское общество к «средней ступени дикости» и, во-вторых, потому, что гавайская номенклатура представлялась ему наиболее простой, а стало быть и наиболее примитивной.

С этой точки зрения очень интересно проследить историческое развитие одной определенной системы родства. Речь идет о латинской терминологии, эволюция которой засвидетельствована письменными памятниками. Характеризуя латинскую номенклатуру родства, Морган опирался на те толкования терминов, которые дошли до нас в сочинениях римских юристов, стремившихся преодолеть многозначность (читай: классификационность) многих латинских терминов. Между тем вполне возможно провести сравнение случаев употребления этих терминов в текстах различных периодов римской истории, что дает убедительные свидетельства эволюции терминологии родства [55].

Однако и критики Моргана, указывая на ошибки своего предшественника, тем не менее пользовались его методикой. Характеризуя гавайскую систему родства, А. М. Золотарев, например, опираясь на работы У. Риверса, показал, что в действительности в XVIII — начале XIX в. гавайцы достигли высокого уровня общественного развития и отнюдь не были «примитивным» народом, существовавшая у них система родства была результатом упрощения более древней терминологии турано-ганованского типа [56]. Но какая именно терминология предшествовала системе родства гавайцев и как она была модифицирована, Золотаревым показано не было. Что касается Р. Лоуи и П. Кирхгофа, то их соображения о соотношении исторических типов систем родства представляются еще менее доказательными. Лоуи придерживался мнения, что турано-ганованская («коллатерально-слившаяся») терминология возникает из «коллатерально-раздвоенной» [57], но для обоснования этого вывода не привел никаких фактов. Кирхгоф обращает внимание на то, что системы «коллатерально-раздвоенного» типа содержат наибольшее количество терминов: в первом восходящем поколении терминологически различаются отец, брат отца и брат матери, а также мать, сестра матери и сестра отца; в поколении Ego различаются брат, сын брата отца и сын брата матери и т. д. С другой стороны, если в системах турано-ганованского типа отношения свойства и родства в ряде случаев выражаются одним термином (например, объединяются брат ма-

---

[55] F. G. Lounsbury. The structure of the Latin kinship system and its relationship to Roman social organization.— «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук», т. IV, М., 1967, стр. 261—270.

[56] А. М. Золотарев. К истории ранних форм группового брака.

[57] R. H. Lowie. A note on relationship terminologies.— «American Anthropologist», vol. 30, № 2, 1928, p. 263—267.

тери и отец мужа; сын сестры и муж дочери и т. д.), то в системах «коллатерально-раздвоенного» типа категории родства и свойства не совпадают между собой.

Термины свойства в этих системах весьма многочисленны; многие специфические отношения свойства, имеющие в «коллатерально-раздвоенных» терминологиях особые обозначения, в других системах вообще терминологически не выражены. Таким образом, для систем «коллатерально-раздвоенного» типа характерно максимальное общее количество терминов при минимальном количестве классификационных терминов, которые в первом восходящем и нисходящем поколениях отсутствуют совершенно.

Последнее обстоятельство составляет наиболее яркий контраст с малайской терминологией. Рассматривая обозначения степеней родства в психологическо-лингвистическом аспекте, Кирхгоф говорит о «коллатерально-раздвоенной системе» («тип А») как об антиподе малайской («тип С», по его классификации): первая являет собой пример конкретного, вторая — абстрактного словообразования. Исходя из того, что развитие языка идет от конкретного к абстрактному, этот автор приходит к выводу, что «коллатерально-раздвоенная» терминология представляет собой исходное звено, а малайская — конечный результат общего процесса развития систем родства [58].

Совершенно иным путем подошел к изучению систем родства современник Моргана П. А. Лавровский. Филолог-славист [59], он заинтересовался «коренным значением» терминов родства славянских народов. Другими словами, если на первых порах Морган на основании сходства систем родства различных народов стремился доказать общность их происхождения, то Лавровский рассматривал термины родства, бытовавшие в языке родственных между собой славянских народов, с целью выяснить особенности древней общеславянской терминологии.

Опираясь на достижения славянской филологии, Лавровский использовал в своей работе методы сравнительно-исторического языкознания. Но при этом он не ограничился сопоставлением терминов, бытовавших у славянских народов, а предпринял попытку реконструировать историческую эволюцию системы родства русских, опираясь при этом на свидетельства древнерусских письменных источников. «Я не только не чуждался указаний исторических,— отмечает Лавровский,— а, напротив, хватался за каждое свидетельство, какое только удавалось подметить мне, и сопоставлял его объяснениям лингвистическим. Такое направление казалось не неважным в том отношении, что посредством его можно бы легко определить постепенное ослабление родо-

---

[58] P. Kirchhoff. Op. cit., S. 51.

[59] См. стр. 355, прим. 6.

связей через замирание и окончательное исчезновение из жизни терминов родства» [60].

Таким образом, в противоположность Моргану, Лавровский сочетал сравнительное изучение нескольких синхронных систем родства с ретроспективным анализом одной системы, взятой в ее реальном историческом развитии. Нет нужды доказывать, что именно этот последний метод, в тех случаях когда возможность его применения обеспечивается достаточно количеством датированных письменных памятников, может дать наиболее убедительные факты для реконструкции исторической эволюции систем родства. Основные этапы такой эволюции можно в этом случае восстановить не гипотетически, а на основании аутентичных свидетельств ряда последовательных исторических эпох. И тем не менее сравнительный метод Моргана безраздельно господствовал в области изучения систем родства вплоть до нашего времени, когда собственно историческому анализу конкретных систем начинает уделяться, наконец, все большее внимание [61] Именно на выводы, сделанные в работах такого рода, и следует в первую очередь опираться при рассмотрении вопроса о соотношении исторических типов систем родства. Рассмотрим некоторые из этих выводов.

А. Русская система родства

Исторические изменения в русской номенклатуре родства были впервые прослежены Лавровским. Говоря об обозначениях кровных родственников в первом восходящем поколении, автор отмечает, что «названия дядя и тетка, как выражающие понятия слишком общие, без различия разнообразных оттенков родства, не удовлетворяли славян, и в их языке с незапамятных пор усматриваем мы несколько новых терминов, в сущности, для тех же понятий, только более точно и подробно определяющих самые мелкие особенности» [62]. Такими терминами являлись «стрый» — брат отца и «уй» («вуй») — брат матери. В этих значениях данные термины были прослежены автором в древнерусских летописях: в Новгородской (1158 г., 1175 г., 1177 г.), Ипатьевской (1155 г., 1164 г.) и др. Соответственно сын стрыя (двоюродный брат по отцу) назывался «стрычич», по матери — «вуйчич». В первом нисходящем поколении дети брата и сестры также различались: сын брата — «братанич», сын сестры — «сестрич»

---

[60] П. Лавровский. Коренное значение в названиях родства у славян. СПб., 1867, стр. 2—3.

[61] M. S. Edmonson. Op. cit.; R. J. Smith. Japanese Kinship terminology: the history of nomenclature.— «Ethnology», 1962, vol. 1, № 3, p. 349—359; F. G. Lounsbury. Op. cit.; Д. А. Ольдерогге. Система родства бакоиго; М. В. Крюков. Древнекитайская система родства и вопрос о приоритете систем турано-ганованокого типа. М., 1964.

[62] П. А. Лавровский. Указ. соч., стр. 37.

и т. д. Если термин «стрый» встречается в письменных памятниках на протяжении длительного времени, то на смену другим специальным обозначениям родственников по отцовской и материнской линии постепенно приходят новые термины, в которых разграничение линий родства уже не проводится. К числу их относится, в частности, слово «тетка», древнейшее упоминание которого, по Лавровскому, относится к 1178 г.[63] Специальные термины для обозначения детей брата и сестры встречаются в памятниках вплоть до XVI в. По-видимому, одиовременно с этим в обиход входят слова «племянник» и «племянница». С XVII в. появляется термин «дядя» и т. д.[64]

Таким образом, древнерусская родственная терминология XI—XII вв. оказывается более разнообразной и богатой, чем современная. Общий вывод, сделанный в связи с этим, был выражен автором следующим образом: «Из наблюдения над постепенным вымиранием родственных названий в последующее, сравнительно позднейшее историческое время жизни славян, когда семейно-родовой быт их, видимо, распадался, смело можно утверждать, что полнота родственных терминов, которые приходится нам собирать отрывками, относится к самому полному развитию семейно-родовой жизни. В таком состоянии для членов в роде сама собой представлялась надобность выделить из общего понятия «дядя» брата отца и брата матери: та же, конечно, надобность побуждала к более строгому определению племянников с племянницами, которые могли быть детьми братьев и сестер. Эта чуткость к особенностям родственных отношений и породила особые выражения, которые в большем или меньшем количестве существуют и доныне у славян, разумеется, всего сильнее там, где успехи новейшей цивилизации не проникли слишком глубоко в старину патриархальную»[65]. Таким образом, Лавровским был конкретно-исторически проанализирован процесс формирования современной русской системы родства.

Исследования Лавровского, оставшиеся неизвестными зарубежным исследователям систем родства, подтверждают необходимость выделения «коллатерально-раздвоенной» номенклатуры в качестве самостоятельного типа систем родства. Реконструированная Лавровским древнерусская терминология обнаруживает все характерные особенности этого типа: 1) обособление линий родства по отцу и по матери («стрый» и «уй» в первом восходящем поколении, «стрычич» и «уйчич» в поколении Ego); 2) обособление отца и матери от их братьев и сестер, братьев и сестер

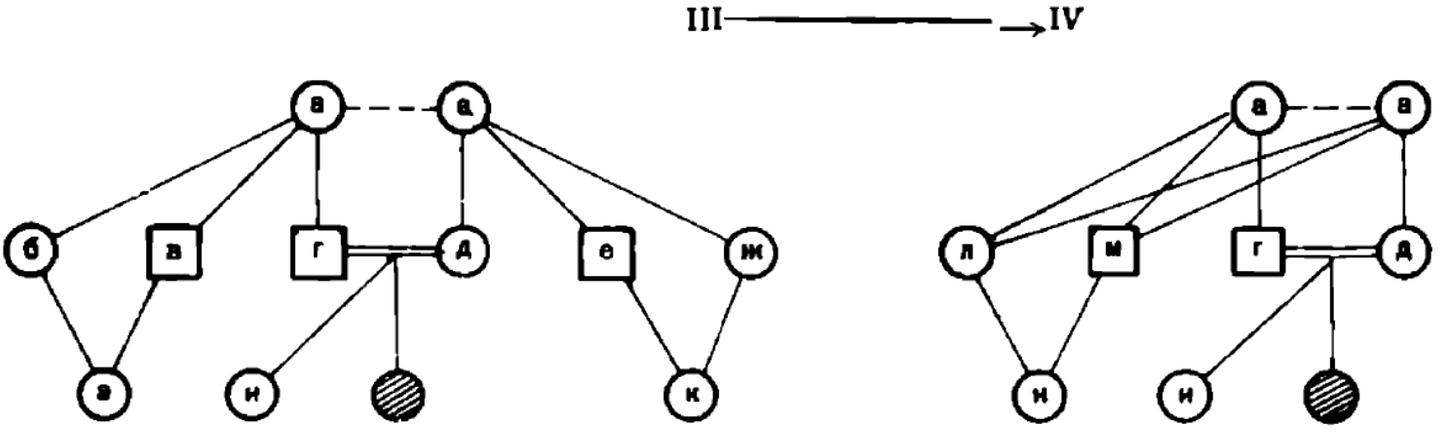
[63] Заметим попутно, что, например, в новгородских берестяных грамотах особые термины для сестры отца и матери не зафиксированы: термин «тетка» встречается в грамоте № 346, датируемой по палеографическим и стратиграфическим данным рубежом XIII—XIV вв. (А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1958—1961 гг. М., 1963, стр. 33—35).

[64] П. А. Лавровский. Указ. соч., стр. 46—50.

[65] Там же, стр. 4.

от сыновей и дочерей дядьев и теток, сыновей и дочерей от племянников и племянниц.

Развитие русской системы родства в XII—XX вв. может быть охарактеризовано как процесс превращения терминологии «китайского» типа в «английскую».



а — 11-21 (дед)
б — (вуй)
в — 28 (вуйка)
г — 2 (мать)
д — 1 (отец)
е — 18 (стрычка)
ж — 17 (стрый)
з — 273-283 (вуйчич)
н — 7 (брат)
к — 173—183 (стрычич)
л — 18-27 (дядя)
м — 18-28 (тетка)
н — 173-183-273-283 (двоюродный брат)

Б. Латинская система родства

Исследования Л. Моргана[66], Дж. Томсона[67], Ф. Лаунсбери[68] позволяют наметить основную линию развития латинской терминологии.

В классическом латинском языке номенклатура родственных терминов предстает перед нами в качестве примера системы «китайского» типа. Мы видим в ней отдельные обозначения для отца (pater), брата отца (patruus) и брата матери (avunculus), а также для матери (mater), сестры матери (matertera) и сестры отца (amita). Соответственно в поколении Ego пять категорий мужских родственников: брат (frater), сын брата отца (frater patruelis), сын сестры отца (amitinus), сын сестры матери (consobrinus), сын брата матери (filius avunculi).

Однако уже в «Пандектах» содержится указание на то, что родственники в поколении Ego (за исключением брата — frater) «все обозначаются в простонародье одинаковым названием — consobrini»[69]. Другими словами, в живой народной речи VI в.

---

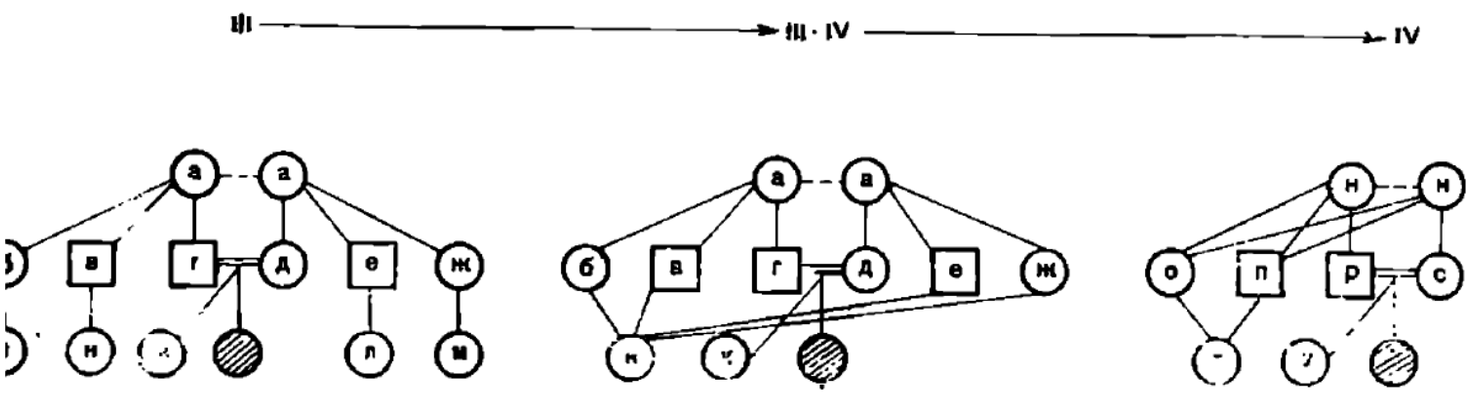
[66] L. H. Morgan. Systems of consanguinity and affinity.., p. 16—28.

[67] Дж. Томсон. Исследования по истории древнегреческого общества. Доисторический эгейский мир. М., 1958, стр. 74—79.

[68] F. G. Lounsbury. Op. cit.

[69] «Item fratres patrueles. id est, qui quaeve ex duobus fratri bus progenerantur: item consobrini..., id est, qui quaeve ex duabus sororibus nascuntur..., item amitini.., id est, qui quaeve ex fratre et sorore propagantur; sed lere vulgus istos omnes communt

н. э. четыре специальных обозначения родственников в поколении говорящего были заменены уже одним общим термином. Перед нами превращение системы «китайского» типа в промежуточный «китайско-английский» (III—IV) тип, где термины в первом восходящем поколении характеризуются особенностями предыдущего этапа, а обозначения родственников в поколении Ego относятся уже к новому типу; следующий этап эволюции, отраженный в современной итальянской системе,— приведение в соответствие с этим новым (IV) типом также и терминов первого восходящего поколения:



а — 11-21 (avus)
б — 27 (avunculus)
в — 28 (matertera)
г — 2 (mater)
д — 1 (pater)
е — 18 (amita)
ж— 17 (patruus)
з — 273 (filius avunculi)
и —283 (consobrinus)
к — 7 (frater)
л — 183 (amitinus)
м — 173 (frater patruelis)
н — 11-21 (avolo)
о — 17-27 (zio)
п — 18-28 (zia)
р — 2 (madre)
с — 1 (padre)
т — 183-173-273-283 (cugino)
у—7 (fratello)

Отсутствие более ранних источников не дает возможности прямо ответить на вопрос о том, какая система предшествовала латинской номенклатуре классического периода. Некоторые косвенные данные на этот счет могут быть выявлены посредством анализа терминов с точки зрения их лингвистической структуры. В самом деле, термины pater и mater относятся к числу элементарных, но patruus и matertera являются производными. На этом основании можно высказать предположение, что первоначально в латинской системе термин pater обозначал как отца, так и брата отца, а mater — мать и сестру матери [70]. А если это действительно так, то номенклатуре классического периода в Риме предшествовала система ирокезского типа [71]. Об этом же, очевидно, свидетельствует и тот факт, что производный термин frater patruelis нередко заменялся его элементарной основой (frater), т. е. брат и сын брата отца обозначались одним общим термином [72].

appellatione *consobrinos* vocat» («Pandectes Justinianeae in novum ordinem digestae», Lib. XXXVIII, Tit. X).

[70] F. G. Lounsbury. Op. cit., p. 263—264.

[71] Дж. Томсон. Указ. соч., стр. 79.

[72] Там же, стр. 75.

В. Китайская система родства

Примерно на тех же основаниях Д. А. Ольдерогге, анализируя древнекитайскую номенклатуру родства, дошедшую до нас в словаре «Эръя» (IV—III вв. до н. э.), писал: «Сквозь весьма стройную систему терминологии „Эръя" проглядывает более древняя система турано-ганованского типа» [73]. Ольдерогге имел в виду тот факт, что в словаре не указан какой бы то ни было особый термин для обозначения сына брата, из чего «с необходимостью следует, что в эпоху составления словаря „Эръя" отец и его братья назывались одним и тем же термином» [74].

Если аналогичный вывод в отношении латинской системы можно сделать лишь чисто гипотетически, то применительно к древнекитайской терминологии он может быть обоснован фактическими указаниями источников. Так, в одной из надписей на древнекитайских бронзовых сосудах IX—VII вв. до н. э. встречается упоминание о человеке, приносящем жертвы своим «отцам и старшим братьям» [75]. Здесь термин «отцы» (чжу-фу) бесспорно употреблен в классификационном смысле, объединяя отца и его братьев. Такое же классификационное значение имеет в данной надписи и термин «старшие братья» (чжу-сюн). В то же время сестра отца (= мать мужа) в надписях этого периода терминологически отличается от матери, а дочь — от дочери сестры и т. д. [76] Таким образом, несмотря на неполноту родственной номенклатуры, нашедшей отражение в аутентичных древнекитайских источниках первой половины I тыс. до н. э., эта номенклатура должна быть отнесена к «ирокезскому» типу. Терминологические изменения, имевшие место на протяжении последних веков до н. э., знаменовали превращение «ирокезской» системы в «китайскую» [77]. Дальнейшая эволюция системы не затронула коренных ее основ, сложившихся к началу н. э. Современная китайская система родства по-прежнему относится к III из выделенных нами четырех типов.

Если сопоставить между собой рассмотренные примеры исторического развития систем родства, то обнаружится, что они документируют следующие этапы в общей схеме эволюции типов:

---

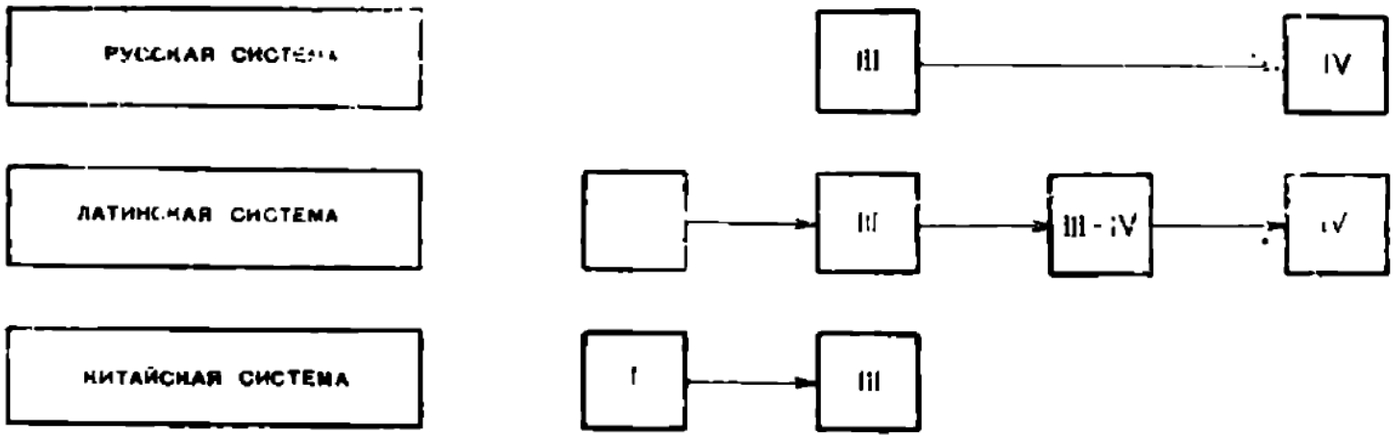
[73] Д. А. Ольдерогге Малайская система родства, стр. 60.

[74] Там же

Ло Чжэнь-юй. Надписи на металле трех династий (б. м.), 1935, т. IV, стр. 15 (на кит. яз.)

[76] Там же.

[77] Жуй И-фу. Эволюция китайской системы родства и ее связь с семейной организацией.— «Миньцзусюэ яньцзю цзикань», т. 8, 1948, стр. 124 (на кит. яз.), Го Минкуинь. Исследования языка и семейной организации китайцев. Токно, 1962, стр. 248 (на япон. яз.)



* * *

Выше уже отмечалось, что схема развития систем родства представлялась Моргану в виде последовательной смены трех исторических типов терминологий: малайская⟶турано-ганованская⟶арийская. При этом Морган специально отмечал, что если туранская система возникает как результат развития и модификации малайской терминологии, то арийская («описательная») система не может быть непосредственно возведена к туранскому прототипу, являясь принципиально иной по своей структуре. «При нынешнем состоянии наших знаний,— писал Морган,— нельзя доказать с полной очевидностью, что арийская, семитическая и уральская семьи человечества обладали в прежнее время туранской системой родства» [78].

Среди 350 номенклатур, собранных Мёрдоком, также не обнаруживается ни одной, которая характеризовалась бы чертами перехода от «ирокезской» системы к «английской». Это говорит о том, что два последних типа не могут быть поставлены рядом в общей схеме развития систем родства.

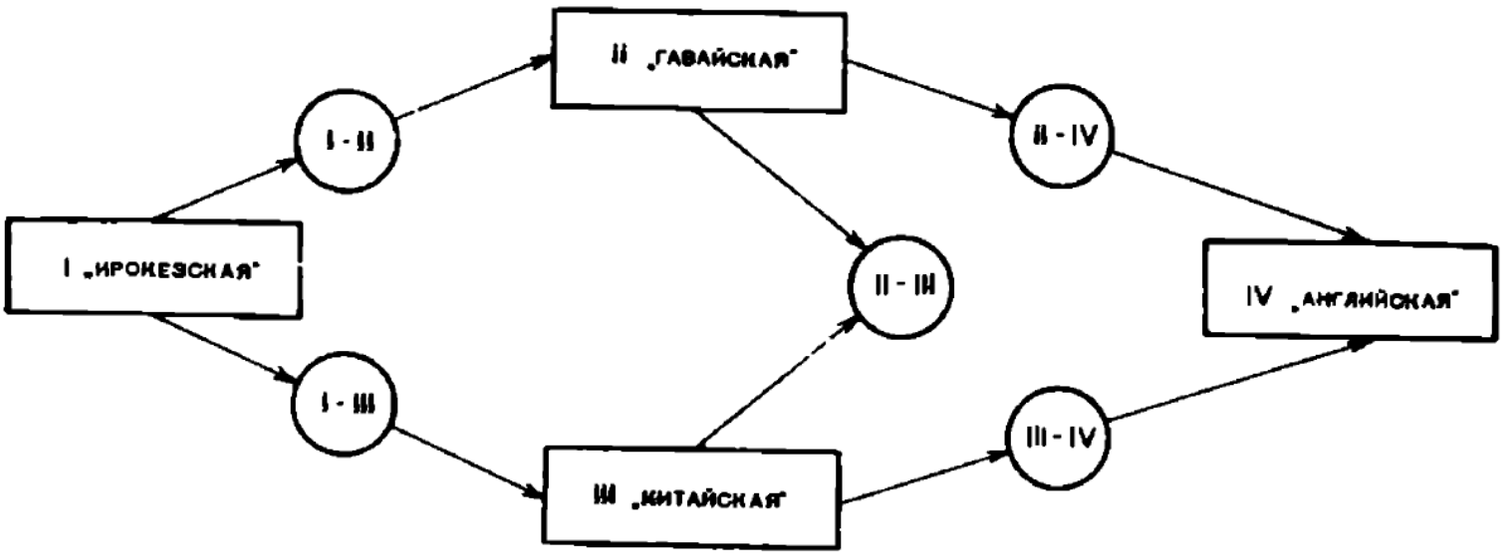
После выяснения вопроса об историческом соотношении малайской и турано-ганованской системы схема развития типов приобрела следующий вид: турано-ганованская⟶малайская⟶ ⟶«описательная».

Но эта схема может быть признана правильной только в том случае, если малайская («гавайская», II) система является универсальным этапом развития терминологий родства. Это, однако, не так. И именно поэтому в исправленной трехчленной схеме не найти места для тех реальных примеров развития родственной терминологии, которые были только что проанализированы.

Исходя из этого можно предположить, что «ирокезская» система (древнейшая из всех известных в настоящее время систем родства) эволюционировала у различных народов по-разному. В одних случаях она пошла по пути превращения в «гавайскую» (II), в других — в «китайскую» (III). Существование систем, представляющих собой промежуточные подтипы (I—II, I—III,

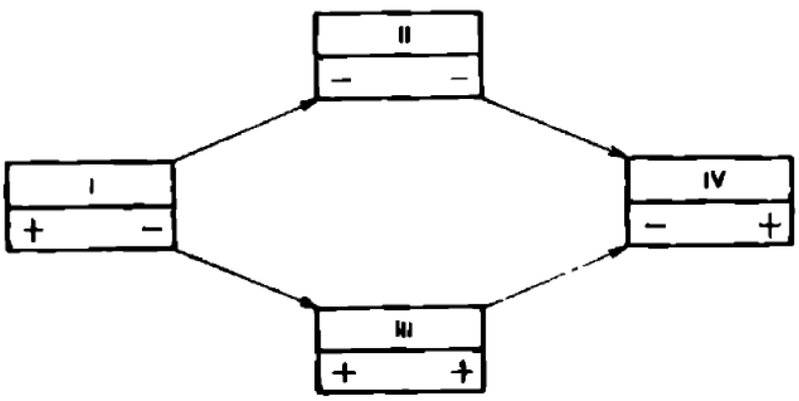
[78] Л. Г. Морган. Древнее общество, стр. 283.

II—IV, III—IV, II—III), позволяет представить универсальную схему развития четырех основных типов систем родства в следующем виде:



С. А. Токарев отмечал ошибку тех авторов, которые полагали, что появление элементов малайского («гавайского») и «описательного» («английского») типов в австралийских терминологиях представляет собой «отклонения в двух противоположных направлениях». В действительности эти отклонения направлены в одну сторону, так как «„малайский" тип есть приближение к нашему европейскому (неправильно называемому „описательным")» [79].

Но подобное же приближение к конечному IV типу представляет собой и «китайский» (III) тип. С точки зрения двух основных принципов разграничения родственников, лежащих в основе выделения четырех равноправных типов систем родства, оба ряда (I⟶II⟶IV и I⟶III⟶IV) суть два различных пути, связывающих общие исходную и конечную формы развития. Действительно, если тип I, различающий родственников по отцу и по матери, но не различающий прямую и коллатеральные линии родства, мы можем условно обозначить через $\boxed{+-}$, а тип IV, имеющий прямо противоположные характеристики, через $\boxed{-+}$, то превращение I в IV оказывается возможным двумя путями:



[79] С. А. Токарев. О системах родства у австралийцев.— «Этнография», 1939, № 1, стр. 49—50.

Это еще раз показывает, что «гавайский» и «китайский» типы, диаметрально противоположные по своим основным характеристикам, занимают в целом одно и то же место в качестве медиального звена в общей схеме эволюции терминологии систем родства.

Четыре модели систем родства, которые были охарактеризованы выше, как и любая модель, представляют собой логическую абстракцию, ибо реальное многообразие терминологий необозримо. Поэтому классифицировать терминологии можно лишь в том случае, если в основу классификации положено ограниченное число существенных признаков. В четырехчленной типологии систем родства таких существенных структурообразующих признаков два: слияние или разграничение, во-первых, прямых и коллатеральных родственников, во-вторых, родственников по линии отца и матери. Поэтому вопрос о социальной обусловленности четырех выделенных типов может быть решен в том случае, если будут выяснены исторические факторы, породившие дифференциацию родственников по этим двум признакам.

Наиболее спорной является проблема происхождения первого из этих двух признаков. После появления «Древнего общества» Моргана многие исследователи связывали терминологическое объединение прямых и коллатеральных родственников с практикой группового брака; данная точка зрения имеет широкое распространение и в настоящее время [80]. Наряду с этим высказывалось мнение о том, что слияние терминов для отца и его братьев, матери и ее сестер и т. д. может быть объяснено и иначе — как следствие единства экономической жизни в пределах одной общины [81].

Что касается второй особенности рассматриваемых нами систем родства (объединение или разграничение линий отца и матери), то подавляющее большинство исследователей сходится на том, что ее следует объяснять с точки зрения наличия или отсутствия экзогамии внутри основной социальной ячейки общества [82].

Рассматривая оба признака в их совокупности, можно утверждать, что развитие систем родства шло от терминологий, отражающих отношения внутри крупного экзогамного производственного коллектива, к номенклатурам, в основе которых лежит индивидуальная семья классового общества.

---

[80] А. Ф. Анисимов. Духовная жизнь первобытного общества. М.—Л., 1966, стр. 134—142; Ю. И. Семенов. Как возникло человечество, стр. 512; и др.

[81] F. E. Williams. Sex affiliation and its implications.— «The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland», vol. LXII, 1932, p. 79—80; H. Ian Hogbin. Marriage in Wogeo.— «Oceania», vol. XV, № 4, 1945, p. 327. Эта же точка зрения развита Н. А. Бутиновым в его книге «Папуасы Новой Гвинеи». М., 1968, стр. 216.

[82] Литературу вопроса см.: Ю. И. Семенов. Как возникло человечество, стр. 41—42.

А. Я. ГУРЕВИЧ

ИНДИВИД И ОБЩЕСТВО В ВАРВАРСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

Центральной проблемой исторического знания на современном этапе его развития нам представляется проблема целостного охвата исторической действительности. К этой проблеме историки не могут подойти, будучи вооружены одними лишь традиционными, собственно историческими методами исследования. Рассмотрение указанной проблемы предполагает также и социологическое истолкование исторического материала. Разумеется, при этом имеется в виду не перенос в историю вопросов и методов социологии, имеющей дело с современным, живым обществом, а разработка проблематики и исследовательской методики исторической социологии.

Проблема социально-исторического целого требует изучения двух связанных между собой, но все же различных комплексов проблем. Первый комплекс — проблемы социальной структуры. Их содержание хорошо известно историку, это прежде всего вопросы социально-экономических отношений и отношений собственности. Но это также и проблемы всей иерархии общественных структур, составляющих общество,— от классов и других больших групп и вплоть до малых групп, микроструктур.

Второй комплекс проблем — проблемы культуры. В плане изучения социальной системы в ее целостности культуру можно понимать как своего рода регулятивный механизм социальных связей, воплощающихся в принятых данным обществом нормах поведения, этических ценностях, социальных идеалах, в коммуникативных системах и в соответствующих учреждениях и творениях.

Между социальной структурой и культурой существует определенный способ взаимосвязи. Эта взаимосвязь происходит через своего рода «средний член», принадлежащий и социальной структуре, и культуре,— через человеческую личность, представ-

ляющую, по определению Маркса, совокупность всех общественных отношений.

Таким образом, проблема человеческой личности — необходимая составная часть основной проблематики социологии и социальной истории. Как только что было отмечено, речь идет о социальном аспекте человеческой личности, или, выражаясь иначе, о проблеме отношения индивида и общества.

В этой проблеме приходится различать две стороны. Во-первых, общество как социально-культурная среда формирует личность, создает те или иные возможности для ее становления и развертывания. Личность должна быть объяснена через систему общественных отношений и культуру. Во-вторых, существует проблема отношения личности к обществу и к культуре. Поэтому личность с ее исторически обусловленными качествами может служить критерием самих общественных отношений и культуры. Лишь при учете обеих этих сторон можно вскрыть средства, при помощи которых общество формирует индивида и в свою очередь получает определенный отпечаток его деятельности.

Значение исследования проблемы «индивид и общество» исключительно велико для исторической науки. Нет «человека вообще», неизменного в своей социальной природе на протяжении всей истории. Существуют исторически и социально обусловленные системы личностных отношений, соответствующие определенным общественным структурам и с ними увязанные. Следовательно, функционирование самих общественных структур в немалой мере зависит от того, какой тип человеческой личности в них складывается, какова «модель мира», создаваемая членами данного общества в процессе их социальной практики, каковы нормы поведения, моральные ценности, общественные идеалы, доминирующие в этом обществе.

Введение в историческую науку проблемы соотношения индивида и социальной структуры не означает простого расширения социально-экономической проблематики, позволяющего историку «оживить» создаваемую им картину развития общества некоторыми дополнительными штрихами о людях и нравах. Постановка названной проблемы должна, по нашему убеждению, открыть новый аспект рассмотрения самой этой структуры и составляющих ее элементов. При таком подходе оказалось бы возможным понимание социально-исторической системы как целостности.

Проблемы исторической социологии по сути дела еще почти не ставились медиевистикой в исследовательском плане. Между тем их неразработанность все более оборачивается серьезным препятствием на пути к уяснению социальных структур средневековья и их специфики.

* * *

Задача нашего исследования — рассмотреть некоторые черты, характеризующие человеческую личность в дофеодальном (варварском) обществе и формы ее отношения с обществом. Личность немыслима вне общества; индивид, его сознание, поведение представляют собой общественный продукт, обусловлены системой социальных связей, присущей данному типу общественной структуры. Но из этого еще не следует, что, определив тип структурного целого, выяснив способ производства, систему собственности и строящуюся на ней систему общественных отношений, мы тем самым достаточно полно и глубоко исследовали общество. Необходимо рассмотреть формы интеграции индивидов в социальное целое, отношения между ними. Эта постановка вопроса приведет нас затем к попытке выяснить, в каких формах происходило отражение социальных связей в сознании варваров, каковы были те системы представлений, в которых члены общества осознавали себя как таковые.

Социальные отношения в дофеодальном обществе (как, впрочем, и во всяком докапиталистическом обществе) в значительной мере имели форму личных связей, не заслоненных и не фетишизированных отношениями вещными. Непосредственное отношение человека к земле, в которой он находил прямое продолжение своей собственной природы и к которой он еще не относился просто как субъект к объекту, внешне ему противостоящему, было функционально связано с его непосредственными отношениями в обществе: с теснымн, органическими отношениями с сородичами, соплеменниками, подзащитными, зависимыми людьми, а позднее, в раннефеодальном и феодальном обществе, также и с личными отношениями господства и подчинения.

Не исследуя этих вопросов — а в известной нам литературе по истории европейского общества в раннее средневековье они ставятся редко,— историк, может быть, невольно исходит из одной из двух противоположных друг другу предпосылок. Первая сводится к тому, что человек всегда, на любой стадии своей истории, «равен самому себе», вследствие чего мы не совершаем ошибки, представляя людей отдаленной от нас эпохи такими же, как и мы, что личность в любом случае идентична и ее отношения с миром строятся на одних и тех же основаниях. Разве не эта предпосылка, например, лежит в основе мнения о том, что поведение людей эпохи раннего средневековья в той же мере и в такой же форме определялось экономическими соображениями и побуждениями, как и поведение современного homo oeconomicus? В самом деле, в рассуждениях о том, что крупные землевладельцы той эпохи всегда стремились увеличить размеры феодальной ренты, а зависимое крестьянство с самого начала его существования как класса боролось за свое освобождение, не-

трудно усмотреть взгляд, согласно которому обладание земельной собственностью имеет лишь экономический смысл, что стремление к свободе имманентно присуще человеку и т. п. Высказывалась даже мысль о том, что, если бы не классовая борьба крестьян, сопротивлявшихся эксплуатации, феодалы низвели бы их до положения рабов, превратившись сами в рабовладельцев. Насколько исторически оправдан такой подход, это особый вопрос — в любом случае мы видим здесь проблему, а не аксиому.

Противоположная точка зрения признает коренное отличие людей раннего средневековья от современных. Человек раннего средневековья, согласно такому предположению, не был личностью в прямом смысле слова: ее становление начинается (и то лишь в ограниченной степени) в рамках средневекового города, в условиях развивающихся товарно-денежных отношений; в эпоху Возрождения человек раскрепощается от всеобъемлющего средневекового конформизма. Что же касается более раннего времени, то перед историками, собственно, не встает вопрос о человеческой личности, и они ограничиваются соображениями о силе родовых и семейных коллективных уз и связанной с ними традиции, о застойности и консервативности общества, жившего в рамках натурального хозяйства. Но ответ ли это? Правомерно ли представление о полном подчинении индивида коллективу, о растворении его в группе, к которой он принадлежал? Очевидно, этот вопрос тоже нужно исследовать, а не решать его априорно, исходя из одних лишь общих соображений.

По-видимому, то обстоятельство, что проблема человеческой личности и ее места в дофеодальном и в раннефеодальном обществе обычно не изучается, в немалой мере объясняется трудностями, которые неизбежно встали бы перед такого рода исследованием. Прежде всего, каковы те источники, анализ которых дал бы возможность поставить эти вопросы? Ведь изучение положения человека в обществе, как правило, проводится по литературным памятникам. Трагедия и лирическая поэзия, переписка и мемуары и т. п. могут пролить яркий (хотя подчас и односторонний!) свет на человеческую личность. Но ничего подобного для Европы первых столетий средневековья не существует. Произведений изобразительного искусства тоже немного, их явно недостаточно, чтобы получить внятные ответы на эти вопросы [1].

Впрочем, существует немало исследований по частным проблемам, связаным с человеческой личностью в период раннего средневековья. См. A. Biese. Die Entwicklung des Naturgefühls im Mittelalter und in der Neuzeit. Leipzig, 1888; L. Zoepf. Das Heiligen-Leben im 10. Jahrhundert. Leipzig und Berlin, 1908; G. Stockmayer. Über Naturgefühl in Deutschland im 10. und 11 Jahrhundert. Leipzig und Bertin, 1910; R. Teuffel. Individuelle Persönlichkeitsschilderung in den deutschen Geschichtswerken des 10. und 11. Jahrhunderts. Berlin, 1914; M. Kemmerich. Die frühmittelalterliche Porträtmalerei in Deutschland bis zur Mitte des XIII. Jahrhunderts. München, 1907; G. Misch. Geschichte des Autobiographie, Bd. II, T. I. Frankfurt am Main, 1955 (2 Ausg.); W. Ullmann. The Individual and Society in the Middle Ages. Baltimore, 1966.

Кроме того, при исследовании произведений личного творчества с целью обнаружения в них особенностей духовной жизни и психического склада людей эпохи, к которой относятся эти памятники, всегда остается открытым вопрос, в какой мере в том или ином творении человека отразились общие для его среды представления и в какой мере — специфические, характерные преимущественно для его творца. Ибо все произведения литературы и искусства — продукты сознательного творчества индивидов. В творении никогда не заключено только то, что присуще лишь его создателю, однако соотношение общего и специфического установить исключительно трудно, и потому всегда реальна опасность произвести разграничение этих категорий не там, где оно в действительности проходило.

Сказанное не означает, что произведения сознательного индивидуального творчества не могут быть использованы для изучения данной проблемы. Но для того чтобы они могли дать ответы на интересующие нас вопросы, необходимо выработать такие методы их исследования, которые позволили бы раскрыть в субъективно окрашенных творениях объективные системы отношений. Видимо, нужно было бы попытаться вскрыть в произведениях поэта, художника, ремесленника применяемый ими художественный язык, который они не творили произвольно, но заимствовали в своей среде, в обществе и который единственно и был принят и понятен в этом обществе. Тогда мы сумели бы выйти за рамки индивидуального творчества, увидеть в его произведениях воплощение основных представлений и ценностей, принятых данным обществом [2].

Другой путь, по-видимому, нужно искать в исследовании памятников массового творчества — в народной поэзии, сказаниях, мифологии, произведениях прикладного искусства. Здесь моменты личного творчества, прошедшие через механизм массового восприятия и воспроизведения, опосредованы коллективным творчеством, как бы деперсонализованы, им придана сила традиции, превратившей их во всеобщую эстетическую ценность [3]. Содержание памятников такого рода относительно более объективно. Все эти категории памятников отражают разные стороны отношений индивида и общества, неодинаковые слои народного сознания, а потому нуждаются в раздельном анализе. Лишь после его завершения можно было бы перейти к обобщениям более высокого порядка.

---

[2] Попытка анализа под таким углом зрения древнескандинавской поэзии и орнаментального искусства предпринята нами в статье «Начало эпохи викингов (Проблемы духовной жизни скандинавов в IX веке. Факты и гипотезы)».— «Скандинавский сборник», XII. Таллин, 1967

[3] См. В. Е. Гусев. О коллективности в фольклоре (диалектика личного и массового творчества).— «Русский фольклор», X. М.—Л., 1966, стр. 13.

Но не одни лишь памятники культуры (в традиционном ее понимании) должны быть исследованы для решения проблемы «индивид и общество». Собственно, в любом историческом источнике при соответствующем к нему подходе мог бы быть найден материал, проливающий свет на эту проблему. Чем шире охват источников, тем более убедительным было бы ее решение.

Однако, когда мы находимся в самом начале подобного исследования, очень важно выделить категорию исторических памятников, анализ которых помог бы наметить возможную методику работы над ними, памятников, которым могла бы быть задана серия вопросов, связанных с нашей проблемой.

К категории памятников, в которых в более непосредственной форме запечатлена массовая деятельность, следует в первую очередь отнести варварские «правды» западноевропейских народов и племен раннего средневековья. В «правдах» в целом фиксируется не законодательная инициатива государей (хотя ее следы в ряде судебников явственно видны), а прежде всего и по преимуществу народный обычай. Его особенностью была чрезвычайная устойчивость, неизменяемость. К нормам обычая относились как к нерушимым, подчас сакральным установлениям, которые пользовались тем бо́льшим авторитетом, чем древнее они казались. «Старина» обычая придавала ему силу. Разумеется, в действительности обычай не оставался неизменным, с течением времени он трансформировался, но механизм этих изменений был особого рода. До момента записи обычай хранился в памяти соплеменников, знатоков права, излагавших содержание его на народных собраниях и судебных сходках. При этом содержание обычая исподволь менялось, отражая перемены в жизни племени, но очень существенно то, что перемены совершались по большей части помимо сознания людей, и в их памяти обычай оставался все тем же. Отношение общества к обычаю было таково, что радикальные изменения в принятой норме не допускались. Да и традиционный образ жизни варваров, менявшийся более на поверхности, чем по существу, исключал какие-либо серьезные сдвиги в праве. Обычное право — право консервативное.

Поскольку обычное право, отражаемое в ранних германских юридических записях, в основном сложилось и функционировало в доклассовый период, естественно, что оно было общезначимым для всего общества. Основные нормы, закрепленные этим правом, были общими для всех членов племени (необходимые уточнения этого положения будут сделаны ниже). Социальный опыт варваров — по преимуществу опыт всего племени. Народное, племенное право устанавливало формы поведения, обязательные для всех соплеменников и воспринимаемые ими как саморазумеющиеся стандарты, уклонение от которых исключалось.

При анализе варварских «правд» мы сталкиваемся по преимуществу не с частными моментами, степень распространенности которых никогда не известна историку, а с общепринятыми и повсеместно повторявшимися явлениями. При всех особенностях отдельных судебников запечатленное в них обычное право имеет общую основу.

Эти черты «правд» не могут не привлечь внимания исследователя, занятого поисками памятников, которые дали бы ему возможность поставить проблемы социологии дофеодального общества, увидеть в них отражение социального опыта варваров.

Содержание германских судебников хорошо известно. Оно многократно и детально исследовано историками-юристами, занимавшимися древнегерманским правом и его учреждениями. Н. П. Грацианский, А. И. Неусыхин и их ученики вскрыли важнейшие стороны социальной структуры варварского общества, опираясь в своем анализе опять-таки на материал «правд». Глубоко изучены важнейшие институты варварского общества — большая семья, община, аллод, раскрыто содержание и соотношение таких социальных категорий, как собственность и свобода, различные градации той и другой, а также широкий спектр форм зависимости, характерных для дофеодальной общественной структуры и для перехода к раннему феодализму. Характернейшей особенностью исследования народных судебников советскими историками можно считать внимание к динамике социальных изменений, вполне понятное в свете общей проблемы генезиса феодализма, которая стоит в центре внимания марксистской историографии по проблемам раннего средневековья.

Но, спрашивается, можно ли обнаружить человеческую личность при анализе таких памятников, как варварские «правды»? Нет, конечно. Но можно сделать другое: изучить те нормы, которым следовал человек варварского общества и при посредстве которых он включался в общественную структуру. Можно попытаться установить отношение индивида к этим нормам и через него подойти к вопросу об отношении индивида к самому обществу, к вопросу о степени поглощенности его коллективом и о возможности проявления личности, обособления инидивида в коллективе.

Следующее ниже представляет собой попытку наметить методику такого исследования и показать возможность ее применения к варварским «правдам». Нам хотелось бы указать на новые вопросы, которые, очевидно, можно задать этим источникам в свете интересующей нас проблемы «индивид и общественная структура». Самое же решение этой проблемы возможно, повторяем, лишь на основе исследования многих видов источников.

Какова предполагаемая методика подобного исследования? Необходимо выделить в источниках какие-то объективные мо-

менты, обладающие повторяемостью или объединяющиеся сходством своей природы и общественной роли, ими выполняемой. Только при соблюдении этого методологического требования полученные выводы могли бы иметь научную значимость и доказательную силу. Нам кажется, что варварские «правды» представляют исследователям такую возможность, в должной мере еще не оцененную и не использованную. Для того чтобы изучить социальные нормы дофеодального общества, нужно выявить и систематизировать все данные о процедурах, ритуалах, формулах, символических действиях, которые применялись в обществе и выражали узлы социальных связей, характерных для этого общества. Важно по возможности установить, какую функцию выполняла каждая процедура и все они как система, ибо эти многоразличные символические акты, вне сомнения, объективно складывались в относительно связную систему и лишь перед взором современного исследователя выступают в виде разрозненных фрагментов.

Для изучения такой системы нужно было бы подвергнуть детальному анализу каждую из «правд» в отдельности и только затем можно было бы сопоставлять их материал. Однако прежде, чем приступать к подобному углубленному фронтальному исследованию, мы считаем возможным рассмотреть — в сугубо предварительном порядке — сведения о нормах варварского права, подчерпнутые из нескольких правовых записей разных племен. Допустимость такого общего рассмотрения, на наш взгляд, может быть оправдана тем, что судебники как определенная разновидность исторических источников обладают общими чертами. Мы относим к ним своеобразный стиль мышления варваров, находящий свое объективное и вполне конкретное выражение в структуре правосознания, запечатленного в «правдах». Напомним о предельной казуистичности правовых норм всех варварских «правд», об отсутствии в них общих положений права, которые были бы сформулированы в абстрактно-обобщенной форме, о неизменной тенденции к перечислению всех подробностей и мельчайших деталей любого преступного акта, упоминаемого в судебниках, а равно и каждой из судебных процедур, в изобилии в них фиксируемых; вспомним о наглядности и образности описания действий, о крайнем формализме варварского права, цепко державшегося за строгое, совершенно неизменное соблюдение всех формул, действий, предписанных для каждого конкретного случая: малейшее отступление от этого «ритуального клише» было равноценно нарушению всего акта. Все перечисленные черты, выступающие в «правдах» с необычайной яркостью и выпуклостью, еще не получили в литературе должной оценки. Между тем совершенно ошибочно видеть в них лишь вызывающие любопытство раритеты, «этнографические красоты», лишенные внутреннего смысла детали, которые ничего не

добавляют по существу к социально-экономическому анализу. Также и сакральный характер многих древнегерманских правовых норм не есть какая-то второстепенная их черта, которую якобы достаточно походя упомянуть с тем, чтобы заняться вплотную более серьезными материальными сюжетами. Названные сейчас особенности суть не что иное, как особенности общественного сознания варваров и как таковые приобретают принципиальную важность для исследователя [4].

Вот этот стиль мышления варваров можно обнаружить (нередко под чуждыми ему посторонними или позднейшими наслоениями) во всех записях обычного права. Он чрезвычайно устойчив и консервативен. Именно в указанном аспекте варварские «правды» нас сейчас и интересуют [5]. «Архаическое» сознание варваров нашло свое выражение также в народной поэзии и литературе, в орнаментальном искусстве раннего средневековья и во многом другом. Следы этого стиля мышления нетрудно найти и в гораздо более позднее время. Однако судебники должны быть рассмотрены особо, ибо, как уже было отмечено выше, в них иначе, чем в памятниках литературы и искусства, выступает отношение субъективного и объективного моментов. Второй момент явно преобладает над первым, что делает исследование записей обычного права особенно перспективным для знакомства с общественным сознанием дофеодального общества и, следовательно, для выявления отношения между индивидом и обществом, для характеристики формируемого этим обществом индивида.

---

[4] Подробнее см. в нашей работе «Социальная психология и история: источниковедческий аспект».— В кн.: «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы» (в печати).

Я. Гриммом собран огромный материал германских «правовых древностей», охватывающий обычное право всех германских народов Европы (в меньшей мере — Скандинавии и в еще более ограниченной степени — Англии). В издании Гримма в систематизированном виде представлены почти все правовые процедуры и символы, применявшиеся в раннее средневековье, а также и в эпоху развитого феодализма. Это издание и поныне сохраняет большую ценность. Гримм показывает широкую территориальную распространенность и исключительную устойчивость во времени древних юридических актов, символов и формул, а в ряде случаев — и возникновение новых символических форм в более позднее время. См. J. Grimm. Deutsche Rechtsalterthümer. Bd. I—II. Berlin, 1956 (1. Ausg.— 1828). См. также E. Graf und M. Dietherr. Deutsche Rechtssprichwörter. Nördlingen, 1869. Нужно вместе с тем отметить, что должного объяснения эти «правовые древности» ни в труде Гримма, ни в обзорах средневекового германского права, принадлежащих ученым более позднего периода, не получили.

[5] Сказанное не означает того, что во всех варварских судебниках отмеченные выше черты мышления обнаруживаются в равной мере. Следовало бы изучить в этом аспекте каждую из «правд» и затем сопоставить их. Надо полагать, что в результате сопоставления мы обнаружили бы разные пласты представлений и неодинаковое соотношение «архаического» мышления, характеризующегося казуистичностью, конкретностью и отсутствием абстрактных норм, и новых явлений, свидетельствующих, возможно, о сдвигах в сознании народа. Но, как уже было сказано, такое типологическое исследование можно будет предпринять лишь на более поздней стадии изучения занимающей нас проблемы.

Рассмотрим несколько ближе и подробнее упомянутые сейчас особенности варварских «правд» как исторических памятников. При этом можно констатировать некоторые общие положения.

Варварское право насквозь символично. Его отправление сопровождается применением всякого рода символов. В качестве подобных символов могут употребляться самые разнообразные предметы и вещи: щит, ветвь, разламываемая палка, выбиваемый из рук денарий, гривна, кусок дерна, горсть земли, столбы, поддерживающие хозяйское сидение в горнице, боевое оружие, обувь, напитки, пища, кровь, огонь, волосы и многое другое [6]. Необходимо сразу же оговориться, что символ в народном праве не знак или условное обозначение, а замена действительного предмета или явления его подобием. Так, передача куска дерна владельцем в руки другого лица означала отчуждение земельного владения. Показательно, что у многих народов, в том числе у англосаксов и скандинавов, обычай передачи дерна сохранялся даже тогда, когда дарение или продажа земли оформлялись грамотой: последняя рассматривалась как свидетельство о совершении акта, но для реального отчуждения владения нужно было буквально передать его из рук в руки. Норвежский skeyting (шведский skötnnig, от skaut — «пола») представлял собой обряд бросания в полу земли, собранной «из четырех углов очага, и из-под почетного сидения [хозяина в доме], и с того места, где пахотная земля встречается с лугом и где лесистый холм соприкасается с выгоном. И пусть он [владелец земли] представит тингу свидетелей того, что прах был взят как положено, наряду с другими, которые удостоверяют покупку земли. Затем, если показания этих свидетелей будут сочтены удовлетворительными, участники тинга должны передать ему землю, потрясая оружием (vapnatac). В каждом случае, когда покупающий и продающий согласны в том, что прах был взят должным образом, сделка считается состоявшейся, а равно и skeyting» [7].

Земля, дерн и некоторые другие подобные символы представляли собой часть, идентифицировавшуюся с целым. Другие символы (ветвь и т. п.) были связаны ассоциациями с теми явлениями, которые они символизировали (например, имущество). В любом случае мы имеем здесь дело с особым, отличающимся от современного, типом символизации и, следовательно, с иным типом мышления, нуждавшимся в наглядном, чувственно-осязаемом воплощении абстрактных понятий [8].

---

[6] См. каталог древнегерманскнх правовых снмволов у Я. Гримма (J. G r i m m. Deutsche Rechtsalterthümer, I. Einleitung, Cap. IV).

[7] Gulathings-lov, 292. Процедура vápnatac делала утверждаемую при ее посредстве сделку нерушимой.

[8] С подобиым символизмом сталкиваются постояино н исторнкн древности. «Символизирующнм» и широко прнменяющим символы было не тольио дофеодальное, но и феодальное общество, но смысл, поннманне символов в последнем былн, очевидно, уже

Можно высказать предположение: не была ли связана склонность варварского сознания идентифицировать часть с целым, заменять общее частным и наглядным с положением личности в дофеодальном обществе, а именно, с неотдифференцированностью ее от коллектива, более того, с поглощенностью ее родом, общиной, большой семьей, вследствие чего индивид не мыслил себя отдельно от группы, его личный статус растворялся в статусе группы, к которой он принадлежал?

Эта черта варварского мышления постоянно проявляется в записях обычного права. В высшей степени показательно, что германские термины (частью латинизированные), нередко встречающиеся в латинских текстах «правд», по большей части обозначают правовые символы и процедуры: включение их в судебники диктовалось, по-видимому, как сознанием невозможности адекватно их перевести, так и необходимостью дать всем понятное их обозначение [9].

Нормы права обычно связаны с определенными процедурами и как бы воплощаются в них: с действием, жестами, формулой и т. п. Процедура имеет не меньшее значение, чем сама норма. Именно в этом смысле и можно говорить о крайнем формализме или о ритуальности варварского права. Нарушение предписанного ритуала, отход от раз навсегда установленного процедурного шаблона сводит на нет действенность правовой нормы. В абстрактном виде, вне этой процедуры, такая правовая норма не мыслится в варварском обществе. Более того, хочется сказать, что процедура играет даже бо́льшую роль, чем сама норма.

В самом деле, акт установленного ритуала, влекущего определенные правовые последствия, иногда приводил к этим последствиям, несмотря на их противозаконность и нарушение нормы, которую акт должен был «оформлять». Так, в титуле XXVI «Салической правды» — «О вольноотпущенниках» — речь идет об отпуске на волю чужого лита или раба: злоумышленник освободил «через денарий, в присутствии короля», не принадлежавшего ему зависимого человека. Акт явно незаконный, уличенный преступник карается уплатой большого штрафа и возмещения. Но тем не менее отпущенный им лит или раб не может быть возвращен в свое прежнее состояние, и вопрос о возврате его «законному господину» даже не возникает. Потерпевшему возвращаются лишь вещи лита и взыскивается возмещение за причиненный ущерб. Очевидно, процедура отпуска, сопровождавшаяся всеми

нимн. Было бы важно проследить, как произошло это изменение, отражающее сдвиги в сознании.

[9] Таковы chrenecruda, achasius, reipus, acfatmire, mithio, launegild, mannire, mallus, admallare, agramire, thingare, fritus (fretus), ruoda, anefang, angargatthungi, gairethinx, lidinlaib, hantrada, curfodi (zurfodi), wiflam, gamahalos, sunnis (sonia), wargus, morgincap (morgingab). Многие из этих терминов неясны, не всегда понятия и процедура, ими обозначаемая, или символ, с ними сопряженный. См. R. Sohm. Die Fränkische Reichs- und Gerichtsverfassung. Leipzig, 1911 (1. Ausg.— 1871), S. 560 ff.

формальностями и произведенная к тому же перед лицом главы племени, не может быть отменена и ее последствия для статуса отпущенного на волю лита (или раба) неупразднимы [10], хотя налицо злостное нарушение права собственности господина на принадлежавшего ему несвободного. Норма нарушена, но восстановить ее в данном случае невозможно и не только потому, что в отпуске на волю участвовал сам король, но прежде всего потому, что ритуальное действие вообще необратимо! Все сделки, заключенные при соблюдении соответствующих норм, считались нерушимыми [11].

Однако утверждение о том, что процедура была важнее нормы, вряд ли было бы точным: предполагается при этом, что норма и процедура представляли собой две различные категории. В действительности же скорее нужно мыслить дело так, что юридическая норма не существовала без соответствующего символического сакрального акта, они составляли единство, которое в только что приведенном случае было нарушено. В абстрактном виде, вне этой процедуры, такая правовая норма невозможна в варварском обществе [12]. Норма и процедура настолько срослись (правильнее сказать: не были расчленены и дифференцированы) в сознании варваров, что в записях обычного права сплошь и рядом излагаются вообще не нормы права, а те поступки и ритуалы, в которых эти нормы реализуются. По-видимому, сакральным характером формальных актов, применявшихся варварами, объясняется то, что каралось не только их нарушение, но и применение их без надобности [13].

Процедуры, зафиксированные в «правдах», в отличие от материальных сделок, которые они «оформляют», вряд ли могут быть вполне удовлетворительно и правдоподобно объяснены. В действиях, при посредстве которых они реализуются, редко удается усмотреть какой-то еще понятный для нас смысл. Разумеется, возможны всяческие попытки их толкования. Так, предполагают, что разламывание и разбрасывание ветвей при отказе от родства было связано с представлениями о том, что родственные отношения подобны побегам растения [14]. Высказывалось мне-

---

[10] Из «Рипуарской правды» (Lex Rib., LXII, 2) явствует, что отпущенный через денарий раб приобретал вергельд в 200 солндов. Ср. Lex Rib., LVII, 1.

[11] См. Lex Baiuv., XV, 9.

[12] Несоблюденне процедуры прн совершенни действий, которые требовалн ее применеиня, карялось. См. Lex Sal., XXXVII, LI, 1.

[13] См. R. S o h m. Der Process der Lex Salica. Weimar, 1867, S. 3, ff.

[14] Lex Sal., LX. Одиако идет ли здесь речь о ветвях нлн о палках, остается неясным. Д. Н. Егоров (см. «Сборник законодательных памятников древнего западно-европейского права», вып. I. Кнев, 1906, прнм. 641) виднт в fustes alninus «ольховые прутья»; Н. П. Грацианский дает перевод: «ветки мерою в локоть» (см. «Салическая Правда». М., 1950, стр. 56; К. А. Экхард — «ольховые палкн» (см. Pactus Legis Salicae. Berlin — Frankfurt, 1955, S. 343). Ср. A. H e u s l e r. Institutionen des deutschen Privatrechts. 1. Leipzig, 1885, S. 76, ff. Cp. J. B a l o n. Ius Medii Aevi, 3. Traité de Droit Salique, t. 1. Namur, 1965, p. 557.

ние, что процедура бросания горсти земли символизировала передачу дома тем, в кого бросает неплатежеспособный преступник прах, собранный в четырех углах его жилища, а прыгание его через изгородь означает его отказ от всех прав на усадьбу [15]. Но все эти толкования спорны и недоказуемы [16].

Почему при получении согласия на брак с вдовой жених должен предлагать сородичам ее умершего мужа именно три равновесных солида и один денарий и почему эта процедура [17], как и процедура передачи имущества, должна совершаться в судебном заседании лишь после того, как три человека предъявят три иска [18]? Почему принятие на собрании решения, которое должно было обладать нерушимой силой, выражалось в потрясании всеми его участниками оружием [19]? Почему при ряде процедур было необходимо наличие щита [20]? Почему кредитор, обращающийся за помощью к графу для взыскания долга у человека, упорно отказывавшегося его возвратить, должен был держать в руках стебель растения [21]? Почему передаваемое в другие руки имущество символизировалось опять-таки стеблем, причем владелец бросал его в полу посредника, а тот затем в свою очередь бросал этот стебель в полу наследника? Почему лицо, передававшее имущество, должно было пригласить к себе в дом троих или более гостей и угощать их овсянкою, после чего они считались законными свидетелями, и затем другие три свидетеля были обязаны на публичном собрании рассказать обо всем этом и о том, что гости после угощения «благодарили его за прием» [22]? Можно без конца задавать подобные же вопросы и строить более или менее остроумные и правдоподобные догадки по этому поводу.

Предлагаемые современным человеком объяснения судебных процедур и обычаев, принятых у варваров, неизбежно носят рационалистический характер; самая потребность найти какое-либо их истолкование, основанное на здравом смысле, есть неотъемлемая потребность нашего ума. Но именно в этом заключено, на наш взгляд, препятствие, которое стоит на пути к такому объяснению. Все упомянутые и многие иные процедуры и обряды, в

---

[15] Lex Sal., LVIII.

[16] Ср. J. Grimm. Deutsche Rechtsalterthümer, I. S. 91, 153.

[17] Lex Sal., XLIV.

[18] Существует предположение, что эти три первоначальных процесса были фиктивными, т. е. носили чисто процедурный характер. См. G. Waitz. Das alte Recht der salischen Franken, 1846, S. 145, 146. Г. Бруннер предполагает сакральный характер этой процедуры. См. H. Brunner. Deutsche Rechtsgeschichte, 1. Leipzig, 1906, S. 146.

[19] Обычай потрясания оружием — várnatac, восходящий еще к тацитовским временам, играл столь большую роль в скандинавских судебных порядках, что в заселенных норманнами областях Англии административные округа получили название waepentakes.

[20] Высказывалось предположение, что щит был символом «властной судебной защиты». См. прим. 451 к изданию Д. Н. Егорова «Lex Salica».

[21] Lex Sal., L, 3.

[22] Lex Sal., XLVI.

изобилии упоминаемые в варварских «правдах», не возникали на основе рационально-логических связей того типа, которые создает наше мышление. Они органически связаны с сознанием, которое иначе воспринимало и осваивало мир, нежели сознание человека нового времени.

Более продуктивной представляется попытка объяснить применявшиеся варварами обряды, связывая их с сакральными представлениями, приметами, заклинаниями. Такое истолкование процедуры бросания горсти земли в «Салической правде» дает Э. Гольдман [23]. Опираясь на многочисленные параллели из истории права и быта варварских народов, он обнаруживает внутреннюю связь между отдельными элементами процедуры chrenecruda: собиранием праха в четырех углах дома, бросанием горсти земли левой рукой через плечо с порога, принесением сакральной клятвы, повторением обряда сородичами, прыганием через плетень, использованием кола, лишением неплатежеспособного убийцы права на защиту его личности. При таком подходе процедура chrenecruda включается в широкий комплекс символических обрядов и языческих представлений, действительно присущих варварам.

Но дело даже не в том, что для нас правовые ритуалы германцев остаются неясными или вовсе необъяснимыми и приходится довольствоваться ссылками на традицию. Нет никакой уверенности, что и для самих участников этих актов в них было все вполне понятно и они могли бы объяснить значение каждого из символов или символических действий. Напротив, возникает предположение, что в таком объяснении они вовсе не нуждались; более того, подобное рациональное объяснение на самом деле ничего бы им не объяснило. Эффективность нормативных ритуалов не была связана с их понятностью. Принципиально важным было то, что ритуал восходил к незапамятным временам, что им пользовались предки, что он был неизменным и не подлежал никаким переменам. Строжайшее следование всем детальным предписаниям было совершенно обязательным. Малейшее уклонение от стандарта было чревато неудачей, провалом всего акта [24]. На этом представлении строилось, в частности, принесение присяги. При разбирательстве судебных дел соприсяжники и поручители должны были рассказать о всех процедурах, которые предшествовали началу процесса (о вызове на суд, об оповещении, об иске в присутствии определенного числа лиц перед домом ответчика и т. п.), и только после этого можно было перейти к следующим

[23] E. Goldmann. Chrenecruda. Studien zum Titel 58 der Lex Salica.— «Deutschrechtliche Beiträge». Hrsg. von K. Beyerle, Bd. XIII, H. I. Heidelberg, 1931.

[24] P. Зом отмечает, что истец проигрывал процесс, если не употреблял требуемых правом выражений и не применял должным образом «судебного языка». Зом прямо связывает Малбергскую глоссу «Салической правды» с формализмом древнегерманского судебного процесса. См. R. Sohm. Die Fränkische Reichs- und Gerichtsverfassung, S. 568—569.

актам. Правосудие (правый суд) значило «правильный суд», а таковым считалась лишь та судебная тяжба, которую вели при строжайшем соблюдении всех процедур; в противном случае решение суда не приобрело бы силы.

Позволительно высказать сомнение в том, что цель судебного разбирательства заключалась лишь в установлении истины, т. е. в выяснении подлинных обстоятельств дела и вынесении соответствующего приговора. Функции соприсяжников, по-видимому, состояли прежде всего в оказании поддержки истцу или ответчику, причем эта поддержка обусловливалась не знанием истины и стремлением ее продемонстрировать в судебном собрании а связями между соприсяжниками и человеком, который их привлекал к участию в тяжбе на своей стороне. Соприсяжниками являлись родственники, друзья или соседи, иными словами, люди, которые, конечно, могли быть осведомлены в обстоятельствах дела, но — главное — люди, связанные с этим человеком и, несомненно, заинтересованные в благоприятном для него исходе тяжбы [25]. Не знание истины, а верность ближнему — вот что заставляло этих людей давать показания и клятвы. Целью процесса не было выяснение и доказательство фактов, они казались самоочевидными, либо их очевидность проистекала из присяг, очистительных формул, ордалий. Здесь нет суда как инстанции, призванной устанавливать истину, но имеется процесс — совокупность церемоний, совершаемых сторонами [26]. В самом деле, функция суда у варваров состояла прежде всего в организации состязания между тяжущимися и в надзоре за тем, чтобы стороны строго и неуклонно соблюдали все «правила игры». Ведь и выполнение приговора возлагалось не на суд, а на самого истца. Мысль И. Хейзинги относительно того, что у древних народов судебная тяжба в значительной мере представляла соревнование в буквальном смысле слова, дававшее участникам его удовлетворение само по себе, независимо от его исхода, не лишена известных оснований [27]. Любопытно, что у англосаксов члены судебного жюри, при вынесении приговора оказавшиеся в меньшинстве, должны были уплачивать возмещение тем судьям, которые принадлежали к большинству [28].

---

[25] Эти соприсяжники не являлись непременно «свидетелями факта», они были «свидетелями доброй славы» того лица, на чьей стороне они выступали в суде. См. В. Сергеевич. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910, стр. 594.

[26] W. S. Seagle. Primitive law and professor Malinowski.— «American Anthropologist» New Ser., vol. 39, N 2, 1937, p. 283—284. Ср.: C. von Schwerin. Der Geist des altgermanischen Rechts — «Germanische Wiedererstehung». Hrsg. von H. Nollau. Heidelberg, 1926, S. 222.

[27] J. Huizinga. Homo ludens. A study of the play element in culture. London, 1949, p. 78, ff.

[28] III Aethelred, 13, 2: «И тот приговор пусть имеет силу, который тэины единодушно постановили; а если они спорят (между собой), то пусть имеет силу тот приговор, за

Таким образом, формализм и ритуальность варварского права были сопряжены с принудительностью следования всем нормам и предписаниям, отклонение от них было невозможно, оно было бы равносильно отказу от самих правовых норм, воплощавшихся в этих символических актах.

В той или иной мере нормативные предписания варварского правового обычая распространялись на все стороны жизни членов дофеодального общества. Самые различные жизненные отправления могли стать и действительно становились объектом правовой регламентации. Какой бы поступок ни нужно было совершать варвару, было заранее известно, как подобает поступить, что сделать, какие слова произнести. В судебниках поэтому имеются в виду не одни лишь правонарушения. Регламентируются и раздел владения между наследниками, и распределение частей вергельда, полученного за убитого сородича, и порядок освобождения рабов, и формы, в которых производилось отчуждение имущества, и обычаи, связанные с заключением и расторжением брака.

Но не в этом заключается особенность варварского права, а в том способе, каким народные судебники регламентируют самые различные жизненные отправления: в них каждый раз дается (либо предполагается) не одна только общая норма или вообще не она, а практическая форма ее реализации — соответствующий акт. Так, например, в норвежских судебниках правило усыновления незаконнорожденного изображается как торжественная процедура «введения в род»: отец должен устроить пир и зарезать трехгодовалого быка, содрать шкуру с правой передней ноги его, изготовить из нее башмак, который он должен поставить подле большого пивного котла. Затем члены его семьи в определенной последовательности, а также и внебрачный сын, которого вводят в род, надевают башмак. После этой процедуры отец произносит формулу, согласно которой вводимый в род приобретает все личные и имущественные права, какими пользовались другие дети его отца; формула эта состоит из аллитерированных ритмических фраз и имеет, несомненно, сакральный характер. Во время процедуры «вводимый в род» (aettleiðingr) держал на коленях малолетних детей своего отца от законного брака [29].

Можно отметить одну черту, общую всем этим ритуальным процедурам,— их публичный характер. Бросание горсти земли производится в присутствии соприсяжников и сородичей — как ближайших, так и более дальних. Отказ от родства или уплата reipus совершаются в публичном собрании, перед лицом тунгина или центенария. Вызов на суд производится в присутствии свиде-

---

который высказалось восемь из них, а те, которых одолели, уплатят им каждый по 6 полумарок».

[29] Gulathings-lov. 58; Frostathings-lov, IX, 1.

телей, с которыми истец приходит к дому ответчика. Присягу в суде — за редкими исключениями — приносили с участием соприсяжников; «полной присягой» считалась присяга, приносимая 12 людьми, но бывали случаи, когда требовалось принести очистительную клятву вместе с несколькими десятками соприсяжников (до 72). Другие правовые акты также совершаются в публичных местах [30], при стечении народа или при непосредственном участии членов собрания, группы свидетелей, соприсяжников и т. д. Символический акт — всегда публичный, общественный акт, коллективное действо, происходящее на глазах у общества или вместе с ним. Несомненно, что публичность была неотъемлемой составной частью правового акта, без нее он был немыслим, она придавала ему силу.

В бесписьменном обществе, каким оставалось варварское общество даже в период записи «правд» (не случайно большинство судебников было записано по-латыни), соблюдение норм и сделок могло быть гарантировано только в том случае, если они выливались в символические процедуры, в публичные действия, производившие глубокое впечатление на всех их участников и откладывавшиеся в их памяти. Церемония выполняла здесь ту функцию, которую в более цивилизованном обществе выполняет документ. Но если функция была подобна, то роль, которую играла церемония в жизни варваров, была совершенно особой. В групповом характере акта, производившегося в торжественной обстановке, в особом (подчас священном) месте, как бы наглядно воплощалась принадлежность индивида к обществу. При посредстве таких торжественных символических актов единство коллектива утверждалось зримо и наглядно, т. е. именно в той форме, какая в наибольшей степени отвечала сознанию и эмоциональным потребностям варваров,— разыгрывалась своего рода ритуальная драма, воспитывавшая и усиливавшая в каждом из ее «актеров» чувство принадлежности к социальному целому. Выше уже высказывалась мысль, что смысл процедуры не был понятен ее участникам и что они не нуждались в понимании ее смысла, главное заключалось в следовании старинной традиции. Но традиция в сознании варваров почти неизбежно принимала сакральный характер. Связь судебных и других правовых актов с языческой религией в ряде случаев отчетливо видна, несмотря на то, что записи варварских судебников были произведены уже после принятия ими христианства. Тому подтверждение — священный характер места судебной сходки [31], приие-

---

[30] Gulathings-lov, 292: «Передача собственности, произведенная в церкви, в харчевне или на корабле с полным экипажем и настолько длинном, что его называют по числу скамей (для гребцов), имеет такую же силу, как если бы ее произвели на тинге». Общее между тингом, церковью, харчевней и кораблем лишь то, что везде сделка была публичной.

[31] Из скандинавских источников явствует, что место судебного собрания находилось,

сение присяг и клятв магического содержания [32], серия обрядов, в которых право и миф сливались воедино, выполнение судебных функций жрецами (годи в Исландии). Магический характер древних правовых норм частично получил санкцию новой религии: таковы ордалии («божий суд») [33]; в судебниках вместо

по языческим верованиям, под особой охраной богов, и это представление сохранилось и в христианскую эпоху. Правонарушения, совершавшиеся в том месте, где созывался тинг, расценивались как святотатство и карались особенно сурово.

[32] См. текст «умиротворительной речи» (tryggða mál) в Grágás 115: «Была вражда между Н. Н. и Н. Н., но теперь она улажена и возмещена деньгами так, как оценили оценщики и уплатили те, кто должен был платить, и тинг присудил и получатели получили все сполна в собственные руки, как и должно. Вы оба должны примириться и договориться за питьем и едой, на тинге и в собрании народа, в церкви и в доме конунга и везде, где только происходят сборища, и тогда вы должны быть так умиротворены, как если бы никогда ничего между вами и не происходило. Вы должны обменяться ножами и кусками мяса и всеми вещами, как сородичи, но не как враги». Если же в будущем между ними возникнет ссора: «Это нужно возмещать деньгами, а не кровавить копье. Но тот из вас, кто нарушит заключенный мир и совершит убийство несмотря на принесенные обеты, тот пусть будет волком, гоимым и преследуемым везде, где люди охотятся на волков, христиане посещают церкви, язычники приносят жертвы в капищах, горит огонь, земля плодоносит, младенец зовет мать, и мать кормит младенца, дети человеческие зажигают огонь, плывут корабли, блестят щиты, сияет солнце, падает снег, лаппы бегают на лыжах, растут сосны, сокол летит весь день и попутный ветер у него под обоими крыльями, небо закругляется, мир украшается, ветер свистит, вода стремится к морю, люди сеют зерно. Он должен сторониться церквей и христиан, домов бога и людей, любого жилища, кроме ада. Теперь возьмитесь за Библию, положите на Библию деньги, которыми Н. Н. платит возмещение за себя и за своих наследников, рожденных и нерожденных, зачатых и незачатых, получивших ими и не получивших. Н. Н. пусть примет присягу, а Н. Н. пусть дает вечную клятву, которая будет прочной, пока земля стоит и люди живут. Теперь Н. Н. и Н. Н. примирились и единодушны, где бы они ни встретились, на земле или на воде, на корабле или на лыжах, на море или верхом на лошади, за рулем или ковшом, на гребной скамье или на палубе, где придется; такие же примиренные во всем в обращении, как отец с сыном или сын с отцом. Теперь сложите вместе свои руки, Н. Н. и Н. Н.: соблюдайте клятвы по воле Христовой и всех людей, которые ныне слышат эту примирительную клятву! Да будет милость божья тому, кто соблюдает клятву, но гнев его — тому, кто нарушает верную клятву,— но милость тому, кто ее соблюдает! Добро Вам, примирившиеся! А мы ваши свидетели, кто присутствует!» (Isländisches Recht. Die Graugans. Weimar, 1937, S. 191—192). Ряд выражений в тексте присяги (упоминание конунга, которого не знала Исландия, лаппов-саамов, живших на границах Норвегии, сосен — в Исландии почти не было лесов; то, что занятием людей, наряду с мореходством, считается земледелие, но не упомянуто скотоводство) свидетельствует о том, что формула эта возникла в Норвегии, откуда попала в Исландию, по-видимому, еще в языческое время. На языческое происхождение клятвы, помимо некоторых конкретных явлений (достижение примирения «за питьем и едой»: обмен ножами и мясом; представление об изгнаннике, поставленном вне закона, как о волке; упоминание язычников и их храмов), указывает, как нам кажется, самая ее структура — аллитерированная ритмическая форма, характерная для древней скандинавской литературы. Христианские реалии (церковь, Христос, божий гнев и благословение и т. п.) — это, скорее, добавления. В другой формуле примирения (griðamál.— Ibid., S. 191—192) христианская фразеология доминирует. В этих заклятиях отчетливо проступает представление о магической функции слова. Публичный характер клятвы совершению очевиден,— с гласностью и публичностью ее связана ее сила. Нарушитель ее становится врагом людей и исторгается из самого космоса, он более не человек и обречен на погибель.

[33] Предписания, регулировавшие проведение ордалий у англосаксов, а также текразличных формул, применявшихся в тяжбах из-за имущества и земельных владе-

клятв [34] на оружии упоминаются присяги, приносимые с возложением рук на Библию; договоры заключаются в церкви; при созыве тинга звонят в церковный колокол; наряду с традиционными правовыми санкциями в судебники включаются церковное покаяние и штрафы в пользу духовенства и т. д. Некоторые процедуры были как языческие отменены [35]. Другие сохранились: таков, например, древний шведский обычай раздела владения при помощи бросания молота (hammarskipt), который связывают с ритуальной ролью молота как орудия бога Тора [36]. Обычай норвежских бондов ежегодно устраивать пиры, необходимые для обеспечения мира, урожая и благополучия в стране, сохраиился и в христианскую эпоху. Каждый домохозяин был обязан приготовить для такого пира определенное количество пива, уклонение от участия в пире каралось как антиобщественный проступок [37]. Принадлежность к коллективу и верность его основополагающим принципам и традициям требовала регулярных наглядно ощутимых доказательств, и участие в судебных сходках, пирах, общих работах, религиозных празднествах было важнейшей составной частью этого социально-психологического механизма.

Указанные сейчас черты, присущие нормам варварского права, публичность и всеобъемлющий их характер, заслуживают особого внимания. Общество диктовало каждому своему члену определенную заранее известную норму поведения. Общеобязательность соблюдения обычного права скреплялась еще и тем, что ответственность за повиновение ему возлагалась сплошь и рядом не на индивида или не только на него одного. Древнее право имело дело, собственно, не с отдельной личностью, но с группой, к которой это лицо принадлежало: с родом, семьей либо с главою такой группы. В «правдах» отчасти еще находит отражение принцип групповой ответственности за преступления, совершенные одним человеком. Он ясно выступает в случаях уплаты и получения вергельда, компенсации, шедшей от рода к роду. Перемещение тяжести уплаты виры с группы на отдельное лицо, наблюдающееся в «правдах», было результатом распада рода.

ний, при обвинениях в кражах и в других случаях, см. в кн.: F. Liebermann. Die Gezetze der Angelsachsen. Bd. I. Halle a. S., 1898, S. 386, ff.

[34] Исландские саги содержат указаиия на «законные клятаы» (lögeil) языческого содержания, приносимые над гривнами, с обращением к Фрею Ньорду и к Асам (Hjälpi mér svo Freyr ok Njorðr ok hinn almáttki Áss... Landnámabók Íslands. Reykjavík, 1948, bls. 281, 312).

[35] В поздней редакцин «Салической правды» прямо признается связь обычая бросания горсти земли с язычеством: «De chrene chruta lege, quae paganorum tempore observabant, deinceps numquam valeat...». См.: А. И. Неусыхин. Новые данные по источниковедению Салической Правды (Очерк 3).— «Средние века», вып. 25, 1964, стр. 41.

[36] G. Hafström. Hammarskipt.— «Skrifter utgivna av institutet för landshistorisk forskning» Serien II, 1. Lund. 1951, S. 126, ff.; S. Piekarczyk. O społeczenstwie i religii w Skandynawii VIII—XI w. Warszawa, 1963, S. 131.

[37] Gulathings-lov, 6.

Тем не менее принцип ответственности группы за своего члена не был изжит, и если обязанность платить вергельд ложилась на убийцу, то после исчерпания им всех собственных средств она перекладывалась на его сородичей. Кроме того, значительная часть свободного населения (не говоря уже о несвободных и о полусвободных) не несла полной ответственности за свое поведение перед обществом. В Скандинавии таких людей называли ómagar; к этой категории относили несовершеннолетних, престарелых, бедных, т. е. всех, кто не мог отвечать за себя самостоятельно и состоял под чьим-либо покровительством или нуждался в нем. Строго говоря, только взрослый мужчина, хозяин дома, глава семьи, был полноправным лицом. Он нес ответственность как за себя, так и за всех своих домочадцев и подопечных. Но и такой человек подчас нуждался в помощи, защите и содействии сородичей.

Человек дофеодального общества — это человек группы, органического коллектива, в котором он рождался и к которому принадлежал на протяжении всей жизни, и лишь будучи членом этого коллектива, он являлся правоспособным. Более того, только в качестве члена группы он был человеком. Глубокий смысл имело убеждение скандинавов, что человек, нарушивший мир и примирительные клятвы и поставленный вне закона, переставал быть человеческим существом, становился волком, оборотнем (vargr, ср. wargus).

Система обычного права, опиравшаяся на детально разработанную и всеобъемлющую ритуализацию его норм, представляла своего рода механизм включения индивида в общество. Субъектом социальной деятельности здесь перед нами выступает скорее не индивид, а группа, к которой принадлежит индивид, выполняющий предписанные ему традицией функции, следующий категорическим императивам поведения.

* * *

Отмечая господство конформизма в варварском обществе, мы вместе с тем должны подчеркнуть, что ни на какой, даже самой примитивной ступени своего существования человек не обладал «стадным сознанием». Как бы сильно ни был он интегрирован в коллективе, всецелого порабощения традицией и полнейшего его бессилия перед ней никогда не могло быть. С бóльшим основанием можно предположить, что в «примитивном» обществе складывалось своеобразное, подчас легко нарушавшееся равновесие между общим, нормативным, обязательным для всех способом поведения и индивидуальным поведением, проявлением личной воли, нередко характеризовавшимся известными отклонениями от нормы. Первое — норма поведения — имело силу этического императива, второе — поведение индивида — было эмпирической

реальностью [38]. Несомненно, член варварского общества, как правило, следовал традиции, не размышляя, автоматически подчинялся освященному временем порядку. Для проявления личной инициативы в обществе с неразвитыми социальными отношениями оставалось немного места. Но личность все же имела определенные возможности обнаруживать себя. Вспомним хотя бы слова Тацита о том, что древние германцы выбирали вождей «по храбрости», по-видимому, за выдающиеся личные качества, разумеется, воинские отличия в первую голову (в отличие от «королей», для которых было обязательно благородство происхождения) [39].

Мы наблюдаем в «правдах» индивида преимущественно в образе преступника, нарушителя нормы. Совершенно естественно, что в обществе вырабатывался механизм подавления подобных нарушений. Любое уклонение от нормы было равнозначно преступлению и каралось как таковое. В судебниках не раз как бы подчеркивается злой умысел, своеволие лиц, виновных в проступках. Очевидно, составители судебников не надеются на скорое и безболезненное умиротворение своевольных индивидов. Переселенец в чужую виллу, не получивший согласия на свое проживание в ней у всех местных обитателей, не покидает ее, несмотря на трехкратное предупреждение, и не хочет «слушаться закона», и лишь граф силою выдворяет его с того места, где он разместился [40]. Человек, взявший на себя обязательство, не желает вернуть долг и подвергается насильственной конфискации имущества: этот титул «Салической правды» не предполагает тяжелого материального положения или несостоятельности должника, как, например, в титуле «О горсти земли»,— он говорит именно о нежелании должника выполнить обязательство [41]. В «Законах Гулатинга» (Норвегия) подробно изображена тяжба из-за земельного владения, вызванная упорным нежеланием человека, держащего его в своих руках, вернуть землю законному ее собственнику. В одном случае даже предполагается, что захватчик не ищет никаких законных отговорок или юридических уверток (как это было обычно); он прямо заявляет: «Пока я жив, ты эту землю у меня не отнимешь!» Своеволие лиц, склонных к нарушению закона и обычных норм, предполагается в судебниках очень часто. Особый интерес представляют строжайшие запрещения браков между свободными и зависимыми (литами, рабами), подтверждающие наличие подобной практики. Их трудно было бы объяснить хозяйственной и правовой деградацией свободных, решавшихся на такой мезальянс: в неравные браки

---

[38] B. Malinowski. Crime and Custom in Savage Society Paterson, New Jersey, 1959 (Ist. ed. London, 1926).

[39] Тацит. Германия, гл. 7.

[40] Lex Sal., XLV.

[41] Lex Sal., L.

скорее могло выливаться сопротивление обычаю, сковывавшему индивида в проявлении его личных склонностей и чувств. Первой формой проявления личности оказывается преступное своеволие — преступное, с точки зрения общества.

Исследователи отмечали явную несообразность штрафов и возмещений, зафиксированных народными «правдами»: за малейший проступок полагается суровое наказание, высокое материальное взыскание. Это противоречие не кажущееся, ибо сравнение варварского права с правом феодального общества обнаруживает разницу: в период феодализма таких высоких, явно разорительных штрафов не взимали. Поэтому возникает потребность как-то объяснить это несоответствие размеров штрафа и платежеспособности преступника в народных судебниках. По мнению Н. П. Грацианского, необычайная суровость наказаний, устанавливаемых «правдами», была выражением стремления имущих слоев феодализировавшегося общества защитить свою собственность от посягательств бедняков. Следовало бы, на наш взгляд, учесть то, что приверженность к старине вела к сохранению в раннее средневековье традиционных норм права, в том числе и системы наказаний, сложившейся еще в доклассовом обществе, где они падали на род, а не на индивида. Возможно, однако, что штрафы росли и вводились новые возмещения, ранее не существовавшие. Но нельзя всякий раз объяснять эти явления причинами, на которые ссылается Грацианский [42]. Все-таки нужно помнить, что варварское право — это не классовое законодательство, оно до конца (т. е. до тех пор, пока производились записи обычного права) сохраняло в той или иной степени общенародный, общеплеменной характер.

Можно привести постановления «правд», которые легче было бы истолковать как выражение стремления защитить слабых и бедных от притеснений со стороны могущественных людей [43]. Но это не основание видеть в судебниках фиксацию воли одних лишь рядовых членов общества. На наш взгляд, в крайней суровости и разорительности штрафов и возмещений, характерных для всех записей народного права, по-видимому, можно усмотреть тенденцию подавить своеволие, от кого бы оно ни исходило, восстановить нарушенное равновесие между обществом и личностью,

[42] Н. П. Грацианский. Из социально-экономической истории западноевропейского средневековья. М., 1960, стр. 286 и сл.

[43] Таковы, например, предписания, карающие графов за творимые ими злоупотребления (Lex Sal., LI, 2), или установление повышенных штрафов за похищение у хозяина всего скота, а не части его. См. Lex., Sal., II, 7, 14—16; III, 6, 7; XXXVIII, 3, 4. См. также: А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956, стр. 15 и след. В «правдах» особо подчеркивается неприкосновенность жилища свободного человека. Нападение на норвежского бонда в его доме, совершенное ярлом, лендрманом и даже конунгом, вызывало вооруженное выступление населения. См. Frostathings- lov, IV, 50—52. См. также: А. Я. Гуревич. Свободное крестьянство и феодальное государство в Норвегии в X—XII вв.— «Средние века», вып. XX, 1961, стр. 4 и сл. Ср. Ine, 6.

заявляющей о себе преступлениями и неуважением старинного права.

Речь идет не о целенаправленной политике законодателя, а о действии механизма «социального контроля», существующего в той или иной форме в любом обществе. Этот механизм складывается у варваров скорее стихийно, чем сознательно, как ответ на преступные действия своевольных лиц.

Одним из критериев классификации преступлений, который отчетливо прослеживается во всем древнегерманском праве, было соответствие или несоответствие поведения индивида понятиям чести. Само по себе убийство, членовредительство и некоторые иные проступки не считались несовместимыми с нравственными нормами. В обществе, где не существовало публичной защиты жизни и интересов человека и где господствовал принцип самозащиты рода, семьи и отдельного лица, указанные деяния были неизбежны; они рассматривались как преступления, карались вирами, возмещениями, штрафами, но не осуждались как бесчестившие тех, кто их совершил. Было, однако, необходимо, чтобы убийство или ранение не оставались тайными, чтобы они не были совершены таким образом, что попиралось личное достоинство лица, подвергшегося нападению, чтобы нападение не происходило в форме, несовместимой с представлениями о личном мужестве и чести. Иначе говоря, если уже нельзя было избегнуть преступлений (а подчас это было невозможно, опять-таки в силу общепринятого понятия чести рода, семьи и их членов,— тогда бесчестным считалось поведение лица, не прибегавшего к мести), то они также должны были совершаться согласно твердо установленным правилам. Наказание, следовательно, зависело не только от размеров нанесенного ущерба, но и от поведения преступника [44].

В древнегерманском праве существенную роль играло понятие публичности проступка. Законное убийство было деянием, совершенным при свидетелях, при свете дня, требовало проявления личного мужества, не сопровождалось бесчестящими актами. Злостное убийство — это убийство из-за угла, ночью или нападение на безоружного, слабого, убийство многими одного, с надругательством над трупом, преступление, при совершении которого виновный обнаружил трусость. Кроме того, существовало понятие «равной мести»: нельзя было мстить обидчику неумеренно, несообразно размерам причиненного ущерба [45]. Нарушитель этих стандартов преступал моральные нормы, лишался чести и подвергался моральному осуждению, равно как и суровому наказанию. Такого человека называли «подлым негодяем» (niðingr), его объявляли «вне закона», лишенным «мира», изгоняли из об-

---

[44] Germanische Altertumskunde, Hrsg. von H. Schneider. München, 1938, S. 184.

[45] W. E. Wildа. Das Strafrecht der Germanen. Halle, 1842, S. 157—162.

щества, всякий мог и должен был его убить, он более не считался человеческим существом. Так появлялись преступные «индивидуалисты», люди, порвавшие все социальные связи и поставленные перед необходимостью жить, полагаясь исключительно лишь на свои собственные силы. То, что разрыв отношений с подобным злостным преступником считался в варварском обществе самым страшным наказанием, само по себе символично: человек без сородичей и друзей, не пользующийся никакой поддержкой, уже не человек, он мертв. Люди, которые шли на полный разрыв со своей средой, тем самым заявляли о своем своеволии [46]. Отвращение к такого рода нарушителям чести распространялось и на тех свободных, которые вступали в брак с несвободными: они лишались свободы, т. е. всех прав и средств социального общения [47].

Но народные «правды» возникают в тот период развития «традиционного» общества германцев, когда оно переживало состояние дезинтеграции, перестраивалось на новой основе, когда разрушались органические коллективы, посредством которых в него включался каждый индивид. Окончательное разрушение рода, распад большой семьи, перестройка общины из земледельческой в соседскую, наконец, переход от племенного строя к территориальному — все это показатели далеко зашедшего процесса ослабления тех ячеек, которыми прежде поглощался отдельный человек. Следовательно, не могла не изменяться мера обособления индивида в группе. Нужно попытаться как-то установить эту меру и уточнить, в каком именно смысле можно говорить о выделении индивида в рамках целого.

Прежде всего на ум приходит титул «Салической правды» «О желающем отказаться от родства» — симптом указанного процесса. Вряд ли здесь имеется в виду разрыв индивида со всеми и всякими родственниками: скорее нужно предположить выделение индивидуальной семьи из большой семьи, обусловленное какими-то материальными причинами (например, нежеланием богатого человека поддерживать бессмысленную для него и обременительную связь с бедными родственниками), а может быть, и распрей. Но и разрыв традиционных связей производился в традиционной ритуальной форме (разламывание над головой ольховых палок мерою в локоть и разбрасывание их в четыре

---

[46] Богатый материал по этим вопросам дают исландские родовые саги. Они рисуют стандарты поведения членов варварского общества. Вместе с тем в них можно проследить рост несоответствия реальной жизни традиционным моральным нормам и обычному праву и вызванную этим конфликтом «переоценку ценностей». Вряд ли случайным совпадением явилось то, что первопоселенцем в Исландии был Ингольф Арнарсон, бежавший из Норвегии после того как был объявлен вне закона, что первооткрыватель Гренландии Эйрик Рыжий был убийцей, вынужденным покинуть Исландию. Наиболее предприимчивые и инициативные индивиды в то же время оказывались и нарушителями общепринятых норм.

[47] Lex Sal., XIII, 8, 9.

стороны), причем опять-таки в публичном собрании и в присутствии тунгина. Отрицание традиции было вместе с тем в определенном смысле и ее подтверждением.

Обилие в «правдах» многочисленных предписаний, устанавливавших кары за различные преступления: членовредительство, убийство, кражу, поджоги, грабеж, насилие, похищение свободных людей, потравы, оскорбление и многое другое — не может удивлять, перед нами судебники, которыми пользовались при разборе дел о правонарушениях, и естественно, что именно эта сторона жизни дофеодального общества наиболее полно в них представлена. Конечно, правомерно видеть в иекоторых из этих постановлений отражение роста неравенства в обществе, обнищания части его членов и стремления возвышавшейся и богатевшей другой его части поставить свою собственность под защиту закона. Но, может быть, справедливо было бы взглянуть на предписания «правд» о преступлениях и наказаниях еще и с иной точки зрения.

Некоторые проступки, упоминаемые в судебниках, были, как мы видели, проявлением индивидуальной воли, в них воплощался отказ совершивших их людей подчиниться нормам права. Тем самым в них могло выразиться сопротивление отдельных индивидов всепоглощающему конформизму «традиционного» общества, объективный, может быть, не во всех случаях осознанный протест, который сам по себе свидетельствовал об ослаблении скреплявших это общество связей.

Сказанное, разумеется, ни в коей мере нельзя истолковывать в том смысле, что мы обнаруживаем в подобных явлениях «раскрепощение личности» и становление автономной человеческой индивидуальности. Не то время, не то общество! Речь идет о переходе от одной общественной системы к другой, следовательно, от одного способа включения индивида в общество, характерного для родового строя с его органическими, естественно сложившимися коллективами, к иному способу подчинения человека социальному целому, к тому способу, который станет специфической формой социальности феодальной эпохи. Ибо хорошо известно, что люди, выходившие из разрушавшихся родовых групп, включались в новые социальные ячейки — общины, защитные гильдии, соседства, мирки сеньориального господства и т. д.: потребность в защите, помощи и — прибавим — во внутренней социально-психологической интеграции в группу была, видимо, глубоко присуща человеку раннего средневековья.

То, что в «правдах» личность заявляет о себе преимущественно преступным своеволием, объясняется, по нашему мнению, не одною лишь спецификой судебников; мы допускаем возможность рассмотрения некоторых из этих фактов как показателя кризиса «традиционного» общества, когда баланс между нормой и реальностью все чаще нарушался и когда он мог быть восстанов-

лен только насильственным путем, при помощи суровых наказаний.

В варварском обществе никогда не было полного подчинения индивида обществу в смысле его всецелой поглощенности, однако и возможности воздействия личности на социальный процесс были крайне ограничены.

Разумеется, приходится постоянно иметь в виду специфику наших источников, в которых социальная действительность могла найти лишь частичное и в немалой мере одностороннее отражение. Всегда остается вопрос: каково было соотношение норм права и реального поведения людей? Может возникнуть сомнение: была ли традиционность их поведения столь же велика, как и традиционность права?

Для того чтобы ответить на такие вопросы, нужны другие источники. В этом смысле совершенно исключительное значение приобретает исследование исландских родовых саг. Записанные много позднее, чем «правды», саги тем не менее подобно им рисуют общество дофеодальное. Но здесь способ его изображения иной: это рассказы о жизни и поступках индивидов, их семей и об отношениях между ними. Поскольку саги не были простым средством развлечения для средневекового исландского общества, но представляли в своеобразной реалистической, наглядной форме эталоны человеческого поведения, принятого в этом обществе, в них можно найти ответы на поставленные нами вопросы. Такое исследование еще не произведено. Однако одно общее положение можно высказать: индивид в сагах обладает широкой возможностью для проявления своей инициативы, личной воли, в том числе и противозаконной. Вместе с тем бóльшая часть его поступков заранее предопределена системой нравственных норм, условностей, стандартов, нарушение которых было практически немыслимо и решительно осуждалось обществом как аморальное, сурово каралось. Мы найдем здесь противоречия между правовыми нормами и действительностью. Тем более интересно, что даже нарушение правовых предписаний не было индивидуализировано, оно диктовалось строгими кодексами поведения. В ситуациях, требовавших моральных решений, перед индивидом обычно не вставал вопрос, как поступить. Ответ на создавшуюся ситуацию следовал почти автоматически. Саги являют нам своего рода «сценарии» жизненного поведения людей варварского общества.

* * *

Социальное целое не состоит из отдельных лиц. Общество представляет собою сложную систему групп разного объема, со своими структурными особенностями. Собственно говоря, индивид входит в группу и уже через нее в общество. Но он входит

не в одну только группу, а в целую иерархию социальных структур.

Каковы же социальные группы и структуры варварского общества? Выяснение этого вопроса необходимо для понимания способа включения человека в общество.

Мы можем выделить несколько категорий таких групп, различающихся по своей структуре и основе, на которой они функционируют.

Основными микроструктурами варварского общества были семья и другие родственные группы. Как известно, семья в этом обществе имела свои особенности. То была большая семья (домовая община), состоявшая из ближайших сородичей трех поколений, совместно живших и ведших одно хозяйство. В ее оболочке, а отчасти уже и вне нее существовала малая семья, постепенно выделявшаяся из домовой общины, но далеко еще не обособившаяся от нее полностью. Структура семьи-домохозяйства отличалась сложностью и разнородностью своего состава. В нее входили не одни только ближайшие родственники, происходившие от одного отца: наряду с ними мы найдем в ней и иных сородичей и свойственников, нахлебников и зависимых людей, рабов. В скандинавских памятниках все люди, входившие в домохозяйство, именуются «домочадцами», их число нередко было довольно велико. Естественно, что среди домочадцев не было равенства и роль их в хозяйстве была весьма неодинакова. Элементы отношений эксплуатации можно обнаружить в пределах большой семьи не только в связи с наличием в ней рабов, но и внутри круга родственников. Всякое сколько-нибудь крепкое хозяйство свободного человека обрастало связанными с ним или зависевшими от него хозяйствами маломощных и нуждавшихся в защите и помощи людей как свободных, так и несвободных или полусвободных (вольноотпущенников). В известном смысле семья дает нам в миниатюре картину варварского общества.

Семья в любой форме, большая или малая, представляла важнейшую реальную социальную группу, в которую входил индивид. Но наряду с семьей сохранялись и иные группы, строившиеся на родственной основе: пережиточные формы рода, патронимии, союзы, возникавшие вследствие брачных связей. В недрах этих родственных групп и протекала прежде всего жизнедеятельность членов варварского общества. Карнальные связи играли огромную роль в обществе, еще не перестроившемся на классовой основе. Все основные жизненные социальные отправления членов этого общества были связаны с принадлежностью их к кругу родства. Не включенный в карнальную группу индивид был попросту немыслим.

Наряду с родственными коллективами существовали коллективы, имевшие территориальную основу. К их числу принадлежала община. Земледельческая община, опиравшаяся на кол-

лективное землевладение, трансформировалась в соседскую общину — марку, представлявшую собой совокупность отдельных самостоятельных домохозяев. Германская община была внутренне противоречивым коллективом с ярко выраженными центробежными тенденциями и антагонизмами. Тем не менее роль ее как социальной структуры была очень значительна. Хотя община и распределяла участки и угодья и, следовательно, оказывала немалое влияние на хозяйственную деятельность входивших в нее владельцев, производственным единством она, конечно, не была. На наш взгляд, необходимо подчеркнуть наличие внеэкономических связей между соседями-общинниками, объединявшимися в силу общих интересов самозащиты и поддержания правопорядка, отправления культа и празднеств. К территориальным группам относились также округа — сотни, области и т. п.

Члены дофеодального общества входили в этнические общности — племя, союз племен. В этой связи существенно отметить, что даже при переходе к территориальному строю племенная общность не исчезала в течение очень длительного периода. Она сохранялась не только в номенклатуре этнической принадлежности и в топонимике, но и в сознании варваров. Самосознание их в большой мере оставалось племенным. В самом деле, чем вызывалась необходимость фиксации обычного права? Впервые она произошла у тех племен, которые, завоевав римские провинции, переселились на их территорию. Возможность записи первых германских «правд» создало наличие в варварских королевствах грамотных людей из покоренного романизованного населения. По повелению варварских королей они и произвели запись германских народных обычаев.

Однако этим обстоятельством объясняется только возможность фиксации обычного права, но не ее причины. Можно, конечно, сослаться на становление королевской власти, обнаруживавшей стремление узурпировать управление и регулирование общественных дел (с записью обычаев делалось невозможным их дальнейшее интерпретирование знатоками права из народа — «законоговорителями», «лагманами»; отныне начиналось «отчуждение» обычного права от народа, его породившего), на усложнение общественной жизни и рост противоречий в варварском обществе, связанных с переселениями и завоеваниями, а также и с внутренними противоречиями этого общества.

Но следовало бы, очевидно, отметить и другой фактор, который, возможно, был не менее важен: стремление варваров сохранить свою гомогенность перед лицом реальной угрозы поглощения их местным населением бывших римских провинций. Ведь во всех странах Европы, захваченных варварскими племенами и племенными союзами, германцы составляли меньшинство. Как правило, они не жили сплошными массами, обособленно от

романизованного населения варварского королевства, а были рассеяны среди него. По-видимому, отсюда стремление противопоставить себя «римлянам», обнаруживающееся в ряде варварских «правд»[48]. Отсюда же и попытки составить своды германского права, самостоятельного по отношению к римскому праву покоренного населения[49].

Племенное самосознание франков как нельзя лучше раскрывается в I Прологе к «Салической правде» (VI в.), прославляющем доблести и превосходство «славного народа франков». Запись «Салической правды» изображается здесь как одно из высших проявлений мудрости франков, стремления их к справедливости и миру. С племенным самосознанием варваров, очевидно, связан и персональный принцип действия их права: не все жители варварского государства, но лишь члены данного племени подчинялись предписаниям судебника, у каждого племени существовало свое особое право. Этот принцип отступает на задний план в VIII—IX вв. под воздействием католической церкви и законодательства Каролингов (в Англии в конце IX в. при короле Альфреде).

Варвар входил, далее, в политическую общность, в складывавшееся варварское королевство, которое постепенно приобретало признаки государства. Политические объединения варваров на первых порах были весьма непрочными, они и в дальнейшем обнаруживали рыхлость своей структуры. Связи политические, помимо объединений в территориальные округа, о которых говорилось выше, осуществлялись преимущественно между локальными общинами и королем (князем, конунгом) непосредственно или через его служилых людей. Эта форма социальных отношений приобретает огромное значение по мере развития процесса классообразования. Король постепенно превращался в единственный или главенствующий фактор объединения разрозненных, живущих обособленной жизнью общин и тем самым подчинял их себе.

Наконец, социальными группами, в которые включались семьи и роды, были общественные разряды с особыми правовыми статусами: знать, свободные, полусвободные, зависимые. Эти разряды, именуемые в немецкой историко-правовой литературе Stände, представляли собой, разумеется, не сословия, а особую форму социальной стратификации, не встречающуюся в обществах с иной социальной системой. Основой этих разрядов не было имущественное положение, хотя оно и могло быть с ними определенным образом связано. Знатные, рядовые свободные, полусвободные, рабы различались между собой происхождением

---

[48] Lex Sal., XLI, 1: barbarus, quis lege Salico vivit... Ср.: Lex Sal., XIV, 2; XVI, Add. 3; XXXII, Add. 1, 2; XXXIX, 3; XLI, 5, 6,7; XLII, 4.

[49] Другим средством противопоставления варваров населению покоренных провинций было арианство, широко распространенное среди варварских племен.

и правами, которыми они обладали или которых были лишены. Но эта система статусов дополнялась, а отчасти трансформировалась под влиянием отношений личной службы, зависимости, покровительства, которые начинали развиваться в недрах традиционной структуры варварского общества.

Чрезвычайно существенно было бы выяснить соотношение всех перечисленных социальных структур и групп. Один и тот же индивид принадлежал, как правило, к нескольким общностям, по-разному в них включаясь. Можно, однако, заметить, что основа включения его в эти группы по большей части была личного порядка и лишь в меньшей степени имущественного. Столь же важно выявить тенденции изменения структур и изменения в этой связи их соотношения: одни группы ослабевали, распадались, другие укреплялись, их роль в обществе возрастала. С одной стороны, наблюдаются исчезновение родов, распад больших семей, трансформация общинных связей, с другой — рост отношений, территориально-соседских, отношений господства и подчинения. Важно подчеркнуть, что отступление на задний план одних форм социальных связей неизбежно влекло за собой интенсификацию и распространение других. Опустевшие «гнезда» социальных связей заполнялись иными, причем новые отношения подчас строились по образцу старых (сеньор заступал место сородича). Между разными системами общественных отношений существовала функциональная связь.

Любопытно, что процедуры и символические акты, о которых шла речь выше, в той или иной мере были связаны со всеми видами общественных структур и групп. Поэтому разложение старых групп, характерных еще для общинно-родового строя, не приводило к исчезновению этих актов и ритуальных действий: функционирование новых социальных образований регулировалось по сути дела тем же способом, хотя конкретные процедуры могли и изменяться или на смену старым стандартам поведения приходили новые.

Как мы видели, дофеодальное общество, не будучи классовым, вместе с тем отнюдь не характеризовалось и всеобщим равенством. Для него были специфичны четко отграниченные один от другого слои знати, рядовых свободных, полусвободных, несвободных. Принадлежность к обществу выражалась в обладании определенными правами и обязанностями (правами-обязанностями, ибо для доклассового общества характерно неразрывное единство прав и обязанностей, их непосредственная связь) [50]. Различия между представителями общественных слоев были не только, а может быть, подчас и не столько экономическими, сколько социально-правовыми, связанными с происхождением и статусом лица, точнее, той группы, к которой оно

---

[50] А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства..., стр. 31—34.

принадлежало. Так, знатный мог быть и не богаче незнатного, но статус их был различен. Это различие в статусе выражалось в вергельдных градациях, сплошь и рядом чрезвычайно резких (упомянем хотя бы огромный разрыв в размерах вергельдов нобилей и свободных у баваров и саксов или деление англосаксонского общества на людей с вергельдами в 200, 600 и 1200 шиллингов), в системе других возмещений и штрафов, охранявших имущественные и личные права лиц разного статуса или налагавшихся на них, в значимости присяги и свидетельства, в иных проявлениях правовых возможностей, в ограничениях браков между представителями разных групп (браки между свободными и несвободными или полусвободными были запрещены повсеместно, у саксов же, по словам хрониста, не допускались и браки между нобилями и фрилингами) [51]. Различия в происхождении знати, рядовых свободных и зависимых нередко осознавались в дофеодальном обществе как сакральные: божественной родословной королей и знатных родов противопоставлялось низменное происхождение остального племени [52]. Эти различия выражались и во внешних признаках: в одежде и прическе (вспомним сообщения Тацита об одежде германской знати, длинноволосых мальчиков, упоминаемых «Салической правдой», значение прически у готов), в оружии и в занимаемом на собрании месте.

Социальные градации дофеодального общества отчасти уже изучены, показана их связь с процессами, которые трансформировали это общество и в конце концов привели к смене его обществом раннефеодальным. Хотелось бы лишь указать на ту сторону структуры дофеодального общества, которая связана с осознанием самими его членами их статуса и с той ролью, которую играло это сознание в функционировании общества.

Как уже упоминалось, в основе всех судебников лежал не территориально-государственный принцип, а принцип персонального права: каждого человека судили по «его закону», в зависимости от племенной принадлежности и от личного статуса [53]. Строго говоря, социальный статус лица (исключая людей, занимавших пост на службе короля) был не личным, а наследственным. Быть знатным — нобилем, эделингом, эрлом, хольдом,

---

[51] Высказывание на этот счет Рудольфа Фульдского см. в кн.: А. И. Неусыхин. Возникновение зависимости крестьянства..., стр. 171. Однако справедливость этого сообщения хрониста сомнительна.

[52] См осмысление социального строя древней Скандинавии в «Песни о Риге», примыкающей к песням «Старшей Эдды». Эта своеобразная мифологическая социология дофеодального общества объясняет происхождение знати — ярлов, свободных — карлов и рабов в виде восходящей линии творения их божеством Ригом (Одином?). См. А. Я. Гуревич. Норвежское общество в VIII—IX вв.— «Ученые записки Калининского государственного пед. ин-та им. М. И. Калинина», т. 26. Кафедра истории. Калинин, 1962.

[53] Lex Rib., 31, 3, 4; 61, 2 См. H. Brunner. Deutsche Rechtsgeschichte, I, S. 387, ff. 281; R. Schröder, E. v. Künßberg. Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte. 6. Aufl. Berlin und Leipzig, 1929, S. 249, ff.

ярлом, херсиром, конунгом — или рядовым свободным — франком, фрилингом, ариманном, кэрлом, бондом — значило принадлежать к определенному роду, вести свое происхождение от знатных предков в одном случае и от незнатных, но свободных — в другом. Права человека устанавливались на основании его происхождения, родословной.

Варвары проявляли напряженный интерес к генеалогиям и родовым сказаниям. Это не просто естественный интерес к прошлому, он прежде всего имел практическое значение. Знатный — это человек именитый, прославленный благодаря своим предкам и сородичам. Следовательно, в основе социального статуса лица лежал родовой статус. Личность и в данном случае не мыслилась обособленно от группы, к которой она органически принадлежала. Разграничение дофеодального общества на знать, рядовых свободных и зависимых в известной мере условно, ибо ни в среде знатных, ни в среде незнатных на самом деле не было равенства. Были роды более или менее знатные; эти градации, подчас недоступные взору исследователя, были вполне реальны и очевидны для членов дофеодального общества, в котором существовала детально разработанная шкала благородства и доблести [54]. Наличие в каждой из «правд» более или менее четкой и единообразной шкалы вергельдов не должно вводить нас в заблуждение. Такое единообразие было скорее нормой, нежели осуществлялось на практике. Хорошо известно, что вира сплошь и рядом устанавливалась в каждом отдельном случае не на основе этой шкалы или не только на ее лишь основе, а с учетом конкретных условий и особенностей положения рода или семьи убитого и ее взаимоотношений с семьей убийцы: у лангобардов — secundum qualitatem, generositatem, nobilitatem personae, id est in angargatthungi [55]; в средневековой Норвегии существовали особые оценщики, определявшие размеры вергельда согласно происхождению лица [56]. У исландцев величина возмещения устанавливалась в ходе переговоров между враждующими семьями и при участии посредников (о чем свидетельствуют и приведенная выше формула клятвы о соблюдении мира, и исландские родовые саги) [57]. При этом принималось

[54] См. Lex Baluv., II, глава XX: «О родах (genealogiae), именуемых Huosi, Throzza, Sagana, Habilinga, Aennion: они — первые после Агнлольфингов, происходят из герцогского рода, двойную им полагаем мы честь, а посему взимать [им] виру двойную. За Агилольфинга же до герцога взнмать виру вчетверо, ибо они — высшие князья между вами... Герцог же, который предводительствует в народе, всегда [бывает] и должен быть из рода Агилольфнигов. И в снлу того, что он — герцог, воздавать ему ббльшую честь, нежели прочим родичам его; посему прибавлять третью часть сверх того, что платятся за его родичей».

[55] Ro, 11, 14, 48, 74, 75, 141, 378.

[56] Landslov, IV, 12.

[57] Ср. Lex Saxon, XX. Нобиль, виновный в продаже нобиля за пределы страны. в случае его возвращения, должен дать ему компенсацию «в таком размере, который сможет его удовлетворнть».

во внимание и положение данного лица в его собственном роде, ибо и члены одного рода не были равноценны [58].

Таким образом, вергельд был скорее показателем индивидуальной оценки социального статуса члена данного рода, нежели простым признаком принадлежности к социальному слою в целом (может быть, правильнее было бы сказать, что он был и тем, и другим). Вергельд, как и другие возмещения,— не только компенсация за понесенный ущерб; его уплата и получение были теснейшим образом связаны с сознанием социального престижа семьи. Наряду с легко объяснимым стремлением потерпевшей стороны получить максимальное возмещение (как материализованный признак родовитости) мы можем обнаружить в ряде случаев готовность и даже стремление представителей виновной в правонарушении стороны уплатить высокое возмещение. Таков принцип «активной градации» (Aktivstufung), выражавшийся в том, что размеры пеней устанавливались не по происхождению пострадавшего, а в зависимости от родовитости виновного, вследствие чего знатные лица должны были платить более высокие возмещения за совершенные ими преступления [59]. Нечто подобное наблюдалось у скандинавов, когда незнатные предпочитали уплачивать повышенные возмещения пострадавшим с тем, чтобы доказать свое благородное происхождение [60].

В возмещениях и пенях, которыми «обменивались» варвары, нужно видеть материальное выражение социальной оценки, даваемой ими самим себе и другим. Самосознание рода или семьи нуждалось в общественном признании. Этот момент необходимо учитывать при объяснении необычайно высоких вергельдов и штрафов, фиксируемых в варварских «правдах». В расчет брали не реальную платежеспособность преступника, а статус людей и семей, которых эти возмещения должны были охранять.

Самосознание представителя той или иной семьи опиралось, естественно, не на одно лишь чувство принадлежности к ней и понимание ее знатности, родовитости или полноправия. Самооценка связана и с относительной оценкой, т. е. с оценкой самого себя и своей группы по отношению к другим социальным груп-

---

[58] У варваров существовали, кроме того, еще и возрастные классы: в зависимости от возраста изменялся размер виры. Так было, например, у готов (Lex Wisigothorum Antiqua, VIII, 4, 16).

[59] Lex Saxon, XXXVI: «нобиль за кражу платит 12 солидов, свободный — 6, лит — 4 солида», Capit Saxon, III; «угодно было всем саксам, чтобы в тех случаях, когда франки должны платить по закону 15 сол., саксы из рода нобилей платят 12, свободные — 5, литы — 4»; Capit, de partibus Saxon, XIX: за несвоевременное крещение младенца штрафы нобиля 120 солидов, свободного — 60 и лита — 30 солидов; ibid., XX: за нарушение брачных запретов штрафы нобилей — 60 сол., свободных — 30, литов — 15 сол.

[60] Из грамот Сен-Галленского картулярия явствует, что знатные лица приобретали право выкупа своей земли, подаренной аббатству, за гораздо более высокую плату, чем мелкие собственники, иногда даже за сумму, равную по величине их вергельду. См. Е. Д. Романова. Прекарий на землях Сен-Галлеиского аббатства в VIII—IX вв.— «Средние века», вып. XV, 1959, стр. 71—72.

пам, с осознанием различий между группой «Мы» и группами «Они», «Другие». Социальные группы, не представлявшие разных классов общества и ни в коей мере не совпадавшие с имущественными прослойками (наряду с богатыми знатными были и небогатые; существовали зажиточные люди и среди рядовых свободных и даже среди вольноотпущенников и полусвободных) [61], опирались на ясное осознание разделявшей их социальной дистанции. Только учитывая это обстоятельство, можно правильно понять «военную демократию» варварских племен, не перенося на нее совершенно чуждых тому обществу современных представлений о равенстве, демократии и свободе.

Личная свобода, которой обладала основная масса членов дофеодального общества, первоначально представляла собой полноправие. Но вместе с тем это полноправие не содержало представления о неограниченности правовых возможностей носителей свободы. Обладание статусом свободного налагало ограничения не только в том смысле, что реальным содержанием личной свободы была совокупность определенных прав-обязанностей, но и постольку, поскольку человек даиного статуса должен был вести себя соответствующим образом, подобающим его статусу и происхождению, и никак иначе. Noblesse oblige...

Людям дофеодального общества присуще обостренное чувство социальной дистанции, связанное с постоянной оценкой самих себя относительно других и с оценкой этих других. Понятие знатности, родовитости всегда воспринималось как понятие относительное: А более родовит, чем Б, род В знатнее рода Г, брак между представителями двух семей считается достойным, так как обе семьи одинаково знатны, или наоборот, брак нежелателен либо недопустим, будучи унизительным для одной из сторон в силу ее более высокого происхождения, чем другой. В тех случаях, когда источники достаточно подробны и в особениости когда их терминология отражает богатство понятий, употребляемых в этом обществе (как, например, у скандинавов), можно восстановить целую иерархию понятий большей или меньшей родовитости, знатности, отношения к свободе.

В норвежских судебниках мы встречаем следующие обозначения знатности: konungborinn (из рода конунгов), lendr maðr lendborinn (рожденный от лендрамана), haulldr maðr (человек, обладающий правом хольдов, hallz rett), oðalborinn maðr (рожденный с правом одаля), beztr maðr (лучший человек); обозначения полноправия и свободы: fullu borinn (обладающий полноправием от рождения) þegn, frials maðr (свободный), árborinn, aettborinn maðr (родовитый); обозначения неполноправности: karlmaðr, recsþegn, dreng maðr; зависимых: yborenn

[61] Согласно «Фризской Правде», были свободные люди, впадавшие в литскую зависимость от нобилей, свободных и даже от литов. См.: Lex Frts., XI, § 1. Ср. там же, I, 21.

maðr (рожденный в рабстве), leysingi, frialsgjafi (вольноотпущенник), þyrmslamaðr (состоящий в послушании), þraell, man mannа (раб). Этот перечень терминов, отражавших разные оттенки и градации личных прав, неполон. Помимо этого встречаются относительные обозначения статуса — по отношению или по сравнению с другими лицами: iamborinn (iafnborinn) maðr (человек одинакового происхождения), iamrettesmaðr (обладающий равными правами), halfrettesmaðr (человек с половинными правами), betrfeðrungr (человек лучшего статуса, чем его отец). Все население страны в целом обозначалось выражением þegn og þraell. Саги, пожалуй, еще более богаты социальной терминологией.

Варварскому сознанию чуждо представление о человеке вообще; не то, чтобы такая абстракция была ему недоступна, она не имела реального смысла. Человек — это всегда конкретный представитель определенной социальной группы, общественного статуса, присущего данной группе, и от этого статуса зависит общественная оценка человека. Можно пойти дальше и сказать, что статусом определялись не только его социальный вес (выражаемый в материальных возмещениях, правовых возможностях и других ощутимых признаках), но и его моральная оценка. От людей разного статуса ожидали соответствующих их статусу поведения, образа мыслей, личных достоинств. Благородство, воинская доблесть, щедрость, мудрость — это признаки родовитого, знатного человека, достойного своих знаменитых предков. Меньше рассчитывали на наличие таких выдающихся качеств у простых людей незнатного рода; эти качества не составляли их неотъемлемого отличительного признака.

Статус, таким образом, был тесно связан и с этической ценностью его носителя. Совершенно несомненно, что наличие подобной моральной оценки человека было немаловажным фактором формирования его личности. Ожидание доблестей и благородства от одних и отсутствие такого рода надежд в отношении других воспитывало соответствующим образом членов разных общественных групп, было стимулом и даже императивом поведения. Человек должен был вести себя сообразно своему статусу, несоответственное поведение его воспринималось обществом как нечто неслыханное.

Встречающиеся в источниках обозначения знатных людей, как «лучшие», «добрые», «первейшие» и т. п., содержали в себе, наряду с указанием на могущество и привилегированное положение в обществе, также и моральную оценку; подобно этому не были ее лишены и противоположные обозначения: «мелкие люди», «низшие», «неблагородные», «незначительные» [62].

---

[62] Pactus legis Alam., XIV, 6—11 (minoflidus, medianus); Lex Burg., II, 2 (minor, mediocris).

В исландских сагах, в изобилии содержащих характеристики знатных и богатых людей, подобная моральная оценка их является, как правило, чем-то самим собою разумеющимся. Общество, по сагам, вообще не делится на богатых и бедных, ибо зажиточность не рассматривалась в этом обществе в качестве определяющего признака отнесения человека к той или иной социальной группе: такие критерии следует искать скорее в «могуществе» «больших», «сильных» людей и в «незначительности» «маленьких» людей [63]. Могущественный человек благороден, богат друзьями, гостеприимен, смел, доблестен. Человек же незнатного происхождения редко мог сравниться со знатным не только своими богатствами, но и личными качествами. Дети знатных мужей, рожденные от вольноотпущенников и рабынь, уступают в моральном отношении своим братьям, матери которых были свободны. Никто не предполагает, чтобы они могли обладать теми же доблестями, что и их благородные сородичи.

Исландские источники — саги, записи обычного права — обнаруживают богатую гамму определений знатности и свободы. Сознание социальной дистанции столь развито, что она могла существовать даже в пределах одного рода и одной семьи: сын мог приобрести бóльшую родовитость, чем его отец, и, наоборот, потомок мог деградировать по сравнению с предком.

Повышенное внимание к установлению и соблюдению социальной дистанции отчетливо проявляется во всех народных «правдах» в многочисленных и детализированных титулах о вергельдах, возмещениях и всякого рода правах представителей разных слоев общества. Подобные градации имеют для них исключительно важное значение. Ведь при их помощи определялось положение в обществе каждой семьи, любого индивида. Человек без статуса совершенно немыслим в дофеодальном обществе; во всех случаях, когда статус неясен или неизвестен, его спешат установить,— идет ли речь о живом или мертвом человеке, об отце незаконнорожденного ребенка или об иноплеменнике. Одним из тяжелейших наказаний в таком обществе было лишение статуса, т. е. порабощение свободного, лишение его права на возмещение, объявление его вне закона. Такой человек полностью выпадал из системы статусов, а следовательно, и социальных связей и, как уже упоминалось, вообще переставал считаться человеческим существом.

Варварское право, по-видимому, не терпело никакой неопределенности в вопросах, связанных с положением человека в обществе, ибо неизвестно было, как надлежит относиться к такому человеку неясного статуса. Стремлением исключить все подобные сомнительные случаи и продиктована значительная часть

---

[63] А. Я. Гуревич. Норвежские бонды в XI—XII вв. (II).— «Средние века», 26, 1964, стр. 6—7.

содержания судебников. Так, например, проблемы социальной стратификации доминируют в англосаксонских «правдах». Условием ведения судебной тяжбы и вообще применения судебника неизбежно являлось установление социального статуса заинтересованных лиц, а равно и привлекаемых ими соприсяжников и свидетелей; ведь от их статуса зависело ведение процесса и все действие права. Однако в «правдах» обычно не упоминается процедура установления статуса (исключение, пожалуй, составляют случаи, когда дело касалось чужаков), очевидно, он и так был известен участникам судебного собрания. И действительно, жители одного округа и даже просто соплеменники должны были лично знать друг друга, знать происхождение и общественное положение всех людей, присутствовавших на сходке[64]. Это значило, что вполне конкретные представления о социальной дистанции, существовавшей между различными членами племени или жителями данной местности, постоянно присутствовали в их сознании, были как бы неотъемлемой чертой их мышления.

С этим связан вопрос о понятии чести. В литературе многократно подчеркивалось, что среди «истинно германских» доблестей честь занимала особое место. Оставляя в стороне идеалистическую и националистическую трактовку этого вопроса многими немецкими и скандинавскими историками, писавшими о древних германцах, нужно признать, что в центре морального кодекса германцев, и в частности скандинавов (ибо о них лучше известно из источников), стояли категории чести и славы. Здесь было бы излишне и неуместно широко обсуждать эту особую проблему. Мы упомянули ее лишь постольку, поскольку она проливает свет на интересующий нас вопрос об отношении личности и общества в дофеодальный период. С понятием чести сталкивается и исследователь варварских «правд»[65].

Нет, конечно, никаких оснований видеть в обостренном чувстве чести и в сознании моральной необходимости ее защищать какую-то врожденную отличительную особенность германцев —

---

[64] Нередко для подтверждения своего статуса требовалось перечислить ряд предков. Так, хольдом-одальманом в Норвегии считался человек, три или даже пять поколений предков которого владели родовой землей, и при доказательстве в суде прав на оспариваемое владение необходимо было перечислить этих предков. Согласно законам XIII в., земельный собственник был обязан перечислить всех предков, обладавших правом одала, вплоть до языческих времен (буквально — «когда хоронили в курганах») (Landslov, VI, 16,1; «...til haugobals at tella...»).

[65] См., например, Lex Sal., XXX: О словесных оскорблениях. Свободный, назвавший другого «уродом», «грязным», «зайцем» или «волком» или обвинивший человека в том, что он бросил в сражении свой щит, и не доказавший этого, уплачивает возмещение. Любопытно не только то, что подобные клички и инвективы казались свободным франкам наиболее затрагивавшими их честь воинов и храбрецов, но и то, что в этом перечне за ряд оскорбительных выражений назначалось одно и то же возмещение — 15 солидов; очевидно, дать обобщенную норму составители судебника были не в состоянии!

то же самое можно было бы найти и у других варварских народов в периоды переселений и завоеваний, когда повышается их агрессивность и воинственность. Это чувство чести, питавшееся как принадлежностью к роду, так и чувством личного достоинства, являлось формой осознания индивидом своей личности. Конечно, это «родовая личность» и родовая честь, оскорбление, нанесенное одному человеку, ложилось пятном на всю его родню.

Но опять-таки неправильно было бы недооценивать в этом отношении и индивидуального момента: на данного индивида возлагалась обязанность очиститься от позора и тем самым защитить честь рода, семьи; каждый член рода, заботясь о его чести, неизбежно должен был болезненно реагировать на любые посягательства на свое личное достоинство. Институт родовой, семейной чести был своеобразной школой воспитания чувства личного достоинства каждого его члена.

Вряд ли можно сомневаться в том, что повышенное чувство чести культивировалось в первую очередь знатью. В этой среде родовые традиции вообще держались гораздо дольше, чем среди рядовых свободных.

Таким образом, мы обнаруживаем основные детерминанты человеческой личности в дофеодальном обществе. Первый — это социальная структура в целом. В обществе, еще не расчлененном на антагонистические классы, этот общий момент должен был играть чрезвычайно большую роль в формировании индивида, бо́льшую, чем в классовом обществе. Дуализм земледельческой общины, коренившийся в противоречии между коллективным и индивидуальным началами, неизбежно должен был отражаться и на отношении личности и общества. С одной стороны, можно говорить о подчинении индивида коллективу — племени, общине, роду, большой семье, об известной степени поглощенности его индивидуального сознания сознанием группы.

С другой стороны, однако, нужно помнить о господстве мелкого, обособленного производства, об антагонизме, то и дело грозившем вспыхнуть между родами и соседями,— в этих условиях человеку приходилось полагаться прежде всего на свои собственные силы.

Нечего и говорить о том, что в аграрном обществе, основанном на натуральном хозяйстве, существовало специфическое отношение человека к природе: особенно тесная его с нею связь (Маркс отмечал, что земля представляла для человека такого общества «неорганическое продолжение его субъективности»). Полностью отдифференцировать себя от своей естественной среды человек был не в состоянии не только в раннее средневековье, но и много позднее. Видимо, в той или иной мере это общая черта всякого доиндустриального общества. В таких условиях личность получает некоторые черты, отличающие ее от

личности, формирующейся в обществе городском или промышленном [66].

Кроме того, нужно предположить, что в доклассовом обществе человеческая личность еще не подверглась воздействию процесса «отчуждения», которое в той или иной мере характеризует человека в обществе классовом и связано с общественным разделением труда. В дофеодальном обществе человек был одновременно и «трудящимся субъектом», и воином, и членом народного собрания, и участником судебной сходки. Подобное сочетание в его лице различных общественных функций было следствием слабой их дифференцированности. Относительная нерасчлененность социальной деятельности придавала личности определенную цельность. Но эта многостороннность содержания общественной практики варвара была вместе с тем и признаком ее бедности и неразвитости. Человеческая личность еще не была сконцентрирована в самой себе, как была распылена и ее деятельность.

Поэтому-то столь важен был и второй детерминант личности в дофеодальном обществе — принадлежность индивида к семье или к роду и при посредстве этой органической группы к определенному социальному разряду. Различия между общественными слоями заключались, конечно, не только в их юридических признаках (в этом плане они проецируются в «правдах»,): они шли глубже, постоянно проявляясь в их материальном положении, в быту, социальных навыках, обычаях, по большей части ускользающих от исследователя. Но если невычленность человеческой личности из социальной структуры (в той мере и форме, в какой это наблюдается на данной стадии) можно, по-видимому, отнести к специфическим условиям существования человека в доклассовом обществе, то обусловленность его положения социальным разрядом — через принадлежность к «малой группе» — не есть особенность одного лишь этого общества: здесь мы сталкиваемся с явлением более универсальным. Нужно только принимать во внимание характер и степень этой обус-

---

[66] Высказывалось мнение, что средневековый человек вследствие ограниченности средств ориентации в мире отличался повышенной нервной возбудимостью, неустойчивостью психики, «визуальной отсталостью» (преобладанием слуховых и осязательных восприятий над зрительными) с рядом вытекавших отсюда важных последствий. См. работы Л. Февра, И Хейзинги, М. Блока, Р. Мандру, З. Барбу (M. Bloch. La Société féodale. Vol. 1—2. Paris, 1939—1940; L. Febvre. Le problème de l'incroyance au XVIe siècle. La religion de Rabelais. Paris, 1947; J. Huizinga. Le declin du Moyen age. Paris, 1932; R. Mandrou. Introduction à la France moderne (1500—1640). Essai de psychlogie historique, Paris, 1961; Z. Barbu. Problems of historical psychology, New York, 1960). Многие из этих предположений кажутся правдоподобными, но они нуждаются во всесторонней проверке; пока что они не обоснованы достаточно широкими исследованиями источников, самая методика подобного исследования еще не разработана. По нашему убеждению, в настоящее время пора перейти от общих рассуждений о психологии людей минувших эпох и более или менее остроумных догадок к разведке в области приемов изучения исторических памятников, приемов, которые могли бы привести к получению относительно объективных результатов.

ловленности. Лишь учитывая указанные моменты, можно в какой-то мере приблизиться к уяснению места человека в обществе и тех возможностей, которые это общество создает для его развития [67]. Тем самым мы несколько ближе подходим к уяснению и самой общественной структуры.

Изложенное, разумеется, не решает поставленных нами вопросов. Мы хотели лишь наметить возможные пути их исследования и подчеркнуть значение постановки проблемы «личность и общественная структура».

Если же попытаться подвести самые предварительные итоги уже проделанной работы, то, по-видимому, можно было бы высказать следующие предположения.

В варварском обществе включение индивида в социальное целое («социализация личности») осуществлялось через посредство серии или иерархии «малых групп» разного объема и состава. При этом человеку предоставлялись очень ограниченные, минимальные возможности для выбора жизненного пути, способа поведения. Еще в меньшей степени от него зависело вхождение в группу. Перед нами родовая личность, воспитывавшаяся в категориях строго нормативного поведения, постоянно подчинявшаяся стандарту. В известном смысле можно даже говорить о ритуализации человеческого поведения. Средствами подобной ритуализации и регламентации служили, во-первых, система процедур, в которые неизбежно отливалось общественное поведение; во-вторых, этические побудители, понятия чести, родовой славы, строгий кодекс моральных запретов и предписаний; в-третьих, система правовых санкций и принуждения, находящая наиболее яркое отражение именно в судебниках; в-четвертых, система социально-правовых статусов и социальных дистанций, теснейшим образом связанная с моральными нормами и правовыми санкциями. Все эти моменты в своей сово-

[67] В плане изучения отношения личности к дофеодальному обществу было бы весьма существенно исследовать вопрос о переходе варваров от язычества к христианству. Смена религии была тесно связана с переходом от варварства к цивилизации, следовательно, и с разложением доклассовой социальной структуры. Прежде всего остается неясным, происходила ли замена языческих верований христианскими индивидуально или коллективно. Смена культа, несомненно, носила характер общественный. Но поскольку культ и вера переплетались, то можно предположить, что и сдвиги в сознании, сопровождавшие перемены в религиозных верованиях и сопровождавшиеся ими, навязывались индивиду коллективом. Конечно, могли иметь место и случаи индивидуального выбора верований, но скорее всего первенствующую роль здесь играло подчинение авторитету вождя и знати, решавших, придерживаться ли им веры предков или принять христианство. Собственно, и отказ принять новую религию и приверженность язычеству после официального крещения племени (о чем свидетельствуют и «правды») обусловливались не личными убеждениями, а силою традиции, т. е. опять-таки социальным конформизмом. Религиозное и политическое устройство варварского общества были неразрывно связаны и в равной мере исключали индивидуальное поведение человека. Важно, однако, понять характер духовного кризиса, который возникал при перемене религии и который мог стать содержанием индивидуального сознания (см. S. Piekarczyk. Adaptacja-synkretyzm-mediewalizacja.— «Euhemer». 1964, N 1, 2, 4).

купности образовывали механизм социального контроля, подчинявший человека и его «микрогруппу» интересам общества в целом.

Тем не менее не существовало полного растворения индивида в группе. Складывалось определенное равновесие общества и индивида. Микроструктура дофеодального общества, по-видимому, выполняла двойственную функцию: с одной стороны, она подчиняла входившего в нее индивида обществу, с другой — в какой-то мере создавала условия для известного его обособления. Но возможности для развития индивида были крайне ограничены всею системою социальных связей, равно как и отношением общества и природы. Особенно важно в этом смысле то, что были чрезвычайно невелики возможности закрепления и передачи, воспроизведения индивидуального поведения и творчества. Поэтому и культурное развитие варварского общества совершалось очень медленно, доминировали моменты традиционности. Неотдифференцированность, высокая мера слитности доклассового общества прямо связаны с нерасчлененностью социальной практики индивида.

Изучение избранного нами круга исторических источников позволяет, даже и при более полном их анализе, сделать лишь ограниченные наблюдения.

Черты общественного сознания, которые удается раскрыть при исследовании «правд», по большей части характерны не только для варваров, но и для «архаического сознания» вообще. Положение личности в дофеодальном обществе, рисующееся по судебникам, также вряд ли специфично для одного этого периода; могут возникнуть многочисленные и подчас оправданные аналогии с другими доклассовыми и раннеклассовыми обществами, с другими эпохами истории.

Следовательно, необходимо привлечь также источники иного рода, которые дали бы возможность осветить нашу проблему под новым углом зрения. Лишь в результате комплексного исследования удалось бы, возможно, схватить те черты человеческой личности и ее отношение с социальной структурой, которые типичны для переходной эпохи от родового строя к феодализму [68]

Ясно, что, обращаясь к другим категориям памятников, необходимо выбрать и новые аспекты исследования, определить методы, адекватные материалу, а может быть, и переформулировать отдельные вопросы.

Изложенное выше — лишь первый шаг на этом пути.

---

[68] Но не исключена возможность того, что и в результате всестороннего (насколько это допускает имеющийся материал) изучения проблемы «индивид и общество» применительно к дофеодальному периоду мы не получим ответа, который ясно обнаружил бы специфические черты человеческого сознания и поведения в этом обществе. Не окажется ли, что во всех доиндустриальных обществах (во всяком случае, в достаточной мере архаичных) будут вновь и вновь обнаруживаться приблизительно сходные структуры сознания, формы поведения, способы включения индивида в социальное целое?

М. А. ВИТКИН

ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДА ОТ ПЕРВИЧНОЙ ФОРМАЦИИ КО ВТОРИЧНОЙ

Понятия «первичная», или «архаическая», и «вторичиая» формации были выдвинуты в работах К. Маркса начала 80-х годов XIX в. Они выражают членение всемирной истории человечества на две основные эпохи, каждая из которых в свою очередь содержит известное число разнотипных обществ [1]. По сравнению со взглядами Маркса 50—70-х годов XIX в. такое понимание всемирно-исторического процесса является отражением больших изменений в философско-исторической концепции марксизма. Рассмотрим в общих чертах эти изменения.

К 50-м годам прошлого столетия Маркс в основном завершил критику буржуазной политической экономии. Одним из направлений этой критики было развенчание представления об изначальности буржуазных общественных отношений. Маркс показал буржуазное общество как одну из ступеней общественной эволюции. Он открыл и проанализировал присущую этой ступени специфическую форму общественной связи индивидов — форму вещной связи. В добуржуазной истории общества, по мнению Маркса, господствовали довещные, т. е. личностные, отношения [2].

Однако как бы различны ни были известные науке в 50—70-х годах XIX в. формы общества, всем им свойственно, по мнению Маркса и Энгельса, нечто существенно общее. Все они являются экономическими формами, ступенями общественно-экономической эволюции. «В общих чертах,— писал Маркс,— азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации» [3].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 400—421.

[2] «Отнимите эту общественную власть от вещи,— пишет Маркс,— и вы должны будете дать эту власть (одним) лицам над (другими) лицами. Отношения личной зависимости (вначале совершенно первобытные) — таковы первые формы общества...» (Архив Маркса и Энгельса, т. IV, стр. 89).

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 13, стр. 7.

Что же имеется в виду, когда любое общество, в том числе и добуржуазное, называется экономическим? Общественному производству, по Марксу, исторически предшествовало семейное и общинное (родовое, племенное) производство[4]. «По мере того как мы углубляемся в историю,— отмечает Маркс,— тем в большей степени индивидуум, а следовательно и производящий индивидуум, выступает несамостоятельным, принадлежащим к более обширному целому: сначала еще в совершенно естественной форме в семье и в семье, развившейся в род; затем в возникающем из столкновения и слияния родов обществе в его различных формах»[5]. Поскольку общественные отношения индивидов вырастают из слияния общин, исследователь должен уяснить себе, что делает первоначально изолированные общины взаимосвязанными элементами социального целого. По мнению Маркса, общество возникает в результате развития межобщиного товарного обмена: «Различные общины находят различные средства производства и различные жизненные средства среди окружающей их природы. Они различаются поэтому между собой по способу производства, образу жизни и производимым продуктам. Это — те естественно выросшие различия, которые при соприкосновении общин вызывают взаимный обмен продуктами, а следовательно, постепенное превращение этих продуктов в товары. Обмен не создает различия между сферами производства, но устанавливает связь между сферами, уже различными, и превращает их в более или менее зависимые друг от друга отрасли совокупного общественного производства»[6]. Но если таким обазом утверждается общественно-созидательная роль товарного обмена, то, с другой стороны, очевидно, что всякая форма товарного обмена порождается тем или иным способом производства.

Иными словами, без производства нет обмена, но и без обмена нет общественного производства. Согласно этой точке зрения, развитие производства составляет самую глубокую основу общественной эволюции, при этом в качестве необходимого условия считается, что общественно-созидательную функцию в истории несет детище производства — товарный обмен. История формаций, по Марксу, есть история способов производства и

---

[4] В науке середины и второй половины XIX в. понятия рода, племени, общины четко не различались. См. М. О. Косвен. Проблема доклассового общества в эпоху Маркса — Энгельса.— «Советская этнография», 1933, № 2.

[5] К. Маркс. К критике политической экономии. Госполитиздат, 1953, стр. 194. Мы не прибегаем к ссылке на второе издание сочинений Маркса и Энгельса, в котором термин «Gemeinwesen» передан как «община», а не «общество», тогда как у Маркса этот термин имеет широкое употребление и в зависимости от контекста обозначает самые различные типы общественности. В данном контексте Маркс определенно говорит о генезисе общества. На языке оригинала эту цитату см.: К. Marx. Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie. Berlin, 1953, S. 6.

[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 364.

форм обмена, понятых в их взаимосвязи. Экономика каждого общества и представляет собой единство двух существенно отличных общественных функций — производства и обмена материальными жизненными благами[7]. По образному определению Энгельса, производство и обмен суть абсцисса и ордината экономической кривой[8]. В этом смысле всякая общественная формация есть экономическая. Предельная взаимная обусловленность производства и обмена наступает в обществе абсолютной формы товарного производства, т. е. при капитализме. Отсюда следует, что общественной связью между людьми как производителями материальных благ Маркс и Энгельс считали связь на основе товарного обмена продуктами труда. Это и есть вещная связь. Именно она превращает первоначально изолированные первобытные общины в элементы, образующие общественное целое, а при капитализме достигает своего полного господства в обществе. Велика роль вещной (экономической) связи и в добуржуазных обществах. Однако во всей социальной истории, предшествующей капитализму, господство принадлежит личностным отношениям, т. е. получившим определенное развитие первобытнообщинным связям. Все же и при таком ограничительном подходе не всякое добуржуазное общество легко укладывалось в схему экономической эволюции. Особые трудности в этом отношении представляло азиатское, восточное общество, т. е. самое архаическое из всех тогда известных. Поэтому в некоторых материалах Маркса, не предназначенных для публикования, азиатское общество поставлено вне истории обмена[9]. Это равносильно признанию особенно значительной роли невещных отношений на Востоке. Следует заметить, что вплоть до конца 70-х годов прошлого столетия наука не позволяла еще полностью осознать значение своеобразия обществ с азиатским способом производства.

В 1877 г. своим исследованием «Древнее общество» Л. Г Морган добавил к списку известных обществ еще одно, причем не только более архаическое, но, по-видимому, самое архаическое. Не могло быть и речи об общественно-созидательной роли обмена в обществе дикарей и варваров. «Древнее общество», описанное Морганом, создается родовыми узами. Именно доминирующее влияние личностных отношений (в данном случае уз родства) на общественный строй делает эту ступень общественной эволюции оригинальным социальным образованием. Морган открыл социальную форму, существующую не благодаря наличию в ней единства между производством и определенной формой обмена, а благодаря наличию единства между способом производства и

---

[7] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 150—157.

[8] Там же, стр. 150.

[9] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 29, стр. 257.

системой родовых уз при доминировании последних [10]. Целым рядом присущих ему черт — нерегулярностью и неразвитостью обмена, локальной организацией производства, господством личностных связей — это общество сразу выступило как родственное азиатскому.

Для различения родственных групп обществ Маркс и вводит в начале 80-х годов XIX в. понятие первичной и вторичной формаций. Мы полагаем, что и родовое, и азиатское (доколониального периода) общества Маркс считал «первичными», «архаическими» [11], античное же и последующие — «вторичными», «цивилизованными» [12].

Понятно, что критерии для различения общественных формаций, выработанные в 50—70-х годах XIX в., к началу 80-х годов уже обнаружили свою недостаточность. Правда, мы не находим в работах Маркса разработку новых критериев. Задуманная Марксом коренная переработка соответствующих разделов «Капитала» не была осуществлена. Но необходимость поиска в этом направлении ощущается очень остро. Показательно, что участники дискуссий в советской науке в 20—30-х годах самой логикой споров были подведены к этой проблеме [13].

В самом деле, если исходить из того, что всякому способу производства соответствует определенная форма обмена, то тот или иной способ производства является необходимым и достаточным критерием для различения общественных формаций. Но, как со временем выяснилось, сколько-нибудь развитый и регулярный товарный обмен присущ только вторичным, цивилизованным обществам. Энгельс писал о цивилизации: «Эти экономические законы товарного производства видоизменяются на различных ступенях развития этой формы производства, но в общем и целом весь период цивилизации протекает под знаком их господства» [14] Производство же «первичных» обществ сосредоточивается в локальных и автаркичных ячейках (родовая община в родовом обществе [15], земледельческая община или отдельная семья — в азиатском) и выступает как общественное благодаря отнюдь не товарной, не вещной форме социальной связи индивидов и общин.

---

[10] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 26; т. 35, стр. 103. Ср. Н. Б. Тер-Акопян. 2-е издание как источник для изучения развития взглядов Энгельса на историю первобытного общества.— «Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Научно-информационный бюллетень сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса», № 14, М., 1966, стр. 175—191.

[11] М. А. Винкин. Первичная общественная формация в трудах К. Маркса.— «Вопросы философии», 1967, № 5.

[12] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 418, 419.

[13] См., например, «Дискуссия об азиатском способе производства». М.—Л., 1931 (выступление С. И. Ковалева)

[14] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 175.

[15] См., например, Н. А. Бутинов. Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи.— «Советская этнография», 1963, № 3; он же. Письмо в редакцию.— «Советская этнография», 1965, № 3.

Больше того, эта связь не порождена — в отличие от обмена — движением производства.

Поэтому, чтобы охарактеризовать основы социальной структуры архаического общества, совершенно недостаточно дать описание ее производства. Необходимо еще установить, благодаря какой форме общественной связи между индивидами — эта связь, понятно, еще не вещная, т. е. личностная,— может функционировать как социальное целое.

При изучении того или иного цивилизованного общества главное внимание, конечно, должно быть направлено на исследование того, какую форму принимает в нем товарное производство, а следовательно, какова степень развития вещных связей производящих индивидов. Каждое цивилизованное общество, в котором товарное производство не превратилось в господствующее, ставит исследователя перед необходимостью объяснить, какая форма личных отношений и почему определяет его социальную структуру. Только при характеристике капиталистической эпохи свободного предпринимательства можно быть уверенным, что, изучая ее производство, которое есть абсолютная форма товарного производства, мы тем самым проникаем в тайны анатомии всего социальиого целого (т. е. имеем дело с общественно-экономической формацией). Здесь продуктом производства наряду с материальными благами является само общество [16].

Отсюда следует, что для выявления особой социальной природы каждого добуржуазного общества нужно рассматривать его в единстве двух основых начал — господствующей, общественно-созидательной формы материального общения (которая всегда есть личностная форма) и общения, осуществляемого в процессе производства материальных благ. Поэтому создание типологии личностных отношений можно было бы рассматривать как актуальнейшую задачу в деле изучения добуржуазных обществ.

В этой статье делается попытка рассмотреть азиатское общество как последний этап архаической формации и античное общество как исторически первоначальную форму вторичной формации. Автор — не специалист по истории древнего мира; он не приводит новых исторических фактов, а предлагает лишь определенную интерпретацию общеизвестных. Стремясь учесть современное состояние исторической науки, автор надеется, что основным положениям статьи, взятым в их совокупности, удастся привлечь внимание специалистов к некоторым существенным, с его точки зрения, проблемам истории древнего мира.

---

[16] К. Маркс писал: «Если рассматривать буржуазное общество в общем и целом, то последним результатом общественного процесса производства всегда выступает само общество, т. е. сам человек в его общественных отношениях... Сам непосредственный процесс производства выступает лишь как момент» (K. Marx. Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie. S. 600).

* * *

Чтобы рассмотреть общество, которое находится, по нашему мнению, на последнем этапе архаической формации, обратимся к Месопотамии IV—III тыс. до н. э., к истории Шумера. Этот пример следует предпочесть многим другим потому, что как раз история Шумера более 30 лет тому назад дала повод отнести древний Восток к рабовладельческой общественно-экономической формации [17].

Переход к оседлости и земледелию шумерийских племен, заселявших долину Тигра и Евфрата во второй половине IV тыс. до н. э., сопровождался борьбой за подчинение «воли» рек воле людей. Гигантский комплекс ирригационных работ, заложивших основы будущей системы искусственного орошения земли, выполняется трудом коллективов людей, объединенных в роды и племена [18]. В условиях Месопотамии это в высшей степени трудоемкая, круглогодичная работа. Успехи в укрощении вод Тигра и Евфрата, с одной стороны, совершенствование сельскохозяйственной техники, с другой [19], очень рано привели к хозяйственным и социальным сдвигам принципиальной значимости [20]: производство становится все более и более земледельческим, а отдельная семья («дом») превращается в основную ячейку земледельческого производства. Родо-племенные связи изживаются.

Каждая семья собственными силами выполняет основной цикл собственно земледельческих работ. Семейное производство рассчитано на внутреннее потребление. Способ производства, следовательно, не вызывает к жизни какой-либо общественной связи. В то же время успехи земледелия приводят к росту населения [21], а вместе с этим и к малоземелью. Возникают столкновения по-соседски одинаковых интересов, которые постепенно ведут к состоянию всеобщей взаимной враждебности, к «войне всех против всех». Безвозвратно уходит в прошлое то время, когда, по представлениям шумерийца, никто не нападал на соседа и не проливал его крови, когда не было страха и зависти.

---

[17] В. В. Струве. Рабовладельческая латифундия в Сумере III династии Ура (около XXIII в. до н. э.).— «С. Ф. Ольденбургу. К 50-летию научно-общественной деятельности. 1882—1932». Сборник статей. АН СССР, 1934; он же. Еще раз о рабовладельческой латифундии Сумера III династии Ура.— «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, №№ 7—8; он же. Проблемы зарождения, развития и упадка рабовладельческого общества древнего Востока.— «Известия ГАИМК», вып. 77 1934.

[18] А. И. Тюменев. Государственное хозяйство древнего Шумера. М.—Л., 1956, стр. 30—34.

[19] Там же, стр. 39.

[20] И. М. Дьяконов. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. М., 1959, стр. 157—158; В. В. Струве. Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ древнего Востока, стр. 39.

[21] Гордон Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 206, 238, 239.

Это золотое время прошло[22]. Растет социальное одиночество и чувство страха. В числе законов, управляющих миром, шумерийцы называли «страх» и «ужас»[23].

Но человек — существо общественное. Если агрикультура на определенной стадии развития разобщает, то общение вырастает помимо нее, компенсируя вызванные успехами земледелия социальные издержки. Это выражается в развитии двоякого рода отношений: кровнородственных, первичной ячейкой которых выступает семья, и политических, которые возникают на почве элементарного соседства производственных объединений. Шумерийская семья обладает способностью к расширению и сегментации, поэтому наряду с малыми и большими семьями существуют более широкие объединения родственников[24]. Господствующие в этих коллективах лица образуют весьма пестрый слой привилегированной аристократии. Однако возможности кровнородственных уз к расширению имеют естественные границы, а тяготеющее к парцелле производство периодически вызывает разукрупнение разрастающихся коллективов[25]. На своих границах кровнородственные объединения приходят в соседские отношения друг с другом. Подобные же отношения оживают и внутри коллективов родственников в случае их дробления. Это создает благоприятную почву для социальной активности военачальников «энси». В их деятельности проявляется тенденция к политической централизации соответствующих земледельческих регионов.

Шумерийские поселения — сельская община «е» и номовая общиина «уру» — представляют собой сочетание кровнородственных и соседских отношений. Пропорции этого сочетания очень изменчивы. Ясно, однако, что в «уру» соседские отношения играют бóльшую роль, чем в менее крупных «е». И уж совсем по-соседски общаются номы.

Общественная связь на основе соседских отношений может реализоваться лишь путем возникновения особой силы, которую изолированные производственные и кровнородственные коллективы имеют над собой и через отношение к которой они обретают отношение друг к другу[26]. Эта особая сила, на роль которой претендовали «энси», в случае ее торжества по необходимости становится деспотической властью. Изолированность и ничтожность каждого коллектива подданных, враждебная отчужденность их одинаковых интересов превращает общественную власть во всесильное верховное начало, действующее по правилу «разделяй и властвуй». Основу этой власти составляет господство над лич-

---

[22] Д. Г. Редер. Мифы и легенды Древнего Двуречья. М., 1965, стр. 40.

[23] Самюэл Н. Крамер. История начинается в Шумере. М., 1965, стр. 123.

[24] И. М. Дьяконов. Община на Древнем Востоке в работах советских исследователей.— «Вестник древней истории», 1963, № 1.

[25] Там же, стр. 25.

[26] Подробнее см.: М. А. Виткин. Первичная общественная формация в трудах К. Маркса, стр. 47—49.

ностью производителя. Удел подданных — труд и уплата налогов, а управление — привилегия царя и его приближенных. Персона правителя, олицетворяющего общественную связь, представляется сверхчувственной; и государству, суррогату общественности, приписывается сакральный характер. Навстречу такого рода порядкам и шел Шумер.

Подлинную ось шумерийской истории, во всяком случае ее первых этапов, составляет борьба аристократии и военачальника за власть. От эпохи к эпохе прослеживается неуклонное, вопреки воле аристократии происходящее возрастание роли военачальника, многократно засвидетельствованное археологическими и письменными источниками. «Энси» черпали свою силу в разобщении отдельных кровнородственных коллективов и сельских общин, которое росло по мере формирования номовых общин и сосредоточения внутри городских центров многочисленного населения. Никогда раньше не существовало таких благоприятных объективных возможностей для реализации честолюбивых вожделений военного вождя, как в данное время, хотя потенциальную опасность эта фигура представляла и в прежние эпохи. Тем более, что услуги, оказываемые военачальником обществу, становятся в обстановке всеобщей войны номов друг с другом не эпизодическими, а постоянными. Интересно, что восхождение военачальника к вершинам власти сугубо «демократическое»: судьбу общины в руки «энси» отдает само народное собрание. Весьма характерна личность Гильгамеша, правителя Урука, не принимающего, по свидетельству источника, «слов старейшин своего города к сердцу». Когда Гильгамеш получил от народного собрания чрезвычайные полномочия, у него «от слов граждан его города сердце возвеселилось и печень просветлела»[27].

Наличие народного собрания в раннешумерийской истории дало повод для самого безбрежного оптимизма насчет демократического характера общественного строя городов-государств. «Возьмем, к примеру, демократию как форму общественной жизни с ее основным учреждением — политическим собранием, или ассамблеей,— пишет шумеролог С. Крамер.— Кто бы мог подумать, что такие политические ассамблеи собирались тысячи и тысячи лет назад, да еще в такой стране, которая никак не связывается в нашем сознании с представлением о демократии»[28]. Но ни о какой демократии, по нашему мнению, в данном случае речь не может идти. Демократия, конечно, невозможна без народного волеизъявления, например в форме деятельности народного собрания. Однако весь вопрос в данном случае в том, что собой представляет народ, на что направлено его волеизъявление:

---

[27] Хрестоматия по истории древнего Востока. М., 1963, стр. 266—267; «Эпос о Гильгамеше». Перев. и комм. И. М. Дьяконова. М.—Л., 1961, стр. 109—110.

[28] Самюэл Н. Крамер. История начинается в Шумере, стр. 41.

на организацию общественного самоуправления или на передачу политического суверенитета из собственных рук в руки аристократии либо военачальника. Не отрицая встех конкретно-исторических особенностей южной Месопотамии III тыс. до н. э., мы имеем право сказать, что шумериец — это парцелльный крестьянин, а политическим следствием господства в обществе парцеллы оказывается подчинение общества исполнительной власти. Существование народного собрания, его деятельность представляется моментом в борьбе аристократии и военачальника за власть.

Все перипетии борьбы за упроченне власти «энсн» легко прослеживаются на примере правителей городской общины Лагаша. Основные моменты этой борьбы: создание военачальником дружинного войска, сосредоточение в своих руках жреческой власти, овладение храмовым хозяйством и т. д. Торжествующая энсиальная власть достигает вершины господства за время правлення Энентарзи и Лугальанды, когда она подавляет не только аристократию, но и угрожает имуществу и самой жизни общинников. Отсюда возможность аристократической реакции, апеллирующей к народу. В этом отношении весьма характерен пример узурпатора Урукагины, реформы которого возрождали порядки прошлого. Однако перед лицом военных проблем власть аристократин оказывалась несостоятельной.

Централизованный деспотизм III династии Ура приходится на самый конец III тыс. до н. э. Правители III династии Ура установили свое господство над всей Месопотамией. Подобно тому как возвышение «энси» было следствием хозяйственной обособленности кровнородственных объединений, политическое господство над всей страной, т. е. над совокупностью изолнрованных номовых общин, выливается в деспотическую форму. Деспотизм «царей Шумера и Аккада» выступает как разрешение созревшего в номовых общинах противоречня между аристократией и царем. Для управления страной создается штат чиновников. Государственный аппарат приобретает иерархическую структуру. Цари обожествляются. При правителях III днностии Ура подавляющая часть общественного фонда земель сосредоточивается в руках царя. Традиционная практика (соответствующая объективным условням производства!) раздела государственного фонда земель на участки и передачи их в условное пользование отдельным лицам отменяется. Непосредственные производители, организованные в трудовые партии и под командой надсмотрщиков круглый год работающие в государственных хозяйствах, подвергаются нещадной эксплуатации[29].

---

[29] В. В. Струве. Рабовладельческая латнфуидня в Сумире III династии Ура (ок. XXIII в. до н. э.); он же. Еще раз о рабовладельческой латифуидии Сумира III династии Ура; А. И. Тюмеиев. Указ. соч., стр. 266—300.

Кроме того, крестьяне-общинники исполняют различного рода публичные работы и облагаются налогом [30].

В период III династии Ура государство приняло свою крайнюю, в сущности антиобщественную форму, пагубно влияя на развитие материального производства. В результате система погибает. Крах, по предположению И. М. Дьяконова, наступает в результате широкого народного движения и вторжения извне [31]. История Месопотамии во II тыс. до н. э. основывается уже на признании индивидуального (прежде всего большесемейного [32]) землевладения как основы хозяйства.

При изложении истории Шумера мы сознательно не пользовались понятием «класс», поскольку полагаем, что шумерийское общество имеет доклассовую природу [33]. Следует отметить, что востоковедная литература не так уж далека от взгляда на власть восточного деспота как надклассовую по своему существу [34].

В связи со сказанным выше уместно, хотя бы кратко, в самом общем плане, рассмотреть вопрос о типах социального господства и подчинения в различные исторические эпохи. Все известные виды отношений господства и подчинения в нашей литературе рассматриваются как классовые. Однако фактический материал, находящийся в распоряжении этнографии, востоковедения и других исторических дисциплин, требует дифференцированного подхода к изучению типов эксплуатации прошлого. В самом деле, первопричину и основу классового деления и угнетения составляет имущественное расслоение индивидов. Решающий признак, по которому различаются классы,— это отношение к средствам производства. Отношение политического господства и подчинения в таком обществе — следствие имущественного неравенства. Но такой вид социального антагонизма в качестве господствующего появляется весьма поздно. Исторически ему предшествует социальная структура, в которой отношения господства и подчинения имеют иное происхождение. На новейшем этапе архаической формации они вырастают из прямо противоположного соотношения имущественного и политического начал. Решающий признак, по которому здесь разделяются социальные

[30] Л. Вулли. Ур халдеев. М., 1961, стр. 153.

[31] И. М. Дьяконов. Общественный и государственный строй древнего Двуречья, стр. 268—272.

[32] Н. Б. Янковская. Землевладение большесемейных домовых общин в клинописных источниках.— «Вестник древней истории», 1959, № 1, стр. 50.

[33] Весьма развитый товарный обмен, частная собственность на основные средства производства, классовая дифференциация — таковы тесно связанные друг с другом и вытекающие одно из другого общественные явления. В древневосточных обществах нет места уже первому явлению (см. И. М. Дьяконов. Основные черты экономики в монархиях древней Западной Азии.— «Народы Азии и Африки», 1966, № 1, стр. 44—58).

[34] Критику этой точки зрения см. в статье: Ю. И. Семенов. Проблема становления классов и государства в странах древнего Востока (в трудах советских ассирологов и египтологов).— «Народы Азии и Африки», 1965, № 1, стр. 169—170.

группы,— это отношение к власти, к государству, а не к средствам производства. Общество делится на политически господствующих и подданных. Только причастность к политической власти, та или иная степень участия в государственных делах и влияние на них, служебная значимость, ранг, звание, чин и т. п. обеспечивают индивиду возвышение над миром подданных и как следствие право на соответствующую долю в прибавочном продукте.

Даже в условиях еще или уже отсутствующей политической централизации материальное благосостояние особых корпораций (каст, привилегированных родов, гипертрофированнных семейных коллективов) зависит от степени их влияния на общественные дела. Эксплуатации в таком обществе подвергается в первую очередь не тот, кто не обладает средствами производства (главное из них — земля), а напротив, тот, кто ими наделен. Обладание землей часто превращается в несчастье; с земли бегут, беглых ловят, водворяют на прежние места, законодательно прикрепляют к земле. В этом нет ничего удивительного, так как речь идет об обществе, где политическое общение составляет господствующую форму материальной связи индивидов. Перед нами тип эксплуатации, принципиально отличающийся от классового.

Сосредоточивая в своих руках совокупный прибавочный продукт, изъятый на основе господства над личностью производителей, государство распределяет его внутри корпорации власть-имущих. Не касаясь вопроса о пропорциях этого распределения, заметим, что его формы могут быть самыми разнообразными: прямые выплаты натурой, наделение территорией с «тягловым» населением, обеспечение правом вести собственное хозяйство на отобранной у соседей, отвоеванной у пустыни или болот либо скупленной у общин земле (данные обелиска Маништусу, царя Шумера). Подчас государство обеспечивало своих представителей необходимыми для ведения хозяйства средствами, вплоть до передачи челяди[35].

Выдвинутое французскими историками периода Реставрации понятие «класс» стало в науке XIX в. одним из основных понятий, объясняющих социальную структуру буржуазного общества. Маркс дал последовательную политэкономическую интерпретацию этого понятия. Классы, по Марксу, создаются различным отношением к средствам производства. Это различие вызывается развитием вещных отношений, подрывающих патриархальные узы производителей и их первобытное единство с объективными условиями труда. Маркс использует понятие «класс» в двояком смысле — узком и широком. В узком смысле «класс» — это явление, присущее капитализму. В широком — самые различ-

[35] Как установил О. Д. Берлев, древнеегипетским чиновникам эпохи Среднего царства фараон передавал «рабов царя» (О. Д. Берлев. «Рабы царя» в Египте эпохи Среднего царства. Автореф. канд. дисс. Л., 1965).

ные социальные слои и группы, включая те, в которых индивиды связаны личностными узами. Маркс четко отличает классы буржуазного общества от аналогичных социальных образований докапиталистической эпохи. «Патриархализм, рабство, сословия, классы» [36] — таков, по Марксу, перечень этих образований.

В соответствии с тем, что до конца 70-х годов прошлого столетия Маркс видел в капитализме лишь наиболее развитую экономическую структуру, классовое неравенство он рассматривал лишь как исторически более позднюю форму неравенства. «Если отношение господства и подчинения,— пишет К. Маркс,— возникает вместо рабства, крепостничества, вассальных отношений, патриархальных и т. д. форм подчинения, то происходит только *изменение формы этого отношения.* Форма *становится свободнее*, потому что она [теперь] имеет *вещный* характер, формально добровольная, *чисто экономическая*» [37]. Но это означает, что всем без исключения формам социального неравенства присуще нечто существенно общее: все они (правда, каждая в разной степени) являются экономическими, а следовательно, классовыми. В этом расширительном смысле вся прошлая история есть история классовых обществ.

Поскольку к началу 80-х годов XIX в. выяснилось, что экономические формы общества не являются исторически первоначальными, отпала возможность интерпретировать социальные антагонизмы «архаических» обществ (например, так называемый «патриархализм») как классовые не только в узком, но теперь уже и в широком смысле. В связи с этим становится понятной характеристика азиатского деспотизма, данная В. И. Лениным: «Всем известно, что подобного рода государственный строй обладает очень большой прочностью в тех случаях, когда в экономике данной страны преобладают совершенно патриархальные, докапиталистические черты и ничтожное развитие товарного хозяйства и классовой дифференциации» [38].

Однако если на древнем Востоке еще нет классов, то уже имеется государство. Но возможно ли доклассовое государство? Не кроется ли в этом сочетании понятий нечто принципиально невозможное? По-видимому, нет. Энгельс считал, что «государство, к которому стихийно сложившиеся группы одноплеменных общин в результате своего развития пришли сначала только в целях удовлетворения своих общих интересов (например, на Востоке — орошение) и для защиты от внешних врагов» [39], лишь со временем становится орудием классового господства. Но у древневосточного деспотизма есть черта, роднящая его с классовым государством: выделение управления обществом в особую

[36] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 20.

[37] Архив Маркса и Энгельса, т. II (VII), стр. 107.

[38] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 266—267.

[39] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 152.

функцию, появление социального слоя, занятого исключительно управлением, слоя, стоящего над обществом [40].

Итак, азиатские общества типа шумерийского принадлежат к новейшему этапу архаической формации. Это общества доклассовой государственности. Выход за пределы архаической формации в истории древнего мира можно наблюдать — пока, правда, лишь в общих чертах — на примере греческой истории.

* * *

Большой научный интерес, выходящий за рамки антиковедения, представляет изучение общественного строя Греции микенского периода (XVI—XII вв. до н. э.). После расшифровки в 1953 г. М. Вентрисом и Дж. Чадвиком линейного письма *Б* исследователи получили, наконец, достаточно реальную возможность изучения внутренней структуры ряда центров микенской культуры (в первую очередь Пилоса). Хотя эта работа только началась и получены лишь некоторые первые результаты, можно сделать важное общее заключение: нашло подтверждение теоретическое предположение советских ученых, сделанное еще в 1940 г.[41], а также ряда зарубежных ученых о стадиальном соответствии древневосточных и микенских обществ, о принципиальном качественном тождестве их общественного строя. Это значит, что рассматриваемая в данной статье проблема сравнительной характеристики древнеазиатских и античных обществ потеряла прежнюю географическую и этническую разорванность и приняла наиболее пригодную для исследования форму: появилась возможность проследить на конкретном историческом материале по мере его накопления смену развитого азиатского (микенского) общества классическим античным в одной и той же географической и этнической среде за период времени, равный приблизительно тысячелетию (середина II — середина I тыс. до н. э.).

В свете данных, полученных исследователями микенской Греции, ее общества, например пилосское, подобно древневосточным, представляли собой централизованные государственно-бюрократические образования с иерархической структурой и элементами теократической идеологии. Социальной основой

[40] В. И. Ленин писал: «Если от тех так называемых религиозных учений, ухищрений, философских построений, тех разнообразных мнений, которые строят буржуазные ученые, отвлечься и поискать настоящей сути дела, то увидим, что государство сводится именно к такому выделенному из человеческого общества аппарату управления. Когда появляется такая особая группа людей, которая только тем и занята, чтобы управлять, и которая для управления нуждается в особом аппарате принуждения, подчинения чужой воли насилию — в тюрьмах, в особых отрядах людей, войске и пр.,— тогда появляется государство» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 69).

[41] См. Т. Шепунова. В Академии наук СССР. Дискуссия об эгейской культуре.— «Вестник древней истории», 1940, № 2, стр. 204—218.

микенских обществ была земледельческая община с коллективной собственностью на землю и индивидуальным землепользованием [42]. Во главе государства стоял царь, почитавшийся, как ванака в Пилосе, в качестве бога. Не исключено, что под термином te-o, позже ставшем нарицанием божества, в Пилосе подразумевался не бог, а царь. Царь находился в окружении высшего чиновничества — лавагет, тереты и т. п. Местная администрация представлена басилеями. Важным элементом общественной системы, по-видимому, было народное собрание, не препятствовавшее всесилию бюрократии. Таким образом, есть основания полагать, что накануне своего краха микенские общества были наиболее близки по типу своей структуры к тем шумерийским обществам, которые существовали до образования государств, объединявших всю Месопотамию. Эти обширные государства представляются основанными на более последовательном проведении общих для всех подобных образований принципов (деспотическое всесилие главы государства, более оформившаяся иерархическая структура, разработанная теократическая идеология, регулярный характер публичных работ и т. д.). Мы можем поэтому констатировать, что к концу II тыс. до н. э. Европа даже в лице своей исторически наиболее развитой части, какой была Эллада, отставала от Азии по уровню общественного развития и переживала ту стадию, которую азиаты Месопотамии прошли за 1,5 тыс. лет до этого. Однако движение микенских обществ по «азиатскому» пути, не сулившее, надо думать, особых достижений в «соревновании» с Востоком, было прервано в конце II тыс. С этого времени началось уклонение от традиционного до тех пор пути развития человечества, которое позже привело к возникновению специфики общественного строя Европы, существующей и по сей день.

Теоретически возможность образования подобных ножниц во всемирной истории обоснована Марксом при анализе дуализма земледельческой общины, т. е. общины, один из исторических типов которой лежал, по нашему предположению, в основе микенских обществ. Охарактеризовав дуализм земледельческой общины (собственность на землю общая, а земледелие парцелляр-ное), Маркс писал: «Ее врожденный дуализм допускает альтернативу: либо собственническое начало одержит в ней верх над началом коллективным, либо же последнее одержит верх над первым. Все зависит от исторической среды, в которой она находится» [43]. В связи с тем же вопросом Маркс замечает: «Именно поэтому „земледельческая община“ повсюду представляет собой новейший тип архаической общественной формации, и поэтому же в историческом движении Западной Европы, древ-

---

[42] Т. В. Блаватская. Ахейская Греция. М., 1966, стр. 105—114.

[43] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 419.

ней и современной, период земледельческой общины является переходным периодом от общей собственности к частной собственности, от первичной формации к формации вторичной»[44]. Маркс, таким образом, точно указывает, где земледельческая община служит переходом ко вторичной формации — в Западной Европе. В Азии земледельческая община представляет только новейший этап архаической формации[45]. «Повсюду» земледельческая община является архаической, в Западной Европе она к тому же послужила переходом к цивилизации. Так, процветание микенских обществ в XVI—XII вв. сменилось их кризисом и постепенным переходом к античной цивилизации (так называемый гомеровский период).

Какова же та историческая среда, которая вызвала движение Эллады по еще неизведанному пути — по пути разрушения земледельческой общины и постепенного развития тозарного производства и частной собственности? Обстоятельство, которое обращает на себя внимание в первую очередь,— дорийское завоевание. Под сокрушающими ударами дорян была разрушена государственно-бюрократическая скрепа микенских обществ. Государственный аппарат, паразитировавший на общинах, не справился со своим первым назначением и историческим призванием — с защитой народа от внешнего врага. С исчезновением засилья ахейского чиновничества индивидуальная инициатива, накопление недвижимости, имущественная дифференциация получили простор для своего развития. Разумеется, ничего принципиально нового в этом явлении нет. Подобное случалось не раз в Месопотамии в период, когда одна династия падала, а торжество новой еще не установилось или хотя бы не упрочилось. Принципиальное новое заключалось в том, что данное явление оказалось не кратковременным или слабым, а длительным и устойчивым, ибо оно обладало в Элладе более глубокими корнями, чем в Месопотамии. Столь глубокими, что в Аттике, отсталой периферии микенского мира, падение царской власти, уцелевшей под ударами дорян, произошло в силу имманентного развития новых процессов. Одно это вызывает повышенный интерес к истории Аттики. Не забудем при этом, что в греческой истории Аттика сыграла особо важную роль. К тому же ее история несколько лучше исследована, чем история других областей.

Для характеристики исторической среды Аттики следует указать на пестроту географических условий жизни и быта ее населения. В географическом отношении Аттика делится на три

---

[44] Там же, стр. 404, ср. стр. 419.

[45] В происходящей сейчас дискуссии об азиатском способе производства часто упоминают мысль Маркса о том, что земледельческая община является новейшим этапом архаической формации и «в то же время» переходом ко вторичной формации. На неправильном понимании этой мысли Маркса основана характеристика азиатских обществ как одновременно принадлежащих к обеим формациям, как переходных и т. д.

весьма различные части: горная Диакрия — цитадель скотоводства и примитивного земледелия, Педиэя — наиболее пригодная для земледелия долина по течению р. Кефис, и, наконец, прибрежная Паралия, самой природой предназначенная для стимулирования морского промысла и торговли. Как считает Маркс, не абсолютное плодородие почвы, а ее дифференцированность способствует общественному разделению труда, умножению потребностей, способностей людей, средств и способов труда [46]. Аттика может служить неплохой иллюстрацией этой мысли Маркса.

Далее, отметим давление населения на производительные силы — состояние, к которому малоплодородная Аттика была всегда предрасположена и которое стало хроническим явлением после дорийского завоевания, когда область дала приют массе беглецов из других районов Балканского полуострова. Боязнь хлебного голода, которая в более позднее время составляла самый «дух эпохи» [47], возникала в Аттике уже в рассматриваемый период. Здесь раньше, чем в ряде других районов Эллады, сложились условия для возникновения производства неземледельческого профиля, рассчитанного к тому же на получение хлеба и других сельскохозяйственных продуктов в обмен на свои изделия вне страны.

Результатом всех этих обстоятельств было отделение ремесла от земледелия — длительный процесс, растянувшийся почти на полтысячелетия [48] и имевший решающие экономические и социально-политические последствия. К новому занятию обращаются пришлые из других областей люди, а также избыточное сельское население. Раскопки афинского Керамика позволяют проследить развитие ремесла рассматриваемого периода. К IX в. оно достигает уровня придворного микенского ремесла по ассортименту и качеству отделки изделий. Принципиально новыми моментами являются обработка железа [49] и ориентация на рядового потребителя. Особенно быстро нарастает количество железных изделий в оружейном деле. Уже к X в. относятся находки в погребениях Керамика железных кинжалов и ножей. Позже появляются железные мечи, наконечники копий и т. д.[50] Со временем начинается изготовление из железа сельскохозяйственных орудий. К началу I тыс. до н. э. в Аттике сложилось (в своей первоначальной исторической форме) товарное производство. Непосредственным следствием этого было развитие торговли (внут-

[46] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 522.

[47] М. К. Трофимова. Из истории эллинистической экономики.— «Вестник древней истории», 1961, № 2, стр. 68.

[48] Я. А. Ланцман. О возникновении товарного производства в древней Греции.— «Вестник древней истории», 1953, № 3, стр. 51, 52, 57.

[49] Я. Боузек. К истории Аттики XI—XIII вв. до н. э.— «Вестник древней истории», 1962, № 1, стр. 106.

[50] Kerameikos. Ergebnisse der Ausgrabungen, Bd. I. Berlin, 1939—1959, S. 220.

ренней и особенно внешней), формирование купечества и городской экономики. Развитие товарного обмена сделало крушение коллективной собственности на землю лишь вопросом времени. В настоящий момент фактические сведения о ходе этого процесса по-прежнему крайне скудны. Туман неопределенности над историей Аттики несколько рассеивается к концу VII в. до н. э., когда перед нами выступает страна с уже одержавшей решающие успехи частной собственностью на землю и с далеко зашедшей на этой основе имущественной дифференциацией. Связывающаяся с рынком земельная аристократия становится одновременно денежной аристократией. Ввиду того, что хозяйственной основой жизни народа продолжает оставаться земледелие, наблюдается и встречный процесс: богатеющее на торговле купечество по мере торжества частной собственности на землю получает возможность превратиться в земельного собственника. Решающий признак, по которому в этом обществе выделяется аристократия,— богатство [51], а двумя его основными формами выступают деньги и земля.

В качестве синтетического выразителя успехов товарного производства аристократическая амальгама земельного и денежного богатств грозной силой нависла над крестьянской парцеллой — последним осколком когда-то всесильных архаических форм единства производителя со средствами производства. Растущее малоземелье и безденежье крестьянских хозяйств при политическом засилье аристократии (архонтат) приближали полную экспроприацию крестьянства.

Крестьянской реакцией на успехи товарного производства и частной собственности выступила раннеаттическая тирания. Реальная угроза экспроприации сделала возможной гражданскую войну крестьянства против аристократии. Именно на этом фоне брожения среди крестьян и замелькали фигуры афинских претендентов в тираны.

Ввиду особой важности вопроса о древнегреческой тирании он заслуживает более подробного рассмотрения. Раннегреческая тирания сродни азиатской деспотии. Дело в том, что двумя основными типами хозяйства, над которыми смыкаются узы местной связи, являются архаическая земледельческая община и «цивилизованная» крестьянская парцелла [52]. Местная связь впервые была проанализирована Марксом именно в ее «цивилизованной» форме. Вот рассуждения Маркса на этот счет: «Парцельные крестьяне составляют громадную массу, члены которой

[51] К. М. Колобова. Революция Солока.— «Ученые записки ЛГУ». Серия исторических наук, вып. 4, N 39, 1939, стр. 45, 49.

[52] Их «главное, внутреннее сходство состоит в существовании замкнутого натурального хозяйства, которое повсюду порождает деспотическую исполнительную власть» (Н. Б. Тер-Акопян. Развитие взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на азиатский способ производства и земледельческую общину.— «Народы Азии и Африки», 1965, № 2, стр. 81).

живут в одинаковых условиях, не вступая, однако, в разнообразные отношения друг к другу. Их способ производства изолирует их друг от друга, вместо того чтобы вызывать взаимные сношения между ними... Их поле производства, парцелла, не допускает никакого разделения труда при ее обработке, никакого применения науки, а следовательно и никакого разнообразия развития, никакого различия талантов, никакого богатства общественных отношений. Каждая отдельная крестьянская семья почти что довлеет сама себе, производит непосредственно бо́льшую часть того, что она потребляет, приобретая таким образом свои средства к жизни более в обмене с природой, чем в сношениях с обществом. Парцелла, крестьянин и семья; рядом другая парцелла, другой крестьянин и другая семья. Кучка этих единиц образует деревню, а кучка деревень — департамент. Таким образом, громадная масса... нации образуется простым сложением одноименных величин, вроде того как мешок картофелин образует мешок с картофелем. Поскольку миллионы семей живут в экономических условиях, отличающих и враждебно противопоставляющих их образ жизни, интересы и образование образу жизни, интересам и образованию других классов,— они образуют класс. Поскольку между парцельными крестьянами существует лишь местная связь, поскольку тождество их интересов не создает между ними никакой общности, никакой национальной связи, никакой политической организации,— они не образуют класса. Они поэтому неспособны защищать свои классовые интересы от своего собственного имени, будь то через посредство парламента или через посредство конвента. Они не могут представлять себя, их должны представлять другие. Их представитель должен вместе с тем являться их господином, авторитетом, стоящим над ними, неограниченной правительственной властью, защищающей их от других классов и ниспосылающий им свыше дождь и солнечный свет. Политическое влияние парцельного крестьянства в конечном счете выражается, стало быть, в том, что исполнительная власть подчиняет себе общество» [53].

Могут сказать, что приведенные рассуждения Маркса относятся к жизни Франции XIX в., а поэтому не имеют никакого отношения к Греции VII в. до н. э. Но это не так. Из анализа Маркса следует, что крестьянская парцелла обладает в своих основных чертах надысторической стереотипностью. Раз возникнув, она продолжает сохранять девственный облик вплоть до своей гибели. Она может быть только такой или никакой. А возникновение ее относится к эпохе, даже более ранней, чем античность, к эпохе земледельческой общины, т. е. к новейшему этапу архаической формации. Характеризуя дуализм земледельческой общины, Маркс замечает: «Собственность на землю общая, но

[53] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 8, стр. 207—208.

каждый крестьянин, подобно мелкому западному крестьянину, обрабатывает свое поле своими собственными силами»[54]. Поэтому мы полагаем, что наряду с периодом земледельческой общины, когда местная связь необходимо вырастает из внутриобщинных и межобщинных отношений, всякая цивилизованная страна с крестьянским населением может давать «вспышки» местной связи.

Возвращаясь к Аттике VII в., подчеркнем, что социальную базу раннеаттической тирании составляло парцелльное крестьянство. Разобщенность крестьян, подавленность тяжелым трудом и заботами, отсутствие досуга и желания проникнуть в сущность своего политического положения как предпосылку появления в Греции тиранов увидел еще в прошлом веке В. Бауэр[55].

Итак, с XI в. народ Аттики стал на неизведанный исторический путь развития. Формируется частная собственность на средства производства. К началу VI в. выяснилось, что движение по этому пути завело в тупик. Нависла реальная угроза тирании. Первым попытался установить тиранию в Аттике Килон (конец VII в. до н. э.). Его постигла неудача. Но «килонова смута» показала аристократии, что общегреческое восхождение тиранов к власти захватывает и Аттику. История, казалось, сыграла шутку над дерзким народом: позволила уйти от одной разновидности деспотии, чтобы подвести к другой.

Величие исторического опыта афинян в том, что был найден своеобразный выход из положения — путь демократии. Вопрос никогда не стоял и не мог стоять так: либо аристократия, либо демократия. Подлинная альтернатива заключалась в следующем: либо умеренная аристократия, либо тирания, так как «победа» афинского народа в гражданской войне была возможна лишь как тирания. Но в результате предотвративших гражданскую войну реформ Солона и ряда последующих событий развитие Аттики было направлено по пути борьбы не аристократии и тирании, а демократии и тирании. Сущность афинской демократии не столько в ограничении аристократии, сколько в нейтрализации тирании. А это значит, что коренной проблемой афинской

---

[54] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 414.

[55] В. Бауэр. Эпоха древней тирании в Греции. СПб., 1863, стр. 14, 22, 72, 85. Древние авторы, включая и Аристотеля, не увидели социальных корней тирании. «Потому-то такая тирания [возникает всегда] против желания подданных: никто из свободных людей не согласится добровольно подчиниться такого рода власти» (Аристотель. Политика. Перев. С. А. Жебелева. М., 1911, стр. 177). Любопытна полемика, которая разгорелась между Г. И. Диснером и П. Оливой о природе греческой тирании. Дисиер ближок к точке зрения Аристотеля, тогда как Олива ищет социальную опору тиранов, указывая при этом, в частности, на крестьянство. См.: H.-J. Diesner. Probleme der älteren griechischen Tyrannis.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Jg. 6, 1958, N 4; P. Oliva. Zur Probleamtik der frühen griechischen Tyrannis.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft».— Jg. 7, № 4, 1959; H.-J. Diesner. Zu einigen Kernproblemen der älteren griechischen Tyrannis.— «Sozialökonomische Verhältnisse im Alten Orien und Im Klassischen Altertum». Berlin, 1961, S. 80—87.

демократии был крестьянский вопрос. Смысл афинской демократии в вовлечении народа, следовательно, в первую очередь крестьянства, в самодеятельную политическую жизнь, в формировании такого гражданина, который сам представлял бы свои собственные интересы, а не его представляли другие. Но это значит, что демократия хочет иметь дело с такими индивидами, которые немыслимы в условиях общества, базу которого составляет парцелльное крестьянство. Со своими запросами демократия может апеллировать к кому угодно — к денежной и земельной аристократии, даже к ремесленнику,— но только не к крестьянину.

Античная демократия — это общество, в котором доминирующей формой материального общения становится политика, находящаяся в антагонистическом противоречии с господствующим способом производства материальных благ. Отношения собственности в этих условиях не могут не получить политической окраски. Больше того, последовательно проведенный принцип демократии возможен лишь как отрицание господствующего способа производства. Такое общество будет столь же паразитично, сколь и демократично: кто-то должен взять на себя бремя производства материальных благ, чтобы другие занимались политикой.

Борьба демократии и тирании составляет главный стержень социальной истории Аттики с конца VII до конца V в. до н. э. Тиранические поползновения (Килон, Писистрат, Писистратиды) чередуются с демократическими реформами (Солон, Клисфен, Перикл и др.). Каждый успех демократических начинаний приводит к превращению противоречий между аристократами и народом, между различными фракциями аристократии во второстепенные по сравнению с главным противоречием между тираном и подданными. Наибольшие успехи тирании в Аттике приходятся на VI в. до н. э.

Кульминацией тирании было правление Писистрата. Расцвет демократии относится к середине V в. до н. э. Рассмотрим оба эти явления несколько подробнее.

Тирания в Аттике существовала без малого полстолетия. Еще при жизни Солона Писистрат захватил власть, став единственным и всесильным повелителем афинского народа. В истории его возвышения и правления преобладают черты, претендующие на хрестоматийную прозрачность. В имевшей несколько туров, борьбе Писистрата за власть обращают на себя внимание: незаурядное военное дарование и авторитет военного героя у претендента в самодержцы, опора на народное собрание, использование склонности крестьянина верить в теократические выдумки. Характерно, что последний момент вызвал недоумение у Геродота, писателя, пережившего расцвет афинской демократии. Как известно, при одном из возвращений к власти Писистрат прибыл в Акрополь в сопровождении некой Фии, ряженной под богиню

Афину. Маскарад должен был внушить подданным мысль, что возвращения Писистрата в Афины хочет сама богиня-покровительница. Геродот, сообщающий, что «тотчас по селам распространилась молва, будто Афина возвращает Писистрата, да и в городе население готово было верить»[56], комментирует, однако, событие следующим образом: Писистрат «затевает дело, далеко превосходящее, на мой взгляд, своей наивностью все остальное: уже с давних пор греческое племя обособилось от варварского как более сообразительное и более свободное от первобытной наивности, а они тут затевают такую хитрость с афинянами, считавшимися за первых по разуму среди греков»[57].

Мы уже отмечали, что античные авторы не разглядели социальной опоры тирании, однако им мы обязаны указанием на то, что главной опорой Писистрата была крестьянская Диакрия. И как бы ни различались современные взгляды на этот счет, полагаем, прав П. Олива, когда пишет: «Аграрный вопрос был особенно важен для Аттики. Поэтому было бы трудно рассматривать как случайность, что на своем пути к единовластию Писистрат опирался на диакриев»[58].

Писистрат частично удовлетворил потребности афинских крестьян в земле, если не за счет конфискации земель у своих политических противников, то по крайней мере с помощью клерухий и т. д. Свою основную задачу он видел в том, чтобы покрепче приковать крестьянина к земле, сделать его придатком земли, лишенным общественной инициативы. Судебные дела теперь не отрывали крестьянина надолго от дел, так как был введен институт разъездных судей, творивших суд на месте. Бедных Писистрат снабжал даже ссудами на сельские работы, чтобы они могли кормиться, занимаясь земледелием. «Это он делал по двум соображениям: с одной стороны, для того, чтобы они не находились в городе, но были рассеяны по всей стране, с другой — для того, чтобы, пользуясь средним достатком и занятые своими личными делами, они не имели ни желания, ни досуга заниматься общественными»[59]. Свой гражданский долг подданные афинского тирана исполняли тем, что исправно платили налог — десятую часть дохода.

Часть налогового сбора шла на содержание постоянной армии, состоявшей из наемников. Всеобщее вооружение народа ликвидировано, у граждан хитростью отобрано оружие; при этом народу было сказано, «что по поводу случившегося не надо ни удивляться, ни беспокоиться, но следует возвратиться по домам и заниматься своими делами, а о всех общественных делах

---

[56] Геродот, I, 60.

[57] Там же.

[58] P. Oliva. Op. cit., S. 874.

[59] Аристотель. Афинская полития. М.—Л., 1936, стр. 44.

позаботится он сам»[60], т. е. Писистрат. Он и в самом деле хорошо заботится об интересах страны, и его правление ознаменовано крупными военными победами и укреплением позиций греческой торговли на морях.

Писистрат не тронул ни одного органа власти из возникших до него, включая и демократические. Они просто перестали играть свою роль, когда над ними стала фигура тирана, опирающегося на армию и безмолвие подданных.

Создание публичной власти, оторванной от народа, ее содержание за счет налогов с подданных позволяет нам считать Писистрата создателем государства в истории Аттики классического времени. Как замечает К. М. Колобова, в тирании Писистрата государство впервые отчетливо показывает свое лицо, как бы заявляя: «Это — я»[61]. Но преобладание особенного государственного интереса над всеобщим, свойственное подобной форме общества, не получило при Писистрате той циничной формы, какую оно обычно склонно принимать. Этому мешала молодость тирании и политическая проницательность ее основателя, получившего власть в стране с уже сильно развитыми новыми социальными силами. Писистрат не стал на путь уничтожения аристократии, экспроприации у нее земли и купеческого капитала, чем занимались тираны в других греческих государствах. В отличие от других тиранов, он не препятствовал богатым иметь рабов (во всяком случае источники об этом не сообщают). Но здесь необходимо подчеркнуть, что в объяснении нуждается не то, почему при Писистрате не было притока рабов в Аттику, а то, почему он, по-видимому, мирился с наличием таковых у аристократии. Писистрат хотел и умел ладить со всеми, в том числе и с лояльной частью аристократии.

Но его преемники не отличались политическим тактом и чувством меры. Отмеченное репрессиями, конфискациями имущества, неудачами во внешней политике, правление Писистратидов вызвало новую волну антитиранического движения в среде аристократии и ремесленников. Тирания пала.

Решающим этапом в становлении афинской демократии был период от греко-персидских войн до сокрушительных поражений афинян в войне со спартанцами (условно первые три четверти V в. до н. э.).

Массовое привлечение народа в армию и флот в ходе греко-персидских войн, всеобщий взрыв патриотизма, выдающаяся роль Афин в общегреческой победе над Персией, роль, к которой Афины исторически были более подготовлены, чем многие другие государства,— вот тот фон, на котором афинская демократия обрела себе адекватную форму. В ходе войны оформился союз

---

[60] Аристотель. Афинская полития, стр. 43.

[61] К. М. Колобова. Указ. соч., стр. 70; ср. стр. 68—69.

греческих государств во главе с Афинами — Афинский морской союз (архэ). Афинская архэ была основана на началах своеобразного разделения труда: союзники платили налог в общую казну, а на эти средства снаряжался флот Афин — ударная военная сила греков в борьбе с персами. После победоносного окончания войны Афинский морской союз не был распущен, но был сохранен вопреки воле союзников, общая казна еще в ходе войны была переведена в Афины и поступила в бесконтрольное распоряжение афинян, уплата союзниками налога не только не прекратилась, но значительно выросла. Недовольных ждала кара — благо лучшие военные силы были у афинян. Выше мы отмечали, что афинская демократия могла оформиться лишь в качестве паразитического общественного образования. Незавершенность начинаний, предпринятых в свое время Периклом и Клисфеном, объясняется отсутствием жертвы, за счет которой жило бы общество. И вот, наконец, жертва найдена — бывшие союзники по войне.

Описывая перерождение Афинской архэ, Аристотель сообщает: «Так как после этого государство стало уже чувствовать свою силу и были накоплены большие средства, Аристид советовал добиваться гегемонии (внутри морского союза. — *М. В.*), а гражданам переселиться из деревень и жить в городе. Пропитание, говорил он, будет у всех — у одних, если будут участвовать в походах, у других, если будут нести гарнизонную службу, у третьих, если будут исполнять общественные обязанности... Афиняне послушались этого совета... большинству народа афиняне обеспечили возможность легко зарабатывать пропитание тем способом, как предложил Аристид. Дело происходило так, что на деньги от взносов и пошлин содержалось более двадцати тысяч человек» [62]. Наконец-то афинская демократия выдает свою самую святую тайну, а именно: ее предпосылкой является раскрестьянивание крестьян при паразитическом существовании народа за счет союзников. Первоначальный размер подати, установленный Аристидом, равнялся 460 талантам. При Перикле, который советовал афинскому народу «держать прочно в своих руках союзников» и доказывал, что они «представляют для афинян главный источник доходов» [63], союзнический налог вырос до 600 талантов (в ходе Пелопоннесской войны эта сумма дошла до 1300 талантов). В Афинах вводится все более щедрая плата за отправление подавляющего большинства общественных должностей. Маленькая Аттика целиком уходит в политику, а в это время в составе Афинской архэ насчитывается около 200 государств с населением приблизительно в 10—15 млн. человек. Эксплуатация союзников — вот тот базис, на котором расцвела

[62] Аристотель. Афинская полития, стр. 54—55.

[63] Фукидид. II, 13. Рабство (горняки Лавриона и другие) было одним из второстепенных источников дохода. Частное рабство так и не получило большого развития.

афинская демократия, освободив многих граждан от отупляющего сельского труда, вырвав их из подавляющей всякую общественную инициативу разобщенности, привлекая их к активному, сплошь и рядом решающему участию в государственных делах.

Вполне очевидно, что вместе с поражением Афин в Пелопоннесской войне и распадом Афинского морского союза началась агония афинской демократии. Демократия становится все более невозможной, но невозможна и тирания (в ходе Пелопоннесской войны исчезли последние остатки когда-то многочисленного аттического крестьянства) [64].

Борьба аристократии и демократии настолько полно насыщает политическую жизнь Аттики, что служит для писателей этой поры источником одностороннего понимания истории становления демократии (например, отмеченное выше неумение увидеть социальную базу раннегреческой тирании, тенденция свести историю в основном к борьбе демократии и аристократии).

Но здесь нас интересует не процесс падения демократии, а она сама в пору своего расцвета. Определенная форма политического общения навязала свою гегемонию обществу и признала право сферы производства материальных благ на существование лишь в той мере, в какой последняя не противоречила функционированию данной формы политической жизни. Понятно, что такое общество не может существовать без развитой внешней торговли, но «это служит самым сподручным средством для достижения того самодовления, ради которого люди, очевидно, и объединились в одну гражданскую общину» [65]. Поэтому, когда Аристотель не делает различия между обществом и государством, понимая под последним наиболее широкую из возможных форм общения людей, когда он определяет человека как политическое существо, то в этом следовало бы видеть не теоретические положения, а констатацию явлений реальной жизни, настоящие и будущие судьбы которой так волновали мыслителя.

К пониманию общества и человека подходили, следовательно, с заранее ограниченной меркой. Однако человек есть не просто общественное (если угодно, политическое) животное, но животное, которое трудится. Если же удовлетвориться заранее установленным, следовательно, ограниченным «политическим» масштабом, то можно провозгласить современность разрешением коренных проблем человеческой истории. Поэтому Перикл у Фукидида говорит: «Короче говоря, наше государство все вообще является школой Греции, и каждый человек в отдельности, мне кажется, может проявлять себя полноценной и самостоятельной личностью в самых разнообразных положениях с наибольшей ловкостью

---

[64] Поздняя греческая тирания по своему характеру и значению принципиально отличается от ранней.

[65] Аристотель. Политика, стр. 288.

и изяществом»[66]. Будь так — потомкам, действительно, оставалось бы лишь удивляться «полноценности» личности афинянина[67]. Но на самом-то деле афинянин весьма и весьма однобок, и не только в своей социальной практике, но и в том миропонимании и мироощущении, которые из нее вырастают. Господствующая форма материального общения создается индивидами, оторванными от сферы производства, следовательно, лишенными тех особенностей, которые накладываются принадлежностью к той или иной исторически сложившейся сфере разделенного труда. Люди различаются в сфере общения, а не труда. Перед нами абстрактный человек, бескачественный «человек вообще», особое физиологическое существо! И над созданием его потрудилась история!

В этом отношении чрезвычайно показательно то, что при изложении исходных посылок своего социологического учения Аристотель охотно апеллирует к природе (в гораздо меньшей степени к истории). Мыслителя волнует вопрос, что есть человек. Окружающие его люди многообразны, заняты различной деятельностью, занимают неодинаковое социальное положение и т. д. Но все же «государство... есть общение подобных друг другу людей»[68]. Следующий пример должен проиллюстрировать мысль философа: «Гражданин стоит в таком же отношении к государству, в каком моряк на судне к остальному экипажу. Хотя моряки на судне занимают неодинаковое положение — один из них гребет, другой правит рулем, третий состоит помощником рулевого... Но какое-либо общее определение будет приложимо в равной степени и ко всем. Почему? Потому что благополучное плавание — цель, к которой стремятся все моряки в совокупности и каждый из них в отдельности»[69].

Но что же общее в столь различных людях? Наиболее развитый социальный опыт эллинов (а таковым был опыт демократических государств[70], в первую очередь Афин) как бы толкал на путь поиска абстрактно-общих характеристик. Абстрактно же общим может быть только природное начало. Поэтому, определяя человека как политическое животное, Аристотель утверждает: «Политика не создает людей, но берет их таковыми, какими их создала природа»[71]. Или иначе: человек «по природе своей» — есть существо политическое[72], а государство (общество) — «продукт естественного возникновения»[73]. Даже речь — дар природы[74].

---

[66] Фукидид, II, 41.
[67] Там же.
[68] Аристотель. Политика, стр. 317.
[69] Там же, стр. 101.
[70] Там же, стр. 412.
[71] Там же, стр. 27.
[72] Там же, стр. 109.
[73] Там же, стр. 7.
[74] Там же.

Когда же Аристотель от общих посылок переходит к той части своего учения, в которой излагаются социологические и политические построения прикладного характера, он гораздо более историчен. Автор «Политики» исходит из того, что все существующие формы государства не удовлетворяют своему назначению[75]. Серия практических мероприятий, рекомендуемых Аристотелем, призвана преодолеть отрицательные стороны существующих форм государства или привести к созданию условно-образцового (полития) либо идеального строя. В последнем случае девизом предлагаемых преобразований могут служить слова, содержание которых показывает, в какой степени Аристотель был сыном своего времени. Общепризнан тот факт, что в том государстве, которое желает иметь правильный строй, граждане должны быть свободны от забот о предметах первой необходимости. Но как это осуществить, сказать нелегко»[76].

Путь, который ведет к учреждению политии, лежит через реставрацию крестьянства в государстве. В крестьянской стране «легко можно устроить и хорошую демократию, и политию»[77]. Что требуется для восстановления крестьянства? «В тех государствах, где (необходимые) доходные статьи имеются, должно остерегаться поступать так, как теперь поступают демагоги, которые употребляют на раздачи излишки этих доходов». Следует всю сумму, «образующуюся от излишка собираемых доходов, распределять между неимущими, причем устраивать это распределение преимущественно таким образом, чтобы всякому оказалось возможным составить такой капитал, какой нужен для приобретения в свою собственность небольшого участка земли, а если этого нельзя сделать, то на открытие торговли или на обзаведение сельским хозяйством»[78]. В крестьянской демократии граждане заняты заботами по хозяйству, «собираются в народные собрания лишь в случае крайней необходимости» и т. д. Благодаря этому большое значение в жизни государства приобретает аристократия. Но такая демократия есть уже собственно полития. «Говоря попросту, полития является как бы смешением олигархии и демократии»[79]. Нетрудно заметить, что условный политический идеал Аристотеля есть идеализация афинской истории, предшествовавшей установлению демократии.

Как видим, аргументы в пользу условно-образцового государственного строя Аристотель черпает в прошлой истории, идеальному же государственному строю должно принадлежать будущее. Именно при идеальном государственном строе граждане

---

[75] Аристотель. Политика, стр. 7.

[76] Там же, стр. 72.

[77] Там же, стр. 280.

[78] Там же, стр. 283—284.

[79] Там же, стр. 171.

как собственники земли и рабов освобождены от физического труда для политической деятельности. «Если же говорить об идеале, то землепашцами должны быть преимущественно рабы» [80]. Но, став на историческую почву при описании политии, а также обрисовав политический идеал, Аристотель получил и в том и в другом случае в качестве граждан этих государств таких людей, облик которых прямо противоречит его исходному определению человека как политического по своей природе животного.

В самом деле, не является ли крестьянин, призванный украшать и хорошую демократию, и политию, воплощением аполитичности? Но Аристотель не видит этого противоречия в своем учении. Ему нравится крестьянство, потому что он не знает подлинных причин тирании и потому, что политический индифферентизм крестьянства открывает, по его мнению, путь к власти аристократическому элементу.

Но если гражданин условно-образцового государства не является политическим существом, то гражданин идеального государства — существо политическое, но не в силу своей природы: рядом с ним уже находится существо той же природы, но в качестве раба. Однако, верный своим исходным посылкам, Аристотель не встает на путь исторического объяснения необходимости и возможности в будущем широкого развития рабства, а идет по пути наращивания «природной» аргументации, ссылаясь на физиологические различия в людях, переходя на позиции географического детерминизма и т. д.

Настойчиво подчеркивая, что варвары по своей природе рабы, Аристотель как бы наталкивает на мысль, что осуществление его политического идеала относится не только к будущему, но явится результатом завоевания греками Востока. «Свои идеальные города-государства Аристотель воздвигал не в царстве мечты, а в реальных и вполне конкретных условиях падавшего под ударами македонских фаланг Персидского государства,— пишет А. Доватур.— На арене всемирной истории разыгрывались грандиозные события, способствовавшие расширению греческого мира и, как не без основания полагал Аристотель, распространению греческих форм политического бытия. Новыми, открывавшимися на Востоке возможностями он думал воспользоваться для реализации своих политических идеалов» [81].

Практические рекомендации Аристотеля, адресованные ко всем эллинам, не в последнюю очередь относятся к жителям Аттики. Афинская демократия (напомним, что ее сущность — в раскрестьянивании крестьян при существовании народа за счет

---

[80] Там же, стр. 323.

[81] А. Доватур. Политика и полития Аристотеля. М.—Л., 1965, стр. 78.

союзников) ко времени Аристотеля находится в глубоком кризисе, лишившись своей социальной базы (эксплуатации союзников). Реализация условно-образцовых рекомендаций Аристотеля означала реставрацию социальных порядков VI в. Но обратим внимание: никакого насыщения страны рабами в этом случае не предусматривается. Социальную опору и хорошей демократии, и политии Аристотель видит в трудящемся крестьянстве. Не является ли это серьезным предостережением против преувеличения численности и роли рабов в истории афинской демократии!? По-видимому, Аристотель считал, что увеличение земледельческого населения страны, хотя и за счет лиц рабского статуса, при хроническом малоземелье Греции, особенно Аттики, просто невозможно.

На огромных земельных просторах Востока, население которого состоит, по мнению Аристотеля, из прирожденных рабов, избыточное население Аттики могло взяться за реализацию политических идеалов Аристотеля. «Носившаяся в воздухе идея использования географических просторов Ахеменидской державы для поселения избыточного населения Греции получила свое осуществление в политике Александра Македонского, основателя нескольких десятков греческих городов на Востоке,— пишет А. Доватур.— Эти города, по замыслу Аристотеля, должны были стать воплощением его политических проектов»[82]. Таким образом, применительно к Аттике реализация политических идеалов Аристотеля означала как социальный, так и географический анабазис афинской демократии, в результате которого последняя могла рассчитывать на трансформацию в некое общество, базу которого составляло бы рабство.

Не вдаваясь в подробности относительно объективного смысла аристотелевского проекта идеального государства, подчеркнем, однако, что если Платону мила ориентализация эллинского мира[83], то для Аристотеля, напротив, характерно устремление к эллинизации Востока.

* * *

Подведем некоторые итоги.

Последовательность фаз общественного развития всемирной истории может быть представлена в следующем виде: общинно-родовое общество, азиатское, античное, феодальное и капиталистическое. Общинно-родовое и азиатское общества образуют первичную, или архаическую, формацию. Последующие — вторичную, или цивилизацию. В архаических обществах коллективы

---

[82] А. Доватур. Политика и полития Аристотеля, стр. 81.

[83] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 379.

производителей находятся в естественном единстве со средствами производства, а всеобщая связь индивидов задается личностными отношениями, сначала совершенно естественными, хотя и исторически модифицированными, а потом и местными (политическими). Последняя фаза архаической формации представляет собой государственную систему аграрных общин. Обе архаические формы (общинно-родовая и аграрно-государственная) имеют широчайшее географическое распространение. Так, азиатскую стадию прошла и Европа (например, микенская Греция).

Переход от аграрно-государственной фазы общественного развития ко вторичной формации происходит на основе отделения ремесла от земледелия, образования городов и развития товарно-денежных отношений, а следовательно, и вещной формы связи индивидов. Развитие ремесла, торговли приводит к формированию частной собственности на недвижимость. Земельный вопрос является главным для всякого формирующегося цивилизованного общества.

Для того чтобы выход за пределы первичной формации стал возможным, требуется благоприятная историческая среда. До XIX в. она формировалась лишь в Европе. Если Азия (Месопотамия), по-видимому, раньше всего остального человечества пришла к аграрно-государственной фазе развития, то пионером цивилизации выступает Европа.

Первыми цивилизованными обществами были античные. В них товарное производство не смогло развиться в абсолютную форму. Сложная историческая обстановка привела к господству в Аттике политических форм общения. И азиатское и античное (аттическое) общества основываются на демонстративном признании противоречия между социальной и деятельно-трудовой сущностью человеческих индивидов. Но каждое общество возводит в свой основной принцип какую-то одну из сторон этого противоречия. Поэтому они выступают как общества-антиподы: то, что утверждается в одном из них, отрицается в другом и наоборот. В таком же отношении находятся друг к другу шумерийский крестьянин и афинский гражданин. Первый — весь в трудовой деятельности, но «обесчеловечен» в политическом отношении, второй с головой уходит в политику как в сферу своей самодеятельности, но объявляет труд достойным презрения занятием. Слабая жизнеспособность античных обществ, эксплуатирующих эфемерные выгоды исторической обстановки, находится в контрасте с устойчивостью и изумительной регенеративной способностью азиатских форм.

Если последующая история развивалась действительно не по Аристотелю, а по Платону, что давно подмечено европейской мыслью, то встает проблема изучения европейского средневековья как периода известной ориентализации Европы. Представляются перспективными попытки найти существенно общее в евро-

пейском феодализме (особенно раннем) и в том, что называют азиатским способом производства. Только речь в этом случае должна идти не о восточном варианте феодализма, а о возрождении на Западе азиатчины.

В новое время произошло торжество капиталистической цивилизации. Капитализм как будто бы разрешает противоречие между деятельно-трудовым и социальным началом в человеке, так как капиталистическая форма труда порождает общественно-созидательную роль обмена продуктами труда. Но как абсолютная форма товарного производства капитализм основывается на отчужденной (вещной) форме общественной связи. Достижение гармонического единства трудовой и политической самодеятельности индивидов — историческое призвание современного коммунизма.

Л. С. ВАСИЛЬЕВ

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И ДИНАМИКА ДРЕВНЕКИТАЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Изучение древнекитайского общества имеет большую историю. Многие сотни высококвалифицированных специалистов — синологов и социологов — стремились выяснить и реконструировать социальную структуру этого общества, найти те пружины, которые определяли его динамику. Эта работа производилась по-разному, с различных сторон и позиций. Ею занимались как буржуазные авторы, так и историки-марксисты. Однако при всем этом говорить об успешных результатах этой деятельности пока еще рано. На пути специалистов оказалось немало препятствий, преодолеть которые было далеко не просто.

Одним из этих препятствий, причем препятствием объективным, является характер источников. Материалов много, даже чрезвычайно много, но ценность их весьма различна. Многие многотомные сочинения древнекитайских авторов, как, например, «Чжоули», отчасти «Лицзи», можно использовать лишь с очень большой осторожностью, так как они содержат чаще назидательные схемы, нежели конкретный исторический материал[1]. Вместе с тем именно эти схемы представляют наибольший интерес для социолога: ведь сам факт их появления является объективным отражением тех идей, которые в то время были распространены. Кроме того, не исключено, что ряд этих схем и идеальных построений, в конечном счете соответствовал определенным реальным отношениям. Как бы то ни было, это обстоятельство породило уникальный в своем роде парадокс: обилие интереснейших источников не помогает, а подчас даже мешает дать убедительный и бесспорный социальный анализ этого общества.

[1] Чтобы убедиться в этом, достаточно познакомиться с интересной, но в общем малоубедительной книгой М. Кокина и Г. Папаяна «„Цзин-тянь". Аграрный строй древнего Китая» (Л., 1930).

Другая сложность связана с теми историко-философскими взглядами и методологическими установками, с позиций которых синологи и социологи могут интерпретировать обильный и разноречивый материал древнекитайских первоисточников. Эта сложность уже не объективного, а скорей субъективного характера. Однако жертвой ее оказались не только буржуазные ученые, но и многие синологи-марксисты. Оставляя в стороне вопрос о том, насколько успешно справляются со своими трудностями в области интерпретации фактов буржуазные синологи, приходится с сожалением констатировать, что в марксистской историографии за последние годы решение проблем древнекитайской истории (особенно ее социальных проблем) не привело к положительным результатам. Более того, как это ни парадоксально, с течением времени социальная история древнего Китая в современной марксистской историографии становится все более спорной и неясной, превращаясь в запутанный клубок почти неразрешимых проблем. В чем же дело?

Внимательное ознакомление с существом тех споров, которые сейчас ведутся по этому вопросу, приводит к выводу, что одной из главных причин создавшейся ситуации являются настойчивые попытки решить проблемы социальной структуры древнего Китая с позиций заранее заданной схемы. Китай — не только одна из крупнейших держав мира, где проживает почти четверть человечества. Это одна из очень немногих в мире стран (если вообще не единственная), которая на протяжении 3 тыс. лет сохранила полную преемственность в развитии этноса, языка, культуры и государственности. Естественно было ожидать, что именно история Китая должна послужить тем идеальным примером, который мог бы подтвердить созданную в основном на европейском материале теорию о пятичленном развитии формаций.

Руководствуясь этим, специалисты (особенно историки КНР), приложили за последние годы очень много усилий для того, чтобы «распределить» 3 тыс. лет китайской истории между этими формациями в основном между двумя классовыми докапиталистическими — рабовладельческой и феодальной. Идя, как правило от схемы, а не от фактов, которые нередко в разной трактовке приводятся в качестве аргументов для подтверждения прямо противоположных точек зрения, исследователи сильно расходятся в своих выводах. Достаточно упомянуть о том, что начало феодализма в Китае датируется разными историками в диапазоне от конца II тыс. до н. э. до первых веков н. э.

Едва ли нужно говорить, на сколь зыбкой почве покоятся подобные построения. Ведь факты — упрямая вещь; они жестоко мстят за пренебрежение ими. И вот одна смелая гипотеза быстро сменяется другой, «крепостные» одного исследователя легко превращаются в «рабов» у другого, но научное решение проблемы от этого нисколько не выигрывает. Видимо, пришло уже вре-

мя откровенно сказать о том, что вся трехтысячелетняя история Китая — и в первую очередь история древнего Китая — убедительно свидетельствует против автоматического применения априорной схемы. Историческое развитие Китая, как и подавляющего большинства других стран земного шара, шло более сложным путем, нежели это принято иногда считать.

Как представляется, решение проблем социальной структуры и тенденций эволюции древнекитайского общества едва ли может быть найдено иначе, как при условии решительного отказа от не оправдавших себя схем. Социально-экономический анализ докапиталистических обществ свидетельствует о многолинейности эволюции, о существовании различных путей развития этих обществ[2]. Но и этого анализа недостаточно для уяснения всей сложности проблемы. Изучение истории Китая и роли в этой истории социальных, политических и этических факторов дает немало оснований для того, чтобы во многом согласиться с крупным синологом В. Эберхардом, который говорил о том, что законы динамики китайского общества в большей степени зависели от социально-политических, нежели от социально-экономических моментов[3].

Действительно, знакомство с особенностями и причинами динамики древнекитайской социальной структуры, генезиса и формирования цивилизации и государственности в Китае показывает, что экономические процессы создавали лишь те объективные условия, на фоне которых действовали самые различные социальные и политические силы. И именно от соотношения всех этих сил, от переплетения множества закономерностей и случайностей возникал в данных конкретных условиях тот или иной импульс, действовавший в определенном направлении. Отнюдь не всегда направленность этого импульса соответствовала потребностям социально-экономического развития страны. Известно, например, что экономически легизм был не только оправдан, но и наиболее прогрессивен, ибо он, как это явствует из истории царства Цинь, отметал отжившие родовые традиции, расчищал дорогу новым отношениям, способствовал развитию производства. Однако, как это будет показано ниже, легизм в Китае потерпел поражение. При этом его падение было обусловлено сложившимся соотношением сил и динамикой социально-политических процессов в Китае в III в. до н. э. Иными словами, с позиций экономического детерминизма закономерности эволюции китайского общества объяснению не поддаются.

Стремясь познать основные пружины механизма социальной эволюции, необходимо прежде всего иметь в виду слова Ф. Энгельса о том, что идеи и институты имеют огромную силу и что,

[2] См. Л. С. Васильев, И. А. Стучевский. Три модели возникновения и эволюции докапиталистических обществ.— «Вопросы истории», 1966, № 5.

[3] W. Eberhard. Conquerors and rulers. Leiden, 1952, p. 19—24.

раз возникнув, они на протяжении длительного времени могут действовать как фактически самостоятельные силы, оказывающие огромное влияние на развитие общества [4].

Выдвижение на передний план социально-политических факторов, активно функционировавших и взаимодействовавших на в общем-то очень мало изменявшемся социально-экономическом фоне, заставляет несколько по-иному отнестись к анализу древнекитайского общества. Перед нами сложный социальный организм, структура которого заметно менялась на протяжении полутора тысячелетий его формирования. Конечная цель исследования заключается в том, чтобы вскрыть процесс эволюции этой структуры, ее развития от простого к сложному, обретения ею тех более или менее законченных зрелых форм, которые затем просуществовали без заметных изменений вплоть до XX в. Понятно, что для достижения этой цели необходима гигантская подготовительная работа по изучению составных элементов структуры, механизма их взаимодействия и эволюции. Нужно вычленить основные элементы структуры, определить их место и роль на том или ином этапе эволюции, наметить сложно переплетающийся узор социальных связей, их динамику.

В соответствии с этим важнейшей и первостепенной задачей представляется социологическое обобщение и осмысление тех многочисленных и достаточно хорошо известных фактов китайской истории, совокупность которых позволяет очертить, пусть хотя бы в самом общем виде, основные рамки социальной структуры, важнейшие виды социальных связей, главные импульсы, влиявшие на направление и темпы эволюции. Задача эта довольно сложна. Предлагаемая попытка ее решения — это лишь первоначальный набросок, эскиз той картины, завершение которой потребует еще немалых усилий и времени.

1. ГЕНЕЗИС ЦИВИЛИЗАЦИИ И КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Территория современного Китая была знакома человеку издавна, со времен палеолита и мезолита. Однако только примерно с III тыс. до н. э. редкие и малочисленные бродячие группы мезолитических охотников и собирателей были вытеснены оседлыми земледельцами поздненеолитической культуры Яншао. Происхождение развитой земледельческой культуры Яншао и этногенез самих яншаосцев, которых принято считать предками современных китайцев, «протокитайцами», пока неизвестны. Дело в том, что в бассейне Хуанхэ не обнаружено никаких следов так называемой «неолитической революции», т. е. тех действительно революционных преобразований в материально-техническом оснащении человека, которые были связаны с переходом

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 37, стр. 393—397.

охотников и собирателей к производительному труду и сопровождались возникновением земледелия, скотоводства, оседлости, появлением наземных жилищ, ремесла (керамика, прядение и ткачество и т. п.), погребений и более или менее развитых религиозно-культовых представлений [5].

Сравнительно неожиданное и комплексное, единовременное появление в Северном Китае сразу всех основных достижений неолитической революции в довольно развитом виде, равно как и большое сходство многих элементов культуры Яншао с аналогичными элементами других поздненеолитических культур расписной керамики, вызвало предположение о том, что в процессе генезиса северокитайского неолита сыграли немалую роль внешние связи и влияния [6]. Этот вывод остается в силе и при изучении другой позднеолитической культуры — Луншань, сменившей Яншао примерно на рубеже III—II тыс. до н. э. Именно в это время в Китае появился гончарный круг, а также ряд новых злаков и пород скота, одомашненных вне Китая. При этом, однако, важно подчеркнуть, что обе культуры — Яншао и Луншань — никак не должны считаться целиком занесенными извне. Напротив, обе они складывались в Китае. Речь идет лишь о том, что в формировании этих культур большую роль сыграли внешние влияния. Есть основания также предполагать, что некоторые носители этих влияний, представители иноплеменных коллективов, инкорпорировались в состав монголоидных племен, составлявших ядро насельников Яншао и Луншань [7] В этой связи надо заметить, что в современной социологии уже получила права гражданства мысль о том, что вообще каждая из известных истории первичных цивилизаций земного шара возникла вследствие амальгамации нескольких передовых первобытных коллективов, которые приходили извне и вступали в контакт друг с другом на данной территории [8].

---

[5] Такого рода «неолитическая революция» протекала около 10 тыс. лет назад на Ближнем Востоке (см. R. J. Braidwood. Near East and foundations for civilization. Oregon, 1952). Некоторые исследователи пытались найти следы аналогичного процесса в Китае, но безуспешно (см. Chang Kwang-chih. The Archaeology of Ancient China. New Haven and London, 1963, p. 51—57).

[6] Данные в пользу этой гипотезы приведены в статьях: Л. С. Васильев. О роли внешних влияний в возникновении китайской цивилизации.— «Народы Азии и Африки», 1964, № 2; он же. Некоторые проблемы генезиса мировой цивилизации в современных зарубежных исследованиях.— Народы Азии и Африки», 1966, № 2. Иная точка зрения изложена в статье М. В. Крюкова. «У истоков древних культур Восточной Азии». («Народы Азии и Африки», 1964, № 6).

[7] Современная антропология фиксирует в расовом типе яншаосцев заметные примеси негрондов и европеондов (Н. Н. Чебоксаров. Основные этапы формирования антропологического состава населения Восточной Азии. Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М., 1964, стр. 7).

[8] R. Coulborn. The origin of civilized societies. Princeton (New Jersey), 1959, p. 9.

Поздний неолит бассейна Хуанхэ в середине II тыс. до н. э. был сменен развитой бронзовой культурой Шан-Инь, этногенетические связи и культурный потенциал которой также свидетельствуют о ее гетерогенном происхождении. Едва ли можно сомневаться в том, что культура развитой бронзы синтезировалась в Китае именно в ходе сложного процесса амальгамации разных племен и аккумуляции многочисленных внешних влияний[9]. Показательно, что даже древнекитайские письменные источники свидетельствуют о том, что предки иньцев вели до их прихода в район современного Аньяна полукочевой образ жизни и довольно часто переселялись с места на место[10].

Иньская культура принесла в Китай много нового. Вместе с иньцами появилась бронза, письменность новые виды оружия и боевая колесница, новые типы построек («дворцы», городские стены) и развитое искусство, пышные царские захоронения и обычай массовых человеческих жертвоприношений. Словом, есть все основания считать, что именно с Инь начался новый этап в истории Китая, были заложены первые монолиты в фундамент древнекитайского раннеклассового общества и государства. Судя по хорошо изученным ныне данным иньских раскопок и материалам расшифровки иньских письмен [11], последние века существования Инь (конец II тыс. до н. э.) были временем больших социальных и политических изменений, периодом разложения родо-племенных отношений, выделения родовой верхушки и сложения основ государственного аппарата.

Для возникавшей иньской государственности главным было наладить нормальное функционирование хозяйства и усложнившихся социальных отношений в рамках разросшегося этнически гомогенного коллектива, по отношению к которому все соседние племена и народы выступали в качестве отсталой «варварской» периферии. Однако государственному образованию иньцев с его приматом хозяйственно-социально-организационных функций не суждено было долгой жизни. Уже в 1027 г. до н. э., просуществовав полтысячелетия, оно пало под ударами соседнего племени чжоусцев. Чжоусцы, уступавшие иньцам по уровню развития, за короткий срок не только усвоили основные достижения иньской цивилизации, но и сумели быстро распространить их на всей завоеванной ими территории бассейна Хуанхэ. Возникшее на рубеже II—I тыс. до н. э. военно-политическое объединение («импе-

[9] Подробней об этом см.: L i C h i. The beginnings of Chinese civilization. Seattle, 1957; Л. С. Васильев. Генезис древнекитайской бронзы и этнокультурные связи Инь. Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук.

[10] См. «Шуцзин», гл. «Пань Гэн». Изд. Шисань цзин чжулю (40 т.). Пекин, 1957 (далее — ШСЦ), т. III, стр. 301 и сл.; Сыма Цянь. Шицзи, гл. 3. Изд. Бонабэнь (24 т.). Пекин, 1958, т. I, стр. 57.

[11] Наиболее полно материалы расшифрованных надписей представлены в фундаментальной монографии: Чэнь Мэн цзя. Свод сведений о надписях на иньских гадательных костях. Пекин, 1956 (кит.).

рия») Чжоу дало новый толчок развитию древнекитайского государства. Резко усилился процесс колонизации соседних земель и ассимиляции населявших их «варварских» (в большинстве неолитических) племен. В состав государства Чжоу были включены сотни различных народов, от примитивных собирателей и охотников до развитых земледельцев, имевших богатые культурные традиции.

Разумеется, «империя» Чжоу не могла быть жизнеспособным образованием. Огромные пространства при отсутствии коммуникаций, необычайная этническая пестрота населения с очень сильными родо-племенными традициями, различие культурного уровня и диалектов языка,— все это рождало центробежные тенденции. В этих условиях единственно возможной административной политикой было создание системы уделов. И действительно, аутентичные раннечжоуские источники (прежде всего надписи на бронзовых сосудах, служившие обычно в качестве документа, удостоверяющего акт инвеституры) свидетельствуют о том, что чжоуский правитель-ван раздавал своим родственникам и приближенным различные районы завоеванной территории в качестве владений (уделов) с правом управлять и кормиться [12]. Это и понятно: в условиях завоевания для управления огромными территориями с этнически пестрым населением на передний план выступала задача обеспечения политического господства и социальных привилегий этносу завоевателей. И именно это обстоятельство стимулировало вполне осознанное стремление чжоусцев ускорить процесс социально-политической эволюции путем создания более или менее компактных и устойчивых государственных образований.

Эта единственно возможная в тех условиях политико-административная система уделов уже через два-три века привела к обычным в таких случаях последствиям. Центральная власть чжоуского вана постепенно ослабевала, его могущество и влияние за пределами его домена быстро падали. Уже с VIII в. до н. э. чжоуский ван фактически лишился своего положения верховного правителя «империи», а сама «империя» распалась на множество самостоятельных и независимых или полузависимых царств, княжеств и уделов. Правда, авторитет чжоуского вана в качестве ритуального старейшины (первосвященника) и верховного арбитра (в случае споров между влиятельными правителями) еще долго по традиции признавался, так же как и сохранялся обычай визитов вежливости ко двору вана с «данью», т. е. с подарками. Однако на деле чжоуский ван все чаще оказывался марионеткой в руках могущественных правителей.

---

[12] В отношении некоторых частей вновь созданной чжоуской «империи», в частности ее отдаленных полувассальных окраин, существовала аналогичная практика утверждения местных вождей в их правах с обязательством признавать суверенитет Чжоу.

Эти правители, которые были потомками некогда назначенных чжоуским ваном управителей владений, стали теперь главами фактически самостоятельных государств. Наиболее крупные из этих государств в свою очередь имели зависимые от себя более мелкие вассальные княжества и систему уделов, предоставлявшихся родственникам и приближенным правителя, обычно именовавшегося титулом гун. Естественно, что постоянные междоусобные распри между всеми этими крупными и мелкими правителями и владельцами уделов постепенно заняли главное место в политической жизни чжоуского Китая. Как явствует из древних хроник, в период Чуньцю [13] за власть и влияние в стране ожесточенно боролось несколько десятков правителей крупнейших царств и княжеств, в последовавший за ним период Чжаньго («Борющиеся царства») число влиятельных правителей заметно сократилось, а сами борющиеся царства стали более крупными и выставляли друг против друга чуть ли не полумиллионные армии.

В эпоху Чжоу на протяжении ряда веков, и особенно с середины I тыс. до н. э., шел интенсивный процесс этнокультурного синтеза, создавались предпосылки для сложения единого государства. Разлагавшиеся родо-племенные связи постепенно заменялись территориально-административными. Коллективная собственность на землю и совместные формы землевладения и землепользования уступали место индивидуальным. Совершенствовались орудия труда (с середины I тыс. до н. э. стало входить в обиход железо), развивалось ремесло, усиливались товарно-денежные отношения.

Базировавшийся вначале на отношениях родства бюрократический аппарат превращался в могущественный и хорошо отрегулированный инструмент управления, укомплектованный послушными и ревностными чиновниками из числа вновь возникшего сословия «служивых», ши. Многочисленные войны, постоянные перемещения границ, слияния, разделы, союзы, дипломатические и торговые связи, возросшая миграция населения, осваивавшего до того пустовавшие земли,— все это приводило к постепенному стиранию языковых и этнических различий, закладывало основы для возникновения единого народа, единого языка [14], единой письменности, единого государства. Этому же в значительной мере способствовал протекавший в эти же века процесс постепенного творческого усвоения и переработки всех разнородных религиозных и культурных традиций, что привело примерно в середине I тыс. до н. э. к сложению единой китай-

[13] VIII—V вв. до н. э. Название произошло от одноименной летописи «Чуньцю» («Весны и осени»), охватывавшей события этого периода и составленный, по преданию, древнекитайским философом Конфуцием.

[14] Разумеется, речь не идет о диалектных различиях, которые сохранились в разных районах Китая вплоть до наших дней.

ской цивилизации с характерными для нее религиозными и этическими принципами, нормами обычного и административно-судебного права.

Понятно, что в этих условиях необходимость положить конец многовековой раздробленности и бесконечным междоусобным войнам стала для Китая задачей номер один. Выполнить эту историческую задачу удалось царству Цинь, которое, разгромив поодиночке всех своих соперников, основало в III в. до н. э. новую централизованную империю во главе с могущественным императором Цинь Ши-хуанди.

Образование централизованной империи Цинь явилось переломным моментом в истории древнего Китая. Однако империя эта просуществовала недолго. Жестоко подавив децентрализаторские тенденции феодалов, Цинь Ши-хуанди стал управлять суровой рукой. Поставив себе на службу учение школы легистов, выше всего ценивших жестокие наказания и призывавших к насилию с целью добиться беспрекословного повиновения всего населения, новый император довольно быстро восстановил против себя многие влиятельные слои общества. В довершение ко всему длительные войны и непосильные нормы трудовой повинности вызвали неурожаи, голод и в конечном счете кризис в стране. Последовавшие за этим крестьянские восстания были лишь искрой, которая вызвала взрыв сокрушительной силы. Преемник умершего деспота не смог удержать власть и вскоре погиб. Вновь начались ожесточенные войны претендентов на престол, которые закончились лишь в самом конце III в. до н. э. победой выходца из крестьян Лю Бана, основавшего новую династию Хань.

Империя Хань, много унаследовав от Цинь, сумела, однако, смягчить те суровые формы, в которые облек свое правление Цинь Ши-хуанди. Ханьские императоры отказались от использования одиозного легизма (хотя многие легистские методы, особенно в сфере бюрократического управления и системы права, были сохранены) и сделали официальной идеологией страны конфуцианство с его призывами к гуманности, умеренности, повиновению, преклонению перед властью и авторитетом.

Династия Хань просуществовала свыше четырех веков и за это время сумела добиться многого. Была окончательно уничтожена древняя система царств и уделов, и во всей стране введено административно-территориальное деление с деревенской общиной или кварталом в качестве низовой ячейки. Во главе каждого административного звена был поставлен ответственный перед властями чиновник (в общине или городском квартале эту роль обычно исполняли выдвигавшиеся по традиции населением местные старейшины). Детально разработанная табель о рангах во многом изменила древнее деление на строго фиксированные сословия. Была реформирована и упрощена налоговая система.

В руки конфуциански образованной элиты попала вся бюрократическая система управления (чиновники назначались на основе конкурсного отбора из числа наиболее знающих и образованных конфуцианцев) и система просвещения, т. е. воспитания подрастающего поколения.

Разумеется, трудно в этом кратком перечне рассмотреть и оценить все то новое, что появилось в Китае с эпохи Хань. Да это и не очень нужно. Важнее другое: именно с Хань в древнем Китае в конце коицов сложился тот строй жизни, та форма организации общества, те нормы этики, та манера поведения, речи и мышлеиия индивидуума, которые с небольшими изменениями продолжали существовать и господствовать на протяжении 2 тыс. лет. Иными словами, ханьский Китай стал той ступенью в процессе эволюции социальной структуры, движение вверх от которой шло уже крайне медленными темпами, а порой и прекращалось вовсе.

В самом деле, исследователь послеханьской истории Китая сталкивается с той же централизованной бюрократической империей, с тем же традиционным правящим слоем конфуциански образованной элиты, с той же системой государственного крепостничества и преобладающей ролью ренты-налога среди прочих форм эксплуатации, с тем же подчиненным положением частной собственности и свободного рыночного товарообмена и т. д. Можно легко продолжить этот перечень, но нет сомнений в том, что в формах социальной структуры ханьского и послеханьского Китая, вплоть до XX в., было немало общего.

Перед исследователем не могут не встать вопросы, почему же это произошло? Что замедлило темпы развития? Какие причины обусловили возникновение таких необычайно стабильных и консервативных форм социальной организации? Ответить на эти вопросы нелегко. Для этого необходимо прежде всего достаточно четко представлять и оценивать взаимодействие и взаимовлияние всех факторов, которые входили в систему социальных связей и элементов социальной структуры древнего Китая, когда закладывался фундамент китайской цивилизации.

2. РОД И СЕМЬЯ

Изучение социальных связей и элементов социальной структуры древнего Китая целесообразно начать с самой основной ячейки раннеклассовых обществ — с семьи и рода. В эпоху неолита родовые отношения, видимо, господствовали на территории Китая. Правда, имеющихся в распоряжении науки данных археологии — и тем более полулегендарных преданий более поздних веков — недостаточно для выяснения структуры этих отношений. Есть лишь некоторые основания предполагать, что матрилинейная филиация господствовала по крайней мере среди

земледельческих неолитических племен бассейна Хуанхэ [15]. Возможно, что экзогамные коллективы связывала между собой практика обязательного брака, объединявшего эти общинно-родовые группы в единое эндогамное целое — племя (или часть племени). Из представителей двух таких родовых групп (мужчины одной и женщины другой) и складывалась, очевидно, родовая община-деревня наподобие той, остатки которой были вскрыты раскопками в Баньпо [16]. Характер строений в Баньпо и других раскопанных археологами неолитических поселениях позволяет заключить, что составлявшими общину ячейками были семейные союзы, основанные на парном браке. Однако из этого нельзя сделать вывода о статусе подобного рода семьи, о степени ее самостоятельности. Видимо, говорить о хозяйственной обособленности семьи едва ли можно — для этого нет данных.

Семейно-родовая структура общества Инь известна и изучена много лучше. Судя по данным иньских гадательных надписей, коллектив иньцев состоял из родов, причем родовое имя, родовая территория, родовые связи играли главную, определяющую роль в отношениях людей [17]. Хотя некоторые косвенные данные свидетельствуют о том, что в эпоху Инь ощущались и заметные пережитки матрилинейных традиций (что вполне естественно), иньский род в общем и целом был патриархальным, а счет родства — патрилинейным. Парный брак, характерный для большинства, у представителей родовой знати (и особенно среди иньских правителей — ванов) уже сменился полигамией. Однако вплоть до самого конца Инь родовые связи, даже в среде знати, заметно преобладали над семейными. Отголоском этого можно считать практиковавшуюся в Инь систему наследования (наследовал не сыи, а младший брат, т. е. следующий по старшинству в роде вана, а ему в свою очередь наследовал сын его старшего брата). Но, несмотря на это, в конце Инь роль семьи вана (а может быть, и других знатных семей) все возрастала. Интересно, что самые последние из династии иньских правителей уже уступали свой престол не братьям, а сыновьям.

Итак, уже в эпоху Инь — по крайней мере среди родовой верхушки — роль семьи была достаточно заметной. Семейные связи начинали выходить из подчинения связям родовым. Еще более очевидным этот процесс сепарации семейных коллективов стал с начала Чжоу. Насколько можно судить по материалам источ-

---

[15] В споре, который развернулся в связи с этой проблемой на страницах китайского журнала «Каогу» (1962, № 5, 11), позиция Ян Цзянь-фана и Чжоу Цин-цзи, отстаивающих идею о господстве в неолите матриархата, более аргументированы. В частности, заслуживает внимания, что самая богатая могила среди захоронений в Баньпо принадлежала девочке («Сиань, Баньпо». Пекин, 1962, стр. 318—319, илл. 173—176).

[16] См. «Сиань, Баньпо».

[17] Подробнее об этом см.: М. В. Крюков. Род и государство в иньском Китае.— «Вестник древней истории», 1961, № 2.

ников, прежде всего «Шицзин»[18], в чжоуском Китае семья превратилась уже в основную социальную ячейку общества. Родовые связи были лишь регулятором брачно-семейных отношений. Одиако существовавшая в начале Чжоу семья была очень мало схожа с нашим обычным представлением о семьях. Это была большая семья, включающая в себя группу кровных родственников по мужской линии и жен женатых мужчин этой группы. Число членов такой семьи могло быть достаточно большим и порой исчисляться десятками. Тем не менее это была именно семья, и от рода — или хотя бы от части рода — ее отличало то, что в ее рамках были объединены не вообще сородичи, связанные друг с другом весьма отдаленными степенями родства, а близкие родственники, объединенные общим происхождением от одного и того же деда или прадеда, живущие совместно и ведущие общее хозяйство.

Такого рода большие семьи существовали в начале Чжоу как среди знати, так и в общинных деревнях. Однако статус и формы этих семей среди родовой аристократии и среди крестьянства заметно различались между собой. В чем же суть этих различий?

Большие родовые коллективы чжоусцев и завоеванных ими народов в характерных для начала Чжоу условиях социальных сдвигов, политических пертурбаций, массовых перемещений населения, ассимиляции и т. п. уже не могли сохраняться в неприкосновенности. Родовые связи ослабевали, и на смену им приходили связи территориальные. Практически это находило свое выражение в том, что снятые со своих насиженных мест и перемешанные с иноплеменниками общинно-родовые коллективы теряли свои привычные связи с другими сородичами, с традиционной родовой территорией. Поселенные на новых местах и нередко заново осваивавшие невозделанные земли, эти коллективы объединялись в рамках вновь возникавшей общины-деревни с другими аналогичными коллективами. Таким образом, во вновь образовывавшихся общинных деревнях селились представители двух-трех различных родо-племенных групп.

Разумеется, каждая из таких групп еще на протяжении очень длительного времени продолжала сохранять и блюсти свои родовые нормы и традиции. Тем не менее под влиянием новых условий существования эти нормы и традиции изменялись. В общинной деревне основной хозяйственной единицей становилась домовая община, большая семья, претендовавшая на экономическую независимость. Конечно, эта независимость возникала не сразу и порой бывала весьма относительной. Нередко она опосредствовалась общинным коллективом в целом, выступав-

[18] «Шицзин». Издание подготовили А. А. Штукин и Н. Т. Федоренко. М., 1957.

шим по отношению ко внешнему миру как единое целое[19]. Словом, большесемейные связи в общинных деревнях вытесняли связи родовые постепенно, на протяжении ряда веков. Вплоть до IX—VIII вв. родовые связи здесь играли еще весьма важную, едва ли не преобладающую роль.

В знатных семьях, выделявшихся из среды родовой верхушки, процесс экономической сепарации шел несколько иначе, причем значительно быстрее[20]. Главы таких семей, получавшие от вана, а позднее и от правителей царств уделы, тоже продолжали ощущать связи с родом. Более того, именно родовые связи и положение давали право на определенный удел и доход. Однако эти отношения кровного родства уже не препятствовали самостоятельности той или иной семьи, они были лишь залогом ее процветания.

Таким образом, в начале Чжоу возникли две разновидности больших семей: деревенские большесемейные общины земледельцев и аристократические семьи родовой знати. При всем подобии принципа сепарации этих коллективов от первоначального рода, это были фактически очень разные организации. Разным был не только их доход, достаток, не только права и положение в обществе. Различались они и по своей внутренней организации, по статусу и правам их членов и — что весьма существенно — по их дальнейшей роли в качестве эталона.

В деревенских коллективах, где большесемейные связи не играли еще определяющей роли, парная семья имела сравнительно большие права. В рамках коллектива в целом брачно-семейные отношения регулировались древними традициями, в основе которых лежало равноправие полов. Судя по песням «Шицзин», любовь, любовная встреча и свободный выбор мужа или жены были в то время нормой. Более того, девушка не только имела право выбора, но и брала на себя инициативу при сближении. Сам брачный обряд в ту далекую эпоху не имел еще ничего общего с меркантильными соображениями и лишь фиксировал свободный выбор молодых. Права жены и мужа были одинаковыми (или почти одинаковыми); парный брак, как правило, господствовал.

В знатных семьях старые родовые традиции отмирали быстрее, так как они перекрывались более важными для владетельных аристократов политическими соображениями. Как правило, среди знати уже не было речи о свободном выборе девушки, ибо ее брак был одним из важных моментов сложной политической

---

[19] Образ жизни такой общины с совместным хозяйством красочно показан в песне «Ци юэ». См. «Шицзин» (русск. перев.), стр. 183—186.

[20] Видимо, именно это обстоятельство имелось в виду, когда некоторые синологи писали о том, что в раннечжоуском Китае семьи были лишь у аристократов (H. Maspero. La religion chinoise dans son développement historique. Mélanges posthumes sur les religions et l'histoire de la Chine, vol. I. Les religions chinoises. Paris, 1950, p. 20).

игры. Воля отца для девушки постепенно становилась священной, чем было положено начало ставшей со временем общепринятой в Китае практике несвободного брака по выбору родителей.

Но отсутствие свободы выбора — не единственный момент неравноправия женщины. Гораздо более важным в этом смысле был практиковавшийся в знатных семьях обычай полигамии. Обычно глава большой знатной семьи в строгом соответствии с его рангом, положением в обществе, имел целый гарем, состоявший из главной жены (хозяйки дома), нескольких «второстепенных» жен, наложниц, а также служанок и рабынь (которые тоже считались женщинами главы дома). Если учесть, что по нескольку жен и наложниц могли также иметь многочисленные взрослые сыновья главы семьи (а иногда также и внуки), то нетрудно понять, сколь огромной могла быть эта семья даже только в пределах трех ее поколений. После смерти главы такая семья, как правило, делилась по числу сыновей. При этом старший сын, носитель основного родового культа да-цзун, считался старшим в роду, а его братья становились основателями новых ветвей родового культа (сяо-цзун). При этом все эти родственные большие семьи еще на протяжении нескольких поколений ощущали тесную связь друг с другом и признавали главенство и авторитет хранителя культа да-цзун. Главы новых семей получали в качестве наследственного удела часть территории, которой владел их покойный отец и власть над которой перешла теперь к их старшему брату.

Вся эта система организации знатной семьи с течением времени все шире распространялась и все более становилась нормой, эталоном в стране. Тенденция к хозяйственному обособлению малых семей вела к ослаблению домовой общины. Существование парных семей в рамках возникавшей уже в VIII в. до н. э. сельской общины в свою очередь вело к усилению патриархальных тенденций и, видимо, к заимствованию уже выработавшихся стереотипов организации знатных семей. Постепенно положение женщины в крестьянской семье менялось, свободный выбор супруга уступал место выбору его родителями, а о любви и любовных чувствах вспоминали все реже и реже. Следуя принятому в знатных семьях обычаю, зажиточные общинники тоже начали обзаводиться второй женой, а то и наложницами.

Примерно с середины I тыс. до н. э. в Китае сложилась та форма семейных отношений, которая стала затем эталоном для последующих веков. Среди подавляющей части населения страны господствовала моногамная семья, ведшая свое индивидуальное хозяйство[21]. Меньшая, но наиболее богатая и влиятельная часть

[21] О том, что по своему составу семья в середине I тыс. до нашей эры была малой и моногамной, свидетельствуют обычные для той эпохи подсчеты среднего числа едоков (оно варьировалось от 2—3 до 8—10). См., например, подсчеты Ли Куя: Фань Вэньлань. Древняя история Китая. М., 1958, стр. 229.

общества по-прежнему жила большими семьями. Однако характер этих семей теперь уже несколько изменился. Прежние связи знатных семей с первоначальными родами ослабли и почти забылись. Зато на смену им пришли новые, клановые связи[22], которые стали играть очень важную роль в социальной структуре Китая.

Семейно-клановая структура, пришедшая на смену семейно-родовой, регулировалась уже не столько кровнородственными связями, сколько материальными условиями бытия, степенью благосостояния той или иной группы родственных семей. Практика показывает, что на протяжении двух с половиной тысячелетий для китайской семьи была характерна примерно одна и та же закономерность: став зажиточной, семья быстро разрасталась (вначале хотя бы только за счет полигамии), внутренние связи в ней крепли, и уже в третьем-четвертом поколении она превращалась в могущественный клан. И наоборот, приходя в упадок и беднея, клан довольно быстро распадался на части и нередко уже в следующем поколении превращался в простую сумму почти не связанных друг с другом малых семей, едва сводивших концы с концами. Эти волнообразные колебания в зависимости от благосостояния семьи и клана всегда были одной из важнейших особенностей социальной структуры в Китае[23].

Величина и состав семьи в Китае — это лишь одна из ее основных характеристик, сложившихся еще в древности. Важной характерной чертой китайской семьи стало со временем также и затворничество женщин. Женская половина дома всегда была отделена от мужской и считалась внутренней, интимной. В обществе считалось неприличным говорить о женщинах семьи собеседника (исключение иногда делалось только для матери). Женщины гарема в знатных семьях не должны были общаться ни с кем из мужчин, кроме своего хозяина. Уже с шести-восьми лет мальчиков в доме отделяли от девочек и воспитывали отдельно. Повзрослев, они были обязаны сторониться всех женщин отца, кроме своей матери. Согласно зафиксированным в конфуцианских канонах нормам и традициям, эти женщины не должны были даже стирать белье взрослых сыновей своего хозяина[24]. Конечно, на практике это строгое обособление соблюдалось отнюдь не всегда. Однако оно всегда было той нормой, которой следовало придерживаться в семье и в обществе. Не случайно в конфуцианских книгах в качестве одного из добродетельных актов Конфуция (когда он на короткое время был сделан упра-

---

[22] Под термином «клан» имеется в виду совокупность семей, восходящих к единому реальному и близкому предку-патриарху.

[23] Об этой закономерности социальной динамики в Китае говорится в ряде специальных исследований. См., например, Hsü Lang-Kuang. Under the ancestors shadow. Chinese culture and personality. New York, 1948, p. 3—11.

[24] См. «Лицзи» гл. «Цюй ли».— ШСЦ, т. XIX, стр. 82—83. См. также: J. Legge. The Li Ki. The sacred books of China. The texts of Confucianism, pt. III. Oxford, 1885, p. 77.

вителем одного из небольших городков царства Лу) упоминается распоряжение всем женщинам городка ходить по одной стороне улиц, а мужчинам — по другой.

Еще одной чертой китайской семьи было строгое деление по возрасту. Культ старших, примат старшинства, тесно связанные с культом предков (о чем специально будет идти речь ниже), всегда определяли собой социальный порядок и в семье, и в обществе. Вот почему деление на старших («отцы и старшие братья») и младших («дети и младшие братья») было столь важным и так неукоснительно соблюдалось. Воля старших в семье была решающей, хотя и младшие — после прохождения ими церемоний, восходящих к древнему обряду инициации и признания их взрослыми — тоже имели право голоса на общесемейных или семейно-родовых собраниях в храме предков.

Отмечая все эти особенности китайской семьи, которые сложились еще в древности и продолжали существовать впоследствии, необходимо помнить, что конфуцианский тезис о том, что государство — это большая семья, а семья — это государство в миниатюре, отнюдь не был просто образной фразой. Напротив. официальная конфуцианская идеология на протяжении свыше 2 тыс. лет всегда именно таким образом и относилась к семье, предоставляя ей, особенно ее главе, очень большие права. В рамках группы родственных семей с благословения властей вершился суд и накладывались наказания, предоставлялся кредит малоимущим и практиковался кабальный труд младших и бедных членов семейно-родового коллектива на старших и богатых.

Таким образом, на протяжении примерно 1,5 тыс. лет (Инь, Чжоу) семейно-родовая структура в древнем Китае заметно эволюционировала. Первобытный матри- и патрилинейный род уступил свое место вначале большесемейной общине, большой семье, а затем весьма специфической семейно-клановой структуре, в рамках которой большие и малые родственные семьи потомков общего прадеда или прапрадеда объединялись в единый клан. Эта вторичная по своему характеру организация очень заметно отличалась от первобытного рода. Она представляла собой систему родственных, но экономически самостоятельных семей, а могущество ее структуры зависело от степени материального благосостояния и социального статуса ее членов.

Сложившаяся таким образом семейно-клановая структура с эпохи Хань превратилась в эталон. Конечно, это не означает, что буквально все семьи многомиллионного Китая были организованы в кланы, сурово и деспотично ведавшие их судьбой. Огромное большинство семей бедняков всегда оставалось вне кланов — и это, кстати, ставило их в социальном отношении в менее выгодное положение. Все же сколько-нибудь зажиточные семьи (если не сразу, то в последующем поколении) были организованы в

кланы, придававшие им социальный престиж, вес и влияние в обществе. В конкретных условиях конфуцианского Китая с его культом семьи, сыновней почтительности и предков семейно-клановые связи всегда играли первостепенную роль и во многом определяли положение человека, его успехи в жизни. Вот почему связи этого рода следует по праву считать одним из важнейших элементов в социальной структуре китайского общества. Другим таким важнейшим элементом следует считать связи производственные и территориальные, сплачивавшие людей в рамках определенной низовой ячейки, общины.

3. ОБЩИНА

Община в древнем Китае, как и в любом другом доклассовом и раннеклассовом обществе, играла центральную роль в сфере хозяйственной и общественной жизни. Она была основой основ древнекитайского социального организма. В общинных деревнях и поселках проживала основная масса населения, производилась львиная доля всего совокупного общественного продукта. Одновременно община была низовой ячейкой социальной и административно-политической структуры страны. Понятно, что изучение форм общины, этапов ее эволюции имеет немалое значение для анализа всей системы социальных связей древнекитайского общества, для оценки характера эволюции социальной структуры Китая. Как и во многих других переходных и раннеклассовых обществах, древнекитайская община в своем развитии прошла через несколько различных типов (этапов).

а) Родовая община

Для родо-племенной структуры неолита и Инь характерной была родовая община. Данные современной этнографии говорят о том, что такого рода социальное и хозяйственное объединение обычно существовало параллельно с делением на роды и включало в свой состав как минимум представителей двух родов. Теоретически при этом возможны два варианта. Либо эта община объединяет в себе два равноправных рода, члены которых связаны обычаем обязательного брака (мужчины одного рода женятся на женщинах другого и наоборот) [25]. Либо это община какого-либо одного рода. В этом случае при господстве отцовского рода все мужчины данной общины принадлежат именно к этому роду (связь с женщинами своего рода, выходящими замуж в другой коллектив, при этом много слабее, чем связь

[25] Некоторые данные этнографии свидетельствуют о том, что в рамках такого рода общины могли сосуществовать представители не только двух, но и нескольких родов (см. В. Р. Кабо. Первобытная община охотников и собирателей.— Настоящий сборник, стр. 223—265).

с женщинами из другого рода, приходящими в данную общину в качестве жен). Аналогичным образом организована община и при господстве материнского рода.

В распоряжении синологов нет данных, которые вполне определенно могли бы свидетельствовать в пользу того или иного варианта. Однако некоторые косвенные материалы [26] и встречающаяся в Инь и в начале Чжоу практика исчисления людей по родовым группам заставляют склониться в пользу второго варианта. Видимо, родовые общины, как правило, были общинами рода и включали в себя прежде всего то основное ядро людей (при матрилинейности — женщин, при патрилинейности — мужчин), от которого зависело продолжение этого рода.

Совпадавшая с «родообразующим» ядром родовая община была главной формой социальной организации той эпохи. В ее функции входили и регулирование процесса воспроизводства самого человека, и производство средств существования, т. е. хозяйственная деятельность. Нередко такая община фактически олицетворяла собой род или часть рода, особенно в том случае, когда она была общиной одного основного рода. Известно, например, что в иньских надписях типа «Приказать [таким-то] обрабатывать поле [там-то]» [27] обычно употребляется родовое имя коллектива. Едва ли можно сомневаться в том, что в надписях имеется в виду родовая община, занимавшая определенную территорию и носившая родовое имя ее «родообразующего» ядра.

Структура иньских общин очень неясна. Возможно, что в рамки общины в то время еще по традиции входили абсолютно все члены рода, включая вана и его окружение. В некоторых надписях говорится даже, что только личное участие вана в полевых работа — залог хорошего урожая [28]. Разумеется, это не означает, что ван в поте лица трудился на поле. Речь, видимо, шла лишь о символическом участии вана, бывшего к тому же и первосвященником коллектива, в общем труде. Скорей всего, не только ван, но и некоторые из его родственников и приближенных, ведавшие административными, учетными или охранными функциями (равно как и обслуживавшие их ремесленники, слуги и рабы), не принимали личного участия в коллективном труде общины на поле. Ван, его родственники, приближенные, жрецы и военачальники уже не только выделились в противостоявшую массе иньцев социальную верхушку, но и сделали важный шаг по пути создания основ государственности. И есть основания счи-

---

[26] Раскопки в Баньпо показали, например, что среди всех прочих изображений в рисунках и орнаменте баньпосцев доминировало тотемное изображение рыбы, иногда в облике человекорыбы (см. «Сианьское Баньпо», стр. 166—168, 180—185). А так как тотем является главной характеристикой рода, то следует полагать, что в родовой общине баньпосцев преобладали люди рода «рыбы».

[27] См. «Хрестоматия по истории древнего Востока». М., 1963, стр. 441—442.

[28] Чэнь Мэи-цзя. Указ. соч., стр. 534—535.

тать, что именно — и в первую очередь — потребность в организации управления многочисленными общинами разросшегося родо-племенного коллектива иньцев вызвала к жизни первые институты государства [29].

Однако первые институты государственности, судя по всему, мирно уживались с еще родовыми по своему характеру иньскими общинами. Родовые общины существовали также у чжоусцев и многих других соседних с иньцами племен. Как можно судить по данным источников, только после чжоуского завоевания картина начала меняться. Родовая община на большей части завоеванной чжоусцами территории продолжала существовать, но в новых условиях ускоренного генезиса цивилизации, государственности, раннеклассовых отношений и административно-политических связей эта община стала отмирать и заменяться другой, большесемейной.

б) Большесемейная община

Отличие этого типа и этапа эволюции древнекитайской общины от предыдущего заключалось прежде всего в том, что в состав общины входили не кровнородственные группы сородичей, а большие семьи, которые могли принадлежать к нескольким различным родо-племенным коллективам. Теперь основной хозяйственной единицей стала большая патриархальная семья, домовая община. Одна или несколько родственных (а возможно, и не только родственных) друг другу большесемейных домовых общин составляли локальный коллектив, который по отношению к прежней родовой общине выступал в качестве дочернего. Во-вторых, в состав этих общин теперь уже не входили представители родовой знати, которые в лице родственников и сподвижников чжоуского вана или местных подчинившихся чжоусцам родо-племенных вождей встали над общиной (точнее, над многими подвластными им общинами-деревнями) и жили за счет эксплуатации общинников. Впрочем, это не исключало того, что генетически и исторически родственные связи между знатным аристократом — носителем кланового культа да-цзун, и некоторыми большесемейными группами в подчиненных ему общинах, относившимися к боковым ветвям сяо-цзун того же клана, могли существовать. Такие связи не мешали тому, что представитель эксплуататорской верхушки и его семья фактически уже противостояли кормившим их своим трудом общинникам, в числе которых могли быть и их родственники.

---

[29] Пожалуй, именно непонимание этого факта привело Ю. И. Семенова к совершенно неверному выводу, будто в обществе Инь, уже знакомом с государственностью, обязательно должна была существовать частная собственность (см. Ю. И. Семенов. Советские историки о становлении классового общества в древнем Китае.— «Народы Азии и Африки», 1966, № 1, стр. 157—158).

Община такого типа, характерная для раннечжоуского Китая, описана в источниках и неплохо изучена. Во многих раннечжоуских песнях «Шицзин» рассказывается о структуре и принципах существования такого коллектива. В общине по традиции господствуют еще коллективные формы труда и ведется совместное хозяйство. Сотни, даже тысячи земледельцев одновременно выходят на поле, пашут, сеют, убирают урожай. Женщины выращивают шелковичных червей, прядут, ткут, шьют одежду. После получения урожая или охотничьей добычи все распределяется по дворам, т. е. по домовым общинам. При этом часть урожая, лучшую часть охотничьей добычи крестьяне отдают правителю-гуну, который представлен в общине упоминаемым в песне надсмотрщиком (сборщиком налогов) тянь-цзюнем [30].

Этап большесемейной общины — промежуточный, переходный по своему характеру. В коллективе домовых общин по традиции еще господствует свойственный родовой общине коллективный труд на совместно обрабатываемых общих полях, важную роль играет распределение произведенного продукта, воздается должное общим для группы большесемейных общин родовым предкам. Однако все эти атрибуты родового строя постепенно отходили в прошлое. Этому способствовал ряд обстоятельств. Во-первых, в ходе характерных для раннего Чжоу миграций, переселений, освоения новых земель и ассимиляции иноплеменников родовая принадлежность человека (имеется в виду первобытный род) теряла свое значение, а территориально-административная становилась основной. Во-вторых, в рамках самой общины все отчетливей сказывалась упоминавшаяся уже тенденция к хозяйственному выделению малых семей. Все это вело к тому, что древнекитайская община примерно с IX—VIII вв. до н. э. вступила в новый этап своего развития.

в) Сельская территориальная община

На этом новом этапе, начавшемся примерно с VIII в. до н. э. и существовавшем около полутысячелетия, древнекитайская община характеризовалась уже рядом новых черт, свидетельствовавших о ее эволюции. Прежде всего, она в это время уже окончательно превратилась в некое территориальное единство, т. е. в деревню. Специально проделанный анализ эволюции внутреннего содержания ряда терминов, служивших для обозначения общины („и", „ли", „шэ"), показал, что с этого времени в древнем Китае община уже воспринималась как неразрывный комплекс данной территории, обитавшего там крестьянского населения и существовавших в ней местных религиозных культов. Иными

[30] «Шицзин». Песни «Ци юэ», «Ляи сы». Пекин, изд. Шицзи чжуань, 1955, стр. 356—368, 960—961; «Шицзин» (русск. перев.), стр. 183—186, 439—440.

словами, такая община представляла собой единое целое, сформированное прежде всего по территориальному признаку (хотя родственные и культовые связи также играли очень важную роль). И именно в качестве такового (т. е. единого целого) эта община теперь выступала по отношению к внешнему миру. В отличие от более ранних периодов, теперь уже не жаловались во «владение» родовые группы людей и отдельно земли. Теперь объектами пожалования и кормления были деревни-общины, подчас в очень значительном количестве — 50, 100, 500, даже 700 шэ.

Второй важной чертой сельской общины было окончательное превращение ее в группу самостоятельных семей, больших и малых. Конечно, многие работы по традиции — особенно вначале — могли еще вестись на коллективных началах. Часть общинных земель и угодий была в общем пользовании. Существовали еще и традиции взаимопомощи, страховой фонд и т. п. При всем том, однако, каждая ячейка-община вела уже самостоятельное хозяйство. В песне «Да тянь» (VIII в. до н. э.) поется о том, что «несрезанные» и случайно «неподобранные» колосья «пусть достанутся вдовам» [31]. Из этой очень важной строфы песни видно, что в составе общины уже были вдовы и одинокие нетрудоспособные люди, которые вели свое собственное хозяйство и в силу своей слабости и нетрудоспособности нуждались в поддержке. Словом, этап сельской общины — это уже этап сложения в рамках некогда единого коллектива многих экономически самостоятельных ячеек.

Каждая такая семья-ячейка получала от общины определенный надел, размер которого зависел от количества мужчин в семье и от качества земли. В среднем считалось, что надел взрослого мужчины — 100 му. Этот надел выделялся, согласно зафиксированным позднее данным главы «Шихо» династийной истории Цянь Ханьшу, составленной в начале н. э., лишь мужчинам в возрасте от 20 до 60 лет [32]. Есть также свидетельства того, что такие наделы время от времени подлежали перераспределению.

Сельская община имела уже достаточно развитую внутреннюю структуру. Прежде всего она подразделялась на группы семей, обычно на пятки, пятидворки. Во главе каждой из пятидворок стоял старейшина из числа глав пяти семей. Из наиболее почтенных (и, видимо, зажиточных) глав семей общины комплектовался и своеобразный «совет старейшин», в который входили «отцы-старейшие» (фу-лао) и «трое старейшин» (сань-лао), а также староста общины. Эти лица считались ответственными за

---

[31] «Шицзин», стр. 642; «Шицзин» (русск. перев.), стр. 294.

[32] Бань Гу. Цяньь Ханьшу, т. II. Пекин, изд. Бонанэнь, стр. 1456.

порядок и нормальное функционирование общины. Они же представляли общину в ее сношениях с внешним миром, в том числе и с теми, кто выступал в качестве владельца произведенного общиной прибавочного продукта [33].

Важно подчеркнуть, что на этом этапе эволюции китайской общины еще не были полностью разрушены традиции прошлого. Прежде всего это касается вопроса о наделах. Надел еще не превратился в отчуждаемый аллод. Показательно, что вплоть до IV—III вв. до н. э. в китайских источниках нет упоминаний о купле-продаже земли, ее закладе и тому подобных операциях. И эти данные полностью согласуются с известным из источников общим уровнем развития товарно-денежных отношений. Рынок, свободный товарный обмен, денежное обращение — все это еще только-только входило в обиход в Китае в середине I тыс. до н. э. В то же время, однако, сообщения источников дают основание заключить, что все-таки в общине в эти века — в разных царствах по-разному и в различное время — шел процесс концентрации общинной земли в руках зажиточных семей и обнищания бедняков.

Разумеется, размах этого процесса не следует преувеличивать. Нередко экономические факторы лишь дополняли естественные демографические процессы, в результате которых разросшееся население старых общин бывало вынуждено делиться. В ходе этого деления значительная часть общинников, как правило, прежде всего из числа наименее зажиточных и наиболее молодых, легких на подъем, покидала насиженные места и уходила осваивать новые земли. Это явление получило особое развитие в середине I тыс. до н. э. в связи с широким распространением в Китае железных орудий и ирригации, что значительно облегчало освоение прежде почти не пригодных для земледелия земель.

На вновь осваивавшихся землях, заселявшихся выходцами из различных общин, древние родовые связи и даже более поздние клановые традиции были слабее, а влияние центральной власти, особенно ее к тому времени уже вполне созревшей чиновничье-бюрократической машины, много сильнее [34]. На этих-то новых землях в первую очередь складывались общины последнего из известных нам типов — соседского.

---

[33] Л. С. Васильев. Аграрные отношения и община в древнем Китае. М., 1961, стр. 205—212; Л. С. Переломов. Об органах общинного самоуправления в Китае в V—III вв. до н. э.— «Китай. Япония. История и филология». М., 1961, стр. 46—47.

[34] Очень подробно и интересно этот процесс вызревания новых отношений на вновь осваивавшихся территориях описан в статьях японских синологов Нишиджима и Мацубуси: S. Nishijima. Characteristics of the unified states of Ch'in and Han.— Rapports of the «Comité International des Sciences Historiques. XII Congrès International des Sciences Historiques», vol. II. Wien, 1965, p. 71—90; T. Masubuchi. Characteristics of the unified states of Ch'in and Han.— Ibid., p. 91—111.

г) Соседская община

Соседские общины в древнем Китае стали возникать во второй половине I тыс. до н. э. и получили более или менее повсеместное распространение с эпохи Хань. Характерной чертой общины этого типа, отличавшей ее от предшествовавшей ей сельской территориальной общины с самоуправлением и переделами общей земли, было ее существование в качестве низовой административной единицы. Важным отличием соседской общины, по прежнему сохранявшей определенные семейно-клановые и культовые связи между ее членами, было и то, что в ней уже не существовало совместного землепользования с регулярно перераспределявшимися наделами. Этот надел превратился в отчуждаемый аллод владевшей им семьи, что на практике находило свое выражение и в актах купли-продажи земли[35]. Соседская община представляла собой совокупность хозяйственно самостоятельных семей, объединенных по территориально-административному признаку и тесно связанных друг с другом общегосударственной системой фиска, повинностей, управления и контроля.

Бывшие выборные представители общинного самоуправления постепенно трансформировались в назначенных (или полувыбиравшихся-полуназначавшихся) чиновников, ответственных за нормальное функционирование деревни-общины. Эти чиновники избирались и утверждались властями. Обычно это были представители наиболее зажиточных семей общины. В самой общине (или в рамках ее подразделений — пятков, десятков) существовала практика круговой поруки: община в целом обязана была выплачивать налог и нести определенный круг повинностей.

С эпохи Хань соседская община-деревня такого типа стала наиболее обычной. Разумеется, ее внутренняя организация, формы владения землей и выплаты налогов, отношения между ее членами и ее взаимоотношения с внешним миром, прежде всего со стоявшим над ней государственно-административным аппаратом, на протяжении веков были неодинаковы. Временами власть государства ослабевала, и община оказывалась владением того или иного из «сильных домов» феодального типа. Временами клин частнособственнических земель в той или иной общине становился достаточно крупным, и большинство общинников оказывалось в положении частных арендаторов. Однако при всем том наиболее типичной и характерной для всей последующей истории Китая была именно

---

[35] По-видимому, практика купли-продажи земли не принимала широких размеров, хотя есть ряд конкретных примеров этого [см. Л. С. Переломов. Община и семья в древнем Китае (III в. до н. э.— III в. н. э.). Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук.] О формах владения и пользования землей в древнем Китае будет сказано ниже.

соседская община такого типа, сознательно консервировавшаяся в этом виде, весьма удобном для бюрократически организованной китайской империи.

4. СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИГРАФИЯ

Два основных вида социальных связей — семейные (семейно-родовые, семейно-клановые) и общинные (общинно-родовые, общинно-территориальные, соседские) — являются важнейшими элементами социальной структуры доклассового и переходного общества. В доклассовом обществе эти два вида связей являются по существу единственными, и именно они цементируют коллектив в определенную общность, в социальный организм. В ходе процесса генезиса цивилизации, государственности и усложнения социальной структуры роль этих связей меняется. Оставаясь по-прежнему важнейшими и основными, они перестают быть единственными. В складывающемся государстве, в сильно разросшемся и усложнившемся по структуре социальном организме появляются новые типы связей, которые с течением времени начинают играть все более важную роль. Обычно этот процесс связывают с возникновением частной собственности и имущественным расслоением, с появлением именно на этой основе социально неравноценных слоев населения, классов и эксплуатации. Однако подобного рода процесс можно проследить далеко не везде.

В отличие от античности, в большинстве стран Востока протекал иной процесс, смысл которого сводился к тому, что при отсутствии (или ничтожной роли) частной собственности потребности организации управления разросшимся социальным организмом, а также ряд чисто политических моментов (завоевания, необходимость защиты от нашествий и т. п.) стимулировали развитие государственности на основе экономически и имущественно недифференцированного (или крайне слабо дифференцированного) общества. Поэтому в ранних государствах Востока чаще всего и прежде всего возникало такое общественное разделение труда, которое базировалось не на имущественном расслоении, а на социальной неравноценности. Соответственно в первую очередь оформлялись и выходили на передний план не классовые антагонизмы (они вызревали медленно, уже в рамках возникшего государства), а сословные различия, вытекавшие из социального неравенства. Разумеется, сложившееся уже социальное неравенство и вытекавшие из него сословные различия в свою очередь оказывались залогом неравенства имущественного: тот, кто стоял на более высокой ступени общественной лестницы, получал больше прав и преимуществ и имел больше возможностей разбогатеть, эксплуатировать чужой труд.

Таким образом, третьим основным видом социальных связей, тесно связанным с процессом генезиса государственности и усложнения социального организма, развивающегося в направлении раннеклассового общества, следует считать связи сословные, постепенно (по мере оформления классов) переставшие в сословно-классовые. Конкретно речь идет о структуре социальных слоев, о социальной стратификации. В эпоху неолита, т. е. в первобытном обществе, даже в период его разложения, этот вид связей существовал еще в зачаточном состоянии и не играл сколько-нибудь заметной роли. Конечно, родовой вождь, шаман или глава военной дружины и в то время несколько выделялись из остальной массы общинников. В рамках общины и тогда могли существовать оторванные от сельского хозяйства ремесленники, чей социальный статус несколько отличался от прочих. Однако в то время эти социальные различия в рамках единого коллектива с совместным хозяйством не были существенны. Это была лишь нормальная функция естественно необходимого в общине разделения труда.

В эпоху Инь, с формированием цивилизации и государственности, картина была уже несколько иной. Оставляя в стороне вопрос о том, что сама община иньцев могла в социальном отношении стоять над общинами других подчиненных или полувассальных-полусоюзных племен, следует подчеркнуть, что в коллективе иньцев существовала уже вполне заметная социальная стратификация. На вершине социальной лестницы стоял ван, полубожественный правитель и первосвященник иньцев, прямой потомок легендарного тотемного первопредка и божества Шанди. Рядом с ним, но чуть ниже — его ближайшие родственники и потомки. Еще ниже — приближенные из числа более отдаленной родни, жрецов-гадателей, воинов-дружинников, чиновников-управителей. Хотя формально все они еще, видимо, не стояли над общиной и были ее частью, их фактическое положение отличалось от положения простых общинников, что легко фиксируется, например, очень заметной разницей в пышности погребения (от огромных гробниц вана с богатым набором вещей и сотнями сопогребенных, принесенных в жертву, до обычных гробниц рядовых общинников, снабженных скудным инвентарем из нескольких личных вещей). Были в Инь и рабы из племенных иноплеменников. Они стояли вне общины и находились на самой нижней ступени общественной лестницы. Об использовании их в хозяйстве сведений нет, зато есть немало упоминаний о массовом принесении в жертву.

Чжоуское завоевание намного усложнило социальную стратификацию, усугубив ее этнической суперстратификацией[36]. Выше всех в социальной структуре начала Чжоу стояли

[36] На это обстоятельство специально обратил внимание В. Эберхард (W. Eberhard. Op. cit., p. 4).

сами завоеватели-чжоусцы. Из их среды — точнее, из представителей родовой знати чжоусцев,— назначались управители, во владение которым выделялись вновь завоеванные территории и родоплеменные коллективы покоренных иноплеменников. Чуть ниже этой элиты управителей-чжоусцев стояли представители родовой знати союзных чжоусцам племен. Часть этих родовых вождей, признав вассальную зависимость от чжоуского вана, также получила во владение уделы (чаще всего это было лишь формальное утверждение права управлять своими соплеменниками). Каждый из назначенных чжоуским ваном управителей из чжоуской знати имел свой штат помощников, чиновников и воинов из числа соплеменников-чжоусцев. В рамках вновь возникавших владений, на основе которых впоследствии формировались царства и княжества чжоуского Китая, этот штат родственников и приближенных правителя занимал верхние ступени социальной лестницы и уже, как правило, стоял над общинами, находился вне их.

Неравным было вначале и положение рядовых общинников. В общинах собственно чжоусцев, бывших первоначально доменом вана, социальное положение общинников было более привилегированным. Они не платили дани, которой были обложены покоренные иноплеменники, а их прибавочный труд на совместно обрабатывавшихся общинных полях в первые века Чжоу шел преимущественно на их же нужды. Зато положение общинников из нечжоуских племен было много тяжелее. Они выплачивали дань своим управителям-чжоусцам и первоначально были почти бесправными. Их могли свободно жаловать вместе с землями или без земель, переселять на новые территории. Юридический их статус приближался к рабскому, но по форме социального бытия и экономических отношений они рабами все-таки не были. Это изменение в отношении к иноплеменникам — по сравнению с Инь — привело в первые века Чжоу к тому, что контингент рабов в подлинном смысле этого слова был крайне незначительным. Рабство оставалось в основном домашним. Основная часть рабов обслуживала потребности знати (слуги, ремесленники, рабыни гарема) [37].

Система социальных слоев, возникшая в начале Чжоу, легла — с некоторыми модификациями — в основу сословного членения, существовавшего в древнем Китае на протяжении ряда веков. Правда, довольно быстро уменьшилась и затем сошла на нет роль этнической суперстратификации: в рамках чжоуских царств и уделов процесс ассимиляции и консолидации привел к нивелировке между потомками чжоусцев и нечжоус-

---

[37] См. В. А. Рубин. Рабовладение в древием Китае в VII—V вв. до и. э.— «Вестник древией историн», 1959, № 3.

цев. Зато пирамида сословий усложнилась. Ее по-прежнему венчал чжоуский ван, номинально числившийся верховным главой всей разросшейся системы царств и княжеств чжоуского Китая. Его вассалами считались главы фактически независимых государств, подразделявшиеся в зависимости от степени знатности и могущества на пять рангов (*гун*, *хоу*, *бо*, *цзы*, *нань*). Аппарат управления в каждом из этих государств комплектовался из числа родственников и приближенных правителя, имевших ранги *цин* и *дафу*. Родственники и приближенные правителя, как занимавшие определенную должность в системе административно-политического управления, так и не имевшие должностей, обычно наделялись уделами и в свою очередь считались вассалами правителя. Эта наследственная аристократия с характерной для нее системой рангов и иерархией выступала по отношению ко всем прочим как высшее сословие, право которого на политическую власть, управление страной и связанные с этим имущественные привилегии основывалось на высоком социальном положении и происхождении.

Наряду с этим высшим сословием родовой знати в обществе Чжоу появилось и с течением времени приобретало все большее влияние еще одно сословие управителей. Речь идет о так называемых *ши*. Как специфическая социальная прослойка ши упоминаются в источниках не ранее второй трети I тыс. до н. э. Происхождение этого сословия не вполне ясно. Есть основания полагать, что оно комплектовалось и из отпрысков захудалых боковых ветвей аристократических кланов, и из потомков привилегированных дружинников-чжоусцев, и из мелких чиновников-управителей, выходцев из среды бывших рабов-слуг. Как бы то ни было, прослойка управителей-ши отличалась от знати более простым происхождением и более низким социальным положением[38]. От всех же остальных сословий чжоуского Китая она отличалась главным образом тем, что ее представители были более или менее грамотны и образованны и должны были действовать по преимуществу не в сфере производства, а в сфере управления.

Следующим по значению в чжоуском обществе считалось сословие земледельцев, т. е. крестьян-общинников, составлявших основную массу населения и бывших основными производителями. Ниже их по социальному положению размещались ремесленники и торговцы. Как те, так и другие в чжоуском

[38] Из древнекитайского трактата «Гуань-цзы» явствует даже, что существовали особые общины, состоявшие из таких ши и занимавшие среди других общин привилегированное положение (нечто вроде русских казаков). См. В. М. Штейн. Гуань-цзы. М., 1959, стр. 260—261. Впрочем, данные этого трактата можно толковать и несколько иначе. Не исключено, что в нем дана просто идеальная схема сословий. Но и из схемы видно, что ши было сословием служивых, откуда черпались кадры мелких чиновников, офицеров, учителей и т. п.

Китае до середины I тыс. до н. э. обычно не являлись самостоятельными производителями или посредниками, действующими на свой риск и страх на началах частной собственности и личной инициативы. Товарно-денежные отношения, как говорилось, были еще в зачаточном состоянии, а производство ремесленной продукции — если речь не идет о продуктах крестьянского ремесла, которые изготовлялись самими земледельцами,— концентрировалось при дворах и канцеляриях правителей и находилось, как и торговля, под строгим контролем специальных чиновников. На самой низкой ступени стояло сословие рабов и слуг, между которыми почти не делалось различий (хотя и существовало великое множество категорий рабского состояния и форм услужения [39]).

Начиная с середины I тыс. и особенно интенсивно в IV—III вв. до н. э. в системе социальных слоев и во всей социальной структуре древнего Китая происходили заметные изменения. В связи с появлением частной собственности и развитием товарно-денежных отношений возникла прослойка имущественной знати из числа бывших ши, а также разбогатевших ремесленников, торговцев и крестьян-общинников. Правда, эта прослойка так и осталась сравнительно немногочисленной и не играла существенной роли в системе социальных отношений. Но параллельно с ее усилением в чжоуском Китае менялось и общее соотношение сил в рамках социальной структуры, причем это изменение играло решающую роль в процессе становления новой социальной стратификации.

Старая родовая знать, т. е. высшее и наиболее могущественное сословие чжоуского Китая, постепенно приходила в упадок и сходила со сцены. Последние ее представители истребляли друг друга в междоусобных битвах, завершившихся объединением всех царств Китая в единую централизованную империю. После образования империи Цинь, а затем и быстро сменившей ее империи Хань уцелевшие остатки некогда могущественных родов влились в состав нового высшего сословия, состоявшего из родственников императора и членов знатных кланов. Это была уже группа социальных паразитов, почти не занятых в управлении и живших на ренту с предоставленных им в кормление земель. Как правило, эта рента была назначенной, а не наследственной, и потому влияние этого сословия в обществе было ничтожным. Зато на передний план выдвинулась и заняла место аристократии в сфере управления страной специфическая чиновничье-бюрократическая прослойка, деятели которой набирались в основном из числа бывших ши посредством конкурсного отбора.

---

[39] Несколько схем с перечислением таких категорий приведено в древнекитайской хронике «Дзо чжуань». См. В. А. Рубин. Указ. соч.

Таким образом, в рамках вновь возникшей социальной структуры китайской империи роль высшего и наиболее важного сословия, руководившего страной и осуществлявшего функции господствующего класса, выпала на долю разветвленной, многочисленной и строго иерархически организованной прослойки бюрократов, чиновников-администраторов во главе с министрами и императором. В руках этого сословия чиновников, стоявших на службе бюрократической империи, находилась реальная власть, которую они и использовали — от имени императора и во имя «блага государства и народа». И это были не совсем пустые слова. Народ, т. е. крестьянство, действительно считался основой империи, ее главным — после чиновничества — сословием. Земледельцев в Хань высоко чтили и даже награждали рангами, повышавшими социальный статус его обладателя, что, конечно, не мешало тому, что они были преимущественным объектом эксплуатации в рамках грандиозной системы государственно-бюрократического крепостничества.

Значительно ниже земледельцев стояли ремесленники и торговцы. Даже богатейшие из них, ворочавшие миллионами (а в Хань уже бывали и такие), всегда ощущали свое социальное неравноправие и всеми силами старались выйти из такого положения. Главным и в сущности единственным выходом была покупка земли и превращение торговца в земледельца. Именно этим путем и шли чаще всего, вкладывая деньги в землю. Земля на протяжении почти 2 тыс. лет была в Китае главным источником дохода и основным мерилом социального положения человека, а земледелие — наиболее уважаемым видом деятельности. Ремесло и особенно торговля считались второстепенными занятиями, которые терпели, но не уважали.

По-прежнему на нижних ступенях социальной лестницы стояли представители обслуживающих профессий — слуги, цирюльники, актеры и т. п. (иногда их считали чем-то вроде лиц подлых профессий) — и рабы. Эта категория людей была наиболее бесправной, они не имели даже права держать экзамен на степень и претендовать на получение чиновничьей должности. Как правило, ряды данной категории пополнялись за счет деклассированных элементов. В первую очередь это относится к рабам. Рабство военнопленных уже в Хань отошло на второй план, на первом месте стало порабощение за преступления (государственные рабы) и за долги (рабы кабальные, частные). Статус государственных рабов немного напоминал обычный статус преступников. Их заставляли трудиться в рудниках, на строительстве и время от времени отпускали на волю (по амнистиям). Рабы кабальные тоже могли отработать свой долг и освободиться. Дети, которых родители продавали в рабство (особенно в голодные годы), обычно находились в

богатых домах на положении полурабов-полуслуг. При этом девочки чаще всего становились наложницами главы семьи или какого-либо из его сыновей.

Следует заметить, что, хотя обращение с рабами в некоторые периоды китайской истории было очень суровым, в целом они не были вовсе бесправными. Некоторым бывшим рабам удавалось иногда даже занять довольно высокое место на социальной лестнице, разбогатеть. Рабство в Китае просуществовало почти без изменений вплоть до XX в. Число рабов то возрастало, то уменьшалось. В отдельные периоды, например при монголах, рабы играли более заметную роль в обществе, в другие — маловажную. Как правило, основная масса рабов всегда использовалась в сфере домашних услуг.

Конечно, сложившаяся таким образом в эпоху Хань структура социальных слоев не была застывшей моделью. Развитие товарно-денежных отношений и частной собственности вносило свои коррективы в сословно-классовую структуру. Но эти коррективы всегда касались лишь деталей. В целом же выработанные в Хань эталоны социальной стратификации продолжали существовать и в последующие столетия. В ряде случаев, особенно в периоды завоеваний (южные и северные династии в III — VI вв., монголы в XIII—XIV, маньчжуры в XVII — XIX вв.), эта стратификация осложнялась, а то и замещалась этнической суперстратификацией. Однако с течением времени все вновь становилось на свои места и на передний план снова выходила классическая, сложившаяся еще в древности структура социальных слоев.

5. ФОРМЫ ВЛАДЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ

Процесс эволюции социальной стратификации, как одного из важнейших видов социальных связей в развивающемся обществе, тесно связан с теми формами владения и эксплуатации, которые складывались в данном обществе в ходе его развития. Как упоминалось, на самых ранних этапах эволюции именно социальные и социально-политические привилегии и преимущества были залогом имущественного неравенства. Чтобы лучше представлять, как и почему все это происходило, необходимо специально рассмотреть формы владения (землевладения) и эксплуатации непосредственных производителей, которые возникали в древнем Китае.

В Инь (и, видимо, в эпоху неолита) субъектом собственности и коллективным владельцем средств производства, прежде всего земли, была родовая община. Члены общины, судя по сообщениям источников, совместно работали на коллективно обрабатывавшихся полях. О существовании индивидуально или посемейно обрабатывавшихся участков сведений нет, рав-

но как нет и данных, которые свидетельствовали бы о каких-либо формах налогообложения, отработок, повинностей. Есть основания полагать, что уже безусловно существовавший прибавочный труд еще не был отделен от необходимого ни во времени, ни в пространстве. Поэтому прибавочный продукт был лишь частью совокупного продукта общества. Право же распоряжаться этим продуктом принадлежало преимущественно социальным верхам, т. е. тем, в чьи обязанности входили заботы по организации управления разросшимся коллективом, по обеспечению нормального функционирования всего социального организма. Практически это находило свое выражение в том, что ван с его родней, приближенными и чиновниками за свою общественную деятельность присваивал непропорционально большую долю совокупного продукта, что и позволяло не только содержать, но и обогащать за счет коллектива ту его часть, которая возвысилась над ним и не участвовала в производительном труде.

Таким образом, закономерный сам по себе обмен деятельностью уже на том раннем этапе генезиса цивилизации, государственности и раннеклассовых отношений таил в себе зерно будущих острых социальных антагонизмов: с течением времени он неизбежно перерождался в эксплуатацию меньшинством большинства. И в Инь этот обмен, камуфлировавшийся родовой оболочкой и традиционными формами распределения (лучший кусок — старшему, главе), был уже по существу одновременно и начальным этапом эксплуатации коллектива производителей.

С начала Чжоу верховным собственником всех земель и покоренных иноплеменников стало племя чжоусцев, олицетворенное ваном[40]. По отношению к землям, населенным чжоускими общинами (домен вана), собственность была разделенной: и ван, и община равно выступали в качестве собственников. По отношению ко всей остальной территории собственником выступал единолично ван, и его право собственности практически реализовалось в виде дани (*гун*), которую были обязаны присылать завоеванные народы и за своевременной присылкой которой должны были наблюдать назначенные им управители. Эта дань в начале Чжоу (так же как и в Инь) была в сущности единственной открытой формой эксплуатации зависимых иноплеменников. При этом в Чжоу ее размеры и значение были, видимо, намного бо́льшими, чем в Инь.

Форм землевладения с начала Чжоу было две: условное землевладение знати и землевладение общин. Эти формы сосуществовали и переплетались, но условия их сосуществова-

[40] В одной из песен «Шицзин» сказано: «В Поднебесной нет иной земли, кроме земли вана; до самого края земли нет никого, кто не был бы поддакным вана» («Шицзин», песня «Бэй шань». Русск. перев., стр. 280).

ния и тенденция эволюции в разных районах были различными. Понятно, что в зависимости от этого находились и формы эксплуатации.

В районах чжоуских общин вначале общинники-чжоусцы были и собственниками, и владельцами обрабатывавшихся ими земель. Даже продукты с больших совместно обрабатывавшихся полей, традиционная обработка которых явно не имела характера прибавочного труда, использовались в основном на нужды коллектива в целом, прежде всего для ритуалов. Сам ван и все его приближенные по отношению к этим общинам в то время еще не выступали как эксплуататоры: для их содержания вначале вполне хватало поступавшей извне дани. С течением времени положение менялось. Дани поступало все меньше, и ван вынужден был начать наступление на исконные права привилегированных чжоуских общин. Постепенно им были захвачены большие общинные поля, продукт с которых превратился в собственность вана. Позже (видимо, примерно с VIII в. до н. э.) система отработок на этих полях отмерла и была заменена уже привившейся к тому времени в остальных царствах страны системой продуктовой ренты. К этому времени чжоусцы не только перестали быть собственниками своих земель, но и не были полными владельцами их. Верховный собственник земель домена ван стал уже и территорию домена раздавать частями в условное владение. Это означало, что владелец удела получал право на присвоение продуктовой ренты с общин своего удела.

Несколько иначе развивались земельные отношения в нечжоуских районах. Здесь завоеванные иноплеменники вначале были лишены вообще всех прав на землю. Тем более это относилось и к тем заново осваивавшимся землям, куда их нередко переселяли. Исключительное право земельного владения в этих районах имели представители знати (в основном чжоуской, реже из среды потомков иньцев или союзных чжоусцам племен), которые получали это право из рук вана посредством торжественного акта инвеституры и обязаны были за это высылать вану часть собранной ими дани.

С течением времени потомки этих управителей превратились в фактических правителей независимых царств и — в рамках своих царств — стали верховными собственниками, которые в свою очередь уже могли наделять родню и сановников уделами, опять-таки на правах условного землевладения. К этому времени потомки некогда покоренных иноплеменных общинников уже фактически уравнялись в правах с потомками чжоусцев. Это нашло свое выражение в том, что взимание дани было заменено продуктовой рентой, выплачивавшейся общиной ее хозяину — владельцу удела или непосредственно правителю царства. Владелец удела часть своих доходов тоже

должен был в какой-то форме отдавать правителю. Иными словами, в нечжоуских районах, теперь уже практически ни чем не отличавшихся от чжоуских, формы владения землей и эксплуатации общинников в VIII в. до н. э. были такими же, как и в домене вана. Однако к этому времени эти районы, особенно наиболее развитые из них, во многих отношениях уже обогнали уровень развития домена, игравшего все меньшую роль в социальной, экономической и политической жизни древнего Китая.

Итак, уже в VII—VI и особенно в V—IV вв. до н. э. в чжоуском Китае сосуществовали две формы землевладения: основанное на традиционном пользовании землей данного района землевладение общины, как правило, строго фиксированное и неизменяющееся в размерах, и условное землевладение аристократов, размеры которого обычно менялись часто. Разумеется, одна форма землевладения (знати) накладывалась на другую (общины), так что практически получалось разделенное владение. Однако и в том случае, если община не принадлежала владельцу удела и выплачивала свою ренту-налог непосредственно верховному собственнику, правителю царства, норма эксплуатации не менялась.

Как правило, эта норма в Чжоу равнялась десятине. Десятая доля взималась с покоренных общин в виде дани *гун* в начале Чжоу. Десятина *чэ* взималась с крестьян-общинников и в последующие века. Только примерно с VI—V вв. до н. э. в связи с разложением большесемейных общин и появлением надельной системы в рамках сельской общины продуктовый земельный налог стал взиматься (по крайней мере в нескольких наиболее развитых царствах — Лу, Чжэн, Цзинь, Чу) дифференцированно, в зависимости от размера надела и качества земли[41]. Этот налог (*шуй*) взимался сборщиками непосредственно с общинников[42].

Кроме основного налога, существовал и ряд чрезвычайных поборов, особенно характерных для военного времени, столь частого в эпоху междоусобных войн периодов Чуньцю и Чжаньго. К числу таких поборов относился налог *цю*, взимавшийся непосредственно с общин, возможно, в виде определенного количества лошадей, повозок, фуража и т. п.[43] Кроме налогов, земледельцы обязаны были несколько дней в году

---

[41] См. комментарий «Гуньян чжуань» к хронике «Чуньцю», сообщение от 15 г. правления Сюань-гуна (594 г. до н. э.).— ШСЦ, т XXXIV, стр. 491—192.

[42] В коммеитарии «Цзо чжуань» к хронике «Чуньцю» от 508 г. до н. э. рассказывается о том, как чиновник Цзинь, собиравший налог *шуй* для своего хозяина, чуть не сделался жертвой междоусобиой борьбы двух цзиньских аристократов (ШСЦ, т. XXXII, стр. 2317).

[43] Налог *цю* был введеи в царстве Лу в качестве меры для усиления обороноспособности в связи с угрозой нападения царства Ци. См. «Цзо чжуань», 1 год Чэи-гуна (590 г до и. э.).— ШСЦ, т. XXIX. стр. 991—992.

исполнять определенные повинности (*и*) — воинские, строительные, гужевые и т. п.[44] Итак, рента-налог, чрезвычайные налоги и трудовая повинность — вот основные формы эксплуатации крестьян-общинников в чжоуском Китае.

В связи с формами налогообложения заслуживает внимания практика распределения прибавочного продукта и трудовых повинностей крестьян. Если в начале Чжоу речь шла просто о разделе дани между ваном и его управителями на местах, то уже с IX—VIII вв. до н. э. картина стала меняться. Прежде всего количество дани резко сократилось и практика ее приношения выродилась в обмен подарками. Раз в несколько лет правитель царства был обязан явиться с визитом ко двору вана и поднести ему дары из продуктов своего царства. Ван принимал эти дары и отдаривал своего вассала какой-нибудь драгоценной безделушкой.

Фактически чжоуский ван уже с IX—VIII вв. до н. э. получал столь ничтожное количество продуктов в виде дани, что экономическое значение ее стало приближаться к нулю. Зато заметно возросла доля продукта, которой были обязаны делиться со своими сюзеренами-правителями — ваном в домене и гунами в царствах — владельцы уделов. За то, что они присваивали себе ренту-налог и другие виды прибавочного продукта и труда земледельцев-общинников удела, эти аристократы и сановники были обязаны, во-первых, платить правителю определенную подать (часто эти подати именовались в источниках терминами *чжэн*[45] или *фу*)[46] и, во-вторых, являться ко двору правителя-сюзерена в случае войны с определенным числом хорошо вооруженных и оснащенных воинов — так сказать, «конно, людно и оружно». Судя по некоторым данным источников, налог чжэн в царстве Лу в VI в. до н. э. мог служить также и чем-то вроде откупа от этой обязанности: те, кто являлся на службу, освобождались от него, кто не мог явиться,— платил удвоенный налог[47].

Такие сложно опосредствованные формы распределения прибавочного продукта между владетельными аристократами различных рангов были в эпоху Чжоу правилом, обычной

---

[44] В смысле «повинности» этот термин использован в трактате «Мэн-цзы». См. Мэи-цзы. Изд. Чжуцзы цзичэн (8 тт.), т. I, Пекин, 1956, стр. 587

[45] Термин *чжэн* употреблялся в источниках чаще всего в смысле «поход» Возможно, существовала этимологическая связь между этим значением и производным от него понятием «военный налог» (а затем и просто «налог»).

[46] Термин *фу* тоже применялся обычно в смысле «налог» Однако похоже на то, что имелся в виду налог с землевладельцев. В сообщении «Цзо чжуань» от 22 г. правления Сян-гуна (551 г. до н. э.) рассказывается, как луский владетельный вельможа, один из трех цинов царства Лу — Шу Сунь-бао, наказал одного из луских владельцев удела за непочтительность тем, что приказал взыскать с него удвоенный налог фу (ШСЦ, т. XXX, стр. 1401—1402).

[47] «Цзо чжуань», 11 г. Сян-гуна (562 г.).— ШСЦ, т. XXX, стр. 1275.

нормой. Не только вассалы были обязаны выплачивать определенную долю сюзерену, но нередко и просто менее сильные должны были «давать отступное» более могущественным правителям. Известно, например, что в отдельные периоды чжоуской истории из среды правителей выделялись в качестве гегемонов главы наиболее крупных царств. Этим гегемонам все остальные правители тоже обязаны были выплачивать дань — 100 повозок даров каждые три года [48].

Таким образом, формы владения средствами производства и эксплуатации непосредственных производителей в Чжоу вполне очевидно сочетались с упоминавшимся выше генеральным принципом: высокое социальное положение и происхождение обеспечивало его обладателю определенные права, преимущества и привилегии в соответствии с его рангом, его местом на социальной лестнице, его ролью в системе административно-политического управления. Это соответствие продолжало существовать и в последующие столетия, однако многое в нем подверглось изменениям. Основная суть изменений сводилась к тому, что по мере укрепления централизованно-бюрократического начала все бо́льшую роль в обществе начинало играть социальное положение и меньшую — происхождение.

В IV—III вв., как уже говорилось, в экономике и социальных отношениях древнего Китая произошли очень заметные перемены. Разрушалась сельская община, семейный надел превращался в отчуждаемый аллод. Появилась купля-продажа земли, ипотека. В руках зажиточных общинников, а также выходцев из среды так называемой имущественной знати (разбогатевшие ремесленники, солевары, рудокопы, торговцы, слуги-рабы и т. п.) стали скапливаться большие участки бывшей общинной земли. Потерявшие землю обедневшие общинники уходили из своих деревень, нанимались на работу приказчиками, носильщиками, рудокопами. Многие из них становились арендаторами или сельскохозяйственными батраками и работали на землях разбогатевших землевладельцев. Этот процесс продолжался и в Хань. Понятно, что в этих новых условиях характер аграрных отношений, формы эксплуатации и присвоения несколько изменились.

Право верховной собственности правителя царства трансформировалось в суверенитет единого государства, империи. В глазах государства все земледельцы, как мелкие общинники, так и крупные землевладельцы из числа купивших землю представителей имущественной знати, были равны и одинаково обязаны выплачивать ренту-налог. Родовая знать и практика условного землевладения отмерли вместе с эпохой Чжоу. Немногие ханьские родовые аристократы владели своими

[48] См. Фань Вэнь-лань. Указ. соч., стр. 122.

уделами уже на более ограниченных правах — их доходы контролировались гигантским чиновничье-бюрократическим аппаратом империи. Представители этого аппарата, превратившиеся в одно из наиболее могущественных сословий страны, свои доходы обычно — как и разбогатевшие торговцы и ремесленники — вкладывали в землю, приобретая ее у обедневших общинников. Эту землю они делили на небольшие парцеллы и сдавали тем же крестьянам на правах аренды. Арендаторы были освобождены от налога — его платил хозяин земли, землевладелец,— но арендная плата намного превышала сумму налога с данного участка.

Продолжали существовать различного рода трудовые повинности — воинские, строительные, транспортные; временами, как, например, в царствование Цинь Ши-хуанди, они становились очень обременительными. К этому следует прибавить получившие особое распространение в Хань подушный и подоходный налоги, торговые пошлины и т. п. Система налогов и повинностей в Хань была уже разработана тщательно, до мелочей[49] Однако основой ее по-прежнему оставалась рента-налог, взимавшаяся с земледельцев. В качестве же получателя этой ренты-налога теперь уже неизменно выступало государство в лице гигантского и очень хорошо организованного чиновничье-бюрократического аппарата, возглавлявшегося министрами и императором с его советниками. Иными словами, в Хань и на протяжении последующих двух тысячелетий в качестве главного и основного владельца средств производства и эксплуататора непосредственных производителей выступали — в отличие от Чжоу — не столько наследственные аристократы (их число было теперь ничтожным и практически ограничивалось кругом родни императора), сколько сословие чиновников-бюрократов различных рангов, выступавшее по отношению к основной массе населения в функции господствующего класса.

Важно при этом подчеркнуть, что экономические привилегии этого класса базировались на социальном положении его представителей. Иными словами, не богатство само по себе обеспечивало высокий социальный статус (этого легко могло и не быть — вспомним положение ремесленников и торговцев), а достижение определенного положения в обществе обеспечивало власть, влияние и богатство. Понятно, что для достижения этого положения, т. е. для получения конфуцианского образования, успешной сдачи экзаменов, занятия должности требовалось время, нужны были средства. Не удивительно поэтому, что чаще всего «наверх» выбивались представители за-

[49] Об этом подробно говорится в главе «Шихо» династийной истории Цяньханьшу. См. перевод и исследование на эту тему: N. L. Swann. Food and money in Ancient China. Princeton, 1950.

житочных слоев общества. Таким образом, имущественное положение и социальный статус были тесно взаимосвязаны. И все-таки при всем том примат оставался за моментом социальным. Высокое социальное положение обеспечивало любому имущественные привилегии, тогда как владение богатством автоматически не повышало социальный статус богача.

6. АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Все эти специфические особенности взаимоотношений социального и имущественного начала в уже сложившемся и весьма развитом обществе выдвигают на передний план задачу анализа административно-политической системы Китая. уяснения ее роли в сложении и нормальном функционировании социальной структуры.

Основы политико-административного аппарата и всей бюрократической структуры управления разросшимся родо-племенным коллективом были заложены еще в Инь. Уже тогда при ване существовали группы приближенных и чиновников, в функции которых входило руководство текущими делами и контроль над различными сферами деятельности складывавшегося иньского государства. Одни из уполномоченных вана следили за проведением сельскохозяйственных работ, другие — за явлениями природы, третьи — за соблюдением ритуалов и культов, четвертые — за военными и дипломатическими делами и т. п. Все эти политико-административные функции, выросшие в недрах родового строя и вызванные к жизни потребностями организовать и регулировать деятельность увеличившегося и усложнившегося социального организма, созревали и выкристаллизовывались постепенно, на протяжении долгих веков.

Примерно такого же характера была политико-административная структура в начале Чжоу. Однако сильным толчком, способствовавшим быстрому, даже бурному развитию этой структуры, был момент завоевания, сопровождавшийся установлением этнической суперстратификации и необходимостью организовать управление покоренными племенами. Как уже упоминалось, единственно возможной в тех условиях формой организации была система уделов с иерархическим подчинением. Практически Китай в начале Чжоу представлял собой сумму больших и маленьких владений, организованных еще на началах родовой структуры. Более того, связь между ними и связь всех их с ваном была очень слабой. И все же толчок был дан.

Этническая суперстратификация и проведенные в начале Чжоу массовые перемещения населения, освоение новых терри-

торий — все это способствовало быстрому разрушению родовых связей и выходу на передний план связей территориально-административных. В рамках наиболее крупных владений (которые к тому же в ходе постоянных столкновений колонизовали и аннексировали своих более слабых соседей) стали быстрыми темпами закладываться основы государства. Уже в IX—VIII вв. до н. э. на территории Китая сложилось несколько крупных самостоятельных царств, одним из которых был и домен вана. Каждое из этих вновь сформировавшихся государств имело уже свою внутреннюю и довольно сложную структуру, которая была в общем для всех них однотипной.

Во главе государства стоял правитель (ван или гун), распоряжавшийся его достоянием на правах верховного собственника. При правителе существовал определенный аппарат управления, укомплектованный представителями родовой аристократии. За свою службу правителю эти аристократы получали от него плату, выражавшуюся в виде пожалования земель, уделов, с которых они кормились. Административный аппарат имел также группу менее значительных чиновников, которые вербовались в основном из среды рабов, слуг и прочей челяди правителя и знати. Чуть позже возникла уже упоминавшаяся специальная прослойка служивых — ши, из среды которой выходили чиновники среднего, а в конце Чжоу — и высшего ранга, служившие обычно за жалованье, но иногда тоже получавшие уделы.

Структура центрального аппарата такого государства пока изучена очень слабо[50]. Можно отметить, например, что его характерной чертой, явно восходившей к организации родо-племенного коллектива, было назначение на высшие должности ближайших родственников правителя, его братьев или дядей. Другой любопытной чертой была троичность иерархических должностей. Считалось, например, что в аппарате вана должно было быть три высших сановника-министра в ранге гуна, девять сановников следующего ранга — цинов, двадцать семь дафу и т. п.[51] В аппаратах правителей царств, которые сами носили титул гуна, счет начинался со следующей степени (трое цинов, девять дафу). Конечно, это была лишь схема, но она сыграла определенную роль. В частности, в истории многих царств эпохи Чуиьцю-Чжаньго именно трое сановников — цинов — нередко обладали всей полнотой власти в царстве,

---

[50] Много материалов на эту тему содержится в древнекитайском трактате «Чжоули». Однако данные «Чжоули» справедливо ставятся специалистами под сомнение, ибо вся предлагаемая этим трактатом громоздкая структура выглядит слишком уж неправдоподобно и явно носит следы теоретического подбора, искусственно назидательной схемы.

[51] Эти схемы очень часто встречаются в «Лицзи». См. Index to Li Chi. Peiping, 1937. N II, 90600, p. 184.

а иногда и делили эту власть между собой, как это было в Лу в VI в. до н. э.

Примерно с середины I тыс. до н. э., когда междоусобная борьба владетельной знати особенно усилилась и когда уже никакие отношения родства не препятствовали заговорам и убийствам, в том числе и отцеубийствам (тягчайший грех в Китае),— с этого времени политико-административная структура уже окончательно вступила в свои права и решительно потеснила родовые связи из системы общественных отношений. Правители царств, борясь за лояльность своих родственников, правителей уделов, старались ослабить их власть, разрушить укреплявшие их статус родовые связи и традиции. С этой целью они стали приглашать на важнейшие должности в стране выходцев из других царств, лишенных корней в управляемой ими стране. Со второй половины I тыс. до н. э. резко увеличилось число таких странствующих чиновников-ши, учителей-ши, получивших определенное образование и, как правило, проникнутых идеями различных соперничавших друг с другом философских школ. Именно они стали теперь ядром и основным контингентом чиновничье-бюрократической машины. Все чаще владение уделом стало обусловливаться службой, а отказ от должности влек за собой лишение удела [52].

Процесс ослабления и ликвидации уделов шел во всех царствах параллельно с усилением царской власти и роли чиновничье-бюрократического аппарата. Правда, система пожалований земли подчас еще сохранялась, однако она принимала теперь другой характер: земли жаловались в награду за службу мелкими участками и являлись платой служивым чиновникам и воинам, никак не принадлежавшим к родовой знати [53]. Эти земли ни в коей мере нельзя считать поместьями. Видимо, эти участки обрабатывались семьей самого пожалованного, может быть, с привлечением батраков или с использованием арендной системы.

Наряду со старыми, давно освоенными районами, где власть удельной аристократии была сильна, традиции прошлого держались крепко и где было трудно установить новые порядки, основанные на приоритете территориально-административного начала и чиновничье-бюрократического контроля, с середины I тыс. до н. э. в чжоуском Китае стало появляться все большее количество новых районов. Это были заново колонизованные или завоеванные земли, либо территории, возвращенные к жизни посредством успешных ирригационных работ. На этих землях

---

[52] Об этом подробно говорится в статье: К. В. Вопльев. Пожалование «поселений» и раздача земель в древнем Китае в V—III вв. до н. э.— «Проблемы социально-экономической истории древнего мира (Сборник памяти академика А. И. Тюменева)». М.—Л., 1963, стр. 110—126.

[53] Там же, стр. 122 и сл.

политико-административная структура уже выглядела иначе. Все они делились на области и районы, уезды и волости с низовой ячейкой в виде соседской общины-деревни. Соответственно складывалась и система бюрократии с управителем и штатом чиновников в каждом из этих звеньев. Замыкали эту чиновничью лестницу представители общинного самоуправления из числа наиболее уважаемых и зажиточных глав семей — сань-лао и фу-лао. Постепенно эти порядки, наиболее характерные для новых районов, стали вытеснять прежнюю административно-политическую структуру и в старых районах страны. Успешная борьба с удельной аристократией привела к упадку иерархической структуры и вытеснению родовой знати из бюрократического аппарата. Количество уделов сильно уменьшилось — здесь сказалась все более твердо проводившаяся политика ограничения практики передачи удела по наследству [54].

В административно-политической структуре царств все более вырисовывалась типовая тенденция создания такого социального организма, в рамках которого было бы только две реальные силы: с одной стороны, народ, общинное крестьянство, основные производители (к ним примыкали также и ремесленники), с другой — мощная власть правителя, обладающего большим и тщательно подготовленным аппаратом бюрократии. Пожалуй, наибольший вклад в осуществление этого идеала внес знаменитый реформатор IV в. до н. э. Шан Ян, чьи проведенные в этом направлении реформы по сути дела предопределили конечную победу царства Цинь. Характерно, что предложенная Шан Яном и затем введенная во всей империи Цинь Ши-хуанди табель о рангах на долгие века осталась основой всей административно-политической структуры китайской империи. Согласно этой табели, все население страны делилось на 18—20 рангов, причем низшие 8 присваивались всем, в том числе и крестьянам, а остальные строго фиксировали положение человека на социально-бюрократической лестнице. Естественно, что обладание рангом влекло за собой соответственные преимущества и блага — жалованье, дом, выезд, право на приближение ко двору, к персоне императора и т. п. [55]

Итак, падение значения родовой знати [56] и становление чиновничье-бюрократической империи во многом способствовали

---

[54] К. В. Васильев. Пожалование «поселений»..., стр. 113—116.

[55] Обладание низшими восемью рангами особых преимуществ не давало, но зато освобождало от наказания или снижало его степень (взамен лишали ранга). См. S. Nishijima. Op. cit., p. 80.

[56] Важно заметить, что упадок владетельной аристократии совпал по времени с изменениями в характере ведения войн, что также сыграло свою роль. Дело в том, что примерно с IV—III вв. до н. э. на смену боевой колеснице с обслуживавшей ее группой воинов (еще в Чуньцю силу царства мерялн числом таких колесниц — «государство с 1000 или с 500 колесниц») пришла пехота. Соответственно и военная служба знати уступила место крестьянскому войску, набиравшемуся в основном по системе рекрутов.

тому, что уже в Хань в обществе были две влиятельные силы, действовавшие в различных направлениях. С одной стороны, мощная государственная машина с хорошо налаженным аппаратом управления и насилия, с детально разработанной теорией управления, наконец, с официальной идеологией — конфуцианством,—целиком поставленной ей на службу. Основная тенденция действия этой силы — стремление к максимальной централизации и организации, ибо именно это залог успешного функционирования той гигантской бюрократической системы, которая сложилась в Китае уже в Хань. С другой стороны, народ, прежде всего система соседских общин с ее явными тенденциями к автономии, подчас даже к сепаратизму. Как правило, тон в деревне задавали зажиточные семьи, имевшие наибольшее количество земли и влиятельную, многочисленную родню. Влияние таких фамилий бывало очень значительным, и правительству приходилось считаться с этим[57] Эти-то семьи в основном и противостояли деспотическому устремлению централизованно-бюрократической системы, а шедшие за ними общинные деревни поддерживали их в этом.

Конечно, это весьма упрощенная, приближенная схема соотношения сил. Но главное и основное все-таки именно в этом. Не случайно почти все великие крестьянские движения в Китае всегда бывали направлены не против богатых землевладельцев (таких, как правило, было всегда очень немного), а против «плохого правительства» и «скверных чиновников», извращавших «справедливые законы древних правителей», почитаемые традиции старины.

7. РЕЛИГИЯ И ЭТИКА. КОНФУЦИАНСТВО

Итак, государственно-бюрократический аппарат и вся система политического управления страной в Китае по своему значению, по своей роли в организации производства и нормального функционирования общественного организма весьма несхожи с тем, что обычно принято оценивать как надстройку. Роль эта гораздо более широка, а в функции государства в Китае входило и то, что обычно считается имеющим отношение к базису. Государство и его аппарат в китайской империи были альфой и омегой, началом и концом социальной структуры. Почему же государство сумело приобрести такую силу и оказаться столь могущественным элементом социальной структуры?

Разумеется, в первую очередь потому, что в его функции входили жизненно важные моменты экономического регулирования, политического управления, защиты от внешних врагов

[57] Об этой борьбе центростремительной (центральной) и центробежной (местной) сил в ханьском Китае обстоятельно рассказано в упомнавшейся работе Мацубуси (T. Masubuchi. Op. cit., p. 107—110).

и т. п. Но сама по себе важность и необходимость того или иного института — в том числе и государства — еще не является залогом его могущества и прочности. История знает немало примеров того, как общества и государства, развивавшиеся в аналогичных условиях, довольно быстро приходили в упадок и гибли. Для того чтобы избежать подобного рокового жребия, китайское государство, видимо, должно было обладать какими-то дополнительными свойствами или средствами, укреплявшими его, делавшими его жизнестойким, способным к отчаянному сопротивлению и даже к регенерации. И такими средствами и свойствами китайское государство обладало. Речь идет о конфуцианской идеологии.

Сфера религиозно-этических принципов, норм и традиций обычно считается явлением второстепенного порядка. Безусловно, религия и этика в своей основе являются производными — производными от форм бытия человека и коллектива, от рода его деятельности, от характера его социальной организации. Эта вторичность, однако, ни в коей мере не равнозначна второстепенности. Напротив, к сфере религии и этики как нельзя лучше подходит знаменитый марксистский тезис о том, что идея, овладев массами, становится огромной материальной силой и в качестве таковой оказывает очень большое, подчас даже определяющее влияние на общество. В частности, именно это относится к религиозно-этической системе Китая. Без оценки ее места, значения и влияния невозможно правильно понять и оценить социальную структуру и динамику древнекитайского общества. Тем более это относится к тому зрелому в социальном отношении и резко консервативному в идеологическом смысле обществу, которое сложилось в Хань и на протяжении двух тысячелетий играло роль первоначального образца, совершенствуемого лишь в деталях.

Данные археологии свидетельствуют о том, что наиболее ранними формами религиозных представлений были анимизм, тотемизм и магия. С эпохи неолита, когда первобытные группы охотников и собирателей были заменены большими оседлыми поселениями земледельцев, эти первобытные верования получили дальнейшее развитие. Иную роль стал играть известный с глубокой древности культ мертвых: специальные погребения с захоронением вещей покойного вместе с ним свидетельствуют о том, что вера в реинкарнацию, в возрождение, равно как и в существование «страны мертвых», уже получила достаточное развитие. Одновременно большое развитие получил культ плодородия, тесно связанный с жизненно важными для коллектива вопросами увеличения производства продукции и воспроизводства самого человека.

Все эти древнейшие верования, культы и обряды у предков древних китайцев были аналогичны тем, что существовали и у

многих других народов,— и это сходство неоднократно отмечалось специалистами [58]. С эпохи Инь в системе религиозных представлений появились заметные сдвиги. Иньский верховный бог и одновременно легендарный первопредок Шанди стал во главе мира духов и обожествленных умерших предков. Слияние культа мертвых предков и анимистической веры в духов, общение с ними через посредство мантических обрядов и магических действий, принесение в их честь многочисленных жертв, в том числе и человеческих,— таковы в самых общих чертах характерные особенности системы религиозных верований иньцев.

Завоеватели-чжоусцы почти целиком восприняли иньскую культуру и распространили ее во всем завоеванном им Китае. Видимо, первоначально верховным божеством Чжоу было Небо. В начале Чжоу произошел синтез Неба и Шанди: эти божества выполняли одни и те же функции и были по сути лишь различными наименованиями одного и того же. Позже, примерно с VIII—VII вв. до н. э., Небо как абстрактная и рационалистичная верховная сила стало вытеснять Шанди. Император стал сыном Неба, правившим страной на основании «Мандата Неба», а само Небо стало представляться в виде всевидящего и всезнающего, строгого и справедливого, направляющего и регулирующего Универсума. Небо и Земля стали представлять собой главные божественные силы чжоусцев. Разница между ними, однако, заключалась в том, что культ Неба и ритуалы и жертвы в его честь имел право отправлять лишь сам первосвященник-ван, «сын Неба», тогда как культ Земли (точнее, территории данного государства, удела, деревни) был многозначным и отправлялся всеми — ваном, гунами, родовой знатью (цины и дафу) и простыми людьми (общинами).

Кроме Неба и Земли, в чжоуском Китае по-прежнему поклонялись и приносили жертвы множеству духов, однако все они не имели особого и всеобщего значения. По большей части это были местные, локальные божества. Да и поклонение им имело довольно утилитарный характер, более преследующий цели наладить с духом «хорошие отношения», нежели выражающий мистический страх перед ними. Вообще древнекитайская религиозная система уже с начала Чжоу имела заметный крен от мистического к рационалистическому. В древнем Китае не было групп великих богов-символов, как то было в Египте, Двуречье, Греции, Риме, не было касты жрецов (жреческие функции выполняли аристократы и чиновники, а в общинах — сами общинники [59]), не было столь развитой в других странах системы

---

[58] К. Хэнцзэ, в частности, писал о том, что до Инь древнекитайская культура была «тысячами нитей» связана с другими народами на западе (C. Hentze. God and drinking serpents.— «History of Religions», 1965, vol. 4, N 2, p. 204).

[59] Особо существовала лишь категория шаманов, генетически восходившая к далекому прошлому и отправлявшая серию магических обрядов (вызывание дождя, изгнание

влиятельных и владетельных храмов со своими землями и обслуживающим персоналом. Под словом «храм» в Китае всегда понималось лишь строение и место, где совершались обряды и приносились жертвы в честь божества, героя или духа.

Зато центральным пунктом всей религиозной системы Китая уже с Чжоу стал культ предков, значимость которого была резко усилена возникшим в середине I тыс. до н. э. конфуцианством. Согласно учению Конфуция (551—479 гг. до н. э.), все нормы и традиции глубокой древности объявлялись священными институтами, чью чистоту и неизменность следовало всячески хранить и оберегать. Разумеется, такой строгой консервации подлежали отнюдь не все традиции. Те из них, которые были связаны с родоплеменной демократией, свободой выбора женщины и тому подобными «низменными» обычаями и «отсталыми» суевериями, у Конфуция даже не упоминались (изредка он лишь осуждал их). Зато те нормы и институты, которые складывались в начале Чжоу и имели наибольшее распространение среди знати, были объявлены конфуцианством сокровищницей народа, компендиумом мудрости великих авторитетов древности. Иными словами, конфуцианство умело отобрало и приспособило для целей возникавшего классового общества как раз те принципы и нормы поведеиия, которые, с одной стороны, позволяли построить довольно стройный социальный организм, к тому же воплощавший в себе весьма возвышенный социальный идеал, базировавшийся на принципах гуманности, почтения, чувства долга и тому подобных моральных максимах, а с другой стороны, обеспечивали стабильиость этого организма и его идеалов. Именно с этой целью и возвысило конфуцианство культ предков.

Истоки культа мертвых предков восходят к неолиту. Особого размаха достиг этот культ в Инь, когда верховное божество Шанди рассматривалось в качестве первопредка, а все ближайшие предки вана считались влиятельными помощниками Шанди. С начала Чжоу культ родовых предков продолжал играть первостепенную роль — в первую очередь, естественно, в знатных семьях, чьи предки были знатнее, важнее и потому ближе к Шанди или к Небу. Праздник в честь родовых предков, в честь ближайших умерших предков был центральным ритуальным обрядом в каждом знатном роде. В «Шицзин» неоднократно упоминается о таких праздниках, об обилии гостей, богатом угощении, пышном жертвоприношении и т. д. Культ родовых предков с течением времени не ослабевал. Даже ослабление родовых связей и разрушение, по крайней мере в общинах, среди простого народа, больших семей не привели к его упадку. Семья и группа родственных семей (клан) пришли на сме-

---

бесов и т. п.). Эта прослойка, однако, не играла важиой ролн в обществе и вызывала уваженне лишь малообразованного крестьянства. Знать и чиновинки откровенно презирали таких колдунов.

ну роду, но значение умерших предков и их роль в жизни живых не уменьшились. Напротив, та форма родовых празднеств в честь предков, которая возникла и стала обычаем в знатных чжоуских семьях уже в начале Чжоу, со временем стала образцом для всех. Конфуций и конфуцианство еще более закрепили и возвеличили эту форму культа предков.

Смысл конфуцианского культа предков заключался в том, что уважение к старшему, почтение к авторитету, беспрекословное повиновение приказам главы семьи и государя (согласно конфуцианству, «государство — большая семья», а семья — «малое государство») — это основа основ порядка в обществе. При этом порядок такого рода должен строиться не на насилии и наказаниях, а на внутреннем чувстве долга, на воспитании в себе моральных качеств, которые и побуждают вести себя именно так, а не иначе. Иными словами, сумма этических норм и принципов была поставлена конфуцианством во главу угла, этика вышла в идеологической системе конфуцианства на первое место, тогда как религия была оттеснена на второе.

Конфуцианская этика не сразу завоевала всеобщее признание. Конфуцианство лучше других этико-философских систем древнего Китая выражало именно те черты и принципы, которые в условиях той эпохи могли дать оптимальные для властей результаты, но несмотря на это, учение Конфуция должно было выдержать длительную и нелегкую борьбу, прежде чем оно победило. Главным противником конфуцианства в конце чжоуской эпохи оказались легисты, сторонники школы тоталитарного деспотического управления страной посредством насилия и наказания и с помощью хорошо налаженного и четко функционирующего чиновничье-бюрократического аппарата.

О борьбе конфуцианства с легизмом написано очень много. В частности, специалисты обращали внимание на то, что основной базой конфуцианства были старые районы страны с сильными давними традициями, тогда как местом распространения и применения легистских концепций были вновь освоенные земли или окраинные царства страны со слабыми традициями этнически разнородного населения, управлявшегося в основном жесткими административными методами [60]. Таким окраинным царством было Цинь, правители которого сумели одолеть своих соперников и объединить Китай. При помощи легизма и легистских советников Цинь Ши-хуанди захватил власть и несколько лет правил Китаем. Однако деспотичный император недооценивал силу и влияние конфуцианства. Открыто выступив против этого учения, приказав сжечь конфуцианские книги и закопать живьем почти полтысячи ученых-конфуцианцев, Цинь Ши-хуанди вызвал большое недовольство в стране. Падение Цинь только

[60] См. H. G. Creel. Chinese thought from Confucius to Mao Tsê-tung. Chicago, 1953, p. 137—138.

закрепило ореол мучеников за конфуцианцами и сделало одиозным легизм как систему философии, этики и политики.

С эпохи Хань началась пора не только реабилитации конфуцианства, но и превращения его в официальную идеологию страны, игравшую фактически роль официальной религии в Китае. Едва ли эту огромную и имевшую историческое значение победу конфуцианства можно рассматривать как свидетельство полного успеха в борьбе с легизмом. Действительно, легизм исчез с арены общественно-политической и идеологической жизни Китая, но правильней сказать, что исчезло лишь название. Основные принципы легизма, его главные институты, без которых уже в Хань просто невозможно было управлять империей и которые были почти целиком заимствованы у Цинь,— все эти принципы и институты остались и были инкорпорированы конфуцианством. Недаром ханьское конфуцианство столь резко отличалось от доханьского. Это было уж не древнее конфуцианство Конфуция с его приматом морали и патриархальщины. Это было конфуцианство, обогащенное легизмом, конфуцианство, превратившееся в идеологическое и политическое орудие управления массами. Правда, примат морального принуждения остался (насилие в китайской административно-политической системе всегда стояло на втором месте), зато вся система из серии добрых советов и отеческих нравоучений превратилась в жесткую и крайне консервативную догму.

Начиная с Хань в Китае всегда считалось, что вся мудрость мира уже познана и записана великими древними мудрецами, что задача последующих поколений — лишь как можно глубже и тщательнее изучать ее, как можно лучше понимать и претворять в жизнь. Все новые мысли и предложения должны были не только скрываться под конфуцианской оболочкой, но и обязательно находить себе поддержку в уже апробированных идеях древних, в их канонических книгах. Сумма же этих канонов была основным предметом изучения в школе, где схоластика и зубрежка всегда были предпочтительней размышления и анализа. Из выпускников школы, хорошо знакомых с толкованием классических книг, но почти ничего не знающих в области точных и естественных наук и незнакомых даже с самыми элементарными сведениями из всеобщей истории или географии, набирались кадры соискателей степени. Эту степень могли получить те, кто лучше других выдержит экзамен, требовавший от соискателя лишь хорошей памяти, усердия, знания классики и умения в пределах формальной логики грамотно излагать и толковать эту книжную премудрость. Сдавшие экзамен считались самыми грамотными, учеными людьми в стране. То, что они знали,— это и была наука в их понимании. Все же технического плана новинки и изобретения — будь то ракеты-хлопушки, порох, одометр — рассматривались лишь как забава или как усовершенст-

вования, предназначавшиеся для облегчения быта и стоявшие, конечно, вне науки.

Таким образом, конфуцианство сыграло огромную роль в истории Китая. Эту роль едва ли можно переоценить. После обогащения легизмом и превращения в официальную государственную идеологию конфуцианство оказалось той гигантской материальной силой, которая фактически сделала Китай Китаем, т. е. обусловила формирование такой социальной структуры, форм человеческих отношений, этнической и социальной психологии, приемов мышления, стереотипов поведения и т. п., которые характерны именно для Китая и которые во многом отличают Китай от других стран мира. Базируясь на обычаях и религиозных традициях старины, конфуцианство умело приспособило их к условиям развитого и весьма сложного социального организма. Выполнив эту труднейшую задачу, конфуцианство уже в эпоху Хань превратилось в резко догматическое и крайне консервативное учение, ставившее целью лишь тщательное сохранение созданных основ в сфере политики и этики, философии и религии, образования и администрации. И это был именно тот случай, когда господство всесильной идеологии и обусловленного ею образа мышления, восприятия, действия, поведения очень сильно влияет на характер, темпы и направленность эволюции общества.

Было ли конфуцианство религией? И да и нет. В конкретных условиях китайской империи оно играло роль государственной религии, идеологически интегрирующей народ в единое целое. Однако в среде простого народа главное распространение получили лишь конфуцианская этика (т. е. манера мышления, стереотипы поведения и т. п.) и культ предков. Все остальные религиозные потребности масс, связанные с суевериями, культом локальных духов и героев, верованиями в сверхъестественное, удовлетворялись двумя другими религиозными учениями, получившими распространение в Китае на рубеже нашей эры,— даосизмом и буддизмом.

Как религиозный даосизм с его сонмом духов, мистикой, мантикой и суевериями, так и китайский буддизм с его заботой о душе и спасении человека нашли свое место в возникшей впоследствии в Китае системе религиозного синкретизма. Все китайцы, включая и даосских проповедников, и буддийских монахов, были в то же время конфуцианцами. И хотя между всеми тремя учениями временами шла довольно ожесточенная борьба, для среднего китайца, как и для общества в целом, сосуществование трех учений во главе с конфуцианством было нормальным и естественным явлением. Быть конфуцианцем, т. е. соблюдать культ предков и многочисленные обязательные этические нормы и традиции, и в то же время в случае нужды обращаться к помощи даосского гадателя или буддийского монаха, равно как

и посещать все храмы одновременно,— это и было характерным для системы религиозного синкретизма в Китае.

Таковы некоторые основные компоненты социальной структуры древнего Китая. Именно они, динамика их эволюции, сложный процесс их взаимодействия и взаимовлияния определяли в конечном счете характерные черты и особенности исторического развития древнекитайского общества. Конечно, взятые обособленно, эти социологические срезы — несмотря на их вполне очевидное переплетение и взаимную обусловленность — еще не могут дать четкого представления о социальной структуре в целом. Полная реконструкция этой структуры, особенно в динамике ее эволюции, может быть показана лишь в том случае, если будут изучены хотя бы некоторые основные свойства и закономерности функционирования всех ее элементов, всех свойственных ей социальных связей вместе. Рассмотрим некоторые стороны этого взаимодействия.

а) Общество как система связей и взаимодействующих сил

На раннем этапе существования древнекитайского общества (Инь и начало Чжоу) в нем решительно преобладали семейно-родовые связи, накладывавшие свой заметный отпечаток на все остальные виды связей. Общественная структура той эпохи являла собой конгломерат семейно-родовых ячеек (родо-племенные коллективы, родовые общины, большесемейные группы), принадлежавших разнородному в этническом отношении населению. Экономические, политические, административные связи играли в обществе в целом второстепенную, хотя и постепенно возраставшую роль. На родовых связях и родо-племенной солидарности держалось военно-политическое объединение Чжоу, «империя» чжоуского вана. Естественно, что в таких условиях общественная структура чжоуской «империи» оказалась нежизнеспособной и вскоре распалась. И едва ли не важнейшей причиной распада явилось решительное преобладание локальных центробежных сил над очень слабыми центростремительными, активность которых могла поддерживаться только за счет родовой солидарности назначенных ваном управителей «владений» и военного нажима в отношении прочих вассалов.

В результате уже с IX—VIII вв. до н. э. конгломерат искусственно соединенных гетерогенных семейно-родовых образований сменился серией полуавтономных и автономных самостоятельных социальных организмов, в рамках каждого из которых существовала уже своя система связей и действовали свои силы сцепления. В этих организмах на передний план вышли административно-политические связи. Родовая и сменившая ее семейно-клановая система связи играла еще очень значительную

роль, но все же выступала в качестве второстепенной, подчиненной. Точнее сказать, родовые и административные связи очень тесно переплетались друг с другом: на все административные посты назначались представители знати, политическую власть осуществляли владетельные аристократы и т. п. И все-таки даже сами эти представители знати отчетливо представляли себе, что, хотя право на должность и власть им давали их родовые связи, их положение в обществе уже зависело в первую очередь от того, какую именно должность и сколько власти им предоставило государство.

Социальная структура такого организма была достаточно сложной. Во-первых, в рамках этой системы существовали уже свои подсистемы (в виде вассальных уделов в царстве), во-вторых, в ней сложилось отчетливое противопоставление двух основных социальных сил, народа и родовой знати. Обе силы были достаточно влиятельными [61], а противодействие их было основным импульсом социальных противоречий. В структуре нового организма, относящегося уже к раннеклассовому типу обществ, все более важную роль начинают играть и экономические связи. Более заметной и откровенной становится скрытая прежде система эксплуатации, принуждения, присвоения прибавочного продукта.

С течением времени и вследствие ряда сложных процессов, протекавших в чжоуском Китае и частично показанных выше, структура и связи типичного для Чуньцю-Чжаньго социального организма снова меняются. На этот раз наряду с административно-политическими связями укрепляются связи экономические, оттеснившие назад семейно-родовые связи. В социальном организме царства все бóльшую роль начинают играть товарно-денежные отношения. Структура становится более сложной. Запутанное переплетение семейных, общинных и имущественных отношений, возрастающее обилие форм эксплуатации и присвоения, разрастающаяся сословно-иерархическая лестница — все это требовало укрепления административно-политического начала. Это означало, с одной стороны, создание в рамках каждого отдельного социального организма (царства) более влиятельной и действенной чиновничье-бюрократической машины и, с другой — необходимость дальнейшего усиления этой машины за счет ее централизации, объединения царств. А для этого необходимо было выработать такую влиятельную, всеохватывающую,

---

[61] В интересной статье В. А. Рубина «Народное собрание в древнем Китае в VII—V вв. до н. э.» («Вестник древней истории», 1960, № 4) подробно рассказывается о том, как народ, гожэнь, выдвигал свои требования и ставил свои условия правителю, как собрание гожэнь функционировало наряду с советом знати и т. п. К сожалению, автор видит в этих фактах лишь свидетельство пережитков прошлого. Между тем приведенный им материал позволяет ставить вопрос и о возросшей активности социально-политической жизни в условиях вновь возникших социальных организмов.

всеобъясняющую и в то же время понятную и приемлемую для всех, основанную на древних традициях и принципах идеологию, которая наилучшим образом способствовала бы решению проблемы укрепления и стабильности общества. Как известно, обе эти задачи были довольно успешно решены.

В результате в эпоху Хань сформировалась и окрепла могучая империя. Эта империя являла собой теперь уже очень сложный по структуре, единый социальный организм. В таком организме социальные, семейные, административные, политические, экономические, идеологические и территориальные (локальные) связи были умело сплетены вместе, сведены воедино. В рамках сложившейся таким образом социальной структуры существовало и определенное взаимодействие сил. С одной стороны, это было взаимодействие между центростремительными силами и устремлениями властей и центробежными тенденциями к сепаратизму и автономии со стороны местных влиятельных фамилий. С другой стороны, это было взаимодействие между народом, т. е. в первую очередь общинным крестьянством, и чиновничье-аристократической верхушкой, олицетворявшейся государственно-бюрократическим аппаратом во главе с императором. Как та, так и другая линии взаимодействия сил были постоянно действовавшими факторами и спорадически выходили на передний план, порой приводя к кризисам и крахам империи или династии.

Теперь от оценки древнекитайского общества как цельного социального организма со сложной эволюционировавшей структурой перейдем к некоторым проблемам, характерным для этого общества. Прежде всего речь пойдет о том, что наиболее важно именно для социологического анализа, т. е. о соотношениях общества и государства, личности и общества, традиции и эволюции и т. п.

б) Государство и народ

Государство в чжоуском Китае (проблему государства в Инь можно оставить в стороне) первоначально возникло из необходимости организовать господство над покоренными народами. Момент завоевания, таким образом, не только стимулировал, но и послужил причиной возникновения военно-политического объединения («империи») Чжоу. Это общечжоуское государственное образование оказалось нежизнеспособным, зато оно дало жизнь другим государствам, которые с IX—VIII вв. до н. э. стали возникать на месте пожалованных в прошлом уделов. Эти-то государства и представляли собой, вплоть до возникновения империй Цинь и Хань, основной тип государственного образования в древнем Китае. Государство такого типа являлось орудием в руках родовой аристократии, которая использовала административно-бюрократический аппарат управления

для облегчения господства над общинным крестьянством и для организации успешной борьбы с соседями.

Итак, государство в чжоуском и тем более в ханьском Китае концентрировалось прежде всего в чиновничье-бюрократической машине. В усилении этой машины были всегда заинтересованы правители и служившие им чиновники. За ослабление ее нередко выступали те представители родовой знати, которые имели ярко выраженные сепаратистские тенденции и стремились к усилению своей власти в уделах. Как правило, это были наиболее влиятельные родовитые аристократы, часто ближайшие родственники правителя. Эта борьба, в частности, являлась одним из важнейших импульсов той междоусобицы, которая была характернейшим явлением политической жизни периода Чуньцю-Чжаньго.

Конечно, не следует представлять дело так, будто одни аристократы были все время заинтересованы в усилении государства, а другие всегда выступали против этого. Практика показывает, что претендент на власть, захватив ее, сам становился ревностным сторонником ее укрепления, а виднейшие сановники правителя подчас выступали в роли заговорщиков и вели дело к расколу царств. Однако тенденцией было постепенное усиление власти правителя, концентрация в руках составленного из неродовитых служивых чиновничье-бюрократического аппарата все большей власти за счет ослабления могущества знати.

По мере усиления в чжоуском Китае роли государства и государственного аппарата все более отчетливым становился конфликт между центральной властью и управляемым ею населением. Не случайно философ Мэн-цзы на рубеже IV—III вв. до н. э. писал о том, что современные ему правители, в отличие от древних, обирают народ, подобно разбойникам с большой дороги [62]. И действительно, с усилением власти росла потребность в средствах для содержания возраставшего государственного аппарата. Эта потребность покрывалась за счет все увеличивавшегося налогового гнета, который особенно остро ощущался в голодные неурожайные годы. В стремлении как-то защититься и оградить себя от произвола властей деревенские общины усилили роль местной общинной администрации, общинного самоуправления. Источники мало что говорят о подобном институте до середины I тыс. до н. э. Зато начиная с V—IV вв. и особенно в III в. до н. э. представители общинного самоуправления (саньлао, фу-лао) все чаще выступают на передний план в общественно-политической жизни [63]. И это понятно. Если прежде интересы общины защищал, во всяком случае в ее взаимоотношени-

[62] Мэн-цзы, гл. I, ч. 2, ст. 4; гл. V, ч. 2, ст. 4. Изд. Чжуцзы цзичэн, т. I, стр. 73, 411—412; П. С. Попов. Китайский философ Мэн-цзы. СПб., 1904, стр. 25, 184.

[63] Цитаты из источников, свидетельствующие об этом, собраны в упомянувшейся статье Л. С. Переломова «Об органах общинного самоуправления...»

их с внешним миром, владелец удела, то теперь община, как правило, оказывалась один на один с внешним миром, олицетворенном властью чиновника и требованиями правителя.

Роль общины и общинной администрации особенно возросла в период Чжаньго еще и потому, что после ослабления удельной аристократии и успеха территориально-административного районирования ряда царств достаточно было некоторого ослабления центральной власти во время постоянно возникавших войн и восстаний, чтобы чиновники полностью теряли политический контроль. В этих условиях единственными обладателями реальной власти на местах оказывались именно общинные старейшины, сань-лао и фу-лао, с которыми и должны были вступать в переговоры для достижения своих целей предводители восставших или удачливые полководцы и узурпаторы.

В эпоху Хань, после фактического исчезновения удельной и вообще родовой знати, встала задача сгладить столь резко выявившиеся в Цинь противоречия между государством и народом, между законом и обычаем, между насилием и моралью. С этой целью было использовано искусно приспособленное к новым условиям конфуцианство. Государство не только признало конфуцианский культ предков с его восславлением семьи, но и предоставило семейно-клановым группам большие права и полномочия, вплоть до права суда над членом клана. Государство было вынуждено предоставить определенную автономию и общинам, и всякого рода общественным ассоциациям. Все эти меры ослабили противоречия между государством и народом, что сыграло немалую роль в деле обеспечения длительного и надежного функционирования стабильного конфуцианского государства, просуществовавшего свыше двух тысячелетий.

в) Демократия и деспотизм

Проблема «государство и народ» тесно связана с вопросом о характере и формах правления. Была ли государственная форма правления в Китае демократичной или деспотичной? Может быть, следует говорить о том, что демократические формы правления преобладали вначале и лишь затем были заменены деспотией?[64] Вопрос этот изучен пока недостаточно. Некоторые данные источников свидетельствуют о том, что в отдельные периоды древнекитайской истории давление масс и «глас народа» играли решающую роль и являлись важным фактором в политической борьбе. С другой стороны, не менее хорошо известно, что действия всех без исключения правителей не только контролировались их советниками, но и должны были соответствовать нормам обычного права и представлениям о мо-

[64] Таково, в частности, мнение В. А. Рубина (В. А. Рубин. Народное собрание..., стр. 40).

ральном, достойном. Это, конечно, не значит, что отдельные правители не вели себя иногда весьма своевольно и деспотично. Однако в принципе даже они едва ли могут быть названы деспотами.

Если не считать сообщения «Шуцзин» о недовольстве некоторых иньцев ваном Пань Гэном, предлагавшим им переселяться, самые первые сведения о конфликте между народом и правителем отражены в рассказе о выступлении чжоусцев в середине IX в. до н. э. против Ли-вана, попытавшегося было править, не считаясь с народом и с традициями. В результате конфликта Ли-ван был изгнан, а его место заняли два его ближайших родственника-гуна, в течение 14 лет правивших совместно (к слову, употребленный в источнике термин «гун-хэ», «совместное правление», сегодня обозначает понятие «республика»). Начиная с VII в. до н. э. число конфликтов народа с правителями возрастает. Из собранных В. А. Рубиным данных [65] явствует, что едва ли не все сообщения об этом сводятся к тому, что правитель или его предполагаемый наследник — недостаточно добродетельные люди. Конечно, необходимо при этом сделать скидку на позднейшую конфуцианскую окраску древнекитайской истории. И все-таки, как правило, в основе конфликта между народом и правителем в Чуньцю-Чжаньго почти всегда стояли стремления народа защитить свои исконные права, которым грозило уничтожение вследствие деспотических устремлений правителя или его сановников. Но можно ли эти факты считать признаком демократических форм правления? Едва ли.

Во всех встречающихся в источниках многочисленных фактах нет и намека на то, чтобы массы или их представители хотя бы в самой легкой форме (например в виде контроля) принимали участие в управлении или в определении характера правления. Конечно, объективно противостояние народа делало свое дело и препятствовало развитию деспотических тенденций правителя. Однако политическое давление масс обычно не выходило за пределы выбора между «добродетельным» и «недобродетельным» правителем. Разумеется, и это кое-что значило. Получивший народное доверие правитель был в известной степени ограничен в своих действиях. И все-таки здесь едва ли можно говорить о демократии, о «народовластии» в обычном значении этого слова. Правильней, пожалуй, считать, что в эпоху Чжоу правители еще испытывали генетически восходящее к институтам родового строя давление силы традиции и потому не могли править самовластно и деспотично.

С течением времени это давление ослабевало. С падением удельной знати и усилением централизованного чиновничье-бю-

---

[65] В. А. Рубин. Народное собрание...

рократического аппарата деспотические устремления правителей стали проявляться все более явственно и достигли своего апогея в лице Цинь Ши-хуанди. Легизм теоретически разработал и практически доказал некоторые вполне определенные для центральной власти удобства тоталитарных, деспотических форм правления. Но с падением Цинь и легизма эта форма правления дискредитировала себя и оказалась неприемлемой. Она таила в себе слишком грозные и опасные для империи и императора неожиданности. И тогда, в эпоху Хань, была принята новая форма правления, которая и оказалась оптимальной, просуществовав почти без изменений 2 тыс. лет.

Сущность освященной авторитетом конфуцианства системы правления, практиковавшейся в Китае начиная с эпохи Хань, сводилась к тому, что император не только не мог быть всевластным и бесконтрольным деспотом, но, напротив, во всей своей деятельности обязан был считаться с приобретшими силу обязательности конфуцианскими традициями, нормами и принципами поведения. Строго регламентированным был каждый шаг каждого гражданина этого общества. Любой китаец, от крестьянина до императора, хорошо знал (все это было записано в имевших силу непререкаемого авторитета классических канонах), что и как он должен делать, что пристойно и подобает в данном случае, а чего нельзя допустить ни при каких обстоятельствах. Понятно, что эта сеть церемоний, правил и запретов не всегда опутывала императора, как и его подданных, с достаточной силой и прочностью, но тем не менее она существовала и имела значение морального императива. В случае же если император попытался бы открыто выступить против этой сковывающей его волю морали, его ожидали упреки и наставления со стороны окружающих его конфуцианских сановников, которые имели в своем арсенале богатый выбор средств воздействия, вплоть до знаменитого тезиса Мэн-цзы о «Мандате Неба», который может быть отнят народом у «недобродетельного императора» и отдан другому, «добродетельному».

Форма правления, сложившаяся в Хань, не может быть названа ни демократической, ни деспотической. Такую форму правления правильней назвать авторитарной, имея в виду не столько деспотические тенденции власти, сколько конформизм и стойкий консерватизм системы в целом.

г) Личность и общество

Проблема формы правления, и в частности вопрос об авторитаризме как основе этой формы в Китае, заставляет вплотную подойти к еще одной характерной для китайской социальной структуры проблеме. Речь идет о взаимоотношениях индивидуума и коллектива. Индивидуум как гражданин, свободный и

полноправный член общества, который действовал бы в качестве самостоятельной социальной и правовой единицы — наподобие, скажем, граждан древнегреческого полиса,— в древнем Китае фактически не был известен. Социальной единицей всегда в Китае считались семья, клан, община, землячество, но не индивидуум, чье общественное бытие обязательно должно было быть опосредствовано какой-либо из низовых социальных ячеек, корпораций. В то же время именно древнекитайская история дает особенно много примеров преклонения перед авторитетом личности, ставшей над массами, воспевания как героя, великого мудреца, божественного правителя. Этот парадокс вполне закономерен и тесно связан с тенденциями к авторитаризму и беспрекословному повиновению, т. е. к преувеличению авторитета обожествленной личности и к принижению обычного индивида. Начало этой тенденции было положено давно, еще в эпоху Инь.

В Инь и начале Чжоу, когда принадлежность индивида к ассоциации (роду, семье, клану, общине) была особенно заметной и ощутимой, в роли активной личности, как правило, выступали лишь правители, их ближайшие сородичи и сановники. Впоследствии многие из них были облечены легендарным ореолом и возведены на пьедестал мудрости и славы. Так случилось, например, с древними правителями Яо, Шунем и Юем, с первыми чжоускими правителями Вэнь-ваном и У-ваном, с «мудрым и справедливым» регентом при малолетнем сыне У-вана знаменитым Чжоу-гуном.

Начиная с Чуньцю-Чжаньго и особенно в конце этого периода, когда родовые связи в Китае рушились и на смену им приходило территориально-административное и сословное деление, число индивидов, выступавших в качестве творческих личностей, намного возросло. Наряду с правителями это уже были и их умелые чиновники незнатного происхождения (один из наиболее известных таких чиновников-реформаторов — Гуань-цзы, министр в царстве Ци в VII в. до н. э.), и возвысившиеся военачальники, и, наконец, интеллектуалы, в первую очередь философы. Начиная с Конфуция число таких философов, принадлежавших к сословию служивых-ши, резко увеличилось. Сама обстановка того времени с ее разрушением старых родовых традиций, упадком родовой знати, борьбой за власть, сменой правителей, и т. п. была, как это ни покажется на первый взгляд парадоксальным, очень благоприятной для расцвета духовной культуры, мысли, интеллекта, для создания и распространения любых теорий и концепций. Лао-цзы и Мо-цзы, Мэн-цзы и Сюнь-цзы, Ле-цзы и Чжуан-цзы — вот только несколько наиболее известных имен философов, чьи трактаты и теории сыграли немалую роль в становлении древнекитайской мысли и культуры. В эти века древнекитайской истории (V—III вв. до н. э.), когда сила сцепления старого типа ассоциаций (род, община) была сильно ослаб-

лена, а ассоциации нового типа (семья, клан) еще только что утвердились среди широких слоев населения, обычный средний индивид, в том числе и выходец из среды общинного крестьянства, т. е. из «народа», имел немало шансов выучиться, выдвинуться и проявить свою индивидуальность в широком диапазоне взглядов, теорий, концепций. Один мог прославлять крайний индивидуализм, доходящий до откровенного эгоизма, другой — удариться в мистику, третий — призывать к усилению закона и тоталитаризму, четвертый — к возврату к добрым старым традициям или к полному опрощению, вплоть до абсолютного «недеяния».

В какой-то степени этот период древнекитайской истории сравним с периодом расцвета греческой мысли и философии, хронологически почти одновременным. Но если в Греции этот этап способствовал расцвету свободной мысли на многие века, то в Китае он был недолгим. Уже в конце III в. до н. э. на смену ему пришел период господства тоталитарного легизма, который в лице Цинь Ши-хуанди железной рукой подавил свободу интеллекта и едва ли не первым в истории отправил на костер неугодные ему книги конфуцианцев. Понятно, что в этих условиях о свободе мысли и индивидуальности личности не могло быть и речи. Личность была полностью подчинена обществу с его жесткими законами. Господство общества над личностью стало абсолютным.

Пожалуй, именно этот короткий период истории древнего Китая можно с полным правом считать периодом диктатуры и тирании.

Как уже говорилось, с падением Цинь многое изменилось. Откровенный деспотизм и полное пренебрежение к традициям послужили в конечном счете немаловажными причинами краха империи Цинь Ши-хуанди. Пришедшие ему на смену ханьские императоры, к тому же бывшие выходцами из простой крестьянской семьи, организовали свое правление иначе. Призванное ими из унижения и забвения конфуцианство с его культом предков и почитанием старших, с его уважением к правителю и преданностью старине оказалось как нельзя более подходящим в сложившихся условиях. Главная черта конфуцианства — его умеренность, стремление к «золотой середине» — позволила постепенно унять разбушевавшуюся стихию и ввести жизнь страны в строгие рамки освященных авторитетом традиций. В рамках этих традиций личность уже не была полностью закрепощена и унижена властями. Напротив, формально ей предоставлялись немалые права. Любой китайский гражданин, даже крестьянин, исключая разве лиц «подлых» профессий, имел право и мог выучиться, сдать экзамены и подняться по социальной лестнице вплоть до должности министра. Таким образом, формально китайская конфуцианская система предоставляла любому челове-

ку право и возможность проявить свой талант, развить свою индивидуальность. И это право было не только на бумаге. Напротив, им очень часто и охотно пользовались. Весь фольклор, вся китайская литература заполнены бродячим сюжетом о том, как бедный студент на последние гроши получил образование, успешно сдал экзамены, получил должность и стал богатым и уважаемым человеком. И действительно, нередко группа родственников, даже в беднейших слоях крестьянства, отказывала себе во всем на протяжении долгих лет с тем, чтобы выучить проявившего способности члена своей семьи. Это было делом чести семьи и всего клана.

Казалось бы, чего же больше. Общество, в котором все это — вполне реальная возможность, достойно уважения и подражания. Кстати, именно так считали в свое время первые синологи и европейские просветители, знакомясь со средневековым Китаем. Однако они не учитывали одного обстоятельства, которое резко меняет всю эту идиллическую картину. Дело в том, что все возможности предоставлялись индивиду лишь при том непременном условии, что он будет покорно обитать в русле конформизма и ни в коем случае не вознамерится проявлять свою индивидуальность. Практически дело обстояло так, что каждый, желающий получить образование и, таким образом, подняться «наверх», должен был прежде всего слепо и беспрекословно вызубрить всю апробированную веками конфуцианскую мудрость и стать примерным конфуцианцем. Только после этого он мог рассчитывать на успех. Иными словами, для того чтобы личность могла стать действительно свободной творческой личностью, она прежде должна была априори отказаться и от свободы мысли, и от индивидуальности [66].

Таким образом, конфуцианское общество сравнительно легко, безболезненно поглотило личность, подавило индивидуальность, обратив все ее взоры и устремления назад, в «золотой век» прошлого. Не в последнюю очередь именно этому намеренному торможению возможностей творчества и обязано китайское общество своими крайне медленными темпами эволюции, своим консерватизмом.

---

[66] Нужно оговориться, что здесь дана лишь сжатая социологическая оценка самых общих и типичных явлений. Разумеется, в жизни все бывает сложней. Бывали и открытые выступления против господствующей идеологии, и скрытые конфликты с теми или иными догмами конфуцианства. Наконец, особенно после интенсивного распространения даосизма и буддизма (I тыс. н. э.) нередко многие открыто склонялись к буддизму или даосизму и с новых позиций критиковали конфуцианство. Конфуцианцы отвечали тем же, и подчас идеологическая борьба доходила до открытых столкновений. Однако при всем том конфуцианство всегда одерживало верх. Даже в тех случаях, когда сам император откровенно благоволил буддизму или даосизму, конфуцианство продолжало быть основой китайской государственности и держало в руках как административную систему, так и систему образования и воспитания.

д) Традиция и эволюция

Для любой социальной структуры одной из важнейших ее характеристик является соотношение традиций и новаций, степень приспособленности к усвоению нового, к эволюции. Тем более важна эта проблема для оценки китайского общества с его устойчивым консерватизмом. Другими словами, насколько консервативная стабильность препятствовала внедрению нового? Какие факторы китайской истории способствовали или препятствовали появлению нового?

Прежде всего следует заметить, что на ранних этапах развития эволюция древнекитайского общества протекала довольно быстрыми темпами — во всяком случае более быстрыми, чем это впоследствии стало характерным для Китая. Как видно из всего предшествующего изложения, эволюция социальных связей и институтов на протяжении примерно тысячелетия (с Инь до конца Чжоу) привела к очень существенным изменениям в социальной структуре Китая. И сложившиеся к концу Чжоу условия тоже в немалой степени способствовали дальнейшему прогрессивному развитию древнекитайского общества. В частности, это нашло свое выражение в деятельности легистов и в тех планах переустройства общественных отношений, которые ими разрабатывались и предлагались для осуществления.

Здесь мы вплотную подходим к одному из наиболее драматических парадоксов древнекитайской истории. Не только из общей теории легизма, но и из практической деятельности наиболее известных его сторонников, например Шан Яна, неопровержимо явствует, что жесткая и бесчеловечная, откровенно попиравшая мораль и традиции доктрина легизма предоставила возможности получить наивысшие результаты с точки зрения прогресса, ускоренной эволюции. В частности, именно она позволила царству Цинь за короткий срок окрепнуть, усилиться, победить всех своих соперников и объединить Китай. Именно легистские доктрины позволили создать столь удачную в китайских условиях и столь долго существовавшую (правда, впоследствии приобретшую конфуцианскую окраску) бюрократическую машину. Таков вполне очевидный конфликт между моралью, традициями и гуманностью, с одной стороны, и темпами эволюции — с другой.

В конкретных условиях древнего Китая этот конфликт был разрешен в пользу традиций. Плата за прогресс оказалась слишком высокой, и общество не вынесло этого. Поставленный на край катастрофы и гибели, Китай отверг династию Цинь и вместе с ней ставший одиозным легизм. Пришедшие к власти на гребне народного восстания императоры новой династии Хань вынуждены были сделать резкий крен в противоположном направлении и наивысшей доблестью провозгласить именно древ-

ние традиции и авторитеты, опереться на которые было спокойно и безопасно.

Именно таким образом правители ханьской империи не только возвысили конфуцианство и обожествили Конфуция, но и превратили конфуцианские идеи в непреложную догму, истинность каждого слова которой была отныне вне сомнения. Понятно, что параллельно с этим характернейшей чертой превратившегося в догму конфуцианства стало подавление всего нового, оригинального, необычного и тщательная консервация всего старого, апробированного, подкрепленного авторитетом. Конечно, аналогичное явление свойственно многим официальным идеологиям, например христианству. Однако преимуществом народов христианского мира было то, что у них наряду с властью церкви существовала светская власть, интересы которой нередко вступали в противоречие с церковью и потому могли привести к известному освобождению от ее догматов. В Китае этого не было. Рационалистическая конфуцианская идеология имела вполне светский характер и была неотделима от государства. Конфуцианство являлось в гораздо большей степени системой политической и административной, нежели церковной. Это делало конфуцианские догмы и консерватизм еще более сильными и фактически нерушимыми.

Посрамив откровенно деспотические тоталитарные методы легизма, конфуцианство заменило их более мягкими, с уклоном в мораль, но не менее безапелляционными авторитарными методами. Традиционализм конфуцианства был настолько силен и действовал столь безусловно, что практически вскоре превратился в тот же тоталитаризм. В конечном счете разница между деспотизмом, основанным на насилии, и конформизмом, базирующимся на признании обязательности системы апробированных догм, оказалась не столь уж большой.

Однако с точки зрения проблемы «традиция и эволюция», «традиция и прогресс» эта разница оказалась решающей. Плата за прогресс, выплаченная китайским народом за два с небольшим десятилетия эпохи Цинь, была настолько громадной и грозила столь тяжелыми последствиями, что, начиная с Хань, само стремление отказаться от старого и стремиться к новому обычно воспринималось именно под этим углом зрения. Легизм стал настолько одиозным, что заставил ханьских правителей впасть в противоположную крайность, в безудержное восхваление конфуцианской морали, древних традиций авторитета старины. Именно в этих условиях и сложилось толкование конфуцианства и восприятие всех сложившихся в Хань норм, обычаев и институтов как истины в последней инстанции, ни при каких обстоятельствах не подлежащей пересмотру. Традиция одержала безусловный верх над новаторством, над стремлением к прогрессу [67].

[67] Разумеется, речь идет лишь о том, что в социологическом плане идея нерушимости традиции безусловно превалировала, что и накладывало вполне определенный от-

*

Таковы некоторые характерные черты социальной структуры древнего Китая. Эти и многие другие особенности были результатом определенного взаимодействия различных факторов, элементов структуры. В качестве такого рода факторов могли выступать и выступали разные типы социальных связей, различные процессы социального, социально-экономического и социально-политического характера. Каждый из них действовал в определенном направлении, но конечный импульс определялся результатом общего взаимодействия всех сил. Естественно напрашивается вопрос, какая же из этих сил, какой фактор, какой тип социальных связей играл в конечном счете решающую роль. Или может быть на разных ступенях эволюции в качестве такого решающего и определяющего фактора выступали различные элементы социальной структуры? Ответ еще предстоит дать в ходе дальнейшего изучения. Однако уже сейчас следует высказать некоторые соображения по этому поводу.

Прежде всего о роли экономического фактора. В советской историографии ее нередко переоценивают, что подчас приводит к своего рода экономическому детерминизму. История докапиталистических обществ вообще и Китая в частности свидетельствует о том, что на ранних ступенях развития цивилизации определенный материально-технический уровень, созданный неолитической революцией и достаточный для появления земледелия и возникновения прибавочного продукта был лишь условием sine qua non, но не более. Другими словами, без этого условия цивилизация и государство не могли возникнуть вообще. Но, раз возникнув, они продолжали затем развиваться уже вовсе не в столь регулярной зависимости от спорадических сдвигов в технике, технологии и экономике, как это иногда принято считать.

Это, разумеется, не означает, что изменения в производстве вовсе не отражались на докапиталистических обществах. В частности, именно появление и распространение железных орудий привело к развитию ирригации и освоению новых земель в Китае, что дало толчок социальному и политическому развитию страны. Однако изменения и толчки, связанные даже с таким решающей важности нововведением в производстве, как начало железного века, не были единственно решающими в определении характера и направлении социальной эволюции. Все прочие социальные и политические факторы (включая и идеологию) в ходе процесса социальной эволюции играли вполне самостоя-

---

печаток на темпы и характер эволюции. Это не означает, понятно, что развития не было вовсе. Напротив, общество развивалось, возникали новые идеи и институты. Однако все новое, как правило, тщательно камуфлировалось в традиционные одежды, чем нередко выхолащивалась сама суть нового и, таким образом, традиция опять-таки торжествовала.

тельную, а подчас и решающую роль. Нередко то или иное соотношение социально-политических сил создавало импульс в направлении, абсолютно противоречившем тому, что диктовалось потребностями экономики. Это было особенно типичным для конфуцианского Китая. Можно привести немало примеров того, как конфликт между возможностями экономического развития (например расширение морской торговли и мореплавания в XV в., когда китайские корабли были едва ли не наиболее совершенными из тех, что в ту пору бороздили океаны) и конфуцианскими традициями (выступавшими против такого рода сношений с «варварами») разрешался в пользу конфуцианства.

Словом, социально-политические факторы, и конфуцианская идеология в особенности, играли важную, нередко решающую роль в определении характера социальной структуры Китая и динамики ее дальнейшей эволюции. Нет никаких сомнений в том, что консервативная конфуцианская доктрина тормозила развитие Китая (приниженная роль торговли и торговцев, стремление государства ограничить частную инициативу и ввести монополии, преклонение перед институтами старины, недоверие к нововведениям и т. п.). Быть может, исторически это было в какой-то мере оправданно: ведь именно в прочности и неизменности традиций содержалась та огромная сила, которая на протяжении тысячелетий не раз позволяла поверженному Китаю возрождаться из пепла, да еще и китаизировать своих победителей. И если благодаря своей консервативности китайская империя продолжала существовать в таких условиях, когда гибли другие империи древности и средневековья, то в этом немалая заслуга именно конфуцианства (которое, как упоминалось, нередко действовало вопреки, казалось бы, очевидным потребностям экономического развития и социального прогресса). Вот почему, изучая социальную структуру Китая и динамику ее эволюции, нельзя не прийти к заключению, что процесс исторического развития Китая был результатом взаимодействия множества различных факторов, среди которых факторы социально-политические заслуживают по меньшей мере такого же пристального внимания и специального изучения, как и факторы социально-экономические.

М. Г. КОЗЛОВА, Л. А. СЕДОВ, В. А. ТЮРИН

ТИПЫ РАННЕКЛАССОВЫХ ГОСУДАРСТВ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

В различных частях Юго-Восточной Азии процессы классообразования и складывания государственности протекали неравномерно и не совпадали по времени[1]. Тем не менее для большей части региона можно наметить некоторые общие закономерности социальной эволюции.

Основными и наиболее характерными для развития раннеклассовых обществ Юго-Восточной Азии были процессы, происходившие в западной части современной Индонезии, на Малаккском полуострове, а также в прибрежных и долинных районах Индокитайского полуострова. В восточных районах Индонезийского архипелага, на Филиппинах, в горных районах материковой Юго-Восточной Азии до недавнего времени продолжало существовать доклассовое общество. Несколько особняком стоит Вьетнам, где возникновение раннеклассового общества относится к более раннему времени (III в. до н. э.), что объясняется давними и тесными связями с Китаем[2].

Важнейшим источником для воссоздания картины социальных отношений в государствах Юго-Восточной Азии в период с VI по XIV в. н. э. служат надписи на камне, собранные и изданные французскими, голландскими и английскими учеными. В настоящее время имеются корпусы вьетнамских, тямских, кхмерских, монских, бирманских, индонезийских надписей. Ж. Сёдес уже почти завершил начатую в конце прошлого века работу по переводу и комментированию кхмерских над-

---

[1] Эпоха генезиса раннеклассовых государств в Юго-Восточной Азии охватывает время примерно от начала нашей эры до XII—XIII вв., н. э. Тайские государства, например, стали образовываться лишь в XIII в.

[2] См. Д. В. Деопик. Возникновение государства во Вьетнаме.— «Советское востоковедение», 1958, № 5.

писей[3]. Тексты и переводы индонезийских надписей, а также комментарии к ним публиковались Н. Кромом, В. Стюттерхеймом, Р. Горисом, Я. Каспарисом, Л. Даме[4]. Бирманские надписи переводились и издавались К. Благденом, То Сейн Ко, Пе Маун Тином, Ш. Дюруазелем, Г Люсом[5]. Исследование надписей представляет собой чрезвычайно трудную проблему, так как история языков народов Юго-Восточной Азии еще далеко не изучена, а содержание многих из встречающихся в эпиграфике терминов не поддается расшифровке. Тем не менее надписи представляют собой единственные современные исследуемой эпохе местные письменные источники. Они содержат информацию, касающуюся повседневных имущественных, семейных и иных социальных отношений в ранних цивилизациях Юго-Восточной Азии, и потому в реконструкции раннеклассовых общественных типов в Юго-Восточной Азии им принадлежит основная роль.

Для исследования описываемого ниже «полисного» типа общественной организации большое значение имеют материалы археологии, поскольку именно приморские города типа Ок-Ео в Фунани, поселения Малаккского полуострова подверглись к настоящему времени наиболее тщательному археологическому изучению.

К числу важных источников относятся свидетельства соседних, более развитых народов, главным образом китайцев, а также индийцев и арабов. Правда, в китайских документах довольно скудно представлены данные о социально-экономических отношениях, а картина жизни народов Юго-Восточной Азии порой искажается в результате традиционного для китайских хронистов высокомерного отношения к «варварам». Тем не менее китайские источники прекрасно служат нам в изучении географии и хронологии государственных образова-

---

[3] Inscriptions du Cambodge. Ed. G. Coedès, t. IXVII. Hanoi — Paris, 1937—1964.

[4] N. J. Krom. Hindoe-Javaansche geschiedenis. 'sGravenhage, 1937; W. F. Stutterheim. Een belangrjke oorkonde uit de Kedoe.— «Tijdscrift voor Indische Taal — Land — en Volkenkunde uitgegeven door het Koninklijke Bataviaasch Genootschap van Kunsten en Wetenschapen» (далее — TBG). Batavia, 1927, d. 67; idem. Epigraphica, II. De oorkonde van Raka Lokapala uit het Zuidergebergte.—TBG, 1935, d. 75; idem. Epigraphica, III. Een Javanaansche acte van uithpraak. all het jaar 922 A. D.— Ibidem; R. Goris. Prasasti Bali, I—II. Bandung, 1954; idem. Enkele historische en sociologische gegevens uit de Balische oorkonden.— TBG, 1941, d. 81; J. G. de Casparis. Prasasti Indonesia, I—II. Bandung, 1950—1956; L. Ch. Damais. Etudes d'épigraphie indonésienne.— «Bulletin de l'Ecole Française d'Extrême Orient» (далее — BEFEO). Hanoi, 1952, t. 46; Idem. Epigraphische aantekeningen.— TBG, 1949, d. 83; Idem. Liste des principales inscriptions datées de l'Indonésie.— BEFEO, 1952, t. 46.

[5] Ch. Duroiselle, C. O. Blagden. Epigraphica Birmanica, 5 vols. Rangoon, 1919—1936; G. H. Luce, Pe Maung Tin. Inscriptions of Burma, 6 portfolios. London, 1933—1956; Pe Maung Tin. A Mon inscription by Kyanzitta at Ayettama Hill.— «Journal of the Burma Research Society» (далее — JBRS) Rangoon, vol. 28, pt. 1; Taw Sein Ko. Inscriptions of Pagan, Pinya and Ava deciphered from the old inscriptions found among the papers of the late Dr. E. Forchhammer, 6 vols. Rangoon, 1892—1913.

ний в Юго-Восточной Азии, политической истории этого региона и внешних отношений[6].

Литература, посвященная проблемам социальных устройств ранних государств Юго-Восточной Азии, небогата. Большинство монографических исследований по ранней истории Юго-Восточной Азии (например работы Ж. Сёдеса, Н. Крома, Х. Куорич Уолса, Д. Холла, Р. Уинстедта, Л. Бриггса, В. Стюттерхейма[7]) уделяют основное внимание политической истории, а также истории культуры и религии. Гораздо больше материала по интересующим нас проблемам содержится в комментариях к переводам надписей, в отдельных статьях, посвященных толкованию терминов или локализации упоминаемых в источниках географических названий (работы Р. Браддела, Г Люса, Тан Туна, П. Уитли и др.)[8]. В Советском Союзе делаются лишь первые шаги на пути исследования ранней истории Юго-Восточной Азии, и следует отметить, что главное внимание советские историки с самого начала уделяют именно проблемам, связанным с социально-экономическим развитием[9].

---

[6] W. P. Groeneveldt. Historical notes on Indonesia and Malaya compiled from Chinese sources Djakarta, 1960; Ma Touan lin. Etnographia des peuples étrangères à la Chinois. Paris, 1885; G. H. Luce. Early Chinese texts about Burma.— JBRS, vol. 14.

[7] G. Coedès. Les états hindouisés d'Indochine et d'Indonesie. Paris, 1948; idem. Le Royaume de Crivijaya.— BEFEO, 1918, t. 18; N. J. Krom. Hindoe-Javaansche geschiedenis; R. O. Winstedt. A history of Malaya. London, 1935; Д. Дж. Е. Холл. История Юго-Восточной Азии. М., 1958; L. Briggs. The ancient Khmer empire. Philadelphia, 1957; W. Stutterheim. De Hindu's. d. 1. Groningen — Batavia, 1951; idem. Hinduisme in den Archipel, d. II. Groningen — Batavia, 1951; H. G. Quaritch Wales. The making of Greater India. London, 1951; E. Aymonier. Histoire de l'Ancien Cambodge. Paris, 1960.

[8] R. Braddel. Ancient times in the Malay Peninsula.— «Journal of the Malayan branch of the Royal Asiatic Society» (далее — JRASMB), vol. 13, pt. 2; vol. 14, pt. 3; vol. 17, pt. 1; vol. 19, pt. 1; vol. 20; vol. 22; G. H. Luce. The Golden Chersonese.— JBRS, vol. 2, pt. 3; idem. Old Kyaukse and the coming of the Burmese.— Ibid., vol. 42, pt. 1; Idem. The names of Pyu.— Ibid., vol. 22; pt. 2; idem. Mons of the Pagan dynasty.— Ibid., vol. 36, pt. 1; Idem. Geography of Burma under the Pagan dynasty.— ibid., vol. 42, pt. 1; G. H. Luce, Pe Maung Tin. Buddhism in the inscriptions of Pagan.— Ibid., vol. 26, pt. 1; Than Tun. Religion in Burma, A. D. 1000—1300.— Ibid., vol. 42, pt. 2; Idem. The legal system in Burma. A. D. 1000—1300.— «The Burma Law Institute Journal», vol. I, N 2. Rangoon; P. Wheatley. The Golden Chersonese. Kuala Lumpur, 1961.

[9] См. Л. А. Седов. Ангкорская империя. (Социально-экономический и государственный строй ангкорской Камбоджи в IX—XIV вв.). М., 1967; он же. К вопросу об экономическом строе ангкорской Камбоджи IX—XII вв. (по данным эпиграфики) — «Народы Азии и Африки», 1963, № 6; он же. Собственность храмов ангкорской Камбоджи как форма собственности феодальных родов.— «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР». 1965, № 75; он же. К вопросу о варнах в ангкорской Камбодже.— «Касты в Индии». М., 1965; М. Г. Козлова. Бирма накануне английского завоевания. Общественный и государственный строй. М., 1962; И. В. Можейко. Паганское государство (1044—1300). М., 1965 (канд. диссертация); он же. О некоторых чертах феодализма в Бирме XI—XIII вв.— «Очерки из истории Юго-Восточной Азии». М., 1965; А. А. Губер. Индонезия. Социально-экономические очерки. М., 1932; Ю. В. Маретин. Типы общины в Индонезии. М., 1964; Л. М. Демин. Остров Бали. М., 1964; С. А. Ма-

Все области Юго-Восточной Азии, в которых возникли ранние государственные образования, относятся к тропической муссонной зоне. Здесь можно выделить два основных географических района, на базе которых складывалась цивилизация Юго-Восточной Азии: речные долины с мягкими плодородными землями и морское побережье. В первом районе основой хозяйства было ирригационное земледелие, во втором — морские промыслы и торговля.

В создании раннеклассовых государств приняли участие все три крупные этнические группы, населявшие Юго-Восточную Азию в указанный период: малайцы, мон-кхмеры и тибето-бирманцы. Малайские племена населяли Индонезийский архипелаг, Малаккский полуостров и юго-восточную часть Индокитайского полуострова (тямы). Мон-кхмерские народности занимали современную Камбоджу, Южную Бирму и долину реки Менам. Тибето-бирманские племена располагались в бассейнах Иравади и Ситауна в современной Бирме. В период образования первых государств у развитых народов Юго-Восточной Азии довольно ясно прослеживаются признаки общественно-культурного единства. Показательно, что китайцы уже в то время воспринимали Юго-Восточную Азию как нечто единое, обозначая ее народы собирательным термином «Кунь-лунь» [10]. К началу н. э. здесь были известны культура риса на орошаемых землях, приручение быков и буйволов, примитивное использование металлов (бронзы и железа), мореходство, строительство прямоугольных домов на сваях, своеобразная керамика [11]. В дальнейшем развитие земледелия в долинных и прибрежных районах Юго-Восточной Азии пошло по двум направлениям: выращивание риса на орошаемых полях (савах) и переложное земледелие с подсечно-огневой системой (ладанг) [12]. В приморских районах основным занятием населения стали рыбная ловля, торговля и пиратство. Эти занятия дополнялись ладанговым земледелием и собирательством. Ряд общих черт

ретина. Трансформация индийских варн на острове Бали.— «Касты в Индии»; А. Я. Шевеленко. Сопоставление путей генезиса феодальных отношений во Франкском государстве и Индонезии.— «Вопросы истории», 1965, № 12.

В советской литературе имеется также ряд работ, посвященных проблемам складывания культуры и роли религии в ранней истории Юго-Восточной Азии: Э. О. Берзин. К вопросу о формировании культуры Таиланда.— «Вестник истории мировой культуры», 1958, № 5; В. А. Тюрин. К вопросу об истоках малайской культуры.— Там же, 1959, № 3; И. В. Можейко. Зарождение и истоки бирманской культуры.— Там же, 1961, № 1; он же. Развитие бирманской культуры в эпоху феодализма.— «Очерки из истории Юго-Восточной Азии»; Г. Г. Стратанович. Доббудийские верования народов Западного и Центрального Индокитая. М., 1960.

[10] Д. Дж. Е. Холл. История Юго-Восточной Азии. М., 1958, стр. 27.

[11] G. Coedès. Les états hindouisés d'Indochine et d'Indonésie, p. 25—26; N. G. Krom. Hindoe-Javaansche geschiedenis, blz. 47—48.

[12] Мы употребляем в данном случае терминологию малайского мира Юго-Восточной Азии.

имелся и в духовной культуре народов Юго-Восточной Азии: анимизм, культ предков и богов плодородия, дольменные погребения и менгиры и т. д.

Разложение родового строя в передовых районах Юго-Восточной Азии было связано прежде всего с появлением бронзовых и железных орудий (вторая половина I тыс. до н. э.). Начавшийся на этой основе рост производительных сил привел к интенсификации земледельческого хозяйства, что в свою очередь положило начало процессу отделения ремесла от земледелия, развитию мореходства. По мере совершенствования техники в долинах распространяется ирригационное террасное земледелие, увеличиваются возможности земледелия ладангового типа. Торговля, которая велась родовыми вождями от имени соплеменников, и мореходство с сопутствующим им пиратством оказались самым быстрым путем накопления богатства в условиях Юго-Восточной Азии.

В процессе возникновения классового общества два важных обстоятельства определили характер, конкретные формы и многие специфические особенности государств региона. Первое — это существование общины, сохранявшей многие черты первобытного коллективизма и медленно переходившей в общину соседскую. Именно эта переходного типа община оказалась фундаментом раннеклассовых государств Юго-Восточной Азии.

Вследствие того, что проблемы нехватки земли практически не существовало, владение землями на первых порах не служило здесь источником обогащения.

Земля принадлежала, как правило, коллективу общинников. При наличии большого количества свободных земель долгое время не возникало необходимости в установлении прав индивидуального землепользования. Специфические особенности тропического земледелия, требовавшего совместных коллективных усилий как в условиях ирригационного, так и ладангового земледелия, содействовали сплочению общинного коллектива, задерживая его социальную и имущественную дифференциацию. Община, крайне медленно преобразовывавшаяся в соседскую, препятствовала возникновению собственности семейных групп, создавала малоблагоприятные условия для подчинения рядовых общинников родовой верхушкой. Последняя возвышалась не за счет создания крупной земельной собственности внутри общины, а путем установления административного и религиозного контроля над всей общиной [13]. Этому способствовало также создание ирригационных систем в долинных районах и развитие торговли и мореходства — в приморских.

Родовая верхушка, используя свое положение, становилась распорядителем в основных сферах хозяйственной деятельности,

---

[13] А. Я. Шевелейко. Указ. соч., стр. 95.

связанных с возможностью получения прибавочного продукта. Этот процесс завершился созданием государственной собственности на землю, нимало не нарушавшей сложившегося землевладения общины, и государства деспотического типа. Эксплуатации подвергался не какой-то слой общины или отдельные индивиды, а община в целом. Эксплуатация людей вне общины, т. е. рабов-военнопленных, существовала и являлась одной из причин, приводивших к выделению знати. Однако в силу удобства эксплуатации общины в целом рабовладельческий способ производства не получил самостоятельной значимости, несмотря на то, что рабство в Юго-Восточной Азии постоянно сохранялось вплоть до европейской колонизации [14].

Рабы-военнопленные легко превращались в обычных жителей страны, постепенно сливаясь с общинниками в единую массу зависимого населения. Именно так обстояло дело в развитых ирригационных обществах Камбоджи и Бирмы. В ряде случаев родовые пережитки не только существовали длительное время, но даже усиливались в связи с приходом мигрантов-завоевателей, приносивших с собой свою родовую организацию, многие черты которой они сохраняли и в классовом обществе (например, ранние бирманцы).

Вторая важная особенность возникновения классового общества в большинстве районов Юго-Восточной Азии заключается во влиянии на этот процесс более зрелых обществ соседних стран, в первую очередь Индии. (Индийское влияние затронуло обширный ареал, тогда как непосредственное воздействие Китая сказалось лишь на складывании государства в Северном Вьетнаме, хотя косвенное влияние Китая на политическую организацию и культуру ряда стран Юго-Восточной Азии было заметным.)

Географическое положение Юго-Восточной Азии делало ее объектом оживленных миграций, местом смешения различных культур и многочисленных влияний. Разумеется, это был сложный и многосторонний процесс.

В недалеком прошлом в исторической науке имелась тенденция связывать образование и развитие государственности в Юго-Восточной Азии вплоть до XIV—XV вв. целиком и полностью с индийским влиянием, с XV—XVI вв. уступившим место мусульманскому и европейскому [15]. В настоящее время подобных теорий практически никто не придерживается (за ис-

---

[14] В. А. Тюрин. О сосуществовании феодального и рабовладельческого укладов на Востоке.— «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока». М., 1966.

[15] Голландские авторы XIX — первой половины XX в. обозначали время в истории Индонезии до падения Маджапахита (конец XV — начало XVI в.) как период «индояванский». Р. Уинстедт в своих работах 30—50-х годов XX в. делил историю Малайи на индийский, мусульманский, португальский, голландский и английский периоды.

ключением некоторых индийских авторов) [16]. Но вместе с тем едва ли приходится отрицать то огромное воздействие, которое оказала цивилизация Индии на страны Юго-Восточной Азии. Индийское влияние было, по нашему мнению, не просто фактором, ускорившим процессы классообразования и складывания государства в Юго-Восточной Азии, но одной из движущих причин этих процессов.

Несомненно, что образование классов и складывание государства у народов Юго-Восточной Азии на рубеже нашей эры не было результатом только внешнего влияния, но отнюдь не случаен факт интенсивного разложения родового строя в прибрежных районах Юго-Восточной Азии именно в первых веках до н. э., т. е. в то время, когда индийцы — купцы, проповедники и искатели приключений устремились в Юго-Восточную Азию в поисках золота, драгоценных камней, пряностей, ценных пород дерева. Вряд ли также случайно, что Восточная Индонезия и Филиппины, т. е. районы Юго-Восточной Азии, не имевшие или почти не имевшие контактов с индийской цивилизацией, значительно отстали от тех областей Индокитайского полуострова и Малайского архипелага, которые поддерживали активные связи с Индией и в которых имелись индийские колонии.

Индийцы приносили с собой нормы уже сложившихся классовых отношений. Деление на варны, хотя и не получило в Юго-Восточной Азии столь широкого и глубокого влияния на общество, как в Индии, тем не менее весьма способствовало оформлению местной родовой верхушки в господствующий класс (куда вошла и часть выходцев из Индии). Характерен в этом отношении пример острова Бали, где именно верхушка общества держалась за внедрение варнового устройства, тогда как значительная масса общинников оставалась вне варн [17].

Торговля с индийцами стимулировала накопление богатств в руках знати, активно влияла на процесс классообразования, а восприятие индийских форм политического устройства помогало быстрейшему оформлению первых государственных образований в странах Юго-Восточной Азии. Индийцы принесли в Юго-Восточную Азию и свои религии: брахманизм и буддизм. В условиях разложения родового строя, классообразования и складывания государства такие религии стали в руках господствующих классов мощным средством воздействия на массы.

Индийское влияние, хотя и затронуло практически все районы Юго-Восточной Азии, где сложились первые государства (кроме Северного Вьетнама), тем не менее весьма различалось

---

[16] См., например, R. C. Majumdar. Hindu colonies in the Far East. Calcutta, 1963; B. N. Luniya. Evolution of Indian culture. Agra, 1955 (русск. перев.: Б. Н. Лунин я. История индийской культуры. М., 1960).

[17] См. Л. М. Демин и. Указ. соч., стр. 27.

по характеру своего воздействия в зависимости от типа того или иного государственного образования.

Мы выделяем три основных типа раннеклассового государства в Юго-Восточной Азии, возникновение которых было связано с отмеченными выше природно-хозяйственными различиями региона. Первым и наиболее ранним типом государственного образования были приморские города-государства, которые условно можно назвать нагарами (распространив малайско-индонезийский термин на всю Юго-Восточную Азию). Другой тип, также условно названный «ирригационным», сложился несколько позже в речных долинах Индокитайского полуострова и Явы. Еще позже на базе синтеза и взаимодействий государственных образований первого и второго типов в Юго-Восточной Азии возник также третий, смешанный по своему характеру тип, имевший черты и нагары, и «ирригационного» государства. Нагары, возникшие на рубеже н. э. на Малаккском полуострове, в Западной Индонезии и на Тенассеримском побережье Индийского океана, подверглись более значительному индийскому влиянию, чем государственные образования ирригационного типа. Некоторые из них были даже основаны индийскими колонистами, хотя несомненно, что базой подавляющего большинства нагар служил местный элемент. Во всяком случае остается фактом, что нагары так или иначе были тесно связаны своим происхождением и развитием с индийским влиянием.

Если в складывании городов-государств типа нагар индийские элементы общественной организации, политического устройства, религии приняли непосредственное участие (как через индийцев, так и через «индианизировавшуюся» местную верхушку), то влияние этих элементов на «ирригационный» тип государства было менее непосредственным. Ирригационные государства возникли позже, иногда на базе городов-государств (или по крайней мере многое от них заимствуя). Их связь с Индией была опосредствована довольно длительным самостоятельным существованием местных государственных образований типа нагар, где постепенно шел процесс слияния элементов индийской общественно-политической и религиозной системы с местным субстратом, в результате чего они не противостояли «варварской» периферии, населенной теми же этническими группами, а превращались в самобытные местные образования [18].

---

[18] В этом отношении они отличались от греческих и финикийских колоний в Средиземноморье, большинство населения которых составляли именно колонисты, тогда как в большей части городов-государств Юго-Восточной Азии решающую роль играл местный элемент, подвергавшийся индийскому влиянию (Д. Дж. Е. Холл. История Юго-Восточной Азии, стр. 33; B. H. M. Vlekke. Nusantara. A history of Indonesia. Bruxelles — Djakarta, 1961, p. 24—25).

* * *

Перейдем теперь к более подробному рассмотрению всех трех выделенных нами типов начальных государственных образований в Юго-Восточной Азии. Первый и наиболее ранний из них, города-государства, нагары, был наиболее характерным для южной, приморской части региона, т. е. для Индонезийского архипелага и Малаккского полуострова. Но город-государство — не исключительное достояние индонезийско-малайского мира Юго-Восточной Азии. Его можно найти и в Южной Бирме (в дельте Иравади), и в Юго-Восточном Индокитае. Образования подобного типа начали возникать с первых веков н. э. К ним относятся государства Малаккского полуострова — Лангкасука, Тун-Сун, Пан-Пан, Таккола, Кедах (иначе Калах, Кадарам), Страна Красной Земли, Тамбралинга [19], государство V в. на Восточном Калимантане, Мелаю и Сривиджая на Восточной Суматре, монские государства в дельте Иравади и в Тенассериме, наиболее известными из которых были Пегу и Татон, государство Фунань в современной Камбодже.

Города-государства возникали на морских путях, проходящих через Юго-Восточную Азию из стран Ближнего Востока и Индии в Китай. Не случайно, что основная масса известных нам ранних государств Юго-Восточной Азии была расположена на северо-западном и северо-восточном побережье Малаккского полуострова, т. е. там, где пересекались важнейшие торговые пути, шедшие через Юго-Восточную Азию. Центром этих государств был морской порт. Археологические раскопки свидетельствуют, что в дельте Иравади, например, монские портовые города передвигались вслед за морем, отступавшим из-за роста дельт рек. Остатки кораблей, якоря, множество предметов импорта — все эти находки подтверждают портовый характер ранних городов бирманского побережья [20]. Типичным примером такого города была столица государства Тун-Сун, расположенная, по-видимому, в районе современного Порт-Суиттенхэма на западном побережье Малайи [21]. По свидетельству китайской хроники, сведения которой относятся к III в. н. э., «сюда приходит множество торговцев из разных стран. Здесь встречаются Восток и Запад, и бесчисленное количество лю-

---

[19] Наиболее подробные сведения, относящиеся к локализации различных государств Малаккского полуострова, см. в кн.: P. Wheatley. The Golden Chersonese.

[20] Taw Sein Ko. Note on an archaeological tour through Ramanadesa.— «Indian Antiquary», Calcutta, 1892, vol. 21.

[21] W. Linehan. Traces of a Bronze Age Culture associated with Iron Age implements in the regions of Klang and Tembeling.— JRASMB, vol. 24, pt. 3, p. 55.

дей бывает ежедневно на базаре. Редкие товары, драгоценные вещи — нет ничего, что бы не встречалось там»[22].

Города-государства обычно развивались из прибрежных деревень-кампонгов, расположенных в устье реки. Именно жители таких деревень поддерживали связи с иноземными торговцами, в таких деревнях обосновывались и сами индийские колонисты, попадавшие в Юго-Восточную Азию. Прибрежные кампонги быстрее подвергались воздействию товарных отношений, в них ускоренно под влиянием внутренних и внешних факторов происходило разрушение традиционного уклада жизни. Богатство, накопленное благодаря торговле с иностранными купцами, восприятие общественных и идеологических форм, принесенных индийскими колонистами,— все это способствовало быстрому превращению старосты кампонга, обладавшего еще рядом функций родо-племенного вождя, в царька, власти которого подчинялись различные группы, появившиеся в поселении под воздействием интенсивных торговых связей. Другим путем возникновения города-государства могло быть создание индийской колонии на побережье и постепенное распространение ее влияния на близлежащую округу[23].

Обычно нагара охватывала небольшую территорию в устье реки, впадавшей в море[24]. Центром ее был город, расположенный на побережье или в эстуарии. Город был обнесен каменными стенами с воротами и башнями[25]. В центре города, как правило, на вершине естественного или искусственного холма, находилось центральное святилище, окруженное иногда храмами меньшего размера[26]. Поблизости от центрального храма (индуистского или буддийского) располагался дворец правителя и дворцовые строения — жилища высших должностных лиц, помещения дворцовой охраны, царские зернохранилища[27].

---

[22] W. P. Groeneveldt. Op. cit., p. 119.

[23] Возможно, что имеино таким городом было поселение тамильских колонистов в Такуапа на западном побережье Малаккского полуострова (A. Lamb. Takuapa: The probable site of a pre-Malaccan entrepôt in the Malay Peninsula.— «Malayan and Indonesian Studies». London, 1965, p. 76—86).

[24] P. Wheatley. Desultory remarks on the ancient history of the Malay Peninsula.— «Malayan and Indonesian Studies», p. 51.

[25] «Ляншу» (VI в.) сообщает, что жителк страны Лангкасука (Малайя) «делают городские стены из прочного кирпича; стеиа имеет двойные ворота и наблюдательные башни» (W. P. Groeneveldt. Op. cit., p. 10). Столица Страны Красной Земли также была защищена стеиами с «воротами, расположеиными через 100 шагов друг от друга» (P. Wheatley. Desultory remarks..., p. 52).

[26] Например, в Након-Сритамарате (Южиый Таиланд) большую ступу окружало 50 храмов (R. C. Majumdar. Ancient Indian colonisation in South-East Asia. Baroda, 1955, p. 31). Развалииы храмов иагар найдеиы также на территорки современной Малайи (R. O. Winstedt. A history of Malaya, p. 20).

[27] P. Wheatley. Desultory remarks..., p. 42.

Далее шли кварталы ремесленников, моряков и другого простого люда, жившего в пределах городских стен [28]. Территория вокруг городских стен вдоль побережья обычно входила во владения нагары, тогда как внутренние районы практически не контролировались ранними городами-государствами. Иногда — в тех случаях, когда центр нагары не был окружен джунглями, а располагался на удобной для земледелия равнине,— нагара включала в свой состав более или менее обширную сельскую округу с кампонгами. Так, например, находящийся на северо-западном побережье Малайи Кедах делился на 24 административные единицы [29], охватывавшие, видимо, равнины современного Северного Кедаха и Перлиса. Именно эти районы снабжали Кедах рисом, тогда как другие нагары Малайи вынуждены были ввозить продовольствие.

Во главе нагары стоял правитель, носивший, как правило, индийский титул или имя: Шри Парамешвара, Шри Гаутама, Мулаварман, Варман, Бхагадатта и т. п. [30] Для обозначения высших должностных лиц нагары применялись индийские термины — садхукара, дханада, кармика, кулапати, найяка и т. п. [31] Источники сообщают о том, что у правителей нагары была регулярная армия — дворцовая гвардия, вооруженная луками, мечами, копьями, одетая в кожаные доспехи, и боевые слоны [32].

Общество нагары делилось по индийскому образцу на варны. Правитель, жречество и высшая знать именовались здесь брахманами, тогда как кшатриями были дворцовая гвардия и должностные лица правителя [33]. Деление на варны способствовало выделению правящей верхушки и закреплению ее привилегированного положения в нагаре.

Можно отметить ряд черт нагары как формы раннеклассового государства в Юго-Восточной Азии, отличающих ее от государств «ирригационного» типа.

Нагары были центрами морской посреднической торговли. Осиовные доходы правящий класс получал от транзитной торговли и тесно связанного с нею пиратства, а также от работорговли [34]. Обычно правитель и его окружение принимали непосред-

---

[28] Описание Кедаха см.: W. P. Groeneveldt. Op. cit., p. 121.

[29] Ibidem.

[30] Правитель Кедаха, согласно китайским источникам, носил титул Шри Парамешвара, правитель Лангкасуки — Бхагадатта (W. P. Groeneveldt. Op. cit., p. 10, 121).

[31] G. Coedès. Les états..., p. 135.

[32] «Новая история Таиской дииастии» сообщает, что в Кедахе «солдаты употребляют луки, стрелы, мечи, копья и кожаные доспехи; их знамена украшены павлиньими перьями и они сражаются на слоиах; вся армия разделена на сотии, и слон придан к каждой сотие. На спиие слона находятся четыре человека, вооружеиные луками, стрелами и копьями» (W. P. Groeneveldt. Op. cit., p. 121).

[33] P. Wheatly. Desultory remarks..., p. 42, 46.

[34] Даже в прибрежиых государствах более позднего времеии, когда большую значимость для господствующего класса стала приобретать непосредственная эксплуатация крестьян (Малаккский султаиат, Аче), осиовиые доходы правящий класс получал от

ственное участие в торговле[35]. Эксплуатация местного населения осуществлялась главным образом в форме принудительных работ по постройке кораблей, храмов и дворцов, а также поставки в случае необходимости людей в армию и флот правителя. Показательно, что ранние города-государства Юго-Восточной Азии практически не стремились к распространению своей власти на внутренние районы, которые оставались вне сферы воздействия нагары. Так, например, внутренние области Малайи вплоть до XV — XVI вв. были в числе наименее развитых районов Юго-Восточной Азии, несмотря на возникновение на малайском побережье едва ли не наиболее ранних государств Юго-Восточной Азии. В нагарах классовые различия оформились гораздо определеннее, нежели в «ирригационных» государствах. В последних варны были приняты в общем формально[36], тогда как в нагарах принадлежность к варнам брахманов и кшатриев означала реальную принадлежность к господствующему классу.

Водораздел между знатью и простонародьем обозначился в нагарах раньше и резче, чем в государственных образованиях «ирригационного» типа. Этому в немалой степени способствовал постоянный (на протяжении первых веков н. э.) приток индийских колонистов, претендующих на «благородное» происхождение и «облагораживавших» ту прослойку местного населения, с которой они роднились. Так, в III в. наблюдается приход волны выходцев из Индии в Фунань, где царская власть, видимо, перешла к династии, связанной с новыми колонистами. Раньше в нагарах появились и рабы, захваченные в пиратских набегах или купленные у иноземных купцов. Существование рабов способствовало выделению в нагарах знати, которая обладала этими рабами в отличие от простолюдинов. Нет никаких сведений, которые позволяли бы сделать вывод о производительном использовании рабского труда в нагарах. В ранних нагарах, как и в прибрежных государствах более позднего времени, рабов или заставляли выполнять домашнюю работу в дворцах и домах вельмож, или (что случалось гораздо чаще) продавали иноземным торговцам, т. е. здесь можно говорить не столько о рабовладении, сколько о работорговле[37].

торговли (см. M. A. P. Mellink-Roelofsz. Asian trade and the European influence in Indonesia between 1500 and 1630. The Hague, 1962).

[35] Торговлей представители господствующего класса прибрежных государств занимались вплоть до европейской колонизации. Например, султан Малакки Музаффар-шах (XV в.) «покупал и строил корабли и посылал их с торговцами» (Tomè Pires. Suma Oriental, vol. II. London, 1944, p. 243), а первый министр (бендахара) той же Малакки сам был крупным купцом (Sejarah Melaya or Malay Annals, a translation of Raffles M. S. 18 by C. C. Brown.— JRASMB, vol. 25, pt. 2-3, p. 60).

[36] См. С. А. Маретина. Трансформация индийских вари на острове Бали, стр. 185—198; Л. А. Седов. К вопросу о варнах в ангкорской Камбодже, стр. 178—184.

[37] Работорговля и пиратство процветали именно в прибрежных районах Юго-Восточ-

Нагары отличались от «ирригационных» государств также отсутствием аппарата чиновников, совпадающего с господствующим классом. Видимо, государственный аппарат в нагарах, как об этом можно судить и по более поздним приморским государствам, был слабее, чем в «ирригационных» государствах: не было необходимости держать в физическом и идеологическом повиновении такие массы населения, с какими имел дело господствующий класс, например Камбоджи или Явы.

В отличие от «ирригационных» обществ, где наблюдалась тенденция к образованию единообразного аппарата чиновничьего управления на всей территории государства (или по крайней мере на равнинной ее части), в нагарах такой аппарат существовал лишь в самом центре.

К такому заключению можно прийти при сравнении с довольно хорошо известными поздними прибрежными государствами — Малаккским султанатом и Аче. Здесь, несмотря на совершенно явно прослеживаемое различие между «благородными» и «простолюдинами», никогда не существовало такого разветвленного и сложного аппарата управления, как в современной им Бирме, Сиаме или в яванских государствах. По-видимому, возникновение сильного государственного аппарата в ранних обществах было связано не просто с уровнем классовой дифференциации, а с теми функциями (в том числе хозяйственными), которые должен был выполнять в различных условиях этот аппарат.

В том случае, когда происходило возвышение нагары (Фунань III в., Сривиджая VII—X вв.), она превращалась не в империю, охватывающую обширные пространства, стремящуюся создать централизованный аппарат управления, а в талассократию, господствующую на важнейших морских путях благодаря своему флоту и довольствующуюся подчас чисто формальной зависимостью большинства своих владений. Например, нагары Малаккского полуострова, как это явствует из сообщений китайских хроник, сохраняли свое политическое устройство, признавая сюзеренитет Фунани. По-видимому, малайские владения Сривиджаи также сохраняли значительную самостоятельность, например, нагара Лангкасука, возникшая в I—II вв., а затем вошедшая в состав Сривиджаи, вплоть до XIII в. упоминается в качестве отдельного государства. Слабо контролируемыми были и владения Сривиджаи в других частях современной Северной Малайи и Южного Таиланда [38].

Будучи включенными в состав ирригационных государств,

ной Азии. Известны пиратские набеги суматранцев и яванцев на побережье Индокитайского полуострова в VIII в. Работорговля процветала в Малаккском султанате, в Аче и других приморских государствах более позднего, чем нагары, времени.

[38] В. А. Тюрин. К вопросу об истоках малайской культуры, стр. 87.

нагары с их развитыми классовыми отношениями, высокой городской культурой, производственными навыками ремесла оказывали ускоряющее воздействие на развитие «ирригационного» общества.

* * *

Второй тип раннеклассового государства в Юго-Восточной Азии, который мы называем «ирригационным», начал возникать позже нагары, примерно с V—VI вв. К этому типу относится Ангкор в Камбодже, Тарума на Западной Яве, Дваравати в нижнем течении Менама, государства Центральной и Восточной Явы, наиболее известным из которых был Матарам.

Характерным примером раннеклассового «ирригационного» общества в Юго-Восточной Азии может служить Ангкорское государство, начавшее складываться у народов мон-кхмерской группы в V—VI вв. и достигшее наивысшей точки своего развития в XII—XIV вв. Начало становления раннеклассового общества у кхмеров приходится на период, не освещенный письменными источниками [39]. Основой этих процессов явился совершившийся во II—I вв. до н. э. переход мон-кхмерских племен от культуры камня к культуре бронзы и железа [40], зафиксированный в верхних слоях стоянки Самронг Сен и нижних слоях стоянки Млоу Прей [41]. Применение железных орудий труда позволило кхмерам окончательно перейти к земледельческому производству, которое стало давать прибавочный продукт, необходимый для возникновения социальной дифференциации общества. Роль катализатора в начавшемся у древнекхмерских племен процессе развития классовых институтов сыграло влияние индийской материальной и духовной культуры, пришедшее во внутренние области Индокитайского полуострова через приморские государства Фунань и Тямпу, где раннеклассовое общество типа нагары сформировалось уже в первых веках н. э.[42]

Районы обитания мон-кхмерских племен, расположенные в среднем течении Меконга и притока Се Мун, а также на территориях к северу и западу от озера Тонле Сап, были подчинены Фунанью [43]. Это подчинение носило характер вассальной зависимости племенных объединений, существовавших в этих перифе-

[39] Первые санскритские надписи на территории Камбоджи относятся к V—VI вв. н. э., а наиболее древняя надпись на кхмерском языке датируется 609 г.

[40] Образование государства может, по-видимому, происходнть и на базе каменных орудий пронзаодства, примеры чего мы находнм в цивилизации Майя. Правда, по мнению некоторых авторов, цианлизация Майи была бесклассовой.

[41] M. Colani. Recherches sur la prehistorique Indochinois.— BEFEO, t. 30, p. 3—4; P. Levy. Recherches préhistoriques dans la région de Mlu Prei. Hanoi, 1943.

[42] G. Coedès. Les peuples de la péninsule Indochinoise. Paris, 1962.

[43] P. Dupont. La dislocation du Tchen-la et la formation de Cambodge Angkorien (VII—IX-e siècle).— BEFEO, t. 43.

рийных по отношению к Фунани областях. Еще в течение нескольких веков во внутренних районах Камбоджи сохранялся более архаический по сравнению с Фунанью тип социальной организации. Однако в V в. на базе воспринятых от Фунани и Тямпы достижений материальной культуры, форм общественных отношений и религиозных идей в Центральной Камбодже создается самостоятельное раннеклассовое государство, известное в более поздних китайских хрониках, как Ченла, а в начале VII в. царь Ченлы Ишанаварман (611—635) завоевывает Фунань и включает ее в состав своих владений.

Государство Ишанавармана достигло больших размеров, включив в себя, по свидетельству китайских хроник [44], всю территорию вдоль нижнего и среднего течения Меконга и районы вокруг озера Тонле Сап на запад вплоть до монского царства Дваравати в долине Менама. Отношения центра государства с окраинными территориями строились на принципах вассальной зависимости периферии от центра, осуществляющего эксплуатацию зависимых владений в форме дани. Временное единство зиждилось еще в значительной степени на военных успехах царства Ишанавармана.

Нам почти ничего не известно о социально-экономическом строе государства Ишанавармана, однако можно полагать, что это было первое сложившееся раннеклассовое государство в Центральной Камбодже. Некоторое представление об этом государстве дают китайские хроники, сведения которых относятся в основном к царскому двору [45]. Царь восседал на роскошном троне, изготовленном из пяти сортов сандалового дерева и украшенном семью видами драгоценных камней. Его одежда была сшита из тонкой ткани и отделана драгоценностями. Его окружали вельможи, одетые с не меньшим великолепием, чем царь. Все, кто обращался к царю, падали перед ним ниц и трижды касались лбом пола. Дворец охранялся более чем тысячью стражников в доспехах, вооруженных пиками. В то же время в этих описаниях имеются детали, позволяющие распознать в приводимой картине некоторые пережитки военной демократии: каждые три дня царь принимал просителей из всех слоев народа, «все жители страны,— говорится в хронике,— носят оружие и доспехи, так что малейшая ссора кончается кровопролитной стычкой».

Одним из факторов, обусловивших дальнейшее развитие раннеклассового общества кхмеров, его темпы и направление, были войны между небольшими государствами, на которые неустойчивая империя Ишанавармана распалась вскоре после смерти ее создателя. Непрерывные войны VII—VIII вв. привели к сосредоточению в руках удачливых правителей и военачальников

---

[44] Ma Touan lin. Ethnographie des peuples étrangères à la Chinois, p. 477.
[45] Ibid., p. 477—481.

сотен и тысяч военнопленных, обращаемых в рабов. Наиболее богатый эпиграфическими памятниками доангкорской эпохи VII век донес до нас огромное количество надписей такого типа: «...рабы, переданные начальником царских слонов храму Шри Шанкары (около 100 человек)»[46] или «...дар курак кхлонь (доангкорский титул.— *Авт.*) Вьядхапуры храму Шри Рудрамахалая (43 мужчины и около 40 женщин)»[47]. Эти рабы — иноплеменники (индийцы, моны, тямы, представители отсталых горных племен) и кхмеры из побежденных областей — эксплуатировались на землях храмов в качестве земледельцев и храмовой прислуги. Правда, формы этой эксплуатации для данного периода, и в частности вопрос о том, была ли эта эксплуатация рабской в социально-экономическом смысле этого слова, не представляется возможным выяснить, так как сведения надписей чрезвычайно скупы на этот счет.

Следует остановиться на роли храмов в развитии раннеклассового кхмерского общества. Уже в рассматриваемый период храм из общинного святилища родовых богов-предков превращается в средоточие отделенных от общины богатств, находящихся в руках привилегированной общинной верхушки. Этому способствуют смена доиндуистских локальных верований индуизмом и оформление жречества. Дальнейшая эволюция кхмерского общества идет по линии расслаивания равноправных общин на сильные (храмовые) и зависящие от них обычные сельские общины, однако этот процесс получает наибольшее развитие уже в период Ангкора[48].

Новый скачок в развитии производительных сил Камбоджи произошел в IX в., когда в связи с освоением кхмерами техники ирригационного хозяйства появились новые возможности для массового применения принудительного труда. Этот скачок явился естественным итогом, с одной стороны, всего предыдущего развития, приведшего к сосредоточению в руках правителей массовой рабочей силы в лице рабов-военнопленных[49], с другой стороны, удачного выбора первым ангкорским царем Джаяварманом II места для своей столицы в районе к северо-западу от озера Тонле Сап. Реки, текущие с горы Пном Кулен, и среди них река Сием Реап, питаемая водами подземного источника и обладающая самым постоянным режимом среди рек Камбоджи[50], обеспечивали прекрасные возможности для орошения

---

[46] Стела из Ват Барая.— Inscriptions du Cambodge, t. VI, p. 14—15.

[47] Надпись из Прасат Прах Тхат.— Ibid., t. V, p. 42—44.

[48] См. Л. Седов. Собственность храмов ангкорской Камбоджи как форма собственности феодальных родов.— «Краткие сообщения ИНА АН СССР». М., 1965, № 75.

[49] Нужно тут же оговорить, что чисто рабской форме эксплуатации военнопленные подвергались, по-видимому, лишь в первом поколении. Что касается их потомков, то они включались в феодальную по своей сути систему эксплуатации с наделением землей.

[50] E. Aymonier Le Cambodge, t. I. Paris, 1900, p. 413.

плодородной лёссовой равнины Ангкора площадью более чем в 5 млн. га [51].

Эпоха расцвета Ангкора отмечена подъемом сельскохозяйственного производства и быстрым ростом населения, которое достигало в этом районе не менее 1 млн. человек [52]. Диктуемая потребностями общественного развития и ростом населения необходимость строить и поддерживать в сохранности сложные оросительные и дренажные сооружения, что предполагало затраты труда больших масс людей, была тем фактором, который обусловил возникновение и длительное существование мощного деспотического государства Ангкора, сконцентрировавшего при первых царях ангкорской династии земельные фонды в своих руках.

Как и в большинстве социально-экономических структур такого типа, дальнейшее развитие шло, однако, не по линии укрепления централизованной государственной экономики, а по линии раздачи государством своих земельных богатств и зависимых земледельцев, передачи их в руки вельмож и знатных родов. Под непосредственным контролем государства остаются лишь крупные государственно-храмовые хозяйства, так называемые «центральные» храмы. Основной же производительной силой общества остаются сельскохозяйственные общины. Создается типичная азиатская форма общества, в которой мелкие производственные коллективы выступают как наследственные владельцы земли, а связующее единство — государство, возвышающееся над этими мелкими коллективами, выступает как высший или единственный собственник, являясь в то же время предпосылкой коллективной собственности общин [53].

Реально общественная структура, наблюдаемая нами в Ангкоре, выглядит следующим образом [54]. Основную массу сельскохозяйственного населения составляли свободные общинники — вап и лонь, обязанные государству натуральными податями и трудовой и воинской повинностью. Слой свободных общинников не был социально однородным. Те общины, представители которых оказывались в числе приближенных царя и включались в государственный аппарат или верхушку духовенства, получая титулы и пожалования, попадали в привилегированное положение. Имущество этих общин оформлялось как храмовое имущество «личных» храмов или родо-профессиональных корпораций — варн, а общинники становились жрецами этих храмов или членами корпораций, поставляющих из своих рядов служителей

---

[51] B. Groslier Angkor et le Cambodge au XVI-e siècle d'après les sources portugais et espagnoles. Paris, 1958, p. 109.

[52] B. Groslier. Angkor: hommes et pierres. Paris, 1956, p. 24.

[53] К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940, стр. 6.

[54] Л. А. Седов. Собственность храмов ангкорской Камбоджи..., стр. 3—12; он же. К вопросу о варнах в ангкорской Камбодже, стр. 178—184.

государственных учреждений, жрецов центральных храмов и приближенных царя. Храмы и варны часто наделялись иммунитетами, освобождавшими их от повинностей, кроме сравнительно небольших поставок в пользу центральных храмов или отработок на полях центрального храма.

Остальные общины (большинство), не имевшие статуса храмов или варн, назывались варгами и были основным источником поступления продуктов сельскохозяйственного производства и ремесла на государственные оклады, рабочей силы на строительство храмов, ирригационных сооружений и дорог и солдат в армию. Варги попадали в зависимость от храмовых общин, продавая им свою землю. Этот акт не влек за собой действительного отчуждения земли у ее прежних владельцев, а скрывал за собой коммендацию на условиях несения повинностей в пользу храма. Особенно четко это отношение выражено в надписи из Ват Басет, где говорится о продаже храму, основанному вельможей Шрикантхапандитом, земли группой лиц из варги поставщиков молока, состоявшей из 13 вап и 2 лонь, которые произносят следующую клятву: «Это земля, которую В. К. А.[55] из Пхалаприи (Шрикантхапандита.— *Авт.*) купил у нас, когда он воздвиг трон бога, и на которую он положил обязательство обеспечивать ежедневные поставки для бога и держание которой он возложил на членов нашей семьи (клана.— *Авт.*), являющихся главами семьи, и мы не совершим обмана, отрицая наше знание [всех этих фактов]. Если будущий царь прикажет нам покинуть [владения] бога, мы советуем нашим потомкам не дать, чтобы эта земля ушла из пределов [владений] бога»[56].

Выше мы рассмотрели организацию свободного населения ангкорской Камбоджи. Однако труд свободных земледельцев был преобладающим, но не единственным источником общественного богатства Ангкора. Большую роль в производстве на протяжении всего ангкорского периода продолжал играть труд лично зависимого населения — кхнюм. Являясь военнопленными и их потомками, кхнюм в юридическом плане приближались к рабам. Они не имели юридического лица (хотя иногда их имена встречались среди свидетелей при установлении межевых знаков[57]), юридической семьи, считались полной собственностью своего владельца. Их можно было продавать, закладывать, передавать по наследству. С другой стороны, анализ надписей показывает, что положение кхнюм отличалось от рабского. У них могло быть свое имущество и даже закрепленные за ними участки полей. Очень часто кхнюм продавались и покупались вместе с землей, на которой жили. Однако норма эксплуатации кхнюм была чрезвычайно высокой (около 60%),

[55] Сокращение от «врах камратенг ань» — высокого титула ангкорской эпохи.

[56] Inscription du Cambodge, t. III, p. 16—24.

[57] См. надпись из Прасат Трапеанг Рунг 1006 г. (BEFEO, t. 28, p. 58—80).

норма потребления риса — низкой (около 400 г очищенного риса в день), участки земли, передаваемые им в личное пользование,— крайне маленькими, неспособными прокормить взрослого работника-земледельца без дополнительных выдач из общественных житниц храма. Основной формой эксплуатации кхнюм была барщина на храмовых полях. Отмечаются и случаи, когда кхнюм полностью существуют за счет выдачи им харчей из принадлежащего храму урожая [58]. Все это сближает кхнюм с рабами.

Кхнюм были основной рабочей силой в хозяйстве центральных храмов. В крупнейшем центральном храме Та Прохм кхнюм производили более четырех пятых риса, а остальной рис поступал из подчиненных храму деревень, «личных» храмов и с царских складов [59]. Из царских же складов снабжался храм и некоторыми другими продуктами. С другой стороны, известны центральные храмы, поставлявшие сельскохозяйственные продукты государству (храмовое хозяйство «Святой остров», посылавшее на царские склады топленое масло) [60].

В хозяйстве «личных» храмов и варн также работали кхнюм, хотя и рядовые вап и лонь занимались земледельческими работами. Бо́льшая часть этих общин не освобождалась от натуральной и трудовой повинностей в пользу государства. Известно, например, что из жертвенного риса, передаваемого «личным» храмом Брах Тхкваль центральному храму Внам Канталь, одна треть забиралась надзирателем, следившим за выполнением государственных повинностей [61]. Есть основания полагать, что храмовые кхнюм привлекались на государственную службу в армию и на строительные работы.

Подытоживая, можно сказать, что юридически свободное население ангкорской Камбоджи состояло из групп, различных как по своему сословному статусу, так и по реальному экономическому положению. Однако эти группы не отличались кастовой замкнутостью и границы между ними не были непреодолимыми. В этой части кхмерского общества существовала известная социальная мобильность, способствовавшая устойчивости общественной структуры.

Несмотря на то, что свободный слой включал в себя и эксплуататоров, и некоторые категории эксплуатируемых, все свободные участвовали в эксплуатации низшего слоя населения — кхнюм. Хотя юридически водораздел в Ангкорском государстве проходил между свободными и несвободными, основными ан-

---

[58] Л. А. Седов. К вопросу об экономическом строе ангкорской Камбоджи IX—XII вв., стр. 73—81.

[59] Надпись из Басак (Ромдуоль) X в. (Inscriptions du Cambodge, t. II, p. 54—57).

[60] Ibidem.

[61] Л. А. Седов. К вопросу об экоиомическом строе ангкорской Камбоджи IX—XII вв., стр. 76

тагонистическими классами в Ангкоре были эксплуатируемые земледельцы-общинники и кхнюм и эксплуатирующие их крупные землевладельцы и служилая бюрократия. В XII в. фактическая дифференциация общества получает и юридическое оформление. Это можно видеть в поздних ангкорских надписях, где в числе земледельцев храмового хозяйства в одном ряду можно видеть и людей со старыми апеллятивами си и таи, характеризующими несвободных кхнюм, и лиц с апеллятивом лонь и соответствующими ему женскими апеллятивами тенг и тенг тван, характеризовавшими ранее свободных лиц. Таким образом, по мере все большего подчинения свободных общин государством и углубляющегося разрыва между массой общинников и титулованной знатью стираются грани между различными категориями земледельцев и формируется однородный слой податного крестьянства.

В последующий период истории Камбоджи произошли события, резко изменившие социально-экономическую структуру общества. В XII—XIII вв. закабаление общин и эксплуатация народных масс достигают таких масштабов, что народ начинает отвечать на усиливающийся гнет восстаниями, религиозно-реформаторскими движениями. Ослабленное государство становится жертвой нашествий сиамцев. В ходе войн быстро приходит в упадок ирригационное хозяйство Ангкора. По типу хозяйства Камбоджа из ирригационной державы превращается в страну богарного земледелия. Соответственно меняется и вся общественная структура. Источники не позволяют проследить процессы, приведшие к крушению сельской общины в Камбодже, однако в XVIII—XIX вв. европейцы уже не застали здесь ни родовой, ни сельской общины. Исчезло и храмовое хозяйство вместе с индуизмом, сменившимся буддизмом хинаяны. На месте многоступенчатой системы эксплуатации общин храмово-бюрократической знатью возникает более простая система эксплуатации податного крестьянства бюрократическим аппаратом. Между знатью и крестьянством устанавливаются жесткие сословные перегородки.

* * *

В Юго-Восточной Азии существовал также тип государства, в котором объединялись черты как нагары, так и ирригационного государства. Нам представляется, что черты этого «смешанного» общества приобрела талассократия Фунань в последний период своего существования (IV—VI вв.). Более характерным примером такого государства было Паганское государство в Бирме (XI—XIII вв.).

Бирманские племена начали проникать на территорию Бирмы в VII в. из Юго-Западного Китая. Вхождение их в это время

в государство Наньчжао способствовало переходу этих первоначально кочевых племен, занимавшихся скотоводством, к оседлости, занятию земледелием. а также, по-видимому, ускорило разложение родо-племенных отношений. С ослаблением Наньчжао бирманские племена проникли в долину Иравади (IX в.) и осели здесь в областях Чаусе и Минбу (к югу от современного Мандалая). На этой территории бирманцы столкнулись с рядом других племен и народностей, наиболее значительными из которых были пью и моны. Тибето-бирманские племена пью, заселявшие Северную и Центральную Бирму примерно в V в н. э., создали свое государство Шрикшетра, которое просуществовало до прихода бирманцев. Судя по китайским письменным источникам и археологическим данным, основным занятием пью было выращивание риса с применением искусственного орошения [62].

Монские государства в Бирме, известные под общим названием Раманнадеса, располагавшиеся на южном и юго-восточном побережье страны, были типичными нагарами, с высоким уровнем развития торговли и мореходства. Моны создали свои государства в Бирме в первых веках н. э. После разгрома в IX в. пью государством Наньчжао моны проникли в долину Иравади и здесь, в Чаусе, столкнулись с бирманцами [63].

Пью и моны оказали большое влияние на бирманские племена в культурном, хозяйственном и политическом отношении. Именно это взаимодействие позволило бирманским племенам довольно быстро пройти процесс классообразования и создать государство уже к XI в.

Паганское государство возникло как «ирригационное» общество. В наследство от пью и монов бирманцам в этом районе досталась развитая ирригационная система. Существование этой системы и необходимость ее дальнейшего расширения и совершенствования послужили мощным фактором ускорения темпов разложения родового строя и образования раннеклассового бирманского общества. Область Чаусе превратилась в житницу Бирманского государства, стала его главным экономическим центром. Однако политический центр Бирманского государства — город Паган — возник за пределами Чаусе, на торговом пути в Южную Бирму, и не был связан с родовыми поселениями бирманцев. Вскоре после образования Паганского государства (традиционная дата — 1044 г.) основатель его — правитель Аноратха (Анирудда) — завоевал монские территории Южной Бирмы и включил их в состав своей державы (1057 г.). С присоединением монских государств в Пагане окончательно оформляются политические и идеологические институты, разрабаты-

[62] G. H. Luce. Ancient Pyu.— JBRS, vol. XXVII, pt. 3, p. 239—253; G. H. Luce Countries neighbouring Burma.— Ibid., vol. XIV, pt. 1, p. 138—205.

[63] G. H. Luce. Old Kyaukse and the coming of the Burmeae, p. 75.

вается теория царской власти, создается единая централизованная буддийская церковь (буддизм теравады), появляются письменность на основе монской и первые литературные произведения.

Паган начинает развиваться как «смешанное» общество. В его общественном и государственном устройстве появляются черты некоего синтеза более развитых форм, характерных для монских государств, и особенностей, сохраненных бирманцами от недавнего периода разложения родо-племенных отношений.

Социальная структура Паганского общества в целом сходна со структурой «ирригационного» государства: сильная центральная власть, совпадение чиновничьего аппарата с господствующим классом, деление общества на знать, земледельцев-общинников (асан) и несвободных (чван), отсутствие кастовой замкнутости и непроходимых граней между различными категориями свободного населения [64].

Уже в начале XII в. в Бирме сложилась сильная царская власть, и бирманские правители потеряли те черты вождей родоплеменного союза, которыми они обладали в начале возникновения Паганского государства. Появилась теория царской власти, согласно которой правитель считался «господином всех живущих, хозяином всей воды и земли»[65]. Выборность правителя уступила место наследственному престолонаследию.

К этому же времени окончательно оформился господствующий класс Пагана. Родовая знать трансформировалась в чиновничество, причем наряду с бирманской аристократией в господствующий класс влилась правящая верхушка монских городов-государств. Основную массу чиновничества составляли так называемые сукри, что в переводе означает «управляющие». Сукри могли как стоять во главе различных административных единиц, так и осуществлять хозяйственные и судебные функции [66].

Кроме сукри, существовали многочисленные налоговые, межевые и судебные чиновники. Судя по эпиграфике, сукри наряду с высшими чиновниками часто выступали в качестве дарителей земли церкви [67]. Это свидетельствует о том, что, очевидно, некоторые бирманские чиновники обладали земельной собственностью, хотя большинство из них (среднее и мелкое чиновничество) находилось на содержании казны.

Эксплуатируемое население Паганского общества состояло из свободных земледельцев-общинников (асан), о которых

---

[64] И. В. Можейко. Паганское государство, стр. 242—295.

[65] Ch. Duroiselle. List of inscriptions found in Burma. Rangoon, 1921, Inscr. 311.

[66] Термин «сукри» очень часто встречается в надписях, см., например: Ch. Duroiselle. Op. cit., inscr. 392; G. H. Luce, Pe Maung Tin. Inscriptions of Burma, pl. 172, 296 ect.

[67] Ch. Duroiselle. Op. cit., inscr. 192, 246, 269, 325.

источники почти не дают сведений, и зависимых — чван. Положение чван в Паганском государстве очень напоминает положение кхнюм в ангкорской Камбодже. Чван были юридически бесправны: их можно было продать, купить, передать по наследству; часто их приписывали к различным религиозным учреждениям. Как правило, чван наделялись землей. Во многих надписях сообщается не только об общем количестве даримой земли, но и о том, сколько земли закрепляется за каждым чван для его содержания[68].

Однако Паган имел и отличительные черты в своей структуре, ибо сосуществование в единых политических рамках двух различных по типу обществ не могло пройти бесследно. Если влияние Фунани на Ангкорское государство было весьма опосредованным (ибо к периоду складывания «ирригационного» общества Фунань уже перестала существовать), то монские города-государства были подчинены Бирмой если не в период своего расцвета, то во всяком случае в состоянии, далеком от упадка. Они не утратили своего характера и сохранили определенную самостоятельность в рамках Пагана, что особенно заметно в сфере экономики.

Это был район с высокоразвитой системой внешней торговли. Монские порты Пегу и Татон открыли для Пагана выход к морю и передали свои внешние связи всему Паганскому государству. Надо, однако, отметить, что Паганское государство с самого начала своего существования, еще в качестве «ирригационного» общества имело тенденцию к более широкому развитию торговли: сам город Паган возник на торговом пути в Южную Бирму и имел естественную потребность к выходу на южное морское побережье. Походы Аноратхи в монские государства, таким образом, диктовались внутренними потребностями развивающегося Паганского государства[69]. Через монские порты осуществлялась широкая торговля с Цейлоном, Индией. Экспорт включал слонов, рабов, драгоценные камни, ткани. Перевозки происходили на морских судах, построенных монами. Можно предполагать, что монополия внешней морской торговли целиком осталась в руках монов, имевших давние морские традиции[70]. В монских городах продолжали существовать колонии иностранных купцов.

---

[68] В одной из надписей говорится, что чван, которые должны быть уборщиками, водоносами и другими слугами в монастыре, получают по одному пе земли (Ch. Duroiselle. Op. cit., inscr. 444). В другой надписи, относящейся к 1198 г., сообщается, что пагоде передается 567 пе земли и 228 чван, большинство которых должно обрабатывать эту землю. При этом оговаривалось, что часть земли выделяется надсмотрщику (10 пе), резчику по дереву (5 пе), певцу (5 пе) и барабанщику (3 пе) (см. G. H. Luce, Pe Maung Tin. Inscriptions of Burma, pl. 167).

[69] Than Tun. History of Burma, A. D. 1000—1300.— «Bulletin of the Burma Historical Commission», v. I, pt. I, Rangoon, 1960, p. 44.

[70] G. H. Luce. Economic life of early Burman.— JBRS, vol. XXX, pt. i, p. 325.

Несомненно, что более высокое развитие товарно-денежных отношений в Южной Бирме по сравнению с Центральной наложило отпечаток через некоторое время и на все паганское общество. Эпиграфика Пагана дает нам интересную картину, отличную от Ангкора: значительное количество даров церкви исходит здесь от ростовщиков и купцов. Дары эти настолько крупны, что они могут сравниваться только с пожертвованиями знати. Несомненно, что сам торгово-ростовщический слой в Пагане был гораздо шире, чем в Ангкоре. В надписях говорится о найме рабочей силы при постройке храмов и пагод частными лицами; указываются и размеры платы строителям-каменщикам, плотникам, малярам, а также скульпторам, резчикам, художникам, архитекторам. Оплата чаще всего производилась рисом и тканями; однако мастера получали и серебро[71]. Все эти данные, а также разработанная система мер и весов указывают на более высокое развитие товарно-денежных отношений по сравнению с Ангкором.

В несомненной связи с этим в Пагане более широко использовался и труд чван. Если в Ангкоре нам почти ничего не известно о применении труда несвободных в хозяйстве светской знати, то в Пагане это — распространенное явление. «Пусть те, у кого еще нет своих чван, будут обладать множеством чван»,— говорится в одной из надписей XI в.[72] Покупка рабов, чаще всего из Индии,— наиболее широкий источник поступления рабов к частным лицам, ибо военнопленные, захваченные в походах и карательных экспедициях, поступали либо к царю и крупным военачальникам, либо к монастырям. Как явствует из источников, цены на чван были не особенно высоки на всем протяжении существования Паганского государства[73].

Другим крупным источником увеличения контингента чван, находившихся в частном владении, являлась долговая кабала. Ростовщичество, а вместе с ним и долговая зависимость стали играть все бóльшую роль в жизни государства (особенно в XII—XIII вв.). В уплату долга можно было отдать либо чван, либо самого себя и свою семью[74]. Юридически для должника оставалась возможность выкупиться и снова стать свободным[75], но, как правило, человек, попавший в долговую зависимость, оставался в кабале. Очевидно, и моны, число которых среди чван, судя по эпиграфике, было значительным, попадали в категорию зависимых или в результате долговой кабалы, или

---

[71] См. табл. на стр. 312 диссертации И. В. Можейко «Паганское государство».

[72] Ch. Duroiselle, C. O. Blagden Epigraphica Birmanica, vol. I, pt. II, p. 123.

[73] Бык или корова стоили в Пагане примерно 4 кляпп серебра (G. H. Luce. Economic life of early Burman, p. 322), в то время как средняя цена чван составляла 20—30 кляпп серебра, а за коня давали 30 чван, за слона — 60 (ibid., p. 300).

[74] Than Tun. Social life in Burma A. D. 1000—1300.— JBRS, vol. XLI, pt. 2, p. 3.

[75] G. H. Luce, Pe Maung Tin. Inscriptions of Burma, pl. 143.

в период подавления бирманцами монских мятежей и восстаний.

Чван, находившихся в распоряжении частных лиц, эксплуатировали в качестве домашней прислуги. Однако с развитием Паганского государства домашних рабов-чван становилось все меньше, а возрастало число чван, используемых религиозными учреждениями, главным образом монастырями, в качестве зависимых земледельцев, наделенных, как правило, землей.

Таким образом, с развитием товарно-денежных отношений, работорговли и рабовладения на монских территориях категория чван превратилась в более значительный слой в тягловом сословии населения, чем кхнюм в Ангкоре. Черты, роднившие зависимых людей с рабами, прослеживались здесь более четко (особенно это относится к категории частновладельческих чван), а процесс превращения свободного населения в зависимых посредством долговой кабалы шел гораздо интенсивнее. Однако к концу существования Паганского государства в связи со значительным уменьшением домашнего рабства и переходом большинства чван к буддийской церкви с наделением их землей здесь наблюдается то же явление, что и в Ангкорской Камбодже: стирание граней между чван и другими категориями тяглового населения.

Место церковного землевладения в Пагане также было иным, чем в Ангкоре, вероятно, в силу взаимодействия Пагана с монским обществом. Если для Ангкора характерно почти полное совпадение государственно-общинной собственности с храмовым хозяйством, то в Пагане отчетливо прослеживается противопоставленне церковной собственности государственной. В этой связи следует отметить также, что правитель в Пагане никогда не был главой церкви, а духовенство не занимало такого места среди знати, как это было в ангкорской Камбодже.

Государственно-общинное землевладение в Пагане господствовало на первом этапе существования государства (XI—XII вв.). Знать и чиновничество получали из казны в «кормление» определенные области страны, и население их несло повинности в пользу тех, кому передавались эти владения. После смерти чиновника или с отстранением его от должности земли «кормлений» снова поступали в государственный фонд. Частное землевладение в Пагане складывалось во владениях церкви. К XIII в. храмы, монастыри, пагоды и другие религиозные учреждения получили огромное количество земли главным образом в качестве даров от правителей и частных лиц, а также путем покупки и в результате дарений должностными лицами своих «кормлений»[76]. Очевидно, эти противозаконные действия чиновников стали обычной практикой в последний период су-

[76] G. H. Luce, Pe Maung Tin. Inscriptions of Burma, pl. 196.

ществования Пагана и являлись скрытой формой светского частного землевладения.

Сосредоточение в руках церкви огромного фонда земель, не облагаемых налогами, большого числа людей (чван) и разных ценностей сделало буддийскую церковь в Пагане крупным земельным собственником, который сумел противостоять государству.

Казенный земельный фонд сократился до такой степени[77], что последние правители Пагана были вынуждены прибегать к конфискации и секуляризации земли. Если государственные земли, которые чиновники перестали возвращать в казну, были конфискованы правителем Часвой (1235—1250)[78], то попытки секуляризации церковных земель потерпели крах[79]. И все попытки государства собирать налоги в церковных владениях кончились неудачей[80].

Нам представляется, что развитие в Пагане форм собственности в сторону более заметной роли частного землевладения в противовес государственной — явление, не имевшее места в «ирригационных» обществах Камбоджи и Явы,— есть следствие «смешанного» характера Паганского государства, влияния монских городов-государств с их традициями существования частной собственности храмов и монастырей на землю и рабов.

Особенностью развития Пагана было устойчивое сохранение на протяжении всего периода существования этого государства пережитков родо-племенных отношений в Центральной Бирме, т. е. в районах первоначального расселения бирманцев в долине Иравади. Эти районы состояли из так называемых каруинов, которых всего было девятнадцать[81]. В каждый каруин входило несколько деревень и укрепление. По-видимому,

---

[77] Из подсчетов И. В. Можейко, сделанных на основании бирманских надписей, следует, что, если в первой половине существования Пагана правители делали до 50% общих земельных пожалований в пользу церкви, то в XIII в. их доля сократилась до 1%. См. И. В. Можейко. О некоторых чертах феодализма в Бирме (XI—XIII вв.).— «Очерки из истории Юго-Восточной Азии». М., 1965, стр. 18.

[78] В надписи говорится: «В 1235 г., вступив на трон, Часва захватил все земли махадан как в Нижней, так и в Верхней стране», т. е. правитель отобрал земли, розданные за службу и не возвращенные в казну (Ch. Duroiselle. Op. cit., inscr. 230).

[79] Есть несколько надписей, в которых говорится о судебных процессах, связанных с попыткой правителя Часвы изъять у монастырей те земли, которые незаконно были переданы им должностными лицами. Однако правитель потерпел поражение (см., например, G. H. Luce, Pe Maung Tin. Inscriptions of Burma, pl. 90, 231 b.). Преемник Часвы — Узана (1250—1256) — был вынужден прекратить секуляризацию земель. В его указе говорится: «И пусть земля церкви не входит в наши земли даже на толщину волоса. Но не будет греха, если наша земля войдет в число земель суасу» (т. е. церковных) (ibid., pl. 296).

[80] G. H. Luce, Pe Maung Tin. Inscription of Burma, pl. 196.

[81] 11 каруинов в Чаусе, 6 каруинов в области Минбу и еще 2 — на левом берегу Иравади напротив современного города Чаук. Г. Люс на основании бирманской эпиграфики установил границы почти всех каруинов (см. приложение к его работе: «Geography of Burma under the Pagan dynasty», p. 32—51).

первоначально каруины были местом поселения отдельного рода или нескольких родов. У жителей каруинов сохранялись родовые связи гораздо более прочно, чем у бирманцев, поселившихся за их пределами. Вероятно, во главе каруинов стояла родовая бирманская аристократия, из среды которой выходили первые правители Пагана. Судя по источникам, в XI в. жителям каруинов цари Пагана еще представлялись вождями родоплеменного союза.

Очевидно, единой административной системы в Пагане не сложилось, ибо каруины продолжали противостоять остальным частям государства: туикам, окружавшим каруины[82], где жило смешанное с бирманцами население, и нуиннам — завоеванным окраинным территориям. Монские города-государства также входили в эти территории и управлялись через наместников. Даже столица — город Паган не был причислен к каруинам и входил в туик[83]. Подлинным центром государства являлись каруины Чаусе, откуда, как в Паганский период, так и в дальнейшей истории Бирмы вплоть до XVIII в., исходили объединительные тенденции. Сохранение бирманцами пережитков родо-племенных отношений обеспечивало им бо́льшую сплоченность по сравнению с монами, а экономическая база — ирригационное хозяйство в Чаусе — и политическое главенство над монами.

Монские территории во времена Пагана, несмотря на политику не только уравнения монов в правах с бирманцами, но даже в определенные периоды и «монизацию» государства, продолжали оставаться почти не связанными в экономическом отношении с центральными бирманскими районами и претендовали на политическую независимость или на гегемонию в едином бирмано-монском государстве. Таким образом, противоречие в Паганском государстве было заложено в существовании под единой властью двух разных типов обществ, разделенных географически (долина — побережье), экономически (земледелие — торговля), этнически (бирманцы — моны). Именно это противоречие было причиной (наряду с другими) распада Паганского государства еще до завоевания его монголами в 1287 г. После этого Бирма раскололась на ряд враждующих между собой княжеств.

Хотя взаимовлияние обоих типов обществ привело к расцвету Паганского государства, которое занимало видное место в Юго-Восточной Азии, полного синтеза на данном этапе развития Бирмы не произошло. Оба общества и после Пагана продолжали существовать, заметно различаясь своей структурой, либо в качестве самостоятельных, либо объединенных государств. Тем не менее на протяжении всей последующей исто-

[82] G. H. Luce. Geography of Burma under the Pagan dynasty, p. 38.

[83] G. H. Luce. Economic life of the early Burman, p. 288.

рии Бирмы наблюдаются центростремительные тенденции, причем чем дальше шел процесс синтеза, тем больше перевес в нем склонялся на сторону бирманцев. К середине XVIII в. мы можем говорить о почти полном решении проблемы синтеза двух типов обществ в едином Бирманском государстве Конбаунов.

* * *

Итак, в Юго-Восточной Азии можно зафиксировать три типа раннеклассовых обществ, просуществовавших там вплоть до европейской колонизации. Такие государственные образования, как послеангкорская Камбоджа [84], Маджапахит, Матарам, балийские княжества, были обществами «ирригационного» типа; Малаккский султанат, Аче, Макассар, Джохор и ряд других государств имели черты, характерные для нагары. Смешанный тип прослеживался в бирмано-монских и тайских государствах, а также в ряде государств Индонезии (например, Бантам). Со временем взаимопроникновение этих трех типов становилось обычным явлением, так что новые, более поздние государственные образования отличались, как правило, все менее типологически «чистой» характеристикой.

Представляется целесообразным в качестве постановки вопроса попытаться определить, как соотносится устойчивое сохранение названных выше типов на всем протяжении истории Юго-Восточной Азии до европейской колонизации с несомненной эволюцией раннеклассовых обществ Юго-Восточной Азии в сторону развитого классового общества.

Вопрос о характере раннеклассовых государств в Юго-Восточной Азии в нашей литературе разработан крайне недостаточно. Самая распространенная точка зрения сводится к следующему. Одни страны Юго-Восточной Азии перешли от родового общества к феодализму, минуя рабовладельческую формацию (Бирма), другие — прошли через период (примерно до VII в.), который был или раннерабовладельческим, или раннефеодальным (Индонезия, Камбоджа). Единственное исключение представляет Вьетнам, где с III в. до н. э. по II в. н. э. существовала рабовладельческая формация [85]. Показательно, что период раннего феодализма при этом начинают с VI—VII вв., т. е. тогда, когда, согласно бытующему у нас представлению, начал развиваться феодализм в Индии. Не менее характерно признание рабовладельческим вьетнамского общества, на которое переносятся процессы, происходившие, по мнению ряда

[84] Хотя, как говорилось выше, в послеангкорской Камбодже ирригация теряет свое хозяйственное значение.

[85] Эта концепция положена в основу таких фундаментальных советских изданий, как «Всемирная история» и «Советская историческая энциклопедия».

синологов, в Китае, в то время, когда Северный Вьетнам был включен в состав Ханьской империи.

Такая точка зрения едва ли справедлива. Прежде всего, период раннеклассовых обществ продолжался не до VII в., а в среднем до XII—XIII вв.; лишь в XIV—XV вв. в истории большинства стран региона происходит изменение принципиального характера. Поэтому считать один из них периодом раннеклассового общества, а второй — раннефеодальным, неправомерно. С первых веков н. э. и до XII—XIII вв. в Юго-Восточной Азии существовали общества раннеклассового типа — общества, основные характеристики которых совпадают. Различия между первой и второй половинами этого периода заключаются не в переходе от обществ раннеклассовых к раннефеодальным, а в преобладании (отнюдь не абсолютном) того или иного типа раннеклассового общества — нагары и «ирригационного» государства, в распространении классовых обществ от морского побережья во внутренние районы региона.

Какой же способ производства господствовал в раннеклассовых обществах Юго-Восточной Азии?

Здесь встречаются две формы эксплуатации — эксплуатация рабов и эксплуатация земледельцев, ведущих самостоятельное мелкое хозяйство, как правило, своими орудиями и средствами труда, т. е. эксплуатация феодального типа. Обе формы эксплуатации тесно переплетаются, грани между состояниями непосредственных производителей чрезвычайно подвижны, и одна форма эксплуатации легко сменяет другую. Можно сказать, что для государственных образований типа нагары рабовладение и эксплуатация рабов (на постройке кораблей, в ремесленных мастерских, в хозяйствах храмов и знати) были более характерны, чем для «ирригационных» государств, где даже лица, юридически имеющие статус рабов, чаще всего в социально-экономическом смысле являлись феодально зависимыми. Это не значит, что в нагарах существовала рабовладельческая эксплуатация, а в «ирригационных» обществах — феодальная. Для раннеклассовых обществ характерно сочетание обоих типов, их взаимное переплетение, а не последовательная их смена.

Представляется, что раннеклассовые общества Юго-Восточной Азии обнаруживают большое типологическое сходство с раннеклассовыми обществами Древнего Востока. Это сходство наблюдается и в форме эксплуатации, и в особой экономической роли государства, и в соотношении храмовой и государственной собственности, и в характере организации государственной власти деспотического типа. Едва ли случайно, что и общества, которые в нашей литературе часто относят к раннерабовладельческим (Древний Восток), и общества, которые заносят в разряд раннефеодальных, оказываются столь схожими

между собой, что проследить различия принципиального характера не представляется возможным.

Отмеченное сопоставление подводит нас к проблеме «азиатского способа производства»: сочетанию в общественном развитии двух первичных линий классовых противоречий — крепостнической и рабовладельческой доминирующей роли государства в экономической сфере, описываемой термином «верховная собственность», сохранению известной самостоятельности за коллективами землевладельцев (общинами, храмами), приниженной роли частной собственности, если она не связана с участием в аппарате государственного управления и т. д.

Но если сблизить ранние общества Юго-Восточной Азии с древними «азиатскими деспотиями», то как тогда быть с более развитыми классовыми обществами, пришедшими им на смену в XIV—XV вв.? Ведь именно в это время имели место серьезные сдвиги, в ходе которых не только перекраивалась политическая карта региона, но и существенно менялась внутренняя структура составляющих его обществ. В частности, в это время наблюдается резкое уменьшение удельного веса рабовладельческих форм эксплуатации, постепенное исчезновение храмовой собственности, ослабление роли теократических элементов за счет усиления светской бюрократии, изменение общины и общинных форм землевладения. Все эти перемены сопровождались коренными изменениями в идеологической сфере, приходом на смену индуизму мусульманства и буддизма в большей части региона.

Совершенно очевидно, что и эти вторичные классовые структуры нельзя отнести к феодализму европейского типа, который в ходе дальнейшего развития мог породить капитализм. И в этих вторичных классовых структурах сохраняется господствующая роль государства в эксплуатации населения и распределении прибавочного продукта; частная собственность занимает вторичное место в общественной структуре, по-прежнему наблюдается сочетание феодальной и рабской форм эксплуатации. В Юго-Восточной Азии не сложилось ничего подобного европейской иерархической системе, основанной на частнофеодальной земельной собственности и независимом от государственной власти богатстве. Государства этого региона остались по преимуществу бюрократическими. Статус человека определялся там прежде всего и главным образом его местом в служебной иерархии. Все это позволяет говорить, что изменения и сдвиги XIV—XV вв. происходили в Юго-Восточной Азии лишь в порядке эволюции в рамках «азиатского способа производства», предстающего как такой тип общественной структуры, внутри которого выделяются свои стадии, отличные от формаций, наблюдаемых в Европе.

Л. Л. ВИКТОРОВА

СТАНОВЛЕНИЕ КЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА У ДРЕВНЕМОНГОЛЬСКИХ КОЧЕВНИКОВ

В трудах исследователей кочевых обществ преобладает концепция, согласно которой кочевое скотоводческое хозяйство отличается от земледельческого целым рядом черт, указывающих якобы на отсталость кочевников по сравнению с земледельцами. Черты отсталости видят и в способе ведения хозяйства, и в быту, и в культуре, и в общественных отношениях. Иногда даже делаются выводы о том, что общество кочевников неспособно к спонтанному развитию, что оно не может существовать самостоятельно, без соседних земледельческих народов, а его социальные отношения, неизменно застойные, не выходят за пределы полуродового, полураннеклассового состояния.

Подобные выводы основываются обычно на сравнении кочевников с развитыми земледельческими обществами Европы и Америки. Такой методический прием (часто даже неосознанный) породил значительное количество умозрительных построений. К сожалению, историки почти не сравнивали экономику кочевого общества с экономикой примитивных земледельческих обществ с подсечно-огневой системой или мотыжной обработкой земли (кстати, еще сохранившихся в живой этнографической действительности многих стран). Не сопоставлялось кочевое общество и с обществами охотников и рыболовов, которые, так же как и земледельцы, были его соседями с древности вплоть до XIX—XX столетий.

Что касается кочевых обществ Центральной Азии, существовавших в древности и средневековье [1], то изучение их, как правило, велось стереотипно: обычно эти общества рассматривались как ряд государственных образований, органически между собою не связанных, как сменяющие друг друга замкнутые циклы, без

[1] Монографически описаны лишь империи хуннов, тюрков (1-й и 2-й тюркские ка-

учета лингвистической и этнической преемственности. И в то же время в литературе обычно делался вывод о поступательном развитии этих обществ в рамках общепринятой пятичленной схемы формаций[2].

Известно, что на территории Центральной Азии формировались в глубокой древности народы и целые их группы, которые по этнолингвистической принадлежности были иранскими, монгольскими, тюркскими, возможно, и палеоазиатскими. Они были соседями, часто воевали или имели обменные связи, образовывали на территории Центральной Азии империи, существовавшие более или менее длительный срок. Уже теперь ясно, что все эти государственные образования, разнородные по этнолингвистической принадлежности, нельзя рассматривать как ступени единой последовательности, эволюционирующей от первобытнообщинного строя к классовому.

Исследователи продолжают искать закономерности развития народов, у которых основой экономики было кочевое скотоводческое хозяйство. Пути поисков могут быть различны. Не исключена, конечно, возможность конструирования по отдельным сходным элементам особой кочевой формации, универсальной для всех кочевых народов безотносительно к временным, пространственным, этническим и иным факторам. Однако вряд ли такое направление поисков перспективно. Способ ведения хозяйства и способ производства — разные логические категории. Общность хозяйственных форм — еще не доказательство наличия одного и того же способа производства. Последний характеризуется прежде всего по способу соединения рабочей силы со средствами производства. Кроме того, является весьма спорным предположение о том, чтобы во все века, на всех территориях, независимо от конкретных условий, кочевники развивались равномерно и единообразно.

Более перспективным, хотя и очень трудоемким, является другой путь: основываясь на уже имеющихся в настоящее время исследованиях по этногенезу, изучить за длительный период времени группу генетически связанных между собою народов для того, чтобы проследить процесс ее развития (экономику,

---

ганаты), ляо, монголов, ойратов. См. А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов. Л., 1951; он же. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII веков. М.—Л., 1946; Л. Н. Гумилев. Хунну. Срединная Азия в древние времена. М.—Л., 1960; Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов (монгольский кочевой феодализм). Л., 1934; И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства (1635—1758). М., 1964. W. M Mac Govern. The early empires of Central Asia. Chapel Hill, the University of North Carolina press, 1939; K. A. Wittfogel and Fêng Hsia-shêng. History of Chinese Society Liao (907—1125). New York, 1949.

[2] Попытки обобщенной характеристики кочевых обществ Центральной Азии немногочисленны (см. «История Монгольской Народной Республики». М., 1954; Л. П. Потапов. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевников Средней Азии и Казахстана.— «Вопросы истории», 1954, № 6).

формы социальной организации) в конкретной исторической действительности. Сопоставление результатов исследования нескольких таких групп (как на соседних, так и на отдаленных территориях) обязательно выявит, с одной стороны, общие черты их развития (это и будет закономерностью развития всех кочевых обществ), а с другой — четко покажет локальные особенности, которые в каждом случае будут проявлением влияния конкретно-исторических условий (т. е. спецификой именно данной этнической и языковой общности). Такой путь исследования имеет то преимущество, что его выводы базируются не на логических посылках, а на фактическом материале. Поэтому автор данной работы избрал второй путь.

* * *

Центральная Азия была обитаема с глубокой древности. Об этом говорят археологические раскопки, произведенные в Монгольской Народной Республике и пограничных с нею областях Советского Союза и Китая. Так, например, верхнепалеолитические материалы обнаружены в Южно-Гобийском, Архангайском аймаках, в окрестностях Улан-Батора, в долинах рек Орхона, Селенги и других районах[3]. Охота, рыболовство и собирательство составляли тогда основу хозяйства центральноазиатов[4]. И в неолитическое время население Восточной Сибири продолжало заниматься охотой и рыболовством. По берегам рек располагались поселения оседлых рыболовов и охотников. Та же традиция сохранялась в энеолите. К названным районам Сибири в хозяйственном отношении тяготеют и соседние области Северной Монголии. На территории, соприкасавшейся с юга со степной зоной Центральной Азии, неолит представлен ранним типом производящего хозяйства — земледелием, возникшим на плодородных лёссовых террасах в бассейне Хуанхэ, а на более северных землях — по берегам исчезнувших теперь речек, ключей и других водоемов.

Оседлое неолитическое население среднего течения Хуанхэ занималось мотыжным земледелием. Основной культурой была чумиза, которую убирали жатвенными ножами, срезая лишь метелки созревших растений (серпы появились позднее). В хозяйстве использовались свиньи и собаки. Из домашних производств известны были ткачество и гончарство. В качестве под-

---

[3] «История Монгольской Народной Республики», стр. 41—43; Н. Сэр-Оджав. Археологические исследования в Монгольской Народной Республике.— «Монгольский археологический сборник». М., 1962; и др.

[4] С. В. Киселев. Монголия в древности.— «Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии», т. IV, № 4. М., 1947; Х. Пэрлээ. Краткий обзор археологических работ в МНР. Улан-Батор, 1957 (на монг. яз.).

собных занятий сохранялись охота (на кабаргу, оленя и других животных), рыболовство, а также собирательство[5].

Облик земледельческих обществ, сложившихся в неолитическое время в среднем течении р. Хуанхэ, на п-ове Ляодун, в верховьях р. Ляохэ (Шара-мурень), был крайне разнообразным. Существовавшие здесь культурные различия (в керамике, в погребальном обряде и многом другом) были, по-видимому, результатом разнородности этнических элементов внутри земледельческих племен. Это обстоятельство подтверждает вывод относительно того, что ранние формы земледельческих культур произошли не из одного (протокитайского) центра, откуда они позднее были заимствованы другими народами, а развивались параллельно в нескольких центрах, расположенных на территории, включающей восточные и южные области Центральной Азии.

Наиболее ранние неолитические поселения на территории Монгольской Народной Республики были расположены вблизи древних рек, озер, ключей. Стабильные места обитания неолитического человека обнаружены почти во всех аймаках страны. На стоянках найдены остатки очагов, керамика, богатый ассортимент каменных орудий труда. Находки зернотерок, а в восточных районах и примитивных земледельческих орудий — жатвенных ножей, мотыг, заступов и даже лемеха плуга (по определению нашедших его А. П. Окладникова и В. Е. Ларичева) — свидетельствуют о том, что и в этой зоне первым типом производящего хозяйства было земледелие. О самостоятельном происхождении и большой древности земледелия у монголов говорят также названия злаковых растений, которые были выведены из местных дикорастущих видов ранним протомонгольским населением восточной части Центральной Азии. Так, например, в монгольских письменных памятниках XIII—XIV вв. упоминаются amun — просо, buγ udai — пшеница, а одно из созвездий даже называется buγ udai-yin-gekin qodun — созвездие пшеничного колоса. Существуют и собственные названия для орудий, связанных с земледелием: qoli — мотыга, anǰisan-un šidun—зуб сохи, degerme — мельница и т. п. Наряду с собственно монгольскими зафиксированы земледельческие термины, общие с другими алтайскими языками (название ячменя, целого ряда садовых культур).

Однако состав остатков фауны, найденных археологами, обнаруживает, что степная полоса несколько отличалась в этот период от соседних, более южных, регионов. По отсутствию костей свиньи и преобладанию костей лошади и барана можно

[5] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. I и 2.— «Материалы и исследования по археологии СССР», № 18. М.—Л., 1950; В. В. Волков. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор, 1967. «Народы Восточной Азии». М.— Л., 1965.

предполагать, что здесь были свои особенности хозяйственного развития. Судя по производственному инвентарю, значительную роль в хозяйстве сохраняла охота, а в стадном скотоводстве уже наметилась тенденция перехода к кочевому образу жизни. Неолитические находки в Монголии показывают, что границы между археологическими культурами, хотя и не четко, проходили в широтном направлении, и характеризовали отличия, вызванные природными условиями. Между земледельческими племенами и населением, продолжавшим сохранять и развивать охоту, рыболовство и собирательство, поддерживались постоянные контакты (по материалам раскопок хорошо прослежен круг предметов, которыми обменивалось население севера и юга через племена-посредники, населявшие Центральную Азию).

Являясь громадной контактной зоной, через которую на юг из Восточной Сибири проникали изделия из нефрита, а на север — триподы типа «ли», по общему облику хозяйства и культуры северная часть Монголии все же тяготела больше к соседним областям Сибири, а пригобийские области — к южным районам. Есть основания полагать, что на территории Центральной Азии, как и в близлежащих регионах (Прибайкалье, верховья Амура, среднее течение Хуанхэ), в неолитический период сложились основы позднейших этнических общностей (монгольских, тюркских, тунгусских). В хозяйственном отношении они были еще очень близки между собою.

Изменения в соотношении типов и форм хозяйства происходят в Центральной Азии позже — в эпоху бронзы, о чем можно судить по материалам, добытым в последние годы советскими и монгольскими исследователями.

Находки в гобийских районах, относящиеся к энеолиту и раннему бронзовому веку, вскрывают комплексы, характерные для земледельческих хозяйств (зернотерки, песты, расписная керамика, сходная с соседними южными районами) Перемена в климате, наступившая в середине II тыс. до н. э., привела к образованию дюн в гобийских районах и уменьшению площадей естественных водоемов, что в свою очередь ограничило, а в большинстве районов сделало невозможным дальнейшее развитие земледелия. В изменившихся условиях земледелие могло вестись лишь на землях, связанных с берегами рек, с плодородными почвами. Население тех областей, климат которых резко менялся в сторону аридности, вынуждено было искать иные занятия, переходить к иным формам хозяйства.

Ведущей отраслью хозяйства, почти на три тысячелетия определившей весь облик экономики, быта и культуры многих народов Центральной Азии, стало кочевое скотоводство[6]. Ко времени

---

[6] В. В. Волков. Указ. соч.; С. В. Киселев. Указ. соч.; «История Монгольской Народной Республики»; и др.

поздней бронзы относится обилие характерных археологических находок, убедительно свидетельствующих о том, что наступил решительный перелом во всей жизни общества: из общей массы варваров выделились пастушеские племена. Какими путями складывалось кочевое скотоводство: было ли оно результатом приручения и дальнейшего разведения стадных травоядных животных или же люди во время облавной охоты, следуя за стадами, постепенно приспосабливались к их миграциям и это со временем приводило к слитному существованию человека и животных, пока неясно. Вполне возможно и сочетание обоих путей, и преобладание каждого из них в зависимости от конкретных условий. Во всяком случае с I тыс. до н. э. размежевание двух типов производящего хозяйства — оседлого земледельческого и кочевого скотоводческого — стало свершившимся фактом. Именно с этого времени для обозначения кочевников в китайских хрониках стало употребляться полупрезрительное выражение «ху» (варвар), свидетельствующее о глубоком взаимном отчуждении, основанном на различиях в экономике и общественном бытии.

Все же, несмотря на сохранявшееся веками различие хозяйства, культуры и быта, между представителями этих разных типов экономики не было резкой границы ни в раннее, ни в позднее время. Переходы на юге от кочевников к земледельцам были столь же постепенны, как и от кочевников к охотникам и рыболовам на севере. Деление хозяйственное не целиком совпадало с этническим. Нередки случаи, когда одна группа родственных народов сохраняла земледельческие традиции, оставаясь прочно оседлой (ляодунские сяньби, муюны, туюйхунь, ту и др.), а другая вела скотоводческое хозяйство (сяньби племени Таньшихуая, часть киданей, монголы, татары и др.). У отдельных народов тип и формы хозяйства менялись с течением времени: сначала это скотоводы-кочевники, охотники и земледельцы одновременно, затем кочевники-скотоводы, еще позже земледельцы; встречаются и другие варианты: сочетание скотоводства с рыболовством, охотой и т. п. Переход от одной формы хозяйственной деятельности к другой зависел от различных конкретных причин: природных условий, социальных и политических изменений и т. п.[7] Племена, в течение тысячелетий неизменно оставшиеся кочевыми, были связаны с зоной степи, лесостепи и полупустыни. Для них был характерен устойчивый тип кочевого скотоводческого хозяйства.

Предки монгольских народов также пережили процесс хозяйственного размежевания: значительная часть монгольских племен продолжала заниматься земледелием, развивая этот тип

---

[7] Сведения о древнемонгольских племенах см. в кн.: Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I—III. М.—Л., 1950—1953.

хозяйства, в то время как их кочевые соплеменники перешли к скотоводству. Каждый из названных типов хозяйства имел свои особенности, требовал от человека различных количественных затрат труда. Иным было соотношение мужского и женского труда, иными были и тенденции экономического развития. Влияли ли все эти различия на тип и форму социальной организации? Как проявлялось это влияние (если, разумеется, оно было)? Для того чтобы ответить на эти вопросы, следует сопоставить оба типа хозяйства и исследовать конкретные пути развития данной группы кочевников.

На первоначальной стадии размежевания экономика кочевников отличалась от экономики земледельцев прежде всего соотношением отраслей хозяйства.

Отрасль хозяйства	Земледельцы	Кочевники
Основная	Земледелие (зерновые, бобовые, овощи, технические культуры и др.)	Скотоводство кочевого типа (рогатый скот, овцы, козы, лошади, верблюды и др.)
Вспомогательные	Скотоводство со стойловым содержанием скота; рыболовство	Охота на мясного и пушного зверя; собирательство
Постепенно утрачивавшие хозяйственное значение	Охота и собирательство	Земледелие (посевы проса, пшеницы на зимниках)

В земледельческом хозяйстве основные производственные процессы, требующие постоянного систематического приложения физической силы, осуществлялись мужчинами (пахота, постройка жилищ, хлева, амбара, заготовка стройматериалов, заготовка кормов для тяглового скота и т. п.). Женщины (хотя их работа часто была не менее трудоемкой) занимались преимущественно обработкой продуктов земледелия, заготовками на зиму, изготовлением тканей и т. д. У кочевников бо́льшая доля повседневной систематической работы в хозяйстве лежала на женщинах[8].

[8] Интересный материал по этому вопросу приводит Марко Поло: «Жены, скажу вам, и продают, и покупают все, что мужу нужно, и по домашнему хозяйству исполняют. Мужья ни о чем не заботятся; воюют, да с соколами охотятся на зверя и птицу... Жены у них славные, мужьям верны, домашним хозяйством занимаются хорошо» («Книга Марко Поло». М., 1955, стр. 88). Такое распределение обязанностей диктовалось всей системой кочевого скотоводческого хозяйства: «Зимою татары живут в равнинах, в теплых местах, где есть трава, пастбища для скота, а летом в местах прохладных, в горах да равнинах, где вода, рощи и есть пастбища» (там же). «У кого много скота, метит своим знаком жеребцов и кобыл, верблюдов, быков и коров и всякий крупный скот; с меткой пускает их пастись без всякой стражи в равнины и в горы; если скотина смешается, отдают ее тому, чья метка; овец, баранов, козлов пасут люди. Скот у них крупный, жирный, славный» (там же, стр. 91).

Аналогичные сведения сообщают китайские источники начала I тыс. н. э. о предках монгольских народов, а также и ранние монгольские эпические сказания.

Женщины обрабатывали шкуры, пряли шерсть, ткали, шили одежду, приготовляли пищу, производили заготовки продуктов на зиму и т. д. Мужской труд был направлен на регулирование естественных процессов расширенного воспроизводства поголовья (отбор, улучшение пород, выведение новых пород, например, сарлыков и др.), на наблюдение за правильным использованием пастбищ и водопоев, а также находил применение в сезонных работах (стрижка овец, валяние войлока, вспашка и сев на зимнике и т. п.).

В земледельческом хозяйстве, судя по материалам археологических раскопок и упоминаниям письменных источников, практиковалось птицеводство, свиноводство и разведение тяглового скота, что давало некоторое количество мясной пищи и обеспечивало производственный процесс. Возделывание зерновых, огородных, садовых культур предоставляло достаточно растительной пищи, а технических — ткани, одежду. Поэтому охота постепенно теряла значение, став развлечением не занятых в производстве привилегированных слоев общества; отпадала необходимость и в собирательстве.

Земледельческое хозяйство имело ограниченные возможности расширенного воспроизводства. Последнее лимитировалось величиной надела, плодородием почвы, количеством рабочих рук, наличием тяглового скота (количество которого ограничивалось запасами кормов), производительностью труда и т. д. Необходимость в защите земель и населения и невозможность отвлечь от хозяйства много рабочих рук без риска подорвать самые основы экономики рано создали потребность в выделении особого привилегированного социального слоя воинов, содержащихся за счет общества, слоя «имеющих право носить оружие». Так возникло социальное неравенство внутри земледельческих обществ.

Расширение хозяйства могло осуществляться за счет либо привлечения посторонней рабочей силы (рабов-иноплеменников), либо за счет закабаления соплеменников и принуждения их к выполнению ряда производственных процессов, что также создавало противоречия внутри общества. Увлечение земледельческого населения и усложнение социальной структуры общества, вступившего на путь развития классов и государства, вели к отделению ремесла от земледелия, к росту товарно-денежных отношений, что в свою очередь убыстряло процесс социального расслоения [9].

Кочевое скотоводство также имело свои плюсы и минусы. Именно оно впервые дало на длительное время неограниченные возможности производства избыточного продукта в виде мяса, молока, шерсти, шкур, рога и т. п. Основной труд затрачивался на обработку получаемого продукта, а это вызывало необходи-

[9] См. Юсуф Баласагунский. О торговцах.— В кн.: С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951.

мость в дополнительной рабочей силе, прежде всего в домашнем хозяйстве, которым в основном занимались женщины.

Неполная занятость мужчин в производственном процессе способствовала сохранению в экономике важного значения охоты, являющейся наряду с охраной стад и пастбищ исключительным занятием мужчин. Следует подчеркнуть, что охота на мясного зверя (коллективная, облавная) была отличной военной тренировкой, вырабатывала выносливость, меткость стрельбы, привычку знать свое место в общем строю, подчиняться беспрекословно приказу старшего. Кроме того, охота доставляла мясную пищу и шкуры, способствовала сохранению поголовья скота, составлявшего основное богатство кочевника. Недаром в ранних текстах слово mal (скот) выражает понятие «имущество», «богатство» [10]. В отличие от земледельцев охота оставалась у кочевников одним из видов производственной деятельности. О ее значении в хозяйстве говорят многочисленные изображения облавной и индивидуальной охоты на писаницах, относящихся к бронзовому веку и более поздним периодам [11].

У кочевников сохранялось (но лишь в размере жизненно необходимого минимума) развивавшееся еще в неолитическое время земледелие. На зимниках сеяли просо и пшеницу. Имело значение и собирательство дикого лука, чеснока. Таким образом, и второй тип производящего хозяйства — кочевое скотоводство — всецело обеспечивал потребности людей в пище, одежде и жилище, давая возможность кочевникам существовать независимо от соседей [12]. Но кочевому скотоводству присущи и минусы: скот, пастбище, легкое переносное жилище — все это легко отчуждалось. Поэтому основной заботой кочевника являлась охрана своей группы от посягательств со стороны других, враждебных коллективов. Естественно, что одной из основных функций древнемонгольского кочевнического общества со времени его сложения стала функция самозащиты.

Относящийся к эпохе поздней бронзы обильный подъемный материал с территории Монгольской Народной Республики (бронзовые наконечники стрел разнообразнейших форм и размеров, масса ножей различных типов, бронзовые котлы для варки пищи, боевые топоры, клевцы и т. п. вещи) свидетельствует о необходимости защиты пастбищ и стад, о сохранении в хозяйстве кочевников охоты, и о превалирующей роли в домашнем производстве обработки продуктов скотоводства и охоты.

---

[10] Н. Н. Поппе. Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. М.—Л., 1938 («Труды Ин-та востоковедения», т. XIV), стр. 87.

[11] Упоминаниями об облавных охотах полны фольклорные произведения монгольских народов (эпос о Гэсэре, «Джангар»), монгольские исторические сочинения, начиная с «Сокровенного сказания», а также китайские, персидские, тюркские источники.

[12] Как известно, вариант кочевого скотоводства — кочевое оленеводство — веками существует в тундровой зоне без соседства с земледельческими народами и независимо от них обеспечивая жизнь людей в суровых условиях Крайнего Севера.

В этот период появляются и два типа лука: наряду с более ранним, простым охотничьим на писаницах встречаются изображения сложного, боевого лука. Находки бронзовых удил говорят о том, что лошадь стала важнейшим средством передвижения и что ранее пеший воин стал конным стрелком из лука. Конница на долгое время стала самым мобильным видом войск. Оседлым предкам китайцев в I тыс. до н. э. кочевники-скотоводы даже представлялись в виде кентавров, у которых «к низу от колен на ногах растет шерсть и вместо ступней лошадиные копыта» и которые «на своих копытах пробегают в день до 300 ли» [13].

В этот же период складываются все основные, наиболее рациональные формы перекочевок, разбивки временного поселения в виде куреня (о нем см. далее), вырабатываются основы военной тактики, сохранявшиеся затем многие столетия; и в походе и при перекочевке соблюдались военные предосторожности. Эта постоянная военная готовность оказывала тормозящее влияние на развитие кочевого скотоводческого хозяйства. Вместо поисков новых, более прогрессивных форм ведения хозяйства основные силы общества тратились на охрану и защиту стад и пастбищ. (Правда, военные занятия и охота не отвлекали рабочие руки из сферы сложившегося производства, а были нормальной функцией производственного процесса.)

Скотоводческое хозяйство могло успешно развиваться только при наличии пастбищ и водопоев. Для расширенного воспроизводства оно в меньшей степени нуждалось в увеличении производительности труда. Количество рабочих рук, которые использовались в процессе производства (на выпасе стад и т. д.), было ограниченно. Значительно большей затраты труда требовало домашнее хозяйство (обработка молока, мяса, шерсти и т. д.), а также обслуживание (сбор топлива, выполнение всякой подсобной «черной» работы).

Раз и навсегда установившаяся система ведения хозяйства (перекочевки в меридиональном направлении с определенным для каждого коллектива годовым маршрутом длиной около 1000—1500 *км*, с регулярным использованием одних и тех же пастбищ в разные сезоны из года в год, с пастьбой определенных видов скота на определенных травах, с веками сложившимися традициями сохранения травостоя на пастбищах, с сохранением естественных водоемов, поддержанием в порядке колодцев и т. д.) способствовала выработке наиболее рациональных форм материальной культуры, приспособлению всех предметов повседневного быта к подвижному образу жизни (легко и быстро разбиравшийся каркас юрты; войлоки, покрывавшие каркас; веревки, которыми прикреплялись войлоки и сама юрта; домашняя утварь из кожи и дерева и т. п.). Состав стада, судя по остеоло-

[13] См. сведения о динлинах из «Шань-хай-цзин» в кн.: Д. Поздеев. Исторический очерк уйгуров (По китайским источникам). СПб., 1899, стр. 8—12.

гическим данным и предметам искусства кочевников, уже стабилизировался в эпоху бронзы. Для монгольских степей, как и для современной Халхи, характерны были лошади, овцы, крупный рогатый скот, козы, а в южных районах — верблюды.

Устойчивость хозяйства и форм культуры несомненно говорит о том, что для степной зоны Центральной Азии именно кочевое скотоводство оказалось наиболее жизнеспособным и целесообразным в данных природных условиях. Обладая несомненным консерватизмом и обусловливая целый ряд специфических черт в социальной организации кочевников, этот тип хозяйства тем не менее предоставлял известный простор для поступательного развития. Свидетельство тому — происшедший во второй половине I тыс. до н. э. переход кочевых племен, населявших Центральную Азию, от бронзы к железу. (Кузнецы этих племен упоминаются в письменных источниках как искусные мастера, плавившие самостоятельно железо, обрабатывавшие его, а также и другие металлы).

Как уже говорилось, социальная структура кочевников иллюстрируется в настоящей статье на материале, относящемся к группе племен, ставших этнической и языковой основой монгольских народов [14].

После выхода в свет труда Б. Я. Владимирцова об общественном строе монголов в XI—XVIII вв., основанного на огромном материале всех известных тогда письменных источников [15], мнение специалистов о господстве у монгольских племен вплоть до начала нынешнего столетия феодального способа производства не вызывало сомнений [16].

Теоретическое значение исследования Владимирцова трудно переоценить. До его появления феодальные отношения изучались только у землевладельческих народов. Что же касается

---

[14] Это группа генетически связанных между собой шань-жуи, дун-ху, ухуань, сяньби (исключая тоба), муюи, юйаыиь, кидаиь, иекоторые группы шивэй (татар орхонских текстов), средн которых с VII в. и. э. упомииаются и собственно моиголы. Подробнее см.: Л. Лнгети. Рецензия на кн.: Г Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. т. I. М., 1953.— «Вопросы языкозиания», 1955, № 5; Л. Л. Виктторова. К вопросу о расселенин монгольских племеи на Дальнем Востоке в IV в. до н. э.— XII в. н. э.— «Ученые записки ЛГУ», № 256. Л., 1958; Х. Пэрлээ. Хятан нар, тэдиий монголчуудтай холбогдогдсои иь.— «Studia Historica Institutl Historiae Comitetl scientiarum Respublica Populi Mongoli», t. I, fasc. I. Уланбатар, 1959; Л. Л. Викторова. Раниий этап этиогеиеза монголов (Автореф. канд. дисс.). Л., 1961; G. Clauson. Turk, Mongol, Tungus.— «Asia Major», vol. I. London; 1960, p. 112, ff; и др.

[15] Б. Я. Владимирцов. Указ. соч.

[16] Следует заметить, что в самом моигольском обществе первой трети XX в. ие было сомиеиий отиосительно осиовиых классов-антагоиистов. Монгольская революция была совершеиа крепостиыми аратамн против «желтых» (духовиых) и «черных» (светских) феодалов. Осиовной задачей послереволюционного периода была ликвидацня феодальиых институтов.

кочевников, то представления об их общественной структуре были весьма скудными. Владимирцов сопоставил социальные институты монгольских кочевников с институтами, свойственными классическому феодализму в Западной Европе. Но со времени публикации труда Владимирцова прошло свыше 30 лет, в течение которых появились новые материалы и исследования, позволяющие, например, существенно пересмотреть хронологические границы сложения классового общества у монголов, осветить эволюцию монгольской общины, фактически оставшуюся за рамками исследования Владимирцова. Необходимо, кроме того, уточнить отдельные положения и исправить общепринятую терминологию.

Первые сведения о древнемонгольских племенах содержатся в китайских летописях конца I тыс. до н. э. С XII—XIII вв. появляются памятники собственно монгольской письменности: документы, хроники, записи фольклора и т. п. Судя по тому, что даже во II тыс. н. э. наиболее распространенные термины, связанные с традиционным скотоводческим хозяйством, счетом родства и прочими устойчивыми понятиями (сложившимися, видимо, в очень раннее время), подверглись лишь частичным и очень незначительным фонетическим изменениям [17], можно с полным основанием предполагать, что они бытовали почти в том же виде и в более раннюю эпоху в пределах этой этнической и языковой общности. Поэтому вполне позволительно использовать для данного исследования термины среднего периода развития монгольского языка в их наиболее архаической форме.

На рубеже нашей эры у протомонголов сохранялся хозяйственно-культурный тип, сложившийся в предшествующий период. Основой хозяйства было кочевое скотоводство, наряду с которым сохраняли подсобное значение земледелие и охота. Как и у других первобытных народов, у древнемонгольских племен социальная структура базировалась на общине и роде [18].

По источникам «Вэй чжи» и «Хоу Хань шу», каждая община предстает как самостоятельный хозяйственный организм. У монголов долгое время сохранялась община, основанная на кровном родстве [19]. Брак был патрилокальным, а счет родства — патрили-

---

[17] Например, nuluηq — nuntuq (кочевье). В работе Н. Н. Поппе «Золотоордынская рукопись на бересте» («Советское востоковедение», т. II. М.—Л., 1941, стр. 122) фигурирует термин nuntuq. Словарь «Мукадднмат ал-Адаб» и более поздние памятники дают форму nutuq.

[18] В китайских хрониках «Саньго чжи», упоминающих об ухуань, употребляются следующие термины: племя — бу, род — чжун, поколение — було и т. д. По-видимому, соответствующие понятия уже существовали и в древнем монгольском языке. В наиболее ранних памятниках зафиксированы: племя — irgen, род — oboγ omoγ, поколение — bölüg. См. С. А. Козин. «Сокровенное сказание Юань чао-ши», т. 1. М.—Л., 1941 (далее — «Сокровенное сказание»), § 8 — bölek; в «Altan tobči», § 28 — bölüg irgen. У Б. Я. Владимирцова — bölög irgen — поколение какого-то народца» (Б. Я. Владимирцов. Указ. соч., стр. 66)

[19] Следует заметить, что община и род в древности самими монголами не расчленялись. Это выразилось в том, что вплоть до середины XIV в. в памятниках монголь-

нейным (отец и старший брат образовывали свое «племя», или «род») [20]. Следовательно, основное ядро общины составляли не просто кровные родственники, а мужчины, принадлежавшие к одному отцовскому роду. Матери и жены мужчин были чужеродками [21]. Временными членами общины были дочери и сестры мужчин, по рождению принадлежавшие к данному роду. С замужеством они навсегда покидали общину, где родились и выросли.

Характерно, что вплоть до XX в. для девушки сохранилось название gari jayaγatu («имеющая чужую судьбу» [22]. К термину gari мы еще вернемся). Временными членами общины были также женихи девушек-невест. Жених из другого рода в течение одного-двух лет был работником в хозяйстве родителей невесты [23]. Число таких работников, мужчин-чужеродцев, колебалось в зависимости от числа сговоренных невест.

Таким образом, община была сложной по составу: помимо основного ядра кровных родственников (постоянных и временных членов общины) она включала значительное число чужеродцев, связанных с данным родом брачными отношениями, т. е. свойством. Поэтому в общине присутствовали представители как минимум двух родов. Но членов общины, принадлежащих к другим родам, могло быть и больше. Однако традиционно роднились два рода. Об этом говорят и состав тотемных животных (всего два в раннее время), и упоминания о брачных связях между двумя родами, продолжавшихся из поколения в поколение (что, например, неоднократно встречается в источниках о киданях и монголах даже в более позднее время).

Коллектив постоянных членов общин (сородичей-мужчин) считался владельцем земли и отстаивал свое право на владение с оружием в руках. Общины вели хозяйство на этих землях по праву первонасельников, которое осознавалось как естественное и неотъемлемое и ими самими, и их соседями. Для того чтобы занять земли, принадлежавшие данной кровнородственной группе, следовало обязательно договориться с ней или захватить земли силой оружия [24]. Другие общины или роды могли пасти

ской письменности и литературы для обоих институтов существовал только один термин — oboγ omoγ.

[20] Н. В. Кюнер. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, стр. 134. Перевод Н. Я. Бичурина говорит об этом менее ясно (см. Н. Я. Бичурин. Собрание сведений..., т. I, стр. 142).

[21] В текстах об ухуань из «Хоу хань шу» и «Вей чжи» говорятся, что во время драки можно убить даже своих отца и старшего брата, но нельзя посягнуть на мать. Отец и старший брат принадлежали к тому же роду, и в этом случае кровная месть исключалась. У матери же были сородичи, которые (как не принадлежащие к данному роду) могли стать кровными врагами и мстителями.

[22] Б. Ринчен. Об одной хори-бурятской родословной.— «Acta orientalia», t. XVIII, fasc. 1—2, 1965, p. 208.

[23] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений..., т. I, стр. 143.

[24] Н. В. Кюнер. Китайские известия..., стр. 133—134.

скот на пастбищах, занятых испокон века каким-либо коллективом, только с разрешения первонасельников. Представитель чужого коллектива должен был прийти к старейшине и попросить у него разрешения на выпас скота (обычно при этом проситель приносил подарки) [25].

В силу издавна сложившихся традиций в экстеисивном кочевом скотоводческом хозяйстве распределение угодий, которыми владела родовая община, столетиями оставалось неизменным. Первой и наиболее важной категорией земель были пастбищные земли — nutuγ — nuntuγ монгольских документов XIII в. Это была земля, на которой жила и вела свое хозяйство община. Сюда включались пастбища и водопои на все четыре времени года — ebesün usun, а также земли под посевы tari'an (если таковые имелись). В понятие nuntug входили и родовые кладбища («земля предков»), служившие как бы вещественным обоснованием права первонасельников на занимаемые земли и обычно располагавшиеся у зимников.

Само понятие nuntuγ (или nutuγ) должно было появиться очень рано, в период сложения у предков монгольских племен кочевого скотоводческого хозяйства. Тогда стабилизировались в лексике и понятия, связанные с землей как с пастбищной территорией. В монгольских письменных памятниках XIII—XIV вв. термин nuntuγ употребляется в двух значениях: «кочевье» и «родина». Показательно при этом, что из всех представлений о земле именно понятие «кочевье» стало синонимом понятия «родина». В этом же смысле в некоторых памятниках XIV в. иногда употребляется и бином ebesün usun — «трава-вода», означавшее пастбище и водопой, т. е. основные условия кочевого скотоводческого хозяйства [26].

Nuntuγ использовались общиной постоянно, с правильным чередованием сезонных перекочевок, позволяющих сохранить поголовье скота и травостой на будущее. Сохранение и правильное использование nuntuγ были заботой членов каждой общины. Выпас скота, посевы, установка жилья на определенных традиционно используемых местах определялись нормами обычного права и регулировались выборными правителями.

Второй категорией земель были звероловные угодья. На этих землях могли охотиться все члены рода, принадлежавшие

---

[25] См. «Гесернада». М.—Л., 1935, песнь 5-я; Н. Н. Поппе. Указ. а также документы из словаря «Хуи-и-и-йю» (например письмо 1868 г.).

[26] Н. Н. Поппе. Монгольский словарь «Мукаддимат ал-Адаб», стр. 261. Ср. А. Mostaert. Remarques sur le paragraphe 114 de l'Histoire sécrète des Mongols.— «Central Asiatic Journal», 1956; vol. 2, № 1, p. 1 Бином ebesün usun в значении «родина» в письме 1369 г. из словаря «Хуа-и-и-йю» приведен А. Мостэром. О древнетюркском термине jip суб — «земля и вода» см.: С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 38; «Мукаддимат ал-Адаб», стр. 341. О значении родовых кладбищ у кочевых народов см.: С. И. Руденко. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953.

к разным общинам. Облавные охоты с участием всех сородичей-мужчин устраивались периодически, как это наблюдалось и впоследствии.

Родовые кладбища и места отправления религиозных обрядов, связанных с родовыми культами, например с культом предков, а также горных духов — покровителей рода, считались заповедными землями рода. Эти земли использовались для захоронения всех членов данного рода, но здесь, по-видимому, хоронили вообще всех членов родовой общины. В погребениях на родовых кладбищах часто находят и женские костяки. Иногда имеют место парные (мужские и женские) погребения, а иногда отдельно мужские и женские. Наличие погребений жен-чужеродок свидетельствует не об адаптации последних в члены рода мужа, а лишь о том, что женщин-жен хоронили на этих кладбищах, как и другую личную собственность мужчины-сородича. Из родовых культовых церемоний женщина-жена исключалась.

Таким образом, несмотря на разграничение функций в землевладении и землепользовании, община и род тесно переплетались. Следует, правда, заметить, что в непосредственном ведении рода оставалось только то, что требовало объединенных усилий группы мужчин из всех родственных общин (участие в облавных охотах, в защите земель от нападения извне и т. д.).

В общине землей пользовались посемейно. Каждая семья пасла свой скот сама, сеяла и убирала посев (у кого он был), собирала дикорастущие растения, употреблявшиеся в пищу и на другие хозяйственные нужды. Но земли под временное поселение были общинными. В китайских источниках имеется лишь глухое упоминание о том, каков был тип поселения у этих племен. Они отмечают только, что ухуаньцы селятся стойбищами[27]. Сопоставление данных Аммиана Марцеллина о гуннах и персидского историка Рашид-ад-Дина о монголах XIII—XIV вв. позволяет сделать вывод о том, что поселение кочевой общины (ло) в первые века н. э. имело вид куреня[28].

Владимирцов впервые обратил внимание на то, что куренной способ кочевания у древних монголов был наиболее ранним. Он сложился в тот период, когда количество скота было невелико[29]. А небогатому скотоводу-кочевнику выгоднее и безо-

---

[27] Н. В. Кюнер. Китайские известия..., стр. 134.

[28] Рашид-ад-Дин так описывает курень: «Значение [термина] курень следующее: когда множество кибиток располагаются по кругу и образуют кольцо в степи, то их называют курень». И далее: «Значение [термина] курень — кольцо. В давние времена, когда какое-нибудь племя останавливалось в какой-либо местности, оно [располагалось] наподобие кольца, а его старейшина находился в середине [этого] круга, подобно центральной точке; это и называли курень» (Рашид-ад Дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2. М.—Л., 1952, стр. 18, 86). Монгольское küriyen ~ güriyen < старинное kürigen. См. Б. Я. Владимирцов. Указ. соч., стр. 37.

[29] Б. Я. Владимирцов. Указ. соч., стр. 86.

паснее кочевать совместно [30]. Кочевка (в XIII в. для нее существовал термин ne'ürit) была понятием стабильным [31].

Коллектив сородичей мыслился как нерасторжимое единство всех его живых и умерших членов. «Отошедшие в тот, невидимый, мир» предки считались незримо присутствующими среди сородичей. К ним обращались за помощью и защитой в борьбе с врагами и в других случаях жизни. Сородичи из разных общин периодически собирались для отправления родовых культов. Чужеродцы и те, в чьем происхождении сомневались, к участию в них не допускались.

Обязанностями каждого сородича были: взаимопомощь в случае падежа скота, угона стад, помощь осиротевшей семье сородича, справедливый раздел охотничьей или военной добычи. В свою очередь он мог требовать помощи, участвовать в совете рода и племени, в родовых культах и жертвоприношениях, общих для рода и всего племени, в выборах вождей, в ежегодных весенних праздниках, знаменовавших начало нового года.

Первоначальное неравенство в древнемонгольском обществе — это неравенство естественное, основанное на делении по полу и возрасту, порожденное уважением к физической силе, выносливости и мудрости. Оно долго сохранялось в народной памяти. В фольклорных произведениях воспеваются храбрые воины и удачливые охотники, мудрецы, спасающие народ от бедствий. В случае войны с иноплеменниками их в первую очередь просят принять в ней участие. К ним обращаются за помощью сироты и вдовы. Но их имущественное положение почти не отличается от остальных. В случае удачного набега или при большой охотничьей добыче им выделяется лишь немного бóльшая доля по сравнению с остальными сородичами. Они живут в своей общине, ведут, как и все прочие общинники, свое хозяйство, еще не образуя особого слоя «имевших право носить оружие»: это право имеет весь кровнородственный коллектив.

Сложившееся на естественной основе неравенство внутри родовой общины повседневно проявлялось в отношениях между сородичами, в семье, в регламентированных нормах поведения женщин и мужчин, старших и младших, в ряде запретов и т. п. Все члены общины, достигшие совершеннолетия, имели право обсуждать дела, касающиеся всего коллектива (вопросы мира, военных походов, облавной охоты и т. п.).

---

[30] Это, видимо, было законом для всех кочевников. Вот, например, что писал о гуннах Аммиан Марцеллин: «Придя на изобильное травою место, они располагают в виде круга свои кибитки и питаются по-звериному; истребив весь корм для скота, они снова везут, так сказать, свои города, расположенные на повозках... Гоня перед собою упряжных животных и стада, они пасут их; наибольшую заботу они прилагают к уходу за лошадьми» (цит. по кн.: М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 45).

[31] П. Поуха дает nä'uri и несколько расширяет значение этого термина (P. Pou-cha. Die geheime Geschichte der Mongolen als Geschichtsquelle und Literaturdenkmal. Prag, 1956, S. 78).

Но на той стадии, на которой застают древнемонгольскую общину письменные источники, в ней уже существует деление иного рода — неравенство рядовых общинников, с одной стороны, и должностных лиц — с другой. Член общины беспрекословно подчинялся вождю или старейшине. Но вместе с тем последние не имели права использовать его как своего слугу. Имущественное положение старейшин и их хозяйственная деятельность были одинаковы со всеми остальными общинниками. «Все, начиная от старейшины (да жэнь), сами пасут скот и распоряжаются имуществом, друг друга не употребляют для услуг»,— сообщают китайские хроники [32].

Старейшины, являвшиеся правителями племени [33], выбирались по «уму, храбрости и способности разбирать спорные дела», т. е. социальная значимость члена общины зависела вначале от его личных качеств, которые и обеспечивали ему доверие и поддержку членов коллектива. Старейшиной не обязательно был старший по возрасту (старшинство в роде определялось принадлежностью к старшей линии рода и соответственными подразделениями внутри каждой линии). Сын не наследовал должность отца, наследование шло в порядке очередности по старшинству в родовой группе от дяди к племяннику, а не от отца к сыну. Очередной правитель утверждался советом сородичей, и, если он не отвечал требованиям, предъявляемым к старейшине, его могли не утвердить, передав должность следующему за ним по порядку. Старейшин выбирали из разных родов на собрании взрослых членов племени. Часто старейшина племени одновременно был и военным вождем. Его выбирали сроком на три года, по истечении которых он либо переизбирался на следующий срок, либо устранялся от управления.

В обязанности старейшины как правителя племени входили: организация облавных охот, оборона территории, занимаемой общиной, от посягательств чужих коллективов, оборона земель племени, разбор споров из-за использования пастбищ и звероловных угодий, наложение взысканий на провинившихся членов общины и т. п.

Правитель и ближайшие члены его семьи олицетворяли единство коллектива сородичей. В первые века н. э. у сяньби и ухуань существовал культ «сильных и прославленных людей», которым приносились жертвы [34]. Так старейшина постепенно из человека-сородича превращался в сородича-божество, выражающее, охраняющее и отстаивающее интересы коллектива не

---

[32] Н. В. Кюнер. Китайские известия..., стр. 134.

[33] В китайских источниках старейшина — правитель общины называется обычно термином, который переводят как «малый предводитель»; его эквивалентом в более поздних монгольских текстах служит термин öleqü. См. Н. В. Кюнер. Китайские известия..., стр. 134.

[34] Н. Н. Поппе. Квадратная письменность. М.—Л., 1941. («Труды Ин-та востоковедения», т. XXI), IV, 5; ср. «Мукаддимат ал-Адаб», стр. 279.

только в реальной жизни, но и в потустороннем мире, причем для связи с последним существовали лица, исполнявшие обязанности жрецов.

Еще в IX—XI вв. у монголов сохранялось различие между сородичами и чужеродцами [35]. Промежуточное положение занимали qudad («сваты»), т. е. роды свойственников, родственников по жене или по мужу. Они обычно были одни и те же из поколения в поколение, так как брачные связи заключались постоянно между одними и теми же родами. Сородичи делились на младшие и старшие линии.

Судя по данным письменных источников и фольклора, роль старейшего в роде (beki, ebügen) заключалась в хранении родовых традиций (соблюдение родовых культовых обрядов, жертвоприношений предкам, обрядов, связанных с принятием в род и отлучением от родства по прошествии определенного числа поколений, сохранение родословных и родовых преданий и т. п.). Он был как бы живой историей рода, наставником молодежи и олицетворением народной мудрости [36].

Таким образом, распределение обязанностей и прав внутри общины и рода у монголов в первые века н. э. вполне соответствует нормам родового общества.

В этом плане показательно положение женщин — постоянных членов общины, но не принадлежавших к ней по рождению, и девушек. Последние покидали общину с выходом замуж, поэтому девушки считались qari jayaγatu — «имеющие чужую судьбу». В первые века н. э. девушка пользовалась некоторой свободой в выборе жениха. Перед женитьбой жених тайно сообщал о своем намерении, а через полгода или сто дней посылал сватов, которые привозили «сговорные дары», состоявшие из лошадей, быков, баранов, родичам невесты. Затем жених переселялся на год-два в семью невесты и становился слугой в семье будущей жены. Когда он отрабатывал положенное время в семье невесты, родичи невесты выделяли приданое [37], обеспечивающее ей экономическую независимость в общине мужа. После выделения невесте приданого, т. е. части имущества, на которое она имела право как сородич и член своей общины, она навсегда выбывала из общины своих родителей и переселялась в общину мужа, становилась постоянным ее членом [38]. Понятие о домашнем имуще-

---

[35] Б. Я. Владимирцов. Указ. соч., стр. 52, 59.

[36] Б. Я. Владимирцов рассматривает beki как первосвященника-шамана, но, судя по фольклорным материалам, его роль шире (ср., например, образ Царкина в «Гесериаде»).

[37] «Хоу Хань шу», гл. 120 (Н. Я. Бичурин. Собрание сведений..., стр. 143; Н. В. Кюнер. Китайские известия..., стр. 134).

[38] Источник отмечает: «женин дом щедро снаряжает дочь на [новое] место жительства. Имущество целиком выдается жениным домом. Поэтому в их обычае следовать замыслам жены» (Н. В. Кюнер. Китайские известия..., стр. 134).

стве как о собственности жены, а не сородичей со стороны отца существовало у монгольских племен длительное время. Еще в XIII в. сохранялось понятие о домашней утвари как о qari sari, т. е. не принадлежащей сородичам [39].

Право на выпас скота женщины имели как постоянные члены общины, связанные с данной родовой группой двумя путями: браком (если у них не было детей) и кровным родством (если у них были дети).

У монгольских народов долго сохранялось понятие о двух типах родства. Первый тип родства — это родство по мужской линии — yasun törül («родство по кости»), в пределах которого считались родичи по мужской линии до двенадцатого колена (позднее до девятого). Более дальние поколения сородичей «отходили от родства», вследствие чего принцип родовой экзогамии по мужской линии не соблюдался. Второй тип родства — родство по женской линии — čisun törül («родство по крови») [40]. Помимо брачных отношений женщины были связаны с родовой общиной родством матери со своими потомками. В отличие от родства по кости, родство по крови считалось до пятого колена, после чего экзогамные запреты для женщин снимались.

После того, как за женщину был выплачен калым, она становилась собственностью мужа, а после его смерти ее судьбой распоряжались его сородичи [41]. Вдова без детей или с малолетними детьми (еще не полноправными членами рода) должна была стать женой одного из ближайших родственников мужа, чтобы сохранить свою связь с его родом и не терять право на отношение к ней как члену родового коллектива [42]. «Когда отец и старший брат умирают, женятся на мачехе, содержат жену старшего брата»,— сообщает летопись в первых веках н. э. [43] Тот же обычай сохранялся и в XIII в. [44] Обязательность левирата, помимо чисто экономических причин, объяснялась тем, что женщина еще

---

[39] В «Сокровенном сказании» слово qari употребляется в значении «чужой» (например, qari irgen — «иноплеменник», буквально: «чужой человек»). Определение домашней утвари как qari — «чужой», т. е. не принадлежащей родовичам-мужчинам, понятно при сопоставлении с данными китайских летописей о предках монголов в I—II вв. н. э., поясняющими, что домашнее имущество у древнемонгольских племен в родовую общину мужа поступало вместе с женой-чужеродкой и фактически ей принадлежало («Сокровенное сказание», § 123, 274).

[40] Представления о двух линиях родства нашли отражение в погребальных обрядах киданей, которые хоронили покойников на деревьях и три года ждали, когда от трупа останутся кости, которые сжигались. Считалось, что кость (yasun) в человеке — от отца, а плоть и кровь (čisun) — от матери (см. Н. Я. Бичурин. Собрание сведений..., т. II, стр. 75).

[41] Н. В. Кюнер. Китайские известия..., стр. 135. См. также сведения Г де Рубрука и Д. дель Плано Карпини.

[42] Б. Ринчен. Указ. соч., стр. 207

[43] Н. В. Кюнер. Китайские известия..., стр. 135; «Сокровенное сказание», § 18.

[44] Д. дель Плано Карпини. История монгалов. Г де Рубрук. Путешествие в восточные страны. М., 1957, стр. 30.

не адоптировалась в члены рода своего мужа. Поэтому жена брата, мачеха, сестра жены не включались в экзогамную группу, что объясняет и наличие сорората.

На сохранение в силе институтов родового строя у древних монголов в первых веках н. э. указывает и обычай наследования. В правовом отношении все члены рода (в каждой родовой общине) были равны: все они имели право на часть коллективной родовой собственности. В XIII в. эта часть называлась qubi [45]. Девушке ее доля выдавалась при выходе за муж в виде приданого. Старшие сыновья могли выделяться при женитьбе в отдельное хозяйство, младшему сыну оставалось хозяйство родителей, так как у монгольских племен существовал минорат. Младший сын должен был содержать и состарившихся родителей [46]. Он считался хранителем домашнего очага. Для младшего сына существовали и особые названия otčigin или ejen («князь огня») [47]. Он вступал во владение всем домашним имуществом, т. е. всем тем, что принадлежало матери, было привезено с нею как приданое.

Именно младший сын становится наследником по материнской линии, в чем можно видеть черты материнского права, отдельные пережитки которого сохранялись еще в XIII в. Так, например, когда человек женился, то калым, по свидетельству Марко Поло, отдавался матери жены. Следовательно, жена не только оставалась хозяйкой выделенного ей в приданое имущества, но и передавала его по наследству. О следах матрилинейности сообщают и летописи. Так, даже в XIII в. в генеалогических таблицах «Сокровенного сказания» о ряде родов сообщается, что их предком была прародительница Алун-гоа. Наряду с термином, обозначавшим родоначальника-мужчину, имеется и термин, обозначавший родоначальницу-женщину, от которой и вели счет родства. С такими прародительницами обычно связывались и мифы о непорочном зачатии при участии Вышнего Синего неба и предка-тотема.

Констатируя крепость родовых устоев в монгольском обществе в конце I тыс. до н. э. и первых веков н. э., нельзя вместе с тем не отметить и возникновения многих явлений, которые в дальнейшем привели к становлению классового общества.

---

[45] «Сокровенное сказание», § 23, 70, 71; Б. Ринчен. Указ. стр. 206; Б. Я. Владимирцов. Указ. соч., стр. 54 и сл.

[46] Вот что говорится в «Сокровенном сказании» о юности Чингиз-хана. Темучин и его брат Хасар не ладили со своими сводными братьями (от другой матери) Бектэром и Бельгутаем. Темучин и Хасар решили отомстить за свои прежние обиды. Когда они пришли на пастбище, чтобы убить сводных братьев, старший брат Бектэр обратился к ним: «Не разоряйте же моего очага, не губите Бельгутая!» С этими словами он покорно присел на корточки. Темучин же с Хасаром тут же в упор произили его выстрелами спереди и сзади и ушли» («Сокровенное сказание», § 77).

[47] Подробнее см.. Б. Я. Владимирцов. Указ. соч., стр. 49, 54—55.

Избранные на основе родовой демократии, правители обладали властью, которая в пределах подлежащих их решению дел была абсолютной. В руках правителя сосредоточивалось руководство внешней торговлей. Если на пограничных рынках непосредственные производители сами вели обмен, то торговля с Китаем, например, осуществлялась через посольства, возглавляемые старейшинами родов и племен[48]. Возглавляя торговые операции родовых и племенных объединений, правители контролировали обмен, получая дополнительную прибыль в виде персональных подарков.

По многочисленным археологическим публикациям и исследованиям видно, что на территории современной МНР уже в эпоху бронзы население пользовалось вещами, родина которых была то далеко на юге, то в Сибири, то в причерноморских степях. Обмен был постоянным, включавшим все большее количество товаров. Забота о сбыте излишков продукции скотоводческого хозяйства на протяжении веков была одной из главных обязанностей старейшин (а позднее ханов), так как всякое нарушение нормального обмена приводило к тяжелым последствиям. В истории взаимоотношений кочевников с земледельцами закрытие пограничных рынков нередко вызывало военные конфликты. В первых веках н. э. старейшины были не самостоятельными купцами, а лишь связующим звеном между коллективом и внешним миром[49] В такой же роли они выступали и при заключении договоров с соседями.

Пока правители выбирались по индивидуальным качествам, полезным для всего коллектива, и периодически переизбирались (у некоторых южных групп такое положение сохранялось даже еще в VI—VIII вв.), их социальная роль определялась должностным положением. Власть принадлежала правителю только от одних выборов до других. Но постепенно круг лиц, из которых выбирались правители, сужался; необходимым дополнением к

---

[48] В источниках имеются многократные указания на то, как осуществлялся обмен между племенами со скотоводческим типом хозяйства и земледельцами. Китайское правительство периодически открывало рынки в пограничных городах; на этих рынках кочевники обменивали скот и продукты скотоводческого хозяйства на необходимые им предметы. Была и другая форма обмена: родовые и племенные правители приезжали ко двору китайских императоров и привозили «местные произведения», а в ответ на это китайское правительство «одаривало» их со своей стороны. Наибольшим спросом в Китае пользовались выносливые степные лошади (для нужд армии) и пушнина (соболя). В степь же шло зерно, шелка, зеркала, котлы для варки пищи и т. п. В обмене участвовало прямо или через племен-посредников древнемонгольское население всей зоны от южных до северных границ. Изделия из Китая попадали в Прибайкалье и Забайкалье, а пушнина, видимо, выменивалась у охотничьих племен Севера. См. Н. Я. Бичурин. Собрание сведений..., т. II, стр. 73—76; А. П. Окладников. Якутия до присоединения к русскому государству.— «История Якутской АССР», т. I. М.—Л., 1955; он же. Неолит и бронзовый век Прибайкалья (глазковское время), ч. 3. М.—Л., 1955.

[49] Н. В. Кюнер. Китайские известия..., стр. 13; Н. Я. Бичурин. Собрание сведений..., т. I, стр. 142—144.

личным достоинствам стало богатство. Правителей начинают выбирать по «храбрости, уму и богатству». Иначе говоря, доступ к управленческим функциям получают наиболее состоятельные люди. Правда, богатых общинников было гораздо больше, чем социально значимых.

На первых порах имущественное неравенство являлось следствием естественных причин (бóльшая или меньшая удачливость в индивидуальной охоте, гибель поголовья скота вследствие болезней, снежных зим или засухи, удачный или неудачный обмен и т. п.). Вело ли имущественное расслоение на данном этапе общественной эволюции к социальному неравенству? Создавало ли оно антагонистические противоречия внутри общины? По-видимому, нет. Оттого, что сородич становился богат, он не переставал исполнять все обязанности члена рода и общины. Но богатство позволяло ему шире оказывать помощь родичам, участвовать в празднествах, жертвоприношениях, военных предприятиях, обмене с соседними народами. На протяжении веков имущественная дифференциация не приводила к изменению родо-племенной структуры и не создавала антагонистических противоречий внутри общины.

Возникает вопрос, каким же образом монгольские племена перешли от первобытнообщинного общества к классовому.

С течением времени дробление родовых общин закономерно приводило к образованию новых коллективов, уже не считавшихся в родстве друг с другом. Теоретически, если родовая община была невелика по численности и не было необходимости в откочевке в поисках новых пастбищ, она естественно трансформировалась в общину, постоянное ядро которой уже даже по отцовской линии было неоднородным. Такая община отличалась от исходной тем, что она могла быть эндогамной, хотя принцип давней кровнородственной основы здесь еще сохранялся. Мог быть и другой вариант возникновения гетерогенной общины. Численно чрезмерно разросшаяся община, которой стало не хватать угодий, делится. Какая-то часть (bülüg) общинников переселяется во владения другого рода или даже племени, не испытывающих недостатка в землях. Договариваясь о совместном кочевании, хозяева и пришельцы могли образовать единую общину, которую объединяет территория и союз «мира и родства». Такая мирно и естественно образовавшаяся община эндогамна. Она представляет собой переходную форму к соседской, территориальной общине. Но это еще не территориальная община, так как основу ее составляют представители различных кровнородственных коллективов. Ядром этой общины являются еще два рода, а не отдельные семьи. Спонтанный путь развития родовой общины у древнемонгольских племен был очень медленным и практически не привел к образованию соседской общины. При всем разнообразии возникавших вариантов все монгольские

общины основывались в конечном счете на кровнородственных связях.

При описанном типе хозяйства не только благополучие, но и само существование каждого отдельного члена коллектива целиком зависит от силы и единства коллектива в целом. Поэтому-то самым тяжким наказанием у древних монголов было изгнание[50].

Экстенсивное кочевое скотоводческое хозяйство, так же как и земледельческое, зависит от природных условий, но имеет некоторые особенности. При кочевом быте нельзя создать и сохранить большие запасы продовольствия. И мясо, и мясные, и молочные продукты, консервированные простейшим способом, портятся быстрее, чем запасы зерна. Все богатство кочевника — в живом скоте. Теряя скот, кочевник терял все: не только действительные и потенциальные запасы продовольствия, но также и средства передвижения и материалы для одежды, обуви, шерсть для войлоков, чтобы покрыть и утеплить жилище, словом, все средства существования. Наконец, одинокая юрта в степи не приспособлена для обороны от врагов; в ней нельзя отсидеться, как в крепости, она всегда — легкая добыча. Одна семья не в состоянии оборонять жилище, скот и пастбище. Отсюда возникает и необходимость в поселении куренем, с характерным кольцевым расположением жилищ семей общинников и центральным — их предводителя-старейшины. Соответственно организуются и перекочевки: в центре — скот и семьи общинников, по четырем углам, в виде ромба,— вооруженная охрана (впереди разведка, по бокам и в арьергарде боевое охранение).

Существование многочисленного коллектива было необходимым условием ведения кочевого скотоводческого хозяйства. Отсюда и забота о расширенном воспроизводстве не только материальных ценностей, но и самих общинников-сородичей. В источниках неоднократны упоминания о том, как высоко ценились женщины, которые рожали много здоровых детей. Часто упоминаются случаи захватов в плен женщин и детей. Детей усыновляли и воспитывали в семьях победителей наряду со своими, а женщины становились собственностью победителей и распределялись вместе с другой добычей. Их брали в жены и в на-

---

[50] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений..., т. I, стр. 144. Эпос о Гэсэре (IV — XII вв. н. э.) сообщает о типичных формах изгнания сородича из общины. Все имущество изгоняемого, а часто и семья остаются у его сородичей в общине. Изгоняемому выделяется самый необходимый минимум (ger): жилище (юрта) и по паре голов всех видов скота. Для прокормления семьи из 5 человек необходимо минимум 25 голов скота (в переводе на лошадей, считая, что одна взрослая лошадь=5—6 головам взрослого рогатого скота либо 6 овцам или козам). В китайских хрониках «Вэй чжи» и «Хоу ханьшу» отмечается, что изгнанник обычно погибал. Эпос о Гэсэре описывает обратный пример, но он связан со сверхъестественными силами (помощь божеств-покровителей и т. д.) и только подчеркивает невозможность обособленного существования индивидуума вне общины в условиях родо-племенного строя при данном хозяйственно-культурном типе.

ложницы, и их дети от победителя пользовались равными правами с остальными общинниками.

Кроме того, кочевой коллектив должен был быть обязательно самостоятельной, организованной, спаянной железной дисциплиной военной единицей. Этим требованиям и отвечала община, основанная на родственных связях, с широко развитой взаимопомощью, подчинением интересов индивидуума интересам коллектива и с беспрекословным повиновением коллектива (и каждого его члена) вождю — защитнику и выразителю этих интересов. Прочный союз кровных родственников, единство пастбищной территории, четкая военная организация, единство интересов правителя и каждого члена коллектива, родственная взаимопомощь, дисциплина, замкнутый характер такой общины, бывшей и самостоятельной военной организацией,— все эти черты делали родовую общину очень жизнеспособной при кочевом скотоводческом хозяйстве. Поэтому разрушение ее, трансформация общинной организации происходила иначе, чем у земледельческих народов.

Первые противоречия возникали не внутри общинной организации, а между разными коллективами. Деление общества на сородичей и чужеродцев было здесь и основным изначальным противоречием. Кочевое скотоводство требует больших пастбищных пространств. Общины, обладающие крупными стадами, нуждаются в обширных пастбищах; общины с избыточным населением стремятся к приобретению скота; общины с большим количеством и скота, и пастбищ нуждаются в рабочих руках для обработки продуктов скотоводства, в пополнении коллектива женщинами и детьми, которых можно вырастить и усыновить.

При постоянной боевой готовности, военной тренировке и вооруженности каждого члена коллектива, каждого общинника военное разрешение противоречия является единственно возможным (особенно, если учесть, что другие общины находятся в сходном положении). Поэтому наиболее рано возникшим и устойчивым типом социального неравенства было неравенство между кровнородственными объединениями, принадлежавшими к разным племенам.

В источниках описаны различные ситуации, возникавшие в результате военного поражения чужеродцев. В одних случаях все взрослое мужское население истреблялось, а женщин и детей брали в плен, затем вместе с другой добычей распределяли между сородичами-победителями. В других случаях на побежденных накладывалась дань, которая распределялась между сородичами. Эта дань могла быть единовременной или постоянной (ежегодной). Ее требовали в виде скота и продуктов скотоводства, изделий из железа, оружия; была также «дань кровью», когда побежденные должны были снаряжать своих воинов для участия в военных походах победителей.

Иногда покоренных переселяли с семьями и имуществом на земли победителей (после того, разумеется, как у них отняли часть скота, драгоценности и т. п.). Распределенные между сородичами как часть добычи, они кочевали со своим скотом на отведенных им пастбищах, периодически выплачивая победителям натуральную ренту в виде различных продуктов скотоводства (шкур, шерсти, кумыса и т. п.). Они несли и различные повинности (пасли скот победителей, помогали в сезонных работах, служили загонщиками на облавной охоте и т. п.). Во всех названных вариантах покоренные лишались самостоятельности, но степень зависимости была различной. Именно две последние категории назывались onγu boγol, т. е. наследственные рабы рода-победителя, хотя их положение еще Владимирцовым было правильно определено как крепостная, а не рабская форма зависимости[51]. Таков был один из путей формирования классового общества у кочевников монгольской группы: в господствующий класс превращался весь род (или группа родов, племя) победителей.

Следует заметить, что часто имущественное положение побежденных и зависимых членов общества было не хуже, а иногда и лучше, чем у их владельцев. Неравенство здесь было в основе своей социальным, а не экономическим.

Но в источниках есть сведения о другом пути классообразования — о внутреннем расслоении общины. Выгоду от военных предприятий получали все сородичи. Они имели на нее право как члены кровнородственного коллектива, где каждый получал свою долю добычи, в чем бы она ни заключалась: в скоте, сокровищах, пленных, землях с иноплеменным населением, самих земельных владениях. Все это было долей частью в общеродовом владении. Но сначала добыча поступала в распоряжение военного предводителя, и лишь затем вождь выделял каждому его долю, причем доля вождя была больше, чем доля простого члена коллектива (около $^1/_{10}$ всей добычи).

При распределении добычи учитывалась степень заслуг каждого из участников военного предприятия, поэтому доли добычи

[51] Понятие, транскрибированное Рашид-ад-Дином как онгубогул и переведенное им как «раб рода», Владимирцов интерпретировал как unagan bogol и переводил: «крепостной вассал». Однако термин unagan bogol не встречается ни в одном из источников. Наиболее точно переводу Рашид-ад-Дина соответствует приведенный О. М. Ковалевским из летописи XVII в. термин который буквально и переводится с монгольского на русский язык как «раб рода» (oq — «род», un — показатель Genitiv'a, bogol — «раб»). Термин bogol в различных модификациях хорошо известен в памятниках монгольской письменности XIII—XIV вв. Наряду с рабами, находившимися в индивидуальном или семейном пользовании членов общин (домашнее рабство), были «рабы», захваченные вместе с территорией, на которой они жили своими общинами, и не менявшие своего хозяйственного и бытового уклада. См. О. Ковалевский. Монгольско-русско-французский словарь, т. II. Казань, 1846, а также другие монгольские словари.

не были равными и для других воинов-общинников. Военные предприятия были двух типов: наступательные и оборонительные. В оборонительных принимало участие все боеспособное мужское население, а в наступательных — либо добровольцы-удальцы, либо те, на кого пал жребий. Число боеспособных мужчин в общинах и в роде обычно было довольно велико, так как все дети с малых лет приучались владеть оружием. В кровнородственном коллективе, составлявшем общину, каждый мужчина старше 13—15 лет был воином. Одним из излюбленных сюжетов в фольклоре монголов различных эпох были рассказы о подвигах малолетних героев («Гесериада», фольклорные мотивы о юности Таньшихуая и т. п.). В суровых условиях кочевой жизни сила и выносливость особенно ценились. Храбрый воин после смерти становился духом-покровителем рода или даже племени, которому приносили жертвы наряду с прочими божествами.

Временное поселение составляло курень, в котором юрта старейшины была окружена от 100 до 1000 вооруженных людей. Если принять в расчет, что число взрослых мужчин составляло около $^1/_4$ всего населения, то численность обитателей такого куреня колебалась в пределах от 400 до 4000 человек. По китайским источникам, в каждом племени насчитывалось от нескольких сот до нескольких тысяч кочевьев, что составляло большую и мобильную военную силу. В военном набеге участвовали не все воины (нужно было оставить защиту в собственных кочевьях), и наибольшую часть добычи получали те, кто участвовал в походе. Часть добычи распределялась между семьями вдов и сирот. Так как вождь участвовал в большинстве походов, то львиная часть общей добычи попадала ему, возвращаясь к сородичам лишь в виде угощения на родовых и племенных пирах после народных собраний и т. п.

Положение вождя постепенно становилось прибыльным (помимо власти, которую оно давало избранному). Если вначале вождей выбирали из разных родов по их личным качествам, то постепенно роды с большим коллективом боеспособных сородичей начинают выдвигать вождей только из своей среды. Власть в племени сосредоточивалась в руках одного наиболее сильного рода, из которого в течение значительного времени постоянно выбирались должностные лица. Должностное неравенство имело тенденцию превратиться в неравенство социальное, а правящий род — в династию. Первоначальное единство интересов коллектива нарушалось. Так как к власти в племени стремились не один, а несколько родов, то образовывались коалиции родов. Вместо борьбы с чужеродцами на первый план выступала временами борьба с соплеменниками. Этот процесс в первые века н. э. начинается у различных групп сяньбийцев.

В борьбе с соплеменниками применяются те же приемы и методы, которые ранее применялись только к чужеродцам. Поко-

ренные соплеменники (а в ряде описанных случаев и сородичи) становятся зависимыми, а их положение уравнивается с положением зависимых и закрепощенных чужеродцев. Дробление родов происходит в этом случае не вследствие естественных процессов отлучения от родства по прошествии ряда поколений, а насильственно. Бывших соплеменников раздают в качестве военной добычи всем участникам победившей военной коалиции, их поселяют в чужих кочевьях вместе с иноплеменниками, вследствие чего образуются даже не общины, а территориальные единицы, в которых господствуют совершенно иные принципы объединения, распределения прав и обязанностей.

Основное отличие этого нового объединения от родовой общины заключалось в том, что каждый его член вел хозяйство на земле, которая принадлежала не ему и не коллективу, в котором он теперь жил, а была пожалована за военные предприятия одному из победителей в качестве доли добычи. Добровольно подчинившиеся более сильным соперникам оставались в качестве полузависимых союзников, доставляли ежегодные взносы в пользу правящего дома в виде собранных со всего населения продуктов, охотничьей добычи, изделий домашнего производства и т. п. Кроме того, они были обязаны и военной службой (в случае необходимости снаряжали в поход определенное число воинов в полном вооружении). Но те, кто добровольно подчинился, не нарушал форм своей общинной организации, просто при ставке старейшины теперь находился представитель центрального правительства. Отношения местного вождя, представителя родовой знати, к центральному правительству выступали как вассалитет[52]. Так в длительных междоусобных войнах, сопровождавшихся разрушением старых общинных и родовых связей, складывалась новая система общественных отношений, которые подробно описаны в монголоведческой литературе[53].

Верховным собственником всех приобретенных земель и прикрепленных к ним людей был хаган, или хан (император). В качестве сюзерена он жаловал земли с прикрепленными к ним людьми (улус) за службу в ленное владение своим сподвижникам, которые имели по отношению к нему ряд обязательств и в мирное, и в военное время. Родственники хана («золотой род»)

---

[52] Б. Я. Владимирцов. Указ. соч., стр. 108.

[53] Б. Я. Владимирцов. Указ. соч.; Н. Ц. Мункуев. О формах эксплуатации монгольских аратов XIII—XIV вв.— «Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института СО АН СССР», вып. 16, Улан-Удэ, 1965; Е. М. Залкинд. К вопросу об основных закономерностях развития феодализма у кочевых народов.— Там же, вып. 8. Улан-Удэ, 1962 и др. Ср. Ш. Нацокдорж. История Халхи. Улан-Батор, 1964; (на монг. яз.); Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение М.—Л., 1950 и др. Наличие феодализма (у монголов установленное еще Владимирцовым) было впоследствии обнаружено у целого ряда тюркоязычных кочевых народов (см., например, Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев. М.—Л., 1953; А. Бернштам. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII веков).

также являлись наследственными владельцами выделенных им в качестве доли улусов. В улусах существовала жесткая система использования пастбищ, самовольные перекочевки воспрещались. Население, прикрепленное к определенному владельцу, вносило натуральные подати (скотом, молоком, шкурками пушных зверей, кожами, мясом, ловчими птицами и т. д.), а также выполняло различные повинности (поставка лошадей для почтовых станций, содержание станций, выпас скота владельца, участие в охотах, военная служба и другие виды других работ). Владелец любого улуса был обязан отчислять часть полученных податей в пользу императора, которому причиталась и часть любой военной добычи (даже если он не участвовал в походе).

Все общество было основано на строгом соблюдении сословной иерархии. Во главе его стоял император (qayan), глава правящего «золотого рода», власть которого стала наследственной, хотя «всенародный государь» и утверждался на сейме представителей «золотого рода». Ему подчинялись все владельцы улусов, принцы крови (köbegün), имевшие наследственные ленные владения, а также и служилое дворянство (noyad), обязанное снаряжать ополчение из подвластных людей и вести их в бой. В зависимости от степени и размера жалованных земель и численности их населения это сословие подразделялось на темников, снаряжавших 10 000 воинов, тысячников, снаряжавших 1000 воинов, и сотников, снаряжавших 100 воинов. Все вместе они образовывали господствующий класс монгольского общества.

Низшим классом считались харачу — «чернь». В состав харачу входили прежде всего прикрепленные к земле и к определенному владельцу непосредственные производители, податное сословие, кочевники-скотоводы, основное население монгольских степей. Еще ниже на социальной лестнице стояли рабы. Они не имели никаких прав и, как правило, были инородцами. Рабов использовали на самых тяжелых работах. К XIII в. слой общинников, еще не попавших в зависимость от представителей господствующего класса, находился на грани исчезновения. Эта прослойка сохраняла владение общинной землей и личную свободу, хотя, видимо, и несла некоторые повинности в пользу центрального правительства. Особое положение занимали дарханы — привилегированное, очень немногочисленное сословие людей, которые не платили податей и не несли повинностей в пользу сеньоров (дархан-феодал не нес повинностей в пользу хана).

На протяжении всей истории монгольских племен обмен играл большую роль в их отношениях с соседними народами. В орбиту обменных связей монголов входили оседлые земледельцы Средней Азии, Восточного Туркестана, Приамурья и даже Приморья, охотничьи племена Южной и Восточной Сибири, Китая и Тибета. Вещи, которые находят в Монголии, говорят о длительной традиции многостороннего и интенсивного обмена. Уже

с гуннского времени, судя по наличию остатков характерных городищ (с планировкой углов по странам света), видимо, определяются важнейшие караванные пути, связывающие восток и запад. В значительной части торговля осуществляется через пограничные китайские города. Но и на территории Монголии, вблизи рек и на караванных путях, возникают центры торговли и земледелия. В первые века н. э., во время создания гуннской державы (в состав ее входили и покоренные гуннами в 209 г. до н. э. древнемонгольские племена), это были города-гарнизоны, пункты караванной торговли. Постепенно ставки правителей монгольских племен становились центрами административной жизни. Они привлекали разноплеменное ремесленное и торговое население. Монголы свозили в свои города ремесленников из завоеванных ими стран. Бóльшая часть таких ремесленников находилась на положении рабов и должна была обслуживать нужды феодальной знати, и в первую очередь самого хана и его двора.

В городах Европы, Передней и Средней Азии ремесло развивалось в свободных городских общинах, имело веками сложившуюся цеховую организацию, часто противопоставлявшую себя феодальной знати. Отделение ремесла от земледелия являлось там естественным и длительным процессом, постепенно создававшим базу для перехода от ремесленной мастерской к мануфактуре. Оно способствовало развитию внутреннего рынка, формировало «третье сословие». В монгольских же городах отделение ремесла от земледелия носило искусственный, насильственный характер. Положение монгольских ремесленников во многом было сходно с положением ремесленников-рабов античной Греции (этого сходства не нарушает отсутствие здесь эргастериев — рабских ремесленных мастерских). Разноплеменные мастера-ремесленники были собственностью хана, его родственников и приближенных, они использовались для обслуживания своих хозяев, напоминая скорее домашних рабов гомеровской Греции, но в несравнимых по количеству масштабах.

*

Становление классового общества у древнемонгольских кочевников в целом шло по тому же пути, что и у земледельческих народов. Неравенство, возникшее вследствие разделения в общине организаторских и исполнительских функций, превращалось в неравенство социальное, усугублявшееся имущественной дифференциацией. По мере усложнения общественной структуры и роста социальных организмов создавался специальный аппарат управления и подавления трудящихся аратов. Общинное землевладение с посемейным землепользо-

ванием разрушалось. Складывалось землевладение феодального типа (лены и бенифиции). Дань с покоренных и другие ранние формы зависимости перерастали в крепостничество. Возникшее на основе классового расслоения государство приобретало форму монархии.

Особенности процесса классообразования у монгольской группы племен были связаны со спецификой кочевого скотоводческого хозяйства. Сравнительно небольшие затраты мужского труда в сфере производства, необходимость постоянной охраны стад способствовали более длительному, чем у земледельцев, сохранению кровнородственной общины и в целом родо-племенного строя. В расслоении этого общества основную роль играли противоречия, возникавшие между различными кровнородственными коллективами из-за пастбищ, скота, женщин и т. д., а не внутренние разногласия между имущими и неимущими, старейшинами и простыми общинниками. Отсутствие нужды в больших затратах труда делало различные формы крепостной зависимости более целесообразными, нежели рабский труд. Последний имел применение главным образом в домашнем хозяйстве и в ремесле. Города, бывшие в первую очередь административными центрами, постепенно становились средоточием торговли и ремесла. Но торговля там развивалась в основном внешняя. Купцы, обслуживавшие императорский двор и знать, были иностранцами. Ремесленники были рабами, завоеванными в походах, насильственно поселенными при ставках императора и крупных сеньоров, которых они и обслуживали. У основной массы коренного населения продолжали сохраняться различные виды домашних ремесел, которые вполне удовлетворяли потребности скотоводческого хозяйства. Господство замкнутого натурального хозяйства тормозило создание внутреннего рынка. Ремесло внутри общества не отделилось от сельского хозяйства, не произошло и выделения особого купеческого сословия. Податное население, живущее на землях феодалов, и независимые общины были распределены по военно-территориальным единицам, заменившим прежние кровнородственные объединения.

Является ли путь становления классового общества у монголов универсальным для всех кочевых народов или только для данной этнической общности, может показать лишь сравнительно-историческое исследование.

С. Р. КИМ

РАННЕКЛАССОВОЕ ГОСУДАРСТВО В ЦЕНТРАЛЬНОМ КАМЕРУНЕ

(по материалам султаната Бамум, XIV—XIX вв.)

Изучение общественного строя народов Тропической Африки имеет особо важное значение для решения теоретических проблем докапиталистических обществ и прежде всего проблемы генезиса классов и государства.

Если до недавнего времени все эти проблемы исследовались почти исключительно на материалах европейских стран и некоторых районов Азии, то сейчас в научный оборот вовлекаются данные по истории народов Африки, Америки, Океании. Расширение ареала исследования позволяет выявить как общие закономерности общественного развития, так и специфические черты, зависящие от естественно-географической и исторической среды, в какой существует народ. Использование материала по докапиталистическим обществам разных стран мира дает реальную возможность обсудить вопрос об универсальности того способа производства, который Маркс определил как азиатский и относительно которого сейчас вновь развернулась дискуссия.

К более точной характеристике общественных структур Азии, Африки и Латинской Америки историков-марксистов обязывает также все возрастающая роль бывших колоний в международной жизни. Это необходимо для правильного решения социально-экономических проблем, стоящих перед освободившимися от колониальной зависимости странами.

Привлечение материала по социальным отношениям у народов Тропической Африки имеет то преимущество, что данный регион развивался в относительной изоляции, без сильного влияния извне. До колонизации историческое развитие здесь шло спонтанно. Социологические исследования по отсталым народа Африканского континента важны еще и потому, что

они выявляют массу архаических институтов, дают возможность непосредственно познакомиться с такими этапами общественной эволюции, какие уже пройдены человечеством и труднодоступны для изучения. Современная Африка — своего рода заповедник разного типа общин, начиная от родовых и кончая территориально-административными [1].

Перечисленные особенности общественного строя народов Тропической Африки явились одной из причин того, что возобновление дискуссии о раннеклассовых обществах началось с осмысления характера именно африканских обществ. Специалисты по доколониальным общественным образованиям в Африке столкнулись с большими трудностями в определении их формационной принадлежности. Эти образования не подходили под признаки феодальных или рабовладельческих. Французские ученые Ж. Сюре-Каналь, М. Годелье, Ж. Шено, П. Буато, а вслед за ними многие марксисты других стран поставили вопрос о возможности выделения раннеклассовых обществ в Африке и других континентах в особую общественно-экономическую формацию [2].

Дискуссия по этой проблеме пока далека от своего завершения. Потребуются еще усилия многих исследователей, обстоятельное изучение раннеклассовых государств, существующих и существовавших в разные исторические эпохи в самых различных районах мира, чтобы решить поставленные в дисдискуссии проблемы. Что касается Африкаиского континента, то пока ученые высказывают самые разнообразные точки зрения относительно характера имеющих здесь место общественных структур.

В советской науке исследование доколониальных обществ Африки только развертывается. Советская африканистика еще молода, тем не менее, ею достигнуты определенные результаты. Советские специалисты подчеркивают тот факт, что характерной особенностью социальных отношений во всех странах Тропической Африки вплоть до настоящего времени является существование общины и общинного землевладения. В связи с этим общественный строй африканских народов оценивается как патриархально-феодальный. Наряду с этим отмечается нали-

---

[1] С. Д. Зак. Марксизм о природе и судьбах общинной собственности и развивающиеся страны.— «Итоги и перспективы социально-экономического развития молодых суверенных государств». Л., 1965, стр. 41.

[2] См. обзоры зарубежной литературы об «азиатском способе производства» в следующих работах: Л. В. Данилова. Дискуссия по важной проблеме.— «Вопросы философии», 1965, № 12; И. Б. Тер-Акопян. Развитие взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на азиатский способ производства и земледельческую общину.— «Народы Азии и Африки», 1955, № 2, 3; А. И. Павловская. По поводу дискуссии об азиатском способе производства на страницах журнала «La Pensee» и «Eirene».— «Вестник древней истории», 1965, № 3; и др.

чие в Африке сильных пережитков первобытнообщинного строя, а также зародышей рабовладельческого уклада [3].

Зарубежная литература о народах Африки имеет давние традиции. Европейские ученые накопили большой фактический материал, имеющий большую познавательную ценность. На основании этого материала строятся самые различные концепции. Одна группа буржуазных исследователей считает возможным отнести некоторые африканские общества к феодальным [4], другая отрицает возможность этого [5]. Многие буржуазные специалисты неоправданно преувеличивают роль пережитков первобытного строя [6].

Для советских африканистов особый интерес представляют исследования доколониальных африканских структур, проведенные зарубежными марксистами. Серьезные труды написаны Сюре-Каналем об обществах Тропической Африки [7] Сюре-Каналь оценивает эти общества как племенные, переходные от первобытных к классовым. В основе их общественного строя, по мнению Сюре-Каналя, лежит большая патриархальная семья. Свой вывод ученый обосновывает такими фактами, как сосредо-

---

[3] Д. А. Ольдерогге. Западный Судан в XV—XIX вв. Очерки истории и истории культуры. М., 1960; И. И. Потехин. О феодализме у ашанти. М., 1960; А. С. Орлова. Общественный строй мальгашей в XIX в.— «Африканский этнографический сборник», т. II. М., 1958; она же. Уровень общественного развития Камеруна к началу европейской колонизации Африки.— «Советская этнография», 1959, № 5; Л. Е. Куббель. Из истории древнего Мали.— «Африканский этнографический сборник», т. V. М., 1963; «Аграрный вопрос и крестьянство в Тропической Африке». М., 1964.

[4] Так, английский ученый Р. С. Рэтрэй пришел к выводу о том, что общественный строй народности ашанти — почти точная копия английского феодализма» (R. S. Rattray. Ashanti. Oxford, 1923, p. 223). С ним солидарен Графт Джонсон, также считающий, что ситуация, сложившаяся в общине ашанти, похожа «на феодальное землевладение в английской истории» (J. W. de Graft Johnson. Akan land tenure.— «Transaction of the Gold Coast and Togoland Historical Society», vol. I, pt. IV. Achimota, 1955, p. 100).

[5] K. A. Busia. The posilion of the chief in the modern political system of Ashanti. Oxford, 1951; J. B. Danquah Akan laws and customs and the Akim Abuakwa constitution. London, 1928; J. Goody. Feudalism in Africa? — «The Journal of African History», vol. 4, N 1. London, 1963, p. 1—16. По мнению Битти, если мы будем описывать государство Буньоро (на территории Уганды) как феодальное, то мы тем самым окажемся перед проблемой ограничения или изменения нашего определения феодализма вообще (см. J. H. Beattie. Bunyoro: an African feudality? — «The Journal of African History», vol. 5, N 1. London, 1964, p. 25—35).

[6] Английские этнографы П. Кэберри и Е. Чильвер пишут о родо-племенной структуре как основе общественной организации у народов Южного Камеруна. Но во главе изучаемого ими государства Бали-Ньонг стоял наследственный вождь, в руках которого концентрировалась вся полнота власти. Он был владельцем всех земель и верховным судьей. При вожде находились советники из числа его ближайших родственников и наследственной аристократической знати. Существовал и военный совет, членов которого назначал и смещал сам вождь. Завоеванными землями управляли наместники, назначенные вождем, являвшиеся, как правило, ближайшими родственниками (см. P. M. Kaberry and E. M. Chilver. An outline of the traditional political system of Bali-Nyong, Southern Cameroons.— «Africa», vol. 31, N 4, London, 1961, p. 355—371).

[7] J. Suret-Canal. L'Afrique noire. Paris, 1961; Idem. Les sociétés tradicionelles en Afrique tropical et le concept marxist de mode production asiatique.— «La pensée», 1964, N 117.

точение всех важнейших дел семьи в руках ее главы, наличие совета старейшин семейных общин. Сюре-Каналь показывает процесс постепенной трансформации изучаемых им структур из родовых в классовые: приобретение старейшинами привилегий различного рода, освобождение их от производительного труда и т. п.

Сюре-Каналь полагает, что доколониальные общества в Тропической Африке нельзя характеризовать ни как рабовладельческие, ни как феодальные, но что они хорошо подходят под выдвинутое Марксом понятие обществ «азиатского способа пронзводства».

Французский исследователь Шено обращает внимание на необходимость глубокого изучения прошлого народов Азии и Африки ввиду того большого значения, какое имеют там сельская община и государственная собственность на землю[8]. Как и Сюре-Каналь, Шено выступил одним из инициаторов дискуссии об «азиатском способе производства». Это понятие, считает Шено, дает возможность с научной точки зрения разобраться в эволюции древних обществ Азии, Африки и Америки. Однако, предупреждает Шено, вряд ли можно безоговорочно отнести все эти общества к азиатским. Необходимо предварительно выяснить, в какой мере государству древних царств были присущи организаторские функции в экономике. По мнению Шено, Маркс считал «азиатскими» лишь те общества, где государство выступало в роли организатора общественного производства.

В настоящей статье предпринята попытка определить формационную принадлежность одного из крупных политических образований Тропической Африки — государства Бамум до вторжения европейцев[9]. Специальных исследований по этому вопросу в советской историографии нет. Зарубежная литература об этой части Камеруна представлена главным образом сообщениями миссионеров и путешественников.

---

[8] J. Chesneaux. Le mode de production aslatique; quelques perspectives de recherche.— «La Pensée», 1964, N 114; idem. Où en est la discussion sur le «mode de production asiatique».— «La Pensée», N 122, 1965.

[9] Выбор в качестве объекта изучения именно этого африканского государства имеет то преимущество, что, в отличие от бесписьменных народов Тропической Африки (а таких большинство!), чью историю приходится изучать по записям старинных преданий, сделанным европейскими путешественниками и миссионерами, бамумцы имеют еще и свою письменную историю, запечатленную в книге «История и обычаи бамумцев». Книга составлена в 1895—1900 гг. семнадцатым султаном страны Нджойа Сейду на основе изобретенной им бамумской письменности. В переводе на французский язык эта книга издана французским Институтом Черной Африки: «Histoire et coutume des Bamum redigée sous la direction du sultan Njoya» (далее — «Histoire et coutume»).— «Mémoires de l'Institut Francais d'Afrique noire, Centre du Cameroun». [Cahors], 1952.

Хотя книга появилась в конце XIX века, описанные в ней явления носят на себе следы глубокой древности. Памятник составлен на основе многочисленных дворцовых хроник и преданий старины. Он содержит законы обычного права бамумского народа, сведения о налогах, поземельных отношениях, обрядах и обычаях.

* * *

Прежде чем характеризовать общественную структуру народа бамум, воспроизведем вкратце историю этой части Камеруна. Бамум — страна с древней государственностью и давно сложившимся этносом. Уже в XIV в. здесь существовало сильное государство во главе с вождем (фоном) — обожествлениым правителем и верховным собственником общинной земли [10].

Народ бамум относится к восточной бантоидной группе [11]. Вопрос об этногенезе этого народа остается до сих пор неразрешенным. Некоторые исследователи полагают, что бамумцы — ветвь народа тикар [12]. Но язык бамумцев роднит их также и с бамилеке, поселившимися в верховьях реки Мбам в XV в. (впоследствии их покорили бамумцы). По-видимому, народ бамум ведет свое происхождение от двух этнических групп: тикар и бамилеке [13].

Широкая экспансионистская политика фонов Бамум свидетельствовала о силе и устойчивости возникшего здесь государственного образования. Фоны Бамум успешно покоряли отдельные небольшие княжества бамилеке и тикар, раздираемые междоусобными войнами.

---

[10] Существует точка зрения, что султанат Бамум возник в конце XVII — начале XVIII в. (см. А. С. Орлова. Уровень общественного развития народов Камеруна к началу европейской колонизации Африки, стр. 50; M. Littlewood. Bamum of the French Cameroons.— «Peoples of Central Cameroons». London, 1954, p. 55). Однако немецкий ученый проф. Альфред Шмидт в 1961—1963 гг. на основании специального исследования бамумских рукописей (легенд и книги султана Нджойи) подтвердил справедливость исторической хронологии и возникновения государства в XIV в. (см. W. Hirschberg. Die Stammtafel der Bamum-Könige.— «Archiv für Völkerkunde», Bd. 17—18. Wien, 1962—1963, S. 48—49). В 1915 г. фон Нджойа Сейду принял ислам, после чего страна стала называться султанатом, а фон (вождь) султаном (M. Littlewood. Op. cit., p. 57). По данным немецкого путешественника Рамзея, площадь империи Бамум составляла в 1905 г. 6650 *кв. км* (Ramsmey-Bomum.— «Globuß, 1905, Bd. 88, N 17, S. 272—273). Хронологическую таблицу правления фонов страны см. в указанной выше работе Хиршберга.

[11] Б. А. Андрианов. Этнический состав современного Камеруна.— «Советская этнография», 1959, № 5, стр. 61.

[12] А. С. Орлова. Указ. соч., стр. 50; M. Littlewood. Op. cit., p. 53; I. Dugast. Inventaire ethnique du Sud-Cameroun. [Cahora], 1949, p. 124; F. Thorbecke. Im Hochland von Mittel-Kamerun, Bd. 1. Hamburg, 1914—1919, S. 15.

[13] J. Binet Le commandement chez les Bamum. Prozessus d'unification d'un peuple.— «Le monde Non-Chrétien», Paris, 1952, Oct.— Dec., N 24, p. 399—415. Любопытные сведения о происхождении своего народа сообщает сам султан Нджойа, свидетельствующий о том, что первый фон страны Бамум Ншаре Йен и его дружина, были выходцами из тикарского княжества Рифум (современное название Бамкин), которое находилось в трех днях пути от столицы Бамум (см. E. Mveng. Histoire du Cameroun, Paris, 1963, p. 232). В европейской историографии считается, что это событие произошло свыше 250 лет тому назад (см. M. Littlewood. Op. cit., p. 55). Свою книгу об истории народа бамум Нджойа начинает с фразы: «Эта книга о фонах, вышедших из Рифум» («Histoire et coutume», p. 22). О происхождении бамумцев из Рифум говорит и обычай, описанный в книге: голову первого убитого на войне врага фоны обычно посылали в Рифум. Взамен вождь Рифум отправлял бамумскому фону женщину (там же).

Начало завоевательной политике положил основатель правящей династии и государства Бамум, первый фон страны — Ншаре Йен, сын Морумта — вождя народа тикар [14]. За время царствования он покорил 18 княжеств бамилеке, тикар и других народностей и своими походами решил вопрос о политической гегемонии Бамум в Центральном Камеруне. Ншаре погиб от руки своего родного брата [15].

Прославленным завоевателем был одиннадцатый фон страны Бамум Мбвембве Манду (1757—1814), значительно расширивший территорию своего государства [16]. Им было завоевано 48 княжеств бамилеке и тикар, захвачено большое число пленных.

Коиец правления Мбвембве ознаменовался междоусобицами, почвой для которых служило усиление родовой знати и борьба отдельных родов за власть. Однако процесс присоединения земель к Бамумскому государству продолжался и при последующих фонах [17].

Выдающимся правителем был семнадцатый фон страны Бамум Нджойа (Ибрагим), начавший править в 1889 г. [18] Нджойа принадлежит заслуга изобретения бамумской письменности [19]. Этим правителем была проведена большая работа по упорядочению законов обычного права и созданию нового законодательства. Нджойа проводил активную завоевательную политику. За свое царствование он одержал победы над семнадцатью вождями окрестных племен [20].

Беспрерывные войны, которые вели фоны государства Бамум за земли и рабов, не могли остаться без последствий для эволюции общественного строя этого народа. Они требовали

---

[14] «Histoire et coutume», p. 22.

[15] Ibid., p. 24. Такая же участь постигла многих фоиов Бамум. Фои Конату, отец Мбвембве, был убит своим племянником, князем Мфангаам (ibid., p. 25), за что Мбвембве разорил его деревню и погубил 90 жен князя (ibid., p. 26).

[16] Нджойа приписывает Мбвембве следующую фразу: «Война — мое занятие. Я должеи расширить границы своего государства огнем и мечом» (Ibidem).

[17] Непродолжительное царствование фона Бетикома (1814—1817), сына Мбвембве, также было наполнено военными событиями («Histoire et coutume», p. 31). «Завоевателем многих племен и народов» называет Нджойа своего отца фона Нсаигу, считавшего войну «великим занятием фона» (ibid., p. 52). По данным Нджойи, фону Нсаигу пришлось вести длительиую войну с Нгувуо, незаконно узурпировавшим власть в государстве (Ibid., p. 32). Нсаигу 35 лет вел кровопролитную войну за земли и рабов с народом нсау. Война была очень жестокой, в ней погибло около 1500 бамумцев. Нджойа свидетельствует и о войие с народом фаи, где Нсангу удалось захватить в плен около 800 человек. Всего Нсаигу завоевал 15 племеи.

[18] «Histoire et coutume», p. 34.

[19] «Бамумцы ие знали письмеииости. Нджойа дал ее им»,— записаио в памягиике («Histoire et coutume», p. 43).

[20] Судьба Нджойи сложилась трагичио. В 1923 г. он был устранеи французской администрацией от власти и отправлен в ссылку в Яуиде, где и умер в 1933 г. (см. «Histoire et coutume», p. 43, 136; M. L i t t l e w o o d. Op. cit., p. 56).

создания значительных военных сил и организации системы властвования над покоренным населением [21].

Та часть покоренного населения, которая не угонялась в плен и не обращалась в рабство (рабство военнопленных было уже признанным учреждением), облагалась тяжелыми податями. Дань с подвластных племен составляла значительную долю доходов фона и всей бамумской знати.

В ходе завоевательных походов складывались отношения вассалитета. Вожди зависимых племен становились вассалами бамумских фонов. Они сохраняли свой титул, но лишались самостоятельности. Их власть утрачивала сакральный характер. Вассальные вожди не имели права на жизнь и смерть своих подданных [22]. Те вожди, которые не признавали власти фонов, свергались. Если среди вассальных вождей происходили бунты, то бунтовщиков убивали, а их жен и детей распределяли между бамумскими королевскими воинами. Покоренные народы должны были жить по законам страны Бамум [23]. Чтобы предотвратить восстания, возникавшие среди покоренных, фоны Бамум заставляли целые группы племен переселяться со своих родных мест в самые различные части государства [24].

Завоевания обогащали верхушку бамумского общества. Складывался слой знати, обладавший землями, движимым имуществом, рабами. Однако усиление знати привело в конце концов к появлению в государстве Бамум центробежных тенденций, подтачивавших центральную власть. Фонам Бамум все труднее становилось справляться с заговорами аристократов. Гражданские войны конца XIX в. составляли основное содержание внутриполитической жизни государства Бамум [25]. Фоны этой страны делали попытки приостановить процесс децентрализации, но их усилия оказывались малоэффективными [26].

В конце XIX — начале XX в. спонтанное развитие бамумского общества было прервано европейским вторжением [27].

---

[21] Постоянной армии в стране не было, и фон, будучи верховным военачальником, призывал в нужное время воинов (народное ополчение).

[22] «Histoire et coutume», p. 34.

[23] Ibidem.

[24] M. Littlewood. Op. cit., p. 67; J. Binet. Op. cit., p. 413.

[25] J. Binet. Op. cit., p. 411—414.

[26] «Если два великих нджи,— записано в книге Нджойа,— начинают гражданскую войну и при этом погибает много людей, то каждый из них должен отдать фону 50 человек и 300 коз; 60 коз отдать тангу и ком-щюн-щют» (тангу — королевский судья; ком — высшее должностное лицо в государстве). См. «Histoire et coutume», p. 88.

[27] В 1884 г. в Камеруне появились немецкие колонизаторы, основавшие в 12 *км* от города Фумбан в деревне Нкутне «Плантационное общество Фумбан» (Ibid., p. 265). В 1905—1906 гг. в Бамум прибыли первые немецкие протестантские миссионеры. В стране начало распространяться христианство. Однако в 1915 г. оно уже было запрещено, церковь разрушена, на ее месте выстроена мечеть. Нджойа объявил себя султаном. В 1916 г. большая часть Камеруна стала подмандатной территорией Франции. В период господства французов страна Бамум получила статут самостоятельного округа со столицей и административным центром в Фумбане, а последний, восемнадцатый султан страны Нджимолу Нджойа находился на службе колониальной администрации.

* * *

Основную массу населения в государстве Бамум составляли свободные крестьяне, организованные в общины. Общинный строй являлся базисом существовавшей в стране политической системы. Территориально-административные округа, на которые делилось Бамумское государство, представляли собой объединения общин, носящих в английской литературе название компаундов.

В состав компаунда входили ближайшие родственники[28]. Но это отнюдь не первобытная община. Наряду с коллективным произвоством и коллективной собственностью здесь возникли семейно-индивидуальное производство и соответствующие формы землевладения. Дуализм пронизывал все сферы жизни компаунда. Возрастные классы, тайные союзы, ведавшие делами культа, родовая взаимопомощь и другие общественные институты, ведущие свое происхождение от первобытного уклада, уживались с имущественной дифференциацией среди общинников, проникновением в компаунд товарно-денежных отношений, превращением управленческих функций родовых старейшин в принудительную политическую власть.

По описанию очевидцев, в центре территории компаунда располагалась группа хижин, окруженных плантациями и садами. За ними находились посевы, пастбища и прочие угодья.

Каждая семья имела в своем распоряжении постройки, скот, орудия труда, подчас и рабов. Семьи, из которых состоял компаунд, обладали значительной хозяйственной автономией. Но доля общественного труда была еще, по-видимому, больше доли труда семейно-индивидуального. Общинное поле по своим размерам намного превосходило приусадебные участки семей[29]. С него жители компаунда получали основные продукты питания[30]. В коллективном пользовании находились пастбища, охотничьи и рыболовные угодья.

Бамумцы по традиции относились еще к земле как к собственности своих предков, духи которых, согласно распространенным верованиям, продолжали обитать в данной местности. Отдельные семьи рассматривались лишь как наследственные владельцы участков[31]. Отчуждение общинной земли счита-

---

[28] Счет родства в компаунде был патрилинейным.

[29] Материалы, которыми мы располагаем по бамумской общине, к сожалению, не позволяют выявить точное соотношение коллективного и индивидуального труда, размеры участков. Примерное представление о них дают сведения французского этнографа Клода Тардн, который занимался изучением родственного бамумцам народа бамилеке. По данным Тарди, участок малой семьи этого народа составлял 0,8 *га* на одного взрослого и 2,5 *га* на семью (муж и две жены). См Cl. Tardits. Contribution à l'étude des populations Bamiléké de l'Ouest Cameroun. Paris, 1960.

[30] На общинном поле выращивали просо, маниок, маис, сладкий картофель.

[31] Мужчина выбирал себе наследника из своих сыновей, но имя его держалось

лось невозможным: оно ставило под угрозу существование всей общины. Однако это не мешало появлению на практике таких форм земельных отношений, которые противоречили традиции.

В общем и целом компаунд представлял собой объединение равноправных свободных людей, но внутри его появились уже симптомы разложения первобытного равенства.

В особом положении находился глава общины, ее старейшина (нгаа нджу). Он жил в центральной хижине, отдельно от своих жен, детей и других родственников. Старейшина распоряжался общими хозяйственными делами компаунда. Во всех случаях, которые не подлежали юрисдикции королевского суда, он мог наказывать членов общины.

Для смены родового быта патриархальным показательно положение женщин. Их могли продавать и закладывать. Нарушение верности со стороны жен строго каралось [32].

Как отмечалось выше, отдельные семьи имели рабов, труд которых использовался в хозяйстве. Наряду с рабами в компаунде обнаруживаются неполноправные, полузависимые элементы. И если рабы были в основном чужеземцами, являлись инородным телом в компаунде, то эти последние происходили из среды самих общинников. Обедневшие общинники нанимались в батраки к зажиточным членам компаунда [33]. Свидетельством идущего процесса разложения общины является также наличие категории изгоев (нуфа) [34]. Эта категория была еще невелика, но появление ее весьма симптоматично.

В процессе постепенного разложения общины происходило постепенное превращение тайных союзов [35] из культовых организаций в замкнутые корпорации, включавшие лишь деревенскую верхушку.

Все изложенное выше не оставляет сомнений в том, что компаунд являлся переходной формой общинной организации, стоявшей на грани первобытного и классового обществ. Компаунд прошел лишь первую ступеньку по пути превращения из родовой общины в территориальную, соседскую.

Переходный характер во многом имела и государственная организация бамумцев. Во главе административного округа стоял нгбатнифойомэ, избиравшийся общим собранием сель-

---

в секрете. Наследник принимал имя умершего, получал его имущество и жен. Иногда в качестве наследницы могла выступать и женщина (M. Littlewood. Op. cit., p. 72).

[32] «Histoire et coutume», p. 106.

[33] Ibid., p. 263.

[34] M. Littlewood. Op. cit., p. 73; «Histoire et coutume», p. 263.

[35] Ibid., p. 260—261. Некоторые тайные общества бамумской знати: мбанши (тайное общество членов королевской семьи и аристократов высшего ранга); моуннигу и меунан (тайные общества телохранителей фона); игеурри или игирн (общество сыновей фона) и др. См. M. Littlewood. Op. cit., p. 73—74.

чан на три года. Группу округов возглавлял мфойомэ[36]. Его должность так же, как и должность нгбатнифойомэ, была выборной. Выборность административных властей — черта, характерная для общинного строя. Однако не только правители округов, но даже старейшины компаунда в государстве Бамум утверждались в своих должностях (или смещались с них) фоном. Таким образом, представители общинного самоуправления становились государственными чиновниками. Нгбатиифойомэ и мфойомэ отвечали за порядок в округах, сбор налогов, а также созыв народного ополчения в случае войны. От имени фона мфойомэ распределял земельные участки между компаундами (традиционные общиниые переделы) сроком на два года[37].

Социальную пирамиду бамумского общества возглавлял фон. Как глава и правитель государства он распоряжался жизнью всех своих подданных: «Все, кто рожден в стране Бамум,— записано в книге Нджойи,— принадлежат фону»[38]. «Если фон поручает своему человеку арестовать кого-либо и если виновный скроется и тем самым ослушается приказа фона, то гонец фона может найти его и без боязни убить, так как он это делает по приказу фона»[39],— гласит другой закон.

Власть фона носила сакральный характер. Ко времени правления Нджойи эволюция сонма родовых богов в единое высшее существо в основном, по-видимому, уже завершилась[40]. Сакральный ореол фона усиливал его власть над общиной.

В качестве главы государства фон возглавлял совет, состоящий из представителей родовой и служилой аристократии[41]. По усмотрению фона в государстве смещались должностные лица и правители провинций: «Если ком (представитель королевской власти на местах.— *С. К.*),— пишет Нджойа,— совершил ошибку, за которую не следует смертная казнь, то он смещается с должности»[42]. Это положение распространялось и на других вельмож (маншют, мфойома и др.)[43]. Покушавшиеся на королевский престол строго карались[44].

---

[36] «Histoire et coutume», p. 264; M. L i t t l e w o o d. Op. cit., p. 66, 73.

[37] «Histoire et coutume», p. 92; M. L i t t l e w o o d. Op. cit., p. 66, 73.

[38] «Histoire et coutume», p. 92.

[39] Ibid., p. 87.

[40] Не случайным поэтому является следующий наказ этого фона бамумцам: «Бог — отец всех людей, животных, земель неба... Я есть Йаруба — твой бог. У тебя нет других богов, кроме меня. Я не только повторяю тебе об этом десять раз. Я приказываю тебе (это) десять раз» (ibid., p. 79).

[41] «Histoire et coutume», p. 52.

[42] Ibid., p. 92.

[43] Ibidem.

[44] По законам бамумского государства «за узурпацию функций нджи не следует

К фону поступали налоги и дани со всего государства Бамум и подвластных ему племен. Продукты питания и ремесленные изделия доставлялись непосредственно в резиденцию фона. Судя по источникам, фон свободно распоряжался всеми поступлениями: обменивал часть их на продукцию соседей, делал подарки вождям дружественных племен, а также своим многочисленным родственникам и должностным лицам.

Фон был верховным судьей в государстве, олицетворением справедливости [45]. Не только судопроизводство, но и исполнение судебных постановлений происходило с его участием и под его контролем.

Фон являлся военачальником, возглавлявшим в военное время народное ополчение. При нем постоянно находился вооруженный отряд телохранителей — чунчут и отряды особой службы — мунингу, члены которых вербовались из бамумской знати. Это была личная гвардия фонов, служившая опорой королевской власти.

Главной резиденцией фонов Бамум была столица государства город Фумбан, окруженный глинобитной стеной со сложной системой укреплений и огромным рвом для защиты от кочевников фульбе [46]. В этой стене было проделано восемь ворот, от которых начинались округа страны. У каждых ворот стояла охрана из пятнадцати вооруженных саблями воинов, набранных из соответствующих округов [47].

Фоны жили во дворце, занимавшем большое пространство в центре города [48]. Здесь постоянно присутствовала многочисленная толпа слуг и различных должностных лиц со своими семьями, а также жены фона [49]. Дворец охранялся королевской гвардией.

смертная казнь. Но если человек или много людей претендуют на королевскую власть, то их убивают, имущество конфисковывают, а деревни уничтожают» (ibid., p. 97).

[45] «Histoire et coutume», p. 104.

[46] M. Littlewood. Op. cit., p. 66.

[47] Ibidem.

[48] В наши дни в этом дворце живет последний, восемнадцатый султан из древней династии Рифум сын Нджойи Сейду — Хадж Сейду Нджимолу Нджойа со своими шестьюдесятью женами. См. H. Leuenberger. Habari gani, Africa. Darmstadt, 1955, S. 232.

[49] У Нджойа, например, было 519 жен («Histoire et coutume», p. 87). Существует мнение, что институт многоженства, распространенный в среде феодально-племенной знати в Африке, имеет экономический характер. Французский исследователь Мари-Андре пишет: «Крупные плантаторы покупают жен для обработки плантаций, доходы с которых им доставляют новых жен-работниц» (см. Marie-Andre. Le condition humaine en Afrique. Paris, 1953, p. 119). Жена-работница обязана была обрабатывать определенную часть семейного поля, урожай с которого поступал в исключительное распоряжение мужа. В бамумской общине существовал обычай (пережиток первобытного строя): со смертью фона убивали его жен. «Сорок жен фона Нсангу, — пишет Нджойа,— бежали, так как старейшины сказали им, что после смерти фона они должны умереть» («Histoire et coutume», p. 34). И в другом месте: фон Нсангу заявил своим женам: «С моей смертью вы должны тоже умереть» (Ibid., p. 55).

Власть фона в государстве Бамум была наследственной. Престол передавался по мужской линии [50]. Фон сам выбирал себе наследника из своих сыновей. Его имя обычно хранилось в строгой тайне. Если фон не успевал назначить наследника, то его избирали представители высшей аристократии.

Фон делил власть в государстве со знатью, подразделявшейся на ряд категорий, каждая из которых имела особые занятия при дворе, а также определенную долю привилегий и доходов [51]. Вес и значение разных слоев знати определялся иерархией должностей и личной близостью к фону. Внешне это проявлялось в регламентации одежды и поведения.

Высшая знать была представлена советниками фона (титамфон и па-ком) [52], наместниками в завоеванных землях (ком) [53], королевскими судьями (тангу и мутангу) [54]. Перечисленные должностные лица входили в королевский совет, без одобрения которого фон не мог вынести ни одного важного решения. Таким образом, власть фона практически была ограничена верхушкой аристократии.

Иерархическая лестница чинов и званий в государстве Бамум основывалась на родственном принципе. Представители наиболее могущественных и знатных родов занимали самые важные и ответственные должности. Эти должности были наследственными.

Особый слой аристократии составляла королевская семья: сыновья и дочери фона, его ближайшие родственники. Как пережиток материнского права следует рассматривать высокое положение в обществе матери фона. Ее роль в государстве была велика, и она пользовалась даже большим авторитетом, чем сам фон [55]. В отсутствие фона его мать правила государством, а в случае несовершеннолетия фона становилась регентшей. В качестве соправительницы мать фона носила титул «на». Члены королевского рода занимали высшие посты в гвардии. И фактически, и юридически родичи фона оформились в правящее сословие (нджи).

[50] Ibid., p. 99, 104. «Ншаре Йен, вышедшнй из Рифум,— сообщает Нджойа,— приказал, чтобы фон всегда выбирался нз наследников его семьи»; и далее: «наследником фона не может быть никто из семи ком (дружина Ншаре.— *С. К.*), ии нз вассальных князей..., ии племяиинк, ...нн брат...»

[51] Число сановников у Нджойи доходило до 800 человек.

[52] Титамфоны («отцы фона») — трое самых главных советников фона. Па-ком — семь важиейших советников. Эта должность ведет свое происхождение от приближенных дружинников Ншаре (первого фона страны).

[53] Интересно отметить, что в период французского господства высшие должностные лица султаиата (ком, ком-шюн-шют и др.) носили эти же титулы, считались верховными вождями и находились иа службе колониальиой администрации («Histoire et coutume», p. 264).

[54] В обязанности тангу входило также объявление народу важиейшнх решеиий фона и его совета. Он также отвечал за порядок на рыиках (см. M. Littlewood. Op. cit., p. 62, 67).

[55] О большом авторнтете матерн фоиа свидетельствует заведеиный при дворе порядок: ком, прибывший в резидеицию фона по очеиь важиым государствеиным делам, докладывал о ннх сначала ей, а она уже — фону. (См. «Histoire et coutume», p. 72).

Законы государства стояли на страже интересов знати. В основе бамумского законодательства лежал принцип привилегий. Жизнь знатного человека охранялась в большей степени, чем жизнь простого общинника. «Если,— гласит закон Бамум,— сын правящего фона убьет кого-либо, то за это ему не следует смертная казнь». Характерно, что в законе не говорится вообще о каком-либо наказании нджи. Наряду с нджи и другие представители аристократии пользовались существенными правовыми привилегиями, выделявшими их из массы рядовых бамумцев [56]. Так, например, за убийство королевского раба — знатный человек в качестве штрафа должен был отдать фону раба. Если убийца менее знатный, то он платил фону 200 каури [57]: если совсем незнатный, то он должен был заплатить фону 10 000 каури и, помимо этого, отдать 3000 каури тангу, 800 каури мгбетни-тангу, 8000 нджи-фонфон и 3000 тетнкума [58].

Фон и окружающая его многочисленная знать существовали за счет грабежа покоренных народов и эксплуатации соплеменников. Общинники выполняли трудовые повинности и платили фону налоги натурой (нгуон) [59]. Во времена Ншаре нгуон был небольшим. Он сильно возрос при Мбвембве. Султаиу Нджойи жители Бамум ежегодно поставляли 4 тыс. коз, 2 тыс. тыквенных сосудов пальмового масла, 1 тыс. корзин маиса, 400 корзин копченого мяса и другие съестные припасы [60]. Натуральный налог брался с крестьян в соответствии с размерами земли, а также с учетом числа людей, обрабатывавших эту землю [61]. Покоренные племена должны были платить дань, за исправность поступления которой отвечали их вожди (мфои-нгуон). Зависимые от государства Бамум племена поставляли буйволов (из их кож делались барабаны и щиты), шкуры леопардов, львов, гиен, крокодилов. «Если кто-либо,— записано в памятнике,— вместо целого буйвола пришлет фону только шкуру, тот подлежит смертной казни...» [62] Заранее, до срока сбора дани, фон мог призвать к себе вождей охотничьих племен и заявить им: «Вы знаете, что нгуон приближается. Пусть охотники получше охотятся и несут мне дичь...» [63]

Наряду с земледельцами и охотниками «подарки» фону должны были делать регулярно и ремесленники. Кузнецы по-

---

[56] M. Littlewood. Op. cit., p. 68.

[57] В стране Бамум собственной монеты не чеканили, и бамумцы пользовались раковинами каури как денежной единицей.

[58] «Histoire et coutume», p. 89.

[59] По-видимому, название происходит от музыкального инструмента тайных обществ. Им возвещали о начале сбора налогов. Ншаре определил нгуон, как «ежегодную плату за землю собственнику (т. е. фону.— *С. К.*) земли» («Histoire et coutume», p. 96).

[60] M. Littlewood. Op. cit., p. 61.

[61] Ibidem. К сожалению, мы не располагаем данными о размерах площадей.

[62] «Histoire et coutume», p. 96.

[63] Ibid., p. 51.

ставляли ему ножи, дротики, резаки и т. п., ткачи — ткани, гончары — посуду, корзинщики — корзинки, виноделы же отправляли фону не только вино, но и вырученные за него деньги [64].

До самого конца независимого существования государства Бамум нгуон сохранял отпечаток тех времен, когда прибавочный продукт шел на нужды всего коллектива. Так, в день получения нгуон фоны Бамум угощали народ различными яствами [65].

Помимо уплаты натуральных налогов общинники отбывали коллективные трудовые повинности: возводили и чинили городские стены и дороги, выполняли строительные работы на землях фона (возводили их резиденции, восстанавливали хозяйство в случае разрушений или пожара и т. п.) [66].

Разного рода строительные работы, генетически восходившие к общественным работам, выполнявшимся совместно группой общин, постепенно превращались в регулярную государственную повинность, напоминавшую барщину феодальнообязанных крестьян. «Эти обязанности феодального типа,— пишет французский исследователь Деспуа,— были основой политической организации и составляли силу и мощь Бамум» [67].

Характерно, что повинности в общине бамум накладывались не на каждого общинника, а на всю общину в целом. Это обстоятельство имеет важное значение для выяснения природы политической организации в бамумском обществе. Государственная власть в Бамум носила отчетливые следы своего происхождения из родо-племенных институтов, трансформировавшихся в условиях перехода к классовому обществу в средство эксплуатации непосредственных производителей.

Государственные налоги и повинности, возложенные на массу общинников, были главным видом эксплуатации в бамумском обществе. Наряду с этим эксплуатировались рабы, а также обедневшие члены общины, попавшие в кабальную зависимость.

Миссионерка Анна Вурманн, жившая в период правления Нджойи в Фумбане, свидетельствует о том, что каждый богатый человек в стране имел значительное число рабов. Рабы

---

[64] Ibid., p. 96. По мере развития товарно-денежных отношений в государстве Бамум наряду с продуктовой рентой была введена рента денежная.

[65] Фоны Мбвембве, Бетиком и Нгувуо раздавали в этот день каждый по 800 корзин мяса, фон Нсангу — 600, а Нджойа — 300 («Histoire et coutume», p. 97).

[66] «Фои Мбвембве,— как рассказывается об этом в книге Нджойи,— приказал выстроить себе дворец в своей резиденции и вырыть вокруг Фумбана огромный ров для защиты от кочевников фульбе» («Histoire et coutume», p. 26). «Фон Нсангу оставался в Макопе до тех пор, пока бамумцы не выстроили ему дворец в Нджиидуке» (ibid., p. 52). Кроме свободных общинников, на строительных работах использовались рабы. Тысячи рабов, например, принимали участие в сооружении стены вокруг города Фумбан (см. A. Rein-Wuhrmann. Vier Jahre in Grasland von Kamerun. Basel, 1917, S. 18).

[67] J. Despots. Des montagnards en pay tropical Bamiléké et Bamum.— «Revue de Géographie Alpine», t. 33, fasc. IV Grenoble, p. 595—634.

считались членами семьи, но хозяин мог обращаться с ними как ему было угодно. «Господин,— пишет Вурмани,— мог своего раба перепродать, подарить, избить»[68]. Если же раб добивался расположения своего хозяина, то ему разрешалось иметь свое жилье, хозяйство, нескольких жен. Но это были исключительные случаи. Большинство же рабов посылались на самые тяжелые работы: строительство дорог, расчистку леса под пашню, использовались в ремесленном производстве и т. п.[69] И в фактическом и юридическом отношении рабы находились на самой низшей ступени общественной лестницы.

Следует упомянуть о так называемых потомственных рабах, происходивших из аристократических кругов некоторых зависимых княжеств. Такие рабы занимали в государстве высокое положение, имели свои дома и даже собственных рабов, которые обрабатывали их участки земли[70]. Из них же набирались начальники над рабами. В истории Бамум известны случаи, когда отдельные возвысившиеся рабы захватывали власть и становились фонами[71].

Источники рабства были различными. Это прежде всего завоевательные войны, доставлявшие военнопленных. Существенным источником рабства служило превращение в королевских рабов нарушителей законов[72].

В государстве Бамум существовало и долговое рабство. «Если у человека,— записано в книге Нджойа,— много долгов, то он теряет свое имущество и становится собственностью (т. е.

---

[68] A. Rein-Wuhrmann. Vier Jahre in Grasland von Kamerun. S. 22.

[69] Много рабов имела в своем распоряжении и королевская семья: на землях фона и его матери рабы пасли скот, работали в зернохранилищах и на полях. На плантациях матери фона Нсангу Нгунгуре, например, трудилось 3000 слуг, которыми управляли 30 управляющих (маищют). Следует предполагать, что это были рабы («Histoire et coutume», p. 73). Фон Бетиком подарил своей матери Мфангаам более 2000 слуг. А в хозяйстве Ндзапндунке (матери фона Нджойа) насчитывалось 9000 слуг, которые подчинялись 27 маищют («Histoire et coutume», p. 75). Наконец, число рабов султана Нджойи достигало 12 000 (см. A. Rein-Wuhrmann. An Fumban, die Stadt auf den Schutte. Arbeit und Ernte im Missionsdienst im Kamerun. Basel, 1948, S. 19).

[70] A. Rein-Wuhrmann. Vier Jahre in Grasland von Kamerun, S. 22, 67.

[71] Таким был, например, фон Нгувуо (1817—1869) —раб, а затем начальник над слугами у фона Мбвембве. Он узурпировал королевскую власть и казнил многих мужчин правящей семьи. Нгувуо казнил 70 аристократов только за то, что они напомнили ему о его происхождении. Узурпатор оказался способным и энергичным правителем: он боролся с аристократами-заговорщиками и укреплял королевскую власть. Его поддерживала значительная часть населения султаната: после свержения Нгувуо фону Нсангу (отцу султана Нджойа) еще долгое время пришлось вести борьбу с его сторонниками («Histoire et coutume», p. 32).

[72] «Если владелец плантации поймает кого-либо на своей плантации, то преступник наказывается и превращается в королевского раба». «Если кто-либо срежет рафию, которая ему не принадлежит, то он наказывается и превращается в раба». Королевским рабом становился и грабитель. При этом все награбленное отправлялось фону. «Если кто-либо подожжет хижину ближнего, то он обязан в виде штрафа отдать фону человека» (по-видимому, речь идет об отдаче человека в рабство). См. «Histoire et coutume», p. 93.

рабом.— *С. К.*) фона». Нередки были случаи купли-продажи свободных общинников [73].

Появление долгового рабства и продажа свободных людей в рабство — показатель достаточно развитых товарно-денежных отношений и социальной дифференциации в общине бамумцев. Об этом же свидетельствуют бамумские рынки [74].

Высокого уровня достигло в Бамум мастерство кожевников, ткачей, оружейников, кузнецов и т. п. [75] Страна Бамум знаменита резьбой по дереву, орнаментацией и крашением тканей голубым индиго, архитектурой, производством изящной глиняной посуды, художественным плетением, бронзовыми масками, изделиями из металла. В общинах бамумцев производили пальмовое масло, делали кирпич для строительства домов, изготовляли листовое железо, гончарные изделия [76]. На высоком уровне здесь была техника литья из латуни, изготовление трубок для курения (метровой длины, украшенных причудливыми фигурками) [77] Все эти образцы материальной культуры и искусства народа бамум хранятся в этнографическом музее города Фумбан [78]. Производство тканей было настолько значительным, что они стали предметом обмена. Нередко бамумские фоны отправляли ткани соседним вождям и султанам в благодарность за военную помощь [79]. Многие предметы ремесла и продукты питания становились статьей обмена с другими народами. Особенно расцвели ремесла в эпоху Нджойи. В период французского господства французы создали в Фумбане объединение ремесленников разных родов. Ремесленники работали в особых хижинах, на определенной улице, получившей название «Улицы ремесленников» [80].

Бамумцы были знакомы с таким спутником товарно-денежных отношений, как ростовщичество. «Если,— пишет Нджойа,— богач дает кому-либо для коммерции 5000 каури, то тот должен вернуть богачу 6000 каури» [81].

---

[73] Как свидетельствует Нджойа, в доме мутангу (королевского судьи) существовало особое ведомство «маншют» по торговле людьми («Histoire et coutume», p. 101).

[74] Дважды в неделю устраивались в Фумбане и Фумботе большие базары, где шла бойкая торговля сельскохозяйственными продуктами и предметами ремесла. Здесь особенно выделялись торговцы хауса, доставлявшие на рынки товары, изготовленные из кожи и железа. (В Фумбане хауса жили своей колонией, состоящей из 2000 человек). По данным миссионеров, на этих базарах торговали рабами вплоть до 1918 г. (см. M. Littlewood. Op. cit., p. 62).

[75] H. Labouret. En pay Bamum. La ville de Foumban.— «Togo-Gameroun». Paris, 1935, avril — juillet, p 111.

[76] «Histoire et coutume», p. 43.

[77] F. Thorbecke. Im Hochland von Mittel-Kamerun. Hamburg, 1914, S. 17.

[78] Во дворце фонов в Фумбане хранится огромное панно, на котором изображены все восемнадцать фонов страны с указанием дат правления, а также сценами из жизни бамумского народа (см. W Hirschberg. Op. cit., S. 48—59).

[79] «Histoire et coutume», p. 39, 263.

[80] M. Littlewood. Op. cit., p. 64.

[81] «Histoire et coutume», p. 120.

Развитие товарно-денежных отношений и социальная дифференциация постепенно вызывали перестройку поземельных отношений в стране. Формально земля считалась священной и неприкосновенной собственностью духов предков, т. е. собственностью общин; фактически ею свободно распоряжались фоны. Чиновник фона мфойомэ раздавал каждому компаунду во владение определенное число наделов. Поскольку право распоряжения общинной землей, узурпированное государством в лице фона, освящалось у народа бамум (как и у других народов Африки) [82] культом духов предков, то верховная собственность фона на общинную землю облекалась сакральным ореолом. Сам же фон превращался в то верховное «связующее единство», которое Маркс считал характерным для восточных деспотий [83].

Хотя общинное землепользование в стране Бамум и господствовало вплоть до колонизации, подспудно шел процесс сложения крупного частного землевладения. Особенно быстро увеличивалось количество наследственных держаний, пожалованных фоном его ближайшим родственникам (нджи).

Обширными были владения матерей фонов. Так, мать фона Нсангу Нгунгуре имела 17 огромных плантаций [84]. Матери фона Нджойа Ндзапндунке принадлежало 100 пальмовых рощ и 23 плантации. В этих владениях трудились тысячи рабов и общинников. Постепенно подобные поместья превращались в товарные хозяйства, где пальмовое вино, зерно, маисовая мука и другие пищевые продукты производились на продажу [85].

Как уже отмечалось, в Бамум получили распространение условные наследственные держания аристократии. Откуда же брали фоны земли для пожалований? В литературе есть указания на отдельные случаи сгона общинников с их участков и захвата их знатью. Так, по законам Бамум сыновья и братья фона не имели права жить в столице. Они обосновывались в деревнях за пределами Фумбана, подчас на землях, уже выделенных каким-то общинникам. Общинник, чей участок земли они себе выбирали, обязан был немедленно вместе со своей семьей покинуть землю, даже не убрав урожая [86]. Если нджи разрешал общиннику оставаться жить на прежнем месте, тот выплачивал новому владельцу налог натурой [87]. Однако сгоны общинников в целом были не типичны. Чаще всего фондом для земельных раздач служили вновь завоеванные территории. Фоны Бамум ста-

---

[82] В. А. Субботин. К вопросу о земельных отношениях в Фута Джалоне накануне колонизации. М., 1964; И. И. Потехин. О феодализме у ашанти. М., 1960; Г. Е. Скоров. Французский империализм в Западной Африке. М., 1956.

[83] К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940, стр. 6.

[84] «Histoire et coutume», p. 73.

[85] Доходы с таких хозяйств нередко доходили до 8 тыс. марок (ibid., p. 75).

[86] M. Littlewood. Op. cit., p. 73.

[87] А. С. Орлова. Указ. соч., стр. 53.

рались жаловать своим сподвижникам и родственникам наделы, расположенные на окраинах государства, с целью укрепления границ, а также борьбы с местным сепаратизмом [88].

Земельные держания знати, как и их должности, передавались по наследству. Владельцы пожалованных наделов собирали с подвластного населения налоги, часть из которых они присваивали себе, а часть отправляли фону. Постепенно держатели пожалованных наделов стали относиться к ним, как к своей собственности, продавали и покупали их. Обладая верховными правами на всю землю, фон контролировал акты купли-продажи, занося каждую операцию в особую книгу и собирая с них пошлины [89].

Держатели крупных владений заводили собственные хозяйства. К сожалению, у нас нет данных о том, на каком труде основывались эти хозяйства. Не исключено, что здесь использовался труд крестьян-общинников, переданных фоном вместе с землей. На плантациях, о которых постоянно говорит Нджойа, кроме того, трудились батраки, безземельные крестьяне-арендаторы и, конечно, рабы [90].

Батраки рекрутировались большей частью из нуфа (изгоев), утративших родственные связи и участки земли в своих общинах и вынужденных поэтому скитаться по стране в поисках работы. Много нуфа скапливалось в Фумбане, но они появлялись там только на праздниках, все остальное время работали по найму на плантациях, за пределами столицы.

У бамумцев существовали законы, регулировавшие взаимоотношения между нуфа и земельными собственниками, нанимающими их к себе на плантацию. Эти законы защищали землевладельцев и были направлены против безземельных нуфа. Таков, например, закон об условиях аренды. В случае ссоры между землевладельцем и нуфа-арендатором последний должен был уйти немедленно, оставив хижину, в которой он жил, и все, что он выращивал. Он мог взять с собой только лично принадлежавшие

---

[88] В качестве доказательства могут служить данные книги Нджойи о том, что высшие должностные лица в государстве (ком) жили постоянно в провинциях, организованных на завоеванных землях. Здесь ком были представителями центра на местах и обладали очень большой властью. Ком приезжали в столицу только на праздники или по очень важным государственным делам к фону.

[89] «Никто не может,— записано в книге Нджойи,— продавать участки без разрешения фона». У земельного собственника, продававшего участок без ведома фона, фон конфисковывал не только эту землю, но и ту сумму денег, которую собственник выручил от продажи земли. Интерес представляет и закон, касающийся людей, сидящих на земле, подлежащей продаже: «Если человек владеет огромной собственностью, состоящей из нескольких участков земли, и если он, продавая земли, продаст всех людей, которые находятся на этих землях, то он должен отдать эти земли фону» («Histoire et coutume», p. 119). Продажа людей в государстве Бамум свидетельствует о том, что бамумская знать пыталась низвести податное население в своих владениях до положения рабов.

[90] Бамумская знать получала от фона большое число рабов: «Фон,— пишет Нджойа,— делит военнопленных между собой и иджи...» («Histoire et coutume», p. 92).

ему вещи. Подобным же неравноправным характером отличались законы об условиях выплаты ренты нуфа-арендатором владельцу земли: «Если нуфа,— записано в книге Нджойа,— арендует у владельца землю с частью водоема, то он обязан платить владельцу рыбой за пользование этой землей. Этот закон не подлежит изменениям. Если нуфа нарушает закон, то владелец обращается в королевский суд и выигрывает дело» [91]. Если нуфа нанимается к землевладельцу на плантацию во время уборки урожая и работает недостаточно хорошо, то нуфа обязан отдать землевладельцу, к которому он нанялся, корзину маиса [92].

По-видимому, земельные тяжбы между нуфа и землевладельцами были нередким явлением в Бамуме, в силу чего понадобился даже специальный закон в целях предотвращения беспорядков: «Фон Мбвембве,— пишет Нджойа,— приказал не преследовать нуфа в деревне, так как, когда они передвигаются по стране, повсюду нарушается мир...» [93]

Наряду с нуфа-арендаторами были нуфа-землевладельцы. Появление такой категории общинников — показатель развития частной собственности у непосредственных производителей, обособившихся от общины. Община не выделяла нуфа земли, но по законам Бамум нуфа могли культивировать любой участок земли, который они находили неиспользованным [94]. В отдельных случаях нуфа мог купить землю. Положение нуфа-землевладельца по сравнению с нуфа-арендатором было существенно иным. «Если нуфа,— пишет Нджойа,— покупает землю рядом с той, на которой он раньше жил (видимо, как нуфа-арендатор.— *С. К.*), и если он хочет на этой земле остаться, то прогнать его с этого участка нельзя. Если нуфа покупает дерево на той земле, где он раньше жил арендатором, и если землевладелец его прогоняет, то нуфа остается собственником дерева до тех пор, пока он сам не продаст его землевладельцу». Это положение распространялось и на сооруженную хижину, пальму рафия и т. п.: купленное имущество становится собственностью нуфа, а не землевладельца, которому оно раньше принадлежало [95].

*

Заканчивая анализ общественного строя государства Бамум, следует прежде всего подчеркнуть, что речь идет об обществе, переживавшем стадию перехода от первобытнообщинных отно-

[91] «Histoire et coutume», p. 119. Для разбора конфликтов спорящие стороны приглашались в дом королевского судьи — мутангу.

[92] «Histoire et coutume», p. 119.

[93] Ibid., p. 44.

[94] Ibid., p. 263; M. Littlewood. Op. cit., p. 73.

[95] «Histoire et coutume», p. 119.

шений к классовым. Первобытное равенство бамумцами уже утрачено, но пережитки его весьма ощутимо проявлялись во всех сферах жизни. Классовые отношения были еще крайне незрелые.

Среди бамумцев наблюдалась имущественная дифференциация. Но не она пока была основой выделения и оформления господствующего сословия, эксплуатирующего и собственный народ, и иноплеменников. Монопольная собственность на средства производства в бамумском обществе не развилась еще в такой степени, чтобы стать источником формирования общественных классов. Привилегированное сословие, возглавившее государство и противостоявшее массе рядовых общинников, сложилось здесь в процессе развития социально-политической системы, превращения последней из союза племен в варварское государство.

Переходный характер бамумского общества, незрелость в нем классовых отношений как нельзя лучше характеризует тот факт, что правящее сословие здесь было организовано в виде военно-политической иерархии, основанной на родовом принципе. Элиту аристократии в государстве Бамум составляли выходцы из старинных и знатных родов.

Главным видом эксплуатации у бамумцев была эксплуатация свободных общинников со стороны государства. Практика изъятия прибавочного продукта на основе монопольной собственности на условия труда и на непосредственного производителя только возникала. Собственность феодального типа существовала лишь в зародышевом виде. В эмбриональном состоянии находился и рабовладельческий уклад. И общество и государство у народа бамум вплоть до конца XIX — начала XX в. являлись переходными, раннеклассовыми. Они относятся к той стадии общественного развития, которую Маркс характеризовал как предшествующую античной и феодальной.

А. И. НЕУСЫХИН

ДОФЕОДАЛЬНЫЙ ПЕРИОД КАК ПЕРЕХОДНАЯ СТАДИЯ РАЗВИТИЯ ОТ РОДО-ПЛЕМЕННОГО СТРОЯ К РАННЕФЕОДАЛЬНОМУ

(на материале истории Западной Европы раннего средневековья) [1]

В процессе исторического развития смена общественных формаций совершается через революционный скачок, который в новое время, при переходе от феодализма к капитализму, получает свое выражение в социальной и политической революции. Однако подобным скачкам всегда предшествуют более или менее длительные переходные периоды, в течение которых накапливаются изменения и появляются противоречия данной общественной формации, неизбежно приводящие к революционному скачку. Во время таких переходных периодов многие существенные черты общественного строя предшествующей формации перерождаются, начинают изживаться или вовсе отмирают и вместе с тем нарождаются элементы последующей формации. Однако так как первые еще достаточно живучи, а вторые еще не успели восторжествовать и существуют пока лишь в виде — зачастую противоречивых — тенденций развития, которое к тому же протекает неравномерно и с различной быстротой в разных сферах жизни общества, то в каждый из переходных периодов возникает весьма своеобразное и сложное переплетение структурных элементов предшествующей и последующей социально-экономических формаций.

Это переплетение приводит к тому, что в течение переходных периодов элементы старого и нового временно синтезируются

[1] Настоящая статья представляет собой дополненный и переработанный текст доклада на ту же тему, прочитанного 31 мая 1966 г. на научно-координационном совещании Научного совета по проблеме «Закономерности исторического развития общества и перехода от одной социально-экономической формации к другой» (секция «Генезис и развитие феодализма»). Нижеследующий текст отличается от статьи, напечатанной в журнале «Вопросы истории» (1967, № 1), рядом изменений и дополнений.

в виде особой общественной структуры с присущими ей закономерностями развития. Но такие структуры не являются отдельными формациями именно потому, что основной принцип движения (а в классовых общественных формациях — основной социальный антагонизм) в них не выражен с достаточной отчетливостью. Это и означает, что перед нами переход от одной формации к другой.

Наличие таких переходов неизбежно, ибо они являются как бы той промежуточной стадией, на которой происходит генезис новой общественной формации. Но столь же неизбежна и некоторая неустойчивость общественного строя переходных периодов (независимо от степени длительности того или иного конкретного периода). Однако эта неустойчивость и делает их особенно удобным объектом для изучения как генезиса новой общественной формации, как и разложения старой. Ибо они являются как бы своеобразными лабораториями исторического процесса, в которых элементы уходящей формации переплавляются в элементы другой, а потому их рассмотрение помогает вскрыть основные тенденции развития.

Один из таких переходных периодов предшествовал генезису феодальной общественной формации у германских племен Западной Европы и в этом смысле может быть обозначен как «дофеодальный период». Основная особенность его общественной структуры заключается в том, что в ней еще отсутствует деление общества на социальные слои по классовому признаку, т. е. по признаку различного отношения этих социальных групп к собственности на условия производства, а между тем эта структура уже не имеет признаков первобытнообщинного строя: коллективного ведения хозяйства и распределения продуктов. Будучи общинным без первобытности и заключая в себя в то же время элементы социального неравенства, этот общественный строй еще не был классово-феодальным — даже в том смысле, в каком таковым был самый ранний феодализм. Это и вынуждает нас рассматривать его как переходный период от бесклассового общества к классовому. Общественная структура, которую мы имеем здесь в виду и которая предшествовала раннефеодальной, была необходимой предпосылкой возникновения элементов феодального строя; их возникновение произошло в силу присущих ей внутренних специфических тенденций развития, которые привели к тому, что она стала носительницей генезиса этих элементов.

Специфические черты и тенденции развития этой общественной структуры можно охарактеризовать следующим образом: с одной стороны, она основана на производстве свободных и равноправных «трудящихся субъектов» (Маркс) — общинников при отсутствии ясно выраженной классовой эксплуатации, а с другой — в ней уже зарождаются черты социального неравенства.

Таким образом, эта общественная структура тоже отличается противоречивостью, но это совсем иная противоречивость, чем та, которая наблюдается в феодальном (в том числе и раннефеодальном) обществе. Ибо неравенство в общественной структуре дофеодального периода выражается в делении членов племени на различные группы по таким признакам, которые свидетельствуют о том, что данная структура еще не вышла всецело из рамок доклассового общества. Эти признаки — знатность, свобода, полусвобода, отчасти идущие еще из родового строя,— отражают возникающее неравенство в среде общинников на той стадии развития самой общины, когда она состоит из отдельных домохозяйств (семей — больших и малых), которые начинают приобретать различное положение в процессе производства, а тем самым и в жизни всего племени. Знатные (nobilis), свободные (liberi, ingenui), полусвободные (литы, альдии и другие) отличаются друг от друга, кроме того, по своей оценке: их жизнь защищена различными вергельдами за убийство членов каждой из этих групп. Деление племени на группы по признаку большей или меньшей свободы — принцип, чуждый классовому обществу, если принять во внимание позитивный характер свободы в дофеодальный период.

Если родо-племенная знать начинает складываться еще в эпоху родового строя, то в течение изучаемого нами переходного периода появляется дифференциация в среде самих свободных; вначале она заключалась главным образом в имущественном расслоении, а впоследствии стала приобретать черты социального неравенства, которое, однако, еще не превратилось в классовое. Социальное неравенство в среде свободных выразилось в их делении на разные группы в зависимости от степени родовитости — иногда с различными вергельдами для членов каждой группы. Тем самым зарождается многозначность самой свободы, ее градуированность и дифференцированность.

Следовательно, сама общественная структура дофеодального периода проходит в свою очередь различные этапы развития, но основную массу племени в ней все еще продолжает составлять широкий слой свободных, из которого, несмотря даже на социальную дифференциацию, не выделяется какая-либо группа, господствующая над остальными группами в пределах того же слоя. С другой стороны, и родовая знать не превратилась в особый класс, эксплуатирующий свободных, точно так же, как эти последние не живут только за счет эксплуатации полусвободных и рабов. Свободные соплеменники обрабатывают своим собственным трудом земельные участки, составляющие владения отдельных домохозяев, входящих в состав общины, а рабский и зависимый труд играет в их хозяйстве лишь подсобную роль. Владельческие права каждого домохозяйства, т. е. каждого свободного члена племени, ограничены лишь верховен-

ством общины, так как в дофеодальном обществе не существует монопольная собственность на землю.

Сама община тоже проходит разные стадии развития. Мы считаем возможным различать, следуя в этом отношении периодизации К. Маркса[2], три основных этапа эволюции общины: на первом этапе, который характерен для родо-племенного строя, общину составляет целый род, и поэтому внутри нее еще почти нет неравенства; но уже в эпоху Тацита, когда раздел занимаемой под обработку территории между членами общины производится «сообразно достоинству» (secundum dignationem) каждого из них[3], возникает дуализм между общинной собственностью на территорию пахотной земли и парцеллярной ее обработкой каждым домохозяйством, состоящим из отдельных семей (больших, а впоследствии малых). В течение раннефеодального периода эта форма общины (по терминологии Маркса — «земледельческая» или «сельская» община) перерождается в соседскую, причем отмеченный дуализм становится одним из стимулов этого перерождения. Однако даже и в соседской общине, где возникает право наследования недвижимости в пределах отдельных семей (правда, ограниченное прямыми мужскими потомками), а также и возможность отчуждения движимого имущества, собственность каждого свободного общинника на обрабатываемый участок в сочетании с верховной собственностью на землю совокупности свободных данного поселения, объединенных в общину, является прочной производственной базой его свободы.

Это решающее обстоятельство придает особый характер и самой свободе, которая коренится в собственности (семейной и общинной) и заключается поэтому в полноправии. Признаки этого полноправия следующие: право каждого свободного наряду с обладанием земельным участком пользоваться альмендой (неподеленными общинными угодьями) в качестве пастбища и, кроме того, делать на ней заимки; участие каждого свободного в сельских сходах, в сотенных или окружных судебных собраниях в качестве судебных заседателей, свидетелей, соприсяжников; его участие в народном собрании племени; право ношения оружия. Перечисление этих признаков указывает на то, что свобода в дофеодальном обществе имеет реальное позитивное содержание и не ограничивается антитезой к несвободе раба, так как эта антитеза не играет ведущей роли в данной общественной структуре (по крайней мере на раннем этапе). Так как свободные отнюдь не являются не зависимыми друг от друга индивидуумами, но выступают в качестве членов не только общины, но и племени, то их права становятся и их обязанностями. Между тем такое

[2] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 417—418.

[3] Tacitus.. Germania, 26: «Agri pro numero cultorum ab universis vicis occupantur, quos mox [invicem] inter se secundum dignationem partiuntur».

совмещение и частичное совпадение прав и обязанностей, которое указывает на уже наступившее их различение, отсутствовало при родовом строе. Подчеркивая, что «внутри родового строя не существует еще никакого различия между правами и обязанностями», Энгельс приводит в качестве примера индейцев и указывает, что «для индейца не существует вопроса, является ли участие в общественных делах, кровная месть или уплата выкупа за нее правом или обязанностью», ибо «такой вопрос показался бы ему столь же нелепым, как и вопрос, являются ли еда, сон, охота — правом или обязанностью?» [4]

В противоположность этому в «варварском обществе» на стадии перехода от земледельческой общины к соседской, с одной стороны, уже появляется представление о различии прав и обязанностей, а с другой — фактически, т. е. в повседневной жизни племени, каждому праву соответствует определенная обязанность (и наоборот), что позволяет говорить о наличии совокупности прав-обязанностей. В соответствии с этим и сама свобода каждого соплеменника, которая при родовом строе была чем-то само собою разумеющимся, начинает усиленно подчеркиваться в варварском обществе, а на более поздних стадиях его развития позитивная свобода как полноправие приобретает различные градации, сохраняется для одних членов племени в виде полной свободы, превращаясь для других в неполную или ущербную свободу. Варварские правды еще отражают в их наиболее архаических составных частях именно совокупность прав-обязанностей каждого индивидуума по отношению к общине и племени. А так как в основе этой совокупности лежит собственность (семейная и общинная), то собственность и свобода неразрывно связаны друг с другом.

Это возможно потому, что в дофеодальном обществе общественное сознание еще связано с общественным бытием весьма непосредственными и тесными узами, а следовательно, правовая сфера недостаточно отчетливо выделена из породившего ее базиса: подобно тому, как вместо эксплуатируемых непосредственных производителей, характерных для всякого классового общества, в дофеодальный период выступают свободные «трудящиеся субъекты», так вместо оформленного государственной властью права действует сначала обычай, который регулирует взаимоотношения между различными членами племени, рода, семьи (большой или малой) и группами таковых и передается устно, а впоследствии фиксируется в виде писаного обычного права. Эта фиксация обычного права происходит гораздо позднее — по инициативе усилившейся королевской власти совместно с собраниями знати, но в значительной мере отражает старый племенной обычай.

---

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 159.

Фиксированный в виде варварских правд обычай составляет один из важнейших источников для изучения дофеодального общества: он может служить таковым именно потому, что в правдах отражена — наряду с новыми чертами общественного строя — также и указанная устная традиция, т. е. совокупность архаических обычаев, прочно коренящихся в самом производственном базисе дофеодального общества на первом, наиболее раннем этапе его развития.

В процессе развития дофеодальной общественной структуры само племя (так же, как и община) подвергается значительным изменениям: происходит процесс сплочения мелких племен в более значительные племена. Соответственно изменяется и их социально-политический строй. Если в небольшом по размерам племени с остатками родового строя знатность заключалась лишь в более интенсивном использовании тех прав, которые принадлежали всем свободным, и поэтому была лишь надстройкой над свободой, то с ростом сплоченности племен знатные выделяются из массы свободных в качестве привилегированных кровнородственных групп или больших семей, имеющих право собственности на особые привилегированные владения, переходящие по наследству в пределах одного и того же слоя (ср. одаль у норвежцев, этель у фризов и др.).

Первоначально политический строй племени (например, у древних германцев эпохи Тацита) отличался значительной элементарностью: племенем управляли военные вожди и старейшины совместно с совещаниями знати и народным собранием; возникающая королевская власть была еще непрочна и неустойчива; короли избирались на народных собраниях из наиболее знатных родов племени. Несмотря на все усиливавшееся значение знати в жизни племени, королевская власть была еще выразительницей интересов всего племени в целом — и знати, и простых свободных. Эти последние занимались сельскохозяйственным трудом и вместе с тем участвовали как в военной защите племени, так и в военных походах. Они были и землевладельцами, и вместе с тем воинами. Значительная часть свободных входила в дружины, формировавшиеся частично из знати; во главе дружин стояли военные вожди. Это тот политический строй племени, который Энгельс обозначал термином «военная демократия».

На этом, первом этапе развития (I в. до н. э.—II в. н. э.) часто создавались военные союзы нескольких мелких племен[5], которые пытались прочно обосноваться на какой-либо территории, но эти союзы бóльшей частью довольно быстро распадались; из их числа можно назвать следующие: свевский военный союз Ариовиста (первая половина I в. до н. э), союз херусков под

[5] Об этих ранних военных союзах древних германцев см.: А. И. Неусыхин. Военные союзы германских племен около начала н. э.— «Ученые записки Института истории РАНИОН», т. III, 1929.

предводительством Арминия и свеско-маркоманнский союз Маробода (оба в начале I в. н. э.), батавский союз Цивилиса во второй половине I в. н. э., маркоманнский союз второй половины II в. н. э. и др. Военные союзы древнегерманских племен приобрели устойчивость лишь после того, как на втором этапе своего развития они стали одним из путей образования новых объединенных племен сложного этнического состава. Так временные военные союзы превратились в более обширные и прочные племенные союзы, которые стали длительно занимать определенные территории и основывать на них более или менее устойчивые политические образования.

Эти новые племенные союзы III и отчасти IV в. выступают часто (под новым или старым названием) в качестве отдельных племен, но в действительности они образовались из смешения или слияния мелких племен в одно племенное целое, хотя могли делиться на разные ветви и подразделения. К таким новым племенам относятся: франки — салические и рипуарские, алеманны, бавары, вандалы, саксы, лангобарды (представляющие собой обширный племенной союз, в который входили гепиды, часть свевских и саксонских племен, а также и негерманских племен — сарматов, болгар, обитателей Норика и Паннонии), бургунды, готы (вестготы и остготы и др.). Изменился прежде всего этнический характер этих племенных союзов III—IV вв.; возникла многосоставность и сравнительная устойчивость каждого такого этнического объединения, отчасти предвосхищавшая процесс консолидации варварских племен, который падает в основном на конец IV и на V в.

Внутри этих новых объединенных племен в IV в. н. э. (например, у алеманнов, салических франков) происходит дальнейшее усложнение их социальной структуры: растет значение труда полусвободных и несвободных в хозяйстве знатных членов племени (как представителей родовой знати, так и дружинников), которые становятся обладателями более обширных владений, чем простые свободные. Все бóльшую роль начинают играть — наряду с родовой знатью — дружинники со своими вождями. Этому соответствует многовластие нескольких военных вождей, а иногда и нескольких королей в пределах одного племени, причем нередко происходит борьба этих вождей (герцогов), а иногда и отдельных королей с возникающей единоличной королевской властью (примером могут служить такие племена, как алеманны III—IV вв. и салические франки в IV — начале V в.).

Но эта борьба пока еще не приводит к преобладанию единоличной королевской власти как выразительницы интересов знати (подобно тому, как отмеченные изменения в хозяйстве и социальном положении знати пока еще не приводят к возникновению оформленных классов). Процесс возникновения классов начинается только после того, как созданные новыми объединенными

племенами политические образования перерастают в ранние варварские государства. Однако это происходит позднее, лишь тогда, когда в процессе переселения народов эти новые племена окончательно захватывают целые римские провинции. Хотя и до переселения народов большинство племенных союзов на этом, втором этапе их развития и стремится к завоеванию таких территорий, это им далеко не сразу удается. Поэтому некоторые из них образуют прочные большие объединения на своей исконной родине. Примером такого племенного союза могут служить саксы, которые после набегов на берега Галлии и вторжения части их в Британию (вместе с фризами, ютами и англами) надолго укоренились между Везером и Эльбой, значительно расширив издавна занятую ими территорию.

В ходе переселения народов и варварских завоеваний завершается тот процесс консолидации племен, предпосылки которого наблюдались уже на втором этапе эволюции племенных союзов. Проявлением этого процесса было, кроме отмеченного слияния мелких племен в крупные этнические объединения, также и то, что в своем продвижении по направлению к римским провинциям эти обширные племена обрастали все новыми разрозненными племенами, частью негерманского происхождения (например, аланами, славянскими, иранскими племенами). Да и самые их передвижения преследовали теперь иные цели — не временный захват земель, пригодных для земледелия и скотоводства, а длительное обладание целыми римскими провинциями или частями таковых.

Это изменение характера передвижения новых племенных союзов, которое было обусловлено как увеличением их численного состава и усложнением их внутренней структуры, так и непрестанным кризисом разлагающейся рабовладельческой Римской империи IV—V вв., и привело в конечном итоге к образованию варварских королевств. Только после этого в их пределах начинается отчуждение земельных участков в разных его формах (наследование земли женщинами, продажа, дарение, обмен), т. е. превращение бывшего общинного аллода в свободно отчуждаемую земельную собственность и тем самым расхождение былого единства собственности и свободы.

Но все эти процессы стали развиваться лишь в ходе дальнейшего расширения варварских королевств, когда углубившаяся социальная дифференциация начинает перерастать в процесс классообразования. Только после этого происходит возникновение крупных земельных владений знати, герцогов и короля, а с распространением христианства и усилением церковных учреждений также и рост церковного землевладения; в соответствии с этим начинается превращение части свободных общинников-аллодистов в держателей на земельных владениях крупных и мелких вотчин.

Однако самый процесс классообразования происходил в разных королевствах неравномерно, а в зависимости от этого весьма различный характер на разных ступенях его развития приобретали и зачатки государственной власти. Варварское королевство раннего периода — еще не государство в смысле наличия в таком королевстве аппарата политического господства одного класса над другим, что объясняется отсутствием резко выраженного социального господства какого-либо класса внутри такого королевства. Поэтому в начальный период возникновения варварских королевств политический аппарат королевской власти или вовсе отсутствует, или еще очень слабо развит.

При этом не следует упускать из виду, что самое понятие «государство» можно употреблять в двух разных, хотя и связанных друг с другом, смыслах: для данного периода это либо 1) государство как прочно осевший в определенной области или стране племенной союз, либо 2) государство как форма политической власти одного класса или слоя над другими социальными слоями, т. е., по выражению Энгельса, как «продукт общества на известной ступени развития», на которой общество «раскололось на непримиримые противоположности»[6]. В первом смысле государство — это то, что мы выше назвали «политическими образованиями»; более или менее устойчивая королевская власть возникает уже в их пределах, но еще не становится выразительницей лишь господства знати, а по-прежнему продолжает отражать наряду с интересами знати также и общеплеменные интересы. Иногда на этой стадии зарождения государства может даже длительно сохраняться и многовластие герцогов при отсутствии единоличной королевской власти (пример — саксы и фризы VI—VIII вв. до франкского завоевания). Но и в ранних германских государствах во втором смысле этого слова — с единоличной королевской властью и начинавшимся процессом классообразования — эта власть все еще носит на себе следы своего происхождения из королевской власти предыдущей стадии развития. Поэтому мы предлагаем называть эту форму государства условно «варварским государством» (в параллель к понятию «варварское общество»).

Некоторые данные из истории варварских королевств могут иллюстрировать нашу мысль и в то же время показать, что феодальные отношения развиваются в них уже после того, как племенные союзы сыграли свою историческую роль и привели к основанию варварских государств (в одних с конца V в., в других — в VI—VII вв.). Гораздо более длительно было существование племенных союзов у тех племен, которые не расселялись

[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 170; «...И эта сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство».

на римской территории, а оставались на своей исконной родине, например у саксов и фризов, у которых феодальные отношения сложились лишь в IX в. Приведем некоторые примеры.

Салические франки, которые впервые упоминаются в источниках в качестве нового племени во второй половине III в. н. э., первоначально (около середины IV в.) заняли лишь северо-западную часть Галлии и частично Токсандрию, т. е. область до нижнего течения Шельды, затем расширились до Мааса и лишь в начале V в. захватили территорию до Соммы. На протяжении V в. у них сохранялось многовластие королей и они обитали на захваченной территории в качестве федератов империи. Древнейшая редакция памятника обычного права франков — Салической Правды [7] — в большинстве ее глав отражает общинный строй салических франков во время их пребывания в Северной Галлии до Соммы, т. е. в конце IV и начала V в. (а отчасти и их общественные отношения несколько позднее, в течение V в., к северу от Луары). Основная масса племени — согласно этому памятнику — еще состоит из равноправных свободных соплеменников, лишь частично эксплуатирующих труд рабов и полусвободных литов (число рабов, по-видимому, увеличилось уже после завоеваний Хлодвига за счет римских рабов); сохраняются еще многие черты общинного строя, характерные для земледельческой общины; земельный аллод возникает лишь в виде наследования земельного участка прямыми мужскими потомками его владельца; отсутствует отчуждение недвижимости (в любой форме — завещания, продажи и дарения); большая семья из трех поколений лишь постепенно дробится на малые семьи. Кроме того, характерно наличие самоуправления в вопросах о приселении в деревню новых обитателей и в организации суда, процедура которого очень архаична.

Все эти черты общинного строя сохраняются, несмотря на то, что Салическая Правда впервые зафиксирована уже после основания франкского государства, в самом конце правления Хлодвига (между 507 и 511 гг.). Зачатки процесса классообразования, которые еще не наблюдаются в основной части Правды, отражены в главах, внесенных в нее по инициативе королевской власти: они заключаются в особом положении королевских дружинников, получивших право поселения в любом месте по грамоте короля и защищенных повышенным тройным вергельдом.

---

[7] О различных редакциях Салической Правды и о новой датировке разных групп рукописей этого памятника см. А. И. Неусыхин. Новые данные по источниковедению Салической Правды. Очерк I и II.— «Средние века»; вып. XVII, 1960, стр. 394—409; вып. XXI, 1962, стр. 212—237; Н. П. Грацианский. Введение к изданию перевода Салической Правды.— В сб.: «Из социально-экономической истории западноевропейского средневековья». М., 1960, стр. 72—109. В статье Н. П. Грацианского, впервые опубликованной в книге «Салическая Правда» (русск. перев. Н. П. Грацианского и А. Г. Муравьева. Казань, 1913), дается прежняя классификация рукописей Салической Правды.

Это указывает на то, что уже наметилась тенденция к возникновению землевладения дружинников. Однако эта тенденция, как и всякая тенденция развития вообще, пока только намечает одно из направлений общественной эволюции, т. е. устремлена в будущее данного общественного строя, указывает на возможность его перерождения в другой — в данном случае раннефеодальный — строй и на возникновение его предпосылок. Их возникновение и дальнейшее развитие и приведет в конце концов в феодализму. Но вести к чему-либо еще не значит уже быть тем, к чему данная тенденция ведет. Поэтому наличие отдельных земельных владений франкских дружинников еще не создает феодального землевладения, точно так же как не создают его первые пожалования привилегий и прав верховенства на некоторые земли, дарованные англосаксонскими королями дружинникам или церковным учреждениям (так называемый бокленд).

Лишь когда эта и другие соответствующие ей тенденции получат преобладание и начнут преобразовывать весь общественный строй, только тогда создадутся предпосылки феодализации. Ибо для того, чтобы наличие таких привилегированных земельных владений сделалось фактом, характеризующим оформление раннефеодального строя, необходимы не отдельные случаи возникновения подобных владений, а их массовое распространение и в соответствии с этим эксплуатация зависимого населения их собственниками; другими словами, необходимо появление, с одной стороны, феодальной вотчины, с другой — зависимого крестьянства. Но указания на то и другое отсутствуют как в ранних англосаксонских законах и грамотах, так и в Салической Правде. Возвращаясь к ее данным, следует подчеркнуть, что, несмотря на усиление роли дружины во франкском государстве при Хлодвиге, а также и на выборно-наследственный характер королевской власти, аппарат этой последней, еще очень примитивен как в центре, так и на местах.

Весьма показательно, что в древнейшей редакции Салической Правды совершенно отсутствует упоминание о католической церкви, хотя она играла большую роль в Галлии как в качестве аккумулятора обширных земельных владений, так и в политической сфере (Хлодвиг именно в силу этого принял католичество).

Итак, племенной союз франков даже при Хлодвиге (объединившем салических и рипуарских франков) все еще находился на стадии перехода от доклассового общества к классовому. Франкское общество конца V — начала VI в. еще не феодальное и даже не раннефеодальное, а дофеодальное (или «варварское»). Другое дело галло-франкское общество, возникшее в результате постепенного сближения франков с галло-римлянами в течение VI в. и отраженное в более поздних источниках —

в хронике Григория Турского конца VI в., в некоторых сборниках юридических формул конца VI — середины VII в. (в особенности в Анжерских формулах и в формулах Маркульфа), а также отчасти в поздних редакциях Салической Правды и в капитуляриях к ней[8]. Приблизительно к этому времени (VI—VII вв.) и относятся начало и рост феодальных отношений во франкском государстве, но они стали развиваться после того, как франкский племенной союз как таковой уже сыграл свою историческую роль.

Вестготы и бургунды были в течение V в. поселены в разных римских провинциях — сначала на правах военного постоя, а потом в качестве федератов. Однако, в отличие от франков, вестготы и бургунды уже в течение первой половины V в. утратили многие черты общественного строя, характерного для племенных союзов на последнем (третьем) этапе их существования. Как показывает самый ранний из дошедших до нас вестготских законов — памятник вестготского обычного права — фрагментарный кодекс Эйриха (около 475 г.), у этих племен уже в конце V в. шло бурное разложение общинного строя и возникали предпосылки феодализации, и несмотря на то, что следы и остатки старых общинных отношений наблюдались у них еще в VI в. (как можно судить по законам Леовигильда 572—586 гг.), тем не менее господствующая тенденция развития в сторону возникновения феодального строя уже дала некоторые результаты.

Приблизительно так же протекала и эволюция общественного строя бургундов, с той только разницей, что у них предпосылки феодального строя развивались несколько медленнее, чем у вестготов (эта эволюция строя бургундов отражена в их обычном праве, зафиксированном королями V в. и — вместе с законами королей конца V — начала VI в.— вошедшем в так называемый закон Гундобада). Это более быстрое, чем у франков, развитие феодальных отношений у вестготов и бургундов объясняется их тесным соприкосновением с галло-римлянами как во времена военного постоя, так и при разделах земель между ними и варварами (которых вовсе не было у салических франков), так как и то и другое приводило к образованию смешанных поселений и росту земельного и социального неравенства (франки — к северу от Луары — селились компактными массами)[9].

---

[8] О характере этих памятников см.: А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956 (Глава 11. Обзор источников).

[9] Об особенностях поселения вестготов и бургундов см. Н. П. Грацианский. О разделах земель у бургундов и вестготов.— «Средние века», вып. I, 1942 (включено в цитированный выше сборник статей Н. П. Грацианского, стр. 306—330). А. Р. Корсунский. Об условиях поселения вестготов в южной Галлии и Испании.— «Средние века», вып. 25, 1964, стр. 21—34; А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв., стр. 310—317.

В отличие от этого саксы представляют собой пример большого племенного союза с очень длительной устойчивостью архаических отношений, как это явствует из памятника их обычного права — Саксонской Правды — и из данных некоторых хроник IX и отчасти X в.

Сочетание живучести этих отношений до начала IX в. с пробивающимися ростками раннефеодального строя представляет столь значительное своеобразие общественной структуры саксов, что она заслуживает более подробного рассмотрения. Согласно свидетельствам хронистов и памятника обычного права — Саксонской Правды (803 г.), саксы издавна делились на три социальных слоя (за исключением рабов): родовую знать (эделингов-нобилей), рядовых равноправных свободных (фрилингов-liberi) и полусвободных литов. Генезис этого исконного деления восходит еще к временам Тацита, когда древнегерманское племя состояло из знатных (nobiles), свободных (liberi) и посаженных на землю оброчников (servi), очень напоминающих саксонских литов. К концу VIII — началу IX в. социальные различия между слоями сильно углубились и значительно заострились (о признаках этого углубления социальной дифференциации см. ниже). Однако в VIII в. у саксов еще полностью не сложился такой слой общества, который существовал бы только за счет эксплуатации другого, зависимого от него слоя.

Саксония этого времени состояла из четырех племенных подразделений или герцогств (Вестафалии, Ангарии, Нордальбигии и Остфалии), отличавшихся довольно значительными особенностями их внутреннего строя. Согласно свидетельствам нарративных источников [10], у саксов, несмотря на эти различия, существовало общеплеменное собрание в центре Саксонии — в населенном пункте Маркло на Везере. На это общеплеменное собрание, наличие которого указывает на политическое единство Саксонии, посылалось одинаковое число представителей (по 12) от всех трех слоев — эделингов, фрилингов и литов, выбиравшихся на собраниях отдельных округов. Такое равномерное представительство разных слоев саксов продолжалось, несмотря на рост социальных различий между ними. Большую роль на собраниях в Маркло играли самые могущественные и политически влиятельные руководители саксоноких племенных подразделений или герцогств, избиравшиеся из числа эделингов на местных собраниях отдельных племен («сатрапы») [11].

[10] И прежде всего ранней версии «Жития Св. Лебуина», которую теперь относят к началу IX в. и которая восходит к англосаксонским хроникам (в конечном счете, может быть, к «Церковной истории племени англов» Бэды). См. об. этом. M. Lintzel. Ausgewahlte Schriften, Bd. I. Berlin, 1961, S. 235—262, 263—292. Издание ранней версии Жития см.: «Vita Lebuini antiqua».— «Monumenta Germaniae Historica» (далее — MGH), Scriptores, Ed. A. Hofmeister, t. XXX, p. 2, Leipzig, 1934.

[11] Термин «сатрапы» взят у Бэды, который, по-видимому, заимствовал его из так называемой вульгаты (т. е. латинской версии Нового Завета).

Однако это не значит, что они всецело заправляли ими. Согласно данным так называемых «Анналов Эйнгарда»[12] (777 г.), они составляли лишь особый политический орган — «сенат всего племени» саксов (senatus totius gentis), заменявший отсутствовавшую королевскую власть, а представители от отдельных округов (в лице эделингов, фрилингов и литов) выступали в качестве «народа» (populus). В компетенцию собраний в Маркло входило: издание новых общеплеменных постановлений и возобновление прежних, обсуждение самых важных дел, касавшихся войны и мира.

Характер и состав собраний в Маркло несколько напоминает политический строй древних германцев времен Тацита: напрашивается аналогия между сенатом саксов и древнегерманским советом старейшин, с одной стороны, и между собранием представителей от округов Саксонии и древнегерманским народным собранием, с другой (конечно, с тем большим различием, что вместо мелкого германского племени I в. н. э. в Саксонии VIII—IX вв. налицо обширный племенной союз, стоящий на более высокой стадии развития). Однако весьма существенно, что и на этой стадии в политическом строе саксов сохранились некоторые черты военной демократии тацитовских времен.

В соответствии с этим в общественной структуре саксов VIII—IX вв. сохранилось много других признаков, свойственных архаическому дофеодальному периоду. К их числу относится наличие пережитков родового быта у всех трех слоев племени саксов. Они выражаются в живучести широких кровнородственных связей, по крайней мере в пределах большой семьи (даже и литы выступают в Саксонской Правде в окружении сородичей), в остатках кровной мести (файды), заменяемой уплатой вергельда, в распространенности древнего обычая насильственного похищения невест (умыкания), с которым борется Саксонская Правда, в архаических формах семьи и брака, в участии в судебном процессе большого числа соприсяжников-сородичей (до 12 человек). Исключительно важное значение в числе этих сторон дофеодального строя саксов имела замедленность процесса превращения аллода из владения большой, а затем и малой семьи в свободно отчуждаемую собственность. Эта особенность отразилась в первоначальном запрещении всяких земельных дарений из опасения лишения законных наследников их наследства [13].

Annales qui dicuntur Einhard, a. 777.— «Annales regni Francorum et Annales qui dicuntur Einhardi». Ed. F. Kurze. (MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum. Hannoverae, 1895).

[13] О частичной отмене этого запрета под влиянием изменений, происшедших в течение конца VIII — начала IX в. см. ниже. См. Lex Saxonum, LXII.— «Lex Saxonum und Lex Thouringorum». Hrsg. von Schwerin (MGH. Fontes iuris Germanici antiqui in usum scholarum. Hannover — Leipzig, 1966).

Вместе с тем в резком противоречии с этими архаическими чертами, а также и с равномерным представительством всех трех социальных слоев саксов на общеплеменных собраниях находится факт исконного преобладания одного из них, а именно: эделингов — т. е. родовой знати, и притом не только в политической жизни, но и в социальном строе. Это преобладание сказывается в очень сильно повышенном шестикратном вергельде нобилей сравнительно с простыми свободными (такого резкого различия между вергельдом знатного и свободного не было ни у одного другого варварского германского племени дофеодального периода), и в том, что они защищены более высокими штрафами за ранения и увечья, а также в частичной личной зависимости от нобилей некоторой части свободных (но отнюдь не всей их массы), и, наконец, в наличии у представителей знати довольно многочисленных литов. В отличие от других племенных союзов дружинники играли у саксов сравнительно слабую роль, что объясняется отсутствием у них единоличной королевской власти. Однако этим преобладанием родовой знати не исчерпывается процесс углубления социальной дифференциации, происходившей у саксов с начала образования их племенного союза (с V—VI вв.) до конца VIII в.

Наряду с этим идет и процесс имущественного расслоения внутри каждого из трех слоев. Часть свободных (фрилингов) не только вступает под патронат эделингов, но и подвергается прямому разорению. На это указывает факт разрешения земельных дарений аллода в случае нужды и крайней необходимости для дарителя, рассчитывающего на материальную помощь со стороны получателя, а также возможность продажи наследственного владения свободного его ближайшему родственнику или патрону при изгнании этого свободного из страны [14]. Эти изменения произошли частично за время с VI по VIII в., но наиболее значительная их часть относится к периоду франкского завоевания Саксонии. Эти новые изменения возникли, по-видимому, под влиянием проникновения франкского землевладения. На это прямо указывает включенное в Саксонскую Правду (именно в главу о дарениях) распоряжение Карла Великого, поощряющее земельные дарения в пользу церкви и короля [15].

Имущественное расслоение происходило и внутри полусвободного слоя литов. Как сама их полусвобода, так и характер этого расслоения весьма показательны в качестве одного из наиболее ярких признаков общественной структуры дофеодального периода. Наряду с зависимостью литов от фрилингов или эделингов в их социальном положении наблюдается целый ряд признаков, свойственных свободным саксам: они участвовали в

[14] Lex Saxonum, LXIV. Очевидно, здесь имеется в виду изгнание одного из свободных саксов в качестве наказания за сопротивление франкским завоевателям.

[15] Lex Saxonum, LXII.

общеплеменных собраниях, имели право ношения оружия и первоначально жили, как и свободные, родовым бытом. Они произошли, по-видимому, из обедневших родов фрилингов. Среди них можно явственно различить две разные группы. Одна группа литов имела зависимых от них рабов и сама находилась в зависимости от свободных (фрилингов) и знатных (эделингов); ее представители вели собственное хозяйство на земельных участках, которые были держаниями предфеодального типа, так как литы до франкского завоевания Саксонии не подвергались никаким формам феодальной эксплуатации. Другая их часть опускалась до положения малоземельных держателей свободных саксов (фрилингов), причем эти держатели играли роль подсобной силы в хозяйстве последних [16].

Но наибольшее значение для выяснения степени вызревания элементов раннефеодального строя в пределах «варварской» общественной структуры саксов имеют признаки имущественной дифференциации в среде самой родовой знати. Они обнаруживаются уже в фактах наличия особой прослойки «знатнейших» (nobilissimi) и в политической роли «сатрапов», а также в превращении части эделингов в господ и патронов фрилингов. Однако были и более существенные результаты расслоения внутри эделингов. Как нарративные источники, так и сборники дарственных грамот свидетельствуют о том, что в течение длительного периода франкских завоевательных войн (с начала 70-х годов VIII в. до 802 г.) наметилось частичное сближение и слияние отдельных представителей привилегированных групп саксонских эделингов с франкской знатью. Это сближение сказалось прежде всего в тесных связях высшего слоя эделингов с христианской церковью, насаждавшейся в Саксонии Карлом Великим, и самым ярким его проявлением были земельные дарения некоторых эделингов в пользу церкви в самый разгар войны саксов с франками, а позднее — уже в начале IX в.— в основании ими монастырей в Саксонии.

Но само собой разумеется, что подобные дарения, в том числе иногда и монастырям, находившимся вне Саксонии (например, Фульдскому аббатству), могли совершать только те эделинги, которые уже имели земельные владения вотчинного типа: соответствующие грамоты указывают на значительные размеры передаваемых ими владений с большим количеством посаженных на землю несвободных. В качестве таких дарителей выступали большей частью члены герцогских родов или представители близких к ним кругов (в скрепляющих эти дарения грамотах прямо названы имена дарителей — герцогов и их родичей). Эти высшие прослойки эделингов сблизились также и со светскими

[16] В ходе франкского завоевания Саксонии положение первой группы литов стало меняться (см. об этом ниже).

франкскими феодалами, частично породнились с ними и вошли в их состав. Сближение верхушки эделингов со светскими франкскими феодалами облегчалось тем, что Карл Великий назначал в завоеванные области Саксонии в качестве графов как франкских феодалов, так и бывших саксонских герцогов и представителей их родов.

Лучшим доказательством того, что все эти явления охватили лишь высшие прослойки эделингов и в начале IX в. еще не привели к феодализации Саксонии, может служить характер восстания Стеллинга 841—843 гг., которое разыгралось через 40 лет после завершения завоевания Саксонии. Восстание произошло во время междоусобной войны между внуками Карла Великого, один из которых, Лотарь, имевший на своей стороне лишь часть эделингов, заручился поддержкой фрилингов и литов и обещал им вернуть их обычаи времен язычества. Фрилинги и литы, которых было «бесконечное множество», «присвоили себе название Стеллинга [17], изгнали из своей страны почти всех своих господ и стали жить по старому обычаю, т. е. каждый по своему закону, какой ему был желателен» (имеется в виду каждый социальный слой саксов) [18].

Это восстание не могло быть направлено против всего слоя эделингов в целом и только против него, так как в состав прежней структуры саксов, которую хотели восстановить участники восстания, входил также и этот слой, и к тому же все эделинги еще не сделались господами фрилингов, да и невозможно было бы изгнать из Саксонии всех представителей целого социального слоя. Поэтому под господами, изгнанными восставшими Стеллинга, следует разуметь франкских феодалов и частично слившуюся с ними верхушку саксонских эделингов. Фрилинги, участвовавшие в этом восстании, вели крестьянский образ жизни, имели самостоятельное хозяйство и опасались превращения их аллодов в зависимые держания монастырей и светских вотчинников (франкских или саксонских — безразлично) [19]. Литы примкнули к ним по той причине, что их прежнее положение старосаксонских полусвободных, имевших земельные участки на легком оброке, превращалось в зависимость держателей раннефеодального типа.

Однако, при оценке этих явлений следует помнить, что церковные и немногие светские вотчины были расположены на обширной территории Саксонии отдельными комплексами и пото-

---

[17] Что значит: «сыновья древнего закона».

[18] Так передает требования восставших хронист X в. граф Нитард, внук Карла Великого, в своей истории междоусобных войн. См. Nithard. Historiarum Libri quattuor, IV, 2. Ed. E. Muller.— MGH Scriptores, in folio. Hannoverae — Leipzig, 1907, p. 49.

[19] Такая опасность была вполне реальна, так как по свидетельствам грамот крупнейших монастырей Саксонии — Корвейского и Верденского — это превращение частично уже началось.

му еще не могли в первой половине IX в. втянуть в зависимость от себя значительные массы фрилингов. Они могли служить лишь первыми опорными пунктами возникавшего феодального строя и первыми центрами притяжения для некоторой части фрилингов и литов. Но все это были пока только феодальные острова в море архаического строя Саксонии. Живучесть последнего и сделала возможным совместное участие массы фрилингов и литов в восстании Стеллинга. Реставраторский характер этого восстания был возможен лишь ввиду преобладания в Саксонии дофеодального строя, хотя вызвавшая его необходимость была порождением начального этапа феодализации Саксонии.

И тем не менее, несмотря на наличие (уже в конце VIII—начале IX в.) тенденции в направлении феодализации, мы имеем все основания отнести общественный строй Саксонии вплоть до IX в. к дофеодальному периоду, ибо весь слой эделингов в целом еще не превратился в класс, господствующий над всей массой простых свободных фрилингов. А это значит, что саксонское общество начала IX в.— еще не классово-феодальное. Здесь уместно вспомнить ту высказанную выше (применительно к общественной структуре салических франков и англосаксов) мысль, что такая тенденция лишь намечает будущее перерождение данной общественной структуры, но до тех пор, пока она не одержала победы, продолжает господствовать прежний дофеодальный строй. На это указывает и отмеченная выше неравномерность развития различных сторон структуры саксонского общества (например, пережитков кровнородственных отношений одновременно с резким социальным расслоением и др.).

Аналогичная неравномерность развития наблюдается и у соседних с саксами фризов, у которых свободный мог вступать в зависимость на положении лита от знатного (nobilis), от другого свободного или даже от лита, но в то же время мог на собственные средства и по собственной инициативе вновь выкупиться из зависимого положения и стать полноправным свободным. Примеров такой неравномерности развития разных сторон общественного целого много у всех племен дофеодального периода. Это и понятно: известная неадекватность различных элементов одной и той же общественной структуры характерна и для развитых классовых общественных формаций (в частности, особенно для феодализма). Она тем более неизбежна для переходных периодов, в течение которых лишь создаются предпосылки будущей формации.

Возвращаясь к истории саксов, следует подчеркнуть, что для сплоченности саксонского племенного союза показательно упорство, с которым саксы свыше 30 лет сопротивлялись франкскому завоеванию (несмотря на отмеченное противоречие интересов высшей прослойки эделингов и простых свободных). Это упорное

сопротивление всего племени саксов франкским феодалам а также господству феодальной королевской власти Карла Великого и христианской церкви (несмотря на частичное сближение с ними верхушки эделингов) как нельзя лучше показывает дофеодальный характер саксонского племенного союза.

В результате всех изображенных выше процессов развития дофеодальная структура общества начинает превращаться в раннефеодальную: вместо широкого слоя свободных равноправных общинников возникает класс крестьянства, которое разными путями впадает в социально-экономическую и личную зависимость от землевладельцев, но частично еще сохраняет остатки своей аллодиальной собственности и былой свободы, а место родовой и дружинной знати занимают светские и церковные, крупные и мелкие вотчинники раннефеодального типа. С возникновением раннефеодального государства иной характер приобретает и королевская власть, отражающая теперь главным образом интересы вотчинников. В соответствии с этим постепенно отмирает народное собрание.

Остатки дофеодальной общественной структуры в раннефеодальном обществе сохраняются особенно долго у тех племен, которые не знали глубокого синтеза их строя со строем разлагавшейся рабовладельческой формации (например, у алеманнов, англосаксов) или там, где этот синтез вовсе не имел места (например, у саксов, фризов и скандинавов). У других племен, где синтез играл значительную роль, разложение дофеодальной общественной структуры происходило гораздо более радикально и быстро.

Но дофеодальный период имел место у тех и у других, ибо дофеодальный период проходили в своем развитии все германские племена Европы — с той лишь разницей, что у одних он более отчетливо отразился в источниках, чем у других.

Если термин «дофеодальный» отличается негативностью в самом определении и с этой стороны может представлять неудобства, то по существу его легко заменить термином «варварское общество», разумея под ним охарактеризованную выше общественную структуру на разных этапах ее развития. Но каким бы — по необходимости условным — термином ни пользоваться, определение «дофеодальный» отнюдь нельзя рассматривать только в хронологическом плане. Ибо хронологически различные германские племена проходили «дофеодальный период» в разное время, иногда в течение нескольких столетий, которые далеко отстояли друг от друга.

В Норвегии, например, этот период продолжался по крайней мере до середины X в. (а может быть, и до XI—XII вв.), и притом в разных частях страны его продолжительность была различна. В то время как в Восточной Норвегии он затянулся до

конца XI — начала XII в. (так как еще в XI в. хольды не выделились здесь в качестве высшего слоя равноправных свободных соплеменников из общей массы таковых, т. е. из массы свободных бондов), в Западной Норвегии, где разграничение хольдов и бондов в виде двух разных слоев свободных произошло раньше, уже к концу X в., в соответствии с этим и предпосылки феодализации намечаются раньше[20].

В Швеции дофеодальный общественный строй разложился еще позднее, может быть, на рубеже XII—XIII вв. (точное хронологическое приурочение невозможно). В Саксонии он продержался до IX в. В англосаксонских варварских государствах (Кенте и Уэссексе) конец дофеодального периода датируется примерно концом VII — началом VIII в.[21]

К этим хронологическим различиям присоединяется, кроме того, неравномерность развития тех или иных явлений, характерных для общественного строя дофеодального периода (а затем и раннефеодального), у одних и тех же племен и в пределах одних и тех же стран или областей. Имеем в виду разный темп развития социальной дифференциации, не всегда полностью соответствующий эволюции других сторон дофеодального общественного строя в одном и том же варварском королевстве, а именно — росту имущественной дифференциации, правовому оформлению социальных статусов разных групп, возникновению зачатков государственной власти и т. д. Например, в Саксонии до IX в. (до франкского завоевания) резкое социальное расслоение на эделингов, фрилингов и литов сочеталось с пережитками большой семьи (даже у литов), с преобладанием родовой знати над дружиной, с отсутствием единоличной королевской власти, с дроблением страны на отдельные герцогства и с имущественной дифференциацией внутри каждого социального слоя.

---

[20] Об общественном строе Норвегии в раннее средневековье (в дофеодальный период) см.: А. Я. Гуревич. Большая семья в Северо-Западной Норвегии в раннее средневековье.— «Средние века», вып. VIII, 1956; он же. Норвежская община в раннее средневековье.— «Средние века», вып. XI, 1958; он же. Норвежские бонды в XI—XII веках.— «Средние века», вып. 24, 1963; он же. Архаические формы землевладения в Юго-Западной Норвегии в VIII—X веках.— «Ученые записки Калининского пед. ин-та», т. 26, 1962; он же. Проблемы социальной истории Норвегии в IX—XII веках.— Там же, т. 38, 1964; см. также: A. Gurevis. Die freien Bauern im mittelalterlichen Norvegen.— «Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst-Moritz Arndt-Universität», Jg. XIV, Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe 2/3, 1965.

[21] Об англосаксонском периоде истории средневековой Англии см.: М. Н. Соколова. Свободная община и процесс закрепощения крестьян в Кенте и Уэссексе в VII—X веках.— «Средние века», вып. VI, 1955; она же. Возникновение феодального землевладения и класса феодалов в Англии VII—X веков.— «Средние века», вып. XII, 1958; А. Я. Гуревич. Английское крестьянство в X — начале XI в.— «Средние века», вып. IX, 1957. Кроме того, англосаксонские и норвежские источники отчасти привлечены нами в качестве параллелей к саксонским в нашей книге «Возникновение зависимого крестьянства», гл. IV.

Известный исследователь общественного строя саксов М. Линтцель[22], несмотря на всю парадоксальность его общей концепции, несомненно прав в том, что в Саксонии реальные экономические отношения не вполне соответствовали делению саксов на три социальных статуса и что в понятие эделингов могли включаться наряду с представителями родовой знати также и зажиточные крестьяне, а под категорией фрилингов — наряду со средними и даже высшими прослойками равноправных свободных (фрилингов) — современники могли подразумевать также и вольноотпущенников (но отнюдь не их одних, как ошибочно думал Гекк![23]). Линтцель идет еще дальше и допускает возможность наличия разных прослоек и среди литов.

Начало дофеодального периода хронологически столь же трудно поддается установлению, как и его конец, с той лишь разницей, что у всех германских племен его начало хронологически совпадает с разложением родо-племенного строя. Но это разложение, исходный пункт которого относится ко времени появления земледельческой общины (вместо родовой) и к возникновению племенных союзов эпохи военной демократии, т. е. примерно к I—II вв. н. э., в свою очередь может развиваться различными темпами у разных племен (как это кратко и показано выше). «Дофеодальный период» — понятие не хронологическое, а стадиальное. Как стадия развития он находится между родо-племенным и раннефеодальным строем. Но отсюда не следует, что всякий общественный строй, предшествовавший феодальному, является дофеодальным. В частности, таковым не может считаться рабовладельческий строй — по той простой причине, что он составляет особую классовую общественную формацию. Между тем «дофеодальный период» (или «варварское общество») не является особой общественной формацией, ибо общественные формации могут быть либо классовыми, либо бесклассовыми.

Основным признаком всякой классовой формации (в том числе и феодальной) является монопольная собственность господствующего класса на средства производства (при феодализме — на землю как основное условие производства), или, иными словами, разъединение непосредственных производителей со средствами производства (сюда же относится и разрыв между собственностью и свободой трудящихся, т. е. возникновение дер-

---

M. Lintzel. Die Stände der deutschen Volksrechte, hauptsächlich der Lex Saxonum. Halle a/d. Saale, 1933. Эта и другие работы того же автора по истории средневековой Саксонии собраны в кн.: M. Lintzel. Ausgewählte Schriften, Bd. I. Berlin, 1961.

[23] См. Ph. Heck. Die Gemeinfreien der karolingischen Volksrechte. Halle, 1900 (и ряд других его работ вплоть до 1939 г.). Критику концепции Гекка см.: А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства..., гл. IV. Критические замечания по поводу работ М. Линтцеля см. в дополненном немецком издании нашей книги: «Die Entstehung der abhängigen Bauernschaft als Klasse der frühfeudalen Gesellschaft in West-Europa vom 6. bis 8. Jahrhundert», Berlin, 1961 (Kapitel IV).

жания и зависимости). Наоборот, в бесклассовой общественной формации, предшествующей «дофеодальному периоду», т. е. в первобытнообщинном строе, нет ни классов, ни частной собственности на условия производства. Место непосредственных производителей классовых (в частности феодальной) общественных формаций занимают здесь «трудящиеся субъекты». «Собственность означает... первоначально... отношение трудящегося (производящего) субъекта... к условиям его производства или воспроизводства, как к своим»[24]. Земля является здесь базисом коллектива. «К земле люди относятся с наивной непосредственностью, как к *собственности коллектива*... Каждый отдельный человек выступает только как звено [коллектива], как член этого коллектива...»[25] Между тем в течение «дофеодального периода», с одной стороны, происходит как раз выделение собственности трудящихся индивидов из собственности коллективной и тем самым зарождение собственности отдельных семей (больших и малых) на землю (переход от родовой общины к земледельческой и от нее к соседской). Но, с другой стороны, дальнейшее развитие этой собственности и разных ее форм в пределах дофеодального периода не привело еще к ясно выраженной классовой структуре общества, а лишь создало ее предпосылки, т. е. предпосылки перехода от промежуточной общественной структуры (как можно обозначить дофеодальный период) к классовой феодальной общественной формации.

В этом явлении — зарождении индивидуально-семейной собственности и в то же время ее неполноте вплоть до начала раннефеодального строя — и заключается основной признак структуры дофеодального общества и основной принцип его диалектического развития от родо-племенного строя к феодальному. Поэтому изученный нами период можно было бы обозначить термином «протофеодальный», так как он указывает на основное направление развития в сторону генезиса феодализма, развития, начало которого происходит уже в дофеодальном или варварском обществе. Однако, по нашему глубокому убеждению, подыскать подходящий термин для обозначения изображенного нами общественного строя не так важно, как вскрыть его существенные черты и показать его наличие в качестве переходного и промежуточного строя, стоящего между бесклассовым родовым и классовым раннефеодальным обществом.

Конечно, от бесклассового родового строя исторически возможен переход к различным типам классового общества — не только к феодализму, но и к рабовладельческой формации, как это, например, имело место в древнейшую эпоху истории античной Греции и Рима. Выяснение причин такого хода развития и разложения родового строя выходит за рамки настоящей статьи.

---

[24] К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940, стр. 29.

[25] Там же, стр. 6.

Н. Ф. КОЛЕСНИЦКИЙ

К ВОПРОСУ О РАННЕКЛАССОВЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ СТРУКТУРАХ

В дискуссии о раннеклассовых обществах, развернувшейся в нашей периодической исторической литературе, большое место занимает вопрос о природе государственных форм эксплуатации населения. Известно, что как в Азии, так и в Европе до вовлечения крестьян в поземельную и личную зависимость от светских и духовных феодалов практиковалось обложение свободного населения разными государственными повинностями. В странах Востока такой порядок вещей сохранялся на протяжении значительной части средневековья, в Западной Европе — сравнительно недолго, до так называемого «аграрного переворота».

К какой общественной формации следует отнести данные явления — на этот вопрос даются разные ответы. Одни специалисты по восточному средневековью склонны относить подобный тип общественной структуры к так называемому азиатскому способу производства, другие — к прафеодальному. Высказывается предложение о необходимости выделения особой «кабально-рабовладельческой» формации. Историки западного средневековья считают общества с господством государственных форм эксплуатации либо раннефеодальными, либо дофеодальными[1].

Л. В. Данилова. Дискуссия по важной проблеме.— «Вопросы философии», 1965, № 12; Л. С. Васильев. Общее и особенное в развитии стран Востока.— «Народы Азии и Африки», 1965, № 6; О. А. Афанасьев. Обсуждение в Институте истории АН СССР проблем азиатского способа производства.— «Советская этнография», 1965, № 6; Ю. И. Семенов. Проблема социально-экономического строя древнего Востока.— «Народы Азии и Африки», 1965, № 4; Л. С. Васильев, И. А. Стучевский. Три модели возникновения и эволюции докапиталистических обществ.— «Вопросы истории», 1966, № 5; Н. Ф. Колесницкий. О некоторых типических и специфических чертах раннеклассовых обществ.— Там же, 1966, № 7; А. И. Неусыхин. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефеодальному.— Там же, 1967, № 1; Г. А. Меликишвили. К вопросу о характере древнейших классовых обществ.— Там же, 1966, № 11; и др.

Известно, что эксплуатация чужого труда, появившаяся в обществе со времени возникновения прибавочного продукта, с самого начала осуществлялась двумя путями: путем превращения человека в лично или вещно зависимого — раба, кабального, оброчного держателя или путем обложения свободных (а в иных случаях и несвободных) людей государственными повинностями. В первом случае мы имеем дело с частной зависимостью человека от человека, во втором — с публичными отношениями, что усложняет понимание данных явлений. Названные формы подчинения развивались не обособленно, а в тесном взаимодействии.

Стоявшие у кормила государственной власти представители господствующей верхушки, присваивая прибавочный продукт, взимаемый государством с населения, нередко одновременно эксплуатировали еще принадлежащих лично им рабов и зависимых людей.

С вовлечением массы людей в отношения господства и зависимости первобытнообщинный строй разлагался, формировалось классовое общество. Большую роль в этом процессе играло организованное насилие, осуществляемое под эгидой государственной власти. Захват военнопленных и превращение их в рабов, обращение целых народов в данников, обременение повинностями соотечественников — вот средства, которыми пользовалась верхушка общества для расширения своего господства. Все это ускоряло формирование классово-антагонистических отношений.

Государственная власть, как известно, всегда оказывала активное влияние на развитие экономических отношений. Но в данном случае вопрос осложняется тем, что сама политическая надстройка находилась еще в процессе становления, в ее облике сохранялись некоторые черты догосударственного устройства. Она осуществляла наряду с чисто государственными функциями и отдельные общественные функции в интересах всей массы соплеменников. Но постепенно общественная власть узурпировалась эксплуататорской верхушкой. По мере этого изменялся и характер власти — из общественной она становилась государственной.

Энгельс относит начало государства у германских народностей, обосновавшихся на римской территории, ко времени завоевания римских провинций [2]. С оформлением государства коренным образом изменилось положение свободного германского населения; оно по примеру «римлян» начало облагаться государственными повинностями.

---

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 150—151.

В настоящей статье сделана попытка проследить, как возникли государственные повинности у германских народностей и как в дальнейшем эти повинности превратились в ренту феодально-зависимых крестьян.

По свидетельству Тацита (I в. н. э.), у германцев было уже рабство, напоминавшее по своему характеру римский колонат[3]: рабов сажали на землю и облагали оброком. Но рабский труд не играл существенной роли в жизни германцев. Каждое семейство вело хозяйство собственным трудом. В то же время, как сообщает Тацит, практиковались уже эпизодические приношения населением разных продуктов и вещей вождям[4], представлявшим зарождавшуюся военную власть. Это выглядело сперва как добровольный акт, но со временем вошло в обычай и приобрело форму дани (повинность под тем же названием dona прослеживается много веков спустя). Особое значение для возвышения вождей приобретала дань с покоренных племен. Нарождающаяся военная власть раньше, чем она смогла подчинить своему господству собственных соплеменников, поставила в зависимость чужие, более слабые племена. Дань, взимаемая победителями, шла преимущественно в пользу вождей и их дружин. За счет этой дани и военной добычи вожди и короли пополняли казну. Но вместе с тем они заводили и домениальное хозяйство, построенное на эксплуатации несвободного населения.

В ходе дальнейшего развития этого варварского, доклассового по своей природе, общества свободные соплеменники и в еще большей степени иноплеменное население попадали в экономическую зависимость от более могущественных семейств. Кроме рабства, у германцев существовал своеобразный прототип крепостничества — литство. Лит, в отличие от раба, был вполне самостоятельным в хозяйственном отношении человеком и выполнял в пользу своего господина разные повинности, преимущественно оброчные. Господин располагал личной властью над литом и имел определенные права на его имущество[5]. Однако и эксплуатация литов не определяла характера экономического строя у германских племен. Основная масса населения оставалась свободной.

Развитие отдельных племенных образований германцев характеризуется столь значительными особенностями, что можно говорить о разных моделях становления у них раннефеодального общества. Одну из них представляли те племенные союзы германцев, которые поселились на римской территории: вестго-

---

[3] Tacitus. Germania, 25.

[4] Ibid., 15.

[5] Подробно о литах см.: А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956, стр. 135—139, 166—167, 217—220.

ты и остготы, вандалы, бургунды, франки, лангобарды; другую — англосаксы, осевшие в Британии, третью — германские племенные союзы на старогерманской территории к востоку от Рейна. В специфической форме зарождались классовые отношения в Скандинавии.

Социальио-экономическое и политическое развитие первых из названных племенных союзов было значительно ускорено в результате установления господства над римским населением с его более высокими формами хозяйственной жизни и общественных отношений. Завоеватели унаследовали римскую фискальную систему, которая, хотя и пришла в расстройство, вполне могла обеспечить функционирование несложной варварской государственности.

По-иному складывалась общественная и государственная структура в тех племенных общностях германцев, которые заняли территорию Британии. Римские государственные традиции и римская система в целом разрушились здесь еще до прихода германцев. Местное кельтское население было частью вытеснено германскими пришельцами из занимаемых областей, частью покорено. Общественный строй завоевателей эволюционировал здесь преимущественно на собственно германской основе. Германское населеиие еще продолжительное время оставалось свободным, рабы и литы (в число которых попало и некоторое количество покоренных кельтов) составляли меньшинство. Государственная власть в англосаксонских племенных княжествах получала необходимые для функционирования ее аппарата средства за счет разных служб и повинностей свободных людей, а также за счет эксплуатации зависимого населения в королевских домениальных владениях.

В областях восточнее Рейна, где еще в дофранкский период образовалось несколько крупных межплеменных объединений, формирование раннефеодальных отношений происходило под сильным воздействием франкского завоевания. Большое влияние оказала государственная система франков. Население облагалось разными государственными повинностями, которые его разоряли, побуждая вступать в частную поземельную и личную зависимость от магнатов. Но процесс феодального подчинения крестьян-общинников здесь протекал сравнительно медленно и завершился значительно позднее, чем в западных франкских областях.

Рассмотрим подробнее, как складывалась государственная эксплуатация свободного германского населения во франкском государстве. Можно с достаточным основанием полагать, что процесс оформления государственной власти у франков завершился уже при Хлодвиге (481—511 гг.), когда была подчинена значительная часть римской Галлии. Господство удельных римских владетелей (Сиагрий) и пришедших ранее германских

завоевателей (вестготы) сменилось франкским господством. В массе населения Галлии франки и другие германцы составляли явное меньшинство, и их общественный строй (к тому же более отсталый) не мог оказать решающего влияния на завоеванное население. Напротив, он сам быстро изменялся под воздействием социально-экономических и политических отношений в завоеванной стране. Варварский вождь превратился во всевластного короля, которому должны были в одинаковой степени подчиняться как галло-римляне, так и франки. Прежние римские трибутарии продолжали нести свои повинности и при франкских завоевателях. Их угнетенное положение засвидетельствовано франкскими источниками, прежде всего Салической Правдой. Но нас в данном случае интересует прежде всего судьба свободного франкского крестьянства: его порабощение означало торжество нового общественного строя — феодализма.

Уже при сыновьях Хлодвига налоговое бремя начало распространяться на франкских крестьян. По словам Григория Турского, сановник короля Теодеберта (534—548 гг.) Партениус «досаждал франкам налогами», и это вызвало с их стороны восстание, жертвой которого стал сам Партениус[6]. В другом месте этот автор говорит, что король Хильперик (561—584 гг.) обложил «всех тяжелыми налогами»[7]. У Григория Турского есть сведения о том, что граф Муммол и викарий Одон, служившие у Хильперика, «притесняли многих свободных франков налогами»[8]. Впоследствии франки расправились с этими притеснителями. Характерно, что и во многих других случаях, когда Григорий Турский упоминает об обложении франков налогами, он рассказывает и о восстаниях против налогов[9]. Так, при попытке короля Хильперика собрать «новый обременительный налог» (по амфоре вина с арпана земли) население Лиможа подняло восстание и сожгло налоговые списки[10]. Восстание было жестоко подавлено, и народ обложили еще более тяжелыми налогами. Впоследствии король Хильперик приказал сжечь новые налоговые списки и собирать налог по старым спискам. По словам Григория Турского, это было сделано по религиозным побуждениям.

Обложение франков и других свободных германцев налогами в известной степени было связано с влиянием римской фискальной традиции, унаследованной франкскими правителями при завоевании Галлии. Свободных франков начали облагать по

---

[6] Gregorii Turonensis. Historia Francorum (далее Gregor). lib. III. c. 36.— Monumenta Germaniae Historica (далее — MGH). Scriptores rerum Merovingicarum. t. I. Hannoverae, 1885, p. 138: Franci vero cum Parthenium in odio magno haberent pro eo quod eis tributa antedicti regis tempore inflixisset.

[7] Ibid., lib. V, c. 28, p. 222.

[8] Ibid., lib. VII, c. 15, p. 300.

[9] Ibid., lib. VIII, c. 18, p. 337; lib. IX, c. 30, p. 384; lib., X, c. 4, p. 412.

[10] Ibid., lib. V, c. 28, p. 222.

примеру «римлян». Налоги были, по всей вероятности, регулярными, население облагалось по цензовой описи [11]. Таким образом, уже для VI в. можно говорить о более или менее установившейся эксплуатации свободного франкского населения со стороны государственной власти. Но, по-видимому, не все франки облагались налогами. Знатные, близкие к королю люди в налоговые списки не вносились. Об этом можно заключить по одной из формул Маркульфа: «[человек] весьма свободный, не числящийся в налоговых списках» [12].

Кроме сбора регулярных налогов, в франкском государстве практиковались еще и другие способы присвоения прибавочного продукта свободных людей. Это прежде всего так называемые «подарки» (dona). Их подносили королю знатные, но средства собирали со всего населения. Повинность приобретала регулярный характер. В Малых Лоршских анналах за 750 г. говорится, что «подарки» приносились королю «по старому обычаю» каждый раз в дни мартовских календ [13]. Кроме этих регулярных «подарков», королевскому семейству приносились еще и особые дары по случаю его домашних торжеств. Так, по словам Григория Турского, при выдаче замуж сестры Хильперика «франки приносили большие дары, кто золотом, кто серебром, кто лошадьми или одеждой и вообще кто чем мог» [14].

Население обязано было предоставлять королю и его служащим постой и кормление (hospitium). Отказ государственному лицу в «гостеприимстве» рассматривался как нарушение королевского банна и наказывался высоким штрафом [15]. «Гостеприимство» (hospitium) включало предоставление крова и определенного ассортимента съестных припасов, напитков и корма для скота как господину, так и его слугам. Само собою понятно, что все это делалось за счет населения. Королевская канцелярия выдавала посланцам и другим лицам, связанным со двором, специальные документы — «листы для кормления в пути» (tractoria или tracturia), в которых указывалось, какие продукты и

---

[11] О характере обложения — было ли оно подушным, или только поземельным — историками высказываются разные мнения. Г. Вайц считал, что франки платили и подушный налог (G. Waitz. Deutsche Verfassungsgeschichte, Bd. II, 2. Berlin, 1882, S. 264). Г. Брунер допускал только поземельное обложение, которому, по его мнению, подвергались некоторые свободные франки (H. Brunner. Deutsche Rechtsgeschichte, Bd. II. Leipzig, 1906, S. 238). Выше мы приводили недвусмысленное свидетельство Григория Турского о поземельном обложении франков.

[12] Marculfi formulae, I, 19.— MGH. Legum sectio V. Formulae Merovingici et Carolini aevi. Ed. K. Zeumer. Hannoverae, 1886, p. 56: de caput suum bene ingenuus esse videtur et in poliptico publico censitus non est.

[13] Annales Laurissenses minores, a. 750.— MGH. Scriptores rerum Germanicarum, t. I. Leipzig, 1925, p. 116.

[14] Gregor., lib. VI, c. 45, p. 285. О подобного рода «подарках» см. также: Marculfi formulae, II, 44, p. 102.

Lex Ribuaria, t. 65, 3. Hrsg. von F. Beyerle und R. Büchner. Hannoverae, 1954: Si quis legatariam regis vel ad regem seu in utilitatem regis pergentem hospitia suscipere contempserit... 60 sol. culpabilis judicetur.

в каком количестве должны быть предоставлены путешествующему сановнику. В формулах Маркульфа сохранился образец такой грамоты. Предъявитель имел право на получение установленного количества хлеба, вина, пива, сала, мяса, поросят, баранов, ягнят, кур, цыплят, фазанов, яиц, растительного масла, крупы, муки, уксуса, перца, сыра, соли, фуража, дров, факелов и других продуктов и услуг[16]. Когда проезжал королевский поезд или свита какого-либо знатного лица, для населения наступало настоящее бедствие. Таким было, например, свадебное путешествие в Испанию сестры Хильперика по описанию Григория Турского[17].

Кроме выполнения гужевой повинности для короля и его служащих, на населении лежала обязанность безвозмездно трудиться на строительстве мостов, дорог и на других общественных работах[18].

Но, пожалуй, наиболее тяжелой повинностью для свободных франкских крестьян была военная служба. Каждый свободный человек должен был за собственный счет отправляться в далекие военные походы. Следует иметь в виду при этом, что война, вся тяжесть которой ложилась на плечи простых свободных людей, уже к VI в. перестала отвечать интересам широких кругов франкского населения, все более и более становясь средством обогащения эксплуататорской верхушки общества. Чтобы избавиться от этой повинности, крестьяне отдавались под власть церковных и светских магнатов.

В Каролингской империи эксплуатация свободных крестьян еще более усилилась. Несмотря на значительное расширение домениального хозяйства, поступления от податей продолжали занимать в королевском бюджете существенное место. В источниках налоги фигурируют под разными названиями. Встречается королевский чинш (census regalis), который платило королю свободное население, не подчинявшееся еще сеньориальной вла-

---

[16] Marculfi formulae, l, II, p. 49: Tracturia ligatoriorum vel minima facienda istius instar: illis legationis... adeo jubemus, ut locis convenientibus eisdem a vobis eleccio semul et humanitas ministretur; hoc est viridos sive paraveridos tantos, pene nidido modios-, sequente modios-, vino-, cervisia-, lardo liberas-, carne liberas-, porcos-, porcellos-, vervises-, agnelos-, augas-, fasianos-, pullos-, ova-, oleo liberas-, garo liberas-, mel-, acelo-, cimino liberas-, piper-, costo-, cario-, filo-, spico-, cinamo-, granomastice-, dactalus-, pectacios-, amandolas-, cereos liberales-, caseo liberas-, sal-, olea, ligna carra-, facolas, victu ad caballos, eorum faeno carra-, suffuso-, modios tantos... Содержание tracturia для времени Карла Великого см. Ansegisi Capitularia, lib. IV, 70: De dispensa missorum dominicorum — MGH. Legum seclio II. Capitularia regum Francorum, t. 1. Ed. A. Boretius. Hannoverae, 1881, p. 445; «епископу на день: 40 хлебов, 3 вепря, 1 свинью, 3 кур, 15 янц, 3 бочки напитков, 4 шеффеля зерна для лошадей; аббату, графу или королевскому министериалу — 30 хлебов, 2 вепря, 1 свинью, кур и янц, как и епископу, 2 бочки напитков, 3 шеффеля зерна; вассалу короля: 17 хлебов, 1 вепря, 1 свинью, 2 кур, 10 янц, 2 бочки вина, 2 шеффеля корма»

[17] Gregor., lib. VI, c. 45, p. 285.

[18] MGH. Diplomatum. Diplomata regum Germaniae ex stirpe Carolinorum (далее — Diplomata Carolinorum), t. I, Hannoverae, 1906, N 66, p. 95; N 91, p. 131.

сти землевладельцев-иммунистов. Его платили не только за землю, но и за личность. В капитулярии Карла Великого от 805 г. указывается, что «королевский чинш должен взиматься повсюду на законном основании как с личности человека (de propria persona hominis), так и с имущества» [19]. Капитулярий Людовика Благочестивого «об испанцах» [20] запрещает взимать со свободных испанцев — императорских подданных — какой-либо налог, кроме известных трех государственных повинностей свободных людей. Но это было скорее не общее правило, а особая привилегия. В галльских областях встречается особый налог на вино и зерно [21] и подать (inferenda), уплачиваемая скотом, позже деньгами [22]. В восточных областях — налог зерном, так называемая steora (osterstuopha) [23].

В ст. 62 Капитулярия о поместьях говорится о «доходах со свободных людей и сотен, обслуживающих нужды нашего фиска». Возможно, в глазах фиска эти «свободные люди» и трибутарии были разными категориями, но на деле существенных различий между ними не было; и те и другие платили в казну налоги. Таких свободных людей, которые не несли бы никаких фискальных повинностей, в VIII—IX вв., по-видимому, уже не существовало. Где бы только в дипломах или капитуляриях ни шла речь о свободных людях (liberi homines), всегда указывается и на их повинности государству или частному лицу. Вот характерная формула: «пусть не смеют [государственные служащие] принуждать людей монастыря..., как свободных, так и зависимых, к уплате банна или каких-либо других сборов и недозволенных поборов» [24].

В регулярную повинность превратились сборы на «кормление» короля и его двора. Этот побор «in adventu regis» распространялся теперь на все свободное и зависимое население. На территории Германии мы его встречаем до конца IX в. (Прюмский полиптик) [25]. Повинность заключалась в поставке королевскому двору кабанов, кур, яиц, муки и т. п. О всеобщем характере этой повинности можно заключить по одиому из предписаний капитулярия Карла Великого, в котором содержится запрет принуждать свободных людей к выполнению барщинных работ

---

[19] Capitularia regum Francorum, t. I, p. 125, c. 20.

[20] Ibid., p. 282, c. 1.

[21] Astronomus. Vita Hludovici imperatoris, c. 7.— MGH. Scriptores rerum Germanicarum, t. II, p. 611.

[22] Diplomata Carolinorum, t. I, N 141, p. 192: vel inferendas exactandam. В Сен-Жерменском полиптике держатели мансов обязаны были платить военный налог скотом или деньгами.

[23] MGH. Diplomatum. Diplomata regum et imperatorum Germaniae, t. I. Berlin, 1932, N 6, p. 44.

[24] Diplomata Carolinorum; t. I, N 95; t. II, N 824: homines ipsius monasterii tam Francos, quam ecclesiasticos... bannum aut herribannum exigere aut exactare... aut illas redibitiones aut inlicitas occasiones querere.

[25] Mittelrheinisches Urkundenbuch. Hrsg. von H. Beyer, Bd. I. Koblenz, 1860, S. 148.

и других крепостных повинностей, за исключением только натуральных сборов в пользу короля, командующих ополчениями и королевских посланцев [26].

Франкские короли продолжали еще и в VIII—IX вв. пользоваться натуральными службами населения. Все свободные крестьяне выполняли три государственные повинности (tres kausae) — военную, сторожевую и трудовую повинность по строительству мостов [27]. Население обязано было трудиться не только на государственных работах, но и на строительстве церквей и дворцов [28].

Следует иметь в виду и тот дополнительный гнет, который обрушивался на население со стороны королевских служащих, собиравших поборы для короля. О нем красноречиво говорят королевские капитулярии. В одном из них читаем: «До нас дошло, что помощники графов (juniores comitum) и другие государственные лица и мелкие вассалы графов несправедливо взимают с населения средства под видом кормления (pastus) или просто путем грубого вымогательства, а также заставляют людей работать на себя на полях, в садах и в огородах» [29]. В другом капитулярии король предупреждал, чтобы свободные люди не несли графам и викариям никакой службы и не работали на них ни на сенокосе, ни в период жатвы и пахоты, ни на виноградниках [30]. Но, обличая алчность своих служащих, королевская власть не вела решительной борьбы с подобными явлениями. Наоборот, она даже легализировала вымогательства графов. В «Привилегии испанцам» указывается, что граф может принимать разные подарки от людей, «если они приносятся добровольно, в знак уважения к его сану и службе и не имеют характера налога» [31].

Таким образом, если учесть всю тяжесть повинностей, взваливаемых государством на свободных крестьян, то станет ясно, что формальная свобода этих людей имела уже негативный характер: она накладывала на них тяжелые обязанности. Личность, за которую полагалось платить подушный налог, не являлась в полной мере свободной личностью. Земля, за которую приходилось вносить чинш, не была уже свободной собственностью. Повинности и тяготы сохранявших формально свободу крестьян не отличались уже существенным образом от феодальной ренты людей, впавших в зависимость. Поэтому не мо-

[26] Capitularia regum Francorum, t. I, c. 2, p. 144: excepto servitio quod ad regem pertinet et ad heribannitores vel his qui legatinem ducunt.

[27] Diplomata Carolinorum, t. I, N 66, p. 95—96; Constitutio pro Hispanis, c. I.— Capitularia regum Francorum, t. I, p. 261—262.

[28] Capitularia regum Francorum, t. I, p. 192, c. 4: Ut de restauratione ecclesiarum... omnino generaliter faciant sicut antiqua fuit consuetudo.

[29] Ibid., p. 197 (Capitulare Maguntianum, c. 6).

[30] Ibid., p. 144 (Capitulare omnibus Facienda, c. 2).

[31] Ibid., p. 262; non hoc eis pro tributo vel censu aliquo computetur.

жет вызывать сомнения, что эти свободные крестьяне «добровольно» вступали в прекарную зависимость или даже в холопство. Источники каролингского времени полны сведений о подобных явлениях. На них вынуждена была реагировать королевская власть, для которой, естественно, было не безразлично, кому служат крестьяне — ей или противостоящим королю магнатам.

Королевская власть объясняла эти явления злыми кознями магнатов и собственных должностных лиц, притеснявших бедных людей и заставлявших их волей-неволей вступать в зависимость [32]. Она пыталась бороться с этим злом, так как видела его гибельные последствия для государства. Но эта политика не могла повлиять на ход процесса закрепощения крестьянства, основы которого скрывались в самой природе формировавшегося общественного строя. Теган в «Жизни Людовика» рассказывает, что посланные этим императором агенты «нашли бесчисленное множество жертв угнетения, лишенных отцовского наследства и личной свободы» [33].

Но, когда притесняемые люди обращались за помощью к государственной власти, она оказывалась не на их стороне, а на стороне притеснителей. В одном источнике середины IX в. рассказывается о свободных людях, подавших жалобу королю на монастырь, «несправедливо обращавший их в рабство». Но виновными оказались сами эти свободные люди: монастырь выставил свидетелей, и было «доказано», что все эти люди — сервы аббатства со времени Людовика Благочестивого [34].

В иных случаях в капитуляриях указывается и на другие причины этого трагического явления — «бегства от свободы». Люди стремятся укрыться от тяжелых государственных военных и фискальных повинностей под сенью монастырей и церквей. По словам капитулярия Карла Великого от 805 г., некоторые свободные люди уходят в монахи (не имея на то разрешения короля!) «не потому, что они стремятся посвятить себя богу, а ради того, чтобы избежать военной службы и других коро-

---

[32] Capitulare de rebus exercitalibus, 811.— Capitularia regum Francorum, t. 1, p. 165: «Говорят, что, если кто отказывается передать свою собственность епископу, аббату, графу или центенарию, ищут случая, чтобы осудить такого бедняка и заставить его каждый раз отправляться на войну, так, чтобы он волей или неволей отдал или продал им свою собственность». Capitulare missorum, c. 16 (ibid., p. 125): «Чтобы магнаты (potentiores) не притесняли бедных свободных людей и не заставляли их передавать или продавать им свое имущество, ...чтобы наследники не лишались наследства и из-за этого не страдала королевская служба». Ansegisi Capitularia, liber II, 32 (ibid., p. 421): «Чтобы ни епископы, ни аббаты, ни графы, ни викарии, ни другие судебные чины со злым умыслом не покупали и не захватывали силой имущество бедных и слабых людей».

[33] Thegani Vita Hludovici imperatoris, c. 13.— Scriptores rerum Germanicarum, t. II, p. 593.

[34] Bouquet. Recueil des hisoriens de Gaule et de la France, t. VIII p. 567, См. C. Waltz. Deutsche Verfassungsgeschichte, Bd. IV, S. 336.

левских повинностей»[35]. В другом капитулярии указывается, что свободные люди становятся прекаристами церквей не из-за крайней бедности, а чтобы избавиться от государственных тягот[36]. Конечно, это была не единственная причина вступления в прекарную зависимость.

Убедительным свидетельством того, что эксплуатация некогда свободного крестьянства имела своим истоком не подчинение крестьян феодальному собственнику, а обременение их государственными повинностями, служат многочисленные данные о превращении публично-государственных повинностей в частно-вотчинные, налогов — в феодальную ренту. В свете этих фактов подчинение крестьян феодальным собственникам выглядит как замена одних форм эксплуатации другими. Само это подчинение совершалось при активном воздействии государства, нередко при прямом волеизъявлении короля. Так, например, в дипломе Хильперика II (VI в.) монастырю св. Григория в Эльзасе читаем: «Уступаются полностью и навсегда в пользу монастыря люди, проживающие в деревнях Монтесгейм и Оменгейм, и все, что они давали нашему фиску, как «фредус», так и другие повинности (functiones)..., и пусть эти люди, проживающие в названных деревнях, выполняют эти повинности аббату монастыря Валедию»[37].

В этом случае дарственный акт короля был началом и юридической основой эксплуатации крестьян означенных двух деревень феодальным собственником — аббатом. Из документа явствует, что крестьяне двух этих деревень эксплуатировались королем не в порядке вотчинной зависимости, а вследствие государственного подчинения: их главной повинностью был королевский «фредус» (fredus). Попав под власть аббата, крестьяне обязаны были нести в его пользу свои прежние государственные повинности[38] и в дальнейшем сверх того давать монастырю земельный оброк и выполнять барщину. Таким образом, с подчинением крестьян феодальному землевладельцу норма

---

[35] Capitularia regum Francorum, t. I, № 44, c. 15, p. 125: aliquos ex illis non tam causa devotionis quam exercitu seu alia functione regali fugiendo.

[36] Ibid., N 165 (a. 825), c. 2, p. 330: Ut liberi homines qui non propter paupertatem sed ab vitandam republice utilitatem fraudalenter ac ingeniose res suas ecclesiis delegant easque denuo sub censu utendas recipiunt ut, quousque ipsas res possident, hostem et reliquas publicas functiones faciant.

[37] Diplomata regum Francorum, t. I, N 30, p. 29.

[38] В повинностях зависимых и крепостных крестьян, зафиксированных в вотчинных описях (полиптиках) и дарственных документах IX—X вв., неизменно фигурируют подобного рода тяготы. В Сен-Жерменском полиптике встречается военный сбор и даже такой архаический подбор, как «подарки» (dona), гужевая повинность и обязанность давать средства для королевского постоя — hostilitium (Mittelrheinisches Urkundenbuch, S. 144, 148, 153). Фискалины Вормсского епископства и в XI в. платили по 10 денариев «королевского налога» в пользу епископа: Constitutiones et acta publica imperatorum et regum Germaniae — MGH. Legum sectio IV, t. I.— Ed. L. Weiland, Hannoverae, 1893, p. 440, § 29.

эксплуатации постепенно увеличивалась. При этом изменялся и характер крестьянских повинностей. Они освобождались в той или иной степени от разорительной военной службы, но зато облагались оброчными и барщинными повинностями.

Приведенный выше случай передачи крестьян вместе с государственными повинностями во власть вотчинника относится к раннему периоду формирования феодальных отношений. О государственных повинностях здесь сказано суммарно. По всей вероятности, они были еще не особенно велики.

Яркий пример превращения государственных повинностей в сеньориальные дает дарственная грамота № 49 Сен-Галленского аббатства. В ней засвидетельствовано, что четыре брата выступают перед судебным собранием сотни с заявлением о том, что их отец подарил землю монастырю и лишил их тем самым законного наследства. Теперь по воле аббата они получают эту землю в бенефиций (in beneficio), а по существу в прекарий и обязуются с согласия графа и своих односельчан нести за свою землю все те повинности, которые вносились за нее в прошлом королю и графу: давать чинш дичью, а если не смогут, то будут выполнять в пользу монастыря все те повинности, которые другие члены общины выполняют в настоящее время в пользу короля и графа [39].

Немало случаев превращения государственных повинностей в частновотчинные встречается в Сен-Галленском картулярии [40]. Жители населенного пункта Берг, свободно владевшие своей землей, платили королю чинш (census) [41]. Этот чинш был пожалован королем Констанцскому епископству. Но, когда в дальнейшем эти крестьяне передавали свою землю Сен-Галленскому аббатству, они начали уплачивать чинш в пользу монастыря, а не епископства [42]. Таким путем государственная повинность свободно распоряжавшихся своей земельной собственностью крестьян отчуждалась независимо от земельной собственности и превращалась в частновладельческую повинность, связанную с правом собственности феодала на землю.

В Сен-Галленской грамоте № 226 от 817 г. засвидетельствована передача Людовиком Благочестивым монастырю государственных поступлений с 47 мансов свободных людей, прожи-

---

[39] Urkundenbuch der Abtei Sanct Gallen. Hrsg. von H. Wartmann, Bd. I. Zürich, 1863, № 49.

[40] Несколько из них приведено в иной связи в статье: А. И. Данилов, А. И. Неусыхин. О новой теории социальной структуры раннего средневековья в буржуазной медневистике ФРГ.— «Средние века», вып. XVIII, 1960, стр. 129.

[41] Налоги, которые платило свободное население, с давних времен называются в документах то census, то tributum, то vectigal (в Германии встречаются еще названия stiora, osterstuopha, medena).

[42] Urkundenbuch der Abtei Sanct Gallen, Bd. II, N 720, 730: ex ipsa traditione censum conductum ad monasterium solvant.

вавших в 7 графствах [43]. Об изменении статуса этих свободных людей в грамотах ничего не говорится. Но можно предположить, что они стали в дальнейшем зависимыми держателями монастыря.

Об эксплуатации королевским фиском свободных крестьян, не находившихся ни в личной, ни в поземельной зависимости от короля как вотчинника, свидетельствует «Капитулярий о поместьях». В ст. 62 этого документа наряду с чисто вотчинными поступлениями упоминаются и доходы «со свободных людей и сотен, обслуживающих нужды нашего фиска» [44]. В ст. 4 говорится о судебных штрафах и прочих поступлениях, связанных с юрисдикцией. Эксплуатация всех этих свободных людей фиском имела место и раньше. Но все поступления с них прежде собирали графы, сотники и другие государственные лица. Теперь по праву иммунитета фискальные поступления со свободных людей шли королю-вотчиннику, и их взимали королевские управляющие поместьями. Для короля такой способ был более надежным, так как гарантировал ему возможность получить всю собираемую сумму налогов и избавиться от алчности государственных служащих. В других случаях королевская власть передавала поступления со свободных людей частным феодальным собственникам. Такой смысл имели почти все иммунитетные привилегии и многие дарственные акты королей.

Факты передачи королевской властью в пользу частных собственников (большей частью церковных) государственных повинностей свободных крестьян вместе с правом осуществлять над ними юрисдикцию встречаются в Германии вплоть до XII в. На этом основании в нашей литературе распространено мнение, что процесс втягивания крестьянства в феодальную зависимость, или, как еще принято говорить, процесс феодализации, продолжался в Германии до XII в. Но конкретный анализ подобных фактов убеждает, что речь идет о переходе в частновладельческую зависимость лично свободных людей, давно уже эксплуатируемых королевским фиском, и что переход этих людей под власть частных земельных собственников не изменял существенным образом их судьбы. Поэтому в данном случае следует говорить не о вовлечении крестьян в зависимость, а о подчинении их вотчинниками. Мы далеки от того, чтобы недооценивать социально-политических последствий этого явления. Подчинение крестьян феодальными вотчинниками вызвало большие перемены в политическом устройстве в Западной Ев-

---

[43] Urkundenbuch der Abtei Sanct Gallen, Bd. I, N 226; quoddam censum de subter scriptis mansis, illud quod partibus comitum exire solebat, salva tamen functione que tam ex censum quam ex tribulum vel alia qualivet re partibus palatii nostri exire debent, per hanc auctoritatem concedere.

[44] Capitularia regum Francorum, t. I, p. 83—88

ропе, но не оно послужило началом социального деления общества и эксплуатации.

Посмотрим, как выглядели эти «свободные крестьяне» до их подчинения вотчинниками. В 985 г. Оттон III передал Пассауской епископской церкви свободных людей вместе с их государственными повинностями. В королевском дипломе сказано: «В отношении свободных людей, которые из-за недостатка в сервах водворяются во владения церкви в качестве колонов, нами решено, чтобы они были изъяты из ведения нашего фиска и из нашей юрисдикции и отданы всецело во власть церкви... Пусть все свободные какого бы ни было состояния, проживавшие до сих пор в названной марке и переселенные теперь в качестве колонов на землю епископства, будут изъяты из ведения наших министериалов и все, что получал или мог получить с них наш фиск, пусть переходит в ведение фогта названной церкви. Эти люди впредь не должны принуждаться ни маркграфом, ни какой-либо иной судебной властью к выполнению каких бы то ни было повинностей или к посещению графского суда, разве только они наравне с церковными сервами будут доставляться туда для ответа и удовлетворения по искам с посторонними лицами» [45].

Нет сомнений в том, что переданные королем церкви люди были до того времени лично свободными (хотя их свобода была уже весьма ущемлена) и подлежали юрисдикции публично-государственных органов власти (посещали суд графа). Ясно также, что они несли разные фискальные повинности, которые передавались теперь в пользу церкви. Из документа неизвестно, какие новые повинности легли на их плечи под властью епископства. Но для нас важно то, что эти люди уже эксплуатировались государством и акт подчинения их феодальному собственнику — епископу — означал для них не начало эксплуатации, а только перемену эксплуататора. Какими бы ни были специфические местные условия, вызвавшие подобное переселение свободных людей на церковные земли (они могли быть в прошлом переселенцами-колонистами из других областей Германии, которых перемещали на церковные земли из-за нехватки сервов), существен самый факт превращения этих людей из государственнообязанных в вотчиннозависимых. Существенно и то, что они продолжали при этом выполнять в пользу вотчинника те повинности, которые раньше несли в пользу государственной власти.

Такую же судьбу испытали, по-видимому, и мальманы Падербонской епископской церкви, переданные ей королем вместе с фискальными повинностями. В дипломе Конрада II о них сказано: «уступленные названной церкви люди, которых

[45] Diplomata regum et imperatorum Germaniae, t. II, 2, N 21, p. 419.

принято называть мальманами, пусть все, что следовало с них фиску, дают в пользу этой церкви» [46].

Можно было бы привести и ряд других аналогичных примеров передачи королевским фиском крестьян с их повинностями отдельным феодальным землевладельцам [47]. Но в этом, на наш взгляд, нет надобности, так как речь идет не о единичных явлениях, а о типичных чертах процесса формирования феодальных отношений, в котором государственной власти принадлежала роль активной утверждающей силы. Многие свободные в патриархальном смысле крестьяне втягивались в отношения феодальной эксплуатации именно посредством передачи государственных повинностей вотчиннику. Некоторая часть из крестьян долгое время продолжала носить на себе печать прежней государственной зависимости, даже будучи в частновотчинном подчинении. Это так называемые фискалины, представляющие до некоторой степени привилегированную категорию в массе крепостного и зависимого крестьянства. В королевском дипломе о них сказано: «Фискалины сервы... пусть пользуются в дальнейшем всеми теми правами, которыми их предки пользовались при наших предшественниках — королях и императорах» [48]. Во владениях Вормсского епископства фискалины платили денежный налог в размере 10 денариев (6 денариев военного сбора и 4 денария «королевского налога») и, уплатив налог, могли уходить куда угодно [49].

Наиболее убедительным доказательством того, что установлению вотчинной зависимости крестьян предшествовала их государственная зависимость и эксплуатация, служат иммунитетные привилегии. Назначение иммунитета как раз и заключалось в том, чтобы избавить вотчинника от фискальных вымогательств представителей государственной власти, проникавших в черту вотчины для взыскания судебных штрафов и налогов с затерявшихся там свободных людей. Уже в самых ранних иммунитетных грамотах содержатся указания на передачу государственных поступлений со свободных людей. Так, в грамоте № 3 из формул Маркульфа мы читаем: «Пусть все, что может получить там казна со свободных (разрядка наша.— *Н. К.*), несвободных и всякого иного звания людей, проживающих на землях церкви, идет (ей) на лампады» [50]. Нас не

---

[46] Diplomata regum et imperatorum Germaniae, t. IV, N 176; Quiquid fiscus regius de eis consequi debuit totum nos predictem eccleslae... concedimus.

[47] См., например, Diplomata regum et imperatorum Germaniae, t. III, N 206, 210, 214.

[48] Диплом Оттона II, № 284.— Diplomata regum et imperatorum Germaniae, t. II, N 284; Diplomata Carolinorum, t. I, N 109: fiscalini (quos) ad superscripta casa dei delegasset. (разрядка наша.— *Н. К.*) partibus suis deservierunt,... in eo tenore deservire debeant tam in responsis dande quamque et reliquam legem ac consuetudinem, sicut ceteri fiscalini habere videntur.

[49] Constitutiones et acta publica, t. I, p. 643, c. 29.

[50] Marculfi formulae, p. 43.

должно смущать указание на то, что свободные люди вместе с другим зависимым населением проживают на «землях церкви». Землями церкви здесь названа вся территория распространения иммунитета. Важно другое: королевская власть получала со свободных людей доходы, которые по ее воле передавались феодальному землевладельцу, вследствие чего он приобретал и право на получение прибавочного продукта крестьян, не втянутых еще окончательно в поземельную или личную зависимость. Для феодального собственника иммунитет открывал возможность «освоить» этих свободных крестьян в своей вотчине, или, другими словами, начать выжимать из них феодальную ренту, в которую аккумулировались теперь их государственные повинности.

Указания на передачу государственной властью свободных людей с их повинностями в полную власть землевладельцев содержатся и в более поздних дипломах. И это не простая канцелярская формальность, унаследованная от предыдущего времени, а совершенно реальное выражение полученных привилегий. Королевская власть передавала феодальному собственнику право на эксплуатацию тех свободных людей, которые оставались еще под ее юрисдикцией. Так, например, подложная грамота Людовика Немецкого Вормсской епископской церкви ставила под юрисдикцию последней все население, как несвободное, так и свободное, даже в тех населеиных пунктах, в которых церковь имела всего по нескольку гуф (от 1 до 4) [51]. В дипломе Оттона I Вюрцбургской епископской церкви иммунисту предоставлялась полная власть «над всеми свободными людьми, которых называют bargilden», и право получать с них все, что получал прежде королевский фиск [52]. Само собой разумеется, что на неиммунитетной территории или в черте королевских иммунитетных владений свободные крестьяне продолжали нести в пользу короля государственные фискальные, военные и трудовые повинности.

Не менее отчетливо процесс превращения государственных повинностей в частновотчинные прослеживается в англосаксонских государствах VII—IX вв. На это уже указывалось в работах советских историков А. Я. Гуревича [53] и М. Н. Соколовой [54].

Свободное население англосаксонских государств уже в VII в. было обременено государственными и церковными нало-

---

[51] Diplomata Carolinorum, t. I, N 179, p. 257.

[52] Diplomata regum et imperatorum Germaniae, t. I, N 615, p. 454.

[53] А. Я. Гуревич. Роль королевских пожалований в процессе феодального подчинения английского крестьянства.— «Средние века», вып. IV, 1953, стр. 49 и сл.; Английское крестьянство в X — начале XI в.— «Средние века», вып. IX, 1957, стр. 69 и сл.

[54] М. Н. Соколова. Свободная община и закрепощение крестьян в Кенте и Уэссексе в VII—X вв.— «Средние века», вып. VI, 1955, стр. 43 и сл.

гами и разными натуральными службами и повинностями [55]. Все более регулярный характер приобретала повинность, связанная с «кормлением» короля и его приближенных во время резъездов по стране (гафоль). Население обязано было снабжать королевский двор продуктами питания: хлебом, медом, пивом, мясом, маслом, сыром, рыбой, а также фуражом, одеждой и пр.[56] Эта повинность связывалась с земельным держанием (gafolland) и при королевских пожалованиях земли обычно передавалась в пользу новых владетелей [57]. В руках феодального собственника она становилась постоянной и в конце концов сливалась с земельной рентой.

Свободные крестьяне выполняли в пользу государства «тройную повинность» — участвовали в ополчении и работали на строительстве и восстановлении мостов и укреплений. Эти повинности сохраняли во многих случаях свой прежний государственный характер даже после того, как население попадало в зависимость к феодальному землевладельцу (церковному учреждению) в результате королевских пожалований надельной земли [58]. Военная служба в ополчении была всеобщей повинностью керлов, и за уклонение от нее виновные наказывались штрафом [59].

В королевских дарственных грамотах, даже самых ранних, говорится и о других налогах (tributum) и податях (vectigal) [60]; видимо, речь идет о налогах на содержание войска и флота, которые с X в. приобрели регулярный характер (датские деньги).

В сумме все государственные и церковные повинности отнимали у англосаксонских керлов если не весь прибавочный продукт, то значительную долю его. Можно вполне согласиться с мнением А. Я. Гуревича, что «повинности свободных англосаксонских крестьян в раннее средневековье были весьма близки к ренте и по существу представляли собой экономическую форму реализации собственности короля на землю» [61].

Документы англосаксонских королевств дают возможность отчетливо выявить роль раннесредневекового государства в

---

[55] Правда Инэ, ст. 44, 1, 61.— Die Gesetze der Angelsachsen. Hrsg. von F. Liebermann, Bd. I. Halle, 1898.

[56] W. Birch. Cartularium Saxonicum: A collection of charters relation to Anglo-Saxon history. London, 1885—1893, N 273.

[57] Законы Альфреда, ст. 2.— Die Gesetze der Angelsachsen, Bd. I, S. 46.

[58] W. Birch. Op. cit., N 51, 102, 546, 566, 694 etc.

[59] Правда Инэ, ст. 51.

[60] См. дарственную грамоту 680 г. короля Хвикки Оскере монаху Фритовальду (W. Birch. Op. cit., N 51): «...объявляю эту землю свободной от всех налогов (tributis) и податей (vectigalibus), и пусть эта земля пребывает вечно свободной от исполнения всех королевских служб, от кормления короля (a pastu regis), и вельмож, и их подчиненных, от всяческих малых и больших стеснений, за исключением строительства крепостей и уплаты простого возмещения посторонним».

[61] А. Я. Гуревич. Английское крестьянство в X — начале XI в., стр. 72.

процессе феодального подчинения крестьян. Феодальная собственность на землю формировалась здесь в значительной мере на основе верховного права короля облагать население государственными и лично-королевскими повинностями. Передача права на получение повинностей и на осуществление связанной с этим юрисдикции приводила на деле к превращению крестьянской земли в собственность феодального владетеля. Сама королевская грамота играла в этом случае роль учредительного акта. Именно это объясняет нам появление таких странных на первый взгляд документов, как королевские грамоты на самопожалование земли. В грамоте Уэссекского короля Этельвульфа (847 г.) мы читаем: «Я, божьей милостью король западных саксов, приказал с согласия и соизволения моих епископов и вельмож отписать мне в личное и наследственное владение некоторую часть селения в числе двадцати дворов, с тем чтобы я мог владеть и пользоваться этим и равным образом мог бы впоследствии передавать навечно тем, кому пожелаю»[62]. По англосаксонскому обычному праву земля считалась общей (народной) собственностью (volcland). Королевская грамота, выданная с согласия знати, утверждала собственность на землю отдельного лица (boocland). Именно таким путем в Англии начала формироваться феодальная земельная собственность. В дальнейшем собственностью феодалов стала и мобилизованная ими у крестьян надельная земля[63].

* * *

В свете изложенных выше фактов можно со всей определенностью сказать, что эксплуатация свободных крестьян-общинников в Западной Европе началась не с подчинения их феодальными собственниками — сеньорами, а с обременения государственными повинностями в порядке публично-государственной зависимости. В роли эксплуататора непосредственных производителей — лично свободных крестьян-собственников — выступало здесь государство. Средства, выколачиваемые из свободных крестьян, а также военная добыча служили важнейшим, если не основным, источником существования короля с его приближенными, слугами и дружинниками, представлявшими вместе значительную часть эксплуататорского класса. Таким образом, перед нами своеобразная форма коллективной эксплуатации непосредственных производителей господствующей верхушкой, что вполне соответствует неразвитым еще формам экономических отношений. Нет нужды доказывать, что подобный общественный и политический строй не является

[62] W. Birch. Op. cit., N 451.

[63] См. А. Я. Гуревич. Королевские пожалования..., стр 71.

доклассовым патриархальным, так как большинство населения подвергалось уже в той или иной форме эксплуатации, а часть его уже попала в разряд сервов, литов и поземельно зависимых крестьян [64]. Подобный тип отношений, по нашему мнению, следует отнести к раннему феодализму.

Выделение какой-то особой «предфеодальной» формации (по крайней мере для Европы) вряд ли оправдано методологически. Если не связывать себя представлением о феодализме лишь как о сеньориальном строе, то описанный тип отношений вполне укладывается в начальную стадию феодальной формации. Феодализм существовал и в «государственной» форме, при которой вовсе не обязательно лишение крестьян личной свободы или экспроприация их собственности.

Как уже было показано выше, между частновотчинной и государственной формой эксплуатации населения не существовало коренных различий. В обоих случаях прибавочный продукт (будь то налог или рента) шел в пользу господствующей верхушки. Средства, собираемые королевским фиском, потреблялись приближенными короля, его дружинниками и служащими, которые превращались со временем в крупных земельных собственников. Государственная форма эксплуатации непосредственно перерастала в частновотчинную в результате прямых действий государственной власти (королевские пожалования в пользу церкви и светской знати) и вследствие разорения свободных крестьян под бременем королевских повинностей.

Таким образом, государственные повинности (налоги, натуральные службы) являлись начальной, а частновотчинные (рента) — последующей формой эксплуатации одного и того же типа. Поэтому нам представляется неправомерным начинать историю феодализма с подчинения крестьян земельными собственниками и превращения прибавочного продукта в ренту. Эта была уже вторая стадия развития феодальной формации. Во многих восточных и даже в некоторых европейских странах (Норвегия, Швеция) вотчинно-сеньориальная форма отношений вообще была мало распространена даже в условиях развитого феодализма. Преобладающей оставалась государственная форма эксплуатации населения.

На наших суждениях о возникновении феодализма, видимо, сказываются допускаемые вольно или невольно аналогии между процессом феодализации и становлением других форм классово-антагонистических отношений — рабства и капитализма. Начало рабовладельческих отношений было связано с полной потерей свободы непосредственным производителем и с превращением его в объект неограниченной собственности

---

[64] Рассмотрение положения этих категорий крестьянства выходит за рамки настоящей статьи. В феодальной природе их эксплуатации, видимо, нет основания сомневаться.

рабовладельца. Начало капиталистической эксплуатации предполагало экспроприацию непосредственного производителя — крестьянина и ремесленника. Но установление феодальных форм эксплуатации во многих случаях вовсе не влекло за собой на первых порах изменения личного или имущественного статуса крестьянина, а означало только лишение его части или всего производимого им прибавочного продукта. Для раннего феодализма это как раз и было характерно.

Подавляющая масса населения — лично свободные крестьяне, которых обычно причисляют к патриархальному укладу,— отдавала свой прибавочный продукт государству в форме разных служб и повинностей. Несвободные категории людей — рабы (сервы), литы и колоны — представляли экономические уклады разлагающегося рабовладельческого и формирующегося феодального строя. В политической области ранний феодализм характеризуется наличием сравнительно сплоченных государственных образований, верховная власть в которых сосредоточивалась в руках королей, располагавших военными силами и судебно-административным аппаратом в центре и на местах. Основой существования этого общественного устройства было наличие свободных крестьян, находившихся под непосредственной юрисдикцией государственной власти.

Е. М. ШТАЕРМАН

АНТИЧНОЕ ОБЩЕСТВО. МОДЕРНИЗАЦИЯ ИСТОРИИ И ИСТОРИЧЕСКИЕ АНАЛОГИИ

Вопрос о повторяемости в истории, о допустимости исторических аналогий тесно связан со всей проблемой хода всемирно-исторического процесса. Признавая поступательный, прогрессивный характер общественного развития, марксизм, как известно, вместе с тем чужд концепции непрерывной, восходящей по прямой эволюции. В. И. Ленин отмечал неизбежно имеющие место «случаи регресса и кругового движения» [1], что уже само по себе предполагает возможность повторяемости на разных ступенях исторического развития и оправдывает попытки выявить известные исторические аналогии. В ряде случаев такие сопоставления, вскрывая сходство и разницу между теми или иными явлениями и процессами, помогают глубже понять их закономерность. «Чтобы всесторонне провести эту критику буржуазной экономики,— писал Ф. Энгельс,— недостаточно было знакомства с капиталистической формой производства, обмена и распределения. Нужно было также, хотя бы в общих чертах, исследовать и привлечь к сравнению формы, которые ей предшествовали, или те, которые существуют еще рядом с ней в менее развитых странах» [2]. Такие сравнения постоянно проводил К. Маркс. На их познавательное значение он указал в связи с сопоставлением процесса обезземеливания крестьян и концентрации собственности в периоды формирования рабовладельческого и капиталистического способов производства: «Таким образом, события поразительно аналогичные, но происходящие в различной исторической среде приводят к совершенно разным результатам. Изучая каждую из этих эволюций в отдельности и затем сопоставляя их, легко найти ключ к пониманию этого явления; но никогда нельзя достичь этого понимания,

[1] В. И. Ленин. Философские тетради. М., 1965. стр. 19.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 154.

пользуясь универсальной отмычкой какой-нибудь общей историко-философской теории..., наивысшая добродетель которой состоит в ее недостаточности» [3].

В современной западной философии истории и социологии проблема исторических аналогий решается по-разному, в зависимости от различия общих концепций сущности истории и исторического процесса. Движется ли история человечества по непрерывно восходящей линии, как считают эволюционисты? Существует ли несколько типов развития, каждый из которых присущ определенной группе сходных в своей основе синхронно или диахронно существовавших обществ, как думают сторонники теории многолинейного развития человечества? Или вся известная история есть история отдельных культур, или цивилизаций, более или менее замкнутых, проходивших от своего возникновения до упадка ряд неповторимых по форме, но аналогичных по содержанию и значению стадий? Что преобладает в истории и должно составлять основную задачу и цель ее изучения — уникальное, индивидуальное или всеобщее, повторяющееся? Можно ли вообще найти какие-то аналогии в закономерностях, действующих в различные исторические эпохи, а если можно, то на чем они основываются — на духовных или материальных факторах, особенностях восприятия действительности, неких определяющих эпоху системах ценностей или на факторах экономических, зависящих от уровня развития техники? Каковы критерии и методы сравнения исторических феноменов? Допустимо ли в целях сопоставления абстрагировать их от той среды, в которой они себя проявляли в различные эпохи, от неповторимых конкретных исторических ситуаций и фактов?

Вот тот круг вопросов, которые прямо или косвенно связаны с проблемой исторических аналогий и исторической повторяемости. Дискуссии на эти темы нередко переплетаются с критикой в адрес марксистов, якобы механически переносящих законы, открытые Марксом для капитализма, в частности закон об определяющей роли экономического базиса, на докапиталистические общества, например на античный мир, где действовали иные закономерности, с капиталистическим миром не сопоставимые. У ряда теоретиков, напротив, античность играет роль некоего эталона. На различных концепциях закономерностей развития и упадка античного мира строятся теории закономерностей движения других культур, или цивилизаций, в том числе и современной западноевропейской.

Вместе с тем западные специалисты по истории античного мира, работающие над конкретными историческими темами, действуют так, как будто все спорные вопросы об исторической повторяемости или вовсе не существуют, или получили уже

[3] «Архив Маркса и Энгельса», т. I, 1934, стр 254—255.

однозначное и общепризнанное решение. По-прежнему авторы работ по античному миру продолжают искать в истории греков и римлян рецепты и уроки, могущие пригодиться современным политическим деятелям, анализируют современность по аналогии с античностью и наоборот. Правда, теперь уже не осталось приверженцев школы Эд. Мейера, полностью отождествлявших эллинистическое и римское общество с капиталистическим, но тем не менее упомянутые тенденции очень сильны. Особенно четко они проявляются в работах, посвященных классовой борьбе и античным революциям (что бы под ними ни понималось), начиная от работ Ростовцева и вплоть до последних книг на эту тему[4–5]. Признавая, что античный мир отличен от современного, историки снова и снова ищут в нем параллели современным событиям, прообразы современных деятелей, пытаются, изучая судьбу античности, предугадать будущее. Оправданием им может служить тот более или менее ясно ощущаемый историками факт, что наука их может получить какой-то общественный резонанс, лишь если она так или иначе откликается на вопросы и проблемы, волнующие их современников. В противном случае, она превращается в «науку для науки» и вырождается так же, как «искусство для искусства», воспринимается как нужное лишь небольшой группке специалистов копание в фактах далекого прошлого. Выявление исторических закономерностей посредством метода исторических аналогий является, между прочим, одним из путей преодоления оторванности истории от жизни и ее вопросов.

В нашей литературе модернизация истории, в частности и античной, подвергалась неоднократной справедливой критике. В некоторых отношениях эта критика заходила даже слишком далеко, отрицая любые сопоставления античности и современности, отказываясь от более широких обобщений, возможных на античном материале, что в значительной мере лишало античную историю истинной актуальности в полном смысле этого слова. Однако вместе с тем нельзя не признать, что и наша историография античного мира еще не освободилась до конца от модернизации и что нет полной ясности в вопросе о том, в какой степени допустимы исторические аналогии. Нет ее главным образом потому, что, отдавая себе полностью отчет в специфике каждой социально-экономической формации, мы все же недостаточно осознаем, насколько допустимо переносить законы, открытые классиками марксизма для капитализма, на формации докапиталистические, и тем самым подаем повод к упоминавшимся выше упрекам.

Приведем несколько примеров. В нашей литературе к античному миру сплошь да рядом прилагаются такие понятия, как

[4–5] См., например: F. R. Cowell. The Revolution of Ancient Rome. New York, 1963.

мировой рынок, торговая конкуренция, борьба за рынки сбыта, и из них делаются выводы о причинах войн, расцвета и упадка государства и т. п.[6] Конечно, товарно-денежные отношения и торговля достигли в античном мире высокого уровня, но это еще не значит, что, скажем, к имевшим там место войнам можно безоговорочно применять мерки и объяснения, действительные для войн эпохи капитализма. При капитализме захваченные территории колоний действительно по большей части использовались как источники дешевого сырья и рынки сбыта. Такое же крупнейшее агрессивное государство древности, как Рим, рассматривало свои провинции в первую очередь как резерв земельного фонда для поселения своих граждан и источник поступления денежных и натуральных податей. Капиталистические державы развивали за счет колоний собственную промышленность. Рим же, захватив все Средиземноморье, по уровню производства ремесленных изделий стоял ниже восточных, а впоследствии и некоторых западных провинций и довольно скоро был оттеснен провинциалами на задний план и в области производства сельскохозяйственных продуктов. Он попадал во все бо́льшую экономическую зависимость от провинций, где хозяйство, вплоть до наступления общего кризиса, прогрессировало. Следовательно, результаты империалистических захватов в античном и капиталистическом мире были прямо противоположны; иными были и их главные цели.

То же относится и к часто делавшимся в нашей исторической литературе попыткам применить к римскому рабовладельческому хозяйству закономерности, действовавшие в новое время в рабовладельческих хозяйствах Вест-Индии и южных штатов США. Относившийся к последним тезис о необходимости непрерывного притока извне дешевых невольников (ибо из-за потребности в быстрой оборачиваемости капитала и возможности сверхвысоких прибылей, приносимых плантациями, плантаторам было выгоднее покупать новых негров, чем щадить жизнь и трудоспособность старых) непосредственно переносился на рабовладельческие виллы и латифундии Рима. Отсюда делался вывод, что рабство было рентабельным только в период следовавших одна за другой победоносных для Рима крупных войн, доставлявших массы дешевых порабощенных пленных.

Соответственно кризис рабовладельческого строя объясняли прекращением при империи наступательных войн, что привело к нехватке и подорожанию рабов. Однако эта концепция не подтверждается фактами. При империи цены на рабов не отличались заметно от цен при республике, а римские авторы времен империи, писавшие об упадке италийского сельского хозяйства,

[6] Весьма убедительная критика подобных точек зрения в применении к истории Боспорского царства дана в статье М. К. Трофимовой «Из истории эллинистической экономики» («Вестник древней истории», 1961, № 2).

никогда не связывали его с нехваткой рабов, а многие, напротив, сетовали на чрезмерное возрастание их количества. Рабовладельческие плантации нового времени работали на мировой капиталистический рынок, что и предопределяло условия их рентабельности. Римские землевладельцы действовали в обществе простых товаропроизводителей, к числу которых и сами принадлежали, а следовательно, подчинялись иным законам.

Маркс, как известно, неоднократно предостерегал против отождествления товарного хозяйства с капиталистическим, ссылаясь, между прочим, и на ошибочность такого толкования экономики древнего Рима [7]. Методы извлечения прибыли, проповедуемые, например, Катоном,— как можно больше продавать и как можно меньше покупать, трудолюбие, скаредная экономия — характеризовались Марксом как добродетели «варварски примитивного товаровладельца», «собирателя сокровищ» [6]. Такой скупой «созидатель сокровищ» не мог, подобно плантатору эпохи капитализма, ставить себе целью в кратчайший срок израсходовать трудоспособность и жизнь раба, чтобы купить на его место нового. Не был он заинтересован и в максимальном сокращении периода оборота капитала с целью повышения массы прибавочной стоимости, вновь превращаемой в капитал, за отсутствием как капиталистического рынка, так и приносящего прибавочную стоимость капитала. Его цель скорее состояла в извлечении постоянного дохода на вложенные в имение деньги, что предполагало бережное и экономное расходование средств производства, к которым относились и рабы. Поэтому и Катон, и все последующие римские агрономы основное условие процветания хозяйства видели в хорошем физическом состоянии рабов, считая заботу о них первейшей обязанностью хозяина.

Кроме того, при всем развитии товарности хозяйства основа его оставалась натуральной. А в таких условиях, по словам Маркса, характер производства не предполагает безграничной потребности в прибавочном труде, убивающем работника в кратчайший срок. Чрезмерный труд в рудниках древнего мира для античности был исключением. «Но как только народы, у которых производство совершается еще в сравнительно низких формах рабского, барщинного труда и т. д.,— говорил Маркс,— вовлекаются в мировой рынок, на котором господствует капиталистический способ производства и который преобладающим интересом делает продажу продуктов этого производства за границу, так к варварским ужасам рабства, крепостничества и т. д. присоединяется цивилизованный ужас чрезмерного труда. Поэтому труд негров в южных штатах Американского союза носил умеренно-патриархальный характер до тех пор, пока целью

---

[7] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 349—350.

[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 144.

производства было главным образом непосредственное удовлетворение собственных потребностей. Но по мере того как экспорт хлопка становился жизненным интересом для этих штатов, чрезмерный труд негра, доходящий в отдельных случаях до потребления его жизни в течение семи лет труда, становился фактором рассчитанной и рассчитывающей системы»[9]. Мысль Маркса ясна: перенесение закономерностей рабовладельческого хозяйства эпохи мирового капиталистического рынка на античное рабовладельческое хозяйство неправомерно. Следовательно, неправомерными, модернизаторскими будут делаемые на основе подобной операции выводы.

Возьмем другой пример. В развитом капиталистическом обществе прогресс производительных сил обусловлен в первую очередь усовершенствованием техники. Хотя и второй элемент производительных сил — люди, приводящие технику в движение, их квалификация, организация, навыки — прогрессирует быстрее, чем в любой докапиталистической формации, все же быстрый темп развития предопределяется следующими одно за другим техническими изобретениями. Но провомерно ли полагать, что таков же был характер движения производительных сил всегда и везде? В нашей литературе это молчаливо предполагается как нечто само собой разумеющееся. Авторы учебников и общих обзоров по истории Рима, например, пытаются выявить те технические изобретения, которые знаменовали развитие производственных сил до уровня, уже не совместимого с рабским трудом, и обусловили переход к более высокой формации — феодализму. Попытки эти в значительной мере остаются бесплодными. Новые орудия производства с начала нашей эры почти не появляются. Тяжелый плуг, усовершенствованный пресс для выжимки оливкового масла, жатка, применявшаяся очень ограниченно, так как давала большие потери в урожае,— вот почти и все изобретения, появившиеся на рубеже нашей эры. Дальше же техническое творчество вообще не пошло. Связывать его с последовавшим спустя четыре века крушением рабовладельческого строя или даже с массовым распространением труда колонов, которые, кстати сказать, были слишком бедны, чтобы приобретать и использовать сложные орудия производства, значит опять-таки механически переносить законы развития и кризиса капитализма в совсем иные условия.

Во времена Римской империи развитие производительных сил шло за счет второго их элемента — людей, так или иначе участвовавших в производственной деятельности. Мы не найдем никаких почти сведений об изменениях в мертвом инвентаре, в орудиях производства, использовавшихся в римских имениях в первые три века нашей эры. Зато все время возрастает специа-

[9] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 247.

лизация занятых в земледелии и ремесле работников, как свободных, так и рабов, и повышается их квалификация. Все усложняется разделение и организация труда, и самая структура имения как производственного целого, постепенно включавшего в свой состав не только сельскохозяйственные, но и ремесленные предприятия со специализированными, квалифицированными ремесленниками. Накопленный теорией и практикой агрономический опыт требовал все более тщательной работы и более высоких знаний как от работников, так и от административного персонала имения, причем тщательности и знаний, вовсе не связанных с применением каких-то новых, сложных орудий производства, а в рамках примерно все той же техники.

Тогда-то в значительно большей степени, чем в рабовладельческих хозяйствах более примитивного уровня, где раб вынуждался к применению только физической силы, и дало себя в полной мере знать неопреодолимое противоречие рабовладельческого способа производства. С одной стороны, не заинтересованный в труде, ненавидящий хозяина раб не желал проявлять свои знания и умение, если они у него и были. С другой стороны, господа, обучая рабов тем или иным специальностям, недоверчиво относились к способным и инициативным рабам. Так, знаменитый агроном Колумелла писал, что виноградарей обычно приходится держать закованными, так как их специальность требует особой сообразительности, неизбежно делающей их негодяями, а три века спустя агроном Палладий признавался, что предпочитает пассивных, медлительных рабов толковым и расторопным, так как в рабе живость ума близка к злоумышлениям и злодействам, тупость же и простота — к покорности. Недаром же сложился ходячий афоризм, гласивший, что для людей, низко поставленных, опасно и вредно превосходить других в искусствах. Рабов, из которых во времени поздней республики выходило много деятелей культуры, при империи от участия в культурной жизни отстраняли. Без повышения же общей культуры работников и соответственного их поощрения нельзя было рассчитывать, что они удовлетворят предъявляемым к ним более высоким требованиям. Все это и служило тормозом развития производительных сил, в тех условиях возможного в основном за счет развития самих работников и методов организации труда.

Упомянутое противоречие, а также обусловленные дальнейшим развитием товарно-денежных отношений фискальная политика правительства, умножение числа бедняков, которых приходилось подкармливать во избежание возможных мятежей, повышение требований со стороны городов и государства к землевладельцам, денежные расходы которых увеличивались до размеров, не совместимых с тогдашним уровнем производительной силы общественного труда, привели к кризису и застою ра-

бовладельческой экономики. Его следствием была замена труда рабов трудом колонов разных категорий, что само по себе дальнейшего развития производительных сил не обеспечивало, а лишь подготовило крушение рабовладельческого способа производства. Таким образом, и в данном случае механическое перенесение закономерностей капиталистического общества на рабовладельческое неправомерно и противоречит известным фактам.

В значительной мере то же относится и к проблемам классовой борьбы. Как известно, в нашей науке довольно долго жила концепция «революции рабов», в наиболее крайней своей интерпретации (особенно в работах А. В. Мишулина) почти полностью идентифицировавшая рабские восстания II—I вв. до н. э., и в первую очередь восстание Спартака, с пролетарской революцией как с точки зрения целей (уничтожение рабовладельческой, а затем и всякой частной собственности), так и расстановки классовых сил (рабы — гегемон революции, крестьянская беднота — колеблющиеся, неорганизованные попутчики). Но и те, кто не доходил до таких крайностей, склонны были прилагать критерии классовой борьбы в капиталистическом мире к миру античному, не учитывая, что формы классовой борьбы изменяются от эпохи к эпохе, развиваясь от низших к высшим, и что те или иные из них могут быть более или менее результативными в разные эпохи, а следовательно, оценивать их нужно именно по их результативности, а не с точки зрения неких, как бы извечных норм.

Для всех периодов античности наиболее совершенной формой классовой борьбы рабов признается вооруженное восстание, раннее же христианство обычно оценивается отрицательно на том основании, что оно отвлекало рабов и бедноту от активной борьбы с оружием в руках. Вне поля зрения остается при этом то обстоятельство, что во времена возникновения раннего христанства идеологическая борьба в империи приобретает совсем особое значение, возможно, гораздо большее, чем могло бы иметь стихийное, слабо организованное, без ясных перспектив восстание рабов. Недаром Энгельс считал раннее христианство революционным движением.

Часто цитируя известную мысль Энгельса о двух опорах империи: армии — как материальной — и всеобщей уверенности в неизбежности существующего строя — как моральной опоре,— мы недостаточно отдаем себе отчет в том, каким важным фактором стала идеологическая борьба, подрывавшая эту моральную опору. Именно поэтому Энгельс и подчеркивал революционность раннего христианства, наиболее последовательно и непримиримо обращавшегося против той системы ценностей, на которой зиждилась официальная идеология Римской империи. Божественность императорской власти, вечность Рима, вера в социальную гармонию и «золотой век»,

якобы принесенный императорами, в превосходство эллинистическо-римской культуры, шкала обязанностей и добродетелей гражданина и подданного — все это отрицалось ранним христианством. И шел этот процесс как раз в то время, когда рабовладельцы старались утвердить свое влияние именно в идеологической сфере и обеспечить себе не только повиновение рабов и попавших в зависимость от них мелких землевладельцев, но и их преданность, а также добровольное признание своего авторитета.

Если при республике господа почти не задумывались над моральным состоянием рабов, всецело полагаясь на открытое насилие, то при империи обнаружилось, что одних методов принуждения недостаточно и необходимо подчинить себе не только тела, но и души рабов, «управлять их суждениями», по выражению философа Эпиктета. Одновременно крупные собственники, закабаляя маломощных соседей, оформляли свои с ними отношения в виде патроната и клиентеллы, предполагавших не только экономические, но и духовные связи, моральное подчинение клиентов патрону. Недаром даже в юридических источниках, не говоря уже о бытовых, такие отношения нередко именовались «дружбой», а зависимые люди — скромными, маленькими «друзьями» своих выскопоставленных «благодетелей».

Тенденция ко все большему усилению идеологического контроля в масштабах империи сливалась с такой же тенденцией в частных хозяйствах. Поэтому неправильно основанное не столько на серьезном анализе тогдашнего положения дел, сколько на оценке роли религии и ее влияния на классовую борьбу в капиталистическом обществе мнение о раннем христианстве как о размагничивающем, отвлекающем от активных действий, а следовательно, служащем интересам эксплуататоров учении.

Таковы некоторые примеры модернизации, бытующие в нашей науке, обусловленные нарушением одного из основных принципов диалектики, требующего рассмотрения явления во всех его связях и опосредствованиях.

По-видимому, для того, чтобы подойти к решению вопроса о допустимости сопоставления явлений и процессов, имевших место в различных социально-экономических формациях, следует первым делом по возможности полно отдать себе отчет в своеобразии каждой из них.

Проблема места античности в смене стадий общественной эволюции и, что то же самое, правомерности объединения ее с обществами древнего Востока в одну рабовладельческую формацию многократно обсуждалась в маркистской литературе, не получив еще общепринятого решения. Маркс, как известно, не употреблял понятия «рабовладельческая формация»,

а говорил об античном обществе, античном способе производства, выделяя последний в особую ступень наряду с другими способами производства [10]. Не ясно, однако, в какой мере этот способ производства можно считать обязательным этапом на пути развития человечества от первобытнообщинного строя через антагонистические формации к социализму.

Ряд соображений позволяет полагать, что античное общество было не правилом, а исключением, скорее ответвлением, чем неизбежностью на магистрали общечеловеческого развития. Иногда в нашей литературе считают античный мир высшим этапом рабовладельческой формации, а древневосточные общества, в которых рабовладельческие отношения были развиты слабее, ранним этапом этой формации. Однако вряд ли это так. Античное общество возникло на основе разложения первобытнообщинного строя, а не в результате эволюции более ранних классовых обществ древневосточного типа и не может по отношению к ним считаться высшей или вообще какой бы то ни было стадией их развития.

Ни классическая Греция, ни Рим не были непосредственным продолжением крито-микенских и этрусских обществ независимо от степени влияния последних на их материальную и духовную культуру. Отношения, характерные для античного способа производства, сплошь да рядом не повторялись даже на территориях, непосредственно соседствовавших с античными полисами (например, Крит классического периода или Фессалия в Греции) или входивших в состав античных государств. Так, на севере Италии долго сохранялись отношения, отличные от римских (община, зависимые земледельцы), не до конца разложившиеся даже под мощным многовековым влиянием Рима [11], тем более это относится к римским провинциям.

Распространение античного способа производства в Средиземноморье обусловливалось греческой колонизацией, македонским и римским завоеванием, он не вырастал органически из существовавших на этих территориях общественных структур, а, скорее, на них наслаивался, в значительной мере искусственно. Когда он начал приходить в упадок, старые отношения снова стали выступать на поверхность, и именно на их базе — а не на базе античного рабовладения — оказалось возможным дальнейшее развитие.

Напротив, достигший своего полного расцвета античный рабовладельческий способ производства не мог непосредственно перейти в феодальный. Застойность такого общества чрезвычайно убедительно показана на примере Греции в исследовании

---

[10] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 13, стр. 7.

[11] E. Sereni. Comunita rurali nell'Italia antica. Roma, 1955.

О. В. Кудрявцева [12]. Аналогичные выводы могут быть сделаны и на материале Италии [13]: в районах, где рабовладельческие хозяйства господствовали, с началом кризиса рабства начинается безвыходный застой и упадок, в тех же областях, где сохранялось свободное (с известными пережитками общины) крестьянство, формируется крупное землевладение с отношениями, предвосхищавшими феодальные. Такие латифундии, или сальтусы, основывались на сочетании крупного землевладения с мелким земельным держанием работников разных категорий, находившихся на разных ступенях зависимости от землевладельца и обязанных различными повинностями (при все растущей роли издольщины, иногда в сочетании с отработками) Обслуживаемое штатом проживавших в имении ремесленников, зависимое население латифундий обменивало свои продукты на устраивавшихся здесь же ярмарках и было мало связано с внешним миром. Переход от таких отношений к феодальному способу производства был непосредственным. От античного рабовладельческого строя он мог осуществиться лишь путем гибели последнего.

Еще заметнее отмеченная закономерность прослеживается в провинциях. Те области, в которых отношения, сложившиеся до римского завоевания, не были вытеснены античным рабством, в значительно меньшей степени испытывают экономический упадок и становятся непосредственной основой развития феодальной собственности и феодальных форм эксплуатации [14]. Различие в путях и темпах генезиса феодализма между районами высокоразвитого рабства и районами, где преобладали доримские формы собственности и эксплуатации, сохранилось и после варварского завоевания. Например, в самой Италии феодальные отношения значительно медленнее развивались на юге, чем на севере, где элементы их зарождались еще при империи, видимо, именно потому, что, как уже упоминалось выше, пережитки доримских отношений были здесь достаточно сильны.

Но раз античное общество не было закономерным результатом развития предшествовавших ему классовых обществ и само, зайдя в тупик, по существу не могло перейти к иным, открывавшим путь новому прогрессу, отношениям, то, несмотря на огромное влияние, которое античность оказала на исторические судьбы и культуру современной Европы, его вряд ли

---

[12] О. В. Кудрявцев. Эллинские провинции Балканского полуострова во втором веке нашей эры. М., 1954.

[13] Далее здесь кратко суммируются выводы, сделанные на основании материала, подробно изложенного в моих монографиях «Расцвет рабовладельческих отношений в Италии конца республики» (М., 1964) и «Рабство в эпоху ранней империи. Италия» (в печати).

[14] Е. М. Штаерман. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957.

можно считать обязательным этапом в общем ходе исторического процесса, неизбежной стадией развития некоей рабовладельческой формации, включающей все общества, в которых применялся труд рабов.

Если это так, то представляется необходимым выяснить специфические особенности, делавшие античный мир уникальным, неповторимым явлением. Особое значение в этом плане имеет изучение повторяемости в связи с рассмотрением общественной формации в качестве системы со своей особой структурой. Всякая общественная формация представляет собой очень сложную систему, элементы которой в свою очередь являются системами, со своими особыми структурами. Одни из них могут быть тесно связаны между собой, интегрированы полностью, так что изменения в одних вызывают изменения и в других и во всей системе в целом. Другие, не составляющие обязательных элементов находятся в менее тесной взаимосвязи, интегрированы слабее, их взаимное влияние меньше, и они могут эволюционировать по-разному, в разных ритмах. Сравнение структур различных обществ, т. е. выявление их обязательных и необязательных элементов, характера связей и степени интеграции, может помочь при попытке выявить их сходство и различие, уникальные, только им присущие или общие с другими системами закономерности функционирования и развития.

При моделировании структур каких-либо систем необходимо прежде всего отыскать их структурообразующий элемент [15]. В физике за таковой принимается элементарная частица, в биологии — клетка и т. п. Для общественных наук дело обстоит гораздо сложнее. В западной социологии нередко такой элемент берется из мира идей; его видят в присущей данному обществу системе ценностей, характере восприятия действительности и т. д. Возможно, что при изучении духовной культуры моделирующий элемент и следует искать в ее сфере, но он сам неизбежно будет, в конечном счете, определяться характером базиса общества и не может поэтому считаться первичным, сколь бы ни было действенным в ряде случаев обратное влияние надстройки на базис. Очевидно, для социально-экономических систем структурообразующим элементом являются производственные отношения, через которые производительные силы воздействуют на характер всей общественной формации.

Как известно, производственные отношения включают формы собственности и формы эксплуатации, определяющие характер распределения и обмена. Маркс указывал, что для докапи-

---

[15] О принципах моделирования см.: Б. А. Грушин. Очерки логики исторического исследования. М., 1961; В. И. Свидерский. О диалектике элементов и структуры в объективном мире и в познании. М., 1962; Б. А. Глинский, Б. С. Грязнов, Б. С. Дынин, Е. П. Никитин. Моделирование как метод научного исследования. М., 1965.

талистических способов производства собственность, т. е. отношение трудящегося субъекта к условиям производства как к своим, принимает различные формы сообразно условиям производства. При рабстве, при крепостной зависимости сам рабочий является лишь одним из условий производства, служащих некоему третьему индивиду или коллективу. Рабство и крепостная зависимость здесь всегда являются производными. Это необходимый и последовательный результат собственности, основанный на общинном строе и на труде в условиях этого строя [16]. Таким образом, форма собственности, неразрывно связаниая с формой эксплуатации, является определяющей, первичной. К сожалению, этому обстоятельству в нашей литературе часто не уделяется достаточно внимания. И при попытках доказать, что то или иное общество древности относится к той же формации, что и античный мир, специалисты идут по линии сбора фактов, подтверждающих наличие там более или менее значительного числа рабов. Буржуазные историки античности напротив, доказывают, что масса рабов имелись в Риме лишь в период II в. до н. э.— I в. н. э., когда непрерывно захватывались и порабощались многочисленные пленные. В дальнейшем число рабов сокращается, и потому ни о каком рабовладельческом способе производства говорить не приходится, рабов вытесняют колоны и наемные работники. Не было рабовладельческого способа производства и в раннем Риме, так как тогда рабов там было еще очень немного и основными производителями являлись свободные мелкие землевладельцы и ремесленники. Однако, даже отвлекаясь от того обстоятельства, что никакая, хотя бы приблизительно достоверная, статистика для древности невозможна и, следовательно, все подобного рода выводы основаны лишь на более или менее вероятных догадках, на весьма субъективном «общем впечатлении», доказать что-либо с помощью названного метода невозможно.

Рабство, различные формы кабалы и крепостной зависимости, наемный труд существовали всегда, при всех способах производства. Кроме того, при докапиталистических формациях они весьма редко выступают в некоей идеальной, чистой, классической форме. Если мы можем с уверенностью говорить как о рабе (со всеми его классическими, античными атрибутами) о работнике из имения Ксенофонта или Катона, то дело далеко не так просто обстоит со спартанским илотом или рабом, наделенным пекулием, включавшим землю, мастерскую и подчас рабов, со свободным, отрабатывающим долг кредитору и находящимся у него, по выражению римских юристов, «на месте раба», или с рабом, нанимающимся на работу к постороннему

[16] К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству.— «Вестник древней истории», 1940, № 1, стр. 24—25.

хозяину и, опять-таки по терминологии юристов, «пребывающим на свободе на законном основании». Все это относится к странам развитого, классического рабства и тем более к областям, где существовало множество пережитков предыдущих форм эксплуатации. Сплошь да рядом чрезвычайно затруднительно определить, что представлял собой тот или иной работник, о котором до нас дошли сведения. Каков же здесь критерий? Правовой статус? Экономическое положение? Отношение к орудствам производства? Место в процессе производства? Или, может быть, совокупность этих признаков в той или иной пропорции?

Однозначное решение, действительное для всех перечисленных случаев, вряд ли возможно. Начинать надо с отношений собственности, которые и будут структурообразующим элементом базиса данного общества и определят иерархию и значение форм эксплуатации. Для античного мира таковой является античная форма собственности, как она охарактеризована Марксом. Эта форма собственности складывалась параллельно со становлением античного города-государства, причем оба процесса теснейшим образом взаимосвязаны и не могут быть оторваны друг от друга. Античный полис и его генезис столь же уникальны, как античная форма собственности. Процесс их формирования, за отсутствием достаточно надежных данных, не может быть прослежен в деталях, но в общих чертах он более или менее известен.

Разложение первобытнообщинного строя, предшествующего античности, шло, по-видимому, обычным путем, но в ускоренном темпе. Тому способствовал ряд условий. Земледелие здесь не зависело от ирригации, как в ряде обществ Азии и Америки, и развивалось при широком применении железных орудий, что делало труд земледельца более эффективным и способствовало разложению общины. Родо-племенные и территориальные общины как хозяйственные единицы разлагались настолько быстро, что в те периоды, о которых существуют какие-либо маломальски достоверные сведения, можно говорить уже только об их пережитках. Основной социально-экономической ячейкой становится большая семья, лучше всего известная нам на примере римской фамилии. Под термином «фамилия» понимались находившиеся под властью главы фамилии жена, дети, внуки, клиенты и рабы и совокупность недвижимого и движимого имущества. Род сохранялся главным образом в среде знати как носитель общих традиций и особых святынь и культов. Территориальные общины в незапамятные времена были объединены в города, хотя некоторые реминисценции их существования прослеживаются довольно долго.

Совсем особое значение имели рано возникшие интенсивные связи греков и италиков (среди них и римлян) с цивилизациями

Востока. Они обусловливали технические и культурные заимствования, ускорявшие развитие производительных сил, в частности отделившегося от земледелия ремесла, уже сосредоточивавшегося в городах, а также развитие торговли с соседними и более отдаленными областями. Торговля, а также военные экспедиции и союзы с иноземными властителями способствовали быстрому обогащению родо-племенной знати, повсеместно добившейся устранения примитивной царской власти. Свое влияние представители знатных родов, постоянно враждовавших друг с другом [17], использовали для захвата земель, закабаления и порабощения (посредством ли прямого насилия или использования сурового долгового права) рядовых землевладельцев. Все это наблюдалось и у иных народов, но дальнейший путь наиболее передовых городов Малой Азии, Греции, а затем Рима оказался отличным от обычного. Отличие его состояло в совершенно специфическом пути возникновения государства. В подавляющем большинстве случаев государство у народов с разлагающимся первобытнообщинным строем формировалось как орган родо-племенной знати, которая осуществляла функции подавления или непосредственно (при сравнительно слабой власти царя), или через посредство сильной монархической власти, опиравшейся на чиновничество, сливавшееся с родо-племенной знатью в единый господствующий класс. Процессы эти сплошь да рядом ускорялись или модифицировались вследствие завоевания чужих территорий, но сущность их оставалась та же. С возникновением классового общества родо-племенная знать развивала и закрепляла те формы эксплуатации, которые стали возникать уже при разложении первобытнообщинного строя: уплата податей, отбывание повинностей, прикрепление к земле отдельных землевладельцев и целых общин и присвоение их труда, закабаление должников, порабощение пленных и т. п.

В городах же Малой Азии, Греции и в Риме, где экономическое развитие пошло наиболее быстрыми темпами, те же процессы, которые обогащали знать и укрепляли ее могущество, вызвали к жизни силу, способную ей противостоять. То были греческий демос и римский плебс. Вопрос об их составе спорен. По-видимому, сюда входили разные слои: торгово-ремесленные круги, уже располагавшие известным имуществом и влиянием, землевладельцы из простого народа, чужеземцы, закабаленные соплеменники, представители знатных семей, по тем или иным причинам оказавшиеся противниками своего сословия. Все эти элементы объединяла оппозиция аристократии, с которой они и вступили в борьбу. Борьба была трудной, длительной (VII—VI вв. до н. э. — в Греции, V—IV вв. до н. э.— в Риме). Уступки у

---

[17] К. К. Зельин. Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н. э. М., 1964.

аристократии народ вырывал лишь постепенно, но в конце концов одержал более или менее полную победу.

В ходе событий создавались и органы государства за счет трансформации старых и создания новых институтов. Ход этого процесса, как известно, освещен и истолкован Энгельсом в соответственных главах «Происхождения семьи, частной собственности и государства». Энгельс показал также, что окончательно государство в Афинах и Риме оформилось в значительной мере как орган демоса и плебса, одержавших победу. Это и определило дальнейший путь развития государства, хотя кое-где (например, в Риме) знать сохраняла достаточно сильные позиции. Характер генезиса античного государства имел ряд последствий: передел земли, наделение тем или иным способом землей неимущих, установление земельного максимума, эмансипация прежде зависимых от знати клиентов, должников и тому подобных категорий, запрещение кабального рабства и порабощения граждан, повышение значения народного собрания и других органов демократии, в ряде случаев обращавшихся против крупных собственников, развитие товарно-денежных отношений и т. д.

В неразрывной связи с генезисом античного города-государства конституируется и античная форма собственности. Как известно, она определялась взаимообусловленностью и единством коллективной, государственной и частной собственности граждан. Только гражданин мог быть собственником, и вместе с тем гражданин, исполнявший свои гражданские обязанности, имел право не только на пользование землей, оставшейся в коллективной собственности, но и на выделение ему участка из общественного земельного фонда, в распоряжении которым он принимал участие в качестве члена верховного государственного органа — народного собрания. Только гражданин мог быть собственником, и только собственник считался полноправным гражданином, а следовательно, и в полной мере свободным, так как, по исконным римским представлениям, кстати сказать, во многом определившим идеологию римлян времен республики и ранней империи, гражданство и свобода были неразрывно связаны, утрата гражданства означала и утрату свободы.

Общество, основанное на античной форме собственности, можно теоретически представить себе без всякой эксплуатации, как общество живущих своим трудом мелких землевладельцев, чье бытие как таковых определяется единством частного владения и коллективной, государственной собственности. Такое общество на практике никогда не существовало, но, по словам Маркса, лучшими временами классической древности были именно те периоды, когда рабство еще не овладело производством, т. е. известное приближение к такому теоретически мыслимому строю имело место.

В силу особенностей античной формы собственности и неразрывно связанного с нею античного полиса развивающаяся

здесь эксплуатация могла быть только эксплуатацией рабов-иноплеменников, стоявших вне социальных и правых институтов гражданской общины. Всякий иной тип эксплуатации — эксплуатация кабального должника, крепостного, наемного работника из числа граждан — разорвал бы основной для античной формы собственности и античного полиса комплекс: свободный собственник — гражданин — воин. И хотя фактически все эти типы эксплуатации, в разное время в различных пропорциях, сосуществовали с рабством, они не были обязательными элементами не охватывались в полной мере структурой базиса античного общества, мыслимого и без них. Они были слабо интегрированы со всей системой; конечно, они могли и сами в той или иной степени влиять на нее и испытывать ее влияние (например, сближение наемных работников с рабами, имущества колонов с рабским пекулием), но не были решающими факторами в ее движении. Таким образом, условия генезиса античной собственности и становления города-государства предопределили как ведущую форму эксплуатации, так и многие иные особенности античного общества. Те же элементы, что составляли античное общество (например, рабство), в обществе, зиждящемся на иной форме собственности и имеющем иную структуру, могут занимать совсем иное место и играть иную роль. Это отнюдь не означает, что все эти элементы не будут там исторически обусловлены. Но взаимосвязи их с другими элементами системы и со всей системой изменяются, и изменяется степень их интеграции.

Кое в чем отношения в античной гражданской общине напоминают отношения в общинах иных типов. Но в других классовых обществах такие общины (кровнородственные или территориальные) включались в государство опосредствованно, становясь объектом эксплуатации отдельных сочленов правящего класса или его органа — государства. В античном же мире сама община непосредственно составляла государство или (войдя впоследствии в систему империи) более или менее автономный самоуправляющий город. Отсюда все особенности структуры полиса и соотношения его элементов — народного собрания, совета, магистратур.

Раз сложившись, античные города-государства развивались по пути, обеспечивавшему воспроизводство господствующих отношений. Основным условием их стабильности было политическое и относительное экономическое равенство граждан, необходимое для максимальной сплоченности их коллектива перед лицом реальных и потенциальных внешних или не принадлежавших к этому коллективу внутренних врагов: других городов-государств, «варваров», восточных держав, собственных рабов.

В периоды процветания городов-государств подавляющее большинство граждан владело землей. Избыточное население

уходило в поисках новых территорий для основания новых городов, и число граждан города оставалось более или менее стабильным. Включение иноземцев в гражданский коллектив было редким исключением, так как численный рост полноправных его сочленов, получавших право претендовать на земельный надел, мог подорвать их экономическое равенство. Вместе с тем территория города-государства не должна была превосходить известные, так сказать, обозримые размеры; в противном случае участие всех граждан в народном собрании обращалось в фикцию, что и произошло в Риме, когда после Союзнической войны права римского гражданства были распространены на всю Италию, ставшую как бы единой территорией города-государства.

Сравнительно небольшие размеры принадлежавшей городу земли диктовались также контролем за ее обработкой. Владелец участка считался его собственником постольку, поскольку имел право свободно передать, продать, завещать его другому гражданину, но в принципе верховным собственником земли оставался гражданский коллектив. Отдельный владелец был как бы держателем и отвечал за добросовестное использование своего имущества, не говоря уже о том, что общественное мнение осуждало нерадивого хозяина, а термин «хороший земледелец» в Риме был синонимом «достойного человека». Даже во II в. н. э. не был отменен закон, согласно которому участок, не обрабатывавшийся два года владельцем, мог быть у него отобран.

Постоянная забота о поддержании видимого равенства граждан и их единства не прекратилась и тогда, когда фактическая имущественная и социальная дифференциация чрезвычайно обострились и когда — как это было в Риме I в. до н. э.— сложилось многочисленное городское население, безземельное и уже не желавшее заниматься сельскохозяйственным трудом. Государство брало на себя заботу о неимущих, обеспечивая их регулярными даровыми раздачами хлеба и различными экстраординарными подачками по случаю побед и праздников. При империи правительство предпринимало колоссальные строительные работы не только, чтобы украсить столицу, но и с целью занять ремесленников и поденщиков. В этом смысле очень характерен известный анекдот об императоре Веспасиане, отказавшемся от предложенной ему изобретателем машины для переноски тяжелых блоков и колонн, чтобы «не лишить заработка простой народ, работающий на строительстве».

Как уже упоминалось выше, античная форма собственности была совместима только с эксплуатацией рабов-иноземцев или потомков иноземцев, стоявших вне гражданской общины и ее законов. По определению римских юристов, кабальный должник, несмотря на свою близость к рабу, отличался от него, между прочим, тем, что закон принимал его во внимание, тогда как

раба игнорировал совершенно. В Риме уже в III в. до н. э. раб был лишен не только какой-либо правоспособности, но, согласно изданному тогда закону Аквилия, и ответственности за совершенные им преступления. Ответственность за него всецело перелагалась на господина, его собственника и судью. Чем меньше в античном государстве у собственников оставалось возможностей для эксплуатации сограждан, тем большей властью пользовались главы фамилий над рабами.

По мере усложнения экономической, социальной и политической жизни, обусловливавшей потребность в рабочей силе, развивалось и рабство. Мощный толчок его распространению дал приток в Рим массы материальных ценностей из покоренных стран и вызванный им рост новых — как крупных, так и средних — состояний. Если в имениях старой знати еще сохранились пережитки прежних форм эксплуатации наследственных клиентов, на тех или иных условиях сидевших на земле своих патронов, то «новые люди», приобретая землю, могли налаживать хозяйство, только используя рабский труд. То же можно проследить и в ремесле: в исконных для Италии отраслях был велик удельный вес свободного труда; в новых же, развивавшихся под влиянием эллинистического Востока, преобладал труд рабов.

До установления империи правительство не считало возможным вмешиваться во взаимоотношения глав фамилии и рабов. Но, когда число рабов сильно возросло и участились их восстания, государство стало принимать жестокие меры для подавления непокорных.

Все изложенные выше условия существования античного полиса, базировавшегося на античной форме собственности, определяли задачи и функции государства: подавление рабов в случаях открытого массового неповиновения при невмешательстве во взаимоотношения внутри фамилии; обеспечение граждан тем или иным путем (от войны ради захвата чужой территории до установления земельного максимума и повышенных обязательств богатых граждан) земельными участками или государственной субсидией; принуждение граждан к выполнению их долга как землевладельцев, участников управления государством, воинов, что должно было обеспечить постоянное воспроизводство существующих отношений. Структура базиса обусловливала, таким образом, совсем особую роль античного государства, а также и ту систему представлений, которая лежала в основе мировоззрения античного человека и античной культуры.

Античная форма собственности, как и античный город-государство, была уникальным явлением в истории. Если возможны споры о том, насколько была распространена в Старом и Новом Свете та форма собственности, которую Маркс характеризовал как восточную (и которую некоторые исследователи находят даже в современных странах Азии и Африки), если фео-

дальная форма собственности в разных модификациях была широко распространена во всем Старом Свете, то для античной формы собственности трудно подыскать аналогии. (Возможно, они обнаруживаются в ряде городов древнего Востока. Внешне похожие на античные полисы городские республики средних веков имели иную основу.) Поэтому уникальны и те базисные и надстроечные системы античного мира и их взаимосвязи, структура которых непосредственно или опосредованно определялась античной формой собственности. Предопределяя рабство как основную форму эксплуатации, она предопределяла и фамилию в качестве основной производственной и социальной ячейки. Власть и собственность главы фамилии, абсолютные и безусловные относительно рабов, в отношении земельного надела были обусловлены принадлежностью к гражданской общине и выполнением обязанностей гражданина.

Античная форма собственности, античное рабство, античный полис — все эти элементы и их взаимосвязи, так же как вытекающие из них элементы социальной психологии и идеологии гражданина полиса, составляли целостную интегрированную систему. Изменения в одних элементах вызывали изменения в других и в системе в целом.

Напротив, в иных условиях рабство могло веками сосуществовать с различными типами общин, не оказывая заметного влияния на их судьбу. Видеть рабовладельческий, подобный античному, способ производства повсюду, где имелись рабы, хотя бы и в значительном числе, столь же неправомерно, как видеть капитализм всюду, где существовали торговля, деньги и наемный труд. Лишь там, где эти элементы соответствуют господствующей в данном обществе форме собственности, они неотъемлемы от структуры способа производства и становятся для него определяющими. Если они рассматриваются вне своего места в системе и ее структуре, ничего, кроме явной или скрытой модернизации, не получается.

Значение степени интеграции составных элементов системы особенно наглядно видно на примере эволюции того же античного мира в связи с эволюцией античной формы собственности. В наиболее чистом виде она выступала в периоды расцвета городов-государств. С дальнейшим развитием товарно-денежных отношений, рабства, крупного землевладения и соответственно имущественной дифференциации граждан частная собственность начинает превалировать над коллективной, начинается кризис полиса, имевший своим непосредственным результатом изменение государственного строя. В Риме он выразился в падении республики и возникновении империи [18]. Однако в первые века империи античная форма собственности, правда,

[18] С. Л. Утченко. Кризис и падение Римской республики. М., 1965.

несколько модифицированная, остается основой составлявших опору нового режима городов. По-прежнему владение землей на территории города обусловливается принадлежностью к городскому гражданству (хотя теперь этот принцип неоднократно нарушается).

Правда, обладание городским гражданством уже не давало теперь гарантии наделения земельным участком, но безземельная беднота пользовалась систематической материальной поддержкой: в Риме — государства, в италийских и провинциальных городах — городских властей и состоятельных граждан. Поддержка эта, принимавшая самые различные формы — денежные и продовольственные раздачи, установление максимальных цен на зерно, широкие строительные работы, дававшие заработок бедноте, сооружение на частный счет общественных зданий, организация различных зрелищ, дары профессиональным, культовым и погребальным коллегиям городского и сельского плебса, должна была сохранять хотя бы видимость единства городского гражданства и общности его интересов. В тех областях империи, где распространялся античный городской строй, распространялись и классические рабовладельческие хозяйства, и античная культура, что подтверждает взаимосвязанность всех этих элементов. Особенно наглядно видно это на примере западных провинций, где переход к античному рабству совершался на основе разложения первобытнообщинного строя (т. е. так же, как в Греции и Риме) В восточных же провинциях даже усиленная урбанизация, проводившаяся эллинистическими царями и римскими императорами, не могла вытеснить старые отношения. Античный способ производства кое-где на них наслаивался, но влияние его было в общем поверхностным.

Вместе с тем античная форма собственности была в империи уже далеко не единственной. С ней сосуществовали в ряде областей значительно превосходящие ее по удельному весу иные формы. То были изъятые из ведения городов земли государственные и императорские и имения крупных собственников сенаторского сословия, по своему статусу наиболее приближавшиеся к частной собственности, ничем не обусловленной и в максимальной степени гарантированной. Хотя на всех этих землях в той или иной мере применялся труд рабов, основными производителями здесь были находившиеся на разных ступенях зависимости мелкие держатели земли. Во многих случаях они составляли общины разных типов. Общинам отводилась определенная территория, за пользование которой они были обязаны определенными повинностями, самостоятельно распределяя землю, повинности и привилегии среди своих сочленов. В других случаях земледельцы, сидевшие на государственной и частной земле, снимали ее индивидуально и сами отвечали за наложенные на них взносы и отработки. Все это

были особые системы, весьма далекие от античной, со своими особыми структурами. Необходимыми элементами системы античного способа производства они до поры до времени не являлись и, входя в нее, скорее испытывали ее влияние, чем влияли на нее.

Но примерно со второй половины II в. н. э. античная форма собственности вступает в последний период своего существования, период кризиса и разложения, вызвавшего разложение классического рабства. Одновременно начинает изменяться и вся структура античного мира, его базисных и надстроечных систем. Прежде неосновные элементы становятся основными: это внегородская крупная земельная собственность в сочетании с мелким хозяйством зависимых, обязанных частью урожая и отработками земледельцев, власть над которыми землевладельцев была уже не полной, как над рабами, а определялась правами на приписанные к работникам участки; укреплявшиеся и вновь создававшиеся общины на государственных и частных землях; исключавшиеся прежде формы порабощения сограждан путем закабаления должников и дозволенной в середине II в. самопродажи совершеннолетних граждан.

Теперь уже они в значительной и все возрастающей степени определяют структуру социального строя, государства, идеологии и культуры: иерархическую систему сословий и наследственное прикрепление людей к их профессиям и статусам, разветвленный огромный полицейско-бюрократический аппарат, «теократическую» власть императора, обязательную для всех подданных государственную религию, санкционировавшую официальную идеологию, т. е. все те явления, которые обычно обобщенно именуются «ориентализацией империи». Напротив, античная форма собственности и античное рабство становятся необязательными элементами, хотя и входят еще в систему в целом. Вся структура последней становится нестабильной [19]. В конце концов она полностью изменяется, дабы прийти в соответствие с основными элементами и их взаимосвязями. Поскольку характер последних был различен в восточной и западной половинах империи, постольку различными оказались и их новые структуры. Но нигде уже рабовладельческий способ производства не определял формационную принадлежность общества. Структурообразующим элементом становится не античная, а иные формы собственности — крупное частное и государственное землевладение в сочетании с земельным держанием общин и индивидуальных мелких земледельцев

[19] Л. О. Вольт. Соотношение структуры и элементов.— «Вопросы философии», 1963, № 5. Автор отмечает, что различные структурные организации частей дают равнокачественные целые. Удаление или замена каких-нибудь элементов может привести к целому, качественно отличному, но временно сохраняющему старую структуру. Затем она преобразуется в направлении соответствия наибольшему количеству главных элементов.

различного правого статуса (от свободных, сидящих на государственной земле крестьян до прикрепленных к имениям колонов).

Соответственно иное качественное значение приобретают входящие в структуру элементы, в том числе различные формы эксплуатации рабов, а также земледельцев, стоящих на разных ступенях зависимости, наемных работников. В значительной мере, по-видимому, воспроизводятся (в модифицированном виде) формы собственности и структуры, имевшие место в эпохи, предшествовавшие македонскому и римскому завоеваниям на Востоке и на Западе. Перестав быть основными, элементы античной формы собственности еще более или менее долгий срок продолжают влиять на систему в целом, входя в нее в качестве менее интегрированной с ней, но все же взаимодействующей субсистемы.

Структуры базисных и надстроечных систем общества, определяемые основным, структурообразующим элементом — формой собственности, ни при каком ином структурообразующем элементе неповторимы. Только данная структура, данный характер взаимосвязей сообщает составляющим ее элементам определенное качество, которое и обусловливает закономерности взаимодействия элементов и движения всей системы в целом, т. е. закономерности развития как всей суперсистемы, так и полностью интегрированных с нею базисных и надстроечных субсистем. Это можно проследить на истории любой из таких систем, будь то развитие и упадок полисной демократии, античной науки, идеологии граждан античного полиса и т. д.

Но чем же тогда определяется возможность аналогий явлений и процессов, имеющих место в разных формациях? По-видимому, здесь следует исходить из того обстоятельства, что во всяком обществе неизбежно присутствуют элементы и системы, в полной интеграции со своей суперсистемой не состоящие, и чем общество сложнее, тем их больше. Они могут быть пережитками прошлого, зародышами будущего, результатом заимствований или иных причин, обусловленных всем ходом исторического процесса, но тем не менее для данной системы не обязательных, без которых она может быть мыслима. Таковы, например, в Риме различные типы зависимости арендаторов земли от землевладельцев. Они сохранились еще со времен разложения первобытнообщинного строя, когда огромную роль играли отношения патроната и клиентеллы, и они же стали ядром отношений землевладельцев и колонов по мере закрепощения последних. Античный мир вполне мыслим и без них (в классических Афинах они отсутствовали), но поскольку они существовали, на их основе могли возникать и возникали известные аналогии с эпохами, когда соответственные отношения были ведущими, определяющими.

Еще гораздо большее значение это имеет для процессов, связанных с развитием товаро-денежных отношений. Последние не вытекали из сущности античной формы собственности с той неизбежностью, с какой они связаны с формой собственности капиталистической. Напротив, первую их развитие разлагало, вторую укрепляло. Но вместе с тем античная форма собственности, предполагавшая общество свободных мелких производителей, давала им значительно больший простор, чем община, характеризовавшаяся Марксом как восточная, при которой товарные отношения могли стать довольно оживленными в верхах общества (за счет продажи собранных с производителей натуральных поставок, покупки предметов роскоши и т. п.), но слабо затрагивали его основу. Проникновение товарно-денежных отношений в экономику античного общества было значительно более глубоким.

Развитие же товарности хозяйства приводило и в античном, и в капиталистическом мире к разложению свободной парцеллярной собственности, обезземеливанию, пауперизации мелких землевладельцев, концентрации богатств в руках немногих, а следовательно, к резкому обострению социального неравенства и классовой борьбы. И хотя результаты этих процессов в древнем Риме и капиталистическом мире совершенно различны (в последнем случае они укрепляли капиталистическую форму собственности и капиталистический способ производства, в первом же привели сперва к превалированию частной собственности над коллективной и развитию рабства, а затем к полному разложению античной формы собственности и рабовладельческих хозяйств, переобремененных денежными обязательствами), им сопутствовали сходные явления как в базисе, так и в надстроечных областях. Сравнивая судьбы мелкого производства, основанного на собственности свободного работника на условия труда, в античном и капиталистическом мире, Маркс писал, что на известном уровне развития мелкое производство само создает материальные средства для своего уничтожения [20].

В древнем Риме разложение мелкого производства, в котором труд рабов еще не вытеснил труда свободных мелких собственников, и становление рабовладельческого производства в его наиболее развитой форме сопровождались бурными событиями гражданских войн II—I вв. до н. э., закончившимися падением республики и установлением империи. Как убедительно показал С. Л. Утченко, в основе этих событий лежало изменение характера античной формы собственности, вызванное развитием товарно-денежных отношений и соответственно укреплением частной собственности и рабовладельческого

[20] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 771.

способа производства, результатом чего явился упадок старых полисных институтов, разложение связанных с классической античной собственностью социальных слоев и выдвижение новых групп рабовладельцев, не удовлетворявшихся прежним политическим строем; острая борьба между классами и социальными группами, приведшая не только к установлению нового типа государства, но и к перераспределению собственности и изменениям в социальной структуре. Утченко совершенно прав, характеризуя гражданские войны II—I вв. до н. э. как революцию, совершившуюся не при переходе от одной формации к другой, а в рамках одной формации, подобную, например, революциям 1830 и 1848 гг. во Франции. Естественно, что в ходе ее могли иметь место некоторые социальные, политические и идеологические явления, сопровождающие и другие революции. Но в своих основах и первопричинах она была коренным образом отлична даже от революций буржуазных, не говоря уже о социалистических; иными были и ее цели и результаты, а потому попытки буржуазных историков, от М. И. Ростовцева до Ф. Р. Коуэлла, судить на ее примере о революциях нового времени обречены на неудачу.

Сходство процессов при коренном различии конечных результатов можно проследить и в иных системах, в зависимости от степени их интеграции и их места в структуре суперсистемы, например в системах духовной культуры и их соотношениях с базисом, более или менее опосредствованным. Наиболее опосредствованы эти отношения в обществах, где иерархию систем культуры возглавляет религия. В находящихся на подъеме античном и буржуазном обществах религия занимает подчиненное положение в структуре культуры. Социальные конфликты, политическая борьба находят гораздо более прямое и непосредственное отражение в социальных и политических теориях, определяющих в значительной мере другие проявления идеологической жизни и идеологической борьбы. Социальные утопии античности неоднократно сопоставлялись, а иногда (как, например, у Р. Пельмана) [21] и отождествлялись с социалистическими учениями XIX в. И тем, и другим общи представления о справедливом общественном строе без социального неравенства и эксплуатации, представления, лишенные религиозной окраски и порожденные в обоих случаях тяжелым положением угнетенных классов, сходно реагировавших на обострение общественной дифференциации, имущественного неравенства, эксплуатации, насилия. Но опять-таки конечные судьбы этих течений были коренным образом различны. В античном мире протест низших классов в конце концов принял религиозную форму раннего христианства с его учением о царствии божь-

[21] Р. Пельман. Истории античного коммунизма и социализма. СПб., 1910.

ем, в капиталистическом обществе возник и завоевал умы широчайших масс научный социализм, уже ничего общего с древними утопиями не имеющий.

Таким образом, по-видимому, можно пользоваться аналогиями при изучении процессов, связанных с системами, которые в одном случае полностью интегрированы с суперсистемой и составляют необходимый элемент ее структуры, а в другом случае такого необходимого элемента не составляют, с суперсистемой интегрированы в меньшей степени и, испытывая ее влияние и в той или иной мере влияя на нее сами, обусловливают совершенно иные конечные результаты, чем в первом случае. Сопоставление как течения процессов, так и их результатов может помочь более глубокому проникновению в закономерности, действующие в разных формациях, и в их сущность, что в известном смысле заменяет невозможный для историка эксперимент, помогает выявить, как сходные факторы действуют в различных условиях, а следовательно, и установить, в чем состоит коренная, принципиальная разница этих условий, каким закономерностям они подчиняются.

При таком сопоставлении систем и элементов очень важно постоянно учитывать их место в структуре суперсистемы как с точки зрения генетической, так и функциональной, чтобы избежать сопоставления между явлениями и процессами, имеющими лишь внешнее сходство. В западной литературе, например, очень распространено отождествление различных государств по внешнему признаку «сильной власти», будь то раннегреческая тирания, диктатура Цезаря, поздняя Римская империя, абсолютизм, бонапартизм, фашизм. Ни происхождение и генезис этих государств, ни их функции, ни их собственная структура, ни место их в структуре всей системы при этом не учитываются, что лишает такие сопоставления всякой познавательной ценности. Для установления каких-нибудь исторических закономерностей они служить не могут. С другой стороны, возможно сопоставление явлений и процессов внешне мало схожих, но имевших сходное происхождение или функцию. Так, например, Утченко в упоминавшемся исследовании показывает, что во времена гражданских войн в Риме армия играла роль, сходную с ролью различных партий в буржуазных революциях.

Наличие повторяющихся исторических закономерностей обусловливается, по-видимому, не только сложным составом общественной формации или отдельного общества как некоей суперсистемы. Известную роль, хотя и наименьшую, могут играть прямые заимствования одними обществами различных материальных и духовных достижений других, предшествовавших им обществ. Большинство исследователей считает, что заимствования становятся возможными, если в принимающем их обществе сложились подходящие условия, но при этом взятое из чужой

культуры приспособляется и применяется к собственным потребностям, сплошь да рядом получая совсем иной смысл и значение. Из межформационных заимствований наиболее характерна переработка римского права и наследия античной культуры в средние века и новое время. Каждая эпоха вкладывала в античные идеи, образы, формы свое содержание, свою интерпретацию, анализ которой много дает для понимания соответственной эпохи, но вряд ли можно обнаружить какие-то более глубокие исторические закономерности, действительные для разных формаций.

Большое значение имеет сходство явлений на соответствующих стадиях развития формаций.

Аналогии между стадиями, проходимыми отдельными культурами, так или иначе признают все циклисты, из каких бы общих, часто весьма различных установок они ни исходили. Не отрицают они в большинстве случаев и некоторых элементов поступательного движения (например, самоочевидного технического прогресса, иногда и прогресса науки). Но все же для них в спиралевидном движении исторического процесса ведущим является не поступательный его ход, а движение по кругу. В огромном большинстве сфер социальной и культурной жизни они прогрессивное развитие отрицают. Марксизм же, говоря о спиралевидном характере развития, ведущим признает поступательное движение, прокладывающее себе путь через все отступления и повторения.

Тем не менее последние имеют место и дают себя знать. Так, например, в начале генезиса антагонистических формаций происходит или отделение свободного непосредственного производителя от средств производства, как в античном мире (рабы) и в капиталистическом (пролетарии), или изменение его владельческих прав и статуса (феодально-зависимые крестьяне), что и знаменует их превращение в эксплуатируемый класс. Естественно, что в этот начальный период против рабов, крепостных, пролетариев, еще недавно бывших более или менее самостоятельными и независимыми собственниками, применялись особенно жестокие и неприкрытые меры принуждения, вызывавшие соответственный отпор эксплуатируемых, стремившихся вернуться к более счастливым и идеализировавшимся ими временам. Так возникали сходные ситуации со сходными закономерностями.

То же относится к тем периодам истории формаций, когда какой-нибудь класс или социальная группа в силу тех или иных причин утрачивает свои ведущие позиции, превращается в тормоз дальнейшего развития и, несмотря на сопротивление, уступает место иным, более передовым классам или группам. Идеология таких уходящих в прошлое классов и групп всегда имеет много общего. Если мы сравним, например, сочинения Саллю-

стия, идеолога римских кругов I в. до н. э., мечтавших о восстановлении старых полисных порядков, с рассуждениями Ортеги-и-Гассета [22], пользующегося большой популярностью у современной буржуазной интеллигенции, оплакивающей «гибель западной культуры», мы найдем в них удивительно много сходного. И тот и другой восхваляют времена, когда народ и правительство находились между собой в гармонии и первый добровольно подчинялся законному авторитету правящих, сетуют на современное «беззаконие», когда и правительство, и народ испортились, власть стала игрушкой честолюбцев, а народ под влиянием «демагогов» стал стремиться к материальным благам, пренебрегает старыми традициями и т. п. Естественно, что те, кто смотрит на мир через призму своих отживших идеалов, считают, что ситуация повторяется во всех деталях. Это, конечно, не соответствует действительности, но о некоторой объективно существующей повторяемости ситуации для отдельного класса или социальной группы говорить допустимо.

Сходные явления можно отметить и на тех стадиях существования антагонистических формаций, которые знаменуются их кризисом. Неизбежное в такие периоды обострение всех противоречий и классовой борьбы обусловливает усиление государственной власти и повышение ее роли во всех сферах жизни общества — экономической, социальной, идеологической. Государство в большинстве случаев превращается из органа всего господствующего класса в орган его верхушки, сравнительно небольшой группы; это вызывает недовольство и оппозицию не только среди эксплуатируемых, но и среди значительной части правящего класса, что в конце концов подрывает социальную базу государства и, несмотря на видимое усиление последнего, приводит к его краху.

Сходные изменения в социальной структуре могут быть прослежены на последних этапах истории античного и феодального способов производства. В последнем случае наблюдалось все возрастающее несовпадение сословной и классовой принадлежности отдельных групп населения. Из крестьян выделялись как владельцы предприятий, так и работавшие по найму рабочие. И те и другие сливались с формирующимися классами буржуазии и пролетариата, пополнявшимися также за счет разложения других сословий. К концу античности в Римской империи тоже имело место перемешивание социальных слоев, разложение классов и сословий. Расслаивались рабы. Все более значительные их группы становились владельцами средств производства — мастерских, земельных участков, собственных рабов, переходили в разряд вольноотпущенников. Немало рабов было занято

---

[22] Y. Ortega y Gasset. Man and Crisis. New York, 1958; Idem. Una interpretación de historia universal entorno a Toynbee. Madrid, 1960.

в административном аппарате империи. Многие переводились на положение колонов, работали по найму. Фактическое и юридическое положение рабов значительно улучшилось по сравнению со временем республики. Вместе с тем значительные массы свободных деградировали до положения рабов, и с середины II в. была узаконена самопродажа в рабство совершеннолетних римских граждан, а в начале IV в. — продажа в рабство детей. Колоны, число которых быстро росло за счет разных социальных слоев, сперва фактически, а затем и юридически закрепощались, их имущество приравнивалось к рабскому пекулию.

Ряд западных историков считает, что в империи социальные противоречия сглаживались, разница между рабами и свободными стиралась, перед рабами открывались широкие возможности стать свободными и богатыми людьми. Однако эти историки игнорируют обратную сторону процесса, вследствие чего они затрудняются объяснить, почему установившийся было, с их точки зрения, «социальный мир» окончился грандиозным крахом.

Современные буржуазные социологи, как известно, много пишут о якобы характерной для капиталистического мира нашего времени «социальной мобильности», т. е. постепенном сглаживании различий между классами капиталистического мира, слиянии буржуазии и пролетариата, положение которого стало иным, чем в XIX в., в один «средний слой». Марксистские исследователи, критикуя эту концепцию[23], вместе с тем указывают на значительные изменения и усложнения в структуре как капиталистического общества в целом, так и самого пролетариата, что дает возможность поверхностному или предвзято судящему наблюдателю говорить о смешивании социальных слоев и исчезновении классовых противоречий.

Если сравнить отмеченные процессы во всех трех антагонистических способах производства, то мы увидим, что результаты их различны. В античном и феодальном обществе они приводили к генезису новых классов, ставших основными в новой формации. В капиталистическом обществе, сменяющемся обществом бесклассовым, новые классы не формируются. Все же известные аналогии, обусловленные сходными ситуациями на сходных стадиях истории способов производства, по-видимому, если не в результатах процессов, то в их ходе имеются.

Повторяемость, обусловленная спиралевидным ходом исторического процесса, непосредственно связана и с проявлением закона отрицания. Диапазон его действия в историческом про-

[23] «Структура рабочего класса капиталистических стран» Прага, 1962; «Городские средние слои современного капиталистического общества». М., 1963; Н. Ирибаджаков. Современные критики марксизма. Философско-социологические проблемы борьбы против современного антимарксизма. М., 1962, стр. 202—245; С. Чернеа. Против буржуазных измышлений о классах. М., 1963.

цессе, возможно, ограничен и, в частности, не всегда может быть применен для отыскания и обоснования исторических аналогий. Иногда он прилагается лишь к крупнейшим историческим эпохам: первобытнообщинный строй, классовые общества как его отрицание и коммунистическое общество как отрицание отрицания последних [24]

Действительно, по-видимому, было бы неправильно считать, что любой способ производства должен быть отрицанием отрицания своего, так сказать, позапрошлого предшественника. Но думается, что в особом частном случае соотношения капиталистического и античного мира некоторые моменты повторяемости могут быть связаны именно с отрицанием отрицания, хотя это и не означает, что в античном мире были элементы капитализма.

Как мы пытались показать, античный мир был своего рода феноменом, ответвлением от обычного пути развития. Будучи таким ответвлением, античный мир в ряде отношений, так сказать, забежал вперед по сравнению с общим уровнем. Это проявилось, между прочим, в развитии товарно-денежных отношений до крайних пределов, совместимых с обществом простых товаропроизводителей и тогдашним уровнем производства. Высокая же, по тем временам, товарность хозяйства обусловила разложение всех пережитков общины (в ее кровнородственной, соседской, сельской форме), а затем и если не полное разложение, то значительную трансформацию специфической формы античной городской общины. Результатом явился ряд особенностей экономической, социальной и духовной жизни античного общества в периоды его расцвета и упадка, предвосхищавшие аналогичные явления в обществе капиталистическом, где они получили гораздо более полное и последовательное развитие.

Не лишено значения и то обстоятельство, что и в античном, и в капиталистическом мире основной класс непосредственных производителей, в отличие от древневосточных и феодальных обществ, был полностью лишен средств производства и эксплуатировался ничем не замаскированными методами открытого внеэкономического (античность) или экономического (капиталистический мир) принуждения. В древневосточных же и феодальных государствах основные производящие классы оставались если не собственниками, то владельцами средств производства, что, между прочим, наряду с замедленным развитием производства обусловливало неоднократно отмечавшуюся Марксом огромную роль традиции, становившейся важной частью механизма извлечения и присвоения прибавочного продукта. Это обстоятельство оказывало значительное влияние и на

---

[24] Например, В. И. Свидерский. Некоторые особенности развития в объективном мире. Л., 1964, стр. 30.

расстановку классовых сил, и на идеологическую жизнь общества. Классовые противоречия и в античном, и в капиталистическом мире выступают значительно более четко, незавуалированно. И здесь и там обоим основным классам всегда было ясно, что их взаимоотношения определяются только реальным соотношением сил. Рабочий мог улучшить свое положение в зависимости от степени организованности, политической зрелости, боеспособности пролетариата, раб — в зависимости от того, насколько опасными были для рабовладельцев те или иные формы сопротивления рабов или насколько он сам мог рассчитывать законными (выкуп, отпуск на волю) или незаконными (бегство) способами освободиться от власти хозяина. Поэтому традиция, идеологический нажим и контроль играли значительно меньшую роль, чем в древневосточных, феодальных обществах и в самом античном мире эпохи его упадка, когда с изменением форм эксплуатации моральный фактор снова приобретает большое значение.

Перечисленные моменты при всем различии античного рабовладельческого и капиталистического способов производства дают право считать эпоху капитализма отрицанием отрицания античности, представлявшей в некоторых отношениях как бы черновой набросок первой в той мере, к какой это было совместимо с тогдашним уровнем производства. Их роднит разрушение связей человека с узким коллективом родовой или сельской общины, возникновение новых, совершенно отличных по характеру связей в больших «мировых» уже неземледельческих городах; разложение старого религиозного, традиционного мировоззрения и возможности более полного развития индивида, самостоятельно ищущего ответа на возникающие перед ним проблемы; более широкий сравнительно с предыдущим диапазон свободомыслия; острое осознание социальных противоречий и социальных проблем и т. п. Эти элементы повторяемости и обусловливаются, по-видимому, проявлением действия закона отрицания отрицания.

Пожалуй, наиболее ярко они выступают в сфере культуры, чем и объясняется частое отождествление различных направлений в философии, литературе, искусстве современного и античного мира, попытки найти у античных мыслителей решения современных проблем. До известных пределов такие попытки допустимы при постоянном учете, однако, того обстоятельства, что элементы повторяемости на новом этапе исторического развития, имеющем принципиально иную базу, могут отражать лишь частичные и притом не главные закономерности его движения.

В этом плане характерно часто проводящееся сопоставление античной и буржуазной демократии. В западной литературе сплошь да рядом античность рассматривается как колыбель

теории и практики политической свободы, возродившейся затем в буржуазном обществе и якобы коренным образом отличающей Западную Европу от всего остального мира, не дошедшего до идеи свободы. Часто также высказывается удивление или сожаление по поводу того, что греки и римляне не додумались до парламентаризма, который мог бы предотвратить установление единоличной императорской власти в государстве, переросшем по своим размерам классический античный город. Подобная мысль мелькала даже и в нашей литературе[25]. Упоминавшийся уже Ортега-и-Гассет видит в истории возникновения, развития и упадка римского государственного строя классический образец, предвосхитивший прошлое и будущее государств современной Европы. Наша критика модернизации истории в этом плане делала основной упор на то обстоятельство, что античная демократия была демократией рабовладельческой, давала политические права лишь гражданам-мужчинам и исключала из пользования ими женщин, рабов и неграждан, хотя бы из поколения в поколение проживавших в городе.

При всей важности этого аргумента думается, что он не может считаться определяющим, поскольку и в буржуазных демократиях всеобщее избирательное право существовало далеко не всегда, но отсутствие его не придавало им больше сходства с античными полисами, чем с государствами, в которых это право установлено.

При сопоставлении античной и буржуазной демократии большое значение имеют условия их генезиса. Первая, как мы видели, возникла в результате победы демоса или плебса над родо-племенной знатью в борьбе, которая, по существу говоря, шла вокруг вопроса о том, чьим органом станет формирующееся государство, в то время как молодая, окрепшая буржуазия вела борьбу против гнета уже существовавшего абсолютизма и поддерживавшей его церкви. Поэтому для народа античных полисов свобода отнюдь не означала свободы от авторитета и контроля государства. Напротив, свобода, которая, например в Риме, понималась в первую очередь как экономическая независимость (широко распространен был афоризм: «Не может быть свободен человек, вынужденный работать на другого»), в условиях господства античной формы собственности и античной гражданской общины обеспечивалась именно государством, в которое превратилась такая гражданская община.

Отсюда проистекал ряд следствий. По форме античный демократический полис воспроизводил строй, существовавший в общинах догосударственной эпохи. Его верховным органом было собрание полноправных сочленов, составлявших народное

---

[25] «История древнего мира». Под ред. В. Н. Дьякова и Н. М. Никольского. М., 1952, стр. 596.

ополчение; законодательная власть, помимо народного собрания, принадлежала и совету, прообразом которого был совет старейшин; исполнительная — магистратам, заменившим царей и военачальников. Демократические свободы — свобода слова, собраний, ассоциаций — не провозглашались, так как были само собой разумеющимися. Свобода совести, или вероисповедания, также не требовала особой оговорки, поскольку исполнение обрядов принятой в государстве религии считалось одной из обязанностей гражданина; личные же его убеждения, если они не влекли за собой действий, нарушающих законы, никого не касались. Граждане, видевшие в государстве гаранта своих прав, ни в коей мере себя ему не противопоставляли. Борьба между ними шла вокруг отдельных, хотя бы и очень далеко идущих, мероприятий, а не за сколько-нибудь существенное переустройство господствующего строя. В античности не было партий в современном смысле слова с определенной стройной программой, организацией, постоянным членством. Поэтому большое значение приобретала личность того или иного деятеля, выступавшего с конкретными предложениями каких-либо законопроектов, военных предприятий и т. п. Вокруг него группировались сторонники, нередко и по принципу личных родственных, дружеских, клиентских связей, но союзы эти носили обычно временный и не очень прочный характер, ничем не обязывали своих сочленов, переход которых в другие группировки не считался отступничеством и предательством. Сами вожди таких группировок, за редким исключением (заговорщики типа Катилины), также не противопоставляли себя государству в целом, хотя бы фактически их деятельность, как, например, деятельность Суллы, Помпея, Цезаря, и имела результатом более или менее значительные в нем перемены. Столь острая в капиталистическом мире проблема «великого человека и толпы», «личности и общества», «индивида и коллектива» в античных городах-государствах не существовала. Наметилась она лишь в античных монархиях; и тогда же появилась идея политической свободы в современном смысле этого слова. Политический и идеологический гнет породил стремление, по выражению Тацита, «думать, что хочешь, и говорить, что думаешь».

Античная демократия была порождением города-государства, базировавшегося на античной форме собственности, и никогда не могла выйти за его пределы. Город всегда оставался основной социально-политической ячейкой, единой и неделимой. Даже в конце I в. н. э., когда греческие полисы уже несколько веков пользовались лишь видимой автономией под властью македонян и римлян, Плутарх все же, отвечая на вопрос, почему боги за преступление одного человека могут покарать целый город, писал, что полис составляет неразрывное целое и каждый его гражданин связан с ним так же, как любой орган связан

с живым организмом, который страдает, если этот орган поврежден.

Когда возрастала территория города и число его граждан, как это было в Риме, в принципе считалось, что все они имеют право участвовать в народном собрании, выборе магистратов, голосовать за или против тех или иных законов. Если городу, подпавшему под власть завоевателей, и оставлялась известная степень автономии, то его жители, не став гражданами победившего их государства, не могли принимать участия в его управлении. Поэтому выборный парламент был в античном мире немыслим, и крупные античные государства, в том числе и Римская империя, никоим образом не могли превратиться в парламентские, а оставались федерацией городов с большей или меньшей видимостью самоуправления, на деле подчиненных центральному бюрократическому и военному аппарату. Распространение римского гражданства могло открывать провинциалам путь в этот центральный аппарат, но не меняло самих принципов государственного устройства.

Античная демократия была огромным шагом вперед по сравнению с предшествовавшими ей и с нею сосуществовавшими монархиями Востока. В этом смысле античный мир также намного опередил общий ход развития человечества. И, конечно, не случайно, что созданный им образец, по-своему интерпретированный, вдохновил в свое время прогрессивные силы буржуазии, выступавшей против феодального строя или его пережитков. Но, как и в других отношениях, путь античного мира и здесь приводил к тупику, неизбежному в тех — но именно только в тех — условиях. Для обществ, сложившихся и развивающихся на иной базе, прогнозы, делаемые на основании «опыта греков и римлян», как часто пишут западные исследователи, никакой силы иметь не могут.

Сопоставление структур тех систем, в которых идут сравниваемые процессы, анализ роли и характера исторических заимствований, учет спиралевидного движения исторического процесса, обусловливающего сходство некоторых явлений на аналогичных стадиях развития отдельных формаций, и в некоторых случаях (как, например, для античного и капиталистического мира) изучение действия закона отрицания отрицания — таковы некоторые возможные аспекты разрешения проблемы исторических аналогий на разных этапах исторического процесса, в обществах с различными формациями. Более детальная разработка этой проблемы может помочь как более глубокому пониманию исторических закономерностей, так и более эффективной борьбе со всеми видами модернизации истории.

Чаук, г. (Бирма) 541
Чако (Америка) 137, 140, 142
Чаусе (Бирма) 536, 541, 542
Ченла, гос. 530
Чепара, пл. 191
Черная Африка 6
Черноногие, пл. 210
Чероки, пл. 100
Чехословакия 123
Чехи 212
Чили 251
Чимбу, р. 290
Чикито, пл. 206
Чирикоа, пл. 134
Чукчи, нар. 90, 105, 113, 130, 136, 137, 139, 217

Шаванты, пл. 116, 128, 134
Шаста, пл. 203, 208
Швеция 615, 636
Шельда, р. 605
Шеренте, пл. 113, 145
Шрикшетра, гос. 536
Шумер 43, 153, 430—435

Эвенки, нар. 90, 113, 136, 141, 193
Эвены, нар. 193
Эльба, р. 603
Эллисовы о-ва 150
Эльзас, 628
Энггано, о. 336
Энггано, пл. 336
Эскимосы, нар. 90, 101, 103, 105, 117, 119, 137, 187, 188, 191, 192, 194, 224, 239, 240, 249, 258, 263, 265
Этрурия 212

Южная Америка 89, 90, 98, 115, 119, 128, 130, 137, 140, 142, 206, 216, 220
Юин, пл. 190
Юкагиры нар. 134, 137, 193, 205
Юкатан, п-ов (Америка) 144
Юки, пл. 210
Юты, пл. 603

Ява 349, 350, 523, 528, 529, 541
Яванцы 348, 350, 528
Ягнобцы, нар. 209
Якутия 566
Якуты 212
Ямбомба, о. 312
Яна, р. 134
Яншао, стоянка (Китай) 135
Яп, о. 208, 211
Япония 217, 476
Яруро, пл. 134
Яунд 581

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

г.— город
гос.— государство
гр. пл.— группа племен
дер.— деревня
нар.— народ, народность
о.— остров
о-ва — острова
пл.— племя
п-ов — полуостров
р.— река
эти. гр.— этническая группа

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 5—20

Предисловие 21—26

Л. В. Данилова. Дискуссионные проблемы теории докапиталистических обществ 27—66

Н. Б. Тер-Акопян. К. Маркс и Ф. Энгельс о характере первичной общественной формации 67—88

Н. А. Бутинов. Первобытнообщинный строй (основные этапы и локальные варианты) 89—155

Ю. И. Семенов. Проблема начального этапа родового общества 156—222

В. Р. Кабо. Первобытная община охотников и собирателей (по австралийским материалам) . 223—265

В. М. Бахта. Папуасы Новой Гвинеи: производство и общество 266—325

Ю. М. Маретин. Основные типы общины в Индонезии 326—351

М. В. Крюков. Типы систем родства и их историческое соотношение . 352—383

А. Я. Гуревич. Индивид и общество в варварских государствах 384—424

М. А. Виткин. Проблема перехода от первичной формации ко вторичной . 425—454

Л. С. Васильев. Социальная структура и динамика древнекитайского общества 455—515

М. Г. Козлова, Л. А. Седов, В. А. Тюрин. Типы раннеклассовых государств в Юго-Восточной Азии . 516—545

Л. Л. Викторова, Становление классового общества у древнемонгольских кочевников 546—575

С. Р. Ким. Раннеклассовое государство в Центральном Камеруне (по материалам султаната Бамум XIV—XIX вв.) . . 576—595

А. И. Неусыхин. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефеодальному (на материале историй Западной Европы раннего средневековья) . 596—617

Н. Ф. Колесницкий. К вопросу о раннеклассовых общественных структурах . . 618—637

Е. М. Штаерман. Античное общество. Модернизация истории и исторические аналогии . 638—671

Именной указатель 672

Указатель географических и этнографических названий 683

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
19	21 св.	деяние	деяние —
19	21—22 св.	возможно	возможен
30	16 сн.	государств	государства
49	5 св.	социальных связей	ведущих социальных связей
57	6 си.	привесок	как привесок
173	10 св.	ния. Говорить об одном из них как более раннем, а другом —	ния[58]. Рассматривая генетические отношения между «сибом»
369	подпись к рис. 2, 3 сн.	—7	г — 7
372	табл. 2	283 | 273 böl	283 273 böl
443	2 сн.	Verhä Itnisse . Orien	Verhältnisse . Orient
517	19 сн.	IXVII	I — VII
536	1 сн.	Kyaukse . . Burmeae	Kayukse . Burmese
580	19 сн.	Ramsmey-Bomum. —	Ramsey. Bamum. —
673	29 св. 2 столб.	Джаяварман П	Джаяварман II
681	27 сн. 1 столб.	Sahlius	Sahlins

Зак. 5215